Н. К. Шильдеръ.

Императоръ Николай I.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

—o—

Н. К. ШИЛЬДЕРА

—o—

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

—o—

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА
144618
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Рисунки дозволены цензурою 15-го марта 1903 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Покойный Николай Карловичъ Шильдеръ послѣ изданія двухъ своихъ извѣстныхъ трудовъ: «Императоръ Павелъ I, его жизнь и царствованіе» и «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», приступилъ къ составленію, по той же программѣ, новаго труда «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Къ сожалѣнію, трудъ этотъ былъ прерванъ его неожиданной кончиной, и онъ успѣлъ обработать только первыя двѣ части, обнимающія время отъ рожденія императора Николая до подавленія польскаго мятежа 1831 года. По желанію Н. К. Шильдера, выраженному имъ незадолго до кончины, мы издаемъ эти двѣ части подъ наблюденіемъ редактора «Историческаго Вѣстника» Сергѣя Николаевича Шубинскаго, которымъ сдѣланъ также выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія. Большая часть ихъ воспроизведена, безъ всякихъ измѣненій и украшеній, съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова и любезно предоставленныхъ

Государственная публичная историческая библиотека
ПАСПОРТ — КНИГА ИМЕЕТ:
Шифр | Инвентарный № | № тома | Список № порядковый № | Количество страниц | Отд. томов. вып. №№ | Таблиц, карт, иллюстраций | Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п. | Дефекты | Печатных листов | Обрез

БИБЛИОТЕК

Рисун

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Покойный Николай Карловичъ Шильдеръ послѣ изданія двухъ своихъ извѣстныхъ трудовъ: «Императоръ Павелъ I, его жизнь и царствованіе» и «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», приступилъ къ составленію, по той же программѣ, новаго труда «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Къ сожалѣнію, трудъ этотъ былъ прерванъ его неожиданной кончиной, и онъ успѣлъ обработать только первыя двѣ части, обнимающія время отъ рожденія императора Николая до подавленія польскаго мятежа 1831 года. По желанію Н. К. Шильдера, выраженному имъ незадолго до кончины, мы издаемъ эти двѣ части подъ наблюденіемъ редактора «Историческаго Вѣстника» Сергѣя Николаевича Шубинскаго, которымъ сдѣланъ также выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія. Большая часть ихъ воспроизведена, безъ всякихъ измѣненій и украшеній, съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова и любезно предоставленныхъ имъ въ наше распоряженіе.

Великій князь Николай Павловичъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ среду, 25-го іюня (6-го іюля) 1796 года, въ три четверти четвертаго часа утра, великая княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась въ Царскомъ Селѣ отъ бремени сыномъ. Императрица Екатерина, всегда присутствовавшая при родахъ своей невѣстки, на этотъ разъ, вѣроятно, по нездоровью прибыла въ покои великой княгини уже по рожденіи внука; въ присутствіи государыни духовникъ ея, Савва Исаевъ, совершилъ молитву надъ новорожденнымъ, котораго нарекли небывалымъ въ нашемъ царственномъ домѣ отъ временъ Владимира именемъ: Николай.

По словамъ Шарлотты Карловны Ливенъ, записаннымъ великою княгинею Маріею Павловною, императрица была поражена величиною и красотою младенца и благословила его (l'impératrice fut frappée de le trouver si grand et si beau et le bénit).

О рожденіи великаго князя Николая Павловича было объявлено въ Царскомъ Селѣ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ, а въ С.-Петербургъ послано извѣстіе съ нарочнымъ. Раннимъ утромъ того же дня цесаревичъ Павелъ Петровичъ одинъ отслушалъ благодарственный молебенъ въ Царскосельской придворной церкви, а въ 10 часовъ утра явились къ нему съ поздравленіями придворныя особы, при чемъ жалованы имъ къ рукѣ. Парадное молебствіе въ присутствіи императрицы и всего двора было совершено въ полдень, послѣ чего всѣми придворными чинами принесены поздравленія императрицѣ Екатеринѣ, которая также жаловала ихъ къ рукѣ. Затѣмъ въ Царскосельскомъ дворцѣ состоялся парадный обѣдъ на 64 куверта.

Императрица не замедлила тотчасъ же сообщить Гримму о своей новой семейной радости въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Сегодня въ три часа утра мамаша родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного менѣе моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ» [1].

2-го іюля императрица извѣщала Гримма, что «въ воскресенье будутъ крестить рыцаря Николая (le chevalier Nicolas), здоровье котораго превосходно» [2].

Къ этимъ свѣдѣніямъ Екатерина присовокупляетъ 5-го іюля, то-есть менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія внука, еще слѣдующія подробности о первыхъ дняхъ жизни великаго князя:

«Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ, это неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется по прошествіи шести недѣль отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (il toise tout le monde), голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего» [3].

Великая княгиня Марія Ѳеодоровна, отвѣчая 10-го іюля 1796 года на полученное ею по поводу рожденія великаго князя Николая Павловича поздравительное письмо, выразилась о немъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ императрица Екатерина. «Dieu veuille me le conserver,—писала мать новорожденнаго,—j'ose l'espérer de Sa bonté, car il parait être très fort, robuste et bien constitué, on le trouve beau, et j'ose avouer qu'il le parait à mes yeux» [4].

Этотъ «рыцарь Николай» сдѣлался 14-го декабря 1825 года императоромъ Николаемъ и оправдалъ своею жизнью и царствованіемъ предсказаніе Екатерины: дѣйствительно Николай Павловичъ жилъ и умеръ рыцаремъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія великаго князя Николая Павловича были объявлены нѣкоторыя милости. Императрица увѣдомила 1-го іюля московскаго главнокомандующаго М. М. Измайлова, что «для рожденія внука» она всемилостивѣйше жалуетъ погорѣвшимъ дворцовой деревни Панокъ крестьянамъ по 25 рублей на каждый дворъ, всего 1.450 рублей. Сверхъ того, Екатерина писала тому же М. М. Измайлову 2-го іюля, что, разсмотрѣвъ дѣло о продажѣ нѣкоторыми купцами запрещенныхъ книгъ и приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ, она «для рожденія любезнаго внука» всемилостивѣйше ихъ прощаетъ.

Обрядъ крещенія новорожденнаго великаго князя происходилъ въ воскресенье 6-го іюля въ церкви Царскосельскаго дворца. Воспріемниками отъ купели назначены были: великій князь Александръ Павловичъ

и великая княжна Александра Павловна; послѣдняя должна была заступить мѣсто императрицы Екатерины, которая по нездоровью не могла присутствовать при крещеніи внука и провела только нѣкоторое время на хорахъ. Младенецъ былъ принесенъ въ церковь статсъ-дамою Шарлоттою Карловною Ливенъ; ассистентами ея были оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ. Крещеніе и миропомазаніе совершалъ протоіерей Савва Исаевъ.

Во время литургіи великій князь Александръ Павловичъ подносилъ новокрещеннаго брата своего къ пріобщенію Святыхъ Таинъ, а передъ окончаніемъ литургіи возложилъ на него знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ тотъ же день императрица и цесаревичъ Павелъ Петровичъ принимали поздравленія отъ всего двора, послѣ чего былъ парадный обѣдъ на 174 особы. Вечеромъ былъ придворный балъ.

Державинъ не упустилъ случая восторженно привѣтствовать появленіе на свѣтъ третьяго внука Екатерины. Въ стихотвореніи: «На крещеніе великаго князя Николая Павловича», между прочимъ читаемъ:

«Дитя равняется съ царями
.....Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ».

Тридцать лѣтъ спустя, въ царствованіе императора Николая I, эти стихи часто приводились, какъ пророчество.

Тотчасъ послѣ крещенія своего сына цесаревичъ Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ; великая княгиня Марія Ѳеодоровна пребывала въ Царскомъ Селѣ до 3-го (14-го) августа, а затѣмъ также отправилась въ Павловскъ. Что же касается новорожденнаго великаго князя Николая Павловича, то, по заведенному обычаю, онъ остался на попеченіи бабушки, которая почти каждый день навѣщала его.

Вскорѣ совершился переломъ въ исторической жизни Россіи: 6-го ноября 1796 года скончалась Великая Екатерина, и надъ Россіею, по выраженію Карамзина, пронесся грозный метеоръ. Отсутствіе просвѣщенной бабушки не замедлило также отразиться невыгоднымъ образомъ и на будущемъ развитіи великаго князя Николая Павловича, который получилъ другое воспитаніе, уже не похожее на то, какое дано было старшимъ братьямъ его Александру и Константину.

Императрица Екатерина успѣла, однако, сдѣлать одно: выбрать няню для Николая Павловича, и нужно признать, что выборъ государыни былъ превосходный. Это была англичанка, или, точнѣе, шотландка Евгенія Васильевна Лайонъ, дочь лѣпного мастера, вызваннаго въ Россію въ числѣ другихъ художниковъ императрицею. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ жизни великаго князя она была единственною его руково-

дительницею; она всегда гордилась тѣмъ, что хотя и англичанка, но первая учила его произносить молитвы «Отче нашъ» и «Богородице», первая также учила его складывать пальцы для крестнаго знаменія. Николай Павловичъ пламенно привязался къ своей, какъ онъ называлъ, нянѣ-львицѣ (Lyon, каламбуръ самого императора Николая).

Баронъ М. А. Корфъ высказываетъ предположеніе, что въ первые годы жизни великаго князя, когда всѣ чувства, впечатлѣнія, антипатіи воспринимаются ребенкомъ безсознательно, между нимъ и его нянею существовала глубочайшая родственность натуръ; вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій, рыцарски благородный, сильный и открытый характеръ этой няни-львицы долженъ былъ неизбѣжнымъ образомъ повліять на образованіе характера будущаго русскаго самодержца [5].

Дѣйствительно, характеръ миссъ Лайонъ былъ смѣлый, рѣшительный, благородный. Она была весьма вспыльчива, но, какъ бо́льшая часть вспыльчивыхъ людей, необыкновенно добра. Привязанность къ ввѣренному ея попеченію августѣйшему воспитаннику доходила въ ней до страсти, до фанатизма, которые она сохранила до конца жизни.

Случайно будущая няня Николая Павловича находилась въ Варшавѣ въ 1794 году и вмѣстѣ съ русскими дамами провела время въ тяжеломъ семимѣсячномъ заключеніи. Плѣнницы были наконецъ освобождены Суворовымъ послѣ штурма Праги. Впослѣдствіи императоръ Николай разсказывалъ не разъ, что отъ няни онъ наслѣдовалъ свою ненависть къ полякамъ, и что чувство это укоренилось въ немъ со времени тѣхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ отъ нея въ первые годы своей жизни объ ужасахъ и жестокостяхъ, происходившихъ въ 1794 году въ Варшавѣ.

Второстепеннымъ значеніемъ при первоначальномъ воспитаніи Николая Павловича пользовались еще статсъ-дама Шарлотта Карловна Ливенъ и гувернантка полковница Юлія Ѳедоровна Адлербергъ (рожденная Багговутъ).

Ш. К. Ливенъ вызвана была ко двору еще императрицей Екатериной, довѣрившей ей воспитаніе великихъ княженъ, дѣтей цесаревича Павла Петровича; она родилась въ Лифляндіи въ 1743 году и была дочерью вестфальскаго уроженца, генерала русской службы, барона Гаугребена, а затѣмъ женою артиллерійскаго генерала, кіевскаго коменданта, умершаго въ 1781 году [6]. Затѣмъ ей порученъ былъ также надзоръ за великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, а позже и за великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ Ш. К. Ливенъ графское достоинство, а императоръ Николай княжеское достоинство. Княгиня Ливенъ скончалась 24-го февраля 1828 года, незадолго до кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны. По свидѣтельству современника, это былъ личный другъ Маріи Ѳеодоровны; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ ее «женщиной рѣдкаго ума, необыкновеннаго

Императрица Марія Ѳеодоровна.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

хладнокровія, и, можно сказать, почти мужественной энергіи» [7]. Хотя безъ высшаго научнаго образованія, Ш. К. Ливенъ была одарена живымъ и проницательнымъ умомъ и особенно (по выраженію великой княгини Маріи Павловны) необыкновеннымъ тактомъ командованія (le tact du commandement), что вполнѣ выразилось въ той энергіи, съ которою она управляла многочисленнымъ женскимъ легіономъ, окружавшимъ царскихъ внуковъ и внучекъ. Вообще графиня умѣла вести себя съ такимъ искусствомъ, что одинаково удовлетворяла и императрицу Екатерину и родителей ввѣренныхъ ей дѣтей, несмотря на разность ихъ характеровъ и натянутость ихъ отношеній [8].

Юлія Ѳедоровна Адлербергъ заняла мѣсто гувернантки при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ въ 1797 году, уже послѣ кончины императрицы Екатерины, и была рекомендована ко двору довѣреннымъ секретаремъ Маріи Ѳеодоровны, барономъ Николаи. Полковница Адлербергъ оставалась при дворѣ до 1802 года, когда она пожалована была именнымъ указомъ въ генеральши и назначена начальницею Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь). Это была мать товарища дѣтства Николая Павловича и друга будущаго императора, графа Владимира Ѳедоровича Адлерберга.

28-го января 1798 года родился великій князь Михаилъ Павловичъ. Съ тѣхъ поръ, какъ братья могли совмѣстно предаваться дѣтскимъ играмъ, Николай и Михаилъ оставались неразлучными, подобно тому, какъ нѣкогда великій князь Константинъ Павловичъ росъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ.

Немедленно по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ назначилъ, 7-го ноября 1796 года, великаго князя Николая Павловича въ Конную гвардію полковникомъ, а затѣмъ онъ облеченъ былъ званіемъ шефа этого полка. Это званіе Николай Павловичъ продолжалъ носить до 28-го мая 1800 года, когда послѣдовало его назначеніе шефомъ Измайловскаго полка, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ сдѣланъ былъ шефомъ Коннаго полка.

Императоръ Павелъ страстно любилъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, особенно великаго князя Николая. По этому поводу Анна Павловна, будущая королева Нидерландская, оставила слѣдующую замѣтку:

«Мой отецъ любилъ окружать себя своими младшими дѣтьми и заставлялъ насъ, Николая, Михаила и меня, являться къ нему въ комнату играть, пока его причесывали, въ единственный свободный моментъ, который былъ у него. Въ особенности это случалось въ послѣднее время его жизни. Онъ былъ нѣженъ и такъ добръ съ нами, что мы любили ходить къ нему. Онъ говорилъ, что его отдалили отъ его старшихъ дѣтей, отобравъ ихъ отъ него съ самаго рожденія, но что онъ желаетъ окружить себя младшими, чтобы познакомиться съ ними. (Mon père

aimait à s'entourer de ses enfants cadets et nous faisait venir chez lui: Nicolas, Michel et moi, pour jouer dans sa chambre pendant qu'on le coiffait, seul moment de loisir qu'il eût. C'était surtout le dernier temps de sa vie. Il était tendre et si bon envers nous, que nous aimions à aller chez lui. Il disait qu'on l'avait éloigné de ses enfants aînés, en les lui enlevant dès qu'ils étaient nés, mais qu'il voulait s'entourer des cadets pour les connaitre)» [9].

Баронъ М. А. Корфъ пишетъ: «Великихъ князей Николая и Михаила Павловичей онъ обыкновенно называлъ мои барашки, мои овечки, и ласкалъ ихъ весьма нѣжно, чего никогда не дѣлала ихъ мать. Точно также, въ то время, какъ императрица обходилась довольно высокомѣрно и холодно съ лицами, находящимися при младшихъ ея дѣтяхъ, строго заставляя ихъ соблюдать въ своемъ присутствіи придворный этикетъ, который вообще столько любила, императоръ совсѣмъ иначе обращался съ этими лицами, значительно ослаблялъ въ ихъ пользу этотъ придворный этикетъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ и имъ строго наблюдавшійся. Такимъ образомъ, онъ дозволялъ нянюшкѣ не только при себѣ садиться, держа великаго князя на рукахъ, но и весьма свободно съ собою разговаривать: нерѣдко нагибался самъ, чтобы достать съ полу какую нибудь игрушку или вещь, выроненную ребенкомъ, или нянею, которой тогдашніе робронды, прически, перья и фижмы были и безъ того уже значительною помѣхою во всякомъ свободномъ движеніи. Императрица съ своей стороны, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти неудобства и маленькія мученія няни или гувернантокъ, никогда не удостоивала ихъ ни малѣйшаго смягченія въ чопорномъ этикетѣ тогдашняго времени, а такъ какъ этотъ этикетъ простирался и на членовъ императорской фамиліи, то Николай и Михаилъ Павловичи въ первые годы дѣтства находились съ своею августѣйшею матерью въ отношеніяхъ церемонности и холодной учтивости и даже боязни; отношенія же сердечныя, и при томъ самыя теплыя, наступили для нихъ лишь впослѣдствіи, въ лѣта отрочества и юности».

Великій князь Николай Павловичъ не долго пользовался женскимъ попеченіемъ. Вскорѣ по вступленіи императора Павла на престолъ государя занимала уже мысль о выборѣ подходящаго воспитателя для своего сына. Вниманіе императора Павла остановилось первоначально, какъ утверждаютъ современники, на графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ, занимавшемъ тогда мѣсто нашего посланника при лондонскомъ дворѣ.

9-го апрѣля 1797 года, Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ писалъ графу Семену Романовичу: «Не знаю, извѣстно ли вамъ, что на васъ имѣютъ виды для воспитанія великаго князя Николая, и что васъ, по прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ, ожидаетъ эта трудная задача».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Но прежде нежели успѣли сдѣлать графу Воронцову какія либо предложенія въ этомъ смыслѣ, онъ поспѣшилъ отклонить отъ себя эту честь. Въ письмѣ его къ барону Николаи отъ 11-го (22-го) августа 1798 года графъ Воронцовъ пишетъ: «Говорятъ, что есть предположеніе вернуть меня черезъ три или четыре года, чтобы сдѣлать меня воспитателемъ великаго князя Николая. Было бы большимъ несчастіемъ для меня, если бы меня предназначили для подобнаго мѣста, такъ какъ я былъ бы поставленъ въ безусловную необходимость отказаться отъ него, потому что нисколько не чувствую себя пригоднымъ для столь важныхъ обязанностей». Затѣмъ въ этомъ письмѣ къ своему давнишнему другу графъ Воронцовъ подробно развиваетъ свой образъ мыслей относительно обязанностей, предстоявшихъ будущему воспитателю великаго князя, и въ заключеніе пишетъ: «Народъ, который въ наши дни произвелъ столь выдающіеся таланты въ области военнаго дѣла, политики и государственнаго управленія, въ области наукъ и искусствъ, который далъ Румянцова, Безбородко, Ломоносова, Румовскаго и Баженова, такой народъ не безсмысленный народъ (nation stupide), и нѣтъ нужды отправляться искать за 400 льё немощнаго старца (un vieillard infirme), чтобы дать ему мѣсто, съ которымъ онъ не въ силахъ справиться, и которое должно быть занято лишь человѣкомъ 30-ти до 40 лѣтъ и крѣпкаго здоровья. Стоитъ только постараться немного, и подходящій человѣкъ (l'homme qu'il faut) найдется.... Я увѣренъ, что объ мнѣ никогда не думали, и что слухъ, дошедшій до меня, лишенъ малѣйшаго основанія, но такъ какъ мнѣ приходилось видѣть, какъ бывались самыя невѣроятныя вещи, то я пишу вамъ это столь пространное письмо, чтобы вы дали ему подходящее употребленіе въ случаѣ, если бы былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи меня на указанное мѣсто» [10].

Баронъ Николаи, какъ извѣстно, пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы Маріи Оеодоровны, и поэтому цѣль, преслѣдуемая графомъ Семеномъ Романовичемъ при отправленіи этого письма, сопровождалась желаемымъ успѣхомъ. Независимо отъ приведеннаго нами письма, на измѣненіе намѣреній императора Павла, вѣроятно, повліяло также расположеніе, которое государь почувствовалъ къ графу Воронцову, какъ стороннику англійскаго союза, когда отношенія Россіи къ лондонскому кабинету совершенно измѣнились и приняли враждебный характеръ. Затѣмъ слѣдуетъ также припомнить, что, будучи еще цесаревичемъ, Павелъ Петровичъ въ разговорѣ съ Леопольдомъ, великимъ герцогомъ тосканскимъ, выразился въ 1782 году крайне рѣзко и недоброжелательно о графѣ С. Р. Воронцовѣ, прибавивъ, что лишь власть перейдетъ въ его руки, онъ въ числѣ другихъ названныхъ тогда лицъ будетъ высѣченъ, разжалованъ и изгнанъ. Но сверхъ сего цесаревичъ

упомянулъ еще, что императрица Екатерина намѣрена назначить графа С. Р. Воронцова воспитателемъ его сыновей, но онъ, совмѣстно съ великой княгиней, «ils en viendraient à toutes les extrémités», но не согласятся вручить своихъ дѣтей подобному человѣку[11]. Конечно, съ

Графиня Шарлотта Карловна Ливенъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

тѣхъ поръ прошло много времени, но едва ли мнѣнія и предразсудки цесаревича забыты были императоромъ.

Вопросъ о воспитателѣ Николая Павловича получилъ вскорѣ такое рѣшеніе, на которое никто не разсчитывалъ. «Подходящій человѣкъ» (l'homme qu'il faut), по выраженію графа С. Р. Воронцова, нашелся: императоръ Павелъ поручилъ воспитаніе своихъ младшихъ сыновей генералу Матвѣю Ивановичу Ламздорфу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фамилія Ламздорфа происходила изъ старинаго дворянскаго рода, владѣвшаго обширными помѣстьями въ Вестфаліи, переселившагося въ XV-мъ столѣтіи въ Остзейскій край. Въ 1620 году прадѣдъ Матвѣя Ивановича былъ утвержденъ въ правахъ дворянскихъ родовъ 1-го класса Курляндскаго рыцарства. Отецъ Матвѣя Ивановича воспитывался въ Петербургѣ въ шляхетскомъ корпусѣ и командовалъ впослѣдствіи Венденскимъ полкомъ. Матвѣй Ивановичъ родился въ 1745 году и также посвятилъ себя военной службѣ; будучи назначенъ адъютантомъ генерала Николая Ивановича Салтыкова, онъ принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ императрицы Екатерины II. Въ 1770 году Ламздорфъ сопровождалъ генерала Салтыкова въ путешествіи его за границу и пробылъ тамъ три года. Въ 1773 году онъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ возвратился въ Петербургъ ко времени бракосочетанія цесаревича Павла Петровича и былъ произведенъ въ премьеръ-майоры. Въ 1784 году Ламздорфъ, командуя Казанскимъ кирасирскимъ полкомъ, получилъ повелѣніе состоять кавалеромъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ; въ этой должности Матвѣй Ивановичъ пробылъ десять лѣтъ. Затѣмъ, въ 1795 году, Ламздорфъ въ чинѣ уже генералъ-майора назначенъ былъ императрицею Екатериною первымъ русскимъ губернаторомъ во вновь присоединенную Курляндію. Когда императоръ Павелъ посѣтилъ Митаву во время перваго своего путешествія по Россіи въ 1797 году, государь отнесся къ Ламздорфу весьма милостиво. Замѣтивъ однажды, что Матвѣй Ивановичъ стѣснялся занять за столомъ мѣсто рядомъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, какъ просилъ его о томъ его высочество, императоръ передъ всѣми громогласно сказалъ ему: «Asseyez vous là, mon général; le peu de bon qu'il a, il le tient de vous»[12].

Это обстоятельство не помѣшало Ламздорфу испытать въ царствованіе Павла Петровича милости и невзгоды наравнѣ съ прочими сановниками, находившимися на службѣ въ столь тревожную эпоху. За время управленія Курляндіею Ламздорфъ оставилъ самыя лучшія воспоминанія. Баронъ Гейкингъ, восхваляя въ своихъ запискахъ благородство и безкорыстіе курляндскаго губернатора, присовокупляетъ: «смѣнить его могли, но замѣнить невозможно»[13]. 7-го января 1797 года, Ламздорфъ былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 5-го апрѣля того же года пожалованъ былъ въ тайные совѣтники и затѣмъ еще награжденъ орденомъ св. Анны первой степени, а 4-го ноября 1798 года уволенъ былъ по прошенію отъ должности курляндскаго губернатора. Затѣмъ, 22-го марта 1799 года, Ламздорфъ снова принятъ былъ на службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта и назначенъ директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (съ 10-го марта 1800 года именованнаго первымъ кадетскимъ)[14].

Въ 1800 году, императоръ Павелъ, посѣтивъ корпусъ, остался всѣмъ доволенъ и очень благодарилъ Ламздорфа, но на другой день послѣдовалъ приказъ, въ которомъ сказано было, что начальству корпуса слѣдовало бы брать примѣръ съ начальства другихъ заведеній. Оказалось, что директоръ другого учебнаго заведенія, посѣщеннаго въ тотъ же день императоромъ Павломъ, при отъѣздѣ государя преклонилъ колѣна, чего не догадался сдѣлать Ламздорфъ. Этотъ косвенный выговоръ не помѣшалъ, однако, Ламздорфу получить въ послѣдній годъ царствованія Павла Петровича повелѣніе явиться на слѣдующее утро въ 6 часовъ въ Зимній дворецъ. Въ то время подобныя приглашенія возбуждали въ семьяхъ справедливыя тревоги, и, конечно, никто не могъ предвидѣть, что этотъ неожиданный призывъ къ грозному владыкѣ послужитъ къ будущему возвышенію Матвѣя Ивановича.

— «Я избралъ васъ воспитателемъ моихъ сыновей»,—сказалъ удивленному генералу императоръ Павелъ.

На скромный отвѣтъ Ламздорфа, что, вполнѣ чувствуя великую къ нему милость и довѣріе монарха, онъ не смѣетъ, однакоже, принять такого лестнаго предложенія, изъ опасенія не умѣть исполнить его съ ожидаемымъ успѣхомъ, государь возразилъ: «Если вы не хотите взяться за это дѣло для меня, то вы обязаны это исполнить для Россіи; одно только скажу вамъ, чтобы вы не сдѣлали изъ моихъ сыновей такихъ шалопаевъ, каковы нѣмецкіе принцы. (Wenn sie es nicht für mich thun wollen, so müssen sie es für Russland thun; aber das sage ich ihnen, dass sie aus meinen Söhnen nicht solche Schlingel machen, wie die deutschen Prinzen es sind)».

Послѣ этихъ словъ государя генералу Ламздорфу оставалось только покориться судьбѣ и приняться за свои новыя обязанности. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 23-го ноября 1800 года объявлено было: «Генералъ-лейтенантъ Ламздорфъ назначенъ быть при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ. Отставной генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ принятъ въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса, ему въ помощь опредѣленъ туда генералъ-майоръ баронъ Дибичъ, а генералъ-майору Клингеру оставаться попрежнему командиромъ онаго корпуса»[15].

Совершенно ошибочно нѣкоторые приписываютъ назначеніе, полученное въ 1800 году генераломъ Ламздорфомъ, вліянію Лагарпа. Между ними дѣйствительно существовало семейное родство: они были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, рожденныхъ Вётлингъ; но затѣмъ съ 1799 года Лагарпъ палъ въ совершенную немилость у императора Павла, который, лишивъ его ордена и пенсіи, повелѣлъ даже отправить въ Сибирь, въ случаѣ захвата бывшаго президента швейцарской директоріи во время нахожденія русскихъ войскъ въ Швейцаріи. Изъ краткаго очерка

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Великій князь Николай Павловичъ въ дѣтствѣ.

(Съ гравированнаго портрета того времени).

служебнаго прохожденія генерала Ламздорфа можно заключить, что императоръ Павелъ имѣлъ полную возможность ближе познакомиться съ Матвѣемъ Ивановичемъ: дѣйствительно, государю извѣстны были въ достаточной мѣрѣ благородныя правила и высокія нравственныя качества Ламздорфа, чтобы лично избрать воспитателя для своего сына, помимо всякаго посторонняго вліянія.

1-го февраля 1801 года, императоръ Павелъ переѣхалъ во вновь отстроенный, по его мысли и указаніямъ, Михайловскій замокъ. На этомъ мѣстѣ я родился, здѣсь хочу и умереть . замѣтилъ императоръ Павелъ. Предчувствіе его исполнилось черезъ нѣсколько недѣль. Младшія дѣти государя оставались еще нѣкоторое время въ Зимнемъ дворцѣ,

Великій князь Михаилъ Павловичъ въ дѣтствѣ.

(Съ гравированнаго портрета того времени).

гдѣ ихъ ежедневно посѣщала императрица Марія Ѳеодоровна. Незадолго до кончины императора Павла великій князь Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ братомъ и малолѣтнею сестрою, Анною Павловною, также перевезены были на жительство въ замокъ.

Въ это время императоръ Павелъ занятъ былъ мыслію объ измѣненіи установленнаго имъ же порядка престолонаслѣдія. Казалось, что государь намѣренъ былъ назначить наслѣдникомъ престола принца Евгенія Виртембергскаго, прибывшаго 7-го (19-го) февраля въ Петербургъ, предполагая вмѣстѣ съ тѣмъ женить его на своей дочери, великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Но существуютъ указанія и другого рода, что Павелъ Петровичъ предполагалъ будто бы избрать своимъ

преемникомъ великаго князя Николая Павловича, который былъ любимцемъ отца. Къ этому намѣренію относили слова, сказанныя государемъ, что онъ вскорѣ помолодѣетъ на двадцать пять лѣтъ. «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великія дѣла!»—съ этими словами императоръ Павелъ обратился къ графу Кутайсову, намекая на какую-то предстоящую таинственную перемѣну.

Вечеромъ 11-го (23-го) марта 1801 года, въ послѣдній день своей жизни, императоръ Павелъ посѣтилъ великаго князя Николая Павловича. При этомъ свиданіи великій князь, которому уже шелъ пятый годъ, обратился къ своему родителю съ страннымъ вопросомъ, отчего его называютъ Павломъ Первымъ. «Потому что не было другого государя, который носилъ бы это имя до меня»,—отвѣчалъ ему императоръ.—«Тогда,—продолжалъ великій князь,—меня будутъ называть Николаемъ Первымъ».—«Если ты вступишь на престолъ»,—замѣтилъ ему государь. Погрузившись затѣмъ въ раздумье и устремивъ долгое время свои взоры на великаго князя, Павелъ крѣпко поцѣловалъ сына и быстро удалился изъ его комнатъ.

Въ ту же ночь императоръ Павелъ внезапно скончался.

— «Теперь ты ихъ отецъ»,—сказала императрица Марія Ѳеодоровна, приведя на другой день своихъ младшихъ сыновей къ воцарившемуся императору Александру Павловичу. Новый государь не отмѣнилъ распоряженій своего отца относительно генерала Ламздорфа, которому по-прежнему порученъ былъ главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ день коронованія императора Александра, Ламздорфъ награжденъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго[16].

Во время коронаціонныхъ торжествъ юные великіе князья вмѣстѣ съ прочими членами императорскаго дома находились въ Москвѣ. Это было первое путешествіе, совершенное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Императоръ Александръ предоставилъ воспитаніе своихъ братьевъ исключительному усмотрѣнію вдовствующей императрицы. Въ замѣткѣ, написанной великой княгиней Анной Павловною, читаемъ: «L'empereur Alexandre m'a souvent dit qu'il s'abstenait de toute ingérence dans l'éducation de mes frères par délicatesse pour ma mère». Такимъ образомъ послѣ событій 12-го марта 1801 года императрица Марія Ѳеодоровна сдѣлалась полноправною и вполнѣ отвѣтственною руководительницею приготовленія великаго князя Николая Павловича, а также и младшаго его брата, къ занимаемому ими высокому сану.

Принявъ на себя всѣ заботы по воспитанію своихъ младшихъ сыновей, Марія Ѳеодоровна задалась цѣлью отклонить ихъ отъ всего военнаго, желая, чтобы вниманіе ихъ обращено было вмѣсто военной выправки,

маршировки къ предметамъ болѣе существеннымъ и полезнымъ. Стремленія, преслѣдуемыя императрицею, были, безъ сомнѣнія, похвальными, но за исполненіе ихъ взялись неумѣлыми руками. Къ тому же парадомапія, экзерцирмейстерство, насажденныя въ Россіи съ такимъ увлеченіемъ Петромъ III и снова послѣ Екатерининскаго перерыва воскресшія подъ тяжелою рукою Павла, пустили въ царственной семьѣ глубокіе и крѣпкіе корни. Александръ Павловичъ, несмотря на свой либерализмъ, былъ жаркимъ приверженцемъ вахтпарада и всѣхъ его тонкостей. Не ссылали при немъ въ Сибирь за ошибки на ученьяхъ и разводахъ, но виновные подвергались строжайшимъ взысканіямъ, доходившимъ относительно нижнихъ чиновъ до жестокости. О братѣ его Константинѣ и говорить нечего: живое воплощеніе отца, какъ по наружности, такъ и по характеру, онъ только тогда и жилъ полной жизнью, когда былъ на плацу, среди муштруемыхъ имъ командъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что наслѣдственные инстинкты проявились съ тѣми же оттѣнками и у юныхъ великихъ князей; они вполнѣ раздѣляли симпатіи и увлеченія своихъ старшихъ братьевъ.

Воспитатели Николая Павловича не были способны направить умъ своего воспитанника къ преслѣдованію болѣе другихъ плодотворныхъ идеаловъ, и потому имъ не удалось побѣдить врожденныя наклонности и отвлечь его отъ проявившейся въ немъ страсти ко всему военному. Напротивъ того, благодаря системѣ воспитанія, настойчиво проводимой императрицею матерью, присущая ему склонность къ военной выправкѣ и къ внѣшностямъ военной службы, представилась еще въ глазахъ великаго князя во всей прелести запретнаго плода.

Итакъ обнаруженное Николаемъ Павловичемъ съ раннихъ лѣтъ пристрастіе къ военному ремеслу осталось основною чертою его характера и не покидало его впослѣдствіи даже и на престолѣ. Въ запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа сохранилось по этому поводу слѣдующее любопытное указаніе. «Государь,—говоритъ графъ, описывая гвардейскіе маневры 1836 года,—былъ неутомимъ, цѣлый день на конѣ подъ дождемъ, вечеромъ у бивачнаго огня, въ бесѣдѣ съ молодыми людьми своей свиты или въ рядахъ войскъ, окружавшихъ его маленькую палатку, онъ большую часть ночи проводилъ за государственными дѣлами, которыхъ теченіе нисколько не замедлилось отъ этого развлеченія государя съ своими войсками, составлявшаго, по собственному его сознанію, единственное и истинное для него наслажденіе».

Можно привести и другой разсказъ, относящійся къ болѣе ранней эпохѣ, а именно къ 1825 году. Очевидецъ Михайловскій-Данилевскій пишетъ: «Необыкновенныя знанія великаго князя по фрунтовой части насъ изумили, иногда, стоя на полѣ, онъ бралъ въ руки ружье и дѣлалъ ружейные пріемы такъ хорошо, что врядъ ли лучшій ефрейторъ могъ

съ нимъ сравняться, и показывалъ также барабанщикамъ, какъ имъ надлежало бить. При всемъ томъ его высочество говорилъ, что онъ въ сравненіи съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ ничего не знаетъ; каковъ же долженъ быть сей?—спрашивали мы другъ друга.

Съ 1802 года великаго князя Николая Павловича начали заниматъ ученьемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ старались, чтобы онъ рѣже видѣлъ своихъ гувернантокъ и няпюшку, во избѣжаніе быстраго перелома въ установившемся образѣ жизни. Затѣмъ, съ 1803 года Николай Павловичъ остался уже подъ надзоромъ однихъ мужчинъ. Генеральша Адлербергъ поступила въ начальницы Смольнаго монастыря; миссъ Лайонъ вышла замужъ и съ тѣхъ поръ стала весьма рѣдко навѣщать своего прежняго питомца.

Насталъ новый періодъ въ жизни Николая Павловича, остававшагося неразлучнымъ съ братомъ, но не слишкомъ радостный для обоихъ великихъ князей.

Установившаяся тогда система воспитанія была суровая, и телѣсныя наказанія играли въ ней большую роль. Такими мѣрами тщетно старались обуздывать и исправлять порывы строптиваго и вспыльчиваго характера Николая Павловича. Испытанные имъ въ дѣтствѣ педагогическіе пріемы принесли и другіе печальные плоды; они, несомнѣнно, повліяли на міросозерцаніе будущаго вѣнценосца, который впослѣдствіи провелъ подобныя же суровыя начала въ воспитаніе современнаго ему подраставшаго поколѣнія. Суровость обращенія, усвоенная при воспитаніи обоихъ великихъ князей, всецѣло отразилась на страницахъ ежедневныхъ журналовъ воспитателей; эти журналы, а также рапорты о ходѣ воспитанія, представлялись императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, тщательно за ними слѣдившей и безусловно одобрявшей образъ дѣйствій, усвоенный избранными ею педагогами. «Продолжайте, — писала императрица-мать генералу Ламздорфу 25-го іюня 1811 года, — ваши заботы о Николаѣ, ваши истинно отеческія заботы, и онъ оправдаетъ всѣ наши ожиданія. (Continuez vos soins à Nicolas, vos soins vraiment paternels, et il repondra à tous nos voeux)».

Кавалерами при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ находились: генералъ-майоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ. Въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываютъ до нѣкоторой степени мѣры кротости, желаніе воздѣйствовать на нравственную сторону своего воспитанника, хотя строптиваго нрава, но одареннаго нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ, отстраняя мѣры строгости, къ которымъ прибѣгали вообще слишкомъ часто и вполнѣ безуспѣшно.

Если затѣмъ обратиться къ избраннымъ для Николая Павловича преподавателямъ, то выборъ ихъ также не можетъ вызвать одобренія. Нѣкоторые изъ числа этихъ наставниковъ были люди весьма ученые,

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Императрица Екатерина II.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета писаннаго Лампи, въ 1794 г.

2

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

(Съ рѣдкаго карандашнаго портрета того времени).

но ни одинъ изъ нихъ не былъ одаренъ способностью овладѣть вниманіемъ своего ученика и вселить въ немъ уваженіе къ преподаваемой наукѣ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно мнѣніе, высказанное впослѣдствіи императоромъ Николаемъ Павловичемъ о своихъ преподавателяхъ. Государь припомнилъ въ разговорѣ, какъ его и великаго

князя Михаила Павловича мучили отвлеченнымъ преподаваніемъ: «Два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень ученые, но оба несноснѣйшіе педанты: Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой—что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, который читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго». Что же касается до своего религіозно-нравственнаго воспитанія, то императоръ Николай замѣтилъ, что его съ братомъ «учили только креститься въ извѣстное время обѣдни да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ». Вообще императоръ Николай откровенно признавалъ, что онъ съ братомъ получилъ «бѣдное образованіе».

Къ сожалѣнію, среди педагоговъ, окружавшихъ Николая Павловича, не нашлось лицъ, подобныхъ Порошину, Лагарпу и Протасову, которыя передали бы потомству свои наблюденія о порядкѣ воспитанія великаго князя, о его способностяхъ, наклонностяхъ и характерѣ[17]. Поэтому за неимѣніемъ лучшаго приходится довольствоваться одними извлеченіями изъ ежедневныхъ журналовъ о поведеніи и учебныхъ занятіяхъ великаго князя, которые писались дежурными кавалерами и представлялись императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Эти журналы начинаются 3-го іюня 1802 года и непрерывно продолжаются по апрѣль 1816 года.

II.

Дѣтскій періодъ жизни великаго князя Николая Павловича (1802—1809 гг.) любопытенъ въ томъ отношеніи, что уже въ теченіе этого времени проявились задатки чертъ характера и наклонностей, составлявшихъ впослѣдствіи отличительныя черты императора Николая. Настойчивость, стремленіе повелѣвать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенная любовь къ строительному инженерному искусству, духъ товарищества, выразившійся въ позднѣйшее время, уже по воцареніи, въ непоколебимой вѣрности союзамъ, несмотря на вѣроломство союзниковъ,—все это сказывается уже въ раннемъ дѣтствѣ и, конечно, подчасъ въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ.

Духъ товарищества развивался въ Николаѣ Павловичѣ подъ вліяніемъ совмѣстнаго воспитанія съ его младшимъ братомъ Михаиломъ Павловичемъ. Оба брата нѣжно любили другъ друга. Если находившіеся при нихъ кавалеры выказывали свое недовольство однимъ изъ нихъ, то другой, не бывшій виновнымъ, сожалѣлъ того и игралъ безъ всякаго удовольствія. Ихъ взаимная привязанность доходила до того, что если одинъ былъ боленъ, то другой не хотѣлъ никуда итти, хотя бы даже къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, гдѣ имъ обыкновенно бывало очень весело. Однажды, во время своего пребыванія у императрицы, младшій провинился въ чемъ-то передъ матерью, и когда они вернулись на свою половину, Николай Павловичъ разсказывалъ дежурному кавалеру, что у него все время были слезы на глазахъ отъ страха за брата, который могъ разсердить императрицу своимъ упрямствомъ, но что, слава Богу, она ему простила.

Удивительно, что вопреки стараніямъ, которыя прилагались, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, чтобы предохранить великаго князя Николая Павловича отъ увлеченія военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась въ немъ, тѣмъ не менѣе, съ неодолимою силой. Она особенно сказывалась въ характерѣ его игръ. Какъ только Николай Павловичъ вставалъ по утрамъ, онъ почти тотчасъ же принимался съ Михаиломъ Павловичемъ за военныя игры. У нихъ было большое количество оловянныхъ солдатиковъ; зимой они разставляли ихъ по столамъ въ комнатахъ, а лѣтомъ играли этими солдатиками въ саду, строили редуты, крѣпости и атаковали ихъ. Кромѣ солдатиковъ, оловянныхъ и фарфоровыхъ, у нихъ былъ цѣлый арсеналъ другихъ игрушекъ, напоминавшихъ о военномъ бытѣ: ружья, аллебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошади, барабаны, трубы, зарядные ящики и т. д. Любовь ко всему военному поддерживалась также и подъ вліяніемъ угодливости одного изъ кавалеровъ, Ахвердова, учившаго великаго князя строить и рисовать крѣпости, дѣлавшаго ему изъ воска бомбы, картечи, ядра и показывавшаго, какъ атаковать укрѣпленія и оборонять ихъ. Однимъ изъ любимыхъ занятій великаго князя было вырѣзываніе изъ бумаги крѣпостей, пушекъ, кораблей и т. под., а Ахвердовъ объяснялъ ему, какъ пользоваться этими фигурами для игръ.

Вообще все военное было до того на первомъ планѣ въ мысляхъ маленькаго Николая Павловича, что даже, когда онъ строилъ дачу для няни или гувернантки изъ стульевъ, земли или игрушекъ, то онъ никогда не забывалъ укрѣпить ее пушками «для защиты». Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Михаилъ Павловичъ, болѣе живой по характеру, столько же любилъ разрушать, сколько старшій строить, и поэтому послѣдній, заботясь о сохранности своихъ построекъ, боялся присутствія младшаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Склонность Николая Павловича къ строительной части начала выражаться очень рано: въ его играхъ замѣтно было стремленіе ко всякаго рода постройкамъ; рисовать любилъ онъ также не столько фигуры и другіе предметы, сколько «домики» и «крѣпости», и однажды (15-го декабря 1802 года), когда за обѣдомъ былъ разговоръ объ Александровской мануфактурѣ и о машинѣ ея, которую собирались устроить вновь съ особенною прочностью, потому что за годъ передъ тѣмъ ледъ испортилъ ее, онъ вскричалъ: «А хотятъ, для этого надобно вотъ что: вбить сваи въ Неву, или поставить столбы, обить ихъ желѣзомъ и сверху поставить машину». Ему было тогда шесть лѣтъ. И впослѣдствіи изъ всѣхъ учебныхъ занятій своихъ великій князь всего болѣе любилъ уроки полковника Джанотти, преподававшаго ему инженерную часть; а когда онъ уже былъ на престолѣ, часто говорилъ: «мы, инженеры», «наша инженерная часть». У Михаила Павловича, напротивъ, къ строительной части вовсе не было симпатіи, и его живость въ играхъ составляла совершенную противоположность съ терпѣніемъ, спокойствіемъ и усидчивостью старшаго брата, когда тотъ принимался за свои постройки. Но оба они одинаково сходились во вкусахъ ко всему военному, и нерѣдко, утромъ, одинъ изъ нихъ шелъ будить другого, надѣвъ гренадерскую шапку и съ аллебардою на плечѣ для рапорта. Иногда же, подражая часовымъ, которыхъ у нихъ такъ много было передъ глазами, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ, и даже, —сохранилось преданіе,—несмотря на строгій присмотръ кавалеровъ, иногда по ночамъ вскакивали съ постели, чтобы хоть немножко постоять на часахъ съ аллебардой или ружьемъ у плеча».

Несмотря на склонность и пристрастіе къ военной формалистикѣ, обнаружившіяся весьма рано въ Николаѣ Павловичѣ, онъ въ дѣтствѣ не отличался вовсе воинственнымъ духомъ и во многихъ случаяхъ обнаруживалъ даже совершенно противоположныя свойства: робость и даже трусость. Такъ, напримѣръ, онъ долгое время боялся выстрѣловъ. Когда, уступивъ просьбамъ его и Михаила Павловича, имъ было разрѣшено заняться стрѣльбою, и Ахвердовъ готовился произвести выстрѣлъ, чтобы показать, какъ стрѣляютъ, Николай Павловичъ испугался, сталъ плакать и спрятался въ бесѣдкѣ.

Подъ окнами Гатчинскаго дворца иногда производилось ученіе войскамъ, и происходила стрѣльба. И въ этихъ случаяхъ онъ пугался, плакалъ, затыкалъ себѣ уши и прятался. Однажды, еще при жизни императора Павла Петровича, услышавъ пушечную пальбу, Николай Павловичъ спрятался за альковомъ, а когда товарищъ его игръ, Адлербергъ, нашелъ его тамъ и сталъ стыдить, онъ ударилъ его прикладомъ ружья по лбу съ такою силою, что шрамъ отъ удара остался у него на всю жизнь. Впрочемъ не только стрѣльба, но даже одинъ видъ пушекъ

страшилъ мальчика великаго князя, и разъ какъ-то, гуляя въ Гатчинѣ въ 1802 году, онъ даже не рѣшился обойти крѣпость, боясь выставленныхъ жерлъ орудій.

Когда его боязнь выстрѣловъ была замѣчена, его стали пріучать къ нимъ, и къ десяти годамъ онъ уже самъ любилъ стрѣлять.

Очень долго Николай Павловичъ боялся также грозы и фейерверковъ. Какъ только замѣчалось появленіе грозы, онъ просилъ, чтобы закрывали окна, трубы и принимали другія мѣры предосторожности.

Робость восьмилѣтняго Николая Павловича и его младшаго брата Михаила Павловича доходила до того, что они чувствовали себя неловко, находясь въ лагерѣ и среди большого собранія, а, встрѣчаясь съ офицерами, издали снимали шляпы и кланялись, опасаясь, чтобы ихъ не взяли въ плѣнъ.

Было также замѣчено, что Николай Павловичъ и братъ его стрaшились стунить на маленькій фрегатъ, стоявшій въ Павловскѣ. Чтобы пріучить великихъ князей къ пугавшимъ ихъ пушкамъ, снастямъ и проч.. начальникъ императорскихъ шлюпокъ, капитанъ Клокачевъ, подарилъ имъ въ сентябрѣ 1802 года небольшой 74-хъ-пушечный корабль изъ краснаго дерева, особенно понравившійся Николаю Павловичу. На всѣхъ частяхъ корабля были поставлены номера, и великій князь по цѣлымъ часамъ разспрашивалъ Клокачева о названіи, назначеніи и употребленіи этихъ частей. Вскорѣ юный великій князь до того пристрастился къ этому, что однажды на сдѣланный ему вопросъ, какую службу онъ больше всего любитъ, Николай Павловичъ отвѣчалъ: «морскую и кавалерійскую».

Помимо ознакомленія съ морскимъ дѣломъ, Николая Павловича посвящали также и въ детали прочихъ отраслей военнаго дѣла. Такъ Ахвердовъ, а, можетъ быть, и другіе кавалеры сообщали великому князю первыя понятія объ артиллерійскомъ дѣлѣ и объ инженерномъ искусствѣ. Извѣстно также, что генералъ Корсаковъ представилъ Николаю Павловичу, когда ему было восемь лѣтъ, небольшія нарочно для него сдѣланныя пушки. Тотъ же Корсаковъ передалъ ему первыя познанія по піонерной части. Между прочимъ онъ поднесъ обоимъ великимъ князьямъ маленькіе понтоны со всѣми принадлежностями и инструментами, а затѣмъ прислалъ піонерныхъ офицеровъ для объясненія построенія и употребленія ихъ.

Съ этими понтонами связанъ слѣдующій анекдотъ изъ жизни Николая Павловича, характеризующій до извѣстной степени взаимное отношеніе между собою Николая и Михаила Павловичей.

Въ 1803 году, у Николая Павловича росъ кривой зубъ, который ему хотѣли вырвать; но онъ такъ боялся предстоявшей операціи, что постоянно плакалъ и почти пересталъ ѣсть. Михаилъ же Павловичъ, по отзы-

вамъ кавалеровъ, отличавшійся бо́льшей смѣлостію, насмѣхался надъ трусостію брата и говорилъ, что «если онъ такой трусъ, то военныя игры для него не годятся, и наконецъ предлагалъ выдернуть ему зубъ понтонными ихъ клещами». Кончилось все тѣмъ, что зубъ былъ вырванъ въ то время, когда Николай Павловичъ съ братомъ находились въ половинѣ императрицы-матери.

Нельзя не замѣтить, что всѣ приведенные нами случаи изъ дѣтской жизни великихъ князей какъ-то плохо согласовались съ намѣреніями Маріи Ѳеодоровны, желавшей, какъ выше упомянуто, отклонить своихъ сыновей отъ пристрастія къ военному дѣлу. Является вопросъ: почему поступлено было какъ разъ обратно ея желаніямъ? Вообще трудно придумать разумное объясненіе для царствовавшаго воспитательнаго хаоса.

Явилось еще другое зло: великіе князья вообразили, что грубость обращенія неразлучна съ военнымъ званіемъ, и потому, по отзывамъ кавалеровъ въ 1803 году, они «часто забываются и думаютъ, что нужно быть грубымъ, когда они представляютъ военныхъ. (Ils s'oublient souvent et croient qu'il faut être grossier quand ils font les militaires)». Послѣдствіемъ такого заблужденія было то, что и внѣ военныхъ игръ манеры и обращеніе Николая Павловича сдѣлались вообще грубыми, заносчивыми и самонадѣянными.

Обыкновенно весьма серьезный, необщительный и задумчивый, а въ дѣтскіе годы и очень застѣнчивый мальчикъ, Николай Павловичъ точно перерождался во время игръ. Дремавшіе въ немъ дурные задатки проявлялись тогда съ неудержимою силою. Въ журналахъ кавалеровъ съ 1802 по 1809 годъ постоянно встрѣчаются жалобы на то, что «во всѣ свои движенія онъ вноситъ слишкомъ много несдержанности (trop de violence)», что «въ своихъ играхъ онъ почти постоянно кончаетъ тѣмъ, что причиняетъ боль себѣ или другимъ»[18], что ему свойственна «страсть кривляться и гримасничать», наконецъ, въ одномъ случаѣ при описаніи его игръ сказано, что «его нравъ до того мало общежителенъ, что онъ предпочелъ остаться одинъ и въ полномъ бездѣйствіи, чѣмъ принять участіе въ играхъ. Этотъ странный поступокъ можетъ быть объясненъ лишь тѣмъ, что игры государыни его сестры и государя его брата нисколько не нравились ему, и что онъ нисколько не способенъ ни къ малѣйшему проявленію снисходительности; и, несмотря на всѣ увѣщанія, онъ совершенно не подался на доводы, которые приводили ему»[19].

Игры великихъ князей рѣдко бывали миролюбивы; почти каждый день онѣ заканчивались ссорой или дракой. Вспыльчивость же и строптивость Николая Павловича проявлялись обыкновенно въ случаяхъ, когда что нибудь или кто нибудь его сердили; что бы съ нимъ ни случалось, падалъ ли онъ, или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными, а себя обиженнымъ, онъ тотчасъ же произносилъ бранныя

слова, рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, игрушки, ломалъ ихъ, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей игръ своихъ, несмотря на то, что очень любилъ ихъ, а къ младшему брату былъ страстно привязанъ.

Конечно, перечисленные недостатки свойственны огромному большинству дѣтей того же возраста; что же касается отсутствія общительности со стороны Николая Павловича, о которомъ говорятъ его воспитатели, то въ немъ, несомнѣнно, отражаются задатки гордаго, замкнутаго въ самомъ себѣ характера, которымъ отличался впослѣдствіи императоръ Николай въ сношеніяхъ со всѣми, за исключеніемъ своемъ семьи.

Къ «недостаткамъ и шероховатостямъ» характера великаго князя, помимо грубаго обращенія не только съ приближенными (кавалерами) и прислугой, но и съ своимъ братомъ, даже съ сестрою, необходимо отнести и слѣдующія черты его характера, отмѣченныя также въ журналахъ кавалеровъ.

Такъ, въ журналѣ 15-го декабря 1804 года упоминается о рѣзкомъ (tranchant) тонѣ, которымъ онъ говорилъ за столомъ о политическихъ дѣлахъ; въ журналѣ 17-го февраля 1805 года—о томъ, что великій князь своимъ видомъ не разъ въ день обнаруживалъ желаніе противорѣчить тѣмъ, кто не одобряетъ его проступковъ, и уступалъ скорѣе настойчивости, чѣмъ увѣщаніямъ (témoigne par ses mines, plus d'une fois dans la journée, l'envie de contredire ceux qui désapprouvaint ses fautes, et cédait plutôt à la fermeté qu'aux remontrances); въ журналѣ 6-го октября 1805 года—за ужиномъ онъ доказывалъ возвышеннымъ голосомъ, что слѣдуетъ освободить его отъ обязанности писать на слѣдующій день подъ диктовку; въ журналѣ того же года сказано еще, что недостатокъ, который сильно развитъ въ немъ, это постоянная наклонность сознаваться въ своихъ ошибкахъ лишь тогда, когда онъ, такъ сказать, бываетъ принужденъ къ этому силою (un défaut auquel il tient encore beaucoup, c'est de ne vouloir jamais avouer ses fautes, que lorsqu'il y est pour ainsi dire amené de force). Притомъ замѣчали, что онъ охотно принимаетъ тонъ самодовольства, когда все идетъ хорошо, и когда онъ воображаетъ, что ни въ комъ не нуждается болѣе (il prend volontiers un ton de suffisance lorsque les choses vont bien, et qu'il s'imagine ne plus avoir besoin des autres); за урокомъ же нерѣдко утверждалъ, что знаетъ все, и не слушалъ болѣе того, что ему говорили.

Вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно случалось, что Николай Павловичъ спорилъ съ учителями своими даже насчетъ самого предмета преподаванія. Напримѣръ, съ Ахвердовымъ онъ спорилъ объ орѳографіи нѣкоторыхъ русскихъ словъ еще въ 1804 году, съ учителемъ каллиграфіи о томъ, какъ надо держаться во время писанія, и какъ разставливать строки и проч., такъ что, какъ кажется, кавалеры пришли

наконецъ къ убѣжденію, что Николай Павловичъ обладаетъ весьма ограниченными способностями. Слѣдующіе два отзыва въ рапортахъ кавалеровъ, отъ 1805 и 1807 годовъ, указываютъ на трудность для великаго князя въ то время сосредоточиваться на одномъ предметѣ. Онъ любопытенъ, внимателенъ къ тому, что ему разсказываютъ, очень

Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламздорфу).

любознателенъ, но какъ только ему приходится заниматься одному, его прилежаніе бываетъ крайне непродолжительно»[20].

Характерною для Николая Павловича чертою его дѣтства является постоянное стремленіе принимать на себя въ играхъ первую роль, представлять императора, начальствовать и командовать. Любопытно, что,

понявъ своимъ дѣтскимъ инстинктомъ различіе между собою и своимъ младшимъ братомъ, онъ старался по-своему пользоваться имъ. Отдавая Михаилу Павловичу преимущество въ остроуміи, наружномъ блескѣ и ловкости,—пишетъ баронъ Корфъ,—онъ оставлялъ за собою коман-

Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ.

(Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго графу Константину Николаевичу Ламздорфу).

дованіе и начальство во всѣхъ играхъ и съ самоувѣренностью хвалилъ одного себя, тогда какъ Михаилъ Павловичъ, чувствуя превосходство старшаго брата, всегда хвалилъ его, а не себя. Младшій былъ съ дѣтства насмѣшливъ, и Николай Павловичъ, не умѣя или не желая

насмѣхаться надъ другими, употреблялъ для этого своего брата, котораго нарочно подстрекалъ и подзадоривалъ на насмѣшки и подшучиванія, и въ то же время, съ своей стороны, не сносилъ никакой шутки, казавшейся ему обидною, не хотѣлъ выносить ни малѣйшаго неудовольствія: однимъ словомъ, онъ какъ бы постоянно считалъ себя и выше и значительнѣе всѣхъ остальныхъ».

Настойчивость и непоколебимость, которыя Николай Павловичъ обнаруживалъ въ своихъ играхъ, и которыя могли въ пору дѣтства легко быть приписываемы капризу, представляли въ жизни великаго князя совершенно иное явленіе; онѣ сохранились и въ зрѣломъ возрастѣ, составляя впослѣдствіи отличительную черту его личности, какъ государя. Благодаря этимъ особенностямъ его дѣтскаго характера, произошло знакомство Николая Павловича съ сыномъ состоявшей при немъ гувернантки, полковницы Адлербергъ; это былъ маленькій Эдуардъ, сдѣлавшійся со временемъ генералъ-адъютантомъ, графомъ и министромъ императорскаго двора. Знакомство это произошло слѣдующимъ образомъ. Однажды, въ 1799 году, идя съ миссъ Лайонъ на половину императрицы-матери, Николай Павловичъ увидѣлъ мальчика Адлерберга. Послѣдній такъ ему понравился, что онъ схватилъ его за руку и непремѣнно хотѣлъ вести съ собою, чтобы вмѣстѣ играть у императрицы. Графиня Ливенъ, госпожа Адлербергъ и прочія гувернантки, зная строгость императрицы ко всему, что касалось этикета, и ея отвращеніе къ малѣйшей фамильярности съ частными людьми, стали отговаривать и останавливать великаго князя; но онъ, какъ всегда, оставался непреклоненъ и съ крикомъ и со слезами требовалъ выполненія своего желанія. Тогда миссъ Лайонъ, зная, что дальнѣйшіе уговоры послужатъ лишь къ усиленію упорства со стороны ея питомца, взяла на себя всю отвѣтственность за свое рѣшеніе и позволила великому князю взять съ собою Адлерберга. Сначала императрица была недовольна этимъ, но Павелъ Петровичъ взялъ представленнаго мальчика подъ свое покровительство, а затѣмъ онъ понравился и самой императрицѣ, такъ что ему было разрѣшено являться къ великому князю, чтобы играть съ нимъ вмѣстѣ. Послѣ этого для Николая Павловича было избрано еще нѣсколько товарищей игръ.

Прежде всѣхъ уроковъ начались занятія танцами съ 1802 года. Первое время оба великіе князья чувствовали необычайное отвращеніе къ танцамъ, но затѣмъ сильно пристрастились къ нимъ, такъ что въ 1803 году даже танцовали у себя съ великою княжною Анною Павловною сочиненный ею небольшой балетъ.

Что же касается музыкальныхъ занятій, то они шли менѣе успѣшно, и въ одномъ журналѣ 1802 года записано, что Николай и Михаилъ Павловичи неоднократно высказывали, что не любятъ музыки и предпочитаютъ барабаны [21].

Если Николай Павловичъ не обнаруживалъ особеннаго сочувствія къ преподаваемой ему музыкѣ, то ему съ самыхъ раннихъ лѣтъ нравилось пѣніе церковныхъ пѣвчихъ, трогавшее его до слезъ; любовь къ церковному пѣнію онъ сохранилъ въ продолженіе всей своей жизни. Впослѣдствіи, уже будучи императоромъ, онъ часто пѣлъ съ пѣвчими, зналъ наизусть всѣ церковныя службы, самъ показывалъ пѣвчимъ условными знаками, какой нѣтъ номеръ Херувимской Бортнянскаго, и любилъ выслушивать малолѣтнихъ пѣвчихъ, набиравшихся въ Малороссіи и привозившихся въ Петербургъ.

Въ 1802 году, начались уроки французскаго языка, которые первоначально давала ежедневно съ большой аккуратностью сама императрица Марія Ѳеодоровна. Затѣмъ уже систематическое преподаваніе поручено было дю-Пюже (du Puget Dyverdon)[22]. Повидимому, уроки французскаго языка не особенно нравились великому князю, потому что онъ прятали книги, чтобы какъ нибудь уклониться отъ занятій.

Позднѣе Дю-Пюже читалъ великому князю также исторію. Разсказывая Николаю Павловичу о французской революціи, онъ сумѣлъ вселить въ него необходимое отвращеніе къ ея дѣятелямъ, которое съ теченіемъ времени лишь возрастало[23].

Первымъ учителемъ русскаго языка Николая Павловича слѣдуетъ признать миссъ Лайонъ, учившую его русской азбукѣ. Правильные уроки русскаго языка начались въ томъ же 1802 году и давались ежедневно дежурнымъ кавалеромъ. Занятія русскимъ языкомъ интересовали великаго князя, и онъ учился даже съ удовольствіемъ. Но упражненія въ сочиненіи какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ доставляли ему немало мученій. Такъ, въ одномъ изъ журналовъ сохранилось указаніе, что даже въ 1806 году, когда ему приходилось писать сочиненія, «онъ начиналъ тѣмъ, что вздыхалъ и говорилъ, что для него это самая трудная вещь на свѣтѣ (il commençait par soupirer et par dire que c'était pour lui la chose la plus difficile du monde)», и не прекращалъ своихъ жалобъ во все время писанія.

Первый урокъ Закона Божія относится къ февралю 1803 года и состоялъ въ объясненіи значенія и употребленія крестнаго знаменія, необходимости молиться Богу, превосходства молитвы «Отче нашъ», ея содержанія и разума.

Уроки нѣмецкаго языка начались въ январѣ 1804 года; ихъ давалъ извѣстный Аделунгъ, преподававшій впослѣдствіи великимъ князьямъ и латинскій и греческій языки.

Русскую исторію и русскую географію читалъ Ахвердовъ, всеобщую исторію и всеобщую географію на французскомъ языкѣ дю-Пюже.

Любопытны впечатлѣнія, которыя производило на девятилѣтняго великаго князя чтеніе русской исторіи: такъ, напримѣръ, онъ сильно по-

рицалъ вражду удѣльныхъ князей и приходилъ въ восторгъ отъ Владимира Мономаха, который, побѣдивъ половцевъ, всю добычу оставилъ своимъ воинамъ.

Съ 1804 года начались также уроки рисованія; къ этимъ занятіямъ Николай Павловичъ чувствовалъ особое пристрастіе и сдѣлалъ по этой части большіе успѣхи.

Съ половины того же 1804 года Ахвердовъ приступилъ къ преподаванію ариѳметики, съ 1806 года геометріи, а съ 1808 года алгебры. Математическіе уроки великій князь бралъ неохотно.

Уроки физики поручены были съ 1807 года статскому совѣтнику Крафту, и уроки эти очень интересовали великаго князя[24].

Уроки верховой ѣзды начались лѣтомъ 1803 года, и при нихъ Николай Павловичъ не обнаруживалъ никакого страха[25].

Вотъ нѣкоторыя подробности изъ повседневнаго обихода дѣтской жизни Николая Павловича.

Вставалъ онъ между 7-ю и 8-ю часами утра и одѣвался очень медленно и лѣниво, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ отошла отъ него миссъ Лайонъ. Утромъ пилъ чай, за обѣдомъ кушалъ обыкновенно очень немного, а за ужиномъ иногда довольствовался кускомъ чернаго хлѣба съ солью. Спать онъ ложился въ десятомъ часу вечера и, прежде чѣмъ лечь, долженъ былъ вести свой журналъ, что̀, большею частью, дѣлалъ очень неохотно, совершенно машинально и пытался устроить такъ, чтобы думалъ «за него кавалеръ».

Здоровье Николая Павловича въ періодъ дѣтства было вообще очень хорошо, и только изрѣдка его безпокоили желчь и глисты. Обоихъ великихъ князей пріучали не бояться дурной погоды, и императрица Марія Ѳеодоровна приказывала имъ иногда оставаться въ саду и продолжать играть даже во время дождя, пока онъ не особенно усиливался.

Николая Павловича стали рано водить не только въ театръ, но и въ придворные маскарады, для которыхъ приготовлялись и особые костюмы. Но Николай Павловичъ, страстно любившій театръ и даже самъ иногда игравшій на половинѣ великой княжны Анны Павловны въ комедіяхъ, операхъ и балетахъ, сначала не могъ терпѣть маскарадовъ и разсказывалъ кавалерамъ послѣ перваго посѣщенія маскарада въ 1804 году, что «домино показались ему смѣшнымъ костюмомъ, а маски страшными и отвратительными лицами, и что онъ боялся бы ихъ, если бы ея величество императрица не подумала вести его за руку»[26].

Замѣтимъ здѣсь, что къ тремъ кавалерамъ, первоначально состоявшимъ при великихъ князьяхъ: Ахвердову, Арсеньеву и Ушакову, прибавили съ 1805 года еще трехъ: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дивова, коллежскаго совѣтника Вольфа и майора Алединскаго.

Царскосельскій лицей.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

Въ 1808 году, число кавалеровъ увеличилось еще двумя: статскимъ совѣтникомъ Саврасовымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Глинкою.

Любимыми мѣстопребываніями Николая Павловича были Петергофъ и Павловскъ; относительно Петергофа великій князь однажды замѣтилъ (въ 1802 году), что любитъ его болѣе другихъ мѣстъ. Къ Павловску же великіе князья такъ были привязаны, что, когда приходилось оттуда выѣзжать, они обхаживали всѣ любимыя свои мѣста, со всѣми прощались весьма нѣжно и препоручали ихъ, какъ и своп садики, осликовъ, кораблики и прочее, приставленному къ ихъ садикамъ солдату[27].

III.

Съ 1809 года Николай Павловичъ вступилъ въ отроческій возрастъ.

Начало этого періода, по словамъ барона Корфа[28], ознаменовалось для великаго князя Николая Павловича тѣмъ же самымъ явленіемъ, которымъ начался для него періодъ дѣтства: разлукою съ нѣсколькими любимыми и дорогими лицами, новою обстановкою, новымъ образомъ жизни, новыми требованіями. При вступленіи въ дѣтство ему пришлось разлучиться съ нянею и гувернантками, этими представителями для него всего нѣжнаго, преданнаго и привязаннаго; теперь, можетъ быть, съ гораздо меньшею необходимостію, отлучили отъ него и товарищей его дѣтства и игръ[29]. Не только самыя игры прежняго времени, но и присутствіе этихъ мальчиковъ, раздѣлявшихъ эти забавы съ великими князьями, были признаны неумѣстными и вредными для продолженія нравственнаго и умственнаго ихъ образованія: полагали, что, находясь въ обществѣ постороннихъ, они только развлекаются больше, чѣмъ слѣдовало бы, и, оставаясь въ соприкосновеніи съ другими дѣтьми, именно отъ нихъ заимствуютъ и нелюбовь, и невнимательность къ наукамъ, и особенное пристрастіе ко всему военному. Поэтому императрица Марія Ѳеодоровна признала за благо удалить отъ своихъ младшихъ сыновей прежнихъ товарищей ихъ игръ, которые, большею частію, были размѣщены въ разныя учебныя заведенія[30].

Но императрица не довольствовалась этою мѣрою; послѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1809 года, проведенныхъ въ Павловскѣ, Марія Ѳеодоровна, желая переломить характеръ и вкусы своихъ дѣтей, удалилась съ сыновьями въ Гатчину, гдѣ провела въ полномъ уединеніи двѣ зимы. Этою мѣрою императрица надѣялась удалить великихъ князей отъ всякихъ военныхъ зрѣлищъ и тѣмъ, по ея мнѣнію, оживить дремавшее въ нихъ до тѣхъ поръ расположеніе къ наукамъ. Наконецъ императрица остановилась даже на мысли испытать общественное воспитаніе и для этой цѣли предполагала даже отправить великихъ князей въ Лейпцигскій

университетъ. По этому предположенію рѣшительно воспротивился императоръ Александръ Павловичъ. Взамѣнъ того, ему пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи[31].

По мысли государя приступлено было къ учрежденію Царскосельскаго лицея, котораго воспитанники, по уставу, предназначались къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, и отъ котораго въ планѣ его учрежденія тщательно старались удалить все военное. Для этого лицея отведенъ былъ дворцовый флигель, соединенный галлереею съ главнымъ корпусомъ дворца. Но мысль помѣстить туда великихъ князей не осуществилась. Вскорѣ послѣ открытія лицея, 19-го октября 1811 года, началась война 1812 года, а за нею нескончаемые заграничные походы; по мнѣнію нѣкоторыхъ, эта воинственная эпопея измѣнила первоначальныя предположенія относительно довершенія образованія великихъ князей въ лицеѣ. Графъ В. Ф. Адлербергъ утверждалъ, однако, впослѣдствіи, что еще важнѣйшею или прямѣйшею къ тому причиною была воля императора Александра, которому съ первой минуты не нравилась мысль воспитывать своихъ братьевъ въ общественномъ заведеніи.

Съ наступленіемъ 1809 года прежній курсъ, названный барономъ Корфомъ гимназическимъ, былъ замѣненъ чѣмъ-то въ родѣ университетскаго. При этомъ особенное вниманіе было обращено на то, чтобы такъ распредѣлить время, чтобы у великаго князя не оставалось ни одной свободной минуты. Трудно сказать, какая цѣль преслѣдовалась при этомъ. Очень вѣроятно, что такимъ путемъ императрица Марія Ѳеодоровна стремилась отвлечь Николая Павловича отъ тѣхъ наклонностей его натуры, которыя отмѣчены въ журналахъ его кавалеровъ, и которыя, конечно, не могли не возбуждать въ ней желанія искоренить ихъ. Съ этою цѣлью составлены были особыя таблицы лекцій съ исчисленіемъ количества часовъ занятій поденно, понедѣльно и помѣсячно. Подобныя таблицы составлялись не только каждымъ преподавателемъ, но и сама императрица много занималась ихъ составленіемъ, просматриваніемъ и исправленіемъ, что доказывается огромнымъ числомъ сохранившихся расписаній, писанныхъ ея рукою.

Всѣ эти старанія итти противъ теченія принесли одни плачевные плоды. Неумѣлый способъ, избранный для воздѣйствія на врожденныя наклонности великаго князя Николая Павловича, привелъ къ совершенно обратному результату, чѣмъ тотъ, о которомъ мечтала императрица-мать. Врожденныя наклонности Николая Павловича остались непоколебленными и въ полной силѣ, а наука явилась передъ нимъ въ такомъ бездарно-усыпительномъ образѣ, что она, конечно, не могла переработать и направить по другому пути этого замѣчательнаго по силѣ характера юношу. Напротивъ того, эта самая наука принесла съ собою скорѣе

зло, такъ что многое изъ послѣдующей жизни Николая Павловича объясняется проведенными имъ безотрадными годами дѣтства и отрочества.

Насколько вообще Марія Ѳеодоровна слѣдила близко за учебными занятіями своихъ младшихъ сыновей, можно судить по уцѣлѣвшимъ письмамъ къ ней юнаго Николая Павловича, представляющимъ какъ бы отчетъ въ употребленіи имъ своего времени. Несмотря на однообразіе ихъ, даже и въ этихъ письмахъ проглядываютъ иногда знакомыя намъ черты, свойственныя основному міровоззрѣнію Николая Павловича, которому онъ всегда оставался вѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 5-го января 1813 года, великій князь пишетъ, что дю-Пюже читалъ ему о царствованіи Оттона II. «Я съ негодованіемъ,—прибавляетъ Николай Павловичъ,—усмотрѣлъ въ немъ вѣроломство, съ которымъ онъ поступилъ по отношенію къ главнымъ жителямъ Рима. (J'y ai vu avec indignation la perfidie dont il usa envers les principaux habitants de Rome)»[32].

Логику, «мораль», греческій и латинскій языки читалъ Аделунгъ, политическую экономію—профессоръ Шторхъ, естественное право—Кукольникъ, энциклопедію, или исторію права—Балугьянскій, высшую математику—Крафтъ, физику—Вольгемутъ. Входившій тогда въ моду англійскій языкъ, преподаваніемъ котораго особенно интересовалась императрица Марія Ѳеодоровна,—Седжеръ.

Къ числу любопытныхъ фактовъ въ воспитаніи Николая Павловича слѣдуетъ отнести и тотъ, что въ то время, какъ его учили или желали учить всему, даже такой воображаемой наукѣ, какъ «мораль», въ программу его занятій не была введена естественная исторія, хотя въ воспитаніи этой эпохи она уже играла видную роль.

Преподаваніе Николаю Павловичу греческаго языка было начато вслѣдствіе убѣжденія императрицы, что знаніе этого языка необходимо для пониманія многихъ терминовъ изъ области наукъ, искусствъ и разговора, происходящихъ отъ греческаго языка и перешедшихъ во французскій. Уроки греческаго языка сопровождались чтеніемъ греческихъ авторовъ. Аделунгъ предложилъ также прочесть курсъ древней миѳологіи, утверждая, что это столь же необходимо для основательнаго разсматриванія произведеній изящныхъ искусствъ и дальнѣйшихъ успѣховъ въ греческомъ языкѣ, сколько и для предотвращенія возможности, чтобы Николай Павловичъ не ознакомился съ миѳологіей изъ какой либо новѣйшей книжки, которая «слишкомъ заняла бы его воображеніе».

Греческій и латинскій языки съ трудомъ давались великому князю. Одинъ изъ кавалеровъ записалъ даже въ журналѣ: «il a fallu employer la menace de la baguette et beaucoup de bruit pour faciliter la conjugaison des verbes latins». Николай Павловичъ, сдѣлавшись уже императоромъ, неоднократно говорилъ барону Корфу о своей ненависти къ

зло, такъ что многое [illegible] Николая Павловича объясняется проведеннымъ имъ безотрадными [illegible] и о [illegible]

Насколько вообще Марія Ѳедоровна [illegible] любимыми занятіями своихъ младшихъ сыновей [illegible] успѣвшимъ письмамъ къ [illegible] Николая Павловича [illegible] какъ бы отчетъ въ употребленіи имъ своего [illegible] образіе ихъ, даже и въ этихъ письмахъ [illegible] намъ черты, свойственныя основному [illegible] которому онъ всегда оставался [illegible] отъ 5-го января 1813 года, великій [illegible] ему о царствованіи Оттона II. [illegible] Павловичъ,—усмотрѣлъ въ [illegible] пилъ по отношенію къ [illegible] dignation la perfidie dont il [illegible] Rome)»[32].

Логику, [illegible] политическую [illegible]

[illegible] Марія Ѳедоровна [illegible]

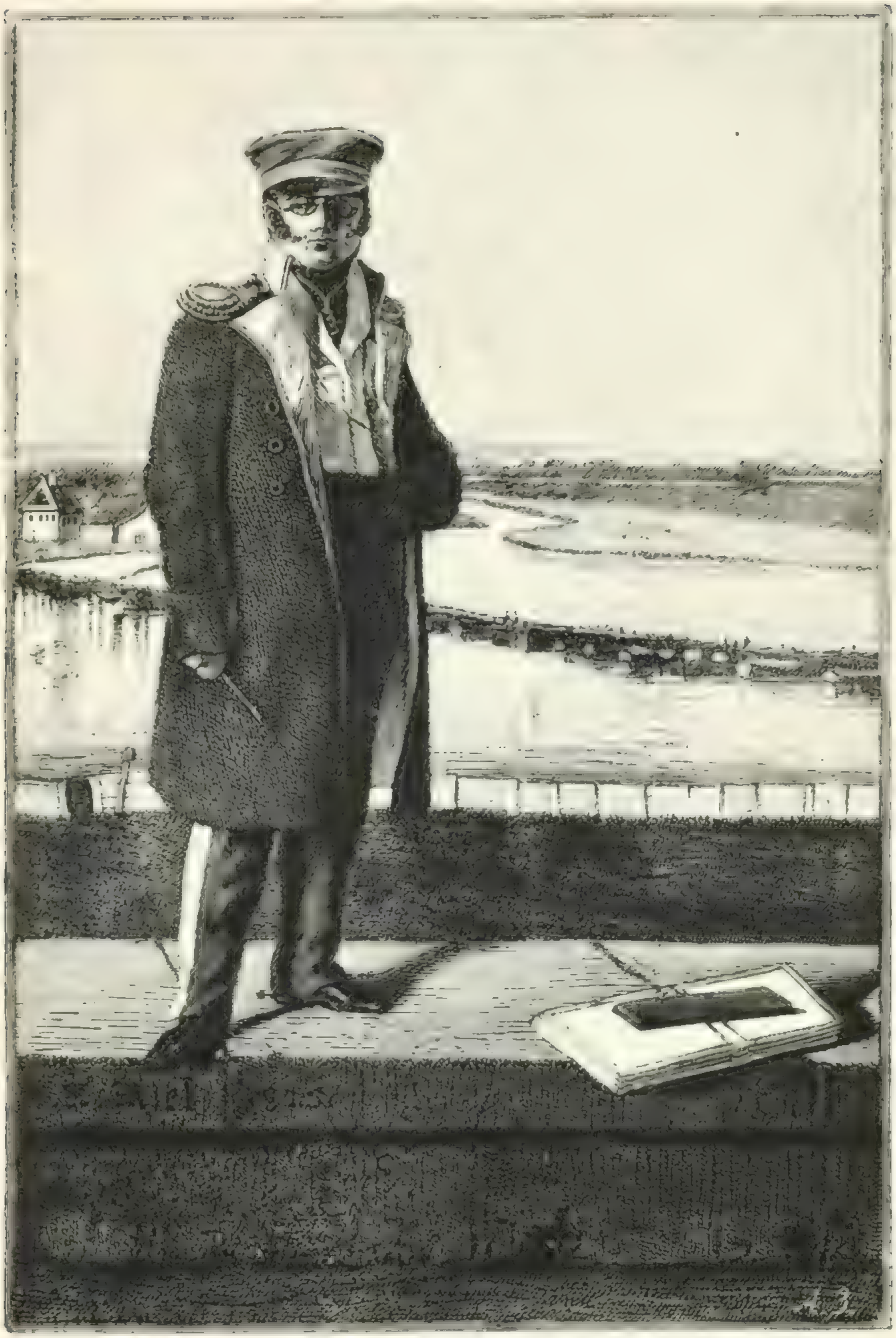
[illegible]

[illegible] ратором, [illegible]

Императоръ Павелъ I.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной по рисунку Аткинсона. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.



Графъ Карлъ Ивановичъ Опперманъ.

(Съ рисунка съ натуры Киля).

латинскому языку, о вынесенныхъ имъ мученіяхъ при изученіи его и совершенно исключилъ этотъ языкъ изъ программы воспитанія своихъ собственныхъ дѣтей.

Слѣдующій разсказъ, относящійся къ позднѣйшему времени, лучше всего обрисовываетъ нелюбовь Николая Павловича къ латинскому языку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ началѣ 1851 года, князь Волконскій сообщилъ барону Корфу, тогдашнему директору Публичной библіотеки, высочайшее повелѣніе о томъ, что къ нему въ библіотеку переданы будутъ изъ Эрмитажа всѣ вообще книги на латинскомъ языкѣ. «Что это значитъ?»—спросилъ Корфъ у князя Волконскаго при свиданіи.

— «То, что государь терпѣть не можетъ латыни съ тѣхъ еще поръ, когда его мучили надъ нею въ молодости, и не хочетъ, чтобы въ новомъ музеѣ (такъ называли вначалѣ вновь отстроенный Эрмитажъ) оставалось что нибудь на этомъ ненавистномъ ему языкѣ».

Встрѣтивъ затѣмъ барона Корфа и заговоривъ о передачѣ латинскихъ книгъ изъ Эрмитажа, императоръ Николай сказалъ: «терпѣть не могу вокругъ себя этой тоски»[33].

Вообще успѣхи, которые Николай Павловичъ оказывалъ и въ другихъ предметахъ, кромѣ древнихъ языковъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, рисованія, были далеко не блестящи. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ собственное признаніе Николая Павловича, сдѣланное имъ впослѣдствіи и уже приведенное нами выше. «На лекціяхъ нашихъ преподавателей,—говорилъ онъ,—мы или дремали или рисовали ихъ же карикатуры, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго».

Этотъ и подобные ему отзывы Николая Павловича свидѣтельствуютъ, что онъ не могъ питать большого уваженія къ своимъ учителямъ. И дѣйствительно, слѣдующій случай, относящійся къ 1810 году, когда ему было уже четырнадцать лѣтъ, показываетъ, какъ онъ былъ способенъ обращаться съ этими господами, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ нихъ. Однажды, читаемъ мы въ журналѣ 1810 года, «ласкаясь къ г. Аделунгу, великій князь вдругъ вздумалъ укусить его въ плечо, а потомъ наступать ему на ноги», и повторялъ это много разъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ выяснялась будущность, которая могла ожидать Николая Павловича въ виду бездѣтности императора Александра, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ приходилось убѣждаться въ невозможности отстранить великаго князя отъ занятій военными науками. «Этой побѣдѣ нѣжной матери надъ личными своими вкусами,—пишетъ баронъ Корфъ,—способствовали, конечно, и обстоятельства того времени, когда безпрерывныя войны, внесенныя въ Европу завоевательнымъ духомъ величайшаго военнаго генія новыхъ временъ—Наполеона, должны были убѣдить въ невозможности для юношей, принадлежащихъ къ русскому императорскому дому, исключительно гражданскаго воспитанія. Словомъ, признано было за необходимое пригласить особыхъ профессоровъ, которые прочитали бы Николаю Павловичу военныя науки въ возможно большей полнотѣ».

Петръ Петровичъ Коновницынъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Для этой цѣли былъ приглашенъ извѣстный инженерный генералъ Опперманъ, подъ надзоромъ котораго чтеніе лекцій по военнымъ наукамъ было поручено полковникомъ Джанотти и Маркевичу.

Что касается характера Николая Павловича въ періодъ его отрочества и ранней юности, то черты, проявлявшіяся у него уже съ дѣтства. за это время лишь усилились. Онъ сдѣлался еще болѣе самонадѣяннымъ,

строптивымъ и своевольнымъ. Желаніе повелѣвать, развившееся въ немъ, вызывало неоднократныя жалобы со стороны воспитателей. Всѣ эти черты при добромъ сердцѣ юноши великаго князя могли бы смягчаться подъ вліяніемъ воспитанія, проникнутаго задушевной теплотою, нѣжною лаской, а этого-то и недоставало въ той обстановкѣ, которая окружала Николая Павловича въ его юности. Императоръ Александръ, какъ мы уже сказали, совершенно не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своего младшаго брата, и есть основанія предполагать, что даже рѣдко видѣлся съ нимъ. Въ ежедневныхъ журналахъ кавалеровъ встрѣчается только одно упоминаніе о свиданіи Александра Павловича съ младшими братьями, 28-го октября 1803 года. По всей вѣроятности, бывали и другія свиданія, но несомнѣнно очень рѣдкія, потому что о нихъ было бы отмѣчено въ журналахъ, обыкновенно не упускавшихъ никакихъ подробностей. Сердечныя заботы о сынѣ со стороны императрицы-матери сковывались во многомъ ея строгимъ представленіемъ объ этикетѣ. Что же касается его офиціальнаго воспитателя генерала Ламздорфа, то отношеніе къ нему Николая Павловича видно изъ слѣдующаго характернаго случая.

Однажды, въ 1809 году, Ламздорфъ, увѣщевая его, говорилъ ему о его возрастѣ, его положеніи и нераздѣльномъ съ нимъ достоинствѣ, о томъ, что онъ долженъ дать государству, и чего ждутъ отъ него, о быстротѣ, съ которою пролетаетъ время, что ему нельзя терять ни минуты и т. д.; и пока Ламздорфъ съ увлеченіемъ говорилъ ему все это, великій князь вдругъ предложилъ своему воспитателю посмотрѣть въ окно на дымъ, выходившій изъ трубы[34].

Кавалеры тоже не пользовались вліяніемъ на великаго князя, и къ тому же нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности, въ послѣдніе годы его воспитанія, старались потворствовать его наклонностямъ.

Въ этотъ же періодъ его жизни въ Николаѣ Павловичѣ развилась страсть къ фарсамъ, каламбурамъ, желаніе острить. Страсть эта, несомнѣнно развилась подъ вліяніемъ стремленія со стороны Николая Павловича ни въ чемъ не уступать Михаилу Павловичу, надѣленному врожденнымъ остроуміемъ. «Онъ постоянно хочетъ блистать своими острыми словцами,—писали про Николая Павловича кавалеры,—и самъ первый во все горло хохочетъ отъ нихъ, часто прерывая разговоръ другихъ». Попытки Ламздорфа останавливать въ этомъ отношеніи великаго князя ни къ чему не приводили[35].

По словамъ барона Корфа, однимъ изъ любопытныхъ фактовъ отроческой жизни Николая Павловича является еще слѣдующій разсказъ. Продолжающееся крайнее пристрастіе великаго князя ко всему военному думали побѣдить разсудкомъ, убѣжденіемъ, заставляя его самого разсуждать объ односторонности такого направленія и тѣмъ навести

наконецъ на новую дорогу. Такъ, однажды ему задано было темою русскаго сочиненія: «доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другія занятія для него столько же почтенны и полезны». Что же изъ этого вышло? Великій князь, не поддаваясь расчету своихъ воспитателей, вмѣсто ожидаемыхъ разсужденій, просто ничего не написалъ, такъ что, наконецъ, Ахвердовъ, объясняя себѣ это пассивное упорство недостаткомъ внимательности или преубѣжденіемъ въ пользу военнаго сословія и сжалившись надъ великимъ княземъ, самъ продиктовалъ ему все сочиненіе, о чемъ и записалъ въ дневной журналъ императрицѣ. Это случилось 21-го декабря 1810 года.

По первоначальному плану императрицы, занятія Николая Павловича должны были продолжаться до достиженія имъ семнадцатилѣтняго возраста; но когда ему наступило семнадцать лѣтъ, въ іюнѣ 1813 года, занятія не были прерваны, такъ какъ Марія Ѳеодоровна желала продержать великаго князя за книгами какъ можно дольше, по всей вѣроятности, продолжая надѣяться заглушить въ немъ такимъ путемъ тѣ задатки, которые не могли нравиться ей въ немъ.

Между тѣмъ современныя событія должны были, напротивъ того, способствовать развитію страсти Николая Павловича ко всему военному; они были сильнѣе всякихъ умозрительныхъ заключеній и разсужденій. Безпрерывныя войны, которыми ознаменовалось царствованіе императора Александра, завершились наконецъ 1812 годомъ. Весьма естественно, что въ эту пору, когда Николаю Павловичу исполнилось уже 16 лѣтъ, и при извѣстныхъ его наклонностяхъ, онъ долженъ былъ рваться на войну; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ встрѣтилъ со стороны императрицы-матери рѣшительный отказъ относительно исполненія своихъ задушевныхъ стремленій.

Лакруа въ исторіи Николая I приводитъ по этому случаю разсказъ, излагая который онъ, по своему обыкновенію, не указываетъ источника, откуда онъ его почерпнулъ. По его свидѣтельству оказывается, что Николай Павловичъ, жалуясь императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на свое бездѣйствіе въ то время, когда отечество въ опасности, получилъ въ отвѣтъ: «васъ берегутъ для другихъ случайностей (on vous garde pour d'autres éventualités)». Тогда великій князь, не удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, обратился съ письмомъ къ императору Александру, въ которомъ онъ умолялъ государя разрѣшить ему отправиться въ армію. По полученіи этого письма, Александръ Павловичъ призвалъ къ себѣ великаго князя и старался утѣшить его. Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ разговора онъ съ грустнымъ, но серьезнымъ видомъ сказалъ ему, что время, когда ему придется стать на первую степень, быть можетъ, наступитъ ранѣе, чѣмъ можно предвидѣть его.

«Пока же,— прибавилъ онъ съ отеческимъ доброжелательствомъ,— вамъ предстоитъ выполнить другія обязанности; довершите ваше воспитаніе, сдѣлайтесь насколько возможно достойнымъ того положенія, которое займете со временемъ: это будетъ такою службою нашему дорогому отечеству, какую долженъ нести наслѣдникъ престола»[36].

Эти загадочныя слова государя произвели, повидимому, сильное впечатлѣніе на юнаго великаго князя, такъ какъ съ этого времени въ его характерѣ началъ какъ бы подготовляться какой-то переломъ: на него стали находить моменты задумчивости, сосредоточенности, онъ становился болѣе сдержаннымъ и обдуманнымъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ.

Существуютъ другія болѣе положительныя данныя, по которымъ видно, что мысль о назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ существовала уже значительно ранѣе 1812 года въ мысляхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Довѣренный секретарь императрицы-матери, Григорій Ивановичъ Вилламовъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова Маріи Ѳеодоровны, сказанныя ему 16-го марта 1807 года: «Она видитъ, что престолъ все-таки современемъ перейдетъ къ великому князю Николаю, и по этой причинѣ его воспитаніе особенно близко ея сердцу (elle voyait qu'un jour pourtant le trône reviendrait au grand duc Nicolas, et que par cette raison son éducation lui tient si particulièrement à coeur)»[37].

Послѣ этихъ словъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Шторхъ въ запискѣ, поданной въ 1810 году императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, о необходимости начать съ Николаемъ Павловичемъ курсъ, обнимающій собою всѣ политическія науки, въ ихъ общей связи и взаимномъ дѣйствіи, говоритъ о великомъ князѣ, какъ о лицѣ, «qui probablement nous gouvernera un jour»[38].

Что же касается исхода войны 1812 года, то Николай Павловичъ въ своемъ патріотическомъ воодушевленіи не подвергалъ ни малѣйшему сомнѣнію конечный результатъ борьбы Наполеона съ Россіей. Такъ, по полученіи извѣстія о вступленіи французовъ въ Москву, онъ держалъ пари на рубль съ великой княжной Анной Павловной, что къ первому января предстоявшаго новаго года въ Россіи не останется ни одного непріятеля. Онъ выигралъ пари, и 1-го января 1813 года Анна Павловна вручила ему серебряный рубль. Это произошло, когда они отправлялись въ Казанскій соборъ на молебствіе, по случаю освобожденія Россіи отъ иноплеменнаго нашествія, и Николай Павловичъ спряталъ полученный рубль себѣ за галстукъ[39].

Наконецъ, лишь въ 1814 году, императоръ Александръ разрѣшилъ своимъ младшимъ братьямъ прибыть къ арміи за границу.

Императрица Марія Ѳеодоровна напутствовала обоихъ великихъ князей прекрасно написаннымъ письмомъ, проникнутымъ высоконравствен-

ными тенденціями [40]. Она совѣтовала сыновьямъ продолжать быть строго религіозными, не быть легкомысленными, непослѣдовательными и самодовольными: полагаться въ своихъ сомнѣніяхъ и искать одобренія своего «второго отца», достойнаго и уважаемаго (digne et respectable)

Петръ Андреевичъ Клейнмихель.

(Съ литографіи Поля).

генерала Ламздорфа; избѣгать возможности оскорбить кого нибудь недостаткомъ вниманія, быть разборчивыми въ выборѣ себѣ приближенныхъ; не поддаваться своей наклонности вышучивать другихъ, быть обдуманными въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, такъ какъ изъ всѣхъ знаній знаніе людей самое трудное и требуетъ наибольшаго изученія. Удивительно, что Марія Ѳеодоровна, предусматривая легкость, съ которою ея дѣти могутъ увлечься мелочами военной службы, настойчиво предостерегала ихъ отъ этого, совѣтуя, напротивъ того, запасаться познаніями,

создающими великихъ полководцевъ; слѣдуетъ, пишетъ она, изучить все, что касается до сбереженія солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красотѣ формы, безполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника.

Говоря объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ войною, императрица писала: «Опасность не должна и не можетъ удивлять васъ, вы не должны избѣгать ея, когда честь и долгъ требуютъ отъ васъ рисковать собою..... но если, мои дѣти, величайшая благороднѣйшая храбрость должна отличать васъ, то скажите себѣ, что она должна быть обдумана и совершенно не походить на хвастливость молодого человѣка (fanfaronade de jeune homme), играющаго своею жизнью; однимъ словомъ, я хочу, чтобы вы были храбрыми, но не безразсудными (je veux vous savoir braves, mais non téméraires)».

Совѣтуя дѣтямъ заботиться о правильномъ распредѣленіи времени, посвящать свободныя минуты чтенію, стараться проникаться чудными примѣрами античнаго міра, императрица предостерегала ихъ также отъ праздности, умственной лѣни, убивающей духовныя способности и заглушающей самые лучшіе задатки.

Насчетъ отношеній великихъ князей къ государю Марія Оеодоровна совѣтовала дѣтямъ относиться къ нему одному (за исключеніемъ окружавшихъ его лицъ) съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью, предостерегая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ выраженія своего мнѣнія относительно дѣлъ, о которыхъ онъ не будетъ съ ними говорить, «стараясь при томъ не быть навязчивыми и не терять своего времени въ передпихъ (en évitant de vous rendre importun et de perdre votre temps dans les antichambres)».

Заканчивается письмо словами: «Ступайте съ Богомъ и возвращайтесь съ Богомъ (allez avec Dieu et revenez avec Dieu)».

Императрица Марія Ѳеодоровна.

Съ гравированнаго портрета Карделли.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Великіе князья Николай и Михаилъ выѣхали изъ Петербурга 5-го (17-го) февраля 1814 года. Въ этомъ путешествіи ихъ сопровождали: генералъ Ламздорфъ, кавалеры Саврасовъ, Алединскій и Арсеньевъ, полковникъ Джаноттн и докторъ Рюль.

Проѣздомъ черезъ Германію великіе князья посѣтили свою сестру, великую княгиню Марію Павловну, въ Веймарѣ. Они пріѣхали въ этотъ городъ изъ Берлина совершенно неожиданно, и Николай Павловичъ явился къ своей августѣйшей сестрѣ, переодѣвшись курьеромъ. Она не сразу узнала его, и только благородная осанка и красивый греческій носъ курьера побудили ее внимательно всмотрѣться въ черты его лица и выдали тайну[41].

Генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, назначенный императоромъ Александромъ состоять при великихъ князьяхъ на время военныхъ дѣйствій, посланъ былъ къ нимъ навстрѣчу. Но, благодаря дурнымъ дорогамъ, снѣжнымъ заносамъ, а затѣмъ весенней распутицѣ, путешествіе совершалось съ такою медленностью, что великіе князья не поспѣли къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года.

Когда, 12-го (24-го) марта, императоръ Александръ рѣшился предпринять движеніе къ Парижу, онъ лично приказалъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану Петру Андреевичу Клейнмихелю, взявъ нѣсколько казаковъ, отправиться по дорогѣ на Шомонъ и Лангръ навстрѣчу великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, чтобы передать имъ повѣленіе государя возвратиться въ Базель. Въ этомъ городѣ они должны были ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Клейнмихель встрѣтилъ ихъ высочества въ Везулѣ и, передавъ своевременно

ГЛАВА ВТОРАЯ

высочайшее повелѣніе, возвратился къ государю въ Парижъ кружнымъ путемъ, черезъ Ниццу. 16-го мая 1814 года, Клейнмихель назначенъ былъ флигель-адъютантомъ; будущій преемникъ графа Аракчеева былъ найденъ. Встрѣча же съ Клейнмихелемъ въ Везулѣ не изгладилась изъ памяти великаго князя и не была забыта преемникомъ Александра.

Такимъ образомъ великіе князья лишены были возможности участвовать въ славныхъ дѣлахъ, заключившихъ собою трехлѣтнюю войну съ Наполеономъ. Они, къ великому своему горю, вынуждены были прожить въ бездѣйствіи въ Базелѣ до занятія союзниками французской столицы и затѣмъ отправились къ государю, когда проѣздъ въ Парижъ сдѣлался уже безопаснымъ.

Въ ожиданіи пріѣзда великихъ князей, императоръ Александръ въ одномъ изъ писемъ къ своей родительницѣ, отъ 3-го (15-го) апрѣля 1814 года, испрашивалъ ея распоряженій относительно предстоявшаго пребыванія своихъ братьевъ въ Парижѣ.

«Соблаговолите, дорогая матушка,—писалъ онъ между прочимъ,—дать мнѣ ваши приказанія относительно моихъ братьевъ, и что имъ предстоитъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы путешествовать нѣсколько по Голландіи, Англіи, Швейцаріи, или же вамъ угодно будетъ приказать, чтобы они вернулись тотчасъ же? Такъ какъ генералъ Ламздорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ — здѣсь, то было бы возможно составить планъ путешествія, крайне поучительнаго для нихъ, и которое съ пользою вознаградило бы за все то, что прекращеніе войны заставило ихъ потерять. Въ особенности путешествіе по Швейцаріи и Англіи могло бы быть очень полезно для нихъ. Но въ отношеніи всего этого только одна ваша воля должна рѣшить все. Пока же мы устроимъ все съ генераломъ Ламздорфомъ такъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть средства продолжать свое образованіе по всѣмъ отраслямъ знаній. Г. Лагарпъ принесетъ имъ большую пользу своими знакомствами со всѣми достойными (estimable) образованными людьми. Генералъ Ламздорфъ рѣшитъ и будетъ наблюдать за всѣмъ» [42].

Приведенная выдержка изъ письма императора Александра крайне характерна для обрисовки отношеній его къ вдовствующей императрицѣ и для уясненія того вполнѣ самостоятельнаго положенія, которое занимала Марія Ѳеодоровна при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся воспитанія своихъ младшихъ сыновей.

Что же касается назначенія генералъ-адъютанта Коновницына, то императрица-мать осталась вполнѣ довольною выборомъ, сдѣланнымъ государемъ, и писала, между прочимъ, новому наставнику великихъ князей, 2-го апрѣля 1814 года: «Я искренно обязана императору за сей выборъ, соотвѣтствующій моему о васъ мнѣнію и совершенному

Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.

(Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Реймерса).

удостовѣренію, что, доказавъ на опытѣ, сколь извѣстны вамъ качества и должности полководца, и запечатлѣвъ кровію приверженность вашу къ государю и любовь къ отечеству, вы въ полной мѣрѣ вникли въ обязанности возложеннаго на васъ порученія и чувствуете важность онаго и отвѣтственность, съ нимъ сопряженную. Я увѣрена, что, руководствуя

великихъ князей вашими совѣтами, наставленіями и объясненіями, дабы они воспользовались случаемъ пріобрѣсть опытность въ наукѣ, ихъ сану, особливо въ нынѣшнія времена, толико нужной, вы не оставите обращать ихъ вниманіе на всѣ должности, въ ней соединяющіяся, и на то, что хотя долгъ и честь повелѣваютъ полководцу встрѣчать равнодушно опасности, когда онѣ случаются, и когда нужно дать примѣръ собою, однако истинное мужество не состоитъ въ пылкости, влекущей безъ нужды и разбора бросаться въ опасность, и будете удерживать юношескую и неопытную храбрость отъ излишняго воспаленія. На вашу совѣсть возложено теперь ихъ сохраненіе, и я съ полною надеждою полагаюсь на васъ, что вы въ семъ отношеніи будете ихъ другъ, совѣтникъ и хранитель и замѣните достойнаго ихъ наставника Матвѣя Ивановича Ламздорфа».

По прибытіи въ Парижъ великихъ князей они обозрѣвали различныя учрежденія столицы Франціи. И здѣсь сказалась наклонность Николая Павловича ко всему военному: онъ предпочиталъ осматривать учрежденія военныя, политехническую школу, домъ Инвалидовъ, казармы, госпитали. При посѣщеніи дома Инвалидовъ обоимъ великимъ князьямъ приходилось видѣть, какъ старые, искалѣченные солдаты, молча, со слезами на глазахъ, отворачивались отъ нихъ, какъ только замѣчали русскій мундиръ.

Во время обхода Николаемъ Павловичемъ этого убѣжища изувѣченныхъ солдатъ, его вниманіе привлекъ одинъ сержантъ съ лицомъ, покрытымъ рубцами, съ трудомъ передвигавшійся при помощи двухъ костылей.

— Въ какомъ дѣлѣ вы ранены?—спросилъ его великій князь.

— При переправѣ черезъ Березину,—отвѣчалъ инвалидъ, стараясь улыбнуться сквозь свои рубцы.—Казаки привели меня въ такой видъ, какъ вы видите, да и я, увѣряю васъ, не остался у нихъ въ долгу; я упалъ рядомъ съ ними въ снѣгъ, они не поднялись, а я имѣлъ счастіе возвратиться съ отмороженными ногами. Впрочемъ, такъ и надо: что намъ нужно было искать въ вашей Россіи? Дьявольская страна, защищающаяся безъ посторонней помощи; правда, въ нее легко входишь, а выйти—не выйдешь, а если и выйдешь, то, какъ я, чтобы попасть въ инвалидный домъ.

Великіе князья передали объ этомъ разговорѣ императору Александру, и послѣдній настолько заинтересовался старымъ сержантомъ, что пожелалъ видѣть его. Думая обрадовать его, онъ сказалъ ему, что всѣ французскіе плѣнные, остававшіеся въ Польшѣ и Россіи, въ числѣ болѣе 80.000 человѣкъ, должны вскорѣ возвратиться во Францію.

— Вотъ счастливцы!—воскликнулъ инвалидъ.—Государь, я совѣтую вамъ сообщить поскорѣе эту новость нашему императору Наполеону: онъ вамъ скажетъ большое спасибо.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Тогда Александръ спросилъ его, развѣ ему неизвѣстны послѣднія событія, положившія конецъ войнѣ и въ интересахъ всеобщаго умиротворенія приведшія къ перемѣнѣ во Франціи правительства. Старый солдатъ покачалъ головою и сразу сдѣлался грустнымъ и серіознымъ.

— Надо сознаться, государь, не доброе дѣло сдѣлали вы этимъ,— пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Что вы хотите, что бы мы дѣлали съ ко-

ролемъ, который не въ состояніи сѣсть на лошадь? О, это не хорошо, это значитъ оскорблять насъ! Къ счастію, это не будетъ продолжительно. Безъ нашего императора Наполеона нѣтъ Франціи![43]

Простосердечная рѣчь ветерана должна была произвести на императора тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что онъ самъ уже начиналъ сознавать всю ошибочность своего образа дѣйствій по отношенію къ Бурбонамъ, водворенным имъ на престолъ Франціи.

Во время своего перваго пребыванія въ Парижѣ Николай Павловичъ имѣлъ случай познакомиться съ герцогомъ Орлеанскимъ. Эта встрѣча не прошла безслѣдно въ жизни великаго князя; онъ былъ свидѣтелемъ семейнаго счастія герцога, и эта отрадная картина глубоко запала въ душу Николая Павловича.

— Какое громадное счастіе жить такъ, семьею! — сказалъ ему великій князь.

— Это единственное истинное и прочное счастіе,— отвѣтилъ герцогъ Орлеанскій убѣжденнымъ тономъ[44].

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ встрѣчахъ, также не прошедшихъ безслѣдно въ дальнѣйшей жизни нашего будущаго вѣнценосца.

Въ Парижѣ Николай Павловичъ впервые послѣ долгой разлуки снова увидѣлъ бывшаго товарища своихъ дѣтскихъ игръ, Адлерберга, поступившаго послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Великій князь радостно привѣтствовалъ его, обласкалъ и съ тѣхъ поръ уже никогда не измѣнялъ своего къ нему благоволенія. При первой возможности Николай Павловичъ взялъ его впослѣдствіи къ себѣ въ адъютанты (въ 1817 году).

Другая встрѣча была не менѣе знаменательна. Великій князь познакомился и сблизился съ генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ, начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.

Въ запискахъ Паскевича объ этомъ сохранился слѣдующій разсказъ:

«Въ Парижѣ начались, какъ и въ Петербургѣ, гвардейскіе разводы, и мы изъ гренадерскаго корпуса поочередно туда ѣзжали. Въ одинъ изъ сихъ разводовъ государь, увидавъ меня, подозвалъ и совершенно неожиданно рекомендовалъ меня великому князю Николаю Павловичу. «Познакомься,—сказалъ онъ ему,—съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ моей арміи, котораго я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу». Николай Павловичъ послѣ того постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы съ разложенными картами, по цѣлымъ часамъ, вдвоемъ разбирали всѣ движенія и битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Я часто у него обѣдывалъ, и когда за службою не могъ у него быть, то онъ мнѣ потомъ говорилъ, что я его опечалилъ. Этому

завидовали многіе и стали говорить въ шутку, что онъ въ меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой онъ меня привлекъ къ себѣ, это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича онъ любилъ, но къ серіознымъ разговорамъ не допускалъ, да и тотъ ихъ не долюбливалъ... На балѣ у Талейрана государь и прусскій король подошли ко мнѣ, поздоровались, и государь поздравилъ меня съ только что полученною мною Александровскою лентою. «Le général l'a bien méritée», сказалъ прусскій король. На это государь, обратившись, сказалъ мнѣ по-французски: «Le cordon de l'ordre de St. Alexandre n'est qu'une faible preuve de mon estime pour vous et vos services». Я и не подозрѣвалъ, что нахожусь въ такой милости. Передъ этимъ баломъ Николай Павловичъ, узнавъ, что мнѣ пожалована Александровская лента, попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ и привезти эту ленту. Государь ему позволилъ у меня быть, но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ. Великій князь у меня обѣдалъ и провелъ почти весь день. Я сказалъ ему, что очень бы хотѣлъ представить ему всѣхъ моихъ генераловъ и полковыхъ командировъ, которыхъ рекомендовалъ наилучшимъ образомъ. Великій князь былъ съ ними отмѣнно любезенъ и прямотою своего обращенія обворожилъ ихъ. Они меня за это очень благодарили» [45].

Оба великіе князя должны были вернуться въ Россію черезъ Нидерланды и Германію. 6-го (18-го) іюня они прибыли въ Брюссель. Десять дней было посвящено на обозрѣніе главнѣйшихъ городовъ королевства; обозрѣніе это происходило въ сопровожденіи принца Оранскаго, принявшаго на себя трудъ быть проводникомъ юныхъ путешественниковъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Гаагѣ они отправились въ Амстердамъ, а оттуда ѣздили въ Саардамъ, чтобы посѣтить домикъ Петра Великаго.

На обратномъ пути въ Россію, черезъ Германію [46], великіе князья остановились на болѣе продолжительное время въ Берлинѣ. Здѣсь Николай Павловичъ ближе познакомился съ своей будущей женою, принцессою Шарлоттою, и взаимное впечатлѣніе, которое они произвели другъ на друга, лишь облегчило осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ сокровенныхъ желаній императора Александра и его друга, короля Фридриха-Вильгельма III. Императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ, конечно, извѣстны были эти давнишнія семейныя предположенія, и материнское сердце ея вполнѣ сочувствовало намѣченному союзу. Но въ виду молодости Николая Павловича рѣшено было только отложить это радостное событіе до наступленія совершеннолѣтія великаго князя.

Вскорѣ, однако, насталъ часъ разлуки; великимъ князьямъ нужно было спѣшить въ Петербургъ, чтобы застать тамъ императора Александра передъ отъѣздомъ его на Вѣнскій конгрессъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Учебныя занятія Николая Павловича, прервавшіяся по случаю отъѣзда его за границу, возобновились послѣ его возвращенія въ Петербургъ; предметами ихъ служили исторія финансовъ и военныя науки. Однако съ этого времени занятія не велись съ прежнею правильностью, такъ какъ оба великіе князя стали часто присутствовать на разводахъ, парадахъ и ученіяхъ, посѣщали арсеналы и другія военныя учрежденія, смотрѣли рекрутъ и проч.; однимъ словомъ, они получили свободу и возможность предаваться всѣмъ тѣмъ занятіямъ, которыя прежде строго возбранялись имъ. Много времени поглощали также и всевозможныя придворныя празднества, въ которыхъ оба велнкіе князя стали принимать участіе.

Въ началѣ 1815 года къ числу лекцій по военнымъ наукамъ присоединились еще бесѣды Николая Павловича съ генераломъ Опперманомъ. Онѣ состояли въ томъ, что великій князь читалъ разработанныя имъ самимъ сочиненія и трактаты о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, или планы войны на заданную тему, при чемъ онъ долженъ былъ давать Опперману отвѣты на всѣ его вопросы, касавшіеся деталей самого плана. Такъ, между прочимъ, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1815 г., Николай Павловичъ защищалъ составленный имъ большой «трактатъ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши», которымъ Опперманъ остался весьма доволенъ; при первомъ чтеніи наставнику показалось даже, не имѣлъ ли его ученикъ въ своихъ рукахъ во время этой работы мемуаръ, написанный о томъ же предметѣ однимъ русскимъ генераломъ.

Судя по журналу 1815 года, генералъ Опперманъ совѣтовалъ Николаю Павловичу читать подробныя исторіи замѣчательныхъ кампаній, черезъ что, писалъ онъ, «неминуемо должны усовершенствоваться въ великомъ князѣ его блестящія военныя способности, преимущественно состоящія въ талантѣ вѣрно и ясно судить о военныхъ дѣйствіяхъ».

Возобновившіяся занятія Николая Павловича продолжались, однако, недолго: ихъ прервала новая война съ Наполеономъ, возвратившимся съ острова Эльбы въ Парижъ. Вся Европа ополчилась противъ него, и императоръ Александръ разрѣшилъ великимъ князьямъ отправиться къ дѣйствующей арміи въ Германію.

При этомъ случаѣ императрица Марія Ѳеодоровна снова напутствовала своихъ сыновей письмомъ. Въ общемъ оно явилось повтореніемъ прежняго. Къ особенностямъ этого письма слѣдуетъ, однако, отнести настойчивость, съ которою Марія Ѳеодоровна совѣтовала сыновьямъ умѣло распоряжаться временемъ, дорожить имъ, находить возможность читать и заниматься. «Повторяйте себѣ,—писала она,—что въ тотъ день, когда вы не увеличиваете вашихъ познаній, вы утрачиваете ихъ; душа, какъ и умъ, не можетъ оставаться на одномъ уровнѣ: надо обогащаться

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица

ВСЕРОССІЙСКАЯ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ.

Въ 25 й день Іюня НАША любезная невѣстка Великая Княгиня разрѣшилася отъ бремени рожденіемъ НАМЪ внука, а ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ сына нареченнаго НИКОЛАЕМЪ.

Таковое ИМПЕРАТОРСКАГО Дома НАШЕГО приращеніе пріемлемъ МЫ вящимъ залогомъ благодати Всевышняго на НАСЪ и НАШУ Имперію обильно изливаемой, и по тому возвѣщая о семъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ НАМИ усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ новорожденнаго и преуспѣяніи во всемъ что къ разширенію славы Дома НАШЕГО и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ гдѣ приличествуетъ писать и именовать сего любезнаго НАМЪ внука ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ Великимъ Княземъ. Данъ въ Царскомъ селѣ Іюля 6го въ лѣто отъ рождества Христова 1796 е, Царствованій же НАШИХЪ Всероссійскаго въ тридесять пятое и Таврическаго въ третіенадесять.

На подлинномъ подписано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 9 дня 1796 года.

5

МАНИФЕСТЪ О РОЖДЕНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ.

(Изъ „Исторической портретной галлереи", изданной Брукманомъ).

нравственными достоинствами, пріобрѣтать познанія, или же характеръ портится, и умъ притупляется». Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее прекрасное мѣсто изъ письма императрицы; оно получаетъ особенное значеніе, если припомнить, чему Марія Ѳеодоровна была свидѣтельницею въ царствованіе Павла Петровича, и какое вліяніе на характеръ Николая Павловича оказывало въ его дѣтствѣ увлеченіе столь любимыми имъ военными играми. «Я надѣюсь, дорогія мои дѣти,—писала императрица,—что военный режимъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не привьетъ вамъ грубаго, суроваго или повелительнаго тона: онъ разви-

ваетъ его у всѣхъ, но онъ нестершимъ у лицъ вашего происхожденія, которыя даже въ тѣ мгновенія, когда они бываютъ вынуждены обуздывать заблужденіе или проступокъ, должны употреблять лишь тонъ твердости, воздѣйствующій несравненно сильнѣе, чѣмъ горячность и вспыльчивость. (J'espère, mes chers enfants, que le régime militaire que vous aurez sous vos yeux, ne vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni impérieux; il déplait chez tout le monde, mais il est insupportable dans des personnes de votre naissance, qui même dans les moments où elles sont dans le cas de réprimer une erreur ou une faute ne doivent employer que celui de la fermeté, qui réprime infiniment mieux que la vivacité et l'emportement)».

По примѣру прошлаго 1814 года военнымъ ментором при великихъ князьяхъ назначенъ былъ снова генералъ-адъютантъ Коновницынъ. Отправляя сыновей въ армію, императрица Марія Ѳеодоровна писала Коновницыну 11-го мая 1815 года: «Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я предаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами, все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго Ламздорфа не могутъ они быть переданы лучшему наставнику на полѣ славы, какъ вамъ.

«Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты, подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ, подадутъ сыновьямъ моимъ истинное понятіе о воинѣ и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностію. Сколь ни больно материнскому сердцу подвергать жизнь дѣтей опасности, я, тѣмъ не менѣе, признаю, что они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ ихъ требуютъ подать собою примѣръ неустрашимости; но я увѣрена также, что я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что, внимая моимъ чувствованіямъ, вы стараться будете отвращать отъ нихъ безполезную опасность и удерживать ихъ, дабы пылкостію юношества не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя въ соединеніи столько же укрѣпляютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаетъ славу героя. Для сохраненія ихъ драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ великихъ князьяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ сими правилами, и ограждение ихъ отъ

хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительства».

Получивъ разрѣшеніе принять участіе въ предстоявшей новой кампаніи, великіе князья выѣхали изъ Петербурга 13-го (25-го) мая въ со-

Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

(Съ литографіи Клюквина).

провожденіи генерала Ламздорфа[47]. Послѣ остановки въ Берлинѣ[48] они отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ находилась главная квартира императора Александра. Здѣсь генералъ Ламздорфъ разстался съ своими воспитанниками и возвратился въ Россію, а его мѣсто при великихъ князьяхъ занялъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ[49]. Лестный пріемъ,

оказанный генералу Ламздорфу императоромъ Александромъ, и награжденіе его орденомъ св. Андрея Первозваннаго (2-го іюня 1815 года) вызвали со стороны императрицы слѣдующее письмо къ нему, отъ 15-го іюня 1815 года, живо характеризующее ея дружескія отношенія къ воспитателю ея младшихъ сыновей, на котораго она постоянно смотрѣла, какъ на второго отца великихъ князей.

«Сердечно любимый папà Ламздорфъ (Lieber Herzens Papa Lamsdorf), вашъ благополучный пріѣздъ, оказанный вамъ братскій пріемъ (brüderliche Aufnahme) и теплая признательность, проявленная по отношенію къ вамъ императоромъ, чрезмѣрно радуютъ меня; будьте увѣрены, любезный папà, что каждая душа, одаренная чувствомъ, принимаетъ близко къ сердцу знаки вниманія, проявленнаго къ вамъ со стороны моего сына. Вы послужили Богу и людямъ; моя материнская душа говоритъ спасибо моему сыну и узнала это извѣстіе съ умиленіемъ, которое сопровождалось внутреннею радостью: все было бы къ лучшему въ настоящемъ положеніи, если бы я не знала, любезный папà, что вы нездоровы. Императоръ увѣряетъ меня, что вамъ лучше, но ваше письмо доказываетъ мнѣ, что вы страдаете, и это пугаетъ меня. Дай Богъ, чтобы спокойствіе принесло вамъ скорое выздоровленіе. Императоръ, повидимому, очень доволенъ и хвалитъ мнѣ моихъ сыновей: съ внутреннею радостью вижу я, что онъ сердечно любитъ ихъ, но они вѣдь и достойны этого. Мысль о томъ, что вскорѣ они будутъ разъединены съ вами, огорчаетъ меня, точно вторичная разлука ихъ со мною: не оставляйте ихъ своимъ отеческимъ благословеніемъ и почаще пишите имъ, что, конечно, они также будутъ дѣлать. Съ Божьей помощью разлука не будетъ продолжительна: всѣ надѣются, что война не затянется. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, и чтобы кровопролитія было меньше. Милости, которыхъ удостоены кавалеры, тоже очень радуютъ меня; я прошу васъ передать имъ это. Относительно добраго Рюля я написала императору, который, конечно, будетъ милостивъ. Не понимаю, по какой случайности письма моихъ дѣтей не дошли до меня, тогда какъ ваше письмо, любезный папà, получено мною: можетъ быть, тотъ, кому они отдали ихъ, забылъ отправить ихъ. Я написала имъ объ этомъ. Прощайте, любезный папà, да сохранитъ васъ Богъ, и да благословитъ Онъ васъ тысячу разъ за все добро, которое дѣлаете и сдѣлали моимъ дѣтямъ; не забывайте меня и будьте увѣрены, что я неизмѣнно остаюсь вашимъ истинно признательнымъ другомъ. Марія»[50].

При вступленіи русской арміи во французскіе предѣлы, великіе князья сопровождали императора Александра на маршѣ къ Парижу. Когда же получено было извѣстіе о занятіи столицы англо-прусскими войсками, то государь немедленно опередилъ армію и, проѣхавъ 200 верстъ по мѣстности, не занятой нашими войсками, прибылъ 28-го іюня (10-го іюля)

въ Парижъ; на другой день вслѣдъ за нимъ отправились также великіе князья.

Неизбѣжность болѣе продолжительнаго пребыванія великихъ князей въ Парижѣ сильно безпокоила императрицу Марію Ѳеодоровну. Тревоги ея материнскаго сердца нашли себѣ отголосокъ въ перепискѣ съ генералъ-адъютантомъ Коновницынымъ, которому она писала 12-го (24-го) іюля, что довѣряетъ его отеческимъ попеченіямъ, столь нужнымъ въ сей столицѣ роскоши и разврата. «Я, конечно, нимало не сомнѣваюсь,—продолжала встревоженная императрица,—что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находитъ его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но теперь, когда они старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца».

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ въ отвѣтъ на полученное письмо постарался успокоить императрицу, 12-го іюля, слѣдующими строками:

«Ихъ императорскія высочества великіе князья находятся, благодаря Бога, въ вожделѣнномъ здравіи: образъ поведенія ихъ весьма согласуется съ волею вашею; господа кавалеры со свойственнымъ имъ усердіемъ при ихъ высочествахъ бываютъ неотлучны; я по преданности моей къ вашему величеству долгомъ моимъ поставляю засвидѣтельствовать о неусыпности и попеченіи ихъ. Ихъ высочества всякій день изволятъ кушать у государя, одинъ разъ были съ нимъ въ театрѣ, и во всѣхъ церемоніальныхъ выѣздахъ бываютъ при немъ; въ свободное время ихъ высочества обозрѣваютъ здѣсь всѣ заведенія, достойныя примѣчанія; третьяго дня изволили осматривать укрѣпленныя здѣсь окрестности съ военными замѣчаніями».

Тѣмъ не менѣе опасенія императрицы нисколько не уменьшились; Марія Ѳеодоровна признавалась въ письмѣ къ Коновницыну, что «сколь ни благопріятны всѣ сіи виды пребыванія великихъ князей въ Парижѣ», она все-таки весьма обрадуется выѣзду ихъ высочествъ изъ этого го-

рода, «какъ по естественному желанію съ ними видѣться, такъ и по нравственнымъ побужденіямъ».

Всего чаще великіе князья бывали въ походѣ и въ Парижѣ въ обществѣ прусскихъ принцевъ, наслѣднаго принца и принца Вильгельма Прусскаго, который писалъ своему брату, принцу Карлу, что «великіе князья все только говорятъ объ удовольствіи пребыванія своего въ Берлинѣ и весьма признательны за оказанный пріемъ. Мы видимъ ихъ ежедневно, и съ каждымъ днемъ они становятся мнѣ дороже. Я теперь уже не дѣлаю между ними разницы; Михаилъ, котораго я предпочиталъ за его веселый нравъ, сдѣлался спокойнѣе, а Николай веселѣе»[51].

Послѣ тяжкаго и изнурительнаго похода русская армія такъ скоро оправилась, что до возвращенія ея въ отечество государь пожелалъ пощеголять ею и показать свои войска непріятелямъ и союзникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ, принявшій на себя роль великодушнаго покровителя Франціи, намѣревался представить союзникамъ огромныя силы, находившіяся у него подъ рукою для поддержки своихъ намѣреній, наканунѣ ихъ обратнаго выступленія въ отечество. Такимъ образомъ задуманный смотръ имѣлъ также въ виду политическую демонстрацію: выступленіе войскъ показывало, что Россія по водвореніи законнаго правительства Людовика XVIII не намѣрена болѣе участвовать въ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи, если бы парижскіе перегозоры не пришли къ мирному концу; къ тому же «врагъ общаго мира и спокойствія», Наполеонъ, находился уже на пути къ мѣсту своего заключенія, острову св. Елены, а съ исчезновеніемъ его главная побудительная причина воинственнаго порыва императора Александра перестала существовать[52].

Мѣстомъ предположеннаго смотра избранъ былъ Вертю. 26-го августа (7-го сентября), въ памятный день Бородинскаго сраженія, рѣшено было произвести примѣрный смотръ, а затѣмъ 29-го августа (10-го сентября) парадный смотръ въ присутствіи союзныхъ государей и всѣхъ иностранцевъ, приглашенныхъ на это торжество. Въ строю находилось болѣе 150.000 человѣкъ при 540 орудіяхъ.

Репетиція была произведена въ присутствіи государя и великихъ князей Николая и Михаила и привела императора Александра въ полный восторгъ. Разсказывая о репетиціи парада въ Вертю, Михайловскій-Данилевскій сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ этотъ день онъ снова имѣлъ случай убѣдиться, что императоръ Александръ не любилъ воспоминаній объ отечественной войнѣ: когда генералъ Толь, смотря на выстроившуюся армію, сказалъ его величеству: «Какъ пріятно, что сегодня память Бородинскому сраженію!»—государь не отвѣчалъ ни слова и отвернулся. Данилевскій сопоставляетъ въ этомъ отношеніи императора Александра съ обоими великими князьями, его братьями, «которые

восхищаются всѣмъ тѣмъ, что есть русское». «Михаилъ Павловичъ,—передаетъ Даниловскій,—взялъ меня съ жаромъ за руку, когда я ему сказалъ, что, къ моему большему удовольствію, сегодня не было съ нами ни одного иностранца, что всѣ окружавшіе государя русскіе, и радо-

Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
(Съ рѣдкой литографіи прошлаго столѣтія).

вались искренно величію Россіи, потому что мы были какъ бы посреди семейства нашего».

29-го августа (10-го сентября) смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и во время репетиціи, но въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, при чемъ во время церемоніальнаго марша императоръ Александръ лично предводительствовалъ арміей и салютовалъ союзнымъ

монархамъ. Въ этотъ день Николай Павловичъ командовалъ второй бригадой въ 3-й гренадерской дивизіи и въ первый разъ обнажилъ шпагу передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ [53].

Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи.

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ поспѣшилъ донести объ этомъ событіи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и писалъ 31-го августа изъ Вертю по поводу смотра 29-го августа: «Сей день, командуя своими частями наилучшимъ образомъ, пріобрѣли истинное уваженіе отъ войскъ, имъ подчиненныхъ, исправностію въ командѣ, кротостію и снисхожденіемъ ко всѣмъ чинамъ. Намъ всѣмъ пріятно было видѣть великихъ князей нашихъ въ первый разъ передъ побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ на равнинахъ шалонскихъ. Да благословитъ Всевышній путь ихъ къ славѣ и къ благоденствію народовъ, радующихся доблестямъ князей своихъ; я поистинѣ, ваше величество, могу засвидѣтельствовать, что ихъ высочества обхожденіемъ своимъ пріобрѣтаютъ какъ отъ нашихъ, такъ и отъ иностранныхъ общую похвалу».

1-го сентября государь съ великими князьями отправился обратно въ Парижъ. Окончивъ смотръ своей арміи и возвѣстивъ обратное шествіе ея въ отечество, государь посвятилъ остальное время своего пребыванія въ Парижѣ исключительно политическимъ дѣламъ. Франція была спасена отъ излишнихъ домогательствъ союзниковъ, и территоріальная цѣлость ея сохранена; затѣмъ Александръ задумалъ еще договоръ братскаго христіанскаго союза, названнаго Священнымъ союзомъ [54]. Къ этому договору присоединились король прусскій и императоръ австрійскій; онъ состоялъ изъ трехъ статей, по которымъ союзники обязывались: 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять подданными своими въ томъ же духѣ братства для охраненія правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства, и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ Священный союзъ. Вообще же государи, подписавшіе договоръ, обязывались, «какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями».

Меттернихъ отзывался сначала пренебрежительно о Священномъ союзѣ (ce monument vide et sonore), признавая его безобидной болтовней, но отъ этой первоначальной оцѣнки ему вскорѣ пришлось отказаться. На дѣлѣ оказалось, что Меттернихъ получилъ въ руки драгоцѣнное орудіе, чтобы поставить Россію во главѣ реакціи въ Европѣ и связать ей руки на Востокѣ; австрійскій канцлеръ не замедлилъ этимъ восполь-

монархамъ. Въ этотъ день Николай Павловичъ [illegible] бри-гадой въ 3-й гренадерской дивизіи и въ первый [illegible] передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ. [illegible]

Михаилъ Павловичъ находился въ главѣ [illegible]

Генералъ-адъютантъ Коловницынъ [illegible] событіи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и писа[illegible] Вертю по поводу смотра 29-го августа. «Сей д[illegible] частями наилучшимъ образомъ, пріобрѣвъ истинно[illegible] имъ подчиненныхъ, исправностію въ командѣ, [illegible] ніемъ ко всѣмъ чинамъ. Намъ весьма пріятно бы[illegible] князей нашихъ въ первый разъ передъ побѣдоноснымъ [illegible] ствомъ на равнинахъ шалонскихъ. Да благословитъ Б[illegible] къ славѣ и къ благоденствію народовъ, радующихся [illegible] своихъ: я понеститѣ, ваше величество, могу засвидѣ[illegible] ихъ высочества обхожденіемъ своимъ пріобрѣтаютъ как[illegible] такъ и отъ иностранныхъ [illegible]»

1-го сентября [illegible] въ Парижѣ [illegible] пребыванія [illegible] Франція [illegible] [illegible]

договору [illegible] состоялъ изъ трехъ [illegible] бывать соединенныя [illegible] другъ другу помощь [illegible] же духѣ братства [illegible] единаго христіанскаго народа [illegible] Провидѣніемъ [illegible] вленія тремя отраслями [illegible] державы къ признанію этихъ [illegible] союзъ. Вообще же государи, [illegible] въ управленіи собственными подданными, такъ и въ [illegible] отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, [illegible] св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь [illegible] жизни, должны непосредственно управлять волей людей [illegible]

Меттернихъ отзывался сначала пренебрежительно [illegible] вѣ (ce monument vide et sonore), признавая его [illegible] но отъ этой первоначальной оцѣнки ему вскорѣ [illegible] На дѣлѣ оказалось, что Меттернихъ получилъ [illegible] орудіе, чтобы поставить Россію во главѣ реакціи [illegible] ея руки на Востокѣ; австрійскій [illegible]

Императоръ Александръ Павловичъ.

Съ гравюры Одуена, сдѣланной въ портретъ, писаннаго Курдюмомъ.

6

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣш. 2.

зоваться съ неподражаемымъ искусствомъ для достиженія намѣченныхъ имъ политическихъ цѣлей, не только въ остальные годы царствованія императора Александра, но и при его преемникѣ.

Между тѣмъ пребываніе великихъ князей въ Парижѣ продолжало безпокоить императрицу Марію Ѳеодоровну: она также сѣтовала, что великіе князья отвлекаются предметами военной службы отъ упражненій

Англійскій принцъ-регентъ Георгъ.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

въ наукахъ, и потому не могутъ помышлять объ усовершенствованіи познаній. По мнѣнію императрицы, «всякій молодой человѣкъ имѣетъ необходимую нужду отдѣлять нѣкоторое время для собранія своихъ мыслей и пріумноженія своихъ свѣдѣній и утвержденія въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ и правилахъ, ибо, по сохраняемому мною всегда въ памяти замѣчанію, тотъ, кто впередъ не подвигается въ ученіи, отступаетъ назадъ» [55].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коновницынъ въ свою очередь признавался императрицѣ, что по возвращеніи изъ Вертю «краткость времени» не позволила великимъ князьямъ заниматься науками. «Касательно же поступковъ ихъ высочествъ,—присовокупилъ Коновницынъ,— я не могу не увѣрить вашего величества, что можете быть совершенно спокойны. Господа кавалеры всегда ихъ сопровождаютъ безотлучно»[56].

16-го (28-го) сентября императоръ Александръ окончательно разстался съ Парижемъ и направился въ Брюссель, откуда онъ черезъ Лаонъ, Витри и Шомонъ поѣхалъ въ Дижонъ для осмотра собранной здѣсь австрійской арміи.

Великіе князья покинули Парижъ 20-го сентября (2-го октября) и прямо поѣхали въ Дижонъ. Здѣсь они 24-го и 25-го сентября (6-го и 7-го октября) присутствовали съ государемъ на маневрахъ австрійскихъ войскъ. Когда эта пріятная вѣсть достигла до императрицы Маріи Ѳедоровны, она не замедлила писать Коновницыну: «Сколь ни утѣшительны для моего сердца всѣ отзывы о поведеніи и обращеніи великихъ князей, я не могу, однако, довольно изъявлять признательности моей Провидѣнію за удаленіе ихъ наконецъ изъ Парижа»[57].

Изъ Дижона императоръ Александръ совершилъ путешествіе по Швейцаріи и черезъ Линдау и Богемію направился въ Берлинъ. Великіе князья двинулись туда же, но болѣе прямою дорогою; они посѣтили императрицу Елисавету Алексѣевну въ Баденѣ[58] и побывали въ Франкфуртѣ, гдѣ встрѣтились съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и съ великою княгинею Екатериною Павловною, а затѣмъ остановились въ Веймарѣ. Отсюда великіе князья поѣхали въ Лейпцигъ, гдѣ обозрѣвали поле сраженія 1813 года, и 10-го (22-го) октября прибыли въ Берлинъ. Черезъ день, 12-го (24-го) октября, императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ прусскую столицу.

На этотъ разъ пребываніе государя въ Берлинѣ было ознаменовано однимъ важнымъ событіемъ, политическое значеніе котораго для Россіи и Пруссіи сопровождалось одинаково важными послѣдствіями.

23-го октября (4-го ноября) русскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король, вступилъ въ Берлинъ. Въ этотъ день при дворѣ состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка. Гости сидѣли за столомъ въ большой залѣ; рядомъ, въ другомъ покоѣ, кушали члены императорской и королевской фамилій; въ этотъ семейный кружокъ были приглашены только фельдмаршалы Блюхеръ и Барклай де-Толли. Среди обѣда императоръ и король поднялись съ своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свои поздравленія[59].

Свадьбу было рѣшено отложить до совершеннолѣтія великаго князя Николая Павловича.

Императоръ Александръ пробылъ въ Берлинѣ до 27-го октября (8-го ноября) и затѣмъ отправился въ Варшаву; великіе князья въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Коновницына возвратились прямо въ Петербургъ.

Если императрица Марія Ѳеодоровна съ истинно материнскимъ безпокойствомъ не могла дождаться счастливой минуты, которая возвратитъ ей, послѣ столь долгаго отсутствія, сыновей, великихъ князей, то съ не меньшимъ нетерпѣніемъ она поджидала появленія въ Петербургѣ императора Александра. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Александръ, отправляясь на Вѣнскій конгрессъ, разстался съ Петербургомъ болѣе года тому назадъ, 1-го сентября 1814 года. Давно уже императрица признавала присутствіе государя въ столицѣ необходимымъ и писала сыновьямъ: Je ne peux assez répéter combien il est essentiel qu'il revienne au plutôt».

Очевидно, что въ высшихъ сферахъ промелькнуло въ ту пору сознаніе о безотрадномъ положеніи внутреннихъ дѣлъ въ Россіи, требовавшихъ какого-то врачеванія со стороны умѣлой руки. Убѣжденіе въ этой необходимости отразилось даже въ перепискѣ 1815 года великой княжны Анны Павловны съ братьями. Она, не стѣсняясь, высказала мнѣніе, что отнынѣ малѣйшая политическая ошибка вызоветъ для Россіи самыя пагубныя послѣдствія (la moindre faute politique aurait ici les plus funestes conséquences). Къ этому приговору она прибавила еще слѣдующія не лишенныя интереса строки: «Vous savez comme les affaires de l'intérieur vont mal et chaque jour on apprend de nouveaux détails; de plus nous avons une race de mécontents, détracteurs et raisonneurs qui ne fait que s'accroître, et sans être injuste on ne peut pas nier les motifs qui leur donnent prise, car ils existent».

Если вспомнить, что приведенныя выше разсужденія принадлежатъ молодой, неопытной великой княжнѣ, то впечатлѣніе при чтеніи написанныхъ ею строкъ дѣлается еще сильнѣе; чувствуется дѣйствительно медленное приближеніе какой-то тяжелой развязки.

Между тѣмъ императоръ Александръ находился въ Варшавѣ, окруженный ликованіями своихъ новыхъ подданныхъ. 15-го (27-го) ноября государь подписалъ конституціонную хартію вновь призваннаго къ жизни Польскаго королевства и 2-го (14-го) декабря возвратился наконецъ въ Петербургъ.

Но столица уже не увидѣла прежняго Александра; по свидѣтельству современниковъ, онъ казался скученъ и даже сердитъ. Прежнихъ восторговъ со стороны населенія не замѣчалось. Государь сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ въ отношеніи военной дисциплины; офи-

церамъ было запрещено носить гражданское платье, и обращено вниманіе на строжайшее соблюденіе установленной формы въ одеждѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во всѣ части государственнаго управленія во время трехлѣтней заграничной войны. Послѣдовали увольненія, начались слѣдствія.

Управлявшій военнымъ министерствомъ съ 1812 года князь Александръ Ивановичъ Горчаковъ былъ удаленъ, и самое министерство получило новое образованіе.

12-го (24-го) декабря 1815 года послѣдовалъ указъ сенату, въ которомъ сказано: «Трехлѣтній опытъ благополучно оконченной послѣдней войны, въ продолженіе коей лично присутствовалъ я при войскахъ, явилъ ощутительную пользу изданнаго въ 1812 году учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи. Находя необходимымъ сохранить тотъ же порядокъ и въ мирное время по управленію всѣмъ вообще военнымъ департаментомъ, призналъ я за полезное дать оному новое устройство, примѣненное въ главныхъ основаніяхъ къ упомянутому учрежденію».

Вслѣдствіе этого было выработано новое положеніе, на основаніи котораго военная администрація раздѣлялась на двѣ части, и каждая изъ нихъ поручалась особому лицу. Военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ; онъ получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части министерства (денежную, счетную, продовольственную) и былъ подчиненъ начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, который распоряжался всѣми прочими дѣлами прежняго военнаго министерства. Начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ генералъ-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

Разставаясь съ великими князьями, Петръ Петровичъ Коновницынъ начерталъ для нихъ прекрасное прощальное наставленіе, которое останется навсегда памятникомъ свѣтлаго ума и доброй души военнаго руководителя Николая Павловича [63].

II.

Обрученіе великаго князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой послужило поводомъ къ обмѣну письмами между императрицей Маріей Ѳеодоровной и императоромъ Александромъ, съ одной стороны, и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III — съ другой.

Письмо Маріи Ѳеодоровны отъ 14-го января 1816 года, написанное ею въ отвѣтъ на письмо прусскаго короля, любопытно еще и въ другомъ отношеніи; оно доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что уже въ 1809 году, во время пребыванія въ Петербургѣ покойной королевы

Луизы, у дальновидной императрицы-матери явилась мысль о бракѣ Николая Павловича съ принцессой Шарлоттою [61].

Удовольствіе вашего величества по поводу союза нашихъ дѣтей,— писала Марія Ѳеодоровна, — высказанное самымъ трогательнымъ образомъ въ письмѣ, переданномъ мнѣ гофмаршаломъ вашего двора,

Генералъ Натцмеръ.

(Съ портрета, приложеннаго къ его біографіи, изданной въ 1876 г. въ Берлинѣ).

барономъ Шильденомъ, раздѣляется мною со всею живостью материнской любви, отвѣчающей на это, государь, въ избыткѣ чувства, что завѣтное желаніе моего сердца исполнилось: желаніе это зародилось въ девятомъ году (le voeu fut formé l'année 9). Воспоминанія этого счастливаго времени возбуждаютъ во мнѣ горячія сожалѣнія, которыя примѣшиваются даже къ радости, порождаемой во мнѣ ожидаемымъ сча-

стіемъ моего сына. Отзывчивая душа вашего величества поймет подобное соединеніе сожалѣній, огорченія и счастія; я надѣюсь даже, что оно послужит для васъ доказательством чувствъ, внушаемыхъ мнѣ вашей милой дочерью, и нѣжныхъ и неустанныхъ заботъ, при помощи которыхъ я постараюсь снискать ея дружбу и довѣріе, оберегать ея счастіе и дѣлать ея жизнь пріятною, со всею заботливостью материнской нѣжности. Обворожительный характеръ юной принцессы, ея умъ основательный, неподдѣльный, нѣжность ея чувствъ наглядно предсказывают мнѣ счастіе моего сына и мое собственное; она сродится съ нами и, сдѣлавъ Николая счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, сдѣлаетъ меня счастливѣйшею изъ матерей и утѣшитъ меня въ разлукѣ съ моими дочерьми. Вотъ мои ожиданія, государь, и они вамъ доказывают, насколько я расположена любить и лелѣять принцессу. Я глубоко трогута добротою вашего величества по отношенію къ Николаю, который, какъ должно, оцѣнивает ваше довѣріе, проявляющееся въ томъ, что вы ввѣряете его заботам принцессу: онъ оцѣнивает эту честь со всѣмъ жаромъ сердца религіознаго, чистаго, честнаго и прямодушнаго, всецѣло отдавшагося своей невѣстѣ и сознающаго всю отвѣтственность, связанную съ мыслью объ обязанности сдѣлать изъ счастья своей подруги постоянное занятіе своей жизни. Вотъ излюбленный предметъ нашихъ разговоровъ, возобновляемыхъ при каждомъ случаѣ. Благословеніе Божіе да снизойдетъ на этихъ двухъ дорогихъ существъ и сохранитъ имъ навсегда ихъ чувства, ихъ убѣжденія, обезпечивъ такимъ образомъ счастіе ихъ жизни».

Письмо императора Александра къ прусскому королю, отъ 15-го (27-го) января 1816 года, съ такою полнотою воплощает въ себѣ руководящія начала его политики и съ такою яркостію очерчивает его самого, что мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ.

«Я не найду выраженій,—писалъ императоръ Александръ,—чтобы высказать вамъ, государь, чувства, которыми я былъ проникнуть, читая письмо, которое вашему величеству угодно было вручить генералу Шёлеру. Я берусь за перо, чтобы отвѣчать на него, и буду прислушиваться лишь къ голосу своего сердца. Это—единственный языкъ, который можетъ подходить для насъ. Онъ одинъ можетъ сдѣлать для насъ менѣе тягостной разлуку, на которую насъ обрекаетъ долгъ. Дружба, которая соединяетъ насъ, государь, беретъ свое начало въ чувствѣ. (L'amitié qui nous unit, sire, prend sa source dans le sentiment). Она скрѣплена испытаніями, воспоминаніями и надеждами, соединенными съ нашею судьбою. Она будетъ сопутствовать намъ до могилы. Она скраситъ своими прелестями и тѣмъ, что есть въ ней утѣшительнаго, жизненный путь, который намъ еще предстоитъ совершить, прежде чѣмъ достигнуть великой цѣли нашего существованія—быть счастливыми, какъ монархи

и какъ люди, счастіемъ, которое намъ удается раздѣлить съ нашими ближними. Эта святая дружба, всю сладость которой я постоянно вкушалъ, какъ въ лагерѣ, передъ лицомъ непріятеля, такъ и среди вашего народа и вашихъ войскъ, поддерживала, государь, мой духъ въ самыя бурныя мгновенія и удвоила отвагу моего народа и моихъ войскъ. И вотъ въ этомъ неизмѣнномъ чувствѣ и въ узахъ постоянно дѣйствующей близости я буду почерпать всегда настойчивость, необходимую для выполненія лежащей на насъ задачи. Она состоитъ въ томъ, чтобы предохранить отъ всякаго посягательства плодъ нашихъ трудовъ — миръ вселенной, возстановить въ силѣ непреложныя начала религіи и справедливости, единственное основаніе какъ процвѣтанія, такъ и славы народовъ. Въ этомъ-то смыслѣ я и спѣшу поздравить васъ, государь, съ успѣхомъ мудрыхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ вами съ цѣлью ослабить разрушительныя стремленія тайныхъ обществъ, заблужденія которыхъ могли бы подать поводъ къ справедливому безпокойству. Мнѣ пріятно имѣть возможность воздать должное мѣропріятіямъ, столь клонящимся къ общей пользѣ, и выразить вамъ безпрерывно одушевляющія меня пожеланія славы монарху, другу и товарищу по оружію, который дорогъ мнѣ по столькимъ причинамъ, а также и народу, который я такъ уважаю, какъ вашъ. Эти чувства настолько же правдивы, какъ и неизмѣнная дружба, съ которою остаюсь на всю жизнь,

«государь,

«вашего величества

«добрый братъ, другъ и союзникъ

«Александръ».

Въ отвѣтъ на это письмо Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ между прочимъ императору Александру:

«Съ чувствомъ живѣйшей признательности усмотрѣлъ я изъ вашего письма отъ 15-го (27-го) января, переданнаго мнѣ барономъ Шильденомъ, милостивое выраженіе той драгоцѣнной дружбы, которая постоянно оставалась вѣрна самой себѣ, и которую вамъ угодно доказать мнѣ при каждомъ случаѣ. Она служила мнѣ защитой въ несчастіи, государь, она будетъ спутницей моей жизни и оправдываетъ безграничныя довѣріе и надежды, которыми я чувствую себя проникнутымъ въ отношеніи къ вашему величеству, и которыя чужды какихъ бы то ни было политическихъ расчетовъ. (Elle fut mon égide dans le malheur, sire, elle sera la compagne de ma vie et elle justifie l'abandon et la confiance sans réserve dont je me sens pénétré pour votre majesté, et qui est étranger à tous les calculs de la politique). Мы были соединены намѣреніями и чувствами, и, чтобы еще болѣе скрѣпить эти узы, намъ не-

доставало лишь родственныхъ связей между нашими семьями. Небу было угодно даровать намъ это счастіе, и никогда еще бракъ не былъ заключенъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Сожалѣнія, которыя причинитъ отсутствіе любимой дочери, будутъ менѣе тяжелы, когда я скажу себѣ, что тамъ она найдетъ - второго отца, семью, не менѣе готовую расточать ей свою любовь, и супруга, явившагося избранникомъ ея сердца».

Въ этомъ же письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ благодарилъ императора Александра за его рѣшеніе, чтобы принцесса Шарлотта ознакомилась съ ученіемъ православной церкви въ Берлинѣ. Въ этомъ король усматривалъ новое проявленіе доброты императора Александра къ нему, Фридриху-Вильгельму [62].

Для преподанія принцессѣ Шарлоттѣ ученія православной церкви въ Берлинъ былъ посланъ протоіерей Музовской, который вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей и уроки русскаго языка.

III.

По возвращеніи изъ вторичнаго похода, начиная съ декабря 1815 года, великій князь Николай снова принялся за занятія съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ профессоровъ. Такъ, Балугьянскій читалъ «науку о финансахъ», Ахвердовъ — русскую исторію (съ царствованія Іоанна Грознаго до Смутнаго времени). Съ Маркевичемъ великій князь занимался «военными переводами», а съ Джанотти чтеніемъ сочиненій Жиро и Лловда о разныхъ кампаніяхъ, войнѣ 1814 и 1815 годовъ, а также разборомъ проекта «объ изгнаніи турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ».

Правильное теченіе этихъ лекцій безпрерывно нарушалось происходившими парадами, смотрами, разводами и разными придворными церемоніями [63].

Начало 1816 года ознаменовалось особеннымъ изобиліемъ именно придворныхъ празднествъ, сопряженныхъ съ бракосочетаніями: 12-го (24-го) января великой княжны Екатерины Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ, а 9-го (21-го) февраля великой княжны Анны Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ.

Лѣтомъ 1816 года Николай Павловичъ долженъ былъ, для довершенія своего образованія, предпринять путешествіе по Россіи для ознакомленія съ своимъ отечествомъ въ административномъ, коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ; а затѣмъ, по возвращеніи изъ этой поѣздки, предполагалось совершить еще заграничное путешествіе,

Великій князь Николай Павловичъ.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

чтобы познакомиться съ Англіею. По этому случаю по порученію императрицы Маріи Ѳеодоровны была составлена особая записка, въ которой въ сжатомъ видѣ излагались главныя основанія административнаго строя провинціальной Россіи, описывались мѣстности, которыя великій князь долженъ былъ проѣзжать, въ историческомъ, бытовомъ, промышленномъ и географическомъ отношеніяхъ, указывалось, что̀ именно могло составлять предметъ бесѣдъ великаго князя съ представителями губернской власти, на что слѣдовало обратить вниманіе и т. д.: между прочимъ въ этой же запискѣ давался совѣтъ вести эти бесѣды съ каждымъ въ отдѣльности, въ кабинетѣ, чтобы такимъ образомъ получить большую возможность сравнивать различныя мнѣнія и изучать людей [64]. Въ первоначальный маршрутъ путешествія Николая Павловича не была включена Москва, которую, какъ предполагалось, онъ долженъ былъ посѣтить лишь впослѣдствіи. Однако, этотъ планъ подвергся измѣненію. Императоръ Александръ, предпринявшій въ началѣ августа 1816 года путешествіе по Россіи, повелѣлъ брату прибыть въ Москву и ожидать тамъ его пріѣзда.

Послѣ назначенія генералъ-адъютанта Коновницына военнымъ министромъ, императрица Марія Ѳеодоровна была весьма озабочена выборомъ новаго лица, которое могло бы сопровождать великаго князя Николая Павловича во время его путешествій, какъ по Россіи, такъ и за границею. Императрица назвала государю нѣсколькихъ лицъ; судя по запискѣ ея отъ 15-го апрѣля 1816 года, вниманіе Маріи Ѳеодоровны остановилось на генералахъ Раевскомъ и Васильчиковѣ, а также на сенаторѣ Львовѣ. Императоръ Александръ, повидимому, желалъ избрать для этой цѣли генералъ-адъютанта, Иларіона Васильевича Васильчикова; неизвѣстно, почему это предположеніе не было приведено въ исполненіе, и возникшія недоумѣнія привели наконецъ къ выбору генералъ-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова [65].

Изъ кавалеровъ во время путешествія должны были находиться при великомъ князѣ: Саврасовъ и Глинка. Малѣйшія детали предстоявшей поѣздки, которой императрица Марія Ѳеодоровна придавала громадное воспитательное значеніе, были предусмотрѣны ею самою [66]; не была упущена также изъ виду и важность для Николая Павловича пріобрѣсти популярность среди народа: по пріѣздѣ въ какой либо губернскій городъ, намѣченный въ его маршрутѣ, онъ прежде всего долженъ былъ отправляться въ соборъ. Ему предлагалось по возможности устроивать пріемы у себя и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать приглашенія, которыя могли дѣлать ему, присутствовать на балахъ и т. д. При всемъ томъ генералу Кутузову было сказано предупреждать губернаторовъ, что великій князь не имѣетъ права принимать какія бы то ни было просьбы.

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Помимо приведенныхъ наставленій, императрица, по принятому обычаю, и на этотъ разъ напутствовала сына собственноручнымъ письменнымъ наставленіемъ, въ которомъ совѣтовала, какъ держаться, чтобы снискать всеобщія любовь и уваженіе. Заботливость Маріи Ѳеодоровны въ этомъ отношеніи доходила до того, что она предупреждала Николая Павловича не говорить слишкомъ громко, потому что его голосъ, повышаясь, пріобрѣталъ непріятный рѣзкій оттѣнокъ [67].

Во время своего путешествія Николай Павловичъ, по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, долженъ былъ вести особый журналъ, состоявшій изъ двухъ частей: изъ «общаго журнала по гражданской и промышленной части» и «журнала по военной части».

Великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го (21-го) мая 1816 года. Перечислимъ здѣсь нѣкоторые изъ главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, которыхъ коснулся маршрутъ великаго князя; это были: Луга, Порховъ, Великія Луки, Витебскъ, Смоленскъ, Могилевъ, Бобруйскъ, Черниговъ, Кіевъ, Полтава, Харьковъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Одесса, Херсонъ, Перекопъ, Симферополь, Севастополь, Южный берегъ Крыма, Керчь, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Курскъ, Орелъ и Тула.

Николай Павловичъ выполнилъ желаніе императрицы и хотя въ краткихъ словахъ, но записалъ въ свой журналъ по гражданской части впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время путешествія. Особенно характерны его отзывы о полякахъ и евреяхъ; они получаютъ особенное значеніе въ виду того, что Николай Павловичъ не измѣнилъ этимъ взглядамъ до конца жизни. Приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ его журнала:

«Въ Бѣлоруссіи дворянство, состоящее почти все изъ весьма богатыхъ поляковъ, отнюдь не показало преданности къ Россіи, и, кромѣ нѣкоторыхъ витебскихъ и южныхъ могилевскихъ дворянъ, всѣ прочіе присягнули Наполеону. Крестьяне ихъ почти всѣ на тяжеломъ оброкѣ и весьма бѣдны, притомъ, общая гибель крестьянъ сихъ провинцій, жиды здѣсь совершенно вторые владѣльцы, они промыслами своими изпуряютъ до крайности несчастный народъ. Они здѣсь все—и купцы, и подрядчики, и содержатели шинковъ, мельницъ, перевозовъ, ремесленники и проч., и такъ умѣютъ притѣснять и обманывать простой народъ, что берутъ даже въ залогъ не засѣянный яровой хлѣбъ и ожидаемую не засѣянную жатву; они настоящія піявицы, всюду всасывающіяся и совершенно истощающія несчастныя сіи губерніи. Удивительно, что они въ 1812 году отмѣнно вѣрны намъ были и даже помогали, гдѣ только могли, съ опасностію жизни. Также не совсѣмъ безполезно будетъ упомянуть, что здѣсь въ губерніи 37 католицкихъ монастырей, изъ коихъ половина почти іезуитскихъ, воспитывающихъ юношество всѣхъ исповѣ-

даній; главнѣйшіе въ Оршѣ и Могилевѣ; всякій день обращаютъ они въ свою вѣру молодыхъ людей, и какъ они совершенно отдѣлены отъ гражданскаго вѣдомства, даже ихъ имѣнія, то ежедневно происходятъ безпорядки и замѣшательства».

Присоединимъ еще къ этой любопытной замѣткѣ очеркъ арестантскаго острога въ Порховѣ, дающій понятіе о томъ, съ какими печальными картинами народной жизни приходилось сталкиваться русскому путешественнику того времени.

Въ Порховѣ, пишетъ Николай Павловичъ, «дворянство довольно многочисленно, но живетъ по деревнямъ. Арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ ономъ: ветхая деревянная изба, состоящая изъ трехъ низкихъ чулановъ, почти безъ оконъ и отдушинъ, въ коихъ посредп 22 человѣка инвалида безсмѣнно караульныхъ и 66 арестантовъ въ двухъ остальныхъ, безъ пищи, безъ одежды, въ спертомъ, гиломъ воздухѣ, безъ различія ни родовъ преступленій, ни возроста, одни на другихъ; старая разваливающаяся деревянная караулыня, въ которой прилипчивыми болѣзнями одержимые больные арестанты въ одной комнатѣ со стерегущими инвалидами, на одиѣхъ нарахъ, безъ одежды, безъ лѣкарствъ, безъ суммы на содержаніе, кромѣ отъ милостыни собираемой,—вотъ самое вѣрное и очевидное описаніе здѣшняго острога».

Картина, которую рисуетъ Николай Павловичъ о состояніи Воронежскаго острога, также довольно безотрадна и дополняетъ собою порховскій очеркъ:

«Воронежскій острогъ хотя обнесенъ довольно порядочной каменной стѣной, но внутреннее строеніе отмѣнно худо содержится: нечистота страшная и вообще великій безпорядокъ; я спросилъ списокъ арестантовъ; увидя отмѣнно много военныхъ и желая знать, давно ли тутъ содержатся, получилъ въ отвѣтъ отъ прокурора, что у него списка военныхъ нѣтъ, а что у караульнаго офицера; я послалъ за нимъ, и онъ отозвался, что у него его нѣтъ, а что долженъ быть у прокурора; я спросилъ у него, какъ же онъ дѣлаетъ перекличку, ежели не имѣетъ списка; онъ отвѣчалъ, что переклички не дѣлаетъ, ибо ни тѣмъ ни другимъ списка отъ прокурора не сообщено. При семъ долженъ я замѣтить, что въ числѣ арестантовъ есть рядовые гарнизоннаго баталіона за упущеніе колодниковъ; но, не имѣя списка и не дѣлая переклички, какъ требовать, чтобъ былъ порядокъ?»

Интересны также впечатлѣнія, навѣянныя на Николая Павловича поѣздкой по Южному берегу Крыма.

«Изъ Байдарской долины,—записалъ онъ,—выходитъ единственная и довольно худая дорога по самому краю Южнаго берега и идетъ чрезъ главныя селенія: Мухолатку, Алупку, Ялту, Лимену, Кучукъ-Ламбатъ

и проч.—мѣста, весьма любопытныя для живописца или путешественника, ищущаго странныхъ и красивыхъ видовъ (un voyageur pittoresque), но не имѣющія ничего того, что бъ показывало изобиліе или богатство народа; нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ; ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальнаго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отмѣнно ограничены; одно и то же фруктовое дерево, которое кормило за 50 или 60 лѣтъ дѣда, кормитъ и внука, а этотъ рѣдко посадитъ молодое дерево, чтобъ уготовить что либо своимъ дѣтямъ. Они живутъ, можно сказать, совершенно на произволъ природы, которая здѣсь, правда, чрезмѣрно щедра: оливковыя деревья, фиги, капорцы, груши, яблоки, вишни, орѣшники, все растетъ дико и безъ присмотра; все удается — померанцы, лимоны и проч. Что жъ касается до видовъ, должно признаться, что, начиная отъ Байдаръ до Кучукъ-Ламбата, нѣтъ мѣста, которое бы не удивляло всякаго своею дикою, но плѣнительною красотою; но все это рука природы, ибо искусство, такъ сказать, и не заходитъ въ этотъ край; даже удобной для путешествующихъ дороги нѣтъ, равно и жилья, и отъ того, можетъ быть, не столь еще можно пользоваться симъ прекраснымъ краемъ..... Еслибъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ; тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы русскіе и малороссійскіе, то все иначе, и хлѣбъ есть и обширные сады, словомъ пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

«Журналъ по военной части»[68] представляетъ меньшій интересъ и вызвалъ строгую критическую оцѣнку со стороны барона Корфа въ его трудѣ: «Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I». Въ журналѣ по военной части, пишетъ баронъ Корфъ, «всѣ почти замѣчанія относятся до одиѣхъ неважныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ военнаго дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко». Этотъ отзывъ, представляющійся слишкомъ суровымъ, если припомнить, что Николаю Павловичу, когда онъ писалъ журналъ, было всего двадцать лѣтъ, вызвалъ при чтеніи рукописи барона Корфа императоромъ Александромъ II слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Въ его лѣта и трудно было о семъ судить. Это была не его вина, ибо съ окончанія войны въ 1815 году до вступленія его на престолъ никто объ этомъ и не помышлялъ».

Приведемъ здѣсь изъ этого военнаго журнала одну лишь замѣтку, касающуюся поселеній Елецкаго полка, которымъ, какъ извѣстно, началась эта печальная страница русской исторіи.

«Благодѣтельное намѣреніе государя,—пишетъ Николай Павловичъ,—начинаетъ выполняться, но, какъ всякое начало, терпитъ великія за-

трудненія. Баталіонъ расположенъ въ старыхъ весьма худыхъ бѣлорусскихъ хатахъ, кои кое-какъ поддерживаются, но весьма тѣсно, особливо отъ того, что, кромѣ по положенію живущихъ въ немъ двухъ семей, на постоѣ у нихъ еще двое холостыхъ; хотя они и помогаютъ хозяевамъ

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

(Съ портрета Гебауера 1817 года).

въ работѣ, но не менѣе того имъ даже весьма тѣсно. О сю пору скота мало: по положенію хозяинъ имѣетъ отъ казны двухъ лошадей и корову, лошадей у малыхъ по двѣ, и то самыя худыя изъ бракованныхъ артилерійскихъ, и отъ того поля, коихъ почва песчаная, не бывъ

одобриваемы довольнымъ количествомъ навоза, худо производятъ, и все полосами, судя по богатству хозяина.

«Теперь строится по плану магазинъ и 12 избъ съ офицерскимъ домомъ. Госпиталь всѣмъ отмѣнно дуренъ. Полкъ отмѣнно терпитъ тѣмъ, что подъ видомъ способныхъ или неспособныхъ къ поселенію выбираютъ лучшихъ людей изъ дѣйствующихъ баталіоновъ, а на ихъ мѣсто присылаютъ вовсе неспособныхъ и даже слѣпыхъ и горбатыхъ.

«Главное же худо есть то, что жившихъ тутъ 1.800 крестьянъ при переводѣ ихъ въ Крымъ такъ худо содержали, что половина ихъ пропала, не дойдя до назначенія».

На вопросъ, сдѣланный Маріей Ѳеодоровною генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову, доволенъ ли онъ великимъ княземъ, императрица получила слѣдующій отвѣтъ:

«Нелицемѣрно и съ восхищеніемъ долженъ повторить, что его высочество повсюду пріобрѣлъ отличное уваженіе, преданность и любовь отъ всѣхъ сословій. Я нерѣдко докладываю его высочеству, что всѣмъ онымъ обязанъ онъ вашему императорскому величеству; правила, внушенныя при воспитаніи, вашимъ величествомъ были предначертаны. Богъ васъ утѣшитъ, а Россія вѣчно будетъ вамъ признательна» [69].

По прибытіи въ Тулу, великій князь получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ Клинъ, чтобы дождаться тамъ государя и сопровождать его въ Москву. 15-го (27-го) августа императоръ Александръ въ сопровожденіи великаго князя Николая Павловича шествовалъ въ Успенскій соборъ, когда архіепископъ Августинъ привѣтствовалъ государя словами: «Тебѣ, побѣдителю нечестія и неправды, воніемъ: Осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

Послѣ нѣсколькихъ дней совмѣстнаго пребыванія въ первопрестольной столицѣ императоръ Александръ отпустилъ брата въ Петербургъ.

Николай Павловичъ возвратился въ Петербургъ 26-го августа (7-го сентября) и 13-го (25-го) сентября выѣхалъ изъ него, отправляясь за границу. Конечною цѣлью этой новой поѣздки было посѣщеніе Англіи, «этой достойнѣйшей вниманія стороны», путешествіе по которой, по словамъ Маріи Ѳеодоровны, должно было не только удовлетворить любопытство великаго князя, но и обогатить его полезными познаніями и опытами, «изощряя при томъ его сужденіе» [70].

Во время этого путешествія при великомъ князѣ находились: генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка, докторъ Крейтонъ (Crighton). Но такъ какъ никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ Лондономъ и Англіей, императоръ Александръ согласился увеличить свиту великаго князя барономъ Павломъ Андреевичемъ Николаи, который хорошо знакомъ былъ съ Англіею по прежней службѣ своей въ лондонскомъ посольствѣ, при графѣ С. Р. Воронцовѣ.

ЕЛИСАВЕТЪ ... АЛЕКСѢЕВНА

Императрица Всероссійская

А. Н. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2

Аничковскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи Ланга).

Во всемъ, что касалось отношеній къ принцу-регенту, этикета, пріема приглашеній на обѣды и проч., Николай Павловичъ долженъ былъ слѣдовать указаніямъ русскаго посла въ Лондонѣ, графа Ливена, при чемъ Маріей Ѳеодоровной ставилось на видъ, что чѣмъ меньше времени великій князь будетъ терять на эти обѣды, тѣмъ это будетъ лучше въ смыслѣ болѣе производительнаго употребленія имъ своего времени.

Судя по редакціи одного мѣста въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, посвященной путешествію Николая Павловича, можно предположить, что первоначально она желала, чтобы великій князь постоянно сохранялъ инкогнито, но что императоръ Александръ не призналъ этого необходимымъ, сказавъ, что можно прибѣгать къ этому лишь тогда, когда явится желаніе избѣжать различныхъ церемоній. Въ такихъ случаяхъ государь разрѣшилъ великому князю называться графомъ Романовымъ[71].

Наглядным памятникомъ всесторонней заботливости, съ которою императрица-мать относилась къ дѣлу воспитанія ума и сердца юноши Николая Павловича, служатъ ея письма къ графу Ливену; письма эти полны материнской попечительности не только о матеріальныхъ потребностяхъ сына, но и о духовной и нравственной сторонѣ его жизни; они проникнуты, быть можетъ, нѣсколько слишкомъ строгимъ взглядомъ на вещи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ о рѣдкой возвышенности образа мыслей императрицы относительно своихъ обязанностей, какъ матери.

Въ своемъ письмѣ къ графу Ливену отъ 21-го сентября 1816 года она просила его не только заботиться о томъ, чтобы обѣды и пріемы поглощали у великаго князя какъ можно менѣе драгоцѣннаго времени, котораго никогда нельзя сберечь въ достаточной степени, но чтобы онъ оберегалъ также Николая Павловича отъ всего, что тѣмъ или инымъ путемъ могло бы вредить его нравственности въ городѣ, въ которомъ «развращенность столь велика и смѣла (la perversité est si grande et si hardie)». Говоря о томъ, что великому князю предстоитъ увидѣть, она писала, что не слѣдуетъ сосредоточивать его вниманіе на какомъ либо одномъ родѣ предметовъ, но что оно должно быть удѣлено, по возможности, всему, что интересуетъ человѣчество (intéresse l'humanité) и выдѣляется съ точки зрѣнія общественной пользы. Императрица просила также при устройствѣ помѣщенія для великаго князя принимать въ соображеніе «нашъ девизъ—простоту (notre devise: la simplicité)»[72].

Хотя императрица Марія Ѳеодоровна и императоръ Александръ признавали путешествіе Николая Павловича по Англіи въ высшей степени желательнымъ въ воспитательныхъ и образовательныхъ цѣляхъ, однако, повидимому, существовало нѣкоторое опасеніе, какъ бы великій князь не слишкомъ увлекся свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ прямую связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Это

предположеніе подтверждается запиской-наставленіемъ, составленной для великаго князя по случаю его путешествія графомъ Нессельроде. Въ этой запискѣ юный путешественникъ, «наблюдатель» (l'observateur), предостерегается отъ опасности, которой подвергается каждый чужеземецъ за границей: безсознательно подчиняться суммѣ посторонних вліяній. Ему указывается на безусловную необходимость судить о какой либо странѣ въ связи съ ея историческимъ прошлымъ. Такъ какъ главное, что должно поражать путешественника въ Англіи,—это ея конституціонныя учрежденія, то авторъ записки и переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса объ ихъ происхожденіи и развитіи.

По его словамъ, Англія своимъ примѣромъ служитъ наиболѣе наглядным подтвержденіемъ той важной и столь упорно не признаваемой истины, что общественныя учрежденія никогда не являются слѣдствіемъ одной лишь воли человѣка, но, напротивъ того, являются плодомъ времени, событій, иначе говоря, самой природы обстоятельствъ. Развивая дальше эту мысль, Нессельроде пишетъ, что развитіе учрежденій, которыми Англія гордится по праву, происходило съ поражающею медленностью; что не только ни одинъ отдѣльный человѣкъ не можетъ быть признанъ положившимъ первый камень этого античнаго зданія, но что даже было бы трудно точно указать время, когда былъ данъ первый толчекъ въ этомъ направленіи; что возможность развитія и упроченія этихъ учрежденій во многомъ была обусловлена самимъ географическимъ положеніемъ страны.

Въ концѣ своей записки графъ Нессельроде подходитъ къ главной мысли, которая, безспорно, и составляетъ самую сущность его разсужденій и по его мысли должна была войти въ сознаніе великаго князя. Признавая, что нельзя удержаться, чтобы не отдать должной дани восторга общественному и политическому строю Англіи, онъ предостерегаетъ, что было бы опасно, въ порывѣ восторга, впасть въ столь распространенное заблужденіе, что возможно привить этотъ строй и другимъ народамъ и государствамъ. Поступать такъ значило бы забывать, что широкое развитіе англійскихъ учрежденій находится въ прямой связи съ изолированнымъ положеніемъ страны, и что, къ тому же, единственнымъ залогомъ долговѣчности учрежденій является сцѣпленіе естественныхъ причинъ и необходимыхъ послѣдствій; что желать позаимствовать чужеземныя формы и даровать ихъ какому либо народу значило бы причины, дѣйствующія испоконъ вѣковъ, замѣнить элементомъ случайной воли и пытаться получить тѣ же результаты; что такимъ образомъ можно пересадить букву конституціи, но не ея духъ (on n'aura donc jamais que la lettre d'une constitution, et non son esprit).

Въ заключеніе графъ Нессельроде писалъ: «Однимъ словомъ, учрежденія (англичанъ) заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь

для того, чтобы изощрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ (enfin que leurs institutions ne méritent d'être contemplées de près que pour exercer l'esprit de l'observateur à la reflexion et non comme un répertoire de formes constitutionnelles, où l'on puisse emprunter les dimensions d'un nouvel édifice, sous tout autre ciel et dans tout autre climat)»[73].

Было ли извѣстно императору Александру содержаніе записки графа Нессельроде? Позволительно въ этомъ сомнѣваться; едва ли она могла служить отголоскомъ взглядовъ и убѣжденій государя, по крайней мѣрѣ, въ эту эпоху его царствованія[74]. Скорѣе можно предположить, что цѣль, положенная въ основу этой записки, соотвѣтствовала взглядамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и записка была составлена по ея просьбѣ. Что же касается Николая Павловича, то опасенія лицъ, внушившихъ графу Нессельроде обратиться къ великому князю съ подобнымъ доброжелательнымъ предостереженіемъ, были совершенно напрасны: онъ въ немъ совершенно не нуждался. Вообще же можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что въ сущности авторъ записки ломался въ открытую дверь. Въ это время характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько образоваться, съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности, міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть. Это былъ не ученикъ Лагарпа, не восторженный слушатель вдохновенныхъ рѣчей Наррота, а воспитанникъ Ламздорфа, прошедшій суровую воспитательную школу совершенно иного свойства, чѣмъ та, въ которой возросъ Александръ. Для Николая Павловича, даже въ юношескіе годы, немыслимъ былъ разговоръ, подобный тому, который велъ императоръ Александръ въ 1814 году въ Англіи съ выдающимися представителями партіи виговъ, о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, прибавивъ еще, что онъ озаботится вызвать въ Россіи къ жизни «un foyer d'opposition». Николай Павловичъ, напротивъ того, не былъ способенъ къ подобнымъ увлеченіямъ, а поэтому можно было обойтись и безъ предостереженія, даннаго ему насчетъ непримѣнимости англійскихъ конституціонныхъ учрежденій къ другимъ странамъ.

IV.

Выѣхавъ изъ Павловска 13-го (25-го) сентября 1816 года, великій князь Николай Павловичъ безостановочно слѣдовалъ до Берлина, сгорая отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣться съ своей невѣстой, принцессой Шарлоттой. «Nous irons, ou plutôt nous volerons sur les ailes de l'amour

jusqu'à Berlin», писалъ баронъ Павелъ Андреевичъ Николаи къ графу Семену Романовичу Воронцову[75]. До Берлина великаго князя сопровождалъ генералъ Ламздорфъ, въ ожиданіи пріѣзда генералъ-адъютанта

Аничковскій дворецъ и Невскій проспектъ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ гравюры того времени).

Голенищева-Кутузова, которому разрѣшено было присоединиться къ путешественникамъ нѣсколько позже[76]. Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Берлинъ 21-го сентября (3-го октября) и затѣмъ почти все время проводилъ въ Шарлоттенбургѣ, гдѣ находился дворъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Послѣ большихъ осеннихъ маневровъ прусскихъ войскъ, на которыхъ присутствовалъ великій князь по приглашенію короля, Николай Павловичъ отправился въ дальнѣйшій путь 15-го (27-го) октября [77]. Первая остановка его была въ Веймарѣ для свиданія съ великой княгиней Маріей Павловной. Отсюда великій князь направился черезъ Кассель, Кобленцъ, Кёльнъ, Ахенъ и Люттихъ въ Брюссель; затѣмъ изъ Калэ совершенъ былъ переѣздъ въ Англію [78].

Принцъ-регентъ былъ враждебно настроенъ противъ Россіи и въ частности противъ императора Александра. Подобное нерасположеніе, совпавшее съ пріѣздомъ великаго князя, вызвано было между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что принцъ Оранскій женился на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, а не на дочери принца-регента, принцессѣ Шарлоттѣ.

Принцъ-регентъ не упустилъ случая, чтобъ дать почувствовать Николаю Павловичу все свое неудовольствіе. Назначивъ часъ для пріема великаго князя, онъ заставилъ его ждать своего выхода въ продолженіе двадцати пяти минутъ; наконецъ графъ Ливенъ послалъ сказать принцу, что его ожидаетъ великій князь. Только тогда онъ вышелъ. Чтобы отплатить за такую нелюбезность, Николай Павловичъ, приглашенный къ принцу-регенту на парадный обѣдъ, умышленно опоздалъ на четверть часа. Принцъ-регентъ понялъ урокъ и съ этого времени сталъ вести себя въ отношеніи къ великому князю болѣе приличнымъ образомъ [79].

Николай Павловичъ провелъ въ Англіи четыре мѣсяца и предпринялъ изъ Лондона обширныя поѣздки по всѣмъ направленіямъ. Крайній сѣверный городъ, включенный въ маршрутъ путешественника, былъ Эдинбургъ, а на юго-западѣ Ливерпуль, Плимутъ и Портсмутъ. По свидѣтельству сопровождавшаго его кавалера, Григорія Андреевича Глинки, пріемъ, оказанный ему повсюду, былъ «дружелюбнѣйшій», и проявлено всѣми «доброхотство угождать и предупреждать всѣ желанія и мысли высокаго посѣтителя»... Иванъ Ѳедоровичъ Саврасовъ съ своей стороны доносилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Справедливость требуетъ сказать, что его высочество во все время сего путешествія не оставилъ вниманіемъ своимъ ни одного предмета, онаго заслуживающаго, и какъ самъ, такъ и ласковымъ обхожденіемъ, пріобрѣлъ всеобщее почтеніе и похвалу». Вмѣстѣ съ тѣмъ Саврасовъ сообщалъ, что великій князь во время поѣздки своей гостилъ въ различныхъ замкахъ и «получилъ полное понятіе объ образѣ жизни англійскихъ людей и ихъ гостепріимствѣ» [80].

Въ своей частной перепискѣ Г. А. Глинка отзывается объ этомъ путешествіи нѣсколько иначе и пишетъ: «Трудно подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня видъ столькихъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бы остановиться

на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣскольку часовъ»[81].

Въ началѣ января 1817 года, Николай Павловичъ провелъ нѣсколько дней у принца-регента въ Брайтонѣ и, какъ пишетъ Г. А. Глинка, «безъ малѣйшаго стѣсненія, пользуясь вниманіемъ и расположеніемъ принца; погода стояла прекрасная, устроивались прогулки и балы, на которыхъ являлись первѣйшія красавицы въ мірѣ и гремѣла музыка; я думаю, что воображеніе представитъ мнѣ однажды это время, какъ рядъ волшебныхъ явленій»[82].

Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что великій князь встрѣченъ былъ въ Брайтонѣ «со всѣми военными почестями. Въ четырехдневное тамъ пребываніе его высочество всякое утро изволилъ прогуливаться верхомъ и одинъ разъ смотрѣлъ кавалерійское ученіе. На другой день нашего пріѣзда былъ балъ, а въ прочіе вечера музыка. Кажется, что принцъ-регентъ старается наилучшимъ образомъ угостить великаго князя и при всякомъ случаѣ оказываетъ ему все возможное уваженіе»[83].

Саврасовъ по поводу пребыванія въ Брайтонѣ сообщилъ императрицѣ еще слѣдующія подробности: «При въѣздѣ своемъ въ сіе мѣсто его высочество былъ встрѣченъ двумя эскадронами гусаръ, и вообще пріемъ, учиненный при семъ случаѣ и во все время его въ Брайтонѣ пребыванія принцемъ-регентомъ, былъ отличнѣйшій. За обѣденнымъ столомъ его королевское высочество пилъ здоровье императорской фамиліи, а потомъ въ особенности высокаго своего гостя. Въ вечеру его высочество занимался въ собраніи разговорами съ знатнѣйшими англійскими особами»[84].

16-го января, Николай Павловичъ присутствовалъ при открытіи парламента; вечеромъ великій князь былъ въ верхней палатѣ, какъ пишетъ Саврасовъ, «при совѣщаніяхъ о случившейся принцу-регенту, при возвращеніи его изъ парламента, непріятности отъ черни. Обстоятельство сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что не только его высочество со свитою допущены были въ палату, когда всѣ прочіе, какъ иностранные, такъ и здѣшніе, были изъ оной высланы, но еще сверхъ того введенъ былъ послѣ того въ особенную комнату, въ которой по сему же случаю происходила конференція между депутаціями обѣихъ палатъ, чему, какъ здѣсь говорятъ, и примѣру не бывало. Послѣ сего его высочество изволилъ нѣкоторое время провести въ нижней палатѣ»[85].

Продолжительное пребываніе Николая Павловича въ Англіи доставило ему возможность знакомиться съ самыми разнообразными политическими и государственными дѣятелями страны, которыми она тогда гордилась. Но лично великій князь предпочиталъ общество и бесѣды

ГЛАВА ВТОРАЯ

съ представителями британской арміи. Между ними герцогъ Веллингтонъ, два раза уже встрѣчавшійся съ Николаемъ Павловичемъ въ Парижѣ, въ 1814 и 1815 годахъ, считалъ своимъ долгомъ окружить брата императора Александра вниманіемъ и предупредительностію и нерѣдко служилъ ему руководителемъ и спутникомъ при обзорѣ замѣчательныхъ военныхъ и промышленныхъ учрежденій [86].

Николай Павловичъ менѣе всего интересовался ораторскими преніями въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, а также разговорами объ этихъ явленіяхъ англійской общественной жизни. По поводу же столь распространенныхъ въ Англіи клубовъ и митинговъ Николай Павловичъ замѣтилъ однажды генералу Кутузову:

«Если бы, къ нашему несчастію, какой нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе».

Если бы графъ Нессельроде услыхалъ этотъ рѣзкій отзывъ, онъ остался бы, вѣроятно, доволенъ словами «наблюдателя» и окончательно успокоился бы насчетъ возможнаго увлеченія конституціонными порядками со стороны молодого путешественника.

Изъ Лондона великій князь ѣздилъ, между прочимъ, два раза въ Кларемонтъ, въ 20-ти верстахъ отъ Лондона, въ загородный дворецъ принцессы Шарлотты, дочери принца-регента, вышедшей замужъ за принца кобургскаго Леопольда, сдѣлавшагося впослѣдствіи бельгійскимъ королемъ. Во время посѣщенія великимъ княземъ Кларемонскаго замка его видѣлъ лейбъ-медикъ принца Леопольда, Штокмаръ, который оставилъ намъ описаніе наружности Николая Павловича въ то время. По его словамъ, это былъ необыкновенно красивый, плѣнительный молодой человѣкъ, прямой, какъ сосна, съ правильными чертами лица, открытымъ лбомъ, красивыми бровями, необыкновенно краснымъ носомъ, краснымъ маленькимъ ртомъ, тонко очерченнымъ подбородкомъ; военный костюмъ его отличался простотою. «Его манера держать себя,— прибавляетъ Штокмаръ,— полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ оттѣнить что либо особенное, то поднимаетъ плечи къ верху и нѣсколько аффектированно возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако, безъ всякой претензіи. Онъ не очень много занимался принцессою, которая чаще обращалась къ

Любезная Маминька!

Въ Понедѣльникъ 5го въ урокѣ россійской исторіи читали мы въ Елагинѣ описаніе первобытнаго правленія Россіи. Онъ полагаетъ, что Гостомыслъ былъ сынъ К. Буривоя и что они происходили отъ рода вандальскихъ Князей; а Гостомысла были 4 сына, кои всѣ прежде его (умерли); и при дочери, изъ коихъ вторая Умила была замужемъ за Варагорусскимъ Княземъ. Когда Гостомыслъ почувствовалъ приближающуюся

кончину

свою, то съ согласія всѣхъ народовъ, подъ управ-
леніемъ его бывшихъ, какъ-то: Славянъ, Руси,
Чуди, Веси, Мери, Кривичей, и Дрягвичей, приз-
валъ сына Умилы и своего внука Рурика съ
братьями, Синеусомъ и Труворомъ, изъ коихъ пер-
вый ему и послѣдовалъ въ Княженіи; но —
Вадимъ, сынъ старшей дочери Гостомысловой, быв-
шей уповательно въ супружествѣ за Княземъ про-
исхожденія Славянскаго, мужъ хитрый, храбрый
и сварливый, думая имѣть болѣе права на

первенство,

старался препятствовать Рюрику вступить

въ настоящее управленіе Новагорода и земли

Славянорусской, что не прежде воспоследовало

какъ по усмиреніи всѣхъ мятежей и безпокойствъ

и со смертію Вадима, въ 862-мъ году

по рождествѣ Христовѣ.

во вторникъ въ Артиллерійскомъ кружкѣ

говорено было о разныхъ разстояніяхъ на

которыхъ удобно дѣйствовать можно изъ орудій

разными снарядами. — Николай. —

С. 3-го Генваря,
1813-го.

ДѢТСКОЕ ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Форма русскихъ войскъ въ концѣ царствованія Александра I.

Кондукторъ Главнаго Инженернаго Училища.

Солдатъ л.-гв. Преображенскаго полка.

10

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2

нему, чѣмъ онъ къ ней. Онъ ѣлъ очень умѣренно для человѣка его лѣтъ и пилъ лишь одну воду. Послѣ обѣда, когда графиня Ливенъ [87] сыграла на роялѣ, онъ поцѣловалъ ей руку, что показалось англійскимъ дамамъ крайне страшнымъ, но въ то же время рѣшительно желательнымъ. Мистриссъ Кэмбель (статсъ-дама принцессы Шарлотты, отличавшаяся требовательностію и строгостію въ своихъ сужденіяхъ о мужчинахъ) была неизсякаема въ своихъ похвалахъ насчетъ великаго князя: «О какое очаровательное созданіе! Онъ дьявольски красивъ! Это будетъ самый красивый мужчина въ Европѣ!» Когда вечеромъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, для великаго князя былъ принесенъ кожаный мѣшокъ, набитый сѣномъ на конюшнѣ его людьми, на которомъ онъ всегда спалъ». По словамъ Штокмара, англичане увидѣли въ этомъ со стороны великаго князя желаніе порисоваться [88].

Въ началѣ (половинѣ) марта великій князь разстался съ Англіею и совершилъ переѣздъ изъ Дувра въ Калэ. Во Франціи Николай Павловичъ остановился только не надолго въ Мобежѣ, гдѣ были расположены войска русскаго оккупаціоннаго отряда подъ начальствомъ князя М. С. Воронцова [89]. Кутузовъ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 7-го (19-го) марта 1817 года, изъ Мобежа: «Неоднократно уже имѣлъ счастіе донести вашему императорскому величеству, какую великій князь заслужилъ отъ всѣхъ похвалу во время пребыванія своего въ Англіи, а сдѣланныя отъ французскаго правительства встрѣча и всенародное восклицаніе и признательность къ августѣйшему нашему монарху за оказанное покровительство Франціи да послужатъ его высочеству наполезнѣйшимъ нравоученіемъ».

Изъ Мобежа великій князь направился въ Брюссель для свиданія съ великой княгиней Анной Павловной, а затѣмъ въ Штутгартъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Здѣсь Николай Павловичъ говѣлъ и пріобщился Святыхъ Таинъ: «ежели не со всѣми строгими обрядами нашей земли,—доносилъ Кутузовъ императрицѣ,—то не менѣе того съ самою чистою совѣстью истиннаго христіанина» [90].

Въ заключеніе своего продолжительнаго заграничнаго путешествія Николай Павловичъ провелъ еще нѣкоторое время въ Веймарѣ, а затѣмъ поспѣшилъ въ Берлинъ. Пребываніе въ Пруссіи сопровождалось для него на этотъ разъ еще новою неожиданною радостью. Король назначилъ 5-го (17-го) апрѣля 1817 года своего будущаго зятя шефомъ 3-го Бранденбургскаго кираспрскаго полка. 8-го (20-го) апрѣля король въ Потсдамѣ торжественно передалъ собранныхъ у королевскаго дворца кираспръ ихъ новому шефу; Николай Павловичъ, обнаживъ палашъ, принялъ командованіе полкомъ и провелъ его передъ королемъ церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ парада всѣ офицеры полка представлялись новому своему шефу во дворцѣ и затѣмъ приглашены были къ коро-

левскому завтраку. Великій князь, желая ознаменовать столь радостный для него день милостью для полка, испросилъ у короля производство въ сверхштатные майоры старшаго ротмистра фонъ-Бюлова [91].

Великій князь успѣлъ уже ранѣе усвоить себѣ въ совершенствѣ прусскій военный уставъ, и потому неудивительно, что онъ поразилъ своихъ новыхъ сотоварищей необычайнымъ знаніемъ всѣхъ установленныхъ у нихъ порядковъ службы. Въ этомъ всѣ могли убѣдиться во время происходившихъ тогда въ окрестностяхъ Берлина весеннихъ маневровъ и большого парада. Среди этихъ военныхъ упражненій Николай Павловичъ нашелъ даже возможнымъ произвести своему полку тревогу, исправное состояніе котораго доставило ему немалое удовольствіе.

Но всѣ эти радости продолжались недолго. 27-го апрѣля (9-го мая) 1817 года Николай Павловичъ возвратился въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, великій князь Николай Павловичъ пробылъ въ Петербургѣ только около мѣсяца, а затѣмъ снова отправился въ путь къ прусской границѣ для встрѣчи своей невѣсты, принцессы Шарлотты [92].

Принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ 31-го мая (12-го іюня) 1817 года. Во время путешествія въ Россію принцессу сопровождали ея братъ, принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I. и свита, состоявшая изъ оберъ-гофмейстерины графини Гаake, фрейлины графини Трухсесъ, воспитательницы принцессы Вильдерметъ, оберъ-гофмейстера барона Шильдена, камергера графа Лоттумъ, секретарей Шамбо и Шиллера, доктора Буссе, протоіерея Музовскаго и изъ необходимаго числа прислуги. Принца Вильгельма сопровождалъ генералъ Натцмеръ; военная же свита принца состояла изъ его личнаго адъютанта, поручика графа Шлифена, и сверхъ того изъ полковника Грабова, майора Лукаду и поручика Мутіуса.

Теперь какъ бы исполнялось пророческое слово о принцессѣ Шарлоттѣ, сказанное нѣкогда королевой Луизой:

«Наши дѣти—наши сокровища. Дочь моя Шарлотта замкнута въ себѣ, сосредоточена, но, какъ и у ея отца, подъ холодной, повидимому, внѣшностью бьется горячее, сочувствующее сердце; вотъ причина, по которой въ ея обращеніи проглядываетъ нѣчто величественное. Если Господь сохранитъ ея жизнь, я предчувствую для нея блестящее будущее».

Передъ отъѣздомъ своей дочери Фридрихъ-Вильгельмъ снабдилъ генерала Натцмера особою письменною инструкціею, содержаніе которой

наглядно доказываетъ отрицательныя выгоды, добытыя Россіею отъ политики, поставившей ее съ 1815 года во главѣ реакціи въ Европѣ. Въ каждой строчкѣ этой инструкціи проглядываетъ недовѣріе къ Россіи и высказывается полное сомнѣніе въ безкорыстіи политическихъ намѣреній императора Александра. Такъ продолжалось до 1854 года, а между тѣмъ сами же наши союзники открыто открещивались не разъ отъ дружескихъ услугъ, навязываемыхъ Европѣ творцомъ Священнаго союза, а затѣмъ и его преемникомъ....

Инструкція, врученная королемъ Натцмеру, заключалась въ слѣдующемъ:

«Наши политики того мнѣнія, что слѣдуетъ употребить съ нашей стороны всѣ возможныя усилія, чтобы не допустить войны между Россіей и Портой и тѣмъ отклонить всеобщую войну.

«Относительно революціоннаго движенія въ Пруссіи слѣдуетъ сказать, что нужно предоставить людямъ думать все, что имъ вздумается, лишь бы они повиновались и платили. Серьезнаго ничего нѣтъ. Есть основаніе предполагать, что императоръ дѣлаетъ столько шуму изъ этого революціоннаго духа лишь для того, чтобъ было чѣмъ оправдать громадный составъ своей арміи. Въ такомъ смыслѣ онъ высказался Пруссіи и Австріи.

«Относительно образованія ландвера—сказать правду. Убѣдить императора, что вся наша военная система основана на оборонительныхъ цѣляхъ. Для другихъ цѣлей наши силы недостаточны—у насъ подъ ружьемъ не болѣе 110.000 человѣкъ, но въ случаѣ нападенія мы можемъ располагать четырехсотъ-тысячной арміей и даже больше.... Истинная цѣль императора заключается, конечно, въ желаніи быть посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль, а чтобы имѣть возможность угрожать, онъ намѣренъ сохранить свои многочисленныя арміи»[93].

Но прусское правительство не довольствовалось всѣмъ этимъ. Генералъ Грольманъ, стоявшій во главѣ прусскаго генеральнаго штаба, снабдилъ Натцмера еще слѣдующими вопросными пунктами, которые безъ всякаго сомнѣнія, приличнѣе было бы Наполеону ставить своему военному агенту передъ нашествіемъ 1812 года, чѣмъ союзной намъ державѣ въ 1817 году, въ моментъ бракосочетанія дочери прусскаго короля съ вѣроятнымъ наслѣдникомъ русскаго престола:

«Можетъ быть,—пишетъ Грольманъ,—вамъ удастся узнать кое-что о слѣдующемъ:

«1) Поддерживается ли еще у Риги предмостное укрѣпленіе?

«2) Будутъ ли вновь отстроены рижскіе форштадты, окружающіе крѣпость, и въ какомъ отдаленіи отъ укрѣпленій?

«3) Приступили ли дѣйствительно къ укрѣпленію Пскова, и что именно сдѣлано въ этомъ отношеніи?

«4) Въ какомъ положеніи находятся древнія укрѣпленія Новгорода?
«5) Въ какомъ положеніи находятся Нарва и Ивангородъ?» [94]

Путешествіе принцессы Шарлотты до самой русской границы было безпрерывнымъ рядомъ овацій и проявленія къ ней сочувствія со стороны ея соотечественниковъ.

8-го (20-го) іюня, принцесса Шарлотта и принцъ Вильгельмъ прибыли въ Мемель. Въ честь ихъ пріѣзда были устроены тріумфальныя ворота, суда расцвѣтились флагами, и появленіе путешественниковъ встрѣчено безконечнымъ ура. Почти одновременно съ ними въ Мемель пріѣхалъ полковникъ Адлербергъ, адъютантъ великаго князя Николая Павловича, съ извѣстіемъ о прибытіи великаго князя въ Полангенъ.

На другой день по прибытіи въ Мемель, принцъ Вильгельмъ, по совѣту Натцмера, рѣшилъ сдѣлать визитъ великому князю въ Полангенъ, но по дорогѣ туда встрѣтился съ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ прибытіемъ въ Мемель инкогнито доставить сюрпризъ принцу и принцессѣ. При встрѣчѣ они поспѣшили выйти изъ экипажей, сердечно поцѣловались и вмѣстѣ отправились въ Мемель.

Переѣздъ черезъ русскую границу совершился 9-го (21-го) іюня. Вдоль пограничной черты, со стороны Пруссіи и Россіи, выстроились отряды войскъ русскихъ и прусскихъ. Въ семь часовъ утра великій князь въ формѣ своего Бранденбургскаго кирасирскаго полка явился передъ строемъ пруссаковъ, гдѣ его встрѣтилъ принцъ Вильгельмъ съ обнаженною шпагою. Николай Павловичъ, поздоровавшись съ войсками, сказалъ имъ: «Мои друзья, помните, что я на половину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля».

Въ 9 часовъ подъѣхала придворная карета, изъ которой вышла принцесса Шарлотта, встрѣченная своимъ братомъ; она обошла ряды прусскихъ войскъ, чтобы съ ними проститься. Затѣмъ подъ руку съ принцемъ Вильгельмомъ принцесса направилась къ русской границѣ. Великій князь поспѣшилъ къ ней навстрѣчу и, протягивая руку, какъ бы желая помочь ей переступить пограничную черту, сказалъ шепотомъ: «Наконецъ-то вы среди насъ, дорогая Александра», а затѣмъ произнесъ такъ, чтобы быть услышаннымъ окружающими: «Добро пожаловать въ Россію, ваше королевское высочество».

Послѣ того онъ провелъ принцессу по рядамъ русскихъ войскъ и сказалъ, обратившись къ офицерамъ: «Это не чужая, господа; это—дочь вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга нашего государя».

Въ Полангенѣ Николай Павловичъ представилъ своей невѣстѣ русскій придворный штатъ; онъ состоялъ изъ княгини Волконской (рожд. княжны Репниной), фрейлинъ графини Шуваловой и Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера Альбедиля, камергера князя Долгорукова и камеръ-юнкера графа Соллогуба.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дальнѣйшее путешествіе по Россіи было крайне утомительно, такъ какъ стояла страшная жара, а дорожная пыль дѣлала его еще болѣе тяжелымъ. Тѣмъ не менѣе на каждой станціи великій князь показывалъ принцу Вильгельму войска и производилъ имъ ученіе. По этому поводу

Принцъ Вильгельмъ прусскій.

(Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Unser Heldenkaiser", изд. въ Берлинѣ въ 1896 г.)

Натцмеръ отмѣчаетъ у себя въ дневникѣ, что «нельзя повѣрить, чѣмъ этотъ господинъ способенъ заниматься по цѣлымъ днямъ».

Во время пути дѣлалось все, чтобы торжественностью встрѣчъ смягчить вполнѣ естественную грусть принцессы Шарлотты. Особенно блестящъ былъ въѣздъ въ Ригу, хотя проявленный при этомъ восторгъ показался почему-то Натцмеру нѣсколько искусственнымъ.

16-го (28-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Дерить. На слѣдующій день праздновалось рожденіе ея брата, принца Карла, и это обстоятельство должно было особенно оживить ея грусть по покинутой родинѣ, поэтому неудивительно, что у нея на глазахъ часто навертывались слезы, и она казалась печальнѣе обыкновеннаго. Къ вполнѣ понятной тоскѣ по родинѣ у принцессы Шарлотты присоединялся еще страхъ при мысли о встрѣчѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, разсказы о которой напугали ее; страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что наканунѣ встрѣчи она плакала отъ того, что ей предстояло познакомиться съ вдовствующей императрицей. «Je pleurais beaucoup de l'idée de devoir faire la connaissance de l'impératrice Marie dont on m'avait fait peur», — признается принцесса Шарлотта въ своихъ воспоминаніяхъ.

18-го (30-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Косково, гдѣ къ ней выѣхали навстрѣчу императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ. Страхъ принцессы оказался напраснымъ. Она въ воспоминаніяхъ пишетъ: «Я очутилась въ объятіяхъ моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мою любовь. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тою любезностью и съ такими сердечными и изысканными словами, которыя были ему одному свойственны. (L'empereur me reçut avec cette grâce et des paroles cordiales et choisies qui n'appartenaient qu'à lui)». Вообще свиданіе было въ высшей степени трогательное и сердечное. Государь представилъ своей матери принца Вильгельма, пользовавшагося еще съ 1814 года особеннымъ его расположеніемъ, съ словами: «рекомендую вамъ моего новаго брата», на что императрица отвѣчала, обнявъ принца: «стало быть, и у меня теперь однимъ сыномъ болѣе».

Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Гатчину и Царское Село. Въ Гатчинѣ осматривали дворецъ, въ которомъ воспитывались младшіе великіе князья. Дворецъ этотъ своимъ мрачнымъ видомъ произвелъ на иностранцевъ тяжелое впечатлѣніе.

19-го іюня (1-го іюля) принцесса прибыла въ Павловскъ, гдѣ собрался весь дворъ; тамъ же ее поджидала и императрица Елисавета Алексѣевна. Новизна впечатлѣній до того поразила принцессу, что она растерялась и не замѣтила императрицы, какъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь къ ней: «Не найдется ли у васъ и для меня взгляда? (N'avez vous pas un regard pour moi?)». Въ отвѣтъ принцесса бросилась въ объятія императрицы, тронувшей ее своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ выраженія излишнихъ чувствъ [95].

Вдовствующая императрица была въ восторгѣ отъ невѣсты и сказала, что идеалъ всѣхъ ея желаній исполнился, потому что небо послало

ей такую дочь. Это расположеніе Маріи Ѳеодоровны къ принцессѣ возростало, можно сказать, съ каждымъ днемъ, такъ что графиня Ливенъ имѣла полное основаніе сказать впослѣдствіи великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «Sie sind das Herzblatt der Kaiserin Mutter (вы любимица императрицы-матери)».

20-го іюня (2-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты въ С.-Петербургъ. Всѣ смотрѣли на нее съ пѣжнѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастіе ея матери. Что касается великаго князя Николая Павловича, то, какъ замѣчаетъ современникъ, русскіе тогда еще мало знали его[95]; «едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію, но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны потрясти міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ. И даже въ этотъ день ликованья царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе».

Во время торжественнаго шествія, по правую руку императора Александра ѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, а по лѣвую — принцъ Вильгельмъ; великій князь Михаилъ Павловичъ находился рядомъ съ братомъ. Принцесса слѣдовала въ золоченомъ открытомъ ландо съ обѣими императрицами. Войска разставлены были по всему пути, начиная отъ Московской заставы. По прибытіи въ Зимній дворецъ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго принцесса въ первый разъ приложилась къ кресту. Торжество заключилось прохожденіемъ войскъ церемоніальнымъ маршемъ; великіе князья находились во главѣ своихъ полковъ. Императрица, принцесса и дворъ помѣщались на существовавшемъ тогда деревянномъ балконѣ. «Съ этого балкона меня показали народу», записала принцесса.

Chère Maman !

Jeudi dans la leçon d'art militaire j'ai continué
à lire les principes de la stratégie dans Rocheazon
Dans la Leçons de Morale il était question de la
précaution qu'il faut employer dans notre conduite
pour éviter tout ce que peut scandaliser les autres.
Après-midi j'ai dessiné ; puis dans la leçon Grec-
que j'ai lu des maximes morales tirées du livre
élémentaire de Jacobs.

Vendredi dans la leçon de physique M.r Colin

mouth

nous a montré et expliqué la fontaine de compres-

sion, et une machine pour montrer les angles de

vision. Dans la leçon d'histoire d'Allema-

gne on m'a entretenu du règne d'Otton II,

dont le commencement fut troublé par la revolte

d'Henri le Querelleur, Duc de Bavière.

Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon

allemande nous avons fini la lecture du bon-

homme Richard.

Samedi dans la leçon d'histoire d'Allemagne

Mlle Dupuget

a continué le tableau du règne d'Otton II;
j'y ai vu avec indignation la perfidie dont
il usa envers les principaux habitants de
Rome. — Dans la leçon d'art militaire j'ai
lu dans Rocheaymon les différents cas où
il est permis de livrer bataille). — Après-
midi dans la leçon de M.r Duputget j'ai continué
à répéter l'histoire d'Angleterre. — Dans la le-
çon latine nous avons fini la lecture de la Description
du Colisée, d'après les antiquités de Nieuport.

Ce 5.e Janvier; Nicolas.
1813.

ДѢТСКОЕ ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ
НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Форма русскихъ войскъ въ концѣ царствованія Александра I.

Офицеръ Гренадерскаго корпуса.

13

А. Н. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ тотъ же день Шильденъ и Натцмеръ передали государю — первый письмо короля [97], а второй — рапортъ о состояніи полка его имени. Натцмеръ пишетъ объ этомъ свиданіи: «Императоръ много говорилъ со мною о военныхъ, о нашемъ корпусѣ офицеровъ, которые опередили русскій. На мои слова: «Sire, nous amenons ce que nous avons de plus cher», онъ отвѣтилъ, что онъ прекрасно знаетъ и чувствуетъ, какую жертву принесли ему король и нація, но что черезъ это узы дружбы и согласія будутъ еще болѣе скрѣплены, если только это представляется возможнымъ. Онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы принцесса была здѣсь счастлива».

Когда поздно вечеромъ въ день своего въѣзда въ Петербургъ, послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, послѣ блеска торжественной встрѣчи въ столицѣ и ослѣпительной роскоши развернувшейся передъ нею придворной жизни, столь не походившей на все то, что ей приходилось видѣть съ дѣтства, принцесса Шарлотта очутилась наконецъ одна въ своей комнатѣ, она почувствовала, по словамъ ея біографа Гримма, что находится въ міровомъ царствѣ, гдѣ все представляется ей въ исполинскихъ формахъ [98].

22-го іюня (4-го іюля) изъ Варшавы прибылъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. «Je le trouvai bien laid», пишетъ о немъ будущая императрица въ своихъ воспоминаніяхъ, прибавляя: «хотя я уже видѣла его ребенкомъ въ Берлинѣ въ 1805 году».

24-го іюня (6-го іюля) состоялось миропомазаніе принцессы Шарлотты, наречешной великой княжною Александрой Ѳеодоровной. Событіе это оказало громадное вліяніе на ея нравственное состояніе. Мысль о перемѣнѣ религіи до того угнетала ее, что съ самаго своего въѣзда въ Петербургъ вилоть до 24-го іюня она плакала, какъ только оставалась одна.

Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Ѳеодоровна, упоминая о своемъ тогдашнемъ душевномъ настроеніи, впослѣдствіи писала:

«Протоіерей Музовской, посвящавшій меня въ догматы греческой церкви и который долженъ былъ подготовить меня къ первому причастію Св. Тайнъ, былъ человѣкъ прекрасный, но не особенно краснорѣчивый на нѣмецкомъ языкѣ. Не такого человѣка было мнѣ нужно для того, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ее въ подобную минуту; но я нашла въ молитвѣ то, что одно можетъ дать спокойствіе, я читала назидательныя книги, болѣе не думала о земныхъ вещахъ и была преисполнена счастіемъ пріобщиться въ первый разъ Святыхъ Тайнъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь; меня повелъ императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ я прочла символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черной рясѣ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣломъ, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе

произвела я на все наше русское общество, которое съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ видѣло появленіе бѣдной принцессы Шарлотты въ церковномъ обрядѣ, столь мистическомъ и странномъ въ глазахъ протестантовъ. Миропомазаніе моей невѣстки цесаревны[93] произошло при

Графъ Егоръ Карловичъ Сиверсъ.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

совершенно иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово за слово догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она имѣла время привыкнуть въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія въ Россіи. Но для меня все это случилось весьма быстро: все совершилось и окончилось въ теченіе шести дней. Съ той минуты,

какъ я пріобщилась Св. Тайнъ, я почувствовала себя въ мирѣ съ самой собою и не проливала болѣе слезъ».

25-го іюня (7-го іюля), въ день рожденія великаго князя Николая Павловича, происходило обрученіе.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ день обрученія писала къ королю Фридриху-Вильгельму: «C'est d'effusion du bonheur que je trace ces lignes à votre majesté et que je la remercie mit tief gerührtem Herzen du don qu'elle nous a fait»[100]. Не менѣе восторженно отзывался императоръ Александръ въ письмѣ къ королю о великой княжнѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая завоевала всѣ сердца: «Ma mère en est dans l'enchantement..... Il n'est pas possible de s'être acquitté avec plus d'onction, de sentiment et de dignité des fonctions religieuses qu'elle a eu à remplir, et tout ce qu'elle fait à une grâce charmante».

Нѣсколько дней спустя, 28-го іюня (10-го іюля), великая княжна Александра Ѳеодоровна подписала актъ отреченія отъ наслѣдственныхъ правъ въ Пруссіи въ присутствіи графа Нессельроде, прусскаго посланника Шёлера, своихъ дамъ и великаго князя Николая Павловича[101].

30-го іюня (12-го іюля) состоялся на Семеновскомъ плацу большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса. Во время парада императоръ Александръ часто подзывалъ генерала Натцмера и давалъ ему различныя объясненія. Натцмеръ воспользовался случаемъ и сказалъ государю, какое счастіе для Европы, что всѣ эти войска принадлежатъ ему. Комплиментъ, повидимому, понравился, и Александръ замѣтилъ, что онъ никогда не употребитъ ихъ съ дурною цѣлью (malfaisant). но всегда будетъ стремиться поддерживать ими спокойствіе въ Европѣ.

1-го (13-го) іюля, въ день рожденія великой княжны Александры Ѳеодоровны, былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія[102].

«Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды», писала Александра Ѳеодоровна, вспоминая день 1-го іюля 1817 года.

Вѣнцы во время вѣнчанія держали великій князь Михаилъ Павловичъ надъ Николаемъ Павловичемъ, а принцъ Вильгельмъ надъ Александрой Ѳеодоровной.

Послѣ торжественнаго обѣда и бала новобрачные съ церемоніею поѣхали въ предназначенный для нихъ Аничковскій дворецъ. Императоръ Александръ и императрица Елисавета Алексѣевна отправились туда заранѣе и встрѣтили новобрачныхъ съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ имѣлъ мѣсто фамильный ужинъ съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ и приближенныхъ. Это были генералъ Ламздорфъ, графиня Ливенъ, а затѣмъ прусскія дамы. Прочая свита ужинала за другимъ столомъ.

Мясной рынокъ въ С.-Петербургѣ въ 1794 году.

Съ рисунка съ натуры Клаше. (Изъ собранія И. Я. Дашкова).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Императоръ Александръ подошелъ къ Натцмеру и сказалъ ему, что это счастливѣйшій день, до котораго онъ дожилъ; онъ только одного желалъ бы, чтобы король могъ быть свидѣтелемъ всего этого; однако онъ не теряетъ надежды, что король вскорѣ лично убѣдится въ счастіи своей дочери и, можетъ быть, найдетъ семейство умноженнымъ, что, можно надѣяться, и случится.

По случаю совершившагося бракосочетанія находившимся при Николаѣ Павловичѣ кавалерамъ назначены были награды. Генералъ Ламздорфъ также не былъ забытъ. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство[103], а сверхъ того императоръ Александръ пожаловалъ ему перстень съ своимъ портретомъ и табакерку съ портретами своихъ родителей и алмазною надписью: «Богъ благословилъ ихъ выборъ». Императрица Марія Ѳеодоровна съ своей стороны вручила столь почитаемому ею «Papa Lamsdorf» другую табакерку, осыпанную драгоцѣнными камнями, расположенными такимъ образомъ, что начальныя буквы ихъ французскихъ названій составляли слово: «Reconnaissance»[104].

Съ бракосочетаніемъ великаго князя Николая Павловича связано событіе, составившее важную эпоху въ исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 3-го іюля 1817 года, послѣдовало назначеніе его генералъ-инспекторомъ по инженерной части и шефомъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Этимъ назначеніемъ Николаю Павловичу открывался наконецъ путь къ самостоятельной государственной дѣятельности и къ тому же на поприщѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ его всегдашней наклонности къ инженерному дѣлу, замѣченной у него еще въ отроческіе годы.

Послѣ цѣлаго ряда торжествъ, ознаменовавшихъ собою бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича, императорская фамилія покинула Петербургъ. Императоръ Александръ съ императрицей Елисаветой Алексѣевной переѣхали въ Царское Село, а императрица Марія Ѳеодоровна въ сопровожденіи новобрачныхъ, великаго князя Михаила Павловича и принца Вильгельма отправилась въ свою любимую резиденцію—Павловскъ. Слѣдующіе затѣмъ два мѣсяца прошли для новобрачныхъ въ безпрерывныхъ переѣздахъ изъ одного загороднаго дворца въ другой, при чемъ главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ оставался Павловскъ. Здѣсь этикетъ, поддерживаемый императрицей-матерью, нѣсколько ослабѣвалъ, и воцарялось самое неподдѣльное веселье, поддерживавшееся прогулками цѣлымъ обществомъ, танцами и разными petits jeux. Иногда же въ дурную погоду устроивалось литературное чтеніе, при чемъ читали Жуковскій, Уваровъ и Плещеевъ.

Беззаботное теченіе жизни при Павловскомъ дворѣ было нарушено на время лишь слѣдующимъ прискорбнымъ случаемъ.

7-го (19-го) іюля, принцъ Вильгельмъ отправился осматривать лошадей великаго князя Михаила Павловича и передъ конюшнями былъ

Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.
(Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ).

укушенъ въ ногу собакою. Поднялась страшная тревога. Позвали Виллié, и онъ для предупрежденія возможныхъ послѣдствій рѣшился вырѣзать рану и прижечь. Великій князь приказалъ тотчасъ убить собаку и, тѣмъ затруднивъ точное изслѣдованіе, возбудилъ среди врачей опасенія за

будущее. Принцъ перенесъ операцію со стойкостію и хладнокровіемъ; ни одной жалобы не сорвалось у него съ языка. Къ счастію, все ограничилось для принца только нѣсколькими днями, проведенными въ постели.

Въ связи съ этимъ событіемъ въ воспоминаніяхъ перваго камер-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны, Дарагана, разсказанъ слѣдующій случай, живо характеризующій личность Николая Павловича [105]. На другой день послѣ несчастнаго приключенія съ принцемъ Вильгельмомъ Александра Ѳеодоровна послала своего пажа узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, онъ встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились, и пажъ началъ говорить впередъ приготовленную французскую фразу о спокойной ночи и о хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ же словахъ: «Votre Altesse Impériale», великій князь, смотря на него и придавъ своему лицу комически серьезное выраженіе, началъ повторять за нимъ каждое слово, картавя еще болѣе, чѣмъ онъ. Великая княгиня захохотала, а бѣдный пажъ, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить. Къ его счастію, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проведя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, онъ стоялъ невеселый въ пріемной, когда великій князь, выйдя изъ комнаты великой княгини, подошелъ къ нему, поцѣловалъ и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? Это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ: благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ его еще разъ, онъ отпустилъ его до вечера. «Этотъ урокъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дараганъ,—остался мнѣ памятенъ на всю жизнь».

Разсказъ о приведенномъ случаѣ дополняется въ тѣхъ же воспоминаніяхъ интересной характеристикой Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ.

«Выдающаяся черта характера великаго князя Николая,— пишетъ Дараганъ,— была любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускного. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились, и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подно-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КОРОЛЬ ПРУССКІЙ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ III.

Съ актатинты Югеля по рисунку Студи.

Литовскій замокъ въ С.-Петербургѣ въ 1799 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

сить къ глазу лорнетку, все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что либо изъ манеръ императора, но даже великіе князья Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походкѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, неестественно, а у Константина Павловича даже утрированно, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности красоты, которая въ императорѣ невольно поражала каждаго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камеяхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія нравиться; даже натуральная веселость его, смѣхъ, какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастія, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ бывалъ иногда веселъ до шалости».

Какъ примѣръ этой веселости, Дараганъ разсказываетъ слѣдующій случай.

Въ одинъ лѣтній день императрица Марія Ѳеодоровна, великій князь съ супругою и камеръ-фрейлина Нелидова вышли на террасу Павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой; это была сухощавая небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова проситъ о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова къ будкѣ, выноситъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки[106].

Повидимому, подобная веселость, проявлявшаяся притомъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, не удовлетворяла императрицу Марію Ѳеодоровну. Она находила своихъ младшихъ сыновей недостаточно изысканными и свѣтскими въ обществѣ и, сравнивая ихъ съ принцемъ Вильгельмомъ, выговаривала имъ, что они садятся въ углу съ вытянутыми и скучными лицами, точно медвѣди или марабу (comme des ours ou des marabouts). По поводу этого замѣчанія Александра Ѳеодоровна записала въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: «Правда, что мой Николай, какъ только онъ

находился въ обществѣ и въ особенности на балу, принималъ выраженіе крайне философское (bien philosophe) для его 21-го года. Мы, онъ, какъ и я, были поистинѣ счастливы и довольны только тогда, когда оставались наединѣ въ нашихъ комнатахъ».

Вдовствующая императрица до того бывала иногда недовольна отсутствіемъ свѣтскаго лоска у великихъ князей Николая и Михаила, что, несмотря на свое пристрастіе къ этикету, дѣлала имъ замѣчанія даже въ присутствіи постороннихъ лицъ. Такъ Натцмеръ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что императрица Марія Ѳеодоровна при посѣщеніи принца Вильгельма во время его болѣзни, 12-го (24-го) іюля, въ присутствіи принца и Натцмера, стала сильно выговаривать находившимся здѣсь великимъ князьямъ, что они слишкомъ натянуты и мало любезны (aimable) въ обществѣ дамъ. При этомъ она совершенно разсердилась и въ концѣ концовъ сказала, что они должны бы брать примѣръ съ принца Вильгелма.

Вообще Марія Ѳеодоровна держала своихъ младшихъ сыновей въ строгомъ подчиненіи даже тогда, когда, казалось, они могли бы пользоваться относительной свободою дѣйствій. Для характеристики этихъ отношеній приведемъ слѣдующій случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Александры Ѳеодоровны. 11-го (23-го) іюля, Николай Павловичъ съ великой княгиней отправились вдвоемъ изъ Павловска въ Царское Село къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Возвращаясь оттуда, они встрѣтились со вдовствующей государыней, спросившей ихъ, гдѣ они катались. Услышавъ, что они были въ Царскомъ Селѣ, она замѣтила имъ, что, прежде чѣмъ отправляться туда, они должны были спросить у нея позволенія на это.

Однажды, во время обѣдни, великая княгиня Александра Ѳеодоровна почувствовала себя дурно и лишилась чувствъ. Николай Павловичъ почти на рукахъ вынесъ ее изъ церкви и привелъ во флигель, гдѣ находилось помѣщеніе, занимаемое велико-княжескою четою. Когда затѣмъ великій князь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, онъ подошелъ къ дежурному камеръпажу Дарагану и спросилъ его:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать,—отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ видишь,—продолжалъ весело великій князь:—я тебя старше четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этихъ словахъ онъ поцѣловалъ Дарагана, и его лицо засіяло счастіемъ.

Съ этого дня при дворѣ стали говорить о беременности великой княгини [107].

20-го іюля (1 августа) дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ 22-го іюля, въ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоялась

обычная великолѣпная иллюминація. Между тѣмъ принцъ Вильгельмъ уже настолько поправился отъ своей раны, что могъ 24-го іюля въ первый разъ выйти къ разводу.

Въ этотъ же день дворъ совершилъ поѣздку въ Кронштадтъ, гдѣ императоръ Александръ произвелъ смотръ флоту. На обратномъ пути императоръ Александръ взялъ ружье, далъ по ружью братьямъ Николаю и Михаилу и велѣлъ Адлербергу командовать ружейные пріемы, къ общей забавѣ многочисленнаго общества [108].

27-го іюля (8-го августа) начались подъ Петергофомъ маневры. Съ одной стороны командовалъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, а съ другой генералъ-адъютантъ баронъ Толь.

«О талантахъ обоихъ командовавшихъ генераловъ Дибича и Толя,—пишетъ Натцмеръ,—трудно судить по этимъ маневрамъ, потому что здѣсь они могли лишь проявить умѣніе въ точномъ исполненіи данной имъ задачи. Но по всему ясно видно, что у Толя при выполненіи имъ своихъ обязанностей проявляется болѣе спокойствія, чѣмъ у другого. Его приказанія коротки и опредѣленны, а между тѣмъ у Дибича они большею частью противорѣчивы и обнаруживаютъ у него отсутствіе спокойнаго общаго взгляда [109]. Впрочемъ, оба генерала оставались вѣрны основному положенію: въ началѣ боя отдавать непріятелю безъ всякой надобности деревни и укрѣпленныя позиціи, а потомъ овладѣвать ими обратно цѣною громадныхъ усилій. Обыкновенно русскіе поступали такимъ образомъ въ прошлую войну и, повидимому, намѣрены придерживаться подобнаго образа дѣйствій и впредь. Лично императоръ дѣлалъ нѣкоторыя, большею частью, очень вѣрныя замѣчанія о ходѣ маневровъ, но такъ какъ предположенія къ нимъ были выработаны величайшими геніями русской арміи, то онъ и не рѣшался открыто высказывать генераламъ свое неудовольствіе.

«Матеріалъ этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходенъ и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но, къ нашему счастію, всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ также немногимъ ихъ лучше. Лишь малое число генераловъ помышляютъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ. Никто не думаетъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ. Императоръ, несмотря на свое пристрастіе къ мелочамъ, сознаетъ этотъ недостатокъ, свойственный своей арміи, но утѣшается мыслію, что въ настоящую пору нельзя измѣнить это положеніе дѣлъ, вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ къ тому офицеровъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, ничего не дѣлается, чтобы помочь бѣдѣ. Я не знаю ни одного образовательнаго заведенія для молодыхъ офицеровъ.

Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ.

(Съ литографіи Клюквина).

«Просто непонятны тѣ ошибки, которыя дѣлались генералами, противно всякому здравому смыслу. Мѣстность совершенно не принималась въ соображеніе, равно какъ родъ войска, который для нея годится. Въ артиллеріи замѣтно болѣе военной сноровки; вообще это лучшій родъ оружія въ русской арміи».

Нельзя не остановиться на этой рѣзкой, но правдивой характеристикѣ, сдѣланной Натцмеромъ. Остается только сожалѣть, что въ подобной военной школѣ возросъ великій князь Николай Павловичъ; благодаря указанному обстоятельству, недостатки, отмѣченные наблюдательнымъ

прусскимъ генераломъ, въ общихъ чертахъ сохранились, безъ существенныхъ измѣненій, болѣе тридцати лѣтъ и не утратили своего значенія и въ эпоху Крымской войны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ прочесть краткую замѣтку, вписанную княземъ А. С. Меншиковымъ въ своемъ дневникѣ, незадолго до высадки союзныхъ войскъ въ Крыму. Послѣ небольшихъ маневровъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ Севастополя, 24-го августа (5-го сентября) князь записалъ:

«Увы, какіе генералы и какіе штабъ-офицеры: ни малѣйшаго не замѣтно понятія о военныхъ дѣйствіяхъ и расположеніи войскъ на мѣстности, объ употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ» [110].

Но возвратимся къ 1817 году. Въ это время великій князь Михаилъ Павловичъ готовился предпринять образовательное путешествіе по Россіи, подобное тому, которое совершено было Николаемъ Павловичемъ въ 1816 году. Императрица Марія Ѳеодоровна избрала для сопровожденія великаго князя генералъ-лейтенанта Ивана Ѳедоровича Паскевича, который въ это время командовалъ 2-ю гренадерскою дивизіею. Вызванный изъ Смоленска въ Петербургъ, Паскевичъ явился къ государю во время маневровъ, производившихся подъ Петергофомъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, который дружески его привѣтствовалъ и сказалъ: «Ты знаешь, что назначенъ ѣхать съ братомъ».

«Я не могъ бы лучше быть принятъ государемъ, какъ тогда», —отмѣтилъ Паскевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Ты у меня лучшій генералъ въ арміи,—сказалъ ему императоръ Александръ,—на все способенъ, на все годенъ. Я прошу тебя ѣхать съ братомъ путешествовать. Это не только дѣло государственное, но дѣло моего къ тебѣ довѣрія, и ты сдѣлаешь мнѣ собственно одолженіе. Требую отъ тебя, чтобъ ты открылъ ему, что знаешь, надѣюсь, что ты на то способы найдешь». Повидимому, генералъ Паскевичъ не очень довѣрялъ искренности словъ, съ которыми къ нему обратился императоръ Александръ, потому что сопровождаетъ лестныя слова государя замѣчаніемъ: «Мнѣ очень было больно, что система въ правительствѣ не перемѣняется; обольстить словами человѣка, когда онъ нуженъ, и въ той же пропорціи оказать неблагодарность и при малѣйшей кажущейся неисправности, безъ разбора обижать и взыскивать, во всякомъ случаѣ, черезчуръ строго» [111].

11-го (23-го) августа, великій князь Михаилъ Павловичъ отправился въ путь въ сопровожденіи генерала Паскевича. Началась поѣздка по Россіи совершенно курьерская, во время которой, по словамъ Паскевича, «много видишь, но мало пріобрѣтаешь основательныхъ о Россіи свѣдѣній».

Поручая попеченію Паскевича юнаго великаго князя, императрица Марія Ѳеодоровна не упустила случая просить избраннаго ею руково-

дителя, чтобы Михаилъ Павловичъ «болѣе занимался гражданскою частью и елико возможно менѣе военною». — «Я знаю,— сказала императрица,— что у него есть особое расположеніе къ фронту, но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать быть государства».

Отсюда видно, что императрица Марія Ѳеодоровна не переставала бороться съ врожденными наклонностями своихъ сыновей; но настойчивыя требованія ея ни къ чему не привели; заботливой матери не удалось искоренить особое расположеніе къ фронтовымъ занятіямъ въ Николаѣ Павловичѣ, а еще менѣе въ Михаилѣ Павловичѣ.

Въ виду этой цѣли, нужно замѣтить, что лучшій выборъ спутника великому князю трудно было сдѣлать; но и онъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ экзерцирмейстерствомъ. Для характеристики господствовавшаго тогда въ военныхъ сферахъ направленія и предъявляемыхъ имъ требованій по отношенію къ войскамъ лучше всего привести слѣдующую замѣтку генерала Паскевича:

«Послѣ 1815 года, фельдмаршалъ Барклай де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ поддались этимъ требованіямъ; такъ, напримѣръ, генералъ Ротъ, командующій 3-ею дивизіею, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились вшивыми приставами. Армія не выиграла оттого, что, потерявъ офицеровъ, осталась съ одними экзерцирмейстерами. Я требовалъ строгую дисциплину и службу, я не потакалъ безпорядкамъ и распутству, но я не дозволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но, къ горю моему, фельдмаршалъ Барклай де-Толли имъ заразился. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, который отъ отца своего наслѣдовалъ эту выучку. Хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ; не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и, какъ всегда случается, перенимая, еще болѣе портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагинаетъ до земли, чтобы ровнять носки гренадеръ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго майора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ

и помнилъ, что Фридрихъ дѣлалъ? А Барклай де-Толли былъ тутъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда и не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью».

Трудно представить болѣе грозную и правдивую критику военныхъ порядковъ, установившихся у насъ въ Россіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ; она многое объясняетъ въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Къ этой правдивой оцѣнкѣ, сдѣланной будущимъ сподвижникомъ императора Николая и фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, нужно присовокупить то, что пишетъ по тому же поводу Д. В. Давыдовъ.

«Для лицъ, не одаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя, беззаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великій князь Михаилъ Павловичъ не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ, наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію и сознавая по опыту пользу строевого образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ

den 15ten Juni
1815.

Lieber bester Papa Lamsdorf: Ihre glückliche Ankunft: Ihre brüderliche
Aufnahme, und die warme Zärtlichkeit die Ihnen der Kaiser
bewiesen hat, freuet mich über alles ungemein. Seien Sie gewiß
lieber Papa, daß jeder [illegible] der [illegible] [illegible] welche
an die Aufforderung macht die Ihnen mein Sohn bewiesen hat.
Sie haben sich für Gott u. Menschen verdient; meine Mutterliebe
[illegible] sagt dank von meinem Herzen und hat diesen Wunsch
mit Sehnsucht empfangen, [illegible] welche einige Freuden gefolgt
ist: Alles wäre nicht besser in die jetzige Lage, wenn ich
Ihnen lieber Papa nicht sagen würde; daß der Kaiser versichert
mir daß Sie sicher besser wären, aber Ihr Briefe beweiset mir
daß Sie leiden, und beunruhigte mir: Gott gebe daß [illegible]
Ihnen baldige Genesung gebe: aber Kaiser scheint fast gewiß
zu sagen und besonders meine Kinder: mir einiger Trost
habe ich daß es Sie hoffentlich liebt, Sie fühlt es aber auch recht.
der Gedanken Sie von Ihnen bald gekommen zu wissen tröstet
mich, wie einer [illegible] von mir: Geben Sie Ihnen Ihren
väterlichen Segen, und schreiben Sie Ihnen oft ein [illegible]
gewiß auch Ihnen werden; mit Gottes Hülfe wird der
[illegible] nicht von langer Dauer sein: Alle Menschen hoffen
daß der Krieg nicht von Dauer sein wird. Gott wolle es,
und [illegible] das Blut vergießen die [illegible] [illegible]
die die [illegible] bedauern haben, [illegible] hoffe; ich bitte Ihnen
es Ihnen zu sagen: wegen des guten [illegible] habe ich der Kaiser
geschrieben, daß solche gnädig sein wird. ich weiß nicht durch welchen
[illegible] die Briefe von meinen Kinder mir nicht zugekommen sind.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ ГЕНЕРАЛУ ЛАМЗДОРФУ.

Форма русскихъ войскъ въ концѣ царствованія Александра I.

Офицеръ роты Главнаго Инженернаго Училища.

Офицеръ л.-гв. Сапернаго баталіона.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Набережная р. Фонтанки у Калинкина моста въ С.-Петербургѣ, въ 1799 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

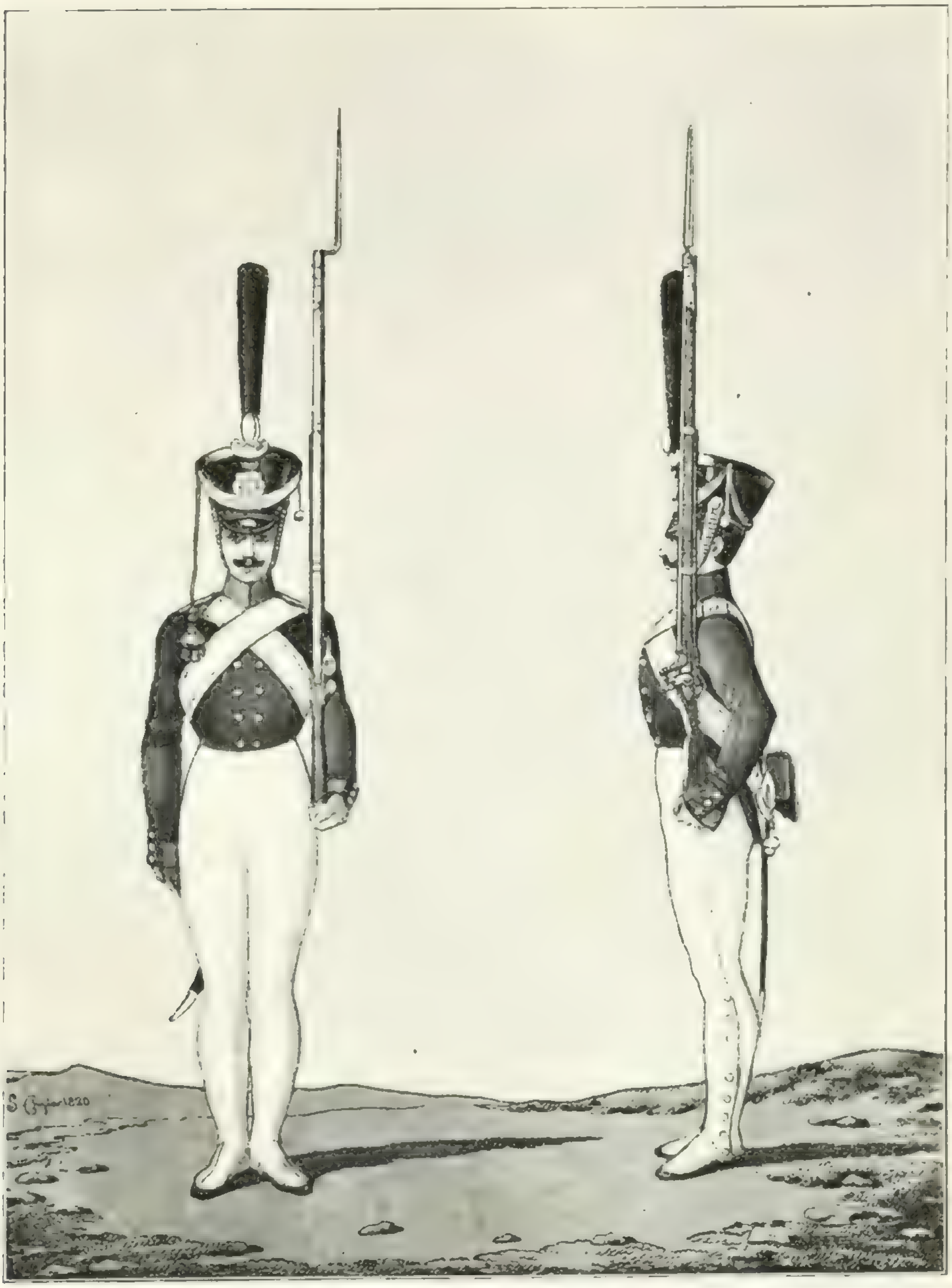
весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности — это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится на дѣлѣ, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай, Боже, убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу! Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ не допускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ» [112].

Опасенія, высказанныя нашимъ славнымъ партизаномъ, къ несчастію, оправдались самымъ блистательнымъ образомъ въ 1853 году!

II.

20-го августа (1-го сентября) 1817 года, императоръ Александръ принялся опять путешествовать; государь отправился сначала въ Витебскъ, а затѣмъ и далѣе для смотра войскъ первой арміи, которою командовалъ фельдмаршалъ Барклай де-Толли. Тогда же рѣшено было, что весь дворъ осенью переселится въ Москву, гдѣ предполагалось провести всю зиму и весну.

18-го (30-го) сентября, великій князь Николай Павловичъ съ супругою выѣхали изъ Петербурга въ Москву. Король прусскій разрѣшилъ принцу Вильгельму продлить свое пребываніе въ Россіи и сопутствовать сестрѣ во время ея путешествія; принцу попрежнему сопутствовалъ генералъ Натцмеръ. Положеніе, въ которомъ находилась



Типы солдатъ въ концѣ царствованія Александра I.
(Съ рисунка того времени).

великая княгиня, препятствовало быстрому переѣзду; поэтому путешественники пробыли въ дорогѣ 12 дней.

Во время пути Натцмеръ имѣлъ случай убѣдиться, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчается въ Россіи введеніе военныхъ поселеній! На пути отъ Новгорода въ Крестцы собралась толпа крестьянъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, выѣдшихъ изъ лѣса, для принесенія великому князю жалобы

по поводу расквартированія у нихъ въ деревняхъ гренадерскаго имени графа Аракчеева полка; они заявляли, что у нихъ все отбираютъ, выгоняютъ изъ домовъ, и что они уже нѣсколько недѣль не видѣли своихъ жилищъ. «Русскіе говорятъ,—пишетъ Натцмеръ,—что въ то время, какъ мы стараемся превратить нашихъ крестьянъ въ солдатъ, у нихъ наоборотъ изъ солдатъ хотятъ сдѣлать крестьянъ. Вообще недовольство новымъ учрежденіемъ повсемѣстно».

«Можете судить, сколь поразила подобная встрѣча (незваныхъ, прибавлю),—замѣчаетъ современникъ въ своихъ запискахъ,—они всѣ бросаются на колѣни, плачутъ, крикомъ своимъ просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли primo въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу. Прекрасный разительный примѣръ пруссакамъ о нашемъ домашнемъ благоденствіи, улучшеніи, счастіи и пресчастіи»[113].

Крестьяне не довольствовались этимъ протестомъ. Они также остановили императрицу Марію Ѳеодоровну во время проѣзда ея въ Москву, прося о ея защитѣ и милости. Сверхъ сего, они снарядили еще депутацію въ Варшаву, къ цесаревичу Константину Павловичу, чтобы умолять его о заступничествѣ. Но всѣ эти протесты не привели ни къ чему, и крестьянамъ, обреченнымъ на нежданное благополучіе войти въ составъ военныхъ поселеній, оставался только одинъ исходъ: покориться постигшей ихъ печальной участи. Императоръ Александръ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи насильно облагодѣтельствовать русскій народъ и сказалъ, что военныя поселенія будутъ, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова».

«J'ai déjà maté des choses bien plus difficiles, et je veux être obéi dans celle-ci»,—отозвался государь одному дипломату.

30-го сентября (12-го октября) вся царская семья съѣхалась на послѣдней станціи передъ Москвою, за исключеніемъ великаго князя Михаила Павловича, который еще путешествовалъ по Россіи[114]. Торжественнаго въѣзда въ столицу не было; каждый пріѣхалъ туда самъ по себѣ. На слѣдующее утро Александра Ѳеодоровна, подойдя къ окну, увидѣла передъ собою впервые Москву, которая, подобно панорамѣ, разстилалась у ногъ ея. «Сердце мое забилось: я поняла Россію, я гордилась тѣмъ, что принадлежу ей! (J'eus un véritable saisissement au coeur, je compris la Russie, je me sentis fière de lui appartenir!)». — вотъ въ какихъ выраженіяхъ великая княгиня записала свои впечатлѣнія.

1-го (13-го) октября, великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ первый разъ участвовала въ выходѣ въ Успенскій соборъ и положила, какъ она пишетъ, 18 земныхъ поклоновъ передъ образами и раками святыхъ. «Колѣнопреклоненія до того утомили мои ноги,—признается она,—что я едва могла двигать ими».

Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1800 году.

(Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Иратскаго).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

12-го (24-го) октября происходила закладка храма во имя Спасителя Христа, на Воробьевых горахъ, на которой присутствовалъ также великій князь Николай Павловичъ, равно какъ и принцъ Вильгельмъ. Великая княгиня Александра Оеодоровна отсутствовала.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ великій князь Николай Павловичъ окончательно разошелся съ своимъ гофмаршаломъ Кирилломъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Взаимныя отношенія обострились до того, что великая княгиня Александра Оеодоровна увидѣла себя окончательно вынужденною настоять на удаленіи Нарышкина: по ея мнѣнію, отъ рѣшенія этого вопроса зависѣли миръ и спокойствіе въ великокняжескомъ домѣ (il y allait de la paix, de la tranquillité de notre ménage)[115].

На мѣсто Нарышкина великій князь избралъ графа Гаврила Францовича Модена. Извѣщая, 26-го декабря 1817 года, графа Модена объ утвержденіи государемъ его назначенія, Николай Павловичъ прибавилъ: «Soyez à moi, comme je suis à vous pour la vie et de coeur et d'âme». Дѣйствительно, между великимъ княземъ и графомъ Моденомъ установились наилучшія отношенія, продолжавшіяся и послѣ воцаренія Николая Павловича[116].

Александра Оеодоровна оставила въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характеристику графа Модена[117]:

«Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами старинаго версальскаго двора, держалъ себя съ достоинствомъ, даже когда шутилъ, былъ услужливъ безъ низкопоклонства и устроивалъ все какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть только въ нѣкоторой обидчивости».

15-го (27-го) декабря 1817 года, принцъ Вильгельмъ покинулъ Москву, направляясь черезъ Варшаву въ Берлинъ; императоръ Александръ разстался съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, тщетно стараясь удерживать его еще долѣе при своемъ дворѣ. Насколько огорчена была этимъ отъѣздомъ великая княгиня Александра Оеодоровна, видно изъ слѣдующихъ строкъ ея воспоминаній: «Я проводила его съ такою грустью, что почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцемъ, братьями и сестрами, это была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, я почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору на моей новой родинѣ, и его нѣжность совершенно вознаградила меня за все то, что я потеряла. Мы читали вмѣстѣ «Коринну» и «Малекъ Адель», и я вспоминаю съ наслажденіемъ объ этой мирной жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ моимъ родамъ»[118].

Прощаясь съ генераломъ Натцмеромъ, императоръ Александръ поручилъ ему передать королю выраженія своихъ дружескихъ чувствъ,

прибавивъ, что онъ, его армія и вся страна его во всякое время готовы къ услугамъ Фридриха-Вильгельма[119].

Въ январѣ 1818 года, императоръ Александръ отправился на непродолжительное время въ Петербургъ.

Великій князь Николай Павловичъ также вынужденъ былъ совершить поѣздку въ Петербургъ, чтобы вступить въ управленіе инженернымъ корпусомъ по званію генералъ-инспектора по инженерной части. Это важное для русскаго инженернаго дѣла событіе совершилось въ достопамятный день 20-го января (1-го февраля) 1818 года.

Вступая въ должность генералъ-инспектора, Николай Павловичъ написалъ собственноручный приказъ, объявленный по инженерному корпусу, подлинникъ котораго хранится и понынѣ въ главномъ инженерномъ управленіи, въ кабинетѣ, гдѣ нѣкогда занимался великій князь. Въ приказѣ этомъ сказано:

«По высочайшей волѣ государя императора вступилъ я 20-го числа сего января въ должность генералъ-инспектора по инженерной части. Давая о семъ знать по инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ о пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ всякій заслужитъ государевы милости, а во мнѣ найдетъ усердиаго для себя ходатая предъ лицемъ его величества. Но въ противномъ случаѣ, за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полнаго повиновенія подчиненныхъ ожидаю имѣть всегдашнее удовольствіе и, твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить милость государеву, сдѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса. 20-го января 1818 года. Генералъ-инспекторъ по инженерной части Николай».

2-го (14-го) февраля государь, равно какъ и великій князь, прибыли обратно въ Москву.

Однообразно и тихо проходило время въ Москвѣ, въ ожиданіи великаго семейнаго событія. 21-го февраля (5-го марта) императоръ Александръ уѣхалъ въ Варшаву для открытія перваго польскаго сейма. Наступилъ великій постъ. «Мы выѣзжали очень мало,—пишетъ Александра Оеодоровна,—при дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у матушки въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ оставались въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, это такъ наскучило мнѣ въ сравненіи съ воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, играли и особенно веселились, что я съ трудомъ могла скрывать свою тоску. Общество на этихъ собра-

ніяхъ ужасно отзывало стариною (les sociétés de ces réunions étaient aussi terriblement vieille rococo). Старые, полуслѣпые сенаторы, вельможи временъ императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати!» [120]

17-го (29-го) апрѣля, во время Свѣтлой недѣли совершилось великое событіе: въ исходѣ одиннадцатаго часа утра родился будущій Царь-Освободитель, великій князь Александръ Николаевичъ. Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны этой семейной радости посвящены слѣдующія строки:

«Въ 11 часовъ я услыхала первый крикъ моего перваго ребенка. Никсъ цѣловалъ меня, заливаясь слезами, и мы возблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная еще, даровалъ ли Онъ намъ сына или дочь, когда матушка, подойдя къ намъ, сказала: «это сынъ». Счастіе наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будетъ со временемъ императоромъ!» [121]

Какъ нѣкогда Державинъ привѣтствовалъ рожденіе Александра I, Жуковскій воспѣлъ рожденіе будущаго Александра II вдохновенными стихами, въ которыхъ вниманіе читателя невольно останавливается на строкахъ:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку! [122]

Другой поэтъ, Рылѣевъ, нѣсколько позже также привѣтствовалъ царственнаго отрока не менѣе пророческими стихами:

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье, истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Онъ есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Онъ надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждан.

ПРОГУЛКА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ОЕОДОРОВНЫ ВЪ КАВРІОЛЕТѢ.

Съ гравюры того времени.

Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1818 году.

(Съ литографіи Ноля, сдѣланной по рисунку Иратскаго).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари. [123]

Одинъ русскій писатель по поводу стиховъ Рылѣева справедливо замѣчаетъ: «Чудесное происходитъ явленіе. Упоенная славою Россія, ничего не желавшая тогда, кромѣ мира, навѣваетъ на дѣтскую душу отрока свое дыханіе времени, и при строгомъ, желѣзномъ по волѣ отцѣ влагаетъ въ юнаго сына нѣгу кроткаго сердца, чувствительность въ самыхъ тонкихъ проявленіяхъ и оттѣнкахъ, любовь къ счастію человѣка, безконечное смиреніе и природное миролюбіе» [124].

Крещеніе великаго князя Александра Николаевича совершено было 5-го (17-го) мая въ церкви Чудова монастыря въ присутствіи императрицъ Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны духовникомъ ихъ величествъ Криницкимъ. Воспріемниками были императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго, король Фридрихъ-Вильгельмъ III. «Это былъ прелестнѣйшій маленькій ребенокъ. бѣленькій, пухленькій, съ большими темно-синими глазами: онъ улыбался уже черезъ шесть недѣль», пишетъ Александра Ѳеодоровна о новорожденномъ въ своихъ воспоминаніяхъ [125].

Императоръ Александръ узналъ о рожденіи племянника при проѣздѣ черезъ мѣстечко Бѣльцы въ Бессарабіи; государь тотчасъ же назначилъ великаго князя Александра Николаевича шефомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Предпринявъ въ это время поѣздку по южнымъ областямъ Россіи, императоръ Александръ поспѣшилъ возвратиться въ Москву 1-го (13-го) іюня, желая лично встрѣтить своего друга и союзника, короля прусскаго, собиравшагося навѣстить свою дочь, чтобы порадоваться ея семейному счастію. Къ этому времени прибылъ также изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

4-го (16-го) іюня, состоялся торжественный въѣздъ прусскаго короля въ Москву; его сопровождалъ наслѣдный принцъ, старшій братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны. Король оставался въ Москвѣ одиннадцать дней. Прогулки по городу и окрестностямъ, обѣды, балы и иллюминаціи слѣдовали другъ за другомъ съ такою быстротою, что дамы едва успѣвали переодѣваться. Къ 19-му іюня (1-му іюля) весь дворъ собрался въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, а 22-го іюня (4-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

«Все до того походило на мой прошлогодній въѣздъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна,—что я была какъ бы во снѣ. Только, когда я проѣзжала мимо Аничкова дворца и увидѣла въ одномъ изъ оконъ, на рукахъ у няни, нашего маленькаго Сашу, настоящее

Калинкинскій пивоваренный заводъ у Калинкина моста въ С.-Петербургѣ, въ 1799 году.

(Съ рисунка съ натуры Кнапне. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

дало себя знать самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. Выходя изъ экипажа у Казанскаго собора, императоръ предложилъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо: этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, такъ какъ они должны быть пріятны Господу. (Ce sont de ces mouvements de l'âme dont on ne doit pas rougir, car ils doivent être agréables au Seigneur)».

Въ Петербургѣ, по примѣру Москвы, также начались нескончаемыя празднества: смотры, парады, пріемы, балы. катанье по островамъ, посѣщенія институтовъ. По словамъ Александры Оедоровны, послѣднія заняли много времени, такъ какъ императрицѣ доставляло удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы объяснить королю, что и почему. Она шла подъ руку съ моимъ отцемъ, императрица Елисавета Алексѣевна съ наслѣднымъ принцемъ, а я обыкновенно доставалась на долю императора, который казался въ восторгѣ отъ этого и говорилъ по этому поводу тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ для меня вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе. Вдругъ во время этихъ празднествъ и удовольствій, въ одинъ прекрасный день мой Николай захворалъ послѣ парада и возвратился домой, дрожа отъ лихорадки, блѣдный, весь позеленѣвшій, почти совершенно обезсиленный. Я испугалась; его уложили въ кровать, и на слѣдующій день обнаружилась корь. Болѣзнь была довольно легкая и шла обыкновеннымъ путемъ. Я ухаживала за нимъ, однако иногда появлялась на празднествахъ.

«Петергофскій праздникъ, справлявшійся всегда 22-го іюля. состоялся въ этомъ году 1-го іюля, по случаю пребыванія короля, моего отца... Прошло еще нѣсколько дней, и мой отецъ покинулъ насъ: мы провожали его до Гатчины... Едва возвратившись въ Аничковъ дворецъ, я захворала, у меня оказалась корь... нашего малютку удалили: онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ, подъ покровительствомъ императрицы-матери».

Наслѣдный принцъ прусскій пробылъ еще въ Петербургѣ до 24-го іюля (5-го августа).

Петербургъ вскорѣ опустѣлъ. 27-го августа (8-го сентября) императоръ Александръ отправился на конгрессъ въ Ахенъ. Обѣ императрицы также выѣхали за границу, такъ что великій князь Николай Павловичъ съ супругою оставались до конца года единственными представителями царской семьи въ столицѣ. До сихъ поръ Николай Павловичъ занималъ только должность генералъ-инспектора по инженерной части; приказомъ отъ 27-го іюля 1818 года онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи (полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Егерскій). Эту скромную должность великій князь Николай Павловичъ занималъ до 1825 года.

Согласно данной великокняжеской четѣ инструкціи, что дѣлать въ праздничные дни, Николай Павловичъ съ супругою присутствовали, 30-го августа, на торжественномъ богослуженіи въ Невской лаврѣ, въ день тезоименитства императора Александра. «Это было настоящее испытаніе для меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ для того, чтобы стоять во время церковныхъ церемоній; помню, что я испугалась, смотря на себя, по возвращеніи съ этого утомительнаго выѣзда! Волосы мои, которые были завиты, совсѣмъ распустились; я была блѣдна, какъ мертвецъ, и вовсе не интересна въ моемъ розовомъ газетовомъ платьѣ, съ кокошникомъ, шитымъ серебромъ, на головѣ».

Теперь послѣ всѣхъ путешествій и отъѣзда большого двора за границу великій князь Николай Павловичъ могъ наконецъ предаться радостямъ тихой семейной жизни въ Аничковскомъ дворцѣ,—жизни, къ которой онъ давно уже стремился и о которой не переставалъ мечтать. Надежды его осуществились въ полной мѣрѣ, и онъ имѣлъ справедливое основаніе сказать своей супругѣ: «Если кто нибудь спроситъ, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастіе, сдѣлай одолженіе, пошли его въ Аничковскій рай».

По словамъ Жуковскаго, опредѣленнаго къ молодой великой княгинѣ преподавателемъ русскаго языка, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. «Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими.

Императрица Марія Ѳеодоровна разрѣшила Николаю Павловичу провести нѣсколько дней для охоты въ Гатчинѣ. Онъ съ радостью воспользовался этимъ позволеніемъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней въ самомъ тѣсномъ избранномъ кругу. «Всѣ были веселы, любезны каждый по-своему и разговорчивы; всѣ разстались довольные другъ другомъ», пишетъ Александра Ѳеодоровна.

Въ городѣ сезонъ баловъ начался рано и былъ открытъ баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 30-го октября. По разсказу Александры Ѳеодоровны, «это было событіе для нашего Аничковскаго дворца, такъ какъ намъ предстояло въ первый разъ принимать у себя петербургское общество, и меня увидѣли впервые исполняющей обязанности хозяйки дома. Къ намъ отнеслись снисходительно; очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу привѣтливость и подобнымъ поощреніемъ возбудили въ насъ желаніе принимать и веселить общество у себя. Когда человѣкъ молодъ и красивъ, когда сама любишь танцовать, легко всѣмъ угодить, безъ особенныхъ усилій».

22-го декабря 1818 года (3-го января 1819 года) императоръ Александръ возвратился изъ-за границы въ Царское Село. 25-го декабря

состоялся большой выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день императоръ Александръ обѣдалъ у Николая Павловича въ Аничковскомъ дворцѣ. «Государь, по свидѣтельству Александры Оеодоровны, былъ братски добръ къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени любопытны».

Императрица Марія Оеодоровна возвратилась въ Петербургъ наканунѣ новаго года, что ей, однако, не помѣшало быть на выходѣ и въ церкви 1-го января. «Она признавалась, что чувствуетъ себя нѣсколько утомленною,—пишетъ Александра Оеодоровна,—но ей никогда не дѣлалось дурно, какъ намъ, бѣднымъ, слабымъ женщинамъ».

Разсчитывали веселиться зимою, какъ внезапная кончина королевы виртембергской Екатерины Павловны повергла все царское семейство въ горе и трауръ. Императоръ Александръ былъ крайне опечаленъ потерею любимой сестры.

III.

Въ дни юности императоръ Александръ, какъ извѣстно, мечталъ не разъ о томъ, чтобы удалиться въ частную жизнь; онъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, имѣлъ природное отвращеніе къ тому мѣсту, которое ожидало его въ будущемъ по праву рожденія. Стоитъ припомнить, какого рода мысли высказывалъ великій князь Александръ Павловичъ въ царствованіе императрицы Екатерины въ перепискѣ съ Лагарпомъ, а затѣмъ и съ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, чтобы уяснить себѣ душевное настроеніе внука Екатерины[126]. Всемірная исторія не представляетъ другого подобнаго примѣра полнаго отсутствія въ юношѣ, родившемся на подножіи престола, всякихъ честолюбивыхъ стремленій и рѣшительнаго отвращенія къ неограниченной власти.

21-го февраля 1796 года, великій князь Александръ Павловичъ писалъ Лагарпу: «Я жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей. (Je ne respire que la paix et la tranquillité, et je cède volontiers mon rang pour une ferme à côté de la vôtre)». Въ томъ же письмѣ великій князь признавался своему другу, что часто вспоминаетъ о немъ и обо всемъ, что онъ ему говорилъ; «но,—прибавилъ Александръ,—это не могло измѣнить принятаго мною рѣшенія отказаться со временемъ отъ носимаго званія. (Je pense souvent à vous et à tout ce que vous m'avez parlé pendant que nous etions ensemble, mais cela n'a pu changer la résolution que j'ai prise de me défaire, dans la suite, de ma charge)».

Нѣсколько позже, 10-го мая 1796 года, великій князь повторилъ тѣ же мысли Виктору Павловичу Кочубею и писалъ ему: «Я сознаю,

что вовсе не гожусь для того званія, которое занимаю теперь, и еще менѣе для предназначеннаго для меня въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ... Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы по отреченіи отъ этого неприглядnаго званія (я не могу еще положительно назначить время такого отреченія) поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ. (Je ne me sens pas du tout fait pour la place que j'occupe dans ce moment et encore moins pour celle qui m'est destinée un jour et à laquelle je me suis juré de renoncer soit d'une manière ou d'une autre... Mon plan est, qu'ayant une fois renoncé à cette place si scabreuse (je ne peux pas fixer l'époque d'une telle renonciation) j'irai m'établir avec ma femme aux bords du Rhin, où je vivrai tranquille en simple particulier)».

Но вскорѣ обстоятельства и неумолимый рокъ восторжествовали надъ этими идиллическими мыслями и насильно преобразили юнаго мечтателя въ самодержца. Тѣмъ не менѣе, Александръ никогда не разставался вполнѣ съ мечтами юности и потому, когда онъ уже приближался къ концу своего земного поприща, прежнія мысли и влеченія снова воскресли въ умѣ его съ неудержимой силой. Да иначе и не могло быть: тернистый жизненный путь, выпавшій на долю Александра, и испытанныя имъ потрясающія нравственныя горести должны были вызвать въ душѣ его неудержимое влеченіе къ тихому, созерцательному уединенію, вдали отъ мірскихъ суетъ.

Приближенныя къ императору Александру лица могли подмѣтить существованіе въ немъ небывалыхъ мыслей уже во время путешествія государя по Россіи въ 1817 году. За обѣдомъ въ Кіевѣ, 8-го (20-го) сентября, когда разговоръ коснулся обязанностей людей различныхъ состояній, равно и монарховъ, Александръ неожиданно произнесъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова[127]:

«Когда кто нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ моментъ опасности становиться лицомъ къ лицу съ нею. Онъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическія силы будутъ ему позволять это, или, чтобы сказать однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи садиться на лошадь. Послѣ этого онъ долженъ удалиться. (Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la nôtre, il doit au moment du danger être le premier à l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forces physiques le lui permettent, ou pour le dire en un mot, aussi longtemps qu'il peut rester à cheval. Passé ce terme il faut qu'il se retire)».

«При сихъ словахъ,— пишетъ свидѣтель флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій,— на устахъ государя явилась улыбка выразительная,

и онъ продолжалъ: «Что касается меня, то въ настоящее время я чувствую себя здоровымъ, но черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, тогда... (Quant à moi je porte bien à présent, mais dans dix ou quinze ans, quand j'aurai cinquant ans, alors...) ... Тутъ нѣсколько присутствующихъ[128] прервали императора и, какъ не трудно догадаться, увѣряли, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ. Неужели, подумалъ я, государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ V? Какъ бы то ни было, но сіи слова Александра должны принадлежать исторіи».

Два года спустя послѣ словъ, сказанныхъ въ Кіевѣ, императоръ Александръ призналъ за благо ознакомить Николая Павловича съ своими тайными намѣреніями и открыть брату ту будущность, которую онъ ему готовилъ.

13-го (25-го) іюля 1819 года, императоръ Александръ присутствовалъ въ Красномъ Селѣ на линейномъ ученіи 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, которою командовалъ великій князь Николай Павловичъ; ученіе сопровождалось малымъ маневромъ. Государь остался доволенъ войсками и былъ чрезвычайно милостивъ къ своему брату. Послѣ ученія императоръ съ братомъ и великой княгиней Александрой Ѳеодоровной обѣдали втроемъ. Это свиданіе ознаменовалось разговоромъ, получившимъ историческое значеніе.

По разсказу Александры Ѳеодоровны, императоръ Александръ, сидя послѣ обѣда между ними и дружески бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, началъ въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ говорить своимъ слушателямъ, что онъ остался доволенъ утромъ тѣмъ, какъ братъ исполняетъ свои обязанности, какъ начальникъ бригады, что онъ вдвойнѣ обрадованъ такимъ отношеніемъ къ службѣ со стороны Николая, такъ какъ на немъ будетъ лежать со временемъ большое бремя, что онъ смотритъ на него, какъ на своего замѣстителя (remplaçant), и что это должно совершиться ранѣе, чѣмъ предполагаютъ, а именно еще при жизни его, императора. «Мы сидѣли, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова». Государь продолжалъ: «Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра (à me retirer du monde). Европа теперь болѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время (c'est de mon devoir de me retirer à temps).

Великій князь Константинъ Павловичъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу).

Я полагаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, назначивъ на свое мѣсто Фрица .

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ: затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ

представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мрачнымъ и недоступнымъ для счастія. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни».

Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ по поводу событій 14-го декабря передаетъ этотъ историческій разговоръ и вызванное имъ впечатлѣніе нѣсколько подробнѣе. Онъ пишетъ: «Разговоръ во время обѣда былъ самый дружескій, но принялъ вдругъ самый неожиданный для насъ оборотъ, потрясшій навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вотъ въ краткихъ словахъ смыслъ сего достопамятнаго разговора. Государь началъ говорить, что онъ съ радостью видитъ наше семейное блаженство (тогда былъ у насъ одинъ старшій сынъ Александръ, и жена моя была беременна старшею дочерью Маріею), что онъ счастія сего никогда не зналъ, виня себя въ связи, которую имѣлъ въ молодости, что ни онъ, ни братъ его, Константинъ Павловичъ, не были воспитаны такъ, чтобы умѣть оцѣнить съ молодости сіе счастіе, что послѣдствія для обоихъ были, что ни одинъ ни другой не имѣли дѣтей, которыхъ бы признать могли, и что сіе чувство самое для него тягостное».

«Что онъ чувствуетъ, что силы его ослабѣваютъ; что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро онъ лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ его разумѣетъ, и что потому онъ рѣшился, ибо сіе считаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который, бывъ однихъ съ нимъ почти лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, притомъ имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына. Что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство.

«Мы были поражены, какъ громомъ, въ слезахъ, въ рыданіи отъ сей ужасной, неожиданной вѣсти; мы молчали. Наконецъ, государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатлѣніе слова его произвели, сжалился надъ нами и съ ангельскою ему одному свойственною лаской началъ насъ успокоивать и утѣшать, начавъ съ того, что минута сему ужасному для насъ перевороту еще не настала, и не такъ скоро настанетъ; что, можетъ быть, лѣтъ десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкнуть къ сей будущности неизбѣжной.

«Тутъ я осмѣлился ему сказать, что себя никогда на это не готовилъ, и не чувствую въ себѣ ни силъ ни духу на столь великое дѣло; что одна мысль, одно желаніе было служить ему изо всей души и силъ и

разумѣнія моего, въ кругу порученныхъ мнѣ должностей; что мысли мои даже дальше не достигаютъ.

«Дружески отвѣчалъ онъ мнѣ, что, когда вступилъ на престолъ, онъ въ томъ же былъ положеніи; что ему было тѣмъ еще труднѣе, что нашелъ дѣла въ совершенномъ запущеніи, отъ совершеннаго отсутствія всякаго правила и порядка въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, ибо хотя при императрицѣ Екатеринѣ въ послѣдніе годы порядка было мало, но все держалось еще привычками, но при восшествіи на престолъ родителя нашего совершенное измѣненіе прежняго вошло въ правило, весь прежній порядокъ нарушился, не замѣнясь ничѣмъ [129]. Что съ восшествія на престолъ государя по сей части много сдѣлано къ улучшенію, и всему дано законное теченіе, и что потому я найду все въ порядкѣ, который мнѣ останется только удерживать.

«Кончился сей разговоръ, государь уѣхалъ, и мы съ женою остались въ положеніи, которое уподобить могу только тому ощущенію, которое должно поразить человѣка, идущаго спокойно по пріятной дорогѣ, усѣянной цвѣтами и съ которой всегда открываются пріятные виды, когда вдругъ разверзается подъ ногами пропасть, въ которую непреодолимая сила ввергаетъ его, не давая отступить или воротиться,—вотъ совершенное изображеніе нашего ужаснаго положенія.

«Съ тѣхъ поръ государь въ разговорахъ намекалъ намъ про сей предметъ, но не распространяясь болѣе объ ономъ, а мы всячески старались избѣгать онаго» [130].

Несмотря на этотъ разговоръ, служебное положеніе великаго князя Николая Павловича нисколько не измѣнилось и въ послѣдующіе годы; онъ продолжалъ съ обычнымъ рвеніемъ исполнять свои скромныя обязанности бригаднаго командира и попрежнему находился въ сторонѣ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ [131]. Онъ не былъ даже назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Нѣсколько большая сфера дѣятельности открывалась Николаю Павловичу, какъ генералъ-инспектору по инженерной части — должности, которая въ сущности плохо согласовалась съ званіемъ бригаднаго командира, въ которомъ будущій замѣститель (remplaçant) императора Александра пробылъ почти восемь лѣтъ! Безспорно подобное распоряженіе представляетъ собою довольно оригинальный способъ приготовленія къ царственному поприщу избраннаго наслѣдника престола.

Николай Павловичъ, при всей своей безпритязательности, самъ тяготился своимъ служебнымъ положеніемъ, какъ видно изъ разсказа, записаннаго княземъ А. С. Меншиковымъ въ дневникѣ за 1823 годъ отъ 15-го ноября. Генералъ-адъютантъ А. Ф. Орловъ, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, сказалъ, что ему желательно отдѣлаться отъ командованія бригадой; Николай Павловичъ покраснѣвъ воскликнулъ: «Ты—Але-

кѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а я—Николай Павловичъ, между нами есть разница, и ежели тебѣ тошна бригада, каково же мнѣ командовать бригадою, имѣя подъ своимъ начальствомъ инженерный корпусъ съ правомъ утверждать уголовные приговоры до полковника .

Дѣятельность Николая Павловича, какъ генералъ-инспектора, была во всѣхъ отношеніяхъ блестящая и благотворная: она принесла великую пользу государству, вызвавъ къ жизни русскій инженерный корпусъ. Для достиженія этой цѣли великій князь призналъ необходимымъ безотлагательно учредить спеціальное инженерное училище. Это важное государственное дѣло осуществилось 24-го ноября 1819 года, когда императоръ Александръ утвердилъ докладъ генералъ-инспектора объ учрежденіи Главнаго инженернаго училища съ кондукторскими и офицерскими классами. Начальникомъ училища великій князь избралъ генералъ-майора графа Егора Карловича Сиверса. Торжественное открытіе училища послѣдовало 16-го марта 1820 года: оно было помѣщено въ зданіи бывшаго Михайловскаго замка, получившаго отнынѣ наименованіе Инженернаго замка [132].

Еще другое училище, также военное, хотя и не спеціальное, обязано было своимъ возникновеніемъ просвѣщенной заботливости Николая Павловича.

Когда великій князь съ гвардіею находился въ 1822 году въ Вильнѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ гвардейскіе подпрапорщики, оказывались совершенно несвѣдущими въ военныхъ наукахъ. Желая устранить этотъ недостатокъ, онъ повелѣлъ собрать подпрапорщиковъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ бригадную квартиру и организовалъ соотвѣтственное ихъ обученіе подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Этотъ опытъ привелъ къ тому, что по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ великій князь представилъ проектъ объ учрежденіи постоянной Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, утвержденный императоромъ Александромъ 9-го мая 1823 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣлъ состоять этой школѣ подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича.

Лѣтомъ 1819 года, возвратился изъ заграничнаго путешествія великій князь Михаилъ Павловичъ, а вмѣстѣ съ нимъ появился въ Петербургѣ и генералъ Паскевичъ. Онъ не вступилъ, однако, въ командованіе данной ему еще въ 1818 году 2-й гвардейской пѣхотной дивизіею, которая была ввѣрена генералъ-майору барону Бистрому. Паскевичу же, вмѣсто самостоятельнаго командованія, повелѣно было состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, такъ какъ императрица Марія Ѳеодоровна опасалась оставить своего сына безъ опытнаго руководителя: Михаилъ Павловичъ вступилъ тогда въ командованіе 1-й бригадой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Только 11-го мая

Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1821 года генералъ Паскевичъ освободился наконецъ отъ своего неопредѣленнаго положенія негласнаго совѣтника и руководителя совершеннолѣтняго великаго князя, получивъ начальство надъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Съ этого времени Ивану Ѳедоровичу Паскевичу суждено было сдѣлаться «отцомъ командиромъ» великаго князя Николая Павловича.

Въ апрѣлѣ 1821 года, императоръ Александръ повелѣлъ войскамъ гвардейскаго корпуса выступить въ походъ къ Вильнѣ: они расположились въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ сентябрѣ, государь предполагалъ произвести гвардіи смотръ и маневры. Для этой цѣли войска сосредоточились къ Вѣшенковичамъ. Во время царскихъ смотровъ оба великіе князья принимали дѣятельное участіе въ упражненіяхъ своихъ бригадъ[133]. Государь остался доволенъ гвардіею, но не разрѣшилъ ей возвратиться въ С.-Петербургъ; соображенія политическаго свойства, связанныя съ воспоминаніемъ о Семеновской исторіи 1820 года, побудили императора Александра продлить еще опалу гвардіи, удержавъ ее вдали отъ столицы. Въ связи съ этими соображеніями находилось также послѣдовавшее тогда увольненіе генералъ-адъютанта Васильчикова отъ командованія гвардейскимъ корпусомъ; онъ былъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ Ф. П. Уваровымъ, который, однако, остался въ С.-Петербургѣ, почему генералъ Паскевичъ, какъ старшій, вступилъ въ командованіе гвардіею. Тогда, въ свою очередь, Паскевичъ предложилъ великому князю Николаю Павловичу вступить въ командованіе 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Паскевичъ расположился въ Минскѣ, а Николай Павловичъ поселился въ Вильнѣ.

Время командованія здѣсь Николая Павловича ознаменовано было непріятною исторіею съ офицерами лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, вызванною требовательностью и рѣзкостью выговоровъ со стороны великаго князя. Паскевичъ немедленно поскакалъ въ Вильну, чтобы разобрать дѣло; по его совѣту Николай Павловичъ отправился въ С.-Петербургъ для личнаго доклада случившагося дѣла государю. Все обошлось сравнительно довольно благополучно: переводомъ въ армію нѣсколькихъ офицеровъ тѣми же чинами[134].

Весною гвардія начала готовиться къ царскому смотру. Въ Вильну явился наконецъ генералъ-адъютантъ Уваровъ, и великій князь Николай Павловичъ снова вступилъ въ управленіе своей бригадою. Начальство принялось усердно учить войска, и труды ихъ увѣнчались успѣхомъ; 22-го мая 1822 года, состоялся парадъ въ Вильнѣ, въ присутствіи императора Александра, а затѣмъ гвардія выступила въ обратный походъ въ С.-Петербургъ.

Здѣсь гвардейская служба пошла обычнымъ порядкомъ, при чемъ генералу Паскевичу представился не разъ случай сдерживать чрезмѣрное

усердіе своего бригаднаго начальника. Паскевичъ попрежнему не сочувствовалъ господствовавшей тогда утонченности маршировки и выправки войскъ, и въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ онъ пишетъ: «Регулярство въ арміи необходимо, но о немъ можно сказать то, что говорятъ про пьяныхъ, которые лбы себѣ разбиваютъ, Богу молясь: оно хорошо только въ мѣру, а градусъ этой мѣры знаніе войны указываетъ, а то изъ регулярства выходитъ акробатство». «Не разъ, возвращаясь съ плаца, мнѣ приходило желаніе все бросить и въ отставкѣ вполнѣ предаться семейной жизни; но я предчувствовалъ, что скоро понадоблюсь для серьезнаго дѣла. Россія, я тогда понималъ, безъ войны и скорой войны не обойдется. Волненіе въ Греціи — это начало разложенія Турецкой имперіи. Безъ войны и турки изъ Европы не уйдутъ и европейцы ихъ не пустятъ,— слѣдовательно быть войнѣ. Вотъ почему я рѣшился все терпѣть и выжидать свое время» [135].

Это время приближалось и наступило быстрѣе, чѣмъ предполагалъ тогда Иванъ Осдоровичъ Паскевичъ.

12-го (24-го) февраля 1825 года, Паскевичъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, а 27-го числа того же мѣсяца (11-го марта) командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Паскевичъ переселился въ Митаву, а великій князь Николай Павловичъ сдѣланъ былъ наконецъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи.

IV.

Передъ тѣмъ, чтобы обратиться къ обзору событій, ознаменовавшихъ собою 1825-й годъ, слѣдуетъ предварительно указать, какое направленіе дано было императоромъ Александромъ вопросу о престолонаслѣдіи, затронутому государемъ въ разговорѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, 13-го (25-го) іюля 1819 года.

Еще до брака великаго князя Константина Павловича, состоявшагося въ 1796 году, Растопчинъ писалъ графу Семену Романовичу Воронцову: «Заранѣе соболѣзную о его супругѣ (je plains d'avance son épouse)» [136]. Растопчинъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ, предсказывая нерадостную жизнь невѣстѣ Константина Павловича. Вспыльчивый характеръ и невозможныя выходки великаго князя причинили немало горя великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Случавшіяся тогда бурныя сцены относились къ тому періоду жизни Константина Павловича, когда онъ, какъ признавался впослѣдствіи своему другу, Ѳедору Петровичу Опочинину, слѣдуя своеобразной поговоркѣ князя Багратіона: «молода была — янычаръ была».

Послѣ кончины императора Павла великая княгиня Анна Ѳеодоровна поселилась за границею и съ тѣхъ поръ не возвращалась болѣе

въ Россію, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ сталъ помышлять о разводѣ. Осуществленію этого намѣренія цесаревича препятствовала, однако, императрица Марія Оеодоровна, отказывавшая ему въ испрашиваемомъ материнскомъ разрѣшеніи.

Въ 1803 году, императрица-мать писала сыну: «Легко вамъ будетъ повѣрить, мой любезный Константинъ Павловичъ, сколь глубоко огорчилась я, читая письмо ваше, если вы вспомните содержаніе того, которое писала я прошлаго года съ изображеніемъ душевнаго смущенія и скорби моей, также и моего желанія. Тогдашнимъ отвѣтомъ вашимъ, нынѣ вновь мною прочтеннымъ, вы меня въ опасеніяхъ моихъ успокоили. Въ соотвѣтственность желаніямъ матери вашей вы начертали въ немъ самыя сіи слова, кои изъ письма вашего выписываю: «что принадлежитъ до развода, молчу и повинуюсь, таковъ есть долгъ мой». Вы тогда довольствовались удаленіемъ жены вашей и пребываніемъ ея у своихъ родителей. Ничто съ того времени не перемѣнилось, а васъ однакожъ я вижу обращающимся паки къ сей пагубной и опасной мысли о разводѣ. Симъ растворяются всѣ раны сердца моего. но при всемъ томъ, мой любезный Константинъ Павловичъ, несмотря на скорбь, которую я чувствую, занимаясь печальною сею мыслью, я изображу вамъ мое по сему предмету мнѣніе, какъ оно мною видится, и наконецъ объявлю вамъ условія, на которыхъ нѣжная моя любовь къ вамъ можетъ склонить меня заняться мыслью о вашемъ разводѣ. При самомъ началѣ приведу вамъ на память пагубныя послѣдствія для общественныхъ нравовъ, также огорчительный и для всей націи опасный соблазнъ, произойти отъ того долженствующій; ибо по разрушеніи брака вашего послѣдній крестьянинъ отдаленнѣйшей губерніи, не слыша болѣе имени великой княгини, при церковныхъ молебствіяхъ провозглашаемаго, извѣстится о разводѣ вашемъ, его почтеніе къ таинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется, тѣмъ паче, что съ нимъ неудобно войти въ изслѣдованіе причинъ, возмогшихъ подать къ тому поводъ. Онъ предположитъ, что вѣра для императорской фамиліи менѣе священна, нежели для него, а такового мнѣнія довольно, чтобъ отщетить сердца и умы подданныхъ отъ государя и всего царскаго дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазнъ сей производится отъ императорскаго брата, обязаннаго быть для подданныхъ образцемъ добродѣтели! Нравы, уже и безъ того растлѣнные, испорченные, придутъ еще въ вящшее развращеніе чрезъ пагубный примѣръ стоящаго при самыхъ ступеняхъ престола, занимающаго первое по государѣ мѣсто. Повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, единою прелестью неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ увѣреніе, которое обще съ чувствованіемъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели на-

Petersbourg Ce 28 de Juillet
P. 1818.

J'ai mille et mille graces à vous rendre cher et bon Constantin pour la bonté que vous avez eu de vous rappeler de ma prière pour les tschakos, que j'ai reçus avec bien grand plaisir; ils sont tous deux parfaitement bien fait. — De même vous avez eu l'amabilité de remplir la commission de ma femme pour des souliers, qui lui vont à merveille; vous lui avez fait grandissime plaisir par là; elle tient beaucoup à votre amitié, dont elle a eu tant de preuves pendant notre court séjour à Mlalow.

Débarassés enfin tous deux de la petite, moi je suis devenu brigadier, et commence demain

mes fonctions

81

à un exercice de ligne dans notre quartier à
Smolenskoe-pole, je tâcherais de mériter les
bontés de l'Empereur et la confiance qu'il
veut bien me témoigner ; — et comme vous êtes
notre chef à tous je désire pouvoir mériter
avec ma brigade, quelque regard indulgent
quand vous viendrez nous voir. Je désire que
mes moyens puissent correspondre à mon zèle.

Mon petit g[illegible]de toujours une grande
ressemblance avec vous, et devient vraiment
gentil ; cette huit allés dans la calèche et s'amuse
beaucoup ; — peut-être pourrais-je bientôt v[illegible]

annoncer

l'arrivée d'un second courrier; du moins je ne perds pas mon temps.

Adieu cher et bon Constantin, tout à vous pour la vie et de coeur et d'âme

Nicolas

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

рушеніи общее мнѣніе ниспровергается, почтеніе къ государю и къ его роду погибаетъ».

Высказавъ эти мысли, императрица переходитъ къ личнымъ отношеніямъ между разъединившимися супругами и, защищая невѣстку, обви-

Княгиня Ловичъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ" 1877 года).

нять своего сына. «Обратитесь къ самому себѣ, — пишетъ Марія Ѳеодоровна, — и вопросите совѣсть свою, оправдаетъ ли она вѣтреность, горячность, вспыльчивость при началѣ несогласія, между вами и великою княгинею существующаго, оказанныя вами вопреки сильнѣйшихъ моихъ представленій при возвращеніи вашемъ изъ инспекціи въ послѣднюю

осень царствованія покойнаго вашего отца, когда я, въ присутствіи брата вашего, просила, умоляла васъ жить въ супружескомъ дружелюбіи, а вы противу всѣхъ стараній матери вашей остались непреклонны: спросите, говорю я, сами у себя: укоризны сердца вашего дозволятъ ли вамъ помышлять о разводѣ?»

Предавая, однако, прошлое забвенію, императрица приходитъ окончательно къ заключенію, что если цесаревичъ, несмотря на всю силу ея возраженій, выскажетъ ей, что онъ желаетъ развода съ тѣмъ единственно, чтобы опять жениться и примѣромъ безпорочнаго и счастливаго союза загладить соблазнъ, произведенный расторженіемъ перваго брака, то только въ такомъ случаѣ дозволитъ «разсматриваніе сего предмета», хотя у нея навсегда останется въ сердцѣ чувство скорби, порожденное такою жестокою необходимостью.

Но, дѣлая эту уступку, императрица не предоставляла сыну свободнаго выбора невѣсты при вступленіи во второй бракъ. Марія Ѳеодоровна пишетъ: «когда вы предварительно и съ непремѣнностью опредѣлите выборъ, васъ достойный, дабы учинить оный соотвѣтственно рожденію вашему, поѣзжайте въ чужіе края. Въ пребываніе ваше у разныхъ дворовъ владѣтельныхъ князей Германіи изберите себѣ невѣсту, во всѣхъ отношеніяхъ васъ достойную. Какъ скоро утвердитесь въ вашемъ выборѣ и получите отъ меня и отъ императора дозволеніе, тогда на разводъ вашъ объявляю свое согласіе. На семъ только условіи признаю я возможность онаго... Ваше мѣсто обязываетъ васъ полнымъ самого себя пожертвованіемъ для государства».

Требованіе это императрица основывала на томъ соображеніи, что соблазнъ развода долженъ быть въ ту же минуту заглаженъ новымъ брачнымъ союзомъ, но союзомъ «соотвѣтственнымъ».

«Итакъ, — оканчиваетъ императрица письмо, — повторяю вамъ, любезный мой Константинъ Павловичъ, что на семъ только одномъ и единственномъ условіи вы можете получить отъ меня дозволеніе. Молодой человѣкъ лѣтъ вашихъ смотритъ только на настоящую минуту, но та, которая есть и всегда будетъ лучшимъ вашимъ другомъ, за васъ простираетъ взоръ свой на будущее и хочетъ спасти васъ отъ раскаянія и несчастія и отнять у васъ и потомства вашего возможность порицать тѣхъ, кому Провидѣніе ввѣрило стараніе о благѣ вашемъ. О великій Боже! кто паче матери долгъ имѣетъ печись объ ономъ? Вотъ мои намѣренія; они непоколебимы. Всѣ совокупно должности мои чинятъ оныя навсегда непремѣнными, ибо они основаны на обязанностяхъ моихъ къ государству, драгоцѣннѣйшему праху отца вашего и къ самимъ вамъ. Соблюдать ихъ нансвятѣйше обѣщаюсь предъ вами и предъ моею совѣстью»[137].

Разводъ на подобныхъ условіяхъ совершенно не соотвѣтствовалъ намѣреніямъ цесаревича: новый бракъ съ нѣмецкой принцессою онъ при-

равнивалъ въ сочиненной имъ и распѣваемой шутливой пѣснѣ къ пожару и наводненію. Но время и упорство, выказанное въ этомъ случаѣ цесаревичемъ, сдѣлали свое; спорное дѣло, много лѣтъ спустя, окончательно рѣшилось въ смыслѣ, желаемомъ Константиномъ Павловичемъ, то-есть безъ всякаго стѣсненія для его будущихъ намѣреній.

20-го марта (1-го апрѣля) 1820 года, появился манифестъ императора Александра, въ которомъ объявлялось, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ принесенною императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и государю просьбою «обратилъ вниманіе наше на его домашнее положеніе въ долговременномъ отсутствіи супруги его великой княгини Анны Ѳеодоровны, которая еще въ 1801 году удалилась въ чужіе края по крайне разстроенному состоянію ея здоровья, какъ донынѣ къ нему не возвращалась, такъ и впредь, по личному ея объявленію, возвратиться въ Россію не можетъ, и вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобы бракъ его съ нею былъ расторженъ».

«Внявъ сей просьбѣ,—сказано далѣе въ манифестѣ,—съ соизволенія любезнѣйшей родительницы нашей, мы предавали дѣло сіе въ разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который, по сличеніи обстоятельствъ онаго съ церковными узаконеніями, на точномъ основаніи 35-го правила Василія Великаго [138], положилъ: бракъ цесаревича и великаго князя Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною расторгнуть, съ дозволеніемъ ему вступить въ новый, естьли онъ пожелаетъ. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ усмотрѣли мы, что безплодное было бы усиліе удерживать въ составѣ императорской нашей фамиліи брачный союзъ четы, девятнадцатый годъ уже разлученной, безъ всякой надежды быть соединенною, и потому, изъявивъ соизволеніе наше, по точной силѣ церковныхъ узаконеній, на приведеніе выше изъясненнаго положенія святѣйшаго синода въ дѣйствіе, повелѣваемъ повсюду признавать оное въ свойственной ему силѣ».

Императоръ Павелъ въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», изданномъ 5-го (17-го) апрѣля 1797 года, ничего не упомянулъ о неравныхъ по рожденію бракахъ членовъ императорской фамиліи. «Учрежденіе» не предусматривало какихъ либо стѣсненій въ этомъ смыслѣ и ставило только одно условіе: «всякій бракъ, безъ согласія царствующаго императора сдѣланный, законнымъ признаваемъ быть не можетъ». Поэтому императоръ Александръ въ манифестѣ, изданномъ по случаю развода цесаревича, присовокупилъ слѣдующее дополнительное постановленіе:

«При семъ, объемля мыслью различные случаи, которые могутъ встрѣчаться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи, и которыхъ послѣдствія, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями,

мы признаемъ за благо, для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой имперіи нашей, присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской фамиліи слѣдующее дополнительное правило: если какое лице изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то-есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лице императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола.

«Изъявляя сію волю нашу всѣмъ настоящимъ и будущимъ членамъ императорской нашей фамиліи и всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, по точному праву, опредѣленному въ 23-мъ пунктѣ Учрежденія объ императорской фамиліи[139], предъ лицемъ Царя царствующихъ обязуемъ всѣхъ и каждаго, до кого сіе касаться можетъ, сохранять сіе дополнительное наше постановленіе въ вѣчныя времена свято и ненарушимо»[140].

Такимъ образомъ, въ 1820 году, опредѣлилось наконецъ семейное положеніе цесаревича Константина Павловича. Разводъ цесаревича былъ первымъ подобнымъ случаемъ въ императорскомъ семействѣ, такъ какъ Петръ Великій, послѣ заточенія и постриженія царицы Евдокіи Осодоровны (рожд. Лопухиной) въ монастырь, не призналъ нужнымъ получить разводъ по правиламъ церкви.

Вскорѣ выяснилась и другая сторона вопроса, а именно причина, вызвавшая обнародованіе новаго закона, объявленнаго въ манифестѣ 20-го марта.

12-го (24-го) мая 1820 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ обвѣнчался въ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ съ дѣвицею графинею Іоанною Грудзинскою, безъ всякой торжественности, въ присутствіи только четырехъ свидѣтелей, генераловъ: Курута, Альбрехта, Нарышкина и Кнорринга. Великій князь вѣнчался сперва по православному обряду, а потомъ по католическому. Послѣ вѣнчанія цесаревичъ сѣлъ съ своей супругой въ кабріолетъ, управлялъ парой въ дышлѣ лошадей самъ и отправился по Краковскому предмѣстью въ Бельведеръ. Молва о бракосочетаніи великаго князя быстро распространилась въ Варшавѣ, и улицы покрылись густою толпою народа, встрѣтившаго новобрачныхъ радостными кликами[141].

Офиціальное положеніе новой супруги цесаревича опредѣлилось манифестомъ отъ 8-го (20-го) іюля 1820 года, который, однако, не былъ обнародованъ. Въ этомъ манифестѣ супругѣ цесаревича пожалованъ былъ титулъ княгини Ловичъ; вмѣстѣ съ княжескимъ достоинствомъ ей былъ присвоенъ въ Россіи титулъ свѣтлости.

Народная сцена въ окрестностяхъ С.-Петербурга, въ 1799 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бракъ цесаревича отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ на его неукротимомъ доселѣ нравѣ. Княгиня Ловичъ старательно заботилась, по мѣрѣ силъ, вліять на мужа, чтобы на будущее время предотвратить неудовольствіе и непріязнь, которыя цесаревичъ постоянно возбуждалъ противъ себя, какъ среди поляковъ, такъ и русскихъ, своею необузданною горячностью. По мѣткому выраженію современника, «левъ былъ побѣжденъ голубицею». Въ перепискѣ съ Лагарпомъ цесаревичъ упоминаетъ даже въ 1826 году о своей супругѣ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ: «Я ей обязанъ счастіемъ, спокойствіемъ и получилъ ее изъ рукъ моего покойнаго императора, который удостоивалъ ее своею дружбою и особымъ довѣріемъ. (Je lui dois mon bonheur, ma tranquillité, et je la tiens de la main de mon défunt empereur qui l'honorait de son amitié et de sa confiance particulière)».

Устроивъ свое домашнее счастіе, цесаревичъ Константинъ Павловичъ не замедлилъ также осуществить другое свое намѣреніе, задуманное много лѣтъ тому назадъ. Еще въ 1801 году, тотчасъ послѣ мартовскихъ трагическихъ событій, Константинъ Павловичъ сказалъ полковнику Николаю Александровичу Саблукову:

— Ну, хорошая это была каша.

— Хорошая дѣйствительно каша, —отвѣчалъ Саблуковъ, и я весьма счастливъ, что къ ней не причастенъ.

— Это хорошо, другъ мой, — сказалъ цесаревичъ, торжественно присовокупивъ знаменательныя слова: — послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда нибудь, то я, конечно, никогда его не приму. (Après ce qui est arrivé, mon frère peut régner, s'il veut; mais si le trône me revenait jamais, je ne l'accepterais certainement pas)»[142].

Цесаревичъ и въ послѣдующіе годы своей жизни оставался всегда вѣрнымъ мысли, высказанной въ 1801 году Саблукову. Въ этомъ убѣждаютъ насъ также слова, сказанныя въ 1819 году императоромъ Александромъ въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, а именно, что цесаревичъ имѣетъ природное отвращеніе къ наслѣдованію престола.

Наконецъ, въ 1821 году, цесаревичъ высказалъ съ полною откровенностью свои мысли по вопросу о престолонаслѣдіи великому князю Михаилу Павловичу. Это случилось въ Варшавѣ.

Теперь нужно обратиться къ подлинному разсказу великаго князя Михаила Павловича, записанному со словъ его барономъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ въ 1847 году[143].

«Послѣ выдержанной въ 1819 году жестокой болѣзни, великій князь Михаилъ Павловичъ лѣтомъ 1821 года пользовался водами въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ и оттуда на возвратномъ пути пріѣхалъ въ Вар-

шаву, гдѣ остановился, какъ всегда, у цесаревича Константина Павловича, въ Бельведерѣ. Въ то же время ожидали въ Варшавѣ съ Эмскихъ водъ и великаго князя Николая Павловича съ супругою. для которыхъ цесаревичъ готовилъ помѣщеніе въ Лазенкахъ. Не вполнѣ, можетъ статься. оцѣненный современниками, потому что они мало знали превосходныя качества высокой его души, но боготворимый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичъ Константинъ самъ особенно любилъ младшаго своего брата и постоянно являлъ ему теплую дружбу и неограниченное довѣріе, которыя при разности ихъ лѣтъ представляли почти отношенія нѣжнаго отца къ почтительному сыну. «Видишь ли, Michel,—сказалъ онъ ему однажды среди своихъ приготовленій къ встрѣчѣ великаго князя Николая Павловича,—съ тобою мы по-домашнему, а когда я жду брата Николая, мнѣ все кажется, будто готовлюсь встрѣтить государя».

«Но эти слова были только преддверіемъ или вступленіемъ къ другому важнѣйшему сообщенію. Разъ оба брата проѣзжались вмѣстѣ въ коляскѣ по городскому валу. «Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ,—сказалъ вдругъ цесаревичъ[144],—я хочу явить новое ея доказательство, открывъ тебѣ великую тайну моей души. Не дай Богъ, чтобъ насъ постигло когда нибудь величайшее несчастіе, какое только можетъ разразиться надъ Россіею: потеря государя: но еслибъ этому суждено было случиться при моей жизни, я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться навсегда и невозвратимо отъ наслѣдственныхъ моихъ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю государя, чтобъ вообразить себя иначе, какъ съ прискорбіемъ и даже ужасомъ на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ, и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому, и. что еще болѣе. на полькѣ: слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности, и отношенія наши всегда останутся двусмысленными. Итакъ, я твердо положилъ уступить престолъ брату Николаю, и ничто не поколеблетъ этой зрѣло обдуманной рѣшимости. Покамѣстъ она должна остаться въ глубокой между нами тайнѣ; но когда впередъ у тебя будетъ рѣчь объ этомъ съ братомъ Николаемъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить; а если бъ и его не стало прежде меня, то я съ такимъ же усердіемъ буду служить его сыну, можетъ быть, еще и съ бо́льшимъ, потому что онъ носитъ имя моего благодѣтеля».

Вскорѣ послѣ этого разговора прибыли въ Варшаву ожидаемые гости. Недѣля, которую они вмѣстѣ тутъ жили, проведена была очень весело и въ блестящихъ празднествахъ; потомъ оба великіе князья, Николай и Михаилъ, отправились въ Вѣшенковичи, для командованія ввѣренными имъ гвардейскими бригадами при смотрѣ и маневрахъ, кото-

рые предназначены были въ присутствіи государя, возвратившагося весною передъ тѣмъ съ Лайбахскаго конгресса. Гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе послѣ маневровъ расположиться на зиму въ западныхъ губерніяхъ съ двоякою цѣлью: одною, чтобы нѣкоторымъ образомъ развлечь и освѣжить умы послѣ случившагося незадолго передъ тѣмъ извѣстнаго событія въ Семеновскомъ полку; другою, чтобы быть въ ближайшей готовности къ направленію въ Италію на случай, если бы ходъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ потребовалъ осуществить замышлявшуюся посылку арміи на помощь австрійцамъ. Въ Бѣненковичахъ, обѣдая однажды съ великими князьями, государь спросилъ, намѣрены ли они возвратиться въ Петербургъ, или же оставаться при своихъ бригадахъ, что онъ предоставляетъ совершенно на ихъ волю. Оба единодушно отвѣчали, что какъ государю угодно было ввѣрить имъ въ командованіе бригады, то они и считаютъ долгомъ при нихъ оставаться. «Я и не ожидалъ отъ васъ иного, — сказалъ государь,— но какъ матушка все еще безпокоится о твоемъ здоровьѣ, Michel, то, отведя ваши бригады на мѣста ихъ расположенія, пріѣзжайте въ Петербургъ съ нею повидаться, послѣ чего опять отправитесь къ своимъ мѣстамъ». Такъ и сдѣлалось; но, оставляя Петербургъ послѣ нѣсколькихъ недѣль, великіе князья получили приказаніе снова туда пріѣхать ко дню рожденія государя (12-го декабря), къ которому ожидалась и сестра ихъ, великая княгиня Марія Павловна.

Великій князь Михаилъ Павловичъ явился еще нѣсколькими днями ранѣе 12-го декабря, по особому приглашенію императрицы-матери къ празднику, который она устроила въ Смольномъ монастырѣ для великой княгини. Позже прибылъ и цесаревичъ, такъ что въ зиму съ 1821-го на 1822-й годъ въ Петербургѣ соединилась впервые послѣ 1816-го года почти вся царственная семья. Великимъ князьямъ, которые сперва хотѣли ѣхать назадъ тотчасъ послѣ новаго года, велѣно было остаться долѣе, и они отправились къ своимъ бригадамъ не прежде начала февраля 1822 года. Въ это время надлежало совершиться тому великому историческому событію, которое цесаревичъ давалъ предчувствовать своему брату въ Варшавѣ.

Въ пріѣзды свои въ Петербургъ цесаревичъ останавливался всегда въ принадлежавшемъ ему Мраморномъ дворцѣ. Туда бывало, когда окончится вечеръ у большого двора, онъ увозилъ съ собою брата своего Михаила Павловича и тутъ за чашкою чая и сигарою проводилъ съ нимъ половину ночи въ неистощимыхъ бесѣдахъ о быломъ. Одаренный необыкновенною памятью и блестящимъ даромъ слова и богатый воспоминаніями о царствованіяхъ императрицы Екатерины и императора Павла, о Суворовскихъ походахъ и о другихъ происшествіяхъ своего времени, Константинъ Павловичъ любилъ предаваться имъ въ этихъ

Великій князь Николай Павловичъ въ костюмѣ Аляриса, царя Бухарскаго,
и великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ костюмѣ Лалла-Рукъ.

Изъ весьма рѣдкаго изданія: „Lalla-Roukh. Divertissement executé au chateau royal de Berlin le 27 Janvier 1821, pendant le séjour de L. L. A. A. J. J. Msgr. le grand duc Nicolas et Mad. la grande duchesse Alexandra Feodorowna". Berlin. 1822.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

дружескихъ бесѣдахъ, а молодой братъ его никогда не утомлялся слушать его живые и одушевленные разсказы. Но передъ тѣмъ еще великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ ежедневно являться къ ужину императрицы-матери, который бывалъ обыкновенно часовъ

Митрополитъ московскій Филаретъ.

(Съ гравированнаго портрета Ножалостина).

около десяти. Въ одинъ вечеръ, въ январѣ 1822 года, онъ ожидалъ, какъ всегда, извѣщенія, что императрица вышла: но бьетъ десять часовъ, бьетъ и одиннадцать, а его все не зовутъ: наконецъ за нимъ прислали уже въ двѣнадцатомъ часу. Въ комнатахъ императрицы онъ засталъ цесаревича и великую княгиню Марію Павловну. Въ ту минуту, когда

. . . . . .

онъ вошелъ, великая княгиня цѣловала цесаревича въ плечо, говоря: «Vous êtes un honnête homme, mon frère». Между тѣмъ, послѣ входа Михаила Павловича всякія дальнѣйшія изъясненія прекратились: ужинъ обошелся безъ чего либо особеннаго, и потомъ цесаревичъ, по обыкновенію, повезъ брата къ себѣ въ Мраморный дворецъ.

«Помнишь ли ты нашъ разговоръ въ Варшавѣ?» — спросилъ онъ его, какъ только они сѣли въ сани: «сегодня вечеромъ все кончилось: я объявилъ государю и матушкѣ мои намѣренія и мою непреложную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили ихъ, и государь обѣщалъ составить о всемъ томъ актъ, который будетъ помѣщенъ въ четырехъ экземплярахъ: въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ, въ синодѣ и на престолѣ Московскаго Успенскаго собора, но котораго содержаніе будетъ хранимо покамѣстъ въ глубокой тайнѣ и огласится тогда только, когда настанетъ нужное къ тому время».

Послѣ этого разговора цесаревичъ положилъ официальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола тѣмъ, что 14-го (26-го) января 1822 года онъ обратился къ императору Александру съ письмомъ, въ которомъ признаваясь, что, не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію своему можетъ имѣть право, осмѣливается просить его величество передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него. Проектъ письма былъ сперва разсмотрѣнъ императоромъ Александромъ и собственноручно имъ исправленъ.

Отвѣтъ императора Александра на письмо цесаревича послѣдовалъ не скоро; онъ состоялся 2-го (14-го) февраля 1822 года, уже послѣ отъѣзда Константина Павловича изъ Петербурга. Собственноручный отвѣтъ государя заключался въ слѣдующемъ:

«Любезнѣйшій братъ!

«Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше. Умѣвъ цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно дало мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

«По вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

«Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

«Пребываю навѣкъ душевно васъ любящій братъ,

«Александръ».

Такимъ образомъ, ожидаемое цесаревичемъ утвержденіе его отреченія императорскимъ словомъ наконецъ состоялось; но въ отвѣтѣ императора Александра ничего не упомянуто было о составленіи объщаннаго государемъ акта по поводу одобреннаго имъ измѣненія порядка престолонаслѣдія. Затѣмъ невольно обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что въ приведенной перепискѣ отсутствуетъ имя великаго князя Николая Павловича. Вся официальная фразеологія писемъ витаетъ въ области тщательно оберегаемаго инкогнито. Вообще же, во всемъ этомъ дѣлѣ, начиная отъ его зародыша до окончательной развязки, проглядываетъ какая-то безцѣльная страсть къ тайнѣ, какое-то тщательное и послѣдовательное уклоненіе отъ прямого названія вещей настоящимъ именемъ; все сводится къ какой-то непостижимой игрѣ въ прятки, настойчиво поддерживаемой, неизвѣстно для какой цѣли, всѣми заинтересованными въ вопросѣ о престолонаслѣдіи лицами.

Таинственнымъ обмѣномъ писемъ на первый разъ все и ограничилось. Великій князь Николай Павловичъ и супруга его ничего не знали о семейныхъ переговорахъ, происходившихъ въ январѣ мѣсяцѣ въ Зимнемъ дворцѣ; только съ 1822 года императрица Марія Оедоровна начала говорить съ ними въ томъ же смыслѣ, какъ прежде государь, и какъ пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ: «упоминая о какомъ-то актѣ, который будто бы братомъ Константиномъ Павловичемъ былъ учиненъ для отреченія въ нашу пользу, и спрашивала, не показывалъ ли намъ оный государь».

Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то онъ замѣтилъ, вспоминая въ 1847 году давно прошедшія событія тревожной эпохи: «И тогда, и послѣ, при дворѣ соблюдалось мертвое молчаніе насчетъ случившагося, и никто не показывалъ вида, чтобы что нибудь зналъ».

Основной законъ имперіи не могъ быть, однако, измѣненъ однимъ обмѣномъ семейныхъ писемъ: тѣмъ не менѣе, государь видимо колебался произнести рѣшительное слово. Наконецъ, только въ слѣдующемъ 1823 году, императоръ Александръ облекъ силою закона, хотя и тайнаго, семейное распоряженіе и тѣмъ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ цесаревичу еще до обмѣна писемъ по поводу измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Составленіе этого акта сопровождалось сугубо таинственными пріемами.

Лѣтомъ, въ 1823 году, архіепископъ московскій Филаретъ, находившійся тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ синодѣ, просилъ у императора Александра увольненія въ свою епархію. Министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, объявилъ ему на это открыто высочайшее соизволеніе и въ то же время секретно повелѣніе, чтобы онъ до отъѣзда изъ Петербурга исполнилъ особое порученіе государя. Вслѣдъ затѣмъ Филарету было передано подлинное письмо цесаревича 1822 года и повелѣно написать проектъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ пре-

стола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы актъ сей, оставаясь въ тайнѣ, пока не настанетъ время привести его въ исполненіе, хранился въ Успенскомъ соборѣ съ прочими царственными актами: «Мысль о тайнѣ тотчасъ представилась архіепископу ведущею къ затрудненію. Какъ восшествію на престолъ естественно быть въ Петербургѣ, то какъ оно можетъ быть сообразно съ манифестомъ, въ тайнѣ хранящимся въ Москвѣ? Архіепископъ не скрылъ сего недоумѣнія, представилъ, чтобы списки съ составляемаго акта хранились также въ Петербургѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ синодѣ и въ сенатѣ, и, получивъ на сіе также высочайшую волю, внесъ сіе въ самый проектъ манифеста». Такъ пишетъ объ этомъ чудесномъ дѣлѣ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ восшествію на престолъ императора Николая Павловича.

Вручивъ проектъ манифеста князю Голицыну, Филаретъ, какъ уже уволенный въ Москву, просилъ позволенія откланяться и былъ принятъ императоромъ Александромъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ повелѣніе дождаться возвращенія проекта для нѣкоторыхъ въ немъ исправленій[145]. Государь уѣхалъ въ Царское Село. Прошло нѣсколько дней. Филаретъ, заботясь о ввѣренной ему тайнѣ и замѣчая, что дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ, послѣ увольненія въ дорогу, возбуждаетъ любопытство, просилъ позволенія исполнить высочайшую волю при проѣздѣ черезъ Царское Село, гдѣ могъ остановиться подъ видомъ посѣщенія князя Голицына. Такъ и случилось. Филаретъ нашелъ у князя возвращенный проектъ; нѣкоторыя слова и выраженія манифеста императоръ Александръ собственноручно исправилъ и замѣнилъ другими. Болѣе затрудненій представляла для Филарета окончательная редакція заключительныхъ словъ манифеста. Въ первоначальной редакціи Филаретъ окончилъ манифестъ словами: «О насъ же къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу, по вѣрѣ въ котораго чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ, всѣ наши вѣрноподданные вознесутъ искреннія мольбы съ тою любовію, по которой мы въ попеченіи о ихъ неколебимомъ благосостояніи полагаемъ высочайшее на землѣ благо». Императоръ подчеркнулъ слова: «чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ», и съ боку поставилъ NB. Филаретъ старался угадать, почему написанное имъ не соотвѣтствовало мыслямъ государя, и представилъ три варіанта взамѣнъ подчеркнутыхъ словъ: «по благодати котораго чаемъ непреходящаго наслѣдія въ царствіи Его со всѣми вѣрующими въ Него», или «давшему намъ дерзновеніе вѣрою входить въ причастіе непреемственнаго царствія Его на небесахъ», или «вѣрою въ котораго ищемъ воспріятія въ непреходящее царствіе Его на небесахъ». Сомнѣнія государя разрѣшилъ князь А. Н. Голицынъ; онъ представилъ четвертый варіантъ, который удостоился высочайшаго

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

(Съ портрета, писаннаго Брюловымъ и принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу).

утвержденія. Заключительныя слова эти были выражены въ слѣдующемъ видѣ: «О насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, да они съ тою любовію, по которой мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали высочайшее на земль благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу о принятіи души нашей, по неизреченному Его милосердію, въ царствіе Его вѣчное».

Князь Голицынъ очень гордился, что ему удалось найти подходящее выраженіе для мыслей Александра, и замѣтилъ впослѣдствіи: «Видно,

Богу угодно было, чтобъ то, что касалось до души покойнаго государя, было мною изложено; такъ душа его мнѣ была очень любезна.

Въ такомъ окончательно исправленномъ видѣ императоръ Александръ подписалъ манифестъ 16-го (28-го) августа 1823 года въ Царскомъ Селѣ; въ немъ наконецъ произнесено было имя преемника Александра и сказано: «наслѣдникомъ нашимъ быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу».

25-го августа (6-го сентября) императоръ Александръ прибылъ въ Москву. 27-го августа (8-го сентября) государь прислалъ Филарету утвержденный актъ съ приложеніемъ подлиннаго письма цесаревича, въ запечатанномъ конвертѣ, съ собственноручною его величества надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія».

28-го августа, Филарета посѣтилъ графъ Аракчеевъ и, узнавъ сперва, получены ли отъ государя извѣстныя бумаги, спросилъ далѣе, какъ будутъ внесены онѣ въ Успенскій соборъ. Архіепископъ отвѣчалъ, что 29-го августа, въ навечеріе дня тезоименитства государя, онъ будетъ лично совершать всенощное бдѣніе въ Успенскомъ соборѣ и при вступленіи въ алтарь, по чину службы, прежде ея начатія, воспользуется симъ временемъ, чтобы положить запечатанный конвертъ въ ковчегъ къ прочимъ актамъ, «не открывая впрочемъ никому, что сіе значитъ». Мысль Филарета была, чтобы, по крайней мѣрѣ, тѣ немногіе, которые будутъ находиться въ алтарѣ, замѣтили, что нѣчто неизвѣстное пріобщено къ государственнымъ актамъ, и чтобы отъ сего остались, въ случаѣ кончины государя, нѣкоторая догадка и побужденіе вспомнить о ковчегѣ и заняться вопросомъ, нѣтъ ли въ немъ чего на этотъ случай. Графъ Аракчеевъ ничего не отвѣтилъ и удалился, но скоро опять явился и объявилъ, что государю не угодна ни малѣйшая гласность.

Получивъ такое повелѣніе, Филаретъ отправился 29-го августа въ Успенскій соборъ, когда тамъ никого не было, кромѣ протопресвитера, секлларія и прокурора синодальной конторы съ печатью. Архіепископъ вошелъ въ алтарь, открылъ ковчегъ государственныхъ актовъ, показалъ присутствующимъ принесенный конвертъ и на немъ печать, но не надпись, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ свидѣтелямъ къ строгому наблюденію высочайшую волю, «чтобы о семъ никому открываемо не было». Хранители тайны были вѣрны, прибавляетъ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ: дѣйствительно никто ничего не узналъ.

Архіепископъ полагалъ, что существованіе новаго акта извѣстно, по крайней мѣрѣ, московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Вла-

димировичу Голицыну, которому, судя по надписи государя на пакетѣ, поручалось наблюденіе за его вскрытіемъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не рѣшился съ нимъ объясниться по этому поводу, не имѣвъ на то высочайшаго уполномочія. Впослѣдствіи оказалось, что князь Голицынъ ничего не зналъ о распоряженіи, исполненномъ въ Москвѣ по повелѣнію императора Александра по вопросу первѣйшей государственной важности. Итакъ, не было упущено удобнаго случая нагромоздить еще новую тайну на всю длинную цѣпь предшествовавшихъ ей секретныхъ мѣропріятій!

Списки съ секретнаго манифеста, положеннаго въ Успенскомъ соборѣ, согласно совѣту Филарета были дѣйствительно посланы въ государственный совѣтъ, синодъ и сенатъ, но не тотчасъ, а значительно позже. Такъ, напримѣръ, въ государственный совѣтъ копія съ манифеста, подписаннаго 16-го августа, попала только въ половинѣ октября. Всѣ эти списки, равно какъ и подлинникъ, были переписаны рукою князя А. Н. Голицына и разосланы, по принадлежности, въ конвертахъ за императорскою печатью. На пакетѣ, доставленномъ въ совѣтъ, государь собственноручно написалъ: «Хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Подобныя же собственноручныя надписи были на двухъ другихъ конвертахъ[145].

Разсылка копій съ манифеста не могла пройти безслѣдно въ Петербургѣ; въ городѣ заговорили о загадочныхъ пакетахъ, но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Ничего подобнаго не случилось въ Москвѣ; разговоровъ не было, и тайна, въ которую облекъ императоръ Александръ сдѣланное имъ распоряженіе, не была нарушена, благодаря мѣропріятіямъ архіепископа Филарета.

Такимъ образомъ, о существованіи акта относительно престолонаслѣдія въ Россіи знали только три лица: архіепископъ Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ и графъ Аракчеевъ.

Насколько императрица Марія Ѳеодоровна посвящена была императоромъ Александромъ въ тайну своихъ распоряженій, трудно сказать. Извѣстно ли ей было одно отреченіе цесаревича Константина Павловича, которое она привыкла называть актомъ, или же она знала о существованіи секретнаго манифеста 16-го августа 1823 года,—все это нельзя установить съ желаемою точностью. Императрица же Елисавета Алексѣевна оставлена была совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ переговоровъ по этому дѣлу; ей ничего положительнаго не было извѣстно объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, что и обнаружилось впослѣдствіи съ достаточною очевидностью, въ моментъ кончины императора Александра въ Таганрогѣ.

Что же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ наравнѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ ничего не услышалъ отъ

государя о послѣднихъ распоряженіяхъ его, то-есть о манифестѣ, измѣнившемъ порядокъ престолонаслѣдія; императоръ Александръ почему-то призналъ совершенно излишнимъ посвятить двухъ главныхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ тайну подписаннаго имъ важнаго манифеста.

Столь тщательно обставленная тайна была. однако, довѣрена государемъ одному лицу, которому, строго говоря, было совершенно безцѣльно знать о ея существованіи ранѣе лицъ, прямо къ ней прикосновенныхъ. Это былъ прусскій принцъ Вильгельмъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ со стороны Александра Павловича. Возвратившись изъ своей поѣздки по Россіи. 3-го (15-го) ноября 1823 года, императоръ имѣлъ разговоръ съ принцемъ 5-го ноября, передъ отъѣздомъ послѣдняго въ Берлинъ. Государь ознакомилъ принца со всѣми распоряженіями, сдѣланными имъ по поводу отреченія цесаревича Константина Павловича. По прибытіи въ Берлинъ принцъ Вильгельмъ не замедлилъ довѣрить королю тайну, услышанную отъ императора Александра; Фридрихъ-Вильгельмъ пришелъ отъ этого сообщенія въ неописанное удивленіе[147].

Императоръ Александръ не довольствовался, однако, разоблаченіями, почему-то сдѣланными имъ принцу Вильгельму; подобнымъ же довѣріемъ онъ удостоилъ Карамзина и его жену, повѣдавъ имъ свою тайну, наравнѣ съ прусскимъ принцемъ, осенью 1823 года. Наконецъ, принцу Оранскому, посѣтившему Петербургъ въ 1825 году, также посчастливилось узнать непосредственно отъ государя столь ревниво оберегаемую тайну касательно измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ разсказывалъ впослѣдствіи Михайловскому-Данилевскому:

«Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ, однакоже, объ этомъ (то-есть о престолонаслѣдіи) ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ: «тебѣ надобно будетъ это поддерживать». Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ».

Вотъ какими странными и непонятными мѣрами императору Александру благоугодно было обставить столь важный и жизненный для государства вопросъ, заранѣе обрекая избраннаго имъ наслѣдника престола на крайне двусмысленное положеніе какъ въ отношеніи къ своему старшему брату, такъ и къ Россіи вообще[148]. Все сводилось въ сущности къ тому, что въ случаѣ несчастія, какъ бы въ частномъ быту, раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія! Трудно прійти къ другому заключенію и придумать лучшее объясненіе.

Сытный рынокъ въ С.-Петербургѣ въ 1801 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

V.

Остановимся нѣсколько на подробностяхъ семейной жизни великаго князя Николая Павловича за время съ 1819 по 1824 годъ.

6-го (18-го) августа 1819 года, родилась великая княжна Марія Николаевна. Слѣдующая затѣмъ беременность великой княгини Александры Ѳеодоровны окончилась менѣе благополучно: она родила 10-го іюня 1820 г. въ Павловскѣ мертваго ребенка. Какъ только состояніе здоровья великой княгини позволило ей двинуться въ путь, великокняжеская чета отправилась за границу, чтобы провести зиму въ Берлинѣ, а затѣмъ съ наступленіемъ весны пользоваться водами въ Эмсѣ. Дѣти оставлены были на попеченіи императрицы Маріи Ѳеодоровны[149].

«Дѣйствительно, три года прошло уже со времени моего замужества,— пишетъ Александра Ѳеодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ,—и было весьма естественно посѣтить моего отца и, если окажется возможнымъ, предпринять лѣтомъ 1821 года какое нибудь лѣченіе для возстановленія моего здоровья. Я имѣла въ теченіе двухъ лѣтъ трехъ дѣтей».

Великій князь Николай Павловичъ отвезъ жену въ Берлинъ и затѣмъ, по возвращеніи короля изъ Троппау, отправился, по приглашенію императора Александра, не надолго туда же[150].

Зимній сезонъ этого года въ прусской столицѣ былъ необыкновенно блестящій; оживленію двора и общества содѣйствовало присутствіе многочисленныхъ гостей. Тогда состоялось въ королевскомъ замкѣ, 15-го (27-го) января 1821 года, знаменитое представленіе поэмы Томаса Мура «Лалла Рукъ». Она была воспроизведена въ рядѣ живыхъ картинъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и исполненіемъ музыкальныхъ номеровъ, сочиненныхъ любимымъ королевскимъ капельмейстеромъ Спонтини. Главныя роли выпали на долю великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны: они изображали короля бухарскаго Аларіса и Лалла Рукъ. Остальныя роли были распредѣлены между членами королевскаго семейства, иностранными гостями и знатнѣйшими придворными. Принцъ Вильгельмъ, братъ великой княгини, изображалъ собою Джеландеръ-шаха[151].

Во время пребыванія въ Берлинѣ, на этотъ разъ болѣе продолжительнаго сравнительно съ прежними посѣщеніями, Николай Павловичъ окончательно сблизился, можно сказать, дѣйствительно сроднился съ прусскою королевскою семьею. Всего ближе великій князь сошелся со вторымъ своимъ зятемъ, съ любимымъ братомъ Александры Ѳеодоровны, принцемъ Вильгельмомъ: ихъ соединяла къ тому же общая страсть къ военному дѣлу. Впечатлѣнія, вынесенныя тогда Николаемъ Павловичемъ, во время пребыванія при прусскомъ дворѣ, оставили глубокій

слѣдъ въ его умѣ на всю послѣдующую жизнь; они отразились впослѣдствіи и на его царствованіи.

Не менѣе прочно было установившееся тогда окончательно сближеніе Николая Павловича съ прусскою арміею, которую онъ особенно полюбилъ. Великій князь съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми подробностями обученія прусскихъ солдатъ, поражая своихъ прусскихъ друзей знаніемъ всѣхъ мелочей военной службы.

Впослѣдствіи Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, желая объяснить Шнейдеру, издателю «Друга солдатъ (Soldatenfreund)», почему онъ чувствуетъ себя столь счастливымъ, находясь среди солдатъ, сказалъ ему: «Здѣсь порядокъ, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчія, все вытекаетъ одно изъ другого; никто не приказываетъ, прежде чѣмъ самъ не научится повиноваться; никто безъ законнаго основанія не становится впереди другого; все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе. Потому-то мнѣ такъ хорошо среди этихъ людей, и потому я всегда буду держать въ почетѣ званіе солдата. Я смотрю на всю человѣческую жизнь, только какъ на службу, такъ какъ каждый служитъ»[152].

Эти слова могутъ считаться вѣрнымъ отголоскомъ задушевныхъ, искреннихъ убѣжденій Николая Павловича, и этой безхитростной философіи онъ остался вѣренъ до самой смерти.

18-го (30-го) марта 1821 года, состоялось открытіе памятника на Крейцбергѣ близъ Берлина, воздвигнутаго въ память войнъ 1813, 1814 и 1815 годовъ; припомнимъ здѣсь, что первый камень при закладкѣ памятника положилъ императоръ Александръ во время пребыванія въ Берлинѣ въ 1818 году. Бранденбургскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго состоялъ Николай Павловичъ, участвовалъ въ парадѣ, на которомъ великій князь провелъ свой полкъ передъ королемъ.

Весною, Фридрихъ-Вильгельмъ съ семействомъ переѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ дворъ проводилъ время въ тѣсномъ семейномъ кругу. Въ половинѣ лѣта великая княгиня Александра Ѳедоровна отправилась въ Эмсъ, гдѣ выдержала полный курсъ лѣченія водами. По возвращеніи въ Берлинъ, великокняжеская чета провела еще тамъ двѣ недѣли и оттуда отправилась черезъ Варшаву въ Россію.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ принялъ своего гостя съ свойственною ему привѣтливостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ его часто въ замѣшательство воздаяніемъ не подлежавшихъ его сану почестей; когда же великій князь, стараясь отъ нихъ уклониться, просилъ его освободить отъ такого почета, который казался ему иногда почти насмѣшкою, то Константинъ Павловичъ отговаривался шуткою: «Это все отъ того, что ты мирликійскій царь!» — прозвище, которое съ тѣхъ поръ цесаревичъ часто сталъ давать Николаю Павловичу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возвращеніе великаго князя Николая Павловича въ Петербургъ состоялось 10-го (22-го) сентября 1821 года, послѣ почти годичнаго отсутствія изъ Россіи. Въ это время гвардія, выступившая въ походъ уже весною, готовилась къ царскому смотру; поэтому великій князь поспѣшно покинулъ Петербургъ, чтобы представить свою бригаду императору Александру. Гвардія, какъ выше упомянуто, возвратилась въ столицу только весною 1822 года, и до этого времени Николай Павловичъ изрѣдка появлялся въ семьѣ лишь гостемъ.

30-го августа (11-го сентября) 1822 года, Николай Павловичъ былъ обрадованъ рожденіемъ второй дочери, великой княжны Ольги Николаевны. Императоръ Александръ, собираясь на Вероискій конгрессъ, находился въ это время въ Вѣнѣ и здѣсь получилъ извѣстіе о новомъ приращеніи семейства Николая Павловича [153].

На обратномъ пути изъ Вероны въ Россію императоръ Александръ встрѣтился въ Миттенвальдѣ, въ концѣ декабря 1822 года, съ принцессой виртембергской Шарлоттой, невѣстой великаго князя Михаила Павловича. Государь остался въ восхищеніи отъ этой встрѣчи и нашелъ даже, что принцесса, несмотря на всѣ благопріятные о ней отзывы, превзошла его ожиданія. Въ письмѣ къ великой княгинѣ Александрѣ Осодоровнѣ государь писалъ: «Je me contenterais simplement de vous dire, qu'à beaucoup de sens elle réunit infiniment de calme et d'aplomb, avec cela une très grande douceur et affabilité... Enfin je crois, qu'il n'y a pas beaucoup de nos pareils, qui se trouvent aussi avantageusement partagés, que le sont Nicolas et Michel. Ainsi selon moi, le dernier devrait remercier Dieu et se dire qu'il est difficile, qu'il puisse rencontrer mieux».

VI.

Для характеристики служебныхъ отношеній Николая Павловича за то время, когда онъ занималъ въ гвардіи должность бригаднаго командира, приведемъ написанныя объ этомъ великимъ княземъ замѣтки [154].

«До 1818 года,—пишетъ Николай Павловичъ,—не былъ я занятъ ничѣмъ; все мое знакомство со свѣтомъ ограничивалось ежедневнымъ ожиданіемъ въ переднихъ или секретарской комнатѣ, гдѣ, подобно биржѣ, собирались ежедневно въ 10 часовъ всѣ гг. генералъ и флигель-адъютанты, гвардейскіе и пріѣзжіе генералы и другія знатныя лица, имѣвшія допускъ къ государю. Въ семъ шумномъ собраніи проводили мы иногда часъ, иногда и болѣе, доколѣ не призывали къ государю военнаго генералъ-губернатора съ комендантомъ, и вслѣдъ за ними всѣ генералъ-адъютанты и полковые адъютанты съ рапортами, и мы съ ними, и представлялись фельдфебеля и вѣстовые.

«Отъ нечего дѣлать вошло въ привычку, что въ семъ собраніи дѣлались дѣла по гвардіи; но большею частью время проходило въ шуткахъ и насмѣшкахъ насчетъ ближняго, бывало и интриги, въ то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали въ корридорахъ, теряя время или употребляя оное для развлеченія, почти не щадя начальства, ни правительства.

«До сего я видѣлъ и не понималъ; сперва родилось удивленіе, наконецъ и я смѣялся; потомъ началъ замѣчать, многое видѣлъ, многое понялъ; многихъ узналъ — и въ рѣдкомъ обманулся.

«Время не было потерей времени, но драгоцѣнной практикой для познанія людей и лицъ — я этимъ воспользовался.

«Осенью 1818 года, государю угодно было дѣлать мнѣ милость, назначивъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, то-есть Измайловскаго и Егерскаго полковъ. За нѣсколько передъ этимъ вступилъ я въ управленіе инженерною частью. Только что вступилъ я въ командованіе бригады, государь, императрица и матушка уѣхали въ чужіе края; тогда былъ конгрессъ въ Ахенѣ. Я остался съ женою и сыномъ, одни въ Россіи изъ всей семьи. И такъ при самомъ моемъ вступленіи въ службу, гдѣ мнѣ напужнѣе было имѣть наставника, брата-благодѣтеля, оставленъ я былъ одинъ съ пламеннымъ усердіемъ, но съ совершенною неопытностью.

«Я началъ знакомиться съ своей командой и не замедлилъ убѣдиться, что служба шла вездѣ совершенно иначе, чѣмъ слышалъ волю государя, чѣмъ самъ полагалъ, разумѣлъ ее, ибо правила были въ насъ твердо влиты. Я началъ взыскивать — одинъ, ибо, что я по долгу совѣсти почиталъ, дозволялось вездѣ, даже моими начальниками. Положеніе было самое трудное; дѣйствовать иначе было противно моей совѣсти и долгу; но симъ я явно ставилъ и начальниковъ и подчиненныхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что меня не знали и многіе или не понимали, или не хотѣли понимать.

«Корпусомъ начальствовалъ тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ; къ нему я прибѣгъ, ибо ему порученъ былъ, какъ начальнику, матушкою: часто изъявлялъ ему свое затрудненіе; онъ входилъ въ мое положеніе, во многомъ соглашался и совѣтами исправлялъ мои понятія. Но сего недоставало, чтобъ поправить дѣло: даже рѣшительно сказать можно, не зависѣло болѣе отъ генералъ-адъютанта Васильчикова исправить порядокъ службы, распущенный, испорченный до невѣроятности съ самаго 1814 года, когда по возвращеніи изъ Франціи гвардія осталась въ продолжительное отсутствіе государя подъ начальствомъ графа Милорадовича. Въ сіе-то время и безъ того уже разстроенный трехгодовымъ походомъ порядокъ совершенно разстроился, и, къ довершенію всего, дозволено было офицерамъ носить фраки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Было время (повѣрить ли кто сему?), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу! Подчиненность исчезла и сохранялась только во фронтѣ; уваженіе къ начальникамъ исчезло совершенно, и служба была — одно слово, ибо не было ни правилъ, ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ бы поневолѣ, дабы только жить со дня на день.

«Въ семъ-то положеніи засталъ я мою бригаду, хотя съ малыми оттѣнками: ибо сіе зависѣло и отъ большей или меньшей строгости начальниковъ.

«По мѣрѣ того, какъ началъ я знакомиться съ своими подчиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я возымѣлъ мысль, что подъ симъ, то-есть военнымъ распутствомъ, крылось что-то важнѣе, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что офицеры дѣлились на три разбора: на искренно усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, то-есть, говоруновъ дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ: но ихъ-то послѣднихъ гналъ я безъ милосердія и всячески старался оныхъ избавиться, что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь черезъ всѣ полки, и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось.

«Государь возвратился изъ Ахена въ концѣ года, и тогда въ первый разъ удостоился я добраго отзыва отъ моего начальства и милостиваго слова моего благодѣтеля, котораго одинъ благосклонный взглядъ вселялъ бодрость и счастіе. Съ новымъ усердіемъ принялся я за дѣло, но продолжалъ видѣть то же вокругъ себя, что меня изумляло, и чему я тщетно искалъ причину».

Разгадку своихъ подозрѣній и недоумѣній суждено было Николаю Павловичу уже найти 14-го декабря 1825 года на Петровской площади, въ день восшествія своего на престолъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Возвращеніе императора Александра изъ Вероны въ Петербургъ послѣдовало уже зимою 21-го января (3-го февраля) 1823 года. Для русскихъ интересовъ результаты окончившагося конгресса не представляли ничего утѣшительнаго. Александръ сказалъ Шатобріану въ Веронѣ: «Когда весь образованный міръ находится въ опасности (quand le monde civilisé est en péril), не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо частныхъ выгодахъ. Теперь уже не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской: существуетъ одна политика общая, которая для спасенія всѣхъ должна быть принята сообща народами и государями. Я первый долженъ показать вѣрность началамъ, на которыхъ я основалъ союзъ... Провидѣніе предоставило въ мое распоряженіе восемьсотъ тысячъ солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, а для того, чтобы я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію и способствовалъ утвержденію тѣхъ началъ порядка, на коихъ зиждется человѣческое общество» [155].

Признавъ подобный взглядъ руководящимъ началомъ своей политики, императоръ Александръ отнатуся отъ греческаго дѣла и озаботенъ былъ болѣе совершенно чуждымъ Россіи дѣломъ: водвореніемъ порядка въ Испаніи. Греки же предоставлены были своей печальной участи и брошены въ объятія Англіи.

Въ Россіи наступившій 1823-й годъ былъ особенно богатъ перемѣщеніями лицъ, стоявшихъ во главѣ высшихъ учрежденій имперіи. Вмѣсто князя Волконскаго, впавшаго въ немилость, во главѣ главнаго штаба его императорскаго величества явился генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ; въ министерствѣ финансовъ генералъ Канкринъ за-

ступилъ мѣсто графа Гурьева; управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ перешло къ Василію Сергѣевичу Ланскому; военнымъ министромъ послѣ умершаго барона Меллера-Закомельскаго назначенъ былъ генералъ-кригсъ-комиссаръ Александръ Ивановичъ Татищевъ; графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ смѣнилъ графа Ланжерона въ должности новороссійскаго генералъ-губернатора; наконецъ генералъ-адъютантъ Закревскій получилъ Финляндское генералъ-губернаторство, а прежняя его должность дежурнаго генерала ввѣрена была генералу Потапову. Всѣхъ перечисленныхъ здѣсь сановниковъ Николай Павловичъ засталъ при своемъ воцареніи на занимаемыхъ ими должностяхъ, и съ этими лицами ему пришлось вступить въ дѣловыя сношенія въ тревожную эпоху кончины императора Александра.

Въ августѣ 1823 года, государь, по заведенному обычаю, пришлося путешествовать по Россіи. Посѣтивъ Москву и осмотрѣвъ войска первой арміи, Александръ продолжалъ путь въ крѣпость Бобруйскъ; здѣсь его ожидалъ генералъ-инспекторъ по инженерной части, великій князь Николай Павловичъ. Изъ Бобруйска государь въ одной коляскѣ съ братомъ отправился въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ собраны были войска польской арміи и литовскаго корпуса, которыми командовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ Брестѣ Николай Павловичъ имѣлъ радость обнять принца Вильгельма Прусскаго, прибывшаго къ предназначеннымъ здѣсь маневрамъ, по желанію короля. Кромѣ прусскихъ офицеровъ, здѣсь собрались также представители армій австрійской, англійской и ганноверской.

Всѣ смотры окончились благополучно, и цесаревичъ былъ въ восторгѣ, что ввѣренныя ему войска удовлетворили требованіямъ государя. Относительно же Николая Павловича цесаревичъ писалъ генералу Чичерину: «Я столько былъ обязанъ дружбою великаго князя, что не знаю, какъ его благодарить. Онъ во все время продолженія маневровъ такой былъ мнѣ помощникъ и съ такимъ усердіемъ мнѣ содѣйствовалъ, что словъ не нахожу, какъ это изъяснить» [156].

Если судить по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ этихъ маневровъ очевидцемъ, бывшимъ наполеоновскимъ офицеромъ, то боевая подготовка войскъ цесаревича не стояла, однако, на очень высокой степени. Онъ пишетъ: «Несмотря на то, что роль каждаго отряда была выучена предварительно, и каждая случайность предусмотрѣна инструкціями, я сомнѣваюсь, чтобы эти маневры могли дать заграничнымъ офицерамъ выгодное представленіе о тактической способности нашего войска. Начальники отрядовъ, освоенные съ движеніями на плацпарадахъ (подобныхъ варшавской Саксонской площади), по тщательно обдуманной программѣ, какъ только очутились среди лѣсовъ, кустарниковъ, болотъ и пригорковъ, потеряли голову. Колонны натыкались одну на другую, не со-

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

блюдая указанной дистанціи, шеренги спутались, артиллерія останавливалась въ оврагахъ и стрѣляла въ гору, кавалерія попадала въ топкія мѣста, откуда съ трудомъ выбиралась. Вообще всѣ присутствовавшіе на маневрахъ, а въ особенности иностранные наблюдатели, могли убѣдиться, что великій князь Константинъ Павловичъ былъ посредственнымъ полководцемъ и генераломъ, а войско являлось въ его рукахъ игрушкой, приспособленной для парада, но не для войны» [157].

Несмотря на всю рѣзкость приведеннаго здѣсь отзыва о плохой тактической подготовкѣ польско-литовскихъ войскъ, свидѣтельство этого очевидца должно быть признано соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Цесаревичъ, равно какъ и императоръ Александръ, а затѣмъ императоръ Николай Павловичъ, любили военное дѣло особеннымъ образомъ, какъ искусство для искусства: подобный взглядъ, унаслѣдованный отъ императора Павла, оставался въ Россіи господствующимъ съ 1796 года до крымскаго погрома. Военачальники совершенно утратили пониманіе той существенной цѣли, ради которой существуютъ ученія и парады; поэтому сторонникамъ подобной системы обученія войскъ война являлась лишь вреднымъ и нежелательнымъ перерывомъ идеальныхъ порядковъ мирнаго времени, поддерживаемыхъ въ арміи цѣною самыхъ тяжкихъ и неусыпныхъ трудовъ.

Лично для императора Александра брестъ-литовскіе маневры сопровождались непріятною случайностью, сильно повліявшею на здоровье государя. Во время смотра 19-го сентября (1-го октября) лошадь одного полковника лягнула и ударила копытомъ ногу императора. Несмотря на вызванную этимъ сильную боль, Александръ не сошелъ съ лошади; когда же онъ возвратился въ квартиру, ушибленное мѣсто оказалось настолько распухшимъ, что Вилліе пришлось разрѣзать сапогъ, чтобы осмотрѣть ногу и приложить примочку. Тѣмъ не менѣе государь скрылъ свои страданія и вышелъ къ обѣденному столу.

На другой день императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бреста на югъ Россіи. Въ пути пришлось, однако, государю держать ногу горизонтально съ приложенною примочкою; только въ Острогѣ боли стали уменьшаться, и государь провелъ ночь спокойно. Николай Павловичъ возвратился изъ Бреста въ Петербургъ въ сопровожденіи принца Вильгельма, между тѣмъ какъ императоръ Александръ спѣшилъ къ австрійской границѣ въ Черновицы, гдѣ должно было произойти свиданіе съ императоромъ Франциемъ. Предметомъ переговоровъ, во время встрѣчи двухъ союзныхъ монарховъ, служилъ злополучный греческій вопросъ, который послѣ двухъ конгрессовъ — въ Лайбахѣ и Веронѣ, вступилъ на путь безконечныхъ и безполезныхъ словопреній. Въ Черновицахъ австрійская политика одержала новую побѣду: императоръ Александръ согласился на возобновленіе дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціею

и тѣмъ отклонилъ на многіе годы опасность военнаго вмѣшательства въ дѣла Оттоманской Порты [153]. На долю преемника императора Александра выпало затѣмъ трудное дѣло разсѣчь гордіевъ узелъ Меттерниховской политики.

Послѣ осмотра войскъ второй арміи, южныхъ военныхъ поселеній и польской кавалеріи въ Замостьѣ, императоръ Александръ возвратился въ Царское Село 3-го (15-го) ноября. Въ Гатчинѣ государь встрѣтилъ еще 5-го (17-го) ноября принца Вильгельма, собиравшагося въ обратный путь. Прощаясь съ принцемъ, императоръ сообщилъ ему, какъ выше упомянуто, свои намѣренія и негласныя распоряженія относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія. По возвращеніи принца Вильгельма въ Берлинъ, разговоръ императора Александра былъ немедленно переданъ королю, пришедшему отъ этого извѣстія въ неописанное удивленіе. Остается только неразъясненнымъ вопросъ, умолчалъ ли принцъ Вильгельмъ объ этомъ довѣрительномъ сообщеніи государя въ разговорахъ съ сестрою и съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Письменныхъ слѣдовъ объ этомъ не сохранилось; по крайней мѣрѣ, намъ не удалось найти ихъ.

II.

Начало 1824 года ознаменовалось для Россіи событіемъ, глубоко взволновавшимъ населеніе Петербурга. Послѣ крещенскаго парада императоръ Александръ опасно занемогъ горячкою и рожистымъ воспаленіемъ на ногѣ, ушибленной на брестъ-литовскихъ маневрахъ. Неожиданно для всѣхъ наступили вдругъ дни, когда приходилось опасаться, не приближается ли пора новаго царствованія. Если бы тогда дѣйствительно послѣдовала печальная развязка, то, безъ всякаго сомнѣнія, воцареніе новаго государя совершилось бы мирно, тихо, не смущая умовъ и не возбуждая въ нихъ колебаній и недоумѣній. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, узнавъ о болѣзни государя, поспѣшилъ прибыть въ Петербургъ [159]; присутствіе же въ столицѣ законнаго наслѣдника престола воспрепятствовало бы, въ случаѣ несчастія, всякому необдуманному шагу, подобному присягѣ, случившейся въ слѣдующемъ 1825 году. Но Провидѣніе готовило для воцаренія Николая Павловича болѣе тернистый путь; тревоги улеглись, опасность возможнаго потрясенія государственнаго порядка миновала, и жизнь вступила въ обычную колею. Къ сожалѣнію, предостереженіе 1824 года не послужило ни къ чему, и манифестъ 16-го августа продолжалъ оставаться тайною для Россіи.

Съ этого времени въ умѣ императора Александра усилилось только существовавшее уже въ немъ съ нѣкотораго времени утомленіе жизнію, подмѣченное проницательнымъ Меттернихомъ еще въ Веронѣ [160]. Крикъ

больной души, возносившейся къ небу и оторвавшейся отъ всего земного, всецѣло выразился въ словахъ, сказанныхъ императоромъ Александромъ по выздоровленіи генералъ-адъютанту Иларіону Васильевичу Васильчикову: «Въ сущности я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя это бремя короны, страшно тяготящей меня. (Je n'aurais pas été fâché, au fond, de me débrarasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement)»[161].

Еще во время болѣзни государя совершено было 8-го (20-го) февраля бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича съ принцессою виртембергскою, великою княжною Еленою Павловною. Императоръ въ это время не могъ еще ходить, поэтому въ смежной съ его кабинетомъ комнатѣ поставлена была походная церковь; во время богослуженія Александръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ.

Лѣтомъ 1824 года, Николай Павловичъ призналъ своевременнымъ передать воспитаніе своего сына, великаго князя Александра Николаевича, въ мужскія руки. При выборѣ воспитателя Николай Павловичъ остановился на капитанѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Карлѣ Карловичѣ Мердерѣ, лично ему извѣстномъ по его дѣятельности въ качествѣ превосходнаго ротнаго командира въ основанной великимъ княземъ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. 8-го іюля 1824 года, великая княгиня Александра Ѳеодоровна представила капитана Мердера въ Красномъ Селѣ императору Александру; государь обошелся съ нимъ очень милостиво и выразилъ увѣренность, что Мердеръ оправдаетъ хорошее о немъ мнѣніе. Послѣ этого представленія Николай Павловичъ, возвратившись домой, поздравилъ его и сказалъ: «Ну, теперь все кончено, ты мой».

Мердеръ немедленно вступилъ въ новую должность и съ этой минуты всецѣло посвятилъ себя съ рѣдкимъ самоотверженіемъ своему воспитаннику, который искренно полюбилъ и всѣмъ сердцемъ привязался къ избранному для него отцовскою заботливостью руководителю[162]. Послѣдствія доказали, что трудно было передать воспитаніе будущаго наслѣдника престола въ болѣе достойныя руки. 12-го декабря 1824 года, К. К. Мердеръ былъ произведенъ въ полковники и утвержденъ въ своей должности; съ этого времени положеніе его при дворѣ окончательно упрочилось, недоброжелательная критика умолкла, а воспитательная система его получила какъ бы официальное признаніе и одобреніе.

Назначеніе Мердера воспитателемъ шестилѣтняго великаго князя оказалось какъ нельзя болѣе своевременнымъ, потому что лѣтомъ того же 1824 года Николай Павловичъ съ супругою готовились предпринять новое заграничное путешествіе. На этотъ разъ великокняжеская чета рѣшилась отправиться въ путь моремъ. Для переѣзда назначенъ былъ 84-хъ-пушечный корабль «Эмгейтенъ». Выйдя изъ Кронштадта 24-го

Великая княгиня Елена Павловна.

(Съ литографіи Погонкина).

іюля (5-го августа), «Эмгейтенъ» подвергся во время пути сильнѣйшей бурѣ, и переѣздъ оказался продолжительнымъ и крайне непріятнымъ. Только 10-го (22-го) августа путешественники могли съѣхать на берегъ въ Варнемюнде, гдѣ ожидала ихъ прусская королевская семья.

«Это бурное плаваніе, — пишетъ историкъ русскаго флота, — было, такъ сказать, первымъ морскимъ крещеніемъ для будущаго императора, близко ознакомившимъ его съ трудностями и опасностями морской службы. Но, сколько можно судить по послѣдующему, постоянно милостивому расположенію императора Николая Павловича ко флоту, то испытанныя непріятныя и тяжелыя стороны морского плаванія возбудили въ великомъ князѣ не отвращеніе къ морю, а живую симпатію къ флоту и морякамъ» [163].

Дѣйствительно, Николай Павловичъ продолжалъ любить море, но море его не любило; большая часть послѣдовавшихъ затѣмъ морскихъ путешествій его не принадлежала къ числу пріятныхъ и счастливыхъ. Стоитъ припомнить переѣздъ на кораблѣ «Императрица Марія» изъ Варны въ Одессу въ 1828 году и путешествіе на пароходѣ до Ревеля въ 1833 году.

Позднее время года побудило великую княгиню Александру Ѳеодоровну отказаться отъ предположеннаго лѣченія: вмѣсто того она отправилась въ Силезію, гдѣ предназначено было произвести большіе маневры въ присутствіи короля. То же удовольствіе продолжалось затѣмъ для Николая Павловича въ окрестностяхъ Берлина, между тѣмъ какъ Александра Ѳеодоровна отдыхала еще нѣкоторое время въ Силезіи у принцессы Маріанны въ замкѣ Фишбахѣ, принадлежавшемъ брату короля, принцу Вильгельму.

О переѣздѣ моремъ, маневрахъ и пребываніи въ Пруссіи великій князь сообщилъ своему державному брату самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія [134]. Императоръ Александръ также путешествовалъ въ это время, предпринявъ поѣздку по восточнымъ областямъ Европейской Россіи; отправившись въ путь 16-го (28-го) августа, Александръ возвратился только 24-го октября (5-го ноября) въ Царское Село.

Независимо отъ неудавшагося лѣченія великой княгини Александры Ѳеодоровны, пребываніе ея среди родственной королевской семьи связано было въ этомъ году съ разными происшествіями нерадостнаго свойства. Случившіяся тогда событія возбудили даже неудовольствіе и политическія страсти въ сердцахъ самыхъ преданныхъ королю людей и нашли отголосокъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ прусскаго общества.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ, неожиданно для своей семьи, рѣшился внезапно вступить въ бракъ съ католичкою, графинею Гаррахъ. Вѣнчаніе совершилось въ величайшей тайнѣ въ Шарлоттенбургѣ, 28-го октября (9-го ноября), въ присутствіи кронпринца и герцога Георгія

Мекленбургъ-Стрелицкаго, князя Витгенштейна и барона Шильдена. Затѣмъ новобрачная возвратилась въ гостиницу; вечеромъ король поѣхалъ въ театръ, гдѣ присутствовала также его супруга въ частной ложѣ. Прошло два дня; тайна не была нарушена. Наконецъ, 30-го октября (11-го ноября), король вышелъ къ обѣду съ супругою, получившей титулъ княгини Лигницъ, графини Гогенцоллернъ, и сказалъ приглашеннымъ лицамъ: «Meine Herren und Damen, ich stelle ihnen hier eine Dame vor, die meinem Herzen sehr theuer ist, und die ich ihrem Wohlwollen empfehle» [165].

Но этимъ не исчерпались семейныя безпокойства того времени; многолѣтніе переговоры о вступленіи въ бракъ принца Вильгельма, второго сына короля, съ княжною Елисаветою Радзивиллъ вступили въ новый фазисъ. Желая содѣйствовать сыну въ основаніи его семейнаго счастія, король обратился къ императору Александру съ просьбою, чтобы государь въ качествѣ старшаго представителя Гольштейнъ-Готторпскаго дома адоптировалъ княжну Елисавету Радзивиллъ, сдѣлавъ ее такимъ образомъ равноправною принцу Вильгельму. Съ этимъ довѣреннымъ порученіемъ Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ великаго князя Николая Павловича къ своему вѣрному и испытанному другу въ С.-Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ извѣстить государя о вторичномъ бракѣ короля.

Императоръ Александръ не призналъ, однако, возможнымъ удовлетворить желанію, выраженному прусскимъ королемъ относительно княжны Радзивиллъ [163]; поэтому предполагаемый бракъ принца Вильгельма не могъ состояться. Что же касается до второго брака короля, то государь написалъ Фридриху-Вильгельму самое дружеское и успокоительное письмо, не оставлявшее желать ничего лучшаго.

Съ этимъ отвѣтомъ великій князь Николай Павловичъ отправился обратно въ Берлинъ.

Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ государь писалъ по поводу событій, случившихся въ королевской семьѣ: «Я вполнѣ понялъ все, что должно было происходить въ вашемъ сердцѣ, и насколько живо воспоминаніе о вашей несравненной матушкѣ должно было воскреснуть въ васъ при подобныхъ обстоятельствахъ! Это — испытаніе, дорогой другъ, ниспосланное вамъ Провидѣніемъ, и одно изъ тѣхъ чувствительныхъ испытаній, которыя бываетъ трудно перенести. Еще не одно изъ нихъ ожидаетъ каждаго изъ насъ! Но не забывайте, добрый другъ, того, что было сказано и неоднократно повторено намъ, что кого Онъ любитъ, того и испытываетъ попреимуществу. Будьте покойны, дорогой другъ, насчетъ моего сужденія по отношенію къ королю. Никто еще никогда не слышалъ отъ меня что либо неблагопріятное о немъ. Теперь, когда дѣло кончено, у меня одна лишь мысль, одно желаніе —

знать, что король счастливъ, насколько онъ заслуживаетъ этого, и если его супругѣ удастся доставить ему это счастіе, увѣряю васъ, я буду питать къ ней чувство расположенія и признательности. Увѣреніе съ вашей стороны, что согласіе въ семьѣ, слава Богу, не было нарушено, явилось для меня настоящимъ облегченіемъ, и я изъ глубины сердца благодарилъ Его за это» [167].

III.

Неожиданно явившись курьеромъ въ Петербургъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ здѣсь также далеко не радостное настроеніе.

Едва императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ послѣ продолжительнаго осенняго путешествія, какъ ему пришлось быть свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, внезапно обрушившагося на столицу. 7-го (19-го) ноября, произошло наводненіе, напомнившее собою, но въ болѣе ужасной степени, такое же явленіе 1777 года, имѣвшее мѣсто незадолго до рожденія великаго князя Александра Павловича.

Въ этотъ день съ восьми часовъ утра вода начала быстро прибывать и вскорѣ затопила всѣ низменныя части города. Въ двѣнадцатомъ часу двѣ трети столицы были затоплены, благодаря юго-западному вѣтру, превратившемуся въ сильнѣйшую бурю. Въ третьемъ часу вода начала убывать скорѣе, чѣмъ до того прибывала.

Императоръ Александръ былъ глубоко потрясенъ страшнымъ бѣдствіемъ, разыгравшимся передъ его глазами; благодаря овладѣвшему имъ въ ту пору мрачному настроенію, онъ смотрѣлъ на это происшествіе, какъ на наказаніе за свои грѣхи. Едва вода настолько спала, что можно было проѣхать по улицамъ, какъ государь поспѣшилъ въ Галерную и самъ позаботился объ оказаніи помощи пострадавшимъ и о временномъ пріютѣ несчастныхъ жертвъ наводненія.

Вскорѣ императора Александра постигло новое сердечное огорченіе. 20-го ноября, скончался командующій гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, который съ самаго воцаренія государя пользовался его особеннымъ довѣріемъ и дружескимъ расположеніемъ. «Меня постигло горе потерять въ немъ человѣка, съ которымъ меня тѣсно соединили около 30-ти лѣтъ испытаній и привязанности. (J'ai eu le chagrin de perdre en lui un être auquel près de 30 années d'épreuves et d'affection m'unissaient étroitement)»,—писалъ императоръ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [168]. Похороны Уварова были торжественныя, и Александръ присутствовалъ на церемоніи до окончанія ея, воздавъ полностію послѣдній долгъ своему вѣрному слугѣ. 12-го декабря 1824 года, командующимъ гвардейскимъ корпусомъ назначенъ былъ генералъ Воиновъ. Выборъ преемника Ува-

Милостивой Государь мой
Князь Дмитрій Ивановичь.

Тотъ кто будетъ честь имѣть вручить вамъ сіе письмо есть тотъ самый Подполковникъ Ермолаевъ, коего дѣло препровождено къ вамъ Государемъ Императоромъ для рѣшенія не въ очередь. Зная и увѣренъ сего офицера какъ достойнаго всякаго Штабъ-Офицера, безъ сомнѣнія прошу васъ не оставить его безъ своего покровительствованія вы меня особенно одолжите.

Прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ почтеніи.

19го Марта.
1820го.

Николай.

22 марта [illegible] [illegible]

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КНЯЗЮ Д. И. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ.

Видъ Симеоновскаго моста и Михайловскаго замка въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ гравюры Иванова).

рова нельзя, однако, признать удачнымъ. Впослѣдствіи, въ день 14-го декабря, императоръ Николай имѣлъ полную возможность въ этомъ убѣдиться, и въ своихъ воспоминаніяхъ написалъ о Воиновѣ, что это былъ человѣкъ почтенный и храбрый, но ограниченныхъ способностей, который не сумѣлъ пріобрѣсти въ своемъ корпусѣ никакого вѣсу[163].

Душевныя тревоги, которыми ознаменовался для императора Александра исходъ 1824 года, не ограничились этими событіями. Къ нимъ присоединились еще заботы о печальномъ состояніи здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны. «Здѣсь все печально или уныло,—писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву.—Я видѣлъ государя въ великомъ безпокойствѣ и въ скорби трогательной: онъ любитъ ее нѣжно. Дай Богъ, чтобы они еще долго пожили вмѣстѣ, въ такой любви сердечной»[170].

Великій князь Николай Павловичъ, прибывшій, какъ выше упомянуто, на короткое время изъ Берлина, гдѣ находилась тогда великая княгиня Александра Осодоровна, записалъ въ дневникѣ своемъ отъ 19-го ноября: «L'ange inquiété d'anevrisme par l'impératrice».

Кто бы могъ предугадать во время этихъ тревожныхъ для государя дней, что императрицѣ суждено пережить своего супруга, и что не ей, а ему первому угрожаетъ кончина уже въ ближайшемъ будущемъ!

Съ этого времени императоръ Александръ сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и обнаруживалъ еще большую склонность къ уединенію. «Tout a une teinte lugubre autour de moi»,—писалъ государь великой княгинѣ Александрѣ Осодоровнѣ[171]. Свѣдѣнія, получавшіяся государемъ относительно все большаго распространенія среди арміи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственный строй имперіи, должны были навести его на грустныя размышленія. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать собственноручная записка императора Александра, относившаяся, вѣроятно, къ 1824 году и найденная въ кабинетѣ государя, послѣ его кончины.

«Есть слухи,—писалъ Александръ,—что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи.

«Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, графъ Гурьевъ, Дмитрій Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковыхъ командировъ, сверхъ того большая часть разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ»[172].

Лучшей характеристикой общественнаго настроенія, господствовавшаго въ Россіи въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, можетъ служить замѣтка, оставленная намъ однимъ изъ современниковъ этой эпохи:

«Смутно вспоминаю я,—пишетъ А. П. Кошелевъ,—о либеральныхъ толкахъ, бывшихъ въ 1818—1822 годахъ, особенно между военными, возвратившимися изъ Франціи послѣ 1812—1815 годовъ; но очень положительно и ясно сохранились въ моей памяти жалобы на слабость императора Александра I-го въ его отношеніяхъ къ Меттерниху и Аракчееву. И старики и люди зрѣлаго возраста, и въ особенности молодежь, словомъ чуть-чуть не всѣ, безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-ти-лѣтнимъ юношею, у внучатнаго моего брата М. М. Нарышкина; это было въ февралѣ или мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: Рылѣевъ, князь Оболенскій, Пущинъ и нѣкоторые другіе, впослѣдствіи сосланные въ Сибирь. Рылѣевъ читалъ свои патріотическія думы, а всѣ свободно говорили о необходимости— d'en finir avec ce gouvernement» [173].

Вотъ чѣмъ кончились восторги и надежды 1801 года!—полнымъ разочарованіемъ лучшей части общественныхъ силъ страны. Единственнымъ исходомъ подобнаго положенія дѣлъ являлся тайный протестъ противъ реакціи внутренней и внѣшней, равно какъ противъ аракчеевскихъ порядковъ и господствовавшаго тогда экзерцирмейстерства въ арміи: этотъ тайный протестъ сопровождался всѣми обыкновенными послѣдствіями его, то-есть неизбѣжнымъ вступленіемъ недовольныхъ на преступную почву.

Въ полиціи и шпіонахъ не было недостатка. Современникъ пишетъ: «Въ это время была въ Петербургѣ тройная полиція, а именно генералъ-губернатора (графа Милорадовича), министра внутреннихъ дѣлъ и графа Аракчеева, но что она не принесла пользы, это, къ несчастію, доказалъ 1825-й годъ». Изъ разговоровъ въ обществѣ изгнаны были всѣ политическіе предметы. «Правительство было подозрительно, и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ, однакоже, большая часть были извѣстны. Иные принадлежали къ старинымъ дворянскимъ фамиліямъ, были украшены орденами и носили камергерскіе мундиры» [174].

Но, несмотря на изобиліе этой разнообразной полиціи, она попреимуществу сражалась съ вѣтряными мельницами, между тѣмъ какъ въ тайныхъ обществахъ спокойно обсуждался вопросъ о цареубійствѣ.

Рядомъ съ этимъ послѣднимъ явленіемъ, что же открывается взору изслѣдователя? Напримѣръ, князь А. С. Меншиковъ впадаетъ въ немилость, покидаетъ службу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется особеннымъ вниманіемъ полиціи [175]. Дѣйствительно, съ княземъ случились въ то время странныя приключенія: оказывается, что самый отъявленный консерваторъ, оставшійся не поколебленнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ даже въ

эпоху реформъ Александра II, не могъ гулять по Невскому и бесѣдовать съ знакомыми, не замѣчая вокругъ себя появленія какихъ-то подозрительныхъ личностей; та же самая обстановка повторяется въ Москвѣ, гдѣ онъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ явныхъ доносчиковъ; въ случаѣ же переѣзда его изъ Москвы въ деревню вся полиція на ногахъ, такъ что огорченный оказаннымъ ему административнымъ вниманіемъ князь Александръ Сергѣевичъ наконецъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, 6-го мая 1824 года: «Когда перестанутъ сумнѣваться въ людяхъ, не имѣющихъ никакой выгоды быть карбонаріями и бунтовщиками, и за коихъ порукою значительная собственность?»[176].

Но всего этого было мало: для полной обрисовки столь печальной эпохи необходимо привести еще слѣдующій невѣроятный фактъ: даже графъ Аракчеевъ не былъ избавленъ отъ полицейскаго надзора! Трудно было бы повѣрить существованію подобной политической несообразности, если бы она не была засвидѣтельствована близкимъ въ то время къ графу Аракчееву лицомъ, Гавріиломъ Степановичемъ Батенковымъ, силою обстоятельствъ попавшимъ впослѣдствіи въ число декабристовъ. Онъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Квартальные слѣдили за каждымъ шагомъ всемогущаго графа. Полицеймейстеръ Чихачовъ обыкновенно угодничалъ и измѣнялъ обѣимъ сторонамъ. Мнѣ самому графъ указалъ на одного изъ квартальныхъ, который, будучи переодѣтымъ въ партикулярное платье, спрятался торопливо въ мелочную лавочку, когда увидѣлъ насъ на набережной Фонтанки».

Невзгоду, постигшую графа Аракчеева, Батенковъ объясняетъ тѣмъ, что императоръ Александръ «не почиталъ никого противъ себя чистымъ и безгрѣшнымъ, а потому попускалъ и терпѣлъ всякаго рода энтимін, лишь бы не прямо самому произвольно налагать ихъ; таковъ былъ нравъ его». Вообще же Батенковъ утверждаетъ, что «тяжесть двухъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I превосходила все, что мы когда либо воображали о желѣзномъ вѣкѣ. Гнетъ дѣйствовалъ пропорціонально его европейской славѣ. Всѣ подведены уже были подъ одинъ уровень невозмутимаго безсилія, и всѣ зависѣли отъ многочисленныхъ тайныхъ полицій».

Всѣ эти обстоятельства и связанное съ ними истинное положеніе дѣлъ въ Россіи оставались сокрытыми отъ великаго князя Николая Павловича; онъ только смутно замѣчалъ вокругъ себя что-то ненормальное и тщетно доискивался причины подобнаго явленія. Предназначенный наслѣдникъ престола продолжалъ стоять въ сторонѣ отъ дѣлъ высшаго государственнаго управленія; предназначенная ему сфера дѣятельности попрежнему ограничивалась начальствомъ надъ гвардейскою бригадою и управленіемъ инженернымъ корпусомъ.

IV.

Возвратившись въ Берлинъ 7-го (19-го) декабря, великій князь Николай Павловичъ вручилъ королю довѣренныя ему письма и бумаги, а затѣмъ писалъ императору Александру: «Я нашелъ короля очень счастливымъ, нашъ семейный кругъ, повидимому, такимъ же, какимъ я оставилъ его, за исключеніемъ лишь того, что въ комнатѣ находится одною личностью болѣе; впрочемъ, она никого не стѣсняетъ, и это-то я могу сказать въ похвалу ей. Общественное мнѣніе сумрачно, грустно, да, глубоко грустно (profondément triste), и всѣ проникнуты опасеніемъ, что король не найдетъ того счастья, котораго онъ искалъ въ этомъ бракѣ. Да поможетъ ему Богъ. Я вручилъ ему ваши письма, дорогой братъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за ихъ содержаніе; онъ будетъ говорить со мною по поводу приложенной записки послѣ нѣкотораго размышленія .

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ государю Николай Павловичъ снова возвращается къ новой семейной обстановкѣ прусскаго двора и пишетъ: «Мнѣ пришлось услышать, какъ различныя лица отзывались по поводу брака короля. Такъ какъ все это честные люди и истинные слуги короля, то они плачутъ, убиваются и, въ концѣ концовъ, высказываютъ пожеланія, чтобы король не ошибся въ своемъ выборѣ и въ своихъ намѣреніяхъ. Достовѣрно, что, прежде чѣмъ мы узнали объ этомъ, король сдѣлалъ честь Витгенштейну, Шильдену и Вицлебену говорить съ ними о своемъ намѣреніи; лишь послѣдній изъ нихъ осмѣлился прямо, но съ величайшею покорностью, высказаться королю противъ этого шага; король нисколько не разгнѣвался на это, но снова спросилъ мнѣнія двухъ другихъ, qui firent les chiens couchants: второй осмѣлился отвѣтить, что король долженъ поступить такъ, какъ онъ полагаетъ это необходимымъ для своего счастья. Но не подлежитъ сомнѣнію, что король никогда не рѣшился бы на это, если бы его не побудилъ къ этому великій герцогъ Стрелицкій. Послѣ цѣлой недѣли, которую я провелъ здѣсь, я ничего не могу измѣнить въ томъ, что уже имѣлъ счастіе высказать вамъ по поводу княгини; я считаю ее дѣйствительно хорошей личностью, очень простой, скромной, но совершенно ничтожной (insignifiante): на мой взглядъ ея величайшее достоинство заключается въ томъ, что она никого не стѣсняетъ, а это много для такого семейнаго круга, какъ нашъ здѣшній; никто не замѣчаетъ, что раньше ея не было [177]. Ея католичество (sa catholicité) во всемъ этомъ несчастномъ дѣлѣ произвело одно изъ самыхъ дурныхъ впечатлѣній, такъ какъ утвердило публику въ мнѣніи, что разъ король не постѣснился взять себѣ жену этого вѣроисповѣданія, то еще менѣе будетъ настаивать на томъ,

чтобы кронпринцесса приняла вѣроисповѣданіе страны — обстоятельство, которому придаютъ значеніе чрезмѣрное для страны, слывущей за вѣротерпимую[178]. На томъ же основаніи католики въ странѣ сильно торжествуютъ и радуются; однимъ словомъ, это вопросъ несравненно болѣе серьезный, чѣмъ, повидимому, предполагали сначала»[179].

Для великокняжеской четы настало теперь время подумать о возвращеніи въ Россію, но задача была не изъ легкихъ. Великая княгиня беременна, а погода была исключительно бурная и дождливая: дороги сдѣлались непроѣздными. Между тѣмъ, великій князь тяготился своею вынужденною бездѣятельностью и стремился въ Петербургъ. «Несмотря на всю радость, которую я испытываю оттого, что нахожусь подлѣ той, которая составляетъ счастіе моей жизни,— писалъ Николай Павловичъ къ государю,— сознаніе моей безполезности (de mon inutilité) и отсутствіе всякихъ служебныхъ обязанностей составляютъ для меня предметъ невыносимой муки; въ особенности меня подавляетъ мысль, что я рѣшительно не могу представить себѣ ясно продолжительности моей бездѣятельности (de ma fainéantise); одно утѣшаетъ меня, что по моемъ возвращеніи мое усердіе позволитъ мнѣ наверстать часть потерянаго времени, если только подобная потеря поправима».

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, остановились на рѣшеніи предпринять обратное путешествіе въ Петербургъ черезъ Польшу, какъ черезъ путь, наиболѣе удобный. Николай Павловичъ простеръ свою заботливость о великой княгинѣ до того, что лично испробовалъ путь въ Варшаву; по возвращеніи же его въ Берлинъ отъѣздъ въ Россію былъ немедленно рѣшенъ[180].

Насталъ уже роковой 1825-й годъ, и 24-го января (5-го февраля) послѣдовалъ выѣздъ въ Варшаву; здѣсь путешественники провели восемь дней у цесаревича Константина Павловича и княгини Ловичъ. Въ Варшавѣ великая княгиня получила отъ императора Александра письмо, въ которомъ государь, между прочимъ, писалъ:

«Съ наступленіемъ новаго года удовольствія снова вступили въ свою обычную колею. Танцуютъ достаточно; даже въ то время, какъ я пишу къ вамъ эти строки, у моей матушки балъ по случаю дня рожденія моей племянницы Маріи[181]. Что касается меня, то я остаюсь вѣрнымъ своимъ привычкамъ къ уединенію, которыя одинъ согласуются съ моими вкусами, моими занятіями, моимъ здоровьемъ. (Quant à moi, j'en reste à mes habitudes de retraite, qui cadrent seuls avec mes goûts, mes occupations et ma santé). При всемъ томъ 28-го января въ день рожденія Михаила назначенъ большой балъ въ Бѣлой залѣ, а 4-го февраля большой балъ-маскарадъ въ день рожденія Маріи, на которыхъ я полагаю присутствовать, какъ обыкновенно. Это—ежегодная дань, которую я выплачиваю каждую зиму, и она представляется мнѣ достаточной для того, чтобы за-

тѣмъ считать себя освобожденнымъ отъ остальнаго. (C'est la contribution annuelle que je paye chaque hiver et elle me parait suffisante. pour pouvoir ensuite me dispenser du reste) .

Теперь предстояло еще совершить самую трудную часть путешествія, которое продолжалось 17 дней; только 25-го февраля (9-го марта) этотъ

Карлъ Карловичъ Мердеръ.

(Съ литографіи Мюнстера).

мучительный для великой княгини переѣздъ окончился вполнѣ благополучно. единственно благодаря неусыпной заботливости и вниманію, которыми окружилъ Николай Павловичъ свою супругу во время пути. Императоръ Александръ выѣхалъ навстрѣчу къ путешественникамъ въ Красный Кабачокъ и лично проводилъ великую княгиню въ Аничковскій дворецъ. гдѣ она послѣ долгой разлуки могла наконецъ обнять своихъ дѣтей.

Возвращеніе Николая Павловича въ Петербургъ совпало съ нѣкоторымъ служебнымъ его повышеніемъ: 3-го марта 1825 года великій князь назначенъ былъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи [182].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

V.

Въ это время императоръ Александръ готовился посѣтить Варшаву, гдѣ предполагалось собрать третій польскій сеймъ. Открытію этого сейма предшествовало изданіе, 3-го (15-го) февраля 1825 года, подписаннаго въ Царскомъ Селѣ, дополнительнаго акта (Article additionel) къ конституціонной хартіи, дарованной государемъ королевству. Этотъ актъ постановлялъ, что отнынѣ публичныя засѣданія сейма будутъ происходить только при открытіи и закрытіи сейма, или же въ въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенныя же совѣщанія будутъ имѣть мѣсто при закрытыхъ дверяхъ [183].

Дополнительный актъ, отмѣнявшій гласность сеймовыхъ засѣданій, возбудилъ большое неудовольствіе среди поляковъ; но современникъ, генералъ Колачковскій, хотя и сознается въ своихъ запискахъ, что и онъ въ то время былъ возмущенъ этимъ насиліемъ надъ конституціонной свободой, но что впослѣдствіи, лучше ознакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и съ польскимъ національнымъ характеромъ, онъ долженъ признать изданіе акта спасительнымъ дѣломъ, а, можетъ быть, и необходимымъ.

Сеймъ повелѣно было открыть 1-го (13-го) мая.

4-го (16-го) апрѣля, на третій день Пасхи, императоръ Александръ во время сплывѣйшей весенней распутицы выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Варшаву.

Въ произнесенной императоромъ при открытіи сейма рѣчи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: «Дабы упрочить мое твореніе, оградить его существованіе и обезпечить вамъ спокойное пользованіе его плодами, ожидаемыми въ будущемъ, я прибавилъ одну статью къ основному закону королевства. (Pour affermir mon ouvrage, en assurer la durée, et vous garantir la jouissance paisible des fruits que l'on en attend, j'ai ajouté un article à la loi fondamentale du royaume). Эта мѣра, предупреждающая необходимость вліять на ваши выборы и на ваши совѣщанія, доказываетъ, насколько я сочувствую упроченію вашей конституціи. Это есть единственная цѣль, которая была у меня въ виду, когда принималась эта мѣра, и я твердо убѣжденъ, что поляки сумѣютъ оцѣнить эту цѣль и средство, къ которому я обратился для достиженія ея... Представители королевства польскаго! Совѣщайтесь спокойно, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія. Въ вашихъ рукахъ— будущность вашего отечества. Имѣйте въ виду его благо, его истинныя пользы. Окажите ему всѣ тѣ услуги, которыхъ оно отъ васъ ожидаетъ, и содѣйствуйте мнѣ въ исполненіи тѣхъ желаній, которыя никогда не переставалъ я питать въ отношеніи къ вашему отечеству».

ЕЛАГИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ НАЧАЛѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Съ акватинты Мартенса.

Во время засѣданій сейма Александръ предпринялъ поѣздку для обозрѣнія нѣкоторыхъ воеводствъ королевства; конечнымъ пунктомъ этого путешествія былъ Калишъ.

Промышленность и благосостояніе края повсюду видимо возрастали; населеніе, казалось, съ неподдѣльнымъ восторгомъ и искреннею признательностью встрѣчало своего короля. Но это видимое спокойствіе не соотвѣтствовало дѣйствительному настроенію общественныхъ классовъ въ Польшѣ; здѣсь, подобно тому какъ и въ Россіи, все болѣе разроставшіяся тайныя общества работали надъ осуществленіемъ своихъ пагубныхъ цѣлей. Недоставало одной искры, чтобы вызвать взрывъ, подготовляемый мнимыми патріотами, и привести къ полному крушенію систему, установленную съ такимъ трудомъ императоромъ Александромъ съ 1815 года.

1-го (13-го) іюня, императоръ закрылъ сеймъ. Государь остался доволенъ ходомъ совѣщаній представителей; это удовольствіе выразилось въ заключительныхъ словахъ его послѣдней варшавской рѣчи. «Вѣрьте,— сказалъ Александръ,— что я сумѣю отдать справедливость тому довѣрію (la confiance), доказательства котораго ознаменовали нынѣшнее ваше собраніе. Они не останутся безъ послѣдствій. Глубокое впечатлѣніе, которое они произвели на меня, сохранится и соединено будетъ всегда съ желаніемъ доказать вамъ, насколько искренна моя къ вамъ привязанность, и въ какой степени ваше поведеніе будетъ вліять на вашу будущность. (J'en conserve une impression profonde, qui s'unira toujours au désir de vous prouver combien est sincère l'affection que je vous porte, et combien votre conduite aura d'influence sur votre avenir)» [184].

Подъ вліяніемъ вынесенныхъ тогда въ Варшавѣ благопріятныхъ впечатлѣній императоръ Александръ возобновилъ въ частныхъ разговорахъ прежнія обѣщанія относительно неизмѣннаго намѣренія присоединить къ Польскому королевству западныя губерніи имперіи. Обстоятельство это не можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію; цесаревичъ Константинъ Павловичъ подтвердилъ это впослѣдствіи въ письмѣ отъ 15-го (27-го) февраля 1826 года къ императору Николаю Павловичу въ слѣдующихъ положительныхъ выраженіяхъ: «Не далѣе какъ во время своего послѣдняго пребыванія онъ дважды положительно это высказалъ намъ, моей женѣ и мнѣ; та же рѣчь была повторена имъ множеству лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. (Pas plus tard qu'à son dernier séjour il nous l'a dit positivement à deux reprises, à ma femme et à moi: le même discours a été répété à tout plein de personnes, des militaires et des civils)».

Не довольствуясь этимъ заявленіемъ, императоръ Александръ повелѣлъ еще всѣмъ генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ Литов-

ского корпуса вмѣсто краснаго цвѣта имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый; кромѣ того, государю угодно было, чтобы и шитье на генеральскихъ мундирахъ было такое же, какъ у польскихъ генераловъ. Но въ это дѣло вмѣшался цесаревичъ и упросилъ Александра Павловича оставить прежнее шитье.

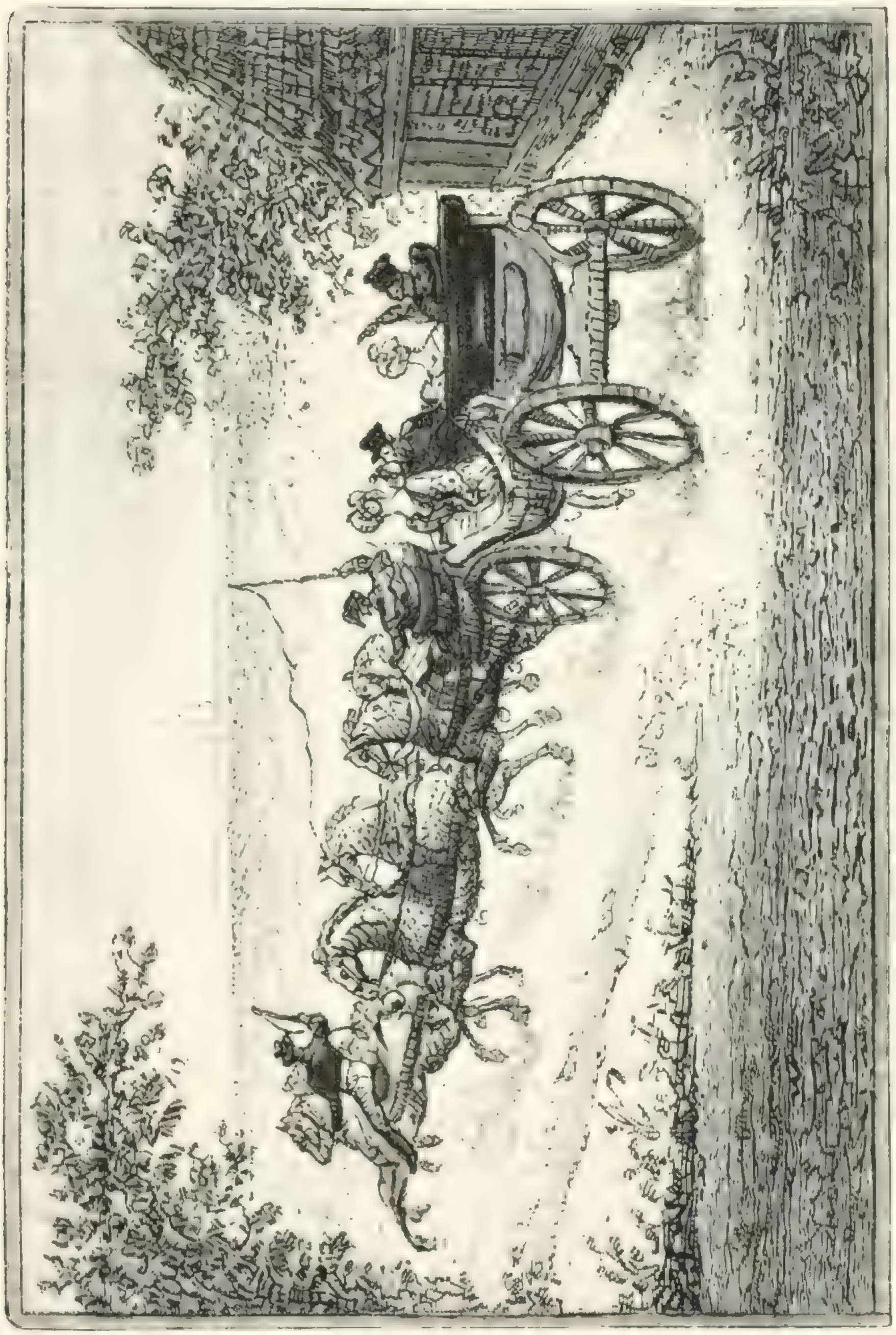
«Словомъ сказать,—пишетъ цесаревичъ,— государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ, къ сеймамъ бывшимъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими, какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изволилъ изъяснять свои насчетъ ихъ намѣренія, слѣдовательно что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité» [185].

Тѣмъ не менѣе, несмотря на видимое удовольствіе государя по поводу хода дѣлъ въ королевствѣ, очевидецъ варшавскаго сейма 1825 года замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что хотя лицо императора Александра сохраняло обычное спокойное выраженіе, всѣмъ, однако, было извѣстно, что его сильно озабочиваетъ настроеніе умовъ въ Россіи и греческій вопросъ. Повидимому, существованіе тайныхъ обществъ было ему настолько извѣстно, что во время парада онъ сказалъ одному генералу: «Я знаю, что я окруженъ убійцами, которые злоумышляютъ на мою жизнь». Въ польскомъ обществѣ распространены были такъ же слухи насчетъ намѣренія императора отречься отъ престола; тотъ же современникъ утверждаетъ по этому поводу, что Александръ убѣждалъ своего брата и княгиню Ловичъ оставить суету міра сего и ѣхать съ нимъ въ Римъ, рисуя въ привлекательныхъ чертахъ то новое счастіе, которое они тамъ найдутъ [186].

2-го (14-го) іюня, императоръ Александръ, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, выѣхалъ изъ Варшавы по Ковенскому тракту. Въ Пултускѣ цесаревичъ откланялся государю; они разстались здѣсь уже навсегда. Несмотря, однако, на продолжительность своего пребыванія въ обществѣ цесаревича, Александръ Павловичъ ни единымъ словомъ не посвятилъ брата въ свои окончательныя распоряженія по вопросу о престолонаслѣдіи. Такимъ образомъ, существованіе манифеста, переданнаго на храненіе въ Успенскій соборъ и въ другія учрежденія, осталось неизвѣстнымъ для лица, ближе всего заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ. Остается сказать: чудесно и непонятно!

Во время отсутствія государя, семейство Николая Павловича поселилось въ Александровскомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ: здѣсь великая княгиня Александра Осодоровна, 12-го (24-го) іюня, благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью: великою княжною Александрою. На другой день, 13-го (25-го) іюня, императоръ Александръ возвратился въ Царское Село изъ своего путешествія, и здѣсь отпраздновано было съ обычнымъ торжествомъ, 12-го (24-го) іюля, крещеніе новорожденной великой княжны.

Послѣ крестинъ происходили въ присутствіи государя ученія и маневры въ Красномъ Селѣ, а затѣмъ весь дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ 22-го іюля праздновалось обычнымъ образомъ тезоименитство императрицы Маріи Ѳеодоровны. Это былъ послѣдній Петергоф-



Пріѣздъ короля прусскаго для встрѣчи великаго князя Николая Павловича въ Варнѣ въ 1824 году.

(Съ гравюры того времени Гешеля).

скій праздникъ, на которомъ присутствовалъ императоръ Александръ. Изъ Петергофа государь переѣхалъ въ Каменноостровскій дворецъ, а великій князь Николай Павловичъ съ семействомъ поселился въ Елагинскомъ дворцѣ, гдѣ провели четыре недѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Между тѣмъ состояніе здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны продолжало внушать все большія опасенія. Доктора Вилліе и Стофрегенъ высказали въ концѣ іюля мнѣніе, что императрица не можетъ провести предстоящую зиму въ Петербургѣ, и признавали пребываніе ея въ южномъ климатѣ безусловно необходимымъ; они указывали на Италію, южную Францію или южную Россію. Выборъ остановился окончательно на Таганрогѣ. Государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ Петербургъ къ новому году.

Князю Волконскому, только что возвратившемуся изъ Парижа послѣ коронаціи Карла X, поручено было сопровождать императрицу во время ея путешествія и состоять при ней во все время ея пребыванія на югѣ Россіи. Затѣмъ, въ виду переселенія двора въ Таганрогъ, архитектору Шарлеманю повелѣно было немедленно отправиться въ этотъ городъ для приготовленія необходимыхъ помѣщеній.

7-го (19-го) августа 1825 года, великій князь Николай Павловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«L'ange nous a dit que l'impératrice va passer l'hiver à Taganrog».

Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга императоръ Александръ поручилъ князю А. Н. Голицыну привести въ порядокъ бумаги въ своемъ кабинетѣ. Во время этой работы завязался разговоръ, и князь Голицынъ, изъявляя несомнѣнную надежду, что государь возвратится въ столицу въ полномъ здоровьѣ, позволилъ себѣ, однако, замѣтить, какъ неудобно акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, оставлять при продолжительномъ отсутствіи необнародованными, и какая можетъ возникнуть отъ этого опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія. Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына, но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «Remettons nous en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels! (Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ)»[187].

Невольно представляется вопросъ, почему императоръ Александръ рѣшился хранить эти акты въ столь глубокой тайнѣ отъ назначеннаго имъ наслѣдника и въ то же время и отъ Россіи. Трудно найти для подобнаго образа дѣйствій разумное объясненіе, и тайну свою Александръ унесъ съ собою въ могилу. Одинъ русскій писатель справедливо замѣтилъ, что человѣческимъ умомъ въ этомъ дѣлѣ ничего понять нельзя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, разгадку этого вопроса должно искать болѣе въ личныхъ свойствахъ Александра и въ особенностяхъ его характера. Одна изъ любимыхъ его поговорокъ, которой онъ всегда почти слѣдовалъ, была: «десять разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь»[188]. Принимая эту точку зрѣнія, нельзя упустить изъ виду, что послѣ всенароднаго объ-

явленія Николая Павловича наслѣдникомъ вопросъ о престолонаслѣдіи былъ бы рѣшенъ безповоротно, и императоръ Александръ утратилъ бы съ этой минуты всякую возможность придать дѣлу другое направленіе,

Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Варшаву въ 1824 году.

(Съ гравюры того времени Гешеля).

въ случаѣ измѣненія своихъ взглядовъ, подъ вліяніемъ какихъ либо новыхъ обстоятельствъ. Послѣ сдѣланнаго разъ рѣшительнаго шага иначе «отмѣрить» представлялось бы невозможнымъ, а на таинственныхъ пакетахъ была между прочимъ и надпись: «хранить до моего

востребованія», что ясно указываетъ на то, что императоръ Александръ имѣлъ еще въ виду какія-то другія, намъ неизвѣстныя, предположенія или случайности.

Другіе полагаютъ, что государь одновременно съ манифестомъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія намѣревался объявить и о собственномъ отреченіи отъ престола, и въ этомъ смыслѣ истолковываютъ надпись: «хранить до моего востребованія». Справедливость подобнаго предположенія усматриваютъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Весною 1825 года, императоръ Александръ повѣрилъ находившемуся въ Петербургѣ принцу Оранскому свое желаніе удалиться въ частную жизнь, предоставивъ престолъ великому князю Николаю Павловичу. «Съ пламеннымъ сердцемъ,—пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—старался онъ сперва на словахъ, потомъ письменно доказать, сколь мысль объ отреченіи отъ правленія могла быть пагубна для имперіи; какой опасный примѣръ подавалъ въ нашъ желѣзный вѣкъ, гдѣ каждый шагъ принимали предпочтительно съ дурной стороны. Все было напрасно: милостиво, но твердо отвергъ государь всѣ моленія благороднѣйшей души».

Можетъ быть, мы подойдемъ ближе всего къ истинѣ, если станемъ искать причину загадочныхъ дѣйствій императора Александра преимущественно въ той особенности характера государя, по которой онъ хотя и не дорожилъ своимъ самомъ, но ревновалъ къ совмѣстникамъ.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи:

«Императоръ Александръ въ цвѣтѣ лѣтъ мужества скучалъ жизнью. не находилъ отрады ни въ чемъ, искалъ чего-то и не находилъ, опасаясь вѣрить и честнымъ и умнымъ людямъ. и довѣрялъ хитрому льстецу (графу Аракчееву). не дорожилъ своимъ самомъ и между тѣмъ ревновалъ къ совмѣстникамъ». Припомнимъ, что, будучи наслѣдникомъ. Александръ внушилъ къ себѣ всеобщую любовь, и что вся Россія восторженно привѣтствовала его вступленіе на престолъ. «Это воспоминаніе тяготило царя. Онъ боялся имѣть наслѣдника, который затмилъ бы его въ глазахъ и мнѣніи народа, какъ онъ, конечно, безъ всякаго умысла затмилъ своего отца. Соперничества Константина Павловича онъ не боялся: цесаревичъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ, и давно уже говорилъ, что царствовать не хочетъ и не будетъ. Александръ боялся превосходства Николая и заставлялъ его играть жалкую и тяжелую роль пустого бригаднаго и дивизіоннаго командира. начальника инженерной части. неважной въ Россіи. Вообразите. каковъ бы былъ Николай съ своимъ благороднымъ, твердымъ характеромъ, съ трудолюбіемъ и любовью къ изящному, если бы его готовили къ трону, хотя бы такъ, какъ приготовляли Александра. Но того воспитывала Екатерина Алексѣевна, а этого Марія Оедоровна, женщина почтенная, но

ограниченная въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ, трудолюбивая и неусыпная хозяйка, но весьма недальновидная въ политикѣ, нѣмка въ душѣ» [189].

Судьба готовила, однако, въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ, недомолвкамъ и предположеніямъ совсѣмъ иное и, къ тому же, вполнѣ непредусмотрѣнное рѣшеніе.

Послѣдніе три дня передъ отъѣздомъ Александра въ Таганрогъ императорская семья провела въ Царскомъ Селѣ; здѣсь великая княгиня каталась неоднократно съ государемъ и вообще много съ нимъ бесѣдовала, пользуясь особеннымъ его вниманіемъ.

30-го августа 1825 года, въ день своего тезоименитства, императоръ Александръ слушалъ въ послѣдній разъ въ Невской лаврѣ божественную литургію. Съ нимъ ѣхалъ въ одной коляскѣ, и туда и назадъ, великій князь Николай Павловичъ. Государь былъ насмуренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ пишетъ Николай Павловичъ, «снисходителенъ до крайности» [190]; но, тѣмъ не менѣе, во время бесѣды этого дня Александръ не коснулся ни единымъ словомъ вопроса о престолонаслѣдіи и распоряженій, сдѣланныхъ имъ послѣ разговора въ Красномъ Селѣ въ 1819 году. Точно также государь оставилъ великаго князя въ полномъ невѣдѣніи относительно сдѣланныхъ въ послѣднее время раскрытій по тайнымъ обществамъ; Николай Павловичъ ничего не зналъ объ опасности, угрожавшей государственному строю имперіи и лично ему, наравнѣ съ прочими членами царской семьи.

Изъ Невской лавры императоръ Александръ отправился на освященіе вновь отстроеннаго дворца великаго князя Михаила Павловича; при входѣ въ него брата, государь благословилъ его образомъ Спасителя, хлѣбомъ и солью. Затѣмъ былъ семейный обѣдъ. Что-то грустное связано было съ этимъ торжествомъ — всѣ присутствовавшіе это чувствовали, не высказывая своихъ мыслей. Пышность и блескъ дворцовой обстановки составляли рѣзкую противоположность съ настроеніемъ собравшагося здѣсь общества [191]. «Здѣсь,—пишетъ великій князь,—я простился навсегда съ государемъ, моимъ благодѣтелемъ, и съ императрицею Елисаветою Алексѣевною». Въ тотъ же вечеръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга для осмотра укрѣпленій Бобруйска и инспектированія собранныхъ здѣсь въ лагерѣ войскъ.

1-го (13-го) сентября, императоръ Александръ разстался навсегда съ Петербургомъ и направился въ Таганрогъ [192], 3-го (15-го) сентября за нимъ послѣдовала императрица Елисавета Алексѣевна. Въ столичной жизни водворилось полнѣйшее затишье. Оно прервалось только 15-го сентября, въ день коронаціи императора Александра, когда происходило молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи оставшихся въ Петербургѣ членовъ царской семьи; затѣмъ вечеромъ, по

заведенному порядку, былъ торжественный спектакль въ Большомъ театрѣ.

Великій князь Николай Павловичъ пробылъ въ Бобруйскѣ около недѣли. Находившійся здѣсь въ лагерѣ съ своею бригадою Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что великій князь изумилъ всѣхъ своими знаніями по фронтовой части; даже показывалъ, какъ дѣлать ружейные пріемы, а барабанщиковъ училъ, какъ имъ слѣдовало бить[193].

15-го сентября, въ день коронаціи императора Александра, происходилъ большой парадъ, по случаю освященія вновь возведеннаго укрѣпленія, которому присвоено было названіе: «Фридрихъ-Вильгельмъ III»[194]. Вскорѣ послѣ этого торжества великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Бобруйска обратно въ Петербургъ.

Наступившія затѣмъ въ скоромъ времени вѣчно памятныя, потрясающія событія заставили современниковъ позабыть о печаляхъ и тревогахъ предшествовавшаго 1824 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Въ чемъ же заключались разоблаченія по тайнымъ обществамъ, дошедшія до императора Александра передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ и оставшіяся тайною для великаго князя Николая Павловича?

3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ, доставленный изъ Грузина въ Петербургъ, по распоряженію графа Аракчеева, лично доложилъ государю, 17-го (29-го) іюля, въ Каменноостровскомъ дворцѣ о существованіи въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи заговора противъ спокойствія Россіи и лично противъ императора Александра. Шервудъ напалъ на слѣдъ заговора черезъ случайное знакомство съ прапорщикомъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка, Вадковскимъ, переведеннымъ изъ Кавалергардскаго полка въ армію за дерзкіе разговоры [195].

Рѣшено было дать Шервуду годовой отпускъ и поручить ему дальнѣйшее разслѣдованіе открытаго имъ дѣла; условились, что Шервудъ 20-го сентября будетъ ждать на почтовой станціи въ городѣ Карачевѣ, Орловской губерніи, пріѣзда фельдъегеря отъ графа Аракчеева, которому передастъ донесеніе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ по открытію заговора. Побывавъ съ этою цѣлью въ разныхъ мѣстахъ на югѣ Россіи, а также въ Одессѣ, Шервудъ прибылъ къ Вадковскому въ Курскъ, находившемуся здѣсь съ караульными эскадронами. Свиданіе съ нимъ привело Шервуда къ дальнѣйшему раскрытію намѣреній тайныхъ обществъ.

Между тѣмъ вскорѣ по прибытіи императора Александра въ Таганрогъ онъ получилъ извѣстіе о разыгравшейся, 10-го (22-го) сентября, въ Грузинѣ трагедіи: Настасья Ѳедоровна Минкина, домоправитель-

ница графа Аракчеева, была зарѣзана дворовыми людьми его. Огорченіе, причиненное этимъ печальнымъ случаемъ сердцу графа Аракчеева, было столь велико, что онъ самовольно бросилъ всѣ ввѣренныя ему дѣла, признаваясь, что онъ «никакого соображенія не можетъ сдѣлать», и сдалъ ихъ своимъ ближайшимъ помощникамъ.

Вслѣдствіе грузинскихъ событій фельдъегерь, котораго Шервудъ ожидалъ въ Карачевѣ, опоздалъ нѣсколькими днями, и потому желательный, болѣе быстрый ходъ начатаго дѣла нѣсколько замедлился. Только 11-го (23-го) октября, императоръ Александръ, во время поѣздки въ землю войска Донского, вручилъ генералъ-адъютанту Дибичу письмо Шервуда къ графу Аракчееву, въ которомъ тотъ просилъ послать къ нему въ ноябрѣ въ Харьковъ надежнаго чиновника. Государь избралъ для сего назначенія лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы Дибичъ ни ему, ни кому другому не объявлялъ объ этомъ до возвращенія изъ намѣченной уже тогда поѣздки въ Крымъ.

Таинственная завѣса, покрывавшая доселѣ намѣренія и дѣятельность тайныхъ обществъ, прорвалась послѣ появленія Шервуда еще съ другой стороны. Новыя разоблаченія сообщены были начальникомъ южныхъ военныхъ поселеній, графомъ Виттомъ, имѣвшимъ для собранія подобныхъ свѣдѣній особыя полномочія государя [193]. Графъ Витть написалъ о своихъ открытіяхъ императору Александру, 3-го (15-го) августа, въ Петербургъ, но за предстоявшимъ вскорѣ отъѣздомъ государя на югъ ему повелѣно было прибыть въ Таганрогъ. 18-го (30-го) октября, графъ Витть сообщилъ въ этомъ городѣ свѣдѣнія, полученныя имъ отъ своего агента, елисаветградскаго помѣщика, отставного коллежскаго совѣтника Александра Карловича Бошняка [197]. Императоръ Александръ приказалъ графу Витту продолжать свои разслѣдованія и затѣмъ, 20-го октября (1-го ноября), отправился въ Крымъ.

Государь возвратился въ Таганрогъ 5-го (17-го) ноября совершенно больной. Тѣмъ не менѣе, 10-го (22-го) ноября, императоръ Александръ повелѣлъ генералъ-адъютанту Дибичу отправить полковника Николаева, по прежнему предположенію, въ Харьковъ, какъ для содѣйствія унтеръ-офицеру Шервуду въ дальнѣйшемъ открытіи заговора, такъ и для арестованія сообщниковъ этого дѣла, «принимая при томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностію» [198]. Приказаніе, отданное генералъ-адъютанту Дибичу, было послѣднимъ распоряженіемъ государя; черезъ нѣсколько дней онъ окончательно слегъ, и правительственная дѣятельность Александра закончилась навсегда.

Наконецъ, нашелся и третій доносчикъ, сообщившій въ Таганрогъ еще болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія о заговорѣ: это былъ капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка Аркадій Майборода. Но его разоблаченія

не застали въ живыхъ императора Александра, и ими пришлось уже воспользоваться генералъ-адъютанту Дибичу.

Въ Петербургѣ никто изъ лицъ, у власти стоявшихъ, за исключеніемъ одного графа Аракчеева, ничего не знали о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ императоромъ Александромъ, по раскрытію злоумышленныхъ обществъ, передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. Но, какъ выше упомянуто, убійство, случившееся въ Грузинѣ, внезапно прервало дѣятельность графа Аракчеева; надъ начатымъ разслѣдованіемъ висѣла непроницаемая тайна, и потому всѣ, начиная отъ лицъ царской семьи, могли думать, что все обстоитъ въ Россіи благополучно.

II.

Великій князь Николай Павловичъ возвратился изъ своей поѣздки въ Бобруйскъ 20-го сентября (2-го октября) и нашелъ семью въ Гатчинѣ, гдѣ пребывала также императрица Марія Ѳеодоровна.

Два событія волновали въ то время столичное общество: убійство Настасьи Минкиной въ Грузинѣ и дуэль флигель-адъютанта Новосильцева съ подпоручикомъ Семеновскаго полка Черновымъ, кончившаяся смертію обоихъ противниковъ [199].

«Что скажетъ нашъ бѣдный, дорогой императоръ, и какое впечатлѣніе это произведетъ на него? Вотъ о чемъ тяжело думать. (Que dira notre pauvre, cher empereur et quelle impression cela fera-t-il sur lui? Voilà ce qui est poignant à penser)»,—писала императрица Марія Ѳеодоровна къ Николаю Павловичу. Что же касается Грузинскаго происшествія, то императрица справедливо замѣтила, что станутъ искать заговора и сочинятъ изъ всего случившагося исторію столь же ужасную, какъ и самое убійство. (Vous verrez qu'on y cherchera des complots et qu'on en fera une histoire tout aussi affreuse que la chose soit par elle-même) [200]. Марія Ѳеодоровна не ошиблась въ своемъ предсказаніи.

Секундантомъ Чернова былъ другъ его Рылѣевъ, и за гробомъ этой жертвы несчастной дуэли длинною вереницею слѣдовали будущіе декабристы, собравшіеся въ полномъ составѣ, чтобы отдать послѣдній долгъ сотоварищу, члену общества «Союза Благоденствія» [201].

Нѣсколько позже петербургскій официальный міръ, въ свою очередь, собрался на другихъ не менѣе торжественныхъ похоронахъ: 30-го сентября, скончался министръ удѣловъ, бывшій министръ финансовъ, графъ Д. А. Гурьевъ.

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна была права, когда писала императору Александру, что со времени его отъѣзда послѣдовали одни

печальныя происшествія: убійства, дуэль и смерти, которыя не могутъ располагать къ веселію![202]

2-го октября, Николай Павловичъ переселился въ Аничковскій дворецъ, избавившись наконецъ отъ безпрерывныхъ поѣздокъ по служебнымъ обязанностямъ изъ Гатчины въ Петербургъ[203]. Императрица Марія Ѳеодоровна переѣхала въ городъ еще позже, 5-го ноября, а великій князь Михаилъ Павловичъ отправился, съ разрѣшенія государя, въ Варшаву къ цесаревичу Константину Павловичу, только что возвратившемуся съ княгиней Ловичъ изъ заграничнаго путешествія. Великая княгиня Елена Павловна, по болѣзни, осталась въ Петербургѣ.

Уединенный образъ жизни, который продолжалъ вести въ это время императоръ Александръ съ императрицей въ Таганрогѣ, прервался только посѣщеніемъ Новочеркасска, а затѣмъ, 20-го октября, поѣздкою въ Крымъ. 5-го (17-го) ноября, государь возвратился изъ этого путешествія въ Таганрогъ совершенно больной.

Въ Петербургѣ объ этомъ обстоятельствѣ ничего не знали; 17-го (29-го) ноября, императрица Марія Ѳеодоровна получила только извѣстіе о легкой простудѣ, постигшей государя во время крымскаго путешествія. Судя по успокоительному письму императора Александра къ своей родительницѣ, это сообщеніе не могло возбудить особыхъ опасеній.

На другой день, 18-го (30-го) ноября, великая княгиня Елена Павловна получила письмо отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны отъ 9-го ноября, въ которомъ ея величество просила, между прочимъ, увѣдомить императрицу Марію Ѳеодоровну, что государь чувствуетъ себя лучше, и что сама не пишетъ къ ея величеству для того, чтобы не придавать этой болѣзни слишкомъ большого значенія.

22-го ноября (4-го декабря), въ воскресенье утромъ, получено было письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ императрицѣ-матери, отъ 12-го (24-го) ноября, въ которомъ ея величество сообщала о возобновленіи у государя лихорадки, препятствующей ему писать; въ этомъ же письмѣ выражалась надежда, что черезъ нѣсколько дней она, вѣроятно, уже будетъ въ состояніи касаться въ своихъ письмахъ другихъ, менѣе важныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ и по полученіи въ Петербургѣ письма отъ 12-го (24-го) ноября имѣли еще полное основаніе предаваться при дворѣ несбыточнымъ надеждамъ; всѣмъ могло казаться, что нездоровье государя не можетъ внушать серьезныхъ опасеній. Но затѣмъ обстановка разомъ совершенно измѣнилась.

Въ тотъ же день, 22-го ноября (4-го декабря), вечеромъ, получены были бюллютени Вилліе, которые представляли дѣло въ менѣе утѣшительномъ видѣ и вызвали въ придворныхъ сферахъ сильнѣйшее безпокойство. Вилліе доносилъ, что лихорадка, которою страдалъ государь,

Александръ Львовичъ Воиновъ.

(Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета Доу).

и названная имъ гастрически-желчною (gastrique-bilieuse), бывъ долгое перемежающееся, съ 11-го на 12-е ноября продолжалась, будучи сопровождаема опасными явленіями.

25-го ноября (7-го декабря), вечеромъ, Григорій Ивановичъ Вилламовъ, секретарь императрицы Маріи Ѳеодоровны, получилъ письмо отъ генералъ-адъютанта барона Дибича отъ 15-го (27-го) ноября, въ которомъ начальникъ главнаго штаба, описывая усиленіе болѣзненнаго состоянія государя, сообщалъ, что его величество по совѣту окружавшихъ его лицъ причастился Св. Таинъ. Въ заключеніе своего письма

баронъ Дибичъ присовокупилъ, что хотя медики еще не теряютъ надежды, но они, тѣмъ не менѣе, находятъ положеніе государя весьма опаснымъ [204]. Подобныя же печальныя сообщенія изъ Таганрога получили графъ Милорадовичъ, князь Лопухинъ и дежурный генералъ Потаповъ.

Съ этими потрясающими извѣстіями графъ Милорадовичъ явился вечеромъ къ великому князю Николаю Павловичу въ Аничковскій дворецъ и вручилъ его высочеству письма князя Волконскаго и барона Дибича.

Великій князь Николай Павловичъ въ собственноручной замѣткѣ описываетъ полученіе этого рокового извѣстія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«25-го ноября, вечеромъ, часовъ въ шесть, я игралъ съ дѣтьми, у которыхъ были гости, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ ко мнѣ пріѣхалъ; я сейчасъ пошелъ къ нему и засталъ его въ пріемной комнатѣ живо ходящимъ по комнатѣ съ платкомъ въ рукѣ и въ слезахъ; взглянувъ на него, я ужаснулся и спросилъ: «Что это, Михаилъ Андреевичъ? Что случилось?»—Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Il y a une horrible nouvelle!»—Я ввелъ его въ кабинетъ, и тутъ онъ, зарыдавъ, отдалъ мнѣ письма отъ князя Волконскаго и Дибича, говоря: «L'empereur se meurt; il n'y a plus qu'une faible espoir».—У меня ноги подкосились; я сѣлъ и прочелъ письма, гдѣ говорятъ, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плохъ. Первая моя мысль была матушка и какъ ей объявить это ужасное извѣстіе.

«Было другое письмо отъ тѣхъ же лицъ къ г. Вилламову, ему пришлось повѣстить о семъ матушкѣ, и только что успѣлъ я объявить о томъ же женѣ и хотѣлъ ѣхать къ матушкѣ, какъ она за мною прислала: я засталъ ее въ тѣхъ ужасныхъ терзаніяхъ, которыхъ опасался; положеніе ея было столь ужасно, что я не рѣшился ее покидать и остался всю ночь съ адъютантомъ моимъ Адлербергомъ въ камердинерской комнатѣ сидящимъ. Ночью часто меня матушка призывала, ища утѣшеній, которыхъ я не въ состояніи былъ ей дать. Подъ утро, часовъ въ семь, прибылъ второй фельдъегерь съ извѣстіемъ о минутной перемѣнѣ къ лучшему и съ письмомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны» [205].

Въ запискѣ «Отъ брата Николая къ брату Константину» встрѣчаются еще нѣкоторыя подробности о томъ, что случилось вечеромъ 25-го ноября. «Подавъ нужное пособіе ея величеству [206],—читаемъ мы въ этой запискѣ,—его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Воиновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о

кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей непзречимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему брату, какъ законному наслѣднику престола» [207].

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны, о которомъ упоминаетъ Николай Павловичъ, было нѣсколько успокоительнаго содержанія и возвѣщало, что 17-го (29-го) ноября наступило явное улучшеніе въ состояніи здоровья государя: «Il y a du mieux très décidé dans l'état de l'empereur», писала Елисавета Алексѣевна, прибавляя: «il est faible à l'excès».

«Утромъ были мы у обѣдни и на молебствіи; весь день проведенъ въ радости и надеждѣ»,—пишетъ Николай Павловичъ. Въ городѣ еще ничего не подозрѣвали относительно безнадежнаго почти положенія дѣлъ въ Таганрогѣ; пока успѣла только распространиться одна молва о легкой болѣзни государя. 26-го ноября, послѣдовало распоряженіе во всѣхъ церквахъ столицы служить молебствія за здравіе императора Александра.

Радость, возбужденная письмомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, была, однако, непродолжительна; то, что въ Таганрогѣ императрица и нѣкоторые изъ приближенныхъ къ государю лицъ принимали за переѣму къ лучшему, было только послѣднею вспышкою жизни, отсрочкой передъ близкимъ отходомъ императора въ вѣчность.

27-го ноября (9-го декабря), въ пятницу, назначено было молебствіе послѣ обѣдни въ большой церкви Зимняго дворца. Здѣсь находилась императорская фамилія и нѣкоторыя приближенныя особы; прочіе знатнѣйшіе военные и гражданскіе чины собрались въ Невской лаврѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна, не желая быть видимою присутствовавшими въ церкви, слушала обѣдню, по заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, въ ризницѣ; Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна находились тамъ же. «Дверь въ переднюю была стеклянная,—пишетъ Николай Павловичъ,—и мы условились, что, буде пріѣдетъ курьеръ изъ Таганрога, камердинеръ сквозь дверь дастъ мнѣ знакъ. Только что послѣ обѣдни начался молебенъ, знакъ мнѣ былъ данъ камердинеромъ Гриммомъ. Я тихо вышелъ и въ бывшей библіотекѣ, комнатѣ короля прусскаго, нашелъ графа Милорадовича; по лицу его я уже догадался, что роковая вѣсть пришла. Онъ мнѣ сказалъ: «C'est fini, courage maintenant, donnez l'exemple», и повелъ меня подъ руку; такъ мы дошли до перехода, что̀ былъ за кавалергардскою комнатою. Тутъ я упалъ на стулъ—всѣ силы меня оставили».

Дѣйствительно, изъ Таганрога прибылъ фельдъегерь съ письмами отъ князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича, извѣщавшими императрицу Марію Ѳеодоровну о кончинѣ императора Александра, по-

слѣдовавшей 19-го ноября (1-го декабря). Въ заключеніи письма Дибича сказано было нѣсколько словъ о преемникѣ Александра въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Съ покорностью ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича. Отправивъ къ его императорскому величеству курьера, я не осмѣлился замедлить симъ донесеніемъ вашему величеству, по обязанности службы, на меня налагаемой»[208].

Николай Павловичъ послалъ за докторомъ Рюлемъ, безъ котораго великій князь опасался явиться къ императрицѣ. Рюль вскорѣ пришелъ, и тогда они пошли втроемъ въ ризницу. Молебенъ еще продолжался. Императрица замѣтила долгое отсутствіе великаго князя и, стоя на колѣняхъ, ожидала въ ужасномъ безпокойствѣ возвращенія сына. По разсказу Николая Павловича: «Войдя я простерся на землю, не говоря ни слова—она догадалась обо всемъ, но ни слова, ни слезы; ужасное оцѣпенѣніе ею овладѣло». Николай Павловичъ прошелъ черезъ алтарь и, выйдя изъ сѣверныхъ дверей, подалъ знакъ рукою къ прекращенію службы. «Все умолкло, оцѣпенѣвъ отъ недоумѣнія,—пишетъ очевидецъ этого событія, В. А. Жуковскій,—но вдругъ всѣ разомъ поняли, что императора не стало: церковь глубоко охнула. И черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача».

Возвращаясь въ ризницу, великій князь повелъ за собою къ своей родительницѣ совершавшаго молебенъ духовника ея, Криницкаго, съ крестомъ. Императрица тогда только могла пролить первыя слезы; прижавъ губы къ распятію, она лишилась чувствъ; ее подняли, посадили въ кресла и понесли во внутреннiе покои. Затѣмъ, Николай Павловичъ, обратившись къ своей супругѣ, сказалъ ей: «soignez notre mère et moi je vais faire mon devoir»[209].

Между тѣмъ изъ церкви, мало-по-малу, молившіеся разошлись; въ ней остался только В. А. Жуковскій, сдѣлавшійся невольнымъ свидѣтелемъ всего происшедшаго въ ризницѣ, а затѣмъ и въ церкви.

«Въ смятеніи мыслей,—писалъ онъ впослѣдствіи, вспоминая событія этого дня[210],—я не зналъ, куда итти, и наконецъ, машинально, вмѣсто того, чтобъ выйти общими дверями изъ церкви, вошелъ сѣверными дверями въ алтарь. Что же я увидѣлъ? Дверь въ боковую горницу отворена; тамъ императрица Марія Ѳеодоровна почти безчувственная лежитъ на рукахъ великаго князя; передъ нею на колѣнахъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна, умоляющая ее успокоиться: Maman, chère maman, au nom de Dieu, calmez-vous! Въ эту минуту священникъ беретъ съ престола крестъ и, возвысивъ его, приближается къ дверямъ: увидѣвъ крестъ, императрица падаетъ передъ нимъ на землю, притиснувъ голову къ полу почти у самыхъ ногъ священника. Неска-

Томъ I. № 7.

РУСКІЙ ИНВАЛИДЪ
ИЛИ
ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 284.

Воскресенье, Ноября 29 го дня, 1825-го года.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Санктпетербургъ, 27-го *Ноября* Божественное Провидѣніе по непсповѣдимымъ судьбамъ своимъ поразило Россійскую Имперію такимъ несчастіемъ, котораго нельзя выразить. Фельдъегерь, прибывшій сюда изъ Таганрога 27-го сего мѣсяца, привезъ горестное извѣстіе о кончинѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Узнавъ о семъ неожиданномъ бѣдствіи, Высочайшіе Члены Императорской Фамиліи, Государственный Совѣтъ, Министры, собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ первый *Его Высочество* Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, а за нимъ всѣ Чиновники, тутъ находившіеся, также какъ всѣ полки Императорской Гвардіи присягнули въ вѣрности и подданствѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ I.

Печатать позволяется: С. Петербургъ, Ноября 28-го дня, 1825 года. — Цензоръ А. Бируковъ

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО и ПРИСЯГѢ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, НАПЕЧАТАНОЕ ВЪ «РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ» 29 НОЯБРЯ 1825 ГОДА.

званое величіе этого зрѣлища меня сразило: увлеченный имъ, я сталъ на колѣна передъ святынею материнской скорби, передъ головою царицы, лежащей въ прахѣ подъ крестомъ испытующаго Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, посадили въ кресла, понесли во

Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.

(Съ фотографіи, принадлежащей его дочери).

внутреннія покои: двери за нею затворились: я не могъ итти далѣе и возвратился на оставленное мною мѣсто въ церкви; она была пуста, царскія двери были затворены, за престоломъ стоялъ безмолвный священникъ, кругомъ меня царствовала глубокая тишина: я сталъ непо-

движно, точно прикованный къ мѣсту. Не прошло десяти минутъ, какъ вдругъ снова отворяются сѣверныя двери: входитъ великій князь Николай Павловичъ. «Отецъ Криницкій, — говоритъ онъ священнику, — поставьте налой и положите на него Евангеліе». Это исполнилось: налой съ открытымъ на немъ Евангеліемъ поставленъ предъ царскими дверями. «Принесите присяжный листъ», — продолжалъ великій князь. Присяжный листъ принесенъ.—«Читайте присягу».—Священникъ началъ читать. Великій князь поднялъ руку; задыхаясь отъ рыданія, дрожащимъ голосомъ повторялъ онъ за священникомъ слова присяги; но, когда надобно было произнести слова: государю императору Константину Павловичу, дрожащій голосъ сдѣлался твердымъ и громкимъ: все величіе этой чудной минуты выразилось въ его мужественномъ, рѣшительномъ звукѣ» [211].

Совершивъ присягу и подписавъ присяжный листъ, великій князь вышелъ изъ церкви и направился къ внутреннему дворцовому карауду, бывшему въ тотъ день отъ роты его величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и объявилъ людямъ о кончинѣ государя, и что теперь всѣ обязаны присягнуть законному императору Константину Павловичу [212]. То же самое великій князь лично возвѣстилъ двумъ другимъ внутреннимъ карауламъ: кавалергардскому и конногвардейскому. Затѣмъ Николай Павловичъ поручилъ дежурному генералу Потапову принять присягу отъ главнаго дворцоваго караула, а адъютанту своему полковнику Адлербергу отправиться съ тою же цѣлью въ инженерное вѣдомство. Сверхъ сего, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ Нейгардтъ, былъ посланъ въ Невскую лавру, гдѣ собрался къ молебну весь гвардейскій генералитетъ, чтобы предложить генералу Воинову распорядиться приведеніемъ къ присягѣ всѣхъ гвардейскихъ полковъ [213].

Всѣми этими распоряженіями, какъ сказано въ первомъ манифестѣ императора Николая, «желали мы утвердить уваженіе наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола . . . . . отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ и . . . . . предохранить отечество наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной, неизвѣстности о законномъ его государѣ».

По исполненіи всего этого великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, онъ поспѣшилъ къ императрицѣ-матери и сообщилъ ей, что исполнилъ священный долгъ, присягнувъ императору Константину, что̀ повлекло за собою присягу карауловъ и лицъ, находившихся во дворцѣ, какъ-то: графа Милорадовича, генералъ-адъютантовъ князя Трубецкого и Голенищева-Кутузова, дежурнаго генерала Потапова и многихъ другихъ.

— «Nicolas, qu'avez vous fait? — воскликнула императрица въ испугѣ: — ne savez-vous donc pas qu'il y a un autre acte qui vous nomme héritier présomptif?»

— «S'il y en a un,— отвѣчалъ великій князь,—il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maître, notre souverain légitime, est mon frère Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra!».

О существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола при жизни Александра, никто не зналъ, за исключеніемъ трехъ государственныхъ сановниковъ: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архіепископа московскаго Филарета. Изъ этихъ трехъ лицъ въ Петербургѣ находился одинъ князь А. Н. Голицынъ; узнавъ въ Невской лаврѣ о кончинѣ императора Александра, онъ немедленно отправился въ Зимній дворецъ. Тамъ присяга была уже окончена, и Голицынъ узналъ о томъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ къ великому князю. «Въ изступленіи,—пишетъ Николай Павловичъ,—внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти во дворцѣ, что всѣ присягнули Константину Павловичу, онъ началъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я брату присягнулъ и другихъ симъ завлекъ, и повторилъ мнѣ, что слышалъ отъ матушки, и требовалъ, чтобы я повиновался мнѣ неизвѣстной волѣ покойнаго государя; я отвергъ сіе неумѣстное требованіе положительно, и мы разстались съ княземъ: я, очень недовольный его вмѣшательствомъ, онъ—столько же моею неуступчивостью».

Между тѣмъ, къ двумъ часамъ пополудни, того же 27-го ноября (9-го декабря), возвѣщено было чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта. Извѣстіе о совершившейся во дворцѣ присягѣ принесъ туда рыдающій князь Голицынъ, разсказывая, какъ онъ представлялъ великому князю Николаю Павловичу, что его высочество напрасно поторопился присягою, потому что въ совѣтѣ есть особая бумага о порядкѣ наслѣдія. До открытія засѣданія, но мѣрѣ того какъ съѣзжались члены, онъ сообщалъ еще другія подробности: что вся бумага переписана его рукою; что такіе же экземпляры есть и въ сенатѣ и въ синодѣ, наконецъ, что подлинный актъ положенъ на престолѣ московскаго Успенскаго собора, съ повелѣніемъ, по кончинѣ императора. распечатать его тамъ генералъ-губернатору и епархіальному архіерею.

Предсѣдатель совѣта, князь Лопухинъ, и князь Голицынъ предложили, что до присяги необходимо прочитать совѣту хранящуюся за печатью бумагу, въ которой высказана воля покойнаго императора. Министръ юстиціи, князь Д. П. Лобановъ-Ростовскій, высказалъ мнѣніе, что бумаги открывать не нужно, что онъ не сдѣлаетъ этого въ сенатѣ, что совѣтъ есть только канцелярія государева, и что «les morts n'ont point de volonté»[214]. А. С. Шишковъ также высказался въ этомъ смыслѣ, предлагая, чтобы бумагу вскрыли послѣ присяги. «Онъ,—какъ пишетъ Сперанскій,— съ свойственнымъ ему искусственнымъ жаромъ утверждалъ въ частномъ разговорѣ, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ

остаться безъ государя; что отъ воли Константина Павловича зависитъ принять или не принять престолъ, но что по порядку ему присягнуть должно» [215]. Самъ Шишковъ объясняетъ свою точку зрѣнія въ запискахъ слѣдующимъ образомъ: «Естьли паче чаянія въ ней (т.-е. въ бумагѣ) заключается что нибудь такое, которое можетъ общее мнѣніе привесть въ разногласіе, весьма въ подобныхъ обстоятельствахъ опасное, то лучше прочитать ее по совершеніи присяги, и тогда рѣшить, нужно ли содержащееся въ ней обнародовать или не нужно. На сіе князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что бумага эта ему извѣстна, писана его рукою, и что она не произведетъ никакого разногласія. Послѣ сего я замолчалъ» [216].

Въ это время, по приказанію князя Лопухина, таинственный пакетъ, возбуждавшій столько споровъ, былъ уже принесенъ изъ архива А. Н. Олениным, исправлявшимъ должность государственнаго секретаря, и можно было открыть засѣданіе. Но не всѣ члены совѣта были въ сборѣ; поджидали графа Милорадовича, который наконецъ явился. Онъ сказалъ громогласно: «Я имѣю честь донести государственному совѣту, что его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ изволилъ учинить присягу на подданство старшему брату своему императору Константину Павловичу, что онъ, военный генералъ-губернаторъ, и войско его величеству уже присягнули, и что онъ совѣтуетъ господамъ членамъ государственнаго совѣта прежде всего также присягнуть, а потомъ уже дѣлать, что угодно» [217]. Послѣ этихъ словъ начался общій разговоръ и сужденія, распечатывать ли пакетъ, или нѣтъ. Наконецъ А. Н. Олениным получилъ разрѣшеніе отъ предсѣдателя распечатать пакетъ и приступить къ чтенію. Водворилось молчаніе, и совѣтъ выслушалъ чтеніе манифеста императора Александра, заключавшаго его послѣднюю волю, и письмо цесаревича Константина Павловича на имя покойнаго государя съ отвѣтомъ на него императора Александра. По окончаніи чтенія молчаніе членовъ продолжалось. Графъ Милорадовичъ его прервалъ, повторяя первое свое предложеніе итти всѣмъ къ присягѣ императору Константину Павловичу, слѣдуя желанію великаго князя Николая Павловича, который торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему упомянутымъ манифестомъ, и первый присягнулъ императору Константину.

«Тутъ въ общемъ довольно шумномъ разговорѣ, между господами членами послѣдовавшемъ за третичнымъ предложеніемъ графа Милорадовича,—пишетъ А. Н. Олениным [218], — мнѣ казалось, что я разслышалъ заявляемое ими вообще желаніе: сіе предложеніе графа Милорадовича имѣть счастіе слышать изъ устъ самого великаго князя Николая Павловича и потому просить его высочество о удостоеніи государственнаго совѣта своимъ посѣщеніемъ. По крайней глухотѣ князя П. В. Лопухина, которая въ этотъ день отъ разстройства мыслей еще болѣе усилилась,

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

(Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго).

я рѣшился его свѣтлости громогласно объяснить то, что мнѣ казалось общимъ мнѣніемъ господъ членовъ государственнаго совѣта, столь согласнымъ съ достоинствомъ сего верховнаго сословія. Предсѣдатель, одобряя сію мысль, вмѣстѣ съ другими господами членами, сталъ просить графа Милорадовича взять на себя трудъ убѣдительнѣйше просить великаго князя Николая Павловича удостоить государственный совѣтъ своимъ посѣщеніемъ, единственно въ томъ предметѣ, чтобъ изъ собственныхъ его устъ услышать непреложную его волю. Графъ Милорадовичъ охотно

взялся исполнить сіе порученіе и тотчасъ отправился въ комнаты, гдѣ въ то время великій князь Николай Павловичъ находился. Господа члены остались сидящими на своихъ мѣстахъ. Между тѣмъ явились въ собраніе члены государственнаго совѣта, которые только-что получили приглашеніе къ засѣданію, а именно: генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и графъ Нессельродъ, и просили меня дать имъ прочитать бумаги, которыхъ они не слышали. Я предложилъ имъ мои услуги для прочтенія. Графъ Нессельродъ съ своего мѣста подошелъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову, я сталъ между ими и прочелъ имъ, какъ манифестъ покойнаго государя императора, такъ и отреченіе цесаревича и великаго князя Константина Павловича. Графъ Литта, который сидѣлъ подлѣ г. Васильчикова, повторялъ иногда громко мною читаемое. Между тѣмъ, графъ Милорадовичъ возвратился отъ великаго князя Николая Павловича и, ставъ опять подлѣ моего мѣста, объявилъ, что его высочество не считаетъ себя въ правѣ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и потому не можетъ согласиться прибыть въ собраніе совѣта. Тутъ опять возникъ общій разговоръ. Разсуждая съ близъ сидящими господами членами, я полагалъ, что если его императорскому высочеству неугодно самому пожаловать въ собраніе, то, кажется, весьма прилично будетъ достоинству сего верховнаго сословія испросить дозволеніе явиться in corpore предъ лицо его императорскаго высочества и, принявъ изустное его приказаніе, исполнить немедленно оное, какъ непреложное повелѣніе той высокой особы, которой мы въ семъ затруднительномъ обстоятельствѣ должны, по ближайшему соображенію, безмолвно повиноваться. Предложеніе сіе одобрено было гг. предсѣдателемъ и многими членами. Графъ Милорадовичъ снова былъ прошенъ объ исходатайствованіи у его императорскаго высочества дозволенія членамъ государственнаго совѣта явиться самимъ предъ лицо его высочества. Графъ, принявъ сіе порученіе на себя, отправился вторично къ его императорскому высочеству и вскорѣ возвратился съ милостивѣйшимъ отвѣтомъ и дозволеніемъ тотчасъ явиться къ его высочеству. Между тѣмъ, вошли въ собраніе еще нѣкоторые члены, не успѣвшіе явиться къ началу засѣданія, а именно: адмиралъ Мордвиновъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Тутолминъ. Такимъ образомъ, члены государственнаго совѣта, подъ предводительствомъ предсѣдателя, князя П. В. Лопухина и въ сопровожденіи меня, какъ исправляющаго должность государственнаго секретаря, поспѣшили явиться къ его высочеству государю великому князю Николаю Павловичу. Я съ собою взялъ извѣстный пакетъ, вложивъ въ оный читанныя мною бумаги, и держалъ его въ обѣихъ рукахъ [219].

«Лишь только мы всѣ вошли въ пріемную залу бывшихъ комнатъ великаго князя Михаила Павловича, то графъ Милорадовичъ пошелъ

сказать о приходѣ нашемъ великому князю Николаю Павловичу. Его высочество не заставилъ себя ждать, но, вышедши изъ дверей внутреннихъ комнатъ, онъ поспѣшно подошелъ къ намъ, стоящимъ въ кучѣ, посрединѣ комнаты, и началъ тотчасъ намъ говорить. Я постараюсь, сколько можно, припомнить его слова, хотя это весьма трудно будетъ по чувствамъ, которыя насъ всѣхъ въ то время волновали и помрачали, такъ сказать, нашъ разсудокъ.

«Великій князь, остановясь между нами и держа правую руку и указательный палецъ простертыми надъ своею головою, призывая, такъ сказать, сими движеніями Всевышняго во свидѣтели искренности его помышленій, являлъ въ лицѣ своемъ, сколько можно ему было болѣе твердости, но глубокая грусть, на челѣ его напечатлѣнная, и слѣды горькихъ и многихъ слезъ по блѣднымъ его щекамъ, а также по временамъ и судорожное движеніе всего тѣла, показывали, какою сильною онъ былъ удручаемъ печалью. Въ этомъ ужасномъ положеніи онъ произнесъ слѣдующія слова:

«Господа. я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану».

«Тутъ онъ былъ прерванъ рыданіями членовъ государственнаго совѣта, и нѣкоторые голоса произнесли между другими восклицаніями: «какой великодушный подвигъ!»

«Никакого тутъ нѣтъ подвига, — воскликнулъ великій князь. — въ моемъ поступкѣ нѣтъ другого побужденія, какъ только исполнить священный долгъ мой предъ старшимъ братомъ. Никакая сила земная не можетъ перемѣнить мыслей моихъ по сему предмету и въ этомъ дѣлѣ. Я ни съ кѣмъ совѣтоваться не буду и ничего не вижу достойнаго похвалы. Я исполняю мою обязанность и больше ничего. Мнѣ бы весьма больно было,— продолжалъ онъ,— если бы кто либо изъ васъ, милостивые государи, могъ подумать, чтобъ я минуту на какой другой мысли могъ остановиться, кромѣ присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу по кончинѣ брата и благодѣтеля моего Александра».

«Тутъ всѣ сдѣлали движеніе, чтобъ облобызать великаго князя Николая Павловича. Онъ многихъ предупредилъ, цѣлуясь и бравши за руку. Онъ тѣ же рѣчи повторялъ. Наконецъ, не помню уже, князь ли П. В. Лопухинъ или другіе господа члены просили убѣдительнѣйше для совершенной очистки ихъ совѣсти передъ покойнымъ государемъ императоромъ прочитать его послѣднюю, такъ сказать, волю и отреченіе цесаревича и великаго князя Константина Павловича. Великій князь

ГЛАВА ПЯТАЯ

Николай Павловичъ долго не могъ на усиленную нашу просьбу рѣшиться, объявляя намъ: «что онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда далъ себѣ клятвенное обѣщаніе поступить въ случаѣ подобнаго несчастія по тѣмъ правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ. Что волѣ его никто препятствовать не можетъ, и что августѣйшая его родительница, которой все это дѣло также совершенно извѣстно, вполнѣ одобряетъ его поступокъ».

По многимъ убѣжденіямъ, наконецъ, для успокоенія членовъ государственнаго совѣта великій князь, взявъ изъ моихъ рукъ пакетъ и вынувъ изъ онаго помянутыя двѣ бумаги, прочелъ ихъ про себя, показывая движеніемъ лица и тѣла знаки несогласія своего съ изложеннымъ въ манифестѣ положеніемъ, а также сожалѣнія и скорби, читая отреченіе цесаревича. Положивъ сіи бумаги въ пакетъ и отдавъ мнѣ оный, онъ опять обратился къ членамъ и началъ ихъ убѣдительно просить, чтобъ они шли къ присягѣ, предлагая быть ихъ предводителемъ въ церковь [220]. Тогда министръ юстиціи, князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, приступивъ близко къ великому князю Николаю Павловичу и закинувъ голову назадъ по весьма невзрачному росту его сіятельства, объявилъ ему, что онъ имѣющагося у него въ храненіи подобнаго пакета для открытія въ правительствующемъ сенатѣ послѣ сего уже не предъявитъ сенаторамъ, а возьметъ къ себѣ впредь до повелѣнія. Здѣсь кто-то изъ господъ членовъ совѣта замѣтилъ, что такіе пакеты находятся еще въ Москвѣ и здѣсь въ синодѣ. Великій князь отвѣчалъ, что онъ по сему предмету приметъ надлежащія мѣры, и повторилъ требованіе свое итти къ присягѣ, на что̀ господа члены государственнаго совѣта, выслушавъ его волю, изъявили общую и единодушную свою готовность. Съ симъ словомъ его высочество опять сталъ многихъ изъ нихъ лобызать и въ особенности князя А. Н. Голицына, котораго онъ, схвативъ обѣими руками за голову, цѣловалъ въ уста, въ очи и въ лобъ. Затѣмъ, объявивъ намъ, что вдовствующая государыня императрица желаетъ видѣть насъ послѣ присяги, повелъ немедленно членовъ совѣта и меня для принятія оной [221].

«Такимъ образомъ въ большой придворной церкви священникъ оной, не помню его по имени, привелъ насъ къ присягѣ, то-есть тѣхъ, которые еще не учинили оной, ибо нѣкоторые по незнанію, а другіе по торопливости, пріѣхавъ прежде во дворецъ, исполнили сей обрядъ вслѣдъ за Николаемъ Павловичемъ, который къ сему дѣйствію приступилъ въ ту самую минуту, какъ узналъ о смерти императора Александра».

Затѣмъ А. Н. Оленинъ въ своей запискѣ переходитъ къ описанію пріема чиновъ государственнаго совѣта императрицей Маріей Ѳеодоровной.

«Здѣсь, по словамъ его, насъ ожидала плачевнѣйшая и величественнѣйшая живая картина, какую можно въ жизни видѣть.

«Двери въ кабинетъ растворились. Неподалеку отъ нихъ на креслахъ сидѣла вдовствующая государыня императрица въ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ[222]. Въ такихъ же одеждахъ стояли за ней двѣ невѣстки, разливающіяся въ слезахъ: великая княгиня Александра Осодоровна стояла

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

(Съ гравированнаго портрета Уткина).

по лѣвую руку государыни, а великая княгиня Елена Павловна по правую.... Государыня сидѣла въ креслахъ въ совершенномъ, но величественномъ отчаяніи. Она не плакала, не рыдала, но глаза ея были тусклые, и все лицо покрыто было красными и бѣдными пятнами. Тутъ, забывъ обыкновенный придворный этикетъ, мы бросились къ ней и ее окружили безъ всякихъ чиновъ, она заговорила, и мы всѣ зарыдали.

— Хотя въ положеніи моемъ, — говорила вдовствующая государыня, — мнѣ весьма тяжко чѣмъ либо другимъ заниматься, кромѣ настоящаго моего несчастія, но я хотѣла васъ видѣть, чтобы вамъ изустно подтвердить, что мнѣ совершенно извѣстно положеніе, сдѣланное моимъ Александромъ въ разсужденіи Николая, — мнѣ извѣстно, и я васъ

увѣряю, что все это сдѣлано по доброй волѣ и по непринужденному согласію моего Константина, но что со всѣмъ тѣмъ я совершенно соглашаюсь и одобряю поступокъ этого ангела», взявъ великаго князя Николая Павловича, который уже подлѣ нея стоялъ, за руку. Тутъ всѣ, кто только ближе стоялъ къ ея величеству, бросились къ ея рукамъ, чтобъ ихъ облобызать. Она, привставъ изъ своихъ креселъ и жалуя руки свои намъ, продолжала свою рѣчь, но разслушать нельзя было ничего другого, какъ то только, что она заповѣдывала намъ служить новому императору усердно и ревностно. Разслушивать же въ подробности ея слова было трудно за измѣняющимся ея отъ рыданія голосомъ и за общимъ, такъ сказать, нашимъ плачемъ и стономъ. Въ семъ-то положеніи мы возвратились въ комнаты государственнаго совѣта, гдѣ члены за поздним временемъ положили собраться для подписанія журнала всѣхъ сихъ происшествій въ 7 часовъ вечера того же самаго дня. Члены стали разъѣзжаться..... я поѣхалъ домой около трехъ часовъ..... занялся составленіемъ журнала; въ восьмомъ часу онъ былъ готовъ.

«Я привезъ его въ государственный совѣтъ, гдѣ всѣ наличные здѣсь члены уже собрались, кромѣ графа Милорадовича. Извинившись предъ ними въ нѣкоторой моей медлительности, причиною которой была непомѣрная моя по лѣтамъ усталость, я, сѣвъ на свое мѣсто, прочиталъ журналъ и приготовленное начерно заключеніе; по одобреніи господами членами того и другого, я послѣднее тотчасъ приказалъ въ канцеляріи приписать къ журналу. При входѣ моемъ съ готовымъ журналомъ князь А. Н. Голицынъ шепнулъ мнѣ, что великій князь Николай Павловичъ желаетъ журналъ нашъ видѣть по подписаніи. Такимъ образомъ, прочитавъ приписанное заключеніе, я подалъ журналъ къ подписанію г. предсѣдателю, отъ котораго оный по обыкновенію былъ переданъ господамъ членамъ на тотъ же предметъ[223]. По окончаніи сего обряда, я объявилъ присутствующимъ, отъ имени предсѣдателя, что засѣданія государственнаго совѣта будутъ продолжаться, а дѣла производиться, впредь до особаго повелѣнія, точно такъ, какъ доселѣ было установлено. Засѣданіе симъ закрылось, и члены начали разъѣзжаться... Я съ журналомъ поспѣшилъ къ великому князю Николаю Павловичу. Его не было въ занятыхъ имъ комнатахъ, онъ еще находился при августѣйшей своей родительницѣ. Это было въ 9 часовъ 45 минутъ вечера. Я побѣжалъ, сколько ноги меня тогда носили, на половину ко вдовствующей государынѣ императрицѣ, гдѣ я приказалъ о себѣ доложить великому князю Николаю Павловичу.

«Его высочество тотчасъ ко мнѣ вышелъ и пошелъ со мною въ свою спальную комнату. Тутъ, ставши противъ трюмо, гдѣ поставлены были свѣчки, онъ началъ прилежно читать журналъ и, когда въ оном дошелъ

до мѣста, гдѣ сказано было, что «государственный совѣтъ желалъ явиться предъ лицо его высочества, дабы удостоиться изъ собственныхъ его устъ услышать великодушную его рѣшимость», онъ скорыми шагами пошелъ къ столу, который стоялъ въ углу комнаты, и, взявъ карандашъ, началъ это мѣсто перечеркивать, говоря: «тутъ нѣтъ никакого великодушія съ моей стороны, я исполнилъ долгъ, и больше ничего». Я замѣтилъ его высочеству, что журналъ уже подписанъ господами членами совѣта.—«Какъ же съ этимъ быть? Я очень желаю, чтобъ это было иначе сказано и въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ я это сдѣлалъ».—Я отвѣчалъ его высочеству, что я доложу г. предсѣдателю, который, конечно, согласится сіи слова замѣнить другими, ибо сія переправка существа дѣла никакъ не перемѣнитъ, а завтра по утру я этотъ журналъ съ переправкою представлю на благоусмотрѣніе его высочества. Великій князь успокоился симъ отвѣтомъ и, дочитавъ журналъ, отдалъ мнѣ его и, взявъ меня за руку, сказалъ: «кажется, мы всѣ наше дѣло сдѣлали, и совѣсть наша чиста и можетъ быть спокойна». У меня слезы навернулись, и духъ захватило; я молча поцѣловалъ его въ грудь и ушелъ изъ комнаты, поспѣшая домой, чтобы успѣть до полуночи списать копію съ журнала и заготовить двѣ докладныя записки, для предсѣдателя и для меня, чтобы все это отправить не позже назначеннаго времени съ фельдъегеремъ къ императору Константину Павловичу, къ которому посланнаго великій князь совѣтовалъ направить на Дубно, для того, что если его величество не выѣхалъ изъ Варшавы, то фельдъегерь туда поверитъ. если же онъ уже проѣхалъ Дубно, то онъ вслѣдъ за нимъ поскачетъ въ Таганрогъ.

«Пріѣхавъ домой, я все это исполнилъ и, замѣнивъ слова: услышать великодушную его рѣшимость, словами: услышать непреложную его по сему предмету волю, поѣхалъ въ 12 часовъ ночи къ князю П. В. Лопухину, котораго я засталъ уже ложащимся спать, однако же онъ тотчасъ вышелъ изъ своей спальни, прочиталъ бумаги и поблагодарилъ за изготовленную мною для него записку. По подписаніи оной я поскакалъ къ министру военному Татищеву».

Вручивъ ему пакетъ, Оленинъ сказалъ министру, что великій князь Николай Павловичъ совѣтуетъ послать фельдъегеря въ Дубно. Татищевъ отвѣчалъ: «я радъ исполнить волю его высочества, я все съ ихъ приказанія поступаю». Когда Оленинъ вышелъ изъ дома на улицу, онъ увидѣлъ готовую уже фельдъегерскую тройку[224].

«Будучи отъ себя къ князю Лопухину,—пишетъ Оленинъ,—то-есть отъ Краснаго моста на Мойкѣ всей перспективой до Литейной и обратно до Большой Морской, кромѣ горящихъ фонарей на улицѣ, я ни въ одномъ домѣ огня не видалъ и, кромѣ моей кареты, никакого другого экипажа не слыхалъ. Не видѣлъ даже ни одного коннаго или пѣше-

ходца, и только мнѣ слышался глухой стукъ колесъ моей кареты и бѣгъ моихъ лошадей, да изрѣдка перекличка часовыхъ и ночныхъ стражей».

Независимо отъ нарочнаго фельдъегеря, который повезъ въ Варшаву списокъ съ журнала государственнаго совѣта, сопровождаемый докладными записками Олешина и князя Лопухина, великій князь Николай Павловичъ отправилъ съ своей стороны къ императору Константину своего адъютанта Лазарева, съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

«Cher Constantin! C'est à mon empereur que je viens présenter le serment que je lui dois, que j'ai prêté déjà, ainsi que tous qui m'entourent, à l'église, dans le moment même où nous avons été térrassés par le plus horrible des malheurs. Que je vous plains, que nous sommes malheureux tous: au nom de Dieu ne nous abandonnez pas et ne nous laissez pas seuls.

«Votre frère, votre fidèle sujet pour la vie et pour la mort,

«Nicolas» [225].

Одновременно съ этимъ письмомъ, великій князь Михаилъ Павловичъ также получилъ отъ брата нижеслѣдующія строки:

«Милый Михаилъ, другъ мой, ты все знаешь; мы все потеряли, все: остались намъ одни слезы. Я долгъ святой исполнилъ, и Богъ помогъ мнѣ—всѣ мнѣ послѣдовали. всѣ, наша безцѣнная гвардія исполнила также долгъ свой вездѣ. Сердце чисто у насъ.

«Теперь о матушкѣ и о женѣ твоей. Матушка терпитъ смиренно, какъ ангелъ; она здорова.

«Жена твоя также здорова, и вотъ тебѣ письмо отъ нея [226] и отъ Сутгофа; я тебя могу объ этомъ увѣрить.

«Мы ждемъ нетерпѣливо государя, дай Богъ поскорѣе видѣть передъ нами; и ты ради Бога пріѣзжай. Вспомни меня и сжалься.

«Твой по гробъ

«Н.»

Сверхъ сего, въ Варшаву посланы были еще другіе нарочные: отъ военнаго министра Татищева адъютантъ Сабуровъ, который повезъ также рапортъ министра финансовъ, генерала Канкрина; отъ министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ чиновникъ Никитинъ [227]. Наконецъ, великій князь Николай Павловичъ повелѣлъ еще ѣхать тотчасъ въ Варшаву Оедору Петровичу Опочинину, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ цесаревича и живущему въ это время въ отставкѣ въ Петербургѣ. Опочининъ былъ нѣкогда адъютантомъ Константина Павловича и поддерживалъ съ нимъ самую дружескую переписку.

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Одновременно съ этими распоряженіями графъ Милорадовичъ, по соглашенію съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, отправилъ своего адъютанта, графа Мантейфеля, въ Москву съ цѣлью увѣдомленія генералъ-губернатора первопрестольной столицы, князя Д. В. Голицына, о событіяхъ 27-го ноября въ Петербургѣ и съ приглашеніемъ приступить немедленно къ присягѣ императору Константину. О томъ же по-

слано было также увѣдомленіе къ финляндскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Закревскому.

Послѣ пріема членовъ государственнаго совѣта, великій князь Николай Павловичъ снова пошелъ въ дворцовую церковь и, разсказавъ прибывшему туда митрополиту Серафиму о всемъ происшедшемъ въ совѣтѣ, уговорилъ его оставить хранившійся въ синодѣ пакетъ впредь до высочайшаго повелѣнія не распечатаннымъ. Потомъ великій князь выслушалъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія императору Константину и панихиду по усопшемъ императорѣ Александрѣ [228].

По принятымъ мѣрамъ, къ тремъ часамъ пополудни 27-го ноября, «какъ войско, такъ и всѣ чины и граждане восшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили, въ теченіе котораго времени вездѣ сохранялись тишина и порядокъ» [229].

Въ тотъ же день обнародованъ и разосланъ былъ повсемѣстно съ нарочными курьерами указъ сената о приведеніи всѣхъ званій къ присягѣ на вѣрность подданства императору Константину [230]. Въ приложенной къ указу печатной формѣ клятвеннаго обѣщанія повторили дословно формулу присяги 1801 года; перемѣнили лишь имя государя, сохранивъ выраженіе: «и наслѣднику престола, который назначенъ будетъ», хотя наслѣдникъ этотъ опредѣлялся самою уже силою коренного закона 1797 года.

Сенаторы присягнули по словесному предложенію министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго; пакетъ же съ послѣднею волею императора Александра не былъ вскрытъ.

На другой день послѣ петербургской присяги, 28-го ноября (10-го декабря), А. Н. Оленинъ отправился въ Зимній дворецъ, чтобы согласно постановленію государственнаго совѣта снова положить «извѣстный пакетъ» въ архивъ государственной канцеляріи, а затѣмъ посѣтилъ къ великому князю Николаю Павловичу, чтобы показать ему исправленный, согласно желанію его, журналъ. Великій князь вторично прочиталъ журналъ; на замѣчаніе же Оленина, что однимъ графомъ Милорадовичемъ журналъ совѣта еще не подписанъ, Николай Павловичъ отвѣтилъ: «Онъ здѣсь, ему нужно также подписать». Это указаніе было вслѣдъ затѣмъ приведено въ исполненіе Олениным. «Великій князь опять меня взялъ за руку, повторилъ мнѣ то же, что говорилъ мнѣ вчера; я его опять облобызалъ, и такъ мы съ нимъ разстались», пишетъ Оленинъ.

Николай Павловичъ 28-го же ноября почтилъ генералъ-адъютанта барона Дибича слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ онъ ознакомилъ начальника главнаго штаба съ событіями, происходившими въ Петербургѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра:

«Послѣ постигшаго насъ бѣдствія однимъ могли мы заплатить послѣдній долгъ тому, кто наше счастіе чинилъ, покуда онъ былъ въ живыхъ. Его именемъ, видя, чувствуя какъ бы передъ его лицемъ, я принесъ присягу моему законному государю императору Константину Павловичу. Теперь моя совѣсть спокойна и передъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ, и предъ законнымъ моимъ государемъ, а потомъ да будетъ воля Твоя!

«Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ долженъ я вамъ донести, что все послѣдовало моему примѣру; гвардія, городъ, все присягнуло; я самъ привелъ совѣтъ къ присягѣ при себѣ. Все спокойно и тихо, одни мы несчастные, безутѣшные остались сироты!

«Матушка, дражайшая матушка намъ примѣръ подаетъ твердаго христіанскаго смиренія; да сохранитъ ее Богъ!

«Если увидите государыню, если возможно, напомните ей о томъ, который въ глубинѣ души чувствуетъ за нее!

«Если братъ у васъ, то вы вѣрно уже чрезъ него обо всемъ извѣстны, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его пріѣзда. Если его при васъ нѣтъ то увѣдомляю васъ, что уже вчера, сейчасъ послѣ гибельнаго извѣстія, прямо отъ присяги послалъ я ему адъютанта своего съ моей присягой.

«Поцѣлуйте за несчастнаго брата гробъ его благодѣтеля, помолитесь у него, чтобъ онъ меня не оставилъ; я имъ дышу, имъ дѣйствую; пусть онъ мнѣ предводительствуетъ!

«Вашъ искренній

«Н.

«Петру Михайловичу всю мою дружбу!» [231].

Въ «Сѣверной Пчелѣ», въ субботу 28-го ноября 1825 года, (№ 143), въ траурной рамкѣ по всѣмъ страницамъ, въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, напечатано было:

«Неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ Промыслъ Всевышняго посѣтилъ Россійскую имперію горестію, коей никакими словами выразить невозможно.

«Прибывшій 27-го сего ноября изъ Таганрога курьеръ привезъ плачевную вѣсть о кончинѣ его величества государя императора Александра Павловича.

«При первомъ извѣстіи о семъ неожиданномъ несчастіи, августѣйшіе члены императорскаго дома, государственный совѣтъ и министры собрались во дворецъ, гдѣ его высочество великій князь Николай Павловичъ сначала, а за нимъ и всѣ собравшіеся чиновники, учинили присягу въ вѣрности его императорскому величеству государю императору Константину Первому» [232].

ГЛАВА ПЯТАЯ

Въ слѣдующемъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» отъ 1-го декабря (№ 144) появилась передовая статья о кончинѣ императора Александра I-го, которая начиналась словами: «Кто изъ россіянъ, сыновъ Александра, можетъ равнодушно говорить о кончинѣ великаго государя, добраго нашего отца! Понимаемъ, понимаемъ теперь въ полной мѣрѣ смятеніе, съ коимъ, за сто лѣтъ предъ симъ, знаменитый пастырь церкви прервалъ начало рѣчи своей надъ бренными останками Петра! И мы говоримъ нынѣ: «Что се есть? до чего мы дожили, о россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Александра Перваго погребаемъ».

Сопоставленіе было удачное: дѣйствительно, сто лѣтъ тому назадъ, Россія лишилась Петра Великаго.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ относительно журнала засѣданія чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта, имѣвшаго мѣсто въ достопамятный день 27-го ноября. Баронъ Корфъ, приводя изъ этого журнала слова великаго князя Николая Павловича по поводу бумагъ, читанныхъ въ совѣтѣ, что онѣ «ему давно извѣстны и никогда не колебали его рѣшимости»[233], сопровождаетъ это заявленіе слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Здѣсь въ выраженіяхъ совѣтскаго журнала опять неточность, легко впрочемъ объяснимая и особенною посѣщностію его изложенія и тѣмъ обстоятельствомъ, что, предназначаясь для отсылки къ новому государю, журналъ сей не могъ быть ни просмотрѣнъ и провѣренъ, ни подписанъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, какъ не имѣвшимъ званія члена совѣта. Мы говорили уже, что онъ тутъ впервые только увидѣлъ и прочелъ вскрытыя въ совѣтѣ бумаги, слышавъ отъ императрицы-матери при жизни императора Александра лишь объ одномъ: что есть гдѣ-то актъ отреченія цесаревича Константина, слѣдственно слова великаго князя предъ членами совѣта могли относиться только къ тому одному акту, а не къ другимъ дотолѣ ему неизвѣстнымъ»[234].

Такъ пишетъ баронъ Корфъ въ первомъ изданіи своего сочиненія. Въ третьемъ же изданіи это разсужденіе изложено слѣдующимъ образомъ:

«Слышавъ отъ императрицы-матери еще при жизни императора Александра, что есть какой-то актъ отреченія цесаревича Константина, великій князь свои изъясненія передъ совѣтомъ относилъ, какъ нельзя сомнѣваться, къ одному этому акту, а не къ другимъ, о содержаніи и самомъ даже существованіи которыхъ онъ впервые услышалъ только по своей присягѣ сначала отъ императрицы-матери, потомъ отъ князя Голицына. Иначе, если бы онъ объявилъ, какъ сказано въ журналѣ, что читанныя ему въ совѣтѣ «бумаги ему давно извѣстны», то не было бы и никакого побужденія къ упомянутой тутъ же «усильной просьбѣ» членовъ, чтобы онъ прочиталъ эти бумаги. Но въ послѣп-

Герцогъ Евгеній Виртембергскій.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

ности одно было смѣшано съ другимъ, и въ образѣ изложенія журнала пострадала истина событій».

Съ подобной постановкой вопроса нельзя согласиться. Если предположимъ даже, что великому князю извѣстенъ былъ самый фактъ существованія секретнаго манифеста императора Александра 1823 года, то все-таки изъ этого обстоятельства нельзя еще выводить заключенія, что не было никакого побужденія ознакомить Николая Павловича съ содержаніемъ документа, никогда имъ не читаннаго.

Въ собственноручной замѣткѣ, оставленной Николаемъ Павловичемъ, по относящейся къ позднѣйшему времени, а именно къ 1848 году, высказано слѣдующее категорическое заявленіе: «Мнѣ содержаніе манифеста было вовсе неизвѣстно, и я первый разъ видѣлъ и читалъ его, когда совѣтъ принесъ его ко мнѣ. Если бы я манифестъ и зналъ, я бы и тогда сдѣлалъ то же, ибо манифестъ не былъ опубликованъ при жизни государя, а Константинъ Павловичъ былъ въ отсутствіи, потому, во всякомъ случаѣ, долгъ мой и всей Россіи былъ присягнуть нашему законному государю. Бумагъ я не видалъ, какъ уже сказано, но слышалъ отъ матушки, что былъ гдѣ-то актъ отреченія Константина Павловича. О существованіи же манифеста мнѣ никогда ничего извѣстнаго не бывало».

Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ замѣчаніе, сдѣланное великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ по прочтеніи «Историческаго описанія 14-го декабря 1825 года» барона Корфа. Великій князь остался недоволенъ изложеніемъ событій 27-го ноября, подмѣтивъ въ трудѣ барона Корфа противорѣчіе, а именно несогласіе между журналомъ государственнаго совѣта и словами Николая Павловича относительно извѣстности послѣднему актовъ объ измѣненіи порядка въ наслѣдіи престола. Михаилъ Павловичъ сказалъ Корфу: «Вамъ надо было помѣстить въ вашей книгѣ или одно или другое, чему вы больше давали вѣры, а то теперь исторія станетъ втупикъ, что же изъ этого справедливо: увѣреніе ли журнала, что Николай Павловичъ передъ совѣтомъ сказалъ, что читанные въ совѣтѣ акты ему давно извѣстны, или же высказанное у васъ выше увѣреніе самого Николая Павловича, что онъ объ этихъ бумагахъ узналъ уже только послѣ понесенной имъ присяги».

Возвращаясь затѣмъ къ изложенію барона Корфа, замѣтимъ, что оно заключаетъ въ себѣ еще одну неточность: Корфъ утверждаетъ, что журналъ совѣта не былъ поднесенъ на просмотръ великому князю.

Между тѣмъ, оказывается, что А. Н. Оленинъ два раза подносилъ журналъ Николаю Павловичу; наконецъ, мало того, въ подписанномъ уже членами совѣта журналѣ Оленинъ, по настоятельнымъ требованіямъ великаго князя, замѣнилъ слова: «великодушную его рѣшимость», другимъ болѣе подходящимъ выраженіемъ.

Всѣ эти замѣчанія, на которыхъ мы здѣсь останавливаемся, имѣютъ большое значеніе при разрѣшеніи вопроса, весьма важнаго для надлежащаго освѣщенія этого историческаго эпизода. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: зналъ ли великій князь Николай Павловичъ о существованіи манифеста императора Александра отъ 16-го марта 1823 года, сопровождавшаго отреченіе цесаревича Константина Павловича въ 1822 году, или же ему извѣстно было одно отреченіе старшаго брата? Рѣшеніе этого вопроса, въ свою очередь, тѣсно связано съ другимъ вопросомъ: извѣстно ли было императрицѣ Маріи Осодоровнѣ существованіе манифеста 1823 года, или, лучше сказать, довѣрилъ ли ей императоръ Александръ полностію свою тайну, довѣренную имъ во всемъ ея объемѣ, какъ достодлинно извѣстно, лишь князю Голицыну, графу Аракчееву и архіепископу Филарету, а затѣмъ нѣсколько позже и прусскому принцу Вильгельму? Выяснить этотъ вопросъ окончательнымъ образомъ по имѣющимся теперь въ нашемъ распоряженіи историческимъ матеріаламъ довольно трудно; однако и теперь можно уже сказать, что едва ли удастся представить достаточно убѣдительныя доказательства въ пользу того мнѣнія, что императоръ Александръ оставилъ свою родительницу въ полномъ невѣдѣніи относительно сдѣланнаго имъ столь важнаго распоряженія по престолонаслѣдію, которому императрица-мать сочувствовала несомнѣнно всѣмъ сердцемъ. Остается также открытымъ вопросъ: не передалъ ли еще принцъ Вильгельмъ Николаю Павловичу содержанія своего разговора съ императоромъ Александромъ въ 1823 году?

Поэтому въ настоящее время позволительно прійти къ заключенію, что показанія современниковъ, А. Н. Оленина, а также адмирала Шишкова, подтверждаютъ вполнѣ правильность редакціи журнала засѣданія государственнаго совѣта, которую баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи (подвергшемся къ тому же, начиная съ перваго изданія, многоразличнымъ редакціоннымъ поправкамъ) тщетно старается оспоривать. Вслѣдствіе этого «тотъ величественный эпизодъ въ нашей исторіи, которому подобнаго не представляютъ лѣтописи ни одного народа»[235], утрачиваетъ нѣсколько въ своемъ блескѣ.

Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, самъ великій князь Николай Павловичъ не признавалъ въ своихъ дѣйствіяхъ великодушной рѣшимости и сказалъ Оленину: «тутъ нѣтъ никакого великодушія съ моей стороны, я исполнилъ долгъ, и больше ничего».

«Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ поставленъ, мнѣ невозможно было поступить иначе». Съ такими словами Николай Павловичъ обратился къ цесаревичу въ 1829 году, во время дружеской бесѣды, коснувшейся событій, вызванныхъ смертію императора Александра.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Какія же это были обстоятельства, на которыя намекалъ Николай Павловичъ въ своемъ разговорѣ съ цесаревичемъ? Немаловажную роль въ этихъ соображеніяхъ занимали убѣжденія, представителемъ которыхъ являлся графъ Милорадовичъ[236]. Петербургскій генералъ-губернаторъ былъ въ это время, благодаря занимаемому имъ служебному положенію, вліятельнымъ совѣтникомъ Николая Павловича; онъ поддерживалъ великаго князя въ томъ убѣжденіи, что Константинъ Павловичъ призывается на престолъ всеобщимъ желаніемъ военнаго сословія и всего населенія. Съ другой стороны вліяніе графа Милорадовича въ придворныхъ сферахъ усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что великій князь ошибочно приписывалъ спокойствіе столицы въ эту трудную минуту распорядительности генералъ-губернатора. Вникая же ближе въ обстановку того времени, нельзя не признать, что мнѣніе, высказываемое графомъ Милорадовичемъ, какъ безусловнымъ сторонникомъ правъ цесаревича, не лишено было серьезнаго основанія; его личныя убѣжденія сходились съ общимъ настроеніемъ.

Для вѣрной оцѣнки событій, разыгравшихся въ Петербургѣ 27-го ноября, нужно перенестись мыслію въ то общество, среди котораго все это происходило. Достойно удивленія, что общее мнѣніе, всѣ симпатіи, въ особенности среди военныхъ, дѣйствительно склонялись въ пользу цесаревича въ ущербъ великаго князя Николая Павловича. «Что любопытно, такъ это то, что въ общемъ предпочитаютъ отсутствующаго. (Ce qui est curieux, c'est que c'est l'absent qui est le préféré)», читаемъ мы въ современной перепискѣ[237]. Не подлежитъ сомнѣнію, что Константину Павловичу охотно присягнули. Хотя цесаревичъ послѣднія десять лѣтъ находился въ Варшавѣ и сдѣлался почти чужимъ для русскихъ, но, предавъ забвенію прежнія неблагопріятныя о немъ воспоминанія, надѣялись, что нравъ его измѣнился къ лучшему. Его предпочитали Николаю Павловичу, предполагая въ немъ болѣе опытности, нежели въ молодомъ великомъ князѣ, заявившемъ себя дотолѣ одними увлеченіями по фронтовой службѣ; говорили, что ему служить можно, а братьямъ его нельзя. Вообще военные искренно желали, чтобы Константинъ остался императоромъ; имъ молодые великіе князья надоѣли[238]. Весьма немногіе относились критически къ подобной оцѣнкѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой эпохи. Приведемъ здѣсь современное свидѣтельство въ этомъ духѣ.

«Такъ вотъ онъ, этотъ князь,—пишетъ графиня М. Д. Нессельроде,—относительно котораго императоръ Александръ признавалъ полезнымъ, чтобы онъ не царствовалъ, призывается своей семьею и общественнымъ мнѣніемъ; чѣмъ оно руководствуется при этомъ? Я утверждаю, что ничѣмъ основательнымъ. Онъ удалился еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и его желаютъ, лишь основываясь на слухахъ, что онъ измѣнился, но я, убѣжденная внутренно, что онъ все тотъ же, трепещу, какъ бы

Великій князь Константинъ Павловичъ.

(Съ гравюры, изданной въ 1825 г. съ подписью: „Его Величество Императоръ Константинъ Первый“).

онъ не поддался удовольствію видѣть себя короноваинымъ. Помимо его личности, которая уже сама по себѣ является громаднымъ неудобствомъ, нужно подумать о княгинѣ Ловичъ и объ окружающей ее свитѣ . . . . . Всѣ эти люди, которые желаютъ его, станутъ потомъ проливать горькія слезы; онъ дастъ знать себя не въ первые мѣсяцы. Но я не дамъ и одного года для того, чтобы раскаяніе этого общественнаго мнѣнія стало горькимъ и удвоило слезы, проливаемыя о покойномъ императорѣ.

Это будетъ царствомъ недовѣрія, шпіонства, бездны мелочности, мучительной, придирчивой».

Представивъ характеристику цесаревича, авторъ этихъ строкъ обращается къ великому князю Николаю Павловичу и въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказываетъ надежды, возлагаемыя на него, какъ на будущаго правителя: «Ему 29 лѣтъ; быть можетъ, сдѣлавшись главою государства, онъ отрѣшился бы отъ мелочей военной службы, выдѣлился бы, какъ администраторъ, сталъ бы принимать совѣты людей опытныхъ, и я утверждаю, что все-таки въ его царствованіе дышалось бы вольнѣе, пользовались бы большею свободою, чѣмъ въ царствованіе государя, котораго мы увидимъ вскорѣ возсѣдающимъ на престолѣ и могущаго быть сравненнымъ лишь съ деспотическимъ вихремъ (un ouragan despote)»[239].

Припомнимъ здѣсь еще, что въ письмѣ отъ 19-го ноября (1-го декабря) 1825 года, въ которомъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ увѣдомлялъ императрицу Марію Оедоровну о кончинѣ императора Александра, сказано было: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича»[240]. Если бы въ Петербургѣ виновники присяги 27-го ноября послѣдовали примѣру лицъ, окружавшихъ въ Таганрогѣ смертный одръ Александра, и ждали бы также повелѣній отъ новаго государя, не предрѣшая могущихъ послѣдовать съ его стороны распоряженій самопроизвольною присягою и ограничиваясь однимъ представленіемъ цесаревичу вскрытаго въ государственномъ совѣтѣ пакета съ послѣднею волею императора Александра, то, можетъ быть, многія изъ затрудненій, сопровождавшихъ собою междуцарствіе, были бы устранены или же во всякомъ случаѣ упрощены. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ, а это обстоятельство было, повидимому, совершенно упущено изъ виду въ Петербургѣ, въ день 27-го ноября. Въ сущности принесенная тогда присяга представляла собою неоспоримый «coup d'état». Великій князь Михаилъ Павловичъ назвалъ даже образъ дѣйствій своего брата революціоннымъ[241].

Тѣмъ не менѣе, вникая ближе въ обстоятельства, при которыхъ совершилась присяга 27-го ноября, нельзя также отстранить постановку такого рода вопроса: могъ ли тогда великій князь Николай Павловичъ уклониться отъ принесенія присяги цесаревичу и съ покорностію ожидать повелѣній изъ Варшавы? Приходится и въ этомъ вопросѣ довольствоваться до нѣкоторой степени уклончивымъ отвѣтомъ. Загадочный образъ дѣйствія императора Александра въ дѣлѣ престолонаслѣдія создалъ такую невозможную обстановку, изъ которой Николаю Павловичу, можетъ быть, трудно было выйти инымъ образомъ, какъ путемъ немедленной присяги.

Для лучшаго поясненія всего выше изложеннаго намъ остается еще привести разсказъ графа Милорадовича о событіяхъ 27-го ноября, записанный въ то время Рафаиломъ Михайловичемъ Зотовымъ. Этотъ разсказъ съ достаточною ясностію обрисовываетъ взгляды, которыми руководствовался графъ Милорадовичъ, и направленіе, которое постарался дать петербургскій генералъ-губернаторъ ходу событій этого рокового по своимъ послѣдствіямъ для Россіи дня.

«По причинѣ отреченія отъ престола Константина Павловича,— сказалъ графъ Милорадовичъ,— государь передалъ наслѣдіе великому князю Николаю Павловичу. Объ этомъ манифесты хранились въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ и у московскаго архіерея. Говорятъ, что нѣкоторые изъ придворныхъ и министровъ знали это. Разумѣется, великій князь и императрица Марія Оеодоровна тоже знали это; но народу, войску и должностнымъ лицамъ это было неизвѣстно. Я первый не зналъ этого. Могъ ли же я допустить, чтобъ произнесена была какая нибудь присяга, кромѣ той, которая слѣдовала? Мой первый долгъ былъ требовать этого, и я почитаю себя счастливымъ, что великій князь тотчасъ же согласился на это».

Все это, въ присутствіи Зотова, графъ Милорадовичъ разсказывалъ князю Александру Александровичу Шаховскому[242].

— «Признаюсь, графъ,— возразилъ князь Шаховской,— я бы на вашемъ мѣстѣ прочелъ сперва волю покойнаго императора».

— «Извините,— отвѣтилъ ему графъ Милорадовичъ,— корона для насъ священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долгъ. Прочесть бумаги всегда успѣемъ, а присяга въ вѣрности нужнѣе прежде всего. Такъ рѣшилъ и великій князь. У кого 60.000 штыковъ въ карманѣ, тотъ можетъ смѣло говорить. (Quand on a soixante mille bayonnettes dans sa poche, on peut parler courageusement),— заключилъ Милорадовичъ, ударивъ себя по карману.— Разные члены совѣта пробовали мнѣ говорить и то и другое; но самъ великій князь согласился на мое предложеніе, и присяга была произнесена; тотчасъ же разосланы были и бланки подорожныхъ на имя императора Константина. Теперь отъ его воли будетъ зависѣть вновь отречься, и тогда мы присягнемъ вмѣстѣ съ нимъ императору Николаю Павловичу. Вотъ прямая и торная дорога, по которой я всегда иду. Исполненіе долга—мой боевой конь (mon cheval de bataille)»[243].

Заявленіе Милорадовича не можетъ быть признано пустымъ хвастовствомъ. Дѣйствительно, по справедливому замѣчанію современника, судьбами отечества въ то время располагалъ одинъ графъ Милорадовичъ.

Замѣтимъ, что выраженіе Милорадовича объ исполненіи долга буквально соотвѣтствуетъ тому, что пишетъ Николай Павловичъ: «Во всякомъ случаѣ долгъ мой и всей Россіи было присягнуть нашему за-

конному государю». Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ шествіе дѣятелей 27-го ноября «по прямой и торной дорогѣ» окончилось бы благополучно, и вторичная присяга не сопровождалась бы кровопролитіемъ; но при существовавшихъ тогда въ Россіи тайныхъ обществахъ и ихъ замыслахъ поспѣшная и самопроизвольная присяга могла какъ разъ привести къ крушенію государственнаго порядка. Между тѣмъ, графъ Милорадовичъ, равно какъ и великій князь Николай Павловичъ, ничего не подозрѣвали о возможномъ проявленіи подобной опасности и потому дѣйствовали смѣло и рѣшительно; императоръ Александръ и въ дѣлѣ тайныхъ обществъ успѣлъ окружить всѣ свои распоряженія непроницаемой тайной. Тѣмъ не менѣе, въ случаѣ окончательнаго отреченія цесаревича, графъ Милорадовичъ все-таки опасался встрѣтить нѣкоторую оппозицію со стороны одной только гвардіи, которая, какъ ему извѣстно было, не любила Николая; но онъ былъ далекъ отъ мысли встрѣтить на этой почвѣ организованный уже заговоръ. Несмотря на занимаемое имъ генералъ-губернаторское мѣсто и на избытокъ власти, присвоенный этой должности, Милорадовичъ столько же зналъ о подготовлявшейся въ столицѣ революціонной вспышкѣ, какъ и послѣдній обыватель Петербурга.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, прибывшій въ Петербургъ 23-го ноября (5-го декабря), за нѣсколько дней до присяги императору Константину, приводитъ въ своихъ запискахъ замѣчательный разговоръ съ графомъ Милорадовичемъ, подтверждающій вполнѣ высказанное нами выше заключеніе.

Въ то время, когда становилось уже почти вѣроятнымъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не приметъ престола, и слѣдовательно великому князю Николаю Павловичу предстояло сдѣлаться императоромъ, графъ Милорадовичъ сказалъ принцу Евгенію, что онъ сомнѣвается въ успѣхѣ, «такъ какъ гвардія не любитъ Николая».

— «О какомъ успѣхѣ вы говорите?—возразилъ ему удивленный принцъ.—Престолъ долженъ перейти къ Николаю, если Константинъ будетъ упорствовать въ своемъ отреченіи. При чемъ тутъ гвардія?»

— «Совершенно справедливо,—отвѣчалъ графъ,—имъ не слѣдуетъ имѣть голосъ, но это у нихъ обратилось уже въ привычку, почти въ инстинктъ».

Вслѣдствіе этого разговора принцъ настоялъ, чтобы генералъ-губернаторъ сообщилъ Маріи Ѳеодоровнѣ свои сомнѣнія; предупредивъ о томъ императрицу, принцъ привелъ къ ней графа. Бесѣда ихъ была продолжительная, но о результатахъ ея принцу Евгенію ничего не было сказано. Усвоенная всѣми система взаимнаго умалчиванія и въ этомъ случаѣ восторжествовала; такимъ образомъ даже родной племянникъ императрицы оставался наравнѣ съ прочими въ полномъ невѣдѣніи относительно настоящаго положенія дѣлъ. Однажды принцъ Евгеній

ПРИБАВЛЕНІЕ къ №. 145 СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ

Санктпетербургъ, 3 Декабря.

3 Декабря, 10 часовъ утра. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила почивать въ прошедшую ночь хорошо, и чувствуетъ себя лучше вчерашняго дня.

Ея Величество Государыня Императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ Ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти Императора Александра Павловича.

Его Величество Государь Императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи.

С. П. б. въ тип. Н. Греча. — Печатать позволено. Декабря 3, 1825.
Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. А. Красовскій.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

не вытерпѣлъ и обратился къ великому князю Николаю Павловичу за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, но долженъ былъ довольствоваться уклончивымъ отвѣтомъ: «Nous avons prêté serment; nous savons à qui obéir» [244].

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Много бѣдствій произошло въ то время отъ таинственности, скрытности, съ которыми велось дѣло о престолонаслѣдіи»,—замѣтилъ впослѣдствіи принцъ Евгеній, вспоминая въ своихъ бесѣдахъ о 1825-мъ годѣ.

Въ заключеніе остается сказать, что истиннымъ виновникомъ наступившаго 19-го ноября междуцарствія и вызванныхъ имъ замѣшательствъ является лично императоръ Александръ. Единственно благодаря его загадочнымъ распоряженіямъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, всѣ члены царственной семьи были поставлены въ ложное положеніе, а Россія ввергнута въ полное недоумѣніе.

Современникъ этихъ недоумѣній замѣтилъ: «Ежели Александръ сколько нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 году такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ же образомъ могъ онъ хладнокровно подвергнуть Россію опасности междоусобной войны?»[245].

«Нельзя играть съ законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ съ частною собственностью»,—пишетъ другой очевидецъ событій междуцарствія, принцъ Евгеній Виртембергскій[246].

III.

Слухъ о кончинѣ императора Александра началъ распространяться въ Москвѣ съ 28-го ноября (10-го декабря). Объ этомъ сообщили архіепископу Филарету. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, архіепископъ отправился, утромъ 29-го ноября (11-го декабря), къ генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владимировичу Голицыну, въ сопровожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Сергѣя Михайловича Голицына.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ воцаренію на престолъ императора Николая Павловича, Филаретъ пишетъ:

«Архіепископъ изложилъ свои мысли о затруднительности настоящихъ обстоятельствъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ написалъ къ государю императору Александру Павловичу письмо о своемъ отреченіи отъ наслѣдованія престола въ началѣ 1822 года. До половины 1823 года не было по сему составлено императорскаго акта. Послѣдовавшее составленіе и храненіе акта о назначеніи на престолъ государя великаго князя Николая Павловича произошло въ глубокой тайнѣ. Посему можетъ случиться, что цесаревичъ не знаетъ о существованіи сего акта и намѣреніе свое почитаетъ не получившимъ утвержденія, что посему онъ можетъ быть убѣжденъ къ принятію престола, и что мы можемъ получить изъ Варшавы манифестъ о вступленіи на престолъ Константина Павловича, прежде нежели успѣемъ получить изъ Петербурга манифестъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича.

«При семъ оказалось, что генералъ-губернаторъ не зналъ о существованіи новаго акта въ Успенскомъ соборѣ, и онъ изъявилъ было

желаніе итти въ Успенскій соборъ, чтобы въ семъ удостовѣриться. На сіе архіепископъ не согласился, представляя, что изъ сего возникнуть могутъ молвы, какихъ нельзя предвидѣть, и даже клевета, будто теперь что-то подложено къ государственнымъ актамъ, или положенное подмѣнено.

«Въ заключеніе сего совѣщанія положено, чтобы въ томъ случаѣ, если бы полученъ былъ манифестъ изъ Варшавы, не объявлять о немъ и не приступать ни къ какому дѣйствію по оному въ ожиданіи манифеста изъ Петербурга, который укажетъ истиннаго императора.

«Едва такимъ образомъ взята предосторожность противъ возможнаго затрудненія, какъ открылось еще большее затрудненіе съ другой стороны.

«Вечеромъ того же дня, генералъ-губернаторъ пріѣхалъ къ архіепископу съ письмомъ графа Милорадовича, въ которомъ объявлялось, что въ Петербургѣ принесена присяга въ вѣрности императору Константину Павловичу, что первый присягнулъ великій князь Николай Павловичъ, что непремѣнная воля великаго князя есть, чтобы и въ Москвѣ принесена была та же присяга, и чтобы не была открываема бумага, какая есть въ Успенскомъ соборѣ [247]. Архіепископъ представилъ на сіе, что объявленіе графа Милорадовича не можетъ быть принято, какъ официальное, въ дѣлѣ толикой важности. Но генералъ-губернаторъ находилъ, что, когда присяга принесена уже въ Петербургѣ, отлагать оную въ Москвѣ было бы неблаговидно и, можетъ быть, неблагопріятно для общественнаго спокойствія. Архіепископъ продолжалъ представлять, что въ основаніе государственной присяги въ церкви нуженъ государственный актъ, безъ котораго, и также при непмѣніи указа отъ святѣйшаго синода, не удобно на сіе рѣшиться духовному начальству. Генералъ-губернаторъ сказалъ, что онъ уже видѣлся съ оберъ-прокуроромъ общаго собранія сената, княземъ Гагаринымъ, и что сей обѣщалъ созвать сенаторовъ въ чрезвычайное собраніе; что, впрочемъ, если они не рѣшатся ни на какое дѣйствіе, то онъ полагаетъ привести къ присягѣ, по крайней мѣрѣ, губернскіе чины. На сіе архіепископъ возразилъ, что было бы не только далеко отъ точности официальной, но и неблаговидно и сомнительно для народа, если бы присягала губернія, а сенатъ не присягалъ.

«Наконецъ, когда генералъ-губернаторъ требовалъ, чтобы присяга была, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если сенатъ постановитъ о семъ опредѣленіе, и оно прочитано будетъ въ Успенскомъ соборѣ, архіепископъ не нашелъ возможнымъ отказаться отъ сего и принять на свою отвѣтственность послѣдствія сего указа. Нельзя быть одному императору въ Петербургѣ, а другому въ Москвѣ. Какъ произошла присяга въ Петербургѣ, обстоятельства сего въ Москвѣ не были извѣстны. Нельзя было думать, чтобы безъ важныхъ причинъ объявленъ былъ бездѣйственнымъ актъ, ввѣренный государственному совѣту, синоду и сенату.

Нельзя было предполагать неизвѣстность содержанія сего акта, которое хотя было закрыто печатью, однако довольно обличалось надписью на конвертѣ и, безъ сомнѣнія, благовременно объяснено знавшимъ оное и всегда вѣрнымъ исполнителемъ въ Возѣ почившаго императора, министромъ духовныхъ дѣлъ, княземъ Голицынымъ. Надобно было предположить крайне важныя причины, почему предсѣдатель государственнаго совѣта, первенствующій членъ синода и министръ юстиціи не напомнили государственному совѣту, синоду и сенату объ исполненіи, и сіи не исполнили того, что государь императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ имъ исполнить, въ случаѣ своей кончины, прежде всякаго другого дѣйствія. Сіи соображенія представлялись архіепископу повелительными, чтобы не отказываться долѣе отъ совершенія въ Москвѣ присяги, совершившейся уже въ Петербургѣ.

«Поелику нельзя было знать, рѣшится ли сенатъ постановить опредѣленіе о присягѣ, то дабы не производить неблаговременной гласности, старшему духовенству было только подтверждено собраться въ Успенскій соборъ на молебенъ 30-го ноября, въ день святого Андрея Первозваннаго обыкновенно совершаемый; а отъ генералъ-губернатора взято обѣщаніе, что о рѣшеніи сената дано будетъ въ 11 часовъ утра извѣстіе въ Чудовъ монастырь, гдѣ будетъ ожидать онаго архіепископъ. Когда получено было извѣстіе, что сенатъ составилъ опредѣленіе и идетъ къ присягѣ, тогда печальнымъ благовѣстомъ въ Успенскій колоколъ дано церковное извѣщеніе столицѣ о преставленіи благочестивѣйшаго императора Александра Павловича, и вслѣдъ за тѣмъ произошла въ Успенскомъ соборѣ предположенная присяга».

Въ сенатѣ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: генералъ-губернаторъ лично объявилъ собранію о содержаніи письма графа Милорадовича, а оберъ-прокуроръ князь Гагаринъ предложилъ заготовленное заранѣе опредѣленіе о принесеніи присяги императору Константину Павловичу. Послѣ выраженія нѣкотораго сомнѣнія все кончилось тѣмъ, что сенаторы подписали опредѣленіе и всѣ вмѣстѣ пошли въ соборъ.

Вслѣдъ за принесеніемъ присяги появился наконецъ присланный изъ Петербурга указъ сената отъ 27-го ноября.

Такимъ образомъ и въ Москвѣ принесеніе присяги императору Константину совершилось 30-го ноября (12-го декабря) 1825 года благополучно и безъ всякихъ замѣшательствъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Обратимся теперь къ тому, что происходило за это время въ Варшавѣ. Какъ только императоръ Александръ заболѣлъ въ Таганрогѣ, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ не замедлилъ сообщить въ Варшаву свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи государя; они заключались въ письмахъ на имя генерала Куруты, занимавшаго мѣсто начальника штаба у цесаревича Константина Павловича. Первый фельдъегерь съ этимъ тревожнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ, какъ разъ въ самый день кончины императора Александра въ Таганрогѣ [248].

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ барону Дибичу отъ 19-го ноября (1-го декабря) не скрылъ овладѣвшаго имъ тяжкаго предчувствія. «Несмотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ,—пишетъ Константинъ Павловичъ.—Говорю вамъ откровенно, что, повинуясь лишь внушенію моего сердца (l'inspiration de mon coeur), я отправился бы къ вамъ. Но, къ сожалѣнію, мои обязанности и мое общественное положеніе не позволяютъ мнѣ слѣдовать этимъ естественнымъ чувствамъ».

Въ это время въ Варшавѣ находился великій князь Михаилъ Павловичъ; цесаревичъ не выказалъ овладѣвшаго имъ безпокойства и скрылъ отъ него, а также и отъ супруги своей, княгини Ловичъ, тревожныя извѣстія, получавшіяся имъ изъ Таганрога, начиная съ 19-го ноября.

«Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь,—читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 23-го ноября (5-го декабря),—ибо вамъ слиш-

комъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ владыкъ и братьевъ (pour le meilleur des maîtres et des frères), чтобы вы могли въ нихъ сомнѣваться. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора, кромѣ меня, знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ [249]; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному влеченію моего сердца (l'impulsion de mon coeur), то разумѣется, давно уже былъ бы у васъ; но вы, конечно, сами можете обсудить все, что этому препятствуетъ».

Между тѣмъ фельдъегери изъ Таганрога продолжали быстро слѣдовать одинъ за другимъ, и, наконецъ, 25-го ноября (7-го декабря) въ 7 часовъ вечера цесаревичъ получилъ роковое извѣстіе о кончинѣ своего, державнаго брата; оно пришло въ Варшаву двумя днями ранѣе, чѣмъ въ Петербургъ.

Цесаревичъ излилъ первую тяжесть скорби въ объятіяхъ брата и супруги и потомъ созвалъ всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ, присланный генералъ-адъютантомъ Дибичемъ изъ Таганрога, не поколебалъ прежняго рѣшенія цесаревича отказаться отъ наслѣдованія престола, и онъ сказалъ тогда же великому князю Михаилу Павловичу: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь мой прежній образъ дѣйствія не былъ какою нибудь личиною, и продолжать съ тою же твердостію, съ которою я началъ; въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отречься отъ престола болѣе. нежели когда либо, непреложна. Приступимъ къ исполненію!» [250].

Изъ приглашенныхъ лицъ первымъ явился Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Цесаревичъ тотчасъ объявилъ ему объ утратѣ, постигшей Россію. «Какія же теперь приказанія вашего величества?»—спросилъ Новосильцевъ.—«Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула»,—возразилъ цесаревичъ и разсказалъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отрекся отъ наслѣдія престола въ пользу брата. Несмотря на данное ему предостереженіе, Новосильцевъ въ продолженіи разговора снова повторилъ тотъ же титулъ. «Въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить,—закричалъ цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ:—что теперь одинъ законный государь и императоръ нашъ—Николай Павловичъ».

Еще съ большею рѣзкостью цесаревичъ отнесся за подобное же слово къ своему адъютанту Павлу Андреевичу Колзакову. По разсказу

послѣдняго, Константинъ Павловичъ, выйдя съ заплаканными глазами изъ кабинета своего, объявилъ собравшимся о горестномъ событіи, постигшемъ его и всю Россію; онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, утирая безпрестанно платкомъ катившіяся слезы, и съ возрастающимъ волненіемъ повторялъ:

— «Нашъ ангелъ отлетѣлъ, я потерялъ въ немъ друга, благодѣтеля, а Россія отца своего».

Наконецъ, увлекаясь постепенно, цесаревичъ прибавилъ:

— «Кто насъ поведетъ теперь къ побѣдамъ, гдѣ нашъ вождь? Россія осиротѣла, Россія пропала». Затѣмъ, закрывъ лице платкомъ, Константинъ Павловичъ предался на нѣсколько минутъ величайшему горю. Всѣ присутствующіе молчали, стоя съ поникшими головами; въ это самое время Ковзаковъ, видя, что никто не рѣшается привѣтствовать новаго государя, и не зная ничего объ отреченіи его отъ престола, рѣшился, выступивъ изъ среды другихъ, сказать:

— «Ваше императорское величество, Россія не пропала, а привѣтствуетъ...», но не успѣлъ онъ докончить свою фразу, какъ великій князь, весь вспыхнувъ, бросился на него и, схвативъ его за грудь, съ гнѣвомъ вскрикнулъ:

— «Да замолчите ли вы! Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова, кто вамъ далъ право предрѣшать дѣла, до васъ не касающіяся? Вы знаете ли, чему вы подвергаетесь? Знаете ли, что за это въ Сибирь и въ кандалы сажаютъ? Извольте итти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу»[251].

Въ соотвѣтственность съ перепискою своею съ императоромъ Александромъ 1822 года по вопросу о престолонаслѣдіи, Константинъ Павловичъ велѣлъ изготовить письма къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу, въ которыхъ сказано, что цесаревичъ уступаетъ право свое на наслѣдіе престола младшему брату въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года[252]. Цесаревичъ употребилъ здѣсь выраженіе, что онъ уступаетъ престолъ великому князю Николаю Павловичу, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о существованіи государственнаго акта, облекшаго еще въ 1824 году эту уступку въ силу закона. Вотъ какими недоразумѣніями и недомолвками сопровождался таинственный и уклончивый образъ дѣйствій императора Александра въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи!

Сверхъ офиціальнаго письма, цесаревичъ написалъ еще Николаю Павловичу слѣдующее частное письмо:

«Дорогой Николай! Вы поймете по себѣ то глубокое горе, которое я долженъ испытывать вслѣдствіе ужасной потери, которую мы всѣ понесли, сколько насъ ни есть, а въ особенности я, утративъ благо-

дѣтеля и обожаемаго повелителя и любимаго брата, друга съ самаго ранняго дѣтства. Вы слишкомъ хорошо знаете, было ли счастьемъ для меня служить ему и исполнять его державную волю въ важныхъ или въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Его намѣренія и его воля были и будутъ, несмотря на то, что его не существуетъ болѣе, неизмѣнно священными для меня, и я буду повиноваться имъ до конца дней моихъ.

«Перехожу къ дѣлу и увѣдомляю васъ, что, во исполненіе воли нашего покойнаго государя, я послалъ моей матушкѣ письмо, содержащее мои непреложныя рѣшенія (mes volontés irrévocables), заранѣе одобренныя, какъ моимъ покойнымъ императоромъ, такъ и моей матушкой. Не сомнѣваясь, что вы, которые были душою и сердцемъ привязаны къ покойному императору, въ точности исполните его волю и то, что было сдѣлано съ его согласія, я приглашаю васъ, дорогой братъ, добросовѣстно сообразоваться съ этимъ и не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете это и почтите память брата, который любилъ васъ, и которому страна обязана славой и степенью возвышенія, котораго она достигла. Сохраните мнѣ вашу дружбу и ваше довѣріе, дорогой братъ, и ни на мгновеніе не сомнѣвайтесь въ моей вѣрности и моей преданности. Изъ моего офиціальнаго письма вы узнаете объ остальномъ. Это письмо передастъ вамъ мой братъ Михаилъ, и онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности, которыя можете пожелать узнать..... Не забывайте меня, дорогой братъ, и разсчитывайте на усердіе и преданность вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друга» [253].

Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ написалъ дружескія письма къ князю Волконскому и барону Дибичу, въ которыхъ говоритъ, что попрежнему остается при теперешнемъ своемъ мѣстѣ товарищемъ ихъ и потому ни въ какія распоряженія не можетъ войти, а получатъ они ихъ изъ С.-Петербурга «отъ кого слѣдуетъ». Къ этому сообщенію цесаревичъ присоединялъ еще дружескій совѣтъ о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, относиться въ С.-Петербургъ, а къ нему подобныхъ представленій не присылать.

Въ этихъ письмахъ великій князь Николай Павловичъ ни разу не названъ, такъ что прежняя таинственность въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи соблюдалась попрежнему, даже и послѣ кончины императора Александра [254].

Работа по изготовленію всѣхъ этихъ бумагъ длилась всю ночь, и когда 26-го ноября все было окончено, то цесаревичъ поручилъ великому князю Михаилу Павловичу отвезти въ С.-Петербургъ пакеты, предназначавшіеся для императрицы-матери и Николая Павловича. «Я исполнилъ свой обѣтъ и свой долгъ,—сказалъ тогда цесаревичъ брату,—печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ вѣчно неизгладимою, но, по крайней мѣрѣ, я чистъ предъ священною для меня памятью и предъ собственною совѣстію. Ты понимаешь, что уже никакая

сила не можетъ поколебать моей рѣшимости, но чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, я самого тебя къ нимъ отправляю»[255].

«Засимъ, — писалъ впослѣдствіи цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ торжественномъ объявленіи къ «любезнѣйшимъ своимъ со-

Николай Николаевичъ Новосильцевъ.

(Съ портрета Каневскаго 1832 года).

отчичамъ», найденномъ послѣ его кончины[256], — я ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній отъ вступившаго на престолъ государя императора, на томъ же мѣстѣ, гдѣ волею покойнаго государя, по долгу званія моего, находился, и по сей же самой причинѣ непремѣнною поставлялъ обязанностію исполнить то, что на случай кончины его императорскаго

величества учинить мнѣ повелѣно, дабы еще тѣмъ самымъ продлить, въ важнѣйшія минуты, дѣйствія окончившагося царствованія, сколько было для меня возможно по пораженнымъ печалію чувствамъ моимъ, которыя всѣ прочіе, высочайше ввѣренные подчиненности моей, при семъ горестномъ случаѣ раздѣляя со мною, оставались спокойными въ ожиданіи о восшествіи на престолъ манифеста о учиненіи надлежащей присяги новому законному императору Россіи .

Легко себѣ представить, послѣ всего выпесказаннаго, удивленіе, гнѣвъ и огорченіе, испытанныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, когда онъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ изъ С.-Петербурга повелѣній вступившаго на престолъ новаго государя, получилъ донесеніе, что вся Россія присягаетъ ему, какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія.

Адъютантъ великаго князя Николая Павловича, Лазаревъ, прибылъ въ Варшаву 2-го (14-го) декабря и въ половинѣ девятаго часа вечера явился къ цесаревичу съ письмомъ, сказавъ: «имѣю счастіе явиться, ваше императорское величество».

«При послѣднихъ словахъ, — пишетъ Лазаревъ въ своемъ донесеніи[257], — у его величества видна была перемѣна въ лицѣ, съ которою онъ меня и отпустилъ. Генералъ-лейтенантъ Курута, какъ видно, по приказанію его величества, разспрашивалъ меня, какъ все было, когда получили извѣстіе, и скоро ли послѣ того стали присягать войска; я сказалъ, что караулы присягали тутъ же, не опуская времени, а прочіе полки или къ присягѣ, когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, то-есть въ половинѣ четвертаго часа, на что онъ мнѣ сказалъ и очень тихо: немного поторопились. Вечеромъ хотѣли сейчасъ же меня послать обратно въ Петербургъ, но по моей болѣзни остановили это до завтрашняго утра. Отвели мнѣ во дворцѣ комнату. Два раза отъ генерала Куруты и одинъ разъ отъ его величества приходилъ ко мнѣ человѣкъ, чтобы я никуда не выходилъ и никому не показывался. Его величество изволилъ кончить свои занятія въ кабинетѣ въ половинѣ четвертаго часа пополуночи: по утру я получилъ отъ генерала то же приказаніе никому не показываться и ни съ кѣмъ не видѣться. Въ девять съ половиною часовъ я позванъ былъ къ его величеству, получилъ письмо для отправленія къ ея императорскому величеству въ собственныя руки, съ прибавленіемъ скорѣе ѣхать, никуда не заѣзжать, а прямо въ Зимній дворецъ, чтобы про письмо никто не зналъ. Отъ полученія письма, во все время, генералъ Курута не оставлялъ меня, по приказанію его величества, какъ онъ мнѣ самъ сказывалъ, и торопилъ скорѣйшимъ отъѣздомъ, приказывая мнѣ, если можно, догнать передового фельдъегеря».

Съ этою цѣлью Лазареву повелѣно было непремѣнно слѣдовать по Рижскому тракту.

Упомянутый въ запискѣ Лазарева передовой фельдъегерь везъ письмо цесаревича Константина Павловича князю Лопухину, отъ 3-го декабря 1825 года, написанное великимъ княземъ послѣ прочтенія журнала чрезвычайнаго государственнаго совѣта.

Письмо, которое Константинъ Павловичъ вручилъ Лазареву для брата, было неутѣшительнаго содержанія и не могло вывести великаго князя Николая Павловича изъ затруднительнаго положенія, созданнаго, по его иниціативѣ, повсемѣстнымъ принесеніемъ присяги въ имперіи, безъ вѣдома и согласія цесаревича.

«Вашъ адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо,—писалъ цесаревичъ 2-го (14-го) декабря 1825 года.—Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо[258] и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора. Вашъ на жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ Константинъ. (Votre aide de camp, cher Nicolas, m'a exactement remis votre lettre à son arrivée ici. Je l'ai lue avec la plus vive peine et douleur. Ma résolution est inébranlable et sanctionnée par feu mon bienfaiteur, empereur et maître. Votre invitation d'arriver au plus tôt ne peut pas être acceptée par moi et je vous déclare que je m'éloignerai encore plus si le tout ne s'arrange pas d'après les volontés de feu notre empereur. Je suis pour la vie votre fidèle et sincère ami et frère Constantin)»[259].

Что же касается письма на имя князя Лопухина, помѣченнаго 3-мъ декабря 1825 года и отправленнаго съ фельдъегеремъ нѣсколько ранѣе Лазарева, то цесаревичъ высказывалъ въ немъ въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ свое неудовольствіе государственному совѣту за принесенную незаконную присягу, противную волѣ покойнаго государя. Константинъ Павловичъ указывалъ въ письмѣ, что государственному совѣту необходимо было имѣть въ виду присягу, учиненную при восшествіи на престолъ императора Александра, «въ коей, между прочимъ, именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться долженъ, какъ его императорскому величеству Александру Павловичу, такъ и его императорскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ. Каковая присяга, будучи повторяема при производствѣ въ чины и другихъ случаяхъ, тѣмъ вящше должна быть сохраняема въ памяти каждаго вѣрноподданнаго.

«А какъ изъ раскрытыхъ бумагъ въ государственномъ совѣтѣ явно обнаружена высочайшая воля покойнаго государя императора, дабы наслѣдникомъ всероссійскаго престола быть великому князю Николаю

Павловичу, то безъ нарушенія сдѣланной присяги никто не могъ учинить иной, какъ только подлежащей великому князю Николаю Павловичу, и слѣдовательно присягу, нынѣ принесенную, ни признать законною, ни принять оную не могу: но, внимая священному долгу и глубочайшему благоговѣнію моему къ высочайшей волѣ блаженной памяти государя императора, пребываю непоколебимымъ въ моей присягѣ и той непремѣнной рѣшимости, которую изъявилъ въ письмахъ моихъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ его императорскому величеству Николаю Павловичу отъ 26-го минувшаго ноября, отправленныхъ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. При чемъ вашей свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ.

Изложивъ такимъ образомъ священную для меня волю покойнаго государя императора, долгомъ поставляю изъявить съ крайнимъ прискорбіемъ государственному совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности принесеніемъ мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе, что сіе учинено безъ моего вѣдома и согласія: а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправильна и незаконна, и-для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена его императорскому величеству Николаю Павловичу .

Если всѣ дѣйствія цесаревича по полученіи увѣдомленія о кончинѣ императора Александра были вполнѣ правильны и соотвѣтствовали обстоятельствамъ, то нельзя того же сказать относительно его послѣдующихъ распоряженій, когда изъ присланныхъ въ Варшаву донесеній оказалось, что вся Россія ему присягнула. Для спокойствія имперіи слѣдовало, конечно, позабыть личное неудовольствіе, можетъ быть, до нѣкоторой степени вполнѣ справедливое, и въ виду государственныхъ интересовъ, касавшихся уже общаго блага, пожертвовать чувствомъ личнаго самолюбія. Цесаревичу послѣ присяги 27-го ноября не оставалось другого исхода, какъ принять престолъ или же немедленно ѣхать въ Петербургъ, чтобы личнымъ присутствіемъ устранить возможныя недоразумѣнія и обезпечить спокойное воцареніе брата Николая Павловича, какъ предназначеннаго наслѣдника престола[260]. Наконецъ оставался еще одинъ исходъ: если цесаревичъ, не признавая возможнымъ объявить свою волю Россіи путемъ манифеста, рѣшился бы прислать въ Петербургъ бумагу, въ родѣ сочиненнаго имъ впослѣдствіи торжественнаго объявленія своимъ любезнѣйшимъ соотчичамъ, въ такомъ случаѣ воцареніе новаго императора совершилось бы, какъ должно полагать, безъ тѣхъ потрясеній, которыхъ справедливо опасались современники этихъ событій.

Между тѣмъ, вмѣсто выбора одного изъ указанныхъ здѣсь способовъ дѣйствій, цесаревичъ ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ своему брату, что онъ не только не намѣренъ прибыть въ Петербургъ, но еще далѣе удалится, если не будетъ приведена въ исполненіе воля

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

покойнаго императора Александра. Къ этому заявленію Константинъ Павловичъ присовокупилъ еще нѣчто въ родѣ письменнаго выговора предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Лопухину. Для довершенія всѣхъ затрудненій оба эти документы были редактированы въ такихъ выраженіяхъ, что устраняли всякую возможность къ ихъ обнародованію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Итакъ въ сущности рѣшеніе, на которомъ остановился цесаревичъ, сводилось къ слѣдующему: я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ края! Въ подобномъ мнѣніи Константинъ Павловичъ окончательно утвердился, прочитавъ неизвѣстный ему дотолѣ манифестъ императора Александра 1823 года, узаконявшій отреченіе цесаревича, совершившееся въ 1822 году. Слѣдовательно, послѣ отправленія Лазарева съ письмомъ цесаревича къ великому князю Николаю Павловичу, дѣло о престолонаслѣдіи не подвинулись ни на шагъ впередъ, и все оставалось въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи; поэтому междуцарствіе съ двумя императорами должно было естественнымъ образомъ продолжаться до какихъ нибудь новыхъ окончательныхъ рѣшеній, которыя предстояло принять въ Варшавѣ или же въ Петербургѣ.

Для полной характеристики воззрѣній цесаревича Константина Павловича на положеніе дѣлъ въ Россіи, опредѣлившееся присягою 27-го ноября, остается еще привести переписку его съ дежурнымъ генераломъ А. Н. Потаповымъ.

8-го (20-го) декабря 1825 года Потаповъ писалъ генералу Курутѣ:

«Почтеннѣйшій благодѣтель Дмитрій Дмитріевичъ! Неужель государь оставитъ насъ? Онъ вѣрно не изволитъ знать, что Россія богоотворитъ его и ожидаетъ, какъ ангела хранителя своего! Почтеннѣйшій Дмитрій Дмитріевичъ, доложите государю, молите его за всѣхъ насъ! Спасите Россію! Онъ—отецъ Россіи, онъ не можетъ отказаться отъ нея, и если мы осиротѣвшіе будемъ несчастны, онъ Богу отвѣчать будетъ. Умоляющій васъ и преданный вамъ Алексѣй Потаповъ»[261].

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ, написанный Курутой, по порученію цесаревича:

«Его императорское высочество цесаревичъ приказалъ вамъ отвѣчать, что онъ ваше письмо ко мнѣ отъ 8-го сего декабря читалъ, и приказалъ вамъ сказать: что русскій долженъ повиноваться непрекословно,—тѣхъ, кто свою присягу государю покойному забыли, онъ ихъ не знаетъ и знать не будетъ, пока ея въ полной силѣ не исполнятъ. Великій князь цесаревичъ ея никогда не забывалъ и остался непоколебимъ къ оной. Воля покойнаго государя есть и будетъ священна. Россія будетъ спасена тогда только, ежели своевольства въ ней не будетъ, и всякій будетъ исполнять долгъ своей присяги законной; отъ всѣхъ прочихъ дѣйствій великій князь цесаревичъ чуждъ и знать ихъ не хочетъ»[262].

Не дождавшись отвѣта изъ Варшавы, генералъ Потаповъ въ пылу вѣрноподданническаго усердія написалъ 10-го (22-го) декабря новое письмо, обращенное уже прямо къ императору Константину. Это письмо, по содержанію своему отражая настроеніе нѣкоторыхъ слоевъ общества этой эпохи, заслуживаетъ полнаго вниманія:

«Простите, всемилостивѣйшій государь,—писалъ Потаповъ,— что осмѣливаюсь безпокоить васъ сими строками: ихъ внушила мнѣ безпредѣльная къ вамъ преданность. Ваше императорское величество уже изволите быть извѣстны, что вся здѣшняя столица, войска и вся имперія, съ самаго полученія горестнаго извѣстія о кончинѣ блаженной памяти государя, учинили единодушно присягу на вѣрность подданства вашему величеству.

«Государь! я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ усердіемъ всѣ сословія — воины и граждане—исполняли сей священный долгъ. Ручаюсь жизнію, сколь ни болѣзненна потеря покойнаго императора, но нѣтъ ни единаго изъ вашихъ подданныхъ, который бы по внутреннему своему убѣжденію не радовался искренно, что Провидѣніе ввѣрило судьбу Россіи вашему величеству, и который бы не признавалъ восшествія вашего на престолъ залогомъ своего частнаго и общаго благоденствія.

«Одушевляясь симъ общимъ чувствомъ, всѣ находящіяся здѣсь войска, государственные чины и всѣ вообще жители, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали скораго вашего прибытія. Доколѣ не прошло время, необходимое для отправленія къ вамъ донесенія объ учиненіи здѣсь присяги и для полученія отзыва вашего величества, каждый оставался спокоенъ, ожидая со дня на день радостнаго о прибытіи вашемъ извѣстія. Послѣдовавшія затѣмъ объявленія въ вѣдомостяхъ о вожделѣнномъ здравіи вашего величества еще болѣе оживляли всѣ надежды.

«Но когда возвратившіеся сюда курьеры, коихъ донесенія сохраняются въ тайнѣ, не оправдали нашего ожиданія, то недоумѣнія о причинахъ, по коимъ изволите медлить пріѣздомъ вашимъ въ здѣшнюю столицу, стали поселять во всѣхъ невольное опасеніе, которое съ каждымъ днемъ возростаетъ и производитъ во всѣхъ классахъ народа различныя сужденія. Каждый дѣлаетъ предположенія по своему понятію, и горестное жестокое чувство неизвѣстности о собственной судьбѣ переходитъ отъ одного къ другому. Таковое смущеніе умовъ въ столицѣ, безъ сомнѣнія, перельется скоро и въ другія мѣста имперіи, толки увеличатся, и отчаяніе можетъ даже возродить неблагонамѣренныхъ, болѣе или менѣе для общей тишины опасныхъ. Словомъ, дальнѣйшее медленіе ваше, государь, пріѣздомъ сюда обниметъ ужасомъ всѣхъ, питающихъ чистое усердіе къ вамъ и Россіи.

«При такомъ положеніи вещей должны ли молчать предъ вашимъ величествомъ тѣ, которымъ ближе другихъ извѣстны свойства ваши, государь! Не говоритъ вамъ о благѣ и спокойствіи государства, когда они знаютъ твердо, что счастіе подданныхъ вашихъ для васъ драгоцѣнно. Всѣ преданные вашему величеству, видя непреложные знаки общей къ вамъ любви, рѣшились вмѣстѣ со мною довести до свѣдѣнія вашего все изложенное здѣсь и избрали меня истолкователемъ предъ вами едино-

душнаго нашего чувствованія. Изъ глубины горящихъ къ вамъ искреннею приверженностію сердецъ нашихъ мы взываемъ къ вамъ, государь! Поспѣшите пріѣздомъ вашимъ въ здѣшнюю столицу. Явитесь предъ гвардіею, оживотворите народъ! Всѣ съ восторгомъ встрѣтятъ васъ, всемилостивѣйшій государь! Положите предѣлъ тягостному нашему состоянію»[263].

Прочитавъ эти строки, цесаревичъ разгнѣвался не на шутку и, возвративъ генералу Потапову письмо обратно съ надраніемъ, какъ принято было выражаться во времена императора Павла I, присовокупилъ еще нижеслѣдующій отвѣтъ, выясняющій въ полной мѣрѣ политическіе взгляды Константина Павловича на тотъ жгучій вопросъ, который затронутъ былъ съ такою настойчивостью дежурнымъ генераломъ въ приведенномъ нами письмѣ его.

Изъ одного уваженія къ вамъ, Алексѣй Николаевичъ, — пишетъ цесаревичъ 16-го (28-го) декабря 1825 года, — распечаталъ я письмо, которое вы мнѣ прислали съ неподлежащею надписью. Я чуждъ всѣхъ дѣйствій противозаконныхъ. Явленіе предъ гвардіею, народомъ и тому подобное, суть дѣйствія, которыя я воздерживаюсь назвать истиннымъ словомъ сему роду поступковъ принадлежащихъ. Жалѣю весьма что вы, зная меня столь съ давняго времени, думали найти во мнѣ готовность сему образу дѣйствій поддаться. Умалчиваю, сколь мнѣ больно лично, что досель меня не знали, одно мнѣ остается сдѣлать изъ уваженія къ вамъ, то-есть, напомнить долгъ вашей присяги къ покойному государю и возвратить къ вамъ ваше письмо разодранное для уничтоженія, дабы тѣмъ очистить совѣсть вашу, ибо писано въ духѣ заблужденія и подъ личиною усердія оказующаго духъ неповиновенія и отступленіе отъ долга обязанностей вашихъ. Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей и священной власти».

Въ этихъ немногихъ словахъ вполнѣ обрисовывается личность цесаревича Константина Павловича и свойственный ему, согласно опредѣленію графини Нессельроде, «деспотическій вихрь (un ouragan despote)». «Безмолвное повиновеніе», — вотъ въ чемъ заключался бы лозунгъ Константиновскаго царствованія.

Когда стало извѣстно, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не принимаетъ присяги и отказывается прибыть въ Петербургъ и издать манифестъ о своемъ отреченіи, графъ Милорадовичъ, проходя въ своихъ комнатахъ, остановился передъ портретомъ Константина и, обратившись къ полковнику Федору Глинкѣ, сказалъ: «я надѣялся на него, а онъ губитъ Россію»[264].

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Я нижеимянованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссійскаго Престола Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ Чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя вести и поступать, какъ вѣрному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежитъ. и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

II.

Положеніе великаго князя Николая Павловича, послѣ опрометчивой присяги 27-го ноября, было крайне затруднительное. Изъ Варшавы не было никакихъ извѣстій; никто не зналъ даже, гдѣ находился императоръ Константинъ, оставался ли онъ въ Варшавѣ, или уѣхалъ въ Таганрогъ, или же направился въ Петербургъ. Столица имперіи представляла тогда странное зрѣлище. Наступило тяжелое время междуцарствія, во время котораго въ правительственныхъ сферахъ и среди общества господствовали чувства полнѣйшаго недоумѣнія. Былъ государь названный, но не было дѣйствительнаго, и никто не зналъ, кто имъ будетъ.

Вскорѣ въ Петербургъ начали стекаться извѣщенія о принесеніи присяги въ различныхъ частяхъ имперіи. Ранѣе прочихъ поступило донесеніе о присягѣ, совершившейся въ корпусѣ военныхъ поселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Аракчеевъ, увѣрявшій императора Александра, что онъ по тяжкому разстройству здоровья никакого соображенія не можетъ сдѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, и думаетъ только объ одномъ—-пожить въ уединеніи ближе къ Фотію, вдругъ, по воцареніи императора Константина, разомъ освободился отъ своихъ недуговъ и 30-го ноября (12-го декабря) донесъ изъ Новгорода новому государю: «Получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній» [265].

Въ ночь съ 6-го на 7-е (19-е) декабря, графъ Аракчеевъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и остановился въ своемъ домѣ, но никого не принималъ.

2-го (14-го) декабря, въ С.-Петербургѣ получено было донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго изъ Финляндіи, что войска, сенатъ и прочія мѣста въ княжествѣ приведены къ присягѣ по формѣ, въ Россіи установленной, безъ всякаго упоминанія о конституціи. Наконецъ, 3-го (15-го) декабря, адъютантъ московскаго генералъ-губернатора привезъ извѣстіе, что въ первопрестольной столицѣ присяга состоялась въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ; пакетъ же, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго повелѣнія.

Только въ польской арміи и въ литовскомъ корпусѣ, находившихся подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, присяги, конечно, не состоялось. Относительно литовскаго корпуса генералъ Курута донесъ рапортомъ 3-го (15-го) декабря, что по повелѣнію его высочества цесаревича отношеніе и при ономъ приложенные два печатные листа (сенатскій указъ и присяжный листъ) возвращаются, и что по оным по войскамъ литовскаго корпуса никакого исполненія не сдѣлано .

Въ виду полнѣйшаго отсутствія всякихъ признаковъ жизни со стороны новаго императора, на великаго князя Николая Павловича, какъ

на единственаго представителя императорскаго дома мужескаго пола, находившагося въ С.-Петербургѣ, выпадала совершенно исключительная и отвѣтственная роль. Чтобы быть ближе къ своей родительницѣ, онъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ тотчасъ послѣ событій 27-го ноября; не считая приличнымъ показываться въ публикѣ, при наступившихъ тогда печальныхъ обстоятельствахъ, Николай Павловичъ почти не выходилъ изъ дворца и допускалъ къ себѣ весьма немногихъ лицъ.

Въ своихъ запискахъ о 14-мъ декабря и предшествовавшихъ ему событіяхъ Николай Павловичъ пишетъ: «Надо было рѣшиться или оставаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ, по званію ихъ, власть находилась. Въ первомъ случаѣ, соблюдая форму по совѣсти, я бы грѣшилъ, допуская дѣламъ искажаться, можетъ быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названіе эгоиста: во второмъ случаѣ я жертвовалъ собою, съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе[233]. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божію я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ графъ Милорадовичъ, увѣрялии и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ».

Наконецъ, рано утромъ 3-го (15-го) декабря, великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ С.-Петербургъ.

Населеніе столицы было оповѣщено о пріѣздѣ великаго князя слѣдующимъ сообщеніемъ, появившимся 3-го же декабря въ видѣ прибавленія къ газетамъ:

«Ея величество государыня императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы его высочества государя великаго князя Михаила Павловича, который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти императора Александра Павловича».

Къ этому извѣщенію сочли нужнымъ прибавить еще слѣдующія строки:

«Его величество государь императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи».

Покинувъ Варшаву, какъ выше упомянуто, 26-го ноября, великій князь слѣдовалъ въ С.-Петербургъ черезъ Шавли, Митаву и Ригу. На всемъ протяженіи пути до Митавы никто не зналъ еще о кончинѣ импе-

ратора Александра. Въ Митавѣ Михаилъ Павловичъ сообщилъ объ этомъ командиру 1-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту Наскевичу. Но затѣмъ великій князь, въ свою очередь, былъ пораженъ совершенно неожиданною вѣстію; одинъ проѣзжій разсказалъ свитѣ, что въ С.-Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ императора Александра сопровождалось при-

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

(Съ портрета, рисованнаго съ натуры на камнѣ Клемомъ).

сягою императору Константину. Что же будетъ при второй присягѣ другому, подумалъ великій князь, будучи твердо убѣжденъ въ непреклонномъ рѣшеніи брата не принимать царскаго вѣнца.

Послѣ краткаго свиданія съ своею супругою Михаилъ Павловичъ поспѣшилъ въ Зимній дворецъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. При слухѣ о его пріѣздѣ первое возбужденное общимъ любопытствомъ дви-

женіе всѣхъ было броситься во дворецъ, чтобы узнать, присягнулъ ли Михаилъ Павловичъ императору Константину.—«Нѣтъ», — отвѣчали возвратившіяся изъ Варшавы лица великокняжеской свиты.

«Матушка заперлась съ Михаломъ Павловичемъ, — пишетъ Николай Павловичъ, — я ожидалъ въ другомъ покоѣ, и ожидалъ рѣшенія своей участи— минута непзгладимая! Наконецъ, дверь отперлась, и матушка мнѣ сказала: «Eh bien, Nicolas, prosternez vous devant votre frère, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône». Признаюсь мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ виноѵсь; но я себя спрашивалъ: кто большую приноситъ изъ насъ двухъ жертву? тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство отцовское, подъ предлогомъ своей неспособности, и который, разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ, или тотъ, который вовсе не готовился къ званію, на которое, по порядку природы, вовсе не имѣлъ никакого права, которому воля братская была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого! Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10 лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ гораздо тягче. Я отвѣчалъ матушкѣ: «Avant de me prosterner, maman, veuillez me permettre de savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand, de celui qui refuse, ou de celui qui accepte dans de pareilles circonstances!»

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Николай Павловичъ оцѣнивалъ свое положеніе, когда онъ въ 1835 году писалъ свои воспоминанія о событіяхъ 14-го декабря.

Пріѣздъ великаго князя Михаила Павловича, привезенныя имъ бумаги и словесныя объясненія не могли, однако, привести къ концу водворившееся междуцарствіе: спорный вопросъ попрежнему оставался открытымъ. Дѣйствительно, дѣло нельзя было признать окончательно рѣшеннымъ даже и по полученіи офиціальныхъ писемъ цесаревича, главнѣйшимъ образомъ потому, что они были отправлены изъ Варшавы прежде полученія извѣстія о принесенной императору Константину присягѣ.

По словамъ Николая Павловича, на присягу не было еще отвѣта изъ Варшавы, и не существовало акта, который удостовѣрилъ бы народъ, что воля цесаревича не измѣнилась, и что отреченіе, оставшееся при жизни императора Александра тайной, служитъ и нынѣ выраженіемъ его непремѣнной воли.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, изъявляя сожалѣніе о всемъ совершившемся въ С.-Петербургѣ 27-го ноября, вполнѣ присоединился къ

мѣнію своего брата, что вопросъ нельзя признать рѣшеннымъ; онъ не скрылъ своихъ опасеній относительно затрудненій, могущихъ сопровождать принесеніе новой присяги, и говорилъ о трудности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ народѣ и въ войскѣ основанія и правоту этихъ, какъ онъ ихъ называлъ, домашнихъ сдѣлокъ[267].

Николай Павловичъ повторилъ при этомъ случаѣ сказанное имъ уже ранѣе, что не могъ дѣйствовать иначе въ томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ 27-го ноября тайною актовъ покойнаго государя.

Послѣ долгихъ совѣщаній Николай Павловичъ остался при томъ мнѣніи, что брату слѣдовало объявить всенароднымъ манифестомъ, что, оставаясь непреклоннымъ въ прежнемъ отреченіи, освященномъ послѣднею волею императора Александра, онъ снова повторяетъ его предъ лицемъ всей Россіи, отклоняя и разрѣшая принесенную ему присягу. «Все впрочемъ,—прибавилъ Николай Павловичъ,—могло бы еще поправиться и получить оборотъ болѣе благопріятный, если бы цесаревичъ самъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, и только упорство его оставаться въ Варшавѣ будетъ причиною несчастій, которыхъ возможности я не отвергаю, но въ которыхъ, по всей вѣроятности, самъ первый и паду жертвою»[268].

Наконецъ, Николаю Павловичу удалось убѣдить императрицу Марію Ѳеодоровну, что бумагъ, присланныхъ цесаревичемъ, нельзя обнародовать безъ явной опасности, и что должно непремѣнно вторично убѣдить брата прибавить къ нимъ другой актъ въ видѣ манифеста, который рѣшилъ бы окончательно спорный вопросъ, кому царствовать. Въ этомъ смыслѣ рѣшили написать цесаревичу письма императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Николай Павловичъ. Оба письма были отправлены въ Варшаву съ фельдъегеремъ Бѣлоусовымъ 3-го (15-го) декабря.

Содержаніе письма великаго князя Николая Павловича было слѣдующее:

«Припадая къ стопамъ вашимъ, какъ братъ, какъ подданный, я молю васъ о прощеніи, о благословеніи, дорогой, дорогой Константинъ; рѣшайте мою судьбу, приказывайте вашему вѣрному подданному и разсчитывайте на его безпрекословное послушаніе. Что же, великій Боже, я могу сдѣлать, что могу сказать вамъ? Вы имѣете мою присягу, я вашъ подданный, я могу лишь покориться и повиноваться вамъ; я сдѣлаю это, потому что таковъ мой долгъ, ваша воля моего владыки, моего государя, и который никогда не перестанетъ быть имъ для меня; но сжальтесь надъ несчастнымъ, единственное утѣшеніе котораго заключается въ убѣжденіи, что онъ исполнилъ свой долгъ и заставилъ другихъ сдѣлать то же самое; но если я и былъ не правъ, то я слѣдовалъ лишь чувству моего сердца, чувству, слишкомъ вкоренившемуся, слиш-

комъ глубоко запечатлѣвшемуся въ моей душѣ съ самаго дѣтства, чтобы я могъ когда либо хоть на одно мгновеніе отрѣшиться отъ него, чувству, которое стало лишь болѣе священнымъ въ моихъ глазахъ послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ моего благодѣтеля и о вашихъ!

«Онъ, который видитъ насъ, который судитъ насъ, потому что онъ читаетъ въ глубинѣ нашихъ душъ, я призываю его, этого ангела, нашего благодѣтеля, и пусть онъ будетъ судьей между нами. Могъ ли я по человѣческимъ понятіямъ поступить иначе, могъ ли я, даже забывая свою честь, свою совѣсть, могъ ли я рисковать положеніемъ государства, этого обожаемаго отечества? Такимъ образомъ я исполнилъ свой долгъ и передъ вами, моимъ государемъ, и передъ моимъ отечествомъ, долгъ священный, но и ничего болѣе, какъ долгъ, такъ какъ у меня не было никакой задней мысли; увы, я васъ зналъ достаточно, чтобы не сомнѣваться, къ какому я приду результату, но, по крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь надѣяться, что вы не могли бы оскорбить меня, допуская возможность съ моей стороны другого образа дѣйствій. Теперь же съ чистою душею передъ вами, мой государь, передъ Богомъ, моимъ Спасителемъ, и передъ тѣмъ ангеломъ, которому я обязанъ былъ воздать этотъ долгъ, это обязательство, подыщите слово, какое хотите, я чувствую, но не могу выразить это, спокойно и безропотно покоряюсь я вашей волѣ и повторяю вамъ здѣсь клятву передъ Богомъ исполнить вашу волю, какъ бы тягостна она ни была для меня. Я не могу сказать вамъ ничего большаго: такъ я исповѣдался передъ вами, какъ бы передъ самимъ Богомъ.

«Здѣсь все въ порядкѣ: вамъ уже извѣстно, что Москва выполнила свой долгъ. Графъ Аракчеевъ вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей; онъ и его корпусъ также исполнили свой долгъ. Матушка чувствуетъ себя хорошо, несмотря на всѣ удары, ниспосланные ей Провидѣніемъ, да сохранитъ ее Господь! Ради Бога пріѣзжайте. (Arrivez au nom de Dieu).

Моя жена обнимаетъ васъ. Умоляю васъ повергнуть меня къ колѣнямъ, къ стопамъ Жанеты, моей доброй, дорогой сестры. Моя жизнь порукой вамъ за мою покорность волѣ самаго дорогого, самаго уважаемаго изъ братьевъ и друзей.

«Вашъ покорный Николай»[269].

До полученія окончательнаго отвѣта отъ цесаревича рѣшено было письма, полученныя изъ Варшавы, хранить въ тайнѣ. «Но какъ было уяснить намъ молчаніе передъ публикой?—пишетъ Николай Павловичъ,—нетерпѣніе и неудовольствіе были велики и весьма основательны. Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство непринесяги Михаила Павловича навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Кон-

стантина Павловича..... время сего ожиданія можно считать подходящимъ междуцарствію, ибо повелѣній отъ императора, которому присяга принесена была, по расчету времени должно было получить, но ихъ не приходило; дѣла остановились совершенно».

Къ довершенію общаго недоумѣнія стало извѣстнымъ, что Михаилъ Павловичъ выѣхалъ изъ Варшавы по полученіи цесаревичемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра; поэтому догадки о таинственныхъ причинахъ явнаго всѣмъ бездѣйствія правительства вскорѣ привели къ тому, что трудно было объяснить уклоненіе Михаила Павловича отъ присяги императору, котораго признала вся Россія. Постепенно стали распространяться слухи объ отреченіи цесаревича Константина Павловича отъ престола, и что императоромъ будетъ не то лицо, которому принесена была присяга 27-го ноября. «При дворѣ и въ публикѣ возникаютъ нѣкоторыя соображенія и сомнѣнія насчетъ будущаго», писалъ 3-го (15-го) декабря дежурный генералъ Потаповъ барону Дибичу.

При этихъ обстоятельствахъ дальнѣйшее присутствіе Михаила Павловича становилось тягостнымъ и для него и для всей царственной семьи. Чтобы избавить великаго князя отъ этого двусмысленнаго положенія, рѣшено было отправить его въ Варшаву, подъ предлогомъ личнаго успокоенія брата насчетъ здоровья ихъ родительницы, а въ сущности для убѣжденія цесаревича прибыть въ Петербургъ. Но чтобы не разъѣхаться въ пути съ какими нибудь важными сообщеніями изъ Варшавы, императрица Марія Ѳеодоровна снабдила великаго князя открытымъ предписаніемъ слѣдующаго содержанія:

«Предъявитель сего открытаго предписанія его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ, любезнѣйшій мой сынъ, уполномоченъ мной принимать моимъ именемъ и распечатывать всѣ письма, пакеты и прочее, отъ государя императора Константина Павловича ко мнѣ адресованные.

«Марія»[270].

Михаилъ Павловичъ отправился въ путь послѣ обѣда 5-го (17-го декабря.

Въ этотъ же день въ прибавленіи къ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 146 напечатано было слѣдующее извѣщеніе:

«Государыня императрица Марія Ѳеодоровна, желая успокоить государя императора насчетъ здоровья ея величества, рѣшилась послать его высочество великаго князя Михаила Павловича съ извѣстіемъ объ ономъ къ государю императору»[271].

Отпуская сына, императрица сказала ему:

— «Quand vous verrez Constantin, dites et répétez lui bien, que si 'lon en a agi ainsi, c'est parce que autrement le sang aurait coulé».

— «Il n'a pas encore coulé, mais il coulera»,—отвѣчалъ великій князь въ печальномъ предчувствіи[272].

8-го (20-го) декабря, Михаилъ Павловичъ писалъ великому князю Николаю Павловичу со станціи Ненналь[273]:

«Пріѣхавъ на станцію Ранна-Шунгеринъ, встрѣтилъ я, любезный Николай, фельдъегеря изъ Варшавы съ письмомъ къ князю Лопухину и, увидѣвъ на конвертѣ: отъ его императорскаго высочества цесаревича, я сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло; между тѣмъ узналъ отъ него, что Лазаревъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и потому я взялъ сего фельдъегеря съ собою, покуда не встрѣчу Лазарева. Что написано князю Лопухину, того не знаю, ибо не имѣю права ихъ отворять. Въ Ненналѣ нашелъ я Лазарева, который и подалъ мнѣ пакетъ, у него бывшій, на имя матушки; ты изъ письма Константина Павловича увидишь все его мнѣніе, которое по содержанію почти согласно съ тѣмъ, что я тебѣ говорилъ. Теперь, не зная, какія мѣры будутъ взяты въ Петербургѣ, я думаю, что хорошо мнѣ будетъ здѣсь оставаться и ждать твоихъ повелѣній, ибо, бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывало; можетъ быть, угодно будетъ матушкѣ и тебѣ еще новое что нибудь отправить къ брату. Увѣрьте себя, что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно. Два или три дня разницы пріѣзда моего въ Варшаву ничего не сдѣлаетъ, ибо Опочининъ уже, конечно, все сказалъ. Сдѣлай милость, чтобы приказанія ко мнѣ дошли какъ можно скорѣе. Прощай, твой навѣки

«Михаилъ».

Съ письмомъ Михаила Павловича прибылъ въ Петербургъ 9-го (21-го) декабря адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ, который привезъ письмо цесаревича отъ 2-го (14-го) декабря, уже выше приведенное нами; оно, конечно, не могло положить предѣлъ возворившемуся междуцарствію[274].

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукахъ Николая Павловича оказался также рескриптъ цесаревича на имя князя Лопухина отъ 3-го декабря, представлявшій собою, по словамъ великаго князя, «родъ выговора князю Лопухину, какъ предсѣдателю государственнаго совѣта». Дать этому документу гласность признано было невозможнымъ. Великій князь оставилъ его у себя. Итакъ, Николаю Павловичу оставалось еще ожидать возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова съ отвѣтомъ на письмо, отправленное къ цесаревичу 3-го (15-го) декабря.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться еще новое осложненіе.

12-го (24-го) декабря, въ субботу, часовъ въ шесть утра, великаго князя Николая Павловича разбудили извѣстіемъ, что пріѣхалъ изъ Таганрога и желаетъ его видѣть полковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, баронъ Фредериксъ, исправлявшій при императорѣ Александрѣ должность коменданта [275]. Онъ привезъ пакетъ отъ начальника главнаго

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

штаба, барона Дибича, о самонужнѣйшемъ и адресованныхъ: Его императорскому величеству. Отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ въ собственныя руки».

На вопросъ великаго князя, знаетъ ли онъ о содержаніи пакета, Фредериксъ, отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что по неизвѣстности въ Таганрогѣ мѣстопребыванія государя такой же пакетъ посланъ въ Варшаву, а ему приказано только, если бы его величества не было

еще въ Петербургѣ, вручить пакетъ его высочеству съ просьбою распечатать его.

«Заключивъ изъ сего, — пишетъ Николай Павловичъ, — что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности, я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться. Вскрыть пакетъ на имя императора былъ поступокъ столь отважный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью, къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе — и пакетъ вскрыть! Пусть изобразятъ себѣ, что должно было произойти во мнѣ, когда, бросивъ глаза на включенное письмо отъ генерала Дибича, видѣлъ, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространялись черезъ всю имперію отъ Петербурга на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ я въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты, съ полною властью, съ опытностью, съ рѣшимостью: я не имѣлъ ни власти, ни права, на случай могъ только дѣйствовать черезъ другого, изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося, безъ увѣренности, что совѣту моему послѣдуютъ, и притомъ чувствовалъ, что тайну подобной важности должно было напищательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ матушки, дабы ея не испугать или преждевременно заговорщикамъ не открывать, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться — одному. совершенно одному безъ совѣта!»

Въ письмѣ генералъ-адъютанта барона Дибича, приложенномъ къ всеподданнѣйшему докладу, онъ обращался къ великому князю Николаю Павловичу, уже какъ къ императору; оно было помѣчено 4-мъ декабря и заключалось въ слѣдующемъ:

«Всемилостивѣйшій государь.

«Въ бѣдственномъ случаѣ, насъ постигшемъ, я по вѣрноподданнѣйшей обязанности моей долженъ былъ о послѣдовавшей кончинѣ всемилостивѣйшаго государя нашего донести его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко старшему брату покойнаго императора и, слѣдовательно, по существующему закону, наслѣдующему всероссійскимъ престоломъ: ибо, кромѣ сего закона, мнѣ прежде, такъ и нынѣ, совершенно неизвѣстны никакія другія государственныя на сей предметъ положенія.

«Но на рапортъ мой я получилъ сего 4-го декабря отъ его императорскаго высочества цесаревича письмо, въ коіи при семъ прилагаемое, въ которомъ изволитъ совѣтовать мнѣ обо всѣхъ предметахъ, требующихъ высочайшихъ разрѣшеній, относиться въ С.-Петербургъ. Почему, слѣдуя тому же самому закону, я мню послѣ его императорскаго вы-

сочества цесаревича видѣть въ вашемъ императорскомъ величествѣ моего всемилостивѣйшаго государя и съ покорностію буду ожидать высочайшихъ повелѣній вашего величества, надѣясь притомъ, что ваше величество простите мнѣ, если въ семъ необычайномъ и трудномъ положеніи моемъ сдѣлалъ какую либо ошибку. Будучи впрочемъ совершенно покойнымъ въ совѣсти моей, ибо при семъ несчастномъ случаѣ во всѣхъ поступкахъ моихъ я имѣлъ единственную цѣль—сохранить долгъ вѣрноподданной моей обязанности къ высочайшему престолу.

«Слѣдуя сему же самому долгу моему, я почитаю священнѣйшею обязанностію, не теряя ни малѣйшаго времени, донести вашему императорскому величеству чрезъ посылаемаго нарочнымъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса объ одномъ чрезвычайно важномъ случаѣ, касающемся до благосостоянія и спокойствія государства и не терпящемъ никакого отлагательства.

«Изъ приложеннаго при семъ доклада моего изволите усмотрѣть, всемилостивѣйшій государь, всю важность сего предмета и тѣ мѣры, къ коимъ на первый разъ я счелъ необходимымъ взять рѣшимость, предавая дальнѣйшія распоряженія въ волю и благоусмотрѣніе вашего величества. Тайну, въ семъ докладѣ содержащуюся, я почитаю столь великою, что не открылъ сіе и представляющему сіе вашему величеству полковнику Фредериксу, ибо по отдаленности вашего величества и невозможности получить въ скоромъ времени вашихъ приказаній я долженъ былъ, какъ въ семъ, такъ и вообще въ принятыхъ мною по сему случаю рѣшимостяхъ, слѣдовать даннымъ мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, при отправленіи лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, наставленіямъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и вѣрноподданническою преданностію имѣю счастіе быть и проч.».

Приложенный къ письму барона Дибича всеподданнѣйшій докладъ заключалъ въ себѣ свѣдѣнія по доносамъ, сдѣланнымъ унтеръ-офицеромъ 3-го Украинскаго уланскаго полка Шервудомъ[276] и капитаномъ Вятскаго полка Майбородою, равно какъ указанія главнѣйшихъ мѣропріятій, послѣдовавшихъ со стороны начальника главнаго штаба въ Таганрогѣ, въ виду разоблаченій поименованныхъ лицъ.

Всѣ эти обстоятельства великій князь Николай Павловичъ впервые узналъ изъ донесенія барона Дибича; императоръ Александръ всѣ полученныя свѣдѣнія тщательно скрывалъ отъ намѣченнаго имъ наслѣдника престола и, покидая Петербургъ, оставилъ брата въ совершенномъ невѣдѣніи относительно приближавшейся грозы, готовой подорвать въ корнѣ спокойствіе имперіи. Неудивительно, что при первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскрытыхъ бумагъ Николая Павловича объялъ несказанный ужасъ, какъ пишетъ баронъ Корфъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хотя всеподданѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Дибича отъ 4-го (16-го) декабря 1825 года и былъ напечатанъ нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ Первый», но по важности его содержанія и тѣсной связи съ событіями, сопровождавшими воцареніе императора Николая Павловича, считаемъ необходимымъ воспроизвести здѣсь снова этотъ историческій документъ. Докладъ Дибича послужилъ исходной точкой начавшагося вскорѣ дѣла декабристовъ, а поэтому для лучшаго выясненія замысловъ декабристовъ дополнимъ его въ настоящемъ трудѣ нѣкоторыми важнѣйшими приложеніями.

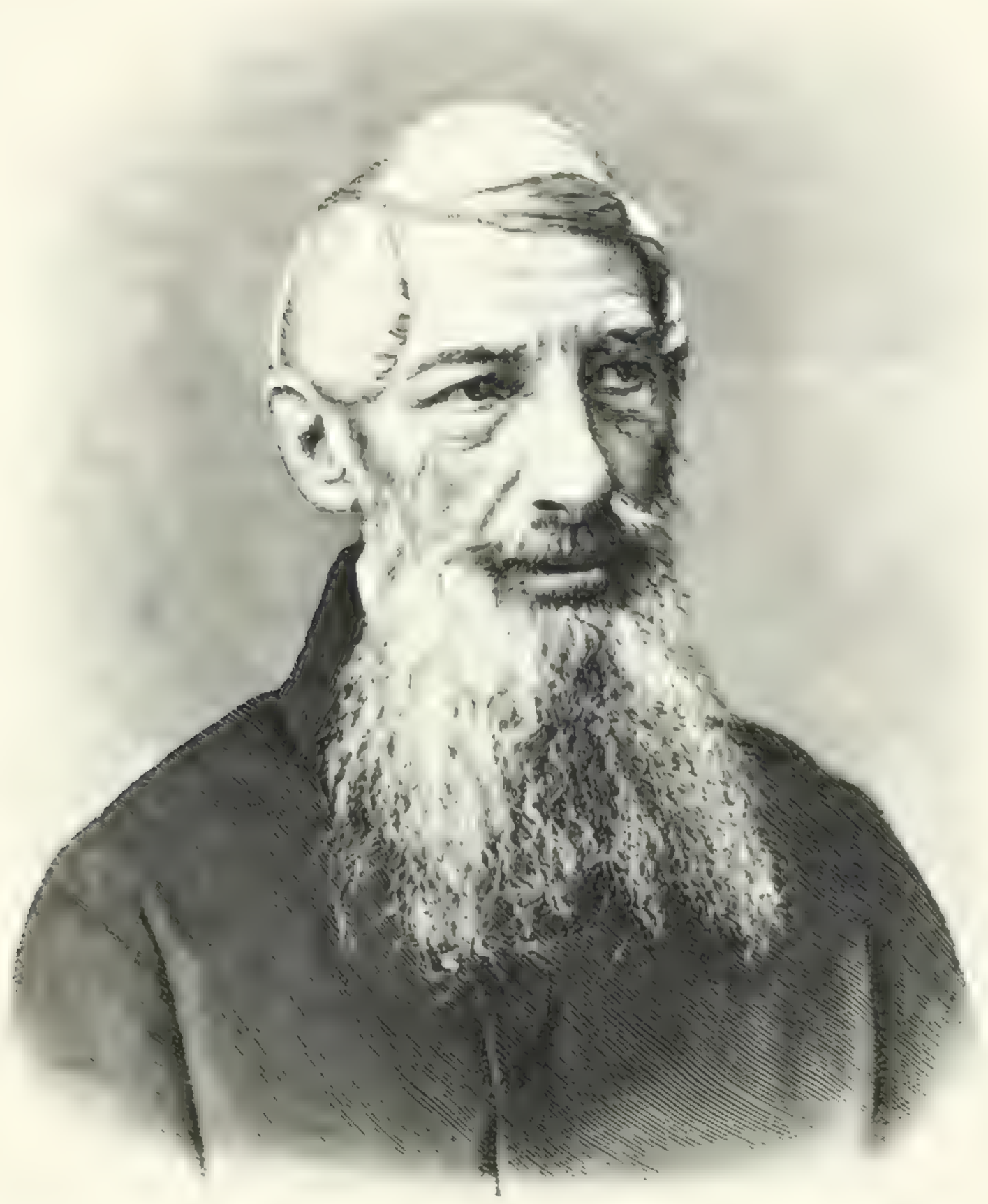
«Въ прошедшее лѣто,—писалъ баронъ Дибичъ,—3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ[277] въ письмѣ, на высочайшее имя и въ собственныя руки писанномъ, объявилъ, что онъ имѣетъ открыть важный секретъ. Будучи по высочайшему повелѣнію, по распоряженію генерала графа Аракчеева, привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ, что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ времени до времени увеличивается, и что оно имѣетъ особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ конно-егерскомъ полку прапорщикъ Вадковскій (выписанный за дерзкій разговоръ изъ Кавалергардскаго полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу, живущими въ Харьковѣ, графами Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

«Положено было дать ему отпускъ на годъ, будто за то, что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика Свиньина, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себѣ выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подозрѣніе найдено было неосновательнымъ. Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ большему открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

«Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ графу Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по пріѣздѣ въ Харьковъ былъ у графа Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его, графа Андрея, что онъ объявилъ имъ о взятіи его по подозрѣнію по дѣлу Свиньина, что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣетъ отвѣта на три просьбы, на высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, объ обществѣ отозвался графъ Булгари незнаніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ, графъ Андрей Булгари, спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Николая Булгари,

служащаго въ лейбъ-кирасирскомъ ея величества полку поручикомъ, что прапорщикъ Вадковскій въ семъ обществѣ.

«Шервудъ поѣхалъ прямо къ Вадковскому въ Курскъ. 9-го сентября, въ полночь, нашелъ его спящимъ въ своей квартирѣ, но, разбудивъ, объявилъ о случившемся съ нимъ, и что онъ выпросилъ себѣ годовой отпускъ единственно, чтобы дѣйствовать въ пользу извѣстнаго ему



Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

общества. Вадковскій вскочилъ съ постели, обнималъ его и спросилъ, сколько онъ имѣетъ членовъ; на сіе объявилъ ему Шервудъ: два генерала и 47 штабъ и оберъ-офицеровъ. Вадковскій обрадовался сей лжи, просилъ при вторичномъ пріѣздѣ въ Курскъ привезти списокъ, какихъ именно они полковъ, и сколько именно принято по поселенію; считая сіе весьма важнымъ, хвасталъ, что предпріятіе ихъ идетъ сверхъ чаянія хорошо, что изъ корпуса генералъ-адъютанта Бороздина есть двѣ значительныя особы и довольное число прочихъ, принадлежащихъ ихъ

обществу, и что онъ почитаетъ только трудно̀йшимъ въ ихъ предпріятіи истребить вдругъ всю августѣйшую фамилію, что, впрочемъ, надѣется также въ семъ на содѣйствіе поляковъ столько же хорошо, какъ собственно на своихъ.

«Шервудъ послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ объясненій Вадковскаго, человѣка, котораго онъ прежде вовсе не зналъ, обѣщался ему доставить списокъ, который Вадковскій обще съ своимъ хотѣлъ въ половинѣ ноября доставить чрезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ. Посему просилъ Шервудъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ графу Аракчееву, послать къ нему въ половинѣ ноября надежнаго чиновника въ Харьковъ, который по объясненіи съ нимъ могъ бы перехватить Булгари съ бумагами. Его величество, вручивъ мнѣ сіе письмо по дорогѣ въ Новочеркасскъ, изволилъ выбрать для сего назначенія лейб-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему, ни кому другому не объявить до возвращенія изъ Крыма.

«Между тѣмъ пріѣхалъ, по высочайшему соизволенію, въ Таганрогъ, 18-го октября, генералъ-лейтенантъ Виттъ[278] и объявилъ равномѣрно, что существуетъ таковое общество, которое значительно увеличилось въ обѣихъ арміяхъ и старалось, но тщетно, помощью генералъ-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевскаго, заразить и Черноморскій флотъ, что бываютъ часто подобныя собранія въ фамиліи Давыдовыхъ, кои всѣ заражены симъ духомъ, и что изъ числа дѣятельнѣйшихъ членовъ объявлены ему гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ, гвардейскій офицеръ Бестужевъ, служившій прежде во флотѣ, нѣкто Рылѣевъ (вѣроятно, секундантъ покойнаго поручика Чернова на дуэли съ флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ), что 18-я пѣхотная дивизія въ особенности заражена симъ духомъ, и что въ оной играетъ главную роль командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Пестель, что адъютантъ графа Витгенштейна Крюковъ и генералъ-лейтенанта Рудзевича Шишковъ—также члены, и что, наконецъ, одинъ изъ главныхъ членовъ — подпоручикъ квартирмейстерской части Лихаревъ, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Всѣ сіи извѣстія даны графу Витту однимъ членомъ, и по недовольной еще основательности оныхъ надѣялся онъ получить вѣрнѣйшія на кіевскихъ контрактахъ, ибо давалъ имъ надежду склониться на ихъ сторону по непріятностямъ, имѣвшимся между имъ, Виттомъ, и графомъ Аракчеевымъ. Графъ Виттъ при семъ прибавилъ, что онъ надѣется, что можно получить также свѣдѣніе отъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитана Кориловича, принадлежавшаго сему обществу, но раскаявшагося, увидя бездну ужасную, въ которую оно можетъ ввести; равномѣрно доставилъ графъ Виттъ письмо отъ неизвѣстнаго, который, объявляя объ обществѣ и огромности онаго, остерегаетъ

его о личной его опасности тѣмъ, что заговорщики хотѣли его сдѣлать одною изъ первѣйшихъ жертвъ замысловъ своихъ.

«Его императорское величество приказалъ графу Витту продолжать открытія свои и изволилъ отправиться въ Крымъ; радостный пріемъ всѣхъ чиновъ 20-й пѣхотной дивизіи, совершенно по духу, издревле свойственному россійскому воинству, и увѣренія генералъ-лейтенанта Рудзевича въ таковомъ же духѣ ввѣренныхъ ему войскъ, хотя и успокоили его величество насчетъ общаго распространенія подобнаго зла, но не менѣе того приказалъ мнѣ еще 10-го ноября отправить полковника Николаева по прежнему предположенію въ Харьковъ, дабы онъ, по указанію унтеръ-офицера Шервуда, схватилъ вышеупомянутыя бумаги, посланныя прапорщикомъ Вадковскимъ черезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ, принимая при томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью.

«15-го ноября, полковникъ Николаевъ увидѣлъ въ предназначенномъ въ письмѣ Шервуда трактирѣ сего унтеръ-офицера и, призвавъ его къ себѣ, получилъ отъ него объясненіе, которое Шервудъ повторилъ письменно ко мнѣ, и главное содержаніе коего слѣдующее: послѣ нѣкотораго пребыванія Шервуда въ Орлѣ и окружности до 26-го октября (онъ не объясняетъ—съ какого числа) и во время котораго хотя и былъ два раза у генералъ-адъютанта Бороздина, но, какъ онъ говоритъ, по краткости времени, ничего касающагося до общества открыть не могъ, поѣхалъ онъ, Шервудъ, въ Курскъ, гдѣ засталъ прапорщика Вадковскаго, возвратившагося отъ поѣздки къ ротмистру Кавалергардскаго полка графу Захару Чернышеву, въ 80-ти верстахъ отъ Курска.

«Вадковскій принялъ его съ восхищеніемъ, разсказалъ ему о успѣхѣ ихъ дѣла, что онъ получилъ изъ С.-Петербурга извѣстіе, что 10 офицеровъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтреность поручика графа Николая Булгари, который съ графами Спиро и Андреемъ Булгари поѣхали въ Одессу, и черезъ то промедлитъ доставленіемъ списка въ С.-Петербургъ и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества заведенія секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духѣ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Шервуду.

«Шервудъ предлагалъ себя для посылки въ С.-Петербургъ, но Вадковскій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Булгари уже на сіе опредѣленъ и имѣетъ для сего подорожную во всю имперію. Шервудъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разныя замѣчанія о способностяхъ ихъ. Вадковскій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человѣкъ Вадковскаго можетъ ихъ сжечь, когда предстоитъ въ томъ надобность.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Дивизіонный начальникъ 1-й конноегерской дивизіи, генералъ-майоръ Засс, оставилъ Вадковскаго въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Шервудъ былъ у него въ гостяхъ въ карауле, куда приходилъ Сверскаго конноегерскаго полка майоръ Гофманъ, отъ котораго Шервудъ услышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. Вадковскій сказалъ ему послѣ: вотъ уже приготовленъ при первомъ. Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу Андрею Булгари, чтобы поручикъ графъ Николай Булгари воротился скорѣе. Сіе письмо повезетъ въ Одессу ротмистръ кавалергардскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры 1-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

«Вадковскій разсказывалъ Шервуду слѣдующее:

«Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ С.-Петербургѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камер-пажей); лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ Бураковъ, недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ Скарятинъ, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣстно котораго полка), который объявилъ, что онъ недавно къ сему приуготовленъ былъ своимъ учителемъ; графъ Бобринскій (Шервуду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи; полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни Вадковскому, ни Шервуду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и какимъ именно полкомъ командуетъ, почему Вадковскій просилъ Шервуда узнать вѣрнѣе о семъ, и Шервудъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта генералъ-лейтенанта Рудзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у генералъ-адъютанта Киселева, майора Пущина. Наконецъ считаетъ въ числѣ членовъ генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго.

«Шервудъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ Вадковскаго, обѣщавъ заѣхать къ нему, когда поѣдетъ въ Москву и С.-Петербургъ, въ началѣ декабря.

«Въ доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма Вадковскаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ непозволительныя ихъ связи. Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ Вадковскимъ, въ началѣ декабря, уговорить прекоручить ему отвезть списокъ членовъ, если не пріѣдетъ Булгари.

«По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, коими, вѣроятно, зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распро-

странения онаго. приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Шервудомъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска, и притворясь вступить черезъ Шервуда въ ихъ общество, стараться выманить секреты Вадковскаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ, смотря по обстоятель-

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

ствамъ, или арестовать Вадковскаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковые, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

«Я получилъ рапортъ полковника Николаева, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, получилъ я 1-го декабря съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта Рота, поручикомъ гусарскаго Оранскаго полка, графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника кор-

пуснаго штаба. генералъ-майора князя Горчакова. и при ниxъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на высочайшее имя.

«Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что. подозрѣвая давно полкового своего командира, полковника Пестеля, въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія. дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстенъ. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ генералъ-майоръ Шепининъ для захваченія бумагъ графа Булгари. Онъ проситъ послать довѣренную особу въ квартиру роты его, Липовецкаго повѣта, въ село Балабановку, которой откроетъ онъ, гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы подъ именемъ Русской Правды, сочиненіемъ коихъ занимаются генералъ-интендантъ Юшневскій. полковникъ Пестель и въ С.-Петербургѣ гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ. (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе на генералъ-интенданта первой арміи Пирогова. Шервудъ же и Майборода говорятъ про генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго и не упоминаютъ о Пироговѣ).

«Въ томъ же письмѣ проситъ Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему. не рѣшаясь открыться своему высшему начальству. проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ генералъ-лейтенанту Роту.

«Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ. что Майборода, явясь къ нему въ Житомиръ. объявилъ ему еще лично при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма [279], что общество. о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились, между прочимъ, командиры полковъ: Украинскаго пѣхотнаго полка—полковникъ Бурцовъ и Казанскаго—полковникъ Абрамовъ, также квартирмейстерской части полковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, особливо Комаровъ (который находится нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и въ временномъ отпуску). Сверхъ всего объявилъ Майборода. что денщикъ полковника Пестеля Савенко, ему совершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется. что скроетъ поѣздку свою въ Житомиръ.

«По важности сихъ показаній и согласности ихъ съ трехъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена, казалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ; по отсутствію вашего императорскаго величества, я полагаю, буде не получу другого приказанія завтрашній день, въ который я ожидаю фельдъегеря изъ С.-Петербурга, отправить генералъ-адъютанта Чернышева прямо въ Тульчинъ, гдѣ онъ, откроясь одному главнокомандующему, приступитъ къ должнымъ мѣрамъ для арестованія полковника Пестеля и показанныхъ бумагъ. Я увѣдомляю равно главнокомандующаго первой арміи о принятыхъ противъ прапорщика Вадковскаго мѣрахъ, и что онѣ казались тѣмъ необходимыми, что по полученіи извѣстія сіе зло распространено не только по второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу.

«Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненнымъ, то обстоятельство сіе передаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества»[280].

Вотъ что прочелъ великій князь Николай Павловичъ въ достопамятное утро 12-го декабря 1825 года.

III.

Въ виду важности извѣстій, сообщенныхъ барономъ Дибичемъ, великій князь Николай Павловичъ долженъ былъ прежде всего подумать, къ кому обратиться за совѣтомъ, кому повѣрить открывшуюся передъ нимъ внезапно ужасную тайну. Выборъ его остановился на двухъ лицахъ.

«Графъ Милорадовичъ,—пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— казался мнѣ по долгу его званія первымъ, до свѣдѣнія котораго содержаніе сихъ извѣстій довести должно было; князь Голицынъ, какъ начальникъ почтовой части и довѣренное лицо императора Александра, казался мнѣ вторымъ. Я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ, и втроемъ принялись мы за чтеніе приложеній къ письму. Писанныя рукою генералъ-адъютанта Чернышева для большей тайны, они заключали изложеніе открытаго обширнаго заговора, чрезъ два разные источника: показаніями юнкера Шервуда, служившаго въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, и открытіемъ капитана Майбороды, служившаго въ тогдашнемъ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Извѣстно было, что заговоръ касается многихъ лицъ въ Петербургѣ и наболѣе въ Кавалергардскомъ полку, но въ особенности въ Москвѣ и въ главной квартирѣ второй арміи и въ части войскъ, ей принадлежащихъ, а также и въ войскахъ 3-го корпуса. Показанія были весьма не ясны, не опре-

дѣлительныя; но однако еще за нѣсколько дней до кончины своей покойный императоръ велѣлъ генералу Дибичу, по показаніямъ Шервуда, послать полковника лейбъ-гвардіи казачьяго полка Николаева взять извѣстнаго Вадковскаго, за годъ выписаннаго изъ Кавалергардскаго полка. Еще болѣе не ясны были подозрѣнія на главную квартиру второй арміи, и генералъ Дибичъ увѣдомлялъ, что вслѣдъ за симъ рѣшился послать генерала Чернышева въ Тульчинъ, дабы увѣдомить графа Виттенштейна о происходившемъ и арестовать князя Сергѣя Волконскаго, командовавшаго бригадою, и полковника Пестеля въ этой бригадѣ, командовавшаго Вятскимъ полкомъ.

«Подобныя извѣстія въ столь затруднительное и важное время требовали величайшаго вниманія, и должно было узнать, кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ, и не медля ихъ арестовать; а какъ о капитанѣ Майбородѣ ничего не упоминалось, а должно было полагать, что чрезъ него получатся еще важнѣйшія свѣдѣнія, то рѣшился графъ Милорадовичъ послать адъютанта своего Мантейфеля къ генералу Роту, дабы, приявъ Майбороду, доставить въ Петербургъ. Изъ петербургскихъ заговорщиковъ по справкѣ никого не оказалось налицо: всѣ были въ отпуску, а именно Свистуновъ, графъ Захаръ Чернышевъ и Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для съѣзда, какъ то въ запискѣ упоминалось. Графъ Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ обѣщалъ обратить все вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности».

Насколько правъ былъ Николай Павловичъ, когда онъ въ столь тяжкую и затруднительную минуту ставилъ вопросъ: «къ кому мнѣ было обратиться—одному, совершенно одному безъ совѣта». можно усмотрѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Во время совѣщанія по дѣлу объ открытомъ тогда заговорѣ, конечно, должны были вспомнить объ Аракчеевѣ, какъ лицѣ, пользовавшемся безграничнымъ довѣріемъ императора Александра и къ тому же знавшемъ о заговорѣ, что было графомъ даже лично сказано Николаю Павловичу, при свиданіи съ нимъ 10-го декабря. Припомнимъ здѣсь, что графъ Алексѣй Андреевичъ въ это время покинулъ уже свое уединеніе въ Грузинѣ и находился въ Петербургѣ. Но на него нельзя было разсчитывать въ минуту опасности, потому что, когда Милорадовичъ явился къ нему въ домъ, по порученію великаго князя Николая Павловича, чтобы выяснить дѣло, затронутое графомъ Аракчеевымъ въ разговорѣ, то послѣдній отказалъ генералъ-губернатору въ пріемѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ принято за правило никого у себя не видѣть, даже и по службѣ. Этимъ непозволительнымъ поступкомъ графъ Аракчеевъ достойнымъ образомъ

увѣнчалъ свое пагубное служеніе Россіи и почившему своему благодѣтелю. Вотъ какимъ образомъ наглый временщикъ осмѣлился отнестись къ генералъ-губернатору, присланному великимъ княземъ, который въ ту пору готовился вступить на престолъ,—обстоятельство, которое едва ли могло ускользнуть отъ проницательнаго взора такого опытнаго государственнаго дѣльца, какимъ былъ графъ Алексѣй Андреевичъ. Но часъ возмездія былъ уже близокъ!

Александръ Ивановичъ Якубовичъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

Упоминая о совѣщаніи своемъ съ графомъ Милорадовичемъ и княземъ Голицынымъ, Николай Павловичъ не назвалъ въ своихъ запискахъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, котораго онъ также привлекъ къ этому дѣлу. Припомнимъ здѣсь, что Бенкендорфъ представилъ въ 1821 году императору Александру записку о тайныхъ обществахъ, оставленную государемъ безъ вниманія [231], и потому авторъ ея могъ быть, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе полезнымъ совѣтникомъ при

раскрытіи всѣхъ нитей заговора. Вѣроятно, обмѣнъ мыслей между нимъ и Николаемъ Павловичемъ состоялся, но позже первоначальнаго совѣщанія съ Милорадовичемъ и Голицынымъ.

Николай Павловичъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ барону Дибичу на сдѣланное имъ столь важное сообщеніе и въ тотъ же день, 12-го (24-го) декабря, написалъ ему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

«Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня по утру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что, не сговорясь между собою, мы оба, и я могу прибавить—за мною всѣ, исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ. Но воля его свята, и, присягнувъ ему, я долженъ свято исполнить все, что мнѣ ни повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни ужасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже, какъ государь, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему—здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все объяснится и докажетъ, что я, прежде всего, былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстью и дѣлами. Я открылъ пакеты и въ вашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, но которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Обязанность моя—не теряя ни минуты, приступить къ дѣлу, до общаго блага касающемуся, а потому и приступлю къ назначенію мѣръ, мною принятыхъ. Въ секретѣ—генералъ Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; князь Голицынъ, потому что онъ завѣдываетъ почтами и пользовался довѣріемъ покойнаго государя; генералъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, бывъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коихъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

«Третьяго дня видѣлъ въ первый разъ графа Аракчеева. Онъ мнѣ въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ дѣлѣ, не зная, на чемъ оно остановилось, и говоря мнѣ про оное, потому что полагаетъ его весьма важнымъ.

«Я тогда же сообщилъ объ этомъ генералу Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ графомъ Аракчеевымъ, но какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и не пустилъ къ себѣ Милорадовича, хотя онъ и велѣлъ сказать, что онъ отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера. Получивъ ваши бумаги, я тотчасъ увѣдомилъ о томъ графа Милорадовича и условился съ нимъ и Голицынымъ обратить непремѣнно бдительное вниманіе на нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь находящихся. Выслать навстрѣчу Булгари и Чер-

ныпеву фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ. и сюда доставить въ крѣпость. Генерала Милорадовича адъютантъ, графъ Мантейфель, поѣдетъ сегодня же на Житомиръ, въ село Балабановку, Липовецкаго повѣта. для доставленія сюда капитана Майбороды; какъ штабсъ-капитанъ Муравьевъ уже уѣхалъ въ отпускъ въ Орелъ на четыре мѣсяца, то для арестованія его на дорогѣ, гдѣ встрѣтится, посылается фельдъегерь къ князю Голицыну въ Москву.

«Но при томъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ либо подобномъ. и напротивъ можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало: я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собою, если бы говорилъ противное. Но «на Бога надѣйся и самъ не плошай · было и будетъ нашимъ правиломъ до конца, и мы не зѣваемъ.

«Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева, 2) отъ васъ, ибо Фредерикъ говорилъ мнѣ, что полковникъ Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно. Это одно можетъ опредѣлить дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры, чтобъ его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, что вся шайка догадается объ открытіи виолнѣ или отчасти заговора, а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые здѣсь, то-есть Борисовъ и Свистуновъ, оба дураки; но ce peuvent être des instruments. За ними будутъ смотрѣть. Про Кориловича я еще ничего не узналъ.

«Какъ по всему дѣлу видно, что въ Одессѣ должно быть гнѣздо заговора, ибо здѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно, что Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю необходимымъ, чтобы вы переговорили о семъ съ графомъ Воронцовымъ. дабы и тамъ принять нужныя мѣры; во всякомъ же случаѣ не оставьте меня въ неизвѣстности о вашемъ на сей счетъ распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю.

«Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, испросивъ приказанія государыни Елисаветы Алексѣевны, дозволитъ ли она открыть кабинетъ его императорскаго величества, забрали, какъ можно скорѣе, всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся, и доставили ихъ ко мнѣ нарочно съ надежнымъ человѣкомъ. Сами же, если присутствіе ваше въ Таганрогѣ не необходимо, пріѣзжайте сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны, и тогда вамъ нужно будетъ ѣхать на Могилевъ на Днѣпрѣ,

чтобъ условиться съ генераломъ Сакеномъ о многомъ, до сего и до будущихъ обстоятельствъ касающемся, en un mot pour m'orienter; я считаю, что вы тамъ, а, можетъ статься, и прежде, получите извѣстія, что все здѣсь въ порядкѣ кончено, или иначе я живъ не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей совѣсти, все хорошо привести къ заключенію.

«Князю Петру Михайловичу писалъ я то, что вы отъ него уже вѣрно слышали, насчетъ распоряженій, касающихся до тѣла нашего ангела. Я не могъ иному и инако писать, ибо тогда не имѣлъ на то права; теперь я вамъ о томъ подтверждаю, какъ лицо полуофиціальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ.

«Н.»

Едва Николай Павловичъ успѣлъ окончить приведенное здѣсь письмо, какъ во время обѣда пріѣхалъ изъ Варшавы Бѣлоусовъ. «Вскрывъ письмо брата,—пишетъ Николай Павловичъ,—удостовѣрился я съ первыхъ строкъ, что участь моя рѣшена».

Письмо цесаревича Константина Павловича, отъ 8-го (20-го) декабря, заключало въ себѣ одни назидательныя наставленія и нисколько не могло помочь Николаю Павловичу выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ слишкомъ посѣщною присягою.

«Вчера вечеромъ въ девять часовъ получилъ я ваше письмо отъ 3-го (15-го) числа этого мѣсяца, дорогой и добрый Николай,—писалъ цесаревичъ,—и спѣшу выразить вамъ за него мою искреннѣйшую признательность, какъ равно и за чувства довѣрія и дружбы, которыя вы проявляете по отношенію ко мнѣ. Будьте увѣрены, дорогой братъ, что я умѣю цѣнить и чувствовать ихъ, и вся моя жизнь докажетъ вамъ, что я не недостоинъ ихъ. Довѣріе, смѣю сказать, безграничное, которое его величество, нашъ общій благодѣтель, благоволилъ оказывать мнѣ, ручается вамъ за искренность и чистоту моихъ руководящихъ началъ, я никогда не обманывалъ его; моя откровенность по отношенію къ нему, когда онъ призывалъ меня высказать ему правду, заслужила мнѣ его дружбу, смѣю выразиться такъ безъ какого бы то ни было тщеславія. Постоянно повинуясь его приказаніямъ, я оставлялъ въ сторонѣ свое мнѣніе, чтобы дѣйствовать сообразно его мнѣнію, нисколько не скрывая отъ него своего взгляда,—таковы были когда-то послѣдствія моего образа дѣйствій. Теперь, когда воля Божія взяла отъ насъ этого ангела хранителя, и когда новый порядокъ вещей открываетъ вамъ новое поприще дѣятельности, будьте увѣрены, дорогой и добрый Николай, что всѣ мои усилія будутъ направлены къ вашимъ услугамъ, въ силу долга, убѣжденій и дружбы. 30-ти-лѣтняя моя служба и мои 47 годовъ являются по-

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

и прочая, и прочая, и прочая.

№ 3771

Отъ Санктпетербурга до Таганрога, Флигель Адъютанту Его Императорскаго Величества, Господину Полковнику и Кавалеру Шкурину 2му Отправленному по Самонужнѣйшей Казенной Надобности, съ Будущимъ изъ Почтовыхъ — давать по Три — лошади съ проводникомъ, за указные прогоны безъ задержанія въ Санктпетербургѣ 1825го года. Декабря 7го дня.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и Комитета ГГ. Министровъ, С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частію; всѣхъ Россійскихъ, Прусскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ и двухъ золотыхъ шпагъ украшенныхъ алмазами: одной съ надписью за храбрость и за спасеніе Букареста, а другой съ лаврами, кавалеръ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА П: ЕГО ИМПЕРАТОРС: ВЕЛИЧЕС:

Съ сей подорожной за
верстъ руб
коп взято
Казначей

ПОДОРОЖНАЯ ПО УКАЗУ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ.

(Съ гравюры Вендрамини).

рукою въ этомъ. Итакъ, я начну съ священнаго для меня долга и выскажу вамъ мнѣніе или совѣтъ, какъ вамъ угодно будетъ назвать это, заключающійся въ томъ, чтобы ничего не мѣнять изъ того, что было сдѣлано нашимъ дорогимъ, прекраснымъ и обожаемымъ усопшимъ, какъ въ наиважнѣйшихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Дайте себѣ время вполнѣ ознакомиться со всѣмъ, удостойте своимъ довѣріемъ тѣхъ, которые пользовались имъ со стороны покойнаго императора, дѣйствуйте осмотрительно, будьте спокойны и хладнокровны, глухи по отношенію къ вашимъ приближеннымъ, которые для того, чтобы вкрадываться въ ваше довѣріе, быть можетъ, пожелаютъ давать вамъ совѣты. Ничего не мѣняйте въ установившейся политикѣ Нессельроде, который, зная просвѣщенныя намѣренія императора, ознакомитъ васъ съ тѣмъ, чего онъ желалъ, и съ тѣмъ, что вознесло нашу страну на верхъ славы. Ничего не нужно выдумывать, но, дѣйствуя въ духѣ нашего покойнаго императора, поддерживать и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ, и что стоило ему столькихъ трудовъ и, быть можетъ, даже свело въ могилу, такъ какъ физическая сторона поборола нравственную. Однимъ словомъ, примите за основаніе, что вы лишь уполномоченный покойнаго благодѣтеля, и что въ каждое мгновеніе вы должны быть готовы отдать ему отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете и что сдѣлаете.

«Быть можетъ, моя откровенность не понравится вамъ, быть можетъ— нѣтъ, я не знаю этого, но я высказываю вамъ мой образъ мыслей, такой, какимъ онъ представляется моему разумѣнію, и потому, что вы просили меня объ этомъ, дорогой и добрый Николай. Уповайте на Бога, исключительно на Него одного, а Онъ сдѣлаетъ остальное. Да будетъ такъ!

«Мой почтительный привѣтъ вашей женѣ, ангелу доброты, который даровалъ вамъ Богомъ для облегченія вашихъ трудовъ. Маленькаго и маленькихъ цѣлую. Моя жена посылаетъ вамъ свой привѣтъ и проситъ васъ сохранить о ней память. Что касается меня, то я изъ глубины сердца шлю вамъ благословеніе старшаго брата, нѣжно любящаго васъ всѣми силами души и, какъ подданный, увѣряющаго васъ въ своемъ усердіи, преданности и привязанности, съ которыми я никогда не перестану быть вашимъ преданнымъ братомъ и другомъ»[282].

Въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Осодоровнѣ, привезенномъ тѣмъ же фельдъегеремъ, цесаревичъ съ замѣчательнымъ упорствомъ продолжалъ отстаивать свою пагубную для общаго спокойствія точку зрѣнія. Поэтому Николай Павловичъ имѣлъ справедливое основаніе писать по поводу упорства, выказаннаго старшимъ братомъ: «Единому Богу извѣстно, какъ воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя императоромъ, отвергая присягу, ему дан-

ную, какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованіе такового императора Александра и акта отреченія своего отъ престола. Я предчувствовалъ, что, повинуясь волѣ братней, иду на гибель, но нельзя было иного, и долгъ повелѣвалъ сообразить единственно, какъ исполнить сіе съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ».

Императрица-мать раздѣляла вполнѣ убѣжденія Николая Павловича, но была довольна, что «наступилъ конецъ нерѣшимости»[233].

Въ 9 часовъ вечера Николай Павловичъ сдѣлалъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ барону Дибичу еще слѣдующую приписку:

«Рѣшительный курьеръ воротился: послѣзавтра по утру я — или государь или безъ дыханія. Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ предъ мною выполнятъ. Но если гдѣ либо что заварится, и вы о томъ узнаете, поручаю вамъ сейчасъ ѣхать туда, гдѣ будетъ нужно ваше присутствіе. На васъ полагаюсь совершенно и впередъ разрѣшаю всѣ вами принимаемыя мѣры.

«Я вамъ послѣзавтра, если живъ буду, пришлю — самъ еще не знаю кого — съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить о всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходить будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, и отъ васъ кого выслать, напримѣръ, Германа или такого разбора; я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторяю: здѣсь у насъ о сю пору непостижимо тихо; mais le calme précède souvent l'orage.

«Довольно объ этомъ. Que la volonté de Dieu se fasse. Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя воли покойнаго государя, а потому я на все готовъ. Къ вамъ же навсегда буду искренно доброжелательнымъ.

«Николай.

«До вашего пріѣзда дѣла будутъ итти подъ именемъ Татищева чрезъ Потапова, который ко мнѣ съ докладомъ ходить будетъ».

12-го (24-го) же декабря, Николай Павловичъ писалъ между прочимъ князю Петру Михайловичу Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братній надъ мной совершается! 14-го числа я буду государь или

мертвъ. Что во мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь — да, мы всѣ несчастные—но нѣтъ несчастливѣе меня! Да будетъ воля Божія!... Вы меня прежде любили, сколько я могъ замѣтить; надѣюсь, что и теперь не усомнитесь въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ моей»[284].

Рѣшительный отвѣтъ цесаревича былъ привезенъ Бѣлоусовымъ не черезъ Ковно и Ригу, а по Брестъ-Литовскому тракту, и потому онъ на пути своемъ не могъ встрѣтиться съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который все еще продолжалъ находиться на станціи въ Неналѣ. Дальнѣйшее пребываніе его тамъ становилось безцѣльнымъ, и потому Николай Павловичъ, тотчасъ же по прибытіи фельдъегеря изъ Варшавы, послалъ за братомъ нарочнаго, съ повелѣніемъ спѣшить въ Петербургъ. Но посланный за великимъ княземъ достигъ Неналя, какъ послѣ оказалось, только 13-го декабря въ два часа пополудни, вслѣдствіе чего Михаилъ Павловичъ не могъ прибыть въ Петербургъ ранѣе слѣдующаго утра, то-есть 14-го декабря. Это обстоятельство замедлило своевременное возвращеніе великаго князя въ столицу, гдѣ присутствіе его являлось настоятельною необходимостью въ виду предстоявшей новой присяги и связанныхъ съ нею возможныхъ недоразумѣній.

8-го декабря, цесаревичъ Константинъ Павловичъ отправилъ изъ Варшавы, сверхъ поименованныхъ бумагъ, еще рескриптъ на имя министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго, возвращая ему вмѣстѣ съ тѣмъ рапортъ о присягѣ сената.

Цесаревичъ писалъ:

«Служащій въ правительствующемъ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ коллежскій совѣтникъ Никитинъ доставилъ ко мнѣ отъ вашего сіятельства пакетъ съ надписью: его императорскому величеству Константину Павловичу всеподданнѣйшій рапортъ отъ министра юстиціи.

«Не почитая себя въ правѣ принять оный, я обращаю его къ вашему сіятельству съ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, какъ мнѣ по означенному титулу не слѣдующій. Изъ отношенія моего къ его свѣтлости предсѣдательствующему въ государственномъ совѣтѣ, г-ну дѣйствительному тайному совѣтнику I-го класса князю Лопухину, отъ 3-го сего декабря, должны быть уже извѣстны вашему сіятельству въ подробности причины, воспрещающія мнѣ принять императорское достоинство. За симъ остается мнѣ токмо вкратцѣ повторить здѣсь вамъ, что за учиненною всѣми подданными при восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Александра Павловича присягою, въ коей между прочимъ именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и повиноваться долженъ, какъ его императорскому величеству императору Александру Павловичу, такъ и его импе-

раторскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ: а таковымъ по высочайшей волѣ покойнаго государя императора, явственно обнаруженной изъ думъ, раскрытыхъ въ государственномъ совѣтѣ и подобныхъ имъ, какъ ваше сіятельство объявили, хранящихся въ правительствующемъ сенатѣ, назначено быть наслѣдникомъ всероссійскаго престола великому князю Николаю Павло-

Николай Ивановичъ Пановъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

вичу, то вслѣдствіе сего правительствующему сенату, яко блюстителю закона, слѣдовало и слѣдуетъ въ точности исполнить высочайшую волю блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Александра Павловича.

Впрочемъ чувствуя въ полной мѣрѣ оказанное правительствующимъ сенатомъ и къ лицу моему относящееся усердное расположеніе, я прошу ваше сіятельство изъявить сему высокопочтенному сословію истинную мою признательность, присовокупивъ къ тому, что чѣмъ больше

чувствую цѣну таковой приверженности, тѣмъ вящше поставляю себѣ долгомъ пребыть непоколебимымъ исполнителемъ священнаго закона, установленнаго въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ.

«Константинъ цесаревичъ».

Рескриптъ цесаревича къ князю Лобанову-Ростовскому постигла одинаковая участь съ рескриптомъ къ князю Лопухину; признано было невозможнымъ его обнародовать, вѣроятно, въ виду осужденія, высказаннаго цесаревичемъ по поводу посѣщенной присяги 27-го ноября. А между тѣмъ оба рескрипта, вмѣстѣ взятые, болѣе разъясняли дѣло, чѣмъ манифестъ императора Николая отъ 12-го декабря, со всѣми его приложеніями. Своевременное обнародованіе этихъ документовъ остановило бы, можетъ быть, немалое число людей, готовыхъ уклониться на незаконный путь, благодаря ложнымъ толкованіямъ[285].

IV.

Теперь Николаю Павловичу предстояло заняться составленіемъ манифеста. Онъ продиктовалъ адъютанту своему Адлербергу главныя мысли по этому предмету и историческую его часть, а затѣмъ къ этой работѣ были привлечены Карамзинъ и Сперанскій.

Задача была не легкая. Нужно было объяснить Россіи необъяснимое, изложить всю запутанную исторію междуцарствія съ должною ясностью.

Карамзинъ въ собственноручной запискѣ по поводу проекта манифеста пишетъ[286]:

«Въ началѣ, думаю, надлежало бы выразить нашу горесть такими или подобными словами:

«Въ сокрушеніи сердецъ нашихъ, пораженныхъ столь внезапною кончиною государя императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить его, да, пославъ намъ скорбь неизглаголанную, поплетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго великаго монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять и въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ,—царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

«Въ сіе время общихъ слезъ и моленій, мы, волею Божіею призываемые державствовать надъ Россіею, объявляемъ всенародно:

«Согласно съ уставомъ блаженной памяти любезнѣйшаго родителя нашего государя императора Павла Петровича о наслѣдіи россійскаго престола, въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности новому законному монарху, старѣйшему брату, государю цесаревичу, великому князю Константину Павловичу и проч. и проч., какъ слѣдуетъ въ извѣстной бумагѣ.

«Въ заключеніе хотѣлось бы мнѣ также чего нибудь живѣйшаго, сильнѣйшаго для утѣшенія и надежды россіянъ. Напримѣръ:

«И мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами вѣнценосца. Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, доблестію государственною и воинскою, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ! Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный, тотъ, кого священная память должна питать въ насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа россійскаго!»

Мысли, изложенныя Карамзинымъ, не удостоились одобренія. Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ; что же касается заключенія, то въ немъ усмотрѣны были поводъ къ толкамъ, самохвальство, излишнія обязательства. Бумага Карамзина была передана Сперанскому съ порученіемъ ее передѣлать, выпустивъ все, что выразило бы характеръ и намѣренія новаго царствованія.

Въ приложеніяхъ къ манифесту рѣшено было помѣстить манифестъ императора Александра отъ 16-го августа 1823 года, утверждавшій отреченіе цесаревича Константина Павловича и назначающій наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича, письмо цесаревича къ покойному императору и отвѣтъ на него государя, равно какъ два письма цесаревича отъ 26-го ноября 1825 года: одно къ императрицѣ-матери, а другое къ великому князю Николаю Павловичу, какъ къ императору.

Манифестъ, составленный Сперанскимъ, былъ подписанъ Николаемъ Павловичемъ 13-го (25-го) декабря 1825 года, но помѣченъ 12-мъ числомъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который вопросъ о его воцареніи окончательно рѣ-

шился отвѣтомъ императора Константина. Рѣшено было, однако, оставить манифестъ безъ огласки до ожидаемаго возвращенія въ Петербургъ великаго князя Михаила Павловича. Воцареніе императора Николая объявлено было 13-го декабря лишь семилѣтнему великому князю Александру Николаевичу, но объявлено съ тѣмъ, чтобы онъ никому не разсказывалъ. «Le petit Sacha», какъ называли его тогда въ царской семьѣ, много плакалъ, какъ бы предчувствуя тяжелое бремя, которое со временемъ должно было лечь на него.

13-го декабря, Николай Павловичъ подписалъ также приготовленное по его мыслямъ Сперанскимъ письмо къ цесаревичу, въ которомъ сказано: «Желанія вашего высочества исполнены. Я вступилъ на ту степень, которую вы мнѣ указали, и коей, бывъ закономъ къ тому предназначены, вы занять не восхотѣли. Воля ваша совершилась!» Затѣмъ, въ этомъ же письмѣ Николай Павловичъ упоминалъ о нерушимости своей внутренней, душевной присяги о сердечномъ подданствѣ; рескрипть оканчивался слѣдующею собственноручною подписью воцарившагося государя: «вашего императорскаго высочества искренно душевно-вѣрноподданный братъ Николай»[287].

Въ этотъ же день воцарившійся императоръ написалъ еще собственноручно проектъ указа о назначеніи, въ случаѣ своей смерти, правителемъ государства великаго князя Михаила Павловича[288].

Но возвратимся снова къ 12-му декабря: этотъ день, преисполненный для Николая Павловича столькими душевными тревогами и заботами, завершился еще однимъ событіемъ, бросившимъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ явленія, съ которыми предстояло считаться при объявленіи новой присяги.

Около девяти часовъ вечера, въ Зимній дворецъ явился, какъ пишетъ баронъ Корфъ, благородный двадцатилѣтній юноша, горѣвшій любовію къ отечеству и преданный великому князю. Это былъ адъютантъ командующаго гвардейскою пѣхотою, генерала Бистрома, подпоручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Онъ явился съ пакетомъ на имя великаго князя отъ генерала Бистрома. Николай Павловичъ принялъ пакетъ и удалился въ другую комнату; вскрывъ пакетъ, онъ нашелъ въ немъ письмо самого подпоручика Ростовцева и прочелъ слѣдующее къ себѣ обращеніе[289]:

«Ваше императорское высочество!

«Всемилостивѣйшій государь!

«Три дня тщетно искалъ я случая встрѣтить васъ наединѣ, наконецъ принялъ дерзость писать къ вамъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя

желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи; наконецъ въ увѣренности, что къ человѣку, отвергнему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня ни

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

презрѣннымъ льстецомъ, ни коварнымъ доносчикомъ; не думайте, чтобы я былъ чьимъ либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; нѣтъ, съ чистою совѣстію я привыкъ говорить вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы содѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюб-

цевъ. Но вы только зачали славное дѣло: чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко влеченію вашего добраго сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили.

«Для вашей собственной славы погодите царствовать.

«Противъ васъ должно таиться возмущеніе: оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междоусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть, и Литва отъ насъ отдѣлятся. Европа вычеркнетъ раздираемую Россію изъ списка державъ своихъ и содѣлаетъ ее державою азіатскою, и незаслуженныя проклятія вмѣсто должныхъ благословеній будутъ вашимъ удѣломъ.

«Ваше высочество! Можетъ быть, предположенія мои ошибочны, можетъ быть, я увлекся и личною привязанностію къ вамъ и любовію къ спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы преклонить Константина Павловича принять корону! Не пересылайтесь съ нимъ курьерами, ибо сіе длитъ пагубное для васъ междуцарствіе, и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву, или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излійте ему, какъ брату, мысли и чувства свои. Ежели онъ согласится быть императоромъ—слава Богу! Ежели же нѣтъ, то пусть всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ!

«Всемилостивѣйшій государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ,—казните меня! Я буду счастливъ, погибая за васъ и за Россію, и умру, благословляя Всевышняго! Если же вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ, не награждайте меня ничѣмъ: пусть останусь я бекорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и въ моихъ собственныхъ! Объ одномъ только дерзаю просить васъ: прикажите арестовать меня. Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе: ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью и позвольте мнѣ умереть возлѣ васъ.

«Вашего императорскаго высочества, всемилостивѣйшаго
«государя, вѣрноподданный Іаковъ Ростовцевъ».

«12-го декабря, 1825 года».

Около десяти минутъ Ростовцевъ ждалъ отвѣта. Наконецъ дверь открылась, и Николай Павловичъ позвалъ его къ себѣ. Онъ заперъ тщательно объ двери, взялъ его за руку, обнялъ и, поцѣловавъ нѣсколько разъ, сказалъ:

— Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхивалъ никогда!

Тогда между Ростовцевымъ и великимъ княземъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ваше высочество, не почитайте меня доносчикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслужиться.

— Мой другъ, я давно зналъ тебя за благороднаго человѣка, и подобная мысль недостойна ни тебя, ни меня. Я умѣю понимать тебя! Я отъ тебя личностей и не ожидаю. Но какъ ты думаешь: нѣтъ ли противъ меня какого нибудь заговора?

— Не знаю никакого. Можетъ быть, весьма многіе питаютъ неудовольствіе противъ васъ; но я увѣренъ, что люди благоразумные въ мирномъ воцареніи вашемъ видятъ спокойствіе Россіи. Вотъ уже пятнадцать дней, какъ гробъ лежитъ у насъ на тронѣ, и обыкновенная тишина не прерывалась, но, ваше высочество, въ самой этой тишинѣ можетъ крыться коварное возмущеніе.

— Мой другъ, можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что сіе противно благородству души твоей,—и не называй! Ежели какой либо заговоръ тебѣ извѣстенъ, то дай отвѣтъ не мнѣ, а Тому, Кто насъ выше! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностью за довѣренность! Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекается. Въ приватномъ письмѣ проклинаетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ, и прислалъ мнѣ съ Михаломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно.

— Нѣтъ, ваше высочество, этого будетъ мало! Пусть онъ пріѣдетъ сюда самъ и всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

— Что дѣлать! Онъ рѣшительно отъ этого отказывается.

— Для блага Россіи вы должны убѣдить его это сдѣлать.

— Мой другъ, онъ мой старшій братъ! Впрочемъ будь покоенъ; нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но ежели умъ человѣческій слабъ, ежели воля Всевышняго назначитъ иначе, ежели мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правотѣ и святости своего дѣла, и съ чистою совѣстію предстану на судъ Божій.

— Ваше высочество, это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что будетъ съ нею?

— Мой другъ, можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя? Но престолъ праздень, братъ мой отрекается, я едини-

ственный законный наслѣдникъ, Россія безъ царя быть не можетъ. Что же велитъ мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ.

Тутъ Николай Павловичъ обнялъ Ростовцева. и оба собесѣдника прослезились. Разговоръ продолжался.

— Ваше высочество, умоляю васъ: возьмите мою шпагу. Пусть послѣдствія обвинятъ меня или оправдаютъ.

— Нѣтъ, мой другъ, ты слишкомъ достоинъ носить ее. Подъ арестомъ ты не можешь быть мнѣ полезенъ, а съ нею въ случаѣ нужды ты будешь вѣрнѣйшимъ щитомъ моимъ.

— Ваше высочество, позвольте еще просить васъ, чтобы это осталось между нами.

— Это останется навсегда въ сердцѣ моемъ! Этой минуты я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ, что ты поѣхалъ ко мнѣ?

— Ваше высочество, онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ; этимъ я не хотѣлъ огорчить его; сверхъ того, я полагалъ, что только лично съ вами я могу быть откровенъ насчетъ васъ.

— И не говори ему ничего до времени; я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка и не ошибся.

— Ваше высочество, не дѣлайте мнѣ никакой награды; всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.[1]

— Наградой тебѣ—дружба моя. Прощай.

Николай Павловичъ взялъ Ростовцева за руку, обнялъ, поцѣловалъ и удалился [290].

Итакъ, разговоръ Николая Павловича съ Ростовцевымъ, вечеромъ 12-го декабря, не привелъ къ какому либо практическому результату. Все сказанное тогда Ростовцевымъ сводилось къ простому предостереженію, что въ случаѣ новой присяги вспыхнетъ возмущеніе, а это Николай Павловичъ ясно сознавалъ и безъ него. Ростовцевъ никого не назвалъ по имени и, не желая быть «коварнымъ доносчикомъ», ограничился въ разговорѣ одними темными намеками. Подобной полумѣрой Іаковъ Ивановичъ дѣла не поправилъ и благороднымъ молчаніемъ своимъ не предупредилъ готовившагося пагубнаго предпріятія. Что же касается до розысковъ графа Милорадовича, то они, какъ и слѣдовало ожидать, остались совершенно безплодными. «Не было открыто ни одного лица,—пишетъ баронъ Корфъ,—на которое могло бы падать подозрѣніе». Слова Николая Павловича, сказанныя для успокоенія Ростовцева: «нами всѣ мѣры приняты», не оправдались на дѣлѣ, потому что исполнителемъ ихъ являлся графъ Милорадовичъ, въ полной несостоятельности котораго, какъ генералъ-губернатора, убѣдились лишь послѣ

Императоръ Николай Павловичъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года.

(Съ литографіи Рябова, сдѣланной съ рисунка В. Садовникова).

взрыва 14-го декабря. Только тогда обнаружены были наконецъ дѣятели и соучастники заговора.

Еще въ запискѣ о тайныхъ обществахъ, врученной генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ императору Александру въ 1821 году [291], проницательный авторъ ея замѣтилъ, что наблюденіе за лицами, въ ней поименованными, нельзя поручить с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, «который окруженъ людьми, участвующими въ обществѣ, или приверженными имъ» [292]. Мнѣніе, высказанное генераломъ Бенкендорфомъ о графѣ Милорадовичѣ такъ же, какъ и о многомъ другомъ, блистательно оправдалось въ 1825 году, между тѣмъ какъ самая записка покоилась уже четыре года въ письменномъ столѣ императора Александра.

Нельзя не признать, что въ виду неминуемой опасности, угрожавшей въ то время всему государственному строю имперіи, со стороны правительства дѣйствительно не было принято никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Въ сущности, спокойное воцареніе новаго императора находилось въ зависимости отъ своевременнаго ареста много десяти лицъ, какъ-то: Рылѣева, князя Оболенскаго, Бестужевыхъ и другихъ, а затѣмъ, какъ пишетъ одинъ изъ декабристовъ, уже не трудно было справиться поодиночкѣ съ отдѣльными членами тайнаго общества. Для подобныхъ мѣропріятій правительство свободно располагало двумя днями, предшествовавшими новой присягѣ, 12-мъ и 13-мъ декабря, но въ этомъ смыслѣ ничего не было сдѣлано [293].

Спрашивается, имѣлъ ли Николай Павловичъ въ своихъ рукахъ списокъ главныхъ дѣятелей Сѣвернаго общества, дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ. Нужно полагать, что имена этихъ лицъ были ему извѣстны, хотя всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба касался преимущественно дѣятелей Южнаго общества. Подобное предположеніе подтверждается записками Александра Дмитріевича Боровкова, состоявшаго по особымъ порученіямъ при военномъ министрѣ, генералѣ Татищевѣ [294].

13-го (25-го) декабря, въ воскресенье, Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ генерала Воинова и, сообщивъ ему отреченіе Константина Павловича, условился съ нимъ, чтобы на другой день, т.-е. въ понедѣльникъ 14-го декабря утромъ, собрались въ Зимнемъ дворцѣ всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса. Николай Павловичъ намѣренъ былъ лично объяснить имъ весь ходъ дѣла по вопросу о престолонаслѣдіи, съ тѣмъ, чтобы они въ свою очередь ясно растолковали все своимъ подчиненнымъ, «дабы не было предлога къ безпорядку». Николай Павловичъ также лично предварилъ о всемъ случившемся митрополита Серафима.

Въ тотъ же день 13-го декабря, въ 9 часовъ утра, Николай Павловичъ еще призвалъ къ себѣ графа Нессельроде и сообщилъ ему о

наступившемъ концѣ междуцарствія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ прочесть графу письмо. отъ 8 декабря, полученное изъ Варшавы отъ цесаревича [295].

Затѣмъ Николай Павловичъ написалъ слѣдующую записку князю Лопухину:

«Имѣя порученіе отъ государя императора сообщить высочайшую волю государственному совѣту, прошу васъ покорнѣйше приказать собраться оному секретнымъ собраніемъ въ восемь часовъ пополудни. Съ непремѣннымъ уваженіемъ имѣю честь быть искренно доброжелательнымъ».

Николай Павловичъ предполагалъ явиться въ совѣтъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ, какъ личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ воли цесаревича, и разсчитывалъ, что братъ возвратится въ Петербургъ къ вечеру 13-го декабря.

Престарѣлый и слабый по лѣтамъ и по духу князь Лопухинъ, по полученіи записки отъ великаго князя Николая Павловича, лично привезъ ее къ А. Н. Оленину.

— «Что это, ваша свѣтлость, давно ли вы записались въ курьеры?» — сказалъ ему удивленный Оленинъ.

— «Ну, ты, говори,—отвѣчалъ князь,—вѣдь, братецъ, у страха глаза велики— ты видишь, какія времена,—прибавилъ онъ, пожимая плечами въ разстроенномъ видѣ: — я не отдыхаю и не сплю».

Оленинъ тотчасъ разослалъ повѣстки членамъ государственнаго совѣта о секретномъ общемъ собраніи въ 8 часовъ вечера, а самъ прибылъ въ Зимній дворецъ къ семи часамъ. Затѣмъ онъ отправился въ комнаты великаго князя Николая Павловича и былъ тотчасъ принятъ.

«Представивъ ему чертежъ расположенія столовъ и мѣстъ въ присутственной комнатѣ государственнаго совѣта,—пишетъ А. Н. Оленинъ,— я получилъ отъ его высочества приказаніе: объявить совѣту, что онъ съ часа на часъ ожидаетъ возвращенія великаго князя Михаила Павловича и будетъ съ нимъ вмѣстѣ въ государственный совѣтъ. Касательно же занятія имъ мѣста въ государственномъ совѣтѣ его высочество приказалъ мнѣ такъ распорядиться, чтобы съ начала засѣданія до прочтенія его высочествомъ вносимыхъ въ оное бумагъ онъ сидѣлъ по правую сторону предсѣдателя, а подлѣ него великій князь Михаилъ Павловичъ, по прочтеніи же манифеста о восшествіи на престолъ онъ пересядетъ на мѣсто предсѣдателя, а предсѣдатель займетъ его мѣсто, а великій князь Михаилъ Павловичъ останется на своемъ мѣстѣ. Принявъ сіи приказанія, я поспѣшилъ въ комнаты государственнаго совѣта для надлежащихъ по сему предмету распоряженій... Наконецъ, всѣ приглашенные явились, кромѣ графа Литты и Саблукова за болѣзнію, и

расположились въ комнатѣ совѣта, а частью въ передней къ оной горницѣ.

«Между тѣмъ часы проходили въ ожиданіи великаго князя Михаила Павловича. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ не присаживался и безпрестанно ходилъ изъ комнаты совѣта въ канцелярію, часто меня приглашая посмотрѣть въ покояхъ его высочества великаго князя Николая Павловича, не пріѣхалъ ли князь Михаилъ Павловичъ.

«Такимъ образомъ достигли мы до 11-ти часовъ ночи. Члены совѣта, утомленные отъ ожиданія и пустыхъ между собою разговоровъ и бесѣдуя въ разныхъ комнатахъ въ разныхъ углахъ, сидѣли уже въ молчаніи, разсѣянные по комнатѣ совѣта, даже самъ князь Лопухинъ, уставши отъ безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, сидѣлъ на стулѣ въ передней комнатѣ совѣта, какъ вдругъ къ намъ явился гофмаршалъ Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ съ предложеніемъ отъ имени его высочества великаго князя Николая Павловича, что такъ какъ его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ ожидается съ часу на часъ, а между тѣмъ уже поздно стало, то его высочество приказалъ изготовить ужинъ для членовъ совѣта въ ближайшей комнатѣ къ оному, а именно въ генералъ-адъютантской. Сіе предложеніе многихъ членовъ, удрученныхъ лѣтами и слабостью, нѣсколько оживило, и такъ мы стали уже ожидать ужина».

Кончился ужинъ [296]; тогда Николай Павловичъ, не признавая возможнымъ далѣе откладывать назначенное имъ засѣданіе, рѣшился отправиться въ государственный совѣтъ безъ своего брата.

«Подойдя къ столу,—пишетъ Николай Павловичъ,—я сѣлъ на первое мѣсто, сказавъ: я выполняю волю брата Константина Павловича, и вслѣдъ затѣмъ началъ читать манифестъ о моемъ восшествіи на престолъ: всѣ встали и я также; всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи и по окончаніи чтенія глубоко мнѣ поклонились, при чемъ отличился Н. С. Мордвиновъ, противъ меня бывшій, всѣхъ первый вскочившій и ниже прочихъ отвѣсившій поклонъ, такъ что оно мнѣ страннымъ показалось. За симъ долженъ былъ я прочесть отношеніе Константина Павловича къ князю Лопухину [297], въ которомъ онъ самымъ сильнымъ образомъ выговаривалъ ему, что ослушался будто воли покойнаго императора Александра, отославъ къ нему духовную и актъ отреченія, и принесъ ему присягу, тогда какъ на сіе права никто не имѣлъ. Кончивъ чтеніе, возвратился я въ занимаемыя мною комнаты, гдѣ находилась моя матушка и жена; былъ 1 часъ и понедѣльникъ, что̀ многіе считали дурнымъ началомъ; мы проводили матушку на ея половину, и хотя не было еще объявлено о моемъ вступленіи, но комнатные люди матушки съ ея разрѣшенія насъ поздравляли».

Мраморный дворецъ въ 1806 году.

Съ акварели Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ. СПБ. Мыш. 2.

Четырнадцатое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ.

Съ фототипіи, приложенной къ „Русскому Архиву" 1893 года. (Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ).

Очевидецъ секретнаго собранія государственнаго совѣта А. С. Шишковъ описываетъ засѣданіе слѣдующимъ образомъ:

«Мы собираемся, не вѣдая тому причины, выключая, можетъ быть, одного князя Голицына, который по особой довѣренности присутствовалъ въ комнатныхъ у императрицы совѣщаніяхъ, при коихъ, какъ сказываютъ, находился также Карамзинъ (исторіографъ), Шторхъ (академикъ), Жуковскій (стихотворецъ) и нѣкоторые другіе. Когда мы собрались, то возвѣстили намъ, что оба великіе князя, Николай Павловичъ и Михайло Павловичъ, будутъ въ совѣтъ (послѣдній не возвратился еще изъ своего путешествія; но сказано было, что онъ уже близко и сего жъ вечера пріѣдетъ). Всѣ мы сидимъ въ глубокомъ молчаніи часъ, два, три и болѣе. Наступаетъ полночь. Позвали насъ ужинать. Отужинавъ, садимся мы опять по своимъ мѣстамъ. Тутъ вскорѣ приходитъ великій князь Николай Павловичъ. садится между нами и начинаетъ самъ читать письма Константина Павловича къ нему и къ матери своей, императрицѣ, въ которыхъ онъ отрицается навсегда отъ принятія престола и говоритъ, что онъ уже присягнулъ брату своему Николаю Павловичу. Вслѣдствіе сего новый императоръ Николай Первый подозвалъ къ себѣ министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго и, сказавъ намъ между прочимъ: «сегодня я васъ прошу, а завтра буду приказывать»,—поручилъ ему бумаги сіи тотчасъ напечатать, обнародовать и поутру привесть всѣхъ къ присягѣ. По окончаніи сего, откланялся намъ, ушелъ, и мы всѣ разъѣхались»[298].

V.

Разсмотримъ теперь, къ какимъ рѣшеніямъ пришли члены тайнаго общества въ Петербургѣ за время междуцарствія.

Николай Александровичъ Бестужевъ[299] оставилъ въ своихъ запискахъ правдивый очеркъ первыхъ начинаній членовъ тайнаго общества въ Петербургѣ, вслѣдъ за принесеніемъ присяги императору Константину 27-го ноября.

«Не знаю,—пишетъ И. А. Бестужевъ,—былъ ли Рылѣевъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежавшихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключили, что общество наше многочисленно, и что значащіе люди участвуютъ въ оном. Въ семъ положеніи застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начатія дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по

случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ[300]. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и вмѣсто дѣйствій я увидѣлъ, что Рылѣевъ совершенно не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

«— Гдѣ же общество,—говорилъ я,—о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетени объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія либо намѣренія, скажи ихъ намъ, и мы приступимъ къ исполненію. Говори!

«Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

«Онъ былъ пораженъ нечаянностью случая и наконецъ сказалъ:

«— Это обстоятельство явно дастъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи. Я обманулся самъ; мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ не велико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня ввечеру. Между тѣмъ я поѣду собрать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и въ войскѣ.

«Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ.

«Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душою оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: они были неблагопріятныя. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія. Въ городѣ еще не знали, отречется ли Константинъ; тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

«Когда мы остались трое: Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ многихъ намѣреній положили было написать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое итти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часоваго и передавать имъ словесно, что ихъ обма-

нули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ, и убавлена до 15-ти лѣтъ солдатская служба.

«Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету [301].

«Нельзя представить жадности, съ какою слушали солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

«Два дня сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало-по-малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду, и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

«Между тѣмъ сомнѣнія насчетъ наслѣдства престола возростали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества».

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Н. А. Бестужевъ излагаетъ, вызванный междуцарствіемъ, послѣдовательный ходъ петербургскаго заговора. «Дѣйствительно, хотя сначала члены тайнаго общества полагали выждать воцаренія императора Константина, чтобы сообразовать дальнѣйшія мѣропріятія съ характеромъ новаго правленія, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ отреченіе цесаревича пріобрѣтало большую вѣроятность, лица, стоявшія во главѣ движенія, задумали воспользоваться благопріятными для ихъ замысловъ обстоятельствами и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Неизбѣжность второй присяги представляла заговорщикамъ единственный въ своемъ родѣ случай повліять на войска и, подъ предлогомъ защиты законныхъ правъ цесаревича, увлечь гвардію на путь открытаго мятежа.

Вопросъ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ подвергался въ собраніяхъ обсужденію подъ вліяніемъ восторженнаго слова Рылѣева. Но, тѣмъ не менѣе, мнѣнія членовъ общества расходились между собою. По свидѣтельству очевидца, среди заговорщиковъ не было увѣренности въ успѣхѣ, несмотря на видимый успѣхъ пропаганды и на прибытіе новыхъ членовъ; въ сущности никто не могъ ручаться за содѣйствіе цѣлаго полка; ротные командиры, принимавшіе участіе въ заговорѣ, могли отвѣчать только за свои роты, и то «при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ». По-

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ гравированнаго портрета Годара).

этому нѣкоторые участники происходившихъ тогда совѣщаній имѣли полное основаніе утверждать, что преждевременная вспышка открытаго мятежа въ Петербургѣ, не согласованная съ дѣйствіями остальныхъ членовъ тайныхъ обществъ, разсѣянныхъ по Россіи, можетъ сразу погубить

все затѣянное ими дѣло. Такое мнѣніе высказывалъ князь Трубецкой. Другіе же болѣе пылкіе члены были того мнѣнія, что попытка возстанія, предпринятая при столь благопріятной, совершенно исключительной обстановкѣ, не должна быть упущена.

Послѣ оживленныхъ преній на шумныхъ совѣщаніяхъ мнѣніе въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій восторжествовало. Такимъ образомъ духъ тайнаго союза мгновенно измѣнился и уступилъ мѣсто духу открытаго мятежа. Одинъ изъ декабристовъ, Иванъ Пущинъ, писалъ: «Насъ по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынѣшній единственный случай». Къ тому же, какъ выше замѣчено, великій князь Николай Павловичъ не пользовался сочувствіемъ и любовью въ военныхъ сферахъ[302], а въ виду того, что предпочтеніе большинства явно склонялось въ пользу сохраненія престола за цесаревичемъ, членамъ общества казалось все-таки возможнымъ заручиться содѣйствіемъ гвардіи въ большей или меньшей степени и достигнуть намѣченной цѣли: «доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами, небывалыми въ Россіи», какъ замѣтилъ впослѣдствіи князь Трубецкой, отвѣчая на вопросы, предложенные ему слѣдственной комиссіей.

Ряды заговорщиковъ пополнялись многими офицерами, которыхъ пугалъ крутой нравъ Николая Павловича; они изъявляли готовность дѣйствовать подъ руководствомъ тайнаго общества. «Всѣ эти офицеры,— пишетъ князь Трубецкой, — были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира».

Рѣшившись прибѣгнуть къ силѣ оружія, заговорщикамъ оставалось согласиться между собою насчетъ способа выполненія задуманнаго предпріятія. Здѣсь также предстоялъ выборъ между двумя путями: или слѣдовать по торной дорогѣ прежнихъ петербургскихъ государственныхъ переворотовъ... примѣровъ изъ недавней русской исторіи успѣшныхъ дѣйствій въ этомъ духѣ можно было привести немалое число,—или же избрать новый, небывалый въ исторіи Россіи способъ. Будущіе декабристы отказались дѣйствовать подъ прикрытіемъ ночной темноты. Протестъ долженъ былъ послѣдовать гласно и открыто, среди бѣлаго дня; дѣйствуя такимъ образомъ, надѣялись придать движенію видъ легальности и обезпечить успѣхъ дѣла при поддержкѣ общественнаго сочувствія.

Совѣщанія между заговорщиками, какъ уже выше упомянуто, происходили главнымъ образомъ на квартирѣ Рылѣева. Хотя графу Милорадовичу донесли, что въ домѣ американской компаніи, гдѣ жилъ Рылѣевъ, ежедневно собирались разныя лица, но Милорадовичъ, зная, что Рылѣевъ издатель «Полярной Звѣзды», приписалъ этимъ сборищамъ литературную подкладку и потому не обратилъ никакого вниманія на получаемыя имъ свѣдѣнія.

По поводу одного изъ такихъ совѣщаній у Рылѣева, когда обсуждались мѣры къ возстанію, на случай новой присяги, декабристъ баронъ Розенъ пишетъ[303]:

«Принятыя мѣры къ возстанію были не точны и не опредѣлительны, почему на нѣкоторыя мои возраженія и замѣчанія князь Оболенскій и Булатовъ сказали съ усмѣшкою: «вѣдь нельзя же дѣлать репетиціи». Всѣ изъ присутствовавшихъ были готовы дѣйствовать, всѣ были восторженны, всѣ надѣялись на успѣхъ, и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ, можно ли положиться навѣрно на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка; и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ: «Да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать: начало и примѣръ принесутъ пользу». Еще теперь слышу звуки, интонацію: «все-таки надо»; то сказалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ».

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ приводитъ слова Рылѣева П. А. Бестужевъ; онъ пишетъ: «Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать; чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: «Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ».

Остановившись на рѣшеніи приступить къ открытому протесту, надо было выбрать руководителя для предположеннаго движенія. Выборъ остановился на полковникѣ князѣ Сергѣѣ Трубецкомъ[304]. Рылѣевъ лично объявилъ Трубецкому, что тайное общество избрало его диктаторомъ.

«Трубецкой предложилъ, чтобы первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ и шелъ съ барабаннымъ боемъ къ казармамъ ближняго полка, поднявши который оба вмѣстѣ продолжаютъ шествіе далѣе къ другимъ сосѣднимъ полкамъ; такимъ образомъ онъ надѣялся, что одинъ полкъ будетъ увлеченъ другимъ, и почти всѣ соберутся въ одну значительную массу, къ которой примкнутъ и баталіоны, находившіеся внѣ города; чтобъ лейбъ-Гренадерскій полкъ завладѣлъ арсеналомъ, а лейбъ-гвардейскій Финляндскій Петропавловской крѣпостью. Нѣкоторыми лицами было обѣщано содѣйствіе въ государственномъ совѣтѣ, если войско собравшись будетъ выведено изъ города во избѣжаніе безпорядковъ. Предложеніе Трубецкого не опровергали, но многіе изъ горячихъ членовъ положили, что надобно итти на Сенатскую площадь съ тѣмъ, чтобы захватить сена-

торовъ въ сенатѣ и заставить ихъ издать манифестъ. Надъ войскомъ, которое соберется на площади, долженъ былъ принять начальство полковникъ Булатовъ[305], бывшій командиромъ баталіоннымъ въ лейбъ-Гренадерскомъ полку и только что назначенный командиромъ армейскаго. Рылѣевъ, можетъ быть, думалъ, что Трубецкой обидится выборомъ; когда онъ пришелъ ему это объявить, то прибавилъ: «васъ гвардія не знаетъ, а Булатова знаютъ солдаты всѣхъ полковъ, и онъ очень любимъ!»

«Солдаты гвардейскихъ полковъ не ожидали никакой перемѣны въ престолонаслѣдіи; они съ увѣренностію ожидали пріѣзда императора, которому присягнули. Подсылаемые въ полки люди съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина были солдатами худо приняты. Развѣдованіе, произведенное офицерами, принадлежащими къ обществу или содѣйствовавшими ему, убѣдило ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу, и что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить ихъ въ истинѣ отреченія его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія, были: Измайловскій, Егерскій, лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Московскій, морской экипажъ и частію артиллерія; сверхъ того, Преображенскій очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствія былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось... полкамъ собраться на Петровской площади и заставить сенатъ: 1) издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, и для рѣшенія которыхъ приглашаются въ назначенный срокъ выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія: за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, срокъ службы военной для рядовыхъ уменьшить до 15-ти лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованіи сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города и, притянувъ къ себѣ вторые баталіоны, расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, которые требовали, чтобъ имена ихъ остались неизвѣстными»[306].

Во время тревожныхъ дней междуцарствія, когда между членами Сѣвернаго союза обсуждался вопросъ о предстоявшихъ мѣропріятіяхъ,

Императоръ Николай Павловичъ.

Съ гравюры Робинзона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Дау.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

произошелъ инцидентъ съ Ростовцевымъ. Онъ разыгрался слѣдующимъ образомъ.

Однажды Ростовцевъ зашелъ къ своему сотоварищу и другу, поручику князю Евгенію Оболенскому, занимавшему также мѣсто адъютанта въ штабѣ начальника гвардейской пѣхоты, генерала Бистрома. Ростовцевъ встрѣтилъ здѣсь два вечера сряду князя Трубецкого и Рылѣева, и оба раза Оболенскій просилъ непрошеннаго гостя удалиться, подъ предлогомъ, что онъ долженъ переговорить съ ними по нужному дѣлу.

«Видя общее недоумѣніе во всѣхъ сословіяхъ,—пишетъ Ростовцевъ въ своихъ запискахъ,—зная, что великій князь Николай Павловичъ не успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ приверженцевъ, зная непомѣрное честолюбіе и сильную ненависть къ великому князю Оболенскаго и Рылѣева, наконецъ, видя ихъ хлопоты, смущеніе и безпрерывныя совѣщанія, не предвѣщавшія ничего добраго и откровеннаго, я не зналъ, на что рѣшиться. Никогда еще не представлялся такой удобный случай къ возмущенію. Мысль о несчастіяхъ, которыя, можетъ быть, ожидаютъ Россію, не давала мнѣ покоя: я забылъ и пищу и сонъ. Наконецъ, 9-го числа утромъ, я прихожу къ Оболенскому и говорю ему: «князь, настоящее положеніе Россіи пугаетъ меня; прости меня, но я подозрѣваю тебя въ злонамѣренныхъ видахъ противъ правительства. Дай Богъ, чтобы я ошибся; откройся мнѣ и уничтожь мои подозрѣнія. Мой другъ, неужели ты пожертвуешь спокойствіемъ отечества своему честолюбію?»

«Онъ отвѣчалъ:

«— Яковъ, неужели ты сомнѣваешься въ моей дружбѣ? Всѣ поступки мои были тебѣ до сихъ поръ извѣстны; неужели ты можешь думать, что я для личныхъ видовъ измѣню благу отечества?

«— Князь, можетъ быть, ты обманываешь самъ себя,— возразилъ Ростовцевъ,—можетъ быть, ты честолюбіе свое почитаешь за патріотизмъ: войди хорошенько во внутренность своей души, размысли хладнокровно объ образѣ мыслей, тобою принятомъ и въ тебѣ укоренившемся».

Оболенскій нѣсколько времени молчалъ; наконецъ сказалъ: «Такъ, я размыслилъ!.. очень размыслилъ!.. Любезный Яша, я за одно не люблю тебя: ты иногда слишкомъ снисходителенъ къ великому князю; я съ тобою откровенъ и не скрываю моей къ нему ненависти»[307].

«— Любезный князь, я самъ иногда осуждалъ его за строгое и вспыльчивое обхожденіе съ офицерами, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ случай видѣть доброту души его. Почему ты знаешь, можетъ быть, его поведеніе было слѣдствіемъ необходимости?»

«— Нѣтъ, не могу и не хочу этому вѣрить».

«— Князь, ты увлекаешься страстію, ты можешь сдѣлаться преступникомъ; но я употреблю всѣ средства спасти тебя».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«— Пожалуйста, обо мнѣ не заботься, твои старанія будутъ напрасны. я не завишу отъ самого себя и составляю малѣйшее звено общей, огромной цѣпи! Не отваживайся слабой рукой остановить сильную машину, она измелетъ тебя въ куски».

— Пусть я погибну, князь, но, можетъ быть. раздробленные члены мои засорятъ колеса и остановятъ ихъ движеніе! Такъ, я рѣшился принести себя въ дань моему долгу, и если умру, то умру чистъ и счастливъ».

Оболенскій быстро взглянулъ на Ростовцева и. нѣсколько помолчавъ, сказалъ:

«— Яковъ, не губи себя; я предугадываю твое намѣреніе .

«— Князь, другъ мой, скажи лучше: не будемъ губить себя и останемся каждый на своемъ мѣстѣ».

Въ это время за Оболенскимъ прислалъ генералъ Бистромъ. Уходя, князь сказалъ Ростовцеву: «нашъ разговоръ не докончень, мы возобновимъ его въ другое время».

«— Дай Богъ, чтобы конецъ былъ лучше начала»,—отвѣчалъ Ростовцевъ, и затѣмъ оба собесѣдника разошлись.

Послѣ сего,—продолжаетъ Ростовцевъ,—я нѣсколько разъ старался возобновить разговоръ нашъ. но намъ мѣшали. Я видѣлся съ Рылѣевымъ, который говорилъ со мною въ томъ же духѣ. Я видѣлъ также барона Штейнгеля; зналъ. что онъ былъ недоволенъ покойнымъ государемъ, но никогда не думалъ, чтобы онъ былъ заодно съ Рылѣевымъ и Оболенскимъ.

«10-го декабря утромъ, Оболенскій пришелъ ко мнѣ. Послѣ разговоровъ по дѣламъ канцеляріи я ему сказалъ: Оболенскій. кончимъ нашъ разговоръ; тѣхъ же ли ты мыслей, какъ и вчера?

«— Любезный другъ, не принимай словъ за дѣло. Все пустяки! Богъ милостивъ, ничего не будетъ».

— По крайней мѣрѣ, скажи, на чемъ основали вы ваши планы?»

«— Я не имѣю права открыть тебѣ это!»

— Евгеній, Евгеній, ты лицемѣришь! Что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя противъ твоей воли, выполню обязанность добраго гражданина и сегодня же предувѣдомлю Николая Павловича о возмущеніи. Будетъ ли оно или нѣтъ, но я сдѣлаю свое дѣло .

«— Какъ ты малодушенъ! Какъ другъ, увѣряю тебя, что все будетъ мирно и благополучно, а этимъ ты погубишь себя».

«— Пусть такъ, но я исполню долгъ свой; ежели погибну, то погибну одинъ, а располагать самимъ собою я имѣю полное право .

— Любезный другъ, я не пророкъ, но пророчу тебѣ крѣпость, и тогда,—прибавилъ онъ смѣючись,—ты принудишь меня поневолѣ итти освобождать тебя».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ.

(Съ литографіи прошлаго столѣтія Поля).

Мой другъ, ежели бы ты мнѣ пророчилъ и смерть, то и это бы меня не остановило .

Оболенскій обнялъ Ростовцева и сказалъ: Яковъ, Яковъ, ты еще молодъ и пылокъ! Какъ тебѣ не стыдно дурачиться! Даю тебѣ слово, что ничего не будетъ .

Въ тотъ же день на разводѣ Ростовцевъ тщетно старался встрѣтить великаго князя Николая Павловича наединѣ. По возвращеніи

Оболенскій спросилъ своего товарища, смѣючись, видѣлъ ли онъ великаго князя, придавъ всему видъ шутки.

Послѣ этого разговоръ о таинственномъ предпріятіи болѣе не возобновлялся между обоими пріятелями. Но 12-го декабря, въ 4 часа пополудни, Ростовцевъ, зайдя къ князю Оболенскому, къ крайнему его удивленію нашелъ у него человѣкъ двадцать офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, чего прежде никогда не случалось. Между ними былъ и Рылѣевъ. «Они говорили другъ съ другомъ шопотомъ и примѣтно смѣшались, когда я вошелъ»,—шепетъ Ростовцевъ.

Неожиданная встрѣча съ собравшимся здѣсь обществомъ рѣшила дѣло. Ростовцевъ написалъ письмо великому князю Николаю Павловичу и отвезъ въ тотъ же вечеръ въ Зимній дворецъ. Выше приведены нами содержаніе письма и разговоръ съ великимъ княземъ.

На другой день, 13-го декабря, Ростовцевъ, взявъ съ собою копію письма къ великому князю, пришелъ къ Оболенскому.

По разсказу Ростовцева, «онъ былъ въ кабинетѣ своемъ съ Рылѣевымъ. Вошедши въ комнату, я сказалъ имъ: «Господа, я имѣю сильныя подозрѣнія, что вы намѣреваетесь дѣйствовать противъ правительства; дай Богъ, чтобы подозрѣнія эти были не основательны; но я исполнилъ долгъ свой. Я вчера былъ у великаго князя. Всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты, и ваши покушенія будутъ тщетны. Васъ не знаютъ; будьте вѣрны своему долгу, и вы будете спасены!» Тутъ я имъ отдалъ и письмо, и разговоръ мой, и Рылѣевъ началъ читать оные въ слухъ. Оба они побѣдѣли и чрезвычайно смѣшались. По окончаніи чтенія Оболенскій сказалъ мнѣ:

«— Съ чего ты взялъ, что мы хотимъ дѣйствовать? Ты употребилъ во зло мою довѣренность и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ, либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ; но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ и будешь первою жертвою!»

«— Оболенскій, ежели ты почитаешь себя въ правѣ мстить мнѣ, то отомщай теперь!»

«Рылѣевъ бросился мнѣ на шею и сказалъ:

«— Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей! Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности; но какое право имѣлъ ты быть съ нимъ изліянно откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнію, идя къ великому князю, вновь жертвуетъ жизнію, придя къ намъ: ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка!»

«Оболенскій обнялъ меня и сказалъ:

«— Да, я его обнимаю и желалъ бы задушить въ моихъ объятіяхъ».

«Я имъ сказалъ:

«— Господа, я оставляю у васъ мои документы; молю васъ, употребите ихъ въ свою пользу! Въ нихъ видите вы великую душу будущаго государя; она вамъ порукою за его царствованіе».

Рылѣевъ, сильно взволнованный разоблаченіями Ростовцева, не замедлилъ передать И. А. Бестужеву происшедшій разговоръ и содержаніе полученныхъ бумагъ. Бестужевъ, замѣтивъ, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ, выразилъ увѣренность, что они будутъ арестованы, если не теперь, то послѣ присяги. Тогда Рылѣевъ спросилъ: «Что же, ты полагаешь, нужно дѣлать?»

— Не показывать этого письма никому,— отвѣтилъ Бестужевъ,—и дѣйствовать: лучше быть взятымъ на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали».

Рылѣевъ бросился къ Бестужеву на шею и сказалъ въ сильномъ волненіи:

— «Я увѣренъ былъ, что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ—съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія, но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!»

Въ 12-мъ часу вечера 13-го декабря, Оболенскій пришелъ къ Ростовцеву и, обнявъ его, сказалъ:

— Такъ, милый другъ, мы хотѣли дѣйствовать, но увидѣли свою безразсудность! Благодарю тебя, ты насъ спасъ».

«Такая перемѣна меня обрадовала, — замѣчаетъ Ростовцевъ, — но впослѣдствіи я увидѣлъ, къ несчастію, что это была только хитрость».

Когда Оболенскій прибѣгъ къ этой преднамѣренной хитрости, онъ возвратился съ послѣдняго рѣшительнаго совѣщанія у Рылѣева. Одинъ изъ участниковъ собранія, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, оставилъ любопытное описаніе собранія, состоявшагося вечеромъ 13-го декабря у Рылѣева; Бестужевъ называетъ его шумнымъ и бурливымъ.

«Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно высоконастроенномъ состояніи,—пишетъ Бестужевъ.—Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобно исполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе дорого поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго. Первый былъ храбрый офицеръ, но хвастунъ и самъ трубилъ о своихъ подвигахъ на Кавказѣ. Но не даромъ сказано: кто про свои дѣла твердитъ всѣмъ безъ умолку,

въ томъ мало очень толку, и это онъ доказалъ 14-го декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика—не одно и то же. Въ первомъ случаѣ, даже при неудачѣ, его ожидаетъ почетъ и награды, тогда какъ въ послѣднемъ при удачѣ ему предстоитъ туманная будущность, а при проигрышѣ дѣла—вѣрный позоръ и безславная смерть[308]. Щепина-Ростовскаго, хотя онъ не былъ членомъ общества, я нарочно привелъ на это совѣщаніе, чтобъ посмотрѣть, не поднятится ли онъ. Будучи наэлектризованъ мною, быть можетъ, чрезъ мѣру и чувствуя непредолимую силу, влекущую его въ водоворотъ, билъ руками и ногами, и старался какъ бы заглушить разсудокъ всплескомъ воды и брызгами.

«Зато какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ не хорошъ собою, говорилъ просто, но не гладко: но, когда онъ попадалъ на свою любимую тему, на любовь къ родинѣ, физіономія его оживлялась; черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда бывало не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: быть или не быть, его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Суттофа[309], съ которымъ мы бесѣдовали, повѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ, сказалъ: Миръ вамъ люди дѣла, а не слова! Вы не обѣщаетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣрены, что сдѣлаете свое дѣло. Мы...».

«Я прервалъ его:

— Мнѣ крайне подозрительны эти бравады и хвастливыя выходки, особенно Якубовича. Вы поручили ему поднять артиллеристовъ и Измайловскій полкъ, прійти съ ними ко мнѣ и тогда уже вести всѣхъ на площадь къ сенату; повѣрь мнѣ, онъ этого не исполнитъ, а ежели и исполнитъ, то промедленіе въ то время, когда энтузіазмъ солдатъ возбужденъ, можетъ повредить успѣху, если не вовсе его испортить».

«— Какъ можно предполагать, чтобы храбрый кавказецъ?... .

«— Но храбрость солдата не то, что храбрость заговорщика, а онъ достаточно уменъ, чтобъ понять это различіе. Однимъ словомъ, я приведу полкъ, постаравшись не допустить его до присяги, а другіе полки пусть соединяются со мною на площади».

— Солдаты твоей роты, я знаю, пойдутъ за тобою въ огонь и воду, но прочія роты?»—спросилъ, подумавъ немного, Рылѣевъ.

«— Въ послѣдніе два дня солдаты мои усердно работали въ другихъ ротахъ, а ротные командиры дали мнѣ честное слово не остана-

вливать своихъ солдатъ, если они пойдутъ съ моими. Ротныхъ командировъ я убѣдилъ не ходить на площадь и не увеличивать понапрасну число жертвъ».

— А что скажете вы?» — сказалъ Рылѣевъ, обратившись къ Сутгофу.

— Повторю то же, что вамъ сказалъ Бестужевъ,—отвѣчалъ Сутгофъ.—Я приведу ее на площадь, когда соберется туда хоть часть войска».

А прочія роты?»—спросилъ Рылѣевъ.

— Можетъ быть, и прочія послѣдуютъ за мною. Но за нихъ я не могу ручаться».

Это были послѣднія слова, которыми мы обмѣнялись на этомъ свѣтѣ съ Рылѣевымъ[310]. Было близко полуночи, когда мы его оставили, и я спѣшилъ домой, чтобы быть готовымъ къ роковому завтрашнему дню и подкрѣпить ослабѣвшія отъ напряженной дѣятельности силы, хоть нѣсколькими часами сна».

Послѣ совѣщанія у Рылѣева къ Н. А. Бестужеву пріѣхалъ Кондратій Оедоровичъ съ Пущинымъ, чтобы сообщить о принятыхъ обществомъ окончательныхъ рѣшеніяхъ. Къ нимъ присоединились еще Рѣпинъ (штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка), Торсонъ и Батенковъ. Рылѣевъ объявилъ, что на другой день при принятіи присяги слѣдуетъ поднимать войска, на которыя можно разсчитывать, и, какъ бы ни были малы силы, итти съ ними немедленно во дворецъ. «Надобно нанесть первый ударъ,—сказалъ онъ,—а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Итакъ, братъ ли твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ, первый, кто придетъ на площадь, отправится тотчасъ во дворецъ.... довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдутъ оттуда, и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ, и самые нерѣшительные должны будутъ склониться на нашу сторону. Повторяю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзайте».

Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14-го числа,—пишетъ Н. А. Бестужевъ.—Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13-го числа, утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13-го числа послѣ сего совѣщанія».

Въ истинѣ приведеннаго здѣсь свидѣтельства Бестужева нельзя сомнѣваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно доказываетъ, до какой степени предположенія тайнаго общества отличались безсвязностью, неопредѣленностью и непрестанными противорѣчіями.

Во всякомъ случаѣ жребій былъ брошенъ. 14-го декабря предстояла въ Петербургѣ кровавая расправа, по поводу которой генералъ-адъю-

танту Левашову представился вскорѣ случай сказать князю Трубецкому, бывшему диктатору, уже узнику Петропавловской крѣпости: «Ah, mon prince! Vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans. (Ахъ, князь! вы причинили большое зло Россіи, вы ее отодвинули на пятьдесятъ лѣтъ)».

Пророчество сбылось и въ полной мѣрѣ.

«По мнѣнію людей, истинно просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ, какъ въ то время, такъ и позже. пишетъ графъ В. А. Сологубъ,—это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, несмотря на полный благородства и самоотверженія характеръ заговорщиковъ» [311].

танту Левашову пре[illegible] Трубецкому, бывшему диктатору, [illegible] Ah, mon prince! Vous avez fait [illegible] reculée de cinquante ans. (Ахъ, [illegible] Россiю, вы ее отодвинули на пятьдесят [illegible]

Пророчество сбыл[illegible]

«По мнѣнiю людей [illegible] преданныхъ своей родинѣ, как[illegible] графъ В. А. Соллогубъ,—это возстанiе [illegible] развитiе Россiи, несмотря на полный благород[illegible] характера заговорщиковъ» [311].

Михайловскій замокъ и Марсово поле въ 1806 году.

Съ акварели Патерсона, принадлежащей П. Е. Щукину.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Наступило 14-е декабря, «роковой день», по словамъ Николая Павловича. Это было сумрачное декабрьское петербургское утро съ 8-ю градусами мороза.

Государь всталъ рано и сказалъ присутствовавшему при утреннемъ его одѣваніи генералъ-адъютанту Бенкендорфу: «Сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ» [312]. Принявъ затѣмъ генерала Воинова, императоръ Николай, въ мундирѣ Измайловскаго полка, вышелъ въ залу, гдѣ собраны были всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса. Объяснивъ имъ словесно, что, покоряясь непзмѣнной волѣ цесаревича Константина Павловича, которому недавно вмѣстѣ съ ними присягалъ, находится вынужденнымъ исполнить его волю и принять престолъ, какъ старшій за нимъ въ родѣ, государь прочиталъ имъ манифестъ императора Александра и отреченіе цесаревича и спросилъ, не имѣетъ ли кто какихъ сомнѣній. Всѣ присутствовавшіе отвѣчали, что не имѣютъ никакихъ сомнѣній. Тогда Николай Павловичъ, нѣсколько отступивъ, съ свойственными ему осанкою и величіемъ сказалъ: «Послѣ этого вы отвѣчаете мнѣ головою за спокойствіе столицы; а что до меня касается, если я хоть часъ буду императоромъ, то покажу, что этого достоинъ» [313]. Въ заключеніе онъ всѣмъ имъ приказалъ ѣхать въ главный штабъ присягать, а оттуда немедленно отправиться по своимъ командамъ, привести ихъ къ присягѣ и донести объ исполненіи.

Между тѣмъ, въ 7 часовъ утра созваны были въ своихъ мѣстахъ для присяги сенатъ и синодъ [314], и разосланы повѣстки, чтобы всѣ

имѣющіе пріѣздъ ко двору собирались въ ...мнемъ дворцѣ къ 11-ти часамъ утра для торжественнаго молебствія.

Вскорѣ за симъ прибылъ во дворецъ къ государю графъ Милорадовичъ съ увѣреніемъ совершеннаго спокойствія въ городѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавилъ, что всѣ мѣры предосторожности приняты[315]. То же самое онъ повторилъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ снова встрѣтился съ государемъ[316]. Въ дѣйствительности же, со стороны подчиненныхъ властей и мѣстныхъ исполнителей допущены были такія странныя погрѣшности и оплошности, которыя одни уже могли поколебать умы и произвесть въ нихъ волненіе. Такъ, напримѣръ, духовное начальство распорядилось, чтобы во всѣхъ церквахъ, на эктеніяхъ за обѣднею 14-го декабря, возглашено было уже имя государя императора Николая Павловича; но самый манифестъ съ приложеніями велѣно прочесть только послѣ обѣдни, передъ молебномъ. Съ другой стороны, упущено было заблаговременно выпустить и разсылать въ народѣ достаточное число печатныхъ экземпляровъ манифеста, которымъ объяснялось все дѣло, а на улицахъ частные разносчики вездѣ продавали экземпляры новой присяги безъ манифеста, то-есть безъ ключа къ ней. Манифестъ нигдѣ почти и достать нельзя было, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мятежники загородили зданіе сената, въ которомъ помѣщалась и типографія его съ книжною лавкою»[317].

Вслѣдъ за графомъ Милорадовичемъ первымъ изъ полковыхъ командировъ явился командовавшій конною гвардіею генералъ-адъютантъ А. О. Орловъ съ донесеніемъ объ окончаніи присяги. «Поговоривъ съ нимъ довольно долго,— пишетъ Николай Павловичъ,— я его отпустилъ. Вскорѣ за нимъ явился комиѣ командовавшій гвардейскою артиллеріею генералъ-майоръ Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ гвардейской конной артиллеріи офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги, желая сперва слышать удостовѣреніе его отъ Михаила Павловича, котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что генералъ Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать. Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ Михаилъ Павловичъ, котораго я просилъ сейчасъ же отправиться въ артиллерію для приведенія заблудшихъ въ порядокъ.

«Спустя нѣсколько минутъ послѣ сего, явился комиѣ генералъ-майоръ Нейдгартъ, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, и, войдя комиѣ совершенно въ разстройствѣ, сказалъ: «Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection, Chenchin et Frédericks (тогдашніе бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire; ordonnez de grâce au régiment Préobrajenski et à la garde à cheval de marcher contre».

Меня вѣсть сія поразила, какъ [illegible]ромъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасался, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ первому батальону преображен-

Николай Михайловичъ Карамзинъ.
(Съ гравированнаго портрета Уткина).

цевъ выходить, я дозволилъ конной гвардіи сѣдлать, но не выѣзжать, и къ нимъ отправилъ генерала Нейдгарта, послав въ то же время генералъ-майора Стрекалова, дежурнаго при мнѣ, въ Преображенскій батальонъ для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать, и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшилъ самъ итти туда, гдѣ опасность угрожала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Но должно было отъ всѣхъ скрыть настоящее положеніе наше и въ особенности отъ матушки, и, зайдя къ женѣ, сказалъ: «Il y a du bruit au régiment de Moscou, je veux y aller». Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира Кавалергардскаго полка, графа Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершеномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему ввѣренныя, вышли изъ повиновенія. За мною шелъ генералъ-адъютантъ Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-я стрѣлковая рота лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, подъ командою капитана Прибыткова: послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ карауль подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было, и что по точной волѣ сіе брата Константина Павловича, получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: «Ребята московскіе шалять, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами», велѣлъ зарядить ружья и самъ скомандовалъ: «дивизіонъ впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ», повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ, и палацо была только остальная часть людей.

«Съѣздъ ко дворцу уже начинался, и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя карауль поперекъ воротъ, обратился я къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ и, сказавъ: «Cela va mal, ils marchent au sénat, mais je vais leur parler», ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ[318].

«Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ нибудь необыкновеннымъ; всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ: всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ[319].

«Наконецъ, Стрекаловъ извѣстилъ меня, что Преображенскій первый батальонъ готовъ; приказавъ коменданту, генералъ-адъютанту Башуцкому, остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ батальону, стоявшему спиной къ комендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ

экзерциргаузу; батальономъ командовалъ полковникъ Микулинъ, а полковой командиръ, генералъ-майоръ Неленьевъ, былъ при батальонѣ. Батальонъ мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и спросивъ, готовы ли итти за мной, куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое: рады стараться! —минута единственная въ моей жизни: никакая кисть не изобразитъ стройную, почтенную и спокойную наружность сего именно перваго баталіона въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту. Скомандовавъ по-тогдашнему: «къ атакѣ въ колонну, первый и восьмой взводы въ полъ-оборота налѣво и направо», повелъ я батальонъ лѣвымъ плечомъ впередъ, мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, къ углу Адмиралтейскаго бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были нѣмни: въ то же время замѣтилъ я около дома главнаго штаба полковника князя Трубецкого; ниже увидимъ, какую онъ тамъ игралъ роль.

«Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мною были генералъ-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурновъ, Стрекаловъ и адъютанты мои Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кавелина послалъ я итти въ Аничкинъ домъ перевезть дѣтей въ Зимній дворецъ. Перовскаго послалъ я въ конную гвардію, съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь.

«Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы, и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ князь Голицынъ[320], генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что графъ Милорадовичъ смертельно раненъ[321]. Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги баталіона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ конныма стараго рейткнехта изъ конной гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобы полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы: «ура, Константинъ!»— на площади противъ сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала.

«Въ сіе время замѣтилъ я влѣво противъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, у котораго черныма обвязана голова, огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что-то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовичъ[322]; но не зналъ, съ какою цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: я былъ съ ними, но услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «спасибо, вы вашъ долгъ знаете»[323].

«Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ почти весь участвуетъ въ бунтѣ, и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее его намѣреніе было

подъ сей личиной узнавать, что среди насъ дѣлалось, и дѣйствовать по удобности [324].

«Въ это время генералъ-адъютантъ Орловъ привелъ всю конную гвардію, обогнувъ Исаакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ военнаго министерства, что тогда было домомъ князя Лобанова; полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

«Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ, ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время доказать мнѣ сіе на дѣлѣ. Генералу Орлову велѣть съ полкомъ итти на сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобъ пресѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ, гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшимися до угла нынѣшняго синодскаго зданія: уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для собора, и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе, какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ, идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи, правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ почти достигая заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ, спиной къ старому сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по генералъ Воиновѣ, но не успѣли ранить, тогда, когда онъ подъѣхалъ и хотѣлъ уговаривать людей.

«Флигель-адъютантъ Бибиковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба, бывъ ими схваченъ и жестоко избитый, отъ нихъ вырвался и принесъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту его величества Преображенскаго полка съ Исленьевымъ и младшимъ полковникомъ Титовымъ, подъ командою капитана Игнатьева, чрезъ бульваръ занять Исаакіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ конной гвардіи. Самъ же, съ прибывшимъ ко мнѣ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, выѣхалъ на площадь, чтобъ разсмотрѣть положеніе мятежниковъ: меня встрѣтили выстрѣлами.

«Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка, съ большею частію офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ Михаилъ Павловичъ. Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу, у забора, противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2-й батальонъ Преображенскаго полка стояли уже на площади; сей батальонъ послалъ я вмѣстѣ съ первымъ, рядами направо, примкнуть къ конной гвардіи. Кавалергарды оставлены были мною въ резервѣ, у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было

MIKOLAI I.

подъ сей [illegible] что [illegible] дѣлалось и дѣйствовалось [illegible] удобности [24].

Въ это время генералъ-ад[illegible] всю конную гвардію, обогнувъ Исаакіевски[illegible] площадь между [illegible] и зданіемъ военнаго мин[illegible] бывшимъ домомъ кн[illegible] полкъ шелъ въ колоннѣ [illegible] къ сему [illegible]

[illegible] я поѣхалъ къ нему [illegible] ними, сказалъ искренно мнѣ [illegible] то [illegible] сіе на дѣлѣ. Генералу Орлову [illegible] съ [illegible] площадь и выстроиться такъ, чтобъ пресѣ[illegible]

[illegible]

щадь тогда была весьма стѣснена забо[illegible] рившимися до угла нынѣшняго сино[illegible] варомъ и берегомъ Невы, служила складомъ [illegible] камней [illegible] собора, и оставалось между самими заборами и монументомъ Петра Великаго не болѣе какъ [illegible] 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ, или по шести, возмутители выстроились [illegible] линіи, правымъ [illegible] флангомъ къ монументу. [illegible] Между [illegible] въ густой непроницаемой [illegible] еще одинъ Московскій полкъ. Въ сей [illegible] стрѣловъ; стрѣляли [illegible] генералъ Ро[illegible] когда онъ подъѣхалъ и сталъ уговар[illegible]

«Флигель-адъютантъ Б[illegible] штаба, бывъ ими схваченъ и [illegible] дрался [illegible] [illegible] дѣйствитель-

[illegible]

[illegible] младшимъ [illegible] подъ коман-

[illegible] Игнатьева, чрезъ [illegible] скій мостъ, [illegible] сообщеніе съ [illegible] островомъ [illegible] фронтъ конной гварді[illegible] ко мнѣ [illegible] генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ [illegible] раз-

[illegible]

Въ [illegible] я приказалъ всѣмъ [illegible] на [illegible] площадь и [illegible] нашелъ [illegible] остальную [illegible] Московскаго полка. [illegible] офицеровъ, которыхъ [illegible] мнѣ привелъ Михаилъ Павловичъ. Офицеры бросились мнѣ [illegible] руки и ноги. Въ доказательство [illegible] къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу, у забора, противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2-й батальонъ Преображенскаго полка стояли уже на площади; сей батальонъ послалъ я вмѣстѣ съ первымъ, рядами направо, примкнуть къ конной гвардіи. Кавалергарды оставлены были мною въ резервѣ, у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было

Императоръ Николай I.

Съ польской литографіи 1825 года.

30

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

итти прямо, вокругъ Исаакіевскаго собора, къ манежу конной гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны Михаилу Павловичу. Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула, составлявшіе малый батальонъ, посланы были по Почтовой улицѣ и мимо конно-гвардейскихъ казармъ на мостъ у Крюкова канала и въ Галерную улицу.

Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ безпорядокъ и нерѣшительность при присягѣ. Сколь мнѣ сіе ни больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ, а потому велѣлъ генералъ-адъютанту Левашову, ко мнѣ явившемуся, ѣхать въ полкъ и, буде есть какая либо возможность, двинуть его, хотя бы противъ меня, непремѣнно его вывесть изъ казармъ.

Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ, и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ шталмейстеру князю Долгорукому приготовить загородные экипажи для матушки и жены, и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми, подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, въ Царское Село. Самъ же, послав за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь, дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ баталіонамъ: гвардейскому и учебному. Не доѣхавъ еще до дома главнаго штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами, безъ офицеровъ лейбъ-Гренадерскій полкъ, идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я хотѣлъ остановить людей и выстроить: но на мое: стой, отвѣчали мнѣ: мы за Константина. Я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: когда такъ, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ.

«Къ счастію, что сіе такъ было, ибо иначе бы началось кровопролитіе подъ окнами дворца, и участь наша была бы болѣе чѣмъ сомнительна, но подобныя разсужденія дѣлаются послѣ: тогда же одинъ Богъ меня наставилъ на сію мысль.

«Милосердіе Божіе оказалось еще разительнѣе при семъ же случаѣ, когда толпа лейбъ-гренадеръ, предводимая офицеромъ Пановымъ, шла съ намѣреніемъ овладѣть дворцомъ и въ случаѣ сопротивленія истребить все наше семейство. Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ почелъ ихъ за присланный мною отрядъ для занятія дворца. Но вдругъ Пановъ, шедшій во главѣ, замѣтилъ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ, только что успѣвшій прибѣжать и выстроиться въ колонны на дворѣ, и закричавъ: да это не наши, началъ ворочать входящихъ отдѣленіями кругомъ и бросился бѣжать съ ними обратно на площадь. Ежели бы Саперный батальонъ опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все наше семейство

.....

были бы въ рукахъ мятежниковъ, тогда какъ, занятый происходившимъ на Сенатской площади и вовсе безъ свѣдѣній отъ угрожавшей съ тылу иной важнѣйшей опасности, я бы лишенъ былъ всякой возможности сему воспрепятствовать. Изъ сего видно самымъ разительнѣйшимъ образомъ, что ни я, никто не могли бы бы сего дѣла благополучно кончить, ежели бы самому милосердію Божію не угодно было всѣмъ править къ лучшему...

«Воротившись къ войскамъ, поѣхалъ къ прибывшей артиллеріи, но, къ несчастію, безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи: доколѣ посланно было за ними, мятежъ усиливался: къ печальной массѣ Московскаго полка прибылъ гвардейскій экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной, а толпа гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлались безпрестанными, и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться, и многіе перебѣгали къ мятежникамъ, передъ которыми видны были люди невоенные. Однимъ словомъ ясно становилось, что не семёновское въ присягѣ было истинной причиной бунта; существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. «Ура! конституція!» раздавалось и принималось чернью за ура, произносимое въ честь супруги Константина Павловича!

«Воротился генералъ-адъютантъ Левашовъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста: я поспѣшилъ къ нему, полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе; я сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что, впрочемъ, ежели среди ихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня итти, то я имъ не препятствую присоединиться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ. Я при себѣ приказалъ всѣмъ зарядить ружья и послалъ ихъ на площадь, велѣвъ поставить ихъ въ резервѣ, спиной къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже стоявшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полковника Шипова прибылъ въ величайшей исправности и сталъ у самаго моста на каналѣ, батальонъ за батальономъ. Михаилъ Павловичъ былъ уже тутъ.

«Съ этого мѣста было еще ближе видно, что съ гвардейскимъ экипажемъ, стоявшимъ на правомъ флангѣ мятежниковъ, было много офицеровъ экипажа сего и другихъ: видны были и другіе во фронтѣ, разхаживающіе между солдатъ и уговаривавшіе ихъ стоять въ порядкѣ.

«Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требованный мною митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, почтенный пастырь съ однимъ иподіакономъ вышелъ изъ церкви и, положа крестъ на голову, пошелъ прямо къ толпѣ [325]: онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей минуты ему воспрепятствовали, угрожая стрѣлять, если не удалится. Михаилъ Павловичъ предложилъ мнѣ подъѣхать къ толпѣ, въ надеждѣ при-

сутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича къ брату была всѣмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣнической руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но,

Александръ Дмитріевичъ Боровковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ" 1898 г.).

желая испытать всѣ способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата, придавъ ему генералъ-адъютанта Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники имъ мѣшали. Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса не дали совершить[326]. Братъ воротился къ

своему мѣсту, а я, объѣхавъ вокругъ собора, прибылъ снова къ войскамъ, съ той стороны бывшимъ, и нашелъ прибывшимъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, который оставался на площади противъ Гороховой, за пѣшей артиллерійской бригадой.

«Погода изъ довольно свѣжей становилась холоднѣе; снѣгу было весьма мало, и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже три часа пополудни. Шумъ и крикъ дѣлались настойчивѣе, и частые ружейные выстрѣлы многихъ въ конной гвардіи ранили и перелетали чрезъ войска.

«Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ; пули просвистали мнѣ черезъ голову, и, къ счастію, никого изъ насъ не ранило; рабочіе Исаакіевскаго собора изъ-за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи [327].

«Я согласился испробовать атаковать кавалеріею. Конная гвардія первая атаковала поэскадронно, но ничего не могли произвести, и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротмистръ Веліо лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха.

«Тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Sire, il n'y a pas un moment à perde, on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille». Я предчувствовалъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ обнялъ. «Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon regne»,—отвѣчалъ я Васильчикову.—«Pour sauver votre empire»,—сказалъ онъ мнѣ.

«Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрно всѣ, или, пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ.Ославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью: орудіями командовалъ штабсъ-капитанъ Бакунинъ. Все во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ приготовленій и сдадутся, не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ, я послалъ генералъ-майора Сухозанета объявить имъ, что, ежели сейчасъ не положатъ оружія, велю стрѣлять; ура и прежд-

нія восклицанія были отвѣтомъ, и велѣдъ за этимъ залпъ. Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ «пли».

«Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка, ударили въ самую средину толпы, и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійскою набережной, на Неву, по Галерной и даже навстрѣчу выстрѣловъ изъ орудія при Семеновскомъ полку, дабы достичь берега Крюкова канала.

«Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ гвардейскій конно-піонерный эскадронъ и часть конной гвардіи преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной».

Михаилъ Бестужевъ съ московцами спустился на Неву и началъ строить колонну, намѣреваясь итти по льду къ Петропавловской крѣпости и занять ее. Но орудія, поставленныя на Исаакіевскомъ мосту, стали поражать ядрами этихъ людей; вдругъ среди нихъ раздался крикъ: тонемъ! Ледъ не выдержалъ, и внезапно образовалась полынья. Уцѣлѣвшіе солдаты бросились къ берегу на Васильевскій островъ; всякая возможность дальнѣйшаго сопротивленія исчезла.

Участь дня была рѣшена, и мятежъ прекращенъ. Оставалось только преслѣдовать бѣгущихъ и принять необходимыя мѣры предосторожности для обезпеченія Зимняго дворца. Императоръ Николай лично всѣмъ этимъ распорядился и отдалъ нужныя приказанія. Государь поручилъ Васильевскій островъ въ команду генералъ-адъютанта Бенкендорфа, а начальство по эту сторону Невы ввѣрилъ генералъ-адъютанту Васильчикову, повелѣвъ ему оставаться у сената; въ распоряженіе каждаго изъ нихъ назначены были извѣстныя части войскъ. Остальныя войска гвардейскаго корпуса расположились на всю ночь бивуакомъ вокругъ Зимняго дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты, ведущіе на Дворцовую площадь. Полнѣйшее спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ [328].

Остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, что происходило въ Зимнемъ дворцѣ въ то время, когда государь на площади въ борьбѣ съ мятежниками подвергалъ свою жизнь опасности. Собравшееся во дворцѣ общество проводило время въ томительномъ ожиданіи предстоявшаго молебна; большинство съѣхавшихся лицъ не знало хорошенько, въ чемъ дѣло. «Меня въ особенности поразило то обстоятельство,—замѣчаетъ П. Г. Дивовъ,—что болѣе шестидесяти дамъ сохранили полное спокойствіе среди всеобщей сумятицы. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что имъ не было извѣстно о существованіи опасности».

Военные всѣ уходили на площадь. Карамзинъ послѣдовалъ ихъ примѣру, желая удостовѣриться, гдѣ государь, чтобы потомъ успокоить имне-

ратрицу Марію Осодоровну. Будучи по тогдашнему обычаю въ чулкахъ и башмакахъ, онъ простудился и выходомъ на площадь окончательно разстроилъ свое здоровье. «Видѣлъ императора на конѣ, среди войска, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять, шесть упало къ моимъ ногамъ»,—писалъ черезъ нѣсколько дней исторіографъ Н. М. Дмитріеву [329].

Оставшіеся во дворцѣ сановники, конечно, отдавали себѣ отчетъ въ томъ, какая въ то время опасность угрожала существующему порядку. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ графъ Аракчеевъ. Принцъ Евгеній Виртембергскій, посланный государемъ во время мятежа для принятія мѣръ къ обезпеченію Зимняго дворца, встрѣтился въ одной изъ залъ съ навшимъ временщикомъ; принца поразилъ мрачный и потупленный взоръ графа Аракчеева, сердце и совѣсть котораго подвергались, вѣроятно, въ этотъ день одинаковой пыткѣ [330].

По свидѣтельству другого очевидца, В. Р. Марченка, во дворцѣ оставались только два генерала: министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій, по старости, и графъ Аракчеевъ, по трусости, какъ говорили тогда, можетъ быть, злословно, но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слова, и онъ радъ былъ, усѣвшись на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ княземъ Лопухинымъ. Къ нимъ присоединился еще князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, и, какъ пишетъ Карамзинъ, среди общаго движенія, въ сторонѣ неподвижно сидѣли три магната, «какъ три монумента».

Марченко разсказываетъ еще, что графъ Аракчеевъ подошелъ къ нему съ просьбою, не можетъ ли онъ по старой дружбѣ подарить ему экземпляръ манифеста. Просьба графа была немедленно исполнена. На вопросъ же Аракчеева: «что, батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти?» Марченко отвѣтилъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ, у сената стоящей, и что графъ Милорадовичъ опасно раненъ. «Аракчеевъ съ ужасомъ отошелъ отъ меня,—пишетъ Марченко,—услышавъ первый разъ о ранѣ, нанесенной графу Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два всѣмъ уже извѣстно было» [331].

Когда грянула первая пушка, императрица Александра Осодоровна упала на колѣни и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ отъ души говорила: «для чего я женщина въ эти минуты!»—Императрица Марія Осодоровна повторяла: «что скажетъ Европа!»—«Я случился подлѣ нихъ,—писалъ Карамзинъ Н. М. Дмитріеву,—чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной: опасность подъ носомъ, уже не опасность, а рокъ, и не смущаетъ сердца: смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною».

Императоръ Николай по разсѣяніи мятежниковъ сошелъ съ коня у главныхъ воротъ Зимняго дворца и, войдя на дворъ, привѣтствовалъ

лейбъ-гвардіи саперный батальонъ словами: «Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ, то съ другой стороны видѣлъ также много преданности и самоотверженія, которыя останутся для меня всегда памятными».

Послѣ этихъ милостивыхъ словъ императоръ Николай поспѣшилъ во дворецъ, по деревянной лѣстницѣ, которая до пожара 1837 года вела

Графъ Лаферронэ.

(Съ портрета, приложеннаго къ его „Воспоминаніямъ").

изъ-подъ главныхъ воротъ къ покоямъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Здѣсь государя поджидала царственная семья.

Вмѣстѣ съ императрицами находился и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Воцарившійся императоръ, намѣреваясь изъявить саперамъ новое доказательство своего къ нимъ благодарнаго вниманія и располо-

женія, пожелалъ показать сына выстроенному на дворѣ саперному баталіону. Камердинеръ императрицы Маріи Ѳедоровны, Гриммъ, вынесъ наслѣдника, одѣтаго въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, слѣдуя за государемъ.

Подойдя къ саперамъ, Николай Павловичъ взялъ великаго князя на руки и, вызвавъ передъ баталіонъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена, передалъ имъ наслѣдника; саперы бросились цѣловать руки, ноги и платье царственнаго младенца. Приказавъ затѣмъ отнести наслѣдника обратно во дворецъ, государь сказалъ саперамъ: «Я желаю, чтобы вы такъ любили моего сына, какъ я самъ люблю васъ»[332].

Теперь только могли приступить къ молебствію, которое, первоначально назначенное въ 11 часовъ, потомъ отложенное до двухъ часовъ пополудни, совершилось наконецъ въ половинѣ седьмого вечера. Государь съ императрицею Александрою Ѳедоровною и всѣми членами императорскаго дома вышелъ съ обычною торжественностію въ большую церковь дворца. Вдовствующая императрица на молебнѣ не присутствовала. Молебствіе было сокращено и продолжалось не болѣе десяти минутъ; многолѣтіе было провозглашено только императору Николаю[333].

Итакъ, въ смутахъ 14-го декабря грозно отозвалось 19-е ноября 1825 года. «Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давно прошедшихъ»,—пишетъ князь П. А. Вяземскій[334].

По словамъ Карамзина: «Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ними не такъ много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурею: да будетъ такъ и въ новомъ царствованіи!»[335]—«Богъ спасъ насъ 14-го декабря отъ великой бѣды. Это столпо нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы неземнаго»[336].—«Провидѣніе омрачило умы людей буйныхъ, и они въ порывѣ своего безумія рѣшились на предпріятіе, столь же пагубное, сколь и не сбыточное: отдать государство власти неизвѣстной, свергнувъ законную. Обманутые солдаты и чернь покорились мятежникамъ, предполагая, что они вооружаются противъ государя незаконнаго, и что новый императоръ есть похититель престола старшаго своего брата Константина. Въ сіе ужасное время общаго смятенія, когда рѣшительныя дѣйствія могли бы имѣть успѣхъ самый вѣрный, Богъ милосердый погрузилъ дѣйствовавшихъ въ какое-то странное недоумѣніе и непзъяснимую нерѣшительность: они, сдѣлавъ карре у сената, нѣсколько часовъ находились въ совершенномъ бездѣйствіи, а правительство между тѣмъ успѣло взять всѣ нужныя противъ нихъ мѣры. Ужасно вообразить, что бы они могли сдѣлать въ сіи часы роковые, но Богъ защитилъ насъ, и

[illegible] ... ому на дворѣ саперному ба- [illegible] ... Гусарскаго полка.

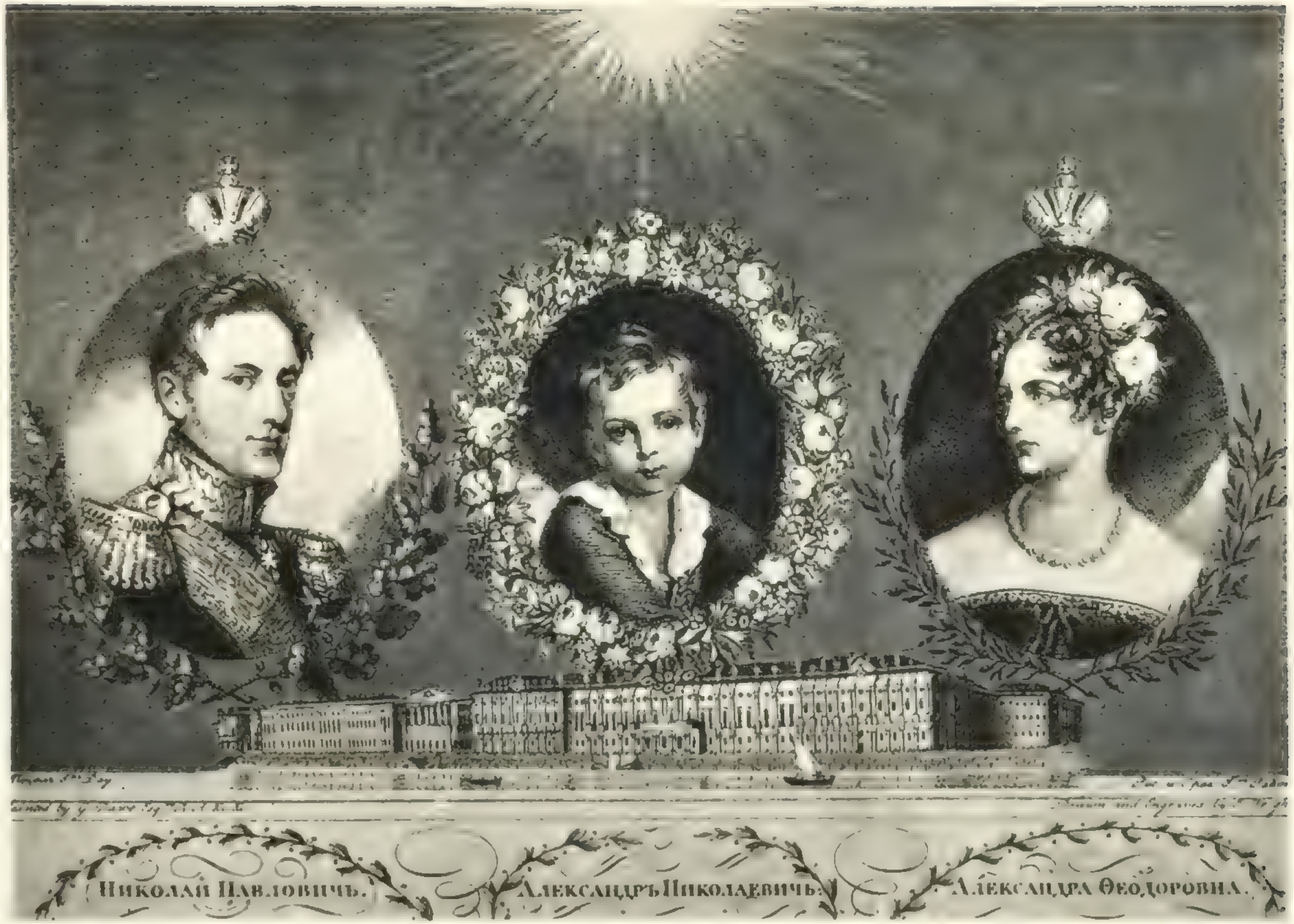
[illegible]

[illegible] ... И желаю, чтобы ... [332].

[illegible] ... чались ... до двухъ часовъ ... вечера. Госу- дарь ... ми членами импе- ратор... въ большую пер- ... не присутствовала. Молебствіе было со... долѣе десяти минутъ. многолѣтіе было п... Николаю[333].

Итакъ, въ см... 19-е ноября 1825 года. «Сей де... ознаменованная, б... и пома- ... П. А. Вя- земскій[334].

По словамъ Карамзина ... безумныхъ либералистовъ! Дай Бог... нашлось между ними не такъ много! Сол... Иногда пре- красный день начинается ... и въ новомъ царство- ваніи!»[335] — «Богъ спасъ н... великой бѣды. Это сто- ило нашествія французовъ: ... блескъ луча какъ бы неземнаго»[336]. — Провидѣніе ... людей буйныхъ, и они въ порывѣ своего безумія рѣши... столь же пагубное, сколь и не сбыточное ... свергнувъ законную. Обманутые солдаты ... мятежникамъ, пред- полагая, что они вооружаются ... и что но- вый императоръ есть похититель ... брата Кон- стантина. Въ сіе ужасное время ... рѣшительныя дѣйствія могли бы имѣть успѣхъ ... милосердый по- ... страшное ... и непоколеби- мую ... карре у ... нѣсколько часовъ находились въ ... а правительство между тѣмъ ... Ужасно вообразить, что бы ... но Богъ защитилъ насъ, и



Императоръ Николай Павлович, императрица Александра Ѳеодоровна
и цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писанн[illegible]

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 3.

Россія въ сей день спасена отъ такого бѣдствія, которое если не разрушило, то, конечно, истерзало бы ее»[337].

По мнѣнію принца Евгенія Виртембергскаго, заговоръ не имѣлъ успѣха по слѣдующимъ причинамъ, которыхъ онъ насчитываетъ пять:

1) хотя существовали поводы къ неудовольствію на императора Александра, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки пользовался вообще любовію;

2) нельзя отрицать, что многое въ русскомъ государственномъ устройствѣ и во внутреннемъ управленіи страною оставляло желать лучшаго, но это обстоятельство не вліяло на привязанность къ императорскому дому;

3) направленіе, данное всему предпріятію, было настолько позорно, безтолково и безсодержательно, что каждый осторожный и разсудительный человѣкъ долженъ былъ отклонить отъ себя участіе въ подобномъ дѣлѣ;

4) заговорщики не имѣли въ своемъ распоряженіи человѣка, который пользовался бы рѣшительнымъ вліяніемъ на войска,

и 5) во главѣ заговорщиковъ не находилось лица, которое, занимая высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ, подобно графу Палену въ 1801 году, могло бы руководить предпріятіемъ, содѣйствовать успѣху дѣла выборомъ соотвѣтственныхъ мѣръ и охранять безопасность участниковъ заговора.

«Но, тѣмъ не менѣе, — прибавляетъ принцъ, — нельзя не признать, что возможность осуществленія полнаго переворота въ Россіи, благодаря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, зависѣла отъ одной счастливой случайности[338]. Дѣйствительно, какъ легко пистолетъ Кюхельбекера могъ бы исполнить свое назначеніе, а Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ; и кто же изъ насъ всѣхъ разобрался бы въ хаосѣ непонятной, совершенно туманной обстановки, кто принялъ бы тотчасъ необходимыя мѣры для обезпеченія уцѣлѣвшихъ членовъ императорской семьи отъ неизвѣстныхъ убійцъ и загадочной вражьей силы? Мнѣ самому казалось въ началѣ, что ко мнѣ доносятся крики о спасеніи противъ огня, при одновременномъ напорѣ бушующихъ волнъ; такимъ образомъ я самъ недоумѣвалъ, нужно ли тушить или воздвигать плотину, склоняясь почти къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ одними ослѣпленными людьми»[339].

Другой очевидецъ событій этого памятнаго дня записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія мысли:

«Я горюю объ императорѣ; онъ не заслужилъ подобнаго несчастья въ день своего восшествія на престолъ, которое совершилось вполнѣ законнымъ образомъ, должно было соотвѣтствовать желаніямъ народа и представляло въ лѣтописяхъ исторіи изумительный и единственный доблестный примѣръ величайшей добродѣтели. Дай Богъ, чтобы онъ не возненавидѣлъ людей и отдалъ бы справедливость преданности истинно добрыхъ русскихъ»[340].

По мнѣнію того же очевидца, цесаревичъ Константинъ Павловичъ со временемъ не разъ порадуется, что отказался отъ престола въ виду разстройства, въ которомъ находились дѣла внутренняго и внѣшняго управленія послѣ кончины Александра I. «Прослѣдивъ всѣ событія этого царствованія, что мы видимъ? Полное разстройство внутренняго управленія, утрату Россіей ея вліянія въ сферѣ международныхъ сношеній и отсутствіе какихъ либо существенныхъ пріобрѣтеній для государства въ будущемъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что во всѣхъ отрослях администраціи накопилась такая масса горючаго матеріала, что онъ можетъ ежеминутно воспламениться. Исаакіевская церковь, въ ея теперешнемъ разрушенномъ состояніи, представляетъ точное подобіе правительства; ее разрушили, намѣреваясь на старомъ основаніи воздвигнуть новый храмъ изъ массы новаго матеріала, и все это съ цѣлью сохранить частицу жалкаго зданія изъ мрамора. Это потребовало огромныхъ затратъ, но постройку пришлось пріостановить, когда почувствовали, какъ опасно воздвигать зданіе, не имѣя строго выработаннаго плана. Точно также идутъ и государственныя дѣла: нѣтъ опредѣленнаго плана, все дѣлается въ видѣ опыта, на пробу, всѣ блуждаютъ впотьмахъ; разрушено все, что было хорошаго и прекраснаго, и замѣнено пагубными новшествами, которыя зачастую оказываются черезчуръ сложны и совершенно неудобоисполнимы. Генералъ-губернаторамъ даютъ въ управленіе по пяти губерній, тогда какъ ни одно изъ назначенныхъ на эту должность лицъ не въ состояніи управлять и одной губерніей. Содержать милліонъ войска и дають унижать себя, и кому же? Туркамъ! А почему?—потому что боятся затронуть принципъ легитимизма... Объяснить всѣ эти несообразности довольно трудно; ихъ можно только понять до нѣкоторой степени, допустивъ, что онѣ происходили отъ особенностей характера Александра I».

Вотъ какую печальную картину положенія Россіи при воцареніи императора Николая Павловича рисуетъ намъ одинъ изъ государственныхъ дѣятелей этой эпохи: она заслуживаетъ вниманія, потому что въ ней отражается то, что говорилось тогда въ обществѣ, и что волновало умы просвѣщенныхъ и даже безспорно благонамѣренныхъ людей того времени, вовсе не причастныхъ къ тайнымъ обществамъ. Очевидно, что затрудненія, съ которыми предстояло бороться новому государю, были велики; они могли заставить призадуматься и болѣе опытнаго правителя.

Нѣсколько иной приговоръ принадлежитъ перу Карамзина, да иначе и не могло быть, въ виду исключительныхъ отношеній, установившихся въ послѣднее время между исторіографомъ и почившимъ императоромъ.

«Вы знали искренность нашей любви къ государю и чувствуете нашу горесть, — писалъ Карамзинъ къ князю П. А. Вяземскому 30-го ноября 1825 года. — Слова не отвѣчаютъ сердцу. Онъ уже не захотѣлъ бы къ

намъ возвратиться, если бы и могъ, даже и для того, чтобы сдѣлать еще многое, многое для Россіи, какъ ему хотѣлось, по словамъ, слышаннымъ мною передъ его отъѣздомъ[341]. Двадцать пять лѣтъ мы, невинные и неподлые, жили мирно, не боясь ни тайной канцеляріи, ни Сибири: скажемъ ему спасибо. Могущество Россіи также при немъ не упало. Въ душѣ его было что-то ангельское. Если онъ, какъ человѣкъ, не былъ лучше всѣхъ насъ, то и мы вмѣстѣ не лучше его. Кто умѣлъ такъ прощать и не мстить за личныя оскорбленія? Любя Россію, желаю, чтобы будущіе государи ея уподобились ему въ великодушіи и во многихъ прекрасныхъ свойствахъ»[342].

II.

Тотчасъ послѣ молебна императоръ Николай написалъ собственноручное письмо къ раненому графу Милорадовичу:

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на Него уповаю, Онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ.

«Мнѣ тяжелъ сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе, ни съ чѣмъ не сравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей; да дастъ Богъ всещедрый силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится.

«Твой другъ искренній

«Николай».

Это письмо государь вручилъ принцу Евгенію Виртембергскому, какъ боевому товарищу раненаго, передать графу Милорадовичу. Смертельно пораженный выстрѣломъ Каховскаго, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ былъ перенесенъ съ площади въ Конногвардейскія казармы; здѣсь Аренда вынулъ ему пулю.

«Образъ этого человѣка въ его предсмертныя минуты будетъ всегда внушать мнѣ настолько же грустное, какъ и памятное воспоминаніе,— пишетъ принцъ Евгеній въ своихъ запискахъ[343].—Онъ оказался столь же достойнымъ удивленія на своемъ смертномъ одрѣ, какъ и среди опасностей на полѣ битвы. Теперь Милорадовичъ не могъ уже никому показаться фанфарономъ, какимъ его иногда признавали; это былъ герой въ полномъ смыслѣ слова, какимъ онъ въ дѣйствительности всегда и былъ, чтобы такъ умирать. Когда я передалъ ему, со слезами на гла-

захъ, письмо императора, онъ сказалъ: «Я не могъ получить его изъ болѣе достойныхъ рукъ; мы вѣдь раздѣляемъ славныя воспоминанія».

«На высказанное мною сердечное сожалѣніе по поводу его положенія, съ выраженіемъ надежды о сохраненіи его дней, онъ возразилъ: «Здѣсь не мѣсто предаваться обольщеніямъ. У меня антоновъ огонь въ кишкахъ. Смерть не есть пріятная необходимость; но вы видите, я умираю, какъ и жилъ, а прежде всего съ чистою совѣстью».

«По прочтеніи письма онъ сказалъ: «Я охотно пожертвовалъ собою для императора Николая. Меня утѣшаетъ то, что въ меня выстрѣлилъ не старый солдатъ». Тутъ онъ прервалъ разговоръ. «Прощайте, ваша свѣтлость. На мнѣ лежатъ еще важныя обязанности. До свиданія въ лучшемъ мірѣ». Это были его послѣднія слова. Когда я уходилъ, его меркнувшіе глаза бросили на меня еще послѣдній дружескій взглядъ .

Надежды спасти страдальца никакой не было. Графъ Милорадовичъ успѣлъ еще высказать свои послѣднія желанія и затѣмъ впалъ въ предсмертный бредъ. Ночью онъ скончался.

«Какъ генералъ-губернаторъ, Милорадовичъ остался въ нѣкоторой степени виновнымъ въ глазахъ общества,—замѣчаетъ въ заключеніе принцъ Евгеній,—но, какъ человѣкъ, онъ теперь высоко стоялъ въ глазахъ людей съ чувствительнымъ сердцемъ».

Съ вечера и въ продолженіе всей ночи начали привозить во дворецъ арестованныхъ предводителей мятежа, которыхъ немедленно допрашивали генералъ-адъютанты Толь и Левашовъ, а затѣмъ лично самъ государь. Въ числѣ этихъ лицъ находились: Рылѣевъ, князь Оболенскій, князь Щепинъ-Ростовскій, князь Трубецкой, Якубовичъ, Сутгофъ, Корниловичъ и другіе. По мѣрѣ допросовъ, императоръ Николай въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу сообщалъ брату подробности о событіяхъ дня, о начавшихся розыскахъ и о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ. Письмо, начатое вечеромъ 14-го декабря, закончено было 15-го (27-го) декабря, уже по полуночи. Въ виду важности этого историческаго документа, никогда еще не появлявшагося въ печати, мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ[344].

«Дорогой, дорогой Константинъ! Ваша воля исполнена; я—императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ! (Cher, cher Constantin! Votre volonté est faite, je suis empereur, mais à quel prix grand Dieu, au prix du sang de mes sujets!),—писалъ Николай Павловичъ.—Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ всѣ тяжело ранены! Но на ряду съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ утѣшительныхъ для меня, для насъ! Всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ заблудшихся изъ Московскаго полка и лейбъ-Гренадерскаго, исполнили свой долгъ, какъ подданные и вѣрные солдаты, всѣ безъ исключенія. Я надѣюсь, что этотъ ужасный

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

(Съ портрета съ натуры на камнѣ Эстерейха).

примѣръ послужитъ къ обнаруженію страннѣйшаго изъ заговоровъ, о которомъ я только третьяго дня былъ извѣщенъ Дибичемъ; императоръ передъ своей кончиной уже отдалъ столь строгія приказанія, чтобы покончить съ этимъ, что можно вполнѣ надѣяться, что въ настоящую минуту повсюду приняты мѣры въ этомъ направленіи, такъ какъ Чернышевъ былъ посланъ устроить это дѣло совмѣстно съ графомъ Витгенштейномъ; я нисколько не сомнѣваюсь, что въ первой арміи генералъ Сакенъ, увѣдомленный Дибичемъ, поступилъ точно также. Я пришлю вамъ развѣ-

дованіе или докладъ о заговорѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ я его получилъ, и предполагаю, что вскорѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать то же самое здѣсь. Въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи находятся трое изъ главныхъ вожаковъ, и имъ производятъ допросъ у меня.

«Главою этого движенія былъ адъютантъ моего дяди, Бестужевъ; онъ пока еще не находится въ нашихъ рукахъ. Въ настоящую минуту ко мнѣ приводятъ еще четырехъ изъ этихъ господъ.

«Попозже.

«Милорадовичъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, Стюрлеръ тоже! Все болѣе и болѣе обнаруживаются чувствительныя потери. Велio, конной гвардіи, потерялъ руку. У насъ имѣется доказательство, что все велось нѣкіимъ Рылѣевымъ, статскимъ, у котораго происходили тайныя собранія, что много ему подобныхъ состоятъ членами этой шайки; но я надѣюсь, что намъ удастся во время захватить ихъ.

«Въ 11½ вечера.

«Мнѣ только что доложили, что къ этой шайкѣ принадлежитъ нѣкій Горскинъ, вице-губернаторъ, уволенный съ Кавказа; мы надѣемся разыскать его. Въ это мгновеніе ко мнѣ привели Рылѣева. Это—поимка изъ наиболѣе важныхъ. Я узнаю сію минуту, что Шеншинъ, быть можетъ, будетъ спасенъ. Судите о моей радости! Я осмѣлился, дорогой Константинъ, временно назначить Кутузова военнымъ генералъ-губернаторомъ; соблаговолите не отказать мнѣ въ немъ, такъ какъ это единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться въ настоящій критическій моментъ, когда каждый долженъ находиться на своемъ посту.

«Въ 12½ пополуночи.

«Горскинъ въ нашихъ рукахъ и сейчасъ будетъ подвергнутъ допросу[345]; равнымъ образомъ я располагаю бумагами Бестужева.

«Въ четыре часа.

«Бѣдный Милорадовичъ скончался! Его послѣдними словами были распоряженія объ отсылкѣ мнѣ шпаги, которую онъ получилъ отъ васъ, и объ отпускѣ на волю его крестьянъ. Я буду оплакивать его во всю свою жизнь; у меня находится пуля: выстрѣлъ былъ сдѣланъ почти въ упоръ статскимъ, стоявшимъ сзади.

«Все спокойно, и аресты продолжаются своимъ порядкомъ; захваченныя бумаги дадутъ намъ любопытныя свѣдѣнія. Большинство возмутившихся солдатъ уже возвратилось въ казармы добровольно, за исключеніемъ около 500 человѣкъ изъ Московскаго и Гренадерскаго полковъ, схваченныхъ на мѣстѣ, и которыхъ я приказалъ посадить въ крѣпость; прочіе, въ числѣ 38 человѣкъ гвардейскаго экипажа, тоже тамъ, равно какъ и масса всякой сволочи (menue canaille), почти поголовно пьяной. Часть полковъ Гренадерскаго и Московскаго находилась въ карауле, и среди нихъ полнѣйшій порядокъ; тѣ, которые не послѣдовали за сво-

лочью, явились съ Михаиломъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ и не оставляли меня, настойчиво требуя броситься въ атаку, что, къ счастію, не оказалось необходимымъ. Двѣ роты Московскаго полка смѣнились съ караула и, по собственному почину, подъ командою своихъ офицеровъ, явились присоединиться къ своему батальону, находившемуся возлѣ меня. Моряки вышли, не зная, ни почему, ни куда ихъ ведутъ; они снова приведены въ казарму и тотчасъ же пожелали принести присягу; лишь одни младшіе офицеры послужили причиною ихъ заблужденія, и почти всѣ вернулись съ батальономъ просить прощенія, съ искренними, повидимому, сожалѣніями. Я разыскиваю тропхъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій.

«Только что захватили у князя Трубецкого, женатаго на дочери Лаваля, бумагу, содержащую предположенія объ учрежденіи временнаго правительства съ любопытными подробностями.

«15-го декабря.

«Да будетъ тысячу разъ благословенъ Господь Богъ, порядокъ возстановленъ, мятежники захвачены или вернулись къ исполненію своего долга, я лично произвелъ смотръ и приказалъ вновь освятить знамя гвардейскаго экипажа. Я надѣюсь, что вскорѣ представится возможность сообщить вамъ подробности этой позорной исторіи (infâme histoire); мы располагаемъ всѣми ихъ бумагами, а трое изъ главныхъ предводителей находятся въ нашихъ рукахъ, между прочимъ, Оболенскій, оказавшійся тѣмъ, который стрѣлялъ въ Стюрлера. Показанія Рылѣева, здѣшняго писателя, и Трубецкого раскрываютъ всѣ ихъ планы, имѣющіе широкія развѣтвленія внутри имперіи; всего любопытнѣе то, что перемѣна государя послужила лишь предлогомъ для этого взрыва, подготовленнаго съ давнихъ поръ, съ цѣлью умертвить насъ всѣхъ, чтобы установить республиканское конституціонное правленіе; у меня имѣется даже сдѣланный Трубецкимъ черновой набросокъ конституціи, предъявленіе котораго его ошеломило и побудило его признаться во всемъ. Сверхъ сего, весьма вѣроятно, что мы откроемъ еще нѣсколько каналій фрачниковъ (quelques canailles en frac), которые представляются мнѣ истинными виновниками убійства Милорадовича. Только что нѣкій Бестужевъ, адъютантъ моего дяди, явился ко мнѣ лично, признавая себя виновнымъ во всемъ.

«Все спокойно.

«Будучи обремененъ занятіями, я едва имѣю возможность отвѣчать вамъ нѣсколькими словами на ваше ангельское письмо, дорогой, дорогой Константинъ. Вѣрьте мнѣ, что слѣдовать вашей волѣ и примѣру нашего ангела—вотъ то, что я буду имѣть постоянно въ виду и въ сердцѣ; дай Богъ, чтобы мнѣ удалось нести это бремя, принятое при столь ужасныхъ обстоятельствахъ, съ покорностью волѣ Божіей и вѣрою въ его милосердіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Я посылаю вамъ копію рапорта объ ужасномъ заговорѣ, открытомъ въ арміи, и который я считаю необходимымъ сообщить вамъ въ виду открытыхъ подробностей и ужасныхъ намѣреній; судя по допросамъ членовъ здѣшней шайки, продолжающимся въ самомъ дворцѣ, нѣтъ сомнѣній, что все составляетъ одно цѣлое, а что также достовѣрно, на основаніи словъ наиболѣе смѣлыхъ, это то, что рѣчь шла о покушеніи на жизнь покойнаго императора, чему помѣшала его преждевременная кончина. Страшно сказать, но необходимъ внушительный примѣръ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убійцахъ, то ихъ участь не можетъ быть достаточно сурова.

«Я поручаю Чичерину доставить вамъ эти строки, потому что онъ будетъ въ состояніи поставить васъ въ извѣстность обо всемъ, что вы пожелаете узнать о происходящемъ здѣсь, и мнѣ пріятно думать, что вы не будете недовольны повидать его. Я позволилъ себѣ, дорогой Константинъ, назначить его своимъ генералъ-адъютантомъ, такъ какъ я не могъ бы сдѣлать болѣе подходящаго выбора для подобнаго назначенія.

«Я представляю вамъ, дорогой Константинъ, копію приказа по арміямъ; быть можетъ, вы позволите сдѣлать то же самое по отношенію къ войскамъ, состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ, такъ какъ мнѣ кажется, что все то, что будетъ напоминать имъ объ ихъ благодѣтелѣ, должно быть дорого имъ.

«Въ 12½ часовъ пополуночи.

«Чичеринъ не можетъ еще отправиться къ вамъ, дорогой Константинъ, такъ какъ ему нужно быть на своемъ посту. Все идетъ хорошо, и я надѣюсь, что все кончено, за исключеніемъ разслѣдованія дѣла, которое потребуетъ еще времени.

«Повергните меня къ стопамъ моей невѣстки за ея любезную намять обо мнѣ; прощайте, дорогой Константинъ, сохраните мнѣ ваше расположеніе и вѣрьте неизмѣнной дружбѣ вашего вѣрнаго брата и друга Николая».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ получилъ письмо своего державнаго брата 20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года) и въ тотъ же день отвѣчалъ императору.

«Единственное, что я могу сдѣлать,—писалъ цесаревичъ,—это отъ глубины души поблагодарить васъ, что вы подумали обо мнѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ находились. На колѣняхъ и съ горячими слезами признательности я благодарилъ Бога, что онъ предохранилъ васъ отъ какого либо личнаго несчастья. Великій Боже, что за событіе! Эта сволочь (cette canaille) была недовольна, что имѣетъ государемъ ангела, и составляла заговоръ противъ него! Что же имъ нужно? Это чудовищно, ужасно, покрываетъ позоромъ всѣхъ хотя бы совершенно

Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

невинныхъ, даже не думавшихъ о возможности чего либо подобнаго. Ваше поведеніе, дорогой братъ, безподобно, но ради Бога обдумывайте его, и пусть ваше милосердіе не увлечетъ васъ слишкомъ далеко... Какое счастіе среди этого горя, что я не былъ въ Петербургѣ во время

этого злополучнаго событія, въ этотъ критическій моментъ, когда эта сволочь волновалась яко бы во имя меня! Богъ знаетъ, какое зло могло бы произойти, и даже теперь я буду сильно опасаться, какъ бы одно мое присутствіе не могло вызвать подобныхъ сценъ. Повидимому, во всемъ этомъ дѣлѣ мое имя является какъ бы средоточіемъ всего. Богъ, читающій въ глубинѣ моего сердца, видитъ тамъ чистоту моихъ намѣреній, и, конечно, я свободенъ отъ малѣйшаго упрека въ соучастіи съ этой сволочью. Я буду бояться пріѣхать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени все не утихнетъ и не успокоится нѣсколько, чтобы снова не воспользовались мною, какъ предлогомъ, чтобы сдѣлать что либо подобное; впрочемъ, какъ мнѣ кажется, мое присутствіе необходимо здѣсь для того, чтобы, когда все узнается здѣсь, не произошло чего либо неумѣстнаго... Я искренно сожалѣю и достойнаго графа Милорадовича, жертву своего рвенія и своей преданности, и всѣхъ прочихъ; что можно подѣлать противъ воли Божіей! Если это несчастное петербургское событіе, хотя оно и очень велико, можетъ водворить порядокъ въ остальной части имперіи,— это жертва, которая принесетъ извѣстную пользу; въ противномъ случаѣ сволочь увидитъ, что еще имѣются честные люди, умѣющіе быть преданными, и что не все пройдетъ ей даромъ»[346].

17-го декабря, императоръ Николай не замедлилъ сообщить цесаревичу, что въ столицѣ послѣ ужаснаго дня 14-го числа водворился уже обычный порядокъ, и осталось только нѣкоторое возбужденіе среди народа, которое, какъ выражался государь, разсѣется, «благодаря спокойствію — очевидное доказательство отсутствія опасности. Наши аресты идутъ хорошо, и мы имѣемъ въ рукахъ всѣхъ главныхъ дѣятелей дня... Прошу васъ, дорогой Константинъ, сохранить доброе расположеніе и вашу дружбу бѣдному малому (au pauvre diable), которому вы задали трудную задачу, и который очень желалъ бы освободиться отъ нея»[347].

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ отнеслась къ событіямъ междуцарствія императрица Марія Ѳеодоровна [348].

За нѣсколько дней до полученія извѣстія о кончинѣ императора Александра, въ Петербургъ прибылъ принцъ Евгеній Вюртембергскій. По его видѣтельству, императрица Марія Ѳеодоровна никогда, повидимому, вполнѣ не разставалась съ своими честолюбивыми замыслами, проявившимися въ нѣсколько опредѣленной формѣ уже въ 1801 году при воцареніи императора Александра. Въ 1825 году, случилось нѣчто другое; во время междуцарствія принцъ Александръ Вюртембергскій и Канкринъ обратились къ принцу Евгенію съ страннымъ вопросомъ: «что бы онъ сдѣлалъ, если бы вдовствующая государыня была провозглашена самодержавной императрицей?» Принцъ Евгеній благоразумно уклонился отъ участія въ подобномъ предпріятіи и отвѣтилъ, что онъ, какъ ино-

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

(Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Крюгера).

страненъ. какъ человѣкъ не русскій. не имѣетъ и не признаетъ за собою права голоса [349]. Вообще междуцарствіе вызвало къ жизни самые несбыточные планы и уклоненія отъ правильнаго пониманія дѣлъ: нѣкоторымъ казалось даже возможнымъ, что великіе князья. не желая царствовать. сами предложатъ императрицѣ занять престолъ. Вѣроятно. въ минуту всеобщаго недоумѣнія подобные разговоры велись безъ вѣдома императрицы-матери.

Между тѣмъ, въ продолженіе всего междуцарствія императрица Марія Ѳеодоровна держала своего племянника, принца Евгенія, въ совер-

шеніемъ невѣдѣніи того, что творилось вокругъ него, ограничиваясь лаконическимъ изреченіемъ: «Скоро послѣдуетъ рѣшеніе загадки». Наконецъ, вечеромъ 13-го декабря, она призвала къ себѣ принца и сказала ему: «Мы не вольны располагать чужими тайнами. Николай императоръ! Ночью онъ полагаетъ лично передать тебѣ все, что у него на душѣ». Принцъ поцѣловалъ у императрицы руку и прослезился. «Всѣ сомнѣнія исчезли,—пишетъ принцъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и образъ ея въ полной непорочности снова занялъ первое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ политическомъ отношеніи, я подвергалъ критикѣ ея поведеніе, равно какъ и поведеніе ея сына». Принцъ въ этомъ случаѣ подразумѣвалъ таинственность, которою окружена была переписка съ цесаревичемъ: Марія Ѳеодоровна и Николай Павловичъ никому не повѣрили всей правды; никто не зналъ достовѣрно, въ чемъ заключаются переговоры съ Варшавою, и въ какомъ положеніи находились дѣла, что вызвало, по мнѣнію принца Евгенія, всеобщую пагубную неизвѣстность [350].

Когда было все кончено, мятежъ укрощенъ, и воцареніе новаго императора совершилось, императрица Марія Ѳеодоровна, вспоминая недавнія событія, писала графу Кочубею, находившемуся тогда за границею:

«Смерть моего сына, этого ангела, застигла насъ врасплохъ, поразила, какъ громовымъ ударомъ: мы продолжали еще утѣшать себя надеждою, хотя, признаюсь, мое материнское сердце даже въ то время, когда она улыбалась намъ, испытывало смертельную тоску, и это тоскливое предчувствіе, къ несчастію, оправдалось 19-го ноября. 27-го я узнала о потерѣ возлюбленнаго сына, который составлялъ счастіе и славу моей жизни, всю прелесть и сладость моего существованія. Перо не въ состояніи передать того, сколько я выстрадала. Я думала, что потеря сына — верхъ несчастія; но 14-е декабря ознакомило меня съ новымъ родомъ ужасныхъ мученій: въ этотъ день два мои сына подвергали свою жизнь опасности, и спокойствіе государства зависѣло отъ гибельной случайности. Милосердіе Божіе отвратило это бѣдствіе, и благородное поведеніе моего сына Николая, величіе его души, твердость и удивительное самоотверженіе, равно какъ похвальная храбрость Михаила, спасли государство и семейство (la conduite noble de mon fils Nicolas, sa magnaminité, sa fermeté et son admirable abnégation, ainsi que le beau courage de Michel, ont sauvé l'état et la famille). Этотъ день былъ до того ужасенъ, что, когда къ вечеру все было усмирено, и я осталась одна въ моей комнатѣ, то возблагодарила Бога, что сердце мое занято опять только постоянною моею скорбью. Но что за ужасное событіе! Благодарю Небо, что нашъ возлюбленный императоръ Александръ не зналъ его во всѣхъ подробностяхъ, хотя и имѣлъ свѣ-

дѣніе о существованіи заговора. Вознесемъ моленія къ Всевышнему и за то, что участники въ бунтѣ, большею частію, люди молодые, мало значащіе, которые, за исключеніемъ предводителей, были увлечены гордостію и самолюбіемъ, не замѣчая, быть можетъ, пропасти, въ которую они стремились. Сами начальники бунта не имѣютъ, по своимъ прежнимъ заслугамъ, особеннаго значенія; есть между ними люди, которые хорошо служили, но, благодари Бога, храбрость у насъ въ Россіи — наслѣдственная доблесть среди нашихъ военныхъ. Во всякомъ случаѣ тяжко, что они своимъ преступленіемъ запятнали свое званіе офицера и дурнымъ поведеніемъ (inconduite) повергли въ отчаяніе своихъ родителей и женъ» [351].

III.

Когда 14-го декабря, по окончаніи мятежа, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ принялъ главное начальство надъ Васильевскимъ островомъ, онъ расположилъ ввѣренныя ему войска передъ первымъ кадетскимъ корпусомъ, лицемъ къ Большому проспекту, приказалъ развести огни и принести людямъ пищу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялся дѣятельнымъ разыскиваніемъ мятежниковъ.

«Съ первымъ мерцаніемъ дня,— пишетъ А. Х. Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ,— народъ началъ сходиться въ толпы и казался взволнованнымъ при видѣ бивуаковъ и заряженныхъ пушекъ. Наблюдательное положеніе и невѣжливость этихъ сборищъ поразили меня; я подошелъ къ одной толпѣ и, увидѣвъ стоявшаго въ ней купца, котораго зналъ, какъ человѣка скромнаго и тихаго, спросилъ его, по какому поводу этотъ народъ, всегда кланявшійся мнѣ дружески со времени наводненія 1824 года, когда я начальствовалъ Васильевскою частію, теперь не хочетъ меня знать и даже какъ бы кичится передо мною, купецъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что онъ первый не знаетъ самъ, какъ ему смотрѣть на меня: «вчера,— продолжалъ онъ,— вы дрались и сегодня, кажется, снова хотите начать бой; вы присягнули Николаю Павловичу и преслѣдовали солдатъ, оставшихся вѣрными нашему государю; что жъ намъ обо всемъ этомъ думать, и что съ нами будетъ?»

«Видя изъ его словъ, что безпокойство народа проистекаетъ отъ общаго невѣдѣнія о манифестѣ, я поспѣшилъ написать государю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, съ просьбою доставить мнѣ достаточное число печатныхъ экземпляровъ манифеста, а также разослать его и во всѣ другія части города. Ходатайство мое было тотчасъ исполнено.

«Тогда съ манифестомъ и приложенными къ нему актами въ рукахъ я смѣло вошелъ въ середину толпы, ежеминутно возраставшей, и пригласилъ всѣхъ итти за мною въ находящуюся неподалеку отъ

перваго кадетскаго корпуса церковь, гдѣ уже находился предваренный мною священникъ. Вручивъ ему печатные акты, я велѣлъ прочесть ихъ народу, сколько можно громче и внятнѣе, съ повтореніемъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ кто нибудь не пойметъ, послѣ чего, выйдя изъ церкви, самъ роздалъ находившіеся у меня экземпляры собравшимся вокругъ толпамъ. Едва манифестъ съ приложеніями былъ прочитанъ, какъ на всѣхъ лицахъ засіяла радость, и въ народныя массы возвратилось совершенное спокойствіе».

Вотъ какими простыми средствами генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ возстановилъ порядокъ и предупредилъ возможныя новыя волненія. Приведенный нами разсказъ одного изъ главныхъ дѣятелей наступившаго царствованія служитъ новымъ подтвержденіемъ тому, насколько велико было въ день 14-го декабря всеобщее недоумѣніе и взаимное недоразумѣніе; всѣ эти явленія обусловливались несоотвѣтственными мѣрами, принятыми для объявленія во всеобщее свѣдѣніе о причинахъ воцаренія императора Николая и принесенія новой присяги.

Независимо отъ свидѣтельства такого очевидца, какимъ является А. Х. Бенкендорфъ, нельзя также умолчать о подходящихъ къ его разсказу фактахъ, приводимыхъ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 14-мъ декабря. Оказывается, что въ самый разгаръ мятежа генералъ Головинъ[352], командовавшій бригадою во 2-й гвардейской дивизіи, и его подчиненные обратились къ принцу Евгенію съ вопросомъ: „Да что же такое происходитъ? Да какого мы ожидаемъ непріятеля?“ — А генералъ Бистромъ, командовавшій всею гвардейскою пѣхотою, сказалъ тому же принцу: «Будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ».

Государь, велѣвъ за укрощеніемъ мятежа, занимавшійся всю ночь отобраніемъ допросовъ и разными распоряженіями, сѣлъ уже въ 8 часовъ утра, 15-го декабря, на лошадь и объѣзжалъ войска.

Нижніе чины гвардейскаго экипажа, убѣдившись въ томъ, что ихъ ввели въ заблужденіе относительно присяги новому императору, умоляли о помилованіи. Государь тутъ же простилъ экипажъ и возвратилъ ему знамя, предварительно велѣвъ окропить его святою водою, какъ бы въ очищеніе отъ вчерашнихъ печальныхъ событій. Всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, а затѣмъ они возвратились въ свои казармы; въ городѣ съ того же дня возстановились обычная тишина и порядокъ, какъ бы ничего не случилось.

Въ этотъ день императоръ Николай еще разъ удостоилъ благодарить гвардейскихъ саперъ за преданность и усердіе, оказанныя ими наканунѣ. Взявъ за руку сопровождавшаго его великаго князя Михаила Павловича, государь представилъ его саперамъ, какъ преемника своего въ званіи генералъ-инспектора по инженерной части, прибавивъ, что

онъ увѣренъ, что они брата его будутъ такъ же любить, какъ любили его. Затѣмъ государь объявилъ, что онъ оставляетъ за собою званіе шефа батальона, и поцѣловалъ командира батальона, флигель-адъютанта полковника Геруа.

15-го декабря 1825 года, императоръ обратился къ россійскимъ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ:

«Храброе россійское воинство! Вѣрные защитники царя и отечества!

«Кого изъ васъ не поразила страшная вѣсть, постигшая насъ и всю Россію въ горесть неописанную? Вы лишились государя, отца, благодѣтеля, сотрудника въ подвигахъ безсмертныхъ.

«Но да не унываютъ сердца ваши! Онъ свыше зритъ на васъ и благословляетъ плоды неусыпныхъ трудовъ его объ устройствѣ вашемъ. Въ самые дни горести вы, вѣрные, храбрые воины, пріобрѣли новую, незабвенную славу, равную той, которую запечатлѣли вы своею кровію, поражая враговъ царя и отечества, ибо доказали своимъ поведеніемъ, что вы и твердые защитники престола царскаго на полѣ бранномъ и кроткіе исполнители закона и воли царской во время мира.

«Въ знакъ нашей къ вамъ любви и въ вознагражденіе по заслугамъ вашимъ, вамъ, полки гвардіи, Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Финляндскій, Литовскій, Волынскій, Павловскій, Кавалергардскій. Подольскій, Кирасирскій, Гусарскій, Конно-Егерскій, гвардейская артиллерія и лейбъ-гвардіи польскіе полки Гренадерскій и Конно-Егерскій, жалую тѣ самые собственные его величества мундиры, кои государь, вашъ благодѣтель, самъ носить изволилъ: храните сей залогъ, и да хранится онъ въ каждомъ полку, какъ святыня, какъ памятникъ, и для будущихъ родовъ незабвенный.

«Сверхъ сего повелѣваю:

«1) Въ ротахъ, носившихъ названіе роты его императорскаго величества полковъ Преображенскаго, Семеновскаго, польскаго Гренадерскаго и въ эскадронѣ его величества польскаго Конно-Егерскаго, носить всѣмъ чинамъ на эполетахъ и погонахъ вензелевое изображеніе имени государя императора Александра I, доколѣ кто изъ бывшихъ по спискамъ 19-го ноября 1825 года въ сихъ ротахъ и эскадронѣ оставаться будетъ. 2) То же самое вензелевое изображеніе сохранить, какъ генераламъ, при особѣ его императорскаго величества состоявшимъ, такъ и генералъ и флигель-адъютантамъ, при его императорскомъ величествѣ находившимся.

«Да хранится всегда между вами, храбрые воины, священная память Александра Перваго; да будетъ она страхомъ враговъ, надеждою отечества, залогомъ вашей вѣрности и любви ко мнѣ»[353].

Поселенныя войска удостоены были по тому же поводу нижеслѣдующимъ особымъ приказомъ, 22-го декабря 1825 года:

«Войска поселенныя! Вамъ извѣстенъ уже приказъ мой, сего мѣсяца 15-го числа отданный, въ которомъ, раздѣляя вообще съ храбрымъ Россійскимъ воинствомъ горе, несчастіе, насъ постигшее, полкамъ гвардіи пожаловалъ собственные мундиры императора Александра Павловича, въ Бозѣ почивающаго.

«По чувствамъ благоговѣнія къ памяти государя, отца и благодѣтеля, я не могу не обратиться къ вамъ въ особенности, поселенныя войска!

«Вы учреждены императоромъ Александромъ Первымъ и неоднократно за труды и усердіе получали монаршее его благоволеніе. Существованіе ваше указываетъ цѣль благихъ намѣреній Александра Перваго, а счастливое состояніе ваше есть плодъ трудовъ и отеческаго его объ васъ попеченія.

«Раздѣляя вполнѣ благонамѣренную цѣль вашего бытія, я поддержу счастіе ваше, и въ знакъ моего къ вамъ благоволенія жалую вамъ мундиръ, который самъ государь изволилъ носить.

«Мундиръ сей хранить въ Гренадерскомъ полку графа Аракчеева, какъ первомъ, получившемъ осѣдлость, въ церкви онаго, у портрета императора, основателя военнаго поселенія.

«Памятникъ сей сопричтите, воины, къ незабвенному памятнику учрежденія вашего, и да будетъ онъ всегдашнимъ залогомъ моей къ вамъ милости и путеводителемъ въ вѣрности къ престолу».

Событія 14-го декабря не поколебали увѣренности цесаревича Константина Павловича въ правильности усвоеннаго имъ образа дѣйствій; онъ продолжалъ считать себя правымъ, а всѣхъ прочихъ виноватыми. На совѣсти его нисколько не отразилась кровавая расправа 14-го декабря и сопряженныя съ нею несчастныя жертвы, вызванныя его упорствомъ не являться въ Петербургъ, чтобы лично распутать обрушившееся на Россію междуцарствіе. Взгляды цесаревича отразились всего лучше въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ князю Волконскому отъ 24-го января (5-го февраля) 1826 года:

«Воля покойнаго государя императора, какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ для меня священна: я слѣдовалъ и слѣдую оной такъ точно, какъ бы благодѣтель нашъ еще теперь здравствовалъ,—невзгладимая память о немъ останется въ сердцѣ моемъ до конца дней моихъ. Послѣ кончины его нѣкоторая посѣщность была, можетъ быть, поводомъ случившимся несчастнымъ происшествіямъ, въ которыхъ, къ прискорбію моему, имя мое выставлялось на видъ, чего иначе, вѣроятно, не могло бы случиться, и посему я нахожусь въ такомъ положеніи, что до времени не могу еще явиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря Бога, все тихо и спокойно; около же насъ порядочныя были завирушки. По симъ обстоятельствамъ, правду сказать, мой теперь здѣсь

ность жутковатовать, но воля Божія: надѣюсь на Всевышній Его Промыслъ» [354].

Что же касается императора Николая, то происшествія 14-го декабря произвели на него тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Укажемъ здѣсь на

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

подходящее къ разбираемымъ событіямъ явленіе: императору Александру I никогда не удалось одолѣть прискорбное припоминаніе о событіяхъ 11-го марта 1801 года, среди которыхъ совершилось его воцареніе, какъ преемника Павла I. Къ несчастію, самый фактъ немирнаго воцаренія повторился снова въ 1825 году, хотя и въ иной формѣ. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ днѣ», признался Николай Павловичъ французскому послу графу Лаферронэ вскорѣ послѣ своего воцаренія. Такимъ образомъ, несомнѣнно устана-

вливается фактъ, что воспоминаніе о мятежѣ 14-го декабря и связанномъ съ нимъ обширномъ заговорѣ должно было оставить въ умѣ императора Николая неизгладимые слѣды, отъ которыхъ онъ дѣйствительно не могъ освободиться до смертнаго одра. Но этимъ не ограничилось причиненное зло. Печальныя событія, ознаменовавшія собою первый день его царствованія, должны были сопровождаться, сверхъ сего, еще и другимъ явленіемъ: они поставили государя въ совершенно особыя условія ко всякому свободному и независимому выраженію какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся съ его собственными крайне опредѣленными воззрѣніями. При малѣйшемъ нарушеніи общественнаго спокойствія и дисциплины императоръ Николай имѣлъ привычку повторять: «Ce sont mes amis du quatorze». Такимъ образомъ это печальное событіе надолго отдалило возможность какой бы то ни было либеральной реформы въ Россіи.

Высказанный нами взглядъ вполнѣ согласуется съ слѣдующими строками одной рукописной исторической записки графа Дмитрія Андреевича Толстого:

«Что сдѣлалъ бы великій государь для своего народа,— пишетъ Толстой,— если бы на первомъ шагу своего царствованія онъ не встрѣтился съ 14-мъ декабря 1825 года, неизвѣстно, но что это печальное событіе должно было имѣть на него огромное вліяніе,— кажется несомнѣннымъ. Ему, повидимому, слѣдуетъ приписать то нерасположеніе ко всякому либеральному движенію, которое постоянно замѣчалось въ распоряженіяхъ императора Николая. Одаренный сильною волею и обширнымъ государственнымъ умомъ, онъ твердою рукою повелъ Россію къ предположенной имъ цѣли, стремясь неуклонно по пути, самимъ имъ избранному, а такъ какъ характеръ этого великаго государя былъ вполнѣ національнымъ, то вышло, что Россія не только безропотно, но даже охотно за нимъ слѣдовала» [356].

Къ этой оцѣнкѣ правленія Николая Павловича, принадлежащей перу русскаго государственнаго дѣятеля, близко подходитъ характеристика, сдѣланная, по тому же поводу, англійскимъ дипломатомъ. По его мнѣнію: «Во всей личности императора Николая было что-то отмѣнно внушительное и величественное, и, несмотря на суровое и строгое выраженіе лица, въ его улыбкѣ и обращеніи было что-то чарующее. Это былъ выдающійся характеръ, благородный, великодушный и любимый всѣми, кто его близко зналъ. Строгость его была скорѣе вызвана необходимостью, нежели собственнымъ желаніемъ; она возникла изъ убѣжденія, что Россіей необходимо управлять твердой и сильной рукой, а не отъ врожденнаго чувства жестокосердія или желанія угнетать своихъ подданныхъ. Трагическая смерть его отца, императора Павла, таинственная смерть старшаго брата императора Александра въ отдаленномъ городѣ имие-

получено 9 февраля.
отвѣчено 16 . . . .

Mitau le 1 févr. 1826

je vous suis très reconnaissant mon cher ami pour la lettre obligeante que vous m'avez écrit. je vous joins cette incluse pour le Comte [illegible] que je vous prierai de remettre vous même. vous souhaitant un prompt rétablissement de votre santé je suis pour toujours.

Votre devoué Wittgenstein

je vous prie faites bien des compliments à Mons. votre Père.

ПИСЬМО ГРАФА П. Х. ВИТГЕНШТЕЙНА КЪ П. И. ПЕСТЕЛЮ.

ріи и смуты, которыя грозили возникнуть при его вступленіи на престолъ вслѣдствіе отреченія цесаревича Константина Павловича. — всѣ эти обстоятельства не могли не ожесточить сильный и дѣятельный умъ и расположить его править своимъ народомъ желѣзной рукой, не употребляя бархатной перчатки» [356].

Теперь наступилъ конецъ космополитизму, господствовавшему въ управленіи Россійскимъ государствомъ въ первой четверти XIX столѣтія.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

Хотя императоръ Николай и утверждалъ въ письмахъ къ цесаревичу, что начала, которыми руководствовался покойный ангелъ, служатъ ему катихизисомъ (les principes de feu notre ange me servent de catéchisme), но по своимъ убѣжденіямъ и вполнѣ національному характеру онъ не замедлилъ вступить на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому слѣдовалъ его предмѣстникъ. Дѣйствительно, престолъ занялъ государь, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, съ вполнѣ опредѣлившимся міро-

созерцаніемъ и обладающій твердымъ и непреклоннымъ характеромъ. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что наступила новая эпоха, въ которой требовалось безпрекословное повиновеніе всемогущей и ясно выраженной волѣ воцарившагося монарха.

Для характеристики новаго вѣнценосца достаточно привести одну изъ резолюцій Николая Павловича, начертанную имъ въ началѣ 1826 года; въ ней высказана увѣренность, что никто не будетъ сомнѣваться въ приличествующей ему весьма точной волѣ (volonté très précise) относительно всего касающагося до дѣлъ имперіи, Провидѣніемъ ему ввѣренной. «Сомнѣваюсь,—прибавилъ императоръ Николай,—чтобы кто либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана моя точная воля. (Je doute que qui que ce fut de mes sujets osa ne pas marcher dans mon sens, sitôt que ma volonté précise lui est intimée)» [357].

Остановимся теперь въ заключеніе на томъ, какимъ образомъ императоръ Николай лично цѣнилъ свое собственное положеніе, когда неожиданно для него и для всѣхъ русскихъ онъ былъ призванъ стать во главѣ самодержавнаго правленія государствомъ. Николай Павловичъ высказалъ по этому поводу свои задушевныя мысли въ письмѣ къ цесаревичу отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года.

«Никто не ощущаетъ большей потребности, чѣмъ я, быть судимымъ съ снисходительностью,—пишетъ государь.—Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ образомъ я вознесся съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественнаго Провидѣнія и того, на кого еще при жизни я смотрѣлъ, какъ на своего благодѣтеля, и котораго мнѣ пріятно считать своимъ ангеломъ-хранителемъ,—мнѣ было бы не только невозможно поступать надлежащимъ образомъ, но даже справляться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ меня заурядный кругъ моихъ настоящихъ обязанностей; я твердо убѣжденъ въ божественномъ покровительствѣ, которое проявляется на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ для того, чтобы я могъ не замѣчать его во всемъ, случающемся со мною, и вотъ моя сила, мое утѣшеніе, мое руководящее начало во всемъ! (Personne ne sent plus que moi le besoin d'être jugé avec indulgence, mais aussi que la justice de ceux qui me jugent prennent en considération la manière extraordinaire dont je me suis trouvé porté du poste d'un très récent général de division à celui que j'occupe à cette heure; à qui j'ai succédé et dans quelles circonstances, et l'on conviendra qu'à moins d'une protection manifeste de la divine Providence et de celui que je considérais de son vivant comme mon bienfaiteur et que j'aime à regarder encore comme mon ange-gardien,

il me serait impossible, non seulement de bien faire, mais même de suffire à ce que l'ordinaire de mes devoirs actuels exige de moi; mais j'ai la ferme conviction de cette protection divine qui s'exerce sur moi d'une manière trop palpable pour que je ne veuille l'apercevoir dans tout ce qui m'arrive,—et voilà ma force, ma consolation, voilà mon guide en tout)».

Разсказываютъ, что императоръ Николай подъ впечатлѣніемъ первыхъ допросовъ, сдѣланныхъ въ его присутствіи арестованнымъ декабристамъ, обратился къ великому князю Михаилу Павловичу съ словами: «Революція на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока, Божіею милостью, я буду императоромъ. (La révolution est aux portes de la Russie, mais elle n'y pénétrera pas, je le jure, tant que j'aurai un souffle de vie, tant que je serai empereur, par la grâce de Dieu!)»[358].

День 14-го декабря 1825 года окончательно закалилъ характеръ императора Николая. Нѣкоторымъ образомъ онъ обрекъ его на роль укротителя революцій (dompteur des révolutions)[359].

По мнѣнію Бисмарка, императоръ Николай руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ убѣжденіемъ, что, по волѣ Божіей, онъ призванъ быть вождемъ монархическаго движенія противъ надвигавшейся съ Запада революціи. Это была идеальная натура (ideale Natur), закалившаяся, однако, подъ вліяніемъ изолированности русскаго самодержавія; нельзя не удивляться, что онъ остался вѣренъ этому идеальному стремленію при всѣхъ обстоятельствахъ, начиная съ декабристовъ и кончая послѣдующими затѣмъ событіями[360].

Итакъ въ заключеніе остается только повторить справедливое замѣчаніе одного современника, задавшаго себѣ вопросъ: что сдѣлалъ бы императоръ Николай, если бы не встрѣтилъ сопротивленія на первомъ же шагу своего царствованія? На этотъ вопросъ онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «позволительно и теперь заключать, особенно изъ его личнаго характера и изъ исторіи его царствованія, что 14-е декабря дало этому государю совсѣмъ иное направленіе»[361].

IV.

На другое утро послѣ мятежа 14-го декабря во всѣхъ петербургскихъ газетахъ появилось извѣстіе о событіяхъ рокового дня[362]. Приведемъ здѣсь заключеніе этой офиціальной реляціи; неизвѣстный авторъ пишетъ: «Происшествія вчерашняго дня, безъ сомнѣнія, горестны для всѣхъ русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ государя императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего монарха въ сей памятный день, его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ

дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ, съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ августѣйшій братъ его, великій князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ, всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни, также пьяныхъ, и что изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства. — тотъ, конечно, съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи, непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей преданности русскихъ августѣйшему ихъ законному монарху. Признанія уже допрошенныхъ важнѣйшихъ преступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ. скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе. — все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей его императорское высочество самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему явному намѣренію зломыслившихъ сей бунтъ навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія».

18-го декабря, послѣдовало общее собраніе петербургскихъ департаментовъ правительствующаго сената, въ которомъ прочитанъ былъ рескринтъ цесаревича Константина Павловича на имя министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго отъ 8-го (20-го) декабря 1825 года, содержаніе котораго уже выше приведено нами. Сенатъ постановилъ напечатать рескринтъ цесаревича и разослать его при указахъ для свѣдѣнія ко всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ.

Сенаторъ П. Г. Дивовъ по этому поводу пишетъ: «Это письмо имѣло гораздо болѣе значенія, нежели манифестъ и всѣ приложенія къ нему. Напрасно его не обнародовали до катастрофы 14-го числа. Это лучше всего убѣдило бы тѣхъ, кто питалъ какія либо сомнѣнія, и не дало бы возможности заговорщикамъ-якобинцамъ воспользоваться невѣдѣніемъ войскъ». Но и послѣ 14-го декабря этому документу дана была гласность лишь на половину: сенату воспретили продажу печатнаго текста рескринта цесаревича Константина Павловича къ министру юстиціи.

Затѣмъ обнародовано было также письмо цесаревича Константина Павловича къ государю отъ 20-го декабря 1825 года (1-го января

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ.

(Съ картины масляными красками, принадлежащей графу Граббе).

1826 года) изъ Варшавы, написанное чрезвычайно напыщеннымъ слогомъ и служащее отвѣтомъ на императорскій рескриптъ отъ 13-го декабря, которымъ великій князь былъ извѣщенъ о вступленіи Николая Павловича на престолъ. Содержаніе письма цесаревича было слѣдующее:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Съ сердечнымъ умиленіемъ имѣлъ я счастіе получить всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества, возвѣщающій радостное вступленіе ваше на прародительскій престолъ любезнѣйшей Россіи.

«Ея верховнымъ закономъ, — закономъ, священнѣйшимъ для всѣхъ земель, гдѣ твердость бытія уважается благимъ даромъ Небесъ, есть воля милостію Божіею царствующаго государя. Ваше императорское величество, послѣдовавъ сей волѣ, исполнили волю Царя Царей, коего направленіемъ и вдохновеніемъ дѣйствуютъ по столь важнымъ предметамъ цари земные.

«Совершилась воля священная. Поспѣшествуя въ томъ, я исполнилъ только долгъ мой, долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, преданнѣйшаго брата, долгъ россіянина, гордящагося счастіемъ повиноваться Богу и государю.

«Милосердіе Всемогущаго Творца, столь пекущееся о Россіи и величественномъ престолѣ ея, столь обильно изліявшее всѣ благости на народъ, сохранившій законъ Его, будетъ вождемъ, будетъ наставникомъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь.

«Ежели мои посильные труды, положенные у подножія престола, возмогутъ облегчить бремя, Богомъ на васъ возложенное, оные явятся въ моей безпредѣльной преданности, въ моей вѣрности, въ моемъ повиновеніи и рвеніи въ исполненіи высочайшей воли вашего императорскаго величества.

«Молю Всевышняго, да святый и невидимый промыслъ Его сохранитъ драгоцѣнное здравіе ваше, усугубитъ долгоденствіе, и слава ваша, всемилостивѣйшій государь, слава царева, да не престанетъ преходить въ роды родовъ.

«Всемилостивѣйшій государь,
«Вашего императорскаго величества,
«на подлинномъ подписано тако:
«вѣрнѣйшій подданный
«Константинъ цесаревичъ».

П. Г. Дивовъ пишетъ, что, «повидимому, всѣ были въ восторгѣ отъ этого письма. Мнѣ кажется, что оно было обнародовано съ цѣлью показать людямъ недоброжелательнымъ и войску, что Константинъ признаетъ своего брата законнымъ монархомъ, каковымъ онъ и есть въ дѣйствительности послѣ всего случившагося».

Независимо отъ обмѣна официальныхъ писемъ между Петербургомъ и Варшавою, частная переписка между обоими братьями поддерживалась самымъ дѣятельнымъ образомъ. Со дня своего вступленія на престолъ императоръ Николай до кончины цесаревича въ 1831 году сообщалъ брату въ собственноручныхъ подробныхъ письмахъ о всѣхъ задуманныхъ имъ мѣропріятіяхъ, равно какъ и свѣдѣнія объ общемъ теченіи государственныхъ дѣлъ и всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ. Въ этихъ письмахъ государь, обремененный дѣлами и заботами, называлъ себя шутя: «votre каторжный du palais d'hiver»[363]. Переписка между обоими братьями драгоцѣнна и въ другомъ отношеніи: она служитъ самымъ достовѣрнымъ матеріаломъ для уясненія тѣхъ отношеній, которыя установились между отрекшимся отъ престола цесаревичемъ и воцарившимся въ силу этого отреченія государемъ[364]. Цесаревичъ, съ своей стороны, откровенно сообщалъ императору свои мнѣнія и взгляды по наиболѣе важнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики того времени, слѣдуя тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался при жизни императора Александра. Однажды въ одномъ изъ своихъ писемъ цесаревичъ признался даже, что онъ подъ клятвою обязался предъ Александромъ поступать такимъ образомъ и въ отношеніи къ его преемнику.

22-го декабря 1825 года, цесаревичъ писалъ императору Николаю:

«Я съ живѣйшимъ интересомъ и серьезнѣйшимъ вниманіемъ прочелъ сообщеніе о петербургскихъ событіяхъ, которое вамъ угодно было прислать мнѣ; послѣ того, какъ я трижды прочелъ его, мое вниманіе сосредоточилось на одномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, поразившемъ мой умъ, а именно на томъ, что списокъ арестованныхъ заключаетъ въ себѣ лишь фамиліи лицъ, до того неизвѣстныхъ, до того незначительныхъ самихъ по себѣ и по тому вліянію, которое они могли оказывать, что я смотрю на нихъ только, какъ на передовыхъ охотниковъ или застрѣльщиковъ шайки, дѣльцы которой остались сокрытыми на время, чтобы по этому событію судить о своей силѣ и о томъ, на что они могутъ разсчитывать. Они виновны въ качествѣ добровольныхъ охотниковъ или застрѣльщиковъ, и въ отношеніи ихъ не можетъ быть пощады, потому что въ подобныхъ вещахъ нельзя даже допустить увлеченій; по равнымъ образомъ нужно разыскивать подстрекателей и руководителей и безусловно найти ихъ путемъ признаній со стороны арестованныхъ. Никакихъ остановокъ (point de relâche) до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена исходная точка всѣхъ этихъ происковъ,—вотъ мое мнѣніе, такое, какимъ оно представляется моему уму, вотъ что я сказалъ бы покойному императору, какъ я и сказалъ ему когда-то, что не кто иной, какъ онъ, заразилъ всю армію (gangrené l'armée), разославъ въ ея нѣдра семеновцовъ, и что это распространитъ заразу повсюду»[365].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Послѣ усмиренія мятежа императоръ Николай точно такъ же, какъ и до своего воцаренія, не переставалъ выражать желаніе видѣть цесаревича въ Петербургѣ; государь признавалъ пріѣздъ брата лучшимъ средствомъ для окончательнаго успокоенія умовъ. Цесаревичъ же, съ своей стороны, упорно отказывался покинуть Варшаву, признавая появленіе свое въ Петербургѣ преждевременнымъ. Въ перепискѣ обоихъ братьевъ этотъ вопросъ не переставалъ служить предметомъ для оживленнаго обмѣна мыслей.

23-го декабря 1825 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу: «Начну съ завѣренія васъ, что здѣсь, съ Божіей помощью, во всемъ водворился обычный порядокъ. Настроеніе умовъ очень хорошо и сдѣлается еще лучше, когда васъ увидятъ здѣсь... Наши разслѣдованія идутъ превосходно, равно какъ и аресты всѣхъ имѣющихся подъ рукою лицъ, членовъ этого ужаснаго и необычайнаго заговора; извлеченіе всего, происходящаго въ этомъ отношеніи, посылается вамъ съ настоящимъ курьеромъ; вы встрѣтите въ немъ хорошо извѣстныя фамиліи, и у меня имѣются подозрѣнія, слишкомъ обоснованныя для того, чтобы быть увѣренными, что это восходитъ до государственнаго совѣта, а именно до Мордвинова[366]; но такъ какъ я держусь правила обрушиваться лишь на тѣхъ, которые разоблачены, или на которыхъ падаютъ слишкомъ сильныя подозрѣнія для того, чтобы оставить ихъ на свободѣ, я ничѣмъ не спѣшу. Здѣсь одно рвеніе, чтобы помогать мнѣ въ этомъ ужасномъ дѣлѣ; отцы приводятъ своихъ сыновей: всѣ желаютъ примѣрныхъ наказаній и въ особенности видѣть свои семьи очищенными отъ подобныхъ личностей и даже отъ подозрѣній этого рода. Я ожидаю Михаила Орлова и Лопухина, которые должны быть уже арестованными. Самые главные, арестованные во второй арміи, что подтверждается, какъ Вадковскимъ, доставленнымъ сюда вчера, такъ и всѣми прочими. Въ особенности важно имѣть Пестеля и Сергѣя Волконскаго; я ожидаю также Муравьева и Чернышева,— вотъ въ какомъ мы положеніи. Я завалень дѣломъ, вы поймете это, пожалѣете меня и не будете сердиться на меня за безпорядочность этихъ строкъ; но у меня голова идетъ кругомъ, а существенно, чтобы вы знали все»[367].

Въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ цесаревичъ продолжалъ упорствовать въ своемъ отказѣ посѣтить Петербургъ.

«Не слѣдуетъ, чтобы я, благодаря своему присутствію, послужилъ предметомъ безпорядковъ или предлогомъ, какъ это уже случилось разъ,— писалъ цесаревичъ 30-го декабря,— прежде всего отчетливо разберитесь во всемъ, захватите всѣхъ этихъ мятежниковъ, такъ сказать, укрѣпите себя на вашемъ мѣстѣ; пока же я ясно вижу, что происходитъ вокругъ меня; требуется время и спокойствіе»[363].

Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Необходимо, чтобы каждый оставался пока на своемъ посту, и вотъ причина, по которой я не могу еще помышлять о томъ, чтобы побывать у васъ,—продолжалъ въ томъ же духѣ цесаревичъ 31-го декабря,—сверхъ сего позволю себѣ замѣтить, что по поводу пріѣзда моего въ Петербургъ мнѣ представляются еще слѣдующія мысли. Можете ли вы

отвѣчать за кажущееся спокойствіе столицы? Увѣрены ли вы, что всѣ соучастники заговора находятся въ вашихъ рукахъ? Кто можетъ поручиться, что при моемъ появленіи не произойдетъ новаго безпорядка? Быть можетъ, даже тѣ, которые, повидимому, желаютъ моего пріѣзда, являются сами заинтересованными въ томъ, чтобы произвести безпорядокъ, пользуясь моимъ несчастнымъ именемъ, и безъ того столь жестоко и столь злополучно скомпрометированнымъ..... Сами обдумайте ваше положеніе, ничего не ускоряйте, ничѣмъ не торопитесь и хорошенько упрочьтесь на вашемъ мѣстѣ прежде, чѣмъ предпринимать что бы то ни было другое. Помните то, что вы сами высказываете въ вашемъ письмѣ, что заговоръ восходитъ до государственнаго совѣта, и что подозрѣнія падаютъ даже на адмирала Мордвинова. Отсюда я могу быть вамъ болѣе полезенъ, и наша оживленная и непрерывная переписка можетъ разстроить всѣ планы вожаковъ, сдерживая каждаго на своемъ мѣстѣ. Я не уклоняюсь отъ своего мнѣнія: мнѣ достаточно знакомы мои люди, и я довольно хорошо знаю, какъ дѣлаются и двигаются дѣла; безопасность, дорогой братъ, не будетъ обезпечена, пока вы не будете располагать всѣми виновными, и пока они не будутъ наказаны. Наблюдайте за тѣми, которые увѣряютъ васъ, что спокойствіе возстановлено: быть можетъ, они являются наиболѣе опасными»[369].

Не довольствуясь этими объясненіями, цесаревичъ для подкрѣпленія своихъ доводовъ счелъ даже нужнымъ прикрыться авторитетомъ прусскаго короля, письмо котораго привезъ въ Варшаву принцъ Вильгельмъ, проѣздомъ въ Петербургъ: цесаревичъ не забылъ присовокупить, что мнѣніе короля вполнѣ раздѣляетъ принцъ Вильгельмъ[370].

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ писемъ цесаревича видно, что они не могли служить къ успокоенію его державнаго брата, утверждая въ немъ недовѣріе и подозрительную возбужденность. Они принесли свои плоды[371]; на внушенія, дѣлаемыя цесаревичемъ въ этомъ смыслѣ, императоръ Николай однажды отвѣчалъ (29-го января 1826 года): «Je veux et s'il plait à Dieu, j'irai au fond du lac. arrive ce qui voudra .

Что же касается пріѣзда цесаревича въ Петербургъ, то государь остался при своемъ мнѣніи и продолжалъ еще нѣкоторое время настаивать на его неотложности, но съ прежнимъ неуспѣхомъ. Цесаревичъ не исполнилъ желанія брата и не двинулся изъ Варшавы[372]; онъ не счелъ даже возможнымъ прибыть въ Петербургъ, когда въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовало погребеніе тѣла императора Александра. А между тѣмъ, судя по донесеніямъ полиціи въ январѣ 1826 года, въ народѣ говорили: «Надобно показать намъ Константина. Гдѣ онъ?» на что другіе отвѣчали, что, «безъ сомнѣнія, при погребеніи увидимъ его, и чужихъ де царей хоронить ѣздятъ, а онъ братъ покойному государю»[373].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Императоръ Николай былъ крайне озабоченъ мыслію, какимъ образомъ присяга совершится въ Москвѣ. Поэтому для объявленія въ первопрестольной столицѣ о восшествіи своемъ на престолъ государь послалъ 15-го (27-го) декабря въ Москву генералъ-адъютанта графа Комаровскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ долженъ былъ присутствовать при вскрытіи государственныхъ актовъ по престолонаслѣдію, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ. Къ сожалѣнію, военный министръ уже ранѣе отправилъ въ Москву особаго курьера, котораго графу Комаровскому не удалось догнать на пути.

Время междуцарствія въ Москвѣ ни для кого не было такъ тяжко, какъ для архіепископа Филарета, на долю котораго выпалъ, по его выраженію, «странный жребій быть хранителемъ свѣтильника подъ спудомъ». Зато «ему прежде другихъ показался открывающійся свѣтъ». Ночью съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) декабря, вскорѣ послѣ полуночи, Филаретъ былъ разбуженъ священникомъ Троицкой церкви близъ Сухаревой башни, пришедшимъ просить разрѣшенія о приведеніи къ присягѣ императору Николаю команды морского вѣдомства, находившейся на Сухаревой башнѣ. — На какомъ основаніи? — спросилъ архіепископъ. Священникъ отвѣчалъ, что у начальника есть печатный манифестъ.

«Странно было начать провозглашеніе императора съ Сухаревой башни,—пишетъ Филаретъ,—особенно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, при обуреваніи умовъ народа разными неблагопріятными и прекословными молвами, но и остановить сіе значило бы произвесть неблагопріятное впечатлѣніе. Посему архіепископъ, не произнося рѣшенія и выигрывая время, потребовалъ, чтобы ему для удостовѣренія показанъ

былъ манифестъ, и въ то же время послалъ письмо къ генералъ-губернатору, спрашивая, не получилъ ли онъ манифеста, и прося его совѣта. Когда принесенъ былъ печатный манифестъ о восшествіи на престолъ всероссійскій государя императора Николая Павловича и приложенія къ нему, архіепископъ, увлеченный тѣмъ, что дѣло наконецъ вышло на чистую дорогу, тотчасъ разрѣшилъ священнику приведеніе къ присягѣ; но вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ генералъ-губернатора отвѣтъ, что онъ манифеста не получилъ, и что, по его мнѣнію, ничего не должно дѣлать по требованію начальствующаго на Сухаревой башнѣ. Между тѣмъ присяга на Сухаревой башнѣ была совершена.

«Утромъ 17-го декабря генералъ-губернаторъ получилъ собственноручный рескриптъ государя императора Николая Павловича о восшествіи его на всероссійскій престолъ: но не было получено ни въ сенатѣ высочайшаго манифеста, ни по духовному вѣдомству синодскаго указа о присягѣ на вѣрноподданство. Новое затрудненіе, потому что высочайшаго рескрипта нельзя было объявить сенату, между прочимъ потому, что въ немъ заключались не подлежавшія, при торжественномъ случаѣ, оглашенію упоминанія о происшествіи 14-го декабря и о судьбѣ графа Милорадовича, которому, какъ бы за то, что спѣшилъ объявить Москвѣ не существовавшаго императора, не суждено жить при истинномъ императорѣ.

Затрудненіе разрѣшилось вечеромъ того же дня полученіемъ высочайшаго манифеста и прибытіемъ, по высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, для присутствованія при открытіи копіи манифеста и подлиннаго отреченія цесаревича, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ.

«Дабы послѣ бывшей погрѣшительной присяги народъ лучше понялъ настоящее дѣло, архіепископъ просилъ генералъ-губернатора въ продолженіе ночи напечатать и доставить потребное число экземпляровъ высочайшаго манифеста и приложеній къ нему, чтобы они 18-го дня могли быть прочитаны предъ присягою во всѣхъ церквахъ столицы. Сіе исполнено въ точности».

Утромъ 18-го (30-го) декабря, сенатъ собрался для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая, а затѣмъ всѣ военные и гражданскіе чины собрались въ Успенскомъ соборѣ для присяги. Громадная толпа народа собралась на Кремлевской площади. Филаретъ началъ священнослуженіе тѣмъ, что, предшествуемый духовенствомъ, вынесъ на головѣ изъ алтаря серебряный ковчегъ, въ которомъ хранятся государственные акты: поставивъ его на приготовленномъ на предалтарномъ амвонѣ облаченномъ столѣ, архіепископъ произнесъ слово, въ заключеніе котораго сказалъ: «Россіяне! двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи державной воли Александра

Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните и найдете въ ней свое счастіе».

Послѣ сего Филаретъ, по снятіи печати, раскрылъ ковчегъ и вынулъ изъ него пакетъ съ послѣдней волей императора Александра. По освидѣтельствованіи печати московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Голицынымъ и генералъ-адъютантомъ графомъ Комаровскимъ, архіепископъ прочелъ заключавшіеся въ пакетѣ документы, а затѣмъ и манифестъ императора Николая, послѣ чего приступлено было къ принесенію присяги.

Филаретъ пишетъ: «По требованію обстоятельствъ, архіепископъ нашелъ нужнымъ чтеніе формы присяги предпачать слѣдующимъ образомъ: «По уничтоженіи силы и дѣйствія прежней присяги отреченіемъ того, кому оная дана (за симъ слѣдовало осѣненіе народа крестнымъ знаменіемъ), азъ, многогрѣшный».... и проч.

Очевидецъ, графъ Комаровскій, передастъ эти слова въ нѣсколько иной формѣ: «Прежде нежели приступить къ присягѣ, Филаретъ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: «разрѣшаю и благословляю». Это неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности, когда оно разнеслось между народомъ. Послѣ сего началась присяга».

Торжество кончилось молебномъ и многолѣтіемъ.

Графъ Комаровскій возвратился въ Петербургъ 22-го декабря (3-го января), обрадовавъ императора Николая скорымъ полученіемъ нетерпѣливо ожидаемаго извѣстія о благополучно совершенной присягѣ въ Москвѣ. При донесеніи о дѣйствіи, которое произвели на всѣхъ присутствовавшихъ въ Успенскомъ соборѣ, а въ особенности на народъ, произнесенныя Филаретомъ слова: «разрѣшаю и благословляю», замѣтно было,—пишетъ графъ Комаровскій,—что государь остался доволенъ догадкою архипастыря [374].

Графъ Комаровскій былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ Москву посланы были Андреевскія ленты московскому генералъ-губернатору князю Голицыну и командовавшему 5-мъ корпусомъ графу П. А. Толстому. Архіепископу Филарету пожалованъ былъ при милостивомъ рескриптѣ брилліантовый крестъ на черный клобукъ—подобнаго отличія никто прежде въ санѣ архіепископа не получалъ.

Въ заключеніе приведемъ еще слѣдующую замѣтку Филарета, служащую характеристикой порядковъ и отсутствія распорядительности, сопровождавшихъ всѣ распоряженія по воцаренію императора Николая.

«Въ сіе время не было заботы о томъ, что еще не былъ полученъ отъ святѣйшаго синода указъ съ приложеніемъ высочайшаго манифеста и съ предписаніемъ о вѣрноподданнической присягѣ; но когда прошло потомъ нѣсколько дней, и указа еще не было, а пропествіе 14-го декабря сдѣлалось въ Москвѣ извѣстнымъ, тогда мрачнымъ представлялся

вопросъ: что же дѣлается въ Петербургѣ? Наконецъ, нарочно посланный отъ святѣйшаго синода съ указомъ явился въ Москвѣ и объяснилъ свое умедленіе тѣмъ, что останавливался въ Новгородѣ и въ Твери для раздачи указовъ. Сіе обстоятельство упоминается здѣсь для того, чтобы представить на усмотрѣніе, не заслуживаетъ ли вниманія и распоряженія то, чтобы въ случаяхъ государственной важности Москва не была поставлена послѣ Новгорода и Твери, и чтобы высочайшій манифестъ получаемъ былъ сенатомъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ и московскимъ епархіальнымъ архіереемъ не позже, нежели начальствующимъ на Сухаревой башнѣ».

Присяга императору Николаю въ Варшавѣ обошлась также совершенно благополучно. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ присутствовалъ при присягѣ варшавскаго гарнизона, которая совершилась 21-го декабря 1825 года (2-го января 1826 года); по отзыву великаго князя въ письмѣ къ государю: «le tout s'est passé avec une sévérité et un recueillement religieux». Цесаревичъ послѣ молебна обратился къ войскамъ съ импровизированною рѣчью на русскомъ, а затѣмъ и на польскомъ языкѣ, которая, по словамъ его, была встрѣчена не крикомъ «ура», но съ благоговѣніемъ и возгласомъ «рады стараться», произнесеннымъ съ силою и энергіею. (Je tins un discours impromptu à toute la troupe, tant en russe qu'en polonais, et qui fut reçu non par un hourra, mais avec un recueillement et un «рады стараться», prononcé avec force et avec énergie). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что цесаревичъ терпѣть не могъ русскаго ура; подобные крики его возмущали, возбуждая въ немъ гнѣвъ и сильнѣйшее неудовольствіе къ виновникамъ подобнаго выраженія восторженныхъ чувствъ со стороны войскъ [375].

Къ 3-му (15-му) января 1826 года вся польская армія, въ полномъ составѣ, успѣла уже присягнуть императору Николаю.

II.

Несмотря на быстрое возстановленіе полнаго порядка въ столицѣ, происшествіе 14-го декабря отозвалось, однакоже, тревожнымъ безпокойствомъ во всѣхъ сословіяхъ. «Мятежъ въ Петербургѣ былъ, правда, подавленъ присутствіемъ духа и мужествомъ новаго императора, — пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ, — но заговоръ, какъ тотчасъ обнаружилось изъ показаній захваченныхъ, имѣлъ множество участниковъ въ арміи, въ Москвѣ и въ губерніяхъ, и всѣ боялись, чтобы извѣстіе о петербургскомъ бунтѣ, преувеличенное злоумышленностью, не послужило знакомъ къ подобнымъ же сценамъ въ древней столицѣ и въ мѣстахъ квартированія армейскихъ полковъ» [376].

Въ Москвѣ, послѣ присяги императору Константину, ждали извѣстія о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Петербургѣ. Возбужденіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества было весьма сильное, и толкамъ не было конца.

«Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ,— сказано въ запискахъ одного современника,— что нужно сдѣлать въ Москвѣ въ случаѣ полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ, князь Николай Ивановичъ Трубецкой, адъютантъ графа Петра Александровича Толстого, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, бралея доставить своего начальника, связаннаго по рукамъ и по ногамъ (avec les mains et les jambes liés)[377]. Предположеніямъ и преніямъ не было конца, а мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступилъ 1789-й годъ»[378].

Когда вѣсти о событіяхъ 14-го декабря распространились въ Москвѣ и по Россіи, спокойствіе нигдѣ не было нарушено, но толки продолжались съ новою силою. Извѣстія изъ Петербурга передавались самыя странныя и одно другому противорѣчащія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то разсказывали, что вторая армія не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ намѣревается провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. «Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными,— пишетъ современникъ,— что Москва, или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ».

По другому современному свидѣтельству, Петербургъ также находился въ какомъ-то оцѣпленіи: «Видимо опасаются новой вспышки. Надзоръ учрежденъ весьма бдительный, но слишкомъ явный, слѣдовало бы дѣйствовать болѣе тайно, чтобы не было такъ замѣтно»[379].

Мятежъ въ Петербургѣ произвелъ въ общей массѣ провинціальнаго населенія потрясающее впечатлѣніе,— такъ выражается очевидецъ. По его словамъ, «посягательство на ограниченіе царской власти и на перемѣну образа правленія казалось намъ не только святотатствомъ, но исторической аномаліею; а народъ, видя, что заговорщики исключительно принадлежали къ высшему сословію, призналъ дворянство измѣнниками, и это прибавило еще одну рѣзкую черту къ той затаенной враждѣ, которую онъ питалъ уже къ помѣщикамъ. Передовые люди и столичная интеллигенція одни только сочувствовали несчастнымъ безумцамъ. Въ Москвѣ высшее сословіе, или, лучше сказать, люди высшаго образованія, смотрѣли на это событіе иначе, чѣмъ въ провинціи. Кромѣ весьма естественнаго сочувствія либеральнымъ идеямъ, многія, весьма многія семейства лишились своихъ лучшихъ членовъ, которые по прямому или косвенному участію въ заговорѣ или даже по тѣсной связи съ обвиняе-

мыми были взяты, отвезены въ Петербургъ и томились въ крѣпости, находясь подъ слѣдствіемъ. Вообще Москва того времени носила характеръ какой-то грусти, какой-то боязни и недовѣрчивости»[380].

Однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Николая, послѣ своего воцаренія, должно было быть учрежденіе особаго комитета для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ, петербургскіе представители кохъ вызвали 14-го декабря въ столицѣ открытый мятежъ.

Личный составъ этого комитета или комиссіи являлся вопросомъ первостепенной важности. «Къ чести государя сказать должно, — пишетъ очевидецъ этихъ печальныхъ дней,—что въ комиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратиться въ инквизицію... общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: «что бы было, если бы сидѣли въ комиссіи графъ Аракчеевъ и Клейнмихель? - разумѣя подъ симъ не потачку злодѣямъ, но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству. Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ графа Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, а дружба и любовь къ ближнему составляли для него пустой наборъ словъ... Аракчеевъ утѣшался, видя, какъ дрожатъ передъ нимъ всѣ въ военныхъ поселеніяхъ. Царь зналъ молодца и приведеніе военныхъ поселеній къ присягѣ поручилъ не ему, а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать, и коль скоро присяга въ поселеніи кончилась, они отправились изъ столицы подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ спаслось русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная комиссія попала въ руки Аракчеева и Клейнмихеля».

15-го (27-го) декабря, императоръ Николай повелѣлъ военному министру, генералу Татищеву, представить ему проектъ указа объ открытіи комитета. Министръ немедленно призвалъ къ себѣ состоявшаго при немъ военнаго совѣтника Александра Дмитріевича Боровкова и поручилъ ему безотлагательно заняться составленіемъ требуемой бумаги. 16-го декабря, Татищевъ представилъ императору Николаю проектъ указа, который удостоился высочайшаго одобренія. Прочитавъ статью, въ которой Боровковъ написалъ, что комитету предстоитъ со всею осторожностью разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствій каждаго соучастника тайнаго общества, «ибо, руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію», государь обнялъ министра и сказалъ:

— Ты проникнулъ въ мою душу; полагаю, что многіе впутались не по убѣжденію въ пользѣ переворота, но по легкомыслію, такъ и надобно отдѣлить тѣхъ и другихъ.

[illegible]

[illegible] въ замкахъ 14-го декабря въ столицѣ откр[illegible]

Личный составъ этого комитета или комиссіи [illegible] первостепенной важности. «Къ чести государя [illegible] пишетъ очевидецъ этихъ печальныхъ дней,— что въ комиссіи [illegible] одной злой души, которая могла бы превратиться въ инквизицію... [illegible] мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: «что бы было, если бы сидѣли въ комиссіи графъ Аракчеевъ и Клейнмихель?» разумѣя подъ симъ не потачку злодѣямъ, но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству. Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ графа Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже потаптаны были въ немъ чувства родственныя, а дружба и любовь къ ближнему составляли [illegible] пустой наборъ словъ... Аракчеевъ утѣшался, видя, какъ дрожатъ передъ нимъ всѣ въ военныхъ поселеніяхъ. Царь зналъ молодца и приведенье военныхъ поселеній къ присягѣ поручилъ не ему, а своимъ [illegible] Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать [illegible] присяга въ поселеніяхъ [illegible] отправились [illegible] логомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Так[illegible] ское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если [illegible] попала въ руки Аракчеева и Клейнмихеля».

15-го (27-го) декабря, императоръ Николай повелѣлъ [illegible] министру, генералу Татищеву, представить ему проектъ [illegible] комитета. Министръ немедленно призвалъ къ себѣ [illegible] военнаго совѣтника Александра Дмитріевича [illegible] чилъ ему безотлагательно заняться составленіемъ [illegible] декабря, Татищевъ представилъ императору Николаю [illegible] торый удостоился высочайшаго одобренія. Прочитавъ [illegible] Боровковъ написалъ, что комитету предстоитъ [illegible] весьма осторожно разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствія каждаго участника тайнаго общества, ибо, руководствуясь [illegible] намѣреніемъ [illegible] нихъ проступковъ [illegible] для [illegible] десять [illegible] освободить, нежели одного [illegible] наказанія [illegible] обнялъ министра и сказалъ [illegible]

Гг. [illegible] что мно[illegible] [illegible] по легкомыслію [illegible]

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

[illegible]

33

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мьш. 2.

На другой день, 17-го декабря, императоръ Николай подписалъ указъ, оставшійся секретнымъ[381]. Содержаніе его заключалось въ слѣдующемъ:

Указъ военному министру, генералу отъ инфантеріи Татищеву 1-му.

«Начальникъ главнаго штаба нашего, баронъ Дибичъ, донесъ намъ отъ 4-го декабря сего года о зловредномъ обществѣ, возникшемъ въ войскѣ

Графъ Поццо-ди-Борго.

(Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія).

къ нарушенію благосостоянія и спокойствія государства, высочайшимъ Промысломъ поученію нашему ввѣреннаго.

Пагубныя слѣдствія злоумышленія ознаменовались частью въ 14-й день сего декабря, но съ помощью Всевышняго тогда же уничтожены, и нѣкоторые изъ сообщниковъ взяты подъ стражу.

Чтобы искоренить возникшее зло при самомъ началѣ, признали мы за благо учредить комитетъ подъ вашимъ предсѣдательствомъ, назначивъ членами: его императорское высочество генералъ-фельдцейхмейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, генералъ-адъютантовъ: Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа и Левашова[382].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Комитету сему повелѣваемъ: 1) открыть немедленно засѣданія и принять дѣятельнѣйшія мѣры къ изысканію соучастниковъ сего гибельнаго общества, внимательно, со всею осторожностью, разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствій каждаго изъ нихъ ко вреду государственнаго благосостоянія, ибо, руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію; 2) производство всего сего дѣла и съ кѣмъ нужно будетъ переписку весть по секрету отъ вашего имени; 3) по приведеніи всего въ надлежащую ясность, постановить свое заключеніе и представить намъ, какъ о поступленіи съ виновными, такъ и о средствахъ истребить возникшее злоупотребленіе; 4) правителемъ дѣлъ сего комитета повелѣваемъ быть состоящему при васъ по особымъ порученіямъ военному совѣтнику Боровкову, а помощникомъ флигель-адъютанту полковнику Адлербергу и находящемуся при васъ 9-го класса Карасевскому.

«Возлагая на комитетъ столь важное порученіе, мы ожидаемъ, что онъ употребитъ всѣ усилія точнымъ исполненіемъ воли нашей дѣйствовать ко благу и спокойствію государства» [383].

Впослѣдствіи назначены были еще членами комитета генералъ-адъютанты: дежурный генералъ Потаповъ, начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ и Чернышевъ; послѣдній съ 4-го января 1826 года.

Указъ, данный генералу Татищеву, остался необнародованнымъ. Вмѣсто него появился манифестъ 19-го декабря 1825 года, въ которомъ правительство дѣлало слѣдующую оцѣнку совершившимся событіямъ, представляющимъ собою итогъ злополучнаго междуцарствія:

«Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія манифеста о восшествіи нашемъ на престолъ, извѣстно уже въ подробностяхъ изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

«Тогда, какъ всѣ государственныя сословія, всѣ чины военные и гражданскіе, народъ и войска единодушно приносили намъ присягу вѣрности и въ храмахъ Божіихъ призывали на царствованіе наше благословеніе небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону, власти, военному порядку и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семъ кратко и состоитъ все происшествіе, маловажное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

«Сколько ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

«По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли сіе скопище: одни — заблудшіе, умыслу непричастные, другіе — злоумышленные ихъ руководители.

«Чего желали заблудшіе? Быть вѣрными данной ими присягѣ. Всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ престолъ, и въ семъ увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ.

«Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: испровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе.

«Какія средства? Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ командиръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены генералъ-майоръ Шеншинъ, генералъ-майоръ Фридрихсъ и другіе, кровію своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

«Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя.

«Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ изысканіемъ, я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

«Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

«Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребятъ, какъ я уповаю, самый его корень, очистятъ Русь святую отъ сей заразы, извнѣ къ намъ нанесенной, смоютъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведутъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовію къ отечеству и страстію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній: покажутъ наконецъ всему свѣту, что россійскій народъ, всегда вѣрный своему государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ; покажутъ и дадутъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неисцѣльно.

«Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ намъ и престолу нашему всѣхъ состояній. Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи мы съ удовольствіемъ и признательностію зрѣли отъ обывателей столицы лю-

бовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе, по первому знаку государя своего, карать непокорныхъ, отъ начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ чести и любви къ намъ утвержденную.

«Посреди ихъ отличался графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый полководецъ, любимый начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царской воли, вѣрный сынъ церкви и отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ, палъ, исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ отечества пребудетъ всегда незабвенна».

Независимо отъ манифеста 19-го декабря 1825 года появилась вскорѣ затѣмъ, 5-го января 1826 года, небольшая замѣтка въ газетахъ, въ которой сообщалось извѣстіе объ учрежденіи комитета, уже названнаго въ статьѣ слѣдственною комиссіею; а затѣмъ передавались во всеобщее свѣдѣніе нѣкоторыя подробности объ открытомъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью, какъ сказано въ статьѣ, истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ и убіеніе всѣхъ мирныхъ гражданъ[384].

Приведемъ здѣсь содержаніе этой офиціальной статьи, которая можетъ быть названа правительственнымъ сообщеніемъ того времени:

«Неожиданныя происшествія 14-го минувшаго декабря, печальныя сами по себѣ, имѣли счастливыя послѣдствія, ибо оными обнаружено существованіе гнуснаго, дотолѣ едва подозрѣваемаго заговора. Люди, недостойные имени русскихъ, умышляли неслыханныя въ отечествѣ нашемъ злодѣйства: истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ, расхищеніе имуществъ, убіеніе непринадлежащихъ къ мятежническому ихъ сообщничеству гражданъ, однимъ словомъ всѣ неисчислимые ужасы безначалія. Совершенный успѣхъ сего адскаго предпріятія былъ, безъ сомнѣнія, не возможенъ; но и самое покушеніе могло сдѣлаться источникомъ многихъ бѣдствій. Для предупрежденія оныхъ, для искорененія грозившаго государству зла, были необходимы строгія и скорыя мѣры осторожности. Оныя приняты немедленно. Государь императоръ назначилъ для сего особенную слѣдственную комиссію, въ коей присутствуютъ: его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, военный министръ генералъ отъ инфантеріи Татищевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, и генералъ-адъютанты Бенкендорфъ, Левашовъ и Потаповъ. Сія комиссія съ надлежащею, неусыпною дѣятельностію занимается порученнымъ ей изслѣдованіемъ, и по всѣмъ частямъ управленія сдѣланы нужныя распоряженія для отысканія злоумышленниковъ. Показанія тѣхъ, кои пойманы съ оружіемъ въ рукахъ, и открытіе тайнаго общества, издавна готовившаго себя къ

возмущенію, принудили правительство взять подъ стражу многихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ людей. Благо отечества, безопасность общая сего неотмѣнно требовали; ибо единственно распространеніемъ слѣдствія, умноженіемъ допросовъ и сличеніемъ извѣтовъ можно было проникнуть въ самое начало заговора и обнаружить всѣ отрасли онаго. Старанія правительства увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ; ему уже извѣстны всѣ ковы заговорщиковъ, всѣ тайны составленнаго ими ненавистнаго сообщества. По окончаніи суда, сіи свѣдѣнія будутъ обнародованы. Между тѣмъ для всякаго, безъ сомнѣнія, утѣшительно узнать, что изъ числа бывшихъ въ подозрѣніи нѣкоторые по сдѣланіи допросовъ оказались невинными; имъ немедленно возвращена свобода. Другіе ослѣпленные молодые люди вступили въ сообщество, не зная настоящей его цѣли, не постигая, сколь гибельны могли быть послѣдствія ихъ неосторожности, и теперь съ живымъ чувствомъ раскаянія видятъ бездну, въ которую влекло ихъ коварство. Есть и такіе, кои давно уже отреклись отъ всякихъ сношеній съ симъ сообществомъ, но виновны тѣмъ, что не объявили о злодѣйственныхъ намѣреніяхъ онаго. Правительство съ надлежащею точностію отличитъ сіи разныя степени преступленія. Главныхъ же, истинно злоумышленныхъ мятежниковъ ожидаетъ примѣрное наказаніе, коего требуетъ справедливость, польза государства и общее мнѣніе людей благомыслящихъ»[385].

Итакъ, готовился страшный судъ надъ несчастными жертвами своихъ политическихъ увлеченій; предполагалось истребить зло и каждому воздать заслуженное примѣрное наказаніе. Однако, не всѣ современники раздѣляли взглядъ государя относительно необходимости предать защитниковъ заговора всей строгости законовъ. «Pas de miséricorde pour ceux-là», — писалъ императоръ Николай цесаревичу, признавая, что братья и подданные «ангела» должны отомстить за Россію и за національную честь. Но рядомъ съ представителями неумолимаго возмездія явились и сторонники милосердія. По мнѣнію принца Евгенія Вюртембергскаго, слѣдовало, напротивъ того, проявить снисхожденіе по отношенію къ заговорщикамъ, побѣдить сердца великодушіемъ.

Въ этомъ смыслѣ принцъ довѣрилъ сокровеннѣйшія желанія своего сердца императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, прося ее поддержать ихъ, какъ бы ея собственныя. Онъ полагалъ, что государю слѣдовало бы сказать провинившимся: «Я исполню то, что было бы сдѣлано императоромъ Александромъ. Я прощаю васъ. Удалитесь! Вы не достойны Россіи! Не переступайте болѣе никогда ея предѣловъ».

Марія Ѳеодоровна хотѣла возражать, но принцъ прервалъ императрицу и продолжалъ: «Положивъ руку на сердце, мы должны сознаться, что ни одинъ смертный не безгрѣшенъ, а Россійское государство также не безупречно, въ особенности въ своей исторіи. Пріятнѣе прощать,

чѣмъ карать, и при воцареніи, въ политическомъ отношеніи, слѣдуетъ отдать предпочтеніе милосердію передъ строгостью».

Императрица Марія Ѳеодоровна обѣщала племяннику дѣйствовать, по возможности, въ этомъ смыслѣ. Въ настоящее время трудно выяснить, что было сдѣлано императрицею-матерью въ духѣ взглядовъ, высказанныхъ ей племянникомъ; но, судя по дальнѣйшему ходу дѣла, проповѣдь принца Евгенія, очевидно, не нашла себѣ поддержки и отголоска въ правящихъ сферахъ — строгость восторжествовала надъ кротостію[386].

Другой современникъ этихъ событій, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, также высказалъ мысли, весьма близко подходившія къ выводамъ принца Евгенія. Тургеневъ писалъ брату Николаю Ивановичу:

«Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ русскихъ и поляковъ, и не исчезаетъ ли преступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, кому не должно было сопротивляться безъ преступленія? Но любви къ государю и его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблудшихъ. Если вслѣдъ за нимъ блуждали и другіе, то какъ не принять кончину его, какъ средство, которое само Провидѣніе давало милости и правосудію человѣческому?»[387].

Существуетъ еще преданіе, что Карамзинъ дерзнулъ сказать императору Николаю: «Ваше величество! Заблужденія и преступленія этихъ молодыхъ людей суть заблужденія и преступленія нашего вѣка».

Суровая дѣйствительность отошла, однако, далеко отъ краснорѣчивыхъ заявленій и разсужденій гуманныхъ защитниковъ принципа милосердія и забвенія. Да иначе и не могло быть; трудно было ожидать иного рѣшенія, при тѣхъ вполнѣ опредѣленныхъ взглядахъ, которые съ самаго начала усвоилъ себѣ императоръ Николай относительно виновности и будущей судьбы зачинщиковъ декабрьскаго движенія.

По поводу дѣйствій учрежденнаго государемъ комитета генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ въ своихъ запискахъ:

«Мы немедленно приступили къ нашимъ занятіямъ со всѣмъ усердіемъ и жаромъ, какихъ требовало дѣло, тѣсно связанное съ политическимъ существованіемъ имперіи и съ безопасностію каждаго изъ ея подданныхъ. Государь подавалъ намъ лучшій примѣръ дѣятельности и рвенія къ общему благу. Онъ самъ призывалъ къ себѣ и предварительно допрашивалъ всѣхъ заговорщиковъ, какъ захваченныхъ въ Петербургѣ, такъ и тѣхъ, которыхъ постепенно привозили изъ разныхъ губерній и полковъ. Ни одинъ изъ соумышленниковъ, указанныхъ ихъ признаніями, не укрылся отъ бдительности правительства. Всѣ были забраны и представлены въ слѣдственную комиссію.

«Во главѣ заговора въ Петербургѣ были: Рылѣевъ, писатель, служивший въ Россійско-американской компаніи, и князь Трубецкой. Послѣдній, несмотря на данный ему титулъ диктатора, скрылся въ минуту опасности, а затѣмъ умолялъ государя на колѣняхъ не лишать его жизни, который на это согласился: Рылѣевъ, съ своей стороны, бывшій

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

(Съ гравированнаго портрета Райта).

душею мятежа, призналъ тоже за лучшее выждать ходъ обстоятельствъ и вышелъ изъ комнаты только уже тогда, когда пришла за нимъ полиція. Нѣсколько дней позже, я увидѣлъ его, заливающагося слезами умиленія, можетъ быть, и раскаянія, при вѣсти, что государь послалъ находившемуся въ нуждѣ семейству его 3.000 рублей и взялъ на себя попеченіе о дочери того, который поклялся лишить его жизни и низпровергнуть престолъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Съ одной стороны, по волѣ государя были даны самыя строгія и подробныя приказанія о хорошемъ содержаніи и охраненіи здоровья арестованныхъ; съ другой — прилагалось неусыпное стараніе тотчасъ освобождать тѣхъ немногихъ, которые были задержаны по ошибкѣ, или которыхъ вина оказывалась слишкомъ маловажною. Такая заботливость, при совершенной гласности всѣхъ распоряженій правительства, внушила къ нему общую довѣренность и признательность [388]. Всѣ сердца обратились къ новому монарху, который въ первую минуту своего управленія, спасъ государство, а теперь польстилъ общественному самолюбію, отдавая, такъ сказать, публичный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ».

Въ такомъ же духѣ оцѣнивалъ дѣйствія комитета правитель дѣлъ этого учрежденія. Въ запискахъ Воровкова читаемъ:

«Комитетъ, дѣйствуя въ духѣ кротости и снисхожденія августѣйшаго монарха, благосклонно спрашивалъ призванныхъ къ допросамъ, позволялъ имъ говорить свободно, выслушивалъ терпѣливо. Заготовленные вопросы, послѣ личныхъ объясненій, отдавали имъ въ казематы, чтобы они могли обдумать свои отвѣты. Главное упорство большой части допрашиваемыхъ состояло въ открытіи соумышленниковъ; но когда имъ показали бывшіе въ комитетѣ списки членовъ ихъ обществъ, когда сказали имъ, что они почти всѣ уже забраны, тогда они стали чистосердечнѣе. Однако комитетъ съ чрезвычайною осторожностью руководствовался ихъ указаніями; онъ не прежде призывалъ къ допросу, какъ удостовѣрившись въ соучастіи сличеніями разныхъ показаній и свѣдѣній. Великій князь Михаилъ Павловичъ часто говорилъ: «Тяжела обязанность вырвать изъ семейства и виновнаго, но запереть въ крѣпость невиннаго — это убійство» [389]. Добрый предсѣдатель комитета, не взирая на полную ко мнѣ довѣренность и убѣжденіе въ моей осмотрительности, съ большимъ упорствомъ подписывалъ требованія о присылкѣ членовъ злоумышленныхъ обществъ. «Смотри, братъ,—говаривалъ онъ мнѣ,—на твоей душѣ грѣхъ, если подхватимъ напрасно». Допросы отбирались изустно въ полномъ присутствіи комитета, собиравшагося каждый вечеръ; только въ Рождество Христово и Новый годъ не было засѣданія. О всѣхъ допросахъ и отвѣтахъ, тотчасъ послѣ присутствія, составлялъ я ежедневно краткія меморіи для государя императора: онѣ подносились его величеству на слѣдующій день поутру, какъ только онъ изволитъ проснуться. Конечно, эти меморіи, написанныя наскоро поздно ночью, послѣ тяжкаго утомительнаго дня, безъ сомнѣнія, не обработаны, но онѣ должны быть чрезвычайно вѣрны, какъ отраженіе живыхъ свѣжихъ впечатлѣній».

Нѣсколько иначе отзывались подсудимые относительно веденія дѣлъ въ комитетѣ, или, какъ его затѣмъ вѣрнѣе называли, «слѣдственной комиссіи».

пол. 4 генваря 1826

Милостивый Государь
Афанасій Ивановичъ.

Г. Главнокомандующій съ крайнимъ неудовольствіемъ читалъ донесеніе В. Корпуснаго Командира о происшествіи въ васильковѣ; и ожидалъ съ донесеніемъ объ ономъ узнать [въ то же время] что оному происшествію благоразумными мѣрами положенъ конецъ, напротивъ того изъ рапорта Корпуснаго Командира видимъ только распоряженія ~~отвѣтъ [illegible]~~, а отнюдь не то что войски выступили немедленно укротить бунтовщиковъ. Въ подобныхъ важныхъ случаяхъ надобно пользоваться временемъ, и наипаче въ

31

Корпуса войски не были употреблены
ихъ немедленно в дѣло.
Господинъ Главнокомандующий уведа-
что силою оружия вы поставите
уничтожить злобы своихъ,
немедля и с этими Курьеромъ
донести ему объ прекращении
всѣхъ бунтовщиковъ :

Его Маi: Граф Настир от-
правился сей часъ въ Нѣжинъ а
оттуда въ Прилуки давъ вести
форсировавшимъ Маршемъ
Нарвской драгунской полкъ на
Соединение к Корпусному командиру
Если по получении сего все ц.

преступниковъ и надзирателей
Генварія хочу что помнити ихъ
вокругъ полку воротить отвѣтъ
на Кавказѣ.

Я еще повторяю что сила
оружія должна быть употреблена
съ должными переговорами: Проис-
шествіе 14 числа въ Петербургѣ
ковъ Е. Выс. Свиту толемлуг-
ными случившимися дня, какъ пре-
строгъ.

Вашъ искренній доброжелатель

[illegible]

2 числа Генваря 1826
въ 9 часовъ по полудни.

Г. Главнокомандующій ожидаетъ
ежедневныхъ отъ васъ Курьеровъ
которыхъ отправляйте каждый
вечеръ въ Могилевъ до тѣхъ поръ
пока не присягнутъ всѣ войска
Государю Николаю Павловичу.
и не прекратятся всѣ безпоряд-
ки. — Сей послѣдній пунктъ про-
шу довесть до свѣдѣнія
Корпуснаго Командира.

35

ПИСЬМО БАРОНА К. Ѳ. ТОЛЯ КЪ ГЕНЕРАЛУ А. И. КРАСОВСКОМУ.

Безспорно, что многіе изъ подсудимыхъ приводились къ государю для допроса со связанными руками назадъ веревками[390]. Въ уцѣлѣвшихъ запискахъ бывшихъ декабристовъ этотъ печальный фактъ подтверждается самымъ положительнымъ образомъ. Затѣмъ бывали случаи, что государь повелѣвалъ непокорныхъ заковывать въ кандалы; въ подобномъ положеніи имъ приходилось оставаться болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени ихъ дальнѣйшаго упорства; къ такому испытанію нужно еще присоединить соотвѣтственную пищу, посѣщенія священника, назидательныя увѣщанія, сырой казематъ, угрозы пытки со стороны нѣкоторыхъ членовъ комитета, строгое одиночное заключеніе и проч. Само собою разумѣется, что декабристы не могли одинаковымъ образомъ выдержать удручающаго вліянія обстоятельствъ; одни пали ранѣе, другіе держались долѣе. Подъ вліяніемъ физическаго и нравственнаго гнета писались показанія, въ которыхъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ при первыхъ допросахъ отказывали комитету; иной разъ проявлялось даже съ избыткомъ раскаяніе.

«Можете ли вы себѣ представить, что грезится человѣку въ такомъ положеніи,— пишетъ одинъ изъ подсудимыхъ,—и какъ легко ему проговориться и прописаться, не щадя ни себя ни другихъ!»

Не всѣ привлеченные къ отвѣту обладали такою силою воли и твердостію убѣжденій, какъ, напримѣръ, Якушкинъ или Михаилъ Бестужевъ, послѣдній въ особенности. Въ своемъ разсказѣ о событіяхъ 14-го декабря Бестужевъ пишетъ, что послѣ перваго же допроса онъ увидѣлъ для себя необходимость опуститься, какъ улитка, на самое дно раковины безусловнаго отрицанія, чтобы утопая лишнимъ словомъ не топить другихъ. Онъ не увлекся льстивыми обѣщаніями, что единственный путь къ спасенію было чистосердечное раскаяніе. Система откровенности, которой поддались нѣкоторые изъ декабристовъ, не спасла ихъ отъ ожидаемой печальной участи; они договорились лишь благополучно до висѣлицы или до каторжной работы, втягивая къ тому же въ бѣду другихъ, часто неповинныхъ лицъ, запутывая самое дѣло. Къ такимъ личностямъ принадлежали болѣе мягкія, поэтическія натуры, какъ, напримѣръ, Рылѣевъ, который передъ слѣдственной комиссіей дошелъ до такихъ припадковъ откровенности, что при очной ставкѣ сказалъ одному изъ своихъ сотоварищей: «я совѣтую вамъ раскрыть вполнѣ сердце свое комитету, какъ я сдѣлалъ это».

Николай Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ:

«Рылѣевъ старался передъ комитетомъ выставить общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ нашею мыслію, чтобы знали, чего хотѣло общество, онъ открылъ мно-

гія вещи, которыя открывать бы не надлежало. Со всѣмъ тѣмъ это не были ни ложныя показанія на лица, ни какія нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощеніе; впослѣдствіи, когда все было открыто, и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже стращали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены».

Другой свидѣтель оставилъ не менѣе внушительную картину слѣдственной обстановки. По словамъ Фонвизина: «Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по коридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены комитета дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто даже отказывали въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣдѣнію происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами.

«Послѣ того, могли ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны, и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи несбыточныя и до того нелѣпыя, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора и во вредъ самому себѣ и товарищамъ»[391].

Наконецъ, остается дополнить все вышесказанное слѣдующими строками изъ записокъ декабриста барона Розена. Онъ говоритъ, что лица, засѣдавшія въ слѣдственной комиссіи, были достойны уваженія по многимъ отношеніямъ, но невозможно признать въ нихъ судей свѣдущихъ и безпристрастныхъ. «Допросы и дѣлопроизводство этой комиссіи похо-

дили на личные допросы императора и очередныхъ трехъ генералъ-адъютантовъ, только въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и въ подробнѣйшихъ частностяхъ, потому что въ комиссіи безпрестанно бывали очныя ставки. Если эта слѣдственная комиссія, по своему назначенію, должна была составить судъ военный, то въ такомъ случаѣ дѣло могло быть рѣшено въ 24 часа безъ помощи законовѣдовъ, и одинъ главный аудиторъ указалъ бы на статью воинскаго устава, по коей каждый обвиненный въ государственной измѣнѣ весьма имѣлъ быть аркебузированъ! Иначе и не возможно было принять эту слѣдственную комиссію, какъ за военный судъ; кромѣ единственнаго Голицына, всѣ члены были военные, и, слава Богу, что между ними были лица образованныя и честныя[392]. Нельзя было ожидать суда, который долженъ былъ бы допустить и прения и защитниковъ опытныхъ, но тогда этого у насъ не водилось; слѣдственная комиссія представляла зрѣлище, куда вызывали обвиненныхъ, а обвинители ихъ были вмѣстѣ и судебными слѣдователями и судьями».

Къ этой оцѣнкѣ дѣйствій комитета баронъ Розенъ присовокупляетъ еще нѣкоторыя замѣчанія. «Припомните.— пишетъ онъ,— какъ содержались по этому дѣлу арестанты въ крѣпости, ихъ казематы; надѣвали наручники, кандалы, на нѣкоторыхъ и то и другое одновременно, уменьшали пищу, безпрестанно тревожили сонъ ихъ, отнимали послѣдній слабый свѣтъ, проникавшій чрезъ амбразуру крѣпостной стѣны въ окошечко съ рѣшеткою частаго переплета желѣзныхъ пластинокъ, и согласитесь, что эти мѣры стоили испанскаго сапога британскаго короля Іакова II и всѣхъ прочихъ орудій пытки. Пытка при Іаковѣ продолжалась нѣсколько минутъ, часовъ, иногда въ присутствіи короля, а наша крѣпостная продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что разслѣдованіе о злоумышленныхъ обществахъ могло быть ведено даже и въ XIX столѣтіи согласно старинnымъ русскимъ преданіямъ, усвоеннымъ при веденіи прежнихъ, печальной памяти, политическихъ процессовъ; въ лицахъ же, которыя охотно приступили бы къ выполненію подобной задачи, конечно, не было недостатка. Мы уже упомянули о томъ, насколько возрадовались среди петербургскаго общества, когда стало извѣстнымъ, что государь не поручилъ веденія этого дѣла графу Аракчееву и Клейнмихелю. Но затѣмъ, хотя въ слѣдственной комиссіи и не было ни одной злой души, однако всѣ несовершенства нашей тогдашней судебной практики выказались въ полной мѣрѣ, какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ и въ засѣданіяхъ учрежденнаго впослѣдствіи верховнаго уголовнаго суда.

Сказаннаго довольно: покроемъ завѣсою эти печальныя страницы нашего прошлаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

III.

20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года), состоялся первый пріемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ дипломатическаго корпуса въ Зимнемъ дворцѣ. Молодому государю впервые надлежало держать публично рѣчь къ представителямъ всѣхъ европейскихъ державъ; онъ, не приготовясь, произнесъ эту рѣчь, въ которой въ сильныхъ и ясныхъ выраженіяхъ изобразилъ свой взглядъ на дѣла и на ту политику, которой намѣренъ былъ слѣдовать.

«Господа,— сказалъ императоръ Николай, — я радъ, что вижу васъ всѣхъ вмѣстѣ и что могу выразить вамъ благодарность за участіе, принятое вами, какъ въ понесенной моимъ домомъ и Россіей весьма прискорбной утратѣ, такъ и въ печальныхъ обстоятельствахъ, ознаменовавшихъ столь грустнымъ образомъ первыя минуты моего вступленія на престолъ. Я хочу, чтобы Европа узнала всю истину о событіяхъ 14-го декабря. Знаю, что многіе изъ васъ были свидѣтелями-очевидцами оныхъ; такимъ образомъ, вы имѣете возможность подтвердить предъ вашими дворами полную точность обѣихъ реляцій, сообщенныхъ вамъ по моему приказанію и уже доведенныхъ до свѣдѣнія всѣхъ кабинетовъ. Объявляю вамъ: ничто не будетъ скрыто; причины, послѣдствія, виновники заговора станутъ извѣстны всему міру. Вы также знаете объ обстоятельствахъ, за ними слѣдовавшихъ, о неожиданной кончинѣ императора. Они послужили предлогомъ, не причиною подавленнаго возстанія. Заговоръ существовалъ уже давно; покойный императоръ зналъ о немъ и относилъ его начало къ 1815 году. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, нѣсколько офицеровъ, проникшись революціонными ученіями и смутнымъ желаніемъ улучшеній, начали мечтать о преобразованіяхъ и подготовлять обширный заговоръ. Императоръ, братъ мой, имѣвшій ко мнѣ полное довѣріе, часто говорилъ о томъ со мною.

«Я знаю,— съ этими словами государь обратился къ датскому посланнику графу Бломе,— что онъ и вамъ нѣсколько разъ повѣдалъ свои опасенія и подозрѣнія, но до сего времени не удавалось схватить нить, или обнаружить дѣйствительныхъ виновниковъ этого заговора. Мы долго могли предполагать существованіе иноземныхъ вліяній. Что до меня касается, то, будучи воспитанъ въ строю и проводя всю жизнь мою въ постоянномъ соприкосновеніи съ офицерами и солдатами, признаюсь, что я никогда не могъ повѣрить, чтобы возможно было увлечь русскую армію къ нарушенію ея долга. Я получалъ, напротивъ, ежедневно неопровержимыя доказательства преданности и любви солдатъ къ императору и ко всей нашей семьѣ, и то, что произошло, служитъ лишь несомнѣннымъ доказательствомъ, что я воздавалъ справедливость нашимъ вой-

скамъ. Ибо, вы должны знать это, господа, въ вѣрности солдата его клятвѣ вожаки и могли только найти единственное средство ввести его въ заблужденіе на одно мгновеніе. Ни къ какому иному соблазну и не прибѣгали: онъ оказался бы безполезнымъ, и тѣ, съ кѣмъ пришлось обращаться, какъ съ мятежниками, не послушались голоса убѣжденія только

Графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ.

(Съ акварели Брюлова, 1829 года).

оттого, что были твердо увѣрены, что исполняютъ долгъ. А потому возстаніе это нельзя сравнивать съ тѣми, что происходили въ Испаніи и Піемонтѣ. Слава Богу, мы до этого еще не дошли и не дойдемъ никогда.

Нужно будетъ, — продолжалъ государь, — провести большое различіе между участниками заговора. Найдутся въ немъ безусловно ви-

новные, какъ, напримѣръ, князь Трубецкой, но еще болѣе значительно число людей, введенныхъ въ заблужденіе, которые не знали, куда ихъ ведутъ. Въ прошлый понедѣльникъ вокругъ меня было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, прекрасно исполнившихъ свой долгъ и безъ колебаній атаковавшихъ ряды мятежниковъ; между тѣмъ, многіе изъ нихъ участвовали въ заговорѣ, или по меньшей мѣрѣ знали о немъ, но, будучи связаны страшными клятвами, исторгнутыми у ихъ молодости и неопытности, они полагали, что честь воспрещаетъ имъ разоблачить его. Великое счастіе для Россіи и, могу прибавить, для Европы, что заговоръ разразился, потому что этотъ взрывъ, раскрывъ всѣ развѣтвленія заговора, даетъ намъ полную возможность предотвратить его послѣдствія. Каждый день приноситъ новыя признанія и проливаетъ больше свѣта на все дѣло. Вамъ будетъ сообщено все; я хочу, чтобы ничего не было утаено; я обязанъ дать этотъ примѣръ Россіи, оказать эту услугу Европѣ. Мнѣ кажется, что я уже оказалъ ей еще большую услугу, убѣдивъ, что съ довѣріемъ и съ твердостью не невозможно обуздать дерзость революціонеровъ и разстроить ихъ злодѣйскіе умыслы. Но еще разъ повторяю вамъ: то было не возстаніе. Я болѣе, чѣмъ когда либо, увѣренъ въ своей арміи. Заговорщики гораздо ранѣе попытались бы осуществить свой замыселъ, если бы могли придумать способъ, чтобы поколебать вѣрность солдата. Революціонный духъ, внесенный въ Россію горстью людей, заразившихся въ чужихъ краяхъ новыми теоріями, пустилъ нѣсколько ложныхъ ростковъ и внушилъ нѣсколькимъ злодѣямъ и безумцамъ мечту о возможности революціи, для которой, благодаря Бога, въ Россіи нѣтъ данныхъ.

«Вы можете увѣрить ваши правительства,—заключилъ императоръ рѣчь свою,—что эта дерзкая попытка не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Я знаю, господа, что, въ 29 лѣтъ и бывъ всегда только солдатомъ, я не въ правѣ льстить себя надеждой, что съ самаго начала внушу вашимъ государямъ полное довѣріе; единственныя ручательства, которыя я могу имъ дать,—мои намѣренія и чувства. Но я могу завѣрить васъ,—воскликнулъ Николай Павловичъ, ударивъ себя по груди,—что какъ тѣ, такъ и другія чисты и полны откровенности. Къ счастію для меня, путь мой начертанъ, и, слѣдуя тому, на которомъ покойный императоръ обрѣлъ уваженіе, довѣріе и дружбу европейскихъ государей, я надѣюсь заслужить отъ нихъ тѣ же чувства. Передайте это, господа, ихъ величествамъ и поручитесь имъ безъ боязни, что поведеніемъ моимъ всегда будетъ руководить полнѣйшее прямодушіе».

Французскій посолъ графъ Лаферронэ попытался выразить императору, съ какимъ участіемъ и безпокойствомъ дипломаты слѣдили за его дѣйствіями 14-го декабря, и какое удивленіе внушило имъ проявленное государемъ въ этотъ день мужество. «Не станемъ говорить объ этомъ,—

прервалъ его Николай Павловичъ, —я только исполнилъ свой долгъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ душа дастъ всегда добрый совѣтъ, и всякій, кто носитъ мундиръ, не поступилъ бы иначе. Къ тому же, я былъ слишкомъ увѣренъ въ большинствѣ своей гвардіи, чтобы хотя на минуту испытать малѣйшее безпокойство за исходъ дня».

Государь говорилъ громкимъ, одушевленнымъ голосомъ. Лицо его было полно выразительности, и каждый разъ, упоминая о своихъ намѣреніяхъ, онъ бралъ за руку близко стоявшаго къ нему Лаферроне и крѣпко жалъ ее, какъ бы призывая его въ свидѣтели искренности своихъ рѣчей. Въ частности, онъ обратился лишь одинъ разъ къ датскому посланнику графу Бломе, а по окончаніи общей аудіенціи взялъ французскаго посла подъ руку и отвелъ его въ свой кабинетъ. Такой необычайный пріемъ привелъ въ смущеніе прочихъ дипломатовъ и возбудилъ среди нихъ немалую тревогу.

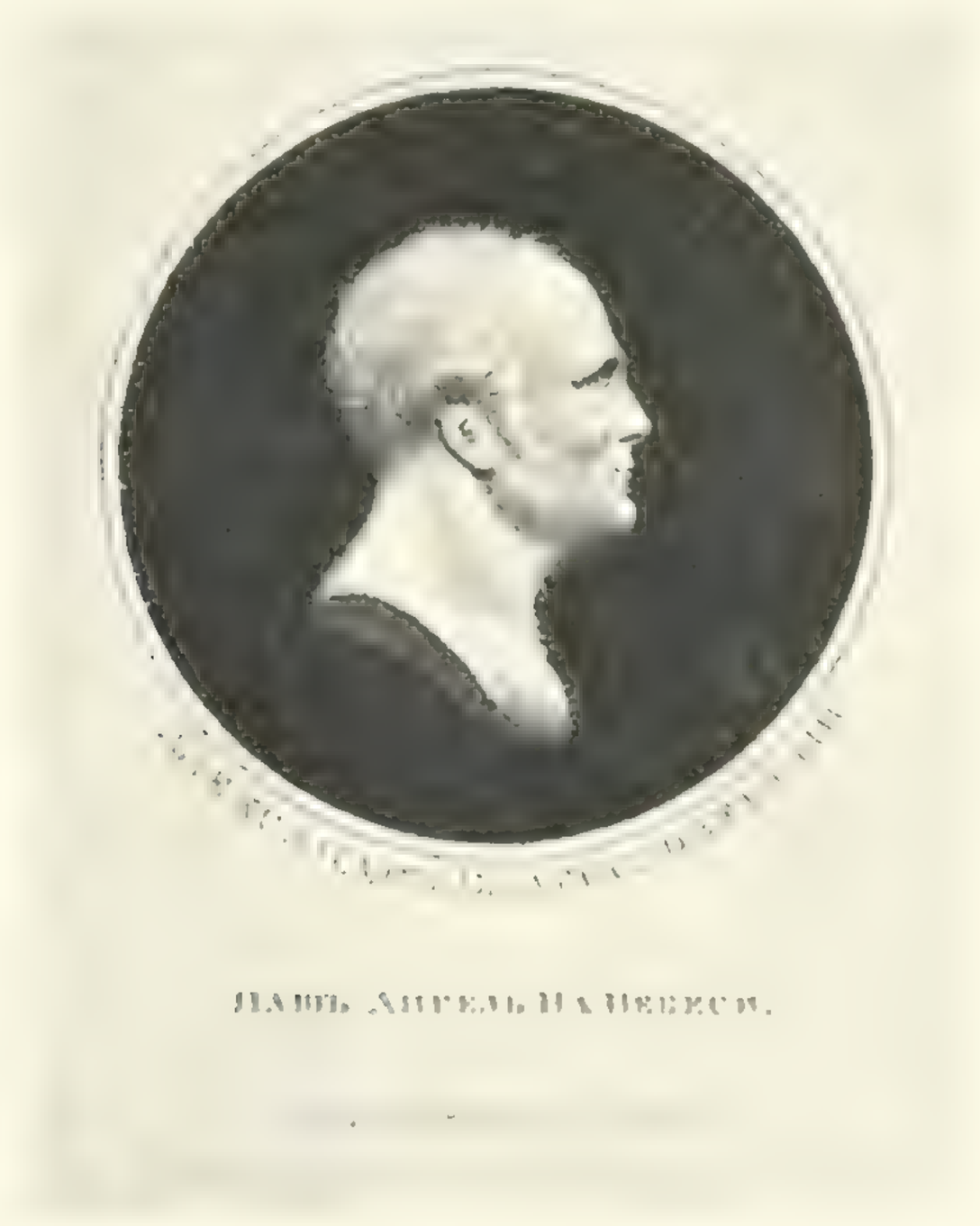
Лаферроне пробылъ наединѣ съ императоромъ цѣлый часъ.

Едва успѣлъ посолъ войти въ кабинетъ, какъ Николай Павловичъ, обнявъ его и заливаясь слезами, воскликнулъ: Какъ счастливъ я быть съ вами и имѣть возможность, наконецъ, свободно излить душу предъ другомъ, который сумѣетъ понять меня! Постигаете ли вы, какія впечатлѣнія и чувства волнуютъ и давятъ меня въ продолженіе цѣлаго мѣсяца? Я молодъ и неопытенъ, никогда не желалъ верховной власти и не мечталъ о ней, и вотъ, мой другъ, подъ какакими предзнаменованіями я вступаю на престолъ! Посудите же, что должно происходить у меня въ душѣ! Я говорю съ вами съ полною откровенностью и искренностью. Наше взаимное положеніе измѣнилось, но мое уваженіе и дружба къ вамъ не измѣнятся никогда. Я не знаю и не могу предвидѣть сущности отношеній, которыя можетъ установить политика между русскимъ императоромъ и посломъ французскаго короля; но въ чемъ я могу обязаться передъ вами честнымъ словомъ, такъ это, что Николай всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ доселѣ для графа Лаферроне, и надѣюсь, что и съ вами будетъ то же».

Императоръ перешелъ къ событіямъ, сопровождавшимъ его воцареніе.

«Вы видѣли,—сказалъ онъ,—что произошло. Вообразите же, что я чувствовалъ, когда вынужденъ былъ пролить кровь, прежде чѣмъ окончился первый день моего царствованія! Никто, за исключеніемъ, быть можетъ, васъ и моей жены, не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую испытываю я и буду испытывать во всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ ужасномъ днѣ. Я зналъ заранѣе, какова подавляющая тяжесть короны, и Богъ мнѣ свидѣтель, что я всею силою своихъ помысловъ отвергалъ ту, которую необычайныя обстоятельства заставили меня принять. Между тѣмъ, злодѣи, задумавшіе этотъ мерзкій заговоръ, вынуждаютъ меня поступать такъ, какъ если бы мое намѣреніе было

вырвать корону изъ рукъ того, кому она принадлежитъ. Я знаю, что многіе станутъ порицать поспѣшность, съ которою я дѣйствовалъ въ минуту полученія извѣстія о кончинѣ императора. То, что произошло, дѣйствительно, какъ бы осуждаетъ поспѣшность, съ которою я призналъ брата Константина и принесъ ему присягу. Тѣмъ не менѣе, если бы я снова очутился въ прежнемъ положеніи, я не поступилъ бы иначе. Отдаю мое положеніе на вашъ судъ. Находясь одинъ въ Петербургѣ въ минуту смерти императора, могъ ли я, долженъ ли я былъ воспользоваться правомъ, истекающимъ изъ акта, о которомъ, за исключеніемъ



Павъ Ангелъ На Небеси.

Императоръ Александръ I.

(Съ гравюры Райта).

небольшого числа лицъ, никто не зналъ ничего во всей имперіи! Нѣтъ, я не долженъ былъ это сдѣлать, особенно въ отсутствіе брата. И если, невзирая на мое поведеніе, невзирая на все совершенное мною, дабы доказать чистоту моихъ намѣреній, я былъ настолько несчастливъ, что усомнились въ моемъ прямодушіи и честности и внушили это сомнѣніе солдатамъ моей гвардіи, то что бы сказали, какое оружіе далъ бы я противъ себя въ руки людей злонамѣренныхъ, если бы, безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ акта отреченія, которое клевета могла бы назвать невольнымъ, я поспѣшилъ вступить на престолъ въ отсутствіе того, кто прямо призванъ къ тому порядкомъ престолонаслѣдія? Развѣ я этимъ не подалъ бы повода утверждать, что то самое начало законности, коего

мы себя провозглашаемъ защитниками. для насъ самихъ лишь пустой звукъ, надъ которымъ мы первые насмѣхаемся, когда намъ внушаетъ это честолюбіе? Впрочемъ, кто посмѣетъ утверждать, что права мои на корону, единственно основанныя на манифестѣ покойнаго императора, который не могъ быть обнародованъ иначе, какъ по восшествіи моемъ на престолъ, были бы признаны всѣми? И какимъ именемъ назвали бы, въ какихъ краскахъ изобразили бы мѣры, которыя пришлось бы принять для ихъ поддержанія? Если поспѣшность, съ которою я отвергъ эту корону, не помѣшала заподозрѣть во мнѣ похитителя власти, то чего бы

Императрица Елисавета Алексѣевна.

(Съ гравюры Райта).

не сочли себя въ правѣ сказать, когда бы я устремился на престолъ тотчасъ по его освобожденіи? Чѣмъ былъ я, всего нѣсколько дней назадъ, въ Европѣ, въ мірѣ, дабы имѣть право требовать, чтобы безъ доказательствъ повѣрили моей искренности и честности? Положеніе мое, дорогой другъ, было ужасно, и никто не сумѣлъ или не захотѣлъ понять его. Но призываю въ свидѣтели небо и клянусь честью, что я прислушивался только къ голосу моей совѣсти, сообразовался лишь съ моими чувствами, которыя нынѣ и всегда останутся запечатлѣнными въ душѣ. Я находилъ, нахожу и теперь, что если бы братъ Константинъ внялъ моимъ настойчивымъ моленіямъ и прибылъ въ Петербургъ, то мы избѣжали бы ужасающей сцены, коей вы были свидѣтелемъ, и опасности,

которой она подвергла насъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Онъ не счелъ нужнымъ уступить моимъ просьбамъ. Невозможность немедленно обнародовать все, происходившее между имъ и мною, необходимость положить конецъ продолжительной и опасной неизвѣстности, въ которой находилось общество, заставили меня тогда принять престолъ. Но заговорщики вообразили, что они разомъ нашли и предлогъ и способъ дѣйствовать. Они ухитрились внушить о разладѣ между братомъ и мною, а мое поведеніе изобразили въ самомъ гнусномъ свѣтѣ. Одною силою клеветы и увѣривъ солдатъ, что государь, съ коимъ связывала ихъ первая присяга, находится въ заточеніи и ввѣряетъ имъ заботу отомстить за него, успѣли ввести нѣкоторыхъ изъ нихъ въ заблужденіе. Вотъ, что дѣлало мое положеніе въ прошлый понедѣльникъ въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ я могу вамъ это выразить. Я былъ увлеченъ необходимостью, чтобы спасти столицу, быть можетъ, имперію отъ страшной катастрофы, пролить кровь несчастныхъ, большая часть которыхъ доказывала своимъ участіемъ въ бунтѣ, до чего можетъ ихъ довести вѣрность присягѣ и преданность царю».

Слезы въ изобиліи текли изъ глазъ императора, рыданіе заглушало его голосъ. Послѣ минутнаго перерыва онъ продолжалъ:

«Извините меня, дорогой графъ. Я знаю, что передъ другомъ могу излить душу, раскрыть всѣ ея страданія, не опасаясь быть обвиненнымъ въ слабости. Повторяю: вамъ обязанъ я первою минутой испытаннаго облегченія. Я вѣрилъ вашей дружбѣ при обстоятельствахъ, которыя не давали повода ни вамъ ни мнѣ подозрѣвать тѣ, въ коихъ мы находимся нынѣ. Желалъ бы вѣрить, нуждаюсь въ надеждѣ, что событія, совершившіяся на нашихъ глазахъ, не только ничего не измѣнятъ въ вашихъ чувствахъ, но еще дадутъ мнѣ новое право на ваше уваженіе. Впрочемъ, душа моя глубоко опечалена, но не удручена, въ особенности же она не должна казаться такою націи, повелѣвать которою составляетъ мою гордость. Да, вы можете мнѣ повѣрить: сквозь тучи, затемнившія на мгновеніе небосклонъ, я имѣлъ утѣшеніе получить тысячу выраженій высокой преданности и распознать любовь къ отечеству, отомщающую за стыдъ и позоръ, которые горсть злодѣевъ пыталась взвесть на русскій народъ. Вотъ почему воспоминаніе объ этомъ презрѣнномъ заговорѣ не только не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго недовѣрія, но еще усиливаетъ мою довѣрчивость и отсутствіе опасеній. Прямодушіе и довѣріе вѣрнѣе обезоруживаютъ ненависть, чѣмъ недовѣріе и подозрительность, составляющія принадлежность слабости. Я предчувствую всѣ свои обязанности, скоро узнаю ихъ и сумѣю ихъ исполнить. Но въ дружеской бесѣдѣ я могу признаться въ тяжести бремени, возложеннаго на меня Провидѣніемъ. Въ 29 лѣтъ, дорогой графъ, позволительно въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, страшиться задачи, которая, казалось

мнѣ, никогда не должна была выпасть мнѣ на долю, и къ которой, слѣдовательно, я не готовился. Я никогда не молилъ Бога ни о чемъ такъ усердно, какъ чтобы Онъ не подвергалъ меня этому испытанію. Его воля рѣшила иначе: я постараюсь стать на высотѣ долга, который Онъ на меня возлагаетъ. Я начинаю царствованіе, повторяю вамъ, подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями. Я сумѣю ихъ исполнить. Проявлю милосердіе, много милосердія, нѣкоторые даже скажутъ —слишкомъ много; но съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады. Законъ изречетъ кару, и не для нихъ воспользуюсь я принадлежащимъ мнѣ правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ. Но не устану вамъ повторять: сердце мое раздирается, и у меня постоянно предъ глазами ужасное зрѣлище, ознаменовавшее день моего вступленія на престолъ».

Государь былъ глубоко взволнованъ. Лаферронэ замѣтилъ, что Европа, узнавъ о событіи, содрогнется при мысли объ опасности, которой подвергалъ себя императоръ, но въ то же время испытаетъ глубокое восхищеніе, убѣдившись, что тотъ, кто призванъ возсѣсть въ сонмъ ея монарховъ, съ перваго же дня показалъ себя достойнымъ престола и твердою рукой защитилъ и утвердилъ свой вѣнецъ. «О, что до этого касается,—прервалъ его государь съ выраженіемъ благородной гордости о взглядѣ и въ голосѣ,—ручаюсь вамъ, что то, что далъ мнѣ Богъ, ни одинъ человѣкъ у меня не отниметъ».

Николай Павловичъ началъ затѣмъ подробно разсказывать своему собесѣднику исторію заговора въ томъ видѣ, въ какомъ его выяснило дознаніе. Онъ имѣлъ обширныя развѣтвленія, преимущественно во второй арміи, въ которой служила большая часть офицеровъ, остававшихся долгое время во Франціи подъ начальствомъ графа Воронцова. Этотъ молодой генералъ самъ, по возвращеніи въ отечество, представилъ покойному императору записку, изложенную съ большою независимостью и энергіей. Въ ней требовались значительныя измѣненія въ существующемъ образѣ правленія, и подписалось подъ нею много лицъ весьма почтенныхъ. Хотя въ эту эпоху мысли императора Александра были несравненно менѣе враждебны либеральнымъ ученіямъ, чѣмъ стали впослѣдствіи, но все же онъ былъ крайне недоволенъ запиской, составитель которой оставался въ немилости нѣсколько лѣтъ.

Лаферронэ спросилъ государя, не замѣшаны ли въ заговорѣ иностранцы. «Пока нѣтъ ни одного,—отвѣчалъ Николай Павловичъ,— повидимому, эти господа какъ бы полагали національное тщеславіе въ томъ, чтобы обдѣлать дѣло между собою».

Бесѣда еще долго длилась на ту же тему. Въ заключеніе императоръ Николай сказалъ: «Сегодня я не разговариваю съ вами о политикѣ,

потому что она для меня вещь совершенно новая, и намъ нужно прежде всего знать, въ какихъ отношеніяхъ стоимъ мы ко всѣмъ державамъ. Тѣмъ не менѣе, мое искреннѣйшее желаніе—остаться со всѣми европейскими дворами въ положеніи полнаго довѣрія и близкихъ сношеній, существовавшихъ между ними и покойнымъ императоромъ. Я знаю, дорогой графъ, что его величество не могъ нахвалиться расположеніемъ короля, вашего повелителя, и его министровъ. И мнѣ кажется, что для Франціи и Россіи одинаково полезно вступить въ соглашеніе и дѣйствовать сообща. Впрочемъ, я не знаю еще, чего требуютъ обстоятельства и сочетанія, порожденныя ходомъ событій. Но я знаю, что пока вы съ нами, я буду вѣрить въ дружбу короля ко мнѣ, и всякое дѣло легко обсудится между вами и мною[393]. Вѣрьте мнѣ: мы вмѣстѣ совершимъ добрыя дѣла. Впрочемъ, повторяю, я еще не посвященъ въ политику»[394].

Бесѣда императора Николая съ Лаферроне продолжалась цѣлый часъ; пылкая и задушевная рѣчь государя произвела на французскаго дипломата весьма сильное впечатлѣніе. Лаферроне прямо изъ дворца поѣхалъ къ графу Рибопьеру. «Ну, — воскликнулъ онъ,—у васъ есть властелинъ, какая рѣчь, какое благородство, какое величіе, и гдѣ до сихъ поръ онъ скрывалъ все это». Императоръ Николай явился ему, какъ онъ выразился, образованнымъ Петромъ Великимъ[395].

Продолжительная аудіенція французскаго посла у государя встревожила прочихъ дипломатовъ, въ особенности австрійскаго посла Лебцельтерна и англійскаго Странгфорда. Они опасались, не безъ нѣкотораго основанія, что политика Россіи, въ особенности въ Восточномъ вопросѣ, можетъ принять съ наступленіемъ новаго царствованія характеръ, болѣе сродный русскимъ интересамъ, чѣмъ выгодамъ великаго европейскаго союза.

Вообще съ самаго 14-го декабря проницательный наблюдатель могъ уже составить себѣ понятіе о характерѣ новаго повелителя Россіи; чувствовалось, что съ этой минуты нѣчто новое, еще неизвѣстное будетъ играть роль въ политикѣ русскаго двора.

Припомнимъ здѣсь, что въ день 14-го декабря къ императору Николаю подошелъ тогдашній ганноверскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Дёрнбергъ. Иностранные министры, собравшіеся на бульварѣ, чтобы взглянуть на необычайное для Петербурга происшествіе этого дня, поручили престарѣлому графу испросить имъ позволеніе стать въ свиту государя, какъ бы въ сильнѣйшее еще подтвержденіе передъ народомъ законности его правъ. Приявъ милостиво привѣтъ Дёрнберга, Николай Павловичъ поручилъ ему, поблагодаривъ своихъ товарищей, сказать имъ: «que cette scène était une affaire de famille, à laquelle l'Europe n'avait rien à démêler». Этотъ отвѣтъ очень полюбился стоявшимъ

вокругъ русскимъ, пишетъ баронъ Корфъ, а иностраннымъ дипломатамъ далъ первое понятіе о характерѣ новаго монарха[396].

Дѣйствительно, вскорѣ обрисовалось съ достаточною ясностью, что космополитизмъ Александровской эпохи во внѣшней, равно какъ и во внутренней политикѣ, отжилъ свой вѣкъ.

«Теперь не существуетъ болѣе политики англійской, французской, русской, прусской и австрійской, а существуетъ только одна политика общая, которая для спасенія всѣхъ должна быть усвоена сообща народами и государями»,—такъ говорилъ въ 1822 году императоръ Александръ Шатобріану[397]. Императоръ Николай напротивъ былъ такого мнѣнія, что русская политика существуетъ, и считалъ себя ея представителемъ. Хотя Николай Павловичъ оставался сторонникомъ Священнаго союза и готовъ былъ во всякое время протянуть руку помощи своимъ союзникамъ, руководствуясь одними побужденіями полнаго безкорыстія, но по складу своего ума новый державный повелитель Россіи не могъ сдѣлаться сторонникомъ туманнаго космополитизма на религіозной подкладкѣ и не могъ жертвовать русскими интересами въ пользу соображеній какого-то высшаго порядка! Новая политическая система русскаго двора вскорѣ выяснилась тѣмъ, какимъ образомъ императоръ Николай отнесся къ стоявшему на очереди Восточному вопросу.

IV.

21-го декабря 1825 года (2-го января 1826 года) послѣдовалъ выносъ тѣла графа Милорадовича изъ Казанскаго собора для погребенія въ Невской лаврѣ. Императоръ Николай и великій князь Михаилъ Павловичъ почтили печальный обрядъ своимъ присутствіемъ, равно какъ всѣ первостепенные военные и гражданскіе чиновники. Дипломатическій корпусъ также присутствовалъ на похоронахъ въ полномъ составѣ.

Въ числѣ лицъ, явившихся въ Казанскій соборъ, находился также графъ Аракчеевъ, который поспѣшилъ въ тотъ же день довести это необычайное событіе до свѣдѣнія императора Николая и писалъ государю:

«Мнѣ именно запретили медики сегодня выѣзжать, но я ихъ не послушался и былъ ровно въ 9-ть назначенныхъ часовъ въ Казанскомъ соборѣ, дожидался моего государя императора, поклонясь ему, мимо меня прошедшему, вѣрноподданническимъ образомъ, и, сдѣлавъ почтаніе вѣрному и доброму товарищу, позавидовалъ ему, что онъ уже находится вмѣстѣ съ благословеннымъ Александромъ, вынужденъ былъ отъ бо-

лѣзни своей возвратиться домой. Меня видѣли многіе, между прочими и новый военный губернаторъ, Павелъ Васильевичъ Кутузовъ».

Къ этой рекламѣ о своей персонѣ Аракчеевъ прибавилъ и добрый совѣтъ: «Вашему императорскому величеству весьма нужно беречь свое здоровье. Оно нужно для блага цѣлой Россіи и для истребленія открытаго вами зла.

«Вѣрнѣйшій вѣрноподданный до конца жизни графъ Аракчеевъ»[338].

Съ какимъ бы удовольствіемъ безъ лести преданный графъ принялся истреблять открытое зло; исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней послѣдовало бы, по всей вѣроятности, полное. Но, къ счастью, двери слѣдственной комиссіи для него не раскрылись, а готовилось нѣчто другое— полное крушеніе занимаемаго имъ первенствующаго положенія въ государствѣ.

Среди разныхъ горестныхъ происшествій, закончившихъ собою 1825 годъ, послѣдовало и одно радостное событіе, встрѣченное съ сочувствіемъ современниками, къ которому и отдаленное потомство не можетъ отнестись равнодушно. Вслѣдъ за 14-мъ декабря насталъ тотъ вожделѣнный моментъ, когда графъ Аракчеевъ пересталъ наконецъ управлять Россійскою имперіею. Воцарился государь, который чувствовалъ въ себѣ достаточную мощь самому управлять Богомъ ввѣреннымъ его государствомъ, а потому паденіе прежняго значенія графа Аракчеева являлось дѣломъ неизбѣжнымъ; оно не заставило себя ждать.

Императоръ Николай началъ съ того, что уволилъ графа Аракчеева отъ завѣдыванія дѣлами комитета министровъ и собственной его величества канцеляріи. Это былъ, конечно, только первый шагъ къ предстоявшему въ ближайшемъ будущемъ освобожденію и военныхъ поселеній отъ тяжелой опеки ихъ суроваго творца. Но самое увольненіе графа Аракчеева императоръ Николай обставилъ такими особыми знаками изысканнаго вниманія, которые не часто встрѣчаются въ исторіи административныхъ перемѣщеній; они дѣлаются понятными, если припомнить, что государь имѣлъ дѣло не только съ довѣреннымъ совѣтникомъ, но и съ другомъ почившаго императора Александра, память о которомъ оставалась священною для его преемника[339].

Для характеристики отношеній, установившихся между бывшимъ временщикомъ и молодымъ государемъ, обратимся теперь къ перепискѣ, завязавшейся между Николаемъ Павловичемъ и графомъ Аракчеевымъ, вскорѣ послѣ кончины императора Александра.

Хотя графъ Аракчеевъ послѣ присяги, принесенной цесаревичу Константину Павловичу, 30-го ноября внезапно выздоровѣлъ и снова вступилъ въ управленіе военными поселеніями, но это чудесное исцѣленіе было непродолжительнымъ; по мѣрѣ угасанія надежды на воцареніе императора Константина, здоровье графа Алексѣя Андреевича стало снова

приходить въ худшее состояніе. Онъ запершя въ своемъ домѣ на Литейной, никого не принималъ у себя и нигдѣ не показывался. Когда же во время междуцарствія Николай Павловичъ пожелалъ видѣть графа

Василій Сергѣевичъ Ланской.

(Съ портрета, писаннаго масляными красками).

Аракчеева, послѣдній написалъ великому князю 10-го декабря 1825 года письмо, преисполненное элегическими возгласами:

«Богъ да вознаградитъ вашего императорскаго высочества Николая Павловича, что вы несчастнаго сироту вспомнили въ его неутѣшной пе-

чали, который потеряніемъ своего государя вмѣстѣ съ онымъ лишился отца и благодѣтеля. Желаніе мое теперь только существуетъ въ безпрестанной ко Всевышнему Богу просьбѣ, дабы онъ скорѣе меня соединилъ съ покойнымъ моимъ благодѣтелемъ, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, что Богъ услышитъ мою молитву.

«Пока же угодно Богу оставить меня на страданія въ сей жизни, то отъ вашего императорскаго высочества зависѣть будетъ назначить мнѣ день и часъ и мѣсто, когда и куда явиться мнѣ къ вашему императорскому высочеству; но рабски прошу васъ принять меня наединѣ, ибо съ людьми я быть никакъ не могу, свидѣтельствуясь въ ономъ самимъ Богомъ.

«Вашего императорскаго высочества вѣрноподданный графъ Аракчеевъ» [400].

Свиданіе Николая Павловича съ графомъ Аракчеевымъ дѣйствительно состоялось 10-го декабря; во время происшедшаго тогда разговора графъ Алексѣй Андреевичъ упомянулъ о существованіи заговора, прибавивъ, что не знаетъ, на чемъ дѣло остановилось. Нужно полагать, что сообщенныя имъ тогда великому князю свѣдѣнія были весьма неопредѣленнаго свойства и заключались, вѣроятно, только въ томъ, что напали на слѣдъ какого-то заговора, на который нужно обратить вниманіе, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что только донесеніе генералъ-адъютанта барона Дибича бросило лучъ свѣта въ темныя догадки, безпокоившія уже съ нѣкотораго времени Николая Павловича. Когда же великій князь, почти наканунѣ своего воцаренія, прислалъ къ Аракчееву генералъ-губернатора для разъясненія этого важнаго дѣла, то, какъ выше упомянуто, безъ лести преданный графъ не допустилъ къ себѣ Милорадовича, несмотря на сдѣланное имъ заявленіе, что онъ присланъ великимъ княземъ, подъ предлогомъ, что принялъ за правило никого у себя не видѣть, даже и по службѣ.

Послѣ 14-го декабря элегическое настроеніе графа Аракчеева быстро перешло уже въ настойчивое желаніе полнаго удаленія отъ дѣлъ. Государь, конечно, не отказалъ Аракчееву въ немедленномъ удовлетвореніи выраженнаго имъ желанія и написалъ 20-го декабря графу письмо, къ которому приложилъ собственноручно написанную черновую записку относительно перевода собственной его величества канцеляріи въ непосредственное государя завѣдываніе и одновременнаго увольненія графа Аракчеева и отъ завѣдыванія канцеляріею комитета министровъ. «Я ожидаю отъ васъ вашихъ на оную замѣчаній, — писалъ Николай Павловичъ,—вмѣстѣ съ возвращеніемъ ко мнѣ оной. Я желаю симъ исполнить долгъ мой и удовлетворить справедливому желанію вашему» [401].

На это милостивое письмо императора Николая графъ Аракчеевъ отвѣтилъ въ тотъ же день слѣдующими строками:

[illegible] ВМѢСТѢ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
что [illegible] УСЛЫШИТЪ мою молитву.

«Нѣтъ же угодно [illegible]
то отъ вашего императорскаго [illegible]
мить тень и часть и м[illegible] [illegible] своему им-
ператорскому высочеству: [illegible] [illegible]
ибо съ людьми я быть [illegible] не могу, [illegible] быть отъ-
мимъ Богомъ.

«Вашего императорскаго высочества [illegible]
чевъ»[409].

Свиданіе Николая Павловича съ графомъ Аракчеевымъ [illegible]
тельно состоялось 10-го декабря: во время продолжительнаго [illegible]
говора графъ Алексѣй Андреевичъ [illegible] о существенномъ [illegible]
говорѣ, прибавивъ, что не знаетъ, [illegible] дѣло остановилось. [illegible]
полагать, что сообщенныя имъ [illegible] [illegible] книзѣ свѣдѣнія [illegible]
весьма неопредѣленнаго свойства [illegible], вѣроятно, только [illegible]
томъ, что напали на [illegible], на который нужно обра-
тить вниманіе. потому что [illegible], что только [illegible]
ніе генералъ-адъютанта [illegible] [illegible] имѣетъ связи въ [illegible]
догадки, безпокоивш[illegible] [illegible] Николая Павловича.
Когда же [illegible] [illegible] [illegible] возвращенія, [illegible]
къ Аракчееву генералъ [illegible] [illegible] [illegible] этого важнаго [illegible]
то, какъ [illegible] [illegible] [illegible] графъ не [illegible]
къ себѣ Милорадовича, [illegible] [illegible] имъ [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
прислать великаго [illegible] [illegible], что [illegible]
никого у себя не [illegible].

Послѣ 14-го [illegible] [illegible] графа Аракчеева [illegible]
стро перешло уже [illegible] [illegible] полнаго удаленія [illegible]
Государь, [illegible] [illegible] [illegible] немедленномъ [illegible]
ленія [illegible] [illegible] [illegible] 20-го декабря графъ [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
отправленіе [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Аракчеева [illegible] [illegible] [illegible] комитетъ министровъ. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Император Николай I

«Ваше императорское величество,

«Всемилостивѣйшій государь!

«Принося вѣрноподданническую душевную мою благодарность за милостивое ваше къ подданному вниманіе, которое я не успѣлъ вашему величеству заслужить, но пріемлю сію вашу милость продолженіемъ милостей ко мнѣ покойнаго моего отца и благодѣтеля въ Бозѣ почившаго императора Александра Павловича, осмѣливаюсь представить другой проектъ рескрипта, коимъ я буду доволенъ, а для порядку нуженъ особый указъ и комитету гг. министровъ, который при семъ и представляю.

«Сія вѣрноподданная моя благодарность отправлена съ г.-м. Клейнмихелемъ, который имѣетъ препорученіе мое представить лично вашему императорскому величеству расписаніе корпуса военныхъ поселеній и на апробацію приказъ, издаваемый по корпусу, по случаю воспослѣдовавшаго на мое имя вчерашняго рескрипта вашего императорскаго величества [402].

«До конца жизни моей пребуду вѣрнѣйшимъ вѣрноподданнымъ.

«Г. Аракчеевъ».

Къ этому письму былъ приложенъ проектъ рескрипта, писанный рукою графа Аракчеева карандашемъ, коимъ согласно заявленію, сдѣланному государю, онъ останется доволенъ. Передѣлывая высочайшій рескриптъ, графъ Аракчеевъ выпустилъ изъ него все относящееся до военныхъ поселеній [403].

Императоръ Николай не замедлилъ исполнить желаніе Аракчеева, удостоивъ его рескриптомъ, согласнымъ съ проектомъ графа и помѣченнымъ 20-мъ же декабря 1825 года:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужное, я согласно желанію и просьбѣ вашей увольняю васъ отъ занятій дѣлами по собственной моей канцеляріи, которая посему и будетъ находиться въ непосредственномъ моемъ завѣдываніи; равномѣрно, удовлетворяя желанію вашему, предоставляю вамъ и канцелярію комитета министровъ поручить управляющему дѣлами сего комитета дѣйствительному статскому совѣтнику Гежелинскому, о чемъ указъ комитету сего числа послѣдовалъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ пребываю вамъ навсегда доброжелательнымъ.

«Николай» [404].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Но императоръ Николай не ограничился приведеннымъ здѣсь милостивымъ рескриптомъ. Наканунѣ, 19-го декабря, государь осчастливилъ еще Аракчеева упомянутымъ уже выше другимъ рескриптомъ, относящимся до дѣятельности графа по военнымъ поселеніямъ и напечатаннымъ въ газетахъ того времени. Въ немъ императоръ говорилъ, что надѣется, что графъ попрежнему будетъ служить его величеству, какъ служилъ покойному государю.

Вотъ содержаніе этого рескрипта:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Въ Бозѣ почивающему императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военныя поселенія для пользы государства нашего, и вы, будучи всегда точнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ воли его, успѣли достигнуть цѣли благихъ его намѣреній. Предполагая и вмѣняя себѣ въ обязанность поддерживать устройство начатаго дѣла, я надѣюсь, что вы будете мнѣ вспомоществовать въ ономъ съ тѣмъ же чистымъ усердіемъ, которое всегда отличало васъ въ глазахъ покойнаго императора, и вслѣдствіе того предоставляю вамъ дѣйствовать тѣми постановленіями и узаконеніями, кои досель по военному поселенію были изданы, и въ случаѣ надобности повелѣваю вамъ входить ко мнѣ съ докладами и испрашивать разрѣшенія тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ исполняли оное при покойномъ государѣ. Пребываю вамъ всегда благосклонный

«Николай».

Обрадованный графъ Аракчеевъ поспѣшилъ 20-го декабря разослать копію съ высочайшаго рескрипта по поселеннымъ войскамъ, при слѣдующемъ приказѣ:

«Войска поселенныя! Государю императору Николаю Павловичу благоугодно было, въ 19-й день сего мѣсяца, удостоить меня высочайшимъ рескриптомъ, которымъ соизволилъ объявить, что поддержитъ устройство военнаго поселенія, начатаго императоромъ Александромъ Павловичемъ, для пользы государства Россійскаго. Я спѣшу препроводить сей рескриптъ къ общему свѣдѣнію вашему. Да порадуется каждый изъ васъ, что благосостояніе ваше остается непоколебимымъ, и да усугубятся стараніе и усердіе всѣхъ васъ оправдать память императора, въ Бозѣ почивающаго, и заслужить милость всемилостивѣйшаго государя царствующаго».

По поводу рескрипта 19-го декабря Михайловскій-Данилевскій пишетъ:

«Странно, что къ одному графу Аракчееву пишутъ о продолженіи его службы; въ такомъ случаѣ надлежало бы писать, по крайней мѣрѣ,

и къ обоимъ главнокомандующимъ, графамъ Витгенштейну и Сакену, чтобы и они остались на службѣ, или другимъ особамъ, занимающимъ важныя должности; но такъ какъ нѣтъ указа или приказа объ увольненіи ихъ, равно какъ и Аракчеева отъ службы, то не существуетъ и достаточной причины для написанія къ нимъ подобныхъ рескриптовъ. Но я думаю, что поводомъ къ оному были двѣ причины: во-первыхъ, графъ Аракчеевъ, противъ котораго по смерти Александра всѣ явно возстали, и желали симъ рескриптомъ, напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ, общенародно доказать, что онъ остается попрежнему при дворѣ, а, во-вторыхъ, другая побудительная причина, которая мнѣ кажется болѣе основательною, есть та, чтобы объявить волю монаршую о высочайшемъ намѣреніи оставить попрежнему военныя поселенія. Извѣстно, что сіе учрежденіе вѣка Александра вооружило противъ себя Россію, и потому по кончинѣ его думали, что преемникомъ его оное будетъ или отмѣнено, или не будетъ болѣе распространяться; но симъ рескриптомъ, послѣдовавшимъ на имя графа Аракчеева, ясно изображается высочайшая воля и въ семъ отношеніи поступить по примѣру Александра» [405].

Такъ разсуждали многіе изъ современниковъ разбираемой эпохи; дѣйствительно съ перваго взгляда могло казаться, что поселенной идиліи суждено продолжаться на прежнемъ основаніи. Но эти опасенія продержались недолго; уже приближался моментъ разлуки несчастнаго спроты съ своимъ дѣтищемъ! Что же касается поселеній, то они стали постепенно терять прежній характеръ, и затѣмъ не получили того дальнѣйшаго, пагубнаго для Россіи, расширенія, которое, угрожая имперіи новыми бѣдствіями, замышлялось еще недавно его творцами.

Между тѣмъ русское общество продолжало относиться съ прежнею строгостью къ бывшему временщику. Начавшееся паденіе его не возбудило и тѣни сожалѣнія: никто не помянулъ графа Аракчеева добрымъ словомъ [406]. Напротивъ того, даже въ донесеніяхъ высшей полиціи его дѣлали отвѣтственнымъ за неудовольствіе, вызвавшее взрывъ 14-го декабря. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ М. М. Фока къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, отъ 20-го іюля 1826 года, мы читаемъ:

«Въ сущности нѣкоторые изъ новаторовъ попросту задались мыслью отмѣтить злоупотребленія, указывая въ то же время и на лѣкарство. По ихъ мнѣнію, великія внѣшнія войны и иностранная политика до того поглотили все вниманіе правительства, что управленіе внутренними дѣлами страдало, находясь въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, органовъ и креатуръ единственнаго человѣка, облеченнаго довѣріемъ государя и до того честолюбиваго подъ личиною безкорыстія, что онъ пожертвовалъ честолюбію наиболѣе близкими интересами управляемыхъ и заставилъ правительство слѣдовать системѣ управленія, сущность кото-

рой заключалась въ придиркахъ, а цѣль въ жаждѣ нераздѣльнаго господства; такимъ образомъ недовольство, безпрерывно возрастая, въ силу необходимости должно было привести въ концѣ концовъ къ взрыву. Затѣмъ эти же самые новаторы, не имѣя ни власти, ни средствъ, возвели себя на степень распорядителей и неизбѣжно должны были прибѣгнуть къ преступнымъ мѣрамъ, чтобы развить свои планы и привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, если, съ одной стороны, ничто не можетъ извинить предпріятій, отвергаемыхъ законами божескими и человѣческими, то, съ другой стороны, очевидно, что все было сдѣлано, чтобы вызвать недовольство, и ничего для того, чтобы подавить его въ самомъ зародышѣ» [407].

25-го декабря 1825 года былъ при дворѣ выходъ. Царедворцы, по свидѣтельству очевидца, были недовольны его мрачнымъ видомъ. Въ то время начали распространяться «всевозможные разсказы о разныхъ выдающихся личностяхъ, замѣшанныхъ въ преступномъ заговорѣ».

Тѣмъ не менѣе въ этотъ день и въ Новый годъ роздано было великое множество наградъ. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Командиръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ, Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, возведенъ былъ 25-го декабря 1825 года въ графское достоинство, «въ воздаяніе отличнаго служенія намъ и отечеству», а, какъ говорили тогда, для отличія отъ брата, Михаила Ѳедоровича, который былъ сильно замѣшанъ въ дѣло о злоумышленныхъ обществахъ [408]. Военный министръ Татищевъ получилъ орденъ св. Владимира 1-й степени, генералъ-адъютанты Закревскій и Бенкендорфъ—орденъ св. Александра Невскаго и т. д.

Графу Модену повелѣно было быть при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ должности гофмейстера; кромѣ того, онъ былъ награжденъ Александровскою лентою.

Великій князь Михаилъ Павловичъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, равно какъ и петербургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Свита воцарившагося государя также сразу разрослась до почтенной цифры. Въ періодъ времени съ 14-го декабря до Новаго года назначены были 20 новыхъ генералъ-адъютантовъ и 38 флигель-адъютантовъ.

Назначеніе новыхъ генералъ-адъютантовъ навело Михайловскаго-Данилевскаго, находившагося въ это время въ Кременчугѣ, на слѣдующія размышленія:

«Изъ новыхъ генералъ-адъютантовъ, назначенныхъ приказомъ по арміи 15-го декабря, большая часть людей незначительныхъ, и, за исключеніемъ Сукина, Воинова, Демидова и Шишкина, пріобрѣтшихъ долголѣтнею службою и ранами уваженіе соотечественниковъ, всѣ другіе

не что иное, какъ люди, занимавшіеся фрунтовою частью. Не знаю, что именно происходило въ Петербургѣ во время возмущенія 14-го декабря: можетъ быть, сіи господа имѣли случай показать чрезвычайную храбрость свою и необыкновенную преданность нашему новому монарху, и мнѣ пріятно думать, что они оказали опыты своего мужества, но, прочитавъ описаніе несчастнаго мятежа, происходившаго въ Петербургѣ

Петръ Андреевичъ Каховскій (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

14-го декабря, я не постигаю, что они могли сдѣлать отличнаго: за исключеніемъ полковъ Кавалергардскаго и Конногo, ходившихъ на бунтовщиковъ въ атаку, тутъ прочимъ генераламъ не было случая блеснуть; досадовалъ я, что назначенія въ званія, на которыя мы привыкли смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ, должны были послѣдовать по той причинѣ, что гвардейскіе полки, можетъ быть, колебались въ принятіи присяги, и что командиры оныхъ оказали твердость и присутствіе

духа. Въ такомъ случаѣ они достойны возможной награды. Нельзя, однако же, при семъ не привести на память генералъ-адъютантовъ царствованія Александра, который, за нѣкоторыми исключеніями, облекалъ въ это званіе людей, первѣйшія мѣста въ имперіи занимающихъ. Не отнимая заслугъ у вновь произведенныхъ генералъ-адъютантовъ, но съ прежними ни въ какомъ отношеніи сравнить ихъ невозможно, это сущіе пигмеи, а потому я и полагаю, чтобы возвысить сіе званіе, надобно будетъ назначить въ оное нѣсколькихъ отличныхъ генераловъ. Догадка моя отчасти оправдалась, увидя изъ высочайшаго приказа, отданнаго 25-го декабря, о назначеніи вице-адмирала Сенявина въ генералъ-адъютанты».

Вскорѣ послѣ воцаренія императоръ Николай не замедлилъ вспомнить объ одномъ изъ опальныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, бывшемъ генералъ-адъютантѣ императора Александра I-го, князѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Меншиковѣ. Припомнимъ здѣсь, что 24-го ноября 1824 года генералъ-майоръ, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ уволенъ былъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ; онъ палъ въ немилость послѣ удаленія князя Волконскаго отъ управленія главнымъ штабомъ его императорскаго величества. Съ тѣхъ поръ князь Меншиковъ проживалъ съ семействомъ въ Москвѣ въ полномъ отчужденіи отъ дѣлъ. Государь вызвалъ князя Меншикова, который немедленно выѣхалъ 29-го декабря 1825 года и, прибывъ въ Петербургъ 1-го января 1826 года, остановился у графа А. О. Орлова. На другой день князь Меншиковъ явился къ возвратившемуся уже изъ Таганрога генералъ-адъютанту Дибичу, предложившему ему начальство надъ Кавказскою линіею; но князь отказался отъ подобнаго назначенія. 3-го января, князь Меншиковъ былъ принятъ императоромъ Николаемъ; государь предложилъ ему ѣхать съ особымъ порученіемъ въ Персію. Въ это время Россіи грозило новое столкновеніе съ шахомъ, и начались споры съ персидскимъ правительствомъ по поводу разграниченія земель, уступленныхъ имъ по Гюлистанскому миру 1813 года. Князь Меншиковъ согласился принять это дипломатическое порученіе. Послѣ разговора съ государемъ, въ высочайшемъ приказѣ, отъ 6-го января 1826 года, объявлено было: «Уволенный изъ свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части генералъ-майоръ князь Меншиковъ—въ ту же часть» [409].

Послѣ неоднократныхъ совѣщаній князя Меншикова съ генералъ-адъютантомъ Дибичемъ и графомъ Нессельроде, по возложенному на него порученію, онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Тифлисъ 9-го (21-го) февраля 1826 года.

1-го (13-го) января 1826 года, обнародованъ былъ манифестъ, начинавшійся словами:

«Право миловать и щадить признавая драгоцѣннѣйшимъ преимуществомъ данной намъ отъ Бога самодержавной власти, мы съ восшествіемъ нашимъ на престолъ положили въ сердцѣ своемъ хранить сіе право во всей полнотѣ его, какъ залогъ, ввѣренный намъ отъ Бога, употребляя его всегда сообразно благу общему, и не въ ослабленіе правосудія, на коемъ утверждаются престолы, и зиждется благосостояніе царствъ земныхъ».

Затѣмъ манифестомъ постановлялись различныя льготы относительно преступниковъ, осужденныхъ до 19-го ноября 1825 года, и слагались многія казенныя денежныя взысканія по службѣ и недоимки. Въ заключеніе манифеста сказано было, «что вѣрные наши подданные признаютъ въ сихъ изъятіяхъ, колико мы желаемъ чувства сердца нашего, о всѣхъ болѣзнующаго, согласить по крайней возможности съ непреложною силою закона общаго».

Въ дополненіе краткаго обзора различныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ послѣ воцаренія императора Николая, остается еще упомянуть о торжественной раздачѣ, на основаніи приказа по россійскимъ войскамъ отъ 15-го декабря 1825 г., мундировъ императора Александра I полкамъ лейбъ-гвардіи; этой милости не удостоились только лейбъ-гвардіи Гренадерскій и Московскій полки вслѣдствіе участія, принятаго ими въ мятежѣ 14-го декабря.

19-го января, взводы отъ полковъ, назначенныхъ къ принятію мундировъ, выстроились противъ Салтыковскаго подъѣзда Зимняго дворца, а затѣмъ, по перенесеніи ихъ въ соотвѣтственныя части, на полковыхъ дворахъ отправлена была панихида[410].

Въ донесеніяхъ полиціи по поводу этой церемоніи сказано:

«Во дворцѣ къ чести въ немъ по обязанности бывшихъ замѣчена не только грусть, но и самыя слезы; равнодушіе всѣхъ были придворные. Черный народъ съ благоговѣніемъ взиралъ на церемонію; по счастію менѣе просвѣщенные даже и молились священнымъ памятникамъ. Но фраки, эти подлыя твари, вездѣ равны; слѣдственно и сей случай не безъ осужденія»[411].

Съ нижними чинами лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, принимавшими участіе въ мятежѣ, императоръ Николай поступилъ весьма милостиво. Изъ нихъ сформированъ былъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Шипова, который былъ отправленъ на Кавказъ для усиленія находившихся тамъ войскъ, въ виду предстоявшей войны съ Персіею. Сводный полкъ выступилъ изъ Петербурга 27-го февраля 1826 года, послѣ смотра, сдѣланнаго ему государемъ[412]; полкъ слѣдовалъ сухимъ путемъ до Рыбинска, а оттуда на судахъ рѣкою Волгою до Астрахани, потомъ Каспійскимъ моремъ до Шандруковской пристани, гдѣ, выйдя на берегъ, черезъ Кизляръ и Моздокъ прибылъ въ Тифлисъ 16-го (28-го) августа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

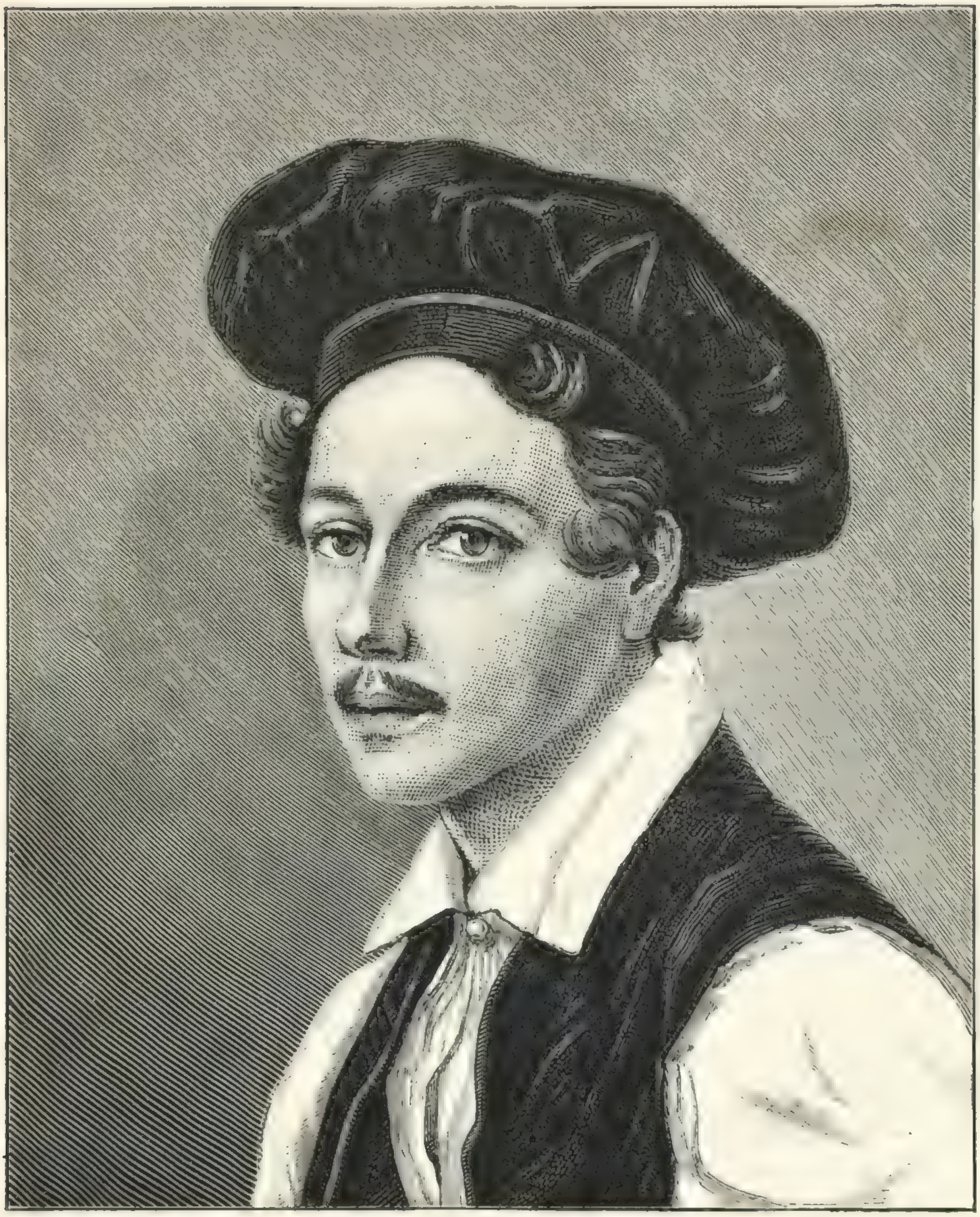
V.

Пока въ печальное время междуцарствія въ Петербургѣ рѣшался вопросъ, кому быть императоромъ, положеніе генерал.-адъютанта барона Дибича, находившагося въ Таганрогѣ, было крайне затруднительнымъ. Онъ не зналъ, къ кому обратиться за необходимыми повелѣніями: на свои донесенія въ Варшаву онъ получалъ оттуда совѣты писать въ Петербургъ насчетъ требуемыхъ разрѣшеній. Изъ Петербурга же Дибичъ не получалъ никакихъ приказаній, а только извѣщенія, что въ столицѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда императора Константина.

Дѣйствительно, затруднительность положенія, въ которое былъ поставленъ генералъ-адъютантъ Дибичъ, лучше всего видна изъ двухъ писемъ къ нему цесаревича Константина Павловича отъ 25-го ноября и 1-го декабря 1825 года.

«Спѣшу васъ увѣдомить,—пишетъ Константинъ Павловичъ,—что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и посему ни въ какія распоряженія не могу войти, и получите вы ихъ изъ Петербурга отъ кого слѣдуетъ ... Впрочемъ, ежели угодно будетъ вамъ при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, должно вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать»... «Ваше превосходительство, какъ начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, по высочайше предоставленной сему званію власти, можете дѣйствовать со всею требуемою въ такихъ случаяхъ рѣшительностью и принимать соотвѣтственныя важности обстоятельствъ мѣры, заставляя каждаго, отъ кого зависѣть будетъ, исполнить все, что требуетъ долгъ всякаго, по возложенной на него обязанности».

Едва генералъ-адъютантъ Дибичъ, въ отвѣтъ на отправленный всеподданнѣйшій рапортъ императору Константину, получилъ изъ Варшавы увѣдомленіе, что цесаревичъ остается на прежнемъ мѣстѣ, какъ въ Таганрогъ дошло повелѣніе о повсемѣстной въ Россіи присягѣ Константину Павловичу. Дибичу снова пришлось писать цесаревичу, какъ императору, и донести о присягѣ, принесенной въ Таганрогѣ. Цесаревичъ, въ свою очередь, продолжалъ возвращать Дибичу всѣ пакеты, адресованные на имя императора, нераспечатанными, «какъ по титулу, на оныхъ надписанному, до меня не принадлежащіе», объясняетъ Константинъ Павловичъ. Затѣмъ въ томъ же письмѣ отъ 15-го (27-го) декабря цесаревичъ для оправданія усвоеннаго имъ образа дѣйствій пишетъ: «Я не вмѣшиваюсь, что въ С.-Петербургѣ дѣлаютъ, гдѣ, несмотря на то, что открыли въ государственномъ совѣтѣ пакетъ, и хранится та-



Михаилъ Александровичъ Бестужевъ (декабристъ).

(Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ „Русской Старинѣ“ 1886 г.).

ковой же въ сенатѣ, въ которомъ явственно означена воля покойнаго государя императора, что по добровольному моему отреченію назначенъ наслѣдникомъ престола его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ, но сего не привели въ исполненіе, я же напротивъ, исполняя свято и нерушимо его священную волю, остаюсь непоколебимымъ въ исполненіи оной и въ своемъ рѣшеніи».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Цесаревичъ изъ присланныхъ къ нему пакетовъ распечаталъ только одинъ съ надписью: нужное въ собственныя руки, въ которомъ Дибичъ сообщалъ въ Варшаву свѣдѣнія о заговорѣ. Константинъ Павловичъ отнесся къ этому дѣлу свысока, не придавая ему никакой важности; цесаревичу весь заговоръ представился гнусной интригой генерала Витта. «Офицеръ Вадковскій, котораго я знаю,—отвѣчалъ цесаревичъ Дибичу,—есть дрянь, и всѣ прочіе, о которыхъ поминается, и которыхъ хотя не знаю, но тоже дрянь, унтеръ-офицеръ 3-го Бугскаго уланскаго полка Шервудъ долженъ быть большой плутъ, и за нимъ нужно весьма крѣпко и близко поглядѣть, также капитанъ Майборода, который явился къ генералъ-лейтенанту Роту съ доносомъ, долженъ быть такой же плутъ, да какъ я понимаю и генерала Рота, онъ человѣкъ затѣйливый, хитрый и не весьма прямой, какъ бы слѣдовало; а мнѣ кажется, что главная всему этому есть пружина генералъ-лейтенантъ графъ Виттъ, который, чтобы подслужиться покойному государю императору и сдѣлаться нужнымъ, нарочно надѣлалъ безпокойства и подвелъ свои хитрыя пружины; тутъ, можетъ быть, явятся еще какія письма, которыя будутъ перехватывать, но мнѣ кажется, что это все плутни, и по-моему графъ Виттъ есть такого рода человѣкъ, который не только чего другого, но недостоинъ даже, чтобы быть терпиму въ службѣ, и мое мнѣніе есть, что за нимъ надобно имѣть весьма большое и крѣпкое наблюденіе».

Въ французскомъ собственноручномъ письмѣ тому же Дибичу цесаревичъ выразилъ свое мнѣніе о заговорѣ и графѣ Виттѣ въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ[413]; послѣдняго цесаревичъ прямо признавалъ достойнымъ висѣлицы, негодяемъ, какихъ свѣтъ не производилъ (le général Witt est une canaille dont le monde-ci ne produit peut-être pas un autre, sans foi ni loix ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence)[414].

Между тѣмъ, какъ въ Таганрогѣ получались изъ Варшавы совѣты, столь мало соотвѣтствовавшіе печальной дѣйствительности, отъ распорядительности и пониманія дѣла генералъ-адъютанта Дибича зависѣли, можно сказать, спокойствіе и цѣлость имперіи. Къ счастью, начальникъ главнаго штаба оказался, среди этой затруднительной обстановки, вполнѣ на высотѣ занимаемаго имъ исключительнаго положенія; онъ безъ колебанія и потери времени рѣшился принять мѣры, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами этой тревожной эпохи, и, не ожидая особыхъ полномочій, дѣйствовалъ самостоятельно и рѣшительно[415].

Выше упомянуто было, что полковникъ Николаевъ и Шервудъ отправились, по порученію генералъ-адъютанта Дибича, въ Курскъ къ Вадковскому. Здѣсь, 3-го декабря, Шервуду удалось получить отъ Вадковскаго письмо на имя полковника Пестеля, которое полковникъ Нико-

лаевъ тотчасъ привезъ въ Таганрогъ [416]. По прочтеніи этого письма генералъ-адъютантъ Дибичъ призналъ необходимымъ послать 10-го (22-го) декабря полковника Николаева снова въ Курскъ; ему поручено было арестовать прапорщика Вадковскаго и отправить его въ Шлиссельбургскую крѣпость, а бумаги его доставить въ Таганрогъ. Приказаніе Дибича было въ точности приведено въ исполненіе 13-го (25-го) декабря.

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ, посланный уже ранѣе къ графу Витгенштейну, въ главную квартиру второй арміи въ Тульчинъ, также успѣшно выполнилъ данное ему порученіе. Полковникъ Пестель, генералъ-интендантъ второй арміи Юшневскій и другіе члены тайныхъ обществъ, находившіеся во второй арміи, были арестованы. Въ одномъ только отношеніи миссія генералъ-адъютанта Чернышева потерпѣла неудачу; ему не удалось захватить бумаги Пестеля [417]. Самая существенная ихъ часть, въ предвидѣніи возможныхъ случайностей, была зарыта въ землю и найдена, уже нѣсколько времени спустя, при содѣйствіи одного изъ соучастниковъ заговора въ февралѣ 1826 года: это была знаменитая Русская Правда.

Послѣ арестованія главныхъ членовъ тайныхъ обществъ Южнаго и Соединенныхъ Славянъ генералъ-адъютантъ Дибичъ могъ наконецъ покинуть Таганрогъ и отправиться въ Петербургъ; дорогою онъ остановился еще въ Могилевѣ, чтобы дать необходимыя указанія главнокомандующему первою арміею, графу Сакену, а затѣмъ начальникъ главнаго штаба продолжалъ безостановочно путь въ столицу, чтобы занять при новомъ государѣ то мѣсто, на которое онъ былъ призванъ довѣріемъ Александра I-го. Это довѣріе Дибичъ блистательно оправдалъ при исключительныхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Положеніе, въ которое былъ поставленъ начальникъ штаба второй арміи, генералъ-адъютантъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, открытіемъ заговора, было крайне тяжкое. На него взводились подозрѣнія, что онъ зналъ о существованіи тайнаго общества; одинъ изъ декабристовъ въ своихъ запискахъ даже прямо утверждаетъ подобное предположеніе и пишетъ: «Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы» [418]. Другіе обвиняли его, по меньшей мѣрѣ, въ бездѣйствіи власти. Даже императоръ Николай, хотя и не сохранилъ противъ Киселева малѣйшаго неудовольствія или подозрѣнія, но не могъ удержаться отъ справедливаго замѣчанія, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ заговорѣ, котораго въ теченіе долгаго времени не могли открыть, имѣя въ непосредственномъ распоряженіи полицію. Впрочемъ, подобныя чудеса совершались въ то время въ Россіи повсемѣстно; дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ декабристъ Александръ Никитичъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, «существованіе тайнаго общества въ теченіе десяти лѣтъ

при неограниченномъ и подозрительномъ правительствѣ заключаетъ въ себѣ что-то феноменальное. (L'existence de la société occulte pendant dix années devant un gouvernement arbitraire et soupçonneux a quelque chose de phénoménal)».

Всѣ эти обстоятельства побудили генералъ-адъютанта Киселева, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ январѣ 1826 года, написать государю письмо, въ которомъ жалуется, что на него пало, если не положительное обвиненіе, то неопредѣленное подозрѣніе, которое еще въ тысячу разъ тягостнѣе (je suis atteint sinon d'une accusation positive. du moins d'un soupçon vague et par là mille fois plus douloureux). Въ заключеніи письма Киселевъ просилъ лишь суда, чтобы быть оправданнымъ или наказаннымъ [419].

Это письмо оставлено было безъ послѣдствій, и въ пріемѣ, оказанномъ Киселеву государемъ, онъ продолжалъ встрѣчать отсутствіе того царскаго благоволенія, къ которому привыкъ въ своихъ сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ: но это обстоятельство не помѣшало, однако, Павлу Дмитріевичу сдѣлаться впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ приближенныхъ и вліятельныхъ совѣтниковъ императора Николая. Пока же Киселевъ остался на занимаемомъ имъ мѣстѣ и получилъ разрѣшеніе прибыть въ Москву къ предстоявшей въ 1826 году коронаціи.

Въ безыменномъ доносѣ 1826 года на генералъ-адъютанта Киселева возводились слѣдующія обвиненія:

«Общій гласъ винитъ его въ бездѣйствіи и совершенной безпечности, бывшихъ поводомъ къ свободнымъ съѣздамъ и совѣщаніямъ преступниковъ чрезъ столь долгое время въ городкѣ весьма необширномъ; по мнѣнію многихъ, и лѣниваго любопытства было бы достаточно, чтобъ узнать причину сборовъ людей, къ арміи не принадлежащихъ, но часто главную квартиру посѣщающихъ. Мое же мнѣніе о немъ: тайное ободреніе чрезъ пожатіе руки и явная хула всему свыше непримѣтнымъ образомъ увлекли къ преступленію всѣхъ его адъютантовъ, не за тѣломъ, но за душею его стремившихся. Къ сему имѣю дополнить и слѣдующій случай, въ памяти моей сохранившійся: въ 1822 году предложена была ему инструкція, къ лицу и дѣйствію генералъ-полицеймейстера составленная; отвергнувъ оную, онъ далъ чувствовать, что и одной собственной его расторопности достаточно къ удержанію арміи въ желаемой чистотѣ, по поелику таковой въ настоящее время не оказалось, то и позволяю себѣ мысль, что я столько же въ чаяніи своемъ на расторопность его ошибся, сколько онъ былъ удостовѣренъ, что и самый плохой блюститель порядка могъ быть опасенъ адскому плану, имъ ободряемому» [420].

VI.

Послѣ происшествія 14-го декабря можно было, конечно, опасаться, что и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи новая присяга вызоветъ замѣшательства, а, можетъ быть, и безпорядки. Подобныя опасенія тревожили немало императора Николая. Тѣмъ не менѣе присяга по всей имперіи совершилась вполнѣ благополучно. Своевременные аресты главныхъ заговорщиковъ во второй арміи прервали въ корнѣ всякія попытки, клонившіяся къ возбужденію мятежа среди войскъ. Безпорядки проявились только въ первой арміи, въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, входящемъ въ составъ третьяго корпуса; стеченіе особыхъ, совершенно исключительныхъ обстоятельствъ вызвало мятежъ.

Въ Черниговскомъ полку служилъ одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тайнаго общества, подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, прекрасныя душевныя качества котораго пріобрѣли ему уваженіе и безпредѣльную преданность своихъ однополчанъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ; арестованіе Сергѣя Муравьева вызвало открытое сопротивленіе, переходящее въ бунтъ. Полковой командиръ, подполковникъ Гебель, былъ тяжело израненъ [421]; затѣмъ Муравьевъ объявилъ нижнимъ чинамъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не согласился на отреченіе, а назначенная новая присяга есть незаконная. Черниговскій полкъ, за исключеніемъ трехъ ротъ, послѣдовалъ за Муравьевымъ, который, сосредоточивъ возмутившихся солдатъ, 30-го декабря 1825 года, въ Васильковѣ, двинулся съ ними къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться съ 8-ю пѣхотною дивизіею, расположенною за Житомиромъ, гдѣ мятежники разсчитывали на поддержку находившихся здѣсь членовъ тайнаго союза.

Передъ выступленіемъ въ походъ убѣдили полкового священника отслужить молебенъ и прочитать передъ войсками возмутительный катихизисъ, составленный Сергѣемъ Муравьевымъ и подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ немъ излагались на основаніи превратныхъ толковъ священнаго писанія обязанности воина къ Богу и отечеству, въ соединеніи съ оскорбительными разсужденіями противъ верховной власти.

Командиръ 3-го корпуса, генералъ Ротъ, немедленно двинулъ противъ мятежниковъ войска и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. 3-го (15-го) января 1826 года, завязалось дѣло съ гусарами и конною артиллеріею, предводительствуемыми генералъ-майоромъ барономъ Гейсмаромъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій Сергѣй Муравьевъ рѣшился прекратить неравный бой и началъ махать бѣлымъ платкомъ, но упалъ пораженный картечью. Когда онъ очнулся, то увидѣлъ себя и отрядъ свой въ плѣну. Вмѣстѣ съ нимъ захваченъ былъ братъ его, отставной

подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ; младшій братъ, прапорщикъ квартирмейстерской части, послѣ дѣла застрѣлился изъ пистолета.

Первое извѣстіе о возмущеніи Черниговскаго полка императоръ Николай получилъ 5-го (17-го) января 1826 года. Государь немедленно сообщилъ цесаревичу Константину Павловичу, что онъ поручаетъ ему начальство надъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и уполномочиваетъ принять всѣ мѣры, могущія воспрепятствовать распространенію мятежа. Императоръ выразилъ въ письмѣ своемъ только одно желаніе, чтобы цесаревичъ ввелъ войска польской арміи въ Россію лишь въ крайнемъ случаѣ, а дѣйствовалъ бы противъ мятежниковъ съ подчиненными ему Литовскимъ и 3-мъ корпусами [422].

Въ томъ же письмѣ отъ 5-го (17-го) января государь выразилъ цесаревичу опасеніе, чтобы число бунтовщиковъ не возросло до 6.000 или 7.000 человѣкъ: «à moins qu'il ne se trouve des honnêtes gens qui sauront maintenir l'ordre».

Генералъ-адъютанту барону Дибичу императоръ Николай писалъ:

«Считаю нужнымъ объявить въ приказѣ, что я Константину Павловичу самому поручилъ всѣ распоряженія по укрощенію начала сего возмущенія. Этимъ каждый увидитъ, что, хотя бунтовщики дѣйствуютъ его именемъ, я ему самому предоставляю всѣ мѣры противъ сихъ злодѣевъ» [423]. Тревога, возбужденная извѣстіями, полученными изъ первой арміи, продолжалась недолго. 8-го (20-го) января, получено было донесеніе отъ главнокомандующаго первою арміею графа Сакена, что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено.

Въ тотъ же день объявленъ былъ приказъ начальника главнаго штаба барона Дибича съ разъясненіемъ случившагося дѣла. Въ этомъ приказѣ между прочимъ сказано было:

«Государь императоръ, принявъ за правило дѣйствовать со всею откровенностію предъ войсками, коихъ вѣрность и непоколебимость къ законной власти испыталъ при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объявить имъ о всемъ вышеизъясненномъ, дабы, предавъ ихъ презрѣнію имя преступника Муравьева-Апостола, сдѣлать извѣстными имена подполковника Гебеля, майора Трухина и поручика Павлова, заслуживающихъ непоколебимымъ усердіемъ своимъ уваженіе храбрыхъ и вѣрныхъ россійскихъ войскъ».

Замѣтимъ здѣсь, что три роты Черниговскаго полка, оставшіяся вѣрными законному правительству, ушли отъ мятежниковъ подъ командою майора Трухина, а полковой адъютантъ, поручикъ Павловъ, спасъ полковую печать и бумаги [424].

Въ письмѣ отъ 10-го (22-го) января, цесаревичъ благодарилъ государя за оказанное довѣріе, но такъ какъ, слава Богу, дѣло кончено,

Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій).

(Съ портрета, рисованнаго акварелью и принадлежащаго П. Я. Дашкову).

то, по мнѣнію Константина Павловича, онъ не считаетъ себя болѣе въ правѣ вмѣшиваться въ эти происшествія, о чемъ и поставилъ въ извѣстность графа Сакена[425].

11-го (23-го) января, императоръ Николай заключилъ свою переписку съ цесаревичемъ по поводу Черниговскаго дѣла слѣдующими строками:

«Мой курьеръ и то, что онъ привезъ вамъ отсюда, докажутъ, что при всей надеждѣ на божественную милость смотрѣлъ на все въ худшемъ свѣтѣ (au pire), и что мѣры, которыя я счелъ долгомъ предло-

жить вамъ, были въ этомъ духѣ. Повидимому, Провидѣнію было угодно дать при посредствѣ этого событія новое доказательство своего неисчерпаемаго милосердія къ намъ, допустивъ разразиться событію, заранѣе предусмотрѣнному со всѣми его ужасными послѣдствіями, и позволивъ покончить съ нимъ такъ же легко, какъ здѣсь, чтобы дать невѣрующимъ филантропамъ вѣка еще новое доказательство послѣдствій, къ которымъ приводятъ ихъ начала, а честнымъ людямъ — неоспоримое доказательство того, что если есть негодяи, то находятся также и честные люди, умѣющіе, какъ взяться за дѣло въ подобномъ случаѣ»[426].

Своеобразную сторону мятежа Черниговскаго полка представляетъ захваченный тогда возмутительный катихизисъ. Содержаніе этого катихизиса такое, что онъ и теперь не можетъ быть воспроизведенъ въ печати; замѣтимъ здѣсь, что по цѣли и по духу онъ близко подходитъ къ прокламаціи, подброшенной въ 1820 году въ Преображенскомъ полку, во время извѣстнаго происшествія въ Семеновскомъ полку, авторъ которой остался неизвѣстнымъ[427].

VII.

Императоръ Николай не ограничился бесѣдою 20-го декабря съ графомъ Лаферронэ. Вскорѣ французскій посолъ получилъ отъ графа Нессельроде записку съ извѣщеніемъ, что ему поручено отъ имени императора пригласить графа Лаферронэ явиться на другой день, во фракѣ, къ великому князю Николаю. Фельдъегерь долженъ былъ провести его прямо во внутреннiе покои, минуя пріемную залу, гдѣ находилось дежурство[428].

Императоръ Николай, обнявъ графа, сказалъ ему, что, пользуясь минутою досуга, онъ желалъ провести ее съ другомъ. «Для меня это отдыхъ,—продолжалъ государь.—Сверхъ того, я самъ хотѣлъ извѣстить васъ о результатѣ нашихъ первыхъ разслѣдованій, дабы облегчить вамъ средство сообщить королю самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ заговорѣ, который надѣлаетъ столько шума, вызоветъ столько предположеній и предсказаній. Тѣмъ не менѣе я уже далъ и возобновляю предъ вами обѣщаніе ничего не скрывать, высказать и сообщить все. Но я знаю также, что послѣ такого событія я не могу предотвратить ни преувеличенія страха, ни догадки неблагонамѣренности. Нелѣпыя басни, распространяемыя даже здѣсь, даютъ понятіе о тѣхъ, что будутъ выдуманы въ чужихъ краяхъ, и все, что я прочелъ о смерти императора въ вашихъ газетахъ, собирающихъ и переводящихъ вѣсти изъ газетъ англійскихъ, должно подготовить меня къ весьма страннымъ разсужденіямъ относительно происшедшаго здѣсь. Я предвижу, что потребуется много

жить вамъ, были въ этомъ духѣ. Повидимому, Провидѣніе [illegible] дать при посредствѣ этого событія новое доказательство [illegible] паемаго милосердія къ намъ, допустивъ разразиться событію, [illegible] предусмотрѣнному со всѣми его ужасными послѣдствіями, и [illegible] покончить съ нимъ такъ же легко, какъ здѣсь, чтобы дать невѣру[illegible] филантропамъ вѣка еще новое доказательство послѣдствій, къ [illegible] приводятъ ихъ начала, а честнымъ людямъ [illegible] ство того, что если есть негодяи, то находятся также [illegible] люди, умѣющіе, какъ взяться за дѣло въ подобномъ [illegible]

Своеобразную сторону мятежа Черниговскаго [illegible] захваченный тогда возмутительный катихизисъ [illegible] хизиса такое, что онъ и теперь не можетъ [illegible] воспроизведенъ [illegible] печати; замѣтимъ здѣсь, что по цѣли и по [illegible] близко подходитъ къ прокламаціи, подброшенной въ 1820 году [illegible] Преображенскомъ полку, во время извѣстнаго происшествія въ Семеновскомъ полку, авторъ которой остался неизвѣстнымъ.[427]

VII.

Императоръ Николай [illegible] графомъ Лаферронэ. Вечеромъ французскій [illegible] получилъ [illegible] сельроде записку съ извѣщеніемъ, что ему поручено отъ имени императора пригласить графа Лаферронэ явиться [illegible] день во фракѣ къ великому князю [illegible] былъ проведенъ прямо во внутреннія [illegible] гдѣ находился [illegible] журство.[428]

Императоръ [illegible] графа [illegible] нутою [illegible] дыхъ,— продолжалъ государь. [illegible] васъ о результатѣ [illegible] средство сообщить [illegible] самые [illegible] которыя надѣлали столько шуму [illegible] предсказаніе. Тѣмъ не менѣе [illegible] обѣщаніе ничего не скрывать. [illegible] также, что послѣ такого событія [illegible] ченія страха, ни [illegible] страняемыя даже [illegible] въ [illegible] [illegible]

Императрица Александра Ѳедоровна.

времени, чтобы ослабить впечатлѣніе и успокоить боязнь, порожденную этимъ заговоромъ во всей Европѣ. Спокойствіемъ, хладнокровіемъ и большою твердостью я надѣюсь достичь разсѣянія тревоги и признанія того, что я оказалъ важную услугу всѣмъ монархамъ.

«Возстанія, коихъ мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы, привели къ наказанію лишь малое число виновныхъ и не вполнѣ обнаружили ихъ замыслы. Новая попытка, совершенная здѣсь, надѣюсь, поможетъ намъ дойти до источника зла и разоблачить наконецъ истинныя намѣренія заговорщиковъ. Признаюсь вамъ, мнѣ случалось иногда находить преувеличенными опасенія, высказываемыя покойнымъ императоромъ. Я думалъ, что они основаны болѣе на иностранныхъ внушеніяхъ, чѣмъ на положительныхъ данныхъ. Я никогда бы не допустилъ возможности въ Россіи задумать, подготовить и совершить заговоръ, столь обширный, какъ тотъ, что обнаруженъ нынѣ. Убѣдить меня могла одна только очевидность, но теперь уже нѣтъ мѣста сомнѣнію. Это не военный бунтъ, а обширный заговоръ, стремившійся, путемъ гнусныхъ преступленій, къ достиженію самой безсмысленной цѣли, и въ которомъ, къ сожалѣнію, замѣшано множество семействъ. Признанія виновныхъ, уже арестованныхъ, и бумаги, найденныя у нихъ, даютъ намъ гораздо болѣе разъясненій, чѣмъ я могъ ожидать. Если, съ одной стороны, прискорбно узнать, что люди, которые, по воспитанію ихъ семей, по положенію ихъ въ обществѣ, должны были, повидимому, представить всѣ ручательства, обусловливаемыя состояніемъ и воспитаніемъ, могли участвовать въ столь отвратительномъ заговорѣ, то, съ другой стороны, сдѣланныя намъ признанія возбуждаютъ надежду, что въ рукахъ у насъ всѣ нити заговора, и что мы получимъ возможность вырвать его корни до послѣдняго. Я рѣшился довести разслѣдованіе сколь возможно дальше. Опасность, коей мы подверглись, была предостереженіемъ свыше, и было бы преступно имъ не воспользоваться. Дѣло идетъ не только о существованіи Россіи, но и о спокойствіи всей Европы.

«Мы захватили три проекта конституціи, одинаково нелѣпые, и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ и защитниковъ. Одни хотѣли республики безусловной (pure et simple), съ тремя консулами, съ трибунами, и эти заговорщики распускали армію, образовывая національную гвардію, исключительно предназначенную для защиты страны отъ иностраннаго вторженія, и немедленно объявляли полную свободу крестьянъ. Другіе требовали президента и образъ правленія, сходный съ тѣмъ, что существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Наконецъ, Пестель, одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ людей партіи, котораго мы только что арестовали во второй арміи, хотѣлъ конституціи, вполнѣ аристократической, съ сохраненіемъ крѣпостного права, съ удержаніемъ

арміи на нынѣшней ногѣ и съ немедленнымъ объявленіемъ войны всѣмъ законнымъ правительствамъ.

«Первоначально заговоръ долженъ былъ вспыхнуть 12-го марта, въ годовщину вступленія покойнаго императора на престолъ. Каждый заговорщикъ носилъ желѣзное кольцо, на которомъ выгравировано было число 71, представляющее сумму 31-го дня января, 28-ми дней февраля и 12-ти первыхъ дней марта. Неожиданная кончина императора разстроила этотъ замыселъ, и въ первую минуту вожаки заговора отложили исполненіе его до коронаціи. То, что послѣ смерти императора произошло между Константиномъ и мною, глухое броженіе, возбужденное этимъ въ нѣкоторомъ родѣ междуцарствіемъ среди гвардіи, внушило находившимся въ Петербургѣ заговорщикамъ мысль, что настоящій случай благопріятнѣе всякаго другого, могущаго представиться впредь для того, чтобы ввести солдатъ въ заблужденіе и обратить ихъ заодно въ соучастниковъ и въ орудіе ихъ замысловъ.... Такъ какъ Константинъ отказался отъ короны, они импровизировали то средство, къ которому прибѣгли на вашихъ глазахъ. Впрочемъ, они не были согласны другъ съ другомъ. Князь Трубецкой, напримѣръ, былъ противъ предпріятія 14-го декабря, утверждая, что оно погубитъ все дѣло, потому что заговорщики въ Москвѣ, въ Варшавѣ и въ арміи, не имѣя возможности знать о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ, не произведутъ ни малѣйшаго движенія, тогда какъ для обезпеченія заговору успѣха слѣдовало согласовать мѣры такъ, чтобы взрывъ былъ всеобщій и внезапный. Онъ замѣтилъ, что если замышляемая вспышка не удастся, то все будетъ открыто, и заговорщиковъ арестуютъ во всѣхъ концахъ имперіи прежде даже, чѣмъ узнаютъ, что произошло въ Петербургѣ.

«Событія подтвердили справедливость такого разсужденія, и этимъ достаточно объясняется поведеніе князя Трубецкого во весь день 14-го декабря. Къ счастію, мнѣніе его не было принято. Рылѣевъ и Якубовичъ, пользуясь взволнованнымъ состояніемъ умовъ, убѣдили, что никогда не представится болѣе благопріятнаго случая для возбужденія къ бунту солдатъ, которые, будучи связаны первою присягою, вообразятъ, что исполняютъ долгъ, отказывая въ той присягѣ, которую отъ нихъ потребуютъ, а затѣмъ, коль скоро они будутъ скомпрометированы, ихъ уже можно будетъ повести куда угодно. Мнѣніе это, развитое съ жаромъ обоими названными лицами, обладающими большимъ краснорѣчіемъ, сильною энергіей и далеко превосходящими князя Трубецкого, было принято съ одушевленіемъ. Заговорщики распредѣлили роли между собою. Во всѣ казармы были посланы эмиссары, но необходимость дѣйствовать поспѣшно привела къ тому, что мѣры были плохо согласованы. Страшно подумать о поразительныхъ ужасахъ, которые совершились бы въ этомъ злополучномъ городѣ, если бы Провидѣніе не позволило намъ, давъ къ тому

средство. разстроить этотъ адскій умыселъ. Съ перваго появленія на революціонномъ поприщѣ русскіе превзошли бы вашихъ Робеспьеровъ и Маратовъ, и когда этимъ злодѣямъ сказали, что они несомнѣнно сами пали бы первыми жертвами столь ужаснаго безумія, они дерзко отвѣчали, что знаютъ это, но что свобода можетъ быть основана только на трупахъ, и что они гордились бы, запечатлѣвая своею кровью то зданіе,

Никита Михайловичъ Муравьевъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

которое хотѣли воздвигнуть. Слава Богу, мы въ правѣ надѣяться, что все обнаружено, что въ рукахъ нашихъ всѣ нити заговора, и только для того, чтобы не порвать ихъ, еще отлагается наказаніе виновныхъ..... Мы трудимся день и ночь и надѣемся не только уничтожить зло въ настоящемъ, но и предупредить возможность его повторенія.

«Вы видите,—обратился императоръ къ послу,—что я говорю съ вами съ неограниченнымъ довѣріемъ. И не стараюсь что либо утаить отъ васъ относительно размѣровъ и значенія опасности, коей мы под-

вергались. Но съ тою же искренностью ручаюсь вамъ, что мы въ правѣ вполнѣ успокоиться насчетъ будущаго. Даю вамъ слово, что не испытываю болѣе ни малѣйшей тревоги, и я самъ хотѣлъ сказать вамъ это, дабы предоставить вамъ возможность успокоить короля касательно исхода событія, которое дѣйствительно могло имѣть ужасающія послѣдствія. Къ несчастію, оно оставитъ въ Россіи продолжительное и мучительное впечатлѣніе. Мятежъ, подавленный въ зародышѣ, будетъ имѣть для насъ нѣкоторыя изъ тѣхъ злополучныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою мятежъ совершившійся. Онъ внесетъ смуту и разладъ въ великое число семей, умы долго еще останутся въ состояніи безпокойства и недовѣрія. Со временемъ, терпѣніемъ и мудрыми мѣрами мнѣ, надѣюсь, удастся окончательно разсѣять это тягостное впечатлѣніе, но потребуются годы, чтобы исправить зло, причиненное намъ въ нѣсколько часовъ горстью злодѣевъ».

Во время продолжительной бесѣды съ Лаферроне императоръ Николай только вскользь коснулся внѣшней политики, сказавъ, что онъ пока еще недостаточно подготовленъ къ подобному разговору, но не замедлитъ въ скоромъ времени объясниться съ посломъ о внѣшнихъ дѣлахъ съ тою же откровенностью, съ которою говорилъ о русскихъ домашнихъ интересахъ. Государь отпустилъ посла съ словами: «Сегодня я хотѣлъ только дать вамъ средство успокоить тревогу, которую безуміе нашихъ русскихъ либераловъ могло возбудить въ Парижѣ, и вы можете поручиться, что долго они не въ состояніи будутъ повторить подобную попытку».

Какъ ни прямодушна и откровенна была рѣчь императора Николая, пишетъ С. С. Татищевъ, ей не удалось разсѣять опасенія французскаго посла. «Вполнѣ признавая разумность и твердость правительственныхъ мѣръ, быстроту и энергію въ приведеніи ихъ въ исполненіе, онъ продолжалъ съ трепетомъ взирать на будущее въ глубокомъ убѣжденіи, что, несмотря на многочисленные аресты, истинные вожди и руководители заговора не обнаружены, что самое движеніе 14-го декабря было лишь частною вспышкою, и что участники его, обреченные на смерть, только орудія въ рукахъ лицъ, болѣе искусныхъ, которыя и послѣ ихъ казни станутъ продолжать свою преступную дѣятельность».

Вотъ на какихъ воззрѣніяхъ, исполненныхъ полнѣйшаго пессимизма, остановился графъ Лаферроне, разсуждая о русскихъ внутреннихъ дѣлахъ того времени; онъ основывалъ свое мнѣніе на двухъ соображеніяхъ: на полномъ зараженіи высшаго русскаго общества революціонными идеями и на вопіющихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ во внутреннемъ строѣ имперіи. Лаферроне дошелъ до такого увлеченія въ своихъ мрачныхъ предсказаніяхъ, что началъ даже осуждать людей разумныхъ реформъ въ русскомъ государственномъ строѣ и послѣ мя-

тежа 14-го декабря. Онъ пишетъ: «Главная бѣда въ томъ, что люди, самые благоразумные, тѣ, кто съ ужасомъ и отвращеніемъ взирали на совершившіяся событія, думаютъ и громко говорятъ, что преобразованія необходимы, что нуженъ сводъ законовъ, что слѣдуетъ видоизмѣнить совершенно и основанія и формы отправленія правосудія, оградить крестьянъ отъ невыноснаго произвола помѣщиковъ; что опасно пребывать въ неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но итти за вѣкомъ и медленно готовиться къ еще болѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ».

По свидѣтельству Лаферроне, чувство тревоги и безпокойства охватило все русское общество, считающее всѣ эти преобразованія безотлагательными и неизбѣжными. Но, по его мнѣнію, возможно ли совершить ихъ безъ потрясеній въ странѣ, какъ Россія, гдѣ развратъ и продажность начинаются у подножія престола и простираются до послѣднихъ общественныхъ слоевъ? Конечно, можно составлять планы и проекты; но трудно будетъ указать, быть можетъ, и на средство прекратить зло; но когда придется примѣнить къ дѣлу систему, требующую почти огульной перемѣны въ личномъ составѣ администраторовъ, кому ввѣрить ея исполненіе? Чтобы понять всю трудность предпріятія, необходимость коего признается, однако, всѣми, надо знать, до какой степени доведена продажность во всѣхъ отрасляхъ управленія, и какой чудовищный безпорядокъ царитъ внутри Россіи. Если бы новый государь, разсуждаетъ посолъ, вступившій на престолъ при столь трудныхъ обстоятельствахъ, могъ исключительно заняться упорядоченіемъ внутренняго строя имперіи; если бы онъ посвятилъ всѣ свои силы немедленному и разумному подготовленію мѣръ, могущихъ исцѣлить зло, то положеніе его оказалось бы менѣе критическимъ. Проявленныя имъ качества, крѣпость духа и сила воли, позволяютъ предположить, что онъ оказался бы на высотѣ выпавшей ему на долю исполинской задачи. Но внѣшнія дѣла отвлекаютъ его вниманіе отъ внутреннихъ, усложняютъ его положеніе и создаютъ новыя опасности.

На первомъ планѣ стоялъ тогда роковой и сложный, столь важный для Россіи Восточный вопросъ.

VIII.

Когда разыгрался мятежъ 14-го декабря и открытъ былъ повсемѣстный заговоръ въ Россіи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ утѣшалъ себя сначала надеждою, что поляки къ этому дѣлу не причастны и останутся въ сторонѣ. Намеки въ подобномъ смыслѣ встрѣчаются въ письмѣ его къ императору Николаю отъ 25-го декабря 1825 года, и цесаревичъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ: «Благодареніе Богу, до на-

стоящаго времени среди этихъ гнусныхъ открытій не скомпрометировано имя кого бы то ни было изъ тѣхъ, которыхъ мой покойный благодѣтель соблаговолилъ ввѣрить моему начальствованію. Здѣсь все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами»[429].

Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на поляковъ. Ближайшее разслѣдованіе заговора въ С.-Петербургѣ открыло слѣдъ сношеній и переговоровъ между членами русскихъ тайныхъ обществъ и представителями подобныхъ же обществъ, существовавшихъ въ Польшѣ. Пестель и Бестужевъ-Рюминъ не замедлили выдать своихъ польскихъ собратьевъ головою, представивъ даже, можетъ быть, установившіяся между ними сношенія въ преувеличенномъ видѣ[430]. Цесаревичъ пытался, насколько могъ, выгородить виновныхъ поляковъ въ глазахъ императора и писалъ 7-го (19-го) января 1826 года государю:

«У насъ до настоящаго времени все, славу Богу, совершенно спокойно, и, полагаясь на Его милость, надѣюсь, что такъ оно и продолжится. Благоволите разрѣшить мнѣ, дорогой братъ, представить вамъ одно замѣчаніе по поводу всѣхъ сдѣланныхъ вамъ показаній: мнѣ кажется, что эти несчастные русскіе, оказавшись по своему поведенію недостойными этого имени и видя, что до настоящаго времени среди скомпрометированныхъ нѣтъ ни одного поляка, за отсутствіемъ доказательствъ, пытаются набросить на нихъ подозрѣнія; мой долгъ велитъ мнѣ обратить на это ваше вниманіе въ виду того, чтобы тѣ, которые пользовались покровительствомъ покойнаго императора, не сдѣлались жертвами интриги, подозрѣній и сомнѣній. Замѣтьте при этомъ, что всѣ сдѣланныя показанія заставляютъ подразумѣвать, что я задержанъ здѣсь, что я долженъ пріѣхать въ Петербургъ и т. д., и многое другое въ томъ же родѣ. Повторяю вамъ, дорогой братъ, отъ глубины привязанности, питаемой мною къ вамъ, что мое присутствіе здѣсь болѣе импонируетъ имъ, какъ русскимъ, такъ и полякамъ. Обдумайте это, и вы поймете справедливость того, что я говорю»[431].

Черезъ день, 9-го (21-го) января, цесаревичъ въ дополненіе къ сказанному имъ въ предшествовавшемъ письмѣ просилъ императора Николая прислать въ Варшаву довѣренное лицо, которое могло бы засвидѣтельствовать, что въ Польшѣ все спокойно, и дѣла идутъ, какъ въ царствованіе покойнаго императора; въ показаніяхъ арестованныхъ цесаревичъ продолжаетъ видѣть одну грубую интригу, сшитую бѣлыми нитками, которую не трудно разобрать съ перваго раза[432]. Армія, завѣрялъ цесаревичъ, одушевлена наилучшимъ духомъ.

Впрочемъ, защищая поляковъ отъ привлеченія къ отвѣтственности за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, цесаревичъ заступался также за одного русскаго, подполковника лейбъ-гвардіи Гродненскаго

полка Лунина. Объ немъ Константинъ Павловичъ писалъ Ф. П. Опочинину для доклада государю:

«Статься можетъ, что онъ, находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что либо насчетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ однимъ имъ,—даже его императорское величество изволитъ припомнить, что мы даже иногда между собою, сгоряча, не обдумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда умѣренными: но это еще не означаетъ какого либо вреднаго направленія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ тогда правительству, хотя можно, но надобно принять въ соображеніе и то, что въ оное, какъ теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ его» [433].

Подобную точку зрѣнія трудно было удержать надолго, но мѣрѣ дальнѣйшихъ разоблаченій, добытыхъ въ С.-Петербургѣ, въ особенности послѣ допроса арестованнаго князя Яблоновскаго.

28-го января (9-го февраля) 1826 года, императоръ Николай заговорилъ уже въ письмѣ къ брату о «mesures de rigueur» и прислалъ ему необходимыя полномочія, чтобы дѣйствовать цесаревичу вполнѣ по его усмотрѣнію, не выходя изъ обычной колеи (sans sortir du train ordinaire). «Конечно,—прибавилъ государь,—нужно дѣйствовать съ величайшею мягкостью, чтобы не дать пищи недовольнымъ, но мнѣ кажется, что еще болѣе запаздывать карою было бы преступною слабостью съ нашей стороны; впрочемъ, скажу еще разъ: полная свобода вамъ дѣйствовать такъ, какъ вы найдете необходимымъ» [434].

Цесаревичъ призналъ невозможнымъ продолжать бездѣйствіе въ прежнемъ смыслѣ, и, 7-го (19-го) февраля, учрежденъ былъ въ Варшавѣ слѣдственный комитетъ для открытія тайныхъ обществъ, существовавшихъ, какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ областяхъ, отъ прежней Польши къ имперіи присоединенныхъ. Комитетъ состоялъ изъ десяти членовъ, пяти русскихъ и пяти польскихъ, а именно: предсѣдателя сената графа Станислава Замойскаго, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, сенаторовъ и воеводъ графа Станислава Грабовскаго и Франциска Грабовскаго, исправлявшаго должность военнаго министра, генерала Гауке, генералъ-лейтенанта Курупы, дивизіоннаго генерала Раутенштрауха, барона Моренгейма, генералъ-майора Кривцова и капитанъ-командора Колзакова.

Въ дополненіе къ офиціальнымъ донесеніямъ цесаревичъ писалъ императору Николаю 9-го (21-го) февраля:

«Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступилъ бы при жизни покойнаго императора, и согласно приказаніямъ, которыя онъ давалъ мнѣ, то-есть во всякихъ важныхъ случаяхъ заставлять поляковъ дѣйствовать самихъ; слѣдственный комитетъ составленъ изъ всѣхъ пан-

болѣе выдающихся и именитыхъ людей страны; это довѣріе заставитъ замолчать критиковъ, прекратитъ слухи и тому подобныя вещи, порождающія безпокойство въ умахъ, и всѣ убѣдятся, въ чемъ дѣло. Никто не былъ арестованъ иначе, какъ на основаніи требованій самого комитета, и слѣдовательно я остаюсь совершенно въ сторонѣ и не могу быть обвиненъ въ лицепріятіи и произволѣ; я становлюсь исполнителемъ, а не источникомъ приказаній. Все это крайне необходимо, чтобы придать еще болѣе важности всему, что дѣлается. Я почти увѣренъ, что эти господа окажутся еще болѣе суровыми и строгими, чѣмъ мы были бы сами» [435].

Между тѣмъ удалось захватить бумаги генерала Княжевича; въ нихъ найдены были копіи писемъ, которыми обмѣнялись императоръ Александръ и Костюшко, послѣ занятія Парижа въ 1814 году [436]. Цесаревичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ мыслях, высказанныхъ тогда государемъ польскому патріоту, найти новые аргументы для оправданія цѣлей, которыми задались члены польскихъ тайныхъ обществъ. 15-го (27-го) февраля 1826 года, Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю:

«Бумаги, найденныя у генерала Княжевича, являются подтвержденіемъ того, что я постоянно говорилъ вамъ, дорогой братъ, по поводу обѣщаній, на которыхъ поляки основывали свои надежды; это—копіи переписки генерала Костюшки, и кто можетъ поручиться, что не существуетъ другихъ, распространенныхъ среди поляковъ? Прочтите конецъ письма покойнаго императора [437], и вы найдете въ немъ разгадку всего «національнаго общества (société nationale)»; что же вы хотите, чтобы послѣ столь положительныхъ обѣщаній, на которыхъ они основывали свои надежды, имъ говорили въ опроверженіе ихъ поступковъ и ихъ намѣреній; посудите сами безпристрастнымъ образомъ о положеніи вещей; я увѣренъ, что, быть можетъ, къ концу царствованія императора было многое, отъ чего бы онъ отказался, но было слишкомъ поздно, и обѣщаніе, разъ ужъ оно было дано при наличіи всевозможныхъ неоспоримыхъ документовъ, не могло быть взято обратно; сверхъ того, вся совокупность обстоятельствъ положительно доказала бы цѣль покойнаго императора, направленную къ обезпеченію успѣха задачи, которую онъ поставилъ себѣ; и не далѣе, какъ во время своего послѣдняго пребыванія, онъ дважды положительно это высказывалъ намъ, моей женѣ и мнѣ; та же рѣчь была повторена имъ множеству лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

«Нашъ слѣдственный комитетъ работаетъ своимъ порядкомъ, и я скажу болѣе, работаетъ хорошо, съ усердіемъ и настойчивостью. Поляки вообще возмущены и огорчены самымъ чувствительнымъ образомъ тѣмъ, что между ихъ соотечественниками могли встрѣтиться такія лица,

которыя вступили въ прямыя сношенія съ революціонерами у васъ; комитетъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы открыть ихъ всѣхъ, и общественное мнѣніе высказывается въ крайне здравомъ смыслѣ, говоря, что если русскій долженъ быть наказанъ одинъ разъ, то полякъ долженъ быть наказанъ десять разъ, само собою разумѣется, въ томъ случаѣ, если они состоятъ въ связи съ революціонерами, чтобы все поставить вверхъ дномъ,

Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

или даже если бъ они руководствовались личными побужденіями, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ повсюду; большаго нельзя требовать отъ нихъ послѣ обѣщаній, которыя были даны имъ столь положительнымъ образомъ. Умные—всеобщее, и всѣ съ огорченіемъ видятъ, что событія принудили—и основательно—дѣйствовать со строгостью въ отношеніи части ихъ соотечественниковъ, между тѣмъ какъ они надѣялись на противное, что свидѣтельствуетъ о хорошемъ духѣ, одушевляющемъ ихъ; я прилагаю всѣ усилія, чтобы успокоить ихъ, и неустанно повторяю

имъ, что нѣсколько паршивыхъ овецъ не могутъ вліять на остальныхъ, разъ онѣ будутъ отдѣлены отъ нихъ, и что стадо останется прекраснымъ, и что оно таково, какимъ должно быть» [433].

Императоръ Николай въ отвѣтъ на доводы, представленные цесаревичемъ въ пользу и въ извиненіе поляковъ, отвѣчалъ брату 20-го февраля (4-го марта):

«Содержаніе вашего послѣдняго письма доставило мнѣ величайшее удовольствіе въ виду тѣхъ извѣстій, которыя вы сообщаете мнѣ относительно настроенія умовъ, господствующаго въ Варшавѣ; признаюсь, что у меня никогда не было ни малѣйшаго безпокойства на этотъ счетъ, ни сомнѣній относительно впечатлѣнія, которое должно было произвести на людей разсудительныхъ, вѣрныхъ и любящихъ порядокъ, извѣстіе о происках, направленныхъ къ испроверженію его подъ прикрытіемъ чувства, крайне почтеннаго, но обмануться насчетъ котораго могутъ, конечно, только немногіе, такъ какъ громадная разница, желать ли чего либо почти обѣщаннаго (presque promise) или же предупреждать (prévenir) правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, преступныхъ (coupable) средствъ. Такимъ образомъ, при установленныхъ вами порядкахъ, они могли бы видѣть въ этомъ лишь полное довѣріе со стороны правительства и, будучи польщены въ своемъ національномъ самолюбіи, усмотрѣть доказательство, что правительство не слабѣетъ въ виду опасности, а принимаетъ мѣры, чтобы предупредить и пресѣчь зло, прежде чѣмъ оно разовьется; нужно было быть сумасшедшимъ, чтобы не быть довольнымъ этимъ, и, конечно, ужъ не я подумалъ бы, что они могутъ быть таковыми; прибавьте къ этому чувство благодарности, которымъ они обязаны нашему ангелу! Что же касается тѣхъ, которые неизбѣжно, хотя и въ небольшомъ числѣ, будутъ неповинно смѣшаны съ истинными виновными, мнѣ кажется, что въ интересахъ каждаго порядочнаго человѣка желать, чтобы рано или поздно съ него было снято всякое подозрѣніе; поэтому знать, что тебя подозрѣваютъ, и не имѣть возможности оправдаться, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, невыносимое чувство. Мы арестуемъ не для того, чтобы искать жертвъ, а для того, чтобы оправдать оклеветанныхъ. Все, что вы сдѣлали для слѣдствія, превосходно и можетъ имѣть лишь наилучшіе результаты» [434].

Независимо отъ сообщенія императору Николаю своего мнѣнія по дѣламъ царства Польскаго и по поводу учрежденнаго варшавскаго слѣдственнаго комитета, цесаревичъ писалъ о тѣхъ же вопросахъ въ еще болѣе откровенныхъ выраженіяхъ своему другу Ф. П. Опочинину, съ просьбою сообщить содержаніе этихъ писемъ государю, «pour fixer son opinion».

Приведемъ здѣсь наиболѣе существенную часть письма цесаревича отъ 5-го (17-го) февраля 1826 года.

«Изъ прочитанныхъ мною показаній Яблоновскаго, — писалъ Константинъ Павловичъ, — я усматриваю лишь естественныя послѣдствія того положенія, въ которомъ находится эта страна, и тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены съ высоты престола во время бывшихъ здѣсь трехъ сеймовъ; кромѣ того, всѣ эти господа видятъ, что старая Финляндія была присоединена къ новой, а не новая къ старой; теперь спрашиваю я васъ: какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Имъ всѣмъ были хорошо извѣстны слова и образъ мыслей покойнаго императора, потому что онъ и не скрывалъ ихъ передъ ними и даже, наконецъ, въ послѣднее время высказалъ ихъ, какъ статскимъ, такъ и военнымъ лицамъ. Говоря чистосердечно, можете ли вы ихъ въ томъ упрекнуть? Войдите въ ихъ положеніе и предположите, что Россія подверглась бы такому же раздѣлу, какъ Польша, какой въ такомъ случаѣ былъ бы вашъ собственный образъ дѣйствій и взглядъ? Доложите все это императору, такъ какъ желтый и малиновый цвѣтъ у васъ не настолько въ виду, какъ здѣсь, равно какъ и въ Литвѣ. Развѣ они слѣпы и глухи? Предположенія покойнаго императора были мнѣ извѣстны; однимъ словомъ я прошу подумать немного о прошломъ и поставить себя на занимаемое мною мѣсто. Тогда увидятъ затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, чтобы дѣйствовать, впрочемъ, умѣя только повиноваться, я именно буду поступать такъ же, какъ и прежде, съ тѣмъ же усердіемъ и тою же преданностью. Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ этой странѣ, слѣдовать стопамъ покойнаго императора, и привелъ этимъ всѣхъ въ восторгъ; теперь же увидятъ, быть можетъ, иное. Истина должна быть высказана, и я высказываю ее такою, какою она представляется моему сужденію, и буду ее повторять, пока мнѣ это позволятъ и пока желаютъ ее отъ меня выслушивать. Если я получу приказаніе молчать, я подчинюсь со всею покорностью, которая, какъ вамъ извѣстно, свойственна мнѣ со дня рожденія. Прочтите все сказанное здѣсь императору, ему необходимо это знать, чтобы установить свое мнѣніе»[440].

Черезъ день цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ перепискѣ съ Опочининымъ снова возвращается къ затронутому имъ вопросу, въ письмѣ отъ 7-го (19-го) февраля, прибавивъ къ нему слѣдующія собственноручныя строки[441]:

«Согласно намѣреніямъ императора и повелѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ по этому поводу графомъ Грабовскимъ, я облеченъ властью, такъ сказать, диктаторскою и неограниченною, чтобы приступить къ разслѣдованіямъ въ этой странѣ, руководствуясь показаніями князя Яблоновскаго. Вы поймете сами, и я попрошу васъ обратить вниманіе его величества на то, что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и, сверхъ того, благодаря обстоятельствамъ, весьма

трудным. Умѣя только повиноваться и примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ благодѣтелемъ моимъ насчетъ этой страны и образа въ ней дѣйствія, мнѣ казалось полезнымъ учредить здѣсь по примѣру С.-Петербурга слѣдственный комитетъ, направленіе и наблюденіе за которымъ я предоставляю себѣ, а такъ какъ между лицами, которыхъ комиссія будетъ призывать, допрашивать и даже арестовывать, могутъ быть подданные имперіи (поляки) и королевства, а также русскіе, то я назначилъ членами комитета: Новосильцова, Куруту, Кривцова, Колзакова и Морейнгейма, какъ русскихъ, а затѣмъ: графа Замойскаго, президента сената, Соболевскаго, министра юстиціи, графа Грабовскаго, министра духовныхъ дѣлъ, Гауке, военнаго министра, воеводу Грабовскаго и генерала Раутенштрауха, въ качествѣ секретаря. Такимъ образомъ въ комитетѣ соединены люди разныхъ цвѣтовъ, разныхъ убѣжденій и всѣ занимающіе общественныя должности. Ихъ образъ дѣйствій сниметъ съ нихъ личину и заставитъ умолкнуть толки и сплетни свѣта; тогда они увидятъ, въ чемъ дѣло, и какую цѣль преслѣдуютъ люди, стремящіеся къ ниспроверженію установленнаго порядка. Наибольшая гласность и наибольшее довѣріе къ этимъ господамъ заставитъ ихъ дѣйствовать и поражать виновныхъ. C'est un indiciam delegate mixtum. Всѣ эти секретныя слѣдствія противны общественному мнѣнію и духу времени, а такъ какъ мы живемъ здѣсь при конституціонномъ порядкѣ вещей, то все остается здѣсь въ смыслѣ установленнаго правленія и не выходитъ, сверхъ того, изъ правилъ. Сообщите мнѣ, что скажетъ императоръ; я не могъ лучше дѣйствовать при моемъ взглядѣ на вещи» [442].

12-го (24-го) февраля, цесаревичъ продолжалъ:

«Скажу вамъ теперь, что комитетъ, о которомъ я васъ предувѣдомлялъ въ прошедшемъ письмѣ, что я учредилъ здѣсь, по предоставленной мнѣ власти государемъ императоромъ дѣйствовать неограниченно насчетъ открытій тайныхъ обществъ, началъ свои засѣданія съ прошедшаго понедѣльника. Объ арестованныхъ по сіе время лицахъ препровождаю при семъ списокъ; далѣе, кто будетъ, буду васъ увѣдомлять. О сю пору при всемъ неутомимомъ стараніи и изысканіи комитета ничего еще не открывается между какъ nationalité. Сіе самое поставляетъ меня въ обязанность повторить еще вамъ, что я уже писалъ отчасти, что надобно войти въ тонкость всѣхъ обстоятельствъ и поводовъ, которые были даны полякамъ питать въ себѣ этотъ духъ. Я ихъ нимало не защищаю: пускай что угодно будетъ съ ними сдѣлано; но долгъ мой есть поставить на видъ всю истинную правду и обстоятельства, которыя мнѣ ближе всѣхъ извѣстны, ибо и мое положеніе въ теперешнее время насчетъ сего весьма есть критическое. Покойному государю императору угодно было не только дать имъ питаться надеждою, но десять лѣтъ сряду

словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ онъ въ нихъ сію мысль; и по сему самому что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться. Я поставляю вамъ въ свидѣтели: Василія Сергѣевича Ланского, который теперь въ С.-Петербургѣ, и Николая Николаевича Новосильцова, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда слухи насчетъ возстановленія царства Польскаго, — что по-моему бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и даже поименовывалъ таковыхъ[443]. Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 году, я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистріо въ то время насчетъ оной мнѣ сказалъ: «посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе». Я также поставляю въ свидѣтели его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ въ 1818 году, что, пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился его императорскому величеству отвѣчать насчетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что государь императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться. Потомъ, во всѣхъ случаяхъ, изволилъ мнѣ всегда твердить: «развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ вмѣсто красныхъ желтые». Сверхъ того, во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, государь императоръ изволилъ назначить губернаторовъ и вице-губернаторовъ изъ поляковъ; впослѣдствіи для всѣхъ сихъ губерній мундиры даны были съ малиновыми воротниками, и наконецъ во время послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ всего Литовскаго корпуса генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ вмѣсто краснаго цвѣта приказалъ имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый, и даже угодно было, чтобы и шитье генеральское на мундирахъ было золотое, но такое же самое, какъ у польскихъ генераловъ; я уже упросилъ его императорское величество оставить прежнее, и въ доказательство сего, что его было такое намѣреніе, вѣрно цѣлъ и хранится еще въ гардеробѣ въ С.-Петербургѣ воротникъ генеральскій, который онъ приказалъ сдѣлать на образецъ съ шитьемъ золотымъ на малиновомъ сукнѣ по образцу польскаго. Словомъ сказать, государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими, какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изъяснялъ свои насчетъ ихъ намѣренія; слѣдовательно, что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité? Имъ сіе безпрестанно внушалось, они привыкли къ сей мысли и полагали, что сіе есть положительное; винить же ихъ за это, кажется, не можно: кто бы такой, будучи на ихъ мѣстѣ, не по-

желалъ сего? Въ нихъ эта мысль общая; развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить? А между тѣмъ, они хвастаются и весьма дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ даже въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы. Впрочемъ, я повторяю вамъ еще, что я далекъ отъ той мысли, чтобы защищать виновныхъ поляковъ; но только долгъ истины и обязанности моей побуждаетъ меня все сіе объяснить и просить васъ доложить его императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ обратить особенное свое на оное вниманіе.

«Рѣчи на сеймахъ при открытіи и закрытіи государемъ препровождаются при семъ. Онѣ служатъ доказательствомъ моимъ словамъ. Многіе думали и думаютъ, что это воля государя, чтобъ готовить умы. Еще же имъ кружитъ умы Финляндія и ея соединеніе въ одно. Vous n'avez qu'à juger vous-même de ce qui en est».

Насчетъ того, что примѣръ Финляндіи служитъ для поляковъ соблазномъ, цесаревичъ снова писалъ Опочинину въ письмѣ отъ 22-го февраля (6-го марта):

«Прошу доложить его императорскому величеству, что всѣ поляки однѣхъ мыслей, и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе отошедшихъ провинцій, но, чтобы предпринимать какія для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не одобряютъ таковыхъ намѣреній; а напротивъ весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ, ибо сіе могло быть мыслію только какого нибудь князя Яблоновскаго и ему подобныхъ; но поводы, данные имъ, а наболѣе примѣръ, утверждаютъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи, и сдѣлано было, подобно царству Польскому, великое княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой. Слѣдовательно и они питаютъ такую же надежду. Я совсѣмъ далекъ выводить насчетъ сего какое либо мое собственное заключеніе, но только когда таковой примѣръ мнѣ выставятъ на видъ, прошу разрѣшить меня, что мнѣ на оное отвѣчать».

Когда Опочининъ прочелъ императору Николаю письмо цесаревича, государь пожалъ плечами и сказалъ: «ахъ!». Опочининъ сообщилъ Константину Павловичу этотъ эпизодъ, сопровождавшій чтеніе письма, и получилъ въ отвѣтъ слѣдующія строки:

«На статью, въ которой описываете, что при чтеніи письма моего касательно мнѣній поляковъ и ихъ сравненія положенія ихъ съ финнами государь императоръ изволилъ пожать плечами и сказать: ахъ! скажу, что хотя этотъ ахъ! весьма справедливъ, но поляки, имѣя предъ своими глазами примѣръ Финляндіи, какой давать имъ отвѣтъ, когда выставляютъ на видъ оный?» [444]

Прямого отвѣта на поставленный столь категорическимъ образомъ вопросъ цесаревичъ не получилъ, и онъ замолкъ по поводу сравненія, настойчиво проводимаго имъ между Финляндіею и Польшею. Въ перепискѣ стали зато появляться намеки на дряхлость: «Старъ уже сталъ и дряхлъ,—писалъ Константинъ Павловичъ къ Опочинину,—кости болятъ; пора меня въ какую нибудь Цурюкантскую крѣпость въ плацъ-майоры, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты». Въ письмахъ же къ государю цесаревичъ заговорилъ о старости и сталъ нерѣдко называть себя ветераномъ и инвалидомъ.

IX.

Перейдемъ теперь къ польскому вопросу, какъ его понималъ въ то время императоръ Николай.

Царствованіе императора Александра I-го далеко отодвинуло насъ отъ екатерининскихъ воззрѣній на польскій вопросъ, или, вѣрнѣе сказать, на значеніе, которое въ этомъ вопросѣ играютъ области, доставшіяся намъ по тремъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой; цѣлая пропасть раздѣляетъ политическія воззрѣнія двухъ столь различныхъ между собою эпохъ русской исторіи. Достаточно припомнить всю опредѣленность взглядовъ императрицы Екатерины II на историческое право, принадлежащее Россіи на эти земли, чтобы оцѣнить коренное измѣненіе, послѣдовавшее въ позднѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Взгляды императрицы съ полною яркостью выразились въ медали, которая появилась послѣ второго раздѣла Польши съ надписью: «отторженная возвратихъ». Подобная медаль не могла бы занять мѣсто въ лѣтописяхъ царствованія императора Александра; она служитъ наглядымъ выраженіемъ политическаго антагонизма, существовавшаго между бабушкою и внукомъ.

Еще опредѣленнѣе и яснѣе Екатерина II выразила свои мысли по поводу разбираемаго вопроса въ письмѣ къ Гримму отъ 5-го апрѣля 1795 года. Когда политическій противникъ Россіи, прусскій министръ Герцбергъ, высказывалъ мнѣніе о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ, императрица писала:

«Эта скотина Герцбергъ заслуживаетъ, чтобы его порядкомъ побили,—у него столько же познаній въ исторіи, какъ у моего попугайчика. (Cette pécore de Hertzberg seule mérite d'être tapée d'importance: il n'a pas plus des connaissances en fait d'histoire que ma perruche). Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, ибо Полоцкъ былъ отданъ Владимиромъ I

старшему изъ двѣнадцати его сыновей Изяславу, отъ котораго произошли князья полоцкіе».

Переходя, затѣмъ, къ образованію Литовскаго княжества, императрица продолжаетъ:

«Пятый сынъ Ольгерда, Ягелонъ, сталъ въ 1386 году королемъ Польши, принявъ латинство и женившись на Ядвигѣ, королевѣ польской. Онъ-то именно и присоединилъ Литву къ Польшѣ, но глупый, невѣжественный министръ ничего этого не знаетъ; высокомѣріе дѣлаетъ его глупымъ и грубымъ, какъ померанскій быкъ. Онъ не знаетъ, что не только Полоцкъ, но и вся Литва производила во всѣхъ судахъ всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что всѣ акты литовскихъ архивовъ писались на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе въ нихъ велось по нашему греко-церковному обычаю отъ сотворенія міра, при чемъ греческіе церковные индикты служили постоянно закономъ. Это доказываетъ, что до XVII вѣка не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ греческое исповѣданіе было господствующимъ, и что его исповѣдывали князья и великіе князья, что даже всѣ церкви, особливо же соборы, строились алтаремъ на востокъ, по обычаю восточной церкви. Если вамъ нужны еще доказательства, можете потребовать — правду доказать не трудно. Сверхъ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала части или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть при случаѣ еще болѣе побитъ за свое незнаніе... Оселъ!» [445]

Когда же Гриммъ сообщилъ Екатеринѣ, что поляки совѣтуютъ ей принять титулъ королевы польской, императрица отвѣчала ему 16-го сентября 1795 года: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Червонною Русью: Кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва же никогда не была коренною частью Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ королевы польской» [446].

Императоръ Александръ I-й, относившійся вообще критически и съ недоброжелательствомъ ко всѣмъ начинаніямъ своей бабки, усвоилъ себѣ съ молодыхъ лѣтъ совершенно иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Она выразилась окончательно въ рѣшеніи государя принять въ 1815 году титулъ короля польскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ на Вѣнскомъ конгрессѣ изъ обрѣзковъ Варшавскаго герцогства создано было конституціонное королевство Польское, которое одинъ польскій писатель, Мохнацкій, признаетъ «настоящей политической змѣей за пазухою самодержавной Россіи».

старшему изъ двѣнадцати [illegible]
[illegible] нино.

Переходя, затѣмъ, къ образованію Литовско [illegible] ріи, продолжаетъ:

«Младшій сынъ Ольгерда, Ягеллонъ, сталъ въ [illegible] Польши, принявъ латинство и женившись на Ядв[illegible] ской. Онъ-то именно и присоединилъ Литву къ П[illegible] невѣжественный министръ ничего этого не знаетъ: [illegible] его глупымъ и грубымъ, какъ померанскій быкъ. Онъ [illegible] не только Полоцкъ, но и вся Литва производила во всѣхъ [illegible] дѣла свои на русскомъ языкѣ, что всѣ акты литовскихъ [illegible] сались на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе [illegible] нихъ велось по нашему греко-церковному обычаю отъ сотворенія міра, при чемъ греческіе церковные [illegible] ты служили постоянно закономъ. Это доказываетъ, что до XVII [illegible] не только въ Полоцкѣ, но и [illegible] всей Литвѣ греческое исповѣданіе [illegible] было господствующимъ, и [illegible] исповѣдывали князья и вельмо[illegible] что даже всѣ церкви [illegible] соборы, строились алтарем [illegible] по обычаю восточной церкви. Если вамъ нужны еще дока[illegible] можете потребовать [illegible] [illegible] не трудно. Съ[illegible] [illegible] и Литва разъ [illegible] переходили изъ рукъ въ ру[illegible] договора не было [illegible] чено безъ того, чтобъ та и[illegible] не требовала части [illegible] цѣлаго, смотря по обстоя[illegible] государственный министръ можетъ быть при [illegible] за свое незнаніе. Оселъ!»[445]

Когда же Гриммъ сооб[illegible] что поляки совѣтуютъ ей принять титулъ королевы [illegible] императрица отвѣчала ему 16-го сентября 1795 года: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали [illegible] Червонною Русью: Кіевское воеводство, Подолію и Волынь. Литва никогда не была коренною частью Польши, равно [illegible] Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди поль[illegible] принять и титулъ королевы [illegible]»[446]

Императоръ Александръ [illegible] вившій [illegible] [illegible] и съ недоброжелательствомъ [illegible] ниями своей бабки, усвоилъ себѣ [illegible] молодыхъ лѣтъ [illegible] ную точку зрѣнія на этотъ вопросъ [illegible] выразилась [illegible] рѣшеніи государя принять въ 1815 году титулъ коро[illegible] вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] [illegible] обрѣзковъ [illegible] ства [illegible] [illegible] [illegible] одинъ [illegible] [illegible] [illegible] державной Россіи.

Императрица Александра Ѳеодоровна. съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжной Маріей Николаевной.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета писаннаго Доу.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыщ. г.

Въ разговорѣ съ Лагарпомъ въ Вѣнѣ, въ октябрѣ 1814 года, императоръ Александръ высказалъ своему бывшему наставнику мысли, которыми намѣревался руководствоваться при рѣшеніи польскаго вопроса. «Невозможно, — сказалъ государь, — чтобы полякъ забывалъ, что онъ принадлежитъ къ народу, нѣкогда бывшему независимымъ. Я чувствую что, родись я полякомъ, я думалъ бы точно также. Поэтому слѣдуетъ

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій (декабристъ).

(Съ портрета, приложеннаго къ его „Запискамъ“).

ожидать, что поляки будутъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вернуть свое политическое существованіе, какъ народа; такимъ образомъ мнѣ придется осудить себя въ отношеніи ихъ на постоянную недовѣрчивость, принимать, быть можетъ, инквизиторскія мѣры, которыя усилятъ ихъ недовольство, не приводя къ успокоительнымъ результатамъ. Въ ихъ глазахъ я буду притѣснителемъ, противъ котораго они могутъ не возмутиться, помня великодушіе, съ которымъ я простилъ все: но они будутъ считать себя свободными отъ всякой благодарности въ отно-

шеніи моихъ преемниковъ. По моему мнѣнію, лучше ужъ немедленно и по собственному побужденію дать имъ то, чего они такъ горячо желаютъ; это совмѣститъ въ себѣ одновременно и справедливость и хорошую политику. (Il est impossible qu'un polonais oublie qu'il appartient à une nation jadis indépendante. Je sens, que né polonais, je penserais de même. On doit donc s'attendre que les polonais profiteront de toutes les occasions, pour recouvrer leur existence politique, comme nation; ainsi il faudra me condamner, à leur égard, à une perpétuelle défiance, prendre peut-être des mesures inquisitoriales, qui accroitront leur mécontentement, sans avoir de résultats tranquillisants. A leurs yeux je serai un oppresseur contre lequel il est possible qu'ils ne s'insurgent pas, en se rappelant la générosité avec laquelle j'ai tout pardonné: mais ils se regarderont comme déliés de toute reconnaissance à l'égard de mes successeurs. Il vaut mieux, ce me semble, leur accorder tout de suite et de bonne grâce, ce qu'ils désirent avec tant d'ardeur; il y a là justice et bonne politique à la fois)» [447].

Но Александръ, создавая вновь королевство Польское, не довольствовался подобнымъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ Екатерининской политики; онъ, не стѣсняясь, при разныхъ случаяхъ, высказывалъ полякамъ свое непреклонное намѣреніе дать королевству внутреннее расширеніе, возвративъ ему губерніи имперіи, нѣкогда входившія въ составъ Рѣчи Посполитой. Въ этихъ видахъ послѣдовало объединеніе въ военномъ отношеніи, а именно цесаревичъ Константинъ Павловичъ, носившій званіе главнокомандующаго польскою арміею, командовалъ также литовскимъ корпусомъ, мундирамъ котораго присвоены были польскіе цвѣта; составъ офицеровъ также былъ преимущественно польскій. Сверхъ сего, Литва и западныя губерніи подчинены были негласно цесаревичу и въ гражданскомъ отношеніи. Подобныя мѣропріятія должны были утвердить въ польскихъ умахъ убѣжденіе, что присоединеніе къ Польшѣ такъ называемаго забраннаго края составляетъ только вопросъ времени. Поэтому неудивительно, что дѣятельность тайныхъ обществъ направлена была къ той же цѣли, клонившейся именно къ осуществленію намѣченнаго правительствомъ исправленія исторической несправедливости; усердно работая въ этомъ духѣ, общества подготовляли почву для великаго переворота, въ теченіе многихъ лѣтъ настойчиво возвѣщавшагося съ высоты престола.

Такимъ образомъ императоръ Александръ въ порывѣ великодушнаго увлеченія посѣялъ вѣтры; расточая щедрою рукою обѣщанія, которымъ вслѣдствіе внезапной кончины государя не суждено было перейти въ жизнь, онъ невольно предоставилъ своему преемнику печальную участь пожинать бурю, которая въ 1831 году привела къ тому, что императоръ Николай нашелся вынужденнымъ писать цесаревичу Константину

Павловичу: «Qui des deux doit périr, car il parait que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne. Decidez vous-même?» [448].

Но возвратимся къ 1826 году. Нужно сказать, что императоръ Николай Павловичъ поставилъ сразу спорный вопросъ въ настоящія рамки. Воцарившійся молодой государь не замедлилъ произнести свой приговоръ надъ бывшими дотолѣ въ ходу мечтаніями, въ выраженіяхъ рѣзкихъ, можетъ быть, даже суровыхъ, но зато вполнѣ ясныхъ, не допускавшихъ превратныхъ толкованій. Спорный вопросъ распадался на двѣ части. Съ одной стороны, императоръ Николай твердо рѣшился строго соблюдать и поддерживать въ царствѣ Польскомъ дарованную предшественникомъ его конституцію и слово свое сдержалъ нерушимо, въ чемъ отдаютъ ему теперь справедливость даже недоброжелатели его изъ польскаго лагеря.

Одинъ польскій историкъ пишетъ:

«Наши историки, смотрящіе на вещи лишь сквозь призму 1831 года, говорятъ о презрѣніи и непоборимомъ отвращеніи императора Николая къ конституціонному устройству Польши. Въ этой оцѣнкѣ можетъ заключаться доля правды, такъ какъ характеръ государя съ трудомъ поддавался малѣйшему раздѣлу власти; тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего царствованія, императоръ Николай не только пальцемъ не затронулъ учрежденій Польши, но не переставалъ выполнять свои обязанности конституціоннаго короля лучше, чѣмъ его предшественникъ..... Въ концѣ концовъ, быть можетъ, это былъ все-таки государь, наиболѣе подходящій для того, чтобы приспособить поляковъ къ условіямъ ихъ существованія и заставить ихъ утратить много дурныхъ привычекъ, усвоенныхъ ими въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ» [449]. Но, съ другой стороны, свято соблюдая нерушимость польской конституціи, императоръ Николай, вмѣстѣ съ тѣмъ, провелъ рѣшительную грань между Польшею и Россіею, и не ратификовалъ загадочныхъ обѣщаній, которыя расточаемы были при разныхъ случаяхъ Александромъ I.

Основной взглядъ государя на этотъ спорный вопросъ лучше всего выразился въ слѣдующихъ строкахъ письма Николая Павловича къ цесаревичу:

«Честный человѣкъ, даже среди поляковъ, отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ. (Je le hais parce qu'il n'accomplit pas nos voeux, mais je l'estime, parce qu'il ne nous trompe pas)».

На этой почвѣ произошло полное разногласіе въ мнѣніяхъ между Константиномъ Павловичемъ и государемъ. Цесаревичъ упорно отстаивалъ Александровскую точку зрѣнія, усвоенную имъ во время десятилѣтняго пребыванія своего въ Варшавѣ, и полагалъ справедливымъ

исправить историческую несправедливость, совершенную Екатериною II, императоръ же являлся защитникомъ русской государственной точки зрѣнія и признавалъ для русскаго монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость имперіи.

Не желая, чтобы поляки оставались въ недоумѣніи насчетъ взглядовъ правительства, императоръ Николай даровалъ Литовскому корпусу мундиры съ русскими цвѣтами, а затѣмъ предписалъ измѣненія въ порядкѣ комплектованія этого корпуса, не назначая для сего мѣстныхъ уроженцевъ, но русскихъ рекрутъ. Какъ эти мѣропріятія ни огорчали цесаревича, онъ долженъ былъ покориться волѣ своего державнаго брата. тщетно пытаясь въ продолженіе двухъ лѣтъ убѣдить его въ превосходствѣ прежней, Александровской политики.

Разность взглядовъ двухъ братьевъ въ польскомъ вопросѣ отразилась всего лучше въ перепискѣ ихъ, получившей временно полемическій оттѣнокъ. Приведемъ изъ нея выдержки, относящіяся къ разбираемому вопросу и могущія служить къ освѣщенію этой любопытной страницы русской исторіи.

«Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, –писалъ императоръ Николай,— что продолжать питать и поддерживать идеи, которыя завѣдомо невозможно осуществить вслѣдствіе неудобствъ, крайне важныхъ и влекущихъ серьезныя послѣдствія, значило бы совершенно не выполнять нашъ долгъ, какъ русскихъ. Вы сами высказали это Грабовскому: «будьте полякомъ, что же касается меня, я — русскій и останусь русскимъ». Я же говорю: «будьте полякомъ, а я самъ буду тѣмъ и другимъ». Такимъ образомъ я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Поэтому оставимъ все въ его настоящемъ положеніи; не пойдемъ далѣе этого, будемъ сопротивляться тѣмъ, которые пожелали бы итти далѣе и, по крайней мѣрѣ, сохранимъ въ войскахъ сознаніе, которое вы такъ хорошо поддерживали въ нихъ до сихъ поръ, что они русскія. Вотъ какъ я далеко зашелъ въ спорѣ, крайне важномъ, но разъ я, не предполагая, зашелъ такъ далеко, увлеченный сердцемъ, которое постоянно раскрывается нараспашку, когда обращается къ вамъ, я прибавлю, что полагалъ бы крайне полезнымъ, насколько только возможно, скрещивать русскихъ въ средѣ офицеровъ съ литовцами» [459].

Цесаревичъ написалъ по поводу мыслей, высказанныхъ государемъ. слѣдующее возраженіе:

«Что касается Литвы, то это тема слишкомъ длинная для письма, и въ особенности для письма, нацарапаннаго и сочиненнаго мною. Благоволите разрѣшить мнѣ изложить мои мысли въ отдѣльномъ мемуарѣ, который я пришлю вамъ, какъ только онъ будетъ готовъ; но

что я позволю себѣ высказать здѣсь, это то, что душею и сердцемъ я былъ, есмь и буду, пока буду живъ, русскимъ, но не однимъ изъ тѣхъ слѣпыхъ и глупыхъ русскихъ, которые держатся правила, что имъ все позволено, а другимъ ничего. «Матушка папа Россія беретъ добровольно, наступивъ на горло»,—эта поговорка въ очень большомъ ходу между нами и постоянно возбуждала во мнѣ отвращеніе. Единственная положительная наука здѣшняго міра это —математика, а она доказываетъ, что, когда данныя невѣрны, выводы тоже дѣлаются невѣрными; неправое дѣло никогда не станетъ правымъ; это были бы лишь палліативы болѣе вредные, чѣмъ что бы то ни было другое...» [451]. «Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истинѣ, что его отечество было захвачено (spolié), а не завоевано (conquis) Екатериною въ продолженіе трехъ произопедшихъ раздѣловъ, которая поступила такъ въ мирное время и безъ объявленія войны, прибѣгнувъ при этомъ ко всѣмъ наиболѣе постыднымъ средствамъ, которыми побрезгалъ бы каждый честный человѣкъ. Одно лишь царство Польское было завоевано (est de bonne prise), и это было освящено договорами послѣ войны и явилось слѣдствіемъ заключенія мира; это чувствуется всѣми и цѣлымъ свѣтомъ; завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ — постыдный грабежъ, который рано или поздно падетъ на голову грабителя» [452].

Но еще до полученія записки, обѣщанной цесаревичемъ, императоръ Николай въ письмѣ, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года. снова коснулся вопроса, которому не переставалъ придавать первостепенное значеніе.

«Моя совѣсть побуждаетъ меня, дорогой Константинъ,—писалъ государь,—вернуться къ предмету, слишкомъ важному и для будущаго, въ виду лежащей на мнѣ отвѣтственности, чтобы я не рѣшился еще поговорить съ вами объ этомъ, рискуя встрѣтить съ вашей стороны противоположный взглядъ. Все время, пока я буду находиться на посту, на который вы и нашъ покойный ангелъ поставили меня, я не могу, не долженъ дѣлать ничего непослѣдовательнаго; въ виду этого я совершилъ бы одну изъ непростительнѣйшихъ непослѣдовательностей, если бы нисколько не заботился, чтобы мои поступки отвѣчали моимъ мыслямъ въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ моихъ обязанностей. Пока я существую, я никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая могла бы повлечь за собою для имперіи самыя плачевныя послѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ

и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ даровалъ королевству; но, пока я живъ, я не могу потерпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной ко вреду имперіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе поощрять, какія либо подобныя надежды; поэтому необходимо, чтобы часть вашего комплектованія была набрана въ русскихъ губерніяхъ, и чтобы въ обмѣнъ часть комплектованія изъ литовскихъ губерній была размѣщена по прочимъ корпусамъ арміи. Къ несчастію, старые русскіе офицеры вашего корпуса исчезаютъ, а большинство молодежи — поляки: черезъ десять лѣтъ полки будутъ русскими лишь по названію, а въ сущности будутъ польскими; поэтому пора подумать предотвратить это. Итакъ, я предлагаю вамъ сохранить, напримѣръ, рекруть гродненскихъ, волынскихъ, бѣлостокскихъ и минскихъ, а виленскихъ и подольскихъ предоставить остальной арміи; въ обмѣнъ я предложу вамъ псковскихъ и тверскихъ и проч. или же какихъ либо другихъ по вашему выбору. Въ слѣдующій разъ мы возьмемъ другія губерніи, чтобы народности перекрещивались.

«Мнѣ тяжело затрогивать эту струну, но это мой долгъ передъ Богомъ и передъ вами, такъ какъ я никогда не буду въ состояніи обманывать васъ, хотя бы приходилось рисковать временно причинить вамъ неудовольствіе» [453].

Между тѣмъ записка цесаревича была окончательно выработана; отсылая ее къ государю, Константинъ Павловичъ сопровождалъ ее 31-го октября (12-го ноября) 1827 года слѣдующими строками:

«Благоволите позволить мнѣ представить вамъ прилагаемую при семъ записку, внушенную мнѣ моею вѣрностью моимъ государямъ въ теченіе минувшихъ тридцати двухъ лѣтъ. Долгій опытъ, безпрерывныя наблюденія во все продолженіе моей службы, отсутствіе какихъ бы то ни было личныхъ видовъ, однимъ словомъ, одинъ лишь откровенность и прямодушіе нашли въ ней свое выраженіе съ ясностью, какую только я могъ вложить въ нее; прочтите ее съ вниманіемъ, милостиво, съ благоволеніемъ и снисходительностью. Покойный императоръ пріучилъ меня время отъ времени посылать ему подобныя записки, и оставался доволенъ ими. Истина изложена въ ней такою, какою я понимаю ее: я не подчиняю истину мелочной и узкой политикѣ, а излагаю взгляды широкіе, великодушные, благородные и чистые, которые предъ лицемъ всего міра покажутъ вамъ, чѣмъ долженъ быть государь великой имперіи. Впрочемъ, если я ошибся, если мой поступокъ покажется вамъ смѣлымъ или неумѣстнымъ, благоволите простить мнѣ его и признать въ немъ лишь проявленіе усердія и преданности вашей августѣйшей особѣ: это послужитъ мнѣ предупрежденіемъ для будущаго не пользоваться правомъ, пріобрѣтеннымъ при нашемъ покойномъ императорѣ, и котораго

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ (декабристъ).

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ" 1877 г.).

онъ приказывалъ и совѣтовалъ держаться; много разъ онъ бранилъ меня за то, что я пользовался имъ со слишкомъ большою скромностью, и не позднѣе еще, какъ во время гнусной семеновской исторіи, когда онъ былъ огорченъ тѣмъ, что не поступилъ такъ, какъ я совѣтовалъ. Но не принимайте меня за самонадѣяннаго, осмѣливающагося давать вамъ совѣты: какъ я далекъ отъ подобной мысли! Но чувства, изливаемыя брату и идущія изъ преданнаго сердца, не суть совѣты, а дань, воздаваемая нерушимой привязанности, питаемой къ нему. Однимъ словомъ, прочтите записку и поступите, какъ вамъ заблагоразсудится, а

я выполнилъ долгъ моей совѣсти безупречной и чистой передъ Богомъ, вами и людьми» [434].

12-го (24-го) ноября, императоръ Николай отвѣчалъ цесаревичу по поводу затронутыхъ имъ политическихъ вопросовъ и писалъ:

«Я смотрѣлъ бы почти такъ же, какъ вы, дорогой Константинъ, на предметъ вашей записки, если бы мы не исходили изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Ни Пруссія, ни Австрія совершенно не имѣютъ Польши, за исключеніемъ ихъ владѣній въ Познани и Галиціи; объ эти провинціи слились съ государствами, которымъ онѣ принадлежатъ, и, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи, за исключеніемъ названія, не замѣтно никакого различія между этой и прочими провинціями королевства, и мнѣ кажется, до настоящаго времени то же самое въ Галиціи. Литва и пр. русская провинція; она не можетъ возвратиться къ Польшѣ, потому что это значило бы посягать на цѣлость территоріи имперіи,—примѣръ того, что было испробовано съ Выборгскою губерніею, влечетъ уже за собою до того важныя неудобства, что возможно возвращеніе ея къ имперіи въ собственномъ смыслѣ слова. Исходя изъ этого начала, я вижу, что въ Австріи и Пруссіи существуетъ одна и та же форма, и я не вижу особенной формы для войскъ этихъ провинцій (т.-е. Галиціи и Познани), входящихъ въ составъ остальной арміи. У насъ же для войскъ Литовскаго корпуса существуетъ особая форма; до тѣхъ поръ пока ее носятъ русскіе, это не представляетъ никакого значенія. такъ какъ, какой бы цвѣтъ ни заставили ихъ носить, они останутся русскими; но дѣло обстоитъ иначе съ поляками, въ глазахъ которыхъ этотъ цвѣтъ пріобрѣтаетъ значеніе, клонящееся къ поддержанію въ нихъ надежды, отнынѣ немыслимой, возвратиться къ королевству, отдѣлившись отъ имперіи. Поэтому мой долгъ, какъ честнаго человѣка, ослаблять эту надежду, насколько только могу я, во всякомъ случаѣ не поощрять ея явно, упорствуя при первомъ же представившемся наглядномъ случаѣ (occasion ostensible) въ системѣ, раздѣлять которую не могу. Вотъ, дорогой Константинъ, моя откровенная и прямодушная исповѣдь, какою она была бы передъ Богомъ.

«Вѣрность Литовскаго корпуса была образцовая, и вотъ новое право для васъ на признательность со стороны отечества; но, дорогой Константинъ, мнѣ пріятнѣе тотчасъ же знать, кто недовольные, чѣмъ создавать ихъ, безпрерывно обманывая ихъ неосуществленіемъ надежды. неблагоразумно поддерживаемой и поощряемой. Поляки, разсѣянные въ русскихъ войскахъ, будутъ столь же хорошими солдатами, каковыми они были постоянно; дворяне станутъ служить попреимуществу. быть можетъ, въ королевствѣ, или же не будутъ служить. И вотъ. черезъ двадцать лѣтъ, съ Божьей помощью, этотъ порядокъ вещей смягчится. такъ какъ впечатлѣнія будутъ менѣе непосредственны, менѣе тяжелы.

Если я ошибаюсь, повторяю, я предпочитаю заранѣе знать, на кого я могу полагаться, и честный человѣкъ среди нихъ самихъ отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ» [455].

Насколько искренни были слова императора Николая, что онъ считаетъ себя обязаннымъ быть столь же хорошимъ русскимъ, какъ и хорошимъ полякомъ, можно видѣть изъ просьбы, съ которою обратился въ то время государь къ цесаревичу.

«Позвольте, дорогой Константинъ,—писалъ императоръ Николай 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года,—чтобы въ качествѣ отца я выразилъ вамъ желаніе, котораго вы, тоже какъ отецъ, не отвергнете и, быть можетъ, простите мнѣ мою назойливую нескромность. Я дѣлаю, что могу, чтобы привить моему первенцу привычку къ языкамъ, знаніе которыхъ необходимо для него; поэтому-то, помимо русскаго, онъ знаетъ французскій и нѣмецкій языки настолько, что можетъ говорить на нихъ, и учится польскому и англійскому: необходимо, чтобы въ особенности польскій языкъ былъ, по возможности, настолько же близко знакомъ ему, какъ и русскій; онъ можетъ пріобрѣсти подобную легкость лишь подъ вліяніемъ необходимости и привычки быть обязаннымъ постоянно говорить на немъ. Чтобы достичь этой цѣли, я осмѣливаюсь просить васъ приказать избрать стараго солдата, надежнаго, хорошо знающаго свое дѣло солдата-фронтовика и умѣющаго говорить лишь по-польски. Я желалъ бы, чтобы этотъ ветеранъ состоялъ при моемъ мальчикѣ въ качествѣ дядьки, какъ при немъ уже состоитъ одинъ изъ его здѣшняго полка, который, наблюдая за нимъ въ продолженіе его игръ, въ то же время упражняетъ его и заставляетъ его продѣлывать все, какъ должно. Имѣя съ тою же цѣлью возлѣ себя поляка, онъ, самъ того не подозрѣвая, пріобрѣтетъ привычку говорить по-польски. Простите, что я обращаюсь къ вамъ съ подобною просьбою, и усматривайте въ ней лишь полное довѣріе, съ которымъ я отношусь къ вашей дружбѣ и къ вашимъ милостямъ ко мнѣ и къ моимъ мальчуганамъ» [456].

Что же касается цесаревича, нельзя не замѣтить, что было время, когда онъ по отношенію къ польскому вопросу проводилъ совершенно иную точку зрѣнія, чѣмъ ту, которую онъ защищалъ съ такимъ упорствомъ въ 1826 году и въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ годовъ.

Сообщая въ 1814 году графу В. Ф. Васильеву слухъ, что къ герцогству Варшавскому будутъ присоединены Литва, Подолія и проч., цесаревичъ замѣтилъ: «Кажется, по законамъ нашимъ коренныхъ, родового имѣнія отдавать нельзя», а затѣмъ продолжалъ: «Хотятъ законовъ, а начинаютъ посягательствомъ на уже существующіе. Герцогство Варшавское должно существовать, какъ оно есть, безъ приращеній и должно управляться русскимъ, на русскій образецъ (à la

russe), но составлять отдѣльную часть. Я бы это дѣло взялъ на себя.. Но лучше было бы раздѣлить ее согласно съ прежнимъ раздѣломъ. Сохрани Богъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, производить раздробленіе Россіи. Къ несчастію, мы уже совершили нѣчто подобное въ Финляндіи, являющееся дѣломъ смѣшнымъ въ немалой степени. Какая слава для насъ, что то, чего не могъ сдѣлать непріятель, мы сдѣлаемъ сами; это исторія пеликана навыворотъ (c'est l'histoire du pélican à retours). Такимъ образомъ оказывается, что иногда народи нравятся болѣе, чѣмъ оригиналы» [457].

Но съ тѣхъ поръ, какъ цесаревичъ писалъ эти строки, прошло болѣе десяти лѣтъ, и въ это время онъ долженъ былъ сообразоваться съ волею государя и стоять на стражѣ системы, остроумно названной въ 1814 году исторіею пеликана навыворотъ. Неудивительно, что въ 1826 году цесаревичъ, по прошествіи дѣятельности, продолжавшейся цѣлое десятилѣтіе въ извѣстномъ направленіи, признавалъ уже для себя невозможнымъ отступать назадъ; поэтому онъ упорно отстаивалъ взгляды Александра I, намѣревавшагося сдѣлать изъ поляковъ своихъ венгерцевъ. «Я внутренно убѣжденъ,—писалъ цесаревичъ,—что тѣ, которые хотятъ и любятъ выставлять поляковъ не тѣми, что они есть, воздадутъ имъ должное» [458].

Въ то время, когда процессъ надъ участниками польскихъ тайныхъ обществъ еще не былъ оконченъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику политическаго положенія дѣлъ по отношенію къ польскому вопросу. Онъ писалъ, 26-го февраля 1827 года, барону Дибичу:

«Теперь дѣло въ томъ, чтобы знать, какой исходъ получитъ судъ надъ поляками; публика говоритъ объ этомъ мало; но злонамѣренные ожидаютъ и надѣются найти пищу для критики. Съ этимъ связывается вопросъ о національности, и каждый оттѣнокъ будетъ схваченъ съ поспѣшностью. Это шагъ довольно трудный, потому что онъ послужитъ законной основой для большихъ или меньшихъ надеждъ, которыя могутъ быть дарованы Польшѣ, для большаго или меньшаго удара, нанесеннаго самолюбію Россіи. Этотъ великій польскій вопросъ — камень преткновенія, о который разбилась любовь русскихъ къ императору Александру; мы болѣе чѣмъ ясно почувствовали и увидѣли это во время слѣдствія [459]. Я понимаю лучше, чѣмъ публика, всѣ почти непреодолимыя затрудненія, окружающія нашего монарха, но нужно, чтобы его цѣль заключалась постоянно въ сглаживаніи ихъ, избѣгая ломки, и въ измѣненіи чрезмѣрно большихъ притязаній со стороны метрополіи, не показывая видъ, что онъ какъ бы раздѣляетъ ея воззрѣнія. Это прекрасное дѣло составитъ силу царствованія и послужитъ основой спокойствія будущихъ царствованій» [460].

X.

Междуцарствіе, водворившееся въ Россіи послѣ 19-го ноября 1825 года, было причиною, что если не позабыли о своевременномъ погребеніи тѣла императора Александра, то во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ полновластнаго распорядителя, дѣло затянулось. На запросы, дѣлаемые изъ Таганрога къ цесаревичу, получался отвѣтъ: обратиться за распоряженіями отъ кого слѣдуетъ въ Петербургъ. А между тѣмъ въ столицѣ ожидали повелѣній изъ Варшавы. Въ сущности же не знали, гдѣ находится императоръ, которому присягнула вся Россія; нѣкоторые полагали, что Константинъ Павловичъ выѣхалъ въ Таганрогъ, другіе же были того мнѣнія, что онъ слѣдуетъ въ Петербургъ.

Неопредѣленное положеніе дѣлъ дошло мѣстами до того, что, напримѣръ, къ генералу Михайловскому-Данилевскому, командовавшему въ то время въ Кременчугѣ бригадою, пріѣхалъ отъ корпуснаго командира генерала Рота жандармъ съ циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго, спрашивавшаго, не извѣстно ли бригадному начальству мѣстопребываніе императора Константина, и не проѣзжалъ ли государь въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ объѣхать расположеніе всего третьяго корпуса. «Такимъ образомъ,—пишетъ Данилевскій,—россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи» [461].

Наконецъ, 3-го (15-го) декабря, пятнадцать дней по прошествіи кончины Александра Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна написала князю Волконскому письмо, въ которомъ поручала ему, отъ имени всей семьи, испросить у императрицы Елисаветы Алексѣевны приказанія насчетъ перевозки тѣла почившаго государя, и прибавила: «Je vous réponds, je vous répète, de l'assentiment de l'empereur Constantin».

Просьбу императрицы-матери повторилъ въ письмѣ къ князю Волконскому отъ того же числа великій князь Николай Павловичъ. Онъ писалъ, что, такъ какъ рѣшеніе императрицы можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на князя падаетъ «тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего ангела распоряженій».

«Потому беру я на себя,—продолжалъ Николай Павловичъ,—просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ, разрѣшая напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, а равно и для увѣдомленія, что императрица изволитъ рѣшить относительно отъѣзда, дороги и времени прибытія сюда, равно и что самой государынѣ заблагоразсу-

дится дѣлать, прошу сейчасъ прислать мнѣ увѣдомленіе: всѣ же сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно черезъ меня. Дабы быть всегда извѣстному, какъ о здоровьѣ государыни, такъ и о вашихъ распоряженіяхъ, нужнымъ считаю просить присылать увѣдомленіе, по крайней мѣрѣ, черезъ два дня. Государь предоставилъ мнѣ всѣ по оному распоряженія. Статья важная, и которую сама государыня изволитъ рѣшить, есть—везти ли тѣло отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сіе рѣшить. Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій—повторяю, помните, кого храните, и чей государь онъ былъ! Скорѣе много, чѣмъ мало. Вотъ мое мнѣніе» [462].

Не легко было князю Волконскому исполнить порученную ему тяжелую обязанность и распоряжаться въ Таганрогѣ при столь исключительныхъ и небывалыхъ условіяхъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ совершились извѣстныя событія, междуцарствіе кончилось, и послѣдовало воцареніе императора Николая Павловича. «Здѣсь все затихло,—писалъ государь князю Волконскому, - и Богъ видимо насъ благословилъ; съ Его помощью надѣюсь истребить зло до корня» [463].

29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года) печальная процессія выступила изъ Таганрога и направилась черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу въ Москву. Императрица Елисавета Алексѣевна поручила генералъ-адъютанту графу Василію Васильевичу Орлову-Денисову сопровождать прахъ почившаго императора до Петербурга. Выборъ лица вполнѣ согласовался съ мыслями императора Николая. Въ письмѣ къ князю Волконскому государь высказалъ одно желаніе: Я хочу, чтобъ былъ русскій».

Во время движенія печальнаго шествія по Россіи не было недостатка въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, распространяемыхъ неблагонамѣренными людьми. Въ особенности встревожило начальствующихъ лицъ донесеніе тульскаго гражданскаго губернатора Тухачевскаго отъ 29-го января 1826 года. Онъ писалъ слѣдующее:

«Дошли до меня слухи, что якобы въ Москвѣ есть намѣреніе злодѣевъ въ день вступленія печальной процессіи съ тѣломъ покойнаго государя императора начать грабежи и пепстовства въ сей столицѣ, и что злодѣи сіи будто бы имѣютъ сношеніе съ тульскими оружейниками. Съ моей стороны я не замѣчаю въ городѣ Тулѣ никакихъ признаковъ, чтобы оружейники имѣли злое намѣреніе противъ тишины и спокойствія; но принялъ мѣры строгія безъ малѣйшей огласки къ надзору за всѣми дѣйствіями ихъ и живущихъ въ городѣ иногородныхъ чиновниковъ».

По полученіи графомъ Орловымъ-Денисовымъ свѣдѣній объ этихъ слухахъ, онъ донесъ государю 24-го января изъ г. Мценска, что «съ сего дня, подъ предлогомъ сильно тѣснящагося по городамъ народа,

принялъ я строжайшія мѣры къ совершенной безопасности безцѣннаго праха, при неослабномъ наблюденіи вообще всѣхъ мѣстъ, гдѣ только имѣетъ проходить печальное шествіе, усилилъ посты и предполагаю, въ случаѣ подтвержденія слуховъ, удвоить по возможности конвой.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (декабристъ).

(Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ „Русской Старинѣ" 1886 г.).

Благость Всевышняго, конечно, не допуститъ совершиться предположенію столь гнуснаго событія: но если неисповѣдимымъ судьбамъ Его угодно будетъ наказать россіянъ симъ бѣдствіемъ, смѣю ручаться вашему императорскому величеству, что послѣднія капля крови моей за-

стынетъ у подножія гроба августѣйшаго усопшаго, и черезъ хладный только трупъ мой насильство достичь можетъ дерзновеннаго прикосновенія. Свидѣтель отъ самаго Таганрога до города Орла единодушныхъ усилій всѣхъ сословій, стремящихся съ безпредѣльною ревностью ознаменовать свою приверженность къ вѣнценосцамъ, я съ душевнымъ прискорбіемъ осмѣлился роковымъ предположеніемъ симъ наполнить горестью благотворительное сердце милосердѣйшаго монарха! Исполняя долгъ свой, я твердо уповаю при малѣйшихъ способахъ успокоить ваше величество благополучнымъ выступленіемъ изъ Москвы, которая въ самыя бѣдственныя для Россіи минуты доказала непоколебимость, достойную столицы. Въ случаѣ же крайности и теперь найду сподвижниковъ, ревнующихъ уничтожить мгновенное заблужденіе, достодолжною съ моей стороны предпріимчивостью» [464].

Несмотря на зловѣщіе слухи, въ Тулѣ не произошло ничего предосудительнаго, и самое строгое благочиніе не было ничѣмъ нарушено. Напротивъ того, 31-го января 1826 года, генералъ-адъютантъ Храповицкій (начальникъ 3-й гренадерской дивизіи) доносилъ барону Дибичу:

«Ничто такъ не поразило сопровождающихъ тѣло и всѣхъ свидѣтелей, какъ то, когда уже по окончаніи божественной службы гробъ былъ поставленъ на колесницу, и все уже готово было, чтобъ тронуться шествію, и къ оному подань былъ знакъ, триста или болѣе человѣкъ перекрестясь распростерлись передъ гробомъ и, сдѣлавъ еще два земныхъ поклона, въ неизъяснимой тишинѣ повезли колесницу. Подобные поступки обитателей города Тулы обнадеживаютъ весьма много, что распущенные слухи есть выдумка» [465].

Вступленіе траурнаго шествія въ Москву также совершилось (3-го (15-го) февраля) въ должномъ порядкѣ; населеніе столицы встрѣчало вездѣ тѣло «въ величайшей тишинѣ и съ нарочитымъ умиленіемъ» [466]. Гробъ поставленъ былъ въ Архангельскомъ соборѣ. Но въ виду распространившихся тревожныхъ слуховъ приняты были строгія мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ вечера запирали ворота въ Кремль и у каждаго входа ставили заряженныя орудія. Пѣхота располагалась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада съ осѣдланными лошадьми въ экзерцигаузѣ. Въ городѣ всю ночь ходили патрули. Однако, ни малѣйшаго шума или безпорядка замѣчено не было.

6-го (18-го) февраля, печальное шествіе выступило изъ Москвы.

По прибытіи тѣла къ заставѣ, «ямщики Тверской Ямской свободы и крестьяне Хорошевской волости, испросивъ убѣдительнѣйшими просьбами везти тѣло на себѣ, отвезли оное отъ заставы до подъѣзднаго Петровскаго дворца, у коего оно было переставлено на дорожную колесницу и отправилось въ путь тѣмъ порядкомъ, какимъ шествовало до Москвы» [467].

Между тѣмъ въ Петербургъ начали съѣзжаться представители иностранныхъ державъ, присланные европейскими правительствами для изъявленія своего участія по поводу горя, постигшаго Россію, и для привѣтствія преемника Александра I. По поводу пріѣзда иностранныхъ гостей графъ Лаферронэ писалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, барону Дамасу: «Я знаю изъ вѣрнаго источника, что государь съ искреннимъ неудовольствіемъ взираетъ на прибытіе столь великаго числа принцевъ и важныхъ особъ. Въ минуту, когда важность обстоятельствъ и обширность занятій поглощаютъ все его время, онъ вполнѣ естественно раздраженъ необходимостью удѣлять нѣкоторую часть его на этикетныя суеты, а, сверхъ того, ему можетъ быть непріятно имѣть столько свидѣтелей затруднительнаго положенія, въ коемъ самъ онъ находится»[458].

Въ прибавленіи къ «Русскому Инвалиду» отъ 21-го января 1826 года (№ 21) напечатана была по этому поводу слѣдующая статья:

«Нашимъ читателямъ извѣстно, съ какимъ глубокимъ чувствомъ прискорбія и чуждые намъ народы узнали о кончинѣ незабвеннаго императора Александра. Не мы одни лишились въ немъ великаго государя; слава его принадлежала Европѣ почти столько же, какъ Россіи, ибо она была цѣною избавленія отъ общаго ненавистнаго ига: и въ самые дни мира благодѣтельное вліяніе его могущества распространялось на другія державы, служа и для нихъ надежнымъ залогомъ тишины и устройства. Сіи знаки усерднаго участія въ нашей горести не прерываются. Дворы союзные,—а союзниками Александра были всѣ правительства просвѣщенныя,—кои столь часто изъявляли безпредѣльную довѣренность къ великодушнымъ правиламъ его политики, нынѣ стараются воздать должную честь его священной памяти единодушнымъ изъявленіемъ дружелюбія и уваженія къ августѣйшему преемнику престола его. Между ими первый тотъ, который въ самыхъ смутныхъ обстоятельствахъ не переставалъ въ сердцѣ быть другомъ нашего возлюбленнаго монарха и Россіи, король прусскій, назначилъ своимъ представителемъ въ семъ важномъ случаѣ сына своего, принца Вильгельма. За нимъ вскорѣ прибыли къ императорскому двору связанные съ онымъ узами родства и любви, равно какъ и взаимностію политическихъ выгодъ, наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, маркграфъ Леопольдъ Баденскій, и его королевское высочество принцъ Оранскій, отличенный особенною нѣжною дружбою въ Бозѣ почивающаго императора, и при послѣдней съ нимъ разлукѣ еще осыпанный новыми оной знаками; внезапно пораженный ужасною вѣстію, собственною неизъяснимою горестію и горестію супруги, онъ спѣшилъ въ мѣста, для него освященныя воспоминаніемъ, поклониться драгоцѣнному праху и раздѣлить скорбь съ другими членами сѣтующаго августѣйшаго семейства. Съ порученіемъ отъ импера-

тора австрійскаго, давнишняго, постояннаго союзника нашего отечества и личнаго друга покойнаго государя, здѣсь также принцъ, ближній родственникъ его величества, эрцъ-герцогъ Фердинандъ Эсингскій (д'Есте), прославившій себя въ кампанію 1805 года, а правительство Великобританіи въ истолкователи своихъ чувствъ и намѣреній избрало одного изъ героевъ нашего вѣка, полководца, который при Ватерлоо нанесъ послѣдній ударъ Наполеону, и тѣмъ въ лѣтописяхъ міра присоединилъ имя свое къ имени главнаго освободителя Европы Александра I. По извѣстіямъ, полученнымъ третьяго дня изъ Лондона, дюкъ Веллингтонъ долженъ былъ вскорѣ выѣхать и будетъ въ Санктпетербургѣ, вѣроятно, къ исходу февраля».

Фельдмаршалъ Веллингтонъ прибылъ въ С.-Петербургъ 18-го февраля (2-го марта).

Къ поименованнымъ здѣсь иностраннымъ гостямъ нужно еще присоединить баварскаго фельдмаршала князя Вреде.

Карлъ X, желая засвидѣтельствовать свои дружескія чувства къ Россіи, не замедлилъ также отправить въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго посла, виконта де-Сенъ-При (Saint Priest), прежде служившаго въ Россіи, съ поздравительнымъ письмомъ короля къ императору Николаю; онъ прибылъ сюда въ первыхъ числахъ января 1826 года и былъ принятъ государемъ 8-го (20-го) января, который, обнявъ его, сказалъ: «Позвольте поцѣловать васъ, какъ стараго знакомаго. Избравъ васъ въ настоящемъ случаѣ, король далъ мнѣ новое доказательство своего вниманія и милости ко мнѣ».

«— Я слишкомъ уважаю ваше величество, — замѣтилъ между прочимъ Сенъ-При въ своей привѣтственной рѣчи,—чтобы осмѣлиться вамъ льстить, но достопамятный вашъ образъ дѣйствій въ день 14-го декабря и проявленная вами твердость указываютъ, чего должны ждать отъ васъ враги порядка.

— О, что до этого касается,—отвѣтилъ Николай Павловичъ, — то вы можете положиться на меня. Я думаю, что оказалъ услугу всѣмъ правительствамъ, поступивъ такимъ образомъ; давно пора, чтобы люди эти, стремящіеся лишь къ возбужденію смутъ и возстаній, подверглись наказанію, и должно признаться, что ихъ слишкомъ щадили до сихъ поръ».

Въ бесѣдѣ съ Сенъ-При государь коснулся и усмиренія возстанія на югѣ, въ Черниговскомъ полку, и замѣтилъ: «Я радъ, что они обнаружили свои замыслы; они сами выдали себя и понесутъ заслуженную кару. Меня могутъ убить, это правда; каждый день мнѣ угрожаютъ смертью въ анонимныхъ письмахъ, но никто меня не запугаетъ. Да и въ этомъ случаѣ я получилъ трогательныя выраженія преданности. Народъ русскій покоренъ, и я горжусь тѣмъ, что повелѣваю имъ».

тора австрійскаго, [illegible] союзника нашего отечества и личнаго друга покой[illegible] также принцъ, ближній родственникъ [illegible] прославившій себя въ [illegible] 1805 года, а правительство Великобританіи въ истолкователи [illegible] намѣреній избрало одного изъ героевъ нашего вѣка [illegible] при Ватерлоо нанесъ послѣдній ударъ Наполеону, и [illegible] міра присоединяя свое къ имени [illegible] Александра I. [illegible] стіямъ, полученнымъ [illegible] дюкъ Веллингтонъ долженъ былъ вскорѣ [illegible] Санктпетербургѣ [illegible] къ исходу февраля.

Фельдмаршалъ Веллингтонъ [illegible] Петербургъ 18-го февраля (2-го марта).

Къ поименованнымъ лицамъ [illegible] соединить баварскаго фельдмаршала [illegible]

Карлъ X, желая засвидѣтельствовать [illegible] сіи, не замедлилъ также отправить [illegible] Сентъ-При [illegible] [illegible] чрезвычайнымъ [illegible] [illegible] 29-го января [illegible] [illegible] и милости [illegible]

— Я слишкомъ уважаю [illegible] чимъ Сентъ-При [illegible] своей привязанности [illegible] 14-го декабря и проявленная вами [illegible] отъ васъ [illegible]

— О, что до этого [illegible] вы можете положиться [illegible] [illegible] эти, стремящіеся [illegible] наказаніе, [illegible] [illegible]

Въ бесѣдѣ съ Сентъ-При [illegible] на югѣ, въ Черниговской [illegible] ружили свои замыслы [illegible] жару. Меня могли [illegible] смертью въ [illegible] въ этомъ случаѣ [illegible] родъ русскій [illegible]

Зимній дворецъ и дворцовая набережная въ 1806 году.

Съ акварели Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

Сенъ-При коснулся также европейскаго союза, кого императоръ Александръ былъ до нѣкоторой степени создателемъ и опорой, выразивъ надежду, что король найдетъ въ государѣ ту же поддержку. Императоръ Николай отвѣтилъ:

— Король воздастъ мнѣ справедливость. Основныя начала брата исповѣдуются и мною, и я надѣюсь найти во Франціи столь же вѣрную союзницу, какою она была въ отношеніи его .

Сенъ-При на эти слова государя сказалъ:

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«— Союзъ этотъ такъ естественъ, услуги, оказанныя намъ императоромъ Александромъ, до того живы въ памяти короля и его подданныхъ, что вы можете вполнѣ разсчитывать на насъ. У Франціи и Россіи нѣтъ интересовъ, которые бы взаимно исключались; но не таковы соотношенія прочихъ державъ. Франція, государь, правильнѣе другихъ судила о намѣреніяхъ покойнаго императора въ важномъ вопросѣ, который ваше величество призваны разрѣшить. Король охотно приступитъ ко всѣмъ мѣрамъ, которыя, будучи приняты въ общемъ интересѣ Европы и ограждены отъ всѣхъ частныхъ интересовъ, будутъ направлены къ сохраненію мира и къ удовлетворенію пользы человѣчества».

Императоръ отвѣтилъ на эти слова посла выраженіемъ мыслей, сходныхъ съ тѣми, которыя были имъ уже высказаны ранѣе графу Лаферроиэ.

— Въ настоящую минуту,—сказалъ государь,—я не могу еще заняться внѣшними дѣлами и трудною задачею, завѣщанною мнѣ братомъ. Надо упрочиться внутри, прежде чѣмъ думать о предпріятіяхъ внѣшнихъ, да, сверхъ того, все это для меня слишкомъ ново. Тѣмъ не менѣе, я смѣло ручаюсь вамъ за искренность моего желанія добра, желанія дѣйствовать сообща съ моими союзниками и въ особенности съ королемъ, отъ котораго я получаю столько выраженій драгоцѣннаго для меня участія. Онъ еще недавно далъ мнѣ величайшее доказательство въ томъ, оставивъ здѣсь графа Лаферроиэ. Онъ не могъ сдѣлать ничего, что было бы мнѣ болѣе пріятно».

Во время прощальной аудіенціи, послѣдовавшей 17-го (29-го) января, Сенъ-При не скрылъ отъ государя своихъ опасеній за будущее въ виду всеобщаго стремленія къ преобразованіямъ въ управленіи, необходимость коихъ сознается даже людьми самыми преданными и благоразумными.

— Кому вы это говорите,—прервалъ его императоръ,— кто знаетъ это лучше меня? Въ сущности нельзя помѣшать вещамъ казаться такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, и, быть можетъ, я самъ,—присовокупилъ онъ смѣясь,—въ бытность великимъ княземъ, былъ либераломъ въ этомъ смыслѣ. Но я отличалъ и всегда буду отличать тѣхъ, кто хочетъ справедливыхъ преобразованій и желаетъ, чтобы исходили они отъ законной власти, отъ тѣхъ, кто самъ хотѣлъ бы предпринять ихъ и Богъ знаетъ какими средствами. Все это, мой другъ, очень трудно. Въ концѣ концовъ, я полагаюсь на помощь Провидѣнія, которое такъ видимо покровительствовало намъ доселѣ и которое, надѣюсь, не оставитъ насъ».

Посолъ воспользовался случаемъ, чтобы коснуться восточныхъ дѣлъ.

«— Государь,—началъ онъ,—откровенность, съ которою вы удостоиваете бесѣдовать со мною, вызываетъ и меня на таковую же. Ваше величество знаете сущность переговоровъ, происходившихъ по поводу Гре-

ціи. Одни хотѣли только примирительныхъ попытокъ; другіе сознавали необходимость понудительныхъ мѣръ противъ турокъ, и правительство короля придерживалось въ послѣднее время образа дѣйствій, наиболѣе близкаго видамъ императора Александра, который въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе заслуживалъ такого довѣрія, что онъ принялъ мужественное обязательство не руководиться никакими личными соображеніями, и что никакое реальное приращеніе не явится послѣдствіемъ его предпріятій. И мнѣ нѣтъ надобности настаивать предъ вашимъ величествомъ на необходимости такого ручательства для Европы и въ частности для Франціи».

«— Я приму на этотъ счетъ тѣ же обязательства,— отвѣчалъ императоръ,— вы можете быть въ томъ увѣрены. Я дамъ тѣ же ручательства и заявляю, что всякое приращеніе далеко отъ моихъ мыслей. Но нужно, чтобы союзники мои поддержали меня, чтобы они искренно помогли мнѣ разрѣшить вопросъ, послѣдствія коего могутъ быть столь важны. Если мнѣ въ томъ откажутъ, то я вынужденъ буду дѣйствовать одинъ, и я буду знать тогда, что мнѣ дѣлать».

Послѣднія слова государь произнесъ съ твердостью, обличавшею непреклонную рѣшимость. Николай Павловичъ разрѣшилъ Сенъ-При передать королю, что онъ не хочетъ войны и желалъ бы уговориться съ союзниками, прибавивъ: «Мнѣ нужно согласіе всѣхъ моихъ союзниковъ, безъ исключенія. Впрочемъ, повторяю, я не могу еще заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Съ меня пока довольно, что вы знаете о моихъ чувствахъ и доведете до свѣдѣнія короля, одобреніе котораго всегда мнѣ будетъ дорого. Я говорилъ съ вами съ полною откровенностью потому, что, несмотря на носимый вами синій мундиръ, я не могу отвыкнуть отъ того, чтобы не считать васъ своимъ».

Покидая Россію, Сенъ-При былъ лично очарованъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему императоромъ Николаемъ, и заявленіемъ его, что безкорыстіе Александра I и соглашеніе съ европейскими державами будутъ служить и впредь основаніемъ русской политики. «Во всемъ, что онъ говоритъ,—доносилъ Сенъ-При своему правительству,—звучитъ правдивость и искренность, которыя въ соединеніи съ даромъ слова, съ видомъ, полнымъ благородства и доброжелательства, плѣняютъ и убѣждаютъ. При покойномъ императорѣ достоинства его не имѣли случая выказаться. Онъ былъ занятъ мельчайшими подробностями службы, въ которой проявлялъ строгость, не умножавшую числа его друзей; его держали въ удаленіи отъ дѣлъ; тѣмъ поразительнѣе видѣть его нынѣ на высотѣ важныхъ событій, среди коихъ ему приходится дѣйствовать».

Относительно внутренняго положенія Россіи Сенъ-При высказывалъ взгляды, совершенно сходные съ мнѣніями графа Лаферронэ, на которыя уже выше указано нами. Сенъ-При казалось, что хотя положеніе Россіи не внушаетъ безпокойства въ настоящую минуту, но нельзя не

бояться за будущее въ странѣ, гдѣ существуютъ великія злоупотребленія, гдѣ всѣ ихъ живо сознаютъ и чувствуютъ и почувствуютъ еще сильнѣе, когда уляжется возбужденіе, обыкновенно сопровождающее каждую перемѣну царствованія, и когда дерзкая партія, эксплоатирующая всеобщее недовольство, снова подниметъ поникшую голову. Сенъ-При свидѣтельствуетъ, что въ высшихъ слояхъ общества царитъ общій духъ нововведеній, даже среди людей болѣе благоразумныхъ, друзей порядка; что питается онъ всѣми грѣхами продажной администраціи, которою слишкомъ пренебрегалъ покойный государь, и которую необходимо исправить. «Духъ этотъ, — замѣчаетъ Сенъ-При,—еще не проникъ въ высшіе общественные слои, но не они производятъ революціи, коимъ служатъ только орудіемъ. И безъ того, нѣсколькимъ мятежнымъ офицерамъ едва не удалось совратить солдатъ. Должно надѣяться, что мудрость и твердость императора разстроятъ замыслы бунтовщиковъ. Этого нужно желать, ибо здѣсь революція была бы ужасна. Дѣло шло бы уже не о низведеніи съ престола одного государя для замѣны его другимъ, но весь общественный порядокъ былъ бы поколебленъ въ основаніи, и вся Европа покрылась бы его обломками» [469].

Наконецъ, 28-го февраля (12-го марта), печальная процессія съ тѣломъ императора Александра приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ выѣхалъ навстрѣчу шествію: государя сопровождали изъ прибывшихъ иностранныхъ гостей принцъ прусскій Вильгельмъ и принцъ Оранскій. Здѣсь же находились царскосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне дворцоваго вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь. Выйдя изъ коляски императоръ, приближаясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, поднявшись на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами: съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; государь съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

«1-го (13-го) марта, отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ лейбъ-медикъ Д. К. Тарасовъ.—Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

«— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?

«Я отвѣтилъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ,

чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я при немъ и графъ Орловъ-Денисовъ со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

«Въ 11 съ половиною часовъ вечера, священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые: остались въ ней князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытія гроба я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько перемѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

«По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему. Дежурные всѣ и карауль снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія» [470].

Прусскій генералъ Герлахъ, сопровождавшій сына короля въ Россію, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи въ Царскомъ Селѣ гроба императора Александра присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ. По его разсказу, императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a maigri». Трижды возвращалась она къ гробу и подходила къ тѣлу. Принцъ Вильгельмъ, по свидѣтельству Герлаха, былъ также глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора [471].

5-го (17-го) марта, тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. Здѣсь тѣло императора присутствовавшими при этомъ генералъ-адъютантами изъ прежняго деревяннаго гроба, помѣщавшагося въ свинцовомъ гробѣ, переложено было въ новый великолѣпный гробъ. На другой день, 6-го (18-го) марта, шествіе двинулось изъ Чесменскаго дворца въ С.-Петербургъ. День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ, начиная отъ заставы, слѣдовали императоръ Николай, великій князь Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герцогъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ распущенныхъ шляпахъ и мантіяхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Въ половинѣ второго часа пополудни печальный поѣздъ прибылъ къ Казанскому собору [472]. Здѣсь закрытый уже гробъ императора Александра былъ выставленъ на поклоненіе всѣхъ сословій народа въ продолженіе семи дней.

По свидѣтельству Тарасова, «доложено было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила черть лица».

Мнѣніе, высказанное Д. К. Тарасовымъ въ своихъ запискахъ, вполнѣ расходится со взглядомъ, выраженнымъ княземъ Волконскимъ въ письмѣ изъ Таганрога къ Г. И. Вилламову, значительно ранѣе, а именно еще 7-го (19-го) декабря 1825 года.

Князь Волконскій писалъ:

«Мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы здѣсь; ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго измѣнились, чрезъ нѣсколько времени еще потерпятъ; почему я думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть, о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго».

Въ С.-Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, въ ожиданіи печальныхъ церемоній, распускали нелѣпые слухи: разсказывали, что предположено злоумышленниками поставить четыре бочки съ порохомъ подъ Казанскимъ мостомъ и, когда повезутъ тѣло усопшаго государя, взорвать мостъ; то же самое злодѣяніе будто предполагаютъ исполнить и въ крѣпости. Ходили также не менѣе вздорные слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора. Порядокъ не былъ, однако, нарушенъ, и всѣ опасенія оказались напрасными.

13-го (25-го) марта, въ одиннадцать часовъ, во время сильной мятели, погребальное шествіе по прежнему церемоніалу направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; оно слѣдовало по Невскому, Большой Садовой, мимо Инженернаго, бывшаго Михайловскаго, замка, по Царицыну лугу черезъ Троицкій мостъ. По всему пути разставлены были войска. Въ тотъ же день послѣ литургіи происходило отпѣваніе и погребеніе. Въ три часа началась пальба съ крѣпости и изъ всѣхъ бывшихъ въ строю артиллерійскихъ орудій, а всѣми стоявшими въ строю войсками произведенъ былъ батальный огонь.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

25 Іюля 1826 года.

Виньетка къ «Полярной Звѣздѣ» 1861 г., изданной Герценомъ, съ портретами пяти декабристовъ.

«Симъ,—какъ сказано въ церемоніалѣ,—заключился послѣдній отданный долгъ незабвенному и вѣчной памяти достойному великому государю всероссійскому императору Александру I.

По окончаніи печальнаго обряда, государь съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцами Оранскимъ и Прусскимъ, въ сопровожденіи фельдмаршала герцога Веллингтона и многочисленной свиты, возвратился въ Зимній дворецъ верхомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не призналъ для себя возможнымъ покинуть Варшаву, чтобы раздѣлить горе императорской семьи во время этихъ печальныхъ дней. 16-го (28-го) марта, императоръ Николай писалъ брату: Злополучные дни, предшествовавшіе 13-му числу, почти лишили меня всѣхъ моихъ способностей, физическихъ и духовныхъ, и только лишь со вчерашняго дня я вздохнулъ нѣсколько» [473].

«Я прекрасно понимаю, дорогой братъ,—отвѣчалъ Константинъ Павловичъ,— состояніе, въ которомъ вы должны были находиться въ періодъ времени, предшествовавшій ужасному дню 13-го числа. Я живо раздѣляю его издалека, гдѣ нахожусь: да будетъ воздано благодареніе Всевышнему, что вся наша семья перенесла его бодро и съ покорностью судьбѣ, и что останки нашего дорогого и безсмертнаго императора покоятся въ мирѣ» [474].

Печаль императора Николая была искренняя и глубокая, и она не разъ выразилась въ прочувствованныхъ строкахъ къ брату. Однажды онъ писалъ цесаревичу:

«Вообще вы не повѣрите, или, вѣрнѣе, вы мнѣ повѣрите, какое тяжелое ощущеніе испытываешь здѣсь; все въ его комнатѣ осталось, какъ было въ его время: его шляпа, его перчатки, его эполеты, платки и проч.— все рѣшительно, какъ будто онъ самъ долженъ находиться здѣсь; каждое мгновеніе ищешь его, каждое мѣсто до такой степени напоминаетъ его, что часто можно забыться; но зато и моментъ ужаснаго пробужденія отъ этой иллюзіи невыносимъ» [475].

19-го марта 1826 года, въ воспоминаніе того памятнаго дня, въ который россійскія и союзныя намъ войска, подъ предводительствомъ императора Александра, вступили въ Парижъ, передъ Зимнимъ дворцомъ происходилъ большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса; они два раза проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо государя. Иностранные гости, съѣхавшіеся въ С.-Петербургъ къ похоронамъ императора Александра, присутствовали на этомъ парадѣ. Прекрасная погода благопріятствовала торжеству; всѣ дома, площади, балконы, Адмиралтейскій бульваръ и тротуары съ ранняго утра наполнены были безчисленнымъ множествомъ зрителей.

Въ этотъ же день императоръ Николай увѣковѣчилъ подвигъ, совершенный Александромъ въ 1814 году, отдавъ по россійскимъ арміямъ слѣдующій приказъ:

«Въ манифестѣ 30-го августа 1814 года благоугодно было въ Бозѣ почивающему государю императору Александру Первому, предавая въ потомство достославныя происшествія войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, между прочими памятниками постановить, дабы въ ознаменованіе признательности къ побѣдоносному воинству, въ сей брани подвизавше-

муся, учреждена была особенная медаль съ изображеніемъ на оной года и числа вступленія въ Парижъ.

«Сей святой обѣтъ того, котораго Россія вѣчно оплакивать будетъ, принялъ я въ наслѣдіе, и при первомъ наступленіи 19-го марта въ мое царствованіе я вмѣняю себѣ въ обязанность исполнить, и для сего повелѣваю: медаль съ изображеніемъ, для нея предназначеннымъ, распредѣлить въ награду всѣмъ тѣмъ воинамъ, кои по 19-е марта 1814 года въ дѣйствующихъ войскахъ состояли:

«Симъ исполняя волю, всегда для меня священную, довершаю завѣтъ отца-государя храброму его воинству, коего мужество и вѣрность непоколебимая утвердили миръ въ Европѣ, пріобрѣли незабвенную славу имени русскому, снискали себѣ признательность отца отечества, и за дверію гроба чрезъ меня ихъ благословляющаго».

Серебряная медаль, установленная въ память совершеннаго русскимъ воинствомъ подвига, была украшена изображеніемъ императора Александра I, озаряемымъ лучами, истекающими изъ ока Провидѣнія, и съ надписью на другой сторонѣ: За взятіе Парижа, 19-го марта 1814 года. Эту медаль повелѣно было носить на лентѣ, раздѣленной вдоль надвое: одна полоса Андреевскаго, а другая — Георгіевскаго ордена [476].

Уже наканунѣ парада государь приказалъ раздать въ полкахъ эти медали, которыя, по свидѣтельству современника, выбиты были еще по повелѣнію императора Александра, но «не были розданы по его всегдашней привычкѣ лавировать, чтобы никого не обидѣть». Генералъ-адъютантъ Дибичъ нѣсколько разъ напоминалъ императору Александру о сихъ медаляхъ, но всякій разъ государь отмалчивался. «Конечно, тому была причина — извѣстная скромность Александра, не желавшаго медалями оскорбить честолюбіе французовъ, — пишетъ Михайловскій-Данилевскій.—И онъ, подобно македонскому герою, хотѣлъ, чтобы его хвалили въ Аѳинахъ!»

Посылая цесаревичу Константину Павловичу медаль 1814 года, императоръ Николай писалъ брату:

«Вотъ медаль, которую нашъ ангелъ обѣщалъ, и которую онъ не имѣлъ времени раздать. Такимъ образомъ, это долгъ по отношенію къ арміи, который я вмѣнилъ себѣ въ обязанность отдать въ память нашего очаровательнаго ангела: не откажите принять эту медаль; она лежала на его гробѣ, и какъ будто исходитъ отъ него самого! Все, что напоминаетъ или имѣетъ отношеніе къ нему,—вещь священная, и мы не можемъ въ достаточной степени будить воспоминаніе о немъ въ тѣхъ, которые обязаны ему своею славою и своимъ счастьемъ. Это защита, которою слѣдуетъ прикрываться, и комнасъ для насъ, его братьевъ, чтобы поступать, какъ честные люди (en gens de bien)» [477].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

XI.

Какъ только необычайныя событія, сопровождавшія воцареніе императора Николая, дали новому государю возможность вникнуть въ иностранную политику. Восточный вопросъ долженъ былъ, прежде всего, привлечь къ себѣ полное вниманіе преемника Александра.

Послѣ неудовлетворительнаго исхода петербургской конференціи, собранной для умиротворенія Востока, императоръ Александръ объявилъ, что онъ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствовать, какъ сочтетъ нужнымъ, помимо союзниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ графу Нессельроде спросить мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей при иностранныхъ державахъ. Въ семъ неопредѣленномъ положеніи находились восточныя дѣла, когда изъ Таганрога распространилась печальная вѣсть о внезапной кончинѣ Александра I-го.

Отвѣты нашихъ пословъ на циркулярное предложеніе графа Нессельроде суждено было прочесть уже не творцу Священнаго союза, но императору Николаю. Самый замѣчательный изъ нихъ принадлежитъ Поццо-ди-Борго. По словамъ Ковалевскаго (Егора Петровича), въ депешѣ посла при французскомъ дворѣ отразился весь свѣтлый умъ этого дипломата. «Какъ соколъ, спущенный наконецъ съ руки охотника, онъ понесся прямо и неудержимо къ цѣли; съ высоты, недосягаемой для другихъ, окинулъ онъ поле дѣйствія и, указывая на враговъ, поражалъ ихъ перомъ своимъ. Онъ писалъ, что Россія въ томъ положеніи, въ которомъ заявила себя передъ Европой, уклонившись отъ нея и предоставивъ себѣ полную свободу дѣйствій, конечно, поставитъ ее въ недоумѣніе, но это только на первое время. Европейскія державы, руководимыя княземъ Меттернихомъ, проникающимъ во всѣ тайны кабинетовъ путями темными, ему одному доступными, скорѣе поймутъ настоящее значеніе «нашей свободы дѣйствій»; если она, хотя временно, обратится въ бездѣйствіе, онѣ будутъ очень довольны имъ и постараются воспользоваться обстоятельствами, чтобы отучить Европу обращаться за разрѣшеніемъ международныхъ вопросовъ къ Россіи. А что однажды утрачено, то нелегко возвращается. Положеніе наше на материкѣ не то, что Англіи на острову; при томъ же у нея есть и другіе пути преобладанія—ея богатства, торговля, узаконенія, соблазняющія другіе народы. У насъ только одна сила матеріальная. Нужно, чтобы негодованіе наше противъ союзниковъ выразилось не однимъ пассивнымъ молчаніемъ, но и мѣрами болѣе существенными»[478].

Выражая затѣмъ радость по поводу временнаго разрыва Россіи съ союзомъ, Поццо-ди-Борго высказываетъ мнѣніе, что этотъ союзъ принесъ существенную пользу для другихъ, но не для насъ.

Англія, пользуясь затишьемъ, охраняемымъ союзниками, не только устроила и умиротворила взволнованное и потрясенное состояніе страны, но успѣла развить свою промышленность и торговлю до того, что не только уплатила значительную часть изъ несмѣтныхъ долговъ, но опять стала изобиловать накопившимися капиталами. Австрія никогда не стѣсняется обязательствами союза, когда рѣчь идетъ о ея матеріальныхъ пользахъ, или не задѣты ея политическія цѣли. Священный союзъ служилъ ей щитомъ отъ внутреннихъ потрясеній и внѣшнихъ враговъ; пользуясь только имъ, она пріобрѣла такое сильное вліяніе въ Европѣ, которое рушилось, какъ скоро отклонился отъ нея главный союзникъ. Пруссія также воспользовалась поддержкою союза; оставаясь въ сторонѣ отъ пожертвованій, которыя союзъ требовалъ отъ другихъ, она успѣла залѣчить раны, нанесенныя кровопролитною и продолжительною войною, и совершить свои обширныя и общеполезныя реформы внутри государства. Что же касается Франціи, то союзъ ей напоминаетъ времена ея униженія; она охотно оставила бы его, но слабость и нерѣшительность кабинета и двора не дозволяютъ ей слѣдовать самостоятельной политикѣ [479].

По справедливому замѣчанію Ковалевскаго, если Поццо-ди-Борго не говоритъ, что Россія, стоявшая въ послѣднее десятилѣтіе на стражѣ спокойствія Европы въ полномъ вооруженіи, такъ дорого ей стоившемъ, не только не извлекла никакой пользы отъ этого союза, какъ ясно показали турецкія дѣла, но возбудила явное негодованіе народовъ и скрытую зависть правительствъ, если Поццо-ди-Борго не высказываетъ этой мысли, то ясно даетъ ее понять.

Въ заключеніе дипломатъ нашъ обращается къ мѣрамъ, которыя Россія обязана принять для возстановленія достоинства, правъ и интересовъ, попранныхъ насиліемъ Турціи. Онъ предлагаетъ представить Портѣ ультиматумъ, назначивъ самый короткій срокъ для отвѣта, а въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи нашихъ требованій двинуть войска въ княжества и выгнать оттуда турокъ. Поццо-ди-Борго приходитъ къ заключенію, что ни одна изъ европейскихъ державъ не заинтересована достаточно и не приготовлена къ тому, чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ насъ открыто, за исключеніемъ Австріи, которая приметъ дипломатическія мѣры для удержанія нашихъ войскъ отъ перехода черезъ Прутъ; можетъ быть, она приступитъ даже къ вооруженіямъ, а потому Поццо совѣтуетъ, оставивъ на Дунаѣ обсерваціонный корпусъ, быть наготовѣ на юго-западной границѣ, чтобы ринуться всѣми силами на Габсбургскую монархію и сразу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Турціи. Но онъ заранѣе предсказываетъ, что вѣнскій кабинетъ не допуститъ до этого и ограничитъ свои враждебныя дѣйствія интригами и нравственной поддержкой или тайной помощью

Турціи, что, конечно, не принесетъ Портѣ существенной пользы противъ такого врага, какъ Россія.

Императоръ Николай усвоилъ себѣ воззрѣнія, высказанныя Поццо-ди-Борго, вполнѣ согласовавшіяся съ его собственнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, и остановился на рѣшеніи провести рѣзкую грань между расирею собственно Россіи съ Оттоманской Портой и греческимъ дѣломъ.

«Ни декабрьскіе дни 1825 года, ни собственное личное настроеніе юнаго государя не могли допустить мысли о сочувствіи его какому бы то ни было народному возстанію или революціонной вспышкѣ. Но Николай Павловичъ понялъ громадную силу стихійнаго стремленія своего народа на помощь къ избиваемымъ турками единовѣрцамъ и усмотрѣлъ неотложную необходимость уважить это стремленіе, направить его твердою рукою и потому итти по пути, намѣченному покойнымъ его братомъ» [480].

Предположенія графа Лаферронэ вполнѣ оправдались; онъ писалъ въ Парижъ:

«Восточный вопросъ несомнѣнно будетъ возбужденъ въ скоромъ времени, и нынѣ трудно предположить, чтобы онъ не сопровождался иными послѣдствіями, чѣмъ тѣ, на которыя можно было разсчитывать при императорѣ Александрѣ. Пусть намѣренія остаются тѣ же, заявленія будутъ согласны съ тѣми, что были намъ сдѣланы прежде; но положеніе слишкомъ различно, чтобы новый императоръ могъ въ точности слѣдовать по стопамъ своего предшественника».

Между тѣмъ Каннингъ началъ обнаруживать склонность къ совмѣстному дѣйствію съ Россіею въ греческомъ вопросѣ. Намѣтивъ себѣ подобную цѣль, Каннингъ рѣшился предложить чрезвычайное посольство въ Россію по случаю кончины Александра I-го герцогу Веллингтону, русскому фельдмаршалу, лично извѣстному императору Николаю, который пользовался радушнымъ пріемомъ и руководствомъ знаменитаго полководца во время своего пребыванія въ Лондонѣ въ 1816 году. Хотя Веллингтонъ не раздѣлялъ политическихъ убѣжденій главы кабинета виговъ, но принялъ, тѣмъ не менѣе, сдѣланное ему предложеніе ради самой его цѣли и изъ желанія отдать послѣдній долгъ праху императора Александра, къ которому онъ питалъ глубокую привязанность.

Герцогъ Веллингтонъ прибылъ въ Петербургъ 18-го февраля (2-го марта) и съ самаго вступленія на русскую почву окруженъ былъ самымъ изысканнымъ вниманіемъ. На границѣ онъ былъ встрѣченъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ Петербургѣ для него отведено было помѣщеніе во дворцѣ. Въ первой же аудіенціи, данной фельдмаршалу, онъ имѣлъ случай убѣдиться, что «императоръ руководится своимъ собственнымъ умомъ», и что «въ русскомъ министерствѣ нѣтъ лицъ, которыя могли бы на него вліять».

20-го февраля (4-го марта) императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

Веллингтонъ находится здѣсь съ четверга, очень старый и разбитый. При первомъ же свиданіи онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что облеченъ особымъ порученіемъ со стороны своего правительства— предложить мнѣ вдвоемъ, Россіи и Англіи, покончить съ греческимъ вопросомъ; я притворился изумленнымъ и далъ ему свободу высказаться, послѣ

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка.

(Съ гравированнаго портрета Аѳанасьева).

чего объяснилъ ему, что могу принять то, что онъ говорилъ, какъ совершенно новый вопросъ; что же касается интересовъ Россіи въ отношеніи Порты, однимъ словомъ нашихъ претензій, въ виду рѣшенія, принятаго его величествомъ императоромъ, прервать всякіе дальнѣйшіе переговоры или сношенія съ дворами, неприкосновенными къ этому дѣлу, то я, конечно, не могу или что либо измѣнить въ этомъ, или же погрѣшить передъ памятью нашего ангела, или передъ своимъ словомъ, уклонившись отъ образа дѣйствій, котораго онъ, такъ сказать, завѣщалъ мнѣ

держаться; что такимъ образомъ я смотрю на это, какъ на свое частное дѣло, и надѣюсь окончить его съ Божьею помощію одинъ; что во всемъ этомъ рѣчь идетъ не о грекахъ, на которыхъ все время, пока только будетъ существовать Оттоманская имперія, я буду смотрѣть, какъ на ея возмутившихся подданныхъ.

«Онъ отвѣчалъ, что прекрасно понимаетъ меня и признаетъ за мною право покончить съ этими господами, но что порученіе, которымъ онъ облеченъ, касается исключительно греческаго дѣла. что черезъ нѣсколько дней онъ въ подробностяхъ ознакомитъ меня со своими инструкціями и предложеніями, но что въ основу всего онъ ставитъ принципъ, что мы — державы, дружественныя туркамъ, не имѣющія ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ претензій къ нимъ. На это я замѣтилъ ему, что, какъ мнѣ кажется, онъ плохо освѣдомленъ о положеніи вещей, потому что наши претензіи не только не устранены, но что вотъ уже четыре года, какъ онѣ въ такомъ положеніи. Онъ, казалось, былъ удивленъ услышаннымъ и оборвалъ разговоръ.

«Я приказалъ Нессельроде послать вамъ полный очеркъ всего Восточнаго вопроса, который въ подробностяхъ покажетъ вамъ положеніе дѣла. Нужно непремѣнно поговорить объ этомъ, и я убѣдился и рѣшился наконецъ твердо заговорить съ ними: я сомнѣваюсь, что это окажется бы дѣйствительнымъ, но, если насъ не послушаютъ, я рѣшилъ приказать занять княжества, ни одной ногой не ступая на турецкую территорію. Мы лишь съ трудомъ сдерживаемъ сербовъ, и если это продолжится, произойдетъ открытый мятежъ» [481].

Начатые Веллингтономъ личные переговоры съ государемъ затѣмъ продолжались, при чемъ Николай Павловичъ спросилъ фельдмаршала, какъ ему вести бесѣду: «en diplomate» или «en ami». Веллингтонъ избралъ послѣдній способъ, выразивъ надежду, что его величество выскажетъ откровенно свои мысли и дозволитъ своему собесѣднику высказаться также вполнѣ свободно. Обмѣнъ мыслей на этой почвѣ привелъ къ заключенію Петербургскаго протокола, подписаннаго, 23-го марта (4-го апрѣля) 1826 года, графомъ Нессельроде, княземъ Ливеномъ и герцогомъ Веллингтономъ. Протоколъ установилъ соглашеніе между Англіею и Россіею съ цѣлью примиренія Порты съ греками. Условія примиренія поставлены были слѣдующія: Порта удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціею, которая платитъ ей однажды навсегда опредѣленную дань; турецкія земли въ Морѣ и въ Архипелагѣ отходятъ къ грекамъ за извѣстный выкупъ; Греція должна управляться властями, избранными самимъ народомъ и утвержденными Портой, но пользуется независимостью внутренняго управленія, свободою совѣсти и торговли.

Въ протоколѣ рѣшено было, что, если предложенное посредничество не будетъ принято Турціею, то все-таки Россія и Англія будутъ дер-

жаться установленнаго между ними соглашенія, какъ основанія для примиренія Порты съ греками, которое должно совершиться при ихъ участіи общемъ или единоличномъ, пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами для воздѣйствія путемъ своего вліянія на обѣ стороны, съ цѣлью привести ихъ къ примиренію на упомянутыхъ основаніяхъ. Постановлено было также, что протоколъ имѣетъ быть сообщенъ дворамъ: Вѣнскому, Парижскому и Берлинскому.

Петербургскій протоколъ былъ первымъ дипломатическимъ актомъ, совершеннымъ въ царствованіе императора Николая Павловича; онъ пріобрѣлъ значеніе всемірной важности, потому что соглашеніе, подписанное 23-го марта, послужило краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи изъ-подъ мусульманскаго ига.

Во время переговоровъ съ герцогомъ Веллингтономъ императоръ Николай не скрылъ отъ фельдмаршала, что Оттоманской Портѣ повелѣно предъявить ультиматумъ. Дѣйствительно, 24-го марта (5-го апрѣля) 1826 года, Россія потребовала въ Константинополѣ отъ Порты исполненія слѣдующихъ трехъ пунктовъ. Порта должна была: 1) вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ, опредѣленный въ договорахъ и существовавшій до 1821 года, когда вслѣдствіе волненій въ княжествахъ она произвела односторонніе и противорѣчащія трактатамъ перемѣны; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ, задержанныхъ въ Константинополѣ, и даровать сербскому народу всѣ тѣ преимущества, которыя выговорены въ его пользу 8-ю статьею Бухарестскаго трактата, и 3) отправить своихъ уполномоченныхъ къ русской границѣ для возобновленія переговоровъ, веденныхъ барономъ Строгановымъ съ 1816 по 1821 годъ по поводу русско-турецкихъ отношеній, и для заключенія новаго соглашенія, которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей.

Оттоманская Порта въ ту пору никакъ не ожидала столь рѣшительнаго шага со стороны Россіи, и требованія императора Николая застали ее врасплохъ; въ Турціи полагали, что внутреннія затрудненія не дадутъ государю возможности думать о внѣшней войнѣ, а вдругъ грозный ультиматумъ заставилъ встрепенуться совѣтниковъ султана. Князь Меттерних, обрадованный тѣмъ, что императоръ Николай разграничилъ русско-турецкій вопросъ отъ греческаго, предписалъ австрійскому интернунцію въ Константинополѣ, барону Оттенфельсу, совѣтовать Портѣ смириться и удовлетворить требованія, предъявленныя Петербургскимъ кабинетомъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали представители и другихъ европейскихъ державъ [482]. Турція вняла добрымъ совѣтамъ и уступила требованіямъ Россіи, а затѣмъ, 1-го (13-го) іюля 1826 года, открыты были переговоры между русскими и турецкими уполномоченными, которые съѣхались въ пограничномъ городѣ Аккерманѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уполномоченными назначены были съ нашей стороны новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ и тайный совѣтникъ Рибопьеръ, а со стороны турокъ—Мегмедъ-Гади и Ибрагимъ-Афетъ.

Извѣстіе о заключеніи Петербургскаго протокола встрѣчено было княземъ Меттернихомъ менѣе сочувственно, чѣмъ русскій ультиматумъ; онъ былъ внѣ себя отъ негодованія и заявилъ нашему послу Татищеву: «Континентальный союзъ, на которомъ покоились тишина и благоденствіе Европы, пересталъ существовать». Затѣмъ Меттернихъ тщетно старался поколебать рѣшимость императора Николая и запугать его тѣмъ, что покровительство, оказываемое освобожденію Греціи, потворствуетъ революціи. Всѣ инсинуаціи и обвиненія австрійскаго канцлера, направленныя противъ ненавистнаго ему Каннинга, также не произвели ожидаемаго дѣйствія [483]. Государь продолжалъ съ твердостью итти по намѣченному пути и заявилъ австрійскому послу въ Петербургѣ, графу Лебцельтерну, не только о своемъ желаніи утвердить «великій союзъ», но прибавилъ: «Вы можете смѣло увѣрить его императорское величество, что какъ только онъ будетъ нуждаться въ моей помощи, силы мои будутъ постоянно въ его распоряженіи, какъ то было при покойномъ братѣ. Императоръ Францъ всегда найдетъ во мнѣ усерднаго и вѣрнаго союзника и искренняго друга».

Но всѣ заявленія императора Николая о незыблемости «великаго союза» не успокоили разгнѣваннаго князя Меттерниха; онъ продолжалъ упорствовать въ своей дипломатической оппозиціи новому теченію, приданному государемъ восточнымъ дѣламъ, стараясь по мѣрѣ силъ вредить политическимъ начинаніямъ Россіи.

Воззрѣнія князя Меттерниха нашли себѣ поддержку и отголосокъ въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ по поводу новой восточной политики Россіи. Онъ писалъ государю:

«Все, что вамъ сказалъ фельдмаршалъ Веллингтонъ о греческомъ вопросѣ, нисколько не удивило меня, и я заранѣе былъ увѣренъ, что въ этомъ и заключалась дѣйствительная цѣль его путешествія. Я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю данныхъ, которыя вы обѣщали мнѣ, дорогой братъ, и которыя графъ Нессельроде долженъ прислать мнѣ; во всякомъ случаѣ турецкій вопросъ и наше положеніе въ отношеніи турокъ—вещь щекотливая и изъ крайне сложныхъ. Я не оспариваю, что покойный императоръ при своей довѣрчивости былъ жестоко обманутъ и проведенъ образомъ дѣйствій нашихъ друзей, какъ вы называете ихъ;..... помимо того, онъ хотѣлъ казаться таковымъ, но въ сущности я не могу допустить этого, и я много разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ такія вещи, которыя доказывали обратное. Покойный

28 Генваря 1826. Варшава

Monseigneur

J'ai l'honneur de présenter à Votre Altesse Impériale les premières révélations du Sous-Lieutenant Bestoujeff, il faut espérer que les questions que j'ai mises dans le comité nous éclaireront sur les affiliations que les traîtres paroissent avoir eu aussi dans les provinces Slaves. Les premières demandes faites par le Général Lewacheff sont restées après l'envoi du criminel, revenu après de la suite dans les questions que j'ai leur fait malheureusement le nombre des complices augmente; mais ne trouvant les complices ne paroissent pas encore avoir eu aucune influence celle sur la troupe. Sa Majesté l'Empereur a l'attention d'envoyer demain aux Feldjäger à Votre Altesse Impériale et par elles prier Sa Majesté d'envoyer par la lettre par cette estafette ordinaire.

Daignez Monseigneur agréer les sentimens de la plus profonde obéissance et de l'entier dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être

Monseigneur

De Votre Altesse Impériale

St Petersbourg
ce 20 Janvier
1826.

le très-humble et très obéissant serviteur
Dibitsch

ПИСЬМО И. И. ДИБИЧА КЪ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

императоръ былъ доволенъ подобнаго рода направленіемъ дѣла, чтобы такимъ образомъ получить возможность избѣгнуть необходимости имѣть дѣло съ турками, потому что одно занятіе княжествъ, даже безъ нарушенія неприкосновенности турецкой территоріи, само по себѣ является враждебнымъ дѣйствіемъ въ отношеніи ихъ, и оно, несмотря на всѣ увѣренія, которыми обставили бы эвакуацію послѣ удовлетворенія всѣхъ неудовольствій, повлекло бы за собою страшное пробужденіе и сотрясеніе во всей Европѣ; почитайте нѣсколько то, что уже пишутъ объ этомъ во всѣхъ либеральныхъ газетахъ, французскихъ и нѣмецкихъ, и высказываемое ими желаніе, чтобы вы заняли княжества,—это служитъ недвусмысленнымъ доказательствомъ того, что за этимъ скрывается что либо болѣе серьезное, и что выжидаютъ, чтобы вы сдѣлали этотъ шагъ, вслѣдствіе котораго въ Европѣ разразится Богъ вѣсть какое событіе, повторяю, болѣе чѣмъ серьезное, и, вотъ вмѣсто того, чтобы всецѣло располагать собою для противодѣйствія тому, что произойдетъ въ Европѣ, вы увидите свои силы парализованными, и вотъ на что они разсчитываютъ для своего успѣха. Помимо того, къ чему васъ приведетъ занятіе княжествъ, и въ чемъ заключается цѣль, которой вы хотите достигнуть? Стѣснятъ ли васъ то небольшое количество турецкихъ войскъ, которое находится тамъ? Я не думаю этого. Для того ли, чтобы возстановить вашу торговлю на Черномъ морѣ? Или для того, чтобы тѣмъ испугать турокъ? Я не думаю, чтобы вы могли достигнуть этой двойной цѣли, потому что при существованіи этихъ двухъ предположеній вы постоянно будете имѣть противъ себя англичанъ; я допускаю, что ваша торговля на Черномъ морѣ возродится и распространится до Константинополя,—достигнете ли вы этимъ вашей цѣли? Не думаю, потому что англичане закроютъ выходы въ Архипелагъ, надъ которымъ они владычествуютъ, такъ какъ ничто не можетъ помѣшать имъ въ этомъ. Что касается турокъ, то они не столь страшны, какъ это думаютъ; въ дѣйствительности они фанатики и, слѣдовательно, настойчивы и усмотрятъ въ этомъ, что то, чего они опасались, какъ разъ случилось, и будутъ думать, что ихъ хотѣли обмануть; ихъ будутъ поддерживать въ этой мысли наши друзья, и, несмотря на свою слабость, они будутъ твердо держаться; поэтому я не думаю, что цѣль, которую вы ставите себѣ, будетъ достигнута. Помимо того, я увѣренъ, что разъ княжества будутъ заняты, вы увидите въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ, который произведетъ тамъ болѣе дѣйствительную оккупацію и который уничтожитъ послѣдній выходъ для торговли, который имѣется у насъ, и кто можетъ знать, что Карлъ-Іоаннъ не будетъ увлеченъ ими къ какимъ либо враждебнымъ мѣропріятіямъ; поэтому-то необходимо, чтобы вы усилили ваши сухопутныя войска со стороны Финляндіи, и менѣе чѣмъ тремя или четырьмя дивизіями пѣхоты вамъ нельзя будетъ обой-

тись вслѣдствіе протяженія береговъ, на которые англичане, гдѣ имъ вздумается, могутъ высадить шведскія войска. Вотъ четыре дивизіи; въ Грузіи у васъ ихъ двѣ, одна въ Крыму и шесть, которыя вы предназначаете для занятія княжествъ: итакъ, тринадцать дивизій въ расходѣ, а остальное останется для наблюденія за Европой. Вы мнѣ пишете, кромѣ того, что ваши финансы въ неудовлетворительномъ положеніи; какъ же вы хотите тогда начать военныя дѣйствія, разъ для веденія войны нужны деньги, деньги и деньги, и, конечно, ужъ не въ княжествахъ вы найдете ихъ? Помимо того, я слышалъ это отъ покойнаго императора, державшагося принципа, что все вниманіе должно быть обращено въ сторону Европы, и что если она спокойна, можно оставаться спокойными, и что пушечный выстрѣлъ, сдѣланный по туркамъ, перевернетъ вверхъ дномъ всю Европу. Я прибавлю къ этому то, что покойный Уваровъ говорилъ постоянно покойному императору, что начать войну—въ его власти, но что окончить ее зависитъ отъ обстоятельствъ и событій, а я не думаю, чтобы его можно было заподозрѣть въ боязливости или трусости, такъ какъ онъ далъ доказательства самой блестящей храбрости. Вотъ мои убѣжденія, дорогой братъ, такія, каковы они у меня въ сердцѣ и умѣ; я предаю вамъ ихъ всецѣло, дѣлайте съ ними, что вамъ угодно, и, несмотря на свои взгляды, я готовъ дѣйствовать и исполнять ваши приказанія, отстранивъ всякія разсужденія, и какъ будто бы объ этотъ не было и рѣчи» [484].

XII.

1826-му году можетъ быть дѣйствительно присвоено названіе похороннаго года. Едва предали землѣ тѣло императора Александра I, какъ приходилось уже готовиться къ неизбѣжной кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны; между тѣмъ еще смертельно заболѣлъ Карамзинъ.

Простуда, которой подвергся исторіографъ въ день 14-го декабря, роковымъ образомъ отозвалась на его здоровьѣ. «Говорятъ мнѣ, и самъ чувствую, что хорошо было бы мнѣ удалиться отсюда лѣтомъ, даже необходимо для совершеннаго выздоровленія, но куда и какъ?—писалъ Карамзинъ 22-го марта И. И. Дмитріеву.—Наши способы? Мой характеръ? Александра нѣтъ. Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же, и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь въ духѣ и не ропщу. Не могу говорить съ живостію: задыхаюсь. Брожу по комнатѣ; читаю много; имѣю часто сладкія минуты въ душѣ: въ ней бываетъ какая-то тишина неизъяснимая и несказанно пріятная».

Наконецъ медики признали для Карамзина полезнымъ пребываніе во Флоренціи; тогда онъ обратился къ государю съ письмомъ, прося «смиренно» мѣсто резидента во Флоренціи. «Безъ нескромности, кажется, могу сказать, что имѣю понятіе о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ державамъ европейскимъ, и не хуже другого исполнилъ бы эту должность», — прибавилъ Карамзинъ.

6-го апрѣля 1826 года, Карамзинъ получилъ милостивое письмо отъ императора Николая, въ которомъ государь, между прочимъ, писалъ:

«Вамъ надо ѣхать въ Италію,—вотъ что говорятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, то-есть покойнѣйшій, какъ туда доѣхать: моремъ ли до Италіи или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто во Флоренціи еще не вакантно, но россійскому исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особо флорентійской. Словомъ, я прошу васъ, не безпокойтесь объ этомъ, и, хотя мнѣ въ угожденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку».

Въ началѣ мая Карамзинъ переселился въ Таврическій дворецъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе, чтобы дать возможность больному пользоваться свѣжимъ воздухомъ въ саду. Съ каждымъ днемъ исторіографу становилось, однако, хуже; скоро доктора признали положеніе его безнадежнымъ. Друзья и въ числѣ ихъ В. А. Жуковскій поспѣшили похлопотать гдѣ слѣдуетъ, и 13-го мая Карамзинъ былъ обрадованъ слѣдующимъ рескриптомъ государя:

«Николай Михайловичъ!

«Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро возвратились къ намъ съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время и за покойнаго государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете своею жизнію какъ гражданинъ, своими трудами, какъ писатель. Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною

только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Александра. Желаю, чтобъ путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

«Николай».

«Указъ г. министру финансовъ.

«Исторіографу Россійской имперіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Карамзину, отъѣзжающему за границу, повелѣваемъ производить отнынѣ по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна женѣ его, а по смерти ея также сполна ихъ дѣтямъ — сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ».

15-го мая, Карамзинъ дрожащею рукою выразилъ государю свою признательность въ благодарственномъ письмѣ. Это было послѣднее произведеніе его несравненнаго пера,—пишетъ Погодинъ.

22-го мая (3-го іюня) 1826 года, страданія Карамзина кончились; онъ умеръ во второмъ часу пополудни.

На другой день пріѣхалъ императоръ Николай почтить покойнаго и, подойдя къ гробу, залился слезами. 25-го мая, происходило погребеніе въ Невской лаврѣ.

Многіе изъ дѣятелей царствованія императора Александра умерли въ томъ же 1826 году, а именно: государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ — 3-го (15-го) января, графъ Осдоръ Васильевичъ Растопчинъ — 18-го (30-го) января[485], графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ Паленъ (бывшій с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ) — 13-го (25-го) февраля, графъ Бенигсенъ — 1-го сентября (3-го октября)[486]. Такимъ образомъ судьба свела въ могилу, въ одномъ и томъ же году, двухъ самыхъ выдающихся дѣятелей, подготовившихъ событія 11-го марта 1801 года.

Сверхъ этихъ русскихъ дѣятелей, умеръ еще, 28-го іюня 1826 года, намѣстникъ королевства Польскаго князь Заіончекъ. «C'est une perte irréparable et qui me peine beaucoup»,—писалъ императоръ Николай къ брату въ Варшаву. Назначенный въ 1815 году намѣстникомъ, генералъ Заіончекъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, оказанное ему императоромъ Александромъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ польскихъ сановниковъ, которые были убѣждены въ томъ, что Польша можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіею и должна стремиться,

подъ покровительствомъ имперіи, къ подъему экономической жизни своего населенія.

Императоръ Николай не назначилъ ему преемника, вслѣдствіе чего гражданская власть, хотя и негласно, перешла всецѣло въ руки главнокомандующаго польской арміей, цесаревича Константина Павловича.

XIII.

Продолжавшееся болѣзненное состояніе императрицы Елисаветы Алексѣевны предвѣщало въ скоромъ времени печальную развязку.

23-го декабря 1825 года, императоръ Николай писалъ князю Волконскому: «Касательно вопросовъ насчетъ издержекъ и проч. для государыни я все оставляю на прежнемъ положеніи и все уже разрѣшилъ указами. Лонгиновъ же[487] на мѣсто 250.000 получать будетъ ежегодно милліонъ. Сверхъ того Ораніенбаумъ и Каменный островъ суть наслѣдственная собственность императрицы; а Царское Село остается по жизнь ея въ ея распоряженіи; о томъ ей не пишу, ибо не знаю и не умѣю какъ. Но все, все ея, начиная съ меня, скажите ей это, какъ умѣете»[488].

Императрица Елисавета Алексѣевна отклонила сперва назначенное ей увеличенное содержаніе, а затѣмъ склонилась къ тому, чтобы употребить эти деньги на назначеніе пенсій бѣднымъ вдовамъ гражданскихъ или военныхъ чиновниковъ, не имѣющимъ право на полученіе таковой по закону, и на содержаніе Каменнаго острова, который императрица уступила великому князю Михаилу Павловичу[489].

21-го апрѣля (3-го) мая 1826 года, императрица Елисавета Алексѣевна разсталась наконецъ съ Таганрогомъ, предполагая поселиться около Москвы въ Сухановѣ, въ имѣніи, принадлежавшемъ князю Волконскому. Императрица Марія Ѳеодоровна въ свою очередь выѣхала изъ С.-Петербурга и отправилась навстрѣчу своей невѣсткѣ, для свиданія, намѣченнаго въ Калугѣ. Но во время пути слабость Елисаветы Алексѣевны усиливалась съ каждымъ днемъ и вскорѣ дошла до того, что она могла съ трудомъ говорить. По пріѣздѣ же 3-го (15-го) мая на ночлегъ въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи, крайнее истощеніе силъ воспрепятствовало императрицѣ продолжать дальнѣйшій путь. Въ это время императрица Марія Ѳеодоровна находилась уже въ Калугѣ и въ виду угрожающихъ извѣстій, сообщенныхъ княземъ Волконскимъ, немедленно выѣхала въ Бѣлевъ, согласно желанію, выраженному августѣйшей больной. Между тѣмъ 4-го (16-го) мая, въ шестомъ часу утра, Елисавета Алексѣевна скончалась, и императрица-мать могла только присутствовать при первой панихидѣ по усопшей невѣсткѣ.

8-го (20-го) мая, императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Въ это мгновеніе я прерванъ извѣстіемъ о новомъ несчастіи. Да упокоитъ Господь въ мирѣ бѣдную императрицу! Она перестала существовать 4-го. Я дрожу за матушку; какой рядъ огорченій и горе для нея! Да поддержитъ ее Господь и ниспошлетъ ей силы. Что касается меня, я не знаю, какъ быть, и полагаюсь въ этомъ на Бога, который не оставитъ насъ! Я кончаю, потому что вы можете представить себѣ, въ какомъ я трудномъ положеніи»[490].

Цесаревичъ на это извѣщеніе отвѣчалъ:

«Кончина императрицы погрузила насъ въ новый трауръ. Да приметъ ее Господь Богъ въ своемъ милосердіи; она заплатила свою дань заботъ и попеченій о своемъ безсмертномъ супругѣ, и во всемъ томъ, что происходило между ними, видимъ перстъ Провидѣнія; ей напутствуютъ мои молитвы»[491].

Снова потянулось печальное шествіе въ С.-Петербургъ, и 21-го іюня (3-го іюля) 1826 года гробъ императрицы Елисаветы Алексѣевны опущенъ былъ въ землю въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ могилой императора Александра Павловича.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Со времени учрежденія комитета 17-го декабря 1825 года работы по разслѣдованію надъ злоумышленными обществами дѣятельно продолжались. Желая скорѣе видѣть результаты трудовъ комитета, или, вѣрнѣе, слѣдственной комиссіи, императоръ Николай безпрестанно подтверждалъ предсѣдателю, генералу Татищеву, о скорѣйшемъ окончаніи начатаго разслѣдованія. Правитель дѣлъ комитета Боровковъ работалъ безъ устали, но такое громадное дѣло трудно было двигать скорѣе, чѣмъ оно шло. Нужно было о каждомъ арестованномъ, требованномъ къ отвѣту, приготовить особое дѣло и записку [492], которыми впослѣдствіи долженъ былъ руководствоваться, какъ матеріаломъ для своихъ сужденій, учрежденный затѣмъ уголовный судъ.

При самомъ началѣ дѣйствій комитета дѣло усложнилось еще тѣмъ, что явилось подозрѣніе, не восходитъ ли открытый неожиданно заговоръ до государственнаго совѣта и другихъ лицъ высшаго управленія. Какъ мы уже выше замѣтили, императоръ Николай въ самомъ началѣ предпринятаго разслѣдованія писалъ цесаревичу о подозрѣніяхъ, по которымъ заговоръ восходитъ до государственнаго совѣта, при чемъ государь указывалъ на адмирала Мордвинова. Затѣмъ, 9-го января 1826 года, генералъ-адъютантъ Чернышевъ въ составленной имъ запискѣ затронулъ, между прочимъ, вопросъ: не имѣли ли тайныя общества «высшихъ надъ собой правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно»?

Дѣйствительно, нѣкоторые подсудимые показывали, что надежды свои на успѣхъ основывали они на содѣйствіи членовъ государственнаго совѣта, адмирала Мордвинова и Сперанскаго, начальника штаба второй

арміи, генералъ-адъютанта Киселева, и сенаторовъ: Муравьева-Апостола, Баранова и Столыпина [493]. Обстоятельство это побудило приступить къ разслѣдованію объ отношеніяхъ этихъ лицъ къ тайнымъ обществамъ, оно было произведено настолько тайно, что даже чиновники комитета о томъ не знали. Боровковъ собственноручно писалъ производство и хранилъ у себя отдѣльно, не вводя въ общее дѣло. «По точнѣйшимъ изысканіямъ обнаружилось,—пишетъ Боровковъ,—что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ» [494].

Когда въ 1839 году скончался Сперанскій, императоръ Николай сказалъ барону Корфу:

«Михайла Михайловича не всѣ понимали, и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть, больше всѣхъ былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю 14-го декабря, но всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль».

Затѣмъ въ комитетѣ возникъ еще другой щекотливый вопросъ: не имѣли ли иностранныя державы вліянія на дѣйствія и планы злоумышленниковъ? По этому поводу встрѣчается показаніе князя Трубецкого, который заявилъ, что вечеромъ 14-го декабря, своякъ его, австрійскій посланникъ графъ Лебцельтернъ, разсуждая о происшествіяхъ истекшаго дня, сказалъ: «Если хотите сдѣлать революцію, то должны бы не такъ за это взяться. (Que diable, si l'on voulait faire une révolution, ce n'est pas comme cela qu'il fallait s'y prendre)». Припомнимъ здѣсь, что князь Трубецкой былъ арестованъ ночью въ квартирѣ графа Лебцельтерна, къ которому онъ удалился по усмиреніи мятежа; за нимъ явился графъ Нессельроде и, по приказанію императора Николая, отвезъ бывшаго диктатора въ Зимній дворецъ.

Показанія другихъ участниковъ заговора относительно сношеній тайныхъ обществъ съ иностранными правительствами и заграничными революціонными дѣятелями отличались такою же неопредѣленностью, какъ и заявленіе князя Трубецкого, вслѣдствіе чего комитетъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ такомъ же отрицательномъ смыслѣ, какъ и первый,—объ участіи въ заговорѣ высшихъ сановниковъ.

Хотя вопросъ о напрасно подозрѣваемыхъ сановникахъ былъ рѣшенъ для нихъ въ благопріятномъ смыслѣ, но не такъ смотрѣли на дѣло люди, горѣвшіе пламеннымъ усердіемъ «исполнить святую обязанность, сыну церкви и вѣрному подданному прличную», руководившіеся «коренными русскими правилами (вопреки пагубной модѣ) все относящееся къ трону почитать священнымъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ». Какъ и слѣдовало ожидать, къ государю посыпались безыменные доносы, письма; его предостерегали, что онъ окруженъ выдающимися вожаками «якобинской партіи».

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лоу).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Въ подобныхъ доносахъ уже не довольствовались бросить тѣнь подозрѣнія на такъ называемыхъ либераловъ, но затронута была даже благонадежность лица такого консервативнаго образа мыслей, какъ, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Закревскій, названный змѣей, гнѣздившейся въ царской пазухѣ; вообще онъ не признавался надежной подпорой трона и выставлялся заслуживающимъ большой осторожности.

Авторъ одного изъ этихъ доносовъ, вѣроятно, сообщалъ уже ранѣе свои мысли императору Александру I, потому что сознается, что усердіе его показалось государю смѣшнымъ. Сверхъ Закревскаго, этотъ проницательный наблюдатель признавалъ неблагонадежными: адмирала Мордвинова, князя А. Н. Голицына, генерала Ермолова, генералъ-адъютантовъ Балашова и Киселева [495]. По мнѣнію доносчика, всѣ поименованные имъ «аристархи, безъ сомнѣнія, не были членами пагубныхъ клубовъ, но знали ихъ и были важными орудіями къ направленію варварскихъ замысловъ. А какъ люди смѣтливые, умные, то и удерживали себя на чертѣ неприкосновенія, разительно всѣми возможными средствами дѣйствуя, какъ-то: явными осужденіями всѣхъ безъ изъятія дѣлъ правительства, представленіемъ будто бы коротко извѣстныхъ имъ въ монархѣ недостатковъ, а, наконецъ, восклицаніями, что ничего хорошаго ожидать нельзя, и что гибель съ подобными распоряженіями неизбѣжна, чему я былъ личный свидѣтель весьма нерѣдко, и что всегда находилъ достаточнымъ къ произведенію искры, конецъ съ концомъ пожаръ произведшей».

Остановимся нѣсколько на обвиненіяхъ, возводимыхъ доносчикомъ на генералъ-адъютанта Закревскаго.

Доносчикъ пишетъ: «Правительству, безъ сомнѣнія, есть средства инымъ удостовѣриться, что сей вельможа, бывъ дежурнымъ генераломъ, для удержанія на себѣ важности, въ присутствіи многихъ, о начальникѣ главнаго штаба его величества отзывался не иначе, какъ о братѣ Петрѣ; явившись къ нему, и я въ очередь былъ спрошенъ: былъ ли я у Петра? Находясь въ 1816 году въ сей столицѣ для излѣченія болѣзни, какъ къ сослуживцу и прежнему товарищу, я ѣзжалъ къ нему довольно часто, заставая всегда во многомъ числѣ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, вѣроятно, для примѣра отъ родителей ему ввѣренныхъ, съ коими обращеніе его удивляло меня по новости своей до изступленія; напримѣръ: скидайте глупости! означало initii: были ли на дурачествѣ?—на ученіи. Сіи развратомъ преисполненныя выраженія не прекращались и въ присутствіи Ермолова, въ сіе время вмѣстѣ съ нимъ квартировавшаго.

«Объ осужденіяхъ говорить не буду; они лились, къ лицу... въ сопутствіи и самыхъ даже непотребнѣйшихъ выраженій, рѣкою. Многимъ поступки сіи казались плѣнительными, имена отца и молодца были не-

различными ему спутниками. Я смотрѣлъ, удивлялся, но въ молчаніи ожидалъ дурного.

«Хотя при вступленіи въ полицію я съ извѣстными удостовѣреніями и указалъ на змѣю, въ царской пазухѣ гнѣздившуюся, но ударъ службѣ былъ уже нанесенъ, и правительство за первый шагъ къ развратy рѣшительно обязано ему».

Среди повальнаго повѣтрія самыхъ разнообразныхъ доносовъ клеветa коснулась также и Царскосельскаго лицея. Неизвѣстное лицо прислало записку подъ заглавіемъ: «Нѣчто о Царскосельскомъ лицеѣ и духѣ его», въ которой отразились взгляды извѣстной части тогдашняго русскаго общества[493]. Въ запискѣ разобраны три вопроса: что значитъ лицейскій духъ? откуда и какъ онъ произошелъ? каково вліяніе его на общество?

Достаточно привести здѣсь выдержки изъ разсужденій анонимнаго автора, чтобы оцѣнить характеръ навѣтовъ, которыми старались очернить это перворазрядное учебное заведеніе, вселивъ въ государѣ недовѣріе къ бывшимъ воспитанникамъ лицея и къ установившейся въ немъ воспитательной системѣ.

«Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ,—объясняетъ авторъ,—когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда для фанфаронады надо показаться любителемъ равенства. Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать пасмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентерахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и болѣе всего представляться филантропомъ и русскимъ патріотомъ. Къ тому принадлежитъ также обязанность пасмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово шагистика. Пророчество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. Вѣрноподданный значитъ укоризну на ихъ языкѣ; европеецъ и либералъ—почетныя названія. Какая-то пасмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной веселости. Вотъ образчикъ молодыхъ и даже многихъ немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ лицейскій духъ. Для возмужалыхъ людей прибрано другое

названіе: «mépris souverain pour le genre humain», для третьяго разряда, то-есть сильныхъ крикуновъ, просто либераль».

Изъ приведенныхъ нами строкъ обрисовывается направленіе самаго доноса, который въ цѣломъ своемъ объемѣ старается провести мысль, что источникъ зла въ Россіи и обнаруженныхъ злоумышленныхъ обществъ—лицей. Мимоходомъ достается и обществу «Арзамасъ». «Это общество,—утверждаетъ авторъ записки,—сообщило свой духъ большой части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пламень».

Всѣ приведенныя здѣсь нареканія на лицей были раздуты до крайности, но, тѣмъ не менѣе, они раздѣлялись многими сановниками, бывшими очевидцами декабрьской смуты. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, напримѣръ, мнѣніе, высказанное въ своихъ запискахъ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ; онъ пишетъ: «Начала самыя разрушительныя терпѣлись и почти явно проповѣдывались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и именно въ Царскосельскомъ лицеѣ, подъ глазами самого государя».

Между тѣмъ, по словамъ барона М. А. Корфа, одного изъ бывшихъ воспитанниковъ лицея перваго, пушкинскаго, выпуска, «въ Царскосельскомъ лицеѣ никогда ничего подобнаго не было. Однимъ изъ доказательствъ сему, уже не говоря о послѣдующей службѣ и жизни многихъ воспитанниковъ, служитъ и то обстоятельство, что изъ числа двадцати девяти молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ первому выпуску 1817 года, въ заговорѣ были замѣшаны только двое: Иванъ Пущинъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ» [497].

Впрочемъ, смута 1825 года грозила репрессаліями и не одному лицею. Когда генералъ-адъютантъ П. В. Васильчиковъ, посланный въ Таганрогъ, проѣзжалъ черезъ Харьковъ, онъ постарался собрать свѣдѣнія о тамошнемъ университетѣ. Въ письмѣ отъ 11-го (23-го) января 1826 года, онъ по этому случаю счелъ долгомъ обратить вниманіе императора Николая на воспитаніе нашего юношества.

По словамъ Васильчикова: «Все современное поколѣніе заражено; нужно сиѣшить исправить это зло, дѣйствіе котораго становится уже такъ ощутительно. (La génération actuelle est toute gangrenée, et l'on ne saurait assez tôt porter remède à un mal, dont les effets se font déjà si vivement sentir). Вниманіе правительства должно быть обращено не на одинъ только Харьковскій университетъ, не лучше того и Казанскій, а домашнее воспитаніе составляетъ также язву, которую слѣдуетъ всѣми силами искоренить (les éducations domestiques surtout une peste qu'il faut chercher à extirper). Ваше императорское величество, конечно, найдете средства, которыя слѣдуетъ употребить въ данномъ случаѣ, что же касается меня, то я думаю, государь, что было бы необходимо

организовать въ губернскихъ городахъ кадетскіе корпуса, гдѣ образованіе, необходимое для нашего вѣка, соединялось бы съ военной дисциплиною, и которые находились бы подъ начальствомъ генераловъ, кои своими заслугами и нравственными принципами представляли бы къ тому всевозможныя гарантіи; однимъ словомъ намъ необходимо чисто монархическое, а не воспитаніе съ разрушительнымъ направленіемъ; иначе спокойствію имперіи можетъ грозить опасность. (En un mot il nous faut une éducation essentiellement monarchique et non subversive; autrement la tranquillité de l'empire est compromise»)[498].

Независимо отъ доносовъ, образцы которыхъ приведены выше, къ государю и къ барону Дибичу поступали также во множествѣ письма съ извѣтами на крамолу. Они исходили отъ приплыхъ людей и отъ русскихъ подданныхъ. Большинство ихъ отличалось фантастичностью и жаждою злобы къ ближнему, прикрытою якобы желаніемъ принести свою лепту вѣрноподданническихъ чувствъ на алтарь отечества[499].

Въ числѣ такихъ сообщеній попадались и комическія письма, какъ, напримѣръ, князя Максутова, сообщившаго въ январѣ 1826 года генералъ-адъютанту Дибичу о разговорѣ двухъ лицъ на французскомъ языкѣ, подслушанномъ сочинителемъ письма на Невскомъ проспектѣ; ретивому князю не удалось, однако, задержать бесѣдовавшихъ пріятелей; они благополучно скрылись въ толпѣ на Красномъ мосту, и слѣдившему за ними Максутову оставалось только съ безмѣрною горестью и досадою возвратиться домой, почему, какъ онъ пишетъ, и не успѣлъ сдѣлать должнаго[500]. Этотъ же князь Максутовъ указывалъ на необходимость запирать въ С.-Петербургѣ послѣ богослуженія подъ какимъ либо предлогомъ всѣ колокольни, чтобы «изрыгнутымъ исчадіямъ ада, злоумышленникамъ звѣроподобнымъ, не могло служить сіе повсемѣстно къ незаконному дѣйствованію для нихъ сигналомъ». Максутовъ при этомъ случаѣ припоминаетъ, что подобною мѣрою графъ Растопчинъ въ 1812 году въ Москвѣ спасъ выѣзжавшее во множествѣ изъ столицы дворянство и купечество.

Къ распоряженіямъ, состоявшимся въ началѣ 1826 года и находящимся въ связи съ разслѣдованіемъ о злоумышленныхъ обществахъ, должно отнести рескриптъ императора Николая, отъ 21-го апрѣля 1826 года, на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Ланского[501].

«Василій Сергѣевичъ! Изъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія государства, составивъ тайныя подъ разными наименованіями общества, старались привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами благонамѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто бы единственною цѣлью распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности,

человѣколюбія и проч., дабы впослѣдствіи уже, удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи. Хотя изысканіе комитета обнаруживаетъ, что изъ сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе при самомъ принятіи ихъ въ общества оставили оныя, а другіе оставались еще членами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ; но когда, вслѣдствіе состоявшагося, 21-го августа 1822 года, высочайшаго рескрипта на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требованы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ изъясненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ,—тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеописанныхъ обстоятельствахъ, не объявилъ о томъ въ выданномъ отъ него обязательствѣ, и многіе, вѣроятно, тогда заключили, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ по одному обѣщанію.

«Таковое неисполненіе высочайшей блаженной памяти государя императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть виновныхъ строгому взысканію; но, желая употреблять мѣры строгости въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія объ общемъ благѣ сіе позволяетъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его: подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять для достиженія той цѣли?

«При требованіи сихъ обязательствъ объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и проч. по обязательствамъ чрезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои сдѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностію, и что скрытіе того послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія

подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ.

«Объ исполненіи сей воли моей вы не оставите сдѣлать надлежащихъ распоряженій».

Значеніе и цѣль приведеннаго здѣсь рескрипта не нуждается въ комментаріяхъ. Несомнѣнно одно: онъ долженъ былъ вызвать въ то время немало душевныхъ тревогъ и тяжелыхъ думъ не только въ чиновныхъ сферахъ, но даже и среди людей, давно удалившихся отъ дѣлъ[502].

II.

Во время работъ комитета, или слѣдственной комиссіи, государь не переставалъ требовать скорѣйшаго представленія окончательнаго донесенія о злоумышленномъ обществѣ. Предсѣдатель комитета, генералъ Татищевъ, настаивалъ, въ свою очередь, чтобы Боровковъ немедленно принялся за составленіе этого труда.

«Озабоченный этимъ приказаніемъ,—пишетъ Боровковъ,—и не имѣя самъ досуга его исполнить, я указалъ на средство, которое укоротило открывшійся мнѣ быстрый полетъ по службѣ. Въ комитетъ прислалъ былъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Блудовъ для составленія журнальной статьи о ходѣ и замыслахъ тайныхъ обществъ въ Россіи[503]. Я давалъ ему матеріалы для этого труда, кромѣ тѣхъ, которые его величеству не благоугодно было оглашать... Блудовъ читалъ мнѣ свою работу и пользовался моими совѣтами и указаніями, какъ человѣка, проникнувшаго духъ и направленіе не только цѣлаго тайнаго общества со всѣми его отрослями, но каждаго злоумышленника. Предсѣдатель безпрестанно повторялъ мнѣ:

«— Скоро ли займемся донесеніемъ? Государь требуетъ представить скорѣе.

«Наскучивъ повтореніемъ, я сказалъ:

«— Если непремѣнно надо ускорить, такъ прикажите статью, подготовляемую Блудовымъ для журналистовъ, обратить въ донесеніе. Въ ней немного нужно пополнить и передѣлать, и она достаточна будетъ, чтобы показать вообще ходъ дѣла и замыслы общества; а разборъ и судъ виновныхъ будетъ не по донесенію, но по моимъ отдѣльнымъ запискамъ о каждомъ прикосновеніомъ къ слѣдствію.

«Мысль принята. Блудовъ занялся приготовленіемъ донесенія, а я употребилъ всѣ усилія округлять слѣдствіе и подготовлять записки. Донесеніе представлено государю 30-го мая 1826 года, когда еще о нѣкоторыхъ крамольникахъ, казавшихся мелочными, потому что не были членами общества, (дѣло) окончательно не было обслѣдовано, да и вообще

не о всѣхъ еще сдѣлано предварительное распредѣленіе. Отъ этого вышло, что иные осужденные верховнымъ уголовнымъ судомъ на тяжкое наказаніе въ донесеніи совсѣмъ не упоминаются; напротивъ, о другихъ въ донесеніи говорится, а въ приговорѣ объ нихъ ни слова, потому что и къ суду они отсылаемы не были».

Вотъ какимъ образомъ Боровковъ объясняетъ происхожденіе донесенія слѣдственной комиссіи. Спрашивается: могло ли донесеніе быть написаннымъ въ другомъ духѣ, если бы оно вышло не изъ рукъ Блудова, а Боровкова? На этотъ вопросъ слѣдуетъ замѣтить, что по существу оно, вѣроятно, осталось бы безъ измѣненія, потому что матеріалъ, изъ котораго оно было извлечено, именно принадлежалъ перу правителя дѣлъ комитета, Боровкова.

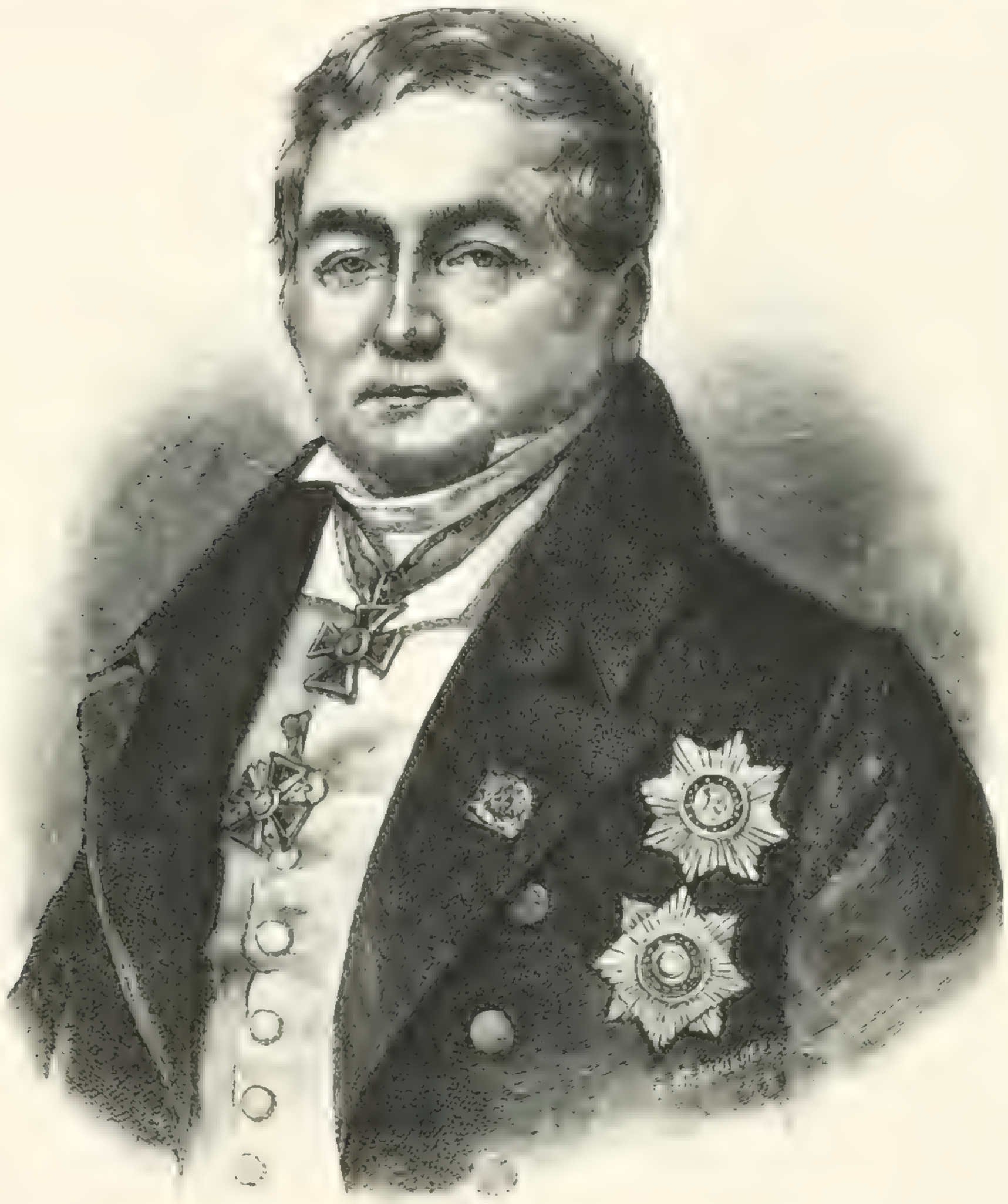
Донесеніе слѣдственной комиссіи представлено было государю ранѣе 30-го мая и прочтено ему въ присутствіи членовъ комитета и нѣсколькихъ нарочно приглашенныхъ лицъ, между которыми находился и Сперанскій. Затѣмъ донесеніе, подписанное всѣми членами комитета и скрѣпленное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Д. Блудовымъ, напечатано было по высочайшему повелѣнію особою брошюрою, переведенною также и на французскій языкъ, и приложено ко всѣмъ русскимъ газетамъ.

6-го іюня 1826 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Вотъ наконецъ докладъ слѣдственной комиссіи и списокъ лицъ, преданныхъ верховному уголовному суду; хотя все дѣло достаточно знакомо вамъ, я думаю, вы не безъ интереса прочтете обозрѣніе, которое хорошо сдѣлано, точно и, можно вполнѣ прибавить, отвратительно (hideux). Нельзя въ достаточной степени возблагодарить Бога, что онъ спасъ насъ отъ всѣхъ ужасовъ, которые готовились для насъ, и, что еще важнѣе, отъ всего ужаса покушенія на нашего ангела. Повидимому, Богу угодно было позволить всему зайти какъ разъ настолько далеко, чтобы все это сплетеніе ужасовъ и нелѣпостей назрѣло, и чтобы тѣмъ еще болѣе наглядно показать вѣчно невѣрующимъ (incrédules), что порядокъ вещей, который существовалъ, и который столь трудно искоренить, рано или поздно долженъ привести къ подобнымъ результатамъ. Если же и послѣ этого примѣра найдутся неисправимые, то мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ право и преимущество доказывать прочимъ необходимость мѣръ, быстрыхъ и строгихъ, противъ всякой попытки разрушенія, направленной противъ установленнаго порядка, освященнаго вѣками славы» [504].

Изъ вышеизложеннаго видно, при какой обстановкѣ появился на свѣтъ докладъ слѣдственной комиссіи; происхожденіе его, безспорно, нѣсколько случайное, и это обстоятельство должно было отразиться на его содер-

жаній и внутреннемъ достоинствѣ. Бывшій статсъ-секретарь императрицы Екатерины II. Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, въ своемъ дневникѣ называетъ трудъ Д. Н. Блудова романическимъ[505]. Въ этомъ отзывѣ отразился вполнѣ трезвый взглядъ государственнаго дѣя-



Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій.

(Съ литографіи Мюнстера).

теля екатерининской эпохи, который сразу проникъ въ существо самаго дѣла, указавъ однимъ словомъ на слабыя его стороны.

Не всѣ декабристы отнеслись къ «донесенію» съ такою снисходительностью, какъ князь Оболенскій, который писалъ въ 1864 году: «Если дѣйствія слѣдственной комиссіи 1825 и 1826 годовъ подлежали критическому разбору тѣхъ, которые впослѣдствіи подверглись сентенціи верховнаго уголовнаго суда, то эта критика касалась единственно

ошибокъ, неизбѣжныхъ въ дѣлопроизводствѣ такого обширнаго дѣла, какъ процессъ, обнимающій собою политическія дѣйствія болѣе 130-ти лицъ. Но изъ многочисленныхъ спутниковъ моей сибирской жизни ни одинъ не сообщилъ мнѣ не только о намѣренномъ искаженіи истины его показаній, но даже о натянутомъ и недобросовѣстномъ толкованіи оныхъ».

Въ своихъ запискахъ князь Оболенскій разсуждаетъ нѣсколько иначе, объясняя внутренній смыслъ показаній декабристовъ, послужившихъ матеріаломъ къ сочиненію «донесенія».

«Дѣйствія общества,—пишетъ Оболенскій,—и каждаго изъ его членовъ были изложены, какъ въ донесеніи слѣдственной комиссіи, такъ и въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда. Невозможно отрицать истину, основанную на фактахъ, но слѣдуетъ также признать, что человѣкъ уже не помнитъ того, что онъ дѣлалъ и говорилъ въ бреду горячки. Это именно и случилось съ нами въ настоящемъ случаѣ. Не могли и не должны были принимать за истину то, что было сказано и сдѣлано въ минуты, когда воображеніе предается лихорадочнымъ порывамъ. Но слѣдственная комиссія не могла быть свидѣтельницей того, что происходило на нашихъ совѣщаніяхъ, не могла судить о нравственномъ состояніи каждаго изъ насъ. Она обсуждала голый фактъ, и отрицать этотъ фактъ было невозможно. Покроемъ завѣсою прошедшее».

По мнѣнію декабриста Завалишина, донесеніе слѣдственной комиссіи запутало или затемнило дѣло, желая главнымъ образомъ представить декабристовъ и дѣйствія ихъ въ ужасномъ или смѣшномъ видѣ; докладъ останавливается преимущественно на сплетняхъ пустыхъ людей, которыхъ въ тайномъ обществѣ не занимали серіозныя работы, и потому съ ними совершенно незнакомыхъ.

Баронъ Штейнгель подвергаетъ донесеніе еще болѣе рѣзкой критикѣ и пишетъ: «Оно вышло точно такимъ, какимъ непремѣнно долженъ былъ выйти всякій обвинительный актъ, когда обвиняемые заперты и безгласны, и когда обвинители въ видахъ обезпеченія будущности заинтересованы представить дѣло сколь возможно презрительно-ужаснымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ хотятъ облечь свои дѣйствія искусною тканью лжи, съ отливами яркаго безпристрастія».

Баронъ Розенъ замѣчаетъ: «Кто внимательно вникнетъ въ донесеніе слѣдственной комиссіи, тотъ легко пойметъ, что большая часть обреченныхъ жертвъ была осуждена не за дѣйствія, а за разговоры и наговоры на нихъ. Мало ли что говорится въ кругу задушевныхъ товарищей? Мало ли кого посылаемъ въ адъ и уничтожаемъ словомъ? А между тѣмъ отъ слова до дѣла разстояніе неизмѣримо. Лучшіе юрисконсульты Европы опредѣлили, что слѣдовало бы исключить большую половину изъ списка осужденныхъ, а именно всѣхъ не участвовавшихъ въ двухъ возстаніяхъ».

Наконецъ, Фонвизинъ свидѣтельствуетъ, что всѣ порожденія разстроенной фантазіи нѣкоторыхъ изъ узниковъ представлены въ донесеніи слѣдственной комиссіи, какъ истинныя намѣренія и дѣйствія. «Редакторъ этого акта воспользовался ими довольно ловко и умѣлъ придать видъ вѣроятности этому сплетенію искаженной истины съ небылицами и ложью, не только для обвиненія подсудимыхъ, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характеръ тайнаго союза и самую чистоту его намѣреній. Выраженію минутной досады или негодованія, вызванному какимъ нибудь непохвальнымъ дѣйствіемъ верховной власти, приписывали значеніе обдуманнаго намѣренія и считали наравнѣ съ преступленіемъ, какъ бы уже сдѣланнымъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ, вырвавшееся въ горячемъ разговорѣ, нескромное слово—мысль, назавтра отвергнутую и позабытую сказавшимъ ее, называли цареубійственнымъ замысломъ. Тутъ необдуманнымъ разговорамъ въ короткихъ дружескихъ бесѣдахъ, иногда за бокалами шампанскаго и не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, придана важность государственнаго преступленія».

По всѣмъ указаннымъ причинамъ трудно возсоздать вѣрный образъ людей этого движенія, руководствуясь донесеніемъ слѣдственной комиссіи. При какой обстановкѣ давались показанія, объ этомъ мы уже достаточно сказали. Болѣе достовѣрнымъ источникомъ для сужденія о прикосновенныхъ къ заговору лицахъ могли бы служить бумаги декабристовъ, отобранныя при ихъ арестованіи; по нимъ можно до нѣкоторой степени вѣрнѣе судить о людяхъ и ихъ намѣреніяхъ, присоединяя къ этимъ бумагамъ еще оставленныя ими записки. Но къ подобному труду наша исторіографія пока еще не призвана; эту задачу предстоитъ разрѣшить будущему историку русскихъ тайныхъ обществъ Александровскаго времени. Тогда только прольется свѣтъ исторической правды на многія пока еще темныя стороны движенія и добыта будетъ путеводная нить для надлежащей оцѣнки показаній подсудимыхъ и разъясненія недомолвокъ или искаженій, неразлучныхъ съ самымъ ходомъ слѣдствія и способомъ его веденія.

Со времени декабрьскаго мятежа прошло уже 78 лѣтъ, и вмѣсто пристрастія и увлеченія, понятныхъ въ отзывахъ современниковъ этихъ событій, должна наконецъ заговорить историческая правда.

Ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что въ дѣлѣ декабристовъ необходимо различать то, что является принадлежностью, общею всему дѣлу, отъ дѣйствій и преступныхъ увлеченій отдѣльныхъ лицъ, а въ этихъ дѣйствіяхъ необходимо также строго различать собственно политическія дѣйствія лицъ отъ тѣхъ, въ которыхъ проявилась нравственная характеристика ихъ. Но каковы бы ни были сужденія о дѣлѣ вообще, представителями котораго явились декабристы, въ немъ выдѣляется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дѣло

ошибочнымъ или слѣдствіемъ заблужденія. Черта эта есть самопожертвованіе, въ самомъ обширномъ значеніи слова. Жертвами затѣяннаго движенія явились не такія лица, которымъ терять было нечего; напротивъ, всѣ или уже составили себѣ, или могли составить блестящую карьеру, именно при томъ порядкѣ, противъ котораго возставали. Съ другой стороны, тутъ не были люди неспособные, недоучки, которые примкнули бы къ тайному обществу отъ бездѣлія; напротивъ того, среди членовъ союза были люди, занимавшіе опредѣленныя, нерѣдко важныя мѣста, извѣстные своею исполнительностью по службѣ во всѣхъ званіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ; наконецъ, люди, которые въ ближайшей практической сферѣ дѣйствовали согласно съ своими убѣжденіями, гуманно, благородно, справедливо, заслуживая довѣріе, какъ подчиненныхъ, такъ и другихъ зависѣвшихъ отъ нихъ людей. Первоначальное движеніе было, несомнѣнно, чисто и безкорыстно, при чемъ самопожертвованіе руководителей его является еще тѣмъ болѣе яркимъ, что едва ли кто либо изъ нихъ лелѣялъ надежду на успѣхъ; всѣ, напротивъ того, приготовлялись пасть жертвою своихъ убѣжденій.

Одинъ изъ декабристовъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, писалъ въ 1870 году: «Мы были дѣтьми 1812 года. Жертвовать всѣмъ, даже жизнію для блага отечества, было влеченіемъ сердца. Въ нашихъ чувствахъ отсутствовалъ эгоизмъ. Призываю Бога въ свидѣтели. (Nous étions les enfants de 1812. Sacrifier tout, même sa vie pour l'amour de la patrie, était l'impulsion du coeur. Il n'y avait pas d'égoisme dans nos sentiments. J'en appelle Dieu en témoin)» [506].

Въ донесеніи слѣдственной комиссіи встрѣчается еще другой пробѣлъ; въ немъ совершенно не выяснено, какія причины могли вызвать такое необычайное явленіе, какъ повсемѣстный въ Россіи заговоръ, который, по словамъ Александра Никитича Муравьева, представляетъ явленіе феноменальное, безпрепятственно развиваясь десять лѣтъ, при правительствѣ неограниченномъ и подозрительномъ. Донесеніе не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ [507].

Въ предшествовавшемъ нашемъ трудѣ: «Императоръ Александръ I», мы уже вкратцѣ коснулись причинъ возникновенія тайныхъ обществъ въ его царствованіе. Здѣсь же скажемъ только, что все, что было въ Россіи просвѣщеннаго, благороднаго, было приготовлено первою половиною царствованія Александра I. Затѣмъ наступилъ крутой переломъ, и началась безумная реакція; положеніе сдѣлалось трагическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безвыходнымъ. Всякій тогда сознавалъ, что при системѣ дѣйствій извнѣ Меттерниха, а внутри Аракчеева, Россія будетъ отодвинута назадъ, и потому считали необходимымъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ декабристовъ, съ полнымъ самоотверженіемъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, провозглашеніе новыхъ началъ и

тѣмъ отдѣлить эпоху, дотолѣ безсознательную, отъ той, въ которой должно начаться дѣйствіе сознанія. Пусть, прибавляетъ онъ, назовутъ это заблужденіемъ, но въ ту эпоху подобное заблужденіе было возможно.

«Безъ сомнѣнія,— пишетъ баронъ Розенъ,—въ странахъ, въ коихъ водится хоть сколько нибудь свобода теченія, хоть сколько нибудь гласности, и въ коихъ каждое частное лицо можетъ передать печатно и устно свои убѣжденія по дѣлу общественному, тамъ на что тайное общество? Оно было бы безсмысленъ. Но въ Россіи, только что избавившейся отъ «слова и дѣла», отъ «тайныхъ канцелярій», не было ни одной основы государственной; всѣ прежніе и новые законы подчинены были неограниченной власти государя, озареннаго европейскою славою, именованнаго Благословеннымъ и избавителемъ Европы, даровавшаго конституцію Польшѣ, Финляндіи, свободу крестьянамъ Прибалтійскихъ губерній, мужа умнаго, добраго, искренно желавшаго блага для своего отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишеннаго всѣхъ средствъ сдѣлать что нибудь для гражданственной жизни своего отечества. Александръ I, въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія, свалилъ все бремя государственнаго управленія на плечи Аракчеева, на слугу, ему вѣрнаго, но не государственнаго мужа, а самъ подчинился наущеніямъ Меттерниха, и подъ конецъ предался мистицизму, и думалъ только о спасеніи собственной души своей».

Наконецъ, докладъ умалчиваетъ также о тѣхъ преобразованіяхъ, осуществленіе которыхъ составляло главный предметъ дѣйствій, преслѣдуемыхъ тайнымъ союзомъ и лучшею частью его представителей [508]. Между тѣмъ, докладъ выводитъ на сцену какихъ-то извергов, злодѣевъ, помышляющихъ только объ убійствѣ и безначаліи, стремящихся къ одной цѣли — республикѣ, и проповѣдующихъ для достиженія этого государственнаго устройства цареубійство. Уклоненія и преступныя намѣренія отдѣльныхъ личностей послужили средствомъ для придавія всему дѣлу ложной окраски, за которою меркнетъ планъ реформъ, осуществившихся тридцать лѣтъ спустя, въ царствованіе императора Александра II.

III.

Представивъ докладъ государю, помѣченный 30-мъ мая 1826 года, комитетъ, принявъ въ уваженіе, что многіе вошли въ общество, какъ пишетъ Боровковъ, «худо понятою любовію къ отечеству, суетностію, возбужденнымъ любопытствомъ, родственными и пріятельскими отношеніями, легкомысліемъ и молодостію, счелъ противнымъ справедливости, великодушію и милосердію августѣйшаго монарха предать всѣхъ ихъ суду. На семъ основаніи комитетъ испросилъ высочайшее соизволеніе

не отсылать къ суду: 1) бывшихъ членовъ союза Благоденствія, которымъ не была открыта сокровенная цѣль; 2) всѣхъ тѣхъ, которые хотя знали вполнѣ цѣль общества, но отпали отъ него послѣ объявленнаго закрытія на съѣздѣ въ 1821 году; 3) тѣхъ, которые тогда не рѣшительно отреклись отъ общества, однако не были съ нимъ въ сношеніи до 1822 года, когда всѣ тайныя общества въ Россіи повелѣно было закрыть, а послѣ этого повелѣнія совершенно удалились и не дѣйствовали; 4) знавшихъ о существованіи общества или приготовленіи мятежа въ С.-Петербургѣ, но не донесшихъ.

Вотъ и еще причина,—прибавляетъ Боровковъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ,—что нѣкоторые члены, представленные въ донесеніи основателями общества, толкующими о цареубійствѣ, въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда совсѣмъ не упоминаются. Помню, это весьма удивило и произвело толки о пристрастіи, какъ обыкновенно бываетъ, когда пересуживаютъ дѣйствія правительства, не имѣя данныхъ и не зная побужденій. Отъ сего часто самое благо представляется зломъ».

1-го (13-го) іюня 1826 года, послѣдовалъ указъ о назначеніи надъ злоумышленниками верховнаго уголовнаго суда. Онъ былъ составленъ изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, сената и синода, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Государь въ манифестѣ требовалъ отъ суда одного: справедливости, прибавивъ: «справедливости неприцепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной».

Предсѣдателемъ верховнаго уголовнаго суда назначенъ былъ князь Лопухинъ, а въ случаѣ болѣзни мѣсто его долженъ былъ заступить князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Министру юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому, повелѣно было исполнять въ судѣ званіе генералъ-прокурора.

Верховному уголовному суду преданы были 121 человѣкъ. Изъ нихъ принадлежали: къ Сѣверному обществу 61, къ Южному обществу 37, къ обществу Соединенныхъ Славянъ 23.

Первое засѣданіе верховнаго уголовнаго суда состоялось 3-го (15-го) іюня, а послѣднее 11-го (23-го) іюля 1826 года.

Въ письмѣ къ цесаревичу, отъ 6-го (18-го) іюня, императоръ Николай по этому поводу пишетъ:

«Въ четвергъ (3-го іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ десяти часовъ утра до трехъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть окончено. Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія. Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости» [509].

Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

(Съ литографіи Моля).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отзывается въ своихъ запискахъ о дѣятельности верховнаго уголовнаго суда съ чрезвычайною похвалою и въ такихъ выраженіяхъ, съ которыми безпристрастная исторія не можетъ согласиться. Онъ пишетъ:

«Наконецъ, послѣ пятимѣсячныхъ неусыпныхъ трудовъ, слѣдственная комиссія закрыла засѣданія и передала свое дѣло въ руки правосудія.

«Государь, желая придать этому дѣлу возможную степень законности и гласности, приказалъ нарядить для разбора его верховный уголовный судъ изъ членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ и еще другихъ почетнѣйшихъ сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ, находившихся въ то время въ столицѣ. Никогда въ Россіи не бывало судилища, внушавшаго больше къ себѣ уваженіе и вмѣстѣ пользовавшагося большею независимостью.

«Этотъ верховный судъ, ознакомившись съ актами дѣла, назначилъ двѣ комиссіи для подробнаго ихъ разсмотрѣнія и для опроса подсудимыхъ, одного за другимъ: не имѣютъ ли они чего прибавить въ свою защиту, или предъявить какія нибудь жалобы на произведенное слѣдствіе, либо на кого нибудь изъ членовъ слѣдственной комиссіи. Всѣ отозвались, что уже истощили всѣ средства къ своему оправданію и могутъ только благодарить за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ.

«Тогда верховный судъ приступилъ къ обсужденію всей общности заговора и большей или меньшей виновности каждаго изъ участниковъ въ немъ. Всѣ были обличены въ измѣнѣ, большая часть и въ преступномъ умыслѣ противъ жизни монарха и членовъ императорскаго дома: всѣ принесли собственное сознаніе; намѣренія и дѣйствія ихъ были очевидны: оставалось слѣдственно опредѣлить лишь степень вины и приложить къ каждой существующій законъ.

«Желаніе судей и самого государя клонилось къ возможному снисхожденію. По законамъ, и военнымъ и гражданскимъ, всѣ безъ изъятія подсудимые повинны были смерти. Судъ раздѣлилъ преступниковъ на разряды, и государь, по тщательномъ пересмотрѣ его приговора, только для пятерыхъ утвердилъ смертную казнь. Прочіе были присуждены къ инымъ наказаніямъ, начиная отъ пожизненной каторжной работы до тюремнаго заключенія на нѣсколько мѣсяцевъ. Преступникамъ объявили сперва приговоръ, произнесенный надъ ними по законамъ, потомъ смягченія, дарованныя монаршимъ милосердіемъ».

Въ приведенномъ здѣсь разсказѣ Бенкендорфа три мѣста его повѣствованія обращаютъ на себя особенное вниманіе: признаніе, что суду придана была возможная степень законности и гласности; что никогда въ Россіи не бывало судилища, пользовавшагося большею независимостію, и что подсудимые, будто бы, благо-

дарили за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ. Трудно въ немногихъ строкахъ высказать взглядъ, менѣе согласный съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Исторія должна признать, что верховный уголовный судъ не судилъ, а осудилъ декабристовъ, обреченныхъ уже предварительно на жертву. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что под-

Павелъ Ивановичъ Пестель (декабристъ).

(Съ портрета, находящагося въ „Альбомѣ Пушкинской выставки").

судимые видѣли своихъ судей только разъ. 12-го іюля, когда имъ объявленъ былъ состоявшійся уже о нихъ приговоръ.

Судъ происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ первомъ засѣданіи суда, состоявшемся въ залѣ общаго собранія сената, 3-го (15-го) іюня, собраніе открылось чтеніемъ манифеста и указа сенату. Затѣмъ были прочитаны историческій очеркъ всего дѣла, имена и чины участниковъ заговора, и въ заключеніе приступлено къ

чтенію показаній; оно продолжалось въ слѣдующіе дни и потребовало пять засѣданій. Послѣ сего, судъ, признавъ невозможнымъ призвать къ себѣ подсудимыхъ и отобрать отъ нихъ подтвердительныя показанія, приступилъ къ избранію изъ среды своей ревизіонной комиссіи, которая должна была произвести положенное законами удостовѣреніе въ слѣдствіи, учиненномъ надъ государственными злоумышленниками. Въ этомъ случаѣ судъ хотѣлъ сохранить ежели не самую форму, требуемую въ судебныхъ мѣстахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть тѣнь этой формы.

Членами ревизіонной комиссіи судъ избралъ отъ государственнаго совѣта: графа Ливена, генералъ-адъютанта Балашова и князя Салтыкова, отъ сената: Баранова, Болгарскаго и Лаврова; а изъ числа прочихъ лицъ выборъ палъ на графа Головкина и генералъ-адъютантовъ: графа Ламберта и Бороздина. 8-го и 9-го іюня, избранные комиссары производили допросы въ крѣпости.

Такъ какъ въ слѣдственномъ комитетѣ все производство дѣла основано было на собственныхъ признаніяхъ обвиняемыхъ, подписью ихъ утвержденныхъ, или на улikахъ и очныхъ ставкахъ, то членамъ ревизіонной комиссіи вручены были всѣ подлинные акты и показанія обвиненныхъ, и каждому изъ нихъ предложили только слѣдующіе вопросы: 1) его ли рукою подписаны показанія, въ слѣдственной комиссіи имъ данныя? 2) добровольно ли подписаны показанія? 3) были ли ему даны очныя ставки?

Когда приступлено было къ исполненію этой формальности, большинство подсудимыхъ даже не знали, что уже надъ ними начался судъ, и крайне удивились допросу, учиненному не членами комитета, а незнакомыми имъ лицами. На вопросъ подсудимыхъ, что это значитъ, плацъ-адъютанты отвѣчали: государю угодно провѣрить безпристрастіе дѣйствій комитета.

Вопросы, съ которыми обращалась къ подсудимымъ новая комиссія, появившаяся въ крѣпости, оканчивались предложеніемъ: вотъ подписка, заготовленная въ утвердительномъ смыслѣ относительно поставленныхъ трехъ вопросныхъ пунктовъ, прочтите и подпишите. Подсудимые исполняли обращенныя къ нимъ требованія, въ большинствѣ случаевъ не понимая, для чего это требуется.

По окончаніи работы ревизіонной комиссіи судъ собрался 10-го іюня съ цѣлью избрать новую комиссію для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ. Въ нее избраны были члены государственнаго совѣта: графъ П. А. Толстой, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и Сперанскій; сенаторы: графъ Кутайсовъ, Барановъ и Энгель; изъ постороннихъ членовъ: сенаторъ московскихъ департаментовъ Кушниковъ, баронъ Строгановъ и генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Такимъ образомъ на долю Сперанскаго выпала печальная доля быть избраннымъ въ комиссію, которой предоставлено было опредѣлить степень преступности и мѣру наказанія каждаго обвиненнаго. Подобнаго рода занятія, какъ и слѣдовало ожидать, подѣйствовали удручающимъ образомъ на духъ Сперанскаго. Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ были лично ему знакомы и посѣщали его домъ. Дочь Сперанскаго пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и съ слезами на глазахъ, и что онъ даже покушался совсѣмъ оставить службу [510].

28-го іюня, верховный уголовный судъ собрался, чтобы выслушать чтеніе донесенія комиссіи, избранной для основанія разрядовъ. Всѣмъ членамъ суда розданы были печатные экземпляры этого донесенія [511].

2-го іюля, судъ избралъ трехъ членовъ для составленія всеподданнѣйшаго доклада, а именно: отъ государственнаго совѣта — Сперанскаго, отъ сената — Козодаева и изъ числа прочихъ лицъ — генералъ-адъютанта Бороздина. Послѣ обсужденія доклада въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ онъ былъ подписанъ членами суда 9-го іюля и представленъ государю.

Судъ рѣшилъ четвертовать пять человѣкъ, поставленныхъ внѣ прочихъ принятыхъ имъ одиннадцати разрядовъ, а именно: Павла Пестеля, Кондратія Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и Петра Каховскаго, а затѣмъ предать смертной казни отсѣченіемъ головы 31 человѣка [512], а прочихъ виновныхъ послать въ вѣчную каторгу и подвергнуть инымъ наказаніямъ, соотвѣтственно степени ихъ вины.

Императоръ Николай смягчилъ этотъ суровый приговоръ верховнаго уголовнаго суда, даровавъ всѣмъ виновнымъ жизнь, за исключеніемъ пяти преступниковъ, которые поставлены были внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, по тяжести ихъ злодѣяній. Въ указѣ верховному уголовному суду отъ 10-го іюля 1826 года сказано было, что участь ихъ предается рѣшенію суда «и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится».

Сколько въ рѣшеніи, принятомъ императоромъ Николаемъ относительно лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, принадлежитъ собственному побужденію, и какую роль играло въ этомъ дѣлѣ постороннее вліяніе, нескоро еще опредѣлится съ достаточною ясностью. Разсказываютъ, что, когда князь Лопухинъ представилъ приговоръ суда, то государь замѣтилъ: «офицеровъ не вѣшаютъ, а разстрѣливаютъ», не желая поступить съ ними, по его выраженію, какъ съ ворами; но генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ будто бы настаивалъ на пользѣ примѣра позорнаго наказанія [513].

Заботливость императора Николая о смягченіи вообще участи осужденныхъ выразилась въ другомъ распоряженіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Еще ранѣе, до доклада суда, представленнаго императору Николаю, Боровкову поручено было, по высочайшему повелѣнію, составить записку о степени виновности каждаго изъ отосланныхъ къ суду. Генералъ Татищевъ сказалъ ему:

— «Государь желаетъ злодѣевъ закоренѣлыхъ отдѣлить отъ легкомысленныхъ преступниковъ, дѣйствовавшихъ по увлеченію. Твою записку приметъ онъ въ соображеніе при разсмотрѣніи приговора верховнаго уголовнаго суда. Я лично представлю ее государю. Смотри, никто не долженъ знать о ней не только изъ чиновниковъ канцеляріи, но и помощниковъ твоихъ».

«Я понялъ важность этого порученія, — пишетъ Боровковъ, — о каждомъ преданномъ суду изобразилъ добросовѣстно, какъ мнѣ представлялось изъ совокупности слѣдствія и личной извѣстности. Сладко мнѣ было видѣть плоды этой моей работы въ указѣ верховному уголовному суду 10-го іюля 1826 года. Тамъ облегчены наказанія Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Кюхельбекеру, Александру Бестужеву, Никитѣ Муравьеву, князю Волконскому, Якушкину, Александру Муравьеву, графу Булгари и Бодиско 1».

11-го іюля, состоялось засѣданіе верховнаго уголовнаго суда для выслушанія высочайшаго указа, коимъ смертная казнь замѣнена для 31 лица ссылкой въ каторжныя работы безъ срока, смягчены наказанія и другимъ преступникамъ, и повелѣвалось примѣнить менѣе жестокую казнь, нежели четвертованіе, для тѣхъ пяти лицъ, которыя были выдѣлены изъ установленныхъ судомъ одиннадцати разрядовъ. Судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенію [514].

12-го іюля, всѣ члены верховнаго уголовнаго суда собрались въ сенатѣ, чтобы подписать протоколъ объ опредѣленіи, по волѣ государя, смягченныхъ наказаній; затѣмъ судъ отправился въ крѣпость для прочтенія приговора осужденнымъ, признавъ невозможнымъ объявленіе имъ сентенціи въ сенатѣ. Въ Петропавловскую крѣпость потянулись длинною вереницею кареты съ членами верховнаго уголовнаго суда, въ сопровожденіи двухъ жандармскихъ эскадроновъ. Въ комендантскомъ домѣ было уже все приготовлено къ открытію засѣданія, которое началось около часу. Первыми ввели тѣхъ пятерыхъ осужденныхъ, которые были приговорены къ повѣшенію. По свидѣтельству одного изъ судей, сенатора Дивова, онъ не замѣтилъ на ихъ лицахъ ни малѣйшаго смущенія. Затѣмъ были введены прочіе государственные преступники по разрядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе освѣдомленные о ходѣ дѣла, объяснили товарищамъ, что будутъ объявлять сентенцію.—«Какъ, развѣ насъ судили?»—вопрошали недоумѣвавшіе.—«Ужъ осудили»,—получили они въ отвѣтъ.

Въ ближайшей комнатѣ находился протоіерей Мысловскій, лѣкарь и два цырюльника съ приготовленіями для кровопусканія. Ихъ человѣко-

Петръ Николаевичъ Свистуновъ (декабристъ).

(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

любивой помощи, однако, ни для кого не потребовалось. По свидѣтельству очевидца, весьма немногіе осужденные выказали нѣкоторое смущеніе, выслушивая приговоръ суда.

Подъ конецъ засѣданія произошла тягостная сцена. Одинъ изъ осужденныхъ, капитанъ Фурманъ, оказался помѣшаннымъ [515]. Онъ сказалъ

громко: «жизнь его императорскаго величества въ опасности». Дивовъ, описывая этотъ случай, пишетъ: «Его отвели въ отдѣльную комнату, чтобы онъ написалъ свои показанія. Онъ написалъ цѣлый листъ бумаги, въ которомъ не было ни капли здраваго смысла; затѣмъ его ввели въ залу суда, гдѣ этотъ помѣшанный сказалъ, что солдаты дурно отзывались объ императорѣ, и тому подобное въ этомъ родѣ. Предсѣдатель, князь Лопухинъ, приказалъ вывести его».

Исполненіе приговора верховнаго уголовнаго суда должно было послѣдовать на другой день, 13-го іюля 1826 года.

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей по дѣлу о возмущеніи Черниговскаго полка.

Розыскъ по этому возмущенію порученъ былъ двумъ военносудным комиссіямъ, учрежденнымъ по высочайшему повелѣнію въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, при главной квартирѣ первой арміи, надъ мятежными офицерами, и въ Бѣлой Церкви надъ мятежными солдатами Черниговскаго полка. Результаты этихъ розысковъ поступили въ аудиторіатскій департаментъ, который представилъ по сему дѣлу всеподданнѣйшій докладъ. 12-го іюля 1826 года, послѣдовала въ Царскомъ Селѣ слѣдующая высочайшая конфирмація:

«Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и о прочихъ, равно и касательно взысканія денегъ за разстроенныя амуничныя вещи, быть по мнѣнію аудиторіатскаго департамента».

Для поясненія приведенной здѣсь конфирмаціи нужно замѣтить, что по приговору военнаго суда баронъ Соловьевъ, Сухиновъ и Мозалевскій подлежали смертной казни. Императоръ Николай смягчилъ это рѣшеніе, руководствуясь тѣми же основаніями, какъ при утвержденіи приговора верховнаго уголовнаго суда надъ членами тайныхъ обществъ.

Однако не всѣ декабристы подверглись одинаковой печальной участи; между ними нашлись и такія соприкосновенныя къ тайнымъ обществамъ лица, которыя изъяты были отъ суда [516].

Къ числу такихъ выдающихся счастливцевъ принадлежатъ: генералъ-майоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, бывшій флигель-адъютантъ императора Александра I-го, полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка и полковникъ Павелъ Христофоровичъ Граббе.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ.

Madame

J'ai eu l'honneur de montrer
la lettre que vous avez bien voulue
me confier, à Sa Majesté l'Empereur,
m'a chargé, de vous prévenir, que
vous avez l'entière permission de
joindre votre époux à l'endroit de
sa destination.

En m'acquittant de cette commi-
-ssion, j'ai l'honneur, d'être,

Madame

Moscou
ce 26 Août
1826

votre très humble et
très obéissant serviteur
A Benckendorff

ПИСЬМО А. Х. БЕНКЕНДОРФА КЪ ЖЕНѢ ОДНОГО ИЗЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Относительно М. Ѳ. Орлова послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція:

«Продержавъ еще мѣсяцъ подъ арестомъ и въ первомъ приказѣ отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять [517]. По окончаніи же срока ареста, отправить въ деревню, гдѣ жить безвыѣздно; мѣстному же начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ».

Милостивое рѣшеніе, опредѣлившее дальнѣйшую судьбу генерала Орлова, дѣйствительно поражаетъ изслѣдователя этой эпохи, если сравнить его съ печальною судьбою многихъ другихъ причастныхъ къ тайнымъ обществамъ лицъ [518]. А между тѣмъ Михаилъ Ѳедоровичъ, подобно Николаю Ивановичу Тургеневу, былъ членомъ союза Благоденствія [519].

М. Ѳ. Орловъ умеръ въ 1842 году въ Москвѣ, находясь подъ секретнымъ надзоромъ полиціи.

Не менѣе поразительнымъ представляется освобожденіе отъ суда полковника Ѳ. П. Глинки, занимавшаго должность правителя канцеляріи генералъ-губернатора, графа Милорадовича.

Ѳедоръ Глинка принадлежалъ къ числу учредителей тайнаго общества и считался однимъ изъ ревностныхъ его членовъ; сверхъ сего, Глинка въ декабрѣ 1825 года присутствовалъ на совѣщаніяхъ заговорщиковъ у Рылѣева.

Пестель показалъ, что въ началѣ 1820 года въ квартирѣ Глинки было совѣщаніе коренныхъ членовъ союза Благоденствія, гдѣ послѣ долгихъ разсужденій и преній о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленія рѣшено было, чтобы каждый членъ сказалъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; собрали голоса, и когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ: «Le president sans phrases», вслѣдствіе чего единогласно приняли республиканское правленіе, не исключая и Глинки, который во время преній одинъ говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елисавету Алексѣевну.

На заявленіе Пестеля обличенный имъ Глинка возражалъ, что опредѣлительныхъ засѣданій не было, и что многіе изъ членовъ, слушая курсы политическихъ наукъ, по удобности квартиры его съѣзжались къ нему, когда трое, когда четверо; заводили разговоры и даже споры о разныхъ системахъ, иногда и о формахъ правленія, но все въ общемъ политическомъ или ученомъ смыслѣ и съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы лучше вразумляться въ сихъ наукахъ. Государыню императрицу въ такомъ смыслѣ, какъ показалъ Пестель, не предлагалъ, но говорилъ и печаталъ о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ, какъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, такъ и покойнаго государя и императрицы Маріи Ѳеодоровны.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вслѣдствіе разнорѣчія, обнаружившагося въ показаніяхъ, представленныхъ Глинкою и Пестелемъ, имъ дана была очная ставка, на которой оба остались при своихъ мнѣніяхъ.

Фонъ-деръ-Бригенъ показалъ, что Глинка, не выразивъ рѣшительнаго мнѣнія по предложенному въ засѣданіи вопросу, замѣтилъ: такъ какъ Россія всегда блаженствовала подъ управленіемъ императрицъ, то желательно бы имѣть императрицу на престолѣ.

По свидѣтельству Александра Бестужева, Глинка зналъ, что передъ 14-мъ декабря готовилось что-то, а Рылѣевъ, съ своей стороны, заявилъ, что Глинка зналъ о намѣреніи тайнаго общества воспользоваться обстоятельствами передъ присягою.

Глинка опровергалъ эти показанія и утверждалъ, что Рылѣевъ, сообщая ему слухъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ задержанъ въ Варшавѣ, и войска о немъ безпокоятся, говоря, что надо его выручить, сказалъ: «Ну, если солдаты пойдутъ, то мы готовы надѣть сумы за Константина, чтобъ выручить».

За меньшія провинности Николай Тургеневъ былъ приговоренъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни и очутился въ первомъ разрядѣ осужденныхъ, наравнѣ съ княземъ Трубецкимъ и княземъ Оболенскимъ. А между тѣмъ относительно Глинки въ высочайшемъ приказѣ отъ 7-го іюля 1826 года сказано:

«Состоящій по арміи полковникъ Глинка отставляется отъ службы, и дозволяется употреблять его по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника».

Какимъ образомъ удалось Глинкѣ, участвовавшему въ дѣлахъ тайнаго общества до самаго взрыва 14-го декабря, избѣгнуть суровой кары, постигшей другихъ менѣе дѣятельныхъ участниковъ, это остается тайною и до сихъ поръ не разъяснено [520]. Существуетъ мнѣніе, что умирая графъ Милорадовичъ просилъ государя пощадить Глинку, какъ человѣка увлеченнаго, но не преступнаго и душевно преданнаго престолу.

Ѳ. Н. Глинка кончилъ жизнь въ Твери въ 1880 году девяноста двухъ лѣтъ.

Относительно полковника Сверскаго конно-егерскаго полка Павла Христофоровича Граббе состоялось постановленіе, по которому онъ былъ посаженъ въ крѣпость на четыре мѣсяца и потомъ выпущенъ на службу. Впослѣдствіи, 25-го іюня 1839 года, Граббе былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и умеръ графомъ въ царствованіе императора Александра II-го, въ 1875 году [521].

При ближайшемъ обозрѣніи списка лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, невольно поражаетъ изслѣдователя сравнительная ихъ молодость. За немногими исключеніями возрастъ большинства виновныхъ заключается между 20-ю и 35-ю годами [522]. Такимъ

АНГЛЕЙЕ СМЕРТЕЛЬНОЙ РАНЫ ГРАФ [illegible] 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Сверху [illegible] А. [illegible]

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вслѣдствіе разногласія, обнаружившагося въ показаніяхъ, предст[illegible] ныхъ Глинкою и Пестелемъ, имъ дана была очная ставка, на [illegible] оба остались при своихъ мнѣніяхъ.

Фонъ-деръ-Бригенъ показалъ, что Глинка, не выразивъ рѣ[illegible] наго мнѣнія по предложенному въ засѣданіи вопросу, [illegible] какъ Россія всегда блаженствовала подъ управленіемъ импера[illegible], то желательно бы имѣть императрицу на престолѣ.

По свидѣтельству Александра Бестужева, Глинка зналъ, что [illegible] 14-му декабря готовилось что-то, а Рылѣевъ, съ своей сторон[illegible] [illegible]залъ, что Глинка зналъ о намѣреніи тайнаго общества воспользоваться [illegible]стоятельствами передъ присягою.

Глинка опровергалъ эти показанія и утверждалъ, что Рылѣе[illegible] [illegible]общая ему слухъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ задерж[illegible] въ Варшавѣ и войска о немъ безпокоятся, говоря, что надо его [illegible] чить, сказалъ: «Ну, если солдаты пойдутъ, то мы готовы [illegible] мы за Константина, чтобъ выручить».

За меньшія провинности Николай Тургеневъ былъ [illegible] [illegible]ховнымъ уголовнымъ судомъ [illegible] смертной казни и от[illegible] [illegible] первый разрядъ осужденныхъ, [illegible] съ княземъ Трубец[illegible] [illegible]. А между [illegible] относительно [illegible] [illegible] 7-го іюля 1826 года [illegible]

[illegible] по арміи [illegible] остальные [illegible] службы. [illegible] ской части [illegible]

[illegible] существовавшему [illegible] сѣ- [illegible] декабря, изъ [illegible] суровой кары, постигшей другихъ менѣе дѣятельныхъ участник[illegible] остается тайною и до сихъ поръ не разъяснено [520]. Существ[illegible] [illegible]ніе, что умирая графъ Милорадовичъ просилъ государя пощадить [illegible], какъ человѣка увлеченнаго, но не преступнаго и душевно [illegible]аго престолу.

Ѳ. Н. Глинка кончилъ жизнь въ Твер[illegible] 1880 году девяноста [illegible] лѣтъ.

[illegible]ительно полковника Сѣверскаго [illegible] Сѣверскаго полка Павла Хрис[illegible] Граббе состоялось [illegible]новленіе, по которому онъ былъ [illegible] крѣпости на четыре [illegible]яца и потомъ выпущенъ [illegible] службу. [illegible] іюня 18[illegible] года, Граббе был[illegible] генералъ-[illegible] Александра II-[illegible] [521].

При ближайше[illegible] дѣлу о злоумышленныхъ [illegible] сравнительная ихъ молод[illegible] возрастъ большинства виновныхъ заклю[illegible] годами [522]. Такимъ

НАНЕСЕНІЕ СМЕРТЕЛЬНОЙ РАНЫ ГРАФУ МИЛОРАДОВИЧУ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Съ рисунка Шарлеманя, принадлежащаго графу Г. А. Милорадовичу.

Александръ Николаевичъ Сутгофъ (декабристъ).

(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

образомъ въ цвѣтѣ лѣтъ погибли люди, которые при другой обстановкѣ могли бы оказать со временемъ отечеству важныя услуги. Гречъ въ своихъ запискахъ высказываетъ эту мысль, упоминая объ Александрѣ Бестужевѣ, и пишетъ: «Намъ остается только жалѣть отъ глубины сердца о потерѣ человѣка, который при другой обстановкѣ сдѣлался бы полезнымъ своему отечеству, знаменитымъ писателемъ, великимъ полководцемъ: можетъ быть, Бестужевъ отстоялъ бы Севастополь.

Богъ суди тѣхъ сумасбродовъ и злодѣевъ, которые сгубили достойныхъ иной участи молодыхъ людей и лишили Россію благороднѣйшихъ сыновъ! Остался урокъ потомству, да пользуются ли уроками?»

Что касается соціальнаго положенія подсудимыхъ, то почти всѣ они исключительно принадлежали къ военному сословію, изъ которыхъ самое ограниченное число находилось въ отставкѣ; гражданскихъ чиновниковъ встрѣчается только нѣсколько лицъ; вообще же лучшія дворянскія фамиліи имѣли среди декабристовъ своихъ представителей. Затѣмъ нельзя не замѣтить, что въ заговорѣ не участвовала ни одна женщина, ни одна даже ничего не знала о немъ. То же самое можно сказать о тогдашнихъ журналистахъ; они не были привлечены къ дѣлу о тайныхъ обществахъ. Главные представители журнальнаго міра: Фаддей Булгаринъ и Николай Гречъ, остались въ сторонѣ и не подвергались допросу, несмотря на близкія сношенія свои съ декабристами.

Въ день обнародованія манифеста, отъ 1-го (13-го) іюня 1826 года, послѣдовалъ также особый указъ сенату, содержаніе котораго оказалось въ тѣсной связи съ дѣломъ о тайныхъ обществахъ. Государь повелѣвалъ: «Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія нашего къ отличному подвигу, оказанному лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка прапорщикомъ Иваномъ Шервудомъ противъ злоумышленниковъ, посягавшихъ на спокойствіе, благосостояніе государства и на самую жизнь блаженныя памяти государя императора Александра I-го, къ нынѣшней фамиліи его прибавить слово Вѣрный и впредь какъ ему, такъ и потомству его именоваться Шервудомъ-Вѣрнымъ. Правительствующему сенату поручаемъ составить приличный для сей фамиліи гербъ и представить оный къ нашему утвержденію».

Въ сочиненномъ, вслѣдствіе приведеннаго здѣсь высочайшаго повелѣнія, гербѣ Шервуда-Вѣрнаго представлена была рука, выходящая изъ облаковъ и приподнятая вверхъ для присяги.

Замѣтимъ здѣсь, что унтеръ-офицеръ Иванъ Васильевичъ Шервудъ, главный виновникъ открытія заговора 1825 года, былъ англичанинъ по происхожденію и родился въ Кентѣ, близъ Лондона, въ 1798 году. Отецъ Шервуда, въ качествѣ механика, былъ выписанъ въ 1800 году въ Россію, по повелѣнію императора Павла. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, для оживленія льняной промышленности и развитія механическаго прядѣнія и ткачества, у насъ были сдѣланы первыя попытки механическаго прядѣнія, съ каковою цѣлью и была основана въ 1798 году Александровская мануфактура, на которой служилъ отецъ Шервуда. Такимъ путемъ онъ сдѣлался лично извѣстнымъ императору Александру. Повидимому, молодой Шервудъ получилъ очень тщательное образованіе, соединенное съ знаніемъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и даже латинскаго языковъ, былъ отъ природы на-

блюдателенъ, вдумчиво относился ко всему окружающему и при всемъ томъ былъ надѣленъ умомъ, привыкшимъ мыслить логично и строго послѣдовательно. Эти его качества и обусловили успѣхъ возложенной имъ на себя миссіи: въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ дошелъ до убѣжденія, что существуетъ какой-то заговоръ, какъ онъ взялся за раскрытіе злонамѣреннаго общества, въ его малѣйшемъ поступкѣ, такъ и проглядываетъ натура истаго англичанина, дѣйствующаго систематически, медленно, обдуманно, не роняющаго лишняго слова [523].

Двадцати одного года Шервудъ поступилъ рядовымъ въ 3-й Украинскій Уланскій полкъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ этомъ званіи онъ пробылъ шесть лѣтъ. Къ этому времени относятся его сближенія съ офицерами различныхъ полковъ, натолкнувшія его на подозрѣніе о существованіи заговора. Зато съ 1826 года, послѣ его донесенія о заговорщикахъ, его служебная карьера подвигалась впередъ очень быстро. 8-го января 1826 года, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ, 10-го января произведенъ въ прапорщики, а 6-го іюня въ поручики [524]. Въ 1833 году, Шервудъ-Вѣрный былъ назначенъ состоять по кавалеріи въ чинѣ подполковника и въ томъ же году вышелъ въ отставку; онъ умеръ въ 1867 году.

Трудно допустить, чтобы Шервудъ-Вѣрный, съ его характеромъ и умомъ, могъ оставаться совершенно бездѣйственнымъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати четырехъ лѣтъ, со времени своего выхода въ отставку по годъ смерти. Къ сожалѣнію, отсутствіе свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни не позволяетъ намъ сказать что либо положительное.

IV.

Въ ночь на 13-е (2-е) іюля, на валу кронверка Петропавловской крѣпости устроенъ былъ помостъ съ висѣлицею, которая предназначалась для пяти заранѣе намѣченныхъ жертвъ окончившагося политическаго процесса. Къ тремъ часамъ пополуночи на крѣпостной эспланадѣ выстроились части войскъ отъ каждаго полка гвардіи; среди нихъ находилась артиллерія съ заряженными орудіями; къ мѣсту казни прибыли также генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-адъютанты: Чернышевъ и Бенкендорфъ. Затѣмъ приговоренные къ каторжной работѣ и къ ссылкѣ были выведены подъ конвоемъ изъ крѣпости на гласисъ кронверка. Утро было мрачное, туманное. Около мѣстъ, назначенныхъ для исполненія приговора, разложены были пылавшіе костры. Каждый изъ числа осужденныхъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ гвар-

діи, былъ выводимъ передъ отрядъ своего полка, по старшинству разряда, и выслушивалъ свой приговоръ, стоя на колѣняхъ, послѣ чего палачъ ломалъ надъ головою его шпагу и, сорвавъ съ него эполеты, мундиръ и знаки отличія, бросалъ ихъ въ огонь. Прочіе осужденные были поставлены на колѣни среди эспланады и тутъ же подверглись тому же поносному наказанію. Послѣ этой церемоніи государственные преступники надѣли халаты обыкновенныхъ ссыльныхъ и были обратно отведены въ крѣпость. Экзекуція продолжалась слишкомъ часъ [525].

Осужденнымъ странно было видѣть среди себя одного только оставшагося въ мундирѣ съ орденами; это былъ отставной полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, помилованный государемъ [526]. Когда вторая группа разжалованныхъ двинулась въ крѣпость, раздался въ ней хохотъ. Это было приписано безчувственности, ожесточенію приговоренныхъ къ казни; между тѣмъ предметомъ смѣха послужилъ Якубовичъ, въ высокой офицерской шляпѣ, въ ботфортахъ и въ коротенькомъ до колѣнъ халатѣ, выступавшій съ комическою важностію.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ наблюдалъ за осужденными еще до выхода изъ крѣпости, чтобы посмотрѣть на нихъ и послушать разговоры: онъ передаетъ вынесенныя имъ впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ:

«Меня влекло къ тому не одно любопытство, но и состраданіе: то были большею частію молодые люди, дворяне хорошихъ фамилій; многіе изъ нихъ прежде служили со мною, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, князь Волконскій, были непосредственно моими товарищами. У меня щемило сердце; но вскорѣ чувство сожалѣнія, возбужденное во мнѣ мыслію объ ударѣ, поразившемъ столько семействъ, уступило мѣсто негодованію и омерзѣнію. Грязныя и неумѣстныя рѣчи и шутки этихъ несчастныхъ свидѣтельствовали и о глубокой нравственной ихъ порчѣ и о томъ, что сердца ихъ недоступны ни раскаянію, ни чувству стыда».

Въ такомъ же духѣ генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ государю послѣ исполненія приговора:

«La troupe s'est conduit avec dignité, les criminels avec cette bassesse que nous avons vu depuis le commencement».

По совершеніи печальнаго обряда разжалованія, приступлено было къ исполненію приговора надъ осужденными къ повѣшенію. Благодаря неумѣлымъ приготовленіямъ и еще болѣе неумѣлому исполненію, казнь ознаменовалась трагическимъ эпизодомъ: Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ сорвались съ петель; кромѣ страшныхъ ушибовъ, имъ пришлось два раза испытать предсмертныя муки... Наконецъ человѣческое правосудіе исполнилось. Тѣла повѣшенныхъ были скоро сняты и въ слѣдующую затѣмъ ночь неизвѣстно гдѣ преданы землѣ.

Николай Васильевичъ Басаргинъ (декабристъ).

(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

Исполнились слова, сказанныя императоромъ Николаемъ вскорѣ послѣ 14-го декабря графу Лаферроне: «Съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады. Законъ изречетъ кару, и не для нихъ воспользуюсь я принадлежащимъ мнѣ

правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ».

Смертная казнь пяти декабристовъ произвела въ русскомъ обществѣ потрясающее впечатлѣніе. Никто не ожидалъ такого исхода. Нѣкоторые изъ осужденныхъ и напутствовавшій ихъ протоіерей Мысловскій разсчитывали, кажется, на помилованіе. Ходили слухи о томъ, что будто бы императоръ Николай сказалъ: по приговору не будетъ пролито крови, онъ удивитъ всѣхъ своимъ милосердіемъ. И вдругъ случилось обратное!

Существовало мнѣніе, ни на чемъ не основанное, что императрица Елисавета Петровна отмѣнила смертную казнь, между тѣмъ какъ въ Россіи она, напротивъ того, продолжала существовать. Хотя во все царствованіе Александра I смертная казнь не примѣнялась, но полная неопредѣленность въ этомъ вопросѣ не была выяснена законодательнымъ путемъ. Эту юридическую неопредѣленность засталъ при своемъ воцареніи императоръ Николай Павловичъ, и потому верховный уголовный судъ долженъ былъ руководствоваться данными ему выписками, подъ заглавіемъ: «Въ законахъ изображено», помѣщенными нами въ приложеніяхъ. Но такъ какъ при Александрѣ I смертной казни не случилось, то и свыклись съ мыслію, что она какъ бы вполнѣ отмѣнена. «Описать или словами передать ужасъ и уныніе, которые овладѣли всѣми, нѣтъ возможности», пишетъ современникъ и очевидецъ этихъ впечатлѣній въ 1826 году въ Москвѣ [527].

Императоръ Николай провелъ день 13-го іюля въ Царскомъ Селѣ. Государь былъ блѣденъ и мраченъ. Послѣ пріѣзда фельдъегеря, привезшаго извѣстіе о казни пяти декабристовъ, Николай Павловичъ отправился въ церковь помолиться, а затѣмъ запершся въ своемъ кабинетѣ. Вечеромъ за чаемъ у императрицы грустное настроеніе государя продолжалось, онъ почти не разговаривалъ, а великій князь Михаилъ Павловичъ казался озабоченнымъ и мрачнымъ [528].

Немедленно по исполненіи казни генералъ-адъютантъ Дибичъ отправилъ государю нижеслѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Sire! Le feldjegher Tchausoff vous portera le rapport du général Koutouzoff de la fin de l'exécution des scélérats et le général Czernicheff va le suivre de près pour vous en faire le rapport verbal... La troupe s'est conduit avec dignité, les criminels avec cette bassesse que nous avons vu depuis le commencement. (Государь! Фельдъегерь Чаусовъ доставитъ вамъ донесеніе генерала Кутузова объ окончаніи исполненія приговора надъ злодѣями, а вслѣдъ за нимъ прибудетъ генералъ Чернышевъ, который доложитъ вамъ объ этомъ словесно... Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи съ тою же низостью, которую мы видѣли съ самаго начала)».

Въ тотъ же день императоръ Николай отвѣчалъ своему начальнику главнаго штаба:

«Je bénis Dieu de ce que tout soit fini heureusement; j'ai bien cru que les héros du 14 n'auraient pas dans l'occasion plus de courage qu'il ne faut. Je vous recommande, mon cher, pour aujourd'hui la plus grande prudence et dites bien à Benkendorf de redoubler d'activité et d'attention; même consigne à la troupe. Je veux partir d'ici de façon à être à 3 heures à ma maison en ville. (Благодарю Бога, что все окончилось благополучно; я вполнѣ былъ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, чѣмъ нужно. Прошу васъ, любезный другъ, соблюдать сегодня величайшую осторожность и въ особенности передать Бенкендорфу, чтобы онъ удвоилъ свою дѣятельность и бдительность; то же слѣдуетъ предписать и войскамъ. Я намѣреваюсь уѣхать отсюда такимъ образомъ, чтобы быть въ три часа въ моемъ домѣ въ городѣ)».

Въ самый день казни декабристовъ императоръ Николай подписалъ въ Царскомъ Селѣ манифестъ по случаю окончанія дѣла о злоумышленныхъ обществахъ и приговора верховнаго уголовнаго суда.

По мнѣнію П. Г. Дивова, «онъ написанъ очень просто и походитъ на совѣтъ родителямъ беречь нравственность ихъ дѣтей». Манифестъ 13-го іюля по содержанію и по слогу подвергался и болѣе рѣзкой критикѣ. Другіе, какъ, напримѣръ, баронъ Корфъ, усмотрѣли въ немъ величественную картину наступившаго царствованія.

Недавняя слѣдственная комиссія не была позабыта въ манифестѣ; сказано, что комиссія «въ теченіе почти пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, приведя самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію».

Лучшее мѣсто этого довольно длиннаго манифеста были безспорно заключительныя его слова:

«Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

«Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ

отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій».

Еще 6-го іюня императоръ Николай сообщилъ цесаревичу, что послѣ казни состоится «искупительное богослуженіе за упокоеніе душъ тѣхъ, которые погибли въ день 14-го декабря, и молебствіе, чтобы возблагодарить Провидѣніе за то, что оно предохранило насъ отъ всѣхъ несчастій, которыя готовились разразиться надъ нашимъ дорогимъ отечествомъ».

Дѣйствительно, 14-го іюля, отслужено было на Сенатской площади возвѣщенное государемъ благодарственное молебствіе, по словамъ Бенкендорфа, «какъ бы въ очищеніе этого мѣста отъ посрамившихъ его злодѣяній и вмѣстѣ съ поминовеніе павшихъ 14-го декабря жертвами чести и своего долга». Войска расположились вокругъ походной церкви поставленной возлѣ памятника Петра Великаго[529]. Приглашенныя знатныя особы собрались въ адмиралтейской церкви; сюда подъѣхала императрица въ экипажѣ, и затѣмъ всѣ двинулись пѣшкомъ къ походной церкви, предшествуемые духовенствомъ. Во время литургіи служили литію по жертвахъ 14-го декабря. По окончаніи богослуженія, митрополитъ, въ сопровожденіи духовенства, обошелъ ряды войскъ, окропляя ихъ святою водою. Императоръ во время этой церемоніи слѣдовалъ верхомъ, императрица въ экипажѣ. По свидѣтельству очевидца, «молитва съ колѣнопреклоненіемъ произвела большое впечатлѣніе».

Подобное же молебствіе повелѣно было отслужить въ Москвѣ и по всей Россіи. Этимъ священноторжественнымъ актомъ завершилась кара тайныхъ обществъ.

Протоіерей Мысловскій не принималъ участія въ очистительномъ молебствіи, отслуженномъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ. Онъ отпустилъ образъ Казанской Божіей Матери съ другимъ священникомъ, а самъ въ это время въ черномъ облаченіи отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду; случайные богомольцы услышали произнесенныя Мысловскимъ имена: Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія, Петра.

Въ день молебствія, 14-го іюля, императоръ Николай отдалъ по россійскимъ войскамъ слѣдующій приказъ:

«Храбрыя россійскія войска! Когда во дни незабвенные 14-го декабря 1825 и 3-го генваря 1826 года вѣрными грудями вашими заслонили престолъ, спасена святыня православной вѣры, избавлено отечество отъ ужасовъ бунта,—извѣстилъ я васъ, что нѣкоторые зачинщики

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію Полиціи отыскивается здѣсь Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ, который примѣтами: росту высокаго, сухощавъ, глаза навыкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривится, бакенбарды не растутъ; борода мало заростаетъ, сутуловатъ и ходитъ не много искривившись; говоритъ протяжно, отъ роду ему около 30-ти лѣтъ.—Почему поставляется въ непремѣнную обязанность всѣмъ хозяевамъ домовъ и управляющимъ оными, что естьли такихъ примѣтъ человѣкъ у кого окажется проживающимъ или явится къ кому либо на ночлегъ, тотъ часъ представить его въ Полицію; въ противномъ случаѣ съ укрывателями поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Декабря 30 дня 1825 года.

С. Петербургскій Оберъ - Полиціймейстеръ Шульгинъ 1.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О РОЗЫСКѢ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

злодѣйскихъ умысловъ таились среди вашихъ вѣрныхъ рядовъ. Вы съ ужасомъ и негодованіемъ извергли ихъ; нынѣ судъ надъ ними и казнь, имъ подлежащая, исполнены, и очищены вѣрные полки ваши отъ заразы, вамъ и всей Россіи угрожавшей. Итакъ, съ помощію Всевышняго, сего дня на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы ровно за седьмь мѣсяцевъ не щадили крови своей и съ счастіемъ жертвовали жизнію вашему

Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бригенъ (декабристъ).

(Съ литографіи Мюнстера).

государю, на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ вами палъ незабвенный въ россійской арміи графъ Милорадовичъ, на томъ самомъ мѣстѣ принесены Господу Богу жертва благодаренія за дарованіе спасенія чрезъ васъ государству и молитва Ему же о упокоеніи душъ падшихъ за вѣру, царя и отечество.

«Возвѣщая о семъ вамъ, храбрыя россійскія войска, отъ лица Россіи благодарю васъ и взываю, сохраните вѣчно доблести, всегда васъ

отличавшія: теплую вѣру къ Богу, вѣрность престолу, храбрость и неутомимость, и да познаетъ тогда каждый, что съ нами Богъ .

14-го же числа императоръ Николай послалъ генералъ-адъютанту Дибичу изъ дворца на Елагиномъ острову слѣдующее собственноручное письмо[530]:

«Баронъ Иванъ Ивановичъ!

«Вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ благодарить васъ за неутомимые труды ваши и за благоразумныя распоряженія. коими предупредили вы замыслы части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во второй арміи поднять знамя бунта.

«Среди заслугъ отечеству, вами оказанныхъ. справедливое потомство всегда вмѣнитъ вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ — рѣшимость принятыхъ вами мѣръ тогда, когда поражены были постигшимъ всеобщимъ нашимъ несчастіемъ, и дѣйствовали сами собою. Примите чрезъ меня отъ лица отечества совершенную признательность.

«Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Николай».

Въ самый день казни, 13-го іюля, началось отправленіе въ Сибирь осужденныхъ декабристовъ. Первыми увезены были въ Нерчинскіе рудники восемь человѣкъ: князь Трубецкой. князь Оболенскій. князь Волконскій. Якубовичъ. Артамонъ Муравьевъ. Давыдовъ и два брата Борисовы. Повелѣно было заковать ихъ въ желѣза. и въ такомъ видѣ они совершили путешествіе въ Сибирь на почтовыхъ съ фельдъегерями. При отправленіи слѣдующихъ партій поступлено было такимъ же образомъ.

За нѣкоторыми изъ осужденныхъ великодушно послѣдовали въ изгнаніе ихъ жены, явивъ собою замѣчательный примѣръ супружеской любви и самоотверженія; первыми изъ нихъ были княгини Трубецкая и Волконская[531].

Вспоминая объ этомъ самопожертвованіи много лѣтъ спустя, въ 1851 году, императоръ Николай въ разговорѣ сказалъ: «C'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire».

Нѣкоторыхъ изъ декабристовъ постигла судьба. совершенно не согласная съ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ подполковникъ Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, присужденный окончательно, какъ преступникъ третьяго разряда, къ 20-ти-лѣтней каторжной работѣ; исполненіе приговора, однако, не послѣдовало, и на него обрушилась совершенно иная, болѣе тяжелая кара.

Сначала Батенковъ содержался около полугода въ казематѣ форта Свартгольмъ; затѣмъ его перевели снова въ С.-Петербургскую крѣпость и посадили въ полутемный казематъ. Сотоварищи его по суду, даже болѣе виновные, давно уже, а именно съ 1839 года, освобождены были отъ каторжной работы и жили въ Сибири на поселеніи или опредѣлены были рядовыми въ войска, а Гавріилъ Степановичъ все еще продолжалъ томиться въ казематѣ; о немъ какъ бы позабыли. Умъ его началъ омрачаться, и стройный ходъ мысли иногда прерывался; онъ потерялъ счетъ времени. Единственное утѣшеніе затворника составляли вѣра и духовно-нравственныя изслѣдованія. Наконецъ, въ 1846 году, комендантъ крѣпости генералъ Скобелевъ былъ уполномоченъ спросить Батенкова, въ который изъ городовъ Сибири онъ желаетъ ѣхать на поселеніе. Выборъ его остановился на Томскѣ, и послѣ двадцатилѣтней полной отчужденности отъ міра Батенковъ снова очутился среди людей, пользуясь къ тому же относительной свободой. Амнистія 1856 года застала Батенкова еще въ живыхъ; онъ возвратился въ Россію и поселился въ Калугѣ, гдѣ и умеръ въ 1863 году на 71-мъ году жизни.

Болѣе счастливая участь выпала на долю Вильгельма Кюхельбекера, причисленнаго къ преступникамъ перваго разряда, но по ходатайству великаго князя Михаила Павловича приговореннаго къ двадцатилѣтней каторжной работѣ; тѣмъ не менѣе его отправили не въ рудники, а въ арестантскія роты въ Динабургскую крѣпость, затѣмъ въ Ревель и окончательно въ Свеаборгъ. Въ 1835 году, Кюхельбекеръ обращенъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ умеръ въ 1846 году.

V.

Печальное положеніе нашего правосудія было однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя всю заботливость императора Николая тотчасъ послѣ воцаренія. «Я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ». Эту мысль выразилъ вступающій на престолъ самодержецъ своему бывшему наставнику, бесѣдуя съ нимъ 13-го декабря о предстоящей новому царствованію задачѣ[532]. Въ рѣчи же, произнесенной имъ много лѣтъ спустя, въ 1833 году, въ государственномъ совѣтѣ, императоръ Николай сказалъ:

«При самомъ моемъ вступленіи на престолъ я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ занявшимъ меня дѣломъ было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества ука-

зовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ. Это побудило меня, съ первыхъ дней моего правленія, разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась комиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое руководство, закрывъ прежнюю комиссію».

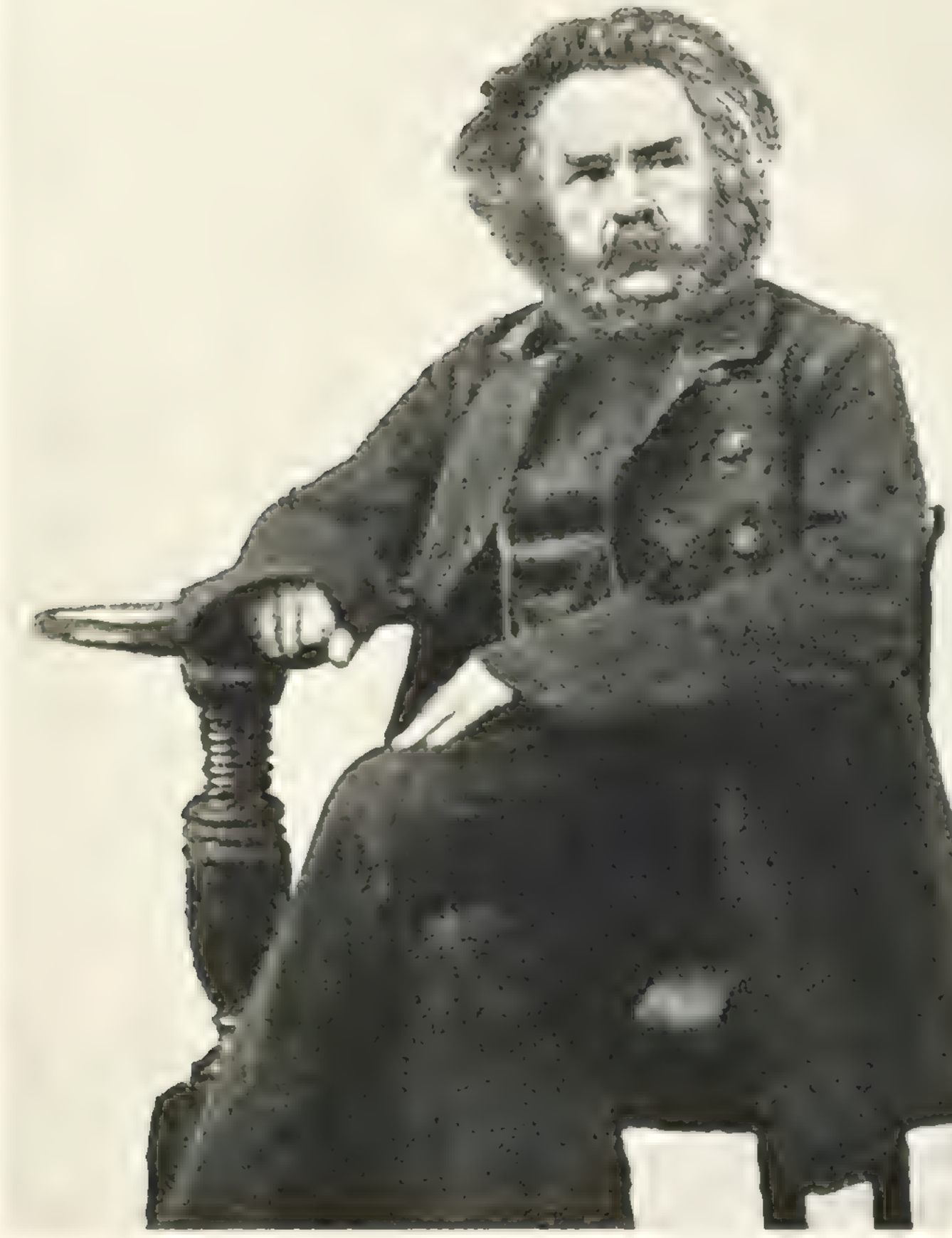
Для осуществленія мысли, высказанной въ приведенной нами рѣчи, императоръ Николай, 31-го января 1826 года, обратился къ предсѣдателю государственнаго совѣта князю Лопухину, на котораго возложено было главное завѣдываніе комиссіею составленія законовъ, съ рескриптомъ, въ которомъ сказано было: «При первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на уложеніе отечественныхъ нашихъ законовъ, усмотрѣлъ я, что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли своей цѣли. Желая сколь можно болѣе удостовѣрить успѣшное ихъ совершеніе, я призналъ нужнымъ принять ихъ въ непосредственное мое вѣдѣніе. Для сего приказалъ я учредить въ собственной моей канцеляріи особое для нихъ отдѣленіе».

Этимъ актомъ получило свое образованіе Второе Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи; открытіе его послѣдовало 24-го апрѣля 1826 года.

Начальникомъ Второго Отдѣленія былъ назначенъ, 4-го апрѣля 1826 года, старшій членъ бывшей комиссіи составленія законовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій. Но сущность самаго дѣла поручена была члену государственнаго совѣта Сперанскому, который, однако, по этому новому возложенному на него дѣлу, не былъ облеченъ никакимъ официальнымъ званіемъ, хотя онъ одинъ распоряжался работами Второго Отдѣленія и имѣлъ всѣ личные доклады по этой части у государя[533]. Такой порядокъ продолжался до самой смерти Сперанскаго въ 1839 году[534].

Когда императоръ Николай поручилъ Сперанскому веденіе дѣла, столь близкаго своему сердцу, то выборъ былъ сдѣланъ отнюдь не по какому либо особому довѣрію къ образу мыслей и дѣйствій бывшаго

ональнаго любимца Александра I, а только по необходимости. пишетъ баронъ Корфъ, „не найдя вокругъ себя никого, къ тому болѣе способнаго“. При назначеніи Балугьянскаго начальникомъ Втораго Отдѣленія, императоръ Николай, бесѣдуя съ своимъ бывшимъ наставни-



Иванъ Ивановичъ Горбачевскій (декабристъ).
(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

комъ, сказалъ ему въ разговорѣ о Сперанскомъ: „Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году: ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ“. Графиня Лиевенъ разсказывала, что однажды, спустя нѣсколько недѣль послѣ 14-го декабря, императоръ Николай, зайдя къ ней по окончаніи своей работы съ Сперанскимъ, выразился о немъ чрезвычайно рѣзко, въ самыхъ неблагопріятныхъ выраженіяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ успѣшнаго выполненія Сперанскимъ порученныхъ ему работъ, предубѣжденія императора Николая постепенно смягчались и наконецъ уступили мѣсто искреннему расположенію и полному довѣрію. Всѣ обвиненія и клеветы, взводимыя на Сперанскаго, по собственному выраженію государя, «разсыпались, какъ пыль». Измѣненіе взгляда императора Николая на прошедшее Сперанскаго послѣдовало съ тѣхъ поръ, какъ оклеветанный страдалецъ представилъ государю въ доказательство своей невинности два собственноручныхъ письма императора Александра отъ 22-го марта 1819 года. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Александръ писалъ тогдашнему пензенскому губернатору: «Болѣе трехъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ, призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ такимъ образомъ дарованіямъ вашимъ новый путь содѣлаться полезнымъ отечеству, не переставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812 году и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ себѣ. Сей способъ, по моему мнѣнію, былъ единственный, то-есть служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ. Иначе, призывъ вашъ въ С.-Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія... желаніе мое стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими дать мнѣ явную причину приблизить васъ къ себѣ»[535].

По прочтеніи императоромъ Николаемъ писемъ, представленныхъ ему Сперанскимъ, оклеветанный государственный дѣятель навсегда оправдался передъ государемъ отъ возведенныхъ на него въ 1812 году обвиненій.

Карамзинъ, нѣкогда рѣшительный противникъ преобразовательной дѣятельности Сперанскаго, какъ ревностный сторонникъ самодержавія и преданій старины, давно уже перемѣнилъ свой взглядъ относительно бывшаго государственнаго секретаря. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, Карамзинъ всячески поддерживалъ его во мнѣніи государя, а Сперанскій, съ своей стороны, какъ пишетъ баронъ Корфъ, показалъ видъ, что прощаетъ, или, по свойственному ему добродушію, въ самомъ дѣлѣ простилъ насмѣшки и укоризны автора записки «О древней и новой Россіи».

Когда въ 1826 году Карамзинъ опасно занемогъ, Сперанскій навѣстилъ его и сообщилъ исторіографу предположенія относительно образованія Второго Отдѣленія. Карамзинъ слушалъ внимательно, одобрилъ сообщенныя ему предположенія и сказалъ: «Вотъ это совершенно согласно съ моими давними убѣжденіями. Я всегда думалъ, какъ можно

составлять законы, не зная всѣхъ тѣхъ, какіе у насъ есть и были. Надобно прежде знать свое; надобно собрать все безъ исключенія, и потомъ уже отдѣлить то, что дѣйствительно имѣетъ въ настоящее время обязательную силу: такъ составится вѣрный сводъ, по крайней мѣрѣ, того, что существуетъ» [536].

Въ такомъ духѣ и начались работы во Второмъ Отдѣленіи, по указаніямъ и подъ руководствомъ Сперанскаго. Императору Николаю въ его почти невольномъ выборѣ поблагопріятствовало особенное счастіе, и лучшаго исполнителя для задуманнаго дѣла онъ едва ли могъ бы найти. Сперанскій въ это время уже не ставилъ себѣ задачею ломку всего прежняго и существующаго; сила обстоятельствъ воздѣйствовала на нѣкогда смѣлаго реформатора, заставивъ позабыть свое нѣкогда любимое выраженіе: «Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap». Біографъ Сперанскаго пишетъ: «Онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы».

Результатомъ новой дѣятельности Сперанскаго явились «Полное собраніе законовъ» и систематическій «Сводъ».

Успѣхъ работы, порученной Сперанскому, конечно, во многомъ зависѣлъ отъ тѣхъ отношеній, которыя установятся между нимъ и Михаиломъ Андреевичемъ Балугьянскимъ; въ сущности, послѣдній былъ все-таки начальникомъ Второго Отдѣленія, между тѣмъ какъ главный руководитель всего дѣла стоялъ нѣкоторымъ образомъ въ сторонѣ, причемъ за нимъ велѣно было еще смотрѣть, «чтобы онъ не надѣлалъ тѣхъ же проказъ, какъ въ 1810 году». Къ счастію для дѣла, между ними установилось самое тѣсное, самое единодушное сотрудничество, направленное къ осуществленію благихъ намѣреній государя, несмотря на то, что въ отношеніи характеровъ — это были двѣ типическія противоположности, не имѣвшія между собою ничего общаго. «Объ эти свѣтлыя личности,—пишетъ П. Барановъ въ біографическомъ очеркѣ Балугьянскаго,—самостоятельныя въ характерахъ, своеобразныя каждая въ своемъ родѣ, не только не расходились до конца жизни, но и не оставили слѣдовъ какихъ либо обоюдныхъ пререканій, почти неизбѣжно сопровождающихъ всякія человѣческія сближенія, большею частію кончающіяся враждою. Изъ этого назидательнаго примѣра можно вывести заключеніе о глубокомъ умѣ обоихъ дѣятелей-союзниковъ при служеніи отечеству, подъ руководствомъ такого самостоятельнаго, энергическаго, смирявшаго вокругъ себя человѣческія страсти вождя, какимъ былъ, вѣрный самому себѣ до конца жизни, незабвенный императоръ Николай I».

VI.

Еще до окончанія суда надъ декабристами императоръ Николай принялъ весьма важную мѣру, положившую извѣстную печать на всѣ послѣдовавшіе годы его царствованія и находившуюся въ прямой связи съ событіями 14-го декабря: мы говоримъ объ учрежденіи Третьяго Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи и назначеніи генералъ-адъютанта Бенкендорфа шефомъ жандармовъ.

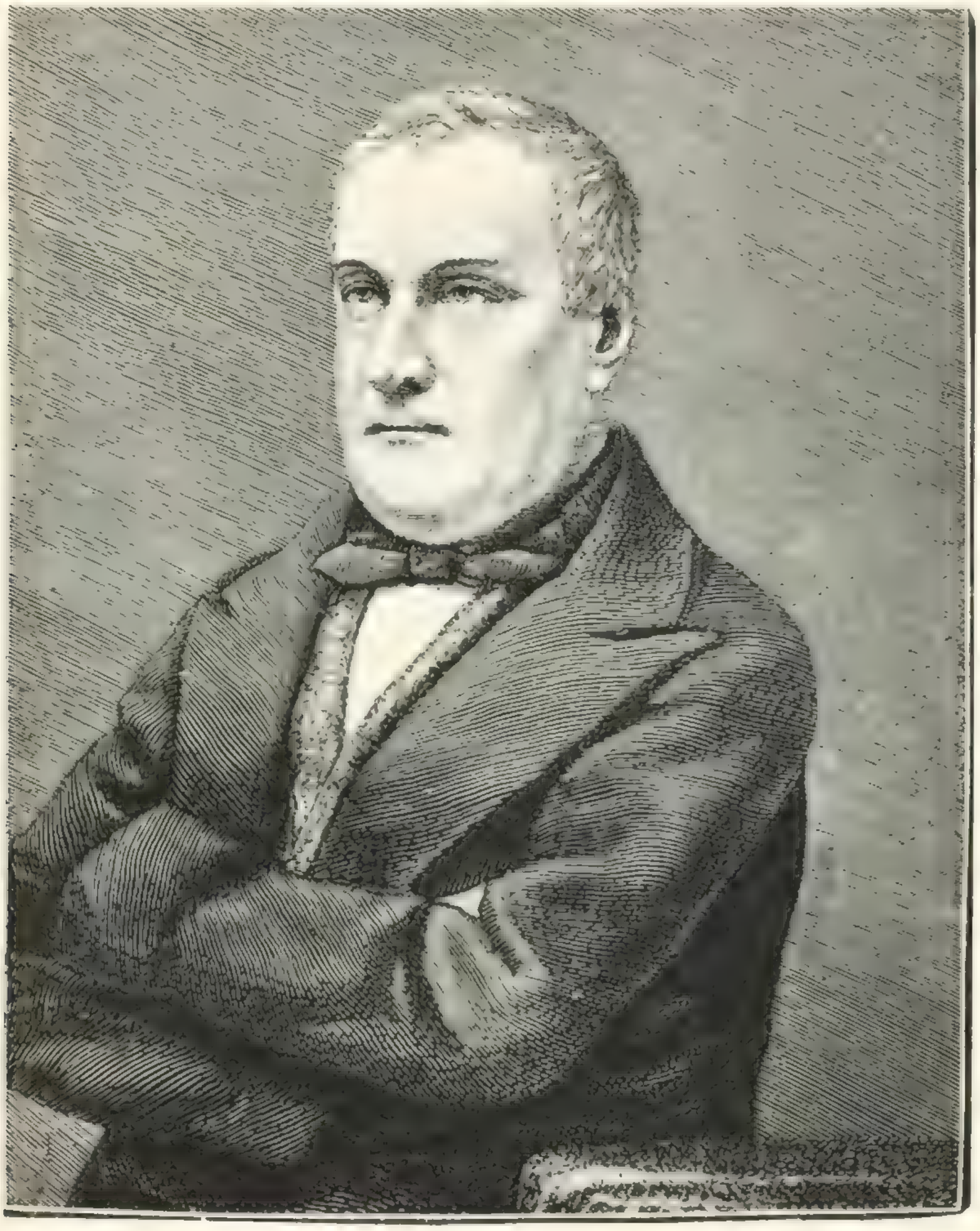
Если вспомнимъ о запискѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа относительно тайныхъ обществъ, представленной въ 1821 году императору Александру, которая безполезно пролежала въ письменномъ столѣ государя до его кончины, неудивительно, что выборъ императора Николая при назначеніи шефа жандармовъ остановился именно на Александрѣ Христофоровичѣ. Иначе и не могло быть. Уже въ январѣ 1826 года Бенкендорфъ, пользуясь измѣнившимися обстоятельствами, представилъ записку объ учрежденіи высшей полиціи, предлагая въ ней назвать главу ея министромъ полиціи и инспекторомъ корпуса жандармовъ. За этой запиской послѣдовали еще другія объ организаціи корпуса жандармовъ. Однако, императоръ Николай не пожелалъ присвоить задуманному новому учрежденію названіе министерства полиціи; вѣроятно, этому воспрепятствовали воспоминанія наполеоновской эпохи, связанныя съ именами Фуше и Савари. Окончательно придумано было для новаго учрежденія и новое дотолѣ небывалое названіе: Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи [537].

25-го іюня 1826 года, въ день рожденія императора Николая, появился высочайшій приказъ о назначеніи начальника 1-й кирасирской дивизіи, генералъ-адъютанта Бенкендорфа, шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою.

Директоромъ канцеляріи Третьяго Отдѣленія назначенъ былъ Михаилъ Максимовичъ Фокъ, человѣкъ, несомнѣнно, умный, разносторонне образованный и свѣтскій. Обширное знакомство и связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ давали ему возможность видѣть и знать, что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ столичнаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Фокъ пользовался самою предупредительною дружбою и довѣріемъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся между ними переписка.

3-го (15-го) іюля 1826 года, состоялся высочайшій указъ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского, на основаніи котораго уничтожалась особая канцелярія этого министерства и преобразо-

вывалась въ Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. и повелѣно было учинить нужныя по сему распоряженія. Во исполненіе сего указа предписано было гг. начальникамъ губерній, чтобы они по предметамъ, въ составъ помянутаго Отдѣленія вошедшимъ, доносили уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ, а прямо его императорскому величеству.



Гавріилъ Степановичъ Батенковъ (декабристъ).

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ“ 1889 года).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ объясняетъ въ своихъ запискахъ появленіе Третьяго Отдѣленія слѣдующимъ образомъ; онъ пишетъ: «Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе; государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣснен-

ными и наблюдала за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными. Число послѣднихъ возросло до ужасающей степени съ тѣхъ поръ, какъ множество французскихъ искателей приключеній, овладѣвъ у насъ воспитаніемъ юношества, занесли въ Россію революціонныя начала своего отечества, и еще болѣе со времени послѣдней войны, черезъ сближеніе нашихъ молодыхъ офицеровъ съ либералами тѣхъ странъ Европы, куда заводили насъ наши побѣды. Никогда не думавъ готовиться къ этому роду службы, я имѣлъ о немъ лишь самое поверхностное понятіе, но благородныя и благодѣтельныя побужденія, давшія поводъ къ этому учрежденію, и желаніе быть полезнымъ новому нашему государю не позволили мнѣ уклониться отъ принятія образованной имъ должности, къ которой призывало меня высокое его довѣріе.

«Рѣшено было учредить подъ моимъ начальствомъ корпусъ жандармовъ. Всю имперію раздѣлили въ семъ отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу, и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта. Учрежденное въ то же время Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей секретной полиціи, которая, въ лицѣ тайныхъ агентовъ, должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ. Государь, чтобы сдѣлать эту должность болѣе пріятною въ моихъ глазахъ, благоволилъ присоединить къ ней и званіе командующаго своей главной квартиры.

«Я неотложно приступилъ къ дѣлу, и Богъ помогъ мнѣ исполнить новыя мои обязанности къ удовольствію государя и не возстановивъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Мнѣ удалось дѣлать добро, оказывать многимъ одолженія, открыть много злоупотребленій и, въ особенности, предупредить и отвратить много зла».

Въ дополненіе къ сказанному генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ необходимо еще замѣтить, что возникновеніе разсматриваемаго николаевскаго административнаго учрежденія объясняется обстоятельствами, среди которыхъ оно зародилось. Продолжительное существованіе и спокойное развитіе тайнаго политическаго общества, о которомъ правительство долгое время имѣло лишь смутныя подозрѣнія, обнаружило съ достаточною очевидностью полное отчужденіе правительственныхъ сферъ отъ общества. Покончивъ съ мятежемъ и съ тайнымъ обществомъ, правительство увидѣло передъ собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобнаго явленія, чтобы всегда быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для достиженія подобной цѣли нельзя было попрежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія: отнынѣ надо было

знать, что̀ затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ; для успѣшнаго рѣшенія подобной задачи предстояло проникнуть въ сердца и тайные людскіе помыслы. Политической прессы въ то время въ Россіи не существовало; къ тому же самая возможность обсужденія въ печати всякихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ представлялась тогда какъ бы государственною ересью; господствовало убѣжденіе, что одни управляющіе страною въ состояніи сообразить, что именно нужно и полезно для управляемыхъ. Событія 14-го декабря послужили для правительства предостереженіемъ, доказавъ на дѣлѣ, насколько для него опасно пренебрежительное отношеніе къ внутренней жизни мыслящихъ классовъ въ Россіи. Вслѣдствіе этого возникла мысль объ учрежденіи тайнаго надзора, хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же цѣли, какъ и родственныя съ нимъ учрежденія XVIII столѣтія, существовавшія въ разное время и подъ разными наименованіями, но оставленнаго въ своемъ новомъ видѣ несравненно мягче и порученнаго людямъ, до нѣкоторой степени образованнымъ, обладающимъ къ тому же свѣтскимъ лоскомъ. По мысли государя, лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла.

При такой постановкѣ вопроса оставалось надѣяться, что этотъ фениксъ, возродившійся изъ пепла, обладая средствами все узнавать, доставитъ правительству возможность прервать многочисленныя злоупотребленія, которыми страдала Россія, и не получитъ слишкомъ односторонняго направленія при развитіи своей разнообразной дѣятельности. Современники царствованія императора Николая Павловича признаютъ, однако, что ожиданія и надежды въ этомъ смыслѣ не оправдались въ дѣйствительной жизни наступившаго тогда тридцатилѣтія. Если даже и справедлива легенда о томъ историческомъ платкѣ, который, переданный императоромъ Николаемъ шефу жандармовъ, долженъ былъ замѣнить инструкцію, утирая какъ можно больше слезъ, проливаемыхъ повсемѣстно въ Россіи отъ разныхъ неустройствъ, то намѣченная благая цѣль не была достигнута, а случилось какъ разъ обратное. Именно этотъ платокъ еще болѣе оросился слезами, вызванными дѣятельностью новаго учрежденія, созданнаго въ 1826 году, а первоначальная руководящая цѣль отступила на задній планъ, какъ бы стерлась въ памяти призванныхъ къ дѣлу исполнителей, и скопленное вѣками зло осталось неприкосновеннымъ на многіе годы.

Для лучшей характеристики дѣятельности вновь учрежденнаго «Третьяго Отдѣленія» и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей достаточно привести здѣсь одинъ документъ: инструкцію, данную шефомъ жандармовъ, 13-го января 1827 года, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка поручику Шервуду-

Вѣрному; она въ достаточной мѣрѣ знакомитъ съ духомъ новаго учрежденія и способами, придуманными имъ для осуществленія предначертанныхъ ему благихъ цѣлей и защиты страждущаго человѣчества.

Въ предписаніи, данномъ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, сказано было, что поручику Шервуду-Вѣрному предлагается «съ полученія сего отправиться для исполненія данныхъ мною вамъ порученій въ разныя губерніи Россійскаго государства, согласно полученной вами для сего инструкціи».

Упоминаемая шефомъ жандармовъ инструкція заключалась въ слѣдующемъ:

«Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

«1) Обратить особенное ваше вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

«2) Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личной властью и преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

«3) Прежде, нежели приступить къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлью вашей должности должно быть, прежде всего, предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла; напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварить о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и вывести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

«4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила, несомнѣнно, должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго гражда-

нина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора.

«Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества.

«На таковомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, почтится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

«5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные, или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о таковыхъ имѣете доставлять мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества: отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

«Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительности дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани, и чего даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

«Впрочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей».

Остается упомянуть здѣсь объ одномъ Александровскомъ учрежденіи, продолжавшемъ еще нѣкоторое время влачить свое номинальное существованіе, но сдѣлавшемся излишнимъ съ появленіемъ Третьяго Отдѣленія. Это былъ «комитетъ 13-го января 1807 года»[538]. Наконецъ, 17-го января 1829 года, послѣдовалъ указъ сенату о закрытіи комитета.

«Въ непремѣнномъ желаніи нашемъ, — сказано въ высочайшемъ указѣ, — сохранить благосостояніе нашихъ вѣрноподданныхъ извѣстными и непоколебимыми дѣйствіями нашихъ законовъ, повелѣваемъ закрыть

особый комитетъ, учрежденный въ 13-й день января 1807 года для разсматриванія дѣлъ о зловредныхъ намѣреніяхъ, а дѣла, поступившія въ его разсмотрѣніе, обращать наравнѣ съ другими дѣлами преступленій къ обыкновенному законному разсмотрѣнію и рѣшенію судебныхъ мѣстъ, общими государственными постановленіями учрежденныхъ. Правительствующій сенатъ сдѣлать къ исполненію сей нашей воли надлежащее распоряженіе» [539].

VII.

Смуты, сопровождавшія междуцарствіе, не прошли безслѣдно для крестьянскаго населенія, вызвавъ среди него временное броженіе: заговорили о свободѣ, и мѣстами проявились безпорядки—обычное въ прежнее время явленіе, сопровождавшее каждое новое царствованіе.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ замѣчаетъ по поводу случившихся тогда безпорядковъ:

«Помѣщичьи крестьяне въ нѣсколькихъ владѣніяхъ, обманутые злоумышленными внушеніями или ложными надеждами, отказались повиноваться своимъ владѣльцамъ и требовали свободы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это неповиновеніе перешло даже въ явный бунтъ, и для охраненія общественной безопасности потребовались мѣры самыя энергическія. Вслѣдствіе того государь велѣлъ преступниковъ сего рода судить военнымъ судомъ, и, благодаря твердости и бдительности правительства, эти безпорядки были вскорѣ подавлены».

Движеніе, обнаружившееся среди крестьянъ, побудило императора Николая обнародовать 12-го мая 1826 года манифестъ, въ которомъ сказано, что по донесеніямъ начальниковъ губерній дошло до свѣдѣнія правительства, что «въ нѣкоторыхъ селеніяхъ казенные и помѣщичьи крестьяне, обманутые ложными слухами и злонамѣренными разглашеніями, отступаютъ отъ должнаго порядка, полагая: первые, то-есть казенные крестьяне, что будутъ освобождены отъ платежа податей, а послѣдніе, то-есть помѣщичьи, отъ повиновенія ихъ господамъ. Сожалѣя о заблужденіи сихъ поселянъ и желая обратить ихъ на путь истинный мѣрами кротости, свойственными отеческому милосердію нашему, повелѣваемъ объявить повсемѣстно:

«1) Что всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ господамъ суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться на счетъ крестьянъ, по ихъ простодушію.

«2) Всѣ состоянія въ государствѣ, въ томъ числѣ и поселяне, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, по всей точности должны исполнять всѣ обязанности, законами предписанныя, и безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ.

«3) Если и за симъ нашимъ повелѣніемъ откроется какой либо безпорядокъ между казенными поселянами или помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми, по ложнымъ слухамъ о свободѣ отъ платежа податей или отъ законной власти помѣщиковъ, то виновные навлекутъ на себя справедливый нашъ гнѣвъ и немедленно будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

«4) Подтверждается начальникамъ губерній имѣть неослабное наблюденіе, дабы разглашатели подобныхъ слуховъ или толковъ были безъ замедленія предаваемы суду, для поступленія съ ними также по всей строгости законовъ.

«5) А какъ и до насъ уже прямо доходятъ недѣльныя просьбы поселянъ, писанныя на основаніи вышесказанныхъ слуховъ или толковъ, то для прекращенія сего зла и сохраненія тишины и порядка мы повелѣваемъ сочинителей или писателей таковыхъ просьбъ, яко возмутителей общаго спокойствія, предавать суду и наказанію по всей строгости законовъ».

Манифестъ 12-го мая повелѣно было читать въ теченіе шести мѣсяцевъ по церквамъ, на торгахъ и ярмаркахъ, и строго подтверждалось начальникамъ губерній имѣть неослабное наблюденіе за исполненіемъ изложенныхъ въ немъ мѣръ въ предупрежденіе всякаго неустройства.

Однако, императоръ Николай не довольствовался приведеннымъ здѣсь, если можно такъ выразиться, карательнымъ манифестомъ. Двумя рескриптами на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского, отъ 19-го іюня и 6-го сентября 1826 года, государь предписывалъ дворянству христіанское и сообразное законамъ обращеніе съ крестьянами, явно выказывая свое желаніе оградить крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола. «Но, къ истинному моему сожалѣнію,—сказано въ рескриптѣ отъ 19-го іюня,—доходятъ до моего свѣдѣнія несогласные съ симъ примѣры; а потому и повелѣваемъ вамъ поставить на видъ означенную волю мою, кромѣ всѣхъ начальниковъ губерній, въ особенности всѣмъ предводителямъ и маршаламъ дворянства... Вы имъ предпишите, что неуспѣшное исполненіе сей достойной уваженія ихъ обязанности подвергнетъ ихъ неизбѣжному взысканію по законамъ вмѣстѣ съ тѣми, кои дозволятъ себѣ удалиться отъ изъявляемой мною здѣсь воли моей, такъ какъ и порядокъ въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, ихъ заботливостію и предвареніями соблюденный, всегда будетъ предметомъ моего особеннаго вниманія и вмѣнится имъ въ заслугу».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Въ рескриптѣ отъ 6-го сентября изложены правила, которыми должны руководствоваться уѣздные предводители дворянства, когда обнаружено будетъ со стороны помѣщиковъ въ обращеніи съ крестьянами злоупотребленіе власти въ непомѣрномъ ли распорядкѣ работъ и повинностей, или въ непомѣрныхъ наказаніяхъ, ибо, какъ писалъ государь, «во всѣхъ случаяхъ я ищу и всегда искать буду лучше предупреждать зло, нежели преслѣдовать его наказаніемъ, когда оно уже возникло».

Наконецъ, заботливость императора Николая о крестьянскомъ сословіи выразилась еще другимъ дѣйствіемъ воцарившагося молодого государя. 6-го декабря 1826 года, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея учрежденъ былъ особый секретный комитетъ, которому поручался пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія и представленіе своего заключенія о необходимыхъ преобразованіяхъ; работы комитета должны были также коснуться и крестьянскаго вопроса. Обзоръ дѣятельности комитета 6-го декабря составитъ предметъ одной изъ послѣдующихъ главъ нашего труда.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

---

1. «Monsieur le souffre-douleur est averti que maman est accouchée ce matin à trois heures d'un énorme garçon, auquel on a conféré le nom de Nicolas. Il a une voix de basse avec laquelle il crie d'une manière étonnante; il est de la longueur d'une archine moins deux verchoks, et ses mains sont presque aussi grandes que les miennes; de ma vie je n'ai vu un chevalier pareil. S'il continue comme il débute, ses frères seront des nains à côté de ce colosse». «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», т. XXIII, стр. 679.

2. «Le chevalier Nicolas sera baptisé dimanche, et il se porte à merveille». «Сборникъ И. Р. И. О.». т. XXIII, стр. 681.

3. «Le chevalier Nicolas depuis trois jours mange déjà de la bouillie, parce qu'il veut manger à tout moment; je pense que jamais enfant de huit jours n'a fait pareil repas; c'est inoui. Les bras en tombent à toutes les bonnes; si cela continue, je pense qu'on le sévrera à six semaines. Il toise tout le monde et remue sa tête comme moi». «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXIII, стр. 681.

4. Къ сочиненію И. Шильдера: «Императоръ Павелъ Первый» (Спб., 1901), приложенъ автографъ этого письма (стр. 161 и 592).

5. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 15. (Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія).

6. Опредѣленіе Ш. К. Ливенъ ко двору послѣдовало послѣ внезапной смерти въ 1783 году Софіи Ивановны Бенкендорфъ (матери отца графа А. Х. Бенкендорфа), на попеченіи которой находились великій князь Александръ Павловичъ и прочія дѣти цесаревича Павла Петровича (великій князь Константинъ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна).

7. Записки Саблукова (Revue Moderne, 1866, p. 130).

Свѣдѣнія о княгинѣ Ливенъ можно найти въ словѣ, сказанномъ пасторомъ Рейнботомъ въ день ея отпѣванія (Rheinbott: Gedächtnisspredigt am 27 Februar 1828. St.-Petersburg. 1828).

8. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 11.

9. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 21.

10. «Архивъ князя Воронцова», книга 11-я, стр. 304.

11. И. Шильдеръ: «Императоръ Павелъ Первый», стр. 552.

12. Для характеристики отношеній, установившихся между великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и его бывшимъ воспитателемъ, можетъ служить нижеслѣдующее письмо великаго князя, относящееся, вѣроятно, къ царствованію императора Павла Петровича:

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

«Mon général. Je me suis aujourd'hui effrayé singulièrement en recevant votre lettre qui avait l'air d'être un placet. Mais comme j'ai reconnu dedant notre vieux cher Lamsdorff, cela m'a desefrayé. Dites moi, je vous prie, comme on appelle en russe, quel шалости mes grenadiers ont fait chez vous. Je vous prie de ne leur pas permettre d'en faire, comme vous m'en avez pas permis d'en faire, à leur chef en temps et lieu, qui vous attaché sérieusement à toute votre famille de bon coeur. Санктъ-Петербургскаго гренадерскаго полка шефъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Константинъ». (Орѳографія подлинника сохранена).

Разсказываютъ, что великій князь Константинъ Павловичъ, будучи мальчикомъ: однажды заупрямился, что случалось нерѣдко, и, не желая повиноваться, угрожалъ Ламздорфу выпрыгнуть изъ окна. Находчивый воспитатель, отворивъ окно, сказалъ: «S'il vous plait, monseigneur!» Константинъ Павловичъ былъ до такой степени озадаченъ поступкомъ Ламздорфа, что немедленно смирился и просилъ у него прощенія.

13. Baron Heyking: «Aus den Tagen Kaiser Pauls», Leipzig, 1886, p. 173.

14. «Краткая исторія Перваго кадетскаго корпуса». С.-Петербургъ, 1832. Стр. 53 и 81.

15. Когда въ февралѣ 1801 года князь Зубовъ удостоенъ былъ званія шефа Перваго кадетскаго корпуса, то директоромъ сдѣлался генералъ-маіоръ Клингеръ, остававшійся въ этомъ званіи до увольненія его, послѣдовавшаго въ 1820 году.

16. Впослѣдствіи, до 1815 года, генералъ Ламздорфъ получилъ еще двѣ награды, производство въ генералы отъ инфантеріи и орденъ ср. Владимира первой степени.

17. Для нѣкоторой характеристики взаимныхъ отношеній между воспитателями и ихъ воспитанникомъ мы помѣстили въ приложеніяхъ нѣсколько дѣтскихъ писемъ великаго князя Николая Павловича къ генералу Ламздорфу и письма къ нему же Ахвердова. Къ этой же эпохѣ относится письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу отъ 5-го іюня 1806 года.

18. «Dans ses jeux il finit presque toujours par se blesser ou blesser les autres; ses jeux sont trop bruyants et trop pleins de mauvaises manières». (Журналъ 1805 года).

19. «Son humeur est si peu sociable, qu'il a préféré de rester seul et dans une parfaite inactivité, que d'être aux jeux. Cette bizarrerie ne pouvait provenir que de ce que les jeux de madame sa soeur et de monseigneur son frère ne lui plaisaient point et qu'il n'a point été capable du moindre effort de complaisance; et malgré toutes les recommandations il ne s'est nullement prêté aux raisons qu'on lui donnait». (Журналъ 1806 года).

20. «Il est curieux, attentif à ce qu'on lui raconte, avide de savoir; mais dès qu'il doit travailler lui-même, son application n'est que de peu de durée et finit par dégénérer en distraction». «Ses leçons, surtout celles qui demandent de la réflexion, ne sont pour la plupart que médiocres». (Журналы 1805 и 1807 годовъ).

21. Мнѣніе относительно ненависти Николая Павловича къ музыкѣ должно быть отнесено лишь къ дѣтскимъ годамъ великаго князя, потому что о позднѣйшемъ времени сохранились свидѣтельства какъ разъ противоположнаго свойства. А. Ф. Львовъ разсказывалъ, что императоръ Николай въ теченіе всей его жизни сохранилъ любовь къ музыкѣ; оказалось, что онъ одаренъ былъ необыкновенною музыкальною памятью и вѣрнымъ слухомъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бывали иногда у императрицы Александры Ѳеодоровны небольшіе домашніе концерты, на которыхъ сама она и великія княжны играли на фортепіано и пѣли вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ числа придворныхъ дамъ, фрейлинъ и кавалеровъ. Графъ М. Ю. Вielьгорскій игралъ на віолончели, А. Ф. Львовъ на скрипкѣ и т. д. Были сочиняемы инструментальныя пьесы нарочно для царственнаго персонала (обыкновенно А. Ф. Львовымъ), а для государя была назначена партія на трубѣ, т.-е. cornet à piston, инструментѣ, на которомъ онъ любилъ играть. Во время репетицій, государь обыкновенно уводилъ Львова къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ послѣдній долженъ былъ нѣсколько разъ сыграть ему на скрипкѣ его партію. Внимательно прослушавъ ее два или три раза, государь возвращался къ императрицѣ и принималъ участіе въ исполненіи назначенной пьесы, никогда не ошибаясь ни во времени своего вступленія, ни въ ритмѣ, ни въ нотахъ. («Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 47).

22. Швейцарскій уроженецъ дю-Пюже (Du Puget Dyverdon) испыталъ въ царствованіе Павла Петровича чувствительныя невзгоды и подвергся 7-го сентября 1799 года ссылкѣ въ Омскую крѣпость за переписку съ Лагарпомъ и другими якобинцами. Въ числѣ другихъ пострадавшихъ дю-Пюже возвращенъ былъ изъ Сибири императоромъ Александромъ I. Судя по дѣлу государственнаго архива (разрядъ VII, № 3346): «Объ отправленіи въ Омскъ воспитателя великаго князя Николая Павловича швейцарца Дюпюжа 1799 года», онъ уже тогда привлеченъ былъ къ воспитанію маленькаго великаго князя, находившагося въ то время еще на женскомъ попеченіи.

23. Лакруа приводитъ въ своей исторіи Николая I слѣдующій отзывъ юнаго великаго князя о Людовикѣ XVI, высказанный имъ дю-Пюже:

«Король Людовикъ XVI не выполнилъ своего долга,—замѣтилъ онъ,—и былъ наказанъ за это. Быть слабымъ не значитъ быть милостивымъ. Государь не имѣетъ права прощать врагамъ государства. Людовикъ XVI имѣлъ дѣло съ настоящимъ заговоромъ, прикрывшимся ложнымъ именемъ свободы; не щадя заговорщиковъ, онъ пощадилъ бы свой народъ, предохранивъ его отъ многихъ несчастій».

(Paul Lacroix: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I». Paris. 1864. T. I, p. 39.

24. Крафтъ былъ членомъ академіи наукъ еще съ 1768 года и преподавалъ физику въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Горномъ корпусѣ, а въ послѣднемъ и механику. Эти же предметы онъ преподавалъ великому князю Александру Павловичу. Крафтъ умеръ въ глубокой старости въ 1814 году.

25. Для ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ личности Николая Павловича небезынтересны сохранившіяся свѣдѣнія о первыхъ книгахъ, съ которыми ему пришлось ознакомиться. Такъ въ 1802 году гувернантки разсказывали или читали обоимъ братьямъ повѣсти изъ Magasin des enfants и Magasin des adolescents. Ахвердовъ принесъ имъ Золотое зеркало, которое они разсматривали съ величайшимъ любопытствомъ, какъ равно и Индостанскіе виды и рисунки Чесменскаго сраженія съ описаніемъ его. Въ журналахъ упоминается еще книжка, подаренная императрицею: «Сцены храбрости австрійскихъ солдатъ во время войны 1799 года съ французами».

Въ 1804 году у Николая Павловича было уже довольно много книгъ: азбука французская, азбука натуральной исторіи, книга для чтенія Шридера, открытіе Америки, Дѣянія Петра Великаго Голикова, естественная исторія Бюффона, сочиненія Ломоносова, извлеченія изъ Плутарха, сочиненія Беркена и проч.

Конечно, въ числѣ книгъ, о которыхъ упоминается въ приходорасходныхъ книгахъ и журналахъ, отсутствуютъ, какъ и слѣдовало ожидать, сочиненія Екатерины II, нѣкогда ею изданныя для ея любимаго внука, столь мало чтившаго ея память. Бабушкина Азбука была бы, безъ сомнѣнія, болѣе подходящею книгою для чтенія, чѣмъ, напримѣръ, сочиненія мадамъ Дезульеръ или Геснера, о которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія.

26. «Le domino lui paraissait un habillement ridicule, les masques des figures hideuses et effrayantes, et qu'il aurait eu peur, si sa majesté l'impératrice n'avait pensé à le conduire par la main». (Журналъ 29-го февраля 1804 года).

27. Журналъ 20-го августа 1802 года.

28. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 57.

29. Адлербергъ, Фитингофъ (внукъ графини Ливенъ), Панаевъ, два брата графы Завадовскіе, графы Апраксины, два брата Ушаковы (сыновья кавалера), племянники кавалера Ахвердова.

30. Адлербергъ, Панаевъ и Ушаковъ поступили въ Пажескій корпусъ.

31. Собственноручное замѣчаніе, сдѣланное императоромъ Александромъ II на рукописи, представленной барономъ Корфомъ. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 58.

32. См. въ приложеніяхъ два собственноручныхъ письма великаго князя Николая Павловича къ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ 1813 года, одно писанное на русскомъ языкѣ, а другое на французскомъ.

33. Дневникъ барона М. А. Корфа (рукопись).

34. «Lorsque le général Lamsdorf lui disait toutes ces choses avec le ton d'une âme pénétrée, le grand duc l'invita étourdiment à contempler par la fenêtre un phénomène: c'était la fumée qui sortait par le tuyau d'une cheminée». (Журналъ 11-го февраля 1809 года).

Приведемъ здѣсь еще другой подходящій случай, относящійся къ концу того же 1809 года. Арсеньевъ за что-то выговаривалъ и читалъ наставленія великому князю. Вѣроятно, все это сильно надоѣло послѣднему, и онъ наконецъ сказалъ: «Вамъ это не нравится, а я привыкъ такъ дѣлать». Арсеньевъ грозилъ жаловаться, но Николай Павловичъ остался при своемъ. На другой день, когда прошелъ первый пылъ заносчивости, великій князь просилъ у Арсеньева извиненія, но отнюдь не изъ страха наказанія, а сожалѣя, что огорчилъ воспитателя, который былъ ему преданъ. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 72.

35. Императрица Марія Оеодоровна, съ своей стороны, продолжала оказывать генералу Ламздорфу знаки своего особаго благоволенія и оставалась вполнѣ довольною его дѣятельностью. Достаточно привести для этой цѣли письмо императрицы отъ 25-го іюня 1811 года:

«Recevez, mon bon, cher et respectable Lamsdorf, la bague ci-jointe que je vous prie d'accepter à l'occasion du jour d'aujourd'hui où mon fils accomplit ses quinze ans. L'inscription de la bague c'est l'expression du sentiment que je vous porte et qui durera aussi longtemps que mon existence. Continuez vos soins à Nicolas, vos soins vraiment paternels, et il répondra à tous nos voeux». («Русскій Архивъ» 1871 года, стр. 1919).

Великая княгиня Марія Павловна называетъ генерала Ламздорфа «un homme droit et respectable», но допускаетъ присутствіе въ немъ «humeur désagréable et souvent injuste envers Nicolas qu'il ne saisissait pas». («Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 42).

36. Paul Lacroix: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I». Paris. 1864. T. I. p. 54

«En attendant, ajouta-t-il avec bonté, vous avez d'autres devoirs à remplir; complétez votre éducation; rendez vous digne, autant que possible, de la place que vous occuperez un jour: ce sera servir notre chère patrie comme un héritier du trône doit le faire».

37. Особенныя обстоятельства, сопровождавшія рожденіе дочери императрицы Елисаветы Алексѣевны, великой княжны Елисаветы Александровны, 3-го ноября 1806 года, о которыхъ также императрица Марія Оеодоровна говорила Г. И. Вилламову, а затѣмъ удаленіе за границу съ 1801 года супруги цесаревича Константина Павловича, великой княгини Анны Оеодоровны, позволяли остановиться на заключеніи, что ни у императора Александра Павловича, ни у цесаревича Константина Павловича не будетъ дѣтей; поэтому нисколько не удивительно, что многіе изъ современниковъ предвидѣли уже въ то время неизбѣжность воцаренія въ будущемъ великаго князя Николая Павловича.

38. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 65—66.

Судя по замѣткѣ П. И. Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года (книга 2-я, стр. 285), въ Эрмитажѣ хранится медаль съ изображеніемъ Николая Павловича; вокругъ надпись: «Цесаревичъ Николай 10-го января 1809 г.». Сверхъ сего, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что утромъ этого дня къ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ приходили всѣ члены тогдашней царской семьи. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти разъясненія этихъ двухъ фактовъ, ознаменовавшихъ собою 1809-й годъ и отмѣченныхъ редакторомъ «Русскаго Архива».

39. «A l'entrée des français à Moscou Nicolas paria un rouble avec moi qu'au 1-er de janvier prochain il n'y aurait plus un ennemi en Russie. Il gagna son pari et le 1-er janvier 1813 je lui remis le rouble d'argent qu'il fourra sous sa cravate en allant au Te Deum qu'on chanta à la cathédrale de Kazan pour la délivrance de la Russie».

Собственноручная записка великой княгини Анны Павловны (королевы Нидерландской). «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 75.

40. На конвертѣ надпись: «A mes chers fils Nicolas et Michel».

Хотя въ этомъ письмѣ императрица обращалась къ обоимъ сыновьямъ, но, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его, можно думать, что она имѣла въ виду преимущественно Николая Павловича, косвенно исчисляя всѣ его недостатки. Такъ, напримѣръ, импера-

трица пишетъ: «On voudra sonder vos caractères et on s'y prendra de différentes manières pour voir si vous avez du tact, de la réserve, de la solidité, le goût de l'application et cette modestie qui sied si bien à la jeunesse, ou si, par contre, vous avez du penchant à être tranchant, paresseux, suffisant, imprudent, incoséquent ou léger».

Это письмо императрицы Маріи Оеодоровны было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 года, стр. 338, а затѣмъ въ «Сборникѣ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 75—81.

41. «Nicolas arriva chez moi habillé à peu près comme les courriers l'étaient. Je savais que mes frères devaient arriver, mais j'ignorais quand, et comme c'était de fort bonne heure et qu'il passait sans cesse des courriers dans ce temps, qui se chargeaient de mes lettres pour mes frères à l'armée, ou pour ma mère et mes soeurs en Russie, je n'ai pas été surprise qu'un courrier de famille m'eût été annoncé, et en lui demandant, d'où il venait et où il allait, à quoi il répondit très simplement, je ne fus frappée que de son air particulièrement distingué et de la présence du commandant russe à Weimar d'alors (le colonel d'Engelhardt) qui d'ordinaire, quand il arrivait des courriers, n'entrait pas dans la pièce où je les recevais; enfin un examen plus attentif de la jeune figure qui se présentait à mes regards, et l'aspect de ce nez grec si régulier et si beau, qu'avait Nicolas, me le firent reconnaître avec une joie impossible à décrire—nous avons souvent depuis beaucoup ri de ce que c'était son nez qui avait amené notre reconnaissance. Michel est venu nous rejoindre un peu plus tard, ayant jugé que leur apparition tous deux à la fois m'aurait de suite mis sur la voie».

(Собственноручная записка великой княгини Маріи Павловны).

Великая княгиня Марія Павловна не встрѣчалась съ Николаемъ Павловичемъ съ 1809 года, со времени ея послѣдняго пребыванія въ Россіи (съ мая 1808 года по май 1809 года). «Сборникъ И. Р. И. О.», т. CXVIII, стр. 81.

Во время дальнѣйшаго пути на Базель великіе князья остановились на одинъ день въ Брухзалѣ, гдѣ находилась императрица Елисавета Алексѣевна, гостившая у своей матери, маркграфини Баденской. Въ воспоминаніяхъ баронессы Фрейштедтъ (Freiin Karoline von Freystedt: Erinnerungen aus dem Hofleben, Heidelberg, 1902) объ этомъ посѣщеніи сказано слѣдующее: «Am 17 Februar kamen die Grossfürsten Nikolaus und Michael auf ihrer Durchreise nach Frankreich spät Abends in Bruchsal an und blieben einen Theil des folgenden Tages. Sie schienen die Kaiserin sehr zu lieben, ihr ganzes Wesen war jugendlich freundlich. Die Markgräfin äusserte nach ihrer Abreise Bewunderung für die Kaiserin Mutter, welche die Erziehung der beiden geleitet hatte, zumal da ihre Töchter, die Kaiserin Elisabeth und die Princess Amalie ihrer Meinung nach, derselben nicht immer Gerechtigkeit widerfahren liessen».

42. См. въ приложеніяхъ письмо императора Александра къ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ, отъ 3-го (15-го) апрѣля 1814 года изъ Парижа.

43. Lacroix, t. I, p. 66—67.

44. Lacroix, t. I, p. 73.

Впослѣдствіи политика разстроила хорошія отношенія, установившіяся съ 1814 года между Николаемъ Павловичемъ и герцогомъ Орлеанскимъ. Послѣ событій 1830 года императоръ Николай сдѣлался непримиримымъ врагомъ Людовика-Филиппа, короля французовъ.

45. Князь Щербатовъ: «Генералъ-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность». С.-Петербургъ, 1888, т. I, стр. 250.

Довольно любопытно, что грамота на орденъ св. Александра Невскаго была выдана Паскевичу 15-го августа 1831 года, уже въ царствованіе императора Николая.

46. Въ запискахъ: «Erinnerungen aus dem Hofleben von Karoline von Freystedt», упомянуто, что въ 1814 году великіе князья Николай и Михаилъ, на обратномъ пути въ Россію, вторично посѣтили императрицу Елисавету Алексѣевну, при чемъ авторъ замѣчаетъ: «Ihr Einvernehmen mit der Kaiserin war immer das freundschaftlichste» (p.p. 102—103).

47. Изъ кавалеровъ при великихъ князьяхъ находились: Саврасовъ (имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи денежныя суммы, равно какъ и надзоръ за придворными служителями), Ушаковъ, Алединскій и, сверхъ того, докторъ Рюль.

48. По поводу пребыванія великихъ князей въ Берлинѣ императрица Марія Ѳеодоровна писала дѣтямъ, 5-го іюня 1815 года: «Chers, bons, bien aimés enfants: j'aurai désiré que vous fussiez témoins invisibles de toute la satisfaction que l'arrivée de vos lettres de Berlin m'a causé, car certainement vous en auriez joui, et la vue du bonheur de maman aurait été une récompense pour vous. Que tous les détails que vous me donnez, mes chers amis, sont intéressants, que je me sens heureuse encore, cher enfant, de voir que malgré le sentiment que vous inspire l'aimable Alexandrine (такъ называли уже въ семьѣ принцессу Шарлотту), vous lui préférez votre devoir, qui vous appelle au champ de la gloire; c'est vous rendre plus digne d'elle, cher enfant, c'est acquérir des titres à son estime, à sa confiance, et en possédant et l'un et l'autre, votre bonheur futur sera basé solidement. Je suis charmé du changement avantageux que vous avez trouvé en elle, et certes l'éloge qu'en fait Michel ne peut que vous flatter . . . . Constantin Benkendorf m'écrivit dernièrement qu'il avait vu Alexandrine et l'avait trouvé extrêmement changé à son avantage par le maintien et la grâce: qu'il me tarde de la voir, mon coeur lui est ouvert, et je me sens bien disposé à l'aimer tendrement, tout comme je vous aime, cher Nicoche. Bien loin de vous gronder, de vous laisser aller au sentiment qui vous captive pour elle, cher enfant, je m'en réjouis; il sera constamment, j'ose l'espérer, votre sauvegarde et vous conduira au bonheur».

Въ письмѣ отъ 18-го іюня императрица Марія Ѳеодоровна снова возвращается къ предмету, столь близкому ея материнскому сердцу, и пишетъ: «Je reviens à vos lettres, chers enfants, et ne puis assez vous répéter, cher Nikoche, combien vos jugements sur Alexandrine me charment. Ils sont ceux d'un être qui cherche le bonheur véritable dans son union, qui ne veut pas la baser sur la passion, mais sur un examen réfléchi des qualités de celle à qui il veut donner la main; c'est baser votre félicité et celle d'Alexandrine que de penser et d'agir ainsi. Tout ce que vous me dites de cette intéressante et aimable jeune personne m'assure qu'elle sera bien reçue, bien vue, et bien aimée chez nous; j'en augure de même une grande dose de bonheur pour moi, et par celui dont elle vous fera jouir, et par le sentiment que j'espère qu'elle me portera; quant à moi je suis très disposée à l'aimer tendrement, et vous assure, cher Nikoche, que je lui porte déjà le plus vif et tendre intérêt».

49. О пребываніи въ Гейдельбергѣ Коновницынъ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 12-го іюня 1815 года: «Ихъ императорскія высочества находятся въ вожделѣнномъ здравіи: при проходѣ всякій почти день войскъ бываютъ при государѣ императорѣ, который изволитъ ихъ принимать по утрамъ всегда въ своемъ кабинетѣ, гдѣ нѣсколько уже разъ съ нимъ и кушали. Во всѣхъ случаяхъ я всегда стараюсь сопровождать ихъ высочества. Государь часто по предполагаемымъ движеніямъ самъ изволитъ съ ними заниматься, какъ нѣжный отецъ. Ваше величество можете совершенно быть насчетъ великихъ князей спокойны. Господа кавалеры неусыпно пекутся ревностно исполнять свои обязанности».

50. См. въ приложеніяхъ автографъ нѣмецкаго письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу отъ 15-го іюня 1815 года.

14-го іюня 1815 года императрица Марія Ѳеодоровна писала великимъ князьямъ: «Un courrier de l'empereur parti le 2 juin est arrivé ce soir, m'apporte une lettre charmante de notre cher Alexandre, qui me dit que vous êtes arrivés brillants de santé, que Michel est aussi long que Nikoche, qu'il s'est réjoui de tout son coeur de vous revoir, de vous embrasser, qu'il a témoigné sa reconnaissance au cher papa Lamsdorf en lui donnant le St. André, qu'il a distingué tous vos messieurs, de même que Gianotti: je m'en réjouis de tout mon coeur et les en félicite bien sincèrement . . . . que je me sens satisfaite, chers enfants, de voir l'empereur content de vous, et content de vous revoir: il m'a promis d'avoir tous les soins moraux et physiques pour vous; cette assurance m'est d'un grand prix. La lettre du bon papa Lamsdorf exprime le contentement et la plus grande sensibilité du tendre acceuil fraternel que l'empereur vous a fait, et tout aussi bien la peine sensible que le bon vieillard éprouve de vous quitter en peu. Je la sens avec lui et vous jure, chers enfants, que la pensée de vous voir en peu vous séparer de lui, re-

nouvelle en moi toute la douleur de votre séparation. Je suis bien peinée de le savoir incommodé, l'empereur me parle de son indisposition, mais il m'assure qu'il se sent déjà mieux».

Въ томъ же письмѣ, императрица продолжала 15-го іюня: «Le contentement de l'empereur de vous me rend bien heureuse; restez comme vous êtes par les sentiments du coeur et les principes et vous mériterez toujours ses bontés. L'expérience et la connaissance des hommes vous sera utile, mais ne vous laissez pas induire par leurs erreurs et faiblesses. Occupez vous beaucoup et utilement . . . . Chers enfants, si papa Lamsdorf vous a déjà quitté, envoyez lui ces lignes; de grâce, écrivez lui souvent et ne négligez aucune occasion de lui témoigner toute votre reconnaissance».

Въ письмѣ отъ 29-го іюня императрица снова возвращается къ генералу Ламздорфу и по поводу его отъѣзда пишетъ: «J'ai lu avec un véritable serrement de coeur la nouvelle du bon vieux, respectable Lamsdorf, à qui vous devez tant de reconnaissance, mes chers enfants; la pensée de vous savoir éloigné de lui, de ne plus vous trouver sous son égide, m'est un poids sur le coeur. Ce bon et digne vieillard veillait sur vous et écartait de vous tout ce qui pouvait vous devenir nuisible. Sa vérité était le miroir dans lequel vous vous voyez toujours, mes enfants, dans votre véritable jour; privé de ce guide, que de raison de plus pour vous, mes bons amis, de veiller sur vous mutuellement, de vous avertir l'un l'autre de ce qui peut vous être utile ou nuisible, enfin de vous contrôler réciproquement et bien rigoureusement, pour éviter de l'être par d'autres».

51. Deutsche Revue 1901 (juni): «Jugendbriefe Kaiser Wilhelms».

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 17-го августа 1815 года изъ Парижа: «Во всѣхъ собраніяхъ ихъ высочества представляютъ себя наилучшимъ образомъ и пріобрѣтаютъ уваженіе, свойственное ихъ сану и материнему вашему о ихъ попеченію. По вечерамъ бываютъ въ театрахъ почасту съ принцами прусскими и оранскими».

52. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ. Его жизнь и царствованіе». С.-Петербургъ, 1897, т. III.

53. Въ это время гренадерскимъ корпусомъ командовалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ изъ смотра при Вертю и писалъ Ермолову 1-го (13-го) августа 1826 года, при началѣ столкновенія нашего съ Персіею: «Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть, явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры». «Записки Алексѣя Петровича Ермолова». Москва. 1868. Часть 2-я. Стр. 214.

54. Лакруа при этомъ случаѣ, какъ и всегда, передаетъ разговоры и отзывы, достовѣрность коихъ трудно провѣрить (t. I, p. III). Ознакомивъ Николая Павловича съ актомъ священнаго союза, императоръ Александръ будто бы сказалъ ему: «Помните, что съ сегодняшняго дня вы примкнули къ нему. Мнѣ хотѣлось бы думать, что со временемъ вы въ свою очередь будете твердой подпорой его. (Rappelez-vous que vous y avez adhéré dès aujourd'hui. J'aime à croire qu'un jour vous en serez aussi le plus ferme soutien)».

Допуская, что приведенныя слова были дѣйствительно сказаны государемъ, слѣдуетъ признать, что Николай Павловичъ, сдѣлавшись императоромъ, въ точности исполнилъ волю своего державнаго брата, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ этому завѣту до самой кончины.

Точно также трудно провѣрить достовѣрность другого факта, приведеннаго Лакруа, а именно разговора великаго князя Николая Павловича съ баронессою Крюденеръ, которая въ своемъ пророческомъ воодушевленіи сказала ему однажды: «Ваше высочество, вы будете императоромъ».

—«Императоромъ?»—переспросилъ великій князь, недовольный этимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ нему: «вѣнецъ, который пришлось бы купить потерею моего благодѣ-

теля и моего брата Константина, былъ бы терновымъ вѣнцомъ, который Христосъ носилъ на Голгоѳѣ».

—«Jeune homme»,—торжественно возразила госпожа Крюденеръ:—«rappelez-vous qu les princes sont dans la main de Dieu, qui fait et défait les rois et les empereurs: c'est de Dieu qu'ils tiennent leur mandat et leur puissance; c'est Dieu qu'ils représentent; c'est Dieu qui les inspire et qui les conduit. Soyez donc résigné, ceignez vos reins et attendez l'ordre d'en haut». (Lacroix, t. I, p. 105).

Эти слова, по свидѣтельству Лакруа, произнесенныя съ видомъ и тономъ вдохновенія, произвели на великаго князя глубокое впечатлѣніе и явились для него какъ бы сверхъестественнымъ откровеніемъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно сохранялъ убѣжденіе, что владыки земли не что иное, какъ уполномоченные Бога, и что преходящее могущество, которымъ Провидѣніе облекаетъ ихъ для осуществленія своихъ плановъ, исходитъ непосредственно отъ божественнаго источника.

Если таковы и были впослѣдствіи убѣжденія Николая Павловича, то едва ли онъ почерпнулъ ихъ изъ бесѣды съ баронессою Крюденеръ.

55. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералъ-адъютанту Коновницыну, отъ 16-го сентября 1815 года изъ Гатчины.

Въ письмѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великому князю Николаю Павловичу отъ 9-го сентября 1815 года изъ Павловска читаемъ: »Notre bon papa Lamsdorf est arrivé ce matin à 9 heures, frais, gai, dispos avec la mine brillante de santé, bien content de vous, mes bons amis, de vos lettres, il venait d'en recevoir une de vous, cher Nikoche, du 7 août. Les éloges qu'il entend faire de vous rajeunissent ce respectable vieillard; il me répétait ce matin avec l'accent du sentiment: j'espère qu'ils quitteront Paris purs, vertueux, dignes de vos bontés, et qu'en se retrouvant dans vos bras ils pourront vous dire: maman, vous pouvez être contente de nous. C'est ce dont je me flatte aussi, chers enfants, c'est ce que je demande à Dieu avec ardeur».

16-го сентября, императрица писала великимъ князьямъ изъ Гатчины на ту же тему: «Que je vous suis obligé, cher Nikoche, de me parler avec cette franchise et cet abandon: c'est le seul langage à admettre entre mère et fils, mes bons enfants, le seul qui établit la confiance, et la légitime par l'estime. Je bénis Dieu de vous savoir vous maintenir dans les principes que je vous ai souvent prêché, cher Nicolas, de même que notre digne et respectable Lamsdorf; tenez vous y constamment, mon bon ami, et alors vous descendrez toujours avec satisfaction au fond de votre conscience, et vous direz: Dieu sera content de moi, ainsi maman le sera. Je vous dis la même chose, cher et bien aimé Michel, et voudrais bien que vous aussi me parliez avec toute l'ouverture possible. Il m'est pénible, mes bons amis, de voir par vos occupations continuellement militaires du matin que vous ne pouvez donner nul temps à une occupation sérieuse et suivie, qui soit au profit de votre esprit, de votre jugement, de vos connaissances. Voilà bien du temps perdu, mes bons amis; souvenez vous du précepte de mon père que je vous ai cité si souvent: le jour qu'on n'avance pas en connaissance on recule. Enfin j'espère s'il plait à Dieu que votre séjour à Paris tire à sa fin et que bientôt vous reprendrez la route qui vous ramènera chez nous, où vous tâcherez, j'en suis sûre, de regagner le temps perdu».

56. Письмо генералъ-адъютанта Коновницына къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 9-го сентября 1815 года изъ Парижа.

57. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералъ-адъютанту Коновницыну, отъ 10-го октября 1815 года изъ Гатчины.

58. Въ запискахъ: «Erinnerungen aus dem Hofleben von Karoline von Freystedt», читаемъ: «Die Grossfürsten Nikolas und Michael kamen wieder um ihre Schwägerin zu besuchen, an der sie mit zärtlicher Liebe zu hängen schienen. Besonders gesprächig war Grossfürst Nikolas, er erzählte viel von Paris und allem, was sich da zugetragen hatte» (p. 128). Авторъ записокъ хвалитъ «das frische lebendige Wesen dieser beiden Fürsten».

59. Получивъ извѣстіе о помолвкѣ великаго князя Николая Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна писала сыну 5-го ноября 1815 года изъ Петербурга: «Que je suis touchée, cher Nikoche, du souvenir tendre et respectueux que vous avez donné à votre

bon et tendre père au jour heureux où vous reçutes les serments d'Alexandrine. Croyez moi, mon enfant, que ce bon papa vous bénit et intercède auprès de l'Être Suprême pour vous et lui demande votre bonheur. Je vous embrasse, cher Nikoche, d'avoir donné mon portrait à Alexandrine. Je désirerais pouvoir l'animer, pour qu'il lui exprime et ma tendresse et mes voeux: je voudrais qu'il lui dise que j'attendrai dorénavant la consolation de mes vieux jours de sa tendresse, et que tous mes soins seront donnés à lui prouver la mienne».

60. См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта Коновницына къ великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Оно помѣчено январемъ 1816 года.

П. П. Коновницынъ, черезъ годъ послѣ назначенія военнымъ министромъ, былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а въ 1819 году возведенъ въ графское достоинство. Въ томъ же году Коновницынъ назначенъ былъ еще, сверхъ занимаемой имъ должности, главнымъ директоромъ; пажескаго, 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ, смоленскаго кадетскаго корпуса, дворянскаго полка и дворянскаго кавалерійскаго эскадрона, царскосельскаго лицея и пансіона. Графъ Коновницынъ скончался 28-го августа 1822 года.

61. Письмо это писано императрицей по-французски.

62. По этому же поводу король писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (въ мартѣ 1816 года):

«Ma fille a pu écouter la voix de son coeur; elle va unir sa destinée à celle d'un prince qui a captivé les suffrages de tous ceux qui le connaissent, et pour comble de bonheur, elle retrouvera le coeur d'une tendre mère . . . . Le baron Schilden m'a rendu compte en particulier des arrangements que votre majesté a bien voulu adopter de concert avec l'empereur pour que ma fille puisse achever à Berlin son instruction dans la religion grecque. Qu'il me soit permis de vous exprimer, madame, combien j'ai été sensible à cette nouvelle marque de votre condescendance».

63. 26-го января 1816 года великій князь Николай Павловичъ назначенъ былъ шефомъ Сѣверскаго конноегерскаго полка.

64. Въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 15-го апрѣля 1816 года, представленной императору Александру, она опредѣляла слѣдующимъ образомъ цѣль поѣздки великаго князя Николая Павловича:

«Le voyage du grand duc Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique».

65. Генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ извѣстенъ былъ ближе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ тѣмъ, что онъ два раза являлся въ Петербургъ радостнымъ вѣстникомъ побѣдъ: въ 1813 году послѣ Лейпцигской побѣды, а въ 1814 году послѣ занятія Парижа.

66. См. въ приложеніяхъ записки и письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, относящіяся къ путешествію великаго князя Николая Павловича въ 1816 году.

67. Вступительныя слова этого наставленія или письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 8-го мая 1816 года, помѣщеннаго нами въ приложеніяхъ, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе по особенному характеру его и наводятъ на размышленія. Это какъ бы наставленія наслѣднику престола: какъ же иначе объяснить слова: «on vous aime d'espérance».

68. Государственный архивъ. Разрядъ II, № 146.

69. Письмо генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 9-го іюля 1816 года изъ Таганрога.

Въ Таганрогъ великій князь Николай Павловичъ прибылъ моремъ изъ Керчи.

70. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Григорію Александровичу Глинкѣ. «Русская Старина», 1876 года, т. XVII, стр. 219.

71. См. въ приложеніяхъ записку императрицы Маріи Ѳеодоровны, читанную и одобренную императоромъ Александромъ 5-го августа 1816 года въ Таврическомъ дворцѣ.

72. См. въ приложеніяхъ два письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ графу Х. А. Ливену, отъ 5-го августа и отъ 21-го сентября 1816 года.

73. См. въ приложеніяхъ записку графа Нессельроде: «Mémoire destiné à son altesse impériale monseigneur le grand duc Nicolas à l'occasion de son voyage dans les pays étrangers. Varsovie le 10 septembre 1816».

74. Впрочемъ, при обсужденіи записки графа Нессельроде нельзя, однако, упустить изъ виду слѣдующее обстоятельство: она помѣчена: «Варшава, 10-го сентября 1816 года», и такъ какъ императоръ Александръ посѣтилъ Варшаву осенью 1816 года, то можно предположить, что разсужденія графа Нессельроде остались небезызвѣстными государю. Лакруа въ своей исторіи идетъ еще далѣе и приводитъ даже разговоръ по этому предмету между Александромъ и братомъ. Императоръ будто бы сказалъ Николаю Павловичу при свиданіи въ Москвѣ: «въ Англіи лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно изучить устройство конституціонныхъ учрежденій; хорошо судить о достоинствахъ этихъ учрежденій по результатамъ, къ которымъ они приводятъ. Я не знаю хорошенько, насколько они подходятъ къ нашей странѣ. Впрочемъ, я никогда не стану врагомъ прогресса, но я постояно предпочту оставить зло, чѣмъ искоренять его реформой плохой и опасной. (Je ne sais pas trop si elles conviendraient à notre pays. Au reste, je ne serai jamais l'ennemi du progrès; mais je préférerai toujours laisser subsister un abus, plutôt que de le corriger par une réforme radicalement mauvaise et dangereuse). Во всякомъ случаѣ, путешествіе по Англіи явится превосходной школой для васъ, и я увѣренъ, что оно принесетъ плоды, которыми Россія воспользуется впослѣдствіи». (Lacroix: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I», t. I, p. 125).

Къ сожалѣнію, Лакруа по заведенному порядку не указываетъ источника, откуда онъ почерпнулъ содержаніе этой нравоучительной бесѣды.

75. Архивъ князя Воронцова, т. XXII, стр. 46.

76. «Comme le général Koutouzow, qui a fait le voyage avec son altesse impériale en Russie, a besoin d'un peu de repos, il lui a été permis d'aller nous rejoindre à Berlin, et jusqu'à ce temps il est remplacé par le général Lamsdorf» (id., p. 466).

Сверхъ генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, великаго князя сопровождали еще кавалеры: Саврасовъ и Глинка, а также докторъ Крейтонъ.

77. Послѣ отъѣзда великаго князя Николая Павловича, король писалъ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ:

«Le plaisir que j'ai eprouvé en embrassant le grand duc Nicolas a été sensiblement augmenté par la lettre qu'il m'a remis de la part de votre majesté impériale . . . . . Pendant le court séjour que ce prince a pu faire au milieu de nous, il s'est concilié l'amour et l'affection de toutes les personnes qui ont eu l'avantage de l'approcher. Il est difficile de ne pas l'aimer quand on peut apprécier la noblesse de ses sentiments et l'amabilité de son caractère. Plus je le vois, et plus je me félicite du bonheur qu'attend ma fille. C'est votre ouvrage, madame; car vous avez su inspirer à vos enfants cette pureté de principes dont vous fûtes toujours le modèle».

78. Нельзя здѣсь не замѣтить, что Лакруа помѣстилъ въ своей исторіи фантастическій разсказъ о томъ, что будто бы передъ отплытіемъ въ Англію великій князь Николай Павловичъ провелъ инкогнито нѣсколько дней въ Парижѣ... Но французскій историкъ этимъ не довольствовался; онъ украсилъ еще свой разсказъ вымышленнымъ описаніемъ посѣщенія великимъ княземъ герцога Орлеанскаго въ Нёльи, у котораго онъ провелъ цѣлый день, признавъ его идеаломъ мудраго и честнаго человѣка. Сверхъ сего, Лакруа приводитъ также цѣлую политическую бесѣду Николая Павловича съ Шатобріаномъ, въ которой авторъ «Génie du christianisme» сказалъ, что престолъ Людовика XVIII повисъ надъ бездной, гдѣ кишатъ тайныя общества и заговоры, порожденные атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартизмомъ; затѣмъ Шатобріанъ жаловался, что бурбоны не слушаютъ его совѣтовъ, что императоръ Александръ поступилъ бы иначе, когда съ нимъ заговорилъ бы въ подобномъ случаѣ русскій подданный. Николай Павловичъ не далъ Шатобріану докончить фразы и оборвалъ его слѣдующими характерными словами: «его величество императоръ принимаетъ совѣты только тогда, когда самъ удостоитъ спрашивать ихъ». И все это можно прочесть не въ романѣ, но въ многотомной исторіи, имѣющей претензію на достовѣрность.

79. Депеша графа Ливена отъ 10-го (22-го) ноября 1816 года.

80. Письмо Н. Ф. Саврасова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 9-го декабря 1816 года изъ Эдинбурга.

81. «Русская Старина», т. XVII, стр. 94.

82. «Русская Старина», т. XVII, стр. 92.

83. Письмо генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 11-го января 1817 года изъ Лондона.

84. Письмо Н. Ф. Саврасова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 8-го января 1817 года изъ Лондона.

85. Письмо Н. Ф. Саврасова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 23-го января 1817 года изъ Лондона.

86. Николай Павловичъ произвелъ вообще на англійское общество самое благопріятное впечатлѣніе.

Баронъ Николаи писалъ графу С. Р. Воронцову: «Il a plu généralement par son amabilité, par ses manières nobles et naturelles et par une candeur qui a été remarquée par tout le monde». — «Dans la société de Londres, tout le monde remarque à la fois son maintien distingué et modeste, et sa conversation aisée et sensée».

(Архивъ князя Воронцова, т. XXII, стр. 467 и 469).

Когда великій князь проѣзжалъ въ Лондонѣ верхомъ по улицамъ или по паркамъ, публика, любуясь его красивою и величавою осанкою, говорила: «взглянувъ на него, какъ не сказать, что это наслѣдникъ русскаго императора». Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Лондона (1816 года) помѣстилъ отзывъ, подходящій къ вышеприведенному отзыву барона Николаи: «вниманіе и благоразуміе, съ каковыми великій князь изволилъ осматривать все любопытное въ землѣ сей, заслужило всеобщее къ нему уваженіе».

87. Это была Дарья Христофоровна, супруга русскаго посла графа Ливена и сестра генералъ-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа, будущаго шефа жандармовъ.

Штокмаръ даетъ намъ въ своихъ запискахъ слѣдующую не очень лестную характеристику внѣшняго облика графини Д. Х. Ливенъ:

«Unangenehm steife, stolze, vornehme Haltung. Es ist wahr, sie ist voll Talent, spielt vortrefflich Klavier, spricht englisch, französisch und deutsch perfect, allein sie weiss das auch. Ihr Gesicht ist eigentlich schön, doch zu mager, und die spitzige Nase so wie der Mund, der faltenreich verzogen werden kann, zeigen schon von aussen ihre geringe Neigung, Andere für ihres Gleichen zu halten. Der Oberkörper ist skelettartig».

88. Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christian Friedrich von Stockmar. Braunschweig, 1872, p.p. 97—99.

Издатель этихъ записокъ сопровождаетъ характеристику Николая Павловича слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Dieser lebhaften Schilderung fügen wir nur die Bemerkung hinzu, dass sich darin bereits eine Hindeutung auf das schauspielernde Talent des nachherigen Kaisers Nicolaus findet, das sich bei diesem später immer mehr entwickelte».

89. По поводу пребыванія Николая Павловича въ Мобежѣ Лакруа приводитъ въ своей исторіи слѣдующую, мало правдоподобную, рѣчь, будто бы сказанную великимъ княземъ въ отвѣтъ на рѣчь подпрефекта, привѣтствовавшаго высокаго гостя во главѣ мѣстныхъ властей и находившейся подъ ружьемъ національной гвардіи: «Sa majesté l'empereur porte à la France un attachement que vous avez bien voulu reconnaitre en recevant ses soldats comme des frères d'arme. N'êtes vous pas, les uns et les autres, des défenseurs de la patrie? La garde nationale est une belle institution, quand elle ne se mêle pas de politique et qu'elle reste soumise à la discipline militaire. La garde nationale telle que je l'entends me parait être la grande force d'un pays. Vous m'observerez peut être que nous n'avons pas de garde nationale en Russie? Non, mais nous allons avoir des colonies militaires qui en tiendront lieu et qui conviennent mieux à notre système de gouvernement. Quand j'aurai le plaisir de vous revoir, messieurs, je vous reparlerai de nos colonies militaires, et vous voudrez bien, en échange, me donner quelques rensei-

gnements sur la garde nationale. L'accueil que vous me faites aujourd'hui me prouve que je serai bien sûr, en revenant parmi vous, d'y retrouver des amis». (Lacroix: Histoire de la vie et du règne de Nicolas 1-er, t. I, p. 137).

Прочитавъ первые два тома исторіи Лакруа, графъ В. Ф. Адлербергъ писалъ барону М. А. Корфу (12-го декабря 1865 года): «Il n'y a rien à dire sur le soin qu'il a mis à mettre en relief la grande figure de son héros, mais à part cela quelles erreurs de dates, quelles fausses données, quelles déductions étonnées, quel fatras d'anecdotes et de discours inventés». — Къ категоріи «discours inventés» принадлежитъ также, безъ сомнѣнія, рѣчь Николая Павловича, произнесенная имъ въ Мобежѣ.

90. Письмо-генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова къ императрицѣ Маріи Feодоровнѣ отъ 28-го марта 1817 года изъ Веймара.

91. Въ исторіи Бранденбургскаго кирасирскаго полка по поводу перваго появленія передъ нимъ новаго шефа сказано: «Der Grossfürst auf dem Ulysses, einem schönen englischen Fuchs reitend, war eine unvergleichlich imposante und glänzende Erscheinung; die grosse, schlanke majestätische Gestalt im Glanz der Jugend blickte so mild, freundlich und anmuthig auf uns nieder, dass ihm sogleich alle Herzen, vornehmlich die seines Regiments, in hoher ehrerbietiger Freude entgegenschlugen».

13-го (25-го) апрѣля полковой командиръ подполковникъ фонъ-Цолликоферъ получилъ слѣдующій рескриптъ отъ великаго князя Николая Павловича:

«Indem ich ihnem meine Zufriedenheit mit allen dem, was ich von dem Regimente gesehen habe, hierdurch zu erkennen gebe, gereicht es mir zum besondern Vergnügen, ihnen einen Beweis derselben zu geben. Sie werden 150 Ducaten erhalten, selbige sind für die Blessirten und Kinder der Gebliebenen des Regiments bestimmt, und überlasse ich ihnen die zweckmässige Vertheilung dieses Geldes.

«Ich bin ihr wohlaffectionirter

«Nicolas.

«Berlin, den 25 April, 1817».

(Geschichte des Königlich-Preussischen sechsten Kürassier-Regiments, gen. Kaiser von Russland-Brandenburg, 1842, p. p. 287—288).

92. См. въ приложеніяхъ письма императора Александра къ принцессѣ Шарлоттѣ до прибытія ея въ Россію въ 1817 году.

93. «Nos politiques sont d'avis de faire tout ce qui est en nous, de ne pas faire éclater la guerre entre la Russie et la Porte, pour éviter une guerre générale.

«A l'égard des sentiments révolutionnaires dans la Prusse dire: qu'il fallait penser aux hommes ce qu'ils voudront, pourvu qu'ils payent et qu'ils obéissent. Il n'existe rien de sérieux. Mais il y a beaucoup de vraisemblance, que l'empereur fait tant de bruit de cet esprit révolutionnaire, pour motiver la force de ses armées. Il a tenu ce langage à l'Autriche et à la Prusse.

«Sur la formation de la landwehr dire la vérité. Persuader l'empereur, que tout notre état militaire est fondé sur le système défensif. Pour agir autrement, nos forces sont insuffisantes—nous n'avons que 110.000 hommes tout au plus sous les armes. Mais au moment, où nous sommes attaqués, nous pouvons disposer d'une armée de 400.000 hommes et davantage. L'artillerie n'est pas disproportionnée en force. Pour chaque corps d'armée une brigade à 12 batteries en compagnies; et encore toutes les forteresses doivent être fournies de cette artillerie.

«Le vrai dessein de l'empereur est certainement de jouer en Europe le médiateur et par là le premier rôle; et pour pouvoir menacer, il veut conserver ses armées nombreuses».

Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. Berlin. 1876. T. I, p. 228.

94. Изъ вышепоименованной біографіи генерала Натцмера, стр. 237.

Натцмеръ отвѣчалъ по поводу сдѣланныхъ ему вопросовъ:

«Рижская крѣпость поддерживается крайне дурно. Предмостное укрѣпленіе новѣе и потому содержится лучше прочихъ укрѣпленій. Но оно расположено неудовлетворительнымъ образомъ.

«На русскомъ берегу предмѣстья вновь отстроены, но въ разстояніи лишь 800 шаговъ отъ крѣпостныхъ верковъ. На противоположномъ берегу воспрещено вновь возводить ихъ. У Зокгольма, около Риги, Двину можно перейти въ бродъ. Съ нѣмецкой стороны весьма легко бомбардировать городъ. Всѣ бруствера такъ низки, что на нихъ можно взобраться безъ помощи лѣстницъ.

«Цитадель не снабжена лучшими верками. Широкій водяной ровъ съ одной стороны и Двина съ другой стороны представляютъ собою лучшую защиту города.

«Одинъ французскій инженеръ, недавно посланный императоромъ въ Ригу для осмотра ея и изысканія способовъ для лучшей обороны города, какъ говорятъ, отвѣтилъ ему: «Sire, la nature y a tout fait, l'art a tout gâté».

Король поблагодарилъ Натцмера за доставленныя имъ интересныя свѣдѣнія изъ Карлсбада 13-го іюня (5-го іюля) 1817 года. Достойно вниманія, что все это писалось въ то время, когда Натцмеръ собирался сказать императору Александру: «Sire, nous amenons, ce que nous avons de plus cher et de plus précieux».

Натцмеръ не позабылъ также о Новгородѣ, и на поставленный ему четвертый вопросъ сообщилъ въ Берлинъ, что тамъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій. Пруссія могла вообще успокоиться; оказалось, что въ Россіи никто не думалъ о возведеніи какихъ либо укрѣпленій въ пунктахъ, указанныхъ въ данной Натцмеру инструкціи: доступъ къ столицѣ съ сухопутной стороны былъ такъ же открытъ, какъ и въ 1812 году.

95. Je me jettais au cou de l'impératrice Elisabeth. qui me toucha par sa bienveillante réception, sans exagération, sans ostentation de grands sentiments». Воспоминанія императрицы Александры Оеодоровны.

96. Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 5-я, стр. 70.

97. Это было письмо отъ 30-го мая (11-го іюня) 1817 года изъ Берлина: «Sire, le baron de Schilden, grand-maitre de ma cour, aura l'honneur de présenter cette lettre à votre majesté impériale. Connaissant son zèle et son dévouement pour mon sorvice, je l'ai chargé d'accompagner la princesse Charlotte et de soigner les détails relatifs à son voyage. Il restera à St.-Pétersbourg jusqu'après l'auguste cérémonie du mariage, et je vous prie, sire, de vouloir lui continuer sa précieuse bienveillance et de le considérer comme un homme qui a su mériter ma confiance».

Въ другомъ письмѣ отъ 31-го мая (12-го іюня) король писалъ императору Александру о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ: «Le caractère de ce prince, que j'ai su apprécier, m'est un sûr garant du bonheur de Charlotte».

98. «Sie fühlte dass, sie sich in einem Weltreiche befinde. wo alle Verhältnisse in riesenhaften Formen ihr entgegen traten». Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland, von A. Th. von Grimm. Leipzig. 1866. T. I, p. 77.

99. Впослѣдствіи императрица Марія Александровна.

100. Correspondance inédite du roi Frédéric Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I, publiée par Paul Bailleu. Leipzig. 1900. p. 374.

101. Натцмеръ пишетъ: «Wie mir die Haacke sagte, ist sie dabei ganz ausgelassen gewesen». Aus dem Leben. T. I, p. 248.

102. Въ день бракосочетанія Николай Павловичъ получилъ отъ наслѣднаго принца прусскаго поздравительное письмо, въ которомъ тотъ ему писалъ между прочимъ: «Помните и ради самаго неба никогда не забывайте, что только изъ любви къ вамъ Шарлотта оставила свою семью, свое отечество и свою вѣру! Оставайтесь моимъ другомъ изъ любви къ Шарлоттѣ и другомъ моего народа, потому что онъ заслуживаетъ этого. (Pensez toujours et au nom du ciel ne l'oubliez jamais, que c'est pour l'amour de vous que Charlotte a quitté sa famille, sa patrie et sa foi! Continuez d'être mon ami pour l'amour de Charlotte et l'ami de ma nation parce qu'elle le mérite»).

Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. T. I, p. 249.

1-го (13-го) іюля императоръ Александръ въ собственноручномъ письмѣ къ королю Фридриху-Вильгельму между прочимъ писалъ: «C'est durant une lutte mémorable, lorsque nos peuples associé l'un à l'autre par de formidables destinées parcouraient avec

nous la sanglante carrière de l'adversité et de la gloire, et pour ainsi dire, au milieu des camps que cette union si chère pour nous a été décidée. Elle met la dernière main à l'ouvrage de l'alliance indissoluble de la Prusse avec la Russie, en réunissant nos deux familles en une seule.... Ma mère est heureuse de l'aurore de bonheur qui luit à ses enfants».

103. Въ указѣ правительствующему сенату отъ 1-го іюля 1817 года читаемъ: «Въ ознаменованіе особеннаго нашего благоволенія къ достоинствамъ и заслугамъ генерала отъ инфантеріи Ламбсдорфа и въ изъявленіе совершенной признательности нашей къ трудамъ и попеченіямъ его, оказаннымъ при воспитаніи любезнѣйшихъ братьевъ нашихъ, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, всемилостивѣйше возводя его въ графское достоинство Россійской имперіи, распространяемъ сіе и на происходящее отъ него потомство».

104. Въ теченіе семнадцати лѣтъ, проведенныхъ при великихъ князьяхъ, графъ Ламздорфъ получилъ слѣдующія награды: чинъ генерала отъ инфантеріи, ордена св. Александра Невскаго, св. Владимира первой степени и св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ брака его воспитанника, 31-го октября 1821 года, графъ Ламздорфъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта; онъ скончался въ Петербургѣ 23-го марта 1828 года, на 83-мъ году отъ рожденія.

105. «Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Оеодоровны 1817—1810». «Русская Старина» 1875 года, т. XII и XIII.

106. Это была Екатерина Ивановна Нелидова (р. 1758).

Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Оеодоровна упоминаетъ о Е. И. Нелидовой въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Mademoiselle Nélidoff me parut étonnante de laideur, de disgrâce et de mauvaise odeur».

Это впечатлѣніе вынесла принцесса Шарлотта, при первомъ представленіи ей Нелидовой, въ день пріѣзда въ Павловскъ, 19-го іюня 1817 года.

107. Спрашивается: когда это случилось, въ какой день?

Въ запискахъ императрицы Александры Оеодоровны не указано дня, а сказано только: «A une messe où je m'efforçai de rester debout, je tombais évanouie comme raide morte. Nicolas m'emporta dans ses bras; je n'en savais rien, je jettai un cri lorsqu'on me donna des sels à respirer et je repris mes sens. Cet accident, qui au premier moment effraya les assistants, fut comme l'annonce de ma grossesse à laquelle moi-même je croyais à peine et cette nouvelle réjouit tout le monde! On dit, qu'à la place, où j'étais tombée, on trouva des feuilles de roses effeuillées apparamment de mon bouquet, ce qui parut très poétique aux dames».

Дараганъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что это случилось въ концѣ августа.

Въ дневникѣ Натцмера сказано, что 8-го (20-го) іюля великая княгиня упала въ обморокъ во время обѣдни. Назначенный въ этотъ день балъ былъ отмѣненъ. Затѣмъ 6-го (18-го августа генералъ записалъ, что великая княгиня Александра Оеодоровна не присутствовала на церковномъ парадѣ Преображенскаго полка, потому что она вчера лишилась чувствъ, что случается почти каждый разъ во время церковной службы.

108. Это оригинальное препровожденіе времени, въ гатчинскомъ вкусѣ, подтверждается какъ собственноручными записками императрицы Александры Оеодоровны, такъ и дневникомъ Натцмера.

109. «Толь маневрировалъ довольно хорошо, но Дибичъ горячился и путалъ», пишетъ генералъ Паскевичъ въ своихъ запискахъ. Оказывается такимъ образомъ, что отзывъ Паскевича близко сходится съ характеристикой, сдѣланной Натцмеромъ.

Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. I.

110. Въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ: «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность» (Спб., 1885, т. I, стр. 289), этотъ случай, со словъ графа Тотлебена, разсказанъ слѣдующимъ образомъ: «24-го августа князь Меншиковъ произвелъ въ окрестностяхъ Севастополя маневры войскамъ, стоявшимъ въ лагерѣ. Тотлебенъ сопровождалъ свѣтлѣйшаго. Маневры были крайне неудачны;

генералы Моллеръ и Кирьяковъ напутали порядкомъ, такъ что и разобраться было трудно. Командующій войсками остался всѣмъ ходомъ дѣла крайне недоволенъ. Возвращаясь въ Севастополь, князь Меншиковъ въ мрачномъ раздумьѣ ѣхалъ рядомъ съ Тотлебеномъ; дорогою онъ ему только сказалъ: «что я буду дѣлать съ подобными генералами; что же меня ожидаетъ, если придется дѣйствовать съ ними противъ непріятеля?»

111. Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. I, стр. 309.

Замѣтимъ здѣсь, что во время обратнаго движенія русскихъ войскъ изъ Франціи въ Россію въ 1815 году произошло въ Крейцнахѣ столкновеніе между нѣсколькими солдатами Московскаго гренадерскаго полка изъ дивизіи Паскевича и жителями города. За этотъ безпорядокъ Паскевичу объявленъ былъ высочайшій выговоръ въ приказѣ. Императоръ Александръ сказалъ при этомъ случаѣ Барклаю-де-Толли, что онъ на Паскевичѣ хочетъ показать примѣръ, и если увидятъ, что онъ одного изъ лучшихъ генераловъ своей арміи не пожалѣлъ, то поймутъ, какъ другимъ за безпорядокъ можетъ достаться.

Паскевичъ былъ до того огорченъ полученнымъ выговоромъ, что хотѣлъ подать въ отставку.

112. Записки Дениса Васильевича Давыдова. Лондонъ. 1863. Стр. 11.

113. Записки Алексѣя Ивановича Мартоса. «Русскій Архивъ», 1893 года. Книга 2-я, стр. 535.

Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Оеодоровны читаемъ: «En chemin nous avions trouvé par ci par là les habitants de quelques villages à genoux pour implorer, qu'on ne changeat pas leur sort».

114. 1-го (13-го) ноября великій князь Михаилъ Павловичъ, по окончаніи путешествія по Россіи, также пріѣхалъ въ Москву, въ сопровожденіи своего ментора генерала Паскевича. Императоръ Александръ назначилъ тогда Паскевича начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи: но Ивану Оедоровичу еще не скоро пришлось вступить въ командованіе гвардейскими войсками.

Въ мартѣ 1818 года началось заграничное путешествіе великаго князя, окончившееся только въ слѣдующемъ году; Паскевичъ снова ему сопутствовалъ.

115. Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Оеодоровны читаемъ:

«Vers Noël, il se passa un événement à notre petite cour que je dois mentionner en peu de mots: notre maréchal K. A. Narichkin faisait à tout instant des scènes à mon mari: pour la moindre des plaisanteries, il se fâchait au point de devenir vert et jaune de fureur. Outre cela, il avait essayé plusieurs fois de faire des remarques déplacées au grand duc même à mon sujet. Son caractère éminemment bilieux le rendait parfois méchant, comme une vipère; les gens le détestaient, on fuyait à son approche. Enfin, je sentais, qu'aussi longtemps que cet homme resterait à notre cour je ne pouvais avoir l'âme en paix! Dans un si petit cercle, avoir un homme tous les jours près de soi qui tripotait, qui lançait des méchancetès avec des intentions malicieuses; non, ça n'était pas tenable et quoique bien des personnes s'intéressaient à sa femme, j'eus la force de caractère d'y résister et de désirer qu'il quittat cette place. Je crois, qu'on me blâma et qu'on pensa, que cette jeune princesse devait avoir le caractére peu accomodant, mais je compris, que la chose était par trop importante: il y allait de la paix, de la tranquillité de notre ménage: je fis mon devoir et je ne m'en repentis jamais..... Narichkine fut pris à la grande cour, reçut un cordon et fut distingué par l'empereur, ce qui au fond n'était pas agir fraternellement, car il jetait par là le blâme sur nous».

Натцмеръ въ своемъ дневникѣ отъ 29-го октября (10-го ноября) пишетъ, что распространились разсказы, что великая княгиня Александра Оеодоровна не достаточно внимательна къ императрицѣ-матери: онъ прямо приписываетъ подобныя сплетни Нарышкину.

116. Отношенія Николая Павловича къ графу Модену лучше всего выясняются изъ переписки съ нимъ великаго князя. Приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ этой переписки.

Денежныя дѣла великаго князя Николая Павловича не находились въ блестящемъ положеніи. По этому поводу великій князь писалъ графу Модену:

«Loin d'être d'un autre avis que le votre, je suis le premier à dire qu'il est impossible de vivre avec les moyens que j'ai; mais je vous avoue, mon cher, que demander et surtout demander de l'argent m'est odieux au possible».

Графъ Моденъ принялъ на себя переговоры, и по полученіи великимъ княземъ извѣщенія о томъ, что императоръ Александръ согласился уплатить его долги, гофмаршалъ получилъ благодарственную записочку:

«Vous êtes un ange, mon cher Modène; que le bon Dieu vous bénisse pour cette charmante surprise».

Заботливость графа Модена къ финансовому положенію великаго князя продолжалась и впредь; онъ выхлопоталъ у министра финансовъ денежную прибавку къ его содержанію въ 250.000 рублей. Николай Павловичъ прислалъ тогда графу Модену юмористическую записку:

«Victoire; l'ambassadeur Block mérite les mêmes honneurs dont a été recompensé Iermoloff, et si l'autre a reçu le cordon du Soleil, moi je le fais chevalier de la Lune».

Въ 1822 году графъ Моденъ извѣстилъ Николая Павловича о пожалованіи ему государемъ 50.000 рублей для уплаты долговъ. Немедленно великій князь прислалъ своему гофмаршалу слѣдующія строки:

«Puissiez vous avoir plus souvent des pièces de poésie pareilles, mon cher. Profitez en d'abord, j'espère que cela nous soulagera du fardeau de nos dettes. Fasse le ciel que cela soit pour longtemps».

117. «Nous étions on ne peut plus content du comte de Modène, depuis qu'il avait remplacé Kyrile Narichkine; tournure distinguée de la vieille cour de Versailles, bon ton même en plaisantant, complaisant sans être bas, arrangeant tout à merveille. On ne pouvait lui reprocher qu'un peu de susceptibilité».

Натцмеръ о графѣ Моденѣ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «C'est un homme de cour, enté sur un homme d'esprit».

По поводу обидчивости графа Модена, на которую ссылалась великая княгиня Александра Ѳеодоровна, приведемъ здѣсь письмо къ нему Николая Павловича, которое относится къ 1820 году. Великій князь находился тогда съ супругою въ Берлинѣ, и между нимъ и графомъ Моденомъ пробѣжало какое-то облако, вслѣдствіе котораго послѣдній написалъ письмо, прося въ немъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ. Николай Павловичъ отвѣтилъ ему немедленно прекраснымъ письмомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какимъ золотымъ сердцемъ отличался великій князь.

«Si je ne vous connaissais que d'hier je pourrais me tromper et donner un bien faux sens au contenu de votre lettre; mais je ne vous en veux pas, et excuse parfaitement un moment d'hypochondrie, qui n'est pas le premier et ne sera pas peut-être le dernier; accoutumé à vous parler toujours franchement, et attendant en retour la même ouverture et point de rancune, je vous engage de venir demain chez moi entre neuf et dix, où nous reparlerons point par point tout ce qui s'est dit, et voyons si je suis coupable. En attendant dormez bien et ne vous tourmentez pas l'imagination de phantomes qui vous rendent souvent malheureux et pardonnez moi le terme, souvent sans fondement.

«Adieu donc, je vous embrasse sans rancune, faites en autant.

«N».

118. «A la fin de décembre, mon frère me quitta; je le vis partir avec une douleur si forte qu'elle réveilla toute ma mélancolie d'avoir quitté père, frères et soeurs, ce fut un moment affreux! Mais une fois passé, je me rapprochais encore davantage de mon Nicolas, je sentis n'avoir que lui pour appui, pour soutien dans ma nouvelle patrie et sa tendresse me dédommagea complètement de tout ce que j'avais perdu. Nous fîmes des lectures ensemble, Corinne et Malek Adel et je me souviens avec bonheur de ces paisibles mois qui précédèrent mes couches».

119. 14-го (26-го) декабря 1817 года, Натцмеръ пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Nach der Tafel ich allein beim Kaiser Abschieds-Audienz. Er wiederholte alle möglichen Freundschaftsbezeugungen für den König und sagte: Er, seine Armee, sein ganzes Land wären jederzeit für den König bereit».

(Aus dem Leben des Generals Oldwig, von Natzmer. Berlin. 1876. T. I, p. 282).

120. «On alla très peu dans le monde; la cour ne donna pas une fête le soir, mais beaucoup de diners. Le dimanche, ordinairement, on dinait en robe en queue chez maman et la soirée dans le même costume; on revenait pour faire cerele et pour jouer au macao. Ceci, je l'avoue, m'ennuyait tellement en comparaison du dimanche à Berlin, où l'on folâtrait et jouait et s'amusait tout particulièrement, que j'avais de la peine à cacher mon ennui. Les sociétés de ces réunions étaient aussi terriblement vieille rococo. De vieux sénateurs à moitié aveugles, des grands seigneurs du temps de l'impératrice Catherine, retirés du service depuis 20 à 30 ans!»

121. «A onze, j'entendis le premier cri de mon premier enfant! Nixa m'embrassait et fondait en larmes et nous remerciâmes Dieu ensemble sans savoir encore s'il nous avait donné un fils ou une fille, lorsque maman s'approcha de nous en nous disant: «c'est un fils». Le bonheur en redoubla et pourtant je me rappelle, que je sentis quelque chose de grave et de mélancolique en pensant que ce petit être serait un jour empereur!»

Въ тотъ же день Николай Павловичъ писалъ королю Фридриху-Вильгельму: «Enfin je puis donc avoir le bonheur de vous annoncer, cher papa (pardonnez moi de vous donner ce nom), que ma chère, mon excellente Cama m'a donné un gros et beau garçon, nommé Alexandre, ce matin à onze heures.... Veuillez accorder vos bontés au nouveau et premier petit fils de votre majesté et les continuer à celui qui les apprécie plus qu'il ne peut l'exprimer».

122. Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Оеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича въ Москвѣ.

123. «Видѣніе», ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

124. Князь Мещерскій: «Исторія царствованія императора Александра II», Спб., 1882.

125. «C'était le plus délicieux petit enfant qu'on pût voir, blanc potelé, grands yeux bleu foncé, souriant déjà à six semaines».

Императрица Елисавета Алексѣевна въ письмѣ къ матери отъ 29-го апрѣля (11-го мая) 1818 года пишетъ:

«Le petit est un joli enfant, trop blanc et pâle seulement; il ressemble d'une manière frappante au prince Guillaume de Prusse. Je trouve qu'il a une petite mine touchante».

126. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», ч. I, стр. 111—114.

127. Изъ рукописнаго журнала 1817 года флигель-адъютанта Михайловскаго-Данилевскаго. Онъ пишетъ, что ручается за точность словъ императора Александра, записанныхъ имъ тотчасъ послѣ обѣда.

128. На обѣдѣ присутствовали шесть приглашенныхъ: генералъ-адъютанты князь Волконскій и графъ Ожаровскій, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Виллié и флигель-адъютанты Орловъ и Михайловскій-Данилевскій.

129. Этотъ отзывъ императора Александра о царствованіи Павла I совершенно сходствуетъ съ тѣмъ, что онъ писалъ Лагарпу, будучи еще наслѣдникомъ (27-го сентября 1797 года изъ Гатчины): «Mon père en montant sur le trône a voulu tout réformer. Tout a été mis sens dessus dessoux à la fois, ce qui n'a fait qu'augmenter la confusion déjà trop grande qui régnait déjà dans les affaires». (Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе», ч. I, стр. 281).

130. Собственноручныя записки императора Николая I о 14-мъ декабря 1825 года и о предшествовавшихъ сему событіяхъ, написанныя государемъ для своего семейства.

131. Въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1819 годъ есть одно довольно странное указаніе. Онъ пишетъ: «Съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ».

Нельзя не замѣтить, что приведенныя нами слова Даниловскаго не подтверждаются никакими другими современными свидѣтельствами. Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ также не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, которое онъ едва ли обошелъ бы молчаніемъ. Не было ли присутствіе Николая Павловича въ кабинетѣ императора Александра случайнымъ явленіемъ, связаннымъ, можетъ быть, съ учрежденіемъ Инженернаго училища, послѣдовавшимъ какъ разъ въ 1819 году?

132. До окончательнаго приспособленія покоевъ Инженернаго замка для своего новаго предназначенія, училище помѣщалось въ одномъ изъ такъ называемыхъ павильоновъ.

133. Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Витебскъ 12-го (24-го) сентября 1821 года, а великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ вслѣдъ за государемъ 13-го сентября. Замѣтимъ здѣсь, что Николай Павловичъ возвратился изъ-за границы 10-го (22-го) сентября, послѣ почти годичнаго отсутствія изъ Россіи съ великою княгинею Александрой Ѳеодоровною.

134. Письмо великаго князя Николая Павловича къ генералу Паскевичу отъ 3-го марта 1822 года изъ Вильны.

135. Князь Щербатовъ: «Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ», т. I, стр. 376.

136 Письмо Растопчина отъ 14-го сентября 1795 года. «Архивъ князя Воронцова», книга 8-я, стр. 112.

Въ перепискѣ Растопчина встрѣчается вообще весьма нелестная характеристика великаго князя Константина Павловича, относящаяся ко времени царствованія Екатерины II. 8-го декабря 1795 года Растопчинъ пишетъ: «Le grand duc Constantin découvre tous les jours quelques mauvaises qualités et promet d'égaler Pierre le Cruel et le tyran Denis de Syracuse» (стр. 119).

137. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны, по поводу задуманнаго цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ развода, было написано, вѣроятно, на французскомъ языкѣ, но дошло до насъ въ современномъ его написанію русскомъ переводѣ.

138. Синодъ основалъ возможность развода цесаревича на 10-мъ пунктѣ «Духовнаго Регламента», касающемся «мірскихъ особъ». Въ этомъ пунктѣ окончательное постановленіе согласовано съ 35-мъ правиломъ Василія Великаго и главою 490-й «Кормчей книги».

139. 23-й пунктъ заключаетъ въ себѣ статью о начальствѣ императора надъ всею императорскою фамиліею и его попеченіи. Содержаніе его слѣдующее: «Во всякомъ случаѣ, царствующій императоръ почтенъ быть долженъ главою всей императорской фамиліи, и будетъ на всегдашнее время попечителемъ и покровителемъ ея».

140. По точному смыслу манифеста, цесаревичъ Константинъ Павловичъ не лишался въ немъ лично никакихъ принадлежавшихъ ему правъ на наслѣдованіе престола, но только въ случаѣ возможнаго съ его стороны, послѣ развода, неравнаго брака жена и дѣти не могли пользоваться соотвѣтственнымъ титуломъ и правами на наслѣдованіе престола.

141. Записки И. В. Вернигина (р. 1796-† 1872). «Русская Старина» 1893 г., т. LXXVII, стр. 434—435.

142. Sabloukoff: La mort de Paul I. «Revue Moderne», 1866, p. 137.

Саблуковъ пишетъ по поводу приведеннаго имъ разговора съ цесаревичемъ еще слѣдующее: «Par sa conduite en 1825, à l'avénement de l'empereur Nicolas, Constantin prouva qu'il parlait sérieusement et que sa résolution de ne pas régner était sincère. Je dis alors que toutes les démarches faites pour l'inviter à accepter le trône étaient inutiles, qu'il ne régnerait jamais, comme il me l'avait dit peu de jours après la mort de son père. Je ne me trompais pas».

143. Воспоминанія великаго князя Михаила Павловича о событіяхъ 14-го декабря 1825 года, записанныя барономъ М. А. Корфомъ и лично исправленныя его высочествомъ.

144. Великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ барону Корфу, что это случилось на одномъ, совершенно и теперь памятномъ ему мѣстѣ, между Вольскою и Іерусалимскою заставами.

145. Переписка князя А. Н. Голицына, по поводу манифеста о престолонаслѣдіи 1823 года.

146. Баронъ Корфъ: Восшествіе, стр. 27 и 28.

147. «Ich allein hatte durch besonderes Vertrauen des Kaisers Alexander Kenntniss erhalten von der Resignation des Grossfürsten Constantin zu Gunsten Nikolaus. Diese Mittheilung geschah in Gatschina, Mitte Oktober 1823. Die Resignations-Acte ist vom Mai (?) 1823 datirt und die Unterhandlungen dazu fallen in die Zeit bald nach der Heirath des Grossfürsten Constantin mit der Fürstin Lowicz 1822. Kaiser Nikolaus und die Kaiserin Alexandra hatten nur oberflächliche, aber niemals offizielle Kenntniss des Actenstücks erhalten, daher das Verfahren des Grossfürsten Nicolaus beim Eintreffen der Todesnachricht des Kaiser Alexander sich erklärt. Ich habe bei meiner Rückkehr aus Petersburg dem Könige selbst sofort Mittheilung von der Eröffnung des Kaisers Alexander gemacht, zu des Königs unglaublichem Erstaunen. Sonst hat Niemand ein Wort darüber von mir gehört.... Als die Todesnachricht vom Kaiser Alexander nach Berlin kam, eilte ich zum König. Er und ich allein wussten nun, was bevorstand und was sich auch sofort durch die verschiedenen Eidesleistungen in Warschau und Petersburg heraustellte. Durch Kaiser Alexander wusste ich gleichfalls, dass die Acte im Archive zu Petersburg und in der Kathedrale zu Moskau in duplo niedergelegt war».

Записка короля прусскаго Вильгельма I о разговорѣ съ императоромъ Александромъ въ 1824 году напечатана въ сочиненіи Шнейдера: «Aus dem Leben Kaisers Wilhelm». Berlin. 1888. B. I, p.p. 199—201.

Въ одномъ только эпизодѣ память измѣнила принцу-регенту Вильгельму, когда онъ писалъ въ 1859 году для своего довѣреннаго чтеца и библіотекаря выше приведенную нами замѣтку, а именно онъ утверждаетъ, что императоръ Александръ сообщилъ ему тайну объ отреченіи цесаревича Константина Павловича въ половинѣ октября 1823 года; между тѣмъ государь возвратился изъ своей поѣздки по Россіи только 3-го (15-го) ноября. Король также ошибочно отнесъ «die Resignation-Acte» къ маю 1823 года.

148. Одинъ русскій писатель выразился по этому поводу весьма рѣзко: «L'Empereur Alexandre avait disposé de la couronne de Russie comme l'on dispose d'une voiture de voyage. Il avait changé l'ordre de succession au trône, du consentement, il est vrai, de l'héritier présomptif, mais sans se donner la peine de faire connaitre de son vivant a soixante millions le nom du maitre au pouvoir duquel ils allaient tomber après sa mort».

149. Императрица Елисавета Алексѣевна въ письмѣ къ матери отъ 21-го апрѣля 1821 года описываетъ слѣдующимъ образомъ дѣтей великаго князя Николая Павловича:

«Le petit Alexandre est un joli enfant, ce n'est pas un enfant vif, ni distingué par l'esprit, mais d'un naturel aimable. Quand il est de bonne humeur, il a une bien jolie physionomie, un joli sourire; pour la taille il est un peu pataud. Sa soeur a beaucoup plus de vivacité; c'est une petite fille dans toute la force du terme, d'une coquetterie et d'une minauderie à faire mourir de rire, et d'un tact si fin pour la parure qu'à peine avait-elle un an, qu'elle remarquait déjà lorsqu'on avait quelque chose d'un peu distingué dans la toilette; elle a une jolie petite mine, mais elle est presque toujours pâle et blanche comme un linge».

150. См. въ приложеніяхъ: Изъ переписки императора Александра за 1820 и 1821 годы (Троппау и Лайбахъ).

151. Lalla Rukh. Ein Festspiel mit Gesang und Tanz. Aufgeführt auf dem Königlichen Schlosse in Berlin am 27-sten Januar 1821 bei der Anwesenheit I. I. K. K. H. H. des Grossfürsten Nicolaus und der Grossfürstin Alexandra Feodorowna. Mit 23 colorirten Kupfern. Berlin. 1822.

Одинъ изъ рисунковъ этого изданія воспроизведенъ въ приложеніи къ настоящему труду.

152. Aus meinem Leben, von Louis Schneider. Berlin. 1879. B. I, p. 366—367.

153. По этому поводу императоръ Александръ писалъ великой княгинѣ 11-го (23-го) сентября 1822 года изъ Вѣны: «Une lettre si bonne, si amicale de votre part, un cadeau charmant et cela juste pour le matin de ma fête, et mieux que tout cela, l'heureuse

nouvelle que tout s'est passé si bien, si promptement, grâces à la bonté Divine, et que la délicieuse maman et son enfant se portent aussi bien que possible, convenez, chère, tendre amie, que c'est plus de bonheur que j'étais en droit d'espérer! Aussi vous rendre tout le plaisir que l'arrivée de Kavélin m'a fait éprouver est impossible. Du fond de mon coeur j'ai remercié Dieu et je L'ai invoqué avec plus de ferveur encore que de coutume, pour qu'Il vous continue toutes ses bénédictions. Si vous aviez fait la chose exprès, vous ne l'auriez pas pu mieux arranger. La veille avoir quitté tranquillement Iélaguin et le lendemain matin, jour de la St Alexandre, le plus lestement possible, dans moins de trois heures, avoir fini toute votre besogne, sans avoir même donné à ceux qui vous chérissent, le temps de s'inquiéter pour vous—il faut convenir que c'est aussi adroit que possible, et digne de cette dextérité en toute chose, qui distingue ma charmante belle soeur».

154. Изъ собственноручныхъ записокъ императора Николая Павловича о событіяхъ 14-го декабря 1825 года.

155. Chateaubriand: Congrès de Vérone, p. 108.

156. Письмо цесаревича Константина Павловича къ генералу Чичерину отъ 11-го (23-го) октября 1823 года (Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 410).

157. Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczkowskiegs. Księga III, w Krakowie, 1900 (p.p. 42—46).

158. Меттерних писалъ 4-го (16-го) октября 1823 года: «Le triomphe de la modération de l'empereur de Russie est complet; et ce triomphe, grâce à la constance de nos voeux, est à la fois le nôtre». Metternich: Mémoires, t. 4, p. 81.

159. Императоръ Александръ писалъ 13-го февраля 1824 года княгинѣ Ловичъ: «J'ai eu un plaisir extrême à revoir le cher Constantin. De tous les jours de l'année, le ciel l'a amené ici, au jour le plus favorable. Vous saurez déjà que ce que d'autres nomment par hazard et ce que j'appelle moi par la volonté de la Providence, il est arrivé justement la veille de la noce de Michel. Dans des romans ou des pièces de théatre on voit souvent de ces arrivées pour l'heure et la minute. Mais au réel, c'est le premier cas semblable que je puis citer».

160. «C'est à partir de ce moment qu'on le vit commencer à être fatigué de la vie». Metternich: Mémoires, t. I, p. 320.

161. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», часть 4-я, стр. 311.

162. Великая княгиня Александра Оеодоровна въ дневникѣ своемъ отъ 1824 года пишетъ о К. К. Мердерѣ слѣдующее: «Ich beobachtete ihn und er gefällt mir wirklich in seiner Art zu sein mit dem Knaben, den er rein menschlich nimmt und nichts pedantisches und höfisches in seiner Art hat».

163. О. Веселаго: «Краткая исторія русскаго флота», выпускъ 2-й, Спб., 1895, стр. 376.

164. Изъ переписки великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Оеодоровны съ императоромъ Александромъ за время пребыванія ихъ высочествъ за границею въ 1824 году.

165. Aus der preussischen Hofgesellschaft. 1822—1826. (Deutsche Rundschau, 1898, p. 61).

166. Въ меморандумѣ, приложенномъ къ письму императора Александра отъ 28-го ноября (10-го декабря) 1824 года, слѣдующее разсужденіе обращаетъ на себя вниманіе: «Il est une autre considération que l'empereur ne saurait perdre de vue et qui n'échappera certainement pas à la pénétration et la délicatesse du roi. Elle se rapporte au mariage de monseigneur le grand duc Constantin et à l'impossibilité où sa majesté impériale s'est trouvée de faire dans cette circonstance ce qui lui est proposé aujourd'hui. Dès lors comment l'empereur pourrait il arrêter en faveur d'une princesse qui lui tient de moins près, une mesure qu'il ne se serait pas cru autorisé à prendre en faveur de l'épouse de son frère? Le roi est trop juste pour ne pas apprécier toute l'importance d'un tel obstacle». (Государственный архивъ. Разрядъ IV. № 249).

167. «Vous savoir dans l'affliction, c'est comme si j'en ressentais moi même. — J'ai si bien compris tout ce qui devait se passer dans votre coeur et combien le souvenir de

votre inapréciable mère devait se reproduire vivement en vous dans une circonstance semblable! — C'est une épreuve, chère amie, par laquelle la Providence vous a fait passer, et une de ces épreuves sensibles, difficiles à supporter! Plus d'une en attend encore chacun de nous!—Mais n'oubliez pas, ma bonne amie, ce qui nous est dit et répété plus d'une fois, que c'est ceux qu'elle aime, qu'elle éprouve de préférance!—Soyez tranquille, chère ami·, sur mon jugement quant au roi. Jamais personne encore n'a entendu de ma bouche rien de défavorable à son égard. Maintenant que la chose est faite, je n'ai plus qu'une pensée, qu'un voeu, c'est de savoir le roi heureux autant qu'il mérite de l'être, et si son épouse réussit à lui procurer ce bonheur, je vous assure que je lui porterais un sentiment d'affection et de reconnaissance. — L'assurance que vous me donnez que l'accord dans la famille, grâces à Dieu, n'a pas été troublé m'a fait un bien véritable et je L'en ai remercié du fond de mon coeur».

168. Письмо императора Александра великой княгинѣ Александрѣ Оеодоровнѣ отъ 19-го ноября (1-го декабря) 1824 года, оконченное 20-го ноября.

169. Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го февраля 1826 года императоръ Николай сообщаетъ, что онъ нуждается въ человѣкѣ, болѣе надежномъ, «que le triste, mais bon diable Woynoff, pour tenir tête à nos ecervelés de la garde».

170. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб., 1866, стр. 384, и 385 (письма отъ 23-го ноября и 8-го декабря 1824 года).

171. Изъ письма отъ 28-го ноября 1824 года.

172. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 12 и № 44.

Записка эта по повелѣнію императора Николая препровождена была генералъ-адъютантомъ барономъ Дибичемъ къ цесаревичу Константину Павловичу, который 26-го марта 1826 года отвѣчалъ начальнику главнаго штаба изъ Варшавы нижеслѣдующимъ письмомъ:

«По высочайшей его императорскаго величества волѣ, ваше превосходительство препроводили ко мнѣ записку собственной руки покойнаго государя императора, найденную между бумагъ въ его кабинетѣ, при чемъ вы увѣдомили, что его императорскому величеству угодно знать, зналъ ли я объ оной, и кому оная слѣдовала. Препровождая при семъ обратно сію записку, прошу васъ доложить его императорскому величеству, что хотя покойный государь императоръ изволилъ часто говаривать со мною о подобныхъ обстоятельствахъ, но о сей запискѣ я не зналъ, а полагаю, что оная слѣдовала или къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву или къ князю Александру Николаевичу Голицыну. Покойный же государь императоръ, какъ я и прежде уже писалъ, въ 1822 или 1823 годахъ, навѣрное никакъ не припомню, изволилъ мнѣ вручить въ С.-Петербургѣ для прочтенія весь уставъ общества Благоденствія; я тогда доложилъ, что какъ тетрадь большая, то не успѣю тамъ прочитать, государь изволилъ мнѣ приказать взять ее съ собою, и я оную, по прочтеніи, обратно отсюда представилъ его императорскому величеству, и вѣрно должна оная найтись въ кабинетѣ покойнаго».

173. Записки Александра Ивановича Кошелева, Берлинъ, 1884, стр. 13.

174. Михайловскій-Данилевскій: Журналъ 1823 года.

175. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 4-й.

176. 8-го мая 1824 года князь Меншиковъ въ англійскомъ клубѣ въ Москвѣ слышалъ разсказъ о причинахъ увольненія князя А. Н. Голицына отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: «я удалился,—пишетъ князь Меншиковъ въ своемъ дневникѣ,—ибо думаю, что разсказчикъ шпіонъ и agent provocateur. Я дурно сдѣлалъ, что прежде не ушелъ, ибо подобная бестія можетъ въ свои доносы запутать, сказавъ, что такой-то слышалъ или былъ тутъ».

22-го мая князь Меншиковъ по тому же поводу продолжаетъ: «надзоръ полиціи я давно замѣтилъ за собою, а нынѣ онъ явно обнаруживается, но по глупости или по нахальству офиціальныхъ шпіоновъ,—рѣшить не умѣю. Впрочемъ я бы весьма желалъ, чтобы всѣ мои дѣянія были доводимы до свѣдѣнія правительства и всего міра, но правда въ полицейскомъ доносѣ рѣдко бываетъ, ибо человѣкъ съ честью не приметъ

на себя подобной обязанности, а бездѣльникъ, для выслуги, по недостатку матеріи, изобрѣтетъ и оклевещетъ и тѣмъ легче, что не имѣетъ никакой отвѣтственности».

177. Въ такомъ же смыслѣ о княгинѣ Лигницъ писала великая княгиня Александра Оеодоровна къ императору Александру 10-го (22-го) декабря 1824 года: «Tout mon séjour ici n'a pas été rose, comme vous pouvez facilement vous l'imaginer. Je mentirai cependant si je disais que la princesse de Liegnitz ait introduit le moindre changement dans le train de vie journalier. Tout est comme autrefois et pourtant le fond est changé».

178. Припомнимъ здѣсь, что къ усугубленію общественнаго недоумѣнія кронпринцъ, вступивъ въ бракъ съ баварскою принцессою Елисаветою, тѣмъ уже ввелъ католическій элементъ въ прусскую королевскую семью. «Elle écoute la messe avec la princesse de Liegnitz», писалъ великій князь Николай Павловичъ къ государю.

179. Письма великаго князя Николая Павловича къ императору Александру отъ 9-го (21-го) и 15-го (27-го) декабря 1824 года изъ Берлина.

180. Въ собственноручной замѣткѣ графа Модена отмѣчены слѣдующія подробности о возвращеніи въ Россію въ 1825 году великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Оеодоровны:

«Nous étions à Berlin à la fin de l'année 1824; la grande duchesse était enceinte; les chemins étaient impraticables; les pluies n'ayant pas discontinué, il n'y avait pas de chemin d'hiver: il était question de se mettre en route sans délai ou de se décider de rester pour les couches à Berlin. Nous profitions d'un moment de gelée qui survint vers la mi-janvier et revinmes par Varsovie. Le voyage fut de 32 jours, y compris 8 jours de séjour à Varsovie».

181. Замѣтимъ здѣсь, что въ это время посѣтили Петербургъ великая княгиня Марія Павловна съ двумя дочерьми: Августой (впослѣдствіи королева Прусская и императрица Германская) и Маріею, и великая княгиня Анна Павловна съ супругомъ принцемъ Вильгельмомъ Оранскимъ.

182. Одновременно съ назначеніемъ великаго князя Николая Павловича начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи, произошла перемѣна въ составѣ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, вслѣдствіе чего л.-гв. Измайловскій полкъ, бывшій прежде въ одной бригадѣ съ л.-гв. Егерскимъ полкомъ и л.-гв. сапернымъ баталіономъ, составилъ одну бригаду съ л.-гв. Павловскимъ полкомъ и л.-гв. сапернымъ баталіономъ. Бригада эта приняла названіе 3-й гвардейской пѣхотной бригады и вмѣстѣ съ 4-ю (изъ полковъ л.-гв. Егерскаго и л.-гв. Финляндскаго) образовала 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, которая была ввѣрена великому князю Николаю Павловичу.

183. «Les séances d'ouverture et de cloture de la Diète, ainsi que celles où la sanction royale des projets de loi sera promulgée, continueront d'être publiques comme par le passé et elles seront accompagnées de solennités ordinaires. Pour le choix des commissions, ainsi que pour les délibérations et discussions de tout genre, les chambres se formeront toujours en un comité particulier. Cet article est déclaré partie intégrante et inséparable de la charte constitutionnelle».

184. Удовольствіе, испытанное императоромъ Александромъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Польшѣ, отразилось и въ письмѣ его къ графу Аракчееву отъ 23-го мая 1825 года. «Здѣсь, благодаря Всевышнему,—писалъ государь,—идетъ все по желанію, и я отмѣнно доволенъ общимъ расположеніемъ». Въ такомъ же духѣ государь писалъ 22-го мая великой княгинѣ Александрѣ Оеодоровнѣ: «Je suis bien content de l'état des choses ici. Les dispositions sont excellentes, et la Diète va à souhait. Aussi j'en remercie Dieu du fond de mon coeur».

185. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Оедору Петровичу Опочинину, отъ 12-го (24-го) февраля 1826 года изъ Варшавы.

186. Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczkowskiego. Księga III.

187. Баронъ М. А. Корфъ: «Восшествіе на престолъ императора Николая I». Спб., 1857 (третье изданіе), стр. 30.

188. Баронъ М. А. Корфъ: «Историческое описаніе 14-го декабря 1825 года и предшедшихъ къ тому событій», Спб., 1848.

189. «Записки Николая Ивановича Греча» (рукопись).

Далѣе Гречъ пишетъ, что императрица Марія Ѳеодоровна окружила великихъ князей (Николая и Михаила) людьми добрыми и безхарактерными. Еще удивительно, что они не вышли хуже. Николай Павловичъ принужденъ былъ доучиваться уже женатый въ Берлинѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ только сдалъ послѣдній экзаменъ, заколотилъ огромнымъ гвоздемъ свой шкафъ съ книгами. Зато великія княжны были образованы и воспитаны тщательно и успѣшно. Всѣ онѣ принесли честь Россіи, своимъ родителямъ и фамиліи. «Отчего же, спрашиваетъ Гречъ, это превосходство женскаго пола надъ мужскимъ?»—и даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: «отъ ненавистнаго фрунта, который внесенъ былъ въ Россію слабоумнымъ Петромъ III, обожавшимъ Фридриха не за его дарованія и побѣды, а за штиблеты, краги, косы, пукли, за ефрейторскую палку. Павелъ былъ достойнымъ его преемникомъ и передалъ эту варварскую страсть своимъ дѣтямъ».

190. Александръ сказалъ въ этотъ день великому князю Николаю Павловичу, что онъ думалъ купить для него дачу Мятлевой (Знаменское, близъ Петергофа), однако остановился за невѣроятно высокою цѣною и жалуетъ ему, по его желанію, другое мѣсто также близъ Петергофа, на которомъ находится нынѣ дача Александрія.

191. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна написала въ своемъ дневникѣ 1825 года: «Es war etwas trauriges über diese Einweihung verbreitet, die wir alle fühlten ohne es zu äussern. Dies öde herrliche Haus mit all seiner Farben und Goldpracht schrie so disharmonisch in den Kreis so wenig froher Menschen».

192. П. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

193. Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1825 года.

Данилевскій командовалъ 3-й бригадой 7-й пѣхотной дивизіи со времени производства своего въ генералъ-майоры въ 1823 году.

194. П. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

195. Подробности доноса, сдѣланнаго Иваномъ Васильевичемъ Шервудомъ, изложены нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I», ч. 4-я, стр. 336—348.

196. Въ собственноручной запискѣ, представленной въ 1826 году графомъ Виттомъ, о порученіяхъ, которыя ему давалъ императоръ Александръ, упомянуто, что въ 1819 году по дошедшимъ до государя извѣстіямъ ему повелѣно было имѣть наблюденіе за губерніями: Кіевскою, Волынскою. Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою и въ особенности за городами Кіевомъ и Одессою. Графъ Витть по поводу даннаго ему порученія пишетъ: «его величество изволилъ поручить мнѣ употреблять агентовъ, которые никому не были извѣстны, кромѣ меня; обо всемъ же относящемся до сей части никому, какъ его императорскому величеству, доносить было не позволено, и всѣ на необходимые случаи разрѣшенія обязанъ я былъ принимать отъ самого въ Бозѣ почивающаго государя императора». (Военно-ученый архивъ. Отд. 3. № 1169).

197. См. въ приложеніяхъ письмо графа Витта къ императору Александру отъ 3-го августа 1825 года.

198. Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Дибича отъ 4-го декабря 1825 года.

199. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901 года, № 5 (стр. 591—602), можно найти подробности о дуэли Новосильцева съ Черновымъ, въ статьѣ С. П. Шубинскаго, посвященной этому событію.

200. Изъ письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великому князю Николаю Павловичу отъ 15-го сентября 1825 года.

201. Въ письмѣ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 18-го октября 1825 года изъ Таганрога, императоръ Александръ писалъ: «Je regrette vivement l'horrible duel qui a eu lieu à Pétersbourg, ainsi que les deux victimes; c'étaient deux bons officiers et braves garçons. D'apres ma manière de juger, si quelqu'un est coupable de cette triste catastrophe, c'est la mère de Novosiltzof. Apres avoir donné la permission à son fils de se marier et l'avoir annoncée par une lettre au général Diebitsch, elle a

tâché par vanité de faire rompre le mariage par tous les moyens possibles. Mais aussi elle a été cruellement punie».

202. «Depuis votre départ il n'y a eu que de tristes événements, qui nous ont occupés et interessé plus ou moins; assassinats, duel et morts, ne sont pas fait pour inspirer la gaieté». Изъ письма великой княгини Александры Оеодоровны къ императору Александру отъ 4-го октября 1825 года.

См. въ приложеніяхъ выдержки изъ переписки императора Александра съ великой княгиней, за время пребыванія государя въ Таганрогѣ.

203. 13-го октября 1825 года Николай Павловичъ писалъ графу Модену: «Je compte rentrer dans mes pénates mardi prochain 20 octobre (1 novembre), car j'avoue, je suis là de faire constamment la navette entre ici et la ville, et la campagne n'est pas riante, comme vous pensez bien».

Графъ Моденъ находился тогда за границею; въ августѣ 1825 года онъ отправился въ Карлсбадъ, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ его застало извѣстіе о кончинѣ императора Александра.

204. См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта Дибича къ Г. И. Вилламову отъ 15-го (27-го) ноября 1825 года.

205. Въ тотъ же день 17-го (29-го) ноября, въ 7 часовъ пополудни, генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ Г. И. Вилламову: «Спѣшу увѣдомить, что послѣ письма моего къ вамъ отъ 15-го сего ноября вчерашній день состояніе здоровья государя императора было еще въ большой опасности; но сегодня, благодаря Всевышняго, положеніе его величества подаетъ намъ хотя слабую надежду. Я прошу покорнѣйше доложить о семъ ея императорскому величеству такимъ образомъ, какъ вы за лучшее признать изволите».

Виллié писалъ Вилламову того же числа въ 6 часовъ пополудни: «Depuis hier les applications externes du visicatoire entre les épaules, les synapismes et de l'épongement avec du vinaigre aromatique et d'esprit camphré et des lavements appropriés ont tant soit peu reveillé sa majeste l'empereur d'un état soporeux, et par conséquent augmentent mes espérances».

206. Вспоминая черезъ годъ событія этой ночи, императоръ Николай писалъ 25-го ноября 1826 года цесаревичу Константину Павловичу: «Ma mère étant absente à Pavlovsky pour échapper pendant ces tristes jours à l'horreur du local, j'ai plus de loisir et me voilà donc à vous écrire. Au moment où je vous écris, il y a juste un an que j'appris par le mahleureux Miloradowitsch la premiere nouvelle du danger éminent de notre ange, que je demandais à Dieu de me soutenir dans cette terrible épreuve, et que je passais la nuit dans l'antichambre de ma mère, dans les angoisses, que je ne compare qu'à celle de ma mort. Quelle nuit, grand Dieu! quel lendemain et quel terrible surlendemain! Je me demande souvent, comment il est possible que nous ayons résisté à tout cela et que Dieu, dans sa miséricorde, a daigné sauver ma mère. A la veille des journées d'un souvenir tout aussi pénible, mais plus solennelles pour moi, je viens implorer vos benédictions, comme à celui qu'il m'est et me sera toujours permis de regarder, en moi même, comme mon maitre, comme celui qui remplace, pour moi, mon adorable bienfaiteur, comme celui auquel j'ai dévoué toute mon exis'ence; conservez moi indulgence avant tout, bonté, confiance, amitié, si j'en suis digne, et di:es vous bien, que ma vie entière est consacrée à jus:ifier votre confiance, devant Dieu, devant vous, devant les hommes, devant moi même et que Dieu me soit en aide».

По полученіи этого письма цесаревичъ отвѣчалъ брату на его трогательное посланіе 6-го (18-го) декабря 1826 года: «Si je ne vous aimais pas autant que je l'ai toujours fait, votre lettre aurait produit cet effet: il n'est pas possible de la lire sans un sentiment d'émotion, depuis la première ligne jusqu'a la dernière, j'en ai béni le bon Dieu, je L'en ai remercié et je L'ai prié qu'Il m'accorde encore la possibilité de vous servir et de vous être utile sur mes vieux jours, dont les jeunes ont été consécutivement employés, durant 31 ans, passés au service de deux maitres avec fidelité, zèle et dévouement; les mêmes sentiments vous sont offerts, cher frère, avec plénitude de coeur; puissent mes

forces physiques être les mêmes que par le passé, pour y réussir complètement; de plus comptez toujours sur moi, et certainement n'ayant aucune arrière pensée, aucun désir quelconque, mon intérêt personnel, s'il pouvait entrer en ligne de compte et si je n'étais inspiré par des sentiments plus élevés, me ferait toujours agir d'après la fidelité, le devoir, l'attachement et le dévouement sincère qui m'ont constamment animés pour mes maitres et m'animeront jusqu'à la fin de mes jours. Ainsi soit-il».

207. Ту же мысль Николай Павловичъ высказалъ Адлербергу, сидя съ нимъ ночью въ камерднперской: «Если Богъ опредѣлитъ испытать насъ величайшимъ изъ несчастій, кончиною государя, то по первому извѣстію надобно тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину».

208. См. въ приложеніяхъ хронологическій перечень извѣстій, полученныхъ въ Петербургѣ о ходѣ болѣзни императора Александра, а также письма князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича къ императрицѣ Маріи Оеодоровиѣ отъ 19-го ноября 1825 года.

209. См. въ приложеніяхъ записку великаго князя Николая Павловича: «Отъ брата Николая къ брату Константину».

На запискѣ не поставлено числа, но, судя по ея содержанію, она очевидно написана 3-го (15-го) декабря 1825 года: она была впервые напечатана нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

210. Изъ письма В. А. Жуковскаго отъ 25-го іюня (7-го іюля) 1848 года къ графу III . . . ку.

211. В. А. Жуковскій сопровождаетъ описанную имъ присягу, совершенную великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, которой онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ, слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Что прибавлю къ моему разсказу? Я съ своей стороны не знаю ни въ исторіи народовъ, ни въ исторіи души человѣческой ни одной болѣе возвышенной минуты. Великому князю извѣстно было отреченіе брата его отъ престола; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого отреченія престолъ неоспоримо принадлежалъ ему; онъ предвидѣлъ, что чрезъ нѣсколько минутъ всенародно откроется тайна отреченія, и что ему предложено будетъ воспользоваться правомъ, ему уступленнымъ; но въ то же время онъ въ душѣ своей признавалъ неприкосновенное право законнаго наслѣдника и не могъ знать, на что рѣшится этотъ наслѣдникъ (бывшій тогда далеко), подтвердитъ ли, уничтожитъ ли тайное свое отреченіе. Чего же требовала отъ него совѣсть, то было для него явно; но онъ страшился, чтобы воля его не поколебалась въ выборѣ между самоотверженіемъ и самодержавіемъ; онъ не повѣрилъ одной силѣ души своей, онъ поспѣшилъ подкрѣпить ее силою Бога, поспѣшилъ явиться предъ лицомъ этого Бога, дабы во храмъ Его, къ подножію престола, на которомъ совершается жертва безкровная, положить свою жертву земного величія; онъ поднялъ къ Богу свою руку съ клятвою: не принимать этого величія иначе, какъ отъ Вышней воли, которая одна всѣ земныя права даруетъ и освящаетъ. И эту клятву произнесъ онъ въ самую первую минуту великой скорби, когда вся душа охвачена была страшною, ей самой еще непонятною мыслію, что Александра не стало; и онъ ее произнесъ одинъ, безъ свидѣтелей, безъ всякой торжественности, безъ всякаго, увлекающаго душу людскаго одобренія, напротивъ, тайкомъ отъ толпы, наединѣ съ Богомъ; что былъ свидѣтель, подсмотрѣвшій его въ эту великую минуту жизни, онъ того не зналъ, онъ былъ одинъ. Сообразивъ все это, какое имя дамъ я тому, что мои глаза видѣли, что поразило тогда и что теперь, при воспоминаніи, наполняетъ трепетомъ благоговѣнія мою душу? Но зачѣмъ имя, когда дѣло само себя именуетъ? Подлинное же величіе этого дѣла заключается не въ огромности принесенной жертвы, а въ томъ смиреніи, съ какимъ была принесена она, въ отсутствіи всякаго самодовольнаго къ ней уваженія, въ какомъ-то младенческомъ незнаніи ея высокости, наконецъ въ совершенномъ о ней забвеніи, ибо до сихъ поръ, кромѣ меня, случайнаго ея свидѣтеля (и весьма немногихъ, которымъ я этотъ случай въ послѣднее время разсказывалъ), никто о видѣнномъ мною не вѣдаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

«Исторія есть не что иное, какъ лѣтопись человѣческаго честолюбія. Пріобрѣтеніе власти, праведное или неправедное, сохраненіе или распространеніе пріобрѣтенной власти, возвращеніе власти утраченной—вотъ главное ея содержаніе, около котораго сосредоточиваются всѣ другія историческія событія. Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ, болѣе или менѣе ей чуждымъ, именемъ патріотизма, любви къ человѣчеству, воли народа, общаго блага, свободы и проч., подлинное же имя ея: своекорыстіе. И всякое средство, самое преступное: обманъ, клевета, измѣна, хищничество, мятежъ, междоусобіе, кажется позволеннымъ для пріобрѣтенія такого великаго блага. Немного представляетъ намъ исторія такихъ дѣйствователей на поприщѣ власти, которыхъ властолюбіе было бы совершенно чисто отъ всякой примѣси своекорыстія; еще менѣе примѣровъ пожертвованія власти изъ одной любви къ правдѣ и долгу. То, что мною разсказано, представляетъ чистѣйшій примѣръ послѣдняго: здѣсь отверженіе власти—и какой власти!—совершилось безъ всякаго своекорыстнаго вида, а просто изъ уваженія къ святынѣ права, совершилось такъ тайно, такъ тихо, что именно то обстоятельство, которое составляетъ прямое достоинство принесенной жертвы, осталось невѣдомымъ для исторіи; но тѣмъ болѣе оно вѣдомо Тому. Кто ведетъ лѣтопись не земнымъ (минутнымъ или вѣковымъ) событіямъ человѣческаго общества, а дѣяніямъ души человѣческой. Народы и имперіи, ихъ начало, величіе и разрушеніе, и весь родъ человѣческій не иное что, какъ призраки; одно посреди ихъ существенно и живо: безсмертная душа наша. Минутныя земныя событія принадлежатъ листамъ исторіи, столь же минутнымъ и бреннымъ, какъ они; не умирающія дѣла души принадлежатъ листамъ той вѣчной книги Божіей, которая нѣкогда разогнется на послѣднемъ судѣ Его. И на одномъ изъ листовъ этой книги яркими чертами записана та великая минута моего императора, о которой, можетъ быть, ни слова не скажетъ исторія. Если же она скажетъ о ней, то она въ то же время должна будетъ признать, что слова: Божіею милостію, имѣютъ свой полный смыслъ въ императорскомъ титулѣ Николая I. Онъ прямо изъ руки Божіей принялъ свою корону и, разъ принявъ ее, мужественно отстоялъ даръ Божій въ ту роковую минуту, когда враждебная сила покусилась на его похищеніе. Данное Богомъ, Богомъ и сохранится, и русскій тронъ, въ виду мятежей народныхъ, уничтожающихъ святыню власти, непотрясаемо устоитъ на твердомъ основаніи Божіей правды и вѣры въ нее царя и народа».

Все вышеизложенное можно прочесть въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ графу III . . . ку, отъ 25-го іюня (7-го іюля) 1848 года. Это письмо было напечатано въ сочиненіяхъ Жуковскаго (Спб., 1857, т. II, стр. 297, Письмо къ графу III. о происшествіяхъ 1848 года). Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что это письмо не сходится съ имѣющейся у насъ рукописной копіей: въ напечатанномъ письмѣ встрѣчаются не только большіе пропуски, произвольныя измѣненія, но и такія вставки, которыя вполнѣ искажаютъ смыслъ письма. Жуковскій именно утверждаетъ, что онъ одинъ былъ невольный свидѣтель присяги великаго князя Николая Павловича въ церкви Зимняго дворца, и на этомъ основаніи строитъ всѣ свои послѣдующія разсужденія, между тѣмъ какъ въ напечатанномъ письмѣ сказано, что великій князь вошелъ въ церковь «и съ нимъ—графъ Милорадовичъ, князь Трубецкой, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и другіе». Затѣмъ въ рукописной копіи сказано, что по совершеніи присяги и подписаніи присяжнаго листа «великій князь велѣлъ кликнуть одного изъ своихъ адъютантовъ. Кто былъ имъ посланъ, и который изъ адъютантовъ явился, Кавелинъ, Перовскій или Адлербергъ, я не помню. «Сказать Михаилу Андреевичу Милорадовичу, чтобы велѣлъ приводить къ присягѣ гвардію»,—отдавъ такое приказаніе, великій князь вышелъ изъ церкви». Приведенныя строки выпущены въ напечатанномъ письмѣ.

Замѣтимъ здѣсь, что 28-го августа 1848 года цесаревичъ Александръ Николаевичъ подарилъ барону М. А. Корфу печатную брошюру въ 24 страницы подъ заглавіемъ: «Письмо къ графу III . . . ку». Эта брошюра и наша рукописная копія буквально отвѣчаютъ одна другой.

212. Въ изложеніи событій 27-го ноября въ сочиненіи барона Корфа одно обстоятельство возбуждаетъ недоумѣніе. Судя по его разсказу, оказывается, что Николай Павловичъ обратился сперва съ рѣчью къ дворцовымъ карауламъ, а вслѣдъ затѣмъ присягнулъ въ большой церкви дворца императору Константину. Между тѣмъ въ дѣйствительности имѣлъ мѣсто какъ разъ обратный порядокъ, то-есть Николай Павловичъ сперва присягнулъ въ церкви одинъ, безъ всякихъ свидѣтелей (Жуковскій случайно при этомъ присутствовалъ и не былъ замѣченъ), а потомъ уже великій князь обратился съ рѣчью къ солдатамъ, занимавшимъ дворцовые караулы. Мы придержались въ нашемъ изложеніи записки: «Отъ брата Николая къ брату Константину», которая нисколько не расходится съ разсказомъ Жуковскаго объ этой присягѣ. Въ ней сказано, что великій князь Николай Павловичъ, послѣ учиненной имъ присяги, предсталъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ и объявилъ ему о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина.

213. 28-го ноября 1825 года генералъ Нейдгардтъ писалъ генералъ-адъютанту барону Дибичу въ Таганрогъ:

«25-го числа вечеромъ, мы получили отъ васъ первое несчастное извѣщеніе; опомнившись отъ перваго удара, Воиновъ и Милорадовичъ въ присутствіи моемъ и Потапова рѣшили держать это извѣстіе пока въ тайнѣ, о чемъ оба генерала посовѣтовались еще съ Лопухинымъ.

«26-го числа, получивъ извѣстіе объ облегченіи августѣйшаго больного, мы объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, а на 27-е число было назначено благодарственное молебствіе при дворѣ и въ Невской лаврѣ. Оно имѣло мѣсто, но не было окончено, явился вѣстникъ о кончинѣ императора. Я былъ при дворѣ; отчаяніе, проникшее во всѣ сердца, отразилось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ; великій князь немедленно присягнулъ императору Константину. Этому примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе и караулы. Но ранѣе, чѣмъ это было исполнено, великій князь приказалъ мнѣ передать отъ его имени генералу Воинову, бывшему съ прочими въ Невской лаврѣ, чтобы немедленно привели къ присягѣ гвардію. Я поспѣшилъ туда и возвѣстилъ это событіе въ церковь въ ту самую минуту и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ровно годъ тому назадъ, въ этотъ же часъ, незабвенный Александръ бросилъ горсть земли на могилу своего вѣрнаго Уварова. Точно громомъ поразило всѣхъ это извѣстіе.

«Мы собрались тотчасъ въ гвардейскомъ штабѣ, гдѣ всѣ генералы и полковые командиры принесли присягу, а затѣмъ отправились къ своимъ частямъ, и въ 5 часовъ вечера гвардія поклялась уже положить свою жизнь за новаго императора. Я присутствовалъ при присягѣ пяти полковъ. Старые гренадеры плакали, какъ дѣти, офицеры рыдали, но всѣ исполнили свой долгъ, соблюдая величайшій порядокъ и тишину. Это останется для гвардіи навсегда памятнымъ и послужитъ лучшей похвалой нашему незабвенному благодѣтелю».

(Переводъ съ нѣмецкаго). Военно-ученый архивъ, отд. I, № 961.

214. По свидѣтельству А. Н. Оленина, князь Лобановъ-Ростовскій сказалъ ему: «Все это вздоръ дѣлаютъ, великій князь Николай Павловичъ изволилъ присягнуть государю императору Константину Павловичу. Вѣдь покойный государь на мое имя такой же пакетъ прислалъ для храненія въ сенатѣ, но я его не распечатаю и имъ не покажу. Если вы здѣсь хотите пакетъ вашъ раскрыть, то пора было это кончить и сходку нашу распустить тѣмъ скорѣе, что мнѣ нужно итти скорѣе къ присягѣ, и что я затѣмъ только и остался».

Если вникнуть въ подробности хода дѣла при обращеніи съ послѣднею волею Александра I-го, то нечего удивляться нечезновенію распоряженія императрицы Екатерины II по престолонаслѣдію; какъ гласитъ преданіе, въ сенатѣ и въ синодѣ въ 1796 году также хранились какіе-то таинственные пакеты. Къ сожалѣнію, подробности этого дѣла остаются до сихъ поръ неизвѣстными, а въ современныхъ запискахъ также не встрѣчается, по этому поводу, положительныхъ указаній.

215. См. въ приложеніяхъ краткую собственноручную записку Сперанскаго о событіяхъ 27-го ноября 1825 года. Баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи привелъ слова

Шишкова, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ государя, а императоръ Николай противъ этихъ словъ писалъ: «и правъ былъ».

216. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлинъ, 1870, т. II, с 272.

217. Въ журналѣ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября Олениинъ еще прибавилъ, что графъ Милорадовичъ возвѣстилъ собранію, что содержаніе манифеста вполнѣ извѣстно великому князю Николаю Павловичу, но что онъ торжественно отрекся отъ предоставленнаго ему онымъ права. Противъ этихъ словъ, включенныхъ барономъ Корфомъ въ первоначальную свою рукопись, императоръ Николай написалъ: «не знаю, съ чего Милорадовичъ могъ сіе объявить, ибо мнѣ содержаніе манифеста было вовсе неизвѣстно, и я въ первый разъ видѣлъ и читалъ его, когда совѣтъ принесъ его ко мнѣ».

218. Записка государственнаго секретаря Алексѣя Николаевича Оленина о засѣданіи государственнаго совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. («Сборникъ И. Р. И. О.», т. XX, стр. 507).

219. По поводу синодскаго пакета А. Н. Оленинъ дѣлаетъ слѣдующее отступленіе въ своемъ разсказѣ: «Выходя передъ тѣмъ для узнанія, былъ ли графъ Милорадовичъ у великаго князя, я видѣлъ въ прихожей комнатѣ совѣта оберъ-прокурора правительствующаго синода князя Мещерскаго, просившаго совѣта у князя А. Н. Голицына относительно открытія такового же пакета, присланнаго для храненія въ правительствующемъ синодѣ. Отвѣта князя Голицына я не слыхалъ».

220. Въ собственноручной замѣткѣ Николай Павловичъ пишетъ: «Когда услышали мой рѣшительный отказъ и требованіе присяги, графъ Литта первый сказалъ: «по волѣ покойнаго государя, мы, не присягнувшіе Константину Павловичу, признаемъ васъ нашимъ государемъ: вы одни можете намъ повелѣвать, и буде воля ваша непреклонна, мы должны вамъ повиноваться, но просимъ, ведите насъ къ присягѣ, что я и исполнилъ съ охотою».

Объ этихъ словахъ графа Литты не упомянуто въ запискѣ А. Н. Оленина.

221. Пріемъ членовъ государственнаго совѣта великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ разсказанъ адмираломъ Шишковымъ съ меньшими подробностями: онъ пишетъ, что Николай Павловичъ вышелъ къ нимъ «и всѣхъ со слезами въ очахъ убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривалъ, чтобъ мы шли присягнуть Константину Павловичу. Мы всѣ молчали. Одинъ князь Голицынъ, держа въ рукахъ вышеупоминаемую бумагу, неотступно просилъ его прочитать оную. Великій князь не хотѣлъ читать, говоря, что онъ о содержаніи ея извѣстенъ; но Голицынъ приступалъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно вслухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: «знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу васъ со слезами, успокойте меня и матушку; подите къ ней и скажите, что вы присягаете Константину Павловичу». При сихъ словахъ онъ почти каждаго изъ насъ бралъ за руку и упрашивалъ сдѣлать сіе непремѣнно. Мы пошли къ императрицѣ. Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи. Всѣ мы со слезами подошли къ ней. Она прерывнымъ голосомъ сказала намъ, что хотя, по волѣ покойнаго императора и ея собственной, сдѣлано завѣщаніе, въ которомъ Константинъ Павловичъ отрицается отъ принятія престола, однако-жъ по праву должно ему вступить на оный. По изреченіи сего, отпустили насъ, и мы присягнули новому императору».

Здѣсь записки Шишкова расходятся съ разсказомъ Оленина и другими современными свидѣтельствами. Адмиралъ ошибочно говоритъ, что чины государственнаго совѣта сперва явились къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а затѣмъ присягнули императору Константину. Случилось какъ разъ обратное.

222. А. С. Шишковъ пишетъ: «Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи». Наглядный примѣръ противорѣчій, встрѣчающихся въ запискахъ историческихъ дѣятелей.

Валишевскій не безъ основанія замѣтилъ: «Interrogez dix témoins d'un accident qui vient de mettre la rue en émoi: au troisième rapport, le cocher de fiacre qui a écrasé

un piéton deviendra un vélocipediste écrasé par un omnibus. C'est avec cela que nous faisons de l'histoire». Waliszewsky: «Marysienka», Paris, 1898.

223. Журналъ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября 1825 года подписали 22 члена, а именно: князь Петръ Лопухинъ, князь Алексѣй Куракинъ, Николай Мордвиновъ, Вилимъ фонъ-Дезинъ, графъ Аркадій Морковъ, князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій, графъ Литта, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій, В. Ланской, Василій Пашковъ, Иванъ Тутолминъ, Петръ Карцовъ, А. Сукинъ, Татищевъ, Васильчиковъ, князь Александръ Голицынъ, графъ К. Нессельроде, Александръ Шишковъ, Егоръ Канкринъ, князь Сергій Салтыковъ, Алексѣй Болотниковъ, М. Сперанскій.

224. Журналъ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября 1825 года.

225. Въ сочиненіи барона Корфа: «Восшествіе» (стр. 61), это письмо напечатано въ русскомъ переводѣ; но не сказано, что это переводъ, и притомъ французское «vous» вездѣ замѣнено русскимъ «ты», чѣмъ совершенно измѣняются характеръ и оттѣнки, отличающіе переписку Николая Павловича съ цесаревичемъ. Тщетно я искалъ въ архивахъ это приведенное Корфомъ русское письмо Николая Павловича, и только много лѣтъ спустя послѣдовала для меня разгадка этого недоразумѣнія. Оказалось, что когда рѣшено было въ царствованіе императора Александра напечатать для публики сочиненіе барона Корфа о 14-мъ декабря, то графъ В. Ф. Адлербергъ написалъ 30-го апрѣля 1857 года автору письмо, въ которомъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: «à mon avis il vaudrait mieux ne pas citer textuellement les lettres de l'empereur Nicolas et du grand duc Constantin, écrites en français, mais les produire en traductions russes. Par le temps qui court, une correspondance entre souverain et frère de souverain en langue étrangère sur des objets aussi graves que ceux dont elle est l'objet, ferait mauvais effet, et verserait de l'eau sur le moulin des détracteurs, des slavénophiles etc. etc. etc.». Баронъ Корфъ послѣдовалъ этому коварному совѣту не только относительно письма отъ 27-го ноября, но и относительно всей послѣдовавшей затѣмъ, во время междуцарствія, переписки Николая Павловича и цесаревича; славянофилы могли успокоиться, а историческая правда пострадала на многіе годы.

226. «Cher ami! L'on ne sait où vous êtes: hier je vous ai écrit à Taganrog, aujourd'hui c'est sur la route de Varsovie que je vous cherche. Ah, cher ami, comment supportez vous ce malheur affreux. Ce cher empereur nous est ravi, nous ne devons plus le revoir, e pour nous le jour qui vient est plus triste encore que la veille. Ah, il vous aimait tant aussi, et combien il vous l'a prouvé. Chacune de ses qualités est pour nous une nouvelle source de larmes qui ne tarira jamais.

«Maman est aussi bien que la triste époque le permet. Pauvre, chère maman, un enfant après l'autre est ravi à son coeur. Elle communiera après demain et espère en Dieu. La pauvre impératrice! Ah, qu'elle est à plaindre, elle n'attend plus que la mort, elle a épuisé tous les chagrins.

«Voici un bulletin de ma santé que votre frère veut absolument que je vous envoie; il est parfait sous tous les rapports.

«Adieu, cher ami, venez bientôt. Quand les restes de notre cher empereur seront ici et que votre frère sera ici, maman ira trouver l'impératrice. Que je voudrais pouvoir recueillir aussi ses larmes». (Письмо великой княгини Елены Павловны къ великому князю Михаилу Павловичу, отъ 28-го ноября 1825 года).

227. По поводу сенатской присяги Н. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Министръ юстиціи, князь Лобановъ, прибывъ въ собраніе (общее собраніе правительствующаго сената), объявилъ печальное извѣстіе и предложилъ намъ присягнуть законному наслѣднику престола Константину Первому. Сенатъ въ полномъ составѣ отправился въ сенатскую церковь, принесъ обычную присягу и, возвратясь въ зало засѣданій, постановилъ разослать немедленно по всей имперіи указы о присягѣ новому императору. Въ тотъ же вечеръ его величеству было послано донесеніе обо всемъ происшедшемъ. По этому поводу возникъ споръ объ отправкѣ съ этимъ извѣстіемъ сенатора; это предложеніе было сдѣлано Егоромъ Александровичемъ Кушелевымъ, но

съ нимъ никто не согласился. Я ему замѣтилъ, что такъ какъ извѣстіе о кончинѣ императора было сообщено сенату оберъ-прокуроромъ, то только ему можетъ быть предоставленъ и выборъ того лица, съ коимъ донесеніе о присягѣ будетъ послано императору». («Русская Старина», 1897 года, т. LXXXIX, стр. 459).

228. Корфъ: «Восшествіе», стр. 60, и записка: «Отъ брата Николая къ брату Константину».

229. Записка: «Отъ брата Николая къ брату Константину».

230. Указъ правительствующаго сената отъ 27-го ноября 1852 года, съ приложеніемъ клятвеннаго обѣщанія.

231. Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 976.

На конвертѣ этого письма собственноручно написано великимъ княземъ:

«Его превосходительству
барону Ивану Ивановичу
Дибичу.
Отъ Николая Павловича».

232. Извѣщеніе о кончинѣ императора Александра и воцареніи императора Константина I было переведено изъ «Journal de St. Pétersbourg», гдѣ оно также появилось 28-го ноября 1825 года, № 143.

233. Въ другомъ мѣстѣ этого же журнала сказано, что когда графъ Милорадовичъ явился въ государственный совѣтъ во время чрезвычайнаго собранія, онъ сказалъ, что содержаніе манифеста вполнѣ извѣстно великому князю Николаю Павловичу, но что онъ торжественно отрекся отъ предоставленнаго ему инымъ права.

234. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе 14-го декабря 1825 года».

235. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 53.

236. Оедоръ Петровичъ Опочининъ разсказывалъ князю Сергѣю Трубецкому, что по полученіи тревожныхъ вѣстей изъ Таганрога великій князь Николай Павловичъ пригласилъ къ себѣ князя Лопухина, князя Алексѣя Куракина и графа Милорадовича. Великій князь объявилъ имъ свои права на престолъ вслѣдствіе отреченія Константина Павловича. «Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ наотрѣзъ, что великій князь Николай не можетъ и не долженъ никакъ надѣяться наслѣдовать брату своему Александру, въ случаѣ его смерти; что законы имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію, что притомъ завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; что отреченіе Константина также не явное и осталось не обнародованнымъ; что Александръ, если хотѣлъ, чтобы Николай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни волю свою и согласіе на нее Константина; что ни народъ, ни войско не поймутъ отреченія и припишутъ все измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что ни государя самого, ни наслѣдника по первородству нѣтъ въ столицѣ, но оба были въ отсутствіи; что наконецъ гвардія рѣшительно откажется принести Николаю присягу въ такихъ обстоятельствахъ, и неминуемое затѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе. Совѣщаніе продолжалось до двухъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись».

(Записки декабриста князя Сергѣя Трубецкого).

Всѣ доводы графа Милорадовича, излагаемые княземъ Трубецкимъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ взглядамъ, высказываемымъ тогда с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Что же касается самого совѣщанія, то припомнимъ, что въ запискѣ: «Отъ брата Николая къ брату Константину», дѣйствительно упомянуто, что вечеромъ 25-го ноября великій князь Николай Павловичъ, графъ Милорадовичъ и генералъ Вонновъ приступили къ совѣщанію, какія нужно принять мѣры въ случаѣ полученія извѣстія о кончинѣ императора Александра, и остановились на немедленномъ провозглашеніи императора Константина Павловича; Николай Павловичъ же при этомъ случаѣ заявилъ,

что онъ первый приметъ присягу законному наслѣднику. Очевидно, что фактъ, сообщенный княземъ Трубецкимъ, вполнѣ достовѣренъ; память измѣнила ему только относительно состава лицъ, приглашенныхъ на совѣщаніе 25-го ноября. Присутствіе князя Лопухина, какъ предсѣдателя государственнаго совѣта, еще возможно допустить, но привлеченіе князя Алексѣя Борисовича Куракина, какъ зауряднаго члена совѣта, къ рѣшенію столь важнаго вопроса является просто невозможнымъ и ничѣмъ не объяснимымъ дѣйствіемъ.

237. Изъ письма графини Маріи Дмитріевны Нессельроде (рожд. Гурьевой) къ брату, графу Николаю Дмитріевичу Гурьеву, отъ 2-го (14-го) декабря 1825 года.

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

238. Записки декабриста князя Сергѣя Трубецкого.

239. Изъ письма графини М. Д. Нессельроде отъ 6-го (18-го) декабря 1825 года.

Многое разъясняетъ слѣдующая замѣтка современника:

«On prétend que l'empereur et le grand duc reniérent leur капральство et que Michel dit: я прежде былъ ефрейторомъ не по охотѣ, но я исполнялъ волю императора, какъ вѣрноподданный его, со всѣмъ возможнымъ усердіемъ. Ежели солдатъ какой нибудь худо одѣтымъ былъ, онъ мнѣ приказывалъ писать отношеніе».

По свидѣтельству того же современника, можно было бы подумать, что императоръ Александръ какъ бы задался цѣлью сосредоточивать на себѣ симпатіи и создавать контрасты между собою и своими братьями. (On dirait vraiment que l'empereur s'était mis à tâche de concentrer l'affection sur lui et de faire établir des contrastes).

Декабристъ баронъ Штейнгель пишетъ: «Покойный государь Александръ былъ подозрителенъ, имѣя даже къ тому сильный поводъ. Пріобрѣсть любовь, особливо войскъ, было бы со стороны великаго князя Николая Павловича болѣе, нежели политическою ошибкою».

240. П. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта Дибича императрицѣ матери отъ 19-го ноября 1825 года и письмо князя Волконскаго отъ того же числа.

241. Дневникъ императрицы Александры Оеодоровны; она возмущена тѣмъ, что Михаилъ Павловичъ называетъ благородный поступокъ (edele Handlung) брата революціоннымъ (die er revolutionär nannte).

242. Князь А. А. Шаховской, р. 1773 г., ум. 1846 г., извѣстный драматическій писатель.

243. Записки Р. М. Зотова напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 года т. LXV, стр. 42—44). Мы придерживались при изложеніи этого разговора подлинной рукописи Зотова, которая полнѣе «Записокъ», напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

244. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. Berlin, 1862, t. IV, p. 16.

245. Петербургъ въ 1825 и 1826 годахъ, по дневнику П. Г. Дивова. «Русская Старина», 1897 г., т. LXXXIX, стр. 461.

246. «Man spielt nicht mit der legitimen Thronfolge, wie mit einem Privateigenthum». Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg, t. IV, p. 13.

247. Содержаніе письма графа Милорадовича отъ 27-го ноября 1825 года, привезенное въ Москву адъютантомъ его, графомъ Мантейфелемъ, было слѣдующее:

«Милостивый государь, князь Дмитрій Владимировичъ! Всемогущему Богу угодно было взять къ себѣ обожаемаго нами монарха. Его императорскому величеству Константину Павловичу сдѣлана здѣсь присяга его императорскимъ высочествомъ Николаемъ Павловичемъ, государственнымъ совѣтомъ, синодомъ и войскомъ. По повелѣнію его высочества Николая Павловича посылаю я къ вашему сіятельству адъютанта моего, графа Мантейфеля, съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали распоряженіе къ приведенію къ присягѣ его императорскому величеству Константину Павловичу. У вашего сіятельства въ сохраненіи есть бумага блаженной и достойной памяти его величества Александра Павловича. Его высочеству Николаю Павловичу угодно, чтобы ваше сіятельство не распечатывали того пакета. Его же высочество самъ къ вамъ будетъ объ ономъ особо писать. На случай же, сей пакетъ распечатанъ, то непремѣнная и непоколебимая воля

его императорскаго высочества есть, чтобы присяга учинена была его величеству Константину Павловичу. Исполняя волю его императорскаго высочества, имѣю честь о семъ для точнѣйшаго исполненія увѣдомить. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства всепокорный слуга,

«графъ Милорадовичъ».

248. Это письмо отправлено было генералъ-адъютантомъ Дибичемъ изъ Таганрога 12-го (24-го) ноября 1825 года.

249. Генералъ-штабъ-докторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кучковскій.

250. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе».

251. Разсказъ П. А. Колзакова о полученіи цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра I. (Записанъ К. П. Колзаковымъ). «Русская Старина» 1870 года, т. I (изд. 1-е, стр. 495).

Не лишены также интереса объясненія генерала Куруты съ П. А. Колзаковымъ во время его ареста.

Курута упрекалъ Колзакова за то, что онъ перебилъ рѣчь цесаревича и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ великаго князя.

— «Да помилуйте, Дмитрій Дмитріевичъ,—оправдывался Колзаковъ: — я ждалъ, чтобы кто нибудь изъ васъ его привѣтствовалъ, какъ государя, но всѣ молчали; наконецъ, мнѣ больно было видѣть его отчаяніе и грусть, я хотѣлъ отвлечь его на время отъ его горести, ободрить его тѣмъ, что Россія не пропала».

— «Да какое вамъ, монъ серъ, дѣло до этого?—возражалъ Курута: — Россія пропала, ну, Христосъ съ ней, пропала!... на словахъ все мозно сказать, но къ цему тутъ было возразать!»

Всѣ расхохотались, хитрый грекосъ самъ засмѣялся и, наконецъ, прибавилъ: «Вотъ вамъ, монъ серъ, ваша шпага, которую великій князь приказалъ вамъ возвратить, можете свободно отправиться домой».

252. Письма цесаревича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу были впослѣдствіи обнародованы въ приложеніяхъ къ манифесту отъ 12-го декабря 1825 года.

Въ письмѣ къ великому князю Николаю Павловичу цесаревичъ именовалъ его титуломъ императорскаго величества и подписался: «вѣрнѣйшій подданный Константинъ цесаревичъ».

253. См. въ приложеніяхъ письмо цесаревича Константина Павловича великому князю Николаю Павловичу отъ 26-го ноября (8-го декабря) 1825 года.

254. См. въ приложеніяхъ письма цесаревича Константина Павловича къ князю Волконскому и барону Дибичу отъ 26-го ноября 1825 года.

Въ особомъ секретномъ письмѣ на имя князя Волконскаго цесаревичъ присовокупилъ копію письма къ нему отъ императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года, для собственнаго свѣдѣнія князя Волконскаго и барона Дибича и храненія въ глубочайшей тайнѣ «до надлежащаго въ свое время по оному дѣйствія».

255. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе»...

256. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 31.

257. Донесеніе адъютанта великаго князя Николая Павловича, штабсъ-капитана Лазарева, отъ 6-го декабря 1825 года. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 27.

258. Слово непоколебимо (inébranlable) подчеркнуто карандашемъ Николаемъ Павловичемъ.

259. Государственный архивъ. На конвертѣ надпись цесаревича: «Pour mon frère Nicolas».

По всей вѣроятности, это письмо было вложено въ конвертъ съ письмомъ, предназначавшимся императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; послѣднее письмо намъ не удалось найти въ архивахъ.

Баронъ Корфъ въ сочиненіи своемъ: «Восшествіе» (стр. 82), приводитъ это письмо въ неточномъ переводѣ, при чемъ авторъ, по усвоенному имъ обыкновенію, не говоритъ, что напечатанное имъ письмо есть переводъ съ французскаго.

260. Впослѣдствіи, даже когда цесаревичъ Константинъ Павловичъ узналъ о событіяхъ 14-го декабря, онъ нисколько не измѣнилъ своимъ взглядамъ и никогда не соглашался съ мнѣніемъ, что его появленіе въ Петербургѣ въ 1825 году сдѣлало бы невозможнымъ открытый бунтъ. Напротивъ того, 20-го декабря 1825 года, цесаревичъ въ письмѣ къ императору Николаю высказалъ совершенно обратный взглядъ и писалъ: «Quel bonheur dans ce malheur que je n'ai pas été à Pétersbourg dans ce moment critique et où cette canaille agitait, soit disant, en mon nom. Dieu sait quel mal il aurait pu arriver».

Еще въ самомъ началѣ междуцарствія графъ М. С. Воронцовъ писалъ графу Нессельроде (29-го ноября 1825 года): «La raison d'état et l'amour filial doivent le faire aller droit à Péterbourg».

261. Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 596.

262. Въ особой припискѣ было еще прибавлено:

«Его императорское высочество цесаревичъ приказать изволилъ вамъ напомнить и дабы вы прочли присягу, по которой вы присягали покойному государю императору Александру Павловичу и наслѣднику его императорскаго величества, который назначенъ будетъ».

263. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 38.

Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 139.

264. Записки декабриста князя Сергѣя Трубецкого.

265. П. П. Шёнигъ въ своихъ запискахъ сопровождаетъ внезапное выздоровленіе графа Аракчеева и появленіе его на служебномъ поприщѣ слѣдующимъ остроумнымъ замѣчаніемъ:

«Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила». «Русскій Архивъ» 1880 года, книга 3-я, стр. 323.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ объ этомъ П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ отъ 5-го декабря 1825 года.

«Аракчеевъ вновь вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Удивительно, что этотъ человѣкъ, потерявшій голову, когда умерла его экономка и любовница, выказалъ полнѣйшее равнодушіе по случаю кончины своего друга императора Александра I (который называлъ его постоянно этимъ весьма мало имъ заслуженнымъ именемъ). «Русская Старина» 1897 года, т. LXXXIX, стр. 464.

Графиня Нессельроде писала брату 6-го декабря 1825 года:

«Il (т.-е. Аракчеевъ) apprend la fatale nouvelle. Jugez de notre étonnement. Au lieu de persister maintenant dans ce projet d'abandonner les affaires, il donne un ordre du jour dans lequel il déclare une guérison complète et que dès ce jour il reprendra toutes ses fonctions, et depuis cette nuit il est ici, mais barricadé à ce que l'on dit, ne voyant personne. Du vivant de l'empereur il lui donne le chagrin d'abandonner les affaires qui l'intéressent le plus, comme les colonies, il résiste à toutes ses lettres où il l'engage à les reprendre, et la nouvelle de sa mort qui tue moralement tout le monde, le fait revivre! On est persuadé que toute cette histoire aura fait beaucoup de peine à l'empereur en ce qu'elle a mis au jour ce personnage d'une manière si odieuse». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

266. Предосторожность побуждала принять мѣры къ тому, чтобы останавливать всѣ письма, приходившія изъ Варшавы. Великій князь Николай Павловичъ приказалъ также графу Милорадовичу, чтобы фельдъегерей, могущихъ прибыть изъ Варшавы, провожали отъ заставы прямо къ нему съ казакомъ. Эстафета съ бумагами изъ канцеляріи цесаревича, приходившая еженедѣльно въ Петербургъ, приносилась къ великому князю Николаю Павловичу; бумаги, не терпѣвшія отлагательства, онъ бралъ лично къ себѣ и просилъ лицъ, къ коимъ онѣ были адресованы, вскрывать ихъ въ своемъ присутствіи.

267. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 75.

268. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 76.

269. Письмо это написано великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ по-французски.

270. Предписаніе написано было рукою великаго князя Николая Павловича.

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 41.

271. 6-го декабря, явилось въ печати второе прибавленіе къ № 146 «Сѣверной Пчелы», въ которомъ читаемъ:

«Государыня императрица Марія Оеодоровна изволила вчера къ вечеру получить извѣстія, удостовѣряющія о вожделѣнномъ здравіи государя императора и обнадеживающія о скоромъ его прибытіи въ столицу».

3-го декабря императрица Марія Оеодоровна получила письма цесаревича, привезенныя Михаиломъ Павловичемъ; слѣдующія затѣмъ письма доставлены въ Петербургъ 9-го декабря. Спрашивается: на какія извѣстія, полученныя 5-го декабря, ссылалось газетное прибавленіе, поддерживая, сверхъ того, надежду на скорый пріѣздъ въ Петербургъ императора Константина? Не было ли все это сочинено для успокоенія столичной публики?

272. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 80.

273. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 27.

274. 7-го декабря 1825 года, адъютантъ великаго князя Николая Павловича, Перовскій, получилъ слѣдующее предписаніе дежурнаго генерала Потапова:

«Его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ приказалъ мнѣ объявить вамъ приказаніе его высочества, чтобъ по прибытіи въ Стрѣльну адъютанта Лазарева или фельдъегеря Гусева, взявъ того изъ нихъ, кто прежде пріѣдетъ, или обоихъ, если вмѣстѣ пріѣдутъ, ѣхать въ С.-Петербургъ и, не въѣзжая съ ними въ столицу, извѣстить тотчасъ, въ какое бы то время ни было, меня и ожидать у заставы моего увѣдомленія».

Что же касается письма къ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ, отправленнаго цесаревичемъ одновременно съ письмомъ къ великому князю Николаю Павловичу, то намъ не удалось найти его въ архивахъ. Баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи также не приводитъ содержанія этого письма и, вѣроятно, не имѣлъ его въ рукахъ.

275. Баронъ Фредериксъ скончался въ 1849 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.

276. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Т. IV.

Здѣсь помѣщенъ подробный разсказъ о доносѣ Шервуда о разговорѣ его съ императоромъ Александромъ, передъ отъѣздомъ государя въ Таганрогъ, равно какъ свѣдѣнія о распоряженіяхъ, вызванныхъ разоблаченіями, сдѣланными Шервудомъ.

277. Въ прочей официальной перепискѣ этого времени Шервудъ именуется унтеръ-офицеромъ 3-го Украинскаго уланскаго полка.

278. 13-го (25-го) августа 1825 года, графъ Виттъ писалъ между прочимъ императору Александру въ Петербургъ:

«Tout en cherchant à découvrir un principe de mécontentement là où il aurait pu se cacher, un hazard bien heureux a mis mes agents à la piste d'une affaire bien plus grave et d'une nature bien autrement sérieuse et conséquente; car il s'agit, sire, de la tranquillité de votre majestè impériale. ...actuellement que j'ai su le but auquel on vise, j'ose supplier votre majesté de me présenter à elle, car il est question de choses qui ne peuvent être écrites et qu'il est impossible de confier qu'à votre majesté impériale. Vous vous trouverez, sire, sur la voie de bien des événements.

«Pour ne pas donner d'ombrage du but de mon arrivée à Pétersbourg et que cela ne soit connu que de votre majesté, j'ai voulu demander un semestre de 28 jours, mais comme on dit ici que votre majesté impériale doit se rendre pour quelques jours à Taganrog, peut-être, sire, daigneriez vous permettre que je me présente là; étant dans le même gouvernement que les colonies, j'ose assurer votre majesté que ce n'est point des colonies dont-il s'agit, que ce n'est pas non plus un moyen dont je profite pour chercher à me justifier des calomnies et du mal qu'on cherche à me faire; ma conscience est trop nette, mon honneur et mon zèle pour le service de votre majesté trop irréprochable.

D'ailleurs, sire, tout ce qui me regarde disparait en entier de ma pensée, car elle n'a que votre majesté et sa tranquillité pour objet, et plus que jamais vous verrez, sire, maintenant dans moi et toute ma conduite que zèle, dévouement et vénération pour votre majesté impériale».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959 (а).

279. См. въ приложеніяхъ всеподданѣйшее письмо капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Аркадія Майбороды, отъ 25-го ноября 1825 года, изъ Житомира.

280. Въ дополненіе къ всеподданѣйшему докладу генералъ-адъютанта Дибича отъ 4-го декабря 1825 года см. въ приложеніяхъ:

1) Предписаніе генералъ-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду отъ 10-го ноября 1825 года изъ Таганрога.

2) Открытый листъ, данный генералъ-адъютантомъ Дибичемъ полковнику Николаеву, отъ 11-го ноября 1825 года.

3) Донесеніе унтеръ-офицера Шервуда генералъ-адъютанту Дибичу отъ 18-го ноября 1825 года изъ Харькова.

4) Донесенія полковника Николаева генералъ-адъютанту Дибичу отъ 14-го и 18-го ноября 1825 года изъ Харькова.

5) Рапортъ и письмо командира 3-го корпуса генерала Рота къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 26-го ноября 1825 года изъ Житомира.

6) Письмо генералъ-адъютанта Дибича къ графу Сакену отъ 15-го декабря 1825 года изъ Таганрога.

7) Письмо генералъ-адъютанта Чернышева къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 9-го декабря 1825 года изъ Елисаветграда.

281. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Т. VI.

282. Письмо цесаревича Константина Павловича къ великому князю Николаю Павловичу отъ 8-го (20-го) декабря 1825 года написано по-французски.

283. Отвѣтъ цесаревича положилъ конецъ междуцарствію, о которомъ одинъ русскій писатель выразился: «Pendant quinze jours l'on joua la couronne de Russie au ballon en se la renvoyant mutuellement».

Графиня Нессельроде писала брату 7-го декабря 1825 года:

«On n'a jamais vu une nation plus calme attendre son tout avec plus de soumission. l'histoire n'offre point un exemple de deux frères si honnêtes qui se rejettent une couronne comme un ballon».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

284. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 34.

285. Рескриптъ цесаревича князю Лобанову-Ростовскому былъ прочитанъ въ сенатѣ и напечатанъ уже послѣ восшествія на престолъ императора Николая, а именно 18-го декабря 1825 года.

Что же касается до рескрипта князю Лопухину, то онъ оставался въ секретѣ до 1857 года, когда его впервые напечаталъ баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи.

286. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 36.

Проектъ манифеста о воцареніи императора Николая I, собственноручно написанный Карамзинымъ.

287. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 36.

Этому рескрипту не было дано гласности, несмотря на его официальный характеръ. Отвѣтъ цесаревича послѣдовалъ 20-го декабря 1825 года. Онъ помѣщенъ нами въ пятой главѣ, по современному печатному списку; между тѣмъ баронъ Корфъ утверждаетъ, что письмо цесаревича не было обнародовано («Восшествіе», стр. 116). У Корфа, кромѣ того, встрѣчается и другая ошибка, въ самой подписи рескрипта, которая обозначена слѣдующимъ образомъ: «душевно-вѣрноподданный Николай».

288. См. въ приложеніяхъ проектъ указа императора Николая о назначеніи правителя государства.

289. Два документа изъ бумагъ генералъ-адъютанта Іакова Ивановича Ростовцева. «Русскій Архивъ» 1873 года, стр. 449.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

Помѣщенное въ этой статьѣ письмо І. И. Ростовцева къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому (бывшему декабристу) отъ 18-го ноября 1858 года нѣсколько полнѣе въ «Русской Старинѣ» 1889 года, т. LXIII, стр. 617.

290. «Обливаясь слезами,—пишетъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ въ своихъ запискахъ,—съ сердцемъ, исполненнымъ священнаго благоговѣнія, оставилъ я Зимній дворецъ. Я прежде не воображалъ, чтобы великій князь могъ быть до такой чрезмѣрной степени великъ душею. Съ этой минуты онъ получилъ безусловное право на жизнь мою. Какъ бы онъ ни былъ великъ впослѣдствіи, но его поступокъ со мною будетъ одно изъ великихъ дѣяній его жизни».

291. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Т. IV.

292. Многіе изъ современниковъ относились вообще очень строго къ графу Милорадовичу. Такъ, напримѣръ, графиня Нессельроде въ своей перепискѣ называетъ его «ce polichinelle sans coeur» и горько сожалѣетъ о сближеніи его съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, состоявшемся во время междуцарствія.

293. Записки декабриста. Лейпцигъ. 1870. Стр. 84.

294. Автобіографическія записки Александра Дмитріевича Боровкова. «Русская Старина», 1898 года. Т. XCVI, стр. 333.

13-го декабря Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ военнаго министра и сообщилъ ему извѣстія объ открытіи въ арміи тайнаго общества. По возвращеніи изъ дворца Татищевъ разсказывалъ своему довѣренному совѣтнику Боровкову, что онъ, ознакомившись съ дѣломъ, испрашивалъ соизволеніе арестовать злоумышленниковъ, имена которыхъ сдѣлались извѣстными.

— «Нѣтъ,—сказалъ Николай Павловичъ,—этого не дѣлай. Не хочу, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатлѣніе сдѣлаемъ на всѣхъ».

— «Но,—докладывалъ министръ,—безпокойные заговорщики могутъ произвести безпорядокъ».

— «Пусть такъ,—прервалъ его Николай Павловичъ,—тогда и аресты никого не удивятъ; тогда не сочтутъ ихъ несправедливостію и произволомъ».

Видя твердую волю и хладнокровную увѣренность великаго князя Николая Павловича, министръ не смѣлъ возражать. «Но сердце мое билось», признавался Татищевъ. Такимъ образомъ оказывается, что рыцарское прямодушіе Николая Павловича воспрепятствовало принятію мѣръ, которыя въ корнѣ подорвали бы всякое проявленіе мятежнаго движенія. Послѣ подобнаго положительнаго выраженія державной воли со стороны готовившагося вступить на престолъ монарха, переданной имъ военному министру, едва ли справедливо будетъ всю отвѣтственность за бездѣйствіе правительства возлагать попрежнему на одного графа Милорадовича, какъ это дѣлалось доселѣ лицами, разбиравшими воцареніе преемника Александра I.

Вообще въ исторіи междуцарствія остается еще немало темныхъ, неразъясненныхъ по сю пору сторонъ, но зато на каждомъ шагу встрѣчаются въ изобиліи колебаніе, недоумѣніе; все предоставлено было какъ бы случаю.

295. 10-го декабря 1825 года, графиня Нессельроде писала брату:

«Je sais que le grand duc Nicolas sent la nécessité de s'occuper de l'intérieur, il l'a dit et en sent la difficulté; pour la politique il a dit à mon mari que sa marche était tracée, qu'il ne se mélerait point ou moins de l'intérieur des pays voisins, donnerait moins de conseils et maintiendrait tant que possible la paix». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

Впослѣдствіи обстоятельства оказались сильнѣе высказанныхъ тогда великимъ княземъ благихъ намѣреній, которыми намѣренъ былъ руководствоваться будущій императоръ.

296. Въ ужинѣ не принимали участія князь Лопухинъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и графъ Аракчеевъ.

297. По журналу государственнаго совѣта императоръ Николай поручилъ А. И. Оленину прочесть рескриптъ цесаревича къ князю Лопухину, а затѣмъ взялъ его къ себѣ обратно, не признавая возможнымъ дать ему гласность вслѣдствіе высказаннаго

въ отвѣтѣ Константина Павловича рѣзкаго осужденія всего того, что было сдѣлано въ Петербургѣ въ день 27-го ноября; а въ сущности высказанное въ рескриптѣ осужденіе относилось къ Николаю Павловичу.

Рескриптъ князю Лопухину отъ 3-го (15-го) декабря 1825 года напечатанъ у Корфа: «Восшествіе», стр. 207.

298. Записки А. С. Шишкова, т. II, стр. 274.

299. Николай Бестужевъ, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.

300. Константинъ Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника морского штаба.

301. Высочайше учрежденный 17-го декабря 1825 года комитетъ для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ.

302. Въ письмѣ графини М. Д. Нессельроде отъ 10-го декабря 1825 года замѣчено:

«Il est facile au grand duc Nicolas de regagner les sentiments, en abolissant quelques mesures vexatoires, en rétablissant l'ordre, son rôle peut être fort beau. Le grand duc Nicolas a dit: «Je sais que j'ai été un désagréable chef de brigade, un divisionnaire insupportable, je le devais alors, mais maintenant ma position étant autre je changerai». Il y a de l'éxagération, personne ne lui a ordonné d'être emporté, munitieux, mais certainement que l'on exigeait de lui un maintien dans la troupe très sévère, que l'on s'en prenait à lui pour la moindre chose et que publiquement il était reprimandé. Son caractère étant empereur peut prendre un essor tout autre». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

303. Записки декабриста. Лейпцигъ. 1870. Стр. 86.

Авторъ этихъ записокъ, баронъ Андрей Розенъ, въ 1825 году былъ поручикомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

304. Дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой.

Главная квартира 4-го корпуса находилась въ Кіевѣ, и князь Трубецкой былъ тогда въ отпуску въ Петербургѣ, гдѣ его застало междуцарствіе.

305. Полковникъ Александръ Михайловичъ Булатовъ въ день 14-го декабря не принялъ начальства надъ войсками, собравшимися на Сенатской площади.

При личномъ допросѣ императоромъ Николаемъ полковника Булатова государь выразилъ удивленіе видѣть его въ числѣ мятежниковъ; на эти слова Булатовъ отвѣтилъ, что напротивъ того онъ удивленъ видѣть предъ собою государя.

— «Что это значитъ?»

— «Вчера слишкомъ два часа стоялъ я въ двадцати шагахъ отъ вашего величества съ заряженными пистолетами и съ твердымъ намѣреніемъ убить васъ; но каждый разъ, когда хватался за пистолетъ, сердце мнѣ отказывало»,—объяснилъ Булатовъ.

Государю понравилось откровенное признаніе.

(Записки декабриста. Лейпцигъ, 1870, стр. 98).

Полковникъ Булатовъ скончался 19-го января 1826 года въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Въ припадкѣ умопомѣшательства Булатовъ бился головою объ стѣну и раздробилъ себѣ черепъ («Русская Старина», 1887 года, т. LIII, стр. 218).

306. Записки князя Трубецкого.

Изложивъ предположенія свои относительно дѣйствій тайнаго общества въ Петербургѣ, князь Трубецкой сопровождаетъ ихъ слѣдующими разсужденіями:

«Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни, но онъ готовъ рисковать ею за всякую бездѣлицу. Вездѣ, гдѣ какая нибудь страсть овладѣетъ разсудкомъ, человѣкъ жертвуетъ ею, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ очень дорожитъ бытіемъ своимъ. Но во всѣхъ почти случаяхъ, когда разумъ не омраченъ, то за такую жертву онъ ожидаетъ какого нибудь вознагражденія, и, сверхъ того, есть какая нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобъ хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и, сверхъ того, подвергнуться, можетъ быть, безславію и позорной смерти, то недостаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ,

дорожащій честію, не иначе рѣшится на такой шагъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены общества, рѣшившіеся исполнить то, что почитали своимъ долгомъ, на что обрекли себя при вступленіи въ общество, не убоялись позора. Они не имѣли въ виду никакихъ для себя личныхъ выгодъ, не мыслили о богатствѣ, о почестяхъ, о власти; они все это предоставляли людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществу, но такимъ, которыхъ считали способнѣйшими по истинному достоинству или по мнѣнію (которымъ пользовались) привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душею желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи и которые, къ несчастію, продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ, члены тайнаго общества союза Благоденствія рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе, всѣ преимущества, какими пользовались, все, что имѣли, — безъ гнѣвнаго возмездія».

Въ дѣйствительности князь Трубецкой исполнилъ свою пышную программу весьма неудовлетворительно. 14-го декабря избранный диктаторъ не явился на Сенатской площади и не принялъ начальства надъ ожидавшими его тамъ войсками, несмотря на несомнѣнную личную храбрость, доказанную имъ въ походахъ 1812 и 1813 годовъ, но по слабости характера онъ устрашился отъ собственныхъ предначертаній. Но этого было еще мало; въ то время, когда единомышленники его проливали кровь свою въ неравной борьбѣ, онъ присягнулъ въ главномъ штабѣ императору Николаю. Когда же государь выѣхалъ на площадь, онъ замѣтилъ князя Трубецкого около дома главнаго штаба, не подозрѣвая, что онъ имѣетъ передъ собою диктатора мятежнаго движенія.

Впослѣдствіи, при допросѣ въ слѣдственной комиссіи, князь Трубецкой призналъ себя главнымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ происшествій 14-го декабря и несчастной участи своихъ сотоварищей, коихъ вовлекъ въ преступленіе и примѣромъ и словами, потому что если бы онъ рѣшительно участвовать отказался, то никто бы не началъ. Трубецкой присовокупилъ, что «если бы онъ разъ вышелъ въ толпу мятежниковъ, то могъ бы сдѣлаться истиннымъ исчадіемъ ада, какимъ нибудь Робеспьеромъ или Маратомъ, почему въ раскаяніи благодаритъ Бога, что на площадь не явился».

Александръ Бестужевъ показалъ, что поступокъ князя Трубецкого имѣлъ рѣшительное вліяніе на офицеровъ и солдатъ, собравшихся на площади, «ибо съ маленькими эполетами и безъ имени никто принять команду не рѣшился».

Декабристъ Иванъ Пущинъ пишетъ: «При всей личной храбрости, Трубецкой—самый нерѣшительный человѣкъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и потому не въ его природѣ было рѣшиться взять на свою отвѣтственность кровь, которая должна была пролиться, и всѣ безпорядки, непремѣнно слѣдующіе за пролитой кровью въ столицѣ».

Вотъ какая бездна отдѣляетъ иной разъ умозрительныя разсужденія отъ осуществленія ихъ въ дѣйствительной жизни.

307. Нерасположеніе было обоюдное. Великій князь Николай Павловичъ не долюбливалъ князя Оболенскаго, и послѣ ареста послѣдняго, когда онъ былъ приведенъ въ Зимнемъ дворцѣ къ допросу, со связанными руками, государь сказалъ присутствовавшимъ здѣсь генераламъ: «Вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него». (Записки князя Трубецкого).

Припомнимъ, что Николай Павловичъ командовалъ гвардейскою бригадою и весьма недолго дивизіею, а князь Оболенскій занималъ должность старшаго адъютанта въ дежурствѣ командующаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса, генерала Бистрома. Оболенскій могъ, конечно, причинять великому князю множество мелкихъ непріятностей по службѣ.

308. На другой день утромъ Якубовичъ не исполнилъ даннаго ему порученія. «Онъ, по словамъ Александра Бестужева, сказаннымъ брату, остался на своей квартирѣ обдумывать, какъ бы похрабрѣе измѣнить намъ. На всѣ мои убѣжденія ѣхать

къ артиллеристамъ и измайловцамъ онъ упорно повторялъ: «вы затѣяли дѣло несбыточное, вы не знаете русскаго солдата, какъ знаю я». — Когда же возмутившіяся части Московскаго полка устремились по Гороховой къ сенату, Якубовичъ торопливо сбѣжалъ изъ своей квартиры къ мятежникамъ, съ саблею наголо, на остріѣ которой красовалась его шляпа съ бѣлымъ перомъ. Онъ пошелъ впереди войскъ съ восторженными криками: ура, Константинъ!

«Что бы это значило?—сказалъ Александръ Бестужевъ своему брату:—надо испытать его». Затѣмъ онъ обратился къ Якубовичу съ словами: «По праву храбраго кавказца, прими начальство надъ войсками». — «Да для чего эти церемоніи?» — отвѣтилъ онъ въ смущеніи. Потомъ, подумавши немного, прибавилъ: «Ну, хорошо, я согласенъ».

«Вышедши на Сенатскую площадь,—пишетъ Михаилъ Бестужевъ:—мы ее нашли совершенно пустою».

— «Что? имѣю ли я теперь право повторить тебѣ, что вы затѣяли дѣло неудобоисполнимое? Видишь, не одинъ я такъ думалъ»,—говорилъ Якубовичъ.

— «Ты бы не могъ сказать этого, если бы сдержалъ данное тобою слово и привелъ сюда прежде насъ или артиллерію или измайловцевъ»,—возразилъ ему Александръ Бестужевъ.

309. Поручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка Александръ Сутгофъ.

310. Замѣтимъ здѣсь, что Михаилъ Бестужевъ въ своихъ запискахъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ Рылѣева въ послѣдній разъ на вечернемъ собраніи 13-го декабря, а затѣмъ въ своемъ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ совершенно умалчиваетъ о появленіи его на Сенатской площади въ день 14-го декабря.

Князь Оболенскій въ воспоминаніяхъ своихъ о Кондратіи Оедоровичѣ Рылѣевѣ пишетъ:

«Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ, я нашелъ Кондратія Оедоровича тамъ; онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь и готовился стать въ ряды войскъ. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-Гренадерскій полкъ, для ускоренія его прихода; онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе, но съ тѣхъ поръ я его уже не видалъ».

Записки Пущина не подтверждаютъ появленія Рылѣева въ казармахъ Гренадерскаго полка (онъ приписываетъ выступленіе лейбъ-гренадеръ стараніямъ графа Коновницына и князя Одоевскаго), но въ нихъ сказано, что Рылѣевъ пріѣзжалъ утромъ на сборное мѣсто и, не нашедши тамъ никакихъ войскъ, отправился въ казармы Измайловскаго полка.

Въ показаніяхъ, собранныхъ въ слѣдственной комиссіи, читаемъ: «На площади съ мятежниками Рылѣевъ былъ весьма недолго и, увидѣвъ совершенное безначаліе, побѣжалъ искать Трубецкого, а послѣ уже не былъ передъ сенатомъ».

Между тѣмъ Рылѣевъ заявилъ заговорщикамъ: «Если придетъ хоть 50 человѣкъ, я становлюсь въ ряды съ ними». Спрашивается, какимъ образомъ согласовать эти разнорѣчивыя показанія, а въ особенности объяснить, въ виду отношеній, существовавшихъ между Рылѣевымъ и Михаиломъ Бестужевымъ, отсутствіе со стороны послѣдняго въ своихъ запискахъ какого бы то ни было намека относительно появленія Кондратія Оедоровича среди солдатъ Московскаго полка: по странной случайности они, вѣроятно, не встрѣтились на площади.

Приведемъ здѣсь еще въ заключеніе отзывъ о Рылѣевѣ декабриста барона Розена; онъ пишетъ: «Рылѣевъ, какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками».

Близкій другъ Рылѣева, Н. А. Бестужевъ, также свидѣтельствуетъ о появленіи поэта на площади. «Когда я пришелъ на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ,—пишетъ Николай Бестужевъ,—уже было поздно. Рылѣевъ привѣтствовалъ меня первымъ цѣлованіемъ свободы и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій, отвелъ меня на сторону и сказалъ: «Предсказаніе наше сбывается: послѣднія минуты наши близки, но это минуты

нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою!» Это были послѣднія слова Рылѣева, которыя мнѣ были сказаны».

311. Воспоминанія графа Владимира Александровича Сологуба. Спб. 1887. Стр. 102.

Графъ Сологубъ въ приведенной здѣсь характеристикѣ событій прибавляетъ еще слѣдующія строки: «Оно (т.-е. возстаніе) вселило въ сердце императора Николая I навсегда чувство недовѣрчивости къ русскому дворянству и потому наводнило Россію тою мелюзгою фоновъ и берговъ, которая принесла родинѣ столько неизгладимаго на долгое время вреда».

312. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 120.

313. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе».

314. Въ ночномъ засѣданіи государственнаго совѣта, происходившемъ, собственно говоря, уже 14-го декабря, положено было принести присягу въ большой церкви Зимняго дворца. Спрашивается, когда это происходило, ночью же или утромъ? Вѣроятно, утромъ, потому что А. С. Шишковъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «на другой день (послѣ засѣданія государственнаго совѣта), чувствуя себя не очень здоровымъ, поѣхалъ я однакожъ во дворецъ, присягнулъ, возвратился домой, и хотѣлъ опять ѣхать туда же, но голова у меня такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постель». «Записки А. С. Шишкова», т. II, стр. 274.

315. Кажется, одинъ министръ финансовъ, генералъ Канкринъ, принялъ должныя мѣры предосторожности, судя по секретному предписанію, данному 14-го декабря с.-петербургскому вице-губернатору.

«Старайтесь,—писалъ Канкринъ,—чтобъ безъ большей огласки кабаки, штофные подвалы и магазины были заперты, по крайней мѣрѣ, съ наступленіемъ ночи; въ какомъ либо случаѣ, что станутъ насильно отпирать кабаки, выливать вино».

316. Въ это же утро В. Р. Марченко встрѣтилъ графа Милорадовича въ коридорѣ Зимняго дворца, щегольски одѣтаго и веселаго. «Я сейчасъ былъ съ рапортомъ у новаго императора, съ рапортомъ о благополучномъ состояніи столицы, — сказалъ онъ,— всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра нельзя пробиться къ церквамъ». На вопросъ же Марченки о войскѣ Милорадовичъ замѣтилъ, что и оно присягнуло, только въ конной артиллеріи подъ Смольнымъ что-то случилось, но это вздоръ. Затѣмъ онъ предложилъ Марченкѣ ѣхать съ нимъ въ театральную школу на пирогъ къ директору театровъ Аполлону Александровичу Майкову, который въ тотъ день былъ именинникъ. (В. Р. Марченко: «Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся при вступленіи на престолъ императора Николая I». «Русская Старина», 1896 года, т. LXXXVI, стр. 309).

317. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе».

Всѣ эти любопытныя подробности не вошли въ позднѣйшее изданіе сочиненія барона Корфа, названное уже: «Восшествіе на престолъ императора Николая I». Въ послѣднемъ сочиненіи все было сглажено и безъ надобности усовершенствовано.

318. Какъ уже выше упомянуто, графъ Милорадовичъ утромъ 14-го декабря, высказавъ государю и императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ полную увѣренность въ спокойствіи столицы, поѣхалъ изъ Зимняго дворца къ своему другу, директору театровъ, Аполлону Александровичу Майкову, который въ этотъ день праздновалъ свои именины у дочерей своихъ, жившихъ въ домѣ Голлидея, гдѣ находился Hôtel du Nord.

Генералъ-губернаторъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и, объявивъ собравшимся гостямъ, что всѣ ожиданія окончились, и на престолъ вступилъ императоръ Николай Павловичъ, сказалъ, что надобно вновь привести къ присягѣ чиновниковъ. Всѣ радовались прекращенію междуцарствія и поздравляли другъ друга съ новымъ царемъ. Вдругъ въ комнату вошелъ Фогель. Это былъ одинъ изъ главныхъ полицейскихъ агентовъ генералъ-губернатора и, не обращая вниманія на собравшееся общество, подошелъ къ графу и что-то шепнулъ ему на ухо. Милорадовичъ тотчасъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Майкову: «Ну, вы меня извините, мой добрѣйшій Аполлонъ Александровичъ. Мнѣ надо отправиться во дворецъ. Я едва ли возвращусь сюда. Развѣ вечеркомъ. До свиданія».

Взявъ съ собою Фогеля, генералъ-губернаторъ отправился въ Зимній дворецъ. Но едва Милорадовичъ уѣхалъ, какъ прибѣжалъ капельдинеръ съ извѣстіемъ, что на площадь къ сенату пошли солдаты и бунтуютъ. Все общество разсыпалось и обратилось къ мѣсту событій 14-го декабря.

Р. М. Зотовъ: «Воспоминаніе о графѣ Милорадовичѣ». (Рукопись).

319. Подъ воротами императоръ Николай встрѣтилъ полковника лейбъ-гвардіи Московскаго полка Хвощинскаго, который, раненый и обагренный кровью, лицомъ своимъ подтвердилъ, до какой степени неистовства дошелъ бунтъ въ Московскомъ полку. Государь велѣлъ ему гдѣ нибудь укрыться, чтобы не воспалить еще болѣе страстей. (Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе»).

320. Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ. Въ 1831 году онъ представилъ императору Николаю доносъ на Сперанскаго и другихъ государственныхъ дѣятелей, обвиняя ихъ въ иллюминатствѣ. Во второмъ томѣ настоящаго труда будетъ подробно разобранъ этотъ небывалый по содержанію своему доносъ,

321. Графъ Милорадовичъ палъ отъ выстрѣла изъ пистолета, сдѣланнаго отставнымъ поручикомъ Каховскимъ; дѣло довершилъ князь Оболенскій, который, держа ружье, ударилъ еще генералъ-губернатора штыкомъ. Впослѣдствіи, во время сдѣланнаго ему допроса, князь Оболенскій объяснилъ, что онъ имѣлъ только намѣреніе ударить лошадь штыкомъ, чтобы заставить Милорадовича удалиться съ площади, вовсе не намѣреваясь убить его, а ранилъ графа совершенно случайно.

Изъ свидѣтельства штадтъ-физика Буташевича-Петрашевскаго оказывается, что, кромѣ раны, причиненной графу Милорадовичу пулею, была нанесена ему другая—«острымъ орудіемъ въ правый бокъ близъ поясничныхъ позвонковъ, между послѣднимъ ребромъ и подвздошною костью; рана сія проницала до брюшной полости».

Р. М. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о графѣ Милорадовичѣ пишетъ:

«Я прибѣжалъ на Адмиралтейскій бульваръ, и хотя на Сенатской площади видѣлъ столпленіе солдатъ и слышалъ странные клики: «конституція», но съ другой стороны толпы народа бѣжали къ дворцовому подъѣзду со стороны бульвара. Я обратился туда же. Тутъ новый императоръ говорилъ рѣчь къ солдатамъ, оставшимся вѣрными, и къ народу, но я не могъ пробиться къ самому государю. Увидѣлъ только Якубовича, быстро шедшаго вдоль бульвара къ сенату и къ толпѣ бунтовщиковъ. Я догналъ его, какъ знакомаго человѣка, и спросилъ: «что у нихъ тутъ дѣлается?» Онъ мнѣ только рукою махнулъ и, не отвѣчая ни слова, пошелъ дальше и спустился къ бунтовщикамъ. Я машинально послѣдовалъ за нимъ; но въ эту самую минуту услышалъ знакомый звукъ трубъ конницы, идущей въ атаку. Я быстро повернулъ назадъ, и нѣсколько пуль просвистали мимо меня. Но какъ онѣ были направлены въ конногвардейцевъ, то, разумѣется, и не причинили мнѣ никакого вреда. Только въ эту самую минуту увидѣлъ я своего героя Милорадовича, скакавшаго среди бунтовщиковъ. Всѣ любили и уважали Милорадовича, и когда онъ имъ скомандовалъ: «налѣво кругомъ», то всѣ послушались и уже шли назадъ по пути чести и долга, какъ вдругъ выскочилъ изъ толпы Каховскій и выстрѣлилъ въ него. Онъ упалъ съ лошади; бунтовщики остановились, и двое даже подскочили къ нему и ранили его; но зато другіе отнесли его въ конно-гвардейскій манежъ.

«Такимъ образомъ человѣкъ, бывшій въ тысячѣ сраженіяхъ и ни разу не раненый, палъ отъ руки убійцы.

«Много о немъ писали, и мнѣ, конечно, нечего повторять всѣхъ панегириковъ, которые онъ вполнѣ заслужилъ своею геройскою жизнію и смертію... Не случись тутъ Каховскаго, Милорадовичъ привелъ бы несчастную толпу бунтовщиковъ къ чувству чести и присяги и, конечно, заслужилъ бы всю благодарность новаго императора... Правда, что впослѣдствіи открылось, что полиція графа Милорадовича ничего не знала о заговорѣ декабристовъ, но это было слабостію всѣхъ эпохъ, и мы видѣли, что его Фогели узнали только въ послѣднюю минуту о существованіи заговора, во время именинnаго завтрака.

«Когда я увидѣлъ паденіе графа съ лошади, то принужденъ былъ обойти далеко кругомъ, чтобы добраться до него. Но и тутъ долго до него не допускали. По счастію

пріѣхалъ и Майковъ, и вмѣстѣ съ нимъ успѣлъ войти и я. Тутъ уже былъ извѣстный нашъ врачъ Арендтъ. Графъ подалъ руку Майкову и сказалъ по-французски: «Eh bien! la comédie est finie».

— «Нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ тотъ,—этого быть не можетъ и не будетъ. Вы слишкомъ дороги для всей Россіи.

— «А скоро буду ровно ничего не значить. Впрочемъ, я свое сдѣлалъ, а раньше, позже ли, все равно.

«Тутъ онъ увидѣлъ и меня.

— «Ah! bonjour,— сказалъ онъ.— Вы уже смолоду попробовали вражескаго подарка. Только я не надѣялся окончить дни въ Петербургѣ.

— «Богъ милостивъ, онъ васъ сохранитъ,—отвѣчалъ я.

— «Спросите у Арендта: онъ лучше знаетъ; я тотчасъ же потребовалъ отъ него правды, и онъ не скрылъ, какъ честный человѣкъ»...

П. А. Каратыгинъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что на рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія разныя городскія сплетни и нелѣпые толки, много было зловѣщихъ слуховъ; въ народѣ говорили 13-го декабря, что на другой день назначена войскамъ присяга, и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю Павловичу. Но повидимому, одинъ генералъ-губернаторъ объ этомъ ничего не зналъ. Когда же наступило 14-е декабря, казалось, что все шло обычнымъ порядкомъ, и на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно. Вскорѣ пришлось разочароваться въ этомъ мнимомъ спокойствіи.

322. Если капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка (бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка) Александръ Ивановичъ Якубовичъ произвелъ такое невыгодное впечатлѣніе на императора Николая, то этому нельзя удивляться. Вотъ какими красками рисуетъ его Петръ Андреевичъ Каратыгинъ въ своихъ запискахъ:

«Якубовичъ былъ замѣчательный типъ военнаго человѣка: онъ былъ высокаго роста, смуглое его лицо имѣло какое-то свирѣпое выраженіе; большіе, черные, на выкатѣ глаза, словно налитые кровью; сросшіяся, густыя брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, придавали его физіономіи какое-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое значеніе. Когда онъ сардонически улыбался, бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, блестѣли изъ-подъ усовъ его, и двѣ глубокія, рѣзкія черты появлялись на его щекахъ, и тогда эта улыбка принимала какое-то звѣрское выраженіе... Онъ вполнѣ могъ назваться Демосѳеномъ военнаго краснорѣчія. Дѣйствительно даръ слова у него былъ необыкновенный: рѣчь его лилась, какъ быстрый потокъ, безостановочно... Если бы 14-го декабря ему довелось говорить народу или особенно солдатамъ, онъ бы представительной своею личностью и блестящимъ краснорѣчіемъ могъ сильно подѣйствовать на толпу, которая всегда охотница до эффектовъ». («Записки Петра Андреевича Каратыгина». Спб., 1880 г., стр. 138).

Правитель дѣлъ слѣдственной комиссіи А. Д. Боровковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ по поводу перваго допроса Якубовича слѣдующее: «Онъ старался увлечь болѣе краснорѣчіемъ, нежели откровенностію. Такъ, стоя посреди залы въ драгунскомъ мундирѣ, съ черною повязкою на лбу, прикрывавшею рану, нанесенную ему горцемъ на Кавказѣ, онъ импровизировалъ довольно длинную рѣчь и въ заключеніе сказалъ: «цѣль наша была благо отечества; намъ не удалось — мы пали; но для устрашенія грядущихъ смѣльчаковъ нужна жертва. Я молодъ, виденъ собою, извѣстенъ въ арміи храбростью; такъ пусть меня разстрѣляютъ на площади, подлѣ памятника Петра Великаго».

Боровковъ признаетъ вообще Якубовича краснорѣчивымъ болтуномъ, исполненнымъ болѣе хвастовства, нежели храбрости.

«Русская Старина», 1898 года, т. XCVI, стр. 336 и 339. «Автобіографическія записки А. Д. Боровкова».

323. Въ собственноручной рукописи императора Николая приведены только эти слова. Баронъ Корфъ передаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ, при чемъ, какъ и всегда, не

указываетъ источника, на основаніи котораго онъ сдѣлалъ поправку: «спасибо, вы поняли вашъ долгъ, и я теперь же дамъ вамъ возможность загладить прошедшее. Ступайте къ своимъ и постарайтесь ихъ вразумить и воротить къ порядку, если впрочемъ не боитесь опасности».— «Вотъ доказательство, что я не изъ трусливыхъ»,— отвѣчалъ Якубовичъ, указывая на свою обвязанную голову». («Восшествіе», стр. 140).

Въ разсказѣ Корфа не упомянуто, что государь взялъ Якубовича за руку. Въ «Историческомъ описаніи» Корфа эта подробность сохранена, и разговоръ императора Николая переданъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «спасибо, вы вашъ долгъ поняли но такъ какъ вы были уже съ мятежниками, то не пойдете ли опять къ нимъ, чтобы стараться воротить и ихъ къ порядку и обязанности, если впрочемъ не боитесь съ ихъ стороны опасности». Якубовичъ указалъ на свою обвязанную голову: «вотъ доказательство, что я не трусливъ».

Отсюда видно, какъ баронъ Корфъ постепенно совершенствовалъ простое и сжатое собственноручное изложеніе императора Николая.

324. Михаилъ Бестужевъ въ своемъ разсказѣ о событіяхъ 14-го декабря пишетъ: «Окончивъ трудную работу, постройку карре изъ обрывковъ разныхъ ротъ, около котораго собрались уже многіе изъ нашихъ членовъ, и, не видя Якубовича, я спросилъ о причинѣ его отсутствія.—«Онъ сказалъ мнѣ,—отвѣчалъ братъ,—что по причинѣ страшной головной боли онъ удаляется съ площади. Но посмотри,—продолжалъ онъ, указывая на свиту государя,—вѣроятно, атмосфера новаго царя живительно подѣйствовала на его чувствительные нервы». И братъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Якубовичъ въ избыткѣ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ подошелъ къ государю и просилъ позволенія обратить насъ на путь законности. Государь согласился. Онъ, привязавъ бѣлый платокъ на свою саблю, быстро приблизился къ карре и, сказавъ вполголоса Кюхельбекеру (Михайлѣ): «держитесь, васъ крѣпко боятся», удалился.

325. Митрополиту Серафиму сопутствовали кіевскій митрополитъ Евгеній, также находившійся во дворцѣ, въ ожиданіи молебствія.

326. Коллежскій ассесоръ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, бывшій воспитанникъ лицея и товарищъ Пушкина. Гречъ называетъ его комическимъ лицомъ мелодрамы, справедливо замѣтивъ, что смѣтливые и проворные не успѣли бѣжать, а взбалмошный и безтолковый «хлѣбопекарь» (такъ называлъ его Ермоловъ) бѣжалъ изъ Петербурга въ Варшаву. Онъ былъ арестованъ въ Прагѣ унтеръ-офицеромъ л.-гв. Волынскаго полка Григорьевымъ. Такъ какъ онъ мѣтилъ пистолетомъ 14-го декабря въ Михаила Павловича, то великій князь просилъ о пощадѣ его.

Братъ Кюхельбекера, лейтенантъ гвардейскаго экипажа, также участвовалъ въ заговорѣ.

Императоръ Николай произвелъ Григорьева въ прапорщики съ опредѣленіемъ въ гвардейскій инвалидъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ выдать ему одновременно тысячу рублей и довести о похвальномъ поступкѣ его до свѣдѣнія всего военнаго вѣдомства. (Приказъ начальника главнаго штаба, барона Дибича, отъ 26-го января 1826 года, № 8).

Вильгельмъ Кюхельбекеръ умеръ въ Сибири на поселеніи въ 1846 году.

327. Михаилъ Бестужевъ пишетъ:

«День былъ сумрачный: вѣтеръ дулъ холодный. Солдаты, затянутые въ парадную форму съ пяти часовъ утра, стояли на площади уже болѣе семи часовъ. Со всѣхъ сторонъ мы были окружены войсками, безъ главнаго начальства, потому что диктаторъ Трубецкой не являлся, безъ артиллеріи, безъ кавалеріи, словомъ лишенные всѣхъ моральныхъ и физическихъ опоръ для поддержанія храбрости солдатъ. Они съ необычайною энергіею остались не колебимы и, дрожа отъ холода, стояли въ рядахъ, какъ на парадѣ. Кюхельбекеръ и Пущинъ уговаривали народъ очистить площадь, потому что готовились стрѣлять въ насъ. Я присоединился къ нимъ, но на всѣ мои убѣжденія былъ одинъ отвѣтъ: умремъ вмѣстѣ съ вами».

328. Весьма трудно установить, сколько жертвъ пало во время возмущенія 14-го декабря.

Въ бумагахъ тайнаго совѣтника Михаила Максимовича Попова найдены нами по этому поводу нѣкоторыя указанія. Когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ, выстрѣлы попадали и въ скопившуюся около нихъ толпу. Началась паника, и произошла неизбѣжная давка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались на вопли бѣглецовъ. Разсказывали, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. По прекращеніи артиллерійскаго огня императоръ Николай повелѣлъ оберъ-полицеймейстеру, генералу Шульгину, чтобы трупы были убраны къ утру. Къ сожалѣнію, исполнители распорядились самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ ночь на Невѣ отъ Исаакіевскаго моста до Академіи Художествъ и далѣе къ сторонѣ Васильевскаго острова сдѣлано было множество прорубей, въ которыя опустили не только трупы, но, какъ утверждали, и многихъ раненыхъ, лишенныхъ возможности спастись отъ ожидавшей ихъ участи. Тѣ же изъ раненыхъ, которые успѣли бѣжать, скрывали свои увѣчья, боясь открыться докторамъ, и умирали безъ медицинскаго пособія. Но этимъ дѣло не обошлось: полиція и помогавшіе ей рабочіе пустились еще грабить; съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи; даже спасавшихся ловили и грабили. Когда въ теченіе зимы по Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ трупомъ. Тогда запретили рубку льда у берега Васильевскаго острова и назначили для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки трупы несчастныхъ жертвъ декабрьскаго мятежа унесены были въ море. Государь остался недоволенъ распоряженіями Шульгина и уволилъ его отъ занимаемой должности. 28-го декабря 1825 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Je suis très mécontent de notre police d'ici, qui ne fait, ne sait et ne comprend rien; Шульгинъ commence à boire et je ne suppose pas qu'il puisse rester à ce poste avec quelque utilité,—je ne sais encore par qui le remplacer». Въ началѣ 1826 года оберъ-полицеймейстеромъ назначенъ былъ генералъ-майоръ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ.

«Съ наставшимъ утромъ открылось ужасное зрѣлище,—пишетъ А. С. Шишковъ,—Исаакіевская площадь обагрена была кровью; множество тѣлъ лежало на ней. Скопившаяся толпа народа пострадала вмѣстѣ съ бунтовщиками». («Записки», т. II, стр. 275).

Едва ли Шишковъ правъ въ своемъ разсказѣ; къ утру, вѣроятно, всѣ тѣла были уже убраны съ площади.

Вечеромъ, 14-го декабря, Михаилъ Бестужевъ, пробираясь по площади, гдѣ за нѣсколько часовъ рѣшалась участь Россіи, увидѣлъ, какъ рабочій людъ дѣятельно хлопоталъ смыть и уничтожить всѣ слѣды недавняго побоища. «Одни скоблили красный снѣгъ, другіе посыпали вымытыя и выскобленныя мѣста бѣлымъ снѣгомъ, остальные собирали тѣла убитыхъ и свозили ихъ на рѣку». (Разсказъ М. Бестужева о событіяхъ 14-го декабря).

329. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріевву», С.-Петербургъ, 1866, стр. 411.

330. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. IV, p. 27: «Am Ausgange des Saalen fesselte mich einen Augenblick der düstere und gesenkte Blick des Grafen Araktschejeff, dessen Herz und Gewissen hier wohl gleichzeitig auf die Folter gespannt sein mochten».

331. В. Р. Марченко: «Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся».

332. В. Н. Фелькнеръ: «14-е декабря 1825 года». «Русская Старина», 1870 г., т. II.

333. «Дневникъ Н. Г. Дивова, 1825 годъ».

334. «Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго», т. II, стр. 96—98.

335. «Письмо Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву отъ 19-го декабря 1825 года».

336. «Старина и Новизна», книга первая, С.-Петербургъ, 1897 г.

Письмо Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому отъ 31-го декабря 1825 г., стр. 169.

337. М. Погодинъ: «Николай Михайловичъ Карамзинъ», Москва, 1866, часть 2-я, стр. 467—468.

338. По мнѣнію одного изъ декабристокъ, Д. Н. Завалишина, безпристрастіе и историческая правда обязываютъ сказать, что 14-го декабря были громадные элементы

успѣха на сторонѣ мятежниковъ. «Я не берусь, конечно, гадать, что было бы дальше, такъ какъ мы не хотѣли, подобно Пестелю, присваивать себѣ диктаторскую власть, а предоставляли будущее устройство на рѣшеніе представителей Россіи, то, можетъ быть, они захотѣли бы даже возстановить самодержавную власть». Въ то время, когда Завалишинъ писалъ приведенныя здѣсь строки (это было въ 1878 году), онъ пришелъ къ убѣжденію, что ни въ произволѣ правительственномъ, ни въ произволѣ революціонномъ (несмотря на кажущееся противорѣчіе, принципъ обоихъ, по мнѣнію Завалишина, одинъ и тотъ же) нельзя отыскать средства для достиженія благосостоянія народа.

339. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. IV, p. 39.

340. Дневникъ П. Г. Дивова.

341. Прощаясь съ императоромъ Александромъ, передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ, Карамзинъ сказалъ государю: «Sire, vos années sont comptées; vous n'avez plus rien à remettre et vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement». Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи».

«Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», С.-Петербургъ, 1862 г., часть первая, стр. 12.

342. «Старина и Новизна», книга первая, стр. 168—169.

343. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. Berlin, 1862. Theil IV, p. 32.

344. Это письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу писано по-французски.

345. Это былъ не Горскинъ, но отставной статскій совѣтникъ князь Друцкой-Горскій; его постигла странная участь.

Бывшій артиллерійскій офицеръ, участникъ походовъ съ 1805 по 1814 годъ, георгіевскій кавалеръ, страдавшій еще отъ послѣдствій прежнихъ ранъ, оказался виновнымъ въ томъ, что въ день 14-го декабря находился на площади близъ мятежниковъ, съ незаряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ.

Въ докладѣ верховному уголовному суду отъ комиссіи, избранной для основанія разрядовъ, о Горскомъ написано:

«Хотя и ничѣмъ не доказано, чтобы Горскій участвовалъ въ мятежѣ и имѣлъ пистолетъ съ вреднымъ намѣреніемъ; но какъ за сіе нарушеніе правилъ благочинія, послужившее поводомъ къ обращенію на Горскаго подозрѣнія, по коему онъ преданъ суду, такъ и за предосудительную званію его бытность въ толпѣ мятежниковъ, комиссія полагаетъ: статскаго совѣтника Горскаго не относя ни къ какому разряду, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе его въ заключеніи».

Но, несмотря на подобное милостивое постановленіе, Горскаго не освободили, но увезли въ Сибирь, поселивъ въ Березовѣ; онъ умеръ въ Омскѣ въ 1849 году.

346. «Cher et excellent frère, que vous dire, que vous annoncer d'ici après la lecture de votre lettre du 15 de ce mois, et qui m'est parvenue ce matin; la seule chose que je puisse faire, c'est de vous remercier, du fond de mon coeur, d'avoir songé à moi au milieu des circonstances dans lesquelles vous vous êtes trouvé. J'ai remercié le bon Dieu de vous avoir préservé de tout mahleur personnel à genoux et avec des larmes ardentes de reconnaissance. Grand Dieu, quel événement! Cette canaille n'était pas contente d'un ange pour souverain et elle tramait contre lui! Que leur faut-il donc? C'est horrible, affreux, déshonorant pour tous, quoique bien innocents n'y ayant pas même songé à la possibilité que ce fut. Votre conduite, cher frère, est sublime, mais de grâce, méditez la, et que votre clémence ne vous emporte pas trop loin... Quel bonheur dans ce malheur que je n'ai pas été à Pétersbourg dans ce moment critique et où cette canaille agitait, soit disant, en mon nom. Dieu sait quel mal il aurait pu arriver et même maintenant, je craindrai fort que ma vue ne faillit encore faire des scènes déplorables. Il semble que c'est une pierre d'achoppement que mon nom dans tout ceci. Dieu qui voit dans le fond de mon coeur, y sait la pureté de mes intentions, et certainement, je suis exempt de

tout reproche d'être en connivence avec cette canaille. Je craindrai de venir auprès de vous avant que le temps ne prenne son assiette de calme et de tranquillité, afin que l'on ne se serve derechef de mon prétexte pour faire quoique ce soit de semblable; au reste, ma présence est je crois nécessaire ici, afin que lorsque tout se saura ici, il n'advienne quoique ce soit de déplacé... Je regrette sincèrement le brave comte Miloradowitch, victime de son zèle et de son dévouement, et ces autres messieurs; que peut on faire contre le décret de Dieu! Si ce malheur de Pétersbourg, quoique bien grand peut ramener l'ordre dans le reste de l'empire, c'est un sacrifiice qui aura été de quelque utilité; dans le cas contraire, la canaille verra q'uil y a encore de braves gens qui savent se dévouer. et que tout ne leur passera pas».

347. «Cher et bon Constantin, je ne vous trace ce peu de lignes que pour vous donner de bonnes nouvelles d'ici; heureusement, depuis la terrible journée du 14, nous sommes rentrés dans l'ordre habituel et il ne reste qu'une certaine inquiétude dans le peuple. que j'espère voir dissipée par la tranquillité, — preuve évidente de l'absence du danger. Nos arrestations vont fort bien et nous sommes en possession de tous les principaux personnages de la journée... je baise les mains à ma chère belle soeur et vous prie. cher Constantin, de conserver vos bontés et votre amitié au pauvre diable, que vous avez embarqué dans une rude besogne et qui voudrait bien s'en dispenser».

348. По поводу отношеній, установившихся между императрицей Маріей Ѳеодоровною и воцарившимся государемъ, графиня Нессельроде въ письмѣ къ брату отъ 19-го марта 1826 года пишетъ:

«Il ne règne point encore un accord amical entre l'impératrice mère et son auguste fils; je crois qu'elle aurait voulu être plus consultée, être plus influente et que ce qu'elle excusait dans l'empereur défunt est regardé ou pris en mauvaise part de celui-ci. Sur tous les points il règne entre eux une grande contradiction, ce qui fatigue le monarque, qui a l'esprit constamment occupé de choses sérieuses. Il fallait prévoir ce genre de discussions, ce peu d'accord par le manque de tact de la mère. Avec des qualités angéliques elle manque totalement d'esprit de conduite; c'est le quatrieme règne où ce défaut perce. Avec un peu plus de caractère il lui serait bien facile d'avoir l'aplomb, la dignité de la femme, de la mère de deux empereurs, elle en imposerait à ces têtes couronnées tout en étant tendrement avec eux. C'est une qualité que l'on ne peut acquérir, que même l'expérience ne donne pas».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

349. Theodor Bernhardi: Unter Nikolaus I und Friedrich-Wilhelm IV, Leipzig, 1893, p. 307.

350. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. IV, pp. 15—17.

351. Корфъ: «Восшествіе», стр. 201.

352. Генералъ-майоръ Евгеній Александровичъ Головинъ съ 14-го марта 1825 года командовалъ бригадою, состоявшей изъ полковъ л.-гв. Егерскаго и Финляндскаго. Эта бригада входила въ составъ 2-й гвардейской пѣхотной бригады, которою командовалъ до воцаренія великій князь Николай Павловичъ. 15-го декабря 1825 года Головинъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ.

353. Въ такомъ видѣ приказъ 15-го декабря 1825 года окончательно напечатанъ былъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» только 6-го января 1826 года (№ 4). Въ первоначальной редакціи приказа пропущены были польскіе полки, а затѣмъ еще Подольскій кираспрскій, Литовскій и Волынскій.

Императоръ Николай послалъ немедленно приказъ цесаревичу и писалъ ему 17-го декабря: «J'ai cru bien faire en donnant l'ordre du jour ci-joint; si vous daignez permettre, cher Constantin, la même mesure pour les troupes sous vos ordres, je suis sûr qu'elles le recevront avec la même joie et reconnaissance que celles d'ici».

22-го декабря 1825 года, Константинъ Павловичъ отвѣчалъ государю:

«Maintenant je viens à votre ordre du jour, que je trouve digne de vos sentiments et des impulsions dignes de votre coeur; nous le recevrons avec bonheur, j'en suis sûr d'avance; je vous le renvoie toutefois, puisqu'il n'est pas signé et je ne sais si j'aurais

dû le faire, le donner tel, ou attendre vos ordres ultérieurs; de plus vous y avez oublié trois régiments, qui sont les cuirassiers de Podolie, dont l'uniforme était constamment porté par feu l'empereur ici, et ceux des grenadiers et chasseurs à cheval polonais, dont je crois—vu l'amalgame des troupes sous mes ordres, ouvrage de notre défunt empereur, auquel il tenait beaucoup—il faudrait pour le bien et pour ne pas choquer ces régiments, surtout ici, mettre au même ordre; c'est pour cela que j'ai cru bien faire de redemander vos ordres suprêmes. Je ne crois pas que vous me blâmiez pour ma circonspection et prudence».

Императоръ Николай далъ слѣдующее объясненіе цесаревичу въ письмѣ отъ 28-го декабря 1825 года:

«J'ai cru, en vous envoyant l'ordre du jour, vous avoir prié de le faire arranger et donner de suite; maintenant que je vois que j'ai de nouveau commis une erreur, j'ai fait rëimprimer l'ordre du jour en y faisant insérer les régiments de la garde russe et polonaise sous vos ordres. Je vous envoie ci joint la liste et les objets même. Je compte les faire recevoir du château ici, comme on prend les drapeaux avec la différence qu'un officier major du régiment portera sur un coussin l'uniforme; arrivé au quartier des régiments je crois lui faire rendre les honneurs et déposer sur un налой, puis faire chanter une панихида, après quoi rendre les honneurs et porter comme quand on rapporte les drapeaux, à l'église ou autre lieu, où l'uniforme doit être déposé et conservé au régiment».

Приказъ отъ 15-го декабря о старыхъ мундирахъ Александра I-го не понравился принцу Евгенію Виртембергскому. Государь прочелъ заготовленный уже приказъ принцу, при свиданіи съ нимъ ночью на 14-е декабря, послѣ засѣданія государственнаго совѣта. «Я увидѣлъ въ этомъ мелочность (Kleinlichkeit),—пишетъ принцъ,—а не мѣру, соотвѣтствующую обстоятельствамъ. И въ семъ дѣлѣ я снова не показалъ себя дипломатомъ».

354. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 33.

355. 15-го декабря 1825 года графиня М. Д. Нессельроде писала:

«L'empereur en se conduisant avec cette bravoure, en paraissant et se maintenant avec la troupe, aura arrêté bien des malheurs. Si Louis XVI s'était mis à cheval, il aurait arrêté la révolution française».

18-го декабря графиня продолжала:

«Je finis en vous disant que l'empereur continue comme il a commencé par étonner par sa présence d'esprit, son humanité, sa fermeté, son activité».

Наконецъ, 30-го декабря, графиня Нессельроде заключила свою оцѣнку событій, сопровождавшихъ воцареніе Николая Павловича, слѣдующей характеристикой дѣйствій новаго государя:

«L'empereur Nicolas a su le même 14 prouver, qu'il était capable de gouverner les 50 millions d'âmes qui lui sont échues par le destin. Le matin de ce jour l'on ignorait encore ses grandes qualités que ces tristes circonstances firent éclore subitement. Dans quelques heures par son courage, sa présence d'esprit, sa fermeté, son humanité, il sut se gagner les coeurs et la confiance de la troupe, des habitants de sa capitale qui confièrent à la renommée avec enthousiasme ce qu'il a été ce jour là et ce qu'il continue à être». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

356. The diplomatic reminiscenses of lord Augustus Loftus, 1837—1862. London, 1892. 2 vol.

357. Резолюція императора Николая на запискѣ князя А. С. Меншикова отъ 28-го января 1826 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 2-й. № 4438.

358. Lacroix: «Histoire», t. I, p. 489.

359. «Histoire générale» (изданная подъ редакціею Лависса и Рамбо), t. 10, p. 159.

«La journée du 14 (26) décembre 1825 avait achevé de tremper le caractère de Nicolas. Elle le voua en quelque sorte au rôle des dompteur de revolutions. Dans l'Europe si troublée de cette époque, les occasions de se manifester comme le champion du droit des rois ne lui manquèrent pas».

360. Bismarck: «Gedanken und Erinnerungen», Stuttgart, 1898, B. I, p. 218.

361. Записки графа Д. Н. Толстого. «Русскій Архивъ», 1885 года, книга 2-я, стр. 24.

362. См. въ приложеніяхъ реляцію о 14-мъ декабрѣ.

Въ этомъ литературномъ произведеніи читателя поражаетъ слѣдующая фраза, въ которой говоря, что мятежниками начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ, прибавлено: «къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ».

363. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1827 года.

364. Одно смущало императора Николая въ письмахъ цесаревича Константина Павловича—это частое припаданіе его къ стопамъ и т. п. По этому поводу государь писалъ брату 29-го декабря 1825 года: «Au nom de Dieu, si vous ne voulez pas me désespérer et m'ôter le peu de calme que je conserve, ne me traitez pas avec ces terribles protestations de respect qui me blessent et me désespèrent; prenez pitié de moi et n'aggravez pas la difficulté et l'horreur de ma position par des choses, dont il vous est si facile de ne pas me chagriner».

365. «J'ai lu la relation des événements de Pétersbourg que vous daignez m'envoyer, avec le plus vif intérêt et avec l'attention la plus sévère; l'ayant relue trois fois, mon attention s'est arrêtée sur un point remarquable et qui a frappé mon esprit, qui est, que la liste des arrêtés ne contient le nom d'individus tellement obscures, tellement insignifiants, par eux-mêmes et l'influence qu'ils peuvent avoir, que je ne les considère que comme des enfants perdus ou voltigeurs de la bande, dont les faiseurs sont restés cachés, pour le moment pour juger par l'événement de leur force et sur ce qu'ils peuvent compter. Ils sont coupables, en enfants perdus ou voltigeurs, et il ne peut y avoir de ména gement envers eux, puisqu'il ne faut pas même admettre dans des choses semblables des entrainements; mais aussi il faut rechercher les instigateurs et les directeurs et les trouver absolument par les aveux des arrêtés. Point de relâche jusqu'à ce que l'on ait trouvé le point de départ de toutes ces menées, voilà mon avis, tel qu'il se présente à mon esprit,—voilà ce que j'aurai dit à feu l'empereur, comme je lui ai dit dans le temps, que c'est lui, qui a gangrené l'armée par le renvoi des Semenovsky dans son sein et qui empestera le reste».

366. Въ письмѣ отъ 28-го декабря 1825 года къ цесаревичу императоръ Николай снова возвращался къ этимъ подозрѣніямъ и писалъ: «Les faits sont cachés, mais le soupçon plane sur Мордвиновъ du conseil dont la conduite a été des plus singulières dans ces tristes journées, et sur les deux sénateurs Барановъ et Муравьевъ-Апостолъ; mais ce ne sont que des soupçons encore, qui s'éclairciront avec l'aide des papiers et instructions, qui me tombent entre les mains à chaque moment».

367. «Cher Constantin! Je commence par vous assurer, qu'avec l'aide de Dieu, tout est rentré ici dans l'ordre habituel; l'esprit est très bon et le deviendra encore plus quand on vous verra ici. Depuis ma dernière, Комаровскій, que j'avais envoyé à Moscou, est revenu porteur ou plutôt pour confirmer toutes les excellentes nouvelles que j'avais déjà. Un semblable rapport m'est déjà parvenu de Finlande et de Mohilew; j'en attends de la 2-de armée.

«Nos enquêtes vont parfaitement, ainsi que les arrestations de tous les individus à portée, membres de cet horrible et extraordinaire complot; un extrait de ce qui se passe sous ce rapport vous est envoyé par ce courrier. Vous y verrez des noms bien connus, et j'ai les soupçons les plus fondés pour être persuadé que cela remonte jusqu'au conseil d'état, nommément jusqu'à Мордвиновъ; mais comme j'ai pour règle de ne mettre la main que sur ceux qui sont dévoilés ou trop fortement soupçonnés, pour pouvoir les laisser libres, je ne presse rien... Ici l'on est tout zele pour m'aider à cette affreuse besogne; des pères m'amènent leurs fils; tout désirent des exemples et surtout voir leur famille purgée de pareils êtres, et même de soupçons de ce genre.

«J'attends Michel Orloff et Lopoukhin, qui doivent déjà être arrêtés, ceux de la 2-de armée sont les plus importants, ce que Vadkofsky, amené hier, ainsi que tous les autres confirment. C'est surtout Pestel et Serge Volkonsky qu'il m'importe d'avoir, j'attends aussi Муравьевъ et Чернышевъ; voilà où nous en sommes.

«Je suis abimé de besogne, vous le comprendrez, me plaindrez et ne m'en voudrez pas du désordre de ces lignes; mais la tête me tourne et l'essentiel est que vous sachiez tout».

368. «Il faut que je ne devienne pas, par ma présence, un objet de désordre ou de prétexte, comme je l'ai été pour la première fois; voyez y clair auparavant, assurez-vous de tous ces perturbateurs et assurez-vous pour ainsi dire à votre place; en attendant je vois clair sur ce qui se passe autour de moi, il faut du temps et du calme».

369. «Il faut encore que chacun reste à son poste et c'est pour cela que je ne puis encore penser à venir vous rejoindre; de plus je me permets de vous faire les observations qui se présentent à ma pensée, vu mon arrivée à Pétersbourg; pourriez vous déjà répondre de la tranquillité apparente de la capitale? Etes-vous sûr d'avoir tous les complices entre vos mains? Qui peut répondre qu'à ma vue un nouveau désordre ne survienne? Peut-être, même ceux qui ont l'air de désirer mon arrivée, ne sont-ils pas eux-mêmes intéressés à le produire sous prétexte de mon malheureux nom, qui déjà a été si cruellement et si malheureusement compromis... Jugez bien votre position, n'accélérez rien, ne précipitez rien et assurez-vous bien à votre place, avant que de rien faire d'autre. Souvenez-vous de ce que vous dites vous même dans votre lettre, que la trame remonte au conseil d'état et qu'il y a des soupçons même sur l'amiral Mordvinoff. D'ici je puis vous être plus utile et notre correspondance active et suivie peut déjouer tous les plans des meneurs en contenant tout le monde à sa place. Je ne devie pas de mon opinion; je connais assez mes individus et sais assez bien comment se font et marchent les affaires; point de sécurité, cher frère, jusqu'à ce que vous n'ayez tous les coupables et qu'ils ne soient punis. Veillez à ceux qui vous assurent que la tranquillité est rétablie; ce sont les plus dangereux peut-être».

370. «Parlez à votre beau-frère sur ma venue à Pétersbourg et sur l'opinion qu'en porte votre beau-père, elle coincide avec la mienne parfaitement». (Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю 30-го декабря 1825 года).

«Votre beau-frère auquel j'ai parlé de tout cela est parfaitement de mon avis; il m'a dit que c'était celui du roi, son pere». (Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю 31-го декабря 1825 года).

371. 28-го декабря 1825 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«D'après les notions qui me sont parvenues aujourd'hui, il se trouve, qu'il y a, par la poste d'hier, l'annonce de l'arrivée de 84 étrangers, français, suisses et allemands. Comme nous avons assez de notre propre canaille, je suppose qu'il serait utile et conséquent en ce moment d'arrêter cette facilité d'entrée dans le pays et je compte le faire proposer au conseil des ministres, pour rétablir le même état de choses que celui qui a précédé la dernière permission d'entrée».

372. 4-го января 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Je désirerai bien sous tous les rapports vous voir arriver, toute pénible que sera notre entrevue. Je ne vous cache pas que dans la troupe il y a encore une certaine inquiétude de ne pas vous voir et des bruits comme si vous marchiez avec un corps sur Pétersbourg; il n'y a que votre présence qui puisse tranquilliser complétement la-dessus».

9-го января 1826 года цесаревичъ отвѣчалъ:

«Quant à mon arrivée à Pétersbourg pour faire finir l'incertitude dans les troupes sur une soi-disante marche que je fais avec celles sous mes ordres, sur la capitale, il est tellement absurde, tellement bête, que je ne puis l'attribuer qu'à l'envie de reproduire quelques scènes de scandale nouveau sous l'égide, non de mon malheureux nom, mais de ma personne en présence. Ma présence est nécessaire loin de vous... Je vous le répète, aussurez vous ferme à votre place et dès que tout sera découvert et les meneurs saisis, vous verrez que tous ces bruits tomberont de soi-même. De grâce, cher frère, et au nom de Dieu, pas de précipitation, pas trop de foi aux aveux et repentirs, après coup, qui d'ordinaire ne se font que pour trainer et gagner du temps et compromettre en jetant des soupçons sur les gens fideles et incapables d'aucune action deshonorante: méfiez vous des relations et des rapports sous le masque du zèle et de ceux qui espèrent se rendre nécessaires par là, et ne sont eux-mêmes que des flatteurs des plus nuisibles».

11-го января 1826 года императоръ Николай еще разъ писалъ въ прежнемъ духѣ:

«Tout dans la troupe va bien; dans le peuple il y a encore des bruits, que vous n'arrivez pas parce que vous êtes arrêté à Varsovie, et autres sottises de ce genre».

Послѣ этого намека государь не затрогивалъ болѣе этого вопроса въ перепискѣ съ цесаревичемъ и довольствовался 16-го января извѣщеніемъ: «Les sots bruits de la ville durent encore; mais comme la troupe est bonne et le peuple parfait, peu importe le reste».

373. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40.

374. Въ воспоминаніяхъ своихъ Филаретъ пишетъ: «О семъ предисловіи присяги слышны были въ послѣдствіи времени неодинаковыя сужденія. Нѣкоторые говорили архіепископу, что мысль о предшествовавшей присягѣ и новой присягѣ при жизни того, кому дана предшествовавшая, дѣйствительно наводила на нихъ нѣкоторую мнительность, и вышеозначенное предисловіе дѣйствительно послужило для нихъ къ прекращенію сей мнительности. Другіе говорили, что архіепископъ принялъ на себя не принадлежащую ему власть разрѣшать отъ присяги. Но архіепископъ отнюдь не признавалъ, чтобы его дѣйствіе имѣло такое значеніе. Не разрѣшеніе отъ присяги произнесъ онъ, а только свидѣтельствовалъ, что сила и дѣйствіе прежней присяги сами собою уничтожились непреклоннымъ отъ престола отреченіемъ того, кому оная дана; онъ выразилъ словами мысль, которая должна была въ сіе время быть у каждаго приступающаго къ присягѣ».

375. Послѣ принесенія присяги цесаревичъ Константинъ Павловичъ подписалъ въ тотъ же день слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Le ministre secrétaire d'état pour le royaume de Pologne m'ayant transmis en date du 13 (25) décembre le manifeste du 12 (24) du même mois, par lequel votre majesté impériale et royale proclame son avènement au trône, j'en ai aussitôt ordonné l'impression et adressé un nombre d'exemplaires suffisants aux généraux commandants les différents corps de l'armée royale polonaise, ainsi qu'à la commission de la guerre, en leur enjoignant de prêter et de faire prêter en conséquence de cet acte et selon la forme prescrite, le serment de soumission et de fidélité dû à votre majesté impériale et royale par les troupes et le corps de l'administration militaire sous mes ordres. — Présent à cette solemnité qui a eu lieu pour la garnison de Varsovie aujourd'hui 21 décembre (2 janvier), j'ai été temoin de l'ordre et du recueillement avec lequel elle s'est accomplie, et je m'empresse d'en rendre compte par le présent rapport à votre majesté impériale et royale.

Varsovie ce $\frac{21\ \text{décembre}}{2\ \text{janvier}}$ $182\frac{5}{6}$

«Constantin Césarewitch».

3-го (15-го) января 1826 года цесаревичъ отправилъ другое всеподданнѣйшее донесеніе относительно присяги остальныхъ частей польской арміи:

«Je m'empresse, sire, de rendre compte à votre majesté impériale et royale, que par les différents rapports qui viennent de me rentrer successivement, je suis informé que votre armée royale polonaise tout entière, dont une partie se trouvait dans des cantonnements distants de Varsovie, a prêté serment de soumission et de fidélité à votre majesté, et qu'à cette occasion tout s'est passé avec ordre, recueillement et la tranquillité requise».

Военно-ученый архивъ. Отд. 3. № 1165.

376. Насколько велики были опасенія даже относительно безопасности государя, можетъ служить приведенное ниже письмо генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ императору Николаю.

«Voici une note qui m'a paru assez intéressante pour l'envoyer de suite à votre majesté.

«Quelques jeunes officiers tiennent des propos indécents: il y a encore des têtes brûlées, animées peut-être par la vue de la forteresse où sont leurs complices ou leurs amis.

«On sait que la nuit votre majesté se promène seul en traineau; dans l'obscurité le crime est plus hardi, il n'y a pas de témoin. Sire, ce n'est pas moi qui prêcherai la méfiance, mais dans ce moment je crois que ces promenades de nuit sont imprudentes.

«Demain j'espère pouvoir me présenter à votre majesté impériale.

«A. Benkendorff».

Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 39, а.

377. Князь Николай Ивановичъ Трубецкой скончался въ 1874 году оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и членомъ государственнаго совѣта.

378. Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлинъ, 1884. Стр. 14.

Нѣсколько иначе отзывается о настроеніи Москвы генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ запискахъ своихъ пишетъ:

«Древняя столица выказала глубокое омерзѣніе къ преступнымъ начинаніямъ Петербурга и своимъ поведеніемъ представляетъ совершенную противоположность молодой своей соперницѣ».

379. Петербургъ въ 1825—1826 годахъ, по дневнику Павла Григорьевича Дивова. «Русская Старина», 1897 года, т. LXXXIX, стр. 468.

380. Записки графа Дмитрія Николаевича Толстого. «Русскій Архивъ» 1885 года, книга 2-я, стр. 20 и 24.

381. 17-го декабря 1825 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«J'ai nommé une commission spéciale pour l'instruction de l'affaire . . . . . Je suppose séparer ensuite pour le jugement les individus qui ont mal agi, avec connaissance de cause et préméditation, d'avec ceux qui n'ont agi ainsi que par une espèce de délire».

20-го февраля 1826 года, императоръ Николай по поводу слѣдственной комиссіи писалъ цесаревичу:

«Nous arrêtons, non pour chercher des victimes, mais pour chercher à justifier les calomniés».

382. Первоначально императоръ Николай намѣревался назначить членомъ комитета генералъ-адъютанта А. О. Орлова, но вслѣдствіе того, что братъ его генералъ-майоръ Михаилъ Оедоровичъ Орловъ оказался членомъ злоумышленнаго общества, государь зачеркнулъ Алексѣя Оедоровича, замѣнивъ его генералъ-адъютантомъ Левашовымъ.

383. Государственный архивъ. Разрядъ I.

384. 29-го мая 1826 года, генералъ-адъютантъ Дибичъ сообщилъ военному министру высочайшее повелѣніе, въ которомъ сказано, «что государю императору угодно, чтобы комитетъ для изысканія о злоумышленномъ обществѣ именовался комиссіею для изысканія о злоумышленномъ обществѣ».

385. Въ такомъ видѣ статья была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» № 3 (7-го января 1826 года) и заимствована изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 2).

Въ нѣсколько иной редакціи статья была напечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 5 (7-го января 1826 года), подъ заглавіемъ: «Прибавленіе къ подробному описанію происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14-го декабря 1825 года».

Объ статьи на русскомъ языкѣ составляютъ переводъ сообщенія, напечатаннаго въ «Journal de St. Pétersbourg» № 2, 1826 года.

386. Евгеній Виртембергскій не ограничился приведенными внушеніями; онъ подалъ государю еще другой совѣтъ, и, желая избавить Россію отъ ненавистныхъ ей поселеній, пытался убѣдить императора Николая въ необходимости ихъ упраздненія. Въ этомъ дѣлѣ онъ также потерпѣлъ неудачу; государь замѣтилъ ему, что онъ признаетъ эту мѣру несвоевременною.

387. Письма Александра Ивановича Тургенева къ брату Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ, 1872, стр. 51. (Письмо отъ 22-го іюля 1827 года).

388. Гласность, на которую ссылается генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, относится, вѣроятно, къ правительственному сообщенію, отъ 28-го января 1826 года, о за-

нятіяхъ слѣдственной комиссіи,[1] напечатанному въ русскихъ газетахъ того времени. Оно помѣщено нами въ приложеніяхъ. По повелѣнію императора Николая были также напечатаны въ газетахъ подробности о мятежѣ въ Черниговскомъ полку. Кромѣ того, выше приведена нами также офиціальная статья по поводу учрежденія слѣдственной комиссіи.

389. Юморъ и доброе сердце великаго князя Михаила Павловича извѣстны. Разсказывали, что великій князь послѣ бесѣды съ арестованнымъ Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ сказалъ, перекрестившись, своимъ адъютантамъ: «Слава Богу, что я съ нимъ не познакомился третьяго дня, онъ, пожалуй, втянулъ бы и меня». (Изъ записокъ барона Розена, стр. 109).

390. Нѣкоторыхъ декабристовъ вели даже по улицамъ со связанными руками. Такъ, напримѣръ, капитанъ-лейтенанты: Торсонъ и Николай Бестужевъ, препровождены были во дворецъ въ подобномъ видѣ.

391. Записки Фонвизина. Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. (Примѣчанія къ «Histoire philosophique et politique de Russie», par Enneaux et Chennechot. Paris, 1835).

392. По словамъ Фонвизина, пристрастнѣе прочихъ членовъ комиссіи поступалъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ. У князя А. Н. Голицына и генералъ-адъютанта Бенкендорфа часто вырывалось сердечное сочувствіе и состраданіе къ узникамъ.[1]

393. Незадолго до кончины императора Александра, графъ Лаферронэ просилъ французское правительство объ отозваніи его изъ Петербурга. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, онъ выразилъ готовность не покидать своего поста, если король сочтетъ минуту благопріятною для сближенія съ Россіею.

394. Депеша графа Лаферронэ отъ 24-го декабря 1825 года (5-го января 1826 года), въ статьѣ С. Татищева: «Воцареніе императора Николая». «Русскій Вѣстникъ», 1893 года, № 4, стр. 7—16.

395. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. «Русскій Архивъ», 1877 года, стр. 15.

Графъ Рибопьеръ въ это время занималъ постъ посланника въ Константинополѣ, но находился въ Петербургѣ, вслѣдствіе разрыва дипломатическихъ сношеній съ Оттоманской Портой, послѣдовавшаго еще въ царствованіе императора Александра.

396. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 159—160.

397. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», т. IV.

398. Военно-ученый архивъ. Отд. 1, № 412.

399. Насколько велико было вниманіе, съ которымъ императоръ Николай относился къ графу Аракчееву, можно видѣть по слѣдующимъ строкамъ письма государя къ графу изъ Царскаго Села, отъ 6-го апрѣля 1826 года:

«Я здѣсь остаюсь до субботы; квартира прежняя ваша готова и тепла, и прошу пожаловать, такъ чтобы послѣ обѣда можно было заняться».

Письмо императора Николая, изъ котораго здѣсь представлена выписка, настолько любопытно, что помѣщено нами въ приложеніяхъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ объяснительною запискою новгородскаго губернатора Жеребцова.

400. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 412.

401. Черновая записка, или, лучше сказать, проектъ рескрипта, написанный императоромъ Николаемъ, заключался въ слѣдующемъ:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужное для докончанія предпринятаго вами устройства военныхъ поселеній, памятника благодѣтельныхъ намѣреній покойнаго государя, отца нашего, вамъ къ исполненію ввѣреннаго, нашелъ я удобнымъ перевести собственную мою канцелярію въ непосредственное мое завѣдываніе; канцелярію же комитета министровъ вручить въ управленіе директору оной Гежелинскому.

«Съ истиннымъ уваженіемъ есмь навсегда вамъ искренно доброжелательный».

402. Упомянутый здѣсь графомъ Аракчеевымъ рескриптъ отъ 19-го декабря 1825 года и приказъ по поселеннымъ войскамъ, вызванный этимъ рескриптомъ, помѣщены нами въ приложеніяхъ.

403. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 412.

404. Въ тотъ же день, 20-го декабря 1825 года, послѣдовалъ указъ комитету г.г. министровъ:

«По желанію и просьбѣ генерала графа Аракчеева, увольняю его отъ завѣдыванія дѣлами комитета г.г. министровъ, а канцелярію онаго повелѣваю поручить управляющему дѣлами сего комитета д. с. с. Гежелинскому.

«Николай».

405. Михайловскій-Данилевскій: «Журналъ 1826 года».

Отрывки изъ этого журнала были напечатаны нами въ «Русской Старинѣ» 1890 года, т. LVIII, подъ заглавіемъ: «Вступленіе на престолъ императора Николая I».

406. Въ дневникѣ П. Г. Дивова встрѣчается 3-го января 1826 года слѣдующая замѣтка:

«Графъ Аракчеевъ былъ очень обласканъ императоромъ, но, несмотря на все высказанное ему довѣріе и на стараніе его друзей, которые уговаривали графа не порывать связи съ дворомъ, онъ рѣшилъ окончательно не вмѣшиваться болѣе въ дѣла; любимецъ его, генералъ Клейнмихель, имѣлъ уже три раза аудіенцію у императора».

Эти аудіенціи касались, главнымъ образомъ, выше приведенныхъ нами рескриптовъ, данныхъ графу Аракчееву.

407. М. М. Фокъ—ген.-адъют. А. Х. Бенкендорфу 20-го іюля 1826 года:

«On s'attache dans plusieurs cercles à analyser les causes du mécontentement qui avait amené l'explosion. Dans le principe, plusieurs d'entre les novateurs avaient conçu simplement l'idée de signaler les abus, en indiquant en même temps le remède. Selon eux, les grandes guerres au dehors et la politique étrangère avaient tellement absorbé toute l'attention du gouvernement, que l'administration de l'intérieur pâtissait entre les mains de quelques gouvernants, organes et crèatures d'un seul individu investi de la confiance du souverain et si éminement ambitieux, sous l'écorce du désintéressement, qu'il sacrifia à l'ambition les plus chers intérêts des gouvernés et fit adopter au gouvernement un système d'administration, qui avait pour attribution la tracasserie et pour bu la soif de régner sans partage; de sorte que le mécontentement, allant toujours en croissant, a nécessairement dû finir par l'explosion. Par la suite ces mêmes novateurs s'érigèrent, sans pouvoirs, sans moyens, en régulateurs et dûrent nécessairement avoir recours à des moyens criminels pour développer leurs plans et les mettre en exécution. Ainsi, si d'un côté rien ne saurait excuser des entreprises réprouvées par les lois divines et humaines, de l'autre il est palpable qu'on a tout fait pour provoquer le mécontentement et rien pour l'étouffer dans sa naissance».

408. Въ указѣ сенату это обстоятельство до нѣкоторой степени оттѣнено; въ немъ сказано, что графское достоинство жалуется: «ему лично и его потомству», вмѣсто обычной фразы: «ему съ нисходящимъ отъ него потомствомъ».

409. Въ дневникѣ князя Меншикова записано:

«3-го января. Государь принялъ меня въ кабинетѣ. Отказъ шифровъ, предложеніе ѣхать въ Персію принято мною. Былъ у графа Нессельроде.

«4-го января. Былъ у барона Дибича, у графа Нессельроде.

«5-го января. Взялъ квартиру въ Демутовомъ трактирѣ за 105 рублей въ недѣлю съ сараемъ и конюшнею.

«6-го января. Переѣхалъ въ трактиръ отъ Орлова. Сегодняшнимъ числомъ принятъ въ службу.

«7-го января. Обѣдалъ у Гурьева. Надѣлъ сегодня мундиръ.

«8-го января. Представлялся государю въ кабинетѣ».

410. 21-го января 1826 года, императоръ Николай произвелъ смотръ поселенному баталіону гренадерскаго полка графа Аракчеева, пришедшему въ Петербургъ за пожа-

лованнымъ ему мундиромъ императора Александра I, на основаніи высочайшаго приказа поселеннымъ войскамъ отъ 22-го декабря 1825 года.

411. Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра и вступленія на престолъ императора Николая. Донесенія полиціи о разныхъ происшествіяхъ 1825 и 1826 годовъ. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40.

412. Императоръ Николай нашелъ сводный гвардейскій полкъ во всѣхъ частяхъ въ отличномъ состояніи и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка. Штабъ и оберъ-офицерамъ полка объявлена была въ приказѣ совершенная благодарность.

413. Императоръ Александръ съ 1804 года пользовался услугами графа Витта для разныхъ секретныхъ политическихъ порученій.

Въ запискѣ графа Витта, представленной въ 1826 году «о порученіяхъ, въ которыхъ былъ употребленъ императоромъ Александромъ», генералъ пишетъ:

«Того жъ 1819 года, по дошедшимъ до покойнаго блаженныя памяти государя императора извѣстіямъ, повелѣно мнѣ было имѣть наблюденіе за губерніями: Кіевскою, Волынскою, Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою, и въ особенности за городами Кіевомъ и Одессою, при чемъ его величество изволилъ поручить мнѣ употреблять агентовъ, которые никому не были бы извѣстны, кромѣ меня; обо всемъ же относящемся до сей части никому, какъ самому императорскому величеству, доносить было не позволено, и всѣ на необходимые случаи разрѣшенія обязанъ я былъ принимать отъ самого въ Бозѣ почивающаго государя императора». (Военно-ученый архивъ. Отд. 3. № 1169).

Вѣроятно, это послѣднее порученіе, которое, можетъ быть, не осталось тайною для цесаревича, возбудило его гнѣвъ, такъ какъ оно касалось Волынской и Подольской губерній, а слѣдовательно вторгалось въ сферу дѣятельности великаго князя, которому подчинено было гражданское управленіе въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ.

414. Varsovie, le 14 (26) décembre 1825, soir.

Mon cher général. Votre feldjäger m'a apporté toutes vos lettres que je vous renvois non décachetées vu mes rèsolutions et vu les ordres de feu notre maître déposés au Conseil, Senat, Synode etc. et que l'on n'a pas suivi. Ce n'est pas à moi à juger de ce que l'on a fait, mais c'est à moi à suivre ponctuellement ce que l'empereur défunt avait prescrit. Ainsi soit-il et que Dieu me guide et me soutienne. Quant à votre paquet № 6 je l'ai décacheté puisque j'en savais le contenu par votre précédente et je vous le renvois. Je ne puis vous en dire rien de positif, mais je suppose que le tout est une intrigue des plus noires du général Witt, menteur et mauvais sujet dans la force du terme, le reste n'est que broderie. Le capitaine Maïboroda a effrayé le général Rott qui voit tout en noir, et tout le monde devient dans cette affaire à commencer par le sous-officier les instruments de la vilenie du général Witt.

Je ne conteste pas que Wadkowski c'est un détestable sujet, les autres je ne connais pas. Je vous le répète encore, cher général, que le général Witt est une canaille dont le monde ci ne produit peut être pas un autre, sans foi ni loix ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence. Soyez sur vos gardes, cher général, ne précipitez rien, marchez avec discernement, c'est un conseil d'ami que je vous donne. Je vous restitue votre papier ci-joint.

Présentez mes hommages trés humbles à l'impératrice. Mes amitiés sincères au prince Wolkonsky et pour vous, dites vous que vous n'avez au monde d'être qui sache plus vous apprécier et vous rendre justice et vous estime que ne le fait votre tout dévoué.

Constantin.

Toute l'affaire n'est que vengeance de Witt et envie de se faire valoir. Plus j'y pense et plus je ne puis changer d'avis. De la prudence, cher général.

415. См. въ приложеніи письмо генералъ-адъютанта барона Дибича къ графу Сакену, главнокомандующему первой арміи, отъ 15-го декабря 1825 года.

416. См. въ приложеніяхъ содержаніе письма Вадковскаго отъ 3-го (15-го) декабря 1825 года, приведенное во всеподданѣйшемъ рапортѣ генералъ-адъютанта Дибича отъ 11-го (23-го) декабря 1825 года.

417. Всеподданѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта барона Дибича отъ 21-го декабря 1815 года (2-го января 1826 года):

«Стараніе схватить у полковника Пестеля бумаги не могло имѣть желаемаго успѣха, потому болѣе, что, вѣроятно, уже съ давняго времени онъ остерегается».

418. И. Д. Якушкинъ, въ «Сборникѣ записокъ декабристовъ», Лондонъ, 1862, стр. 46.

419. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 530. Всеподданѣйшее письмо генералъ-адъютанта Киселева отъ 16-го января 1826 года. На письмѣ рукою генералъ-адъютанта Дибича написано: «къ свѣдѣнію».

Замѣтимъ здѣсь, что въ бумагахъ Пестеля найдены были дружескія письма къ нему Киселева, въ которыхъ послѣдній между прочими проявленіями дружескаго расположенія называетъ Пестеля «Machiavel». Встрѣчаются и такого рода фразы: «Vous avez une volonté ferme et tous les moyens de la bien employer».—«Mariez vous et quittons le service pour vivre dans la contemplation». (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 530).

420. Военно-ученый архивъ. Отд. секретный. № 48.

421. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ въ воспоминаніяхъ своихъ о возмущеніи Черниговскаго полка («Русскій Архивъ» 1871 года) утверждаетъ, что если бы на мѣстѣ Гебеля былъ другой полковой командиръ, не было бы возстанія; по его отзыву, Гебель не пользовался уваженіемъ офицеровъ и любовью солдатъ. Обстоятельствами Сергѣй Муравьевъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе.

422. «La nouvelle que je reçois à l'instant de la révolte du régiment de Черниговъ par Муравьевъ-Апостолъ au moment même où il devait être arrêté, m'engage sans délai de vous faire part, cher Constantin, que je mets le 3-me corps sous vos ordres, ce dont j'ai écrit à Sacken, et je vous autorise de prendre toutes les mesures que vous jugerez nécessaires pour empêcher les progrès de ce germe de révolte; vous pouvez en conséquence faire marcher toutes les troupes de vos deux corps que vous trouverez nécessaire d'employer, en informant le général en chef pour qu'il puisse de son côté régler les démarches de son armée. Je désirerai éviter de faire entrer en Russie les troupes de l'armée polonaise, à moins que la chose ne devienne indispensable». (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) января 1826 года).

423. Графу Сакену императоръ Николай писалъ 6-го (18-го) января 1826 года:

«A tout considérer et surtout vu l'emploi que l'on fait du nom de mon frère pour révolter les troupes, j'ai cru devoir me décider à charger mon frère lui-même à réprimer la rébellion au cas qu'elle devienne plus grave, en mettant tout le 3-me corps sous ses ordres momentanés. Comme je fais tout connaitre au public, je compte publier aussi cet événement et dire pour montrer ma confiance pleine et entière dans mon frère, que c'est lui auquel j'ai confié de terminer ce scandale, cela ne peut que faire le meilleur effet». (Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 43).

424. Относительно первой роты Черниговскаго полка появился 20-го января 1826 года особый дополнительный приказъ начальника главнаго штаба:

«Черниговскаго пѣхотнаго полка первая гренадерская рота, подъ начальствомъ капитана, что нынѣ майоръ, Козлова, при возникшемъ въ семъ полку мятежѣ, сохранила непоколебимую вѣрность къ престолу и, удаляясь отъ злоумышленниковъ, явилась къ настоящему начальству, гдѣ съ ревностію способствовала въ покореніи мятежниковъ. Государь императоръ, во вниманіи къ таковой вѣрности и отличному усердію, высочайше повелѣть соизволилъ всѣхъ чиновъ оной роты перевесть въ полки лейбъ-гвардіи».

425. «C'est dans cet après midi que j'a eu le bonheur de recevoir votre lettre du 5 (17) de ce mois et je m'empresse de vous en témoigner toute ma gratitude, ainsi que pour la confiance que vous avez bien voulu avoir en moi, de me confier le commandement du 3-me corps d'armée, si le cas deviendrait urgent pour appaiser la révolte de Mou-

ravieff-Apostol. Grâce à la bonté de Dieu le tout est fini et par conséquent je ne me crois plus en droit de m'en mêler, dont j'avise, de même, le comte Sacken». (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 10-го (22-го) января 1826 года).

426. Mon courier et ce qu'il vous a porté d'ici vous prouvera que, tout en espérant dans la bonté Divine, je voyais au pire et que les mesures que j'ai cru devoir vous proposer étaient dans ce sens. La Providence a voulu, il parait, par cet événement donner une nouvelle preuve de son inépuisable miséricorde pour nous, en faisant éclater un événement prévu, avec toutes ses atroces conséquences, et de le faire terminer aussi aisement qu'ici, pour donner une preuve de plus aux incrédules philanthropes du siècle des conséquences de leurs principes et aux honnêtes gens la preuve irrécusable que, s'il y a des coquins, il y a aussi de braves gens qui savent s'y prendre en pareil cas».

427. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», часть 4-я.

Мы упомянули здѣсь, что подозрѣніе въ составленіи прокламаціи пало на совершенно невиновнаго В. Н. Каразина. По всей вѣроятности, прокламація вышла изъ-подъ пера одного изъ будущихъ декабристовъ, но кого именно—это осталось тайною и до сихъ поръ.

428. С. Татищевъ: «Воцареніе Николая I». (Депеша графа Лаферронэ отъ 9-го (21-го) января 1826 года).

429. «Gräce à Dieu dans ces détestables découvertes il n'y a pas eu un seul nom de ceux que feu mon bienfaiteur a daigné soumettre à mon commandement, qui sont compromis. Ici tout est tranquille et dans l'étonnement et dans l'indignation des horreurs de Pétersbourg»,

430. На основаніи показаній Пестеля, условія соглашенія съ членами польскихъ тайныхъ обществъ заключались будто бы въ слѣдующемъ:

1) Независимость Польши съ уступкою провинцій, отъ нея къ Россіи присоединенныхъ.

2) Взаимое содѣйствіе на случай внѣшней войны.

3) Одинаковый образъ правленія.

4) Полякамъ поступить съ цесаревичемъ такъ, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями.

5) Поляки должны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными обществами и никакихъ съ ними условій безъ предварительнаго согласія Южнаго общества не заключать.

Князь Сергѣй Волконскій, принимавшій участіе въ этихъ переговорахъ, показалъ, что, сколько помнитъ, содержаніе условій были слѣдующее:

1) Революція должна быть произведена общими силами.

2) Поляки обязывались заточить всѣхъ тѣхъ членовъ императорской фамиліи, которые будутъ находиться въ Польшѣ.

3) Они не должны начинать никакихъ дѣйствій безъ сношенія съ русскими обществами.

4) Они обязаны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ иностранными обществами.

5) Русскія общества обѣщали Польшѣ независимость и уступку завоеванныхъ областей, сколько будетъ справедливо и возможно.

Карта Россіи, приложенная къ «Русской Правдѣ» Пестеля, разрисованная имъ красками, съ точнымъ обозначеніемъ будущей границы съ Польшею, не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какимъ образомъ авторъ этого сочиненія намѣренъ былъ распоряжаться достояніемъ Россіи.

Варшавскій слѣдственный комитетъ пришелъ къ заключенію, что окончательнаго договора или соглашенія между представителями русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ не было заключено.

431. «Chez nous jusqu'à ce jour, tout est parfaitement tranquille, grâce à Dieu, et j'espère de sa bonté que cela continuera à l'être. Veuillez me permettre de vous faire une

observation, cher frère, au sujet de toutes les dépositions qui vous ont été faites, qu'il me semble que ces malheureux russes s'étant conduits comme indignes de ce nom et ne voyant jusqu'à ce jour aucun polonais de compromis, cherchent à faire, par faute de preuves, des soupçons sur eux; c'est de mon devoir de vous le faire observer, afin que ceux, sur qui la protection de feu l'empereur reposait, ne deviennent pas la victime de l'intrigue, du soupçon et du doute; remarquez de plus que toutes les dépositions faites font sous-entendre que je suis retenu ici, que je dois arriver à Pétersbourg etc. etc. et toutes sortes de choses semblables. Je vous le répète, cher frère, du fond de l'attachement que je vous porte, que ma présence ici leur en impose plus, tant russes que polonais. Réfléchissez y et vous verrez la rectitude de ce que j'avance».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) января 1826 года.

432. «Envoyez, sous quelque prétexte, ou en courier ici quelqu'un, ou bien quelques uns de marquant, qui en revenant prouveront que personne ne bouge et que tout est ici comme du règne de feu l'empereur; c'est une intrigue trop grossière et cousue de fil blanc, pour ne pas s'en apercevoir du premier abord». (Изъ письма цесаревича отъ 9-го января 1826 года).

433. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 26-го января (7-го февраля) 1826 года. Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось отправить Лунина въ Петербургъ.

434. «Voici l'espèce d'interrogatoire fait à Antoine Iablonovsky; vous y verrez si la chose n'est pas de nature, surtout vue d'ici, à exiger des mesures de rigueur, or voici ce que j'ai fait: d'abord voici un office par lequel, sans sortir du train ordinaire, je vous munis des pleins-pouvoirs nécessaires, m'en remettant entièrement à vos décisions là-dessus; mais je crois la chose trop précise et ne doute pas qu'elle le devienne encore plus par les notions locales que vous pourrez avoir et saurez tenir de Iablonovsky. Il faut sûrement user de la plus grande douceur, pour ne pas donner la prise aux mécontents, mais je crois que tarder encore de sévir serait une faiblesse criminelle de notre part: au reste encore une fois liberté parfaite à vous d'agir selon ce que vous trouverez nécessaire».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 28-го января (9-го февраля) 1826 года.

435. «J'ai agi dans cette occasion comme je l'eus fait du temps de feu l'empereur et d'après les ordres qu'il m'avait donnés, c'est à dire de faire agir les polonais, eux-mêmes, dans tout cas grave; la commission d'enquête est composé de tous les personnages les plus marquants et les plus notables du pays, cette confiance fera taire les clabaudeurs, les on dit et autres choses semblables, qui donnent de l'inquiétude aux esprits, et tout le monde se persuadera de ce qui en est. Personne n'a été arrêté que d'après la requisition du comité lui-même, par conséquent je suis absolument de côté et ne peut pas être taxé de partialité et d'arbitraire; je deviens l'exécuteur et non l'ordonnateur des ordres. Ceci est très nécessaire pour tout, afin de prouver de plus la gravité des faits et donner un aplomb à tout ce qui se fait; je suis presque certain que ces messieurs seront encore plus rigides et plus sévères que nous l'eussions été nous mêmes».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) февраля 1826 года.

436. П. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», часть 3-я.

437. Письмо императора Александра къ Костюшкѣ отъ 3-го (15-го) мая 1814 года: «Un peu de temps encore, avec une marche sage et les polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs voeux. Combien il me sera satisfaisant, général, de vous voir mon aide dans ces travaux salutaires! Votre nom, votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis».

П. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. III.

438. «Les papiers trouvés chez le général Kniazevicz viennent à l'appui de ce que je vous disais constamment, cher frère, au sujet des promesses, sur lesquelles les polonais fondaient leur espoir; ce sont des copies de la correspondance du général Kosciusko, et qui répondra qu'il n'en existe de répandues entre d'autres polonais? Lisez la fin de la lettre de feu l'empereur et vous y verrez la clef de toute la société nationale; que voulez-vous que l'on leur dise, après des promesses aussi positives et sur lesquelles ils fondaient leur espoir, de contraire à leur vue et leurs démarches; jugez vous-même de la position des choses et avec impartialité. Je suis certain que peut-être vers la fin du règne de l'empereur il y avait bien des choses sur lesquelles il était revenu, mais c'était trop tard, et la promesse étant une fois donnée, avec tous les documents authentiques, ne pouvait être rétractée; en plus, toute la marche des choses prouverait positivement le but de feu l'empereur pour assurer le résultat qu'il s'était promis, et pas plus tard qu'à son dernier séjour il nous l'a dit positivement à deux reprises, à ma femme et à moi; le même discours a été répété à tout plein de personnes, des militaires et des civils.

«Notre comité d'enquête va son train et je dirai plus, va bien, avec zèle et vigueur. Les polonais, en général, sont indignés et peinés au vif de ce qu'il a pu se trouver de leurs compatriotes en rapports directs avec les révolutionnaires de chez vous; le comité fait tout son possible pour les découvrir tous et la voix publique se prononce dans un très bon sens, en disant que si le russe doit être puni une fois, le polonais doit l'être dix fois, bien entendu, s'ils ont trempé avec les révolutionnaires pour mettre tout en dessus dessous, ou bien même s'ils avaient des vues personnelles pour en faire de même de tous côtés; l'on ne peut pas exiger davantage d'eux, après les promesses que l'on leur a données si positivement. La consternation est générale et tout le monde voit avec peine que les événements ont forcé avec raison d'agir avec sévérité contre les individus de leur nation ayant espéré le contraire, ce qui prouve le bon esprit qui les anime; je fais tout mon possible pour les calmer et je ne cesse à leur répéter que quelques brebis galeuses ne peuvent pas influer sur le reste, une fois qu'elles en seront séparées, et que le troupeau restera beau et qu'il est tel qu'il doit l'être».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 15-го (27-го) февраля 1826 года.

439. «Le contenu de votre dernière lettre m'a fait le plus grand plaisir par les nouvelles que vous me donnez sur l'esprit qui règne à Varsovie; j'avoue que je n'ai jamais eu la moindre inquiétude là-dessus ni doute sur l'effet que devait produire sur des êtres raisonnables, fidèles et aimant l'ordre, la nouvelle des menées tendantes à le renverser sous le masque d'un sentiment fort respectable, mais dont certainement peu de monde peut être la dupe, car entre désirer une chose presque promise, ou bien prévenir le gouvernement dans ses mesures, d'une manière occulte et par conséquent coupable, est une énorme différence.—Ainsi, avec le mode établi par vous, ils ne pourraient qu'y voir confiance entière du gouvernement, et tout en flattant l'amour propre national, la preuve que le gouvernement ne faiblit pas à la vue du danger, mais se met en garde pour prévenir et couper le mal avant l'explosion, il faudrait être fou pour ne pas être content de cela et certainement ce ne sera pas moi qui croirais qu'ils puissent l'être—ajoutez-y le sentiment de reconnaissance qu'ils doivent à notre ange! — Quant à ceux qui, nécessairement quoiqu'en petit nombre, seront innocemment confondus avec les vrais coupables, j'observe qu'il est de l'intérêt de tout homme d'honneur de désirer d'être disculpé tôt ou tard de toute suspicion, or savoir que l'on est soupçonné et ne pas avoir la faculté de se justifier, est, quant à moi, un sentiment insupportable. Nous arrêtons, non pour chercher des victimes, mais pour chercher à justifier les calomniés. Tout ce que vous avez fait pour l'enquête est parfait et ne peut qu'avoir les meilleures suites».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го февраля (4-го марта) 1826 года.

440. «D'après ce que je lis dans les dépositions de Iablonovsky, je n'aperçois rien autre qu'une suite naturelle de la position de ce pays ci et des discours tenu du haut du trône lors des trois diètes qui ont eu lieu. De plus tous ces messieurs voient la vieille

Finlande réunie à la nouvelle et non la nouvelle à la vieille, et je vous le demande comment ce que vous voulez qu'un exemple pareil ne leur tourne pas les têtes? Les paroles et les idées de feu l'empereur leur étaient connus à tous puisqu'il ne leur a pas caché et même en dernier lieu en l'ayant manifesté tant au civil qu'au militaire. — En bonne foi pouvez vous le leur reprocher? Mettez vous à leur place et supposez que la Russie soit devenu état de partage comme la Pologne, qu'auriez vous fait et pensé vous-même? Mettez tout ceci sous les yeux de l'empereur—ce que les couleurs jaunes et cramoisies ne sont pas en évidence comme ici ainsi qu'en Lithuanie.—Sont ils donc aveugles et sourds?—Les projets de feu l'empereur m'étaient connus, en un mot je prie que l'on réfléchisse un peu sur tout le passé et que l'on se mette à ma place ici. L'on verra la difficulté dans laquelle je me trouve pour agir.—Au reste ne sachant qu'obéir, je le ferai présentement comme je le faisais par le passé avec le même zèle et le même dévouement.—L'empereur à son avénement au trône et par son manifeste à ce pays-ci a promis de marcher sur les traces de feu l'empereur, ce qui a charmé tout le monde, maintenant l'on y verra peut-être autre chose. — La vérité doit être dite et je la dis telle qu'elle se présente à ma judiciaire et jusqu'à ce que l'on me permettra de la dire et que l'on voudra l'entendre de moi. Si je recevrai l'ordre de me taire, je m'y soumettrai avec toute l'obéissance que vous me connaissez depuis que j'existe. Lisez tout ceci à l'empereur, il est nécessaire qu'il le sache pour fixer son opinion».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) февраля 1826 года.

441. «D'après les intentions de l'empereur et les ordres qui me furent communiqués par le comte Grabowski à cet effet, je viens d'être revêtu de pouvoirs pour ainsi dire dictatoriaux et discrétionnaires pour commencer les enquêtes dans ce pays-ci depuis les déclarations du prince Iablonovsky. Vous sentirez vous-même et je vous prie de fixer l'attention de sa majesté à ce sujet, que ma position dans ce pays devient des plus délicates et des plus difficiles par les circonstances elles-mêmes. Ne sachant qu'obéir et me réglant sur les intentions que feu mon bienfaiteur m'avait donné quand à ce pays et la marche à y suivre, j'ai cru bien faire d'instituer à l'instar de Pétersbourg une commission d'enquête, dont je me réserve la direction et la surveillance, et comme les individus qui pourraient y être appelés, être interrogés et arrêtés même, seraient des sujets de l'empire et du royaume, ainsi que des russes, j'ai nommé pour y siéger, M. M. Nowosiltzow, Kourouta, Kriwzow, Kolsakow et Morenheim, membres russes, le comte Zamoiski, président du sénat, Sobolewski, ministre de la justice, comte Grabowski, ministre des cultes, Haucke, ministre de la guerre, le palatin comte Grabowski et le général Rautenstrauch, pour tenir la plume. Il y a ici des hommes de toutes les couleurs, de toutes les opinions, et tous revêtus de fonctions publiques. Leur façon de faire les démasquera et fermera la bouche aux dires et aux claboderies du monde, et ils verront clair alors ce qui en est et quel est le but des perturbateurs de l'ordre établi.—La plus grande publicité et la plus grande confiance dans ces messieurs les forcera d'agir et de frapper les coupables, c'est un indiciam delegate mixtum. Toutes ces enquêtes secrétes sont contraires à l'opinion et à l'esprit du siècle, et comme nous sommes ici sous un ordre de choses constitutionnel le tout reste en règle. Dites moi ce que vous dira l'empereur; je n'ai pas pu mieux agir d'après ma façon de voir».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича Ф. П. Опочинину отъ 7-го (19-го) февраля 1826 года,

442. Цесаревичъ приложилъ къ своему письму списокъ лицамъ, арестованнымъ по распоряженію комитета, учрежденнаго для изысканія тайныхъ обществъ:

Графъ Солтыкъ, сенаторъ, каштелянъ царства Польскаго.

Гржимало, рекетмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ царства Польскаго.

Илихта, секретарь въ канцеляріи онаго же совѣта.

Кожуховскій, библіотекарь сего же совѣта.

Дембекъ, каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ.

Прондзинскій, подполковникъ польской квартирмейстерской части.

*

Кршижановскій, подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго Конно-Егерскаго полка.

Мицельскій, адъютантъ его императорскаго высочества цесаревича, онаго же полка капитанъ.

Малаховскій (Густавъ), сынъ сенатора, кастеляна царства Польскаго; онъ служилъ прежде чиновникомъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Лелевель, сеймовой посолъ Станиславовскаго обвода.

443. Въ 1814 году цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ графу В. Ф. Васильеву: «Le duché de Varsovie doit exister comme il est sans augmentations, et doit être gouverné par un russe à la russe».

444. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 12-го (24-го) марта 1826 года.

445. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXXIII, стр. 620.

В. А. Бильбасовъ: Екатерина II и Гриммъ. «Русская Старина», 1893 года, т. LXXVII, стр. 521.

Въ заключеніе письма отъ 5-го апрѣля 1795 года Екатерина пишетъ: «Vous voyez que dans cette dissertation la politesse a cédé à l'envie de vous faire rire; au reste les dissertations des pédants ne sont pas toujours polies quand la colère ou le zèle les emporte, comme vous le savez très bien, et moi, je me suis ferré à glace sur tout cela en maniant archives et chroniques, comme vous ne l'ignorez pas non plus».

446. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXXIII, стр. 647.

447. Въ перепискѣ Лагарпа съ Станферомъ встрѣчаются еще слѣдующіе отзывы императора Александра о Польшѣ:

«Comment,—me disait chaleureusement en 1814 Alexandre I,—un homme de bien renoncerait-il à avoir une patrie? Si j'avais été polonais, j'aurais cédé à la tentation à laquelle ils ont succombé. Mon intention est de leur rendre de cette patrie tout ce que je pourrai, de leur donner une constitution que je me réserve de développer à mesure qu'ils m'inspireront plus de confiance».

Aus Philipp Stapfers Briefwechsel. (Quellen zur Schweizer Geschichte). Basel. 1891. B. 2, p. 449.

448. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

449. Lisicki: Le marquis Wielopolski. Vienne. 1880. T. I, p. 86.

450. «Ma conviction intime me reste que de continuer à nourrir et soutenir des idées prouvées impossibles à réaliser par des inconvénients d'une importance et d'une conséquence majeure serait manquer à tous nos devoirs de russes. Vous l'avez dit à Grabowski vous-même: «Soyez polonais, quant à moi je suis et resterai russe», et moi je dis: «Soyez polonais et moi je serai l'un et l'autre»: or je devrais cesser d'être russe à mes propres yeux si je voulais croire qu'il fut possible de séparer la Lithuanie de la Russie proprement dite. Ainsi laissons les choses sur le pied actuel; n'allons pas au delà, tenons tête à ceux qui veulent aller au delà et laissons du moins dans la troupe l'esprit que vous avez si bien maintenu jusqu'ici, qu'ils sont russes. Me voilà bien loin dans une discussion fort importante et puisque m'y voilà sans m'en douter, entrainé par le coeur qui s'ouvre toujours quand il s'adresse à vous, j'ajouterai, que je suppose fort utile de croiser dans la troupe tant que possible des russes parmi les officiers avec les lithuaniens. Les corps des cadets sont là pour cet objet. N'allez pas croire que j'écrive à la dictée de quelque influence; c'est tellement pur que ce n'est qu'avec Опочининъ que j'en ai jamais parlé».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) марта 1827 года.

451. «Quant à l'article de la Lithuanie, c'est une autre thèse qui est trop longue pour une lettre et surtout griffonnée et rédigée par moi. Veuillez me permettre de consigner mes idées dans un mémoire que je vous enverrai dès qu'il sera fait; mais ce que je me permettrai de dire ici, c'est que j'étais, suis et serai russe tant que je vivrai, de coeur et d'âme, mais pas un de ces russes aveugles et imbéciles qui ont pour principe

qu'il leur est tout permis et aux autres rien. Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступя на горло — c'est un proverbe très usité entre les nôtres qui m'a fait toujours horreur. La seule science positive de ce bas-monde, ce sont les mathématiques et elles prouvent que lorsque les données sont fausses — les résultats le deviennent; une cause injuste ne deviendra jamais juste, ce ne serait que des palliatifs plus nuisibles qu'autre chose».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1827 года.

452. «Au reste il n'y a pas de polonais de quel parti qu'il ne soit, qui ne fut persuadé de la vérité que leur pays a été spolié et non conquis par l'impératrice Catherine durant les trois partages qui ont eu lieu et qui l'a fait durant la paix et sans déclaration de guerre et en y ayant employé tous les moyens les plus honteux, et dont chaque âme honnête aurait répugné. Le seul royaume de Pologne est de bonne prise et sanctionné par des traités après une guerre et à la suite de la paix; ceci est senti par tout le monde et par l'univers entier, la conquête est le fruit de la victoire, lorsque la spoliation est un larcin honteux et qui tôt ou tard rejaillit sur le spoliateur».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года).

Цесаревичъ выражался вообще всегда крайне рѣзко, когда ему случалось въ разговорѣ и въ письмѣ коснуться политической дѣятельности Екатерины II. Такъ, напримѣръ, 2-го іюня 1812 года Константинъ Павловичъ писалъ графу В. Ф. Васильеву:

«Les circonstances présentes ne sont qu'une suite de la fin du règne de Catherine, qui, très brillant en scèneries, n'a été rien autre chose, comme l'on dit vulgairement, que de la poudre aux yeux; vu que le partage de la Pologne a été l'exemple et le signal d'enfreindre, tout ce qui a été sacré jusqu'alors dans le monde, comme traité, serment, fidélité du peuple envers son souverain, et sous le dehors de la justice appuyée par des bayonnettes et des canons, dans une époque où le jacobinisme rompt par la guillotine tous les sus-dits freins». («Русскій Архивъ» 1881 года, книга 1-я, стр. 129). Такимъ образомъ, по мнѣнію цесаревича, оказывается, что императрица Екатерина своею политикою въ Польшѣ вызвала проявленіе якобинизма въ Европѣ, увѣнчавшееся движеніемъ Наполеоновской Франціи противъ Россіи: 1812 годъ поставленъ въ прямую связь съ царствованіемъ Екатерины II!!

453. «Ma conscience m'oblige, cher Constantin, à revenir à un article trop important pour ma responsabilité et pour l'avenir, pour que je ne prenne la résolution de vous en parler encore, au risque de vous trouver d'une opinion contraire. Tant que je suis au poste, où vous et feu notre ange m'avaient placé, je ne puis, ni ne dois rien faire d'inconséquent, or j'en commetrai une des plus impardonnables fautes, en ne veillant point a ce que mes démarches soient conformes à ma pensée dans un point des plus graves de mes fonctions. Je ne puis admettre aucune possibilité, tant que j'existe, à ce que des idées de réunion de la Lithuanie à la Pologne puissent être encouragées, car, dans ma conviction, c'est une chose infaisable et qui ne pourrait qu'entrainer les suites les plus funestes pour l'empire. Cela ne m'empêche pas d'être tout aussi bon polonais que je suis bon russe, je l'ai prouvé et je le prouverai en toute occasion par la stricte et fidèle observation et garantie des privilèges que feu notre ange a accordé au royaume; mais toute tentative au delà, au détriment de l'empire proprement dit, tant que j'existe, je ne puis la souffrir; en conséquence je ne puis nourrir aucun espoir pareil, encore moins l'encourager. Le moment actuel devient d'autant plus essentiel et important qu'une partie du noyau russe, qui compose les régiments du corps (composé) de Lithuaniens (les) quitte; en recomplétant le corps uniquement de Lithuanie, c'est dire à chacun que je persiste dans ce point dans les vues probables de notre ange. Ce serait mentir que de me les supposer ou que je les fasse subsister; il est de rigueur donc qu'une partie de votre complétement soit prise parmi les provinces russes et, qu'en échange, une partie de celui des provinces lithuaniennes passe dans les autres corps de l'armée. Les vieux officiers russes de votre corps disparaissent malheureusement et la plupart des jeunes

sont polonais; dans dix ans les régiments ne seraient russes que de nom et polonais dans le fait; il est donc temps d'y obvier. Je vous propose donc de garder p. ex. les recrues de Grodno, Volhynie, Bialostock et Minsk et de céder ceux de Wilna et de Podolie au reste de l'armée; je vous proposerai en échange ceux de Pskow et Twer etc. ou bien d'autres à votre choix. Une autre fois nous changerons de gouvernement, pour que les races se croisent.

«Il m'est pénible de toucher cette corde, mais c'est mon devoir devant Dieu et devant vous, car jamais je ne pourrai vous tromper au risque de vous déplaire momentanément; veuillez me donner votre réponse le plus tôt possible et par courier, car le temps presse».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года.

454. «Maintenant, cher et excellent frère, veuillez me permettre de vous présenter le mémoire ci-joint et que ma fidélité à mes maitres durant 32 ans passés m'a suggéré. Une expérience longue, des observations continues durant tout le cours de mes services, aucune vue personnelle — en un mot rien autre que ma franchise et ma loyauté y sont énoncées avec autant de clareté que j'ai pu seulement y mettre; lisez le avec attention, avec bonté, bienveillance et indulgence. Feu l'empereur m'avait accoutumé de lui en adresser de temps à autre et en était content. La vérité y est telle que je la vois; je ne la soumets pas à une petite et retrécie politique, mais j'y expose des vues grandes magnanimes, nobles et pures et qui vous montreront à la vue du monde ce que doit être le souverain d'un grand empire. Au reste, si je m'étais trompé, si ma démarche vous paraissait osée ou déplacée, veuillez me le pardonner et n'y reconnaitre qu'un zèle et un dévouement pour votre auguste personne; cela me servira d'avis pour l'avenir de ne pas user d'un droit acquis sous feu notre empereur et qu'il m'avait recommandé et ordonné d'avoir; maintes fois il m'avait grondé d'en avoir usé avec trop de discretion et, pas plus tard qu'à l'infâme affaire Séménovski, où il était peiné de n'avoir pas agi d'après mes conseils. N'allez pas me croire un présomptueux d'oser vous en donner, — bien loin de moi une idée semblable, mais exposer à un frère les sentiments d'un coeur dévoué ne sont pas des conseils, mais un tribut que l'on rend à l'attachement inviolable qu'on lui porte. En résumé lisez le mémoire et faites en ce qui bon vous semble et j'aurai rempli les devoirs de ma conscience pure et nette devant Dieu, vous et les hommes».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 31-го октября (12-го ноября) 1827 года.

455. «J'en viens à des reproches vis-à-vis de vous cher, bon et excellent Constantin, pourquoi m'injuriez vous en mettant des doutes à ce que je puisse jamais recevoir des avis de votre part autrement que comme des marques palpables d'intérêt et de cette amitié, à laquelle je tiens tant et qui fait réellement mon bonheur! Si je suis quelquefois d'un avis différent du vôtre, faut-il en déduire que les vôtres puissent jamais cesser de m'être chers et souvent précieux parce qu'ils m'éclairent? Ainsi, j'espère voilà qui est dit pour l'avenir.

«Je jugerais à peu près comme vous, cher Constantin, l'objet de votre mémoire, si nous ne partions de points de raisonnement différents. La Prusse, ni l'Autriche, n'ont point de Pologne, excepté leurs possessions de Posen et de Galicie; ces deux provinces sont fondues dans les deux états auxquels elles appartiennent, et du moins en Prusse, outre le nom, aucune différence n'est perceptible entre cette province et les autres du royaume et, je crois, qu'en Galicie c'était de même jusqu'à ce moment. La Lithuanie etc. est province russe, elle ne peut retourner à la Pologne parce que ce serait attenter à l'intégrité du territoire de l'empire, exemple qui a été pour le gouvernement de Wibourg et qui entraine déjà de graves inconvénients, au point qu'il est possible qu'il retourne à l'empire proprement dit. Partant de ce principe, je vois qu'en Autriche et en Prusse le même uniforme subsiste partout et je ne vois pas de particulier pour les troupes de ces provinces qui font partie du reste de l'armée. Chez nous, un uniforme particulier existe pour ce corps; tant que ce sont des russes qui le portent, il n'est d'aucune conséquence

car telle couleur qu'on leur fasse porter, ils resteront russes; il en est autrement des polonais, aux yeux desquels cette couleur acquière une signification qui tend à soutenir en eux l'espoir, désormais impossible, de retourner au royaume, en se détachant de l'empire. Il est donc de mon devoir comme honnête homme d'atténuer cet espoir tant que je puis, et au moins de ne pas l'encourager évidemment, en persistant à la première occasion ostensible dans un système que je ne puis partager.

«Voilà, cher Constantin, ma confession franche et loyale, telle que je la ferais devant Dieu.

«La fidélité du corps de Lithuanie a été exemplaire et c'est un nouveau titre pour vous à la reconnaissance de la patrie; mais, cher Constantin, j'aime mieux savoir qui sont les mécontents tout de suite, que de les créer en les trompant toujours par le non-accomplissement d'espoir imprudemment soutenu et encouragé. Des polonais répandus dans la troupe russe seront aussi bons soldats qu'ils furent toujours, les nobles iront de préférence servir, peut-être dans le royaume, ou bien ne serviront pas; eh bien, dans vingt ans, avec l'aide de Dieu, cet état de chose s'atténuera, car les impressions seront moins vives, moins rudes. Si je me trompais, je le répète, j'aime mieux savoir d'avance sur qui je puis compter, et l'honnête homme parmi eux-mêmes me rendra justice en disant: je le hais parce qu'il n'accomplit pas nos voeux, mais je l'estime, parce qu'il ne nous trompe pas».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года.

456. «Permettez, cher Constantin, qu'à titre de papa je vous exprime un voeu que vous, comme père aussi, ne me refuserez pas et me pardonnerez, peut-être, mon indiscrétion importune. Je fais ce que je puis pour donner à mon ainé l'habitude des langues, qui lui sont nécessaires; c'est ainsi qu'outre le russe, il sait le français et l'allemand au point de pouvoir les parler et apprend le polonais et l'anglais; il faut que le polonais surtout lui soit aussi familier, s'il se peut, que le russe; il ne peut acquérir cette facilité que par la nécessité et l'habitude constantes de devoir le parler. Pour parvenir à ce but, j'ose vous supplier de faire le choix d'un vieux soldat, sûr, sachant bien son affaire comme soldat de front et ne sachant que le polonais. Je désirerai que ce vétéran fut près de mon garçon à titre de дядька, comme il en a un déjà de son régiment d'ici qui, tout en surveillant pendant ses jeux, l'exerce et lui fait faire les choses comme il le faut. Ayant donc pour le même but un polonais près de lui, il acquerra l'habitude de parler le polonais, sans qu'il s'en doute. Pardonnez moi de vous adresser une demande pareille et n'y voyez que la confiance entière que je mets dans votre amitié et dans vos bontés pour moi et nos bambins».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года.

30-го ноября (12-го декабря) цесаревичъ по этому поводу отвѣчалъ государю «Quant à l'envoi et au choix du soldat polonais comme дядька pour notre cher petit Alexandre, j'ai déjà donné mes ordres pour en chercher un. J'ose vous supplier de me donner un peu de temps, afin que le choix corresponde parfaitement à votre attente sous tous les points de vue possibles».

457. «L'on veut des lois et l'on commence par empiéter sur celles qui existent. Le duché de Varsovie doit exister comme il est sans augmentations, et doit être gouverné par un russe à la russe, mais faire corps separé. J'en ferai bien mon affaire. Mais le mieux serait de le partager d'après l'ancien partage. Préserve le ciel de faire des démembrements de la Russie sous aucun prétexte. Malheureusement nous en avons fait un en Finlande qui n'est pas des moins ridicules. Quelle gloire pour nous que ce que l'ennemi n'a pu faire, nous le ferons nous-mêmes, c'est l'histoire du pélican à rebours. Aussi l'on voit que quelquefois les parodies plaisent davantage que les originaux».

«Русскій Архивъ» 1882 года, книга 1-я, стр. 159.

458. Письмо цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1827 года.

«Je ne vous parle plus ici des polonais et de vos vues,—ce n'en est pas le temps,—je me flatte de l'espoir qu'ils sauront mériter au champ d'honneur votre estime et votre

approbation, et j'en ai la conviction intérieure et que ceux qui veulent et aiment à les faire passer pour ce qu'ils ne sont pas leur rendront justice. L'idée de feu l'empereur était d'en faire ses hongrois et j'aime à me persuader qu'ils sauront justifier cette attente».

Въ 1835 году Лагарпъ писалъ Станферу: «C'était d'une nationalité hongroise dont il s'agissait pour eux (т.-е. для поляковъ)».

Aus Stapfers Briefwechsel. B. 2, p. 455.

459. Насколько встревожилось русское общество намѣреніемъ императора Александра дать внутреннее расширеніе королевству Польскому насчетъ Россіи, можно видѣть изъ того, что произошло въ средѣ будущихъ декабристовъ при полученіи о томъ извѣстія въ Москвѣ въ 1817 году. Якушкинъ въ пылу негодованія вызвался на цареубійство! Испуганные товарищи удержали его отъ сего преступнаго намѣренія. На этой почвѣ, въ смыслѣ протеста, сошлись мыслями и самые крайніе консерваторы и передовые люди, примкнувшіе къ тайному обществу.

460. «Maintenant il s'agit de savoir comment sera terminé le jugement des polonais; le public en parle peu, mais les malveillants attendent et espèrent trouver matière à la critique. L'histoire de la nationalité s'y rattache et chaque nuance sera saisie avec empressement. C'est un pas assez difficile, d'autant qu'il fera lois pour le plus ou moins d'espérance à donner à la Pologne, pour le plus ou moins d'atteinte porté à l'amour propre de la Russie. Cette grande question de la Pologne est l'écueil contre lequel s'est brisé l'amour des russes pour l'empereur Alexandre; nous ne l'avons que trop senti, que trop vu par l'enquête. Je conçois, mieux que le public, toutes les difficultés presque insurmontables qui entourent notre maître, mais il faut que son but tende toujours à les applanir sans les rompre, et à modifier les trop grandes prétentions de la mère patrie, en paraissant en partager l'opinion. Ce bel ouvrage sera la force du règne, et basera la tranquillité des règnes futurs».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

461. Михайловскій-Данилевскій: рукописный журналъ 1825 года.

462. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 34.

463. Письмо императора Николая къ князю Волконскому отъ 23-го декабря 1825 года.

464. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: «Дѣло о слухахъ, распространявшихся въ Москвѣ предъ вшествіемъ въ оную тѣла блаженныя памяти государя императора Александра Павловича, 1826 года».

465. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40: «Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра, восшествія на престолъ императора Николая и по другимъ случаямъ».

466. Изъ всеподданнѣйшаго донесенія московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына.

467. Изъ всеподданнѣйшаго донесенія московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына.

31-го декабря 1825 года князь Голицынъ въ письмѣ къ императору Николаю спрашивалъ:

«La seule chose sur laquelle j'ose demander ses ordres précis, c'est qu'au cas que le peuple montre un vif désir de dételer les chevaux du char funèbre et de trainer eux-mêmes, faudra-t-il le leur permettre, ou bien les retenir. J'espère qu'au cas où votre majesté ne le désire pas parvenir à l'empêcher».

Императоръ Николай на письмѣ князя Голицына положилъ слѣдующую резолюцію:

«Отвѣчать, что я считаю нужнымъ отклонить народъ отъ того, чтобъ на себѣ везъ тѣло, для избѣжанія всякаго безпорядка въ Москвѣ, а подавно здѣсь, гдѣ бы вѣрно, по примѣру Москвы, захотѣли бы то же сдѣлать».

Повелѣніе государя было сообщено князю Голицыну барономъ Дибичемъ 4-го января 1826 года, но 25-го января дополнено слѣдующимъ распоряженіемъ:

«Если бы, сверхъ чаянія, не было уже никакой возможности отклонить отъ того народъ, то, по крайней мѣрѣ, полиція обще съ градскою думою должны найти сред-

ство устроить на таковой случай особый порядокъ, стараясь избѣгать всякаго замѣшательства».

Какъ выше упомянуто, только при выступленіи изъ Москвы, у самой заставы, начальству пришлось уступить народнымъ мольбамъ, безъ всякаго ущерба въ сохраненіи порядка.

468. 16-го (28-го) января 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Tout va bien ici. Mes gastes voient les troupes ce qui me donne bon prétexte de les voir et je puis dire, avec sincérité et justice, qu'elles sont parfaitement bien, et que notre ange, s'il les voit, est sûrement satisfait».

469. С. Татищевъ: «Воцареніе императора Николая».

(Донесеніе виконта де Сенъ-При барону Дамасу отъ 8-го (20-го) и 17-го (29-го) января 1826 года).

470. Воспоминанія моей жизни, записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. «Русская Старина» 1872 года, т. VI, стр. 138.

471. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin, 1891, Band I, p. 20).

472. Казанскій соборъ убранъ былъ по плану архитектора Росси, а Петропавловскій—архитектора Монферана.

473. «Les malheureuses journées qui ont précédé le 13, m'ont privé presque de toutes mes facultés physiques et morales; ce n'est que depuis hier que je respire un peu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) марта 1826 года.

474. «Je conçois parfaitement, cher frère, l'état où vous avez dû vous trouver durant l'époque qui a précédé la cruelle journée du 13, je l'ai vivement partagé dans mon éloignement. grâces en soient rendues à l'Être Suprême que toute notre famille l'a supporté avec courage et résignation et que les restes de notre cher et immortel empereur reposent en paix».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года.

475. «En général vous ne sauriez croire, ou plutôt vous le croirez facilement, quelle pénible sensation on éprouve ici, tout est comme de son temps, dans sa chambre: son chapeau, ses gants, ses épaulettes, mouchoirs etc., tout absolument comme s'il devait y être; on le cherche à tout moment, chaque lieu le rappelle au point que souvent on peut s'oublier; mais aussi le moment de l'affreux réveil de cette illusion est insupportable».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года.

Цесаревичъ отвѣчалъ 7-го (19-го) мая: «Tous les détails que vous m'avez donné sur notre patrie et sur le cabinet de feu notre empereur m'ont fendu le coeur; j'avoue que toutes mes pensées s'y rattachent continuellement».

476. По указу сенату, данному 28-го марта 1826 года, объявлена была еще новая милость генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи «за точное исполненіе ими обязанностей по случаю происшествія, случившагося въ здѣшней столицѣ 14-го декабря»; тѣмъ изъ нихъ, которымъ въ приказахъ объявлена была высочайшая признательность и благоволеніе, повелѣно убавить одинъ годъ изъ 25-тилѣтняго срока, опредѣленнаго на выслугу военнаго ордена св. Георгія.

477. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 18-го (30-го) карта 1826 года:

«Voici une médaille que notre ange avait promise et qu'il n'a pas eu le temps de distribuer; c'est donc une dette envers l'armée, que je me suis fait un devoir de payer à la mémoire de notre adorable ange; veuillez accepter celle-ci, elle a été posée sur son cercueil, c'est comme si elle venait de lui! Tout ce qui le rappelle ou a rapport à lui est une chose sacrée et nous ne saurions trop ramener à son souvenir ceux qui lui doivent leur gloire et leur bonheur; c'est une égide dont il faut se couvrir et une boussole pour nous, ses frères, pour agir en gens de bien. Demain nous aurons revue de tout le corps, que j'ai gardé ici pour cette occasion et pour le faire voir au duc de Wellington».

27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года цесаревичъ отвѣчалъ:

«Recevez tous mes plus sincères remerciments pour la médaille que vous avez bien voulu m'envoyer pour la bataille de Paris, je la conserverai précieusement; je ne m'en suis pas encore revêtu, attendant pour le faire que tous mes sous-ordres la reçussent pour le faire ensemble: en attendant veuillez donner des ordres que l'on m'en fasse de plus petites, telles que feu l'empereur en portait l'année 1812, puisque celle-ci est plus grande et ne coincide pas avec les deux autres dont je suis décoré et qui sont de la grandeur dont je parle».

478. Е. П. Ковалевскій: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 141.

479. Позднѣе, въ январѣ 1826 года, Поццо-ди-Борго писалъ графу Нессельроде: «Сила и природа вещей влекутъ Францію къ Россіи. Ихъ союзъ изолируетъ Англію и дѣлаетъ для нея невозможнымъ образовать континентальные союзы».

480. Ф. Мартенсъ: Императоръ Николай и королева Викторія. «Вѣстникъ Европы», 1896 года (ноябрь), т. VI, стр. 77.

481. «Wellington est ici depuis jeudi, très vieux et cassé. Dès la première entrevue il m'a dit, entre autres choses, être chargé expressement par son gouvernement de me faire des propositions pour terminer à nous deux, la Russie et l'Angleterre, l'histoire des grecs; j'ai fait le surpris et l'ai laissé dire; après quoi je lui dis que je ne pouvais prendre ce qu'il me débitait que comme une question toute nouvelle, car quant à ce qui regardait les intérêts de la Russie avec la Porte, en un mot nos griefs, sa majesté l'empereur ayant rompu toute communication ou négociation ultérieure avec les cours étrangères sur cette matière, ce ne serait pas moi, qui y pourrait rien changer, ni manquer à la mémoire de notre ange, ni à ma parole, en déviant de la conduite que lui m'avait pour ainsi dire légué à tenir; qu'ainsi j'en faisais mon affaire particulière et que j'espérais la terminer avec l'aide de Dieu seul. Que dans tout cela il ne s'agissait pas des grecs, que je ne considérais, tant que l'empire Ottoman existe, que comme ses sujets rebelles.

«Il me répondit qu'il me comprenait parfaitement et qu'il m'accordait le droit d'en finir avec ces messieurs, mais que ce dont lui était chargé regardait seulement l'affaire grecque, qu'il allait dans quelques jours me faire connaitre la notion détaillée de ses instructions et propositions, mais que pour fond de tout il mettait en base que nous étions puissances amies des turcs, qu'ayant, de part et d'autre, aucun grief contre eux. Là-dessus je lui observais que je supposais qu'il devait être mal informé, car non seulement nos griefs n'ont pas été levés, mais qu'ils étaient tels, qu'il y a quatre ans. Il en a paru surpris et rompit court.

«J'ai ordonné à Nesselrode de vous envoyer un résumé complet de toute l'affaire d'Orient, qui vous fera voir en détail l'état de l'affaire. Il faut en causer absolument, et je suis convaincu et résolu de leur parler enfin avec vigueur; je doute que cela ne soit efficace et si l'on ne nous écoute pas, je suis résolu à faire occuper les principautés sans mettre le pied sur le territoire des turcs. C'est avec peine que nous contenons les serviens et si cela dure ils seront en pleine révolte».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го февраля (4-го марта) 1826 года).

Любопытно, что въ дальнѣйшихъ переговорахъ императора Николая съ герцогомъ Веллингтономъ, государь коснулся извѣстныхъ сторонъ восточнаго вопроса, напоминающихъ собою нѣсколько содержаніе извѣстныхъ бесѣдъ съ лордомъ Сеймуромъ въ 1853 году, а именно слабости государственнаго организма Турціи, которая грозитъ скорымъ ея разрушеніемъ, и что поэтому слѣдовало бы предусмотрѣть возможность подобной случайности.

«Умретъ ли Турція отъ внутренняго истощенія или отъ внѣшняго насилія,—все равно; благоразуміе требуетъ не дожидаться открытія ея наслѣдства, чтобъ узнать наслѣдниковъ. Я готовъ объясниться объ этомъ съ Англіею». — сказалъ императоръ Николай.

Веллингтонъ отвѣчалъ: «вопросъ легче было бы разрѣшить, если бы въ наслѣдствѣ послѣ султана Махмуда было два Константинополя. Я согласенъ, что Турція очень больна, но эта болѣзнь продолжается уже болѣе трехъ столѣтій».

Такимъ образомъ оказывается, что одинъ и тотъ же вопросъ и въ одинаковой постановкѣ привелъ въ началѣ и въ концѣ царствованія императора Николая къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Перемѣнился собесѣдникъ государя, измѣнилась и политическая обстановка. Во Франціи уже не царствовалъ болѣе Карлъ X, и монархія Бурбоновъ преобразилась во вторую имперію, съ Наполеономъ III во главѣ.

Отмѣтимъ еще одинъ анекдотическій эпизодъ изъ разговоровъ герцога Веллингтона съ государемъ. Фельдмаршалъ коснулся 14-го декабря и позволилъ себѣ обратиться къ своему царственному собесѣднику съ страннымъ вопросомъ: «Sire, avez vous eu bien peur ce jour-là», и получилъ отвѣтъ: «Autant que vous, monsieur le maréchal, à Waterloo avant l'arrivée des prussiens».

Переписка герцога Веллингтона за время его пребыванія въ Петербургѣ въ 1826 году помѣщена въ изданіи: «Despatches, correspondance and memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington». London, 1868, v. 3.

482. 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года императоръ Николай писалъ къ цесаревичу Константину Павловичу:

«J'ai les meilleures réponses de Vienne, Paris, Berlin et Londres, tous sont d'accord que nous avions droit de faire ainsi et, qui plus est, que c'était la seule manière d'en finir avec droit et honneur, tout en étant ultra correct; partout des ordres positifs et puissants ont été donnés aux envoyés de Constantinople, surtout de Vienne et Paris, et communication m'en a été faite... Que Dieu nous soit en aide et nous épargne cette guerre, qui, toute juste qu'elle serait, serait toujours un fléau».

483. Приведемъ здѣсь одинъ изъ отзывовъ Меттерниха о Каннингѣ: «Ce n'est pas un incendiaire, mais dès qu'une incendie éclate, on est sûr de le trouver entre le feu et les pompes».

Генцъ не отставалъ отъ австрійскаго канцлера въ бранн, расточаемой противъ Каннинга, называя его: «un pitoyable ministre».

484. «Tout ce que vous a dit le maréchal Wellington sur l'affaire des grecs ne m'a pas du tout surpris et j'étais sûr d'avance que c'était le but réel de son voyage. J'attends avec la plus vive impatience les notions que vous me prommettiez, cher frère, et que le comte de Nesselrode doit m'envoyer; en tout cas c'est une circonstance délicate et des plus compliquées que cette affaire des turcs et de notre position vis-à-vis d'eux. Je ne conteste pas que feu l'empereur a été cruellement trompé et dupé de sa bonne foi par la manière de faire de nos amis, comme vous les appellez... de plus il voulait paraître tel, mais au fond je ne puis l'admettre et je lui ai entendu maintes fois dire des choses qui prouvaient le contraire. Feu l'empereur était content de cette sorte de marche des affaires. afin d'éluder d'entrer en besogne avec les turcs, puisque l'occupation des principautés, pure et simple et sans empiéter le territoire turc, est une action déjà hostile envers eux et qui, malgré toutes les assurances que l'on donnerait à l'évacuation une fois les griefs rétablis, donnerait un terrible éveil et une secousse à l'Europe entière; lisez un peu ce qu'en disent déjà toutes les gazettes libérales françaises et allemandes et le désir qu'elles manifestent que vous occupiez les principautés, ceci est une preuve équivoque qu'il se cache là-dessous quelque chose de plus sérieux et que l'on attend que vous fassiez ce pas pour qu'en Europe il éclate Dieu sait quel événement, plus que sérieux, dis-je; au lieu donc de vous avoir tout entier pour vous opposer contre ce qui arrivera en Europe, vous aurez vos moyens paralysés et voilà sur quoi ils comptent pour leur réussite: de plus, à quoi vous ménera l'occupation des principautés et quel est le but que vous voulez atteindre? Est ce que ce peu de troupes turques vous gêne, qui y est?—je ne le pense pas.—C'est pour retablir votre commerce de la mer Noire, ou pour effrayer par-là les turcs? Je ne crois pas que vous puissiez atteindre ce double but, puisque dans ces deux hypothèses, vous aurez toujours les anglais contre vous; j'admets que votre commerce de la mer Noire se rétablisse et qu'il parvienne jusqu'à Constantinople, auriez vous atteint votre

but? Je ne le pense pas, puisque les anglais en fermeront les débouchés dans l'Archiple, dont ils sont les maitres, vu que personne ne peut le leur empêcher. Quant aux turcs, ils ne sont pas si effroyables qu'on ne le pense; ils sont de fait fanatiques et par conséquent persévérants et ils verront par-là que ce qu'ils appréhendaient vient d'arriver et croiront qu'on a voulu les tromper, et ils seront soutenus dans cette idée par nos amis, et malgré leur faiblesse ils tiendront bon et ferme; par conséquent je ne crois pas que le but que vous vous proposez sera atteint; de plus je suis certain qu'une fois les principautés seront occupées, vous aurez dans la Baltique une flotte anglaise, qui y fera une occupation plus réelle et qui paralysera le dernier débouché de commerce que nous avons et qui sait que Charles-Jean ne soit entrainé dans quelques mesures hostiles par eux; ainsi donc, il faut que vous renforceriez vos troupes de terre du côté de la Finlande et a moins de 3 ou 4 divisions d'infanterie vous ne saurez vous passer, vu l'extension des côtes, où les anglais peuvent jeter des troupes suédoises où ils veulent; voilà 4 divisions, en Géorgie vous en avez deux, 1 en Crimée et 6 que vous destinez pour l'occupation des principautés: ergo 13 divisions d'employées, le reste restera pour l'observation de l'Europe; vous me dites de plus que vos finances sont embarassées.—comment donc voulez vous commencer une hostilité, puisque pour la guerre il faut: de l'argent, de l'argent et de l'argent, et certes, ce n'est pas dans les principautés que vous en trouverez; de plus je le tiens de feu l'empereur, qui avait pour principe que toute l'attention devrait être tournée sur l'Europe, et, qu'elle tranquille, on pouvait l'être, et qu'un coup de canon, tiré contre les turcs, mettrait toute l'Europe en dessus-dessous; j'y ajoute ce que feu Ouvaroff disait toujours à l'empereur défunt, que commencer la guerre est de son pouvoir, mais la finir dépend des ciconstances et des événements, et, je ne pense pas que l'on puisse le taxer d'être craintif ou poltron, ayant donné des preuves de la plus brillante valeur. Voilà ma profession de foi, cher frère, telle qu'elle est dans mon coeur et dans ma pensée; je vous la livre sans la moindre restriction, faites en ce que vous en voulez et malgré ma conviction je suis prêt à agir et à exécuter vos ordres, toute opinion éteinte et comme s'il n'en avait pas été question».

485. Событія 14-го декабря застали графа Растопчина уже страдающимъ отъ болѣзни, которая свела его въ могилу. Услышавъ о петербургскомъ мятежѣ, онъ сказалъ: «Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutions pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers». Эти слова были лебединою пѣснью нестощимаго острословія и злословія, которыми постоянно отличались всѣ изреченія графа Оедора Васильевича.

486. Относительно послѣднихъ минутъ графа Бенигсена встрѣчаются любопытныя подробности въ воспоминаніяхъ Фридриха Боденштедта. (Friedrich Bodenstedt: Erinnerungen aus meinem Leben. Berlin, 1888, Band I, p. 76).

По желанію графа Бенигсена, находившагося тогда въ своемъ имѣніи въ Ганноверѣ, къ нему явился пасторъ съ причастіемъ: «Als der Pfarrer dabei die Worte sprach: «Unser Herr in der Nacht, da er verrathen ward»... richtete der Sterbende sich wehfoll seufzend empor und sank nach den deutlich gesprochenen Worten: «Ach, ja, Herr Pastor, in der Nacht, da er verrathen ward!» entseelt auf sein Lager zurück. Der Pfarrer vertraute seinem späteren Amtsbruder, meinem noch lebenden Vetter an, dass nichts je ihn so gewaltig ergriffen habe, als seine Erlebnisse am Sterbelager des alten Generals von Bennigsen».

487. Статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

488. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 34.

489. 15-го марта 1825 года, императрица Елисавета Алексѣевна писала по этому поводу государю:

«Croyez, cher frère, que je suis peinée d'abuser de votre temps pour un objet aussi minime, mais le titre de mon caissier que vous avez voulu vous donner m'interdit d'agir autrement et ce sera la dernière fois, j'espère, que je serai dans le cas de vous ennuyer sur cet article».

Государственный архивъ. Разрядъ IV. № 253.

490. «Dans ce moment je suis interrompu par la nouvelle d'un nouveau malheur! Que Dieu reçoive en paix la pauvre impératrice, elle a cessé de vivre le 4. Je tremble pour ma mère, quelle suite de peines et de chagrins pour elle; que Dieu la soutienne et lui donne des forces. Pour moi je ne sais que faire! et m'en remets à Dieu qui ne nous abandonnera pas! Je finis, car vous pouvez penser aux embarras où je suis».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8-го (20-го) мая 1826 года.

491. «Le décès de l'impératrice nous a replongé dans un nouveau deuil; que le bon Dieu daigne la recevoir, dans sa miséricorde; elle a payé son tribut de soins et de veillées à son immortel époux et dans tout ce qui vient de se passer entre eux, le doigt de la Providence est visible; tous mes voeux et prières l'accompagnent».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го мая (5-го іюня) 1826 года.

492. Для ознакомленія съ самымъ характеромъ записокъ, составленныхъ о каждомъ подсудимомъ, мы помѣстили въ приложеніяхъ двѣ таковыя записки о Рылѣевѣ и Пестелѣ, какъ главныхъ дѣятеляхъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ. Въ запискахъ заключается отчасти сводка собственныхъ показаній каждаго изъ нихъ, равно какъ показанія, данныя свидѣтелями и участниками заговора.

493. Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, зять адмирала Мордвинова.

494. Автобіографическія записки А. Д. Боровкова. «Русская Старина», 1898 года.

495. Донось объ участіи нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ злобныхъ замыслахъ преступниковъ 1826 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 48).

О Сперанскомъ въ доносѣ ничего не сказано; авторъ говоритъ, однако, что уже въ 1823 году онъ при личномъ объясненіи съ императоромъ Александромъ выставилъ «съ нѣкоторыми доказательствами» одно лицо. Можетъ быть, подъ этимъ лицомъ подразумѣвался Сперанскій?

Въ другой запискѣ не посчастливилось статсъ-секретарю В. Р. Марченкѣ, который названъ: «un des frondeurs les plus déterminés et les plus influents. Il déraisonne avec le ton d'un stentor, et les énergumènes et les perroquets l'entourent pour colporter ailleurs les propos d'un homme d'état hableur».

496. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 47.

На запискѣ рукою генералъ-адъютанта барона Дибича написано: «единственно для высочайшаго свѣдѣнія». Эти немногія слова могутъ служить доказательствомъ, что запискѣ придавалось въ официальномъ мірѣ нѣкоторое значеніе. Можетъ быть, Дибичу извѣстно было имя автора записки, но объ этомъ въ дѣлѣ не сохранилось никакихъ указаній.

497. Приведенная нами здѣсь замѣтка барона М. А. Корфа написана имъ по поводу обвиненія, высказаннаго генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ противъ Царскосельскаго лицея. Насколько предубѣжденія 1826 года противъ лицея были живучи и сохранились въ памяти даже слѣдующаго поколѣнія, могутъ служить слѣдующія строки, написанныя императоромъ Александромъ Николаевичемъ, при чтеніи записокъ Бенкендорфа:

«Но лицей слылъ дѣйствительно своимъ либеральнымъ направленіемъ, въ особенности во время завѣдыванія имъ Энгельгардтомъ».

498. Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 595.

499. Одно изъ такихъ писемъ, англичанки Бирчъ къ императору Николаю, можетъ служить примѣромъ подобнаго рода извѣтовъ. Оно было напечатано нами въ «Русской Старинѣ» 1886 года, т. LIX, стр. 577.

Въ этомъ письмѣ госпожа Бирчъ сообщаетъ, что въ 1822 году она была избрана Провидѣніемъ для извѣщенія императора Александра I-го о существовавшемъ въ то время заговорѣ, томъ самомъ, который разразился 14-го декабря. «Тогда уже дерзали пить за его смерть, — пишетъ госпожа Бирчъ. — Благословенному монарху все было извѣстно, но по чрезмѣрной благости своей онъ не могъ рѣшиться наказать виновныхъ и предоставилъ эту великую и страшную задачу своему наслѣднику».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

См. въ приложеніяхъ два всеподданѣйшихъ письма: чиновника Розанова и коллежскаго совѣтника Демидова. Оба письма даютъ понятіе о содержаніи тѣхъ сообщеній, которыми утруждали въ то время императора Николая разныя лица русскаго общества; приложенныя здѣсь письма были вызваны правительственнымъ сообщеніемъ о разслѣдованіи по злоумышленнымъ обществамъ отъ 28-го января 1826 года, напечатанномъ въ то время во всѣхъ газетахъ.

500. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: два письма князя Петра Максутова отъ 9-го и 15-го января 1826 года (отставного за ранами Шевича гусарскаго, что нынѣ Сумской, полка поручика).

Подслушанный Максутовымъ разговоръ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дьябль ампортъ сэтъ тэриблъ мома: пуръ маліоріозъ, бонь жансъ пуркуа не па атандръ жюска тель танъ кантъ тутъ ле фамиль деве кондюиръ лекоръ, тю се. 2-й Пуркуа она депеше, она саве ту са. 1-й: Ме вуй. 2-й: Кеске а презанъ ресте. 1-й: Грасъ адіо—пятетръ онъ финира данъ сетъ танъ, онъ не па анкоръ при ту».—«Ваше превосходительство! Я много забылъ сей языкъ, а потому и писалъ россійскими буквами оный».

501. Послѣ смерти въ 1823 году Б. Б. фонъ-Кампенгаузена, временно управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, а затѣмъ назначенъ былъ управляющимъ д. т. сов. Василій Сергѣевичъ Ланской.

502. Для характеристики распоряженій, ознаменовавшихъ собою эпоху, наступившую въ исторіи Россіи послѣ 1825 года, приведемъ здѣсь еще одно правительственное распоряженіе.

1-го февраля 1826 года, А. Н. Оленинъ сообщилъ предсѣдателю государственнаго совѣта князю Лопухину слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Его императорское величество по одному изъ дѣлъ государственнаго совѣта, поднесенныхъ на высочайшее благоусмотрѣніе, изволилъ замѣтить, что голосъ сенатора, въ правительствующемъ сенатѣ данный, дошелъ до свѣдѣнія его величества помимо установленнаго порядка (т.-е. прежде поднесенія мнѣнія по сему дѣлу отъ государственнаго совѣта), вслѣдствіе чего его величеству угодно было повелѣть: обстоятельство сіе поставить на видъ государственнаго совѣта и притомъ объяснить, что какъ голосъ сей могъ только быть извѣстенъ въ правительствующемъ сенатѣ и его канцеляріи, или въ государственномъ совѣтѣ и въ государственной канцеляріи, то государь императоръ находитъ предосудительнымъ, чтобъ дѣла, слушанныя въ сихъ верховныхъ присутственныхъ мѣстахъ, преждевременно оглашались въ публикѣ; тѣмъ паче, что сіе совершенно противно кореннымъ нашимъ законамъ. А потому его величество принужденнымъ находится напомнить о постановленіяхъ касательно сохраненія тайны канцелярской, не токмо въ канцеляріяхъ, но и между присутствующими. Въ противномъ случаѣ его величество приметъ надлежащія мѣры къ неослабному исполненію сего закона».

503. Прежде Д. Н. Блудовъ слылъ либераломъ. Александръ Никитичъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ (Mon journal) приводитъ слова, сказанныя Блудовымъ въ домѣ матери Муравьева во время междуцарствія, за нѣсколько дней до 14-го декабря: «Ce qui est très singulier, voilà un mois que nous sommes sans souverain et cependant cela va aussi bien ou du moins aussi mal qu'avant».

504. «Voici enfin le докладъ de la commission d'enquête et la liste des individus, mis sous le jugement de la haute cour; quoique toute l'affaire vous est assez connue, je crois que vous n'en lirez pas sans intérêt le résumé, qui est bien fait, exact et l'on peut bien ajouter hideux. On ne peut assez bénir Dieu de nous avoir sauvés de toutes les horreurs qui se préparaient pour nous, et, ce qui est bien plus, de toute l'horreur d'un attentat sur notre ange. Il parait que Dieu a voulu laisser aller les choses juste au point de faire mûrir tout ce fatras d'horreurs et d'inepties, et pour mettre d'autant plus en évidence des éternels incrédules, que l'ordre des choses qui régnait et qu'il est si difficile d'extirper, doit tôt ou tard amener à un résultat semblable. Si après cet exemple il se trouvait des incorrigibles, du moins avons nous le droit et l'avantage de prouver aux autres la nécessité de mesures promptes et sévères envers toute tentative subversive contre l'ordre établi et sanctionné par des siecles de gloire».

505. Воспоминанія и дневники А. М. Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Великой. «Русскій Архивъ», 1899 года, № 1, стр. 67.

506. «Русская Старина», 1886 года, т. 51, стр. 159.

507. Дополнимъ сказанное выдержкою изъ записокъ Н. И. Греча, въ которой онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину зарожденія заговора 1825 года:

«Едва ли случалось въ мірѣ какое либо великое бѣдствіе, возникло какое либо ложное и вредное ученіе, которое въ началѣ своемъ не имѣло хорошаго повода благой мысли... И у насъ бѣдственная и обильная злыми послѣдствіями вспышка 14-го декабря 1825 года имѣла зерномъ мысли чистыя, намѣренія добрыя. Какой честный человѣкъ и истинно просвѣщенный человѣкъ можетъ равнодушно смотрѣть на нравственное униженіе Россіи, на владычество въ ней дикой татарщины! Государство, обширностью своею не уступающее древней Римской монархіи, окруженное восемью морями, орошаемое великолѣпными рѣками, одаренное особою, неизвѣстною въ другихъ мѣстахъ, силою плодородія, скрѣпленное единствомъ и плотностью, обитаемое сильнымъ, смышленымъ, добрымъ въ основаніи своемъ народомъ, представляетъ съ духовной стороны зрѣлище грустное и даже отвратительное. Честь, правда, совѣсть у него почти неизвѣстны и составляютъ въ душахъ людей исключеніе, какъ въ иныхъ странахъ къ исключеніямъ принадлежатъ пороки. Не крѣпостное состояніе у насъ ужасно и отвратительно: оно составляетъ только особую форму подчиненности и бѣдности, въ которыхъ томится болѣе половины жителей всякаго и самаго просвѣщеннаго государства. У насъ злоупотребленія срослись съ общественнымъ нашимъ бытомъ, сдѣлались необходимыми его элементами. Можетъ ли существовать порядокъ и благоденствіе въ странѣ, гдѣ изъ шестидесяти милліоновъ нельзя набрать восьми умныхъ министровъ и пятидесяти честныхъ губернаторовъ, гдѣ воровство, грабежъ и взятки являются на каждомъ шагу, гдѣ нѣтъ правды въ судахъ, порядка въ управленіи, гдѣ честные и добродѣтельные люди страждутъ и гибнутъ отъ корыстолюбія и безчеловѣчія злодѣевъ, гдѣ никто не стыдится сообщества и дружбы съ негодяями и подлецами, только бы у нихъ были деньги; гдѣ ложь, обманъ, взятки считались дѣломъ обыкновеннымъ и нимало не предосудительнымъ; гдѣ женщины не знаютъ добродѣтелей домашнихъ, не умѣютъ и не хотятъ воспитывать дѣтей своихъ и разоряютъ мужей щегольствомъ и страстью къ забавамъ; гдѣ духовенство не знаетъ и не понимаетъ своихъ обязанностей, ограничиваясь механическимъ исполненіемъ обрядовъ и поддерживаніемъ суевѣрія въ народѣ для обогащенія своего; гдѣ народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и развратѣ».

508. Въ запискахъ Александра Никитича Муравьева (Mon journal) намѣченныя, тайнымъ союзомъ реформы перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Abolition de l'esclavage.
Egalité des citoyens devant la loi.
Publicité dans les affaires d'état.
Publicité dans la procédure judiciaire.
Abolition du monopole des eaux de vie.
Abolition des colonies militaires.
Amélioration du sort des défenseurs de la patrie.
Le terme fixé du service militaire (25 ans) diminué.
Amélioration du sort des membres de notre clergé.
Le chiffre de l'armée diminué en temps de paix.

509. «Jeudi le jugement a commencé avec tout l'appareil convenable; les séances sont continuelles depuis 10 heures du matin jusqu'à 3 heures de l'après midi; avec tout cela j'ignore encore vers quel jour, à peu près, cela peut être fini; vient ensuite l'exécution, journée horrible, à laquelle je ne puis songer sans frémir. Je suppose la faire sur l'esplanade de la citadelle».

510. Жизнь графа Сперанскаго. Спб., 1861, ч. 4-я, стр. 309.

511. По мнѣнію декабриста барона Розена, «въ распредѣленіи разрядовъ есть странности непонятныя, такъ что раздѣленіе и присужденіе наказаній выходитъ предрѣшенное. Сентенціи 2-го разряда не разнствуютъ отъ сентенцій 1-го разряда, а осужденіе

совершенно различно. Въ одной сентенціи сказано, что онъ измѣнилъ свой прежній образъ мыслей, а между тѣмъ наказанъ наравнѣ съ тѣми, которые не измѣнили своему образу мыслей. Въ нѣсколькихъ сентенціяхъ сказано, что отстали отъ умысла на цареубійство, а между тѣмъ они наказаны за этотъ умыселъ».

512. Среди членовъ верховнаго уголовнаго суда засѣдали и такіе свирѣпые юристы, которымъ цифра 36 человѣкъ, приговоренныхъ къ смертной казни, показалась недостаточною. Такъ, напримѣръ, сенаторъ Иванъ Павловичъ Лавровъ полагалъ четвертовать 63 человѣка, подвергнувъ сверхъ сего еще казни 3 человѣкъ постыдной смертью и 1 смертью.

Не менѣе любопытны его замѣтки о декабристахъ. Напримѣръ: Пестель названъ террористомъ, изобрѣтшимъ всѣ ужасы и величайшія злодѣйства: Якубовичъ—бунтовщикъ злой и бѣшеный, цареубійца и мятежникъ.

П. П. Лавровъ р. 1786, † 1836.

513. Въ запискахъ А. О. Смирновой. Спб., 1897. часть 2-я. стр. 19—21, встрѣчаются по этому поводу любопытныя указанія.

Такъ, напримѣръ, здѣсь приведенъ разсказъ о томъ, что императору Николаю были представлены генераломъ Бенкендорфомъ рукописи Рылѣева уже послѣ совершившейся казни даровитаго декабриста, ознакомившись съ которыми государь сказалъ: «я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ».

514. См. въ приложеніяхъ собраніе важнѣйшихъ бумагъ, относящихся до верховнаго уголовнаго суда; онѣ съ достаточною ясностью выясняютъ весь ходъ дѣла.

515. Капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Андрей Фурманъ (31 года) принадлежалъ къ 8-му разряду и приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе.

516. См. въ приложеніяхъ:

1) Списокъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, кои понесли исправительныя наказанія (16 человѣкъ).

2) Списокъ лицъ, названныхъ членами обществъ, составившихся послѣ уничтоженія союза Благоденствія, но по маловажности показаній не требованныхъ къ слѣдствію, съ изъясненіемъ воспослѣдовавшихъ о нихъ высочайшихъ повелѣній (21 человѣкъ).

3) Списокъ лицъ, прикосновенныхъ по разнымъ случаямъ къ дѣлу о тайныхъ обществахъ, которыя не были требованы къ слѣдствію (64 человѣка). Въ числѣ ихъ помѣщены М. Орловъ, Ф. Глинка и полковникъ Граббе.

Въ общемъ итогѣ такихъ полупрощенныхъ дѣятелей тайныхъ обществъ оказывается всего 101 человѣкъ. Императоръ Николай по разсмотрѣніи дѣла этихъ лицъ, «изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другія обличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ, снисходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, а пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ пагубныхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общества, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ истинное раскаяніе, всемилостивѣйше соизволилъ, не предавая ихъ строжайшему наказанію и суду, опредѣлить имъ исправительныя мѣры наказанія».

Сверхъ сего, многіе арестованные освобождены были непосредственно государемъ, даже по отобраніи перваго допроса, какъ оказавшіеся невинными или весьма мало прикосновенными къ дѣлу. Что же касается мятежниковъ, не бывшихъ членами тайнаго общества, въ дѣлѣ Черниговскаго полка, то объ нихъ, какъ выше упомянуто, производились слѣдствіе и судъ по распоряженію начальства первой арміи.

Изъ числа арестованныхъ въ госпиталѣ умерли три человѣка.

517. Высочайшій приказъ состоялся 16-го іюня 1826 года.

518. 11-го января 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Якубовичъ vient d'être convaincu et il a avoué avoir voulu assassiner notre ange, et Orloff l'a su».

519. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ 14-го іюня 1826 года императору Николаю:

«Une chose qui m'étonne et que je vous soumets en toute confiance, c'est la conduite d'Orloff et comment est ce qu'il a fait pour tirer son épingle du jeu et rester sans mise au jugement?»

Цесаревичъ не получилъ отвѣта на сдѣланный имъ вопросъ.

520. Приведемъ здѣсь разсказъ декабриста барона Розена о разговорѣ императора Николая съ арестованнымъ Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ. Государь былъ тронутъ его выраженіями и чувствами, проникнутыми высокою любовью къ отечеству, и сказалъ Бестужеву:

«— Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ».

— «Ваше величество! въ томъ и несчастіе, что вы все можете сдѣлать,—отвѣчалъ Бестужевъ:—что вы выше закона: желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности».

521. Въ бумагахъ графа Дибича сохранилась слѣдующая собственноручная записка императора Николая о полковникѣ Граббе, относящаяся къ 1826 году:

«Такъ какъ полковникъ Граббе ни въ чемъ не виноватъ, и доказать трудно, чтобы онъ былъ виноватъ, то и признаю справедливымъ прикомандировать къ гвардейскому гусарскому полку подъ присмотръ А».

522. Самому старшему декабристу полковнику Тизенгаузену было 47 лѣтъ, Лунину 43, Юшневскому 40, Краснокутскому 38. Небольшое число лицъ достигло 36-ти-лѣтняго возраста (Горбачевскій и другіе).

523. «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Часть 4-я.

524. Шервудъ-Вѣрный принималъ участіе въ двухъ войнахъ: въ 1828 году противъ турокъ и въ 1831 году противъ польскихъ мятежниковъ.

Судя по приведенному ниже предписанію генералъ-адъютанта Бенкендорфа отъ 13-го января 1827 года, можно видѣть, какія довѣрительныя порученія получалъ Шервудъ-Вѣрный со стороны шефа жандармовъ въ первые годы своего офицерскаго служенія.

525. Морскихъ офицеровъ повезли въ Кронштадтъ, гдѣ надъ ними въ тотъ же день, 13-го іюля, совершенъ былъ обрядъ разжалованія согласно морскому уставу.

526. Александръ Николаевичъ Муравьевъ былъ сосланъ на жительство въ Сибирь безъ лишенія чиновъ и дворянства, по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія; 18-го апрѣля 1828 года поступилъ снова на службу иркутскимъ городничимъ. Въ 1834 году Муравьевъ перемѣщенъ былъ на службу въ Европейскую Россію предсѣдателемъ вятской уголовной палаты.

527. Записки А. И. Кошелева, стр. 18.

528. Записки А. О. Смирновой, часть 1-я, стр. 89.

529. Съ 7-го по 9-е іюля происходили маневры войскъ гвардіи въ Красномъ Селѣ, которыми императоръ Николай остался вполнѣ доволенъ, выразивъ имъ свое спасибо въ приказѣ отъ 11-го іюля 1826 года.

530. На конвертѣ рукою императора Николая написано:

«Начальнику главнаго штаба моего барону Дибичу».

531. Приведемъ здѣсь одну изъ резолюцій императора Николая, касающуюся женъ государственныхъ преступниковъ, послѣдовавшихъ за мужьями въ Сибирь.

Въ предписаніи генералъ-губернатора Восточной Сибири на имя иркутскаго гражданскаго губернатора, отъ 1-го сентября 1826 года, относительно женъ государственныхъ преступниковъ, участь которыхъ рѣшена верховнымъ уголовнымъ судомъ, между прочимъ сказано: «прикажите внушить крѣпостнымъ людямъ, которые прибудутъ съ женами осужденныхъ, что соединеніе съ мужьями лишаетъ ихъ права имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ, и что могутъ они просить о возвращеніи ихъ изъ Сибири».

По этому поводу послѣдовала высочайшая резолюція:

«Это совершенно воспрещаю: бунтовать людей не должно, достаточно объявить женамъ, что по положенію онѣ не могутъ брать съ собой людей своихъ, какъ съ добровольнаго ихъ согласія».

532. П. Барановъ: «Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, статсъ-секретарь. сенаторъ, тайный совѣтникъ (1769—1847)». Біографическій очеркъ. Спб., 1882, стр. 23.

533. Съ образованіемъ въ государевой канцеляріи Второго Отдѣленія, прежняя получила названіе Перваго Отдѣленія. которымъ продолжалъ управлять статсъ-секретарь Муравьевъ, безъ всякаго вліянія на Второе Отдѣленіе.

534. Званіе главноуправляющаго Второго Отдѣленія было установлено только со времени назначенія Д. В. Дашкова преемникомъ Сперанскаго.

535. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», часть 4-я, стр. 148.

536. М. Погодинъ: «Николай Михайловичъ Карамзинъ». Москва, 1866, часть 2-я. стр. 475.

537. См. въ приложеніяхъ записку генералъ-адъютанта Бенкендорфа на французскомъ языкѣ объ учрежденіи высшей полиціи и инструкцію его жандармскому полковнику Бибикову: послѣдняя можетъ служить характеристикой требованій и обязанностей, возложенныхъ тогда шефомъ жандармовъ на своихъ подчиненныхъ.

538. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», часть 2-я.

539. Дѣла комитета 13-го января 1837 года. по повелѣнію императора Николая. были сданы въ архивъ дѣлъ государственной канцеляріи.

За все время существованія комитета 13-го января всего состоялось въ немъ 126 журналовъ. Изъ нихъ на 1826 годъ приходится 5 журналовъ, на 1827 годъ 2 журнала и на 1828 годъ также 2 журнала.

Въ три года существованія комитета при императорѣ Николаѣ I, журналы засѣданій вносились къ государю статсъ-секретаремъ Н. Н. Муравьевымъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Дѣтскія письма великаго князя Николая Павловича къ генералу Ламздорфу, 1808—1810 годовъ.

1.

Ce 5 Juillet 1808.

Monsieur!

Votre Excellence!

Le plaisir que j'ai de Vous ecrir une lettre est diminué par les reproches de ma conscience. Hier et avant hier mes leçons n'ont pas é'é tout à fait bonnes, celle de Géométrie d'hier a été avec légereté de même que ma leçon Russe, pour quoi aussi j'ai été privé de la promenade à cheval; j'ose Vous prier mon général de vouloir bien me pardonner cette faute en Vous promettant de tacher de ne plus y retomber. Maman a eu la grâce de nous accorder le plaisir de voir lancer le grand vaisseau de 120 canons; à cette occasion nous avons eu le plaisir de voir M-r votre fils Constantin à la fenêtre. Adieu Votre Excellence soyez persuadé de l'attachement que Vous porte

de Votre Excellence
le très humble et
obéissant serviteur

Nicolas.

2.

Ce 13 Juillet 1808.

Monsieur!

Votre Excellence!

Je dois avouer Votre Excellence que la semaine passée mes leçons de Lundi, de Mardi et de Jeudi, n'ont pas été avec l'activité que vous auriez pu exiger de moi; j'ai

commencé aujourd'hui et je tacherai de continuer de ne plus retomber; daignez m'informer, Votre Excellence. de l'état de votre santé. Adieu Votre Excellence, soyez persuadé de l'attachement que Vous porte

de Votre Excellence
le très humble et obéissant
serviteur
Nicolas.

3.

Ce 21 Juillet 1808.

Monsieur!

Je Vous prie d'être persuadée Votre Excellence que la lettre que je viens de recevoir de votre part m'a fait une très grande joie; surtout parce que Vous m'y donnez l'espérance de Vous revoir bientôt. Je désire que les eaux dont Vous allez Vous servir fassent tant de bien à votre santé que Vous n'eussiez plus besoin de nous quitter pour Vous en servir. Mes leçons et ma conduite ont été bonnes durant cette semaine. Adieu Votre Excellence, soyez persuadé de l'amitié et de la tendresse que Vous porte

Nicolas.

4.

Ce 19 Juillet 1809.

Monsieur le Général!

Je m'accuse de négligence de ne Vous avoir pas écrit jusqu'à ce moment. Je me flatte que Vous êtes en parfaite santé, ainsi que votre famille qui je crois a été bien aise de Vous revoir. Jusqu'à présent j'ose me flatter, que par les lettres de ma chère Maman et de M-r d'Achverdof, Votre Excellence a du être assez contente de mes attestats, du moins j'ai fait tout mon possible pour en mériter de bons. Je tâcherai de redoubler d'efforts pour que Votre Excellence à son retour me trouve changé. — Nous allons demain à Peterhof, ce qui nous fait à tous un très grand plaisir. Ma soeur Marie me charge de Vous dire qu'elle espère que Vous ne l'oublierez pas et que le duc et la duchesse la chargent de les rappeller à Votre souvenir. Mes soeurs Catherine et Anne, le Prince d'Oldenburg et la Comtesse Vous font leurs compliments.

En me recommandant à Votre souvenir permettez moi de Vous embrasser en idée.

Nicolas.

5.

Pavlovsk.
10 Juin 1810.

Mon général!

Je prends la liberté de Vous ecrire pour Vous demander des nouvelles de votre santé ainsi que de celle de votre respectable famille. Je crois mon général que Vous devez être déjà chez M-r votre fils qui doit être bien heureux de Vous posséder chez lui. Nous avons reçu hier l'heureuse nouvelle de la prise de Silistrie, ce qui a obligé Maman d'aller en ville pour assister au te-Deum. On dit que c'est un grand pas que nous avons fait pour obliger les Turcs à la paix. Je crois, mon général, que Vous devez avoir reçu d'assez bonnes nouvelles de ma conduite, du moins j'ose m'en flatter. Je Vous prie Votre Excellence de vouloir bien présenter mes respects à Votre famille, ainsi que ceux de tous nos messieurs qui m'ont chargé de Vous presenter leurs hommages.

Adieu mon général, je Vous embrasse de tout mon coeur.

Nicolas.

II.

Три письма генерала Ахвердова генералу Ламздорфу 1806—1808 гг.

1.

Pavlovsk.
Ce 13 Juillet. 1806.

Monsieur!

C'est avec une joie extrême que je saisis la plume. pour donner à votre Excellence de charmantes nouvelles: le retour du beau temps qui dure depuis six jours, semble avoir opéré un changement remarquable dans nos chers Princes. Conduite, manières. études tout va à souhait. Des plaisirs variés, que Sa Majesté Impériale, leur tendre Mère, sait leur procurer tous les jours, servent de récompense pour avoir rempli leurs devoirs, et les encouragent infiniment. Ils sont beaucoup à l'air et parcourent les jardins de Pavlovsky d'un bout à l'autre sans s'en apercevoir, puisque chemin faisant ils rencontrent des amusements qui les délassent, comme par exemple: ils tirent de l'arc ou de fusil. vont en bateau, ou bien travaillent dans leur petit jardin près du vieux chalet, et que la fin de chaque voyage leur ménage quelque surprise. Ces exercices, contribuant naturellement au développement physique, répandent déjà des roses sur les joues de monseig-

neur le Grand Duc Nicolas. Vous pouvez vous figurer, monsieur le général, combien tout cela donne de contentement à Sa Majesté Impériale, et nous rend tous heureux.—Leurs Altesses Impériales me chargent de vous assurer de leur amitié et du désir qu'elles ont de vous revoir au plutôt et en parfaite santé.

Veuillez, monsieur le général, agréer les assurances des sentiments de dévouement et de respect, avec lesquels je ne cesserai jamais d'être,

Monsieur,
de votre Excellence
Le très humble et très obéissant serviteur
N. Achverdoff.

2.

Pavlovsk.
Ce 13 Juillet 1808.

Monsieur!

Leurs Altesses Impériales Messeigneurs les Grand-Ducs jouissent constamment d'une très bonne santé. Quoique je ne puisse pas dire que leur conduite et leur application aux études soient aussi constamment bonnes, puisque de temps en temps il arrive de petites négligences, je puis cependant avancer hardiment qu'ils gagnent en bien. et j'ose me flatter que votre Excellence trouvera du changement. Quant aux divertissements, nous n'en manquons pas; avant-hier leurs Altesses on^t assisté à une représentation de Phèdre, où la célèbre M-lle George a fait son début (elle joint, à mon avis. à la beauté de l'extérieur beaucoup de grâce et un grand talent dans son art); hier il y eut un bal et les Grand-Ducs y sont restés jusqu'au souper. D'autres divertissements les attendent indubitablement. outre les amusements de tous les jours; mais Sa Majesté Impériale, Leur Maman, y mettra certainement de l'ordre, afin que la jouissance en soit modérée et que les plaisirs ne dérangeassent point leurs occupations utiles.

Veuillez agréer, monsieur le général, les assurances des sentiments du respect le plus sincère et de la considération la plus distinguée, avec lesquels je suis,

Monsieur,
de votre Excellence
Le très humble et très obéissant serviteur
Achverdoff.

3.

Peterhoff.
Ce 24 Juillet 1808.

Monsieur!

C'est avec un plaisir infini que je saisis cette fois-ci la plume, puisque je puis vous donner une nouvelle, qui vous causera, j'en suis persuadé, une bien douce satisfaction; c'est que notre cher Grand-Duc Nicolas persévère à se sentir, à s'observer, à se bien conduire. Sa Majesté Impériale, son auguste Maman, comme ses cavaliers, s'en aperçoivent et s'en réjouissent.—Nous avons eu deux charmantes fêtes, l'une le 19 de ce mois à Pavlovsk. que Sa Majesté donna à madame la Grande-Duchesse Marie, dans son petit jardin, l'autre le 22 à Peterhoff; et monseigneur Nicolas s'y est conduit avec modération, décence et politesse. Outre cela il étudie avec bonne volonté, et l'on remarque en général plus de docilité et d'obéissance dans toute sa conduite. Monseigneur Michel se conduit bien aussi; mais il parait étourdi par les fêtes, et surtout par les apparitions militaires qui ne cessent ici de frapper sa vue; de là vient qu'on est souvent dans le cas de le reprendre.—Quant à leur santé, ils ont, tous les deux. eu de peti'es indispositions insignifiantes. effets de la chaleur ou de l'humidité; mais je puis vous assurer, mon général, qu'ils jouissent malgré cela de la meilleure santé du monde.

Veuillez, votre Excellence, agréer les assurances des sentiments du respect le plus sincère et de la considération la plus distinguée, avec lesquels je suis,

Monsieur.

de votre Excellence

Le très humble et très obéissant serviteur

Achverdoff.

III.

Шестьдесятъ восємь донєсеній объ успѣхахъ великаго князя Николая Павловича въ 1806 году.

1-er Fevrier 1806.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. après avoir assez bien appris le russe et l'arithmétique, a été très distrait et inatt entif à la leçon du français, de sorte que son maître, se servant de la permission du général, a été obligé de poser la baguette sur la table pour réveiller l'attention de monseigneur: aussi en a-t-il été puni par la privation de tous les jeux et par une retraite absolue dans ses appartements; comme toute la journée se passa en pénitence, ainsi monseigneur après l'étude de la religion s'occupa à memoriser la géographie et à la lecture; il fut doux et paraissait être sensible à la honte de s'être attiré cette humiliation. La santé de monseigneur s'était trouvée bonne dans tout le cours de la journée.

2 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia le russe avec si peu de bonne volonté qu'il en a été puni pour quelques heures par la privation des jeux; mais le reste de la journée il se conduisit bien.

3 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit en tout.

4 Février. Dimanche.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien comporté durant cette journée, et l'a passée fort gaiement.

5 Février.

Les leçons de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été aujourd'hui assez bonnes; mais je n'ai pas été content de sa conduite, surtout chez Son Altesse Impériale Madame la Grande-Duchesse Anne, où l'on s'était rendu pour danser. Nonobstant de ce qu'avant d'y aller, je lui avais beaucoup recommandé de se conduire avec décence et que puis après je l'en avais averti plus d'une fois, il y fit peu d'attention et finit par se jeter par terre, ce qui m'obligea de l'emmener dans ses appartements. Je ne l'ai mené chez Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère que puisqu'il témoigna beaucoup de regret, et Sa Majesté ajouta à cette punition celle de souper chez lui. tandis que son frère Monseigneur le Grand-Duc Michel soupa avec Madame la Grande-Duchesse Anne. Il jouit d'une bonne santé.

6 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas prêta aujourd'hui de la bonne volonté avec moins de distraction aux études; ce ne fut qu'à la leçon du dessein que Monseigneur manqua d'attention, et retomba quelques fois pendant la journée dans ses fautes ordinaires.

7 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas était aujourd'hui assez appliqué à l'étude, toutes les parties de ses leçons ainsi que la danse ont été passablement bien achevées; la conduite de monseigneur a été bonne. Il reçût avec aisance la visite de monseigneur le duc de Brunsvick et fit la conversation sans embarras. Sa santé s'est trouvée dans l'état le mieux désiré.

8 Février.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été toute remplie d'étourderies, et en voulant en justifier quelques unes pendant sa leçon d'arithmétique, il se servit d'une phrase tellement ampoulée qu'on pourrait lui soupçonner un grand fond de présomption; mais quoiqu'il n'est pas tout à fait exempt de ce défaut. je crois cependant que cette fois-ci il a dit ce qu'il ne comprenait pas trop, du reste j'ai été assez satisfait de la manière dont le Grand-Duc se conduisit chez le duc de Brunsvick, il parla avec assez d'aisance et son maintien n'avait rien de gauche; de même au bal il ne dansa point mal quoiqu'avec infiniment de zèle.

9 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit en tout.

10 Février. Samedi.

Les leçons de Monseigneur le Grand-Duc aîné ont été assez bonnes, et en général il s'est assez bien comporté durant cette journée.

11 Février.

La journée a été bonne. et j'ai été assez content de la conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Il s'est bien comporté à la messe, il a été poli envers le public aux montagnes, dont il a fait avec son frère Monseigneur Michel deux fois le tour. ce qui les a beaucoup amusé, et le reste de la journée s'est passé en divers jeux et en lecture. Avant de se mettre au lit. il m'embrassa avec un mouvement de sensibilité et dit: il y a bien longtemps que je n'ai passé ma journée aussi bien. Sa santé est bonne.

12 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas eut beaucoup de distractions à ses études, et à cet égard il fut privé du plaisir d'aller au manége par l'ordre de Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère. Cependant Monseigneur mit plus d'attention sur sa conduite, ayant témoigné du regret d'avoir manqué à ses devoirs.

13 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a fait d'assez bonnes leçons, et sa conduite aurait été également assez bonne sans la méfiance qu'il a marqué pour Monseigneur son frère, ce qui lui attira la punition de la privation des jeux.

14 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas eut encore quelques distractions à la leçon russe, mais qui ne durèrent pas longtemps. Il fut mieux disposé à celle du français, et se conduisit fort bien toute la journée.

15 Février. Jeudi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a été dissipé pendant la leçon de russe, mais les autres ont été assez bonnes de même que sa conduite.

16 Février.

Les leçons de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été assez bonnes; mais il s'est tenu si mal à la leçon de l'écriture. en répondant toujours, aux instances que je faisais pour le redresser, qu'il ne le pouvait pas, que je fus dans la nécessité de menacer, que je le ferai recommencer à écrire les lettres de l'alphabet afin qu'il reprenne l'habitude de se tenir bien. Quant à sa conduite et à ses manières, il y a encore de la légéreté, de l'inconséquence et même de la suffisance, qu'on tâche unanimement à réprimer. Sa santé est bonne.

17 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ne fut pas bien disposé à ses leçons; du reste il s'est conduit assez bien.

18 Février.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas, sans être entièrement exempte d'étourderies, a été cependant assez bonne.

19 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas apprit parfaitement bien le russe et l'arithmétique, mais il ne soutint pas son attention jusqu'à la fin de la leçon française, quoiqu'elle fut assez bonne; et comme Monseigneur n'eut point de bonne volonté à la classe de danse, on a été obligé de lui défendre entièrement les jeux pour le reste de la journée.

20 Février. Mardi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a bien fait les leçons de géometrie et de l'allemand, mais il a été dissipé pendant celles d'arithmétique et de français. Sa conduite a été assez bonne.

21 Février.

Les distractions de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ne veulent pas encore cesser; il a été de nouveau extrêmement distrait à ses leçons, excepté pourtant celle de danse, qui a été assez bonne. Outre cela il a recommencé à se tenir mal, de sorte que, comme je l'ai marqué sur le cahier, je le ferai encore une fois écrire les lettres de l'alphabet, pour le forcer à se défaire de cette mauvaise habitude; pour la même raison Monsieur le général de Lambsdorff lui interdit pour aujourd'hui le manége. Monseigneur le Grand-Duc jouit d'une bonne santé.

22 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia assez bien et se conduisit de même.

23 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a fait d'assez bonnes leçons et se conduisit très bien.

24 Février.

Les leçons de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été toutes bonnes, excepté la classe de danse où Monseigneur négligea beaucoup son maintien.

25 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit aujourd'hui passablement bien, fut quelquefois étourdi et se faisait plusieurs fois rappeller pour cesser de l'être; à l'égard de sa santé, elle devint beaucoup meilleure vers le soir: la toux ne se faisait plus apercevoir, nonobstant Monseigneur prit trois fois la médecine prescrite et se coucha heureusement.

26 Février. Lundi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a été dissipé pendant les leçons russe et française, celle de la danse a été bonne; mais Monseigneur continue à se mettre trop souvent dans le cas d'être repris sur des choses dont il pourrait facilement éviter le désagrément des répétitions réitérées.

27 Février.

Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été aujourd'hui dans une disposition de lenteur et de distraction qui ont rendu toutes ses leçons très médiocres. Il fut si impatient de finir la leçon française qu'il répondait à tort et à travers, sans savoir ce qu'il disait, et comme tout ceci fut accompagné de mouvements, qui visiblement augmentaient ses étourderies, et qu'il ne les finissait pas contre mes ordres réitérés, je fus dans la nécessité de le mettre à genoux jusqu'à ce qu'il ait fini la leçon, ce qui le tranquillisa, et il finit aussitôt puisqu'il ne restait plus que quelques mots à dire. A la leçon russe, voyant que ses distractions me faisaient de la peine, il en fut tellement touché, qu'il se jeta à mon cou, fondant en larmes et sans pouvoir proférer une parole. Cette sensibilité me charma, et la leçon finit bien. Sa toux, quoique très peu considérable, continue encore et le tient à un régime très supportable.

28 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia passablement, mais il fut très étourdi aux jeux.

1-er Mars.

Les études et la conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été assez bonnes, il n'y eut que les défauts des manières dont on a repris Son Altesse Impériale assez souvent.

2 Mars.

La conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été bonne. Il a été en général moins bruyant qu'à l'ordinaire, et la raison en fut probablement l'idée qu'il devait se confesser. Il est resté longtemps avec son aumônier, qu'il a quitté extrêmement touché et pleurant. Pour les leçons, excepté la russe qui ne fut que passable, tout le reste, d'après le témoignage des maîtres, a été bien. Sa toux et son rhume durent encore.

3 Mars. Samedi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien comporté durant cette journée; sa leçon de français a également été assez bonne.

4 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit toute la journée parfaitement bien, et même dans ses jeux il a marqué plus de modération que de coutume.

5 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia passablement et se conduisit de même en tout.

6 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas dans toutes les parties de ses études a été lent et peu attentif. à la leçon d'arithmétique Monseigneur a eu même de la présomption, pour laquelle il a été puni sur le champ. étant mis à genoux par M-r Achverdoff; après-midi Monseigneur sembla vouloir réparer ses torts du matin et a très bien appris l'allemand; la conduite de Monseigneur a été passable et sa santé beaucoup meilleure. puisque la toux rarement se faisait apercevoir. mais malgré cela Monseigneur prit le soir une médecine et se coucha heureusement.

7 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas fut en général mal disposé aux leçons des sciences, et surtout à celle de l'arithmétique où l'attention de Son Altesse Impériale manqua entièrement; à cause de quoi on la fit cesser. et Monseigneur passa toute la journée dans sa chambre en se repentant. Au reste la classe de danse et sa conduite ont été bonnes.

8 Mars.

Après ce qui s'est passé hier à la leçon d'arithmétique, après tout ce que Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère et Monsieur le général de Lambsdorff ont dit à ce sujet à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. je me serais attendu à un peu moins de gaîté et de légéreté; mais la crise n'est pas encore à son terme. Non seulement il a travaillé sans soins et sans réflexion au problème que je lui avais donné hier. mais il montra la même mollesse et la même négligence à le refaire aujourd'hui, et parût être peu affecté et de ce qu'on lui avait dit et de ce qu'on lui disait; car. ayant eu dans l'après dîner la permission de jouer. il s'abandonna aussitôt à son ardeur naturelle. comme si rien n'avait été. Je ne puis pas me plaindre de son obéissance.

9 Mars. Vendredi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien conduit durant cette journée; à l'arithmétique et à la dictée de la leçon de français l'attention n'a pas été soutenu jnsqu'à la fin. la leçon de dessin n'a pas été bonne. mais celle de l'allemand a été très bien faite.

10 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été assez sage dans sa conduite, et ses études également ont été assez bonnes.

11 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit excepté ses étourderies.

12 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas dès le commencement de ses leçons montra de la paresse et dans toute la suite eut des absences continuelles: après la leçon de danse qui s'était faite passablement bien, le général de Lambsdorff jugea nécessaire de le punir par

l'ennui en faisant garder à Monseigneur sa chambre, sans nulle occupation pas même de lecture; il parût être peiné de sa conduite et versa des larmes de repentir, mais au moment du souper, quand Monseigneur fut réuni au Grand-Duc son frère et avec Madame la Grande-Duchesse. il donna derechef dans ses étourderies, de sorte que pour les finir on fut obligé de nouveau le faire asseoir. La santé de Monseigneur s'est trouvée bonne dans tout le cours de la journ´e.

13 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a très bien soutenu son attention aujourd'hui pendant toutes ses leçons, qui ont été très satisfaisantes, ainsi que sa conduite à tous égards.

14 Mars.

Il semble, que Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas commence à sentir le tort que sa légéret´ et ses étourderies lui font. et le chagrin qu'il cause à sa Maman et à ceux qui l'entourent. Sa conduite, comme son attention durant les leçons, ont ét´ aujourd'hui beaucoup meilleures que tout ce temps passé, et quoique de temps en temps sa patience paraissait être à bout. on voyait que cela ne provenait point de la mauvaise volonté. et qu'il tâchait de se vaincre. Ayant pu passer cette soirée chez Sa Majesté Impériale l'Imp´ratrice Mère, à jouer avec Monseigneur son frère et Madame sa soeur, il eut l'attention de demander la permission de se retirer. pour étudier sa leçon de géographie pour le lendemain, et s'en occupa avec zè!e. Sa sant´ est bonne.

15 Mars. Jeudi.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc a`né aîné assez bonne, de même que ses leçons, à l'exception du calcul durant lequel l'attention s'était parfois relachée.

16 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia avec assez d'application et il ne manquait à sa conduite qu'un peu de retenue dans les jeux.

17 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia passablement et se conduisit de même.

18 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit assez bien aujourd'hui. quoiqu'il fallait le prévenir souvent de ne point s'abandonner à l'étourderie; mais le m´rite de l'obéissance au moment même lui a tenu lieu d'une conduite irréprochable. Sa santé s'est trouvée aussi dans l'état le plus heureux.

19 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia assez bien. quoiqu'avec quelques distractions qui ne durèrent pas longtemps, et sa conduite fut passable.

20 Mars.

J'ai été aujourd'hui assez content de la conduite et de l'application de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Toutes ses leçons ont été bonnes, à quel-

ques distractions de temps en temps près, et ses manières moins violentes qu'à l'ordinaire. Il jouit d'une bonne santé.

21 Mars. Mercredi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a été un peu lent pendant l'arithmétique et l'analyse grammaticale de russe; les leçons de français et de la danse ont été assez bonnes de même que sa conduite.

22 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia assez bien, mais se conduisit avec beau coup d'étourderie.

23 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ne fut pas également bien disposé à ses leçons; la leçon française ne fut pas bonne. Du reste il s'est conduit passablement en tout.

24 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas avait assez d'application au commencement et à la fin de ses leçons à celle de géométrie et du français, mais au milieu de ses études, dans la partie du calcul et de la langue russe, il fut lent et inattentif; dans sa conduite Monseigneur était assez bien, et sa santé fut très heureuse au courant de la journée.

25 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit fort bien à tous égards.

26 Mars.

Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a bien fait toutes ses leçons, et a été surtout attentif à la leçon d'arithmétique; mais je ne puis pas en dire autant de sa conduite et de ses manières. Je n'ai presque pas cessé à le reprendre, tantôt pour une, tantôt pour une autre chose; enfin le soir je fus forcé de le séparer de son frère Monseigneur le Grand-Duc Michel. et de l'emmener dans ses appartements, pour faire cesser les querelles continuelles. dont le Grand-Duc Nicolas était pour la plupart la cause par son ardeur et ses étourderies. La santé est bonne.

27 Mars. Mardi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien comporté durant cette journée; et ses leçons ont été bonnes à l'exception de l'arithmétique.

28 Mars.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été assez bonne; et même ses leçons n'étaient point mauvaises, excepté qu'à l'arithmétique il n'était point assez à la chose, et que son écriture russe était moins soignée qu'il n'est en état de le faire.

29 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit en tout.

30 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas dans la première partie de ses études à la leçon de français était inattentif et distrait; il se redressa dans la suite. et a bien fait le calcul et un extrait de l'histoire russe. Après midi la leçon de l'allemand a été bonne aussi. Sa conduite a été passable. puisque Monseigneur se donnait de trop bon coeur aux jeux et il fallait l'avertir souvent pour se modérer et ne pas sortir des bornes raisonnables; la santé de Monseigneur a été heureuse et la mieux désirée dans le cours de la journée.

31 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas fit assez bien ses études; mais à l'égard de sa conduite Son Altesse Impériale eut fort peu d'attention, en retombant dans les mêmes fautes, dont on l'avait déjà repris si souvent.

7 Décembre 1807.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas fut fort bien disposé à ses leçons et s'est conduit de même.

9 Décembre.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit bien et il a étudié de même.

11 Décembre.

J'ai été content de la conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Obéissant et docile, il ne manque que par légèreté. Ses leçons ont été bonnes; j'aurais dit de la leçon russe. qu'elle avait été très bonne. s'il ne faisait pas des fautes par précipitation. Ayant rencontré à l'Hermitage le général Savary, le Grand-Duc l'aborda avec aisance. et après lui avoir demandé. s'il avait déjà vu les galleries et comment il les trouvait, il le quitta sans s'être arrêté longtemps. Sa santé est bonne.

12 Décembre. Jeudi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général fort bien comporté pendant cette journée.

13 Décembre.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas commença ses études avec beaucoup d'application. mais cette bonne volonté ne s'est pas soutenue jusqu'au bout: à cause des distractions. la leçon d'arithmétique n'a pu être finie. Après le dîné Monseigneur la reprit et s'en occupant plus sérieusement acheva dans une demi heure, ce qu'il ne pouvait résoudre le matin malgré tous les éclaircissements possibles. La leçon de l'allemand, qui suivit immédiatement après cette heureuse disposition était très bonne, et la conduite de Monseigneur ainsi que sa santé se sont trouvées de même parfaitement bonnes.

14 Décembre.

La journée a été bonne, et j'ai été content de la conduite et des leçons de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Il jouit d'une parfaite santé.

15 Décembre.

La journée de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se passa très bien à tous égards.

16 Décembre.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été bien en ses études, mais la fin de ses leçons de mathématique et du russe a été empreinte d'un peu de lenteur. La conduite de Monseigneur ainsi que sa santé se sont trouvées parfaitement bonnes.

18 Décembre.

La conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ainsi que ses leçons, ont été bonnes en général; mais pendant la leçon d'arithmétique il eut un moment, où par étourderie il a tenu des discours inutiles, dont la continuité me mit dans la nécessité de le menacer, que j'allais le quitter, s'il ne cessait pas tout de suite. Il sentit aussitôt son tort; il rougit; et lorsqu'au lieu de la punition qu'il attendait, de ne pas monter à cheval, Monsieur le général de Lambsdorff lui dit: «hé bien! Monseigneur, puisque vous avez honte de ce qui s'est passé, allez au manége, amusez-vous, mais que cela soit pour la dernière fois»,— il en fut tellement affecté, qu'il pleura de sensibilité. Sa santé est très bonne.

IV.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны генералу Ламздорфу, 1806 года.

Pawlowsk, ce 5 Juin 1806.

L'éducation de mes fils, pour tout ce qui tient à la moralité, est établie sur des bases si solides, que je suis convaincue, qu'en suivant la route tracée, vous jouirez, mon bon et digne ami, de même que vos cavaliers, de la douce récompense de vos peines et veilles, et que j'aurai le bonheur de voir mes fils devenir bons chrétiens et des êtres distingués par la solidité de leurs principes et la loyauté de leur caractère.

Les points donc sur lesquels je m'arrête dans cet écrit, ne sont pour ainsi dire, que des règles d'observance, mais cependant nécessaires et utiles aux Grands Ducs. J'ai cru bien faire, mon bon général Lambsdorff, de les mettre par écrit comme le résumé de nos réflexions et en étant convenue avec vous, afin qu'en les ayant constamment présents à la mémoire, on puisse toujours et pendant votre absence conduire l'éducation dans les plus petits détails même, d'après des principes uniformes et stables. J'ai la satisfaction de voir mes enfants entourés, d'après le désir de mon coeur, par des hommes d'un caractère moral, probe et loyal et joignant à ces qualités l'avantage de l'instruction et le désir de bien faire et de marcher uniformément à tout ce qui peut être utile à l'éducation des Grands Ducs. Je vous prie donc, mon bon et digne ami, de communiquer ces observations aux cavaliers, et je suis persuadée d'avance, qu'ils ne

les perdront jamais de vue, pour concourir tous au but commun de leurs soins et de leurs travaux.

La belle saison a si peu de durée et une influence si salutaire sur la santé, qu'il serait impardonnable de ne pas la mettre à profit: je désire par cette raison que les Grands Ducs soient couchés au plus tard à dix heures du soir. afin de pouvoir se lever sans difficulté entre six et sept heures du matin. Si après un sommeil tranquille de huit heures. ils ne s'éveillent pas d'eux-mêmes, il faut que le valet de chambre les éveille doucement. Les Grands Ducs doivent se lever sur-le-champ, faire sans délai une toilette soignée et réciter avec recueillement leur prière du matin.

D'après l'ordre établi. les Grands Ducs font tous les jours après leur déjeuner une promenade à pied ou à cheval. Comme cette promenade n'a d'autre but que de procurer au corps l'exercice nécessaire, mais non pour fournir des sujets de distraction pendant les leçons qui la suivent, toute espèce de jeu avant ces leçons est sévèrement interdit tout pendant la promenade. que dans les chambres. et toutes les fois que les Grands Ducs ne donnent pas toute leur application et toute l'attention nécessaire à leurs leçons, ils seront privés de tout amusement. jusqu'à ce que je leur en accorde de nouveau la permission.

Lorsque les Grands Ducs changent d'habits après leur promenade. ils le feront dans leur chambre de toilette. et ils répèteront dans leurs chambres d'etude les leçons prescrites par les maîtres. On ne permettra aux Grands Ducs d'indiquer la leçon par laquelle ils désirent commencer leurs études. Pendant les leçons toute conversation étrangère à l'objet dont on s'occupe. est absolument et rigoureusement interdite. Les Grands Ducs ne doivent pas même se permettre de faire sur le sujet que l'on traite avec eux. des questions oiseuses, qui ne menent pas directement à une explication nécessaire pour leur instruction de l'objet même, dont on leur parle, et qui ne servent qu'à faire perdre du temps et à éluder une attention sérieuse à la leçon qu'ils doivent recevoir. Il est de la plus grande importance d'habituer la jeunesse à un certain ordre et par cette même raison il faut insister fortement. qu'on ne s'écarte jamais de l'ordre une fois établi.

Lorsque dans leurs jeux les Grands Ducs ne s'accordent pas ou vont même jusqu'à se quereller. il faut d'abord les séparer et les reléguer chacun dans ses appartements.

Toutes les personnes employées à l'éducation des Grands Ducs se feront un devoir de combattre et déraciner les mauvaises habitudes. qu'ils peuvent avoir prises: comme de se tenir mal, de porter toujours les doigts au visage, de se mordre les lèvres. de s'appuyer contre les meubles, ou contre les personnes qui les entourent, de toucher tout avec les mains, etc.... comme autant de fautes contre les bonnes manières et le respect que les enfants doivent à leurs préposés. Ils ne leurs permettront non plus aucune espèce de familiarité: vis-à-vis de leurs cavaliers et leurs maîtres, elle est déplacée, étant contraire aux égards et au respect que les Grands Ducs leur doivent, et vis-à-vis de leurs domestiques elle ne convient sous aucun rapport.

Ils porteront particulièrement toute leur attention à habituer les Grands Ducs à obéir au premier mot et pendant les études les maîtres ne doivent jamais être dans le cas d'engager les Grands Ducs par les prières à l'attention qu'ils doivent aux leçons; un seul mot de leur part doit suffire pour la réveiller. Les cavaliers marqueront dans les rapports, qu'ils me remettent chaque matin, toutes les fois que les Grands Ducs auront manqué à ce devoir que je prescris bien expressément.

En terminant ces lignes, je forme des vœux bien sincères et bien vifs de vous voir revenir au plutôt, car vous savez, mon bon et digne ami, la confiance sans bornes que je vous porte et avec laquelle j'ai remis mes enfants à vos soins. Adieu, mon ami, je suis pour la vie

Votre affectionnée et sincère

Marie.

V.

Два письма великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1813 года.

1.

Любезная маменька!

Въ понедѣльникъ 30-го въ урокъ россійской исторіи читали мы въ Елагинѣ описаніе первобытнаго правленія Россіи. Онъ полагаетъ, что Гостомыслъ былъ сынъ князя Буривоя, и что они происходили отъ рода вандальскихъ князей: у Гостомысла были 4 сына, кои всѣ прежде его умерли; и три дочери, изъ коихъ вторая Умила была замужемъ за варягорусскимъ княземъ. Когда Гостомыслъ почувствовалъ приближающуюся кончину, то съ согласія всѣхъ народовъ, подъ управленіемъ его бывшихъ, какъ-то: славянъ, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дрягвичей, призвалъ сына Умилы и своего внука Рурика съ братьями Синеусомъ и Труворомъ, изъ коихъ первый ему и послѣдовалъ въ княженіи; но Вадимъ, сынъ старшій дочери Гостомысловой, бывшей уповательно въ супружествѣ за княземъ происхожденія славянскаго, мужъ хитрый, храбрый и сварливый, думая имѣть болѣе права на первенство, старался препятствовать Рурику вступить въ настоящее управленіе Новгорода и земли славянорусской, что не прежде воспослѣдовало, какъ по усмиреніи всѣхъ мятежей и безпокойствъ, и со смертью Вадима, въ 862-мъ году по Рождествѣ Христовѣ.

Во вторникъ въ артилерійскомъ урокѣ говорено было о разныхъ разстояніяхъ, на коихъ удобно дѣйствовать можно изъ орудій разными снарядами.

Николай.

3-го генваря
1813 года.

2.

Chère Maman!

Jeudi dans la leçon d'art militaire j'ai continué à lire les principes de la stratégie dans Rocheaymon. Dans la leçon de morale il était question de la précaution qu'il faut employer dans notre conduite pour éviter tout ce qui peut scandaliser les autres. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon grecque, j'ai lu des maximes morales tirées du livre élémentaire de Iacobs.

Vendredi dans la leçon de phisique M. Vohlgemouth nous a montré et expliqué la fontaine de compression et une machine pour montrer les angles de vision. Dans la leçon d'histoire d'Allemagne on m'a entretenu du règne d'Othon II, dont le commencement fut troublé par la révolte d'Henri le Querelleur, duc de Bavière.

Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon allemande nous avons fini la lecture du bon-homme Richard. Samedi dans la leçon d'histoire d'Allemagne, M. Dupuget a continué le tableau du règne d'Othon II: j'y ai vu avec indignation la perfidie dont il usa envers les principaux habitants de Rome. — Dans la leçon d'art militaire j'ai lu dans Rocheaymon les différents cas où il est permis de livrer bataille.— Après-midi dans la leçon de M. Dupuget j'ai continué à répéter l'histoire d'Angleterre. Dans la leçon latine nous avons fini la lecture de la description du Colisée, d'après les antiquités de Nieuport.

Nicolas.

Ce 5 Janvier
1813.

VI.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Коновницыну, 1814 года.

Въ Петербургѣ, апрѣля 2-го дня, 1814 года.

Петръ Петровичъ! Письмо ваше отъ 1-го марта, весьма медленно до меня дошедшее, имѣла я удовольствіе получить вчера и поспѣшаю отвѣтомъ на оное, чтобы, благодаря васъ за увѣдомленіе о назначеніи васъ императоромъ, любезнѣйшимъ моимъ сыномъ, быть при дѣтяхъ моихъ. и о пути, великимъ князьямъ предначертанномъ, воспользоваться случаемъ къ изъявленію вамъ, сколь пріятенъ мнѣ выборъ такового для сыновей моихъ путеводителя на полѣ славы. Я искренно обязана императору за сей выборъ. соотвѣтствующій моему о васъ мнѣнію и совершенному удостовѣренію. что. доказавъ на опытѣ. сколь извѣстны вамъ качества и должности полководца. и запечатлѣвъ кровію приверженность вашу къ государю и любовь къ отечеству. въ полной мѣрѣ вникли въ обязанности возложеннаго на васъ порученія, и чувствуете важность онаго и отвѣтственность, съ нимъ сопряженную. Я увѣрена, что, руководствуя великихъ князей вашими совѣтами. наставленіями и объясненіями, дабы воспользовались случаемъ пріобрѣсть опытность въ наукѣ, ихъ сану, особливо въ нынѣшнія времени. толико нужной. вы не оставите обращать ихъ вниманіе на всѣ должности, въ ней соединяющіяся. и на то, что хотя долгъ и честь повелѣваютъ полководцу встрѣчать равнодушно опасности, когда онѣ случаются, и когда нужно дать примѣръ собою. однако истинное мужество не состоитъ въ пылкости, влекущей безъ нужды и разбора бросаться въ опасность, и будете удерживать юношескую и неопытную храбрость отъ излишняго воспаленія. На вашу совѣсть возложено теперь ихъ сохраненіе. и я съ полною надеждою полагаюсь на васъ, что вы въ семъ отношеніи будете ихъ другъ, совѣтникъ и хранитель и замѣните достойнаго ихъ наставника Матвѣя Ивановича Ламбсдорфа. Я прошу васъ, какъ возможно чаще, да-

вать подробныя объ нихъ извѣстія. Узнавая въ сихъ рѣчахъ моихъ внушенія сердца матери, о благѣ рожденія своего некущейся, вы, безъ сомнѣнія, внимать будете гласу его чувствованій, и возвращеніемъ сыновей моихъ въ сохранности тѣлесной и душевной, послѣ окончанія со славою войны, въ материнскія объятія заставите меня присовокупить изъявленіе чувствительнѣйшей признательности за такое неоцѣненное попеченіе ваше къ увѣреніямъ о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ коими пребываю вамъ благосклонною.

«Марія» [1].

VII.

Письмо императора Александра императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, изъ Парижа, 1814 года.

Paris, ce 3 Avril.

Je suis toujours, chère et bonne Maman, dans l'attente de mes frères et de vos chères lettres. Si la privation m'en est pénible, j'ai la consolation au moins de pouvoir me dire, qu'aucune n'est tombée au pouvoir de l'ennemi. La joie générale est ici à son comble. L'arrivée du comte d'Artois n'a fait que l'augmenter encore. On sent le bonheur d'être débarassé du joug cruel de Napoléon, en même temps de voir la guerre finie. Chacun respire et se croit régénéré; enfin on ose à peine croire à tout ce qui est survenu et cela parait plutôt un beau rêve. Pour moi je jouis peu des plaisirs de Paris; mes occupations et mes goûts me retiennent beaucoup chez moi et à l'exception de trois spectacles et de la visite de quelques établissements publics, tels que l'Hôtel des Invalides etc., je n'ai pas vu grand'chose encore. Le comte d'Artois à son arrivée ayant pris le titre de Lieutenant-Général du Royaume, ma présence si rapprochée du gouvernement provisoire, ne pouvant plus être nécessaire, j'ai quitté ma demeure dans l'hôtel du prince de Bénévent et je suis allé me loger à l'Elysée-Bourbon, hôtel charmant qui appartenait à Napoléon et qui a l'avantage d'avoir un charmant petit jardin. Tout est déjà vert et de cette manière j'ai l'illusion d'être comme à la campagne et de ne pas entendre tout ce bruit de Paris.

J'espère que le nouveau gouvernement saura se conduire sagement; du moins je le souhaite du fond de mon coeur. Sa position est très délicate, car un oubli complet du passé doit être son premier principe, toutes les passions, toutes les personnalités, les réactions doivent être soigneusement comprimées. Il faut lier les choses, les partis, les affections et éviter avec soin tout ce qui peut désunir: en même temps il faut se dire que la France ne peut se passer des institutions libérales, qu'elle se doit en partie à la révolution, et que vouloir les détruire, ce serait provoquer une seconde révolution mille fois plus effrayante que la première. Il y aurait un volume à écrire sur tout cela.

[1] Это письмо получено было генералъ-адъютантомъ Коновницынымъ 19-го апрѣля 1814 года въ Парижѣ.

L'Empereur François est arrivé anjourd'hui: nous l'avons reçu avec toute la pompe militaire possible etc.

Les maréchaux et généraux français ne reviennent pas de leur étonnement à la vue de la beauté de nos troupes, de l'état de notre cavalerie et de notre belle artillerie. Ils me témoignent en toute occasion les meilleurs sentiments possibles et même beaucoup d'affection et j'avoue que si quelque chose me fait plaisir de notre entrée à Paris, c'est la manière dont Dieu a permis que cela se fit, c'est-à-dire, non en conquérants ou ennemis, mais en véritables amis de ceux qui avaient été si longtemps nos plus cruels ennemis. C'est là une véritable jouissance pour moi et dont je porte à Dieu une gratitude qu'aucun terme ne peut rendre.

Pour tout le reste je voudrais déjà être loin de Paris et voir les grands objets politiques qui se traitent dans ce moment et qui doivent fixer le sort futur de l'Europe, déjà réglés. Comme il ne dépend pas de moi cependant d'abréger les négociations sur des intérêts trop majeurs. pour qu'ils puissent être achevés d'un trait de plume, et leur fin dépendant aussi beaucoup de l'arrivée du roi Louis XVIII, après avoir réglé les principaux objets. pour ne pas rester ici sur place. ce qui m'est assez désagréable, je compte, chère Maman. faire une course à Londres, dont je ne suis qu'à trois jours de voyage. C'est la seule et unique occasion pour moi de voir quelque chose de l'Angleterre et je me retrouverai ici pour le temps où tout se trouvera prêt pour la signature du grand traité de paix. qui en couronnant l'oeuvre mettra fin. je l'espère avec l'aide du Tout Puissant. aux malheurs du monde. En même temps cela me procurera le plaisir de revoir ma soeur à Londres. et de cette manière je ne perds pas un moment et je ne sacrifie que des prétendues délices du séjour de Paris, qui n'en sont pas pour moi.

En même temps, chère Maman, veuillez me donner vos ordres sur le compte de mes frères. et qu'ont-ils à faire? Doivent ils profiter de cette occasion pour voyager un peu en Hollande, en Angleterre. en Suisse, ou bien ordonnez vous qu'ils reviennent tout de suite? M-r Lambsdorff étant avec eux et M-r Laharpe étant ici, il serait possible de combiner un voyage très instructif pour eux et qui compenserait avec utilité ce que la cessation de la guerre leur a fait perdre. Surtout un voyage en Suisse et en Angleterre pourrait être bien salutaire pour eux. Mais sur tout cela c'est votre volonté seule qui doit tout décider. En attendant nous arrangerons avec M-r Lambsdorff les choses de manière à ce qu'ils ne perdent pas le temps ici où il y a moyen de continuer les leçons dans tous les genres d'instruction possibles. M-r de Laharpe leur sera d'une grande utilité par la connaissance dans laquelle il se trouve avec tout ce qu'il y a d'estimable en fait d'hommes instruits. M-r de Lambsdorff décidera et surveillera le tout.

Adieu. chère et bonne Maman. Avec quelle impatience j'attends le moment où ayant fini toute cette si importante besogne, je pourrai voler à vos pieds. En attendant je vous baise mille fois les mains et me recommande à vos bénédictions.

VIII.

Два письма императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Коновницыну, 1815 года.

1.

С.-Петербургъ, 11-го мая 1815 года.

Петръ Петровичъ! Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я предаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами — все сіе дастъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламбсдорфа не могутъ они быть переданы лучшему наставнику на полѣ славы, какъ вамъ.

Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты, подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ, подадутъ сыновьямъ моимъ истинное понятіе о воинѣ и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностію. Сколь ни больно материнскому сердцу подвергать жизнь дѣтей опасности, я, тѣмъ не менѣе, признаю, что они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ ихъ требуютъ подать собою примѣръ неустрашимости; но я увѣрена также, что я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что, внимая моимъ чувствованіямъ, вы стараться будете отвращать отъ нихъ безполезную опасность и удерживать ихъ, дабы пылкостію юношества не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя, въ соединеніи со скромностію, столько же украшаютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаетъ славу героя. Для сохраненія ихъ драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ великихъ князьяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ сими правилами, и огражделіе ихъ отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительства. Итакъ, поручая ихъ вашему отеческому попеченію, я съ полною довѣренностію полагаюсь на вашу приверженность и ваше усердіе и съ удовольствіемъ возобновляю здѣсь увѣреніе объ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

2.

Въ Павловскѣ, іюля 12-го дня, 1815 года.

Петръ Петровичъ! Благодарю васъ за продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ, чрезъ послѣдняго курьера полученное. Я нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ, обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и превратa нужнѣе, нежели гдѣ либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я, конечно, нимало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находятъ его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но, будучи теперь старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца. Весьма бы желательно было, если бы въ случаѣ продолжительнаго пребыванія императора въ Парижѣ можно было великимъ князьямъ воспользоваться тѣмъ временемъ для любопытнаго и полезнаго путешествія по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ окружности: но если сего устроить невозможно, или краткость времени не дозволитъ, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ всемѣрно стараться, чтобы они заняты были полезными упражненіями и ученіемъ, къ чему такой городъ, каковъ Парижъ, представляетъ много способовъ. Я въ сихъ отношеніяхъ обращаюсь къ вашему сердцу, которое умѣетъ раздѣлять заботы матери о душевномъ и тѣлесномъ благѣ дѣтей своихъ, и твердо надѣюсь на вашу ревность и приверженность, увѣряю васъ напередъ о чувствительнѣйшей моей признательности и съ совершеннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

«Марія».

IX.

Письмо генералъ-адъютанта Коновницына великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, 1816 года.

Государю императору угодно было почтить меня довѣріемъ своимъ быть на случай предполагаемой войны при вашихъ высочествахъ. Обстоятельства случайно измѣнились. Войны, благодаря Бога, нѣтъ, и мы возвратились въ свое отечество.

Я, оставляя вашихъ высочествъ, пріятнѣйшимъ поставляю долгомъ изъявить чувствованія мои; они всегда преисполнены были усердія. Сердечно жалѣю, что имѣлъ весьма мало случаевъ показать вамъ приверженность мою и тѣмъ пріобрѣсти довѣренность вашу; но ежели я хотя нѣсколько имѣю оной, то позвольте мнѣ сим воспользоваться и объяснить вамъ тѣ истины, какія открыты во мнѣ и опытами въ жизни, и собственнымъ сердцемъ, и сердечною преданностію моею къ особамъ, священнымъ и для насъ и для отечества. Буде истины сіи послужатъ къ пользѣ вашей и принадлежать будутъ къ славѣ имени вашего, тутъ исполнится источникъ сердечнаго моего блага. Не говорить же чувствуемой правды любезнѣйшимъ князьямъ нашимъ, во время драгоцѣнной молодости ихъ, не только не простительно, но даже было бы постыдно.

1) Сколько славенъ родъ вашихъ высочествъ въ Россіи, столько же надобно вамъ быть и знаменитыми въ потомствѣ. Лучи знаменитости сей истекаютъ отъ чистаго дѣйствія ума и сердца. Никакой добродѣтельный подвигъ безъ напряженій духа, безъ труда, не совершается. Слѣдовательно, для благихъ и полезныхъ подвиговъ умъ напитанъ быть долженъ добрыми познаніями, которыя украшаютъ и самую старость; а сердце исполнено быть должно добрыми правилами, которымъ покорить надобно поступки наши.

Вамъ Богъ послалъ дарованія, они, конечно, украсятъ умъ вашъ и сердце; но тутъ требуется нѣкоторое усердіе, нѣкоторое желаніе и нѣкоторый трудъ.

Чтобы непремѣнно занимать, питать разумъ, безъ чего онъ, такъ сказать, засыпаетъ, возьмите на себя хоть часъ одинъ въ день (но каждый день непремѣнно) занять разумъ какою либо наукою, или познаніемъ, составивъ въ самомъ чтеніи себѣ планъ, чтобы не перемѣшивались предметы въ одно время.

Чтобы непрестанно питать сердце, безъ чего оно, такъ сказать, черствѣетъ, отверзайте въ немъ пламенное состраданіе къ бѣднымъ, несчастнымъ, угнетеннымъ. Помощь ближнему да будетъ вамъ блистательнѣйшею радостію въ жизни. Скромное подаяніе милостыни да будетъ предметомъ вашей памяти и забвенія: исполненное да забудется, а новое подаяніе принесетъ съ собою новое удовольствіе.

Для введенія сердца въ таковое расположеніе открыты намъ средства: стараться надобно познать всѣ истины христіанскія, которыя многочисленны; познать обязанности наши, въ семъ Божественномъ законѣ изображенныя.

2) Слѣдуйте всякой день свои поступки: будьте имъ сами строгіе судіи, дабы на другой день быть въ своемъ поведеніи осторожнѣе. Одно слово иногда сдѣлаетъ вредъ человѣку на весь вѣкъ! Невѣроятно, какія важныя послѣдствія происходятъ отъ малѣйшихъ погрѣшностей въ высокомъ званіи вашемъ. Вы окружены подража-

телями. особенно въ тѣхъ предметахъ, которые обольщаютъ ихъ страсти. Порокъ самъ по себѣ есть ядъ прилипчивый. Родъ человѣческій всегда готовъ къ очумленію. Искра часто производитъ пожаръ. Не думайте, чтобъ малѣйшій безпорядокъ въ поступкахъ вашихъ могъ остаться въ тайнѣ. По высокому рожденію вашему, вы сами по себѣ выше всякой защиты.

3) Въ разсужденіяхъ общихъ оскорблять никогда не должно, ниже говорить о комъ худо; по единой неосторожности получите недовольныхъ. Общая вѣжливость привлекаетъ, а надменность, и еще болѣе грубость, лишитъ васъ большихъ и невозвратныхъ выгодъ.

4) Убѣгайте льстецовъ, кои навѣрно проникнутъ въ чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своихъ выгодъ ко вреду вашему и другихъ. Держитесь людей такихъ, которые бы отъ васъ ничего не желали, которые бы не ослѣплялись величіемъ вашимъ, и съ надлежащимъ почтеніемъ говорили бы вамъ истину, и противорѣчили бы вамъ для воздержанія васъ отъ погрѣшностей. Есть средство узнать людей въ самыхъ разговорахъ: въ разговорахъ примѣтны и вѣтреность или неосновательность, и лесть, и нескромность, и гордость, и хитрость, и прочее. Иногда надобно скрыть собственное чувствованіе ихъ. Выслушивайте совѣты полезные, но потомъ разсуждайте объ истинѣ и пользѣ. Не удаляйтесь отъ познанія людей ни подъ какимъ предлогомъ, различайте ихъ, и да избавитъ васъ Богъ отъ такихъ, которые, притворяясь, что не видятъ вашихъ погрѣшностей, вкрадываются въ сердце, а такіе люди бываютъ, къ сожалѣнію, пріятны.

5) Не будьте высокомѣрны, не приписывайте себѣ ничего. Надобно всегда раздѣляться съ другими. Симъ самымъ вы никогда не оскорбите подчиненныхъ вашихъ. Уступайте лучше все другимъ. Не берите на себя ничего, а паче того, чего исполнить хорошо вамъ невозможно.

6) Умѣряйте честолюбивыя желанія, буде бы они въ васъ вкрались. Они могутъ привесть къ желанію пролитія крови вашихъ ближнихъ, за которую никто вознаградить не въ силахъ. Помните непрестанно, что вступать въ войну надобно всегда съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную, какъ возможно короче, и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и должна быть обязанностію начальственною, временною и даже непріятною для добрыхъ государей. Что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; что положеніе мирное доставляетъ счастіе, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ, и слѣдовательно изученіе оныхъ, наблюденіе за оными есть настоящее, естественное и неразлучное съ званіемъ вашимъ дѣло. Въ прочихъ же браняхъ, могущихъ касаться до спасенія отечества, славы и независимости его, идите съ твердостію, какъ славный родъ предковъ вашихъ подвизался. Вы имѣете предъ глазами примѣръ брата вашего, нынѣ царствующаго надъ нами государя, который, при всей доблести своей, кротокъ и милосердъ, какъ ангелъ. Въ нужныхъ и необходимыхъ случаяхъ, буде бы отечество потребовало, заплатите собою, прославьте себя, принесите отечеству вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни.

7) Повинуйтеся слѣпо императору брату вашему. Вы должны быть изъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ.

8) Если придетъ время командовать вамъ частями войскъ, сколько бы велики онѣ или малы ни были, да будетъ первѣйшее ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще

и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ уже требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крикъ и угрозы только что раздражаютъ, а пользы вамъ не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться. Я выше упомянулъ, какъ должно стараться познавать ихъ; теперь прибавлю, что опредѣленіемъ людей въ мѣста низшія есть средство испытать, способны ли они къ мѣстамъ высшимъ. Слѣдуйте за ними въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что они дѣлаютъ, приказывайте имъ отдавать вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите ихъ свойство по тому обороту, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу.

9) Поверхностное и съ перваго взгляда сужденіе о людяхъ почти всегда обманчиво. Многіе не такъ кажутся, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть. Одно основательное и не весьма скорое движеніе ума прочно въ заключеніяхъ.

10) Крайне остерегаться надобно пристрастія. Предпочитая недостойнаго предъ достойнѣйшимъ, оскорбляется послѣдній, и соревнованіе уничтожается.

11) Буде случится вамъ быть въ военныхъ дѣйствіяхъ, принимайте совѣтъ людей опытныхъ. Обдумайте оный прежде, нежели рѣшитесь дѣйствовать. Не открывайте намѣреній вашихъ, дабы тайна не подверглась преждевременному разглашенію.

12) Украшайте себя познаніями военными по склонностямъ вашимъ. Подробности службы необходимо нужно знать по опыту; но до извѣстной степени и для того болѣе, чтобы умѣть взыскать оную на подчиненныхъ. Вамъ предстоитъ обширное поле. Учитесь быть искусными полководцами. Сіе званіе требуетъ великихъ познаній, навыку и неоцѣненной довѣренности, которую неминуемо заслужить надобно. Чтеніе лучшихъ военныхъ авторовъ приуготовитъ васъ въ теоріи, а практика покажетъ вамъ дальнѣйшія познанія на опытѣ.

Быть можетъ, что откровенное начертаніе сіе покажется вашимъ высочествамъ слишкомъ разительнымъ и даже неприличнымъ; но, будучи вамъ преданъ сердцемъ, не могу я не открыть вамъ то, что у меня на сердцѣ. Примите великодушно откровенность мою знакомъ приверженности моей къ государю и отечеству и дайте честь сказать правду вашимъ императорскимъ высочествамъ, милостивымъ государямъ, преданнѣйшему слугѣ.

X.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны королю прусскому Фридриху-Вильгельму, 1816 года.

St.-Pétersbourg, 14 Janvier 1816.

Monsieur mon frère. La satisfaction de Votre Majesté sur l'union de nos enfants qu'elle m'exprime de la manière la plus touchante, par la lettre que son grand-maître de la cour, le baron de Schilden, m'a remise est partagée par moi, avec toute la vivacité de l'amour maternel, qui y dit, Sire, avec l'effusion du sentiment, que le voeu de mon coeur est rempli: le voeu fut formé l'année 9: le souvenir de cette heureuse époque

me cause des regrets bien vifs qui s'allient même à la joie que me cause la perspective du bonheur de mon fils: l'âme sensible de Votre Majesté comprendra cette réunion de regrets. de peine et de bonheur. j'espère même qu'elle lui donne l'assurance des sentiments que son aimable fille m'inspire, des soins tendres et empressés que je mettrai à captiver son amitié et sa confiance, à veiller à son bonheur, à l'agrément de ses jours avec toute la sollicitude de la tendresse maternelle: le charmant caractère de la jeune princesse. son esprit solide. vrai. la délicatesse de ses sentiments. me font augurer avec sécurité le bonheur de mon fils, le mien: elle s'identifiera à nous et en rendant Nicolas le plus heureux des mortels. elle me rendra la plus heureuse des mères, et me consolera de l'absence de mes filles. Voilà mon attente. Sire, qui vous prouve combien je suis disposée à aimer et chérir la Princesse. Je suis vivement touchée des bontés de Votre Majesté pour Nicolas, qui apprécie comme il doit le faire votre confiance de remettre à ses soins les destinées de la Princesse: il apprécie cet honneur avec toute la chaleur d'un coeur religieux. pur. honnête et loyal. qui est tout entier à sa promise, et qui sent toute la responsabilité attachée à la pensée de devoir faire du bonheur de sa compagne l'étude constante de sa vie. Voilà le sujet favori de nos conversations que nous renouvellons à chaque occasion: la bénédiction divine daignera reposer sur ces deux êtres chéris et leur conserver à tout jamais leurs sentiments, leurs principes. et assurer ainsi la félicité de leurs jours.

Je ne puis assez exprimer à Votre Majesté combien j'ai été sensible à l'envoi de m-r de Schilden, que je savais être si attaché à celle, dont le souvenir est toujours présent à ma pensée. En terminant ces lignes je renouvelle à Votre Majesté l'assurance du plus inébranlable et serieux attachement avec lequel je suis pour la vie

Monsieur mon frère

de Votre Majesté

la bonne soeur et fidèle amie

Marie.

XI.

Записка императрицы Маріи Ѳеодоровны императору Александру по поводу путешествія великаго князя Николая Павловича, 1816 года.

Questions à présenter à la décision de l'Empereur.

Le voyage du G. D. Nicolas peut être envisagé sous deux rapports, celui de voir simplement les localités des pays ou celui d'en acquérir des connaissances statistiques. Si ce dernier but que je crois le plus utile au G. D. rencontre de même les intentions et le suffrage de l'Empereur, sera-t-il permis au G. D. de visiter les dicastères, établisse-

L'Empereur a consenti au contenu de ce point. Nicolas pourra se dire que ce n'est que pour écouter et voir la marche des affaires qu'il visitera les di-

ments publics avec les principaux employés de la province, lui sera-t-il permis de les questionner pour s'instruire, et l'Empereur agréerait-il que le G. D. tienne un journal précis des objets qu'il aura vu, des renseignements qu'il aura demandé et de ses remarques, pour oser les mettre sous les yeux de l'Empereur à son retour; c'est ce que je crois de plus essentiel pour fixer l'attention du jeune homme sur ce qui est véritablement utile.

castères, le temps étant trop raccourci pour pouvoir se mettre au fait, mais il pourra énoncer par écrit son opinion sur les établissements publics comme gymnase, école, prisons etc.

Je trâce un itinéraire assez étendu embrassant les gouvernements Pétersbourg, Pskof, Smolensk et Kaluga en passant par Mojaisk et Wereja, par le gouvernement de Tula, Orel, Tchernigof, Kiew, Pultawa et Ekaterinoslaw, Kherson, la Tauride, je propose de s'embarquer à Kertch pour passer la mer d'Azof et débarquer à Taganrog, traverser le pays des Cosaques, le gouvernement de Woronège, Tambof, Pensa par Simbirsk à Casan, ou si vu le malheureux état de Casan [1] on veut l'éviter, on pourrait aller par Morchansk à Arsamas à Makariéf, suivre le cours du Wolga par Nijnie Nowgorod, Kostroma, Iaroslaw, Ribinsk et Mologa, de là suivre les communications jusqu'à Witegra faire une course à Petrosavodsk et revenir par Olonetz et Novaja Ladoga à Pétersbourg. Ce voyage fait un peu plus de 8.000 werstes, si on va par Pensa, Simbirsk et Casan, ou quelques centaines de werstes de moins si on évite ce détour. Je suppose sa durée de 4 mois à 4 mois et demi, ce qui fait 136 jours, en comptant 120 werstes par jour, il y aurait 68 jours de voyage et 68 jours de séjour. Je crois donc avoir largement compté en mettant 4 mois et demi pour le voyage. L'Empereur agrée-t-il cet itinéraire, ou veut-il y faire quelques changements?

L'Empereur approuve ce plan de voyage et y ajoute la course de Tcherkask à Kharkof pour retourner de là par Woronège et Tambof d'où Nicolas se dirigera par Morchansk, Arsamas à Makarief pour suivre la course de Wolga jusqu'à Mologa: et puis par les communications jusqu'à Witegra à moins que le temps du voyage ne sera déjà trop avancé; car pour que le G. D. puisse se rendre à Berlin pour le 6 Oct., il faudra partir d'ici à la mi-Sept. Comme il lui faudrait une 15 des jours de repos et de préparation pour ce nouveau voyage, il faudrait que le G. D. fut de retour pour le 30 Août.

Ne m'arrêtant cependant pas uniquement au plan que j'ai tracé, je prie le comte Kotchubej dont les connaissances de l'intérieur sont si bien connues, de vouloir m'obliger en s'occupant de son côté d'un plan de voyage pour le G. D. Il m'a dit le faire sur une plus petite echelle, en faisant en même temps un aperçu des objets qui méritent fixer l'attention du voyageur. L'Empereur permettra-t-il que, lorsque je recevrai ce plan, je le lui soumette?

L'Empereur a consenti que je lui présente ce plan lorsque je le recevrai.

J'anticipe le départ du G. D. d'un mois pour lui donner le plaisir d'être à l'anniversaire de ses promesses à Berlin, ainsi je suppose que le départ doit avoir lieu les premiers jours du mois de Mai. Cela rencontre-t-il la volonté de l'Empereur?

Le départ sera fixé du 5 au 10 Mai.

[1] Въ 1815 году страшный пожаръ истребилъ значительную часть города Казани.

Le point essentiel est de faire le choix de l'individu principal qui accompagnera le G.D. et qui influera si essentiellement sur le plus ou moins d'utilité de ce voyage. Je ne cache pas que cette pensée a absorbée toute ma réflexion, car je reconnais ce choix très difficile. Parmi bien des généraux distingués et jouissants de la bienveillance de l'Empereur, je puis nommer entre autres Mrs. de Rajewski et de Wassiltchikof qui réunissent l'assentiment général, mais je sais, qu'ils ont des corps à commander, et j'ignore s'il entrerait dans l'intention de l'Empereur de les en éloigner. Comme le voyage du G. D. Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique, peut-être l'Empereur trouvera-t-il qu'une personne de distinction civile qui aurait la connaissance de l'intérieur serait propre à accompagner mon fils, et sous ce rapport le sénateur Lwof, quoique je ne le connaisse pas personellement se présente à ma pensée comme quelqu'un qui jouit d'une réputation distinguée et qui a réuni tous les suffrages comme gouverneur, ce qui fait préjuger qu'il pourrait être d'une grande utilité dans ce voyage pour le G. D. qui ne durant que 4 mois ne l'éloignera pas trop longtemps des affaires de la maison des enfants trouvés, dans l'espérance que les jours de Mr. Lunin seront conservés aussi longtemps. Je propose en outre de faire accompagner le G. D. par Mr. de Savrassof et Mr. de Glinka tous deux bien faits pour contribuer de leur côté à l'utilité du voyage. Toute la suite ne serait donc composé que de ces trois messieurs et de son chirurgien, quand aux détails je ne m'étends pas à leur sujet dans ce papier, l'Empereur voudra prononcer sur tous ces points.

Le choix de l'Empereur tombe sur M-r de Wassiltchikow et à son défaut sur le général Weliaminof ou Demidof.

L'Empereur approuve le choix de M-r de Savrassof et Glinka.

Lorsque le G.D. sera revenu de sa tournée dans le pays et qu'il entreprendra son voyage à Berlin, la Hollande et l'Angleterre il faudra un nouveau choix pour la personne de marque qui l'accompagnera, et alors il sera de nécessité que ce soit un militaire, mais comme nous avons quelques mois à y penser, je présenterai alors mes idées à l'Empereur.

La réponse de M-r de Wassiltchikof déterminera, si c'est lui ou un autre qui accompagnera Nicolas pour ce nouveau voyage.

L'Empereur permettra-t-il de fournir aux frais du voyage et aux dépenses qu'il exigera de la somme des apanages?

L'Empereur a consenti à ce point.

Ce 15 Avril 1816.

XII.

Записка императрицы Маріи Ѳеодоровны по поводу путешествія великаго князя Николая Павловича, 1816 года.

Рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны написано: «Copie faite sur mon original donné à mon fils, ce 1 Mai 1816».

Réponses.	Questions à proposer à l'Empereur.
Oui.	1°) L'Empereur permet-il de fixer le départ du Grand-Duc au 9 Mai. Mercredi matin?
Oui.	2°) L'Empereur permet-il à M-r de Koutouzoff de prévenir où il appartient du départ du Grand-Duc pour préparer les chevaux?
Oui.	3°) L'Empereur ayant déjà permis de subvenir aux frais de ce voyage du département des apanages. M. de Savrassoff est-il autorisé de s'adresser à ce sujet à M. de Gourieff, comme aussi au comte de Tolstoy pour les frais de la table?
L'Empereur le fera.	4°) L'Empereur daignerait-il donner ses ordres à l'amiral Greigh pour préparer un bâtiment à Kertch pour la traversée de la mer d'Asoff?
Il doit le faire.	5°) Le Grand-Duc à son arrivée dans les villes de gouvernement doit-il se rendre droit à l'église?
Il faut qu'il s'arrête dans les villes marquées dans l'itinéraire. Où cela sera possible et abandonner ceci au jugement du général Koutouzoff et de Nicolas.	6°) Le Grand-Duc doit-il s'arrêter partout où se trouve du militaire ou seulement dans les endroits où il se trouve rassemblé en bataillons ou escadrons?
Très certainement: comme aussi d'assister et de participer aux bals qu'on lui donnera.	7°) Le Grand-Duc doit-il inviter chez lui le gouverneur, vice-gouverneur et maréchal de la noblesse et le chef du militaire? La cuisine du Grand-Duc ne se compose que d'un seul cuisinier et d'un garçon de cuisine.
	8°) Le Grand-Duc doit-il accepter les invitations qu'on pourrait lui faire?
Très certainement.	9°) Le général Koutouzoff peut-il avertir les gouverneurs des provinces que le Grand-Duc n'a pas le droit d'accepter aucune supplique.
	10°) Comme le retour du Grand-Duc est à attendre du 5 au 10 Août et qu'ainsi qu'il est avancé de plus d'un mois, l'Empereur ne trouverait-il pas utile de profiter de ce surplus de temps pour accélérer le voyage d'Angleterre? En même temps Nicolas jouirait d'autant plus tôt du plaisir de revoir sa promise. Je propose donc, à compter du jour

du retour de Nicolas de se reposer quinze jours chez nous et d'entreprendre ensuite son voyage à Berlin, d'où après être resté trois semaines, il partirait pour l'Angleterre. L'itinéraire à suivre sera déterminé d'ici à ce temps: naturellement il doit lui donner la satisfaction de revoir ses soeurs en passant pour arriver à Calais, où vu la saison avancée il serait préférable que l'embarquement se fasse. Par cet arrangement il me parait que le départ du Grand-Duc pour ce voyage étant avancé d'un mois, il pourra arriver un mois plus tôt en Angleterre et pourra donner du moins quatre mois à la connaissance de ce pays si intéréssant. Il y serait donc à la fin d'Octobre, au lieu d'y arriver pour la fin de Novembre et y resterait Novembre, Décembre, Janvier, Février; il en repartirait au mois de Mars et serait rendu chez nous à la mi-Avril pour se préparer à la réception de la princesse que nous attendons en Mai.

Approuvé par l'Empereur le 30 Avril 1816.

XIII.

Наставленіе императрицы Маріи Ѳеодоровны великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія по Россіи въ 1816 году.

8 Mai 1816.

Le voyage que vous allez entreprendre. cher Nicoche. occupe toutes mes pensées et toute ma sollicitude maternelle. car quoique heureusement je n'aie pas (avec la bénédiction Divine) à craindre pour votre santé et conservation, elle n'en est pas moins vive, car elle porte sur l'influence que ce voyage aura sur votre bonheur futur, qui dépend si essentiellement de l'opinion que vous donnerez de vous à vos compatriotes. Dites-vous, cher Nicoche, que vous attirerez dans cette occasion toute l'attention publique sur vous. Vous avez un bel enjeu, car jusqu'à ce moment on vous aime d'espérance; on a entendu dire du bien de vous; mais voici l'instant où il faut consolider ce sentiment d'affection: il faut le mériter par votre bonté, votre affabilité qui doit se montrer dans vos manières. dans vos paroles, jusque dans le ton de votre voix, car en l'élevant trop, en la laissant se déployer dans toute sa force. elle acquiert une expression rude, qui ressemble à la brusquerie, ce qu'il faut absolument éviter.

Profitez avec reconnaissance pour l'Empereur de tous les moyens qu'il vous offre pour vous instruire; que toutes vos questions portent ce caractère réfléchi qui vous mène à ce but et faites attention que vos réflexions toujours mesurées, jamais tranchantes, conservent cette nuance de modestie, de retenue qui convient si bien à un jeune homme, surtout lorsque, comme pour vous encore, cher Nicolas, le but du voyage ne porte que sur l'instruction, la connaissance à acquérir de son pays et non pas celui d'une inspection qui exige un jugement plus sevère, toujours déplacé lorsque le devoir ne le com-

mande pas. Souvenez vous, cher Nicolas, que le voyage que vous faites dans ce moment n'a pas le militaire pour but principal; celui-ci consiste à apprendre à connaître votre patrie, à savoir l'apprécier dans ses détails, à connaître l'état de chaque province que vous parcourrez, ses ressources, ses manques, le moyen de les soulager; à voir tous les établissements utiles sous le rapport de la bienfaisance, de la science, les fabriques etc. Voilà, cher Nicolas, ce qui doit occuper votre esprit et toutes vos facultés, car vous devez rassembler pour la vie un fond de connaissances qui vous mettra un jour à même de bien servir l'Empereur, ainsi donc de vous rendre utile à votre patrie. Les connaissances militaires que vous acquérrez dans ce voyage ne sont à envisager que comme un accessoire utile, mais non pas devant l'emporter sur le principal. Jouissez et profitez aussi de celui-là; mais ne donnez pas à penser qu'il vous intéresse plus que le véritable, celui d'acquérir la connaissance de votre pays dans tous ses rapports, administratifs, commerciaux et d'industrie. Donnez tous vos soins, cher Nicolas, à la rédaction de votre journal. Dites-vous en vous occupant que c'est sur sa lecture et sur l'exposé de votre manière de voir, de juger, de sentir, d'apprécier, de présenter les objets, que l'Empereur, dis-je, basera l'opinion qu'il doit prendre de vous et fondera ses espérances sur votre utilité future. Que cette réflexion vous électrise, cher Nicoche, qu'elle vous fasse redoubler d'efforts, de moyens, de sollicitude pour votre travail. Combien même vous vous préparez à vous-même de jouissances, lorsqu'à un âge plus avancé vous pourrez le relire avec contentement et y puiser même quelques aperçus utiles à l'acquit de vos devoirs. Enfin, cher Nicoche, surveillez vous dans tous les moments de la journée, portez votre attention sur tout ce qui peut vous captiver l'estime de vos compatriotes. Dites-vous, que pour ainsi dire de province en province, de ville à ville, vous serez jugé. L'opinion sur vous se basera, et si comme je l'espère, l'impression que vous laisserez partout vous sera favorable, le voyage vous vaudra l'estime de vos compatriotes et c'est à la mériter constamment que doit tendre toujours et toujours le soin de votre vie entière. Je suis persuadée, cher Nicoche, que vous trouverez plaisir à consulter le général Koutouzoff (dont vous appréciez si bien le mérite) dans tous les cas douteux et que vous recevrez constamment ses avis avec reconnaissance et déférence. Vous connaissez de même le tendre intérêt que vous portent M. M. de Savrassoff et de Glinka, leur zèle éprouvé depuis tant d'années; ainsi je ne mets pas en doute les égards que vous témoignerez à leurs conseils.

Je ne prolonge pas ma lettre, cher Nicoche, à votre âge, mon bon ami, le coeur et l'esprit saisissent vite et bien les conseils émanés de la tendresse maternelle. Je termine donc ces lignes, en vous demandant et conjurant, cher et bien aimé Nicoche, de remplir ma juste attente et de me donner le bonheur de vous revoir plus digne encore de ma tendresse, pouvant me dire avec vérité: Maman, je suis content de moi-même, ainsi vous pouvez l'être. Alors mes voeux seront accomplis et je vous serrerai contre mon coeur avec toute la tendresse que je vous porte. Adieu, cher et bon Nicoche, que Dieu vous conserve; soignez votre santé, et dites-vous que dans tous les instants de ma vie je vous renouvelle toutes, toutes mes bénédictions.

Je vous embrasse de tout mon coeur

Marie.

XIV.

Инструкція императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову, 1816 года.

Monsieur le général de Koutouzoff. Appelé par la confiance de l'Empereur et la mienne à la mission d'accompagner mon très cher fils le Grand-Duc Nicolas, dans la tournée qu'il va faire en Russie, vous m'avez parlé avec tant de sensibilité des obligations que cette confiance vous impose sous tous les rapports, que je me crois autoriser à vous tracer une esquisse de mes réflexions sur ce sujet important, d'en fixer sur le papier les principales et d'arrêter ainsi le plan que vous vous êtes sans doute déjà tracé vous-même, tant pour la partie morale que la partie matérielle du voyage. Le premier objet qui se présente à la pensée sous le rapport moral est le but que l'on doit se proposer en faisant voyager dans sa patrie un jeune prince de l'âge du Grand-Duc Nicolas. Il ne s'agit pas de satisfaire une vaine curiosité, ni par conséquent de voir en courant beaucoup de pays, des nouveaux objets et usages, de beaux sites, mais de s'instruire en apprenant à connaître sa patrie sous les rapports qui intéressent le plus sa prospérité et de former son jugement sur des objets aussi essentiels. C'est donc dans ce sens qu'il faut venir au secours du Grand-Duc et l'aider à diriger son attention principalement sur les notions qui peuvent lui faire connaître l'état de chaque province, lui faire faire des comparaisons de l'une à l'autre, pour voir les divers degrés de prospérité, le plus ou moins de facilités ou d'entraves qui trouve l'action du gouvernement sous ce rapport, la cause de cette différence. Le Grand-Duc verra d'après la permission de l'Empereur les dicastères et les établissements publics. tels qu'université, école, hopitaux, prisons, hospices, et remarquera leur état, mais en s'entretenant avec les principaux employés des provinces pour recueillir les renseignements qui peuvent lui être utiles, l'intention de s'instruire doit seule se faire remarquer sans être égaré par le désir de juger, de prononcer et surtout de censurer, auquel la jeunesse se laisse aller quelquefois trop facilement.

Le Grand-Duc tiendra un journal exact de ce qu'il aura vu dans la journée, de renseignements intéressants qu'il aura recueilli, des observations qu'il aura faites et des réflexions que tout cela lui aura suggéré. Avoir soin que ce journal soit continué avec exactitude, rédigé avec sagesse et

Approuvé par mon fils ce dimanche 30 Avril 1816.

Copié et envoyé à M-r de Koutouzoff le 8 Mai 1816.

mesuré pour pouvoir être présenté à l'Empereur au retour du Grand-Duc, voila ce qui fera aussi un objet de votre sollicitude, auquel je vous prie de donner une attention particulière, en fixant surtout l'attention de mon fils sur cette occupation, d'autant plus que ce journal sera pour ainsi dire un certificat donné par le Grand-Duc lui-même du fruit qu'il aura retiré de ce voyage. Toute la conduite, le ton, les manières, les questions, les entretiens et réflexions, tout doit montrer dans le Grand-Duc non le frère de l'Empereur qui serait chargé d'une inspection, mais un jeune prince qui ne désire que de s'instruire. Il est essentiel de même que le Grand-Duc s'observe soigneusement pour que la haine qu'il éprouve contre toute géhenne ne donne prise à des observations désavantageuses. En donnant toute votre attention à ce que j'ai appelé plus haut la partie morale du voyage, vous l'apporterez, mon général, avec le même zèle, j'en suis sûre, aussi sur les parties matérielles et physiques, en y veillant par des courses trop prolongées ou trop fatiguantes dans les chaleurs, ou bien des voyages de nuit dans les contrées où ils sont pernicieux, n'altèrent la santé de mon fils, qu'en visitant les hopitaux et autres établissements de ce genre, l'intérêt qu'ils lui inspireront ne l'expose pas au danger de quelque contagion si funeste à son âge.

En vous retraçant ainsi rapidement et en raccourci mes réflexions, je me dis que vous les avez certainement fait vous-même au sujet du voyage projeté, et même j'ai la conviction intime que vous les développerez de plus en plus, à mesure que le besoin de les mettre en pratique se présenera et selon que l'esprit juste et éclairé, un coeur droit et animé de zèle et de dévouement pour la famille de votre souverain appuyé sur l'expérience vous les suggérera, afin de rendre ce voyage aussi utile au Grand-Duc qu'il est susceptible de le devenir, sans que les occasions qui s'offriront d'elle-même sous le rapport militaire soit par le local, soit par le souvenir des grands événements de l'année 1812, en satisfaisant au goût naturel, à l'àge et à l'état du jeune voyageur puissent tourner au détriment de l'objet qui forme le but principal du voyage, celui de la connaissance de la patrie.

C'est avec cette espérance et avec le sentiment de la plus parfaite estime que je suis etc.

XV.

Записка императрицы по случаю путешествія великаго князя Николая Павловича за границу въ 1816 году.

L'original est donné à mon fils.

L'arrivée du Grand-Duc Nicolas de son voyage actuel et son départ pour Berlin et l'Angleterre ayant lieu pendant l'absence de l'Empereur, il était essentiel de fixer dès à présent tout ce qui a rapport à ce second voyage et il a été arrêté ce qui suit:

1. L'Empereur a consenti que le général Koutouzoff accompagne, s'il le peut, le Grand-Duc dans ce nouveau voyage, ainsi que M. M. de Savrassoff et de Glinka, et considérant qu'aucun de ces messieurs ne connaît l'Angleterre, il a permis de leur adjoindre le baron de Nicolay, qui ayant longtemps séjourné et beaucoup voyagé dans ce pays, en a une connaissance exacte. Il a donc été arrêté d'envoyer un courrier au général Koutouzoff pour savoir ses dispositions relativement à ce nouveau voyage et dans le cas, où il n'y accompagnerait pas le Grand-Duc, on prendra d'autres arrangements.

2. L'Empereur accorde à M. M. de Savrassoff et Glinka leurs gages en argent pour tout le temps qu'ils seront hors du pays.

3. Les sommes qu'exigeront les dépenses indispensables du voyage, de la table, de l'entretien du Grand-Duc et de toute sa suite, ainsi que ses dépenses personnelles, étant trop considérables pour pouvoir être fournies de ce que reçoit le Grand-Duc vu la longue durée du voyage et le séjour extrêmement dispendieux en Angleterre, l'Empereur a permis de s'aboucher avec M. M. de Gourieff et le comte Tolstoy, afin que les sommes nécessaires soient fournies par le département des apanages et du comptoir de la cour. que tous les détails relatifs à ces objets soient réglés et déterminés et que dans le cas où les sommes fixées deviendraient insuffisantes. celui qui accompagnera le Grand-Duc. en premier, puisse de concert avec le comte de Lieven et par son canal faire les démarches nécessaires pour y suppléer. Il sera donc adressé des lettres à M. M. de Gourieff et le comte de Tolstoy, concernant les mesures à prendre pour ces dépenses.

4. L'Empereur accorde pour les dépenses personnelles du Grand-Duc la somme de cent mille roubles, que M-r de Gourieff passera des apanages.

Lu et approuvé par l'Empereur ce 5 Août au Palais Taurique.

Ce 5 Août 1816. Marie.

5. En considérant que l'arrivée du Grand-Duc à Pétersbourg, retardée par son séjour à Moscou, ne pourra guère avoir lieu que dans les derniers jours d'Août, qu'il ne pourra donc partir pour Berlin que le 10 Septembre et y arriver le 20, qu'y restant trois semaines il ne pourra repartir que du 10 au 12 Octobre, que la saison sera déjà bien avancée et que si le Grand-Duc s'arrête encore en Allemagne et à Bruxelles, son arrivée en Angleterre sera bien retardée et son séjour dans ce pays de beaucoup raccourci, il a été convenu avec l'Empereur, pour abréger la route, que le Grand-Duc se rendra de Berlin à Weimar, prendra de là le chemin le plus droit pour se rendre soit à la Haye, soit à Bruxelles et après un court séjour auprès de sa soeur, il ira au port le plus commode dans cette saison pour faire le trajet, soit à Ostende ou Dunkerque ou même à Calais pour abréger la traversée, vu la mauvaise saison. Il disposera son voyage de manière à être rendu en Angleterre à la fin d'Octobre ou tout au plus tard au commencement de Novembre.

6. Il a été arrêté de même qu'à l'arrivée du Grand-Duc à Londres, on dressera le plan de sa tournée par l'Angleterre et l'Ecosse et on déterminera s'il doit faire son principal séjour à Londres avant de commencer la tournée ou après l'avoir achevée. Il doit repartir d'Angleterre au commencement de Mars.

7. D'après le plan arrêté avec l'Empereur, le Grand-Duc se rendra d'Angleterre à Bruxelles ou à la Haye, selon que sa soeur se trouvera à l'un ou à l'autre des ces endroits. Après y avoir passé quelques jours avec elle, il prendra, soit par la Hollande à Dusseldorff et Cologne, soit par le Belgique à Aix-la-Chapelle et Cologne, le long du Rhin à Mayence et puis à Francfort sur le Mayn pour se rendre à Stuttgart. De là il fera un petit détour pour voir Cassel et se rendre ensuite par Weimar et Magdebourg à Berlin, où il se trouvera vers la fin de Mars; après y avoir passé une huitaine de jours, il arrivera vers la mi-Avril à Pétersbourg. afin d'avoir le temps nécessaire pour tous les préparatifs et arrangements que doivent précéder l'arrivée de la Princesse Charlotte.

8. L'Empereur permet que le chirurgien Crichton accompagne le Grand-Duc.

9. L'Empereur permet d'avertir M-r de Moukhanoff pour préparer les équipages du Grand-Duc.

10. L'Empereur permet de même d'écrire au comte de Lieven, afin qu'il ait soin de loger le Grand-Duc de la manière qu'il jugera la meilleure.

11. Le Grand-Duc consultera le comte de Lieven sur les relations avec le Prince Régent et la cour et se réglera d'après ses avis.

12. Le Grand-Duc consultera de même le comte de Lieven sur les invitations qui lui seront faites pour les dîners, en observant que moins il perdra de temps à ces dîners et mieux cela sera pour l'emploi du temps du Grand-Duc.

13. L'Empereur trouve qu'il n'est pas nécessaire de garder toujours l'incognito qu'on peut le prendre quand on veut pour éviter des cérémonies et dans le cas le Grand-Duc prendra le nom de comte de Romanoff.

XVI.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны графу Ливену, въ Лондонъ, 1816 года.

I.

5 Août 1816.

Monsieur le comte. Mon très cher fils, le Grand-Duc Nicolas, n'ayant pas eu l'occasion pendant son premier voyage de voir l'Angleterre, qui sous tant de rapports attire et mérite l'attention et l'intérêt du voyageur, il va maintenant se mettre en route pour vous arriver. Faisant des séjours à Berlin, Weimar et la Haye ou Bruxelles, il ne sera rendu en Angleterre qu'à la fin d'Octobre ou au commencement de Novembre et après avoir employé quatre mois pour son séjour à Londres et sa tournée par l'Angleterre et l'Ecosse, il reprendra au commencement de Mars le chemin du continent. Je vous en informe du consentement de l'Empereur, mon très cher fils, pour reclamer votre zèle et votre complaisance, dont le Grand-Duc aura grand besoin pendant son séjour en Angleterre; mais pour le moment je vous les demande particulièrement par rapport à son logement à Londres. De concert avec l'Empereur, je m'en remets entièrement à votre choix et jugement, et vous prie de lui en préparer de la manière que vous trouverez le plus convenable, en consultant votre connaissance locale et la conciliant avec notre devise: la simplicité. Vous trouverez ci-joint une note de toutes les personnes qui accompagnent mon fils et voudrez bien être persuadé de la confiance parfaite avec laquelle je m'en repose sur vos soins, ainsi que des sentimens d'estime et de bienveillance avec lesquels je suis

Votre affectionnée

Marie.

Au Palais Taurique.
Ce 5 Août 1816.

2.

Gatchina, ce 21 Septembre 1816.

Monsieur le comte. Ces lignes vous seront remises par mon très cher fils, le Grand-Duc Nicolas, pour lequel je reclame votre zèle et vos soins avec cette confiance que m'inspire la certitude de ne pouvoir le désirer en des meilleures mains pour tous les conseils, avis et directions dont il aura besoin pendant son séjour en Angleterre. Le temps qu'il doit y passer tant pour séjourner à Londres que pour faire une tournée par l'Angleterre et l'Ecosse étant limité à quatre mois, il s'agit de rendre ce court espace de temps aussi utile au Grand-Duc et aussi conforme au but du voyage, uniquement consacré à l'instruction, qu'il est possible de le faire. Son instruction, dont je joins un extrait, lui prescrit de vous consulter sur les relations avec la cour et le Prince Régent sur les invitations qui pourront lui être faites et sur son séjour à Londres, s'il doit précéder la tournée par le pays, ou si le Grand-Duc doit s'y arrêter, après avoir parcouru la Grande-Bretagne, ce, que l'on croit préférable. Je suis persuadée qu'il recevra de vous les meilleurs conseils relativement à ce qu'il aura à observer envers la cour et le Régent et qu'en combinant ce qu'exige du Grand-Duc la stricte convenance avec la connaissance que vous avez des circonstances locales et des habitudes, ainsi qu'avec l'utilité pour mon fils, vous le dirigerez dans ces cas avec le zèle et l'intérêt que vous inspirera votre dévouement pour le frère de l'Empereur et mon fils. Tant à l'égard des invitations qui lui seront peut-être faites, qu'en général de son séjour à Londres, ayant toujours devant les yeux l'emploi le plus utile de son temps, qu'on ne saurait assez économiser, vous l'aiderez à éviter non-seulement autant que possible la perte de ce temps précieux par les dîners et les grandes réunions que cependant on ne peut, ni ne doit décliner entièrement; mais encore tout ce qui pourrait d'une manière plus ou moins déguisée attaquer le moral du Grand-Duc, dans une ville où la perversité est si grande et si hardie. Pour procéder avec plus de méthode tant pour la tournée par l'Angleterre et l'Ecosse que pour le séjour dans la capitale, le premier travail à faire dès l'arrivée du Grand-Duc, sera de dresser un plan raisonné, qui servira de guide pour son voyage dans les provinces, et les visites qu'il y fera, ainsi qu'à Londres et dans ses environs aux établissements de tout genre les plus remarquables et les plus dignes d'attention. Celle de mon fils ne devant pas se borner à un seul genre d'objets, mais s'étendra autant que possible sur tout ce qui intéresse l'humanité, est d'une utilité générale, ou peint le caractère et les progrès particuliers d'une nation et le degré de culture dont elle jouit sous tous les rapports; c'est d'après ces vues que sera dressé le plan de voyage et il indiquera tant les établissements qui tiennent à l'administration civile, tels que le Parlement, dont les séances ne sauraient qu'intéresser le Grand-Duc, les tribunaux, les prisons, les maisons de correction etc., qu'à la partie militaire et marine, comme les arsenaux, ports, magasins, casernes, ateliers du gouvernement pour les besoins de l'armée et de la flotte, ou bien qui regardent les sciences et les arts, comme les universités, les musées, collections, manufactures, fabriques etc. ou enfin les provinces et les campagnes qui se distinguent par leur beauté et leur culture, les canaux et autres travaux publics, qui montrent la richesse et la prospérité d'un pays. La connaissance des personnages les plus distingués dans les sciences, les arts et même les lettres, autant que cela peut s'allier avec le temps dont le Grand-Duc peut disposer,

est un objet qui trouvera, j'en suis sûre, aussi sa place dans le plan à dresser et sous tous ces divers rapports vos conseils et vos directions seront de la plus grande utilité, de même que votre coopération dans les besoins pécuniers, en cas qu'il fut nécessaire de tirer de nouveaux fonds de Russie à l'expiration du crédit fourni au Grand-Duc, ce qui toute fois n'est pas probable vu l'étendue de ce crédit. Aussi je compte sur vous avec une confiance aveugle, suffisamment motivée par la connaissance que j'ai de votre zèle, de votre jugement, de vos connaissances locales et de votre empressement à vous rendre utile à mon fils, à mériter ma reconnaissance et l'approbation de l'Empereur. Ce sera une véritable jouissance pour moi que de trouver dans les services que vous rendrez à mon fils, un nouveau titre pour vous aux sentiments que je vous ai déjà voués et dont je me plais à vous renouveller l'expression, étant avec une estime et bienveillance sincères.

Votre affectionnée

Marie.

Vous voyez, mon bon comte Lieven, que je compte en plein sur votre zèle et votre attachement. Je me flatte, que vous trouverez dans ma confiance l'assurance la plus positive de mon estime.

XVII.

Записка графа Нессельроде великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія за границу въ 1816 году.

Mémoire destiné à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Nicolas à l'occasion de son voyage dans les pays étrangers.

Varsovie,
le 10 Septembre
1816.

Chaque pays est un monde. L'homme y passe. Une foule d'objets innombrables animés et inanimés, vivants et morts, mourants et renaissants, réels et factices, l'environnent. Sa pensée leur donne un mouvement rapide, une grande étendue et des relations très compliquées qui embrassent le passé, le présent et l'avenir.

L'attention de l'observateur le plus exercé en les contemplant en est absorbée très infructueusement, si des précautions bien calculées ne la dirigent invariablement dans sa marche.

Ces précautions se rapportent d'abord à l'observateur lui-même. Elles ont trait en second lieu aux objets qu'il observe et à la manière de les observer.

C'est en suivant cette division, qu'on tâchera de remplir le but, qu'on se propose d'atteindre par ce mémoire.

De l'observateur.

Arrivés à l'âge de maturité la nourriture de notre esprit et de notre coeur ne résulte essentiellement que du retour constant que nous faisons sur nous-mêmes soit en passant en revue nos pensées, soit en descendant souvent jusqu'au fond de notre conscience. Toute nouvelle notion n'est alors que le développement d'une connaissance déjà acquise antérieurement. Toute direction ou force nouvelle de nos affections n'est qu'une nouvelle expérience que nous faisons de nos propres sentiments.

Ses nouveaux objets qui tombent sous nos yeux ne sont donc, sous le rapport de l'instruction morale et intellectuelle, que des occasions au moyen desquelles nous nous étudions nous-mêmes, en apprenant véritablement ce que nous ignorions, et en sentant purement et profondément ce que nous devons à nous-mêmes et à nos semblables.

Cette vérité dont l'application indique toutes les précautions qui se rapportent à l'observateur, n'est que trop connue des hommes les plus habitués, ou les plus intéressés à se faire illusion, ou à faire illusion sur la nature des choses.

L'observateur en fournissant sa carrière dans des pays étrangers est conséquemment exposé à deux dangers.

A celui de ne point assez s'écouter et se sentir lui-même, et à celui de trop écouter et de trop sentir à la manière d'autrui.

Du premier danger.

Un Prince moins que tout autre homme a le temps de s'isoler et de se livrer aux épreuves de la méditation. Un jeune Prince moins encore.

Cependant sans faire souvent ces épreuves, les idées ne se coordonnent point. Leur absence ne se fait point apercevoir. Le besoin de les acquérir ne se laisse point sentir, comme un besoin de la première nécessité.

L'entendement d'un jeune Prince est le plus souvent meublé et même trop enrichi des connaissances empruntées à l'éducation littéraire et scientifique.

Assujetti, pour ainsi dire, à leur poids accablant, son esprit n'ose point les combiner, en s'élevant aux domaines supérieurs de l'invention. Il n'ose pas le faire parcequ'une nécessité extérieure ne lui en a point imposé le devoir, ni fait sentir vivement le besoin. Trop d'hommes habiles et instruits entourent le jeune Prince.

De là il résulte qu'il ne peut avoir autant qu'un jeune homme appartenant à tout autre classe, la juste mesure de ses forces intellectuelles, ni assez la conscience de ses propres sentiments.

Il est néanmoins plus que tout autre homme appelé à voir et à juger des choses, et à faire apprécier le jugement qu'il en porte.

De cette situation dérive la nécessité involontaire dans laquelle il se trouve ou de se référer habituellement à l'opinion de ses instituteurs, toutes les fois que de nouveaux objets fixent son attention, ou de les laisser passer sans y faire attention, pour ne point recourir sans cesse à ces secours importuns.

C'est là peut être le principe de cette méfiance, que les Princes ont quelquefois de leur propre aptitude aux conceptions et au travail, et de celle aussi que doivent néces-

sairement leur inspirer les hommes qu'ils jugent les plus capables et les plus excercés au maniement de la pensée, de la parole et de la plume.

Pour acquérir donc une confiance juste et modérée dans ses propres-moyens, un jeune Prince semble devoir se familiariser de bonne heure avec les connaissances qu'il possède, avec les sentiments dont il est pénétré.

C'est par un acte sévère de sa volonté qu'il passera en revue habituellement ses propres conceptions, en remontant, par des transitions spontanées, à celles mêmes qui constituent les rêves bizarres de la première enfance.

En associant à cette revue des connaissances, celle des sentiments intérieurs qui sont gravés au fond du coeur, il se jugera journellement sous les rapports plus essentiels encore de ses actions, de leur intention et de leur moralité.

Renforcé ainsi de tous ces secours intellectuels, accompagné des souvenirs les plus chers, qui rattachent la vie entière, au berceau, à la famille et à la patrie, ce Prince pourra se sentir, et ne sentir que soi, toutes les fois que de nouveaux objets lui fourniront l'occasion de développer ses connaissances et de former son coeur à l'école d'une véritable expérience.

Du second danger.

Placé dans cette attitude un jeune Prince ne se laissera point séduire par défaut de confiance en lui-même.

Mais il peut l'être par trop de confiance dans la politique étrangère qui tâchera de lui faire envisager toute chose sous les couleurs les plus favorables à ses propres intérêts.

Elle flattera à cet effet l'amour propre du jeune Prince en lui prêtant à chaque occurence, les idées et les opinions, qu'il n'a pas eu ni le loisir, ni l'occasion de former. En lui persuadant, qu'elles lui appartiennent en toute propriété, il n'est point difficile de les lui faire adopter.

On aime en général à jouir de préférence d'une fortune dont on se trouve inopinément le maître.

C'est en touchant sur des tons variés cette seule et unique corde, qu'une politique astucieuse s'empare à l'homme qui porte sans précaution ses premiers pas dans la carrière de la vie civile et publique.

Le moyen de se garantir de ce danger est un: être constamment et à chaque occasion de bonne foi avec soi-même. Si nous avons la connaissance la plus juste et la plus familière de nos propres moyens, et une confiance entière dans notre aptitude à en acquérir, il est impossible d'en emprunter d'étrangers, sans nous en apercevoir, ou de le faire volontairement sans nous l'avouer.

Dès lors nous jugeons des choses par nous-mêmes, l'opinion d'autrui, au lieu de devenir la nôtre, à notre insu, nous aide à rectifier celle qui nous appartient, et qui est le résultat de notre application.

Des objets à observer et de la manière de les observer.

Dès que le Prince voyageur aura la conviction intime des principes indiqués ci-dessus, ainsi que l'usage des précautions qu'ils suggèrent, il lui sera très facile de voir tous les objets qui intéressent son attention, dans leur ordre le plus naturel et sous le point de vue le plus juste.

Plutôt que de tracer ici la division et la subdivision de ces objets, on se bornera à établir une règle générale de laquelle dépend toute règle partielle à cet égard.

Tous les pays se ressemblent sous des rapports généraux. L'homme est partout le même. Partout il y a une classe nombreuse obéissante. et un ordre moins nombreux qui gouverne.

Nous avons la connaissance de notre patrie ou bien de notre imagination et de nos connaissances historiques. C'est toujours en comparant les idées qu'on a. avec celles qu'on se propose d'acquérir, que l'on procède à l'examen des choses qu'on observe, et qu'on en forme un jugement.

Mais des idées générales ne peuvent point se comparer à des idées particulières. Et c'est assurément du peu d'attention qu'on met à cette importante distinction, que dérivent toutes les erreurs et toutes les fausses opinions en fait de législation et de politique.

Pour étudier utilement un pays dans ses rapports intérieurs et extérieurs. on ne doit point le comparer à un autre pays idéal.

Il faut de toute nécessité le comparer à lui-même. Il en est d'un pays ou d'une nation comme d'un homme. On juge arbitrairement de l'homme. en le comparant à la hâte avec son semblable. On le scrute par contre jusqu'aux replis du coeur, lorsqu'on le juge d'après ses actions..... c'est-à-dire. lorsqu'on le compare constamment à lui-même.

Pour juger donc des moeurs, des lois, de l'administration et de la politique d'un pays, il faut comparer la situation actuelle de ce pays à son histoire.

Cette règle générale embrasse toutes celles que le Prince voyageur s'imposera de son propre mouvement à l'effet de bien voir et de bien juger des choses.

Il s'en suit qu'il s'occupera de préférence, durant ses voyages, de la lecture des aperçus qui renouvellent dans sa mémoire les notions historiques qu'elle possède.

Ayant sous les yeux l'histoire du pays qu'on visite indépendamment des grands avantages qu'on vient d'indiquer. le voyageur recueillera celui de devenir éminemment agréable aux hommes les plus noblement dévoués à l'honneur et à la gloire de leur patrie. Il leur parlera familièrement et facilement le langage qui est le plus fait pour relever ces sentiments.

On ajoutera ici un aperçu sur l'origine des institutions politiques de l'Angleterre. Il est le résultat de la manière de voir. qui est la plus conforme aux principes qu'on a tâché de consigner brièvement dans ce mémoire.

Plutôt que de juger de l'Angleterre sous ce rapport en comparant cette nation aux autres nations de l'Europe, on en juge en la comparant à elle-même.

Origine des institutions politiques de l'Angleterre.

L'Angleterre est de tous les Etats de l'Europe celui qui constate le plus évidemment aux yeux de l'observateur cette vérité importante et si obstinément méconnue. savoir, que les institutions sociales ne sont jamais le résultat de la seule volonté de l'homme, mais au contraire le fruit du temps, des évènements. c'est-à-dire de la nature des choses.

Le progrès de ces institutions dont la Grande Bretagne s'enorgueillit maintenant à si juste titre, a été d'une lenteur vraiment extraordinaire. Non-seulement aucun individu

ne peut être cité pour avoir posé la première pierre de cet antique édifice, mais même il serait difficile d'assigner au juste l'époque, à laquelle la première impulsion fut donnée.

En consultant les annales de ce pays qui doit tout à sa situation géographique, la première trace historique que l'on puisse découvrir d'une tendance nationale vers un système de liberté, c'est incontestablement la concession de la Grande Charte par Jean-sans-terre.

Cet acte passé entre le souverain du pays et les diverses classes d'habitants, en 1215, c'est à dire il y a six cents ans, ne fut nullement un pacte prémédité entre le gouvernement et le peuple.

Il ne présente encore que des concessions portant sur de simples privilèges partiels, et qui ne furent motivées que par des circonstances désastreuses, personnelles au roi.

Ce point de départ devenu si important depuis, par ses conséquences éloignées, n'offrait alors aucun présage de combinaisons plus générales.

C'était un germe, dans lequel personne ne soupçonnait encore la source imperceptible d'une immense végétation.

Peut on de bonne foi attribuer à ce fait isolé l'origine de la constitution anglaise? Les concessions obtenues en 1215, n'étaient-elles pas depuis longtemps l'objet des voeux et des tentatives des grands barons et du peuple? Le mélange de la race saxonne aux indigènes bretons, et par conséquent le souvenir des libertés germaniques, l'isolement du pays si propre à diriger l'activité de la nation vers son intérieur, la certitude de pouvoir se diviser impunément, enfin l'ascendant des croisades sur l'esprit du temps, qui était alors dans toute l'Europe un moyen irrésistible d'affranchissement et de liberté, toutes ces causes ne doivent-elles pas être considérées, comme autant d'éléments de la constitution anglaise, comme autant de conditions nécessaires, sans lesquelles la volonté des hommes n'eut jamais pu produire rien de semblable.

Après avoir donné à cette vérité de fait toute l'application dont elle est susceptible, l'observateur étudiera avec fruit toutes les variations, que la marche de l'esprit public a subies en Angleterre pendant une longue suite de siècles. Il ne sera pas étonné de voir tous les efforts vers la liberté interrompus pendant de longs intervales.

La lutte formidable entre les maisons de York et de Lancaster, qui déchira pendant si longtemps l'Angleterre, ne se termina que par l'affermissement du pouvoir absolu, qui dégénéra bientôt en despotisme.

L'intérêt national fut comprimé; on s'éloigna du but, mais la nature des choses ne peut être transformée, et le sceptre de fer de Henry VII, Henry VIII et Elisabeth, qui s'étendit même jusque sur les consciences, ne réussit jamais à détruire les germes de liberté que renfermait le sol de la Grande-Bretagne.

Quel acte de la volonté humaine plus absolu que celui de faire abjurer instantanément son culte à tout un peuple?

Quel est l'observateur contemporain, qui n'ait vu dans cette métamorphose inouïe l'affermissement à perpétuité du despotisme en Angleterre? Cependant, c'est là ce qui a préparé et déterminé la renaissance des formes constitutionnelles.

La reformation en rattachant l'Angleterre à l'esprit du temps réveilla tous les besoins, toutes les inclinations nationales, et prononça d'avance l'arrêt de proscription de la maison des Stuarts. Mais encore, par combien d'épreuves a-t-il fallu passer pour atteindre ce but!

Lors même que les évènements eurent porté les choses à leur point de maturité, on se garda de créer de nouvelles institutions.

On se borna à supprimer celles qui étaient d'une date postérieure, telles que la Chambre étoilée et les commissions arbitraires parce qu'elles avaient transformé la prérogative royale en pouvoir absolu.

On reprit les communes là où les avaient laissées la Grande Charte et l'on aima mieux se soumettre à quelques inconvénients secondaires, que d'ouvrir la voie à des dangereuses innovations.

C'est de ce mélange d'usages antiques et de formes nouvelles que se composent les institutions anglaises.

L'observateur, en les étudiant avec attention, découvrira dans ces incohérences mêmes le secret de leur solidité.

Personne n'a fait la constitution anglaise, et personne n'y touche. C'est du conflit soutenu et modéré entre l'esprit du gouvernement et celui de la nation qu'est resulté ce bel édifice. Il peut être comparé à une digue élevée au confluent de deux fleuves, qui l'ont consolidée par leurs alluvions.

On ne saurait donc se défendre de payer un juste tribut d'admiration à ce phénomène de l'existence sociale et politique. Mais il serait dangereux de tomber, en l'admirant, dans une erreur si commune de nos jours: je veux dire la persuasion, qu'il est possible d'adopter ces mêmes formes à d'autres peuples et à d'autres états. Ce serait oublier, que le grand développement des institutions anglaises n'est dû qu'à l'isolement de ce pays. Sans cette circonstance il est hors de doute, que les grandes secousses que l'Angleterre a subies, auraient menacé plus d'une fois son indépendance nationale et politique. D'ailleurs l'enchaînement des causes naturelles et des effets nécessaires est la seule garantie de la durée d'une institution.

Or vouloir emprunter des formes étrangères, pour constituer un peuple quelconque, c'est substituer l'ascendant accidentel de la volonté à une série entière de causes souvent immémoriales, et s'efforcer d'en imiter les effets. On n'aura donc jamais que la lettre d'une constitution, et non son esprit.

Mais il y a plus. Non-seulement les formes d'une constitution ne sont point applicables à d'autres états: souvent même les principes sur lesquels elle se fonde, et qui cependant sont d'une vérité générale, ne sauraient être adoptés sans des mesures préparatoires et mûrement combinées. Par exemple, le principe qui établit, que tout citoyen doit être jugé par ses pairs, est d'une vérité et d'une justice universelle. Cependant que de soins ne faut-il pas pour amener toutes les classes au point de pouvoir exercer avec fruit cette juridiction honorable. Il en est de même du droit de se taxer, d'examiner la conduite des ministres de l'état, et autres prérogatives de cette nature.

La composition du parlement décèle la tendance mercantile et industrieuse du peuple anglais. La classe agricole n'y a point de représentants distincts, comme en Suède et dans quelques parties de l'Allemagne. Les villes et bourgs représentent la nation. Il serait peut-être très dangereux d'altérer cette nuance soit en Suède, soit en Angleterre. Les abstractions éloigneraient du but, tout en consultant la justice. La noblesse anglaise ne déroge point en faisant le commerce, parce que le gouvernement lui-même n'est que le premier et le plus riche spéculateur. Sous des auspices différents, cette même loi serait ailleurs très pernicieuse, soit parce qu'elle dénaturerait la destination de la noblesse, soit

enfin parce qu'elle ne réserverait aucun moyen de bien être aux classes. qui ne possèdent point les grandes proprietés foncières.

Il en est de même de toutes les particularités, qui composent le système de gouvernement qui a prévalu en Angleterre. Plus on les étudie et plus on se persuade, que le tout n'est point l'ouvrage de la volonté des hommes: que les bases de cette constitution sont la vie domestique, les moeurs et les souvenirs du peuple anglais, préservés de toute atteinte par les mers qui environnent sa terre natale: enfin que leurs institutions ne méritent d'être contemplées de près que pour exercer l'esprit de l'observateur à la réflexion et non comme un répertoire de formes constitutionnelles, où l'on puisse emprunter les dimensions d'un nouvel édifice, sous tout autre ciel et dans tout autre climat.

XVIII.

Письма императора Александра принцессѣ Шарлоттѣ Прусской, 1816—1817 годовъ.

1.

Madame!

Je prie Votre Altesse Royale de recevoir mes plus humbles remercîments pour l'aimable lettre qu'Elle a eu la bonté de confier à Monsieur de Schilden pour moi. Son retour me fournit l'occasion de me rappeler au souvenir de Votre Altesse et de lui dire que j'ai tâché de m'acquitter de mon mieux de ses intentions. que M. de Schilden m'a fait connaître.

D'abord le voyage de mon frère Nicolas à Berlin est définitivement arrêté. il se fera seulement un mois et demi plus tard. mais par contre aussi mon frère aura l'avantage d'y retourner une seconde fois en revenant de sa tournée. Le second objet, l'arrivée de Votre Altesse chez nous ne lui sera proposée qu'absolument d'accord avec ses intentions. c'est-à-dire dans le courant du mois de Mai 1817. par conséquent un mois avant que mon frère ait atteint sa 21-me année. époque jugée être la plus convenable pour la conclusion du mariage.

Croyant ainsi avoir rempli ses désirs, me serait-il permis d'énoncer à Votre Altesse Royale les miens? Ils se bornent à lui demander comme une grâce. qu'Elle voulut bien d'abord mettre de côté tous ces titres et ces cérémonies qu'Elle emploie dans ses lettres à moi. et qui me paraissent si peu fait entre soeur et frère. J'ose me croire quelques droits à ce dernier titre. soit par les liens qui vont se former. soit surtout par tout l'attachement respectueux que je lui ai voué dès le moment que j'ai eu le bonheur de la connaître. Au reste il m'est bien plus cher et plus flatteur que tous les autres. De mon côté je me conformerais aussi à ce qu'Elle voudra établir entre nous.

La seconde grâce que je lui demande. c'est de vouloir bien accepter comme souvenir. le petit envoi que j'ose lui adresser et pour lequel je lui demande son indulgence.

En même temps je prie Votre Altesse Royale de me conserver ses bontés et de recevoir l'hommage de tous les sentiments que je lui porte.

De Votre Altesse Royale

le bien respectueusement dévoué

futur beau-frère

Alexandre.

St. Pétersbourg,
le $\frac{15}{27}$ Janvier 1816.

2.

Madame!

Je profite du départ de Monsieur de Jouffroy, pour mettre aux pieds de Votre Altesse Royale, l'hommage de ma vive reconnaissance pour sa lettre du 16 Janvier et pour le souvenir qu'Elle a bien voulu y donner à ma fête. C'est surtout la bonté avec laquelle Elle s'exprime sur le lien qui va l'unir à notre famille, qui m'a bien sensiblement touché. Appréciant ce bonheur dans toute sa valeur, j'ose l'assurer cependant, qu'il ne saurait rien ajouter aux sentiments d'attachement respectueux que je Lui ai voué déjà, et qui, j'ose le dire, sont indépendant et de la position dans laquelle nous allons nous trouver, et du rang qu'Elle occupe.

C'est au charmant séjour de Landeck que je dois le bonheur de Vous avoir connu, d'avoir pu vous apprécier, aussi ce souvenir me sera constamment cher.

Je prie Votre Altesse Royale de vouloir agréer avec indulgence l'expression de ces sentiments qui sont aussi sincères qu'inaltérables, et suis:

de Votre Altesse Royale

le bien respectueusement dévoué

futur beau-frère

Alexandre.

St. Petersbourg,
le $\frac{8}{20}$ Janvier 1816.

3.

Le désir de vous offrir mes félicitations et mes voeux, très chère soeur, sur votre jour de naissance, me fournit cette occasion pour me rappeler à votre souvenir et vous remercier pour votre aimable lettre du 2 de Mars, qui m'aurait encore fait plus de plaisir, si les Majestés et les Sires en aurait été bannis. Vous voyez, très chère soeur, que je suis plus docile que vous et que j'obéis à vos ordres, quoique bien certainement, cela aurait été à vous à commencer et à m'autoriser par votre exemple. Au reste j'avoue avec franchise que c'est avec un véritable plaisir que je vous trace le nom de soeur et je me sens tout fier d'en avoir une pareille. Puisse-t-elle conserver un peu de ses anciennes bontés à un frère qui lui est bien sincèrement attaché.

Nos dernières nouvelles de Nicolas ont été de Kiew. Il se porte très bien et met une très grande diligence à son voyage qui sera terminé j'espère au commencement d'Août v. st., par conséquent il se trouvera à Berlin exactement au temps que je vous l'avais annoncé, chère soeur. Je suis sûr qu'il est bien impatient de ce moment, et nous tous, nous attendons celui du mois de Mai 1817.

En attendant je prie ma chère et si aimable soeur, de me continuer son précieux souvenir et de me croire de coeur et d'ame tout à elle pour la vie

Alexandre.

Zarscosélo,
le $\frac{17}{29}$ Juin 1816.

Ma chère soeur voudra-t-elle être assez bonne pour me rappeler au souvenir du Roi, de ses frères et soeurs, et particulièrement à celui de la Princesse Frédérique et du alte Stabsofficier.

4.

Au lieu d'indiscrétion, chère soeur, c'est un plaisir bien véritable que me procurent chaque fois vos aimables lettres. Je serais même tenté de vous faire un peu la guerre, pour une expression si contrastante de l'impression que toute marque de votre souvenir doit produire et surtout sur un frère, qui vous est aussi sincèrement attaché que je le suis.

L'heureux moment où nous espérons vous posséder chez nous approche, et il me serait difficile de vous exprimer combien nous en sommes heureux et impatients. Cependant vous pouvez voir par la lettre de ma Mère, ainsi que par la mienne au Roi, que c'est à lui seul que nous nous en soumettons, pour fixer l'instant de votre départ. Nous savons sentir tout ce que cette séparation a de cruel.

Nicolas aura le bonheur de vous recevoir à la frontière, ensuite il fera votre quartier maître, en vous recevant de même dans toutes les villes successivement sur toute la route.

Combien je suis reconnaissant au Roi de me procurer le véritable plaisir de posséder chez moi le Prince Guillaume. Tout ce que je désire c'est de réussir à ce qu'il se plaise chez nous.

Quant à vous, chère soeur, tout ce qui peut exister de soins et de tendresse vous seront vouées. Nous sentons tous si bien le prix de vous avoir dans notre famille, que chacun rivalisera du désir de vous prouver son affection.

L'espoir de voir dans un an le Roi et le Prince Royal chez nous m'enchante. C'est une nouvelle obligation que j'aurais à Sa Majesté. Aussi je vous certifie que je m'en fais une vraie fête.

Le profond respect avec lequel vous terminez, chère soeur, votre lettre, s'il pouvait être remplacé par un peu d'amitié, m'aurait fait mille fois plus de plaisir. Quant à moi je finis en vous réitérant l'assurance du tendre et sincère attachement que je vous ai voué pour la vie.

Alexandre.

Veuillez embrasser de ma part l'alte Stabsofficier.

Zarscosélo,
le $\frac{4}{16}$ Mai 1817.

XIX.

Письма императора Александра великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 1820—1821 годовъ.

I.

Varsovie, le 10 Septembre 1820.

C'est avec une bien vive reconnaissance, chère soeur, que j'ai reçu votre si aimable lettre du 27 Août. ainsi que les souhaits que vous avez bien voulu y exprimer pour ma fête. Persuadez-vous que toute marque d'amitié de votre part a un prix infini pour moi.

Je regrette bien vivement que vous croyez qu'il existe encore quelques nuages entre nous [1]. Au moins de mon côté je puis vous garantir, que dès le moment que je vous en avais parlé tout était dit, et qu'il ne restait en moi d'autre sentiment que celui de la plus tendre affection pour vous. Plus cette affection est vive et plus tout ce qui vient de vous, doit nécessairement avoir de valeur pour moi.

Nous serons longtemps sans vous voir, chère soeur. et c'est une idée qui m'afflige beaucoup. C'est bien à moi à craindre d'être si non entièrement effacé de votre souvenir. du moins de vous retrouver désacoutumée de moi et de cette indulgence à mon égard, dont je sens si parfaitement avoir besoin plus que bien d'autres. Veuillez vous persuader que chaque lettre de votre part sera reçue avec un plaisir extrême et avec autant de reconnaissance.

Celle-ci vous parviendra au moment à peu près de votre départ. J'aime à penser que vous goûterez une jouissance véritable de vous retrouver au sein de votre famille et je préfère m'arrêter à cette idée, qu'à celle de la peine inévitable que vous éprouverez, en vous séparant de vos charmants enfants. Les réflexions que vous faites sur les singulières contradictions dont la vie humaine est parsemée, sont parfaitement justes. Plus vous avancerez en age et plus vous en aurez de preuves convaincantes. Heureux sont ceux, qui s'attachent par préférence aux verités immuables. elles seules traversent les temps, les époques, les circonstances, sans éprouver de variations.

Dites, je vous prie, mille choses de ma part à votre mari. J'aurais grand plaisir à le revoir et l'avertirais exactement à Berlin sur le moment et le lieu où notre entrevue à nous deux pourra avoir lieu.

Adieu. chère soeur,—puis-je dire chère amie? Cette expression a une grande signification dans mon coeur! Je ne me soucie pas beaucoup de cette amitié banale du monde. Un ami ou une amie deviennent des êtres sacrés pour moi. Je sens pour vous tout ce

[1] Это мѣсто императора Александра объясняется воспоминаніями великой княгини Александры Ѳеодоровны за 1820 годъ, въ которыхъ записано:

«Je n'avais pas compris le caractère soupçonneux de l'Empereur, défaut inhérent au sourds... Il s'imaginait voir des choses auxquelles personne n'avait pensé, qu'on se moquait de lui, qu'on l'écoutait pour rire, qu'on se faisait des signes que lui ne devait pas remarquer... Je pleurais tellement, lorsqu'il me fit ces remarques et reproches, que j'en suffoquais presque; mais depuis, jamais il n'y eut plus un nuage entre nous; il crut à ma bonne foi, à mon amitié pour lui, qui tenait de l'adoration, presque à l'exaltation et certes pas à de la moquerie».

qu'il faut pour vous donner ce nom en toute pureté. Mais il faut de la reciprocité et surtout sincère. En attendant tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

A.

P. S. La diète a commencé sous de très bons auspices et j'ai lieu d'être très satisfait de la disposition des esprits. Je joins ici le discours d'ouverture.

2.

Troppau, le $\frac{14}{26}$ Novembre 1820.

Ecrivant à Nicolas. je ne puis résister. chère soeur, au besoin de vous tracer quelques lignes. Tant que vous étiez privée de la présence du Roi, de votre frère, je n'ai pas voulu vous séparer encore de votre mari. Maintenant que le Roi et le Prince Royal vous ont rejoint. j'écris à Nicolas pour qu'il vienne me voir pour quelques jours. Ce n'est pas pour mon seul plaisir que je vous impose, chère soeur, cette nouvelle séparation; Marie est ici et elle partage mon désir de revoir Nicolas. Ainsi du moins, ne m'en voulez pas de mal à moi tout seul.

Après cette exorde. il faut que je vous exprime tout le plaisir extrême que m'ont causé vos deux dernières lettres de Gatchina du 16 Septembre et de Berlin du $\frac{4}{15}$ Octobre, par la manière si amicale dont vous m'y parlez. Ce que je vous dis là au moins n'est pas une phrase chère amie, et je vous en offre ma plus sensible reconnaissance. Avec quelle satisfaction je me sers de ce nom: vous m'y avez autorisé vous-même et d'une manière si aimable. aussi je vous le dis chère amie du fond du coeur. Qui a plus de droit que vous. d'avoir cette douce persuasion dont vous me parlez, d'être aimée? Jamais nul doute ne devait. ne pouvait s'élever à ce sujet de votre part. Mais il ne s'en suit pas. que chacun puisse avoir cette même certitude. surtout quand on porte en soi la conviction de n'y pas avoir les mêmes titres.

Croyez que j'ai bien vivement partagé toute la joie que vous avez éprouvée de vous retrouver au sein de votre famille. Aussi ai-je bien pensé que cette réunion de Troppau vous paraîtra être venue bien mal à propos troubler votre contentement. Mais puisque le Roi et votre frère vous sont revenus. il me sera permis de vous dire, que j'ai eu infiniment de plaisir à les revoir et à me retrouver encore une fois avec le Roi dans ces relations d'intimité et de rapport journalier, dans lesquels nous avons été pendant toutes ces mémorables époques passées.

Je vous remercie. chère soeur, pour les voeux que vous faites, pour que la Providence Divine daigne bénir notre ouvrage. J'aime à espérer qu'ils nous porteront bonheur et qu'Elle les exaucera. Sans Son secours rien de bon ne peut se faire.

Le Roi vous aura fait j'espère une description fidèle des charmes de la ville de Troppau et de ses agréables promenades si propres, et surtout de la température délicieuse dont nous y avons joui. Heureusement encore, nos logements sont bons, et du moins est-on commodément arrangé pour s'occuper de son travail.

Combien je suis charmé de savoir que votre santé s'améliore sensiblement. Mais en grâce continuez à vous ménager et point d'imprudences. J'espère surtout que vous êtes complétement docile aux ordres des médecins.

Vous avez appris l'événement scandaleux, survenu au régiment de Semenovsky. Il m'a fait une peine sensible, je ne le cache pas. La chose est mauvaise sous tous les rapports, malgré qu'elle ne ressemble pas à ce que nous avons vu se passer en Espagne, Naples et Portugal. Mais dans une bonne armée rien de pareil ne doit arriver. Aussi le pauvre Michel est-il désolé, quoique il n'y a certainement pas le plus léger reproche à lui en faire et qu'il n'a employé ses soins et ses peines, qu'à rendre le régiment bon.

Avant de finir cette lettre, j'ai bien envie de vous gronder un peu. chère amie. sur un passage de votre lettre de Gatchina: «moquez-vous de mon style. de mes expressions, je vous les abandonne!» Pourquoi dire des choses pareilles? Vos lettres sont aussi charmantes, que vous l'êtes vous-même; il n'y a donc pas de quoi se moquer. D'ailleurs vous savez que je ne suis pas moqueur! Au lieu de cela. laissez-moi vous répéter qu'elles m'ont fait un plaisir véritable par l'amitié que vous m'y temoignez. Continuez-la moi. chère amie, j'ose croire n'en être pas tout à fait indigne par le tendre et sincère attachement que je vous porte et qui vous est voué pour la vie. Tout à vous de coeur et d'âme.

A.

Rappelez-moi au souvenir de Sa Majesté et remerciez-le pour la manière dont il a bien voulu être pour moi, et à laquelle je mets tant de prix. Mille respects à la Princesse Guillaume, à vos frères et soeurs. Veuillez remercier ma future nièce pour avoir eu la bonté de se rappeller de moi. J'ai osé lui adresser une épitre par Goutakovsky pour la remercier du sien.

3.

Laybach, le $\frac{9}{21}$ Mars 1821.

Il y a bien longtemps, chère soeur. que je n'ai pris la plume pour me rappeler à votre souvenir. Dans un séjour comme celui de Laybach, à moins de vous parler d'affaires, il n'est guère possible de rendre une lettre intéressante. Recevez mille remercîments pour la vôtre du $\frac{30}{18}$ Décembre et pour tout ce qu'elle contient d'aimable pour moi.

C'est le comte Bernstorf, chère amie, qui vous remettra celle-ci. Il pourra vous rendre compte, que la nouvelle insurrection à la mode d'Espagne. qui vient d'éclater en Piémont, n'a pas diminué de nos occupations. Il est bien heureux. que nous nous trouvions encore réunis à Laybach, et que les mesures décisives ont pu être prises le lendemain. Elles sont sérieuses et telles que les conjonctures actuelles les exigent.

Le comte Bernstorf vous porte en même temps l'heureuse nouvelle de la fin des opérations militaires sur Naples. Le succès a été au delà de tout ce qu'on avait droit d'attendre. soit pour la promptitude, soit pour le peu de résistance qu'on a rencontré. Cette guerre n'a coûté que 50 hommes à l'Autriche. Grâces en soient rendues à la Providence Divine.

Puisse-t-elle nous accorder le même bonheur dans l'affaire Piémontaise et prévenir d'autres explosions, auxquelles je m'attends je vous l'avoue, connaissant l'activité infernale du foyer directeur qui se trouve à Paris.

En voilà cependant assez sur les affaires.

J'espère que votre état de veuvage va bientôt cesser. et Nicolas doit vous rejoindre sous peu. Dites-lui mi.le choses de ma part quand il sera de retour. J'ai eu une lettre de lui de Pétersbourg. dans laquelle il paraissait très content des troupes sous ses ordres. mais surtout d'avoir revu ses enfants qu'il a trouvé prospérés.

J'ai fait exactement la même réflexion que vous sur les suites de la partie en telechka par rapport au mariage de M-lle Samoïlof. Combien d'autres auraient voulu avoir été à cette partie pour obtenir un résultat semblable. Cependant cet hiver-ci paraît avoir été fécond en arrangements de mariages. Celui d'Adèle Stroganof est fait. On parle de celui de Lévachof avec M-lle Miatlef. de Nicolas Dolgorouky avec la Pr. Galitzin. fille du Pr. Dmitri. de Wladimir Galitzin avec une demoiselle Matunin. du général Ermolof, qui commande le corps en Géorgie. avec M-lle Pachkof, du Pr. Woronetzky, aide de camp d'Ojarofsky, avec une demoiselle Lang de Varsovie. de Choiseul. des Hussards de la Garde. avec la Pr. Galitzin. fille du Pr. Grégoire. En voilà assez j'espère?

A Laybach par exemple. il n'y a ni parties en telechka. ni mariages qui parviennent du moins à notre connaissance. La situation locale est très pittoresque. ainsi que les environs; du reste un train de vie monacal dans la force du terme.

Il n'en est pas de même pour vous et le carnaval de Berlin a été superbe à ce qu'on dit. Le Prince Partana. entre autre. nous en a fait de brillantes descriptions. Ce dont je jouis plus. c'est de l'idée que vous êtes heureuse et contente. au sein d'une famille qui vous chérit. Dites-vous. chère amie. que toute sensation de bonheur que vous éprouvez est profondément sentie par moi et que tous mes voeux vous accompagnent constamment partout. Mille hommages au Roi de ma part, et rappelez-moi au souvenir de vos frères et soeurs. Adieu. chère amie. ne m'oubliez pas tout à fait et persuadez-vous que je vous porte le plus tendre et le plus sincère attachement.

A.

4.

Laybach, le $\frac{21\ \text{Avril}}{3\ \text{Mai}}$ 1821.

Je ne veux pas laisser passer cette journée, chère amie, sans vous offrir mes félicitations et mes voeux les plus sincères pour votre bonheur inaltérable. Puisse la Divine Providence vous combler de tous ses bienfaits les plus précieux. C'est un frère qui vous aime du fond de son âme qui. vous offrant l'expression de ses sentiments, désire ardemment que vous lui conserviez votre amitié à laquelle il attache un prix infini. Tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

Alexandre.

Je rouvre ma lettre, chère amie, pour vous dire que j'avais espéré avoir une occasion pour vous l'expédier. cependant jusqu'à aujourd'hui elle ne s'est pas présentée, aussi ma lettre sera un peu vieille quand elle vous arrivera. Depuis trois jours je suis en possession de la vôtre du $\frac{19\ \text{Avril}}{1\ \text{Mai}}$ pour laquelle je ne saurais assez vous remercier, ainsi que pour l'amitié que vous m'y témoignez. C'est demain que je pars pour Pétersbourg après avoir achevé toutes nos affaires ici. Vous concevez l'impatience avec laquelle je voudrais déjà m'y trouver. mais elle aurait été encore plus grande si j'avais l'espoir de vous y trouver.

Adieu, chère amie, présentez mille hommages au Roi, ainsi que les choses les plus affectueuses à toute la famille. J'embrasse Nicolas. Tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

A.

Laybach,
le $\frac{30 \text{ Avril}}{12 \text{ Mai}}$ 1821.

5.

Zarscosélo, le 19 Juillet 1821.

Je veux absolument profiter de ce courrier qni est expédié à Nicolas. pour vous adresser ces lignes, chère amie, et pour vous remercier pour votre dernière aimable lettre du $\frac{14}{26}$ Mai.

Tout ce que vous m'y dites d'amical. m'est allé droit au coeur comme toujours et croyez que ce coeur sait vous rendre la pareille en affection bien franche et bien tendre.

Vous avez eu raison de croire que je ne m'attribuais certainement pas le bien que nous avons pu produire dans ces derniers temps, parce que d'abord je n'étais pas le seul en action. et ensuite vous connaissez très positivement ma conviction. que le bien vient de plus haut que nous. Je suis toujours heureux quand le bien se fait. n'importe comment, ni par qui?

Cependant malgré tous nos efforts communs, toutes les incendies ne sont pas encore éteintes et donneront beaucoup d'ouvrage encore. Celle qui nous concerne plus particulièrement en Turquie, se trouve encore dans un état de choses tel. à nous tenir dans une incertitude complète. si nous réussirons à éviter une guerre qui m'est odieuse ou bien si nous y serons obligés malgré nous?

J'ai éprouvé un plaisir extrême à me retrouver dans la cara patria. L'ouvrage ne me manque pas comme vous pouvez le penser. Vos enfants, je les ai trouvé délicieux et extrêmement développés et j'ai grand plaisir à les tenir sur mes genoux.

Ne m'en voulez pas, chère soeur, si je n'ai pu vous écrire le 1-er Juillet; malgré tout mon désir je n'ai pas eu un moment ce jour-là et antidater ma lettre, je m'en serais fait un reproche vis à vis de vous. Mes voeux pour votre conservation, pour votre constant bonheur, n'en ont pas été moins sincères. Au reste ils sont continuels et n'ont pas besoin d'anniversaires pour être adressés à Dieu.

Vous me demandez des détails sur l'intérieur de Constantin. Je puis vous garantir, chère amie. que je l'ai quitté le plus heureux des hommes et extrêmement content de son ménage. Tout ce qu'on a débité, ne sont que des fagots. Pendant quelque temps de l'hiver passé ma belle-soeur a eu à peu près le même mal que vous. Ce dérangement, purement physique, a produit en elle, comme dans beaucoup de femmes, une sorte de tristesse momentanée. Mais aussitôt le cours régulier de la nature rétabli, elle a repris complètement sa bonne humeur, ce dont vous vous convaincrez par vos propres yeux.

Marie a été très sensible à votre amitié. Dites à Nicolas, chère amie, que je n'ai pas une minute pour lui écrire, mais cette lettre est commune pour vous deux.

J'ai été extrêmement content de la 1-ère division de la Garde que j'ai passé en revue en venant ici. Elle a gagné d'une manière visible, et tout le monde se conduit très bien. Le changement des généraux de division a été très utile.

Adieu. chère amie. je ne puis vous écrire plus longtemps quoique j'aurais beaucoup de choses à vous dire encore. Croyez que vous me manquez beaucoup ici et que j'ai un grand désir de vous revoir. Adieu. chère soeur, chère bonne amie, tout à vous de coeur et d'âme.

A.

J'embrasse bien tendrement Nicolas.
Félicitez le Roi en mon nom sur la fête du 3 Août.

XX.

Письмо великаго князя Михаила Павловича императору Александру по поводу безпорядковъ въ Семеновскомъ полку, 1820 года.

Mon très cher frère! L'histoire la plus malheureuse et la plus déplorable vient d'arriver au régiment de Sémenovsky. Tout était parfaitement tranquille jusqu'au 16 dans la nuit. au 17; dans cette nuit dans la 1-re compagnie de Grenadiers on entendit tout d'un coup crier на перекличку; c'était vers les 10½ du soir, déjà quand tous les soldats étaient couchés; le sergent major Брагинъ étonné sort dans le corridor de l'étage d'en bas. ne pouvant pas concevoir, d'où sortaient ces cris; et il voit déjà le peloton des tirailleurs. qui logeait en haut. descendu; il leur demande qui leur avait ordonné de sortir. ils dirent qu'il ne le savait point, mais en attendant ils continuaient leur chemin; les grenadiers qui de même se rassemblaient en entendant le sergent major leur dire de s'en aller. commencèrent par obéir et se disperçaient, lorsque derechef, quelques voix partant du peloton des tirailleurs dirent: стой, стой, на перекличку; les grenadiers s'arrêtent; le sergent major effrayé leur demande qui leur a ordonné de s'assembler, si ce n'était point par une méprise du sous-officier de service à la compagnie, ou d'un des дневальный; ils lui répondent sur cela. qu'on aille chercher le capitaine; sur quoi le sergent-major voulut lui-même le faire; mais les soldats lui dirent de rester et d'envoyer un sous-officier; on en envoya un, et le capitaine Кашкаровъ, commandant de la compagnie, arriva et demanda aux soldats, ce qu'ils voulaient, et n'avaient-ils point des prétensions sur lui: sur quoi ils lui répondirent: мы всѣмъ начальствомъ довольны, но просимъ ваше высокоблагородіе. чтобы вы довели до свѣдѣнія начальства. чтобы насъ десятками не водили къ полковому командиру. и что. такъ какъ надобно для этого чиститься. мы совершенно времени не имѣемъ отдыхать. Le colonel Schwartz les faisait effectivement venir chez lui pour arranger la nouvelle amunition que nous avons reçu, par dix. par compagnie chaque jour. et si le matin il n'était point content, il les faisait venir encore l'après-dînée; ce qui les mettait dans la nécessité de s'habiller plusieurs fois par jour. Enfin le capitaine à force de paroles les a fait rentrer dans leurs chambres. Ce n'est que le lendemain matin. avant d'aller à la parade. que l'aide de camp du régiment Bibikoff vint me

dire ce qui était arrivé; et le colonel Schwartz. qui était de même venu. me répéta la même chose; dans ce même moment le général Benkendorff était chez moi; nous convînmes donc d'aller ensemble chez ie général Vassiltchikoff; c'était le régiment de Préobrajensky qui montait la garde. La parade finie je me rendis avec le général Benkendorff chez le général Vassiltchikoff. qui ignorait encore cette histoire; le général m'ordonna d'aller à la compagnie pour faire un слѣдствіе ensemble avec le général Benkendorff; ce que je fis de suite; arrivé à la compagnie je fis appeler premièrement le capitaine. et lui demandais qu'il me raconta ce qui était arrivé. il me répéta ce que je viens de marquer plus haut. après j'interrogeais successivement le sergent-major. le sous-officier de service et les дневальные qui me répétèrent mot pour mot la même chose que le capitaine avait dit; je leur demandais s'ils ne savaient point d'où les premiers cris étaient partis, ils dirent qu'ils l'ignoraient. puis qu'ils supposaient que c'était d'une chambre d'en haut qu'ils m'indiquèrent. j'y allais et je trouvais tous les geas très tranquilles. je leur ai parlé et leur demandais. qu'ils m'indiquent les auteurs de ces cris, ils dirent qu'ils ne le savaient point; j'appelais les (не разобранное слово) унтерь-офицеръ. tous unanimement me firent la même réponse. Enfin je pris un tirailleur. qui était un vieux soldat. qui avait fait campagne. et l'amenais dans une chambre à part. je lui présentais toute la gravité de la faute; cet homme les larmes aux yeux me dit: Ваше Высочество, я долженъ подъ присягой вамъ говорить всю правду, но. ей-Богу. я виновнаго не знаю, стыдно послѣ этого на улицу показываться и какъ нашъ этотъ проступокъ заслужить. Après cela je rassemblais tous les grenadiers ensemble dans le corridor d'en bas et ordonnais en même temps que les tirailleurs se rassemblent en haut; mais eux ayant appris que je parlais aux grenadiers voulurent à toute force descendre; et ce n'est que par des menaces du colonel Vadkovsky. qui commande en l'absence du colonel Kaznakoff le 1-er bataillon, qu'ils arrêtèrent. En attendant je disais aux grenadiers: стыдно. гренадеры. вамъ. которые должны быть зеркало всей арміи. подавать примѣръ ослушанія противъ начальства; образумьтесь. это срамъ. который вы всю свою жизнь должны стараться загладить.— ils étaient parfaitement tranquilles et ne disaient mot.—теперь пойдемъ по камерамъ и покажите мнѣ начинщиковъ (зачинщиковъ). а не то вы подвергнете себя самому строгому наказанію. Ils rentrèrent sans dire mot; après je montais chez les tirailleurs et leur répétais la même chose. même conduite et même silence; après je priais le général Benkendorff de les rassembler ensemble et de leur demander de quoi ils se plaignaient: et en même temps je pris trois grenadiers que je connaissais dans une chambre à part et leur répétais la même chose que j'avais dit plus haut. et ajoutais: я васъ знаю. ребята. какъ отличныхъ солдатъ. вы всегда служили примѣрно. я имѣю довѣренность къ вамъ. скажите мнѣ всю правду; l'un d'eux me répéta ce qu'ils avaient dit la nuit au capitaine. et deux: что мы чувствуемъ всю нашу вину. что мы готовы государю послѣднюю каплю крови нашей отдать. и намъ за все это происшествіе стыдно. Le général Benkendorf en attendant revint et me dit que les gens lui disaient d'une voix: мы нашимъ начальствомъ довольны, все получили. одно только, что полковой командиръ взыскиваетъ съ насъ много ненужной службы и насъ бьетъ; sur cela le général ordonne à ceux qu'on avaient rossé de sortir en avant: après quelques instants sort un homme; il lui demande combien de coups il avait reçu. il lui dit trois. Pendant ces pourparlers, le capitaine dit qu'hier un

grenadier, qui était au nombre de ces dix qu'on avait amené chez le colonel, avait été trouvé par lui mal habillé, et qu'il avait ordonné au capitaine de lui donner dix coups de тесакъ ce qu'il exécute; nous demandâmes ce soldat, on le chercha, il ne se trouvait pas à la caserne; mais après quelques instants on le retrouva ivre; le général Benkendorff lui demanda où il avait été, il répondit: à la messe; enfin on demanda à d'autres soldats s'ils l'avaient vu à l'église. ils répondirent que non. et ce même homme finit par avouer qu'effectivement il n'y avait point été. nous l'envoyâmes de suite au corps de garde. Avant de quitter la caserne pour faire mon rapport au général Vassiltchikoff je rassemblais encore une fois la compagnie entière, et leur expliquais tout ce à quoi ils s'exposaient en ne voulant point indiquer les moteurs de ce désordre: mais tout cela fut en vain. et un silence parfait régnait, je les envoyais dans leurs chambres, ils s'en allèrent sans dire mot et fort tranquillement. Alors je rassemblais tous les sergents-majors du régiment et leur dis que j'étais sûr que par l'ordre parfait qu'ils contiendraient dans leurs compagnies ils tâcheraient de mériter la faute de la 1-e compagnie; en même temps j'ordonnais aux colonel Vadkovsky de signifier aux chefs de compagnies et aux officiers d'être sur leur garde; et moi-même me rendis avec le général Benkendorff chez le général Vassiltchikoff pour lui faire mon rapport; il était près de quatre heures; j'osais émettre mon opinion au général, que je croyais qu'il fallait dissiper la compagnie. et faire passer les dixièmes par les verges, et former à la place de cette compagnie une nouvelle de grenadiers. et disperser celle-ci dans les autres; mais le général m'ordonna de faire venir le colonel Vadkovsky et de lui dire qu'à 8 heures il fasse amener la compagnie à l'état major et qu'il voulait leur parler, et ordonna au général Benkendorff de faire dire au général Bistrom du régiment de Pavlovsk, de faire tenir prête deux compagnies du régiment à la maison d'exercice du palais d'hiver pour les mener s'ils ne voulaient point indiquer les moteurs à la forteresse. Rentré chez moi je fis venir le colonel Vadkofsky, et lui transmettais les ordres du général; en attendant dans les autres compagnies tout était tranquille, et les gens se nettoyaient et se préparaient à monter la garde le lendemain. A 8 heures la compagnie arrive à l'état major, le général la fit amener à la maison d'exercice; les deux compagnies du régiment de Pavlovsk y étaient déjà. Le général leur parla, mais le silence le plus parfait comme le matin régna, alors le général les fit entourrer et les envoya à la forteresse, ils marchèrent sans la moindre resistance et tout à fait tranquillement. Le général avait aussi ordonné que comme les sous-officiers n'avaient point trempé dans ce désordre, qu'on les renverrait à la caserne. une fois qu'ils auraient amené la compagnie à sa destination; ce qu'on fit. Ce fut vers minuit, les gens des autres compagnies étaient tranquilles; comme il manquait une compagnie pour la garde du lendemain. les sergents-majors firent un nouveau расчетъ, pour remplir des trois compagnies le manque. Les gens demandèrent la raison, on leur dit donc que la 1-re compagnie des grenadiers était à la forteresse, alors ils commencèrent à tapager et à crier: мы безъ головы и въ карауль не идемъ; enfin le colonel Vadkovsky voulut mettre le holà. mais pas moyen, le feu se communiqua de la 1-re compagnie de fusiliers à la seconde et de celle-ci à la troisième; la troisième compagnie alla sur la deuxième de grenadiers, qui dormait tranquillement. les gens de la 2-e de grenadiers ne voulaient point se lever, mais les fusiliers du 1-r bataillon les chassèrent d'un côté et les orcèrent de sortir, et les grenadiers trois fois sortirent par une des portes et rentrèrent par l'autre; le colonel Vadkovsky arriva chez moi me dire tout cela. de même que Bibikoff,

je leur dis d'en avertir le général Benkendorff. et en même temps je me rendis chez le général Vassiltchikoff; le général Benkendorff y était; je demandais au général d'aller moi-même à la caserne et de supprimer s'il était possible le désordre; mais il m'ordonna nommément de ne pas y aller. et me dit qu'il avait ordonné que le régiment ne monte point la garde, et que cela soit celui d'Ismaïlovsk. et qu'il passerait la revue d'inspection à 8 heures du matin que maintenant il allait chez le comte Miloradovitch, et que pour moi j'aille chez moi attendre ce qu'il m'ordonnerait après la revue d'inspection; il était $4^1/_2$ heures du matin; j'avoue que je me suis trouvé dans la plus cruelle position. j'avais cru devoir désobéir, mais en même temps que faire. puisque j'étais dans l'alternative terrible de faire ce que je croyais de mon devoir et la désobéissance envers mon chef; j'obéis le désespoir dans l'âme, en attendant le désordre gagna le 3-ième bataillon, de même par le 1-r. Des casernes les gens sortirent sur la place devant l'hôpital. en criant: отдайте намъ нашу голову. мы на все готовы; le comte Miloradovitch se rendit, ils lui répétèrent la même chose. et ajoutant qu'ils ne pouvaient point supporter les traitements du colonel. Après le général Vassiltchikoff leur envoya le général Bistrom des chasseurs, avec ordre de prendre le commandement du régiment, il leur lut l'ordre. et parvint même à ranger le 2-e et 3-e bataillons. mais les trois compagnies du 1-er bataillon prirent à dos les deux autres et les culbutèrent. malgré tous les efforts du général Bistrom qui leur parla à plusieurs reprises mais toujours la même réponse: мы безъ головы не можемъ строиться; enfin arriva le général Potemkin. qui de même réussit à ranger le 2-e et 3-e bataillons. mais le premier y mit derechef le désordre; finalement à 10 heures le général Vassiltchikoff arriva lui-même et exigea des gens qu'ils se rangent; eux encore lui repondirent: отдайте намъ нашу голову. мы на все готовы; sur cela le général leur dit: пока я буду живъ. я вамъ ее не отдамъ безъ воли государя, можете, если вы не хотите слушаться, итти въ крѣпость, ce que les gens firent de suite. et marchèrent quoique non rangés mais sans le moindre effort à la forteresse. Le général avait fait en attendant occuper les casernes par les chasseurs et plusieurs régiments étaient en marche, en vu de désordre et surtout pour qu'ils ne se jettent pas pour prendre les fusils. mais le fait est qu'ils n'en avaient pas l'idée et que toute leur haine se portait contre le seul colonel Schwartz. Il était près de dix heures et le général ne m'ayant rien fait dire je suis resté chez moi. et comme à l'ordinaire j'allais à la parade. Ce matin le général décida que le 1-r bataillon resterait ici dans les casemates et que le 2-e partirait par eau pour Swiabourg et le 3-e marcherait à Keksholm; les gens avec la plus grande tranquillité allèrent en manteaux sous armes. et bien repentant de leur faute, en disant qu'ils sont prêts à aller partout où on leur ordonnerait et qu'ils sont au désespoir de tout ce qui était arrivé; et qu'ils ne demandaient qu'à mériter par leur subordination et par leur obéissance aveugle à mériter leur faute. Enfin c'est une chose inouïe et incompréhensible car je puis le jurer, que la veille tout était parfaitement calme et tranquille. Le plus malheureux dans toute cette histoire c'est moi, et je puis le jurer que j'ai la mort et le désespoir dans l'âme, tout ce que je désire au monde c'est de pouvoir effacer un jour cette affreuse tache; en attendant je suis le plus malheureux des êtres. Tout ce que je vous dis dans cette lettre. cher frère, c'est la plus exacte vérité; j'ai mérité la plus terrible punition, je le sens puisque c'est dans une troupe sous mes ordres que c'est arrrivé. de la subir ce serait une consolation

pour moi, car je suis coupable. Il ne me reste qu'à tâcher de mériter toute ma vie d'effacer en quelque sorte ce malheur et de mériter par là, cher frère, votre clémence, car pour vos bontés j'en suis indigne.

Votre plus soumis sujet et frère

M.

St.-Pétersbourg,
le 19 Octobre
1820.

XXI.

Отвѣтъ императора Александра великому князю Михаилу Павловичу.

Troppau, le 4 Novembre
1820.

Cher Michel. j'ai absolument besoin de vous écrire ces lignes pour vous rassurer sur ma conviction. Quel tort puis-je vous reprocher dans toute cette hideuse histoire? Je sais que vous avez mis tous vos soins. tout votre zèle. à rendre le régiment bon, et je sais aussi que vous n'avez jamais employé de brutalité. La seule chose donc qu'on pourrait vous imputer, avec la dernière rigueur, c'est de n'avoir pas su que le colonel exercait une sévérité déplacée ou brutale. Mais ce fait encore doit être prouvé et n'est nullement certain. J'avoue pour ma part que j'en doute. Mais de quoi je ne doute pas par exemple, c'est qu'une influence étrangère a été exercée sur le régiment. J'en parle d'une manière plus détaillée dans ma lettre à ma Mère qu'elle vous montrera probablement. Mais persuadez-vous que je conçois toute la peine que vous devez éprouver et personne ne la partage plus que moi. Dites-vous, cher frère, qu'il n'est pas possible d'être plus convaincu que moi de votre zèle et de votre bonne volonté et croyez moi tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

XXII.

Письмо графа Витта императору Александру 13-го августа 1825 года.

Arrondissement du 2 régiment du Boug.
Ce 13 d'Août 1825.

Sire.

Deux professeurs de Vilna impliqués dans l'affaire qui a eu lieu en Lithuanie, ayant été envoyés de Pétersbourg pour être employés au Lycée de Richelieu à Odessa, j'ai cru de mon devoir de les faire strictement observer par des agents secrets. Quelque temps après leur arrivée, le ministre de l'instruction me fit part que je devais leur annoncer qu'ils

ne pouvaient rester à Odessa, mais qu'on leur accordait la permission de choisir une place dans l'intérieur. En attendant les réponses qui devaient leur arriver, il s'est réuni à Odessa une quantité d'habitants des provinces polonaises, cela m'a forcé de les entourer d'une plus sévère attention, mais il n'y a eu rien à leur reprocher à leur conduite ici. Tout en cherchant à découvrir un principe de mécontentement là, où il aurait pu se cacher, un hasard bien heureux a mis mes agents à la piste d'une affaire bien plus grave et d'une nature bien autrement sérieuse et conséquente; car il s'agit, Sire, de la tranquillité de Votre Majesté Impériale.

Dans ma lettre écrite au général Diebitch à Varsovie, je lui ai glissé légèrement quelques mots sur une affaire sur laquelle il m'avait demandé des renseignements, mais j'étais alors sur le chemin des découvertes, actuellement que j'y suis arrivé, et que j'ai su le but auquel on vise, j'ose supplier Votre Majesté de me présenter à elle; car il est question de choses qui ne peuvent être écrites et qu'il est impossible de confier qu'à Votre Majesté Impériale. Vous vous trouverez, Sire, sur la voie de bien des événements.

Pour ne pas donner d'ombrage du but de mon arrivée à Pétersbourg et que cela ne soit connu que de Votre Majesté, j'ai voulu demander un semestre de 28 jours, mais comme on dit ici que Vorte Majesté Impériale doit se rendre pour quelques jours à Taganrog, peut être, Sire, daigneriez Vous permettre que je me présente là, étant dans le même gouvernement que les Colonies, j'ose assurer Votre Majesté que ce n'est point des Colonies dont il s'agit, que ce n'est pas non plus un moyen dont je profite pour chercher à me justifier des calomnies et du mal qu'on cherche à me faire; ma conscience est trop nette, mon honneur et mon zèle pour le service de Votre Majesté trop irréprochable. D'ailleurs, Sire, tout ce qui me regarde disparaît en entier de ma pensée, car elle n'a que Votre Majesté et sa tranquillité pour objet, et plus que jamais vous verrez, Sire, maintenant dans moi et toute ma conduite que zèle, dévouement et vénération pour Votre Majesté Impériale.

Pour ce qui regarde les Colonies de la 3-me division des cuirassiers, positivement elle pourra entrer dans ses foyers le 1-r de Janvier. Les bâtisses seront totalement achevées, l'approvisionnement des régiments totalement assuré et tout ce qui a été proposé sera fait bien au-delà et au-dessus de toutes les attentes.

J'ai conduit les généraux des cuirassiers dans les arrondissements, leur ai montré le tout en détails, leur ai donné toutes les explications et instructions nécessaires et ai vu avec plaisir, l'enchantement et la surprise qu'ils ont éprouvés en trouvant les choses si différentes de ce qu'on leur avait dit, même à Pétersbourg, ils ont tous avoués que les soldats de réserve et les cantonistes serviront d'exemple aux régiments.

De Votre Majesté Impériale
le très humble, très obéissant
et fidèle sujet
comte de Witt.

XXIII.

Доносъ А. К. Бошняка 3-го августа 1825 года.

Ce 3 d'Août 1825.

Obligé de prendre de fortes précautions pour prévenir Votre Excellence sur les choses importantes que j'ai à lui dire, je prends la voie de l'anonyme pour faire arriver jusqu'à elle quelques données sur le tissu d'horreurs dont le souvenir glace mon sang et dont les résultats ne cessent de m'apparaître sous les formes hideuses du crime, du malheur et des plus horribles désordres.

Voyant depuis quelque temps de sombres nuages s'élever de tous les points de notre horizon, entouré de mécontents, n'entendant que de vagues mais terribles menaces, apercevant au milieu de l'obscurité se former un plan combiné, suivi et semblable à un embrasement s'étendre sourdement pour n'éclater qu'avec plus de violence, je voulu enfin m'assurer de ce qui en était au juste. Je fis semblant de ne plus résister à tout ce qu'on fit pour me gagner, je me laissais tout dire et tout expliquer et c'est ainsi que je fus informé de ce qui en était du plus noir des complots, je suivis ces détours impénétrables et combinés avec une admirable prudence. Je vis dans tout leur jour les menées politiques sourdes et noires et qui malheureusement avaient trouvé accès auprès de l'Empereur.

Pendant que les carbonari de l'Europe occupaient les souverains, il se formait dès l'an 1819 au sein de cette Russie si paisible et si florissante un noeud de jacobinisme fomenté hors des frontières du pays et dont le but était de parvenir à jeter de profondes racines dans un empire qui seul mettait obstacle au changement et au bouleversement général des trônes. Il était clair après tant de révolutions, entamées et manquées, que l'influence seule de notre pays et la crainte de ces forces gigantesques que l'Empereur seul pouvait marcher dans l'esprit des principes monarchiques, avait arrêté les progrès qu'on se promettait; renverser ce colosse devint leur seul espoir et le ralliement de tous les malveillants et dès lors se forma des ténébreuses connexions entre les carbonari de l'Europe et les esprits turbulents de la Russie.

Malheureusement une fatalité inexplicable ou peut-être même une influence indirecte et dont la finesse échappait à l'observation, a fait faire au gouvernement une suite de fausses démarches dont on a encore profité pour détacher de ce gouvernement et gagner toujours de nouveaux sujets à la nouvelle puissance qui voulait s'élever et s'étendre afin d'écraser l'ennemi qu'elle redoutait. D'ici part le point révolutionnaire qui s'est étendu sur toutes les classes; les bureaux des ministres et ceux de l'administration en général se sont remplis de gens qu'il n'a été que trop aisé de gagner, car ils voyaient dans un bouleversement autant de carrières et de fortunes s'élever pour eux. Le plus éminent danger est parti de là; ces individus ayant la partie administrative, ont eu les moyens d'influencer leurs chefs, contrecarrer en leur nom la marche du gouvernement et lancer des ordres et des mesures ennemies qui tendaient à détruire le bonheur et la prospérité de l'empire.

Dès qu'on a vu en Russie la possibilité d'une révolution, il n'a plus été question que de décider si c'était par le peuple ou par la force armée qu'on devait commencer; malheureusement le germe de mécontentement qu'on a découvert dans l'armée a décidé pour ce dernier moyen et depuis on n'a cessé de travailler l'esprit de l'officier et du soldat. Il est impossible que Votre Excellence ne s'aperçoive que l'armée a des mécontents. mais ce qu'elle ignore certainement. c'est que la majeure partie de cette armée naguère si dévouée à son souverain partage les voeux de ceux qui l'ont travaillés et n'attend qu'un premier ordre pour commencer des scènes d'horreurs et de carnages qui surpasseront certainement toutes celles dont l'histoire a ensanglantée ses pages. Je ne veux ici nommer personne, mais parmi les généraux, parmi les chefs de régiments il y en a beaucoup qui trempent dans le complot. autant dont on ne se soucie pas et fort peu qu'on redoute comme soutient de l'état, ceux-là doivent trembler . . . . l'amitié que je vous porte. Monsieur le Comte. la reconnissance que je vous dois m'oblige de vous dire que vous êtes marqué comme devant périr un des premiers; on voit en vous une créature toute monarchique, devant tout à l'Empereur. attendant tout de lui et pouvant à la tête de votre corps mettre une forte digue à l'explosion qu'on voudrait faire éclater.

Effrayé de tout ce que j'avais appris. m'attendant à tout instant à un renversement qui menaçait l'existence et le bien-être de chacun. j'eus le courage d'adresser à l'Empereur une lettre anonyme; j'ignore si elle lui est parvenue, car la surveillance qu'on a établie peut s'étendre jusqu'aux postes; voilà ce qui me décide à vous adresser celle-ci. Vous en ferez ce que vous voudrez. mais il est de mon devoir et ma conscience m'oblige de vous supplier de ne point l'envisager avec indifférence; le danger est proche et il n'est que trop réel, en vous en prévenant. c'est à vous maintenant que j'en remets la responsabilité. Encore une fois soyez sur vos gardes et s'il vous est possible parlez à l'Empereur; ce n'est pas seulement sa vie. c'est celle de tous les siens qui est en danger, Peut-être les circonstances me permettront-elles un jour de vous parler de tout cela de vive voix et de vous donner de plus longues explications.

Je finis pour le moment en vous répétant encore que le danger est proche. qu'il est terriblement bien calculé et qu'il faut chercher à prendre au plus vite de justes et sages mesures.

Ce 3 Août
1825.

XXIV.

Изъ переписки великой княгини Александры Ѳеодоровны съ императоромъ Александромъ во время пребыванія его въ Таганрогѣ въ 1825 году.

1.

Gatchina,
ce 4 Octobre 1825.

Je profite de la permission que vous m'avez donné le jour de votre départ, cher frère, d'oser vous écrire de temps en temps; il me tardait bien de m'entretenir avec vous, mais j'ai laissé passer les premières semaines, désirant non-seulement vous savoir en

place avec l'Impératrice. mais encore installé et accoutumé à votre nouvelle résidence. Nous avons suivis avec inquiétude et sollicitude chaque pas de l'Impératrice, et la nouvelle de son arrivée à Taganrog et de sa bonne santé nous a rendu bien heureux. On ne peut assez remercier le ciel de ce qu'il lui a donné les forces pour supporter et achever si heureusement ce long et pénible voyage.

Bien souvent je dois penser au triste moment de notre séparation; je ne m'attendais nullement à ressentir une si vive émotion et connaissant vos idées sur les scènes d'adieu j'avais pris mes précautions. mais mille idées à la fois vinrent assiéger mon coeur, je ne pouvais vous regarder sans une profonde vénération, je vous trouvai si admirable et si touchant. si j'ose m'exprimer ainsi. par mille pensées confuses qu'on ne pourrait rendre. mais qui n'en étaient pas moins bien distinctement senties. Oh! cher ami, comme la conviction de faire son devoir d'une manière si belle doit se changer en bénédictions divines sur un être tel que vous.

Depuis votre départ il n'y a eu que de tristes événements, qui nous ont occupés et interessés plus ou moins: assassinats. duel et morts ne sont pas fait pour inspirer la gaieté. et j'avoue que la mort de Novossiltzof, quoique je le connaissais peu et que lui, étant bien fautif dans cette histoire. elle m'a néanmoins parue bien tragique et la situation de la pauvre malheureuse mère si complétement désespérée que j'en ai ressentie une vive douleur. La mort du pauvre Gourief vous fera aussi de la peine. j'en suis sûre.

Nous passons ici notre temps d'une manière très uniforme; j'ai seulement accompagnée une fois Nicolas à Pétersbourg et à Peterhof. ce dernier endroit était même beau en habit d'automne.

Vous saurez que mes deux frères ont passé par Weimar où on a eu mille bontés pour eux. et mon frère Charles est plus épris que jamais de certaine personne. c'est tout ce que j'en sais.

Nicolas est en ville et je ne puis rien dire de sa part à son frère bien aimé; il doit faire une cure pour ses clouds. mais il la fait bien mal. courant toujours entre Pétersbourg et Gatchina. Je serai charmée à cause de cela d'être en ville. Je vous embrasse avec tendresse et amitié, cher et bon frère, et désirerai que ce ne fut pas en idée.

Votre fidèle amie

A.

2.

Taganrog,
le 18 Octobre 1825.

Le dernier courrier m'a apporté votre aimable lettre. chère amie. et c'est avec un véritable plaisir que j'ai revu de votre écriture. Je ne saurais assez vous remercier pour tout ce qu'elle contient de si amical pour moi et vous savez que tout ce qui me vient de vous et qui porte ce caractère a un si grand prix pour moi. Quand dans le cours de notre vie il se présente des circonstances, où on a deux routes à suivre à choix. et qu'on préfère celle qui impose le plus de privations. peut-être a-t-on quelque mérite dans ce cas; mais tel n'était pas le mien et je n'ai pas eu de choix dans le parti à prendre. C'est en réponse à un passage de votre lettre que je vous trace ces lignes, chère amie. Vous

vous le rappelerez sûrement, je n'en suis pas moins touché, de ce que ce passage contient de si bon, de si bienveillant pour moi. Ma femme sur la santé de laquelle vous voulez bien me parler dans votre lettre. va assez bien et a mieux soutenu le voyage qu'on avait osé l'espérer; cependant cela serait une erreur de croire qu'elle est déjà en chemin de convalescence complète. Malheureusement pour ma part. je crois son mal incurable, autrement dit, je suis tous les jours plus convaincu de la dilatation de cette artère qui partant du coeur passe près de l'estomac. Les palpitations dans cette partie sont constamment visibles à l'oeil. à travers même des vêtements. ainsi qu'une vibration dans tout le corps très forte, avec cela un manque d'appetit et de forces. On ne guérit pas d'un mal pareil entièrement. Tout ce qu'on peut espérer de mieux. c'est que le mal n'augmente pas et c'est déjà beaucoup. La tranquillité complète dont elle jouit ici. sous ce rapport lui est très salutaire. ainsi qu'un climat plus doux.

J'ai su comme vous, chère amie. la visite de vos frères à Weimar: qu'on s'y est empressé de leur témoigner tous les égards et déférences qui leurs sont dus, rien de plus simple et de plus naturel, pour tout le reste je suis tout aussi peu à même de vous donner des nouvelles, que vous-même l'avez été d'en apprendre.

Je regrette vivement l'horrible duel qui a eu lieu à Pétersbourg. ainsi que les deux victimes; c'étaient deux bons officiers et braves garçons. D'après ma manière de juger, si quelqu'un est coupable de cette triste catastrophe. c'est la mère de Novossiltzof [1]. Mais aussi elle a été cruellement punie.

J'ai bien regretté aussi le vieux Gourief. Malgré ses défauts. il possédait des qualités bien essentielles.

Si quelques détails sur Taganrog peuvent vous intéresser. je vous dirais que la ville est bien située. les rues très droites et bien tracées. De presque toutes on découvre la mer, comme point de vue. Depuis l'année 1818 que j'y ai été la première fois. elle a immensément gagné, et n'est pas à reconnaître.

Depuis deux jours. je suis revenu d'une course que j'ai faite à Tcherkask et dans le pays des cosaques du Don, ainsi qu'à Asof. Votre mari qui connait toutes ces contrées pourra vous dire combien c'est intéressant de voir ces braves cosaques chez eux et dans leurs habitudes nationales. Après demain je pars pour la Crimée. ayant dû renoncer à aller à Astracan, la saison étant trop avancée.

Je m'aperçois, chère amie, que j'abuse de votre patience. par le plaisir que je trouve à causer avec vous. Conservez-moi votre amitié à laquelle j'attache tant de prix et comptez à tout jamais sur celle que je vous ai voué pour la vie. J'embrasse de tout mon coeur Niks et les enfants.

A.

3.

St. Pétersbourg,
ce 3 Novembre 1825.

Votre lettre. cher ami, m'a remplie de bonheur et de reconnaissance; vous me parlez avec amitié et confiance. qu'il me semblait converser avec vous dans mon cabinet. C'était une douce mais courte illusion, je ne vois pas de fin à votre absence. car j'avoue

[1] Après avoir donné la permission à son fils de se marier et l'avoir annoncé par une lettre au général Diebitch, elle a tâché par vanité de faire rompre le mariage par tous les moyens possibles.

que ce que vous voulez bien me dire concernant la santé de l'Impératrice ne me rassure nullement et me fait une peine bien véritable. A dire vrai, je suis persuadée que votre genre de vie à Taganrog vous convient à l'un et à l'autre à merveille; connaissant votre goût pour la retraite et pour la solitude je me dis que vous n'êtes jamais plus content que lorsque vous êtes seul, ou plutôt vous n'êtes jamais seul, parce que vous reconnaissez la présence de cet Etre invisible qui guide nos destinées. Plus vous êtes dans la solitude plus vous vous rapprochez de Lui, il épure votre coeur et vous donne cette paix de l'âme qui vaut mieux que toutes les jouissances mondaines. Je conçois tout cela, mais en soupirant. je le comprends, mais je vous avoue que je ne suis pas assez parfaite pour ne pas gémir de ce que cet amour pour la retraite vous éloigne de vos autres relations. Vous aimez vos amis. j'en suis sûre. mais ils ne sont pas nécessaires à votre bonheur.

Le 7 Novembre.

C'est aujourd'hui l'anniversaire de la terrible inondation et sûrement mille prières montent au ciel pour vous. les malheureux qui ne le sont plus grâce à votre bienfaisance vous bénissent, et votre nom est dans toutes leurs bouches.

Le mariage de Vanette se fera mercredi le 11 Novembre. elle est dans le bonheur, depuis deux jours. après avoir été séparée de son promis pendant 7 semaines, qui avait fait un voyage à Moscou. Je vous importune encore une fois en faveur du bon papa Ouchakof. et je vous demande bien pardon. mais vraiment je ne puis le refuser à un si ancien et fidèle serviteur et attaché de la famille. On n'aura pas compris vos ordres ou bien vous avez trouvé sa première demande trop forte. Voilà donc maintenant la grâce qu'il ose vous demander. au moment d'établir sa fille, c'est dans le papier ci-joint que vous la trouverez. Pourquoi ne sommes nous pas à Ielagin, votre réponse viendrait plus tôt et je serai un peu plus près de vous, cher ami.

Vous avez reçu une lettre de mon père, je sais ce qu'elle contient, nous en avons parlé si souvent et je sais votre manière de penser là-dessus. Malheureusement on ne peut changer la manière d'envisager de personne et je crains que Marie restera inébranlable. Ce qui est surtout fort triste c'est qu'apparemment le bonheur de l'un des frères ferait le malheur de l'autre. Guillaume ne se fait aucune illusion là-dessus. jamais je ne le lui aurais dit. mais il le sait parfaitement bien. Il faut savoir que Charles est très décidément amoureux et ce qui plus est. et ce qui restera entre nous. il se croit payé d'un peu de retour. Si Marie (la mère) pouvait alléguer le contraire, surtout si elle pouvait dire avec raison que Marie (la jeune) avait placé ses affections sur l'autre parti. certainement que mon frère se retirerait de suite. Mais aussi longtemps qu'il n'entendra pas dire cette raison, il est naturel qu'un jeune homme chérisse ses espérances. Il paraît qu'on ne consulte du tout les affections de la jeune personne, c'est un peu le principe de Marie de laisser ses filles dans l'ignorance. espérant conserver leurs idées innocentes. Ce serait bel et bon. si on pouvait vraiment par là empêcher les jeunes personnes de penser. mais c'est ce qui n'est nullement le cas, et l'imagination travaille malgré cela, seulement que la fille n'a pas assez de véritable confiance envers sa mère pour le lui dire. Je vois plus de danger que de bon dans cette manière d'élever. Elle est fondée sur des illusions maternelles.

J'ai désirée vous parler de cela. ne pouvant le faire avec Maman, qui en général n'ouvre pas la bouche sur cet article, ce qui me paraît de mauvaise augure. Voilà donc

de nouveau une triste histoire qui est bien embrouillée et pour laquelle vous ne pourrez pas faire beaucoup, même si vous en aviez la bonne volonté. Papa tient extrêmement à ce mariage. il aurait tant désiré voir nos deux familles encore plus unies.

Depuis la mort de Gourief, nous n'avions plus oser espérer qu'on se souviendrait de notre campagne, lorsque le prince Galitzin se fit annoncer il y a deux jours chez Nicolas pour lui communiquer les ordres qu'il avait reçu de vous. Oh, cher ami, comment vous remercier. comment vous exprimer notre reconnaissance pour cette marque de votre inconcevable bonté? Je voudrais que vous puissiez voir la joie que vous nous avez fait par là. Ce n'est certainement pas à des ingrats que vous prodiguez votre amitié. Nicolas est à vos pieds et vous embrasse bien tendrement; il ne vous écrit pas, l'ayant fait depuis peu.

Notre petite famille se porte bien. La cadette prend un air humain et m'amuse beaucoup comme la plus petite; c'est bien gai d'avoir toujours un petit enfant dans le ménage, mais je voudrai cependant me reposer pendant plusieurs années, je vous avoue.

Ce que vous me dites de madame Novossiltzof m'a fait peine, je me plaisais à la croire peu fautive et à rejeter tout sur le père, qui est un vilain à ce que l'on dit. Je ne puis que la plaindre encore davantage, les remords doivent envenimer sa douleur.

Maman se trouve bien tristement au palais d'hiver; il est sûr que la différence est un peu sensible, surtout après l'année dernière.

Hélène est établie parmis ses magnificences. et elle s'y plait. Tout en admirant ces belles pièces. je ne troquerai pas mon cabinet pour tous les salons d'Hélène. J'aime mon cabinet d'affection, c'est mon petit monde et je m'y trouve si bien, que j'ai peine à le quitter pour quelques heures. Dimanche passé j'ai eu grande présentation diplomate, ce qui m'a embarassé fort. Le corps diplomatique est très considérable et il y a un ambassadeur et deux ministres qui vous attendent pour votre retour.

Il n'y a pas beaucoup de fêtes encore en ville, la princesse Galitzin m'a cependant engagé pour un de ces jours, et ce sera la première fois que je me lancerai de nouveau dans le monde.

En voilà assez, je me suis oubliée un peu longtemps au charme de parler à vous, cher ami, pardonnez le moi généreusement et aimez un peu celle qui est pour la vie

votre tendrement
dévouée amie

Alexandra.

Veuillez dire mille choses à l'Impératrice.

XXV.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича Г. И. Виламову.

№ 847.

Г. Таганрогъ.

15-го ноября 1825.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

Нужнымъ считаю предупредить ваше превосходительство о настоящемъ положеніи здоровья государя императора.

По возвращеніи изъ Крыма въ Таганрогъ, 5-го сего мѣсяца, его императорское величество почувствовалъ, еще на возвратномъ пути сюда, сильную простуду. Въ первые дни пріѣзда его величества признаки желчной горячки ознаменовались постепенно, но не подавали повода къ большому сомнѣнію. Съ 13-го же, и въ особенности 14-го числа, припадки сдѣлались гораздо сильнѣе, и положеніе болѣзненное его величества возрождало тѣмъ болѣе безпокойствъ, что родъ горячки сей возобновлялъ припадки почти безпрерывно. Таковое состояніе августѣйшаго больного рѣшило окружающихъ его величество совѣтовать прибѣгнуть къ священнымъ таинствамъ. Сего утра въ 5 часовъ государь императоръ изволилъ исповѣдаться и причаститься святыхъ таинъ, съ свойственною его величеству вѣрою и твердостію.

Съ тѣхъ поръ употребленіе піявицъ и другихъ средствъ успокоило нѣсколько жаръ и припадки, и хотя медики не теряютъ вовсе надежды, однако же и не скрываютъ, что они находятъ положеніе его величества весьма опаснымъ.

Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство о таковомъ несчастномъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ положеніи государя императора, если признаете нужнымъ, доложить ея императорскому величеству, съ крайнею при томъ осторожностію по вашему благоусмотрѣнію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Дибичъ.

P. S. Я считаю долгомъ васъ о семъ увѣдомить предварительно, дабы дѣйствовать по благоразумію вашему, а лейбъ-медикъ Виллié доставитъ письмо и журналъ подробный съ завтрашнею экстраочтою, подобно какъ онъ сіе сдѣлалъ съ прошедшею экстраочтою.

XXVI.

Извѣстія о здоровьѣ императора Александра, полученныя въ С.-Петербургѣ 17-го—27-го ноября 1825 года.

Le 17 Novembre à 3 heures après midi est arrivée la lettre de Sa Majesté l'Empereur du 5 Novembre, qui annonce son retour à Taganrog avec une légère indisposition.

Le 18 Novembre Mercredi au soir Madame la Grande Duchesse Hélène a reçu une lettre de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth du 9 qui prie Son Altesse Impériale d'informer Sa Majesté l'Impératrice Mère, que l'Empereur va mieux et qu'Elle ne lui écrit pas à Elle-même, pour n'avoir pas l'air de donner trop d'importance à cette indisposition.

Le 22 Novembre, Dimanche dans la matinée est arrivée la lettre de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth du 12, qui parle d'un renouvellement de la fièvre de Sa Majesté l'Empereur, qui l'empêchait d'écrire lui-même,—mais elle ajoute que dans un couple de jours Elle espérait déjà parler d'autres objets moins importants.

Le soir du même jour, le bulletin de M. Wylie du 4 au 12 donne déjà bien des inquiétudes. Il dit que la fièvre qu'il caractérise comme gastrique bilieuse, après avoir été intermittente, avait du 11 au 12 été continue et accompagnée de quelques symptomes alarmants.

Le 25 Novembre, Mercredi à 8 heures du soir a été reçue la lettre du 15 Novembre dans laquelle le baron Diebitch parle des progrès de la maladie, en la nommant bilieuse; il dit qu'elle avait été intermittente, qu'en augmentant le 13 et surtout le 14 elle était devenue continue; que l'état de l'auguste malade avait engagé le 15 ceux qui entouraient Sa Majesté Impériale de conseiller l'administration du Saint Sacrement, que l'Empereur a pris avec sa piété et sa force d'âme ordinaire. On a depuis employé des remèdes, qui ont un peu calmé la chaleur, les médecins ne perdaient pas toute espérance. mais ne cachaient pas qu'ils trouvaient l'état de l'auguste malade très dangereux.

Le 25 Novembre, Jeudi à midi à la fin de la messe et des prières est arrivé le courrier porteur de la lettre de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth du 17, qui annonce qu'il y a un mieux décidé dans l'état de l'Empereur. ce qui a été confirmé par une lettre particulière du prince Wolkonsky qui ajoute, que le matin l'Empereur a reconnu les personnes qui l'entouraient et a parlé d'une voix assez forte à l'Impératrice.

Wylie dit dans son bulletin de la même date, 17, que par des remèdes extérieurs on est parvenu à réveiller l'Empereur de l'état soporeux. dans lequel il se trouvait, ce qui augmente les espérances.

Le soir de ce même jour est arrivé une lettre et un bulletin de M. Wylie du 16, qui montre que l'Empereur était ce jour-là à toute extrêmité, avec des symptomes très alarmants, mais ce bulletin ayant tardé, on connaissait déjà le mieux du lendemain 17.

Enfin le 27 entre onze heures et midi est arrivée la nouvelle du plus grand des malheurs! Sa Majesté l'Empereur est décédé le 19 Novembre Jeudi à 10 heures 30 minutes avant midi.

XXVII.

Записка великаго князя Николая Павловича императору Константину Павловичу, съ подписью: отъ брата Николая къ брату Константину[1].

1825 года ноября 25-го дня прибыло въ 4 часа пополудни съ эстафетою отъ г. Дибича извѣстіе о усилившейся болѣзни государя императора до такой степени, что вынуждены были предложить его величеству пріобщиться святыхъ таинъ, что въ то же время и приведено въ дѣйствіе, и что жизнь государя коли не безнадежная, то по крайней мѣрѣ находится въ большой опасности (собственныя слова генерала Дибича).

Такое печальное свѣдѣніе было прислано къ графу Милорадовичу, къ князю Лопухину, къ г. Виламову и къ дежурному генералу Потапову.

Графъ Милорадовичъ донесъ о семъ его императорскому высочеству государю великому князю Николаю Павловичу и по совѣщаніи съ нимъ, какимъ бы лучше образомъ объявить о семъ государынѣ императрицѣ, поѣхалъ за г. Виламовымъ, дабы привесть его къ великому князю; но въ отсутствіи ихъ императрица изволила прислать за его высочествомъ, тогда Николай Павловичъ, будучи пораженъ всѣми сими событіями, тотчасъ обратился во дворцѣ къ доктору Рюлю, дабы при присутствіи и помощи его объявить о семъ государынѣ, но, не заставъ его въ его комнатахъ, пошелъ на половину матушки, гдѣ и нашелъ какъ его, г-на Рюля, такъ и г-на Виламова—императрица была уже чрезъ нихъ о всемъ извѣстна. Ея высочество государыня великая княгиня Александра Ѳеодоровна прибыла также во дворецъ.

Подавъ нужное пособіе ея величеству, его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Вонновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей неизреченной потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему братцу, какъ законному наслѣднику престола.

Всю сію ночь его высочество провелъ въ передней комнатѣ у императрицы,—государыня цѣлую ночь не изволила раздѣваться и почивала очень дурно.

26-е число посредствомъ фельдъегеря доставлены изъ Таганрога свѣдѣнія, во время какъ находились въ церкви, о положеніи государя, подающія нѣкоторыя малыя надежды,—по полученіи коихъ приказано во всѣхъ церквахъ производить молебствія за здравіе обожаемаго монарха (государыня Елисавета Алексѣевна сама изволила о семъ писать).

27-е число, по окончаніи Божественной литургіи, когда уже начинался молебенъ за здравіе, его высочество былъ вызванъ графомъ Милорадовичемъ изъ ризничей, и ему объявлено, что все совершилось. Его императорскому высочеству сдѣла-

[1] На запискѣ не выставлено число, но она очевидно написана 3-го декабря 1825 года.

лось дурно, но, пришедъ въ себя, онъ возвратился въ ризничью съ докторомъ Ролемъ. Государыня стояла на колѣняхъ, и, бывъ уже продолжительнымъ отсутствіемъ великаго князя приготовлена и изъ лица его увидавъ жребій свой, ей стало дѣлаться дурно, священникъ между тѣмъ подалъ ей крестъ, и она, поцѣловавъ его, лишилась чувствъ.

Его императорское высочество, обратясь къ своей супругѣ, сказалъ ей: «Soignez notre Mère et moi je vais faire mon devoir». Съ симъ вмѣстѣ вошелъ въ церковь и, прекратя молебенъ, приказалъ принесть налой, произнесъ въ подданствѣ присягу возлюбленному брату своему и императору Константину и утвердилъ оную своею подписью, и за нимъ подписались и другіе, тутъ случившіеся, какъ-то: военный министръ, Потаповъ и прочіе всѣ тутъ находящіеся.

Послѣ сего предсталъ онъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ (роты его величества гренадерскаго взвода) и объявилъ имъ о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина. Гренадеры со слезами приняли объявленіе и мгновенно присягнули.

Потомъ его императорское высочество поручилъ дежурному генералу Потапову, ибо коменданта Башуцкаго тутъ не случилось, о объявленіи, такъ и о приведеніи къ присягѣ главнаго и прочихъ карауловъ съ ихъ постами, что безотложно все приведено въ исполненіе и вездѣ съ тою же горестію и усердіемъ, а генералъ Нейдгартъ былъ посланъ въ Невскій монастырь, гдѣ находился весь гвардейскій генералитетъ, съ предложеніемъ генералу Воинову исполнить то же во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ.

Наконецъ послано повелѣніе о подобномъ же объявленіи и приведеніи къ присягѣ всѣхъ полковъ и командъ, здѣсь и въ окрестностяхъ города находящихся.

Въ теченіе сего времени государственный совѣтъ собравшись открылъ свое засѣданіе предложеніемъ приступить къ распечатанію конверта, въ которомъ заключалась воля покойнаго императора. Тутъ возникли нѣкоторыя прія, и наконецъ положено пакетъ распечатать, дабы принять послѣднюю волю царя Благословеннаго.

Въ актѣ семъ начертано было отреченіе отъ престола государя цесаревича и нареченіе наслѣдникомъ государя великаго князя Николая Павловича.

Нѣкоторыя прія паки по сему случаю возникли, но прекратились мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобъ пригласить его высочество въ присутствіе совѣта, на что графъ Милорадовичъ отозвался, что его высочество уже присягнулъ, и во всякомъ случаѣ почитаетъ неприличнымъ ни его высочество призывать, ни его высочеству приходить въ совѣтъ, но вызвался довесть все сіе до свѣдѣнія его и просить допустить совѣтъ къ себѣ для доклада обо всемъ происходившемъ, что и исполнено, а великій князь отозвался, что онъ не можетъ воспретить ихъ прибытію.

Когда предсталъ совѣтъ предъ великимъ княземъ, онъ сообщилъ имъ, что содержаніе сего акта ему давно извѣстно, и именно съ 13-го іюля 1819 года, но что ни въ какомъ случаѣ онъ не дерзнетъ занять мѣсто старшаго брата, отъ высочайшей воли коего зависитъ его участь, и что, поставивъ себѣ въ священную обязанность всеподданнѣйше ему повиноваться, онъ далъ въ томъ присягу и затѣмъ остается въ полномъ увѣреніи, что и онъ для блага государства послѣдуетъ его примѣру.

Совѣтъ послѣдовалъ его высочеству въ церковь и по просьбѣ ихъ при немъ далъ присягу, а потомъ имъ же представленъ въ присутствіе императрицы, которая

изволила объявить. что актъ и содержаніе онаго ей извѣстенъ и сдѣланъ съ ея родительской воли, но что и она увлеклась подвигомъ сына и. утверждая всѣ его дѣйствія. проситъ совѣтъ общими силами сохранить спокойствіе царства.

По принятымъ мѣрамъ къ 3-мъ часамъ по полудни какъ войско, такъ всѣ чины и граждане восшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили. въ теченіе котораго времени вездѣ сохранились тишина и порядокъ, что̀ и понынѣ исполняется.

Актъ. хранящійся въ сенатѣ. министромъ юстиціи всеподданнѣйше представленъ государю императору съ донесеніемъ. что сенатъ учинилъ присягу, и указы разосланы повсемѣстно для подобнаго же дѣйствія.

Его высочество. увидя въ церкви. предъ молебномъ о здравіи государя императора Константина Павловича. митрополита, сообщилъ ему о событіяхъ, въ совѣтѣ происшедшихъ. и согласилъ его пакетъ. хранящійся въ синодѣ. не распечатывать до полученія объ ономъ высочайшаго повелѣнія.

Въ то же время главный штабъ его императорскаго величества присягнулъ въ церкви главнаго штаба, и вслѣдъ затѣмъ посланы курьеры ко всѣмъ главнокомандующимъ и начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ предписаніемъ приступить немедленно къ той же священной обязанности. а отъ графа Милорадовича, по условію съ великимъ княземъ. отправленъ адъютантъ съ увѣдомленіемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына о событіяхъ въ столицѣ и приглашеніемъ немедленно исполнить то же и въ Москвѣ. О томъ же самомъ послано къ генералъ-адъютанту Закревскому для приведенія того же въ исполненіе по великому княжеству Финляндскому.

Въ то же время отправленъ къ его величеству адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ съ письмомъ.

Съ тѣхъ поръ 2-е число декабря столица находилась въ совершенно обычной тишинѣ и строгомъ порядкѣ, служба какъ по гарнизону, такъ и по всѣмъ прочимъ военнымъ и гражданскимъ частямъ сохранила обычный свой ходъ во время отсутствія государя. что̀ принято соблюдать до полученія высочайшихъ повелѣній.

Донесеніе о исполненіи присяги поступило съ начала отъ корпуса военныхъ поселеній, съ приложеніемъ приказа 30-го числа ноября о вступленіи паки въ должность графа Аракчеева и генералъ-майора Клейнмихеля. Вчера по утру 2-го числа декабря получено донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго, что какъ русскія, такъ и финляндскія войска въ Гельсингфорсѣ. а равно сенатъ и прочія мѣста приведены къ присягѣ. и даже не упоминая о конституціи, но по формѣ. въ Россіи введенной. Наконецъ. сего 3-го числа въ 5-ть часовъ утра, адъютантъ князя Голицына Новосильцевъ привезъ извѣстіе, что въ Москвѣ все приведено къ присягѣ въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Пакетъ же. хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго разрѣшенія.

Кабинетъ его императорскаго величества въ Зимнемъ дворцѣ тотчасъ по полученіи извѣстія 27-го числа поручено опечатать графу Милорадовичу, что и исполнено. А какъ камердинеръ покойнаго государя донесъ, что находятся бумаги и въ кабинетѣ Царскаго Села, то для опечатанія посланъ чиновникъ, а его высочество возложилъ сіе порученіе на генералъ-майора Стрекалова. въ присутствіи самого камердинера Воробьева.

XXVIII.

Краткая собственноручная записка Сперанскаго о событіяхъ 27-го ноября 1825 года.

1825. Ноября 27-го. Первый день новаго царствованія.

26-го утромъ получено письмо государыни императрицы отъ 17-го, въ коемъ сказано: «il y a un mieux très décidé, mais il est très faible». По сему письму 27-го назначено молебствіе о здравіи. Одни отправились въ 11 часовъ въ придворную церковь, другіе въ Невскій монастырь. Я былъ въ числѣ сихъ послѣднихъ. Тутъ же былъ князь Куракинъ, Воиновъ и нѣсколько генералъ-адъютантовъ. Во дворцѣ въ то самое время, какъ священникъ готовился выходить къ молебну, великій князь Николай Павловичъ вышелъ изъ алтаря и сказалъ: остановитесь, все кончено; повергся передъ образомъ и потомъ повелъ духовника съ крестомъ къ императрицѣ матери, бывшей на хорахъ. Въ Невскомъ, во время причастнаго, явился Нейдгартъ и объявилъ сію вѣсть сперва Воинову: въ одно мгновеніе ока она разлилась по всей церкви и обнаружилась рыданіемъ. Всѣ отправились во дворецъ. Въ совѣтѣ я нашелъ графа Моркова и князя Дмитрія Лобанова. Вскорѣ узнали, что великій князь Николай Павловичъ, а за нимъ и другіе, въ томъ числѣ князья Дм. и Як. Лобановы, учинили присягу государю императору Константину Павловичу. Вѣсть сію принесъ въ совѣтъ рыдающій князь А. Н. Голицынъ, при чемъ онъ мнѣ сказалъ, что онъ представлялъ великому князю, что его высочество напрасно поторопился присягою, ибо въ совѣтѣ есть бумага о порядкѣ наслѣдія. Вслѣдъ за нимъ явились князь Куракинъ и князь Лопухинъ. Потомъ собрались и другіе. Прежде еще засѣданія, князь Голицынъ сообщилъ въ разговорахъ, что содержаніе хранящейся въ совѣтѣ бумаги ему извѣстно; что она переписана его рукою, и что не только внесена въ сенатъ и синодъ, но положена на престолъ и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, съ повелѣніемъ въ случаѣ кончины распечатать генералъ-губернатору и епархіальному архіерею. Тѣмъ не менѣе князь Дм. Лобановъ изъявлялъ въ разговорахъ мысль, что бумаги открывать не нужно; что онъ не сдѣлаетъ сего въ сенатѣ; что государственный совѣтъ есть только государева канцелярія, и что les morts n'ont pas de volonté. Кажется, мысль Шишкова была та же. Онъ не изъявлялъ ее съ точностію, но съ свойственнымъ ему искусственнымъ жаромъ утверждалъ въ частномъ разговорѣ, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ государя; что отъ воли Константина Павловича зависитъ принять или не принять престолъ, но что по порядку ему присягнуть должно. Большая часть членовъ въ самыхъ частныхъ разговорахъ изъявляли мысль о прочтеніи бумагъ. Оленинъ былъ посланъ за нею. Какъ скоро онъ явился, то и составилось засѣданіе. Въ сію минуту является графъ Милорадовичъ и объявляетъ волю великаго князя о присягѣ государю императору Константину Павловичу; что содержаніе бумаги ему извѣстно, но, тѣмъ не менѣе, онъ первый далъ примѣръ присяги. Тутъ же упомянулъ онъ и о волѣ императрицы матери. Невзирая на сіе, по единогласному мнѣнію пакетъ былъ распечатанъ.

Содержаніе его было...

XXIX

Письмо генералъ-адъютанта Дибича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ императора Александра.

Ваше императорское величество,
всемилостивѣйшая государыня!

По жестокой обязанности моей нахожусь принужденнымъ писать къ вашему императорскому величеству письмо сіе; сердце мое, преисполненное горести, едва позволяетъ мнѣ сіе выполнить. Всеавгустѣйшій сынъ вашего императорскаго величества, обожаемый нами государь нашъ, императоръ Александръ Павловичъ, въ сіе утро кончилъ жизнь свою отъ тяжкой болѣзни, о коей ваше императорское величество едва еще только получили увѣдомленіе.

По отправленіи послѣдняго извѣщенія моего отъ вчерашняго числа къ тайному совѣтнику Вилламову, положеніе его величества не оставляло намъ почти никакой надежды, съ полуночи оно сдѣлалось отчаяннѣе, а въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ Всевышнему угодно было призвать его величество въ жизнь вѣчную.

Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича. Отправивъ къ его императорскому величеству курьера, я не осмѣлился замедлить симъ донесеніемъ вашему величеству, по обязанности, службою на меня налагаемой.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть,
всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества
вѣрноподданнѣйшій
баронъ Иванъ Дибичъ.

Въ Таганрогѣ.
Ноября 19 дня 1825 года.

XXX.

Письмо князя П. М. Волконскаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ императора Александра.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, преисполненнымъ совершеннѣйшаго прискорбія, всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству о бѣдствіи, постигшемъ насъ и всю Россію.

Всевышнему Творцу благоугодно было переселить изъ временнаго царства въ вѣчное обожаемаго монарха нашего, государя императора Александра Павловича,

сего ноября девятнадцатаго дня по утру въ 10 часовъ и 50 минутъ, послѣ тридцатидневной желчной горячки, обратившейся наконецъ въ нервическую.

Потеря его императорскаго величества велика и чувствительна есть не только вамъ, всемилостивѣйшая государыня, какъ нѣжнѣйшей матери его, но вообще всѣмъ его вѣрноподданнымъ, и даже всему свѣту, мнѣ же въ особенности, имѣвшему счастіе двадцать девять лѣтъ находиться при высочайшей особѣ его императорскаго величества, пользоваться всемилостивѣйшею его довѣренностію. Несчастіе сіе и горесть неизреченныя и никогда ничѣмъ замѣниться не могутъ.

Оплакивая потерю вселюбезнѣйшаго монарха моего, остается мнѣ умолять Всемогущаго Бога о успокоеніи души его въ царствѣ небесномъ и подкрѣпленіи силъ вашего императорскаго величества для перенесенія столь жесточайшаго для всѣхъ удара.

При семъ долгомъ поставляю донести вашему императорскому величеству, что ея императорское величество государыня императрица Елисавета Алексѣевна находилась почти безвыходно при государѣ императорѣ во время болѣзни любезнѣйшаго супруга своего и ухаживала за больнымъ. Удручена будучи общимъ бѣдствіемъ, переноситъ оное съ помощію Божіею съ удивительною твердостію духа.

Всевозможныя пособія, оказываемыя какъ со стороны медиковъ, такъ и отъ окружающихъ его величество людей, по неизреченному несчастію остались тщетны.

Повергая себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь,

всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшій слуга.
князь Петръ Волконскій.

Таганрогъ.
19-го ноября 1825 года.

XXXI.

Письмо цесаревича Константина Павловича великому князю Николаю Павловичу, 28-го ноября 1825 года

Varsovie. 26 Novembre (8 Décembre) 1825.

Cher Nicolas! Vous sentirez par vous-même le chagrin profond que je dois éprouver par la perte cruelle que nous venons de faire tous, tant que nous sommes, et moi en particulier d'un bienfaiteur et d'un maître adoré et d'un frère chéri, ami de la plus tendre enfance. Vous savez trop bien si c'était un bonheur pour moi de le servir et de remplir ses volontés suprêmes dans les grandes et dans les plus petites choses. Ses intentions et ses volontés ont été et seront, malgré qu'il n'existe plus, toujours sacrées pour moi et j'y obéirai jusqu'à la fin de mes jours.

Je viens au fait et je vous annonce que d'ordre de feu notre maître j'ai envoyé à ma mère une lettre qui contient mes volontés irrévocables et qui d'avance ont été sanctionnées tant par feu mon Empereur que par ma mère. Ne doutant pas que vous qui étiez attaché de coeur et d'âme à feu l'Empereur. ne remplissiez ponctuellement ses volontés et ce qui a été fait de son consentement, je vous invite. chèr frère, à vous y conformer scrupuleusement et ne doute pas que vous ne le fassiez et que vous n'honoriez pas la mémoire d'un frère qui vous chérissait et auquel notre pays doit la gloire et le degré d'élévation auquel il est monté. Conservez-moi votre amitié et votre confiance, cher frère, et ne doutez pas un seul instant de ma fidélité et de mon dévouement. Ma lettre officielle vous apprendra le reste. Mon frère Michel vous porte cette lettre et vous instruira de tous les détails que vous pouvez désirer avoir. Ma femme se rappelle à vous—faites en autant de ma part auprés de la vôtre, embrassez vos enfants de ma part, ne m'oubliez pas. cher frère. et comptez sur le zèle et le dévouement du plus fidèle des frères et amis.

XXXII.

Два письма цесаревича Константина Павловича князю Волконскому отъ 26-го ноября 1825 года.

1.

Князь Петръ Михаловичъ!

Съ стѣсненнымъ горестію сердцемъ я получилъ увѣдомленіе ваше о кончинѣ обожаемаго государя императора и безпредѣльнаго благодѣтеля нашего. Не нахожу словъ изъяснить того величайшаго прискорбія. въ которое погруженъ таковымъ ударомъ рока, и при семъ спѣшу васъ увѣдомить, что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и потому ни въ какія распоряженія войти не могу. а получите вы оныя изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ; о чемъ я вмѣстѣ съ симъ пишу и къ барону Ивану Ивановичу Дибичу. Впрочемъ. ежели угодно при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ. я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, должно вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать.

Затѣмъ прошу ваше сіятельство принять увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ особенномъ почтеніи и уваженіи.

Константинъ.

Ноября 26-го дня
1825 года.
Варшава.

2.

Князь Петръ Михайловичъ!

Для собственнаго вашего и барона Ивана Ивановича свѣдѣнія посылаю при семъ я засвидѣтельствованныя копіи собственноручнаго покойнаго государя императора

Александра Павловича ко мнѣ рескрипта отъ 2-го февраля 1822 года, съ присовокупленіемъ, что по волѣ его же, покойнаго государя, хранился оный у меня въ тайнѣ до кончины его императорскаго величества, и что вслѣдствіе таковой же высочайшей воли утвержденное въ немъ непоколебимое рѣшеніе мое просилъ я вселюбезнѣйшую родительницу мою, государыню императрицу Марію Ѳеодоровну, привести нынѣ въ надлежащее исполненіе, съ каковымъ распоряженіемъ братъ мой великій князь Михаилъ Павловичъ, здѣсь находившійся, изволилъ сего числа отправиться въ С.-Петербургъ.

Полагаясь совершенно на дружеское ко мнѣ ваше и барона Ивана Ивановича расположеніе, я остаюсь въ полной мѣрѣ удостовѣреннымъ, что сей рескриптъ останется между вами въ глубокой тайнѣ до надлежащаго въ свое время по оному дѣйствія.

Прошу ваше сіятельство принять увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ почтеніи и уваженіи.

Константинъ.

Ноября 26-го дня
1825 года.
Варшава.

XXXIII.

Всеподданнѣйшее письмо капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Майбороды.

Городъ Житомиръ.

25-го ноября 1825 года.

Ваше императорское величество,

всемилостивѣйшій государь!

Слишкомъ уже годъ, какъ замѣтилъ я въ полковомъ моемъ командирѣ, полковникѣ Пестелѣ, наклонность къ нарушенію всеобщаго спокойствія. Я, понимая въ полной мѣрѣ сію важность, равно какъ и гибельныя послѣдствія, могущія произойти отъ сего заблужденія, усугубилъ все мое стараніе къ открытію сего злаго намѣренія и нынѣ только разными притворными способами наконецъ достигъ желаемой цѣли. Гдѣ представилось взору моему огромное уже скопище, имѣющее цѣлью какое-то преобразованіе, донынѣ въ отечествѣ нашемъ не слыханное, почему я, какъ вѣрноподданный вашего императорскаго величества, узнавши обо всемъ, и спѣшу всеподданнѣйше донести.

Въ Россіи назадъ тому уже десять лѣтъ родилось и время отъ времени значительнымъ образомъ увеличивается тайное общество (подъ именемъ общества либераловъ). Члены сего общества или корень онаго мнѣ до совершенства извѣстны не только внутри Россіи, но частію и въ другихъ мѣстахъ, ей принадлежащихъ, равно

какъ и планъ дѣятельныхъ ихъ дѣйствій. которыя производились довольно открыто до времени, когда ваше императорское величество изволили якобы отправить сего года въ мартѣ мѣсяцѣ генерала Шеншина въ городъ Харьковъ, по дѣлу генерала Булгари. то это неизвѣстно, отчего сдѣлалось гласнымъ, почему и тутъ взяты всевозможныя предосторожности; ежели благоугодно вашему императорскому величеству будетъ удостовѣриться въ сей истинѣ. то повелите кому прибыть Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда, въ с. Балабановку, гдѣ нахожусь я со ввѣренною мнѣ ротою на квартирахъ, я укажу мѣсто. хранящее приуготовленные уже какіе-то законы. подъ названіемъ «Русская Правда», и много другихъ имъ подобныхъ сочиненій, составленіемъ коихъ занимается тутъ генералъ-интендантъ арміи Юшневскій и полковникъ Пестель, а въ Петербургѣ служащій въ генеральномъ штабѣ Никита Муравьевъ.

Не имѣю дара. ваше императорское величество, объяснить все подробно на бумагѣ. да сверхъ того не имѣю къ тому и способа. Будучи въ подозрѣніи. а къ тому же преслѣдуемъ даже своими служителями. я дерзаю ожидать отъ вашего величества за неограниченную мою преданность награды только той. что осчастливите меня въ скорѣйшемъ времени повелѣніемъ предстать предъ особу вашего величества, и ежели не лично удостоите выслушать всѣ подробности сего обстоятельства, то вѣлизи васъ передать повелите чрезъ кого будетъ вамъ угодно, я считаю. что вашему императорскому величеству угодно будетъ знать все то, что только я успѣлъ узнать и на что имѣю ясные доводы. тогда достаточно уже будетъ искоренить зло. ужасными своими послѣдствіями каждому угрожающее.

Государь, жизнь моя съ сего времени въ опасности. потерявъ меня, ваше величество едва ли сыщете человѣка. которому бы случай доставилъ узнать эту вещь столько, сколько мнѣ она извѣстна. Ежели вашему императорскому величеству не благоугодно будетъ меня видѣть, то поручите сіе человѣку такому, чрезъ котораго бы я могъ смѣло передать все то. что на душѣ моей для вашего величества хранится; я намѣревался открыть сіе моему начальству. но по соображенію обстоятельствъ и по мнительному моему характеру сего сдѣлать не рѣшился. тогда о себѣ осмѣливаюсь ваше императорское величество всеподданнѣйше просить не обнаружить меня, какъ человѣка. готоваго во всякое время въ подобныхъ случаяхъ быть вамъ полезнымъ и тѣмъ самымъ исполнить долгъ моей присяги. Сверхъ того, удалите меня вовсе изъ 2-й арміи, куда благоугодно вашему императорскому величеству будетъ; позвольте присовокупить ваше величество и то, что на случай предвидѣть буду я опасность, то долженъ буду поручить себя въ покровительство генерала Рота, неподалеку отъ моего мѣстопребыванія находящагося.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный
и всенижайшій слуга

Аркадій Майборода,

Вятскаго пѣхотнаго полка капитанъ.

XXXIV.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича капитану Майбородѣ.

Вслѣдствіе письма вашего благородія къ государю императору отъ 25-го ноября изъ Житомира, доставленнаго командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенантомъ Ротомъ, предписываю вамъ по извѣстной мнѣ высочайшей волѣ открыть объясненія ваши на извѣстное вамъ секретное общество и бумаги, до онаго касающіяся, посланному съ симъ нарочно чиновнику главнаго штаба 7-го класса Вахрушеву, который сіи свѣдѣнія передастъ для дѣйствія по оным генералъ-адъютанту Чернышеву. Точное открытіе подобнаго зла доставитъ мнѣ долгъ о усердіи и вѣрности вашей представить на всемилостивѣйшее уваженіе.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

5-го декабря 1825 года.

XXXV.

Предписаніе генералъ-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду.

По личному высочайшему повелѣнію въ Таганрогѣ, ноября 10-го дня 1825 года,

3-го Украинскаго полка унтеръ-офицеру Шервуду.

По письму вашему отъ 20-го сентября къ г. генералу отъ артиллеріи, графу Аракчееву, отправляется съ высочайшимъ повелѣніемъ въ Харьковъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ, съ полною высочайшею довѣренностью дѣйствовать по извѣстному дѣлу. Вы ему укажите способы схватить графа Николая Булгари или другого, если бы въ семъ случилась перемѣна съ спискомъ, о которомъ вы говорите въ упомянутомъ письмѣ, равно можете объясниться съ полною откровенностію и посовѣтоваться съ нимъ о мѣрахъ, нужныхъ для совершеннаго открытія найденнаго вами.

Во всякомъ случаѣ нужно будетъ присутствіе ваше въ Таганрогѣ, отъ обстоятельствъ можетъ зависѣть, что къ сему полезно будетъ для дальнѣйшихъ открытій, что таковая мѣра должна казаться другимъ противъ воли вашей, вы о семъ также не оставите изложить мнѣніе ваше, основанное на точномъ существѣ дѣла полковнику Николаеву, которому извѣстно все содержаніе сего ордера, даннаго вамъ по высочайшему повелѣнію и коего имѣете исполнить въ точности.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

XXXVI.

Открытый листъ, данный полковнику Николаеву, отправленному по высочайшему повелѣнію въ Харьковъ.

Отправленному по высочайшему повелѣнію по самому нужнѣйшему дѣлу лейб-гвардіи Казачьяго полка полковнику Николаеву имѣють всѣ воинскія и гражданскія начальства по предъявленіи сего открытаго предписанія въ сдѣланномъ ему препорученіи оказать всѣ возможныя пособія и требованія его исполнить безъ малѣйшаго промедленія, о чемъ симъ по высочайшей волѣ строжайше предписывается.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

11-го ноября 1825 года.

XXXVII.

Донесеніе Шервуда генералъ-адъютанту Дибичу 18-го ноября 1825 года.

3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ — начальнику главнаго штаба его императорскаго величества генералъ-адъютанту Дибичу.

Предписаніе вашего превосходительства отъ г. полковника и кавалера Николаева я имѣлъ честь получить, на которое симъ почтеннѣйше доношу, что изъ донесенія моего къ главному надъ военными поселеніями начальнику видно, на чемъ остановилъ я свои дѣйствія.

И такъ, пробывши въ городѣ и окрестностяхъ Орла до 26-го числа прошлаго октября мѣсяца, изыскивалъ всѣ средства къ открытію извѣстнаго, имѣя разныя письма, былъ между прочимъ два раза и у корпуснаго командира генералъ-адъютанта Бороздина, но по малому времени было все безуспѣшно. Узнавъ, что графъ Николай Булгари проѣхалъ изъ полка къ отцу, поспѣшилъ возвратиться къ прапорщику Вадковскому и нашелъ его еще въ г. Курскѣ, съ эскадронами, занимающими карауль; весьма обрадовался онъ моему пріѣзду, говоря, что ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ даже и прежде сего, и что можетъ служить доказательствомъ письмо. оставленное имъ мнѣ отъ 20-го октября. по случаю отъѣзда его изъ г. Курска къ графу Захару Чернышеву въ 80-ти верстахъ отъ города; письмо мною было спрятано (которое при семъ честь имѣю приложить).

Онъ былъ въ восхищеніи, что дѣла текутъ такъ хорошо. и что онъ получилъ изъ С.-Петербурга свѣдѣніе, что въ весьма короткое время принято въ гвардіи человѣкъ до 10-ти, но чрезъ кого—онъ мнѣ не сказалъ; потомъ я всячески старался узнать, откуда оно имѣетъ свое начало, сталъ ему говорить о его прежнемъ предположеніи

составить со мною вѣдомость и отослать съ графомъ Николаемъ Булгарьемъ, какъ онъ хотѣлъ, по принадлежности. Вообрази, сказалъ онъ мнѣ, что Булгари уѣхалъ съ графомъ Спиро и Андреемъ Булгари въ г. Одессу, чѣмъ сдѣлалъ мнѣ большую остановку въ отправленіи донесеній, имѣя притомъ нужду сдѣлать требованіе отъ главныхъ членовъ, какъ-то: о заведеніи секретной типографіи, выдавать въ публику разныя сочиненія на русскомъ діалектѣ, чтобъ болѣе приготовить всѣхъ къ сказанному содѣйствію, и требовать конституцію въ трехъ экземплярахъ: одинъ для доставленія въ С.-Петербургъ, другой собственно Вадковскому, третій для меня, какъ уже имѣю столь значительное число подъ своимъ вѣдѣніемъ. Впрочемъ сказалъ онъ мнѣ, что способнѣе онъ не находитъ никого послать, какъ поручика графа Николая Булгари, и что долженъ непремѣнно дождаться его пріѣзду. Я давалъ ему чувствовать, что я теперь на свободѣ и душевно желалъ бы на себя взять таковое порученіе; онъ мнѣ отвѣчалъ, что графъ уже на то опредѣлилъ себя и имѣетъ подорожную во всю Россійскую имперію (что и дѣйствительно). Послѣ чего писалъ онъ мнѣ вопросы. Я долженъ былъ ему отвѣчать насчетъ своихъ дѣйствій, вопросы были слѣдующіе:

«Главная причина, побуждающая ихъ быть сообщниками, негодованіе вообще генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и какія мѣры были взяты мною къ открытію имъ сего, какъ ими было оное принято, свойство нижнихъ чиновъ вообще, число войскъ, могущихъ поднять оружіе въ случаѣ нужды, сколько мною принято, есть ли въ числѣ принятыхъ съ отличными способностями ума, могущихъ во всякомъ случаѣ быть полезными (которыхъ показалъ я числомъ шесть)».

Прозваніевъ ничьихъ я не писалъ и такъ составилъ вѣдомость, какъ можно ближе къ образу мыслей ихъ; на вѣдомости надписалъ:

«1825 года, октября 30-го дня, г. Курскъ. Состояніе военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ».

Послѣ чего велѣлъ онъ подать свѣчу, и сожжены были его вопросные пункты и моя черновая вѣдомость, а бѣлую онъ спряталъ въ скрипичный свой футляръ, гдѣ она вѣрно и теперь съ какими-то бумагами, полагаю—какія нибудь письма изъ С.-Петербурга. Онъ указалъ на нихъ, сказалъ: вотъ гдѣ храню свои бумаги, въ случаѣ не дай Богъ чего, то человѣкъ сей же часъ можетъ взять и зажечь, что будетъ не замѣтно. Въ бытность мою у него одинъ день провелъ онъ въ карауле, гдѣ и я былъ цѣлый день на главной Курской гауптвахтѣ, куда днемъ принесены были ему письма, въ числѣ коихъ одно изъ Елисаветграда отъ Николая Булгари, гдѣ изъясняетъ, что онъ по причинѣ отъѣзда Спиро и Андрея Булгари поѣхалъ съ ними въ Одессу и которые ѣдутъ въ Корфу. Вечеромъ пришелъ къ Вадковскому Сѣверскаго конно-егерскаго полка майоръ Гофманъ, котораго онъ такъ довелъ своими сужденіями и разговорами о разныхъ несправедливостяхъ, притѣсненіяхъ и невыгодахъ деспотическаго правленія, что тотъ самъ сказалъ, что удивительно, что столько умныхъ людей и не предпринимаютъ ничего къ измѣненію правленія. Но Вадковскій ему ничего при мнѣ не открылъ. А когда онъ ушелъ, то онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже его давно къ сему приготовлялъ, и при первомъ съ нимъ свиданіи будетъ принятъ, какъ человѣкъ, согласный съ общимъ ихъ мнѣніемъ, а какъ съ хорошимъ умомъ, то можетъ быть очень полезенъ.

Эскадроны выступили изъ города, а другіе на мѣсто ихъ пришли. Дивизіонный начальникъ, генералъ Засъ, оставилъ Вадковскаго еще на полтора мѣсяца въ г. Курскѣ

за адъютанта при вновь вступившихъ эскадронахъ. Будучи у Вадковскаго, писалъ я къ графу Андрею Булгари, чтобъ скорѣе возвратился Николай Булгари. гдѣ и онъ приписалъ къ Николаю, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ; письмо это повезетъ графъ Чернышевъ Захаръ, который также ждетъ себѣ отпуска изъ главной квартиры 1-й арміи; отъ Вадковскаго узналъ я слѣдующее, что въ семъ обществѣ состоитъ графъ Захаръ Чернышевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка; Свистуновъ того же полка— дѣйствующее лицо по сему заговору въ С.-Петербургѣ; Бурановъ Конно-гвардейскаго полка. что женится на Ушаковой. находящейся при дворѣ, недавно принятъ Вадковскимъ; не знаю. по какому случаю проѣзжалъ чрезъ Курскъ и видѣлся съ Вадковскимъ юнкеръ. пріѣхавшій къ роднымъ близъ Орла изъ Кіева, Скарятинъ, но, какъ его зовутъ и котораго полка. мнѣ неизвѣстно, но открытіи ему о семъ Вадковскимъ онъ сказалъ. что давно своимъ учителемъ къ подобнымъ мыслямъ приготовленъ.

Графъ Бобринскій. который- мнѣ еще неизвѣстно именно, жертвуетъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи, полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Воронцова и командуетъ нынѣ во 2-й арміи полкомъ, но которымъ—даже и Вадковскому неизвѣстно. Почему просилъ меня, если имѣю во 2-й арміи знакомыхъ, то чтобъ написалъ отъ себя письма, чтобъ увѣдомили, гдѣ онъ стоитъ съ полкомъ и какимъ командуетъ. что ему самому писать неловко къ нему. почему я и написалъ къ капитану Шишкову. моему знакомому адъютанту у генерала Рудзевича, и къ майору Пузину, находящемуся для особыхъ порученій у генерала Киселева.

Генералъ-интендантъ 2-й арміи Юшневскій, — все сіе узналъ я изъ нашихъ съ Вадковскимъ въ разное время разговоровъ и. дабы удалить всякое на меня подозрѣніе, не рѣшился спросить. даже который Бобринской и чины нѣкоторыхъ, — между прочимъ Вадковскій показывалъ мнѣ письмо, писанное имъ къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой. прося о исходатайствованіи брату своему прощенія у государя императора. которое ею вручено государынѣ императрицѣ во время проѣзда ея величества чрезъ городъ Бѣлгородъ; въ письмѣ семъ онъ ясно говоритъ, что въ послѣдующемъ времени онъ будетъ знать. какъ отблагодарить государя императора, что̀ было предметомъ общаго моего съ нимъ смѣха гдѣ онъ также упоминаетъ, что если онъ прежде дѣлалъ по молодости лѣтъ глупости, то теперь вѣрно не сдѣлаетъ того (т.-е. что онъ теперь дѣйствуетъ гораздо осторожнѣе).

Я оставилъ его 2-го числа ноября подъ предлогомъ, что ѣду къ брату въ Харьковъ. съ которымъ въ проѣздъ мой въ Орелъ, спѣша по дѣламъ полковника Гревса 2-го. не успѣлъ видѣться, и что буду въ Чугуевѣ собственно для того, имѣя знакомыхъ, пригласитъ въ общество (о чемъ на сихъ дняхъ его увѣдомлю, что человѣка два мною принято), и что буду ѣхать въ первыхъ числахъ декабря въ Москву и С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ и къ нему заѣду. Онъ обѣщалъ дать мнѣ письма къ своимъ сотоварищамъ.

Комиссіонеръ графа Якова Булгари. Кирьяковъ, будучи посланъ въ Бѣлгородъ къ графинѣ Чернышевой отъ графа. нашелъ тамъ Вадковскаго, чрезъ его прислалъ мнѣ приложенное при семъ письмо, въ коемъ предлогъ собирать долги есть не что иное, какъ приглашеніе сообщниковъ. и что графъ не заѣхалъ къ нему въ деревню, это значитъ къ нему самому. для доставленія донесенія, куда хотѣлъ съ нимъ отправить.

Всѣ сіи обстоятельства я представилъ г. полковнику Николаеву и общимъ нашимъ мнѣніемъ предположилъ слѣдующее.

Пробыть въ г. Харьковѣ до 1-го числа декабря мѣсяца, въ теченіе коего времени, можно полагать, что будутъ отвѣты отъ майора Пузина и капитана Шишкова, также не пріѣдетъ ли графъ Николай Булгари, который долженъ прежде пріѣхать къ отцу, т.-е. въ Харьковъ, и дѣйствовать по прибытіи его такъ, чтобъ взять его на дорогѣ съ донесеніемъ; въ противномъ случаѣ, если бы графъ Николай Булгари къ тому времени не пріѣхалъ, то мнѣ ѣхать непремѣнно къ Вадковскому и всѣми силами стараться, чтобъ самому отвезть донесеніе (въ чемъ надѣюсь успѣть). А въ томъ и другомъ случаѣ, взявши донесеніе, снять точную копію, съ которымъ мнѣ отправиться, куда будетъ слѣдовать, а подлинное хранить. а тамъ стараться связать ихъ отвѣтомъ или полученіемъ конституціи, и узнать возможное; г. полковнику Николаеву быть всегда въ недальнемъ разстояніи отъ меня, на всякій случай могущихъ встрѣтиться надобностей.

Потомъ, возвратясь оттуда. ѣхать въ Петербургъ и взять отъ него письма къ петербургскимъ сочленамъ, съ коихъ также снявъ копіи, подлинныя оставить къ дѣлу и копіями связать и тѣхъ отвѣтами.

Буде же графъ Булгари не пріѣдетъ, и Вадковскій не поручитъ мнѣ отвезти донесеніе его, въ такомъ случаѣ узнавъ, гдѣ донесеніе его хранится, взять самого Вадковскаго со всѣмъ. что у него находится, отобравъ отъ него однакожъ письма. которыя онъ мнѣ обѣщалъ въ С.Петербургъ.

3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ.

1825 года
Ноября 18-го дня.
Харьковъ.

XXXVIII.

Рапорты полковника Николаева генералъ-адъютанту Дибичу, 14-го и 18-го ноября 1825 года.

1.

Вчерашняго числа въ 10 часовъ утра прибылъ я въ Харьковъ. Грязная мѣстами дорога, худыя на нѣкоторыхъ станціяхъ лошади и болѣзнь, случившаяся съ однимъ казакомъ отъ ушиба лошадью, прежде пріѣхать мнѣ помѣшали. До сего времени покупать ничего не начиналъ, ибо ничего не нашелъ еще. Здѣсь пробуду я до того времени, когда казакъ выздоровѣетъ, а послѣ отправлюсь, если не успѣю здѣсь искупить всего. о чемъ въ то же время донесу вашему превосходительству.

Всепокорнѣйшій слуга
Степанъ Николаевъ.

14-го ноября
1825 г.
Харьковъ.

2.

Харьковъ, 18-го ноября 1825 г.

Ровно 15-го числа пришелъ Шервудъ въ трактиръ Матуска, и я изъ числа многихъ другихъ тотчасъ узналъ его по желтому мундиру. При входѣ моемъ онъ примѣтно встревожился, ибо тотчасъ отгадалъ, кто я, несмотря на то, что я одѣтъ былъ просто въ сюртукѣ.

По приглашенію, онъ явился тогда же у меня и, прочитавши повелѣніе вашего превосходительства, разсказалъ мнѣ все дѣло, какъ писалъ къ графу Аракчееву и лично доносилъ государю императору.

Чрезъ нарочнаго унтеръ-офицера Мульганова имѣю честь представить вашему превосходительству новое донесеніе Шервуда по сему случаю и два письма, писанныя къ нему Вадковскимъ. Сами по себѣ письма сіи ничего не объясняютъ; но, соображая съ содержаніемъ дѣла и разсказами Шервуда, смыслъ оныхъ довольно дѣлается внятнымъ.

Теперь, соглашая дѣйствія мои съ показаніями Шервуда, я останавливаюсь на томъ, что графъ Николай Булгари съ нѣкотораго времени находится въ Одессѣ, и неизвѣстно, когда возвратится. Хотя же Шервудъ и надѣется собою замѣнить Булгарія и выманить отъ Вадковскаго порученіе, но мнѣ кажется, что онъ въ семъ не успѣетъ; ибо, сколько я понимаю, Вадковскій не имѣетъ къ нему большого довѣрія. Впрочемъ, я рѣшаюсь, какъ и условились мы съ нимъ, до 1-го декабря пробыть здѣсь въ ожиданіи писемъ и графа Булгарія, а тогда ѣхать въ Курскъ, отправивъ туда напередъ Шервуда. Между же тѣмъ, чрезъ письмо Шервудъ спрашиваетъ у Вадковскаго, «нашелъ ли онъ кѣмъ замѣнить Булгарія».

Я предполагаю, что если бы Булгари пріѣздомъ своимъ замедлилъ, и удалось Шервуду выманить донесенія и вѣдомости у Вадковскаго, содержаніе которыхъ мнѣ будетъ извѣстно, тогда узнавши, какія именно бумаги остались еще у Вадковскаго, я намѣренъ взять его, какъ лицо, по словамъ Шервуда, въ заговорѣ семъ довольно значащее.

Не знаю, будутъ ли одобрены предположенія Шервуда насчетъ собранія имъ на письма Вадковскаго отвѣтовъ; но мнѣ кажется, что таковыя дѣйствія будутъ весьма медленны, и ходъ ихъ не надеженъ. Впрочемъ первыя бумаги, попавшіяся мнѣ въ руки, должны открыть болѣе.

Изъ донесенія Шервуда ваше превосходительство усмотрѣть изволите, что, имѣя сильныя предстательства, Вадковскій надѣется получить позволеніе ѣхать въ отпускъ. Если бы это случилось, то человѣкъ сей по пылкости ума своего и неспокойному духу чрезъ личныя свиданія надѣлать можетъ очень много.

Основывая донесеніе мое единственно на показаніяхъ Шервуда и моемъ заключеніи, я осмѣливаюсь наконецъ признаться, что, дѣйствуя съ вѣрноподданнѣйшимъ усердіемъ, я не боюсь неудачи по возложенному на меня порученію, важность котораго понимаю въ полной мѣрѣ; но, какъ худой политикъ, боюсь ошибки, которая можетъ испортить все дѣло. Взять человѣка легко; но если не найдется при немъ предполагаемыхъ доказательствъ, то симъ въ обществѣ надѣлать можно весьма невыгодныхъ толковъ.

Съ симъ посланнымъ буду имѣть честь ожидать вашихъ приказаній. Съ нимъ же покорнѣйше прошу прислать мнѣ еще два бланкета; ибо, употребивъ одинъ для посылки унтеръ-офицера и замѣнивъ другимъ свою подорожную, дабы имѣть оную поскромнѣе, у меня остается свободнымъ только одинъ.

Полковникъ Николаевъ.

XXXIX.

Рапортъ и письмо командира 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенанта Рота.

Г. Житомиръ,
26-го ноября
1825 г.

Генералъ-адъютанту
барону Дибичу.

№ 17.

Рапортъ.

Сего числа, въ четыре часа по полуночи, явился ко мнѣ Вятскаго пѣхотнаго полка, принадлежащаго 2-й арміи, капитанъ Майборода, съ просьбою доставить его императорскому величеству запечатанный конвертъ, заключающій, по его словамъ, весьма важное донесеніе. Не зная капитана Майбороды, я объявилъ ему, что не могу иначе исполнить сего, какъ арестовавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ впредь до повелѣнія. Онъ изъяснился, что задержаніе его уничтожитъ всю пользу донесенія, имъ дѣлаемаго, и наконецъ, распечатавъ конвертъ, показалъ мнѣ содержаніе рапорта своего. Усмотрѣвъ, что заключающіяся въ ономъ обстоятельства относятся до намѣренія открыть тайное общество, и что доводы его заслуживаютъ вниманія, я счелъ себя въ обязанности не оставить рапортъ сего офицера безъ уваженія и препроводить его къ вашему превосходительству черезъ нарочно посланнаго адъютанта моего, поручика графа Штейнбока, отправленнаго подъ видомъ командировки въ 7-ю пѣхотную дивизію. Донося о семъ вашему превосходительству, имѣю честь присовокупить, что капитанъ Майборода нынѣшнею же ночью отправился обратно въ свой полкъ, объявя мнѣ, что по принятымъ имъ мѣрамъ надѣется, что отсутствіе его изъ онаго останется въ тайнѣ.

Генералъ-лейтенантъ Ротъ.

Житомиръ. 26-го ноября, 1825 года.

Ваше превосходительство,

милостивый государь.

Ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ рапорта Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды, который я имѣю честь препроводить сего числа при донесеніи за № 17, важныя обстоятельства, въ ономъ заключающіяся. Я считаю нуж-

нымъ сверхъ того довести до свѣдѣнія вашего, что офицеръ сей показался мнѣ въ полномъ разсудкѣ. и что на запросъ, сдѣланный мною, зачѣмъ онъ не обратился къ своему начальству для доставленія его императорскому величеству донесенія своего, онъ отозвался, что нашелъ удобнѣе для сохраненія тайны обратиться ко мнѣ, не по какому либо сомнѣнію на вышнее начальство 2-й арміи. но для того, что по близости расположенія Вятскаго полка (въ Липовецкомъ уѣздѣ) счелъ легче скрыть поѣздку въ Житомиръ. нежели въ штабъ 7-го пѣхотнаго корпуса или въ главную квартиру; а также и по тому уваженію. что опасается, чтобъ въ числѣ чиновниковъ. окружающихъ генераловъ 2-й арміи. не было сообщниковъ тайнаго общества. которое онъ намѣренъ открыть.

Хотя я убѣдительно старался. чтобъ онъ доставилъ больше подробностей относительно онаго. но онъ отозвался. что не можетъ мнѣ дать другихъ свѣдѣній. кромѣ слѣдующихъ:

Что общество сіе было прежде составлено подъ именемъ общества просвѣщенія.

Что впослѣдствіи времени оно преобразовалось. и что многіе члены отъ онаго отклонились.

Что въ числѣ сихъ послѣднихъ находятся командиръ Украинскаго полка, полковникъ Бурцевъ. Казанскаго полка Абрамовъ и квартирмейстерской части подполковникъ Комаровъ, которые, какъ онъ полагаетъ, не откажутся дать насчетъ онаго свѣдѣніе (въ особенности подполковникъ Комаровъ).

Что денщикъ полковника Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный, долженъ также знать много подробностей, и въ особенности извѣстенъ, гдѣ находятся важныя бумаги, о коихъ капитанъ Майборода упоминаетъ, и которыя хранятся частію въ двухъ большихъ зеленыхъ портфеляхъ.

Я счелъ нужнымъ отпустить капитана Майбороду обратно въ полкъ, дабы не дать полковнику Пестелю сомнѣніе, которое могло бы побудить его истребить бумаги. заключающія доказательства тайнаго общества.

Изъ словъ его можно было заключить, что полковникъ Пестель имѣетъ около себя довольно значительное число сообщниковъ, которые имѣютъ за капитаномъ Майбородою весьма бдительное наблюденіе, такъ что, можетъ быть, и поѣздка, имъ предпринятая теперь, не останется отъ нихъ скрыта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Логгинъ Ротъ.

XL.

Письмо императора Николая Павловича графу Аракчееву.

Сейчасъ только получилъ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, о появившемся бродягѣ и о счастливомъ заключеніи его. Я приказалъ его закованнаго доставить сюда, гдѣ мы до него доберемся, если онъ въ связи съ нашими злодѣями, что весьма вѣроятно.

Я поручаю вамъ объявить по корпусу мою совершенную благодарность полковнику Фрикену за его исполнительность, равно и дежурному офицеру; а равно объявить сему, что я приказалъ выдать ему не въ зачетъ годовое жалованье. Покуда будутъ вѣрные слуги, такъ тѣ. кои подъ вами. и вѣрный достойный начальникъ, нечего намъ бояться, а впрочемъ по пословицѣ «на Бога надѣйся, а самъ не плошай». Прошу обратить вниманіе на Московскій отрядъ. чтобы не сдѣлали какіе нибудь молокососы какихъ нибудь дурачествъ; впрочемъ, я увѣренъ, послѣ сдѣланнаго подтвержденія будутъ они исправны и осторожны.

Я здѣсь остаюсь до субботы; квартира прежняя ваша готова и тепла; и прошу пожаловать такъ, чтобъ послѣ обѣда можно было заняться.

Николай.

Царское Село.
1826 г., апрѣля 6-го.

Объяснительная записка бывшаго новгородскаго губернатора Жеребцова.

Означенный человѣкъ былъ подосланъ къ военнымъ поселянамъ въ полкъ графа Аракчеева. Онъ одѣтъ былъ такъ, какъ рисуется образъ Спасителя, въ шелковой рясѣ, сапоги зеленые сафьянные. по холодному тогда времени, что было въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ сверхъ платья одѣтъ былъ въ лисьей шубѣ, крытой тонкимъ синимъ сукномъ. Съ нимъ былъ образъ, украшенный брилліантами. и книга Апокалипсисъ, изъ которой онъ читалъ и указывалъ другимъ статьи о Николайченкахъ; онъ называлъ себя столпомъ церкви, посланнымъ отъ Бога, для избавленія христіанъ отъ заблужденія. Онъ предлагалъ военнымъ поселянамъ позволить имъ носить опять бороды, но они отказались сказавъ, что они боятся начальниковъ. Въ полку графа Аракчеева онъ взятъ былъ подъ карауль, какъ безпаспортный. и присланъ къ намъ въ губериское правленіе при отношеніи, какъ бродяга, безъ всякаго увѣдомленія о его разглашеніяхъ и возмущеніяхъ военныхъ поселянъ. Но онъ, сидя въ городовой тюрьмѣ, началъ такимъ же образомъ разглашать между арестантами; почему немедленно взятъ былъ моими совѣтниками въ губериское правленіе и по случаю моего тогда отсутствія изъ Новгорода содержался въ особой комнатѣ. По прибытіи моемъ, я принялся за него, узналъ отъ него, какъ онъ прибылъ изъ Петербурга въ военное поселеніе въ образѣ святого, старался возмутить военныхъ поселянъ, произнося разныя хулы насчетъ государя и предковъ его и обѣщая поселянамъ свободу и обращеніе ихъ въ первобытное ихъ состояніе. Допрося его тогда при предсѣдателяхъ палатъ и при моихъ совѣтникахъ, я тогда же отправилъ его съ частнымъ приставомъ и жандармами къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору при донесеніи моемъ на имя государя въ собственныя руки; вмѣстѣ съ тѣмъ далъ знать о семъ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, который, какъ видно успѣлъ написать о семъ государю съ фельдъегеремъ, отчего его донесеніе пришло прежде моего, а мое осталось скрытымъ. Вотъ отъ чего ему и его полковому командиру вышло благоволеніе государя; а обо мнѣ ни слова не сказано, тогда какъ по-настоящему начальство военнаго поселенія заслуживало похвалу за то, что поселяне такъ опасались его, что изъ страха не приняли предложенія возмутителя; но

со всѣмъ тѣмъ не обнаружили его, и онъ остался бы скрытымъ, и могъ еще сдѣлать попытку и даже успѣть по другимъ полкамъ, если бы онъ не былъ нами обнаруженъ, и лишенъ способа произвести и впредь такое дѣло.

Впослѣдствіи времени, когда государь короновался въ Москвѣ, и сей самый отрядъ возвращался изъ Москвы, интригами начальниковъ его, генералъ-адъютантовъ Демидова и Пеленьева, поставленъ былъ противъ меня великій князь Михаилъ Павловичъ, который наговорилъ мнѣ много непріятностей и выпросилъ у государя, чтобъ меня увольили отъ должности губернатора, какъ будто безъ моего прошенія, а послѣ отдали подъ судъ по дѣлу графа Аракчеева, которое давно было уже рѣшено, и я не найденъ былъ виновнымъ, и тутъ скрыли сіе отъ государя, представили ему виновнымъ, и тѣмъ вовлекли его въ несправедливость противъ вѣрнаго слуги его.

XLI.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича графу Сакену, 5-го декабря 1825 года.

Милостивый государь,

графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ.

Не осмѣливаясь до высочайшаго разрѣшенія увѣдомить васъ о бѣдствіи, насъ постигшемъ, о которомъ не могло достаточно предварить васъ послѣднее мое письмо, я не вхожу въ подробности сего несчастія, тоже въ объясненіе чувствъ моихъ, столь давно всѣмъ извѣстныхъ и вами раздѣленныхъ; но должно побѣждать печаль свою, дабы исполнить долгъ вѣрности и службы, увѣдомляю васъ для единственнаго вашего сіятельства и начальника главнаго штаба арміи свѣдѣнія о слѣдующемъ: уже съ нѣкотораго времени доходили до высочайшаго свѣдѣнія довольно вѣроятныя извѣстія о существованіи секретныхъ обществъ, распространяющихся въ арміяхъ и особенно во 2-й, но по симъ же извѣстіямъ также и въ первой, именно въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ существующихъ, но до сего времени не могли указать ни на одно лицо поименно, кромѣ одного изъ главныхъ сочленовъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщика Вадковскаго, который, завербовавъ членовъ, не принадлежащихъ арміи, объявилъ, что въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, кромѣ двухъ значительныхъ чиновниковъ, имѣется довольное число членовъ сего общества. По имѣющимся извѣстіямъ, отправленъ былъ 11-го прошедшаго мѣсяца, по высочайшему повелѣнію, лично мнѣ объявленному, лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ, дабы по представляющейся по вѣроятности возможности перехватить посланные отъ Вадковскаго списки своимъ сообщникамъ, но обстоятельства перемѣнились и принудили дать полковнику Николаеву приказаніе, что если ему, какъ сіе по обстоятельствамъ касалось вѣроятнымъ, возможно будетъ надѣяться вступить въ Курскѣ въ мнимые члены сего общества, то пользоваться симъ случаемъ, дабы выводывать секреты Вадковскаго (который по непростительному упущенію генерала Засса, будучи выписанъ за проступки изъ гвардіи, находится уже

другую очередь за адъютанта при караульныхъ эскадронахъ). послѣ чего онъ долженъ или арестовать Вадковскаго съ его бумагами и главными сообщниками, въ силу даннаго ему по высочайшему повелѣнію полномочія или же предувѣдомить меня для принятія отсюда возможныхъ мѣръ; о томъ, что получу, не премину тотчасъ увѣдомить васъ, но почелъ тѣмъ необходимымъ предварить о семъ ваше сіятельство, что по полученному извѣстію подобные злоумышляющіе существуютъ во 2-й арміи въ довольно значительномъ числѣ, о чемъ съ симъ же предваряю г-на главнокомандующаго оною и обо всемъ довожу до высочайшаго свѣдѣнія. О мнѣніи вашемъ, равно если бы до васъ дошли какія либо подобныя извѣстія о подробностяхъ оныхъ и о мѣрахъ, вами предполагаемыхъ, или которыя изволите считать нужнымъ принять съ вашей стороны, прошу всепокорнѣйше почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ чрезъ сего нарочно посланнаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребывать

вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Дибичъ.

Таганрогъ.
Декабря 5-го дня
1825 года.

На письмѣ помѣта:
«Получено въ канцеляріи 19-го декабря 1825 года».

XLII.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича графу Сакену, 15-го декабря 1825 года.

Секретно.

Таганрогъ, 15-го декабря 1825 года.

Милостивый государь,
графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ.

Вслѣдъ за письмомъ моимъ, отправленнымъ къ вашему сіятельству чрезъ нарочнаго фельдъегеря отъ 6-го сего декабря, считаю нужнымъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что возвратившійся изъ г. Курска лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ доставилъ ко мнѣ такія доказательства насчетъ выписаннаго изъ гвардіи въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ прапорщика Вадковскаго, кои не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи общества, къ коему онъ принадлежитъ, вреднаго и опаснаго для общаго спокойствія и для благосостоянія государства. Почему я, не теряя ни малѣйшаго времени, отправилъ полковника Николаева опять

въ г. Курскъ съ предписаніемъ, дабы онъ арестовалъ прапорщика Вадковскаго и отправилъ его съ нарочнымъ фельдъегеремъ по данному ему отъ меня назначенію, и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ схватилъ всѣ его бумаги и доставилъ ко мнѣ. А чтобы скрыть до времени настоящую причину его арестованія, то я извѣстилъ генерала Засса, что прапорщикъ Вадковскій арестуется за то, что оказался опять въ тѣхъ же проступкахъ, за которые былъ выписанъ изъ гвардіи, и приказалъ полковнику Николаеву дать видъ, что Вадковскій отправляется за сіе въ Архангельскій гарнизонъ.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ, кои Николаевъ ко мнѣ доставилъ, видно, что Вадковскій, по всему вѣроятію, не имѣлъ никого сообщниковъ въ Нѣжинскомъ конно-егерскомъ полку, но что имѣетъ таковыхъ во 2-й арміи; и, кажется, не видно въ 1-й арміи (исключая гвардіи) никакихъ сношеній, кромѣ того, что сіи же самыя свѣдѣнія даютъ сильное подозрѣніе на дежурнаго штабъ-офицера 4-го пѣхотнаго корпуса, полковника князя Трубецкого, который, какъ говорятъ, есть одинъ изъ горячайшихъ сочленовъ тайнаго общества. Также показано, что въ оное недавно принятъ Вадковскимъ юнкеръ Скарятинъ, племянникъ корпуснаго командира князя Щербатова, который уже прежде былъ приготовленъ къ тому своимъ учителемъ, но что связи его съ симъ обществомъ еще не открыты полковнику князю Трубецкому.

При тѣхъ мѣрахъ, кои уже приняты вообще къ сему важному обстоятельству, я полагаю, что со стороны вашего сіятельства достаточно будетъ ограничиться только тѣмъ, чтобы поручить кому либо изъ довѣренныхъ и самыхъ благонадежнѣйшихъ лицъ, по вашему благоусмотрѣнію, имѣть ближайшее наблюденіе за поступками и дѣйствіями какъ полковника князя Трубецкого, такъ и юнкера Скарятина. А притомъ нельзя ли узнать секретнымъ образомъ, кто у сего послѣдняго былъ учителемъ? О послѣдующемъ же покорнѣйше прошу меня увѣдомить, равно какъ и о томъ, въ которомъ полку состоитъ Скарятинъ.

О всѣхъ сихъ свѣдѣніяхъ я донесъ на высочайшее усмотрѣніе какъ въ С.-Петербургъ, такъ и въ Варшаву.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дибичъ.

Помѣта:
«Получ. 22-го декабря».

XLIII.

Письмо генералъ-адъютанта Чернышева Дибичу, 9-го декабря 1825 года.

Elisabethgrad.

Ce 9 de Décembre 1825,
à 7 heures du matin.

Mon général.

Je crois devoir vous expédier une estafette d'ici, mon général, quand ce ne serait que pour vous prévenir que le comte de Witt et la 2-e armée ont preté serment à Sa

Majesté l'Empereur Constantin, en vertu d'un oukase de senat en date du 27 de Novembre dont je joins ici un exemplaire.

D'après ce que m'a dit le comte Witt (qui est en pleine convalescence) tout s'est passé fort tranquillement, tant chez lui que dans les différents corps de la 2-e armée. Je l'ai beaucoup fait causer; mais outre des suppositions vagues. sur des appréhensions concernant les 3-e et 4-e corps, au cas qu'il survienne encore un changement. il ne m'a presque rien dit de remarquable et surtout de relatif à l'objet de mon voyage. Conformément à vos instructions, mon général, je ne lui ai rien dit qui puisse lui faire croire autre chose qu'une course pour moi à Varsovie.

Je continue ma route sur-le-champ et vais jour et nuit, de manière que dans 7 à 8 jours, ou vous me verrez arriver à Taganrog. ou vous aurez un courrier de ma part. Dans tous les cas. soyez persuadé. que je ferai tout ce qui dépendra de moi pour atteindre le but que de fidèles sujets et de bons serviteurs doivent considerer comme leur devoir le plus sacré.

Je vous réitère. cher général, l'expression de toute ma gratitude pour les preuves de confiance et d'amitié que vous m'avez donnés à l'époque la plus malheureuse de notre existence et vous prie d'agréer l'assurance de mes sentiments les plus sincères et les plus devoués.

A. Czernicheff.

P. S.

Je vous supplie, cher général, d'avoir la bonté d'expédier la lettre ci-jointe pour Moscou par l'extraposte; c'est pour ma pauvre femme, mais elle est à l'adresse de son père.

Mes hommages au prince Volkonsky.

XLIV.

Проектъ указа о назначеніи великаго князя Михаила Павловича правителемъ государства.

Желая утвердить еще болѣе на будущее время, сколько возможно по человѣчеству предвидѣть, ненарушимое спокойствіе дражайшаго отечества на залогахъ священныхъ, рѣшились мы нынѣ же, прежде нежели приступить къ царствованію. опредѣлить съ помощію Божіею и съ твердымъ упованіемъ на покровительство Его нашимъ благимъ намѣреніямъ: возлюбленнаго сына нашего Александра Николаевича признать нынѣ же, какъ законнаго наслѣдника нашего, наслѣдникомъ престола Россійскаго. царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго и проч., и проч., и проч.

Но поелику дни наши въ рукахъ Божіихъ и прекратиться могутъ ранѣе. чѣмъ предвидѣть по вѣроятности возможно, опредѣляемъ на случай кончины нашей до законнаго совершеннолѣтія законнаго наслѣдника нашего, любезнѣйшаго брата нашего, Михаила Павловича, правителемъ государства. Если же Богу угодно будетъ призвать къ Себѣ и любезнѣйшаго сына нашего, Александра Николаевича, до закон-

наго совершеннолѣтія, и не будетъ у насъ другого сына, но супруга наша, Александра Ѳеодоровна, останется беременною, то любезнѣйшему брату, Михаилу Павловичу, оставаться правителемъ государства до разрѣшенія отъ бремени супруги нашей. Если она родитъ сына, то Михаилу Павловичу быть правителемъ государства до законнаго совершеннолѣтія новорожденнаго послѣ смерти нашей сына и наслѣдника. Но если супруга наша родитъ великую княжну, то тогда же великій князь Михаилъ Павловичъ есть законный наслѣдникъ нашъ и законный государь имперіи и проч.

Любезнѣйшей супругѣ нашей, Александрѣ Ѳеодоровнѣ во всякомъ случаѣ быть опекуномъ сына или сыновей нашихъ до ихъ законнаго совершеннолѣтія.

Да поможетъ Богъ нашимъ благимъ намѣреніямъ, и да пребудетъ десница Его надъ нашимъ императорскимъ домомъ и любезнѣйшимъ нашимъ государствомъ.

XLV.

Реляція о 14-мъ декабря 1825 года.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ. № 100.

ВТОРНИКЪ, ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ.

1825.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИСШЕСТВІЯ.

Санктпетербургъ.

15-го декабря.

Вчерашній день будетъ, безъ сомнѣнія, эпохою въ исторіи Россіи. Въ оный жители столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему, и въ слѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи престола. Но Провидѣнію было угодно сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое внезапно, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сунодъ присягали въ вѣрности Монарху: въ теченіи утра должны были дать присягу всѣ полки лейбъ-гвардіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Пре-

ображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ Гренадерскимъ. Гвардейскимъ Егерьскимъ, Финляндскимъ и Саперным батальономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; по сему причиною полагали отдаленность ихъ казармъ отъ Дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре офицера гвардейской конной артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе какъ офицеры. такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отмѣннымъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ), выступивъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами и провозглашая Императоромъ Великаго Князя Константина Павловича. идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ Дворцемъ. Государь Императоръ вышелъ изъ Дворца безъ свиты, явился одинъ народу и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ двѣ возмутившіяся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построились въ баталіонъ-карре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полку и. предводительствуя онымъ. приблизился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе; но съ твердымъ намѣреніемъ не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостію и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ Санктпетербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ. что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности, но въ ту самую минуту стоявшій возлѣ него человѣкъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній Его Императорскаго Величества. Твердость и милость равномѣрно оказывались въ сдѣланныхъ нѣсколько разъ по Его повелѣнію увѣщаніяхъ возмутившимся. Государь призывалъ ихъ къ долгу и смиренію, но не внимая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самою скорою покорностію долженствуетъ необходимо и во всякомъ случаѣ послѣдовать примѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ Его Величество далъ приказаніе бывшій въ карауль у Дворца полкъ Финляндскій Егерскій усилить Саперным баталіономъ, а полкамъ Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому Гренадерскому и Лейбъ-Гвардіи Артилерійской первой бригадѣ явиться къ Нему. Всѣ сіи войска ревностно просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ и мятежниковъ. Къ симъ послѣднимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полку и Гвардейскаго Морскаго Экипажа; но съ другой стороны Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который въ ту лишь минуту возвратился въ С.-Петербургъ, узнавъ, что часть принадлежащаго къ его дивизіи Московскаго полка обезславила себя возстаніемъ на законную власть, не медля отправился къ казармамъ и тамъ, даже не употребляя никакихъ строгихъ мѣръ, привелъ къ присягѣ шесть ротъ сего полка, кои при началѣ возмущенія хотя отказывались присягать, однакожъ не хотѣли и слѣдовать

примѣру вышедшихъ на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязавъ сіи роты клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности къ Государю Императору Николаю Павловичу, привелъ ихъ къ Августѣйшему Брату Своему; онѣ пылали равнымъ съ другими войсками нетерпѣніемъ положить конецъ мятежу.

Но Государь Императоръ еще щадилъ безумцевъ, и лишь при наступленіи ночи, когда уже были вотще истощены всѣ средства убѣжденія. и самое воззваніе Преосвященнаго Митрополита Серафима пренебрежено мятежниками. Его Величество наконецъ рѣшился вопреки желанію сердца своего употребить силу. Выведены пушки. и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавшихъ, преслѣдуя и хватая ихъ. Потомъ разосланы по всѣмъ улицамъ сильные дозоры. и въ шесть часовъ вечера изъ всей толпы возмутившихся не было уже и двухъ человѣкъ вмѣстѣ; они бросали оружіе или сдавались въ плѣнъ. Въ десять часовъ взято было дозорами болѣе пяти сотъ, кои скитались разсѣянные; виновнѣйшіе изъ офицеровъ пойманы и отведены въ крѣпость.

Въ шесть часовъ вечера Государь возвратился во Дворецъ, и молебствіе по случаю восшествія Его Императорскаго Величества на Престолъ совершено въ присутствіи Ихъ Величествъ, всего Двора, и при великомъ стеченіи знатныхъ особъ. Въ городѣ уже было возстановлено повсемѣстное спокойствіе.

Таковы были происшествія вчерашняго дня; будучи очевидцами оныхъ, мы описали всѣ обстоятельства съ величайшею подробностію и точностію. Они, безъ сомнѣнія, горестны для всѣхъ русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ Государя Императора. Но всякъ. кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монарха въ сей памятный день, Его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ Августѣйшій Братъ Его Великій Князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади. въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ. кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни также пьяныхъ, и что изо всѣхъ Гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и Морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства, тотъ, конечно, съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи, непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей преданности русскихъ къ Августѣйшему ихъ законному Монарху. Признанія уже допрошенныхъ важнѣйшихъ приступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе, все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени Цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей Его Императорское Высочество Самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ Своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему

явному намѣренію замысливших сей бунт навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія.

Праведный Судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками безпорядковъ. Помощію Неба, твердостію Правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы, и войска, кои изъ предосторжности провели минувшую ночь на бивуакахъ близъ Дворца, возвратились въ казармы.

Нынѣ поутру Государь Императоръ объѣзжалъ всѣ находившіеся при немъ полки и узнавъ, что рядовые Гвардейскаго Экипажа изъявляютъ живѣйшее раскаяніе, утверждаютъ, что они были вовлечены въ мятежъ обманомъ и уже въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича дали присягу въ вѣрности, дозволилъ сему баталіону предстать предъ Него, даровалъ имъ великодушное прощеніе и возвратилъ знамя, коего по волѣ Его Императорскаго Величества они были лишены вчера. Они со слезами славятъ милосердіе Монарха.

XLVI.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Дибича, 11 декабря 1825 года.

Его императорскому величеству

начальника главнаго штаба

Таганрогъ.
11-го декабря 1825 г.
№ 12.

рапортъ.

Въ послѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада моего отъ 4-го сего декабря, представленнаго вашему императорскому величеству чрезъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса, имѣю долгъ поднести при семъ вашему величеству записку, объясняющую, съ какимъ успѣхомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ продолжалъ сдѣланное ему порученіе. При чемъ имѣю счастіе донести, что по содержанію письма прапорщика Вадковскаго къ полковнику Пестелю я нашелъ нужнымъ отправить вчерашняго числа полковника Николаева опять въ г. Курскъ, давъ ему приказаніе, по прибытіи туда, тотчасъ арестовать прапорщика Вадковскаго и отправить его съ нарочнымъ фельдъегеремъ въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія въ оной подъ строжайшимъ карауломъ впредь до повелѣнія, а бумаги прапорщика Вадковскаго схватить и запечатавъ доставить ко мнѣ.

Обо всемъ этомъ я нынѣ же увѣдомляю и генералъ-адъютанта Чернышева для необходимаго ему соображенія при дѣйствованіи по возложенному на него порученію.

Дабы по возможности скрыть до времени ходъ сего дѣла, я приказалъ полковнику Николаеву при арестованіи прапорщика Вадковскаго объявить, что онъ аре-

стуется за то. что оказался вновь въ тѣхъ же проступкахъ. за которые былъ выписанъ изъ гвардіи, и что онъ отправляется въ Архангельскъ.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ, по сдѣланному ему высочайшему довѣрію, прибывъ въ г. Курскъ, подъ именемъ отставного штабсъ-ротмистра. по соображеніи съ унтеръ-офицеромъ Шервудомъ. дабы не упустить важное открытіе чрезъ какое либо подозрѣніе прапорщика Вадковскаго къ мнимому члену. ему совершенно еще неизвѣстному. рѣшились ставить дѣйствіе начально одному Шервуду. Вадковскій. будучи совершенно обрадованъ прибытіемъ Шервуда и чувствуя важность пользы для ихъ цѣли (мнимаго) сильнаго подкрѣпленія. заведеннаго будто бы Шервудомъ отдѣленія общества въ поселеніяхъ, рѣшился по важности нынѣшнихъ обстоятельствъ отправить самого Шервуда къ командиру Вятскаго пѣхотнаго полка, полковнику Пестелю. коего, повидимому, считаетъ главною пружиною ихъ дѣйствій. Посему далъ Шервуду собственное письмо къ Пестелю, запечатавъ его вмѣстѣ съ выдуманными Шервудомъ извѣстіями о духѣ Екатеринославскаго и Херсонскаго поселеній и Донского войска. препоручилъ ему доставить лично къ Пестелю.

Какъ по содержанію сего письма можно было надѣяться, что оно убѣдитъ Пестеля открыться во всемъ Шервуду. то полковникъ Николаевъ. не показываясь Вадковскому, доставилъ лично упомянутое письмо ко мнѣ. Онъ полагалъ тѣмъ удобнымъ не приступить тотчасъ къ арестованію Вадковскаго, что по содержанію письма сего можно быть увѣреннымъ. что онъ не имѣетъ никакихъ сообщниковъ въ своемъ полку, и, вѣроятно. число оныхъ вообще малозначащее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вадковскій находится.

По мѣрамъ, уже принятымъ противъ Пестеля, посылка Шервуда къ нему была бы излишнею.

Главное содержаніе письма слѣдующее.

Вадковскій объясняется, что, можетъ быть, Пестель уже его позабылъ, но что воспоминаніе о своей присягѣ наполняетъ все его сердце, что онъ существуетъ и дышитъ единственно для священной цѣли. которая ихъ соединяетъ. Далѣе продолжаетъ, что Пестель можетъ себѣ вообразить, что Вадковскій въ нынѣшней ссылкѣ своей долженъ былъ скрывать свои чувства и обманывать, что онъ сіе исполнилъ, и надѣется, что Пестель о томъ увѣдомленъ черезъ Сергѣя, брата Матвѣя (Шервудъ объяснилъ, что это братья Муравьевы, изъ коихъ одинъ въ отставкѣ—по всей вѣроятности, Муравьевы-Апостолы, оба изъ бывшаго состава лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, изъ коихъ Сергѣй—подполковникъ Черниговскаго полка. а Матвѣй въ отставкѣ. бывшій адъютантъ у генералъ-адъютанта князя Репнина).

Вадковскій продолжаетъ: что онъ былъ весьма наблюдаемъ начальствомъ; не менѣе того отыскалъ знакомство молодыхъ офицеровъ его полка, но нашелъ ихъ совершенно ниже себя и (по его мнѣнію) презрѣнія достойныхъ, живущихъ однимъ жалованьемъ и слѣдующихъ голосу одного полкового командира, коего при семъ называетъ самымъ низкимъ браннымъ словомъ.

Сергѣй (Муравьевъ) рекомендовалъ Вадковскому видѣться съ Граббе (бывшимъ командиромъ Іубенскаго гусарскаго полка, а нынѣ служащимъ въ Тверскомъ конно-

егерскомъ полку). Сей послѣдній не совѣмъ понравился Вадковскому, что впрочемъ (по мнѣнію сего послѣдняго) могло быть отъ различія чиновъ и лѣтъ, считая Граббе впрочемъ благомыслящимъ въ ихъ смыслѣ. Вадковскій ему говорилъ насчетъ Михаила Орлова, и Граббе отзывался, что этотъ человѣкъ съ умомъ и создань быть головою партій. Вадковскій про сіе говоритъ, что таковое сужденіе заслуживаетъ смѣха, если не больше. Вадковскій говоритъ, что онъ тѣмъ меньше могъ быть откровенъ съ Граббе, что нѣкто Толстой изъ Москвы, который принятъ въ общество ихнимъ другомъ Барятинскимъ, сказалъ ему, что зеленая книга (вѣроятно, названіе какого либо общества) сдѣлала въ себѣ реформу, и что она рѣшительно противъ ихъ общества; а Сергѣй, братъ Матвѣя, увѣрилъ Вадковскаго, что Граббе одинъ изъ горячѣйшихъ зеленой книги; не менѣе того Вадковскій намѣренъ зимою опять ѣхать къ Граббе, дабы видѣть, что полезно принять.

Полгода послѣ прибытія Вадковскаго въ Нѣжинскій полкъ, какъ пишетъ онъ къ Пестелю, сдѣлалъ онъ знакомство съ Шервудомъ. Онъ не можетъ довольно выхвалить достоинствъ его и называетъ пріемъ его въ общество самымъ важнѣйшимъ дѣломъ, которое онъ сдѣлалъ, и что Пестель сіе увидитъ изъ услугъ, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе года. Онъ проситъ Пестеля быть съ Шервудомъ совершенно откровеннымъ, ибо онъ можетъ оказать самыя большія для нихъ услуги. Онъ еще повторяетъ, что Пестель долженъ быть съ нимъ откровеннымъ, ибо малѣйшая недовѣрчивость покажется обидною для сего достойнаго сочлена, что испыталъ Вадковскій, коему стоило величайшихъ трудовъ не потерять для нихъ Шервуда, когда и онъ разъ хотѣлъ его испытать нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Вадковскій разсказываетъ, что онъ обязанъ Шервуду важнѣйшимъ извѣстіемъ насчетъ поселеній, и что теперь, когда нужно ему доставить къ Пестелю бумаги, несмотря на то, что Шервудъ имѣетъ необходимыя дѣла въ Москвѣ, онъ жертвуетъ ими, дабы быть полезнымъ обществу.

Вадковскій продолжаетъ въ отчетѣ своемъ Пестелю, что Свистуновъ (по объясненію Шервуда, офицеръ Кавалергардскаго полка) далъ ему лучшее извѣстіе изъ С.-Петербурга, что полкъ, въ которомъ служилъ Вадковскій (Кавалергардскій), имѣя тогда, какъ Пестель долженъ знать, только 4-хъ членовъ, имѣетъ таковыхъ 10; что это идетъ и въ другихъ полкахъ довольно хорошо; что, напримѣръ, ему сказалъ Свистуновъ, что онъ надѣется принять въ короткомъ времени въ Измайловскомъ полку 5 или 6, что онъ препоручилъ Свистунову стараться, чтобы онъ былъ возвращенъ, дабы онъ присутствіемъ своимъ могъ возжечь ихъ дѣйствія.

Вадковскій продолжаетъ, что онъ принялъ во время ихъ пріѣзда 3-хъ членовъ: одного Конной Гвардіи (по объясненію Шервуда, сей есть нѣкто Барыковъ), другого Лейбъ-Кирасирскаго ея величества полка (по тому же объясненію Шервуда, поручикъ графъ Булгари) и третьяго изъ корпуса князя Щербатова (юнкеръ Скарятинъ). Вадковскій говоритъ, что первый женится, что невѣста мыслитъ хорошо (единственная причина, которая заставила Барыкова на ней жениться, какъ онъ объяснялъ Вадковскому). Посему совѣтовалъ ему Вадковскій держать открытый домъ для соединенія членовъ ихъ общества; второго (Булгари) завербовалъ для посылокъ, а третьяго, юнкера Скарятина, дабы получать извѣстія отъ корпуса дѣда его (князя Щербатова). Онъ рекомендовалъ сему юнкеру отнюдь не открываться Трубецкому, коего вялость не отвѣчаетъ живости молодого сердца (Вадковскій сказалъ Шервуду, что сіе будетъ проба

для Скарятина. и что онъ полка князя Трубецкого, находящагося дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, считаетъ однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ). Вадковскій продолжаетъ, что Шервудъ можетъ Пестелю дать идею о нѣкоторомъ майорѣ Гофманѣ. на котораго онъ имѣетъ виды, но еще не совершенно его удостовѣрилъ. Онъ далѣе говоритъ, что Пестель долженъ помнить, что онъ черезъ Матвѣя (Муравьева) обѣщалъ прислать ему конституцію еще въ С.-Петербургѣ; что онъ проситъ при всемъ, что для насъ есть священнѣйшаго, исполнить сіе; что Шервудъ скажетъ ему, какъ онъ хранитъ бумаги свои, что онъ не можетъ сомнѣваться въ его приверженности и усердіи. развѣ въ благоразуміи его; но что онъ уже прежде ему обѣщалъ, и необходимо сіе исполнить. Вадковскій продолжаетъ для доказательства сего. что кончина императора Александра должна ускорить работы ихъ. По его мнѣнію. если бы можно было предвидѣть оную и принять нужныя мѣры, то сіе было бы. можетъ быть, минута объявить общество. По несчастію. говоритъ онъ, они не довольно увѣрены въ своихъ силахъ въ С.-Петербургѣ. что, вѣроятно, заставитъ ихъ дожидаться. и ожидать или болѣе неудовольствія въ народѣ. и тѣмъ умноженія ихъ членовъ. или въ противномъ случаѣ. при общемъ благоденствіи. усиленія своихъ работъ и трудовъ. тѣмъ болѣе. что въ такомъ случаѣ. по мнѣнію его, будетъ имъ болѣе свободы.

Сверхъ того. говоритъ Вадковскій. нужно дать новымъ членамъ, кои рѣшаются жертвовать жизнью. временемъ и всѣмъ. что для нихъ есть священнаго, какія нибудь доказательства. Онъ полагаетъ. что сіи причины достаточно убѣдятъ Пестеля прислать ему экземпляръ конституціи. изъ коей онъ возьметъ одну только копію для С.-Петербурга. гдѣ она по тѣмъ же причинамъ столько же нужна, и что Свистуновъ о томъ его убѣдительно проситъ. Сверхъ того, Вадковскій проситъ законовъ ихъ общества въ подробности. жалуясь на свою память, что. несмотря на то, что Пестель объяснялъ оные ему нѣсколько разъ, иногда ихъ вовсе забываетъ. Вадковскій продолжаетъ. что онъ между прочимъ принялъ Шервуда боярмъ, не имѣя на это права (по объясненію Шервуда. боярь имѣетъ право принимать другихъ сочленовъ). извиняясь впрочемъ большими достоинствами Шервуда, по которымъ онъ даже согласенъ сложить съ себя преимущество. слѣдующее ему по ихъ закону, въ пользу Шервуда.

Вадковскій пишетъ далѣе. что онъ препоручилъ Шервуду привести къ Пестелю одного изъ генераловъ, принятыхъ имъ (по мнимому Шервуда показанію) по поселенію. и рекомендуетъ Пестелю принять ихъ съ отличіемъ, полагая, что должно бы принять ихъ обоихъ. какъ бояровъ, съ тѣмъ, чтобы Шервудъ былъ назначенъ для доставленія приказовъ отъ дирекціи по поселеніямъ.

Онъ заключаетъ письмо надеждою. что при новомъ царствованіи онъ, можетъ быть, будетъ возвращенъ въ С.-Петербургъ.

Письмо сіе писано изъ Курска по-французски 3-го декабря, но вмѣсто декабря написано ноября, что. безъ сомнѣнія. есть ошибка. въ чемъ самое содержаніе письма удостовѣряетъ.

Въ двухъ прибавленіяхъ предлагаетъ Вадковскій Пестелю о назначеніи нѣсколькихъ самыхъ надежнѣйшихъ членовъ для сообщенія главными начальниками округовъ, ибо какой успѣхъ (говоритъ онъ) можно ожидать, когда директорія можетъ только одинъ разъ въ годъ. и то еще невѣрнымъ образомъ. имѣть извѣстія изъ столь важныхъ для работы пунктовъ. какъ, напримѣръ, объ столицы и поселенія.

Во второмъ прибавленіи говоритъ, что онъ слышалъ, что графъ Бобринскій (по объясненію Шервуда. отставной изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка офицеръ) хочетъ въ пользу ихъ въ чужихъ краяхъ завести типографію; что сіе усердіе его столь же похвально, какъ идея его глупа; но что онъ полагалъ бы возможнымъ завести типографію въ имѣніяхъ кого либо изъ ихъ членовъ, подъ надзоромъ члена же и стараться распространить произведенія оной въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста печатанія. Онъ говоритъ, что Пестель можетъ найти сію идею отважною, но что онъ при семъ употребляетъ собственное его, Пестеля, выраженіе: «мы не должны ходить по розанамъ; кто ничего не рискуетъ, тотъ ничего не имѣетъ».

XLVII.

Манифестъ 20-го декабря 1825 года съ приложеніями.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любезное Отечество Наше объявшей, въ единомъ Богѣ Мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, Любезнѣйшаго Брата Нашего, Мы лишилися Отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго.

Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27-й день ноября мѣсяца до Насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности Старѣйшему Брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, Наслѣднику Престола Всероссійскаго.

По совершеніи сего священнаго долга, извѣстились Мы отъ Государственнаго Совѣта, что въ 15-й день октября 1823 года предъявленъ оному, за печатію покойнаго Государя Императора, конвертъ съ таковою на оном Собственноручною Его Величества надписью: «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до Моего востребованія, а въ случаѣ Моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія

въ чрезвычайномъ Собраніи; что сіе Высочайшее Повелѣніе Государственнымъ Совѣтомъ исполнено, и въ ономъ конвертѣ найдено: 1) Письмо Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору отъ 14-го генваря 1822 года, въ коемъ Его Высочество отрекается отъ наслѣдія Престола, по праву первородства Ему принадлежащаго; 2) Манифестъ, въ 16-й день августа 1823 года собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утвержденный, въ коемъ Государь Императоръ, изъявляя Свое согласіе на отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, признаетъ Наслѣдникомъ Насъ, яко по Немъ старѣйшаго и по коренному закону къ наслѣдію ближайшаго. Вмѣстѣ съ симъ донесено Намъ было, что таковые же акты и съ тою же надписью хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Свѣдѣнія сіи не могли перемѣнить принятой Нами мѣры. Мы въ актахъ сихъ видѣли отреченіе Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласіемъ Его Величества утвержденное; но не желали и не имѣли права сіе отреченіе, въ свое время всенародно не объявленное и въ законъ не обращенное, признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали Мы утвердить уваженіе Наше къ первому коренному Отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія Престола. И въ слѣдствіе того, пребывая вѣрными присягѣ, Нами данной, Мы настояли, чтобъ и все Государство послѣдовало Нашему примѣру; и сіе учинили Мы не въ преканіе дѣйствительности воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго Государя Императора, Общаго Нашего Отца и Благодѣтеля, воли, для Насъ всегда священной, но дабы оградить коренный законъ о порядкѣ наслѣдія Престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній Нашихъ и дабы предохранить любезное Отечество Наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о Законномъ его Государѣ. Сіе рѣшеніе, въ чистотѣ совѣсти предъ Богомъ Сердцевѣдцемъ Нами принятое, удостоено и личнаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Любезнѣйшей Родительницы Нашей, благословенія.

Между тѣмъ горестное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора достигло въ Варшаву прямо изъ Таганрога 25-го ноября, двумя днями прежде, нежели сюда. Пребывая непоколебимо въ намѣреніи Своемъ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ на другой же день, отъ 26-го ноября, призналъ за благо снова утвердить оное двумя актами, Любезнѣйшему Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Павловичу, для доставленія сюда врученными. Акты сіи суть слѣдующіе: 1) Письмо къ Государынѣ Императрицѣ, Любезнѣйшей Родительницѣ Нашей, въ коемъ Его Высочество, возобновляя прежнее Его рѣшеніе и укрѣпляя силу онаго грамотой покойнаго Государя Императора, въ отвѣтъ на письмо Его Высочества, во 2-й день февраля 1822 года состоявшееся, и въ спискѣ при томъ приложенною, снова и торжественно отрекается отъ наслѣдія Престола, присвояя оное въ порядкѣ, кореннымъ закономъ установленномъ, уже Намъ и Потомству Нашему. 2) Грамота Его Высочества къ Намъ; въ оной, повторяя тѣ же самыя изъявленія воли, Его Высочество даетъ Намъ титулъ Императорскаго Величества; Себѣ же предоставляетъ прежній титулъ Цесаревича и именуетъ Себя вѣрнѣйшимъ Нашимъ подданнымъ.

Сколь ни положительны сіи акты, сколь ни ясно въ нихъ представляется отреченіе Его Высочества непоколебимымъ и невозвратнымъ, Мы признали однако же чувствамъ Нашимъ и самому положенію дѣла сходственнымъ пріостановиться возвѣщеніемъ оныхъ, доколѣ не будетъ получено окончательное изъявленіе воли Его Высочества на присягу, Нами и всѣмъ Государствомъ принесенную.

Нынѣ получивъ и сіе окончательное изъявленіе непоколебимой и невозвратной Его Высочества воли, возвѣщаемъ о томъ всенародно, прилагая при семъ: 1) Грамоту Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору Александру Первому; 2) Отвѣтную Грамоту Его Императорскаго Величества; 3) Манифестъ покойнаго Государя Императора, отреченіе Его Высочества утверждающій и Насъ Наслѣдникомъ признающій; 4) Письмо Его Высочества къ Государынѣ Императрицѣ, Любезнѣйшей Родительницѣ Нашей; 5) Грамоту Его Высочества къ Намъ.

Въ послѣдствіе всѣхъ сихъ актовъ и по коренному закону имперіи о порядкѣ наслѣдія, съ сердцемъ, исполненнымъ благоговѣнія и покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, Насъ ведущаго, вступая на Прародительскій Нашъ Престолъ Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ: 1) присягу въ вѣрности подданства учинить Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу, Любезнѣйшему Сыну Нашему; 2) время вступленія Нашего на Престолъ считать съ 19-го ноября 1825 года.

Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія Наши жить единственно для любезнаго Отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя; да будетъ Царствованіе Наше токмо продолженіемъ Царствованія Его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ Тотъ, Коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ. Данъ въ Царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ, въ двунадесятый день декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Приложенія къ манифесту.

1.

Копія.

Всемилостивѣйшій Государь!

Обнадеженъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія Вашего Императорскаго Величества ко Мнѣ, осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть къ оному и изложить у ногъ Вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу Мою.

Не чувствуя въ Себѣ ни дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію Моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ Меня, и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе Нашего Государства. Симъ могу Я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое далъ Я непринужденно и торжественно при случаѣ развода Моего съ первою Моею женою. Всѣ обстоятельства Моего нынѣшняго положенія Меня наиболѣе къ сему убѣждаютъ и будутъ предъ Государствомъ Нашимъ и всѣмъ свѣтомъ новымъ доказательствомъ Моихъ искреннихъ чувствъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Примите просьбу Мою благосклонно и испросите на оную согласіе Всеавгустѣйшей Родительницы Нашей и утвердите оную Вашимъ Императорскимъ Словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ Вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго Государства Нашего.

Есмь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрнѣйшій подданный и Братъ.

На подлинномъ, собственною рукою писанномъ письмѣ подписано тако:

Константинъ Цесаревичъ.

С.-Петербургъ.
Генваря 14-го дня
1822 года.

На копіи написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Съ подлиннымъ вѣрно:

АЛЕКСАНДРЪ.

2.

Списокъ съ копіи.

Любезнѣйшій Братъ!

Съ должнымъ вниманіемъ читалъ Я письмо Ваше. Умѣвъ цѣнить всегда возвышенныя чувства Вашей души, сіе письмо Меня не удивило. Оно Мнѣ дало новое доказательство искренней любви Вашей къ Государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

По вашему желанію, предъявилъ Я письмо сіе любезнѣйшей Родительницѣ Нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и Я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, Васъ руководствовавшимъ.

Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, Вами изъясненныя, дать полную свободу Вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію Вашему, прося Всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

Пребываю на вѣкъ душевно Васъ любящій Братъ.

На подлинномъ подписано Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

На копіи написано: вѣрно.

КОНСТАНТИНЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

С.-Петербургъ,
февраля 2-го дня
1822 года.

3.

Копія.

Божіею милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ непрестанно Мы чувствуемъ себя обязанными предъ Вседержителемъ Богомъ, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго Намъ Отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ Насъ, чрезъ ясное и точное указаніе Преемника Нашего, сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ Наслѣдника Престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ остаться праздным.

Между тѣмъ, какъ Мы носили въ сердцѣ Нашемъ сію священную заботу, Возлюбленный Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое Онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ Него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному

акту о наслѣдованіи Престола, постановленному Нами въ 1820 году, и Имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Нашъ Возлюбленный Братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для Государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола,— съ согласія Августѣйшей Родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Императорской Фамиліи и по врученной Намъ отъ Бога Самодержавной власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ, свободному отреченію перваго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и въ трехъ высшихъ Правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и въ Правительствующемъ Сенатѣ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе того на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола Наслѣдникомъ Нашимъ быть второму брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше въ надлежащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго, о Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его вѣчное.

Данъ въ Царскомъ Селѣ 16-го августа въ лѣто отъ Рождества Христова 1823-е, Царствованія же Нашего въ двадесять третіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

4.

Копія.

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вселюбезнѣйшая Родительница!

Съ сокрушеннымъ сердцемъ получивъ вчерашняго числа въ 7-мъ часовъ вечера поразившее Меня глубочайшею горестію отъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанта барона Дибича и генералъ-адъютанта князя Волконскаго увѣдомленіе и актъ, при семъ въ оригиналахъ прилагаемые. о кончинѣ обожаемаго Нами Государя Императора Александра Павловича. Моего Благодѣтеля, спѣшу раздѣлить съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ постигшую Насъ скорбь, прося Всевышняго, дабы Онъ Всемогущею Благодатію Своею подкрѣпилъ силы Наши къ перенесенію столь жестоко постигшаго Насъ рока.

Степень, на которую Меня возводитъ сіе поразившее Насъ несчастіе, поставляетъ Меня въ обязанность излить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ со всею откровенностію истинныя чувствованія Мои по сему важному предмету.

Небезызвѣстно Вашему Императорскому Величеству, что по собственному Моему побужденію просилъ Я блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича объ устраненіи Меня отъ права наслѣдія Императорскаго Престола, на что и удостоился получить отъ 2-го февраля 1822 года собственноручный Высочайшій Рескриптъ. у сего въ засвидѣтельствованной копіи прилагаемый, въ коемъ Его Императорское Величество изъявилъ на то Высочайшее Свое соизволеніе. объявя, что и Ваше Императорское Величество на то согласны, что̀ самое и лично изволили Мнѣ подтвердить. Притомъ воля покойнаго Государя Императора была, дабы помянутый Высочайшій Рескриптъ хранился у Меня въ тайнѣ до кончины Его Величества.

Обыкши съ младенчества исполнять свято волю какъ покойнаго Родителя Моего, такъ и скончавшагося Государя Императора, а равно Вашего Императорскаго Величества, Я, не выходя и нынѣ изъ предѣловъ оной. почитаю обязанностію Моею право Мое на наслѣдіе, согласно установленному Государственному акту о наслѣдіи Императорской Фамиліи. уступить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу и Наслѣдникамъ Его.

Съ тѣми же чувствами откровенности вмѣняю въ долгъ изъявить, что Я, не простирая ни до чего болѣе Моихъ желаній. единственно сочту себя счастливѣйшимъ, если удостоюсь продолжать выше тридцатилѣтнее Мое служеніе блаженной памяти Государямъ Императорамъ. Родителю и Брату. нынѣ же Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу съ такимъ же глубочайшимъ благоговѣніемъ. живѣйшимъ усердіемъ и безпредѣльною преданностію, которыя во всѣхъ случаяхъ Меня одушевляли и одушевлять будутъ до конца дней Моихъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ истинныя и неколебимыя чувствованія Мои и повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всенижайше прошу. удостоивъ Благосклоннымъ Вашимъ принятіемъ сіе письмо, оказать Мнѣ милость объявленіемъ онаго. гдѣ слѣдуетъ, для приведенія въ надлежащее исполненіе. чѣмъ

совершится въ полной мѣрѣ и силѣ соизволеніе Его Императорскаго Величества покойнаго Государя и Благодѣтеля Моего, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе на оное Вашего Императорскаго Величества.

При семъ осмѣливаюсь также всенижайше представить Вашему Императорскому Величеству копію съ письма Моего Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, вмѣстѣ съ симъ посланнаго.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества,

на подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою подписано тако:

Всенижайшій и всепокорнѣйшій сынъ

КОНСТАНТИНЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Варшава,
26-го ноября 1825 года.

5.

Любезнѣйшій Братъ!

Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ Я вчерашняго числа вечеромъ въ 7-мь часовъ горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, Моего Благодѣтеля.

Сія раздѣлить съ Вами таковую, постигшую Насъ тягчайшую скорбь, Я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ Я письмо къ Ея Императорскому Величеству Вселюбезнѣйшей Родительницѣ Нашей, съ изъявленіемъ непоколебимой Моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго Рескрипта покойнаго Государя Императора, отъ 2-го февраля 1822 года ко Мнѣ послѣдовавшаго, на письмо Мое къ Его Императорскому Величеству объ устраненіи Меня отъ наслѣдія Императорскаго Престола, которое было предъявлено Родительницей Нашей, удостоилось какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества Мнѣ о томъ подтвержденія, уступаю Вамъ право Мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу Любезнѣйшую Родительницу Нашу о всемъ томъ объявить, гдѣ слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой Моей воли въ надлежащее исполненіе.

Изложивъ сіе, непремѣнною затѣмъ обязанностію поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ Меня перваго вѣрноподданническую Мою присягу и, дозволивъ Мнѣ изъяснить, что не простираю никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ Я за службу покойнымъ Нашимъ Родителемъ.

Единственнымъ себѣ счастіемъ навсегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго Моего благоговѣнія и

безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-тилѣтнюю Мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ Родителю и Брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней Моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и потомству Вашему Мое служеніе при настоящей Моей обязанности и мѣстѣ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества,

на подлинномъ рукою Его Императорскаго Высочества подписано тако:

вѣрнѣйшій подданный

КОНСТАНТИНЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Варшава.
26-го ноября 1825 года.

XLVIII.

Записка о Рылѣевѣ.

Объ отставномъ подпоручикѣ Рылѣевѣ.

Рылѣевъ принятъ въ общество коллежскимъ асессоромъ Пущинымъ въ началѣ 1823 года, когда оно состояло изъ немногихъ членовъ и безъ всякаго дѣйствія готово было уничтожиться. Съ самаго вступленія онъ оказался дѣятельнымъ и рѣшительнымъ, споспѣшествовалъ возстановленію общества и доставилъ оному многихъ членовъ.

Въ 1823 году было первое совѣщаніе у Пущина, гдѣ разсуждали о различныхъ распоряженіяхъ по обществу и предлагали членамъ избрать занятія. Такимъ образомъ Николай Тургеневъ обѣщалъ написать объ уголовномъ судопроизводствѣ, Никита Муравьевъ хотѣлъ сообщить планъ своей конституціи, Оболенскій взялся написать объ обязанностяхъ гражданина, а впослѣдствіи Рылѣевъ принялъ на себя составить катихизисъ вольнаго человѣка, писалъ возмутительныя пѣсни и вольнодумныя стихотворенія.

Послѣ того Рылѣевъ былъ въ собраніи у Митькова, гдѣ говорили о новомъ устройствѣ общества.

Изъ членовъ Южнаго общества, пріѣзжавшихъ въ С.-Петербургъ въ 1823 и 1824 году, видѣлся съ Поджіо, Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Пестелемъ. Переговоры были о соединеніи Южнаго общества съ

Сѣвернымъ, о чемъ одинъ разъ происходило у него совѣщаніе, въ которомъ полагали, что соединеніе и полезно и необходимо; но главное препятствіе находили въ противоположности конституцій Никиты Муравьева и Пестелевою. Въ семъ совѣщаніи говорили также, чтобы введеніе новаго порядка вещей произвесть посредствомъ временнаго правленія и чтобы въ оное назначить директоровъ общества. Рылѣевъ утверждаетъ, что ни въ совѣщаніяхъ, при немъ бывшихъ, ни въ частныхъ разговорахъ никто положительно не сказывалъ ему о намѣреніи Южнаго общества ввести республику, истребивъ государя и всю царствующую фамилію. Хотя онъ и изъявилъ по сему свои подозрѣнія Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Трубецкому, Никитѣ Муравьеву и Оболенскому, но всѣ говорили, что они также подозрѣваютъ Южное общество, а Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, хотя и защищалъ республиканское правленіе, но часто не выдавая за мнѣніе своего общества. Рылѣевъ съ своей стороны былъ того мнѣнія, что Россія не созрѣла еще для республиканскаго правленія, защищалъ ограниченную монархію, хотя душевно предпочиталъ ей правленіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, признавая оное приличнѣйшимъ для Россіи. Онъ соглашался на республику съ императоромъ, котораго власть не должна превосходить власти президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, тогда только, когда уставъ ея одобрится большинствомъ народныхъ представителей. На вопросъ, что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ, Рылѣевъ сказалъ: не вывезти ли за границу? на что согласились и присутствовавшіе въ совѣщаніи члены.

Напротивъ того другіе показываютъ:

Что Рылѣевъ раздѣлялъ опредѣленіе Южнаго общества о республикѣ и истребленіи царствующаго дома. — Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

Что Рылѣевъ съ Оболенскимъ вслѣдствіе южныхъ инстанцій говорили о необходимости уничтожить всю царствующую фамилію. — Показаніе Александра Бестужева.

Что Рылѣевъ при самомъ принятіи Каховскаго въ общество въ началѣ прошедшаго года объявилъ ему цѣль—истребленіе всей царствующей фамиліи и водвореніе народнаго правленія. Впослѣдствіи времени узналъ онъ отъ Рылѣева, что истребленіе сіе назначено было совершить или на праздникѣ въ Петергофѣ, или въ Зимнемъ дворцѣ въ маскарадѣ на новый годъ. — Показаніе Каховскаго.

Показаніе Торсона.

Осенью прошлаго года Торсонъ слышалъ отъ Рылѣева, что намѣрены посягнуть на жизнь государя и великихъ князей, и ввесть республику. На вопросъ же Торсона, если государь и великіе князья кончатъ жизнь, тогда что будетъ съ прочими особами императорской фамиліи, Рылѣевъ отвѣчалъ, что возьмемъ мѣры, увидимъ...

Рылѣевъ, поддерживая запирательство свое противъ показаній Муравьева, Бестужева и Каховскаго, наконецъ противъ показанія Торсона сознался, что, говоря съ нимъ о Южномъ обществѣ, точно сказалъ, что оно намѣрено посягнуть на жизнь императора и ввесть республику. Слова же насчетъ особъ императорской фамиліи отвергнулъ и на очныхъ ставкахъ съ Торсономъ и Каховскимъ остался при своемъ показаніи.

Впослѣдствіи времени Рылѣевъ сознался, однако, что ему приходила мысль о необходимости для прочнаго введенія новаго порядка вещей истребить всю царствующую фамилію, полагая, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи, и что все это совокупно породитъ неминуемо междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же императорской фамиліи Рылѣевъ думалъ, что всѣ партіи поневолѣ должны будутъ соединиться, или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче будетъ успокоить, но сего преступнаго мнѣнія никому не объявлялъ.

Въ началѣ 1825 года, предъ отъѣздомъ князя Трубецкого въ Кіевъ, Рылѣевъ избранъ на мѣсто его членомъ въ думу и усугубилъ свою дѣятельность.

Рылѣевъ предполагалъ завесть общество въ Кронштадтѣ. На сей конецъ ѣздилъ туда къ Торсону около средины лѣта 1825 года, и когда сей отрекся, то Рылѣевъ упрекалъ его и Николая Бестужева въ недѣятельности. Однако въ іюлѣ при отъѣздѣ Бригена въ Кіевъ поручилъ ему сказать Трубецкому, что онъ вновь будетъ стараться о приготовленіи въ Кронштадтѣ нѣсколькихъ офицеровъ, дабы въ случаѣ отверженія императоромъ конституціи великаго собора отправить его и всю фамилію за границу. Къ сей мысли Рылѣевъ снова обратился въ то время по случаю знакомства съ Завалишинымъ, чрезъ котораго сначала много надѣялся сдѣлать въ Кронштадтѣ. Но, возымѣвъ подозрѣніе на Завалишина, объявилъ уже о предположеніи своемъ Торсону, которому на замѣчаніе, что лучше императорскую фамилію

оставить во дворцѣ, она тутъ подъ надзоромъ, Рылѣевъ сказалъ: нѣтъ! въ Петербургѣ нельзя, развѣ въ Шлиссельбургѣ. Тамъ можно приготовить старый Семеновскій полкъ, а въ случаѣ возмущенія — примѣръ Мировича.

Тѣмъ же лѣтомъ Рылѣевъ познакомился съ капитаномъ Якубовичемъ, открылъ ему о существованіи тайнаго общества и узналъ о ужасномъ намѣреніи его покуситься на жизнь покойнаго государя на маневрахъ или на Петергофскомъ праздникѣ. Рылѣевъ сообщилъ о семъ Александру Бестужеву, Оболенскому, Никитѣ Муравьеву и Бригену. Положено было всячески стараться отклонить Якубовича отъ его намѣренія, и послѣ продолжительныхъ убѣжденій Рылѣевъ едва успѣлъ уговорить его отложить оное на годъ, а потомъ и на неопредѣленное время.

Съ одобренія Сѣверной думы Рылѣевъ старался принять въ члены нѣкоторыхъ изъ здѣшняго купечества. Достигнуть сего надѣялся посредствомъ барона Штейнгеля, о чемъ и говорилъ ему, но онъ рѣшительно отвѣчалъ, что это дѣло не возможное, что наши купцы невѣжды; симъ кончилось покушеніе Рылѣева.

Однажды, показываетъ Каховскій, Александръ Бестужевъ сообщилъ ему, что Рылѣевъ предназначаетъ его для совершенія цареубійства. Когда о семъ Каховскій объяснялся съ Рылѣевымъ, то онъ ужасно разсердился, говоря, что обманулся въ чистотѣ его намѣреній, что Бестужевъ такъ о немъ не говорилъ, и что безъ него есть много желающихъ и чище его. Каховскій увѣряетъ, что никогда не вызывался убить покойнаго императора, но въ разговорѣ о самоотверженіи сказалъ Рылѣеву: «для блага моего отечества я готовъ бы и отцомъ моимъ пожертвовать, потому, кто рѣшится жертвовать собою, надобно знать, для чего онъ сіе дѣлаетъ, чтобы не пасть для тщеславія другихъ». Рылѣевъ и въ семъ осналъ его, назвалъ ходячею оппозицію и ставилъ въ примѣръ Якубовича, который безъ дальнихъ разсужденій вѣритъ чести людей и готовъ всячески жертвовать собою, говоря, что Якубовичъ рѣшился убить покойнаго государя императора при парадѣ на Царицыномъ лугу. Сверхъ сего, Рылѣевъ, услышавъ о намѣреніи Каховскаго уѣхать изъ С.-Петербурга, представлялъ ему, что общество скоро будетъ дѣйствовать, и совѣтовалъ ему вступить въ службу въ Новгородскія поселенія, говоря, что обществу нужно имѣть тамъ надежныхъ людей.

Рылѣевъ всѣ сіи показанія, какъ при допросѣ, такъ и на очной ставкѣ съ Каховскимъ, отвергнулъ, объясняя, что сей послѣдній самъ вызывался на цареубійство.

Напротивъ того Александръ Бестужевъ рѣшительно утверждаетъ, что Рылѣевъ назначалъ Каховскаго для нанесенія удара, почему Бестужевъ, желая отклонить его отъ столь преступнаго дѣйствія, говорилъ, что его хотятъ употребить низкимъ орудіемъ, и до того возбудилъ негодованіе Каховскаго, что Каховскій сказалъ: если Рылѣевъ почитаетъ меня кинжаломъ, то обманется, объ этотъ кинжалъ онъ можетъ уколоться, и я никому ступенью къ возвышенію быть не могу. Бестужевъ на очной ставкѣ съ Рылѣевымъ, подтверждая свое показаніе, объяснилъ, что слышалъ отъ Рылѣева, что Каховскій самъ вызывался убить императора, и что Рылѣевъ говорилъ ему также, что въ случаѣ переворота можно будетъ употребить Каховскаго для нанесенія удара его величеству.

По пріѣздѣ Трубецкого изъ Кіева (осенью 1825 года) объявилъ онъ Рылѣеву и Оболенскому, что дѣла Южнаго общества въ самомъ хорошемъ положеніи, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижнихъ чиновъ, на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать чрезъ солдатъ стараго Семеновскаго полка, что южные готовы начать хотя сейчасъ, что едва не поднялись лѣтомъ, когда у Швейковскаго отняли полкъ, и что, по всей вѣроятности, приступятъ къ дѣйствію въ 1826 году. Впослѣдствіи Трубецкой спрашивалъ Рылѣева, что̀ можетъ сдѣлать Сѣверное общество для содѣйствія Южному, Рылѣевъ отвѣчалъ: совершенно ничего, если прежніе члены думы будутъ дѣйствовать попрежнему; что онъ со своею отраслью готовъ подняться, но они будутъ вѣрныя и безполезныя жертвы.

Когда получено извѣстіе о кончинѣ покойнаго государя, Рылѣевъ былъ боленъ. Трубецкой пріѣхалъ къ нему и разсказывалъ, съ какою готовностью всѣ полки присягнули цесаревичу; впрочемъ, прибавилъ Трубецкой, это не бѣда! надобно приготовить, сколько возможно, дабы содѣйствовать южнымъ членамъ, если они подымутся, что̀ можетъ очень случиться, ибо они готовы воспользоваться каждымъ случаемъ... Вслѣдствіе сего разговора предложено было Рылѣевымъ избрать Трубецкого диктаторомъ, всѣ изъявили согласіе; съ этого времени начались рѣшительныя и каждодневныя совѣщанія.

Съ извѣстіемъ о слухѣ, что государь цесаревичъ отрекается отъ престола, первый пріѣхалъ къ Рылѣеву

Трубецкой, и положено было воспользоваться симъ непремѣнно. Если же слухъ сей несправедливъ, то выжидать, что предпримутъ на югѣ. Квартира Рылѣева съ того времени сдѣлалась мѣстомъ совѣщаній заговорщиковъ, откуда исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію. Онъ возбуждалъ подъ предлогомъ вѣрности присягѣ, данной цесаревичу, воспользоваться удобнымъ случаемъ привесть въ исполненіе цѣль общества.

При совѣщаніи о средствахъ возмущенія солдатъ Рылѣевъ полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами, что цесаревичъ отъ престола не отказывается, что, присягнувъ одному государю, присягать другому чрезъ нѣсколько дней грѣхъ. Мнѣніе сіе принято единодушно, и поручено было офицерамъ, принадлежавшимъ къ обществу, привесть оное въ исполненіе. Рылѣевъ думалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана для возмущенія всѣхъ нижнихъ чиновъ, по причинѣ негодованія ихъ противъ взыскательности начальства, и когда онъ спросилъ Трубецкого, какую силу полагаетъ достаточною для совершенія ихъ намѣреній, Трубецкой отвѣчалъ: довольно одного полка. Тогда Рылѣевъ сказалъ: такъ нечего и хлопотать; можно ручаться за три, а за два навѣрное. Когда же имѣли въ виду до шести полковъ, то всѣ безъ исключенія говорили, что сами обстоятельства призываютъ общество къ начатію дѣйствій, и что не воспользоваться оными было бы непростительное малодушіе и даже преступленіе. На полки Гренадерскій, Московскій и Морской экипажъ надѣялись потому, что имѣли въ оныхъ весьма рѣшительныхъ членовъ: Арбузова, Щепина-Ростовскаго, Михаила Бестужева и Сутгофа. На Егерскій полагались по увѣренію Арбузова, на Измайловскій по словамъ нѣкоторыхъ офицеровъ онаго и по той же причинѣ на Финляндскій.

Въ планѣ дѣйствій опредѣлено было не присягать самимъ и подать черезъ то примѣръ солдатамъ, и если они увлекутся, то каждому, кто сколько можетъ, привесть ихъ на Петровскую площадь, гдѣ Трубецкой долженъ принять начальство и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Трубецкой полагалъ захватить царскую фамилію и предоставить рѣшеніе судьбы ея великому собору; но уничтожить ее на совѣщаніи, по словамъ Рылѣева, никто не предлагалъ, равно никто не возставалъ противъ нынѣ

царствующаго императора. Рылѣевъ приводитъ въ доказательство: во-первыхъ, если бы положено было уничтожить царствующую фамилію, то общество приняло бы предложеніе Якубовича или Каховскаго,—напротивъ Рылѣевъ о вызовѣ Каховскаго никому не сказалъ, а предложеніе Якубовича отвергнуто единодушно, несмотря на то, что Арбузовъ завѣрялъ, что нѣтъ ничего легче, какъ убить императора во дворцѣ на выходѣ; во-вторыхъ, манифестъ, который Трубецкой поручилъ ему, Рылѣеву, написать. Въ семъ манифестѣ должно было изложить, что государь цесаревичъ и нынѣ царствующій императоръ отказались отъ престола, что послѣ такового ихъ поступка сенатъ почелъ необходимымъ задержать императорскую фамилію и созвать на великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства. Написать такового содержанія манифестъ Рылѣевъ передалъ барону Штейнгелю, считая его способнѣйшимъ для сочиненій подобнаго рода.

На совѣщаніи у Оболенскаго 12 декабря Рылѣевъ, видя нерѣшительность со стороны офицеровъ Измайловскаго полка, прервалъ разговоръ рѣшительнымъ объявленіемъ, что они собрались здѣсь обѣщаться честнымъ словомъ быть на площади въ день присяги съ тѣмъ числомъ войскъ, которое каждый можетъ привесть, въ противномъ случаѣ находиться на площади хотя самому.

Рылѣевъ сознается, что 13 декабря, обнявъ Каховскаго, онъ сказалъ: любезный другъ! ты сиръ на сей землѣ, я знаю твое самоотверженіе, ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади, — истреби царя! По утру того дня, поясняетъ Рылѣевъ, долго обдумывалъ онъ планъ своего предпріятія и находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію; болѣе всего страшился онъ, если нынѣ царствующій императоръ не будетъ схваченъ, то въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло ему на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно принесть его величество на жертву, и эта мысль была причиною его злодѣйскаго предложенія.

Кромѣ вышеприведенныхъ мнѣній разныхъ членовъ, Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынесть изъ какой нибудь церкви хоругви и итти къ дворцу. Предложеніе сіе было единодушно отвергнуто, а князь Евгеній Оболенскій показываетъ, что когда Якубовичъ предложилъ разбить кабаки для возбужденія рвенія солдатъ, то, убѣдясь краснорѣчіемъ Якубовича и мнѣніемъ его,

основаннымъ на опытѣ о солдатѣ русскомъ, что ему нужны средства для возбужденія къ дѣйствію, онъ, Оболенскій, и другіе согласились съ его предположеніемъ. Но Рылѣевъ первый возсталъ противъ сей мысли, говоря, что мы подвизаемся за дѣло великое и не должны употреблять такія средства.

Показаніе Оболенскаго.

Занять дворецъ брался Якубовичъ съ Арбузовымъ, занятіе же крѣпости и другихъ мѣстъ должно было по-слѣдовать по плану Трубецкого послѣ задержанія императорской фамиліи. Въ случаѣ неудачи положено было ретироваться на военныя поселенія.

Рылѣевъ на очныхъ ставкахъ съ Каховскимъ отвергъ показанія его, что Рылѣевъ будто сказывалъ ему: 1) если не истребятъ всей императорской фамиліи во время безпорядка при занятіи дворца, то положено заключить оную въ крѣпость, и когда убьютъ въ Варшавѣ цесаревича, то истребить ее подъ видомъ освобожденія. 2) Если цесаревичъ не откажется отъ престола, то должно убить его всенародно, и когда схватятъ того, кто на сіе рѣшится, то онъ долженъ закричать, что побужденъ былъ къ сему его высочествомъ. При чемъ Рылѣевъ присовокупилъ: знаешь, братъ, какое это дѣйствіе сдѣлаетъ въ народѣ? тогда разорвутъ великаго князя, нынѣ царствующаго императора. 3) Ежели же не успѣютъ здѣсь, то истребить царствующую фамилію въ Москвѣ на коронаціи и 4) въ случаѣ неудачи, отретировавшись къ новгородскимъ поселеніямъ, зажечь городъ, чтобы и праха нѣмецкаго не было.

По ссылкѣ на сихъ показаніяхъ на барона Штейнгеля, Александра и Николая Бестужевыхъ, они были допрошены, и по отрицаніи также даны имъ съ Каховскимъ очныя ставки, но они вышеизложенное показаніе на Рылѣева отвергли, при чемъ баронъ Штейнгель присовокупилъ только, что если сіе и сказано было Рылѣевымъ, то это слова и мысли скороходящія, принадлежащія къ числу, можетъ быть, многихъ, которыя во время взаимныхъ бесѣдъ и пылкихъ мечтаній были произнесены и на другой день забыты, а самъ Рылѣевъ показываетъ, что объ убійствѣ императорской фамиліи говорено не разъ послѣ предложенія Якубовича.

На площади съ мятежниками Рылѣевъ былъ весьма недолго и, увидѣвъ совершенное безначаліе, побѣжалъ искать Трубецкого, а послѣ уже не былъ передъ сенатомъ.

Сверхъ собственныхъ дѣйствій Рылѣевъ слышалъ: 1) отъ Муравьева-Апостола передъ отъѣздомъ его изъ

С.-Петербурга въ 1824 году о заговорѣ покуситься на жизнь покойнаго государя въ 1823 году при Бобруйскѣ; 2) отъ Трубецкого, что въ прошедшемъ 1825 году открыто на Югѣ Сергѣемъ Муравьевымъ цѣлое общество, имѣвшее цѣлію истребить государя, и что оно присоединилось къ Южному; 3) что въ Польшѣ существуютъ тайныя общества, которыя въ сношеніи съ Южнымъ, и о томъ, что южными директорами положено признать независимость Польши съ возвращеніемъ пріобрѣтенныхъ Россіею польскихъ провинцій, и 4) отъ Кориловича, что Южное общество намѣревалось истребить покойнаго императора въ Таганрогѣ, но что отложено до удобнѣйшаго времени.

Показаніе Александра Бестужева, Сутгофа, князя Трубецкого и Николая Бестужева.

Въ заключеніе должно сказать, что Рылѣевъ былъ пружиною возмущенія въ С.-Петербургѣ, воспламенялъ всѣхъ своимъ воображеніемъ и подкрѣплялъ настойчивостію, давалъ приказанія, какъ не допускать солдатъ къ присягѣ и какъ поступать на площади.

Признаюсь чистосердечно, говорилъ самъ Рылѣевъ, я почитаю себя главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14-го декабря, ибо я могъ остановить оное, и не только сего не подумалъ сдѣлать, а напротивъ еще преступною рѣшимостью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли самымъ гибельнымъ примѣромъ.

XLIX.

Записка о Пестелѣ.

Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.

Полковникъ Пестель на вопросы, данные ему въ Тульчинѣ, отвѣчалъ отрицательно; но въ продолженіе изслѣдованія въ С.-Петербургѣ сознался, что онъ былъ въ числѣ основателей тайнаго общества, составившагося здѣсь въ 1816 году, и написалъ для онаго уставъ.

Въ 1818 году общество сіе вошло въ составъ Союза Благоденствія или Зеленой книги, въ которомъ онъ былъ кореннымъ членомъ (такъ назывались присутствовавшіе при учрежденіи общества).

Пестель, отправившись по службѣ въ Тульчинъ, началъ тамъ дѣйствовать для распространенія общества, и въ 1819 году въ совокупности съ полковникомъ Бурцевымъ завелъ управу.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣленныя; почему въ 1820 году въ коренной думѣ, имѣвшей законодательную власть и собравшейся въ С.-Петербургѣ, Пестель изложилъ всѣ выгоды и невыгоды монархическаго и республиканскаго правленія. Послѣ долгаго разсужденія и многихъ споровъ всѣ единогласно приняли республику, почему онъ по прибытіи въ Тульчинъ объявилъ о томъ своимъ сочленамъ и склонилъ ихъ къ сей преступной мысли.

Пестель тогда же въ бытность его въ столицѣ, при разсужденіи въ одномъ частномъ собраніи членовъ о цареубійствѣ, по замѣчанію нѣкоторыхъ, что сіе повлечетъ за собою безначаліе и безпорядки, старался успокоить тѣмъ, что отвратитъ оные учрежденіемъ временнаго правленія, которое должно быть составлено изъ членовъ общества.

Въ мартѣ 1821 года, когда Комаровъ и Бурцевъ, возвратившись изъ Москвы съ бывшаго тамъ общаго съѣзда членовъ, объявили объ уничтоженіи союза Благоденствія и сами удалились, Пестель первый возсталъ противъ сего, доказывая, что московскіе члены не имѣли права уничтожить союзъ, который онъ рѣшается продолжать. Вспомоществуемый Юшневскимъ и Аврамовымъ, онъ безъ труда согласилъ на то прочихъ членовъ. При семъ случаѣ предложилъ вопросъ: измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили поддерживать ее, при чемъ самъ Пестель говорилъ въ ея пользу и до того воспламенилъ умы, что успѣлъ исторгнуть согласіе на упраздненіе престола съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны къ достиженію предположенной цѣли. Въ томъ же собраніи Пестель съ Юшневскимъ были избраны предсѣдателями съ полною властію надъ членами.

Здѣсь для дѣятельности Пестеля открылось обширное поприще; онъ завелъ сношенія съ другими обществами, поощрялъ членовъ къ дѣйствію, составлялъ и одобрялъ различные планы. Такимъ образомъ въ Кіевѣ на контрактахъ 1822 года склонилъ присоединившихся къ республикѣ и объяснялъ главныя черты составляемой имъ Русской Правды.

Показанія Сергѣя Муравьева-Апостола и князя Сергѣя Волконскаго.

Въ продолженіе 1823 года члены Южнаго общества собирались въ Кіевѣ на контракты и въ селеніи Давыдова, въ Каменкѣ. Пестель снова объяснялъ свою Рус-

Показанія Сергѣя и МатвѣяМуравьевыхъ-Апостоловъ, князя

ского Правду, и притомъ предлагалъ введеніе республиканскаго правленія посредствомъ революціи съ истребленіемъ государя и всей императорской фамиліи; для убѣжденія членовъ въ необходимости сихъ ужасныхъ мѣръ Пестель представлялъ, что если останутся великіе князья, то произойдетъ междоусобная война, ибо не только въ войскахъ, но и въ народѣ нашлись бы люди, которые, составя партіи, воспрепятствовали бы введенію республики. Разсуждая о способѣ исполненія столь преступнѣйшаго предложенія, считалъ нужнымъ составить отрядъ рѣшительныхъ.

Волконскаго, Давыдова и Никиты Муравьева.

Тогда же съ согласія Пестеля Бестужевъ-Рюминъ открылъ сношенія съ Польскимъ обществомъ, которыя впослѣдствіи продолжалъ лично самъ Пестель. Условія были слѣдующія:

1) независимость Польши съ уступкою провинцій, отъ нея къ Россіи присоединенныхъ;

2) взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны;

3) одинаковый образъ правленія;

4) полякамъ поступить съ цесаревичемъ такъ, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями;

5) поляки должны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ чужеземными обществами и никакихъ съ ними условій безъ предварительнаго согласія Южнаго общества не заключать.

Пестель въ маѣ 1823 года поручилъ князю Барятинскому, а потомъ Волконскому и Давыдову и Матвѣю Муравьеву-Апостолу, отправлявшимся въ С.-Петербургъ, войти въ сношеніе съ Сѣвернымъ обществомъ, сообщить оному о цѣли, принятой южными управами, и способѣ достиженія; потребовать рѣшительнаго отвѣта о силѣ Сѣвернаго общества и готовности его къ начатію возмутительныхъ дѣйствій, и вообще стараться соединить Сѣверное общество съ Южнымъ. Видя худые успѣхи, Пестель полагалъ, что личное присутствіе его болѣе подѣйствуетъ, поѣхалъ самъ въ 1824 году въ С.-Петербургъ и употребилъ всѣ усилія, чтобы достигнуть сей цѣли.

Здѣсь Пестель предлагалъ свою Русскую Правду, старался водворить преступныя свои мнѣнія, но, замѣчая нерѣшимость сѣверныхъ членовъ, ударилъ по столу рукою и сказалъ: «такъ будетъ же республика!». Опасаясь, однако, совершеннаго разрыва, Пестель предложилъ, чтобы Сѣверное общество продолжало сношенія съ Южнымъ чрезъ Матвѣя Муравьева, которому между тѣмъ

поручилъ составить въ Петербургѣ общество, отдѣльное отъ Сѣвернаго, и самъ успѣлъ принять нѣсколькихъ офицеровъ Кавалергардскаго полка, коихъ склонилъ раздѣлить преступную цѣль Южнаго общества.

Показанія Никиты Муравьева, подполковника Поджіо и Матвѣя Муравьева-Апостола.

Въ то же время, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, говорилъ ему Пестель: что конституціонныя начала, оставаясь тайною управляющихъ обществомъ, не должны быть объявлены для избѣжанія преній; что правленіе общества должно сперва убить членовъ императорской фамиліи, заставить святѣйшій синодъ и сенатъ объявить оное временнымъ правительствомъ, которое должно быть облечено неограниченною властью; что временное правительство сіе, принявъ присягу отъ синода, сената и всей Россіи, раздавъ министерства, арміи, корпуса и прочія начальства членамъ общества, мало-по-малу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ постепенно вводить новое образованіе; что между тѣмъ общество будетъ продолжаться, принимать членовъ, и что никто, не поступивъ предварительно въ оное, не долженъ быть облеченъ никакою гражданскою или военною властью. На сіе Муравьевъ замѣтилъ, что люди, обагренные кровью, будутъ посрамлены въ общемъ мнѣніи, которое не дастъ имъ послѣ того пользоваться похищенною ими властью. Но Пестель возразилъ ему, что избранные на сіе должны находиться внѣ общества, которое послѣ удачи своей пожертвуетъ ими и объявитъ, что оно мститъ за императорскую фамилію.

Напротивъ того Пестель, сознаваясь, что истребленіе императорской фамиліи предполагалъ онъ исполнить посредствомъ заговора, составленнаго изъ членовъ внѣ общества, и что по совершеніи сего должно было, по мнѣнію его, заставить синодъ и сенатъ издать два манифеста: первый отъ синода всему народу русскому о присягѣ временному правленію, а второй отъ сената, долженствовавшій дать понятіе народу, что временное правленіе обязывалось вводить un cadre en grand de la constitution, основаніемъ коему предполагалъ онъ Русскую Правду, — присовокупляетъ, что насчетъ назначенія директоровъ членами временнаго правленія положительнаго мнѣнія онъ не имѣлъ и точнаго предположенія не дѣлалъ, а готовъ былъ съ своей стороны согласиться на то, что прочіе пожелаютъ; дѣлая же различныя предположенія, могъ и оное говорить; равнымъ образомъ, какъ подтвердилъ и на очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ, пожертвовать людьми, употребленными на истребленіе

императорской фамилiи, дабы очистить общество въ глазахъ народа, онъ никогда не полагалъ.

По возвращенiи на югъ Пестель побудилъ Бестужева-Рюмина писать къ полякамъ объ истребленiи цесаревича и совѣщался съ нимъ о покушенiяхъ на жизнь государя во время смотра войскъ при Бѣлой Церкви. Для совершенiя сего предпрiятiя въ 1824 или 1825 году приготовилъ нѣсколькихъ свитскихъ офицеровъ, которымъ приказывалъ запастись армейскими мундирами, и которые при дѣйствiи должны стать во фронтъ, а полковые командиры, въ заговорѣ участвовавшiе, отдать наканунѣ въ приказахъ о переводѣ сихъ офицеровъ въ ихъ полки.

Въ сентябрѣ 1824 года при разговорѣ съ подполковникомъ Поджiо объ истребленiи императорской фамилiи Пестель считалъ по пальцамъ число жертвъ. Въ сей ужаснѣйшiй счетъ входили и всѣ высочайшiя особы женскаго пола.

По показанiю Поджiо, который подтвердилъ сiе и на очной ставкѣ, Пестель говорилъ ему при семъ, что для исполненiя сего злодѣйства поручилъ онъ князю Барятинскому составить изъ 12-ти отважнѣйшихъ человѣкъ une garde perdue, однако ни Пестель, ни Барятинскiй въ томъ не сознались.

Пестель въ 1824 году послѣ маневровъ говорилъ капитану Майбородѣ и штабсъ-капитану Фохту, что при начатiи дѣйствiя надобно будетъ арестовать главную квартиру, для чего должно стараться снискать привязанность солдатъ.

Съ согласiя Пестеля возложено на князя Трубецкого въ октябрѣ 1825 года увѣдомить Сѣверное общество о рѣшительномъ намѣренiи Южнаго начать возмущенiя въ 1826 году, а чрезъ Бестужева-Рюмина писалъ къ Трубецкому, что надѣется на содѣйствiе его въ С.-Петербургѣ; самъ же онъ непремѣнно откроетъ дѣйствiя въ слѣдующемъ году. Вскорѣ потомъ условился онъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ начать дѣйствiя при первомъ удобномъ случаѣ, не отлагая до 1826 года, о чемъ въ декабрѣ 1825 года говорилъ князю Волконскому, котораго просилъ передать сiе Ентальцову, чтобы онъ былъ готовъ съ своею ротою, когда предварительно извѣщенъ будетъ. Свитскимъ офицерамъ, принадлежащимъ къ обществу, Пестель поручилъ предъ начатiемъ возмущенiя, о которомъ будутъ предварены, не отлучаться изъ Тульчина и не выпускать оттуда главнокомандующаго и начальника штаба, самъ же имѣлъ намѣренiе арестовать

главную квартиру съ 1-го января, когда Вятскій полкъ долженъ былъ вступить въ караулъ.

Сверхъ собственныхъ дѣйствій Пестель зналъ о намѣреніяхъ и покушеніяхъ членовъ общества, принималъ участіе въ оныхъ и, смотря по обстоятельствамъ, одобрялъ или отвергалъ.

Лунинъ въ 1817 году, разсуждая о насильственныхъ мѣрахъ, къ коимъ крайность могла бы принудить въ случаѣ неудачнаго открытія явныхъ дѣйствій общества, говорилъ о средствѣ нѣсколькимъ человѣкамъ въ маскахъ покуситься на жизнь императора на Царскосельской дорогѣ.

О вызовѣ Якушкина въ 1817 году на совѣщаніи, происходившемъ въ Москвѣ, покуситься на жизнь государя императора сообщено было и Пестелю, находившемуся тогда въ С.-Петербургѣ, но онъ сего не одобрялъ.

Зачеркнуто: «но онъ на сіе согласія своего тогда не далъ».

Равнымъ образомъ не одобрялъ онъ плана овладѣть особою государя въ Бобруйскѣ въ 1823 году, доказавъ, что одно арестованіе государя для видовъ общества недостаточно.

Напротивъ того въ С.-Петербургѣ (въ 1824 году) одобрилъ намѣреніе Матвѣя Муравьева, который, не получая писемъ отъ брата своего Сергѣя, началъ опасаться, не взятъ ли онъ, и не открыто ли общество, рѣшился посягнуть на жизнь императора.

Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

Пестель зналъ о совѣщаніяхъ, происходившихъ 1825 г. въ лагерѣ при Лещинѣ, и о порывахъ Сергѣя Муравьева произвесть тамъ бунтъ и раздѣлялъ непремѣнное намѣреніе начать открытыя дѣйствія въ маѣ 1826 г. при соединеніи и смотрѣ 3-го и 4-го корпусовъ.

Наконецъ Пестелю извѣстно было о вызовѣ Артамона Муравьева итти въ Таганрогъ для покушенія на жизнь государя.

Изъ показаній Пестеля и его сообщниковъ открывается, что онъ безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества съ самаго вступленія по самое его арестованіе. Онъ не только самовластно управлялъ Южнымъ обществомъ, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на дѣла Сѣвернаго. Онъ господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ его разрушить существующій образъ правленія, ниспровергнуть престолъ и лишить жизни августѣйшихъ особъ императорскаго дома, словомъ онъ былъ главою общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій.

Показанія Юшневскаго, Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ, М. Бестужева-Рюмина, подполковника Поджіо, шт.-кап. Басаргина и другихъ.

I.

Письмо чиновника Розанова императору Николаю.

3-го февраля 1826 г.

Всеавгустѣйшій монархъ,

государь всемилостивѣйшій!

Послѣднія публичныя объявленія о сдѣланныхъ донынѣ открытіяхъ касательно происшествія 14-го декабря прошедшаго года, приведя въ изумленіе и ужасъ сердце каждаго вѣрноподаннаго вашего императорскаго величества, пробудили всѣ воспоминанія прошедшаго и заставили каждаго строго изслѣдовать все ему извѣстное, въ продолженіе тѣхъ лѣтъ вблизи и вдали отъ него происходившее. При сихъ припоминаніяхъ всякое недоразумѣніе, всякая двузначительность, не обращавшія до сего времени на себя вниманія по своему наружному виду, нынѣ пересматриваемыя съ иной точки зрѣнія при малѣйшей неопредѣлительности, въ нихъ замѣчаемой и дающей мѣсто предположенію какого либо въ нихъ сходства или отношенія къ изъясненнымъ въ объявленіяхъ обстоятельствамъ, не могутъ уже не казаться столько подозрительными, чтобы, оставя ихъ въ неизвѣстности, не быть уже виновнымъ передъ совѣстью своею и долгомъ; но съ другой стороны рѣшиться на столь важный шагъ по одному только предположенію, наводящему сомнѣніе по одному сходству и нѣкоторой видимой связи съ обстоятельствами, тогда какъ самое подозрѣніе для невинности уже убійственно, не можетъ не поколебать болѣе или менѣе и самые твердые характеры — и одна только великость души вашего императорскаго величества, при самомъ вступленіи вашемъ на прародительскій престолъ успѣвшая уже такими неизгладимыми чертами ознаменовать себя на пути славы вашей и нашего благоденствія, наполняя сердца утѣшительною довѣренностью, даетъ имъ смѣлость взывать, какъ къ всевѣдущему, для чьей прозорливости вездѣ равно ясна истина.

Всеавгустѣйшій монархъ! благоволите повелѣть вашему истинному вѣрноподданному, сими чувствованіями и побужденіями влекомому къ подножію престола вашего, предстать предъ священную особу вашу и, всеподданнѣйше повергнувъ себя къ стопамъ вашимъ, открыть сомнѣнія, возмущающія душу мою, всегда и вездѣ питавшую и питающую въ себѣ чистѣйшій пламень любви и благоговѣнія къ даруемымъ намъ Богомъ помазанникамъ Его и въ глубинѣ своей безпрестанно благословляющую благодѣтельный скипетръ самодержавія, отъ Царя царей ввѣренный нынѣ вашему императорскому величеству.

Всемилостивѣйшій государь,

вашего императорскаго величества

вѣрноподданный

Алексѣй Розановъ.

Адмиралтейской временной счетной комиссіи начальникъ отдѣленія, уволенный изъ майоровъ Смоленскаго драгунскаго полка съ повышеніемъ чина, изъ котораго переименованъ въ 7-й классъ.

LI.

Письмо коллежскаго совѣтника Демидова императору Николаю.

10-го февраля, 1826 года.

Августѣйшій самодержецъ!

Младый законный царь Россіи, пріемля бразды правленія твердою, сильною рукою, долженъ плѣнять сердца не только мужествомъ и благостію, но предпріятіями великими, необыкновенными.

Ваше императорское величество уже восхитили души подданныхъ своихъ двумя первыми доблестями царей безсмертныхъ, слѣдовательно легко можете третьей статьею украсить вѣнецъ прародительскій.

Коренной россіянинъ (вопреки понятій европейскихъ народовъ о правахъ человѣчества) всѣхъ благъ жизни, всей славы отчизны своей ожидаетъ всегда единственно отъ престола монаршаго. «Тѣмъ лучше!» — такъ и всегда быть долженствуетъ! Въ премудрости царя онъ зритъ залогъ милости Небесной. Государь! обѣщайте же ему итти по стопамъ великихъ вѣнценосцевъ нашихъ; обѣщайте ему возвесть Россію на степень первенствующей державы во вселенной... и внутреннія крамолы усмирятся, и самая тѣнь заговоровъ исчезнетъ!

Духъ россіянъ требуетъ славы для безсмертныхъ, займите же умы и помышленія народныя достойными ихъ подвигами!

Молва твердитъ: истощены финансы; правосудіе въ упадкѣ; земледѣліе, промышленность, торговля разстроены; иностранцы взяли верхъ надъ Россіею. Пусть такъ! Но развѣ геній-царь не отъ всего намъ спасенье?

Границы Россіи могутъ быть не приступны, сіе уже доказано. Такъ пусть воскрылятся флоты «отечественные»... и тысячи мануфактуръ оживутъ! «Сокровища Востока» (трудами войскъ твоихъ) пусть польются отъ древнихъ кочевьевъ Златой Орды внутрь Европы чрезъ Россію... и богатства наши будутъ неистощимы. «Дары природы» (изъ нѣдръ земныхъ, просвѣщеніемъ добываемые) да хлынутъ новыми путями во всѣ концы шара земного, и родъ Романовыхъ вовѣки благославляемъ будетъ!

Государь! все сіе легко свершиться можетъ! Удостой только выслушать доказательства мои, а правда, наединѣ, благоговѣйно предложенная, являясь даже во всей наготѣ своей, не можетъ оскорблять слуха, величія царева. Она постороннихъ свидѣтелей не имѣетъ... но заставляетъ трепетать прозорливости монаршей тѣхъ изъ вельможъ, которые одной лестію, однимъ лукавствомъ держатся въ блестящей сферѣ ложнаго величія своего.

Августѣйшій самодержецъ, Александръ благословенный, Александръ паче мѣръ добрый... былъ ангелъ кротости, ангелъ во плоти... или, лучше сказать, олицетворенная благость на землѣ (грядущія времена отдадутъ ему сію справедливость). Но окружающіе его министры, благоденствуя одни во сонмѣ своемъ, не щадили даже и памяти его. Они всегда все зло государства относили къ дипломатическому его импе-

ріи управленію. Обвиненіе сіе слыхалъ я самъ не разъ даже отъ самыхъ ближнихъ къ нему.

Свободный доступъ до престола монаршаго прямыхъ сыновъ отчизны, какого бы они званія и состоянія ни были, — вотъ что вѣрнѣе всего докажетъ, любятъ ли царя всѣ сословія россійскія! Но царедворцы, воспитанники чужеземцевъ, не россіяне... Они — космополиты, невѣдущіе цѣны благъ отечественныхъ и пресыщающіеся богатствами своими безъ дѣлъ, соотчичамъ столь нужными.

Всемилостивѣйшій государь! Мнѣ 50 лѣтъ. Въ царствованіе Великой Екатерины я былъ уже гвардіи офицеромъ, чины и ленты никогда меня не прельщали. Они не могутъ доставить личнаго достоинства, не могутъ созиждить прочной славы въ потомствѣ, — предокъ мой Демидычъ ихъ не имѣлъ, а имя его навѣки не забвенно! Оно идетъ на ряду съ дѣяніями Петра Великаго... и заведенія его въ Россіи, въ Сибири свидѣтельствуютъ, что онъ былъ за человѣкъ! Къ тому жъ, дядя мой простой дворянинъ Демидовъ, нигдѣ не служилъ, а получилъ Владимира 1-й степени. Государь! я жажду безсмертія... жажду славы царей россійскихъ; преклони жъ ухо твое къ вѣщаніямъ усердія моего, и имя твое да благословится вовѣки!

Всемилостивѣйшій государь,
вашего императорскаго величества
вѣрнѣйшій и благоговѣйнѣйшій подданный, въ чинѣ
коллежскаго совѣтника простой россійской дворянинъ
Демидовъ.

Жительство имѣю противъ церкви о Всѣхъ Скорбящей въ домѣ Милова.

10-го февраля
1826 года.

LII.

Собраніе бумагъ, относящихся до верховнаго уголовнаго суда.

1.

Манифестъ по поводу событій 14-го декабря 1825 года.

Божіею Милостію
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая,
объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія манифеста о восшествіи нашемъ на престолъ, извѣстно уже въ его подробностяхъ изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

Тогда, какъ всѣ государственныя сословія, всѣ чины военные и гражданскіе, народъ и войска единодушно приносили намъ присягу вѣрности и въ храмахъ Божіихъ призывали на царствованіе наше Благословеніе Небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону власти и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семъ кратко состоитъ все происшествіе, маловажное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

Сколь ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли сіе скопище: одни—заблудшіе, умыслу не причастные, другіе—злоумышленные ихъ руководители.

Чего желали заблудшіе? Быть вѣрными данной ими присягѣ. Всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ престолъ, и въ семъ увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ.

Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ими тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: ниспровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе.

Какія средства? Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ командиръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены генералъ-майоръ Шеншинъ, генералъ-майоръ Фридрихсъ и другіе, кровью своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя.

Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ изысканіемъ, я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребитъ, какъ я уповаю, самый его корень, очиститъ Русь святую отъ сей заразы, извнѣ къ намъ нанесенной, смоетъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведетъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовью къ отечеству и страстью къ безначалію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній, покажетъ, наконецъ, всему свѣту, что россійскій народъ, всегда вѣрный своему государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ; пока-

жетъ и дастъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неисцѣльно.

Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ намъ и престолу нашему всѣхъ состояній. Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи мы съ удовольствіемъ и признательностью зрѣли отъ обывателей столицы любовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе по первому знаку государя своего карать непокоривыхъ, отъ начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ чести и любви къ намъ утвержденную.

Посреди ихъ отличался графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый полководецъ, любимый начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царскія воли, вѣрный сынъ церкви и отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ, палъ, исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ отечества пребудетъ всегда незабвенна. Данъ въ Санктпетербургѣ въ 19-й день декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова, царствованія же нашего въ первое.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ, декабря 20-го дня 1825 года.

Николай.

2.

Манифестъ объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ манифеста нашего 19-го декабря минувшаго года и изъ послѣдовавшихъ всенародныхъ объявленій извѣстно уже всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ существованіе злыхъ умысловъ на испроверженіе престола, на превращеніе государственнаго порядка, отечественныхъ законовъ, всего Россіи священнаго.

Слѣдственной комиссіи, для изысканія ихъ учрежденной, поставили мы въ обязанность объять дѣло сіе во всемъ его составѣ, дойти до самыхъ сокровенныхъ его корней, обнаружить его начало и расширеніе, всѣ его связи и постепенности, и обнаружить не признаками вѣроятностей или подозрѣній, но доказательствами достовѣрными, очевидными, неопровергаемыми.

Столь точное и столь обширное изысканіе было необходимо. Когда въ самые первые дни царствованія нашего неисповѣдимымъ судьбамъ Вышняго благоугодно было разверзть передъ нами ужасную тайну, за десять лѣтъ прежде составленную и столько времени во мракѣ сокровенную, то былъ перстъ Божій, указующій намъ путь и средства и обязанность нашу, обязанность, тѣмъ болѣе для насъ священную, что не во дни державы нашей возникло и не намъ лично, но всему отечеству совокупно грозило сіе бѣдствіе.

Таковы были мысли наши при учрежденіи слѣдственной комиссіи; таковы были и правила, данныя ей въ руководство. Въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ ежедневно занимаясь ввѣреннымъ ей дѣломъ, трудами поистинѣ неусыпными, сличая и повѣряя каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе, устраняя вѣроятности, отвергая мнимыя подозрѣнія, утверждаясь на единой очевидности, на собственномъ признаніи обвиняемыхъ или на уликахъ, ничѣмъ не опровергаемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя имъ всѣ возможные способы къ оправданію, комиссія наконецъ достигла цѣли, ей предназначенной, и въ окончательномъ донесеніи представила намъ всю совокупность ея изысканій, съ приложеніемъ въ подлинникѣ всѣхъ доказательствъ, на коихъ они утверждаются.

При разсмотрѣніи сего донесенія и приложеній къ оному, представляются въ нихъ два рода обвиненій, очевидно, различныхъ: обвиненія тяжкія—въ преступленіяхъ государственныхъ, въ замыслахъ долголѣтнихъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ, и обвиненія въ поступкахъ, коихъ начало состояло въ малодушіи, въ слѣпомъ довѣріи къ другимъ, въ неумѣніи проникнуть въ ихъ тайны, или въ кратковременномъ порывѣ страстей, раскаяніемъ сопровождаемомъ, и вообще въ намѣреніяхъ колеблемыхъ, безъ цѣли, постоянно опредѣленной, а паче всего безъ участія въ какомъ либо дѣйствіи. Сіи послѣднія обвиненія сами по себѣ подлежатъ дѣйствію мѣръ исправительныхъ; первыя же, хотя въ разныхъ степеняхъ, но всѣ, относясь болѣе или менѣе къ самому существу и средоточію злоумышленій, всѣ равно подлежатъ одному и тому же суду.

Сей судъ положили мы составить изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода, присоединивъ къ оным нѣсколько особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. Предсѣдатель и члены слѣдственной комиссіи не будутъ въ немъ присутствовать.

Таковымъ устройствомъ сего суда мы желали не токмо сохранить законную силу прежнихъ примѣровъ, но еще болѣе желали означить, что мы всегда признавали дѣло сіе дѣломъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества, дѣломъ всей Россіи.

Ввѣряя сему верховному уголовному суду участь обвиняемыхъ, мы единаго отъ него ожидаемъ и требуемъ: справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой.

По совершеніи суда и по поднесеніи намъ доклада, приговоръ онаго со всѣми обстоятельствами будетъ преданъ во всеобщее извѣстіе. Данъ въ Санктпетербургѣ іюня 1-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1826-е, царствованія же нашего первое.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюня 2-го дня 1826 года.

Николай.

3.

Указъ правительствующему сенату.

Вслѣдствіе манифеста нашего, въ сей день состоявшагося, повелѣваемъ:

1) Предсѣдателемъ въ верховномъ уголовномъ судѣ быть дѣйствительному тайному совѣтнику 1-го класса, князю Лопухину, а на случай болѣзни его дѣйствительному тайному совѣтнику, князю Куракину.

2) Министру юстиціи исполнять въ семъ судѣ обязанность по званію генералъ-прокурора.

3) Сверхъ членовъ трехъ государственныхъ сословій, присутствовать въ верховномъ уголовномъ судѣ нижеслѣдующимъ чинамъ: дѣйствительному тайному совѣтнику графу Головкину, генералу графу Ланжерону, дѣйствительному тайному совѣтнику барону Строганову, генералъ-адъютанту Воинову, инженеръ-генералу Опперману; генералъ-адъютантамъ: графу де-Ламберту, Сенявину, Бороздину, Паскевичу, генералъ-лейтенанту Еманюелю, генералъ-адъютантамъ: графу Комаровскому, Башуцкому, Закревскому и Быстрому, и сенатору московскихъ департаментовъ тайному совѣтнику Кушникову.

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою тако:

Николай.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюня 1-го дня 1826 года.

4.

Списокъ особамъ, присутствующимъ въ верховномъ уголовномъ судѣ.

Предсѣдатель, князь П. В. Лопухинъ.

Члены государственнаго совѣта:

Князь Куракинъ, Мордвиновъ, графъ Морковъ, князь Лобановъ-Ростовскій 2-й, Ланской 1-й, графъ Толстой, Карцовъ, Сукинъ, Балашовъ, Васильчиковъ, графъ Нессельроде, Шишковъ, графъ Воронцовъ, князь Салтыковъ, графъ Ливенъ, Болотниковъ, Сперанскій.

Члены святѣйшаго синода:

Митрополитъ Серафимъ, митрополитъ Евгеній, архіепископъ Авраамъ.

Особо назначенные чиновники:

Графъ Головкинъ, графъ Ланжеронъ. баронъ Строгановъ, Воиновъ, Опперманъ, графъ де-Ламбертъ, Сенявинъ, Бороздинъ, Паскевичъ, Еманюель, графъ Комаровскій, Башуцкій, Закревскій, Бистромъ, Кушниковъ.

Сенаторы:

Фенишъ, царевичъ Мирiанъ. князь Гагаринъ, Ададуровъ, Обресковъ, Васильчиковъ, Михайловскій, Гладковъ, графъ Хвостовъ, Энгель, Нелидовъ. графъ Орловъ, князь Шаховской. Хитрово, Грушецкій, Мертенсъ, графъ Кутайсовъ, Барановъ, Дивовъ, Корниловъ. Батюшковъ, Ланской, Безродный. Дубенскій, Мечниковъ. Сумароковъ, князь Куракинъ, Хвостовъ, Щуленовъ, Болгарскій, Мавринъ. Мансуровъ, Лавровъ, Полетика, Вистицкій, Казадаевъ.

5.

Дополнительныя статьи обряда въ засѣданіяхъ верховнаго уголовнаго суда.

I.

Распоряженія предварительныя.

1. День и часъ открытія засѣданій назначается съ высочайшаго разрѣшенія повѣсткою отъ министра юстиціи.

2. По повѣсткѣ. всѣ члены верховнаго суда соберутся въ домъ присутствія правительствующаго сената.

3. По собраніи, вводятся они министромъ юстиціи въ залу, для засѣданія верховнаго уголовнаго суда назначенную, и занимаютъ мѣста по сословіямъ.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: «Быть по сему».

«Николай».

Въ С.-Петербургѣ іюня 1 дня 1826 года.

II.

Открытіе присутствія.

4. Присутствіе открывается чтеніемъ высочайшаго манифеста, объ учрежденіи суда состоявшагося, указомъ правительствующему сенату и указомъ министру юстиціи.

5. Министръ юстиціи представляетъ и въ присутствіи суда вскрываетъ акты слѣдственной комиссіи.

6. Чтеніе актовъ во всемъ ихъ пространствѣ, чтеніе никѣмъ не прерывается.

III.

Порядокъ по разсмотрѣніи.

7. По окончаніи чтенія предлагается суду вопросъ: какимъ порядкомъ признано будетъ произвести положенное законами удостовѣреніе въ произведенномъ слѣдствіи?

8. Если сообразно прежнимъ примѣрамъ положено будетъ нарядить для сего ревизіонную комиссію изъ членовъ верховнаго суда, то вслѣдъ затѣмъ избираются члены сей комиссіи.

Примѣчаніе. Всѣ вопросы предлагаются суду предсѣдателемъ онаго, разрѣшаются судомъ или единогласно или простымъ большинствомъ голосовъ. Голоса собираются оберъ-прокурорами. Протоколъ держитъ оберъ-прокуроръ съ двумя помощниками, по назначенію министра юстиціи. Мнѣнія членовъ, съ большинствомъ голосовъ несогласныхъ, означаются въ протоколѣ; каждому оставляется полная свобода изъявлять ихъ, но письменныя мнѣнія не допускаются.

9. За симъ приступаютъ къ чтенію суда законовъ.

10. По окончаніи сего чтенія, и когда представлено и выслушано будетъ донесеніе ревизіонной комиссіи, судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію обвиненій во всей ихъ подробности, и для сего читаются изъ актовъ записки о каждомъ подсудимомъ въ особенности.

11. По прочтеніи оныхъ предлагаются къ разрѣшенію суда слѣдующіе вопросы:

1) Въ чемъ состоитъ общая вина подсудимыхъ?
2) Какое за сію вину положено по законамъ наказаніе?
3) Въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными для каждаго лица обстоятельствами, слѣдственною комиссіею обнаруженными и въ актахъ ея означенными?

12. Дабы приуготовить сей вопросъ къ разрѣшенію, предлагается суду избрать изъ среды себя особенную комиссію, которая бы изъ подробнаго разсмотрѣнія самыхъ актовъ извлекла начала, по коимъ бы можно было установить разряды разныхъ степеней виновности, и, составивъ на сихъ началахъ предположеніе разрядовъ,

представила бы оное суду на дальнѣйшее усмотрѣніе и рѣшеніе.

13. Когда такимъ образомъ послѣдній вопросъ будетъ разрѣшенъ, и число разрядовъ и степеней будетъ опредѣлено, тогда предлагается суду слѣдующій вопросъ: какое каждому степени слѣдуетъ положить наказаніе?

14. По разрѣшеніи сего вопроса судъ приступаетъ къ распредѣленію подсудимыхъ по разрядамъ и степенямъ. Для сего:

15. О каждомъ подсудимомъ порознь предлагается вопросъ: къ которому именно разряду и степени онъ принадлежитъ? При семъ изъ актовъ извлекаются и вновь прочитываются статьи, къ каждому изъ нихъ относящіяся.

IV.

Порядокъ составленія приговоровъ.

16. Какъ опредѣленія суда о выборѣ членовъ въ комиссіи, такъ и рѣшенія его на вопросы, ему предлагаемые, и приговоры его о каждомъ подсудимомъ вносятся въ протоколъ въ самомъ присутствіи, а въ слѣдующее засѣданіе представляется протоколъ сей къ подписанію установленнымъ порядкомъ.

17. Когда всѣ предметы разсмотрѣнія будутъ окончены, тогда изъ всѣхъ тѣхъ приговоровъ, кои большинствомъ голосовъ будутъ утверждены, составляется одинъ общій протоколъ, и сей протоколъ пріемлется основаніемъ всеподданнѣйшаго доклада.

18. Составленіе доклада возлагается на комиссію, изъ членовъ суда избранную.

19. По утвержденіи и подписаніи доклада судъ закрывается, а докладъ представляется чрезъ предсѣдателя и министра юстиціи на высочайшее усмотрѣніе.

Подписалъ начальникъ главнаго штаба, баронъ Дибичъ.

6.

СПИСОКЪ

лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ предаются по высочайшему повелѣнію верховному уголовному суду въ силу манифеста отъ 1-го числа іюня сего 1826 года.

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ славянъ.
1. Князь Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.	1. Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.	1. Борисовъ 2-й, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
2. Рылѣевъ, отставной подпоручикъ.	2. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ.	2. Борисовъ 1-й, отставной подпоручикъ.
3. Князь Евгеній Обо-бенскій, поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Бистрома 1-го.	3. Бестужевъ - Рюминъ, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.	3. Спиридовъ, майоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. Муравьевъ, Никита, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ.	4. Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй, отставной подполковникъ.	4. Горбачевскій, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
5. Каховскій, отставной поручикъ.	5. Юшневскій, 4-го класса, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи.	5. Вечасновъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
6. Князь Щепинъ-Ростовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.	6. Князь Волконскій, Сергѣй, генералъ-майоръ.	6. Нестовъ, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
7. Бестужевъ Александръ, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ, адъютантъ его королевскаго высочества герцога Александра Виртембергскаго.	7. Давыдовъ, Василій, Львовъ сынъ, отставной полковникъ.	7. Андреевичъ 2-й, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.

8. Бестужевъ Михайло, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.

8. Князь Барятинскій, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

8. Люблинскій, дворянинъ Волынской губерніи.

9. Арбузовъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

9. Поджіо, отставной подполковникъ.

9. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка

10. Бестужевъ Николай, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.

10. Муравьевъ, Артамонъ, Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ.

10. Громницкій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

11. Пановъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

11. Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ.

11. Кирѣевъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.

12. Сутгофъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

12. Вадковскій, Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ.

12. Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

13. Кюхельбекеръ, коллежскій асессоръ.

13. Гизенгаузенъ, полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.

13. Веденяпинъ 1-й, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.

14. Пущинъ, Иванъ, коллежскій асессоръ.

14. Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части.

14. Веденяпинъ 2-й, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.

15. Князь Одоевскій, гвардіи Коннаго полка корнетъ.

15. Крюковъ, квартирмейстерской части поручикъ.

15. Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.

16. Якубовичъ, Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ.

16. Фаленбергъ, подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи по квартирмейстерской части.

16. Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

17. Цебриковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.

17. Лореръ, Вятскаго пѣхотнаго полка майоръ.

17. Ивановъ, провіантскій чиновникъ 10 класса.

18. Рѣпинъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ.

18. Краснокутскій, оберъ-прокуроръ сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

18. Фроловъ 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.

19. Муравьевъ, Александръ, отставной полковникъ.

19. Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.

19. Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.

20. Якушкинъ, отставной капитанъ.

20. Вольфъ, штабъ-лѣкарь, состоящій при главной квартирѣ 2-й арміи.

20. Лисовскій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

21. Фонвизинъ, отставной генералъ-майоръ.	21. Крюковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.	21. Выгодовскій. канцеляристъ.
22. Князь Шаховской, Ѳедоръ, отставной майоръ.	22. Поджіо, отставной штабсъ-капитанъ.	22. Берстель, подполковникъ, бывшій командиръ легкой роты № 2-й, 9-й артиллерійской бригады.
23. Лукинъ, Михаилъ, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ.	23. Аврамовъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.	23. Шахиревъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка поручикъ.
24. Мухановъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ.	24. Норовъ, отставной подполковникъ.	
25. Митьковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ.	25. Ентальцовъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27.	
26. Завалишинъ, 8-го флотскаго экипажа лейтенантъ.	26. Ивашевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-й арміи.	
27. Батенковъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ.	27. Басаргинъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи.	
28. Баронъ Штейнгель, отставной подполковникъ.	28. Корниловичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ.	
29. Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника морского штаба.	29. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, поручикъ квартирмейстерской части.	
30. Князь Голицынъ Валеріанъ, камеръ-юнкеръ.	30. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, поручикъ квартирмейстерской части.	
31. Бѣляевъ 1-й. (Гвардейскаго экипажа мичманы.)	31. Зашкинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.	
32. Бѣляевъ 2-й. (Гвардейскаго экипажа мичманы.)	32. Аврамовъ, поручикъ квартирмейстерской части.	
33. Дивовъ, гвардейскаго экипажа мичманъ.	33. Загорѣцкій, поручикъ квартирмейстерской части.	

34. Бестужевъ, Петръ. мичманъ 27-го флотскаго экипажа.

35. Свистуновъ, Кавалергардскаго полка корнетъ.

36. Анненковъ. Кавалергардскаго полка поручикъ.

37. Кривцовъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ.

38. Муравьевъ, Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка.

39. Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.

40. Фонъ-деръ-Бригенъ. отставной полковникъ.

41. Пущинъ. лейбъ-гвардіи конно-пионернаго эскадрона капитанъ.

42. Бодиско 1-й, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

43. Кюхельбекеръ, того же экипажа лейтенантъ.

44. Мусинъ-Пушкинъ. того же экипажа лейтенантъ.

45. Акуловъ, того же экипажа лейтенантъ.

46. Вишневскій, того же экипажа лейтенантъ.

47. Бодиско 2-й, того же экипажа мичманъ.

48. Горскій, статскій совѣтникъ.

49. Графъ Коновницынъ 1-й, гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ.

50. Оржитскій, отставной штабсъ-ротмистръ.

34. Поливановъ, отставной полковникъ.

35. Баронъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части.

36. Фохтъ, штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.

37. Графъ Булгари, Николай, поручикъ Кирасирскаго ея величества полка.

51. Кожевниковъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.

52. Фокъ, того жъ полка подпоручикъ.

53. Лапша, того жъ полка подпоручикъ.

54. Назимовъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ.

55. Баронъ Розенъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.

56. Глѣбовъ, коллежскій секретарь.

57. Андреевъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.

58. Толстой, Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ.

59. Графъ Чернышевъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ.

60. Чижовъ, 2-го флотскаго экипажа лейтенантъ.

61. Тургеневъ, Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Подписалъ: начальникъ главнаго штаба, баронъ Дибичъ.

7.

Всеподданнѣйшій докладъ верховнаго уголовнаго суда.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому

Верховнаго уголовнаго суда

всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года для сужденія государственныхъ преступниковъ составленный всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе вашего императорскаго величества существо приговора, о нихъ состоя-

вшагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо.

Обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими законами, но въ дѣлѣ высшихъ государственныхъ преступленій общій уголовный обрядъ не могъ быть достаточенъ. Посему ваше императорское величество, при самомъ составленіи сего суда, соизволили преподать ему дополнительныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя и для успѣшнаго движенія сего дѣла необходимыя.

Верховный уголовный судъ въ 3-й день іюня мѣсяца открылъ свои засѣданія чтеніемъ высочайшаго манифеста, потомъ донесенія слѣдственной комиссіи и подробныхъ о каждомъ подсудимомъ свѣдѣній, составленныхъ въ той же комиссіи изъ подлиннаго о нихъ производства. Все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ преступленій, при чтеніи актовъ представилось суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась передъ нимъ бездна злобы и нравственнаго ожесточенія. Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою.

Но судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами; онъ измѣрялъ преступленія, но видѣлъ передъ собою еще токмо подсудимыхъ. Сколь ни достовѣрны были акты слѣдственной комиссіи, по общій порядокъ правосудія и правила, вашимъ императорскимъ величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлежали: призывъ подсудимыхъ передъ судъ или нарядъ къ нимъ комиссіи, судомъ избранной и изъ среды ея составленной. Ваше императорское величество тотъ и другой способъ соизволили предоставить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣдній, какъ равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Ревизіонная комиссія исполнила порученное ей дѣло съ точностью. Всѣ подсудимые безъ исключенія подтвердили передъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія. Имъ открыты были способы дополнять оныя всѣми обстоятельствами, кои могли они считать нужными къ ихъ оправданію; нѣкоторые, и именно пять подсудимыхъ, пользуясь симъ дозволеніемъ, и дѣйствительно представили пояснения. И хотя комиссія не нашла въ нихъ ничего важнаго и существеннаго, тѣмъ не менѣе представила оныя верховному суду на усмотрѣніе. По заключенію его, они пріобщены къ дѣлу и приняты къ совокупному съ онымъ соображенію.

По окончаніи, такимъ образомъ, ревизіи слѣдствія, судъ приступилъ къ чтенію законовъ, на преступленія сего рода постановленныхъ и въ выпискѣ, при семъ прилагаемой, во всей подробности ихъ изложенныхъ.

Изъ соображенія сихъ законовъ съ дѣломъ сами собою проистекали два слѣдующіе вопроса:

1) Къ какому роду преступленій относятся преступленія, въ актахъ слѣдственной комиссіи обнаруженныя? Судъ призналъ единогласно, что всѣ они принадлежатъ къ преступленіямъ государственнымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ въ законодательствѣ нашемъ извѣстныхъ.

2) Какое наказаніе по законамъ нашимъ положено за сіи преступленія? Судъ призналъ и единогласно опредѣлилъ: что преступленія, въ актахъ означенныя и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя, подлежатъ всѣ безъ изъятія смертной казни.

Симъ однимъ общимъ приговоромъ оканчивалось дѣло во всей законной его точности. Строгость нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семъ родѣ преступленій различать никакихъ постепенностей. Всѣ, и дѣйствовавшіе, и соглашавшіеся, и участвовавшіе, и даже токмо знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ посягательства на священную особу государя императора или кого либо изъ императорской фамиліи, также объ умыслѣ бунта и воинскаго мятежа, всѣ безъ изъятія подлежатъ смертной казни и по точной силѣ законовъ всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются къ сей казни присужденными.

Сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема, но смягчаема частно, въ видѣ изъятій, въ извѣстномъ и опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила, которое всегда остается одно и то же во всей его силѣ и дѣйствіи.

Въ семъ самомъ уваженіи благоугодно было вашему императорскому величеству и въ настоящемъ случаѣ всемилостивѣйше повелѣть, чтобъ верховный уголовный судъ опредѣлилъ: «Въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными каждаго лица обстоятельствами; чтобъ онъ установилъ разряды разныхъ степеней виновности; чтобъ каждому степени положилъ наказаніе и чтобъ по симъ разрядамъ и степенямъ распредѣлилъ подсудимыхъ». (Дополнит. статьи, отдѣленіе II. статьи 3, 12, 13 и 14).

Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, для приуготовленія началъ, на коихъ должны быть основаны разряды, избрана была изъ среды суда особая комиссія. Ясно, что оснований разрядовъ надлежало искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему два средства представлялись: донесеніе слѣдственной комиссіи и самыя дѣла, въ ней произведенныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности; въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности: въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Комиссія признала справедливымъ соединить оба сіи средства, то-есть, свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ и для сего прочесть и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его Комиссія, во-первыхъ, пріобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121 дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ черезъ слѣдственную комиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ большую ясность.

Въ семъ порядкѣ обозрѣвъ все дѣло, комиссія приступила къ установленію разрядовъ. Для сего ей предлежало: опредѣлить главные роды преступленій; отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды и, оставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ сложенія и сопряженія ихъ произвесть начала разрядовъ.

Роды преступленій.

Вѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла въ совокупномъ ихъ обозрѣніи представляютъ одинъ главный умыселъ: умыселъ на потрясеніе имперіи, на испроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) цареубійство. 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій.

Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій. Вѣ они принадлежатъ вообще къ тремъ: 1) къ знанію умысла. 2) къ согласію въ немъ. 3) къ вызову на совершеніе его; но каждый изъ сихъ видовъ заключаетъ въ себѣ еще разныя постепенности. коихъ подробное изложеніе состоитъ въ слѣдующемъ.

По первому пункту.

1) Умыселъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго. принятіе таковыхъ назначеній изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого либо изъ членовъ императорской фамиліи.

2) Умыселъ на истребленіе императорской фамиліи или кого либо изъ членовъ ея возбужденіемъ къ тому другихъ или одобреніемъ лица. къ тому предназначеннаго.

3) Умыселъ на лишеніе свободы священной особы государя или кого либо изъ членовъ императорской фамиліи; умыселъ на удаленіе императорской фамиліи. собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ. хотя безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т.-е. на удаленіе императорской фамиліи или лишеніе свободы. хотя съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостныя дѣла. относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ. и означающія не умыселъ обдуманный. но мгновенную мысль и порывъ.

7) Участіе въ умыслѣ въ томъ или другомъ его видѣ. согласіемъ или даже и вызовомъ. сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся и съ отступленіемъ отъ онаго.

7) Участіе въ умыслѣ согласіемъ. сперва изъявленнымъ. но потомъ измѣнившимся съ отступленіемъ и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

9) Знаніе умысла въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное. но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла въ томъ или другомъ его видѣ. безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту.

1) Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью бунтъ: пріуготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими,—участіе или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія съ цѣлью отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

3) Участіе въ семъ умыслѣ распространеніемъ обществъ или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то: печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или даже и съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

6) Полное знаніе сего умысла, хотя безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу.

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, хотя безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, хотя безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, хотя по увлеченію и безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семъ состоятъ разные виды, кои комиссія нашла и различила въ преступленіяхъ.

Основанія разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединенія сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій, соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія, долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, но коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ комиссія основала разряды, но въ приложеніи онаго къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина, весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею, то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо по другимъ его винамъ принадлежало къ разрядамъ низшимъ.

Въ разнообразіи преступленій комиссія искала болѣе всего, чтобъ не смѣшать одного вида съ другимъ; чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Такимъ образомъ произошли одиннадцать разрядовъ преступленій.

Дабы удостовѣриться въ ихъ точности, комиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самаго распредѣленія въ нихъ лицъ,-- опытъ, но не самое распредѣленіе, ибо сіе послѣднее принадлежало верховному суду, и комиссія не могла предварять его.

Для сего надлежало ей пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго: обозрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои уликами и собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностью, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ комиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ съ точностью и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями.

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами.

Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія.

Напротивъ, вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ удаленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ, юностью лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Комиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ по мѣрѣ ихъ винъ въ своихъ мѣстахъ, признала, однако же, справедливымъ, соста-

вивъ имъ отдѣльный списокъ, присовокупить обстоятельства сіи къ общему соображенію верховнаго уголовнаго суда.

2) Вины подсудимыхъ утверждены собственнымъ ихъ признаніемъ. Во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла найдены четыре токмо лица, коихъ вины утверждаются на обстоятельствахъ, а не на сознаніи. Составя о сихъ лицахъ особенное изложеніе, комиссія представила оное на дальнѣйшее верховнаго суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ итти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Комиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ съ изложеніемъ ихъ злодѣяній особенный списокъ.

Въ семъ заключились представленія комиссіи.

Верховный уголовный судъ, разсмотрѣвъ оныя во всей подробности, большинствомъ голосовъ призналъ, что число разрядовъ, комиссіею предположенныхъ, за исключеніемъ тѣхъ злодѣяній, кои по чрезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ оныхъ, стоитъ въ надлежащей соразмѣрности съ разнообразіемъ и многочисленностью видовъ преступленій.

За симъ судъ въ исполненіе высочайше предначертанныхъ ему правилъ приступилъ къ опредѣленію каждому разряду наказаній. При семъ опредѣленіи верховный уголовный судъ не могъ отступить отъ общаго правила, въ самомъ началѣ единогласно имъ постановленнаго, а именно, что всѣ подсудимые безъ изъятія по точной силѣ нашихъ законовъ подлежатъ смертной казни. И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ вашему императорскому величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизнь, то сіе будетъ не дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ суда, но дѣйствіемъ единаго монаршаго милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай по высочайшему вашему предназначенію допускаемымъ. И хотя милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ; но верховный уголовный судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія, столь высокія и съ общею безопасностью государства столь смежныя, что самому милосердію онѣ, кажется, должны быть недоступны. По симъ уваженіямъ судъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ представить на усмотрѣніе вашего императорскаго величества слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ.

Первое. Всѣмъ преступникамъ, кои по особому свойству и важности ихъ злодѣяній не могутъ войти въ составъ разрядовъ, положить смертную казнь четвертованіемъ.

Второе. Всѣмъ преступникамъ, къ первому разряду принадлежащимъ, положить смертную казнь отсѣченіемъ головы.

Третье. Всѣмъ преступникамъ, ко второму разряду принадлежащимъ, опредѣлить такъ называемую въ законахъ нашихъ политическую смерть, то-есть, положить голову на плаху и потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

Четвертое. Преступникамъ, къ третьему разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства ссылку въ каторжную работу вѣчно.

Пятое. Преступникамъ, къ четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу на опредѣленное время и потомъ вѣчно на поселеніе.

Шестое. Преступникамъ, къ восьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку на поселеніе.

Седьмое. Преступникамъ, къ девятому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку въ Сибирь.

Восьмое. Преступниковъ, къ девятому разряду принадлежащихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты до выслуги.

Девятое. Преступниковъ, къ одиннадцатому разряду принадлежащихъ, лиша чиновъ, написать въ солдаты съ выслугою.

Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, судъ приступилъ къ распредѣленію самыхъ преступниковъ по разрядамъ и о каждомъ изъ нихъ постановилъ приговоръ. Существо всѣхъ сихъ приговоровъ, т.-е. имена преступниковъ, главные виды ихъ преступленій и казни, имъ опредѣленныя, содержатся въ особенной роспися, изъ общаго протокола составленной и при семъ на усмотрѣніе вашего императорскаго величества подносимой.

Изъ сей роспися ваше императорское величество усмотрѣть изволите:

1) Что изъ 121 человѣка подсудимыхъ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаются: пять человѣкъ, внѣ разрядовъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ; тридцать одинъ человѣкъ, въ первомъ разрядѣ состоящихъ, къ смертной казни отсѣченіемъ головы; семнадцать человѣкъ, во второмъ разрядѣ состоящихъ, къ политической смерти съ ссылкою вѣчно въ каторжную работу; два человѣка, въ третьемъ разрядѣ состоящіе, къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно; тридцать восемь человѣкъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ разрядѣ состоящихъ, въ каторжную работу на опредѣленное время и потомъ на поселеніе; пятнадцать человѣкъ, въ восьмомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства на поселеніе вѣчно; три человѣка, въ девятомъ разрядѣ состоящіе, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ Сибирь вѣчно; одинъ человѣкъ, въ десятомъ разрядѣ состоящій, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ солдаты до выслуги; восемь человѣкъ, въ одиннадцатомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ, въ солдаты съ выслугою.

2) При семъ распредѣленіи изъ тѣхъ четырехъ подсудимыхъ, коихъ вины утверждаются обстоятельствами безъ собственнаго ихъ сознанія, трое, и именно: Тургеневъ, князь Шаховской и Цебриковъ, по особому разсмотрѣнію ихъ преступленій отнесены верховнымъ уголовнымъ судомъ къ свойственнымъ имъ разрядамъ и вмѣнены—первый изъ нихъ въ первый разрядъ, второй въ восьмой, третій въ одиннадцатый; о Горскомъ же, какъ не вошедшемъ ни въ какой разрядъ, представляется при семъ выписка изъ особаго протокола, о немъ состоявшагося.

Въ заключеніе верховный уголовный судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству голосовъ всего собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія.

Члены святѣйшаго синода, въ верховномъ судѣ присутствовавшіе при заключеніи общаго протокола, сообразно правиламъ ихъ и прежнимъ примѣрамъ, изъявили мнѣнія ихъ слѣдующими словами: «Слушавъ въ верховномъ уголовномъ судѣ слѣдствіе

о государственныхъ преступникахъ, Пестелѣ, Рылѣевѣ и другихъ ихъ сообщникахъ, умышлявшихъ на цареубійство и введеніе въ Россію республиканскаго правленія, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе и совершенное обличеніе, согласуемся, что сіи государственные преступники достойны жесточайшей казни, а. слѣдовательно, какая будетъ сентенція. отъ оной не отрицаемся, но поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ».

Всемилостивѣйшій государь! Съ того самаго дня, какъ горестныя происшествія обнаружили сіе дѣло, когда вспыхнувшій мятежъ укрощенъ былъ единымъ личнымъ присутствіемъ вашимъ, всѣ вѣрные подданные ваши въ благоговѣйномъ чувствѣ признали единодушно, что судьба Россіи, твердой вашей десницѣ Провидѣніемъ ввѣренная. пребудетъ непоколебима. Впослѣдствіи, когда, признавъ дѣло сіе дѣломъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, дѣломъ всей Россіи. ваше императорское величество соизволили по образу высокихъ вашихъ предковъ призвать къ сужденію онаго высшія государственныя сословія съ присоединеніемъ къ нимъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, симъ самымъ снова утвердили ту истину. что если мрачный духъ крамолы, внѣшними примѣрами подстрекаемый. можетъ вторгнуться въ Россію, то, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ отчаяннаго разврата или буйнаго своевольства мыслей, никогда не проникнетъ онъ въ нѣдро ея. для него неприступное; и что въ отечествѣ нашемъ любовь къ государю и преданность къ престолу опираются на коренныхъ законахъ нашихъ, на самыхъ нравахъ и свойствахъ природныхъ.

Верховный уголовный судъ, чувствуя всю важность его призыванія, желалъ въ полной мѣрѣ оправдать изъявленное ему вашимъ императорскимъ величествомъ довѣріе и, проходя съ неутомимымъ вниманіемъ весь многосложный составъ сего обширнаго дѣла, искалъ по слову вашему единаго: — справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ неколеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной».

Подлинный за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

8.

Роспись государственнымъ преступникамъ. приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

I.

Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

№.	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Полковникъ Пестель.	Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ, учреждалъ и съ неограниченною

властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и приготовлялъ къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

2. Подпоручикъ Рылѣевъ.

Умышлялъ на цареубійство; назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи и приуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, приуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, принималъ членовъ, приуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3. Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатихизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4. Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ.

Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора; избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха; имѣлъ

умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти государя императора и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія; участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатихизиса; возбуждалъ и приуготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ имперіи и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

5. Поручикъ Каховскій.

Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера.

II.

Государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отсѣченіемъ головы.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Полковникъ князь Трубецкой.	Въ 1825 году умышлялъ на цареубійство и согласился съ предложеніемъ другихъ; предлагалъ лишеніе свободы императора и императорской фамиліи при занятіи дворца; управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.
2. Поручикъ князь Оболенскій.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи союза Благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя приуготовлять сочиненія

для содѣйствія цѣли общества; пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

3. Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Имѣлъ умыселъ на цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4. Подпоручикъ Борисовъ 2-й.

Умышлялъ на цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго и умышлялъ на лишеніе свободы его высочества цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; пріуготовлялъ способы къ оному; составилъ катихизисъ и клятвенное обѣщаніе; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

5. Подпоручикъ Борисовъ 1-й.

Умышлялъ на цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго; учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, содѣйствовалъ составленію устава; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

6. Подпоручикъ Горбачевскій.

Умышлялъ на цареубійство, обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ; участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ; возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву, старался распространить общество принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7. Майоръ Спиридовъ.

Умышлялъ на цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ, совершить оное и назначалъ къ тому другихъ; участвовалъ въ управленіи Славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

8. Штабсъ-ротмистръ князь Барятинскій.

Умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества, старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

9. Коллежскій асессоръ Кюхельбекеръ.

Покушался на жизнь его высочества великаго князя Михаила Павловича во время мятежа на площади; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова и

разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй.

10. Капитанъ Якубовичъ. Умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жеребей на убіеніе нынѣ царствующаго императора; былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные домы, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церкви, итти ко дворцу; во время самаго мятежа, присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ, и пришелъ съ ними на площадь.

11. Подполковникъ Поджіо. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ, совѣтовалъ и убѣждалъ князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

12. Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. Умышлялъ на цареубійство съ собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго; участвовалъ въ умыслѣ произвесть бунтъ; привлекалъ въ тайное общество другихъ и приуготовлялъ товарищей къ мятежу.

13. Прапорщикъ Вадковскій. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

14. Прапорщикъ Бечасновъ. Согласился въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

15. Полковникъ Давыдовъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи областей отъ имперіи и приуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовою къ дѣйствіямъ.

16. 4-го класса Юшневскій.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества; управлялъ тѣмъ обществомъ вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи.
17. Штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.
18. Подпоручикъ Андреевичъ 2-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы его императорскаго высочества цесаревича; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и пріуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.
19. Капитанъ Никита Муравьевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя впослѣдствіи и измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, однакожъ предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества и въ составленіи плановъ и конституціи.
20. Коллежскій асессоръ Пущинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.
21. Генералъ-майоръ князь Волконскій.	Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи и употреблялъ поддѣльную печать полевого аудиторіата.
22. Капитанъ Якушкинъ.	Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей.
23. Подпоручикъ Пестовъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго и соглашался въ умыслѣ бунта.

24. Лейтенантъ Арбузовъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.
25. Лейтенантъ Завалишинъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, возбуждая къ тому словами и сочиненіями, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.
26. Полковникъ Повало-Швейковскій.	Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго государя императора въ Бобруйскѣ и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго государя императора въ Бобруйскѣ; и зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.
27. Поручикъ Пановъ 2-й.	Принадлежалъ къ тайному обществу и, по учиненіи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько ротъ; вступилъ съ ними на дворъ Зимняго дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади; команда его производила стрѣльбу.
28. Поручикъ Сутгофъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу и по учиненіи присяги лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу.
29. Штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ: Шеншину, Фридриксу, полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.
30. Мичманъ Дивовъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи съ возбужденіемъ другихъ словами и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
31. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ.	По показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе; удалясь за границу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.

III.

Государственные преступники второго разряда, осуждаемые къ политической смерти, по силѣ указа 1753 года, апрѣля 29-го числа, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Капитанъ Тютчевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
2.	Поручикъ Громницкій.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей; зналъ о приготовленіи къ мятежу.
3.	Прапорщикъ Кирѣевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ, также соглашался въ умыслѣ бунта и приготовлялъ товарищей къ военному мятежу.
4.	Поручикъ Крюковъ 2-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.
5.	Подполковникъ Лунинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ литографіи для изданія сочиненій общества.
6.	Корнетъ Свистуновъ.	Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства и истребленія императорской фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.
7.	Поручикъ Крюковъ 1-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.
8.	Поручикъ Басаргинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.
9.	Подполковникъ Митьковъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.
10.	Поручикъ Анненковъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11. Штабъ-лѣкарь Вольфъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
12. Ротмистръ Ивашевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
13. Подпоручикъ Фроловъ 2-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.
14. Подполковникъ Норовъ.	Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти императора и нынѣ царствующаго государя, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
15. Капитанъ-лейтенантъ Торсонъ.	Зналъ умыселъ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.
16. Капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ 1-й.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.
17. Штабсъ-капитанъ Михайло Бестужевъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли опаго, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

IV.

Государственные преступники третьяго разряда, осужденные къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подполковникъ баронъ Штейнгель.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ.
2. Подполковникъ Батенковъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами.

V.

Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Штабсъ-капитанъ Мухановъ.	Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.
2. Генералъ-майоръ Фонвизинъ.	Умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, хотя впослѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.
3. Штабсъ-капитанъ Поджіо.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
4. Подполковникъ Фаленбергъ.	По принятіи въ 1822 или 1823 году княземъ Барятинскимъ въ тайное общество, соглашался произвести цареубійство, и хотя впослѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ.
5. 10-го класса Ивановъ.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.
6. Подпоручикъ Мозганъ.	Зналъ объ умыслѣ цареубійства, участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена и возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.
7. Штабсъ-капитанъ Корниловичъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному и въ приготовленіи къ мятежу.
8. Майоръ Лореръ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарища.
9. Полковникъ Аврамовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.
10. Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бу-

	магъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена.
11. Прапорщикъ Шимковъ.	Зналъ объ умыслѣ цареубійства и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена.
12. Корнетъ Александръ Муравьевъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.
13. Мичманъ Бѣляевъ 1-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
14. Мичманъ Бѣляевъ 2-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
15. Полковникъ Нарышкинъ 2-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.
16. Корнетъ князь Одоевскій.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

VI.

Государственные преступники пятаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли и приготовлялъ товарищей къ мятежу.
2. Коллежскій секретарь Глѣбовъ.	Зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, дававши деньги солдатамъ для покупки вина.
3. Поручикъ баронъ Розенъ.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ.
4. Лейтенантъ Кюхельбекеръ.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
5. Мичманъ Бодиско 2-й.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

VII.

Государственные преступники шестого разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 6 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

№.	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Полковникъ Александръ Муравьевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли его правительству не донесъ.
2.	Дворянинъ Люблинскій.	Зналъ умыселъ на цареубійство и участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго общества, съ составленіемъ и переводомъ плановъ, хотя послѣ изъ онаго и выбылъ.

VIII.

Государственные преступники седьмого разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.

№.	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Подпоручикъ Лихаревъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
2.	Подполковникъ Енталь-цовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
3.	Поручикъ Лисовскій.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу
4.	Полковникъ Тизенгаузенъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и на лишеніе свободы всей императорской фамиліи и участвовалъ въ умыслѣ бунта.
5.	Подпоручикъ Кривцовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
6.	Прапорщикъ Толстой.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
7.	Ротмистръ графъ Чернышевъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
8.	Поручикъ Аврамовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

9. Поручикъ Загорѣцкій.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
10. Полковникъ Поливановъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
11. Поручикъ баронъ Черкасовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
12. Поручикъ графъ Булгари.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
13. Канцеляристъ Выгодовскій.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
14. Подполковникъ Берстель.	Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы императорской фамиліи и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
15. Полковникъ фонъ-деръ-Бригенъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

IX.

Государственные преступники осьмого разряда. осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подпоручикъ Андреевъ 2-й.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и возбуждалъ къ мятежу.
2. Подпоручикъ Веденяпинъ 1-й.	Соглашался на умыселъ бунта и зналъ о приготовленіи къ военному мятежу.
3. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Краснокутскій.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ сената и зналъ о приготовленіи къ мятежу 14 декабря 1825 года.
4. Лейтенантъ Чижовъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и соглашался на мятежъ.
5. Камеръ-юнкеръ князь Голицынъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.
6. Штабсъ-капитанъ Назимовъ.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного товарища.
7. Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.
8. Подпоручикъ Заикинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.
9. Капитанъ Фурманъ.	Соглашался въ умыслѣ бунта.
10. Майоръ князь Шаховской.	По уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу.

11. Штабсъ-капитанъ Фохтъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
12. Подпоручикъ Мозгалевскій.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
13. Поручикъ Шахиревъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
14. Полковникъ Вранцкій.	Принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т.-е. измѣненіе государственнаго порядка.
15. Лейтенантъ Бодиско 1-й.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ бытностію на площади.

X.

Государственные преступники девятаго разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подпоручикъ графъ Коновницынъ 1-й.	Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли относительно бунта, и соглашался на мятежъ.
2. Штабсъ-ротмистръ Оржитскій.	Хотя не вполнѣ, но зналъ сокровенную цѣль тайнаго общества относительно бунта, равно какъ зналъ и о предстоящемъ мятежѣ.
3. Подпоручикъ Кожевниковъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли, и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

XI.

Государственный преступникъ десятаго разряда, осуждаемый къ лишенію чиновъ и дворянства и написанію въ солдаты до выслуги.

Имя преступника.	Главные виды преступленій.
Капитанъ Пущинъ.	Зналъ о приготовленіи къ мятежу, но не донесъ.

XII.

Государственные преступники одиннадцатаго разряда, осуждаемые къ лишенію токмо чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Мичманъ Петръ Бестужевъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

2. Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й.	Соглашался на умыселъ бунта.
3. Лейтенантъ Вишневскій.	Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
4. Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ.	Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.
5. Лейтенантъ Акуловъ.	Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.
6. Поручикъ Фокъ.	Бывъ увлеченъ обманомъ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.
7. Поручикъ Цебриковъ.	По показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го декабря произносилъ возмутительныя слова морскому экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь, самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ, князю Оболенскому.
8. Подпоручикъ Лапша.	Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Подлинная роспись за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

9.

Указъ верховному уголовному суду.

Разсмотрѣвъ докладъ о государственныхъ преступникахъ, отъ верховнаго уголовнаго суда намъ поднесенный, мы находимъ приговоръ, онымъ постановленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ.

Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія, признали мы за благо опредѣленныя симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями.

I. Преступниковъ перваго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни осужденныхъ, а именно: полковника князя Трубецкого, поручика князя Оболенскаго, подпоручика Борисова 2-го, отставного подпоручика Борисова 1-го, подпоручика Горбачевскаго, майора Спиридова, штабсъ-ротмистра князя Барятинскаго, капитана Якубовича, отставного подполковника Поджіо, полковника Артамона Муравьева, прапорщика Вадковскаго, прапорщика Бечаснова, отставного полковника Давыдова, 4-го класса Юшневскаго, подпоручика Андреевича 2-го, коллежскаго асессора Пущина, подпоручика Пестова. лейтенанта Арбузова, лейтенанта Завалишина, полковника Повало-Швейковскаго, поручика Панова 2-го. поручика Сутгофа, штабсъ-капитана князя Щепина-Ростовскаго, мичмана Дивова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева,—даровавъ имъ жизнь, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу.

II. Нижеслѣдующихъ преступниковъ того же перваго разряда и къ той же смертной казни верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе; а именно: 1) отставного подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія; 2) коллежскаго асессора Кюхельбекера по уваженію ходатайства его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича; 3) штабсъ-капитана Александра Бестужева по уваженію того, что лично явился ко мнѣ съ повинною головою; 4) капитана Никиту Муравьева по уваженію совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія; 5) генералъ-майора князя Волконскаго по уваженію совершеннаго раскаянія; 6) отставного капитана Якушкина также по уваженію совершеннаго раскаянія.

III. Преступниковъ второго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ политической смерти съ положеніемъ головы на плаху и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, а именно: капитанъ-лейтенанта Николая Бестужева 1-го и штабсъ-капитана Михаила Бестужева, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу. Капитана Тютчева, поручика Громницкаго, прапорщика Кирѣева, поручика Крюкова 2-го, подполковника Лунина, корнета Свистунова, поручика Крюкова 1-го, поручика Басаргина, полковника Митькова, поручика Анненкова, штабъ-лѣкаря Вольфа, ротмистра Иванова, подпоручика Фролова 2-го и капитанъ-лейтенанта Торсона, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе; отставного подполковника Норова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

IV. Преступниковъ третьяго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ въ каторжную работу вѣчно, а именно: отставного подполковника барона Штейнгеля и подполковника Батенкова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

V. Преступниковъ четвертаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: штабсъ-капитана Муханова, отставныхъ: генералъ-майора Фонвизина и штабсъ-капитана Поджіо, подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, подпоручика Мозгана, штабсъ-капитана Кориловича, майора Лорера, полковника Аврамова, поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, прапорщика Шимкова, корнета Александра Муравьева, мичмана Бѣляева 1-го, мичмана Бѣляева 2-го, полковника Нарышкина 2-го и корнета князя Одоевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VI. Преступниковъ пятаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: штабсъ-капитана Рѣпина и лейтенанта Кюхельбекера, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на восемь лѣтъ и потомъ на поселеніе; мичмана Бодиско 2-го сослать въ крѣпостную работу, а коллежскаго секретаря Глѣбова и поручика барона Розена сослать въ каторжную работу по приговору на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VII. Преступниковъ шестого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ и потомъ на поселеніе, а

именно: отставного полковника Александра Муравьева по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства; дворянина Люблинскаго, по лишеніи дворянства, сослать въ каторжную работу на пять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VIII. Преступниковъ седьмого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года и потомъ на поселеніе, а именно: подпоручика Лихарева, подполковника Ентальцова, поручика Лисовскаго, полковника Тизенгаузена, подпоручика Кривцова, прапорщика Толстого, ротмистра графа Чернышева, поручика Ивана Аврамова, поручика Загорѣцкаго, полковника Оливанова, поручика барона Черкасова, канцеляриста Выгодовскаго и отставного полковника фонъ-деръ-Бригена, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на два года и потомъ на поселеніе, а подполковника Берстеля и поручика графа Булгари по уваженію молодости его лѣтъ въ крѣпостную работу на два года.

IX. Съ преступниками восьмого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденными къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе, а именно: съ подпоручикомъ Андреевымъ 2-мъ, подпоручикомъ Ведениминымъ 1-мъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Краснокутскимъ, лейтенантомъ Чижовымъ, камеръ-юнкеромъ княземъ Голицынымъ, штабсъ-капитаномъ Назимовымъ, поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 1-мъ, подпоручикомъ Заикинымъ, капитаномъ Фурманомъ, майоромъ княземъ Шаховскимъ, штабсъ-капитаномъ Фохтомъ, подпоручикомъ Мозгалевскимъ, поручикомъ Шахиревымъ и съ полковникомъ Враницкимъ, поступить по приговору верховнаго уголовнаго суда, а лейтенанта Бодиско 1-го написать въ матросы.

X. Преступниковъ девятаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь, а именно: подпоручика графа Коновницына, отставного штабсъ-ротмистра Оржитскаго и подпоручика Кожевникова, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

XI. Съ преступникомъ десятаго разряда, капитаномъ Пущинымъ 1-мъ, осужденнымъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги, поступить по приговору суда.

XII. Съ преступниками одиннадцатаго разряда, осужденными верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою, и именно: съ мичманомъ Петромъ Бестужевымъ, прапорщикомъ Ведениминымъ 2-мъ, лейтенантомъ Виниевскимъ, лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, лейтенантомъ Акуловымъ, подпоручикомъ Фокомъ и съ подпоручикомъ Лаппою, поступить по приговору суда, распредѣливъ ихъ въ дальнѣйшіе гарнизоны: но поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

XIII. Наконецъ, участь преступниковъ, здѣсь не поименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, предаю рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

Верховный уголовный судъ въ полномъ его присутствіи имѣетъ объявить осужденнымъ имъ преступникамъ, какъ приговоръ, въ немъ состоявшійся, такъ и пощады, отъ насъ имъ даруемыя, и потомъ обратить все къ надлежащему, куда слѣдуетъ, исполненію. Правительствующій сенатъ съ своей стороны не оставитъ докладъ верховнаго суда и настоящія по оному постановленія издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село.
10-го іюля 1826 года.

10.

Указъ правительствующаго сената.

Указъ его императорскаго величества

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

изъ правительствующаго сената

объявляется во всенародное извѣстіе.

Правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи санктпетербургскихъ департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный изъ верховнаго уголовнаго суда въ спискѣ протоколъ, состоявшійся въ 11-й день сего іюля, при коемъ приложены въ копіяхъ: во-первыхъ, всеподданнѣйшій его императорскому величеству докладъ онаго суда, съ росписью государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ; во-вторыхъ, именный высочайшій указъ, данный верховному уголовному суду въ 10-й день сего же іюля о пощадахъ, его императорскимъ величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ,—приказали: о совершеніи казней и наказаній надъ государственными преступниками, высочайшимъ указомъ и приговоромъ верховнаго уголовнаго суда опредѣленныхъ, предписать г. санктпетербургскому военному генералъ-губернатору. Докладъ же верховнаго суда, съ росписью осужденнымъ преступникамъ, и высочайшій указъ, равно выписку изъ помянутаго протокола верховнаго уголовнаго суда, съ изъясненіемъ учиненнаго въ ономъ, по высочайше предоставленной ему власти, окончательнаго постановленія о пяти преступникахъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими по тяжести ихъ злодѣяній, издать совокупно во всеобщее извѣстіе, каковыхъ постановленій и прилагается у сего по одному экземпляру.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюля 16, а въ Москвѣ при сенатѣ жъ іюля 18-го числа 1826 года.

11.

Выписка изъ протокола верховнаго уголовнаго суда отъ 11-го іюля 1826 года.

Верховный уголовный судъ, по выслушаніи высочайшаго именного указа, въ 10 день іюля сему суду даннаго, положили: поелику XIII-ою статьею сего высочайшало указа его императорское величество всемилостивѣйше соизволилъ участь преступниковъ, въ ономъ не поименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены вић разрядовъ и вић сравненія съ другими, предать рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится, то, сообразуясь съ высокомонаршимъ милосердіемъ, въ семъ самомъ дѣлѣ явленнымъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, верховный уголовный судъ по высочайше предоставленной ему власти приговорили: вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ: Павлу Пестелю, Кондратію Рылѣеву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговоромъ суда опредѣленной, сихъ преступниковъ за ихъ тяжкія злодѣянія повѣсить.

Подлинный протоколъ за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

12.

Манифестъ 13-го іюля 1826 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники восприяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа, явилась предъ нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь русскую, за

вѣру, царя и отечество на семъ самомъ мѣстѣ проліянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ она расторгла завѣсу, указала зло, помогла намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ — туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобъ потушить умыселъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Составленный горстію извергов, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную, но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя русское измѣною престолу и отечеству. Напротивъ, мы видѣли при семъ самомъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлію умысловъ была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ же Промыслъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ царствованія нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить насъ на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная комиссія въ теченіе пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный уголовный судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ теченіе краткаго времени, укрощено зло, въ другихъ нравахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались, и, какъ мы при помощи Божіей уповаемъ, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла, изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, нечужеземнаго воспитанія мы пріимемъ

съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверсты въ отечествѣ нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія — все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ правительству. Въ государствѣ, гдѣ любовь къ монархамъ и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ: они могутъ таиться во мракѣ, но при первомъ появленіи, отвергнутыя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и, спокойный въ настоящемъ, можетъ призирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ, ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства предастъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій.

Въ Царскомъ Селѣ, 13-го іюля 1826 года.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

Николай.

(Мѣсто печати).

Печатать въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюля 13-го, а въ Москвѣ при сенатѣ жъ сего жъ іюля 18-го числа 1826 года.

13.

Донесеніе комиссіи для основанія разрядовъ.

ВЕРХОВНОМУ УГОЛОВНОМУ СУДУ

отъ комиссіи, избранной для основанія разрядовъ,

донесеніе.

Комиссія, приступивъ къ исполненію порученія, верховнымъ судомъ уголовнымъ ей даннаго, признала нужнымъ прежде всего съ точностію означить существо его и предѣлы.

Существо порученія состоитъ въ слѣдующемъ: при первоначальномъ обозрѣніи въ верховномъ судѣ донесенія слѣдственной комиссіи и приложенныхъ при ономъ о каждомъ подсудимомъ подробныхъ свѣдѣній, усмотрѣно было, что хотя всѣ обвиненія принадлежатъ къ одному роду преступленій, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ у насъ извѣстному, но степени участія и виновности весьма разнообразны. Чтобы опредѣлить сіи степени, должно сравнить разныя преступныя дѣйствія, и тѣ изъ нихъ, кои по сему сравненію окажутся равно тяжкими, отнести къ одному разряду. Дѣло комиссіи есть приуготовить и представить верховному суду основанія, по коимъ бы онъ могъ съ точностію установить сіи разряды.

Ясно, что сихъ основаній должно искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему есть два средства: донесеніе слѣдственной комиссіи и самыя дѣла, въ оной произведенныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности; въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя, и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Комиссія признала справедливымъ соединить оба сіи средства, то-есть свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ, и для сего прочесть и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его комиссія, во-первыхъ, пріобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121-го дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ чрезъ слѣдственную комиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ бо́льшую ясность.

Въ семъ порядкѣ обозрѣвъ все дѣло и приуготовивъ оное къ дальнѣйшему его движенію, комиссія нашла нужнымъ прежде всего разрѣшить слѣдующій вопросъ: извѣстно, что въ общемъ уголовномъ производствѣ пріемлется не токмо собственное признаніе, но и улики, и въ числѣ уликъ свидѣтельства лицъ посторонихъ, но лицъ достовѣрныхъ, безпристрастныхъ, присягою въ истинѣ утвержденныя. Въ настоящемъ дѣлѣ личныя свидѣтельства суть многочисленны и разнообразны; но свидѣтели суть лица подсудимыя и слѣдовательно не безпристрастныя.— должно ли принимать таковыя свидѣтельства за достовѣрныя? Трудно было бы по симъ однимъ показаніямъ безъ другихъ уликъ достигнуть очевидности. Но сія трудность разрѣшается самымъ производствомъ слѣдствія. Въ числѣ 121-го дѣла найдено токмо четыре случая, и случаи не самые важные, относящіеся къ лицамъ, въ заговорѣ не значительнымъ, коихъ достовѣрность опирается на таковыхъ показаніяхъ. Тѣмъ не менѣе комиссія признала справедливымъ отдѣлить сіи четыре случая, разсмотрѣть и представить ихъ на разрѣшеніе верховнаго суда особо. За симъ отдѣленіемъ всѣ остальныя вины подсудимыхъ утверждаются на собственномъ ихъ признаніи, и слѣдовательно стоятъ на самомъ высшемъ степени очевидности, каковой законъ въ дѣлахъ сего рода требуетъ.

По разрѣшеніи такимъ образомъ сего предварительнаго вопроса, комиссія приступила къ установленію началъ, на коихъ должны быть основаны разряды. Для сего ей предлежало, во-первыхъ, опредѣлить главные роды преступленій; во-вторыхъ, отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды и поставить ихъ въ порядкѣ постепенности; въ-третьихъ, изъ сложенія и сопряженія сихъ видовъ произвесть начала разрядовъ.

Роды преступленій. Всѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыселъ: умыселъ на потрясеніе имперіи, на испроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій. Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій.

Къ первому роду принадлежитъ вообще: 1) знаніе, 2) согласіе, 3) вызовъ къ совершенію; въ подробности же сюда принадлежатъ слѣдующіе виды.

I. Къ вызову принадлежитъ:

1) Умыселъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго; принятіемъ таковыхъ назначеній; изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого либо изъ членовъ императорской фамиліи.

2) Умыселъ на истребленіе императорской фамиліи или кого либо изъ членовъ ея возбужденіемъ къ тому другихъ или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3) Умыселъ на лишеніе свободы священной особы государя или кого либо изъ членовъ императорской фамиліи: умыселъ на удаленіе императорской фамиліи собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

II. Къ согласію принадлежитъ:

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, но безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, то-есть на удаленіе императорской фамиліи или лишеніе свободы, но съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостныя слова, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ, и означающія не умыселъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ.

7) Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

8) Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ не токмо измѣнившимся съ отступленіемъ, но и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

III. Къ знанію принадлежитъ:

9) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, то-есть безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

Ко второму роду принадлежитъ вообще: 1) знаніе, 2) согласіе, 3) дѣятельное участіе съ возбужденіемъ; въ подробности же сюда принадлежатъ слѣдующіе виды.

I. Къ дѣятельному участію принадлежитъ:

1) Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: приготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ. конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими: участіемъ или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

II. Къ согласію принадлежитъ:

3) Участіе въ семъ умыслѣ: распространеніемъ обществъ или посредствомъ привлеченія товарищей. или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или даже и съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ. впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

III. Къ знанію принадлежитъ:

6) Полное знаніе сего умысла, но безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

Къ третьему роду, т.-е. къ воинскому мятежу, принадлежатъ слѣдующіе виды:

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, но безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу, безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу, безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ, безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семъ состоятъ разные виды, кои комиссія нашла и различила въ преступленіяхъ при подробномъ разсмотрѣніи производства дѣлъ о подсудимыхъ.

Основаніе разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія, долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, но коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ основаны разряды, но въ приложеніи его къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина, весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ: а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею, то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо по другимъ его винамъ принадлежало къ разрядамъ низшимъ. На сихъ соображеніяхъ основаны нижеслѣдующія предположенія разрядовъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Разрядъ первый.

По первому пункту:

Умыселъ на цареубійство или собственнымъ вызовомъ. или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго; пріятіемъ таковыхъ назначеній; изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ; сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого либо изъ членовъ императорской фамиліи.

Умыселъ на истребленіе императорской фамиліи или кого либо изъ членовъ ея: возбужденіемъ къ оному другихъ съ согласіемъ и одобреніемъ лица, предназначеннаго къ совершенію.

Умыселъ на лишеніе свободы священной особы государя или кого либо изъ членовъ императорской фамиліи; умыселъ на удаленіе императорской фамиліи съ собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

По второму пункту:

Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: приготовленіемъ способовъ къ бунту, назначеніемъ къ тому срочнаго времени, составленіемъ плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими: распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

По мятежу:

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ познаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, но безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

Такимъ образомъ первый разрядъ соединяетъ въ себѣ: по первому пункту—три первые вида преступленія; по второму—первый и второй видъ; по мятежу—два первые его вида.

Отличительное свойство сего разряда есть: по первому пункту—вызовъ, нарядъ или согласіе на дѣйствительное и непосредственное совершеніе умысла; по второму пункту—соединеніе главныхъ средствъ къ произведенію бунта, средствъ, безъ коихъ всѣ другія не могли бы быть дѣйствительны; по мятежу отличительное его свойство есть личное дѣйствіе съ пролитіемъ крови.

Разрядъ второй.

По первому пункту:

Участіе въ умыслѣ согласіемъ, но безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т.-е. на удаленіе императорской фамиліи или лишеніе свободы, но съ противорѣчіемъ на два первые.

По второму пункту:

Дѣятельное участіе въ умыслѣ бунта, когда уже онъ былъ основанъ другими; участіе или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

Участіе въ семъ умыслѣ: распространеніемъ обществъ— принятіемъ ихъ порученій, привлеченіемъ товарищей; сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ и съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли мятежа.

Такимъ образомъ второй разрядъ заключаетъ въ себѣ: по первому пункту 4-й и 5-й видъ преступленія, по второму пункту 2-й и 3-й видъ, по мятежу 3-й видъ сего преступленія.

Отличительное свойство его по первому пункту есть постоянное согласіе въ умыслѣ; по второму пункту— тоже постоянное согласіе и соединеніе средствъ къ возмущенію менѣе дѣятельныхъ, нежели тѣ, кои въ первомъ разрядѣ полагаются; по мятежу отличительное его свойство есть возбужденіе нижнихъ чиновъ.

Разрядъ третій.

По первому пункту:

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е безъ согласія и противорѣчія.

По второму пункту:

Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или даже и съ противорѣчіемъ онымъ.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

Такимъ образомъ третій разрядъ содержитъ въ себѣ: по первому пункту 9-й видъ преступленія; по второму 4-й; по мятежу также 4-й.

Отличительное свойство сего разряда по первому пункту есть знаніе умысла. по второму — участіе безъ согласія на мѣры жестокія; по по мятежу—дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ планами, совѣтами и сочиненіями Сіе послѣднее дѣйствіе, отягощая вину. опредѣляетъ сему разряду мѣсто высшее, нежели какое принадлежало бы другимъ винамъ, съ сею сопряженнымъ.

Разрядъ четвертый.

По первому пункту:

Злодерзостныя слова, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ. но въ частномъ разговорѣ. и означающія не умыселъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ.

Участіе въ умыслѣ. въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ, или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ. но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

о второму пункту:

Участіе въ умыслѣ распространеніемъ обществъ или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

Сей разрядъ соединяетъ: по первому пункту 6-й и 7-й виды преступленія, по второму 3-й, по мятежу 4-й.

Отличительное его свойство есть—по первому пункту участіе, въ дерзостныхъ словахъ изъявленное, но мгновенное. или участіе, впослѣдствіи измѣнившееся, по второму пункту — согласіе постоянное. по мятежу — возбужденіе нижнихъ чиновъ.

Разрядъ пятый.

По второму пункту:

Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ общества.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также приготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

Такимъ образомъ разрядъ сей содержитъ въ себѣ по второму пункту одинъ токмо случай участія, принадлежащій къ 6-му виду; прочіе же принадлежатъ къ участію въ мятежѣ въ 4-мъ его видѣ.

Отличительное его свойство есть въ мятежѣ— возбужденіе нижнихъ чиновъ безъ полнаго знанія цѣли или приготовленіе товарищей планами и совѣтами съ знаніемъ сокровенной цѣли.

Разрядъ шестой.

По первому пункту:

Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ не токмо измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго, но и съ противодѣйствіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

По второму пункту:

Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

Разрядъ сей содержитъ по первому пункту 8-й и 9-й виды преступленія, по второму 5-й.

Отличительное его свойство: по первому пункту—согласіе измѣнившееся или одно токмо знаніе, по второму— также согласіе, совершенно впослѣдствіи измѣнившееся.

Разрядъ седьмой.

По первому пункту:

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, но безъ согласія, даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту:

Полное знаніе умысла, но безъ всякаго дѣйствія.

Отличительное свойство сего разряда: по первому пункту есть знаніе (виды 9-й и 10-й); по второму — также знаніе умысла (видъ 6-й).

Разрядъ восьмой.

По второму пункту:

Полное знаніе умысла, но безъ всякаго дѣйствія.

По мятежу:

Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

Отличительное свойство сего разряда: по второму пункту (видъ 6-й) есть знаніе съ нѣкоторымъ участіемъ въ мятежѣ. или участіе въ умыслѣ распространеніемъ общества (видъ 3-й), но безъ участія въ мятежѣ, или, наконецъ, одно полное знаніе умысла безъ распространенія его и безъ участія въ мятежѣ.

Разрядъ девятый.

По второму пункту:

Неполное знаніе умысла, особенно жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу:

Знаніе о предстоящемъ мятежѣ безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Отличительное свойство сего разряда есть: по второму пункту (видъ 7-й) неполное знаніе съ нѣкоторымъ прикосновеніемъ къ мятежу, а по мятежу (виды 9-й и 10-й) или знаніе безъ дѣйствія, или дѣйствіе безъ знанія.

Разрядъ десятый.

По мятежу:

Знаніе о приуготовленіяхъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

Разрядъ одиннадцатый.

По мятежу:

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ знанія сокровенной цѣли.

Въ семъ состоятъ предположенія о разрядахъ. Въ чрезмѣрномъ разнообразіи видовъ преступленій комиссія искала не столько свода и сокращенія, сколько того, чтобъ не смѣшать одного вида съ другимъ; чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Со всѣмъ тѣмъ комиссія не могла надѣяться, чтобъ при распредѣленіи по симъ разрядамъ подсудимыхъ не открылись еще нѣкоторыя разности. Но сіи личныя разности, въ дѣлѣ столь многосложномъ неизбѣжныя, могутъ, однако же, быть еще уравнены мѣстнымъ каждаго лица въ разрядѣ положеніемъ такъ, что между двумя лицами смежными разность будетъ почти ничтожна, хотя между первымъ и послѣднимъ въ разрядѣ она можетъ быть чувствительна.

Въ семъ уваженіи, и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе удостовѣриться въ точности предполагаемыхъ разрядовъ, комиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самаго распредѣленія въ нихъ лицъ, — опытъ, но не самое распредѣленіе, ибо сіе послѣднее принадлежитъ верховному суду, и комиссія не могла и не должна предварять его.

Для сего надлежало пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго; обозрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностью, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ комиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ точностію и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями:

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами. Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ

воинскаго порядка. кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго развращенія. Напротивъ вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ отступленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ. измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній: 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ. также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ юностію лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Комиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ. и потому, поставивъ какъ тѣхъ. такъ и другихъ подсудимыхъ. по мѣрѣ ихъ вины. въ своихъ мѣстахъ. призвала, однако же. вмѣстѣ съ тѣмъ справедливымъ составить имъ отдѣльные списки.

2) Выше было примѣчено. что комиссія въ опредѣленіи доказательствъ виновности руководствовалась очевидностію собственнаго подсудимыхъ признанія, и что во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла встрѣтились 4 только лица. и лица. не весьма въ дѣлѣ значительныя. коихъ вины не могли быть подчинены сему правилу. Комиссія признала нужнымъ. составя о сихъ лицахъ особенную записку. представить оную на дальнѣйшее верховнаго суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица. кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ итти въ сравненіе даже и съ тѣми. кои принадлежатъ къ сему разряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ. силою примѣра. неукротимостію злобы. свирѣпымъ упорствомъ и наконецъ хладнокровною готовностію къ кровопролитію. они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Комиссія признала справедливымъ. отдѣливъ ихъ. составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній, особенный списокъ.

Симъ образомъ исполнивъ данное порученіе и изложивъ въ семъ донесеніи основанія разрядовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія представляетъ на усмотрѣніе верховнаго суда: 1) списокъ подсудимыхъ. кои. по особому свойству ихъ преступленій. не могли быть поставлены въ ряду съ прочими. и потому представляются отдѣльно съ означеніемъ противъ каждаго преступленій; 2) общій списокъ подсудимыхъ. съ означеніемъ противъ каждаго преступленій. собственнымъ признаніемъ утвержденныхъ; 3) списокъ тѣхъ подсудимыхъ. коихъ вины усиливаются особенными обстоятельствами; 4) списокъ тѣхъ. коихъ вины ослабляются обстоятельствами; 5) списокъ тѣхъ подсудимыхъ, вины коихъ утверждаются уликами свидѣтелей. а не собственнымъ ихъ признаніемъ; 6) протоколъ о дополненіяхъ. кои сдѣланы по сношенію съ слѣдственною комиссіею; 7) наконецъ протоколы по разнымъ бумагамъ, поступившимъ на разсмотрѣніе комиссіи во время производства порученнаго ей дѣла.

Подлинное за подписаніемъ членовъ комиссіи.

27 іюня
1826 года.

Списокъ подсудимыхъ, коихъ вины, собственнымъ ихъ признаніемъ обнаруженныя, по особенному свойству ихъ и степени не входятъ въ общіе разряды.

№. Имена подсудимыхъ.	По собственному признанію.
1. Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Павелъ Пестель. 32 лѣтъ.	По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, изобралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ. По второму пункту. Учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и приуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.
	По собственному признанію.
2. Отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ, 32 лѣтъ.	По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство; назначалъ лицъ къ совершенію онаго, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи и приуготовлялъ къ тому средства. По второму пункту. Усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, приуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи и принималъ членовъ. По мятежу. Приуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь. Примѣчаніе. Воспротивился сдѣланному на совѣщаніи у него предложенію разбить питейные домы, допустить грабежъ и привлечь чернь во дворецъ.
	По собственному признанію.
3. Черниговскаго пѣхотнаго полка под-	По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ

полковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 29 лѣтъ.

къ тому другихъ. Соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ. Имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту. Участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію передъ рядами бунтующихъ лжекатихизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

По собственному признанію.

4. Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Михайло Бестужевъ-Рюминъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора; избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго. Имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха. Имѣлъ умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти государя императора, и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатихизиса; возбуждалъ и приуготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа. Составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ имперіи и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго. Принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

	По собственному признанію.
5. Отставной поручикъ Петръ Каховскій, 27 лѣтъ.	По первому пункту. Умышлять на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія, и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался. По второму пункту. Участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ. По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера.

Списокъ подсудимыхъ, съ означеніемъ ихъ винъ, собственнымъ каждаго признаніемъ обнаруженныхъ.

I.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 1-мъ, или во 2-мъ, или въ 3-мъ видѣ сего преступленія, по второму пункту въ 1-мъ или во 2-мъ видѣ сего преступленія, по мятежу въ 1-мъ или 2-мъ видѣ сего преступленія.

№. Имена подсудимыхъ.	По собственному признанію.
1. Полковникъ князь Сергѣй Трубецкой, 35 лѣтъ.	По первому пункту. Въ 1825 году умышлять на цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ; предлагалъ лишеніе свободы императора и императорской фамиліи при занятіи дворца. По второму пункту. Управлять Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ. По мятежу. Согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.
	По собственному признанію.
2. Поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка князь Евгеній Оболенскій, 29 лѣтъ.	По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго.

По второму пункту. По разрушеніи союза Благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя приуготовлять сочиненія для содѣйствія цѣли общества.

По мятежу. Приготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

По собственному признанію.

3. Отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, 33 лѣтъ.

По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества и зналъ умыслы Южнаго общества во всемъ ихъ пространствѣ.

По мятежу. Дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Примѣчаніе. Въ декабрѣ 1825 года отклонялъ Бестужева-Рюмина отъ намѣренія отправиться въ С.-Петербургъ для изведенія царствующаго государя императора; удержалъ Щепилова отъ нанесенія подполковнику Гебелю смертельнаго удара; признался во всемъ скоро и чистосердечно; изъявлялъ необыкновенные знаки раскаянія, хотя и послѣ уже признанія.

По собственному признанію.

4. Подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады Петръ Борисовъ 2-й, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго и умышлялъ на лишеніе свободы его высочества цесаревича.

По второму пункту. Учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; приуготовлялъ способы къ оному; составилъ катихизисъ и клятвенное обѣщаніе.

По мятежу. Дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

По собственному признанію.

5. Отставной подпоручикъ Андрей Борисовъ 1-й, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго.

По второму пункту. Учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ и содѣйствовалъ къ составленію устава.

По мятежу. Дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

По собственному признанію.

6. Подпоручикъ 2-ой артиллерійской бригады Иванъ Горбачевскій. 36 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство; обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ, возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву и старался распространить общество принятіемъ членовъ.

По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу, безъ личнаго въ ономъ дѣйствія.

По собственному признанію.

7. Майоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка Михайло Спиридовъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ, на совершеніе его и назначалъ къ тому другихъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

8. Штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка князь Александръ Барятинскій, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій.

По мятежу. Зналъ о приготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

9. Коллежскій асессоръ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Покушался на жизнь его высочества великаго князя Михаила Павловича во время мятежа на площади.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй.

По собственному признанію.

10. Нижегородскаго Драгунскаго полка капитанъ Александръ Якубовичъ. 34 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жеребей на убіеніе нынѣ царствующаго императора, хотя предложеніе сіе не имѣло никакихъ послѣдствій.

По второму пункту. Былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные домы, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церкви, итти ко дворцу; во время самаго мятежа, присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ; пришелъ съ ними на площадь и потомъ, удалясь, прекративъ дальнѣйшее дѣйствіе, явился къ государю императору съ повинною въ учиненіи мятежа.

По собственному признанію.

11. Отставной подполковникъ Александръ Поджіо, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ.

По мятежу. Совѣтовалъ и убѣждалъ князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

По собственному признанію.

12. Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ Артамонъ Муравьевъ, 32 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство съ собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ въ тайное общество другихъ.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

Примѣчаніе. При начатіи мятежа въ Васильковѣ рѣшительно отказался дѣйствовать съ полкомъ своимъ.

По собственному признанію.

13. Прапорщикъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка Ѳедоръ Вадковскій, 25 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

По собственному признанію.

14. Прапорщикъ 8-ой артиллерійской бригады Владиміръ Бечасновъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Соглашался въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

По собственному признанію.

15. Отставной полковникъ Василій Давыдовъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное при

нятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи областей отъ имперіи.

По мятежу. Пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовою къ дѣйствіямъ.

По собственному признанію.

16. Бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи, 4-го класса Алексѣй Юшневскій, 40 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества.

По второму пункту. Управлялъ Южнымъ обществомъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи.

По собственному признанію.

17. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Александръ Бестужевъ, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

Примѣчаніе. Удерживалъ Каховскаго отъ совершенія цареубійства, хотя прежде оное и одобрялъ; на площади удерживалъ солдатъ отъ стрѣльбы; на другой день явился самъ къ стопамъ государя императора, съ самаго начала признался чистосердечно и первый сдѣлалъ важное открытіе о тайномъ обществѣ.

По собственному признанію.

18. Подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады Яковъ Андреевичъ 2-й, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы его императорскаго высочества цесаревича.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.

По собственному признанію.

19. Капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Никита Муравьевъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 годахъ, но впослѣдствіи совершенно измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, и не только не соглашался, но сильно противодѣйствовалъ всѣмъ умысламъ сего рода, до того, что въ 1825 году совѣтовался съ другими о томъ, чтобы донести правительству о намѣреніи Якубовича покуситься на жизнь государя императора, въ случаѣ невозможности другимъ средствомъ удержать его отъ сего злодѣянія; предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи токмо въ случаѣ крайности.

По второму пункту. Участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи общества, въ составленіи плановъ и конституціи; самъ въ члены никого не принималъ.

Примѣчаніе. Скоро и чистосердечно признался и добровольно открылъ разныя подробности касательно заговора. Управляя обществомъ, онъ такъ былъ недѣятеленъ, что нѣкоторые изъ членовъ Южнаго общества полагали его смѣнить, находя, что Сѣверное общество не могло при немъ дѣйствовать.

По собственному признанію.

20. Коллежскій асессоръ Иванъ Пущинъ, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

21. Генералъ-майоръ князь Сергѣй Волконскій, 36 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи. Имѣлъ умыселъ на заточеніе императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ, дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи, употреблялъ поддѣльную печать полевого аудиторіата.

Примѣчаніе. Отрекся дѣйствовать въ возмущеніи войскъ по предложенію Поджіо.

По собственному признанію.

22. Отставной капитанъ Иванъ Якушкинъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей.

Примѣчаніе. Въ 1822 году, коль скоро узналъ о запрещеніи тайныхъ обществъ, то тотчасъ прекратилъ съ обществомъ всѣ сношенія, сжегъ бумаги и совершенно отъ онаго отказался.

По собственному признанію.

23. Подпоручикъ 9-ой артиллерійской бригады Александръ Нестовъ. 23 лѣтъ.

По первому пункту. Соглашался въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго.

По второму пункту. Соглашался въ умыслѣ бунта безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

24. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Антонъ Арбузовъ. 28 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.

По собственному признанію.

25. Лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа Дмитрій Завалишинъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи возбужденіемъ словами и сочиненіями.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

По собственному признанію.

26. Полковникъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Иванъ Повало-Швейковскій, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго государя императора въ Бобруйскѣ и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго государя императора въ Бобруйскѣ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, но во всякое время оному сопротивлялся, утверждая, что жизнь государя должна быть всегда священна; а при Бобруйскѣ говорилъ, что если общество рѣшится пролить хотя одну каплю крови, тогда онъ его оставляетъ, хотя бы то стоило ему самой жизни.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.

По собственному признанію.

27. Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Николай Пановъ 2-й, 22 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

По мятежу. По учиненіи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько роть; вступилъ съ ними на дворъ Зимняго дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади. Команда его производила стрѣльбу.

По собственному признанію.

28. Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка АлександръСутгофъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія сокровенной цѣли онаго относительно бунта, съ принятіемъ одного члена.

По мятежу. По учиненіи присяги лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ. Команда его производила стрѣльбу.

По собственному признанію.

29. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка князь Дмитрій Щенинъ-Ростовскій. 28 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ по убѣжденію въ данной имъ присягѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.

По собственному признанію.

30. Мичманъ гвардейскаго экипажа Василій Дивовъ. 24 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи съ возбужденіемъ другихъ словами.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

Примѣчаніе. Первый самъ собою признался чистосердечно въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ даже не былъ подозрѣваемъ.

II.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 4-мъ или 5-мъ видѣ сего преступленія, по второму пункту во 2-мъ или 3-мъ видѣ сего преступленія, по мятежу въ 3-мъ видѣ сего преступленія.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

31. Капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Алексѣй Тютчевъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

32. Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Петръ Громницкій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

33. Прапорщикъ 8-ой артиллерійской бригады Иванъ Кирѣевъ, 25 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Соглашался въ умыслѣ бунта безъ дѣйствія.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ военному мятежу.

По собственному признанію.

34. Поручикъ квартирмейстерской части Николай Крюковъ 2-й, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и членовъ.

По собственному признанію.

35. Подполковникъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка Михаилъ Лунинъ, 43 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и заведеніемъ литографіи для изданія сочиненій общества.

По собственному признанію:

36. Корнетъ Кавалергардскаго полка Петръ Свистуновъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства и истребленія императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.

Примѣчаніе. Отрекся дѣйствовать въ мятежѣ и отвергалъ планы мятежниковъ.

По собственному признанію.

37. Поручикъ Кавалергардскаго полка Александръ Крюковъ 1-й, 32 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.

По собственному признанію.

38. Поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Николай Басаргинъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.

Примѣчаніе. Находился въ обществѣ весьма недолго и съ 1822 года оставался въ совершенномъ бездѣйствіи. При вступленіи въ общество былъ 20-ти лѣтъ.

По собственному признанію.

39. Полковникъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Михайло Митьковъ. 34 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

По собственному признанію.

40. Поручикъ Кавалергардскаго полка Иванъ Анненковъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Примѣчаніе. Отвергъ предложеніе къ мятежу.

По собственному признанію.

41. Состоявшій при главной квартирѣ 2 арміи штабъ-лѣкарь Крестьянъ Вольфъ, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По собственному признанію.

42. Ротмистръ Кавалергардскаго полка Василій Ивашевъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Примѣчаніе. Въ обществѣ былъ кратковременно и безъ всякаго дѣйствія.

По собственному признанію.

43. Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Александръ Фроловъ 2-й, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.

По собственному признанію.

44. Отставной подполковникъ Василій Норовъ, 32 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти государя императора и нынѣ царствующаго.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По собственному признанію.

45. Флота капитанъ-лейтенантъ Константинъ Торсонъ, 31 года.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство, но соглашался токмо на отнятіе свободы.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

Примѣчаніе. Отвергнулъ предложеніе возмутить матросовъ въ Кронштадтѣ.

По собственному признанію.

46. Капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа Николай Бестужевъ 1-й, 34 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

По собственному признанію.

47. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Михайло Бестужевъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

III.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 9-мъ видѣ сего преступленія; по второму пункту въ 4-мъ; по мятежу въ 4-мъ же, но съ особенными обстоятельствами, силу послѣдней вины умножающими.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

48. Отставной подполковникъ баронъ Владиміръ Штейнгель, 40 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы съ противорѣчіемъ на 1-е, но съ согласіемъ на 2-е.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ.

Примѣчаніе. Скоро и чистосердечно признался и открылъ важныя подробности о мятежѣ.

По собственному признанію.

49. Подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія Гаврило Батенковъ, 36 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, но безъ согласія и противорѣчія.

По второму пункту. Соглашался на умыселъ бунта безъ дѣйствія, но и безъ противорѣчія.

По мятежу. Приуготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами, но безъ личнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. Когда предложено было во время мятежа занять дворецъ, то Батенковъ сказалъ, что дворецъ есть мѣсто священное, что̀, по показанію князя Трубецкого, предохранило отъ многихъ бѣдственныхъ послѣдствій.

IV.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 6-мъ или 7-мъ видѣ сего преступленія; по второму пункту въ 3-мъ видѣ сего преступленія; по мятежу въ 4-мъ.

№. Имена подсудимыхъ.

По собственному признанію.

50. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Петръ Мухановъ, 30 лѣтъ.

По первому пункту. Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія не умыселъ, но мгновенную мысль и порывъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли отсительно бунта.

По собственному признанію.

51. Отставной генералъ-майоръ Михайло Фонвизинъ, 38 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, съ отступленіемъ отъ онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

Примѣчаніе. Узнавъ объ умыслѣ Якубовича, намѣревался противодѣйствовать оному и даже донести правительству.

По собственному признанію.

52. Отставной штабсъ-капитанъ Іосифъ Поджіо, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Зналъ о приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Учинилъ признаніе скоро и чистосердечно.

По собственному признанію.

53. Подполковникъ квартирмейстерской части Петръ Фаленбергъ, 36 лѣтъ.

По первому пункту. По принятіи въ 1822 или 1823 году княземъ Барятинскимъ въ тайное общество соглашался произвести цареубійство, но вскорѣ потомъ началъ отъ общества уклоняться, и оставался въ совершенномъ бездѣйствіи, такъчто имя его было почти забыто.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Примѣчаніе. Злоумышленіе на цареубійство открылъ онъ самъ чистосердечно и добровольно, когда объ оном не было и извѣстно; требовалъ съ княземъ Барятинскимъ очныхъ ставокъ и на оныхъ его уличилъ въ сдѣланномъ ему отъ него порученіи.

По собственному признанію.

54. Провіантскій чиновникъ 10-го класса Илья Ивановъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ.

По мятежу. Приготовлялъ товарищей къ мятежу.

По собственному признанію.

55. Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Павелъ Мозганъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ цареубійства.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ принятіемъ одного члена.

По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.

По собственному признанію.

56. Штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Александръ Корниловичъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство безъ согласія и съ противорѣчіемъ, но безъ донесенія.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта единственно принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества Сѣверному.

По мятежу. Участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Подойдя на площади къ карре мятежниковъ, совѣтовалъ имъ покориться законной власти.

По собственному признанію.

57. Майоръ Вятскаго пѣхотнаго полка Николай Лореръ, 31 года.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарища.

По собственному признанію.

58. Полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка Павелъ Аврамовъ, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.

По собственному признанію.

59. Поручикъ квартирмейстерской части Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ одного члена.

По собственному признанію.

60. Прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Иванъ Шимковъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ цареубійства, но безъ противорѣчія.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

По собственному признанію.

61. Корнетъ Кавалергардскаго полка Александръ Муравьевъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

Примѣчаніе. Принятъ въ общество 18-ти лѣтъ.

По собственному признанію.

62. Мичманъ гвардейскаго экипажа Александръ Бѣляевъ 1-й, 25 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

63. Мичманъ гвардейскаго экипажа Петръ Бѣляевъ 2-й, 22 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

64. Полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка Михайло Нарышкинъ 2-й, 31 года.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство, но безъ согласія и съ противорѣчіемъ, токмо безъ донесенія.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ при-нятіемъ членовъ.

По собственному признанію.

65. Корнетъ гвардіи Коннаго полка, князь Александръ Одоевскій, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ распространенія тайнаго общества принятіемъ одного члена.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія другихъ, но съ пистолетомъ въ рукахъ.

V.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ по мятежу въ томъ же 4-мъ видѣ; по второму пункту они или состоятъ въ низшихъ видахъ, или не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

66. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Николай Рѣпинъ, 29 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

По мятежу. Приготовлялъ товарищей къ мятежу.

По собственному признанію.

67. Коллежскій секретарь Михайло Глѣбовъ, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Зналъ о цѣли тайнаго общества, но не вполнѣ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и далъ деньги солдатамъ для покупки вина.

По собственному признанію.

68. Поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка баронъ Андрей Розенъ, 27 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, хотя возбужденіе сіе было отрицательное, т.-е. онъ остановилъ взводъ, который долженъ былъ итти для усмиренія мятежниковъ.

По собственному признанію.

69. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа МихайлоКюхельбекеръ, 28 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

Примѣчаніе. Изъ карре подходилъ къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу и просилъ его высочество подъѣхать къ экипажу для прекращенія мятежа.

По собственному признанію.

70. Мичманъ гвардейскаго экипажа Михайло Бодиско 2-й, 25 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

VI.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 8-мъ или 9-мъ видѣ сего преступленія, по второму пункту въ 5-мъ видѣ преступленія, а по мятежу не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

71. Отставной полковникъ Александръ Муравьевъ, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, однажды и мгновенно въ 1817 году изъявленнымъ, а потомъ не только измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго, но и съ противодѣйствіемъ, вскорѣ потомъ оказаннымъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ учрежденіи тайнаго общества, но съ отступленіемъ еще въ 1819 году не только отъ жестокихъ средствъ, прежде принятыхъ, но и отъ самаго общества.

Примѣчаніе. Въ 1819 году не только прекратилъ всѣ сношенія съ тайнымъ обществомъ, но, объявя оному письменно о своемъ мнѣніи, старался разрушить сіе общество; убѣждалъ всѣхъ послѣдовать его примѣру и отказаться отъ всѣхъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей; но былъ обманутъ письменнымъ ложнымъ увѣреніемъ, что общество уничтожено.

По собственному признанію.

72. Дворянинъ Волынской губерніи Юліанъ Люблинскій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ цареубійства безъ согласія и противорѣчія.

По второму пункту. Участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго общества съ составленіемъ и переводомъ плановъ.

Примѣчаніе. По соединеніи Славянскаго общества съ Южнымъ, Люблинскій, бывъ изъ онаго исключенъ, не согласился на предложеніе вступить въ Польское общество.

VII.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 9-мь или 10-мь видѣ преступленія, по второму пункту въ 6-мь видѣ преступленія, а по мятежу они состоятъ или въ низшихъ видахъ, или вовсе въ оныхъ не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

73. Подпоручикъ квартирмейстерской части Владиміръ Лихаревъ, 26 лѣтъ

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

74. Командиръ конно-артиллерійской роты № 27, подполковникъ Андрей Ентальцовъ, 38 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Припадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

75. Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Николай Лисовскій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Узнавъ о приготовленіяхъ къ мятежу, не только отказался, но и удержалъ одного изъ своихъ товарищей.

По собственному признанію.

76. Полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка Василій Тизенгаузенъ, 47 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство и на лишеніе свободы всей императорской фамиліи, и хотя не изъявлялъ на то согласія, но и не противорѣчилъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

77. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Сергѣй Кривцовъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Узналъ объ умыслѣ на цареубійство не въ совѣщаніяхъ, на которыхъ никогда не бывалъ, но въ частномъ разговорѣ.

По собственному признанію.

78. Прапорщикъ Московскаго полка Владиміръ Толстой, 20 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. При принятіи въ 1824 году въ общество былъ 18-ти лѣтъ.

По собственному признанію.

79. Ротмистръ Кавалергардскаго полка графъ Захаръ Чернышевъ, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По собственному признанію.

80. Поручикъ квартирмейстерской части Иванъ Аврамовъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

81. Поручикъ квартирмейстерской части Николай Загорѣцкій, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

82. Отставной полковникъ Иванъ Ивановъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Отступилъ отъ общества съ прекращеніемъ всякихъ съ нимъ сношеній, коль скоро узналъ о преступной его цѣли.

По собственному признанію.

83. Поручикъ квартирмейстерской части баронъ Алексѣй Черкасовъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

84. Поручикъ Киасирского ея величества полка графъ Николай Булгари. 21 года.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Находился въ обществѣ кратковременно и, вступивъ въ оное въ 1825 году на 20 году, оставался по угрозамъ Вадковскаго.

По собственному признанію.

85. Канцелярист Навель Выгодовскій. 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

86. Подполковникъ 9-ой артиллерійской бригады Александръ Берстель, 37 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы императорской фамиліи.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Во время мятежа Черниговскаго пѣхотнаго полка, по требованію начальства, онъ доставилъ четыре артиллерійскихъ орудія въ возможной скорости, за что̀ отъ корпуснаго командира объявлена ему признательность. Оставшись старшимъ по бригадѣ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы прочія орудія и ящики, въ случаѣ приближенія мятежниковъ, были увезены, для чего въ 24 часа собрано было до 200 обывательскихъ лошадей.

По собственному признанію.

87. Отставной полковникъ Александръ фонъ-деръ-Бригенъ, 33 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство не только безъ согласія, но и съ противорѣчіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

VIII.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по второму пункту въ 6-мъ видѣ сего преступленія; по мятежу или въ 6-мъ или въ низшихъ видахъ сего преступленія, или же въ одномъ 3-мъ видѣ по второму пункту.

№. Имена подсудимыхъ.	
	По собственному признанію.
88. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Андрей Андреевъ 2-й, 21 года.	По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.
	По мятежу. Возбуждалъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія.
	Примѣчаніе. Принятъ былъ въ общество за нѣсколько дней до 14 декабря и при допросахъ чистосердечно признался.
	По собственному признанію.
89. Мичманъ 27-го флотскаго экипажа Петръ Бестужевъ, 24 лѣтъ.	По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли относительно бунта.
	По мятежу. Лично дѣйствовалъ, безъ возбужденія другихъ.
	Примѣчаніе. По показанію Каховскаго, Бестужевъ отвелъ пистолетъ, Кюхельбекеромъ направленный на его императорское высочество, великаго князя Михаила Павловича, хотя, по показанію Кюхельбокера, сіе учинено матросами. Бестужевъ увлеченъ примѣромъ трехъ своихъ старшихъ братьевъ.
	По собственному признанію.
90. Подпоручикъ 9-ой артиллерійской бригады Аполлонъ Веденяпинъ 1-й, 25 лѣтъ.	По второму пункту. Соглашался на умыселъ бунта, но безъ дѣйствія.
	По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ военному мятежу.
	Примѣчаніе. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу, но отсовѣтовалъ.

По собственному признанію.

91. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Краснокутскій, 38 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ сената, но безъ всякаго дѣйствія въ возбужденіи къ бунту.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу 14 декабря.

По собственному признанію.

92. Лейтенантъ 2-го флотскаго экипажа Николай Чижовъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

По мятежу. Соглашался на мятежъ безъ личнаго дѣйствія.

По собственному признанію.

93. Камеръ-юнкеръ князь Валеріанъ Голицынъ, 24 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. При вступленіи въ общество былъ на 21 году.

По собственному признанію.

94. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи коннопіонернаго эскадрона Михайло Назимовъ. 27 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного товарища.

По собственному признанію.

95. Поручикъ квартирмейстерской части Николай Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.

По собственному признанію.

96. Подпоручикъ квартирмейстерской части Николай Заикинъ, 24 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.

По собственному признанію.

97. Капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Андрей Фурманъ, 31 года.

По второму пункту. Соглашался въ умыслѣ бунта.

Примѣчаніе. Былъ въ обществѣ не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ и, желая удалиться отъ онаго, вышелъ въ отставку.

По собственному признанію.

98. Прапорщикъ 9-ой артиллерійской бригады Алексѣй Веденяпинъ 2-й, 22 лѣтъ.

По второму пункту. Соглашался на умыселъ бунта.

Примѣчаніе. Зашедши къ Горбачевскому случайно и найдя тамъ членовъ тайнаго общества на совѣщаніи, вступилъ въ оное по угрозамъ, бывъ тогда 21 года, болѣе же на совѣщаніяхъ не участвовалъ.

По собственному признанію.

99. Штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка Иванъ Фохтъ, 31 года.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ всякаго дѣйствія.

По собственному признанію.

100. Подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Николай Мозгалевскій, 24 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія, до того, что, по показанію его и Шимкова, на совѣщаніяхъ спалъ.

Примѣчаніе. Принадлежалъ къ тайному обществу около 5 мѣсяцевъ и учинилъ скорое чистосердечное признаніе.

По собственному признанію.

101. Поручикъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Андрей Шахиревъ, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Былъ на совѣщаніи одинъ только разъ.

По собственному признанію.

102. Полковникъ квартирмейстерской части Василій Враницкій, 43 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу, зналъ цѣль его, т.-е. измѣненіе государственнаго порядка, но не соглашался на жестокія средства и сильно онымъ противился. Самъ никогда не дѣйствовалъ.

По собственному признанію.

103. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Борисъ Бодиско 1-й, 27 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ бытностію на площади, безъ возбужденія другихъ.

Примѣчаніе. Намѣревался съ площади увести свою роту и уговаривалъ къ тому же своего брата.

IX.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по второму пункту въ 7-мъ видѣ сего преступленія, а по мятежу они состоятъ или въ 9-мъ, или въ 10-мъ видѣ преступленія, или совсѣмъ въ оныхъ не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

104. Подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба, графъ Петръ Коновницынъ 1-й, 23 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли относительно бунта.

По мятежу. Соглашался на мятежъ безъ личнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. Хотя во время мятежа даны были ему порученія, но онъ, въ ту же минуту раскаявшись, не исполнилъ; сверхъ того, хотя и признается, что слышалъ о заговорѣ на жизнь покойнаго государя императора въ Таганрогѣ, но слышалъ сіе отъ Корниловича не прежде 13-го декабря.

По собственному признанію.

105. Отставной штабсъ-ротмистръ Николай Оржитскій. 29 лѣтъ.

По второму пункту. Зналъ не вполнѣ о сокровенной цѣли тайнаго общества относительно бунта.

По мятежу. Зналъ о предстоящемъ мятежѣ безъ согласія и личнаго дѣйствія.

По собственному признанію.

106. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Нилъ Кожевниковъ, 21 года.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли и безъ дѣйствія.

По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. При принятіи въ общество былъ 20 лѣтъ.

По собственному признанію.

107. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Матвѣй Лапша, 27 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Примѣчаніе. Лапша, бывъ въ Петергофѣ, не принималъ никакого участія въ мятежѣ, но по первому объ опомъ извѣстію явился къ своему полковнику и просилъ арестовать его и отправить, куда слѣдуетъ, для оправданія.

X.

Подсудимый, коего вина состоитъ по мятежу въ 7-мъ видѣ сего преступленія.

По собственному признанію.

№. Имя подсудимаго.

108. Капитанъ лейбъ-гвардіи конноіонернаго эскадрона Михайло Пущинъ 1-й, 23 лѣтъ.

По мятежу. Зналъ о приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Хотя и зналъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и противорѣчилъ, представляя успѣхъ невѣроятнымъ, а дѣло постыднымъ.

XI.

Подсудимые, коихъ вина по мятежу состоитъ въ 10-мъ видѣ сего преступленія.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

109. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Ѳедоръ Вишневскій, 27 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, по обману, безъ всякаго знанія сокровенной цѣли.

		По собственному признанію.
110.	Гвардейскаго экипажа лейтенантъ Ениафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, 33 лѣтъ.	По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія нижнихъ чиновъ, по обману и безъ знанія цѣли.
		По собственному признанію.
111.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Николай Акуловъ. 28 лѣтъ.	По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія нижнихъ чиновъ.
		По собственному признанію.
112.	Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Александръ Фокъ, 23 лѣтъ.	По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія. но по обману, безъ всякаго знанія о сокровенной цѣли.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Списокъ подсудимыхъ, степень виновности коихъ усиливается особеннымъ свойствомъ преступленія.

I.

Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка князь Щепинъ-Ростовскій.

1) Князь Щепинъ-Ростовскій возбуждалъ нижнихъ чиновъ своей роты не присягать, говоря: ребята, все обманъ! насъ заставляютъ присягать насильно; государь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, а находится въ цѣпяхъ; его высочество. шефъ полка, также въ цѣпяхъ; съ симъ же намѣреніемъ ходилъ и по другимъ ротамъ, приказывалъ людямъ брать боевые патроны и зарядить ружья.

2) Когда требовали князя Щепина къ генералу. то онъ сказалъ. что не хочетъ знать генерала.

3) По приказанію князя Щепина, толпа бросилась отнимать знамена у гренадеръ, конхъ били прикладами.

4) Князь Щепинъ-Ростовскій нанесъ генералъ-майору Фридриксу сильный ударъ саблею по головѣ и повергъ его на землю.

5) Князь Щепинъ-Ростовскій бросился на бригаднаго командира Шепшина, ударомъ руки повергъ его на землю и нанесъ нѣсколько ударовъ саблею; сдѣлалъ три кровавыя раны полковнику Хвощинскому, ранилъ гренадера Крассовскаго въ животъ и унтеръ-офицера Мосеева въ голову, при чемъ кричалъ на солдатъ: заруб лю! и отнялъ одно знамя.

6) По приказанію князя Щепина, нижніе чины избили при слѣдованіи по улицамъ прикладами полицейскаго офицера.

7) По приходѣ на Петровскую площадь, князь Щепинъ построилъ карре. Когда подъѣхалъ къ нему графъ Милорадовичъ, то, по приказанію Щепина, нижніе чины стрѣляли по немъ и по кавалеріи, и во все время происшествія Щепинъ возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ буйству, къ уклоненію отъ присяги и отъ довѣренности къ начальникамъ.

Комиссія, признавъ его принадлежащимъ къ первому разряду, сверхъ того, сочла нужнымъ дѣйствія сіи представить особенному уваженію верховнаго уголовнаго суда.

II.

Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Сутгофъ.

1) Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Сутгофъ, по учиненіи уже присяги государю императору Николаю Павловичу въ порученной командованію его ротѣ, пришедъ въ обѣденное время, говорилъ: ребята! вы напрасно присягнули! одѣньтесь скорѣе, зарядите ружья, слѣдуйте за мною и не выдавайте меня. Вотъ со мною ваше жалованье, которое раздамъ не по приказу.

2) Потомъ, когда полковой командиръ Стюлеръ, достигнувъ побѣжавшую за Сутгофомъ роту, началъ уговаривать, тогда Сутгофъ, находясь впереди толпы, кричалъ: ребята! не выдавай! не слушай его!

3) По приходѣ на площадь, Сутгофъ цѣловался съ Щепинымъ-Ростовскимъ, который въ ту же минуту построилъ карре.

Комиссія, отнеся Сутгофа къ первому разряду, сверхъ того, нужнымъ признала представить дѣйствія его особенному уваженію верховнаго уголовнаго суда.

III.

Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Пановъ.

Будучи членомъ тайнаго общества, Пановъ, получивъ отъ общества приказаніе возмутить солдатъ и привести ихъ на Петровскую площадь или въ случаѣ неудачи прибыть туда одному, по учиненіи уже присяги, тронулъ полкъ съ мѣста, повелъ въ Зимній дворецъ, надѣясь найти тамъ московцевъ; но, увидя на дворѣ саперовъ, вернулся вдоль бульвара и, встрѣтивъ останавливавшую ихъ кавалерію, выскочилъ впередъ, закричалъ людямъ итти за нимъ и пробившись сталъ подлѣ Московскаго полка карреемъ.

Къ симъ личнымъ дѣйствіямъ, имѣвшимъ цѣлію овладѣніе Зимнимъ дворцомъ, присовокупляются слова, коими Пановъ старался увлечь за собою устрашенныхъ и колебавшихся нижнихъ чиновъ, приказывая кричать: ура, Константинъ! и говоря, что Константинъ самъ скоро прибудетъ съ войсками и истребитъ гвардейскій корпусъ за его непостоянство.

Комиссія, отнеся Панова къ первому разряду, сверхъ того, нужнымъ признала представить дѣйствія его особенному уваженію верховнаго уголовнаго суда.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Списокъ подсудимыхъ, коихъ вины уменьшаются разными обстоятельствами, изъясненными о каждомъ въ общемъ спискѣ.

№.

1. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.
2. Артамонъ Муравьевъ.
3. Александръ Бестужевъ.
4. Никита Муравьевъ.
5. Князь Сергѣй Волконскій.
6. Якушкинъ.
7. Повало-Швейковскій.
8. Дивовъ.
9. Свистуновъ.
10. Басаргинъ.
11. Анненковъ.
12. Ивашевъ.
13. Торсонъ.
14. Баронъ Штейнгель.
15. Батенковъ.
16. Фонвизинъ.
17. Штабсъ-капитанъ Поджіо
18. Фаленбергъ.
19. Корниловичъ.
20. Корнетъ Муравьевъ.
21. Лейтенантъ Кюхельбекеръ.
22. Полковникъ Александръ Муравьевъ.
23. Люблинскій.
24. Лисовскій.
25. Кривцовъ.
26. Толстой.
27. Поливановъ.
28. Графъ Булгари.
29. Берстель.
30. Андреевъ.
31. Петръ Бестужевъ.
32. Веденяпинъ 1-й.
33. Князь Голицынъ.
34. Фурманъ.
35. Веденяпинъ 2-й.
36. Мозгалевскій.
37. Шахиревъ.
38. Враницкій.
39. Бодиско 1-й.
40. Графъ Коновницынъ.

41. Кожевниковъ.
42. Лапша.
43. Капитанъ Пущинъ.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Списокъ подсудимыхъ, коими не учинено собственнаго признанія во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ.

I.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ.

Бытность Тургенева членомъ тайнаго общества, равно какъ участіе въ учрежденіи, возстановленіи, въ совѣщаніяхъ и въ распространеніи онаго, доказываются показаніями двадцати четырехъ членовъ общества, въ томъ числѣ принятыхъ самимъ имъ Миклашевскаго и Митькова.

На Тургенева показываютъ 24 человѣка[1], что онъ былъ членомъ тайнаго общества, изъ коихъ трое[2], что Тургеневъ участвовалъ въ учрежденіи: трое[3], что Тургеневъ былъ директоромъ: четверо[4], что Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи; шестнадцать[5], что Тургеневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ; одинъ[6], что Тургеневъ на совѣщаніи былъ предсѣдателемъ; одинъ[7], что Тургеневъ сочинялъ правила о изысканіи средствъ къ измѣненію правительства и полученію конституціи, и трое[8], что Тургеневъ участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ членовъ.

Сомнѣніе настоитъ въ томъ: раздѣлялъ ли Тургеневъ съ другими преступные умыслы на истребленіе императорской фамиліи въ одномъ случаѣ и на удаленіе оной отъ престола въ другомъ?

Насчетъ сего показываютъ:

1) Полковникъ Пестель: «Въ началѣ 1820 года, въ собраніи коренной думы союза Благоденствія, въ которомъ послѣ долгихъ преній всѣ единогласно приняли республиканское правленіе, на вопросъ, кого желаютъ: монарха или президента?— Тургеневъ сказалъ по-французски: le président sans phrases (президента безъ даль-

[1] Князь Трубецкой, Семеновъ, князь Оболенскій, Колошинъ, Фонвизинъ, Краснокутскій, Глинка, Орловъ, Никита Муравьевъ, Нарышкинъ, Якушкинъ, Комаровъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Вадковскій, Митьковъ, Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Поджіо, князь Барятинскій, Юшневскій, Швейковскій, Миклашевскій.

[2] Князь Трубецкой, Семеновъ и Матвѣй Муравьевъ.

[3] Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Муравьевъ и Юшневскій.

[4] Князь Трубецкой, Орловъ, Никита Муравьевъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

[5] Князь Трубецкой, Семеновъ, Колошинъ, Фонвизинъ, Орловъ, Рылѣевъ, Митьковъ, Пестель, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Никита Муравьевъ, Нарышкинъ, Якушкинъ, Сергѣй Муравьевъ, Поджіо, князь Барятинскій, Швейковскій.

[6] Комаровъ.

[7] Митьковъ.

[8] Семеновъ, Миклашевскій, Митьковъ.

ныхъ толковъ). Сіе заключеніе коренной думы сообщено было всѣмъ частнымъ думамъ, и съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими».

Изъ числа бывшихъ на семъ совѣщаніи членовъ, на данныхъ имъ очныхъ ставкахъ, Никита Муравьевъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ показаніе Пестеля подтвердили; трое: Семеновъ, Бригенъ и Колошинъ, не подтвердили; а послѣдній, Глинка, даже бытность сего засѣданія отвергаетъ.

2) Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ въ первомъ показаніи 14 апрѣля: «Никита Муравьевъ и князь Трубецкой въ 1823 году не были согласны съ преступнымъ предложеніемъ Южнаго общества ввести республиканское правленіе, съ истребленіемъ всей императорской фамиліи; но Николай Тургеневъ раздѣлилъ мнѣніе сіе съ княземъ Оболенскимъ, Рылѣевымъ, Александромъ Бестужевымъ, Митьковымъ, Поливановымъ, княземъ Голицынымъ, Вадковскимъ, Аненковымъ и Свистуновымъ» (которые всѣ почти сознались въ семъ преступленіи).

3) Полковникъ Митьковъ: «Въ 1823 году въ бывшемъ у него, Митькова, собраніи читали написанныя Тургеневымъ и всѣми одобренныя правила о изысканіи средствъ къ измѣненію правительства и къ полученію конституціи».

4) Пестель въ другомъ показаніи: «Въ бытность его, Пестеля, въ 1824 году въ Петербургѣ, при свиданіи съ Тургеневымъ, онъ нашелъ его въ республиканскомъ образѣ мыслей. Бестужевъ-Рюминъ сказывалъ ему, Пестелю, что князь Трубецкой и Бригенъ сообщили ему о намѣреніи Сѣвернаго общества назначить Николая Тургенева производителемъ дѣлъ въ предполагавшемся верховномъ правленіи».

5) Бестужевъ-Рюминъ на вопросъ: кто изъ членовъ общества наиболѣе стремился къ достиженію и исполненію цѣли введенія республики посредствомъ революціи, совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?—отвѣчалъ: «директоры общества: Тургеневъ на сѣверѣ, а Пестель на югѣ», присовокупивъ, что «общество вознамѣрилось ввести въ Россіи республиканское правленіе съ самаго начала по предложенію, сдѣланному Николаемъ Тургеневымъ».

6) Рылѣевъ: «Въ одномъ изъ собраній общества и, кажется, въ томъ, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи великаго собора, онъ, Рылѣевъ, сдѣлалъ вопросъ: а что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народа? Не вывезть ли за границу? Князь Трубецкой, подумавъ, отвѣчалъ: болѣе нечего дѣлать, и всѣ бывшіе у него, Рылѣева: Митьковъ, Никита Муравьевъ, Оболенскій и Тургеневъ, согласились на сіе».

На сдѣланные 16 сего іюня по распоряженію комиссіи верховнаго уголовнаго суда по сему предмету вопросы показали:

Пущинъ: достовѣрно не знаетъ, былъ ли Тургеневъ въ семъ собраніи.

Митьковъ: въ семъ собраніи у Рылѣева онъ, Митьковъ, не находился.

Князь Оболенскій: ни утвердить сего, ни отвергнуть не можетъ.

Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ: совѣщаніе о семъ предметѣ происходило въ квартирѣ полковника Митькова; о Тургеневѣ же не упоминаетъ.

Князь Трубецкой: въ присутствіи его Тургеневъ никогда не изъявлялъ согласія на вывозъ государя императора за границу.

Наконецъ, Никита Муравьевъ о собраніи, бывшемъ у Рылѣева, знаетъ только, что оно происходило незадолго до отъѣзда Николая Тургенева за границу; но не въ состояніи привести выраженій, коими Тургеневъ изъявилъ свое условное согласіе.

Изъ свода всѣхъ сихъ показаній открывается, что оныя касаются до разныхъ періодовъ существованія тайнаго общества. Показаніе Пестеля о совѣщаніи 1820 года хотя и подтверждается, кромѣ Пестеля, еще двумя сообщниками; но трое, въ томъ же совѣщаніи бывшіе, показанія сего не подтвердили, а четвертый отверг даже и бытность сего совѣщанія.

По показанію Матвѣя Муравьева-Апостола, относящемуся къ 1823 году, поименованныя имъ лица спрошены не были, вѣроятно, потому, что тотъ же Муравьевъ впослѣдствіи объяснилъ, что онъ Тургеневу сказалъ только, что южная управа, при своемъ основаніи, положила введеніе республиканскаго правленія, и сказалъ ему Пестель, что онъ говорилъ съ членами сѣверной управы объ удаленіи изъ Россіи императорской фамиліи.

Показаніе Рылѣева, относящееся къ послѣднему времени пребыванія Тургенева въ Россіи, хотя насчетъ бытности совѣщанія и не отвергается; но никто, кромѣ Никиты Муравьева, и то неопредѣлительно, не подтверждаетъ согласія Тургенева на вывозъ императорской фамиліи за границу.

Слѣдовательно остаются только показанія двухъ членовъ общества: Пестеля и Рылѣева, и то по разнымъ предметамъ, которыхъ комиссія, почитая опаснымъ въ столь важномъ преступленіи принять достаточными къ обвиненію, считаетъ справедливымъ предоставить сіе обстоятельство разсмотрѣнію верховнаго уголовнаго суда.

II.

Отставной статскій совѣтникъ Горскій.

Отставной статскій совѣтникъ Горскій оказывается виновнымъ въ томъ, что въ день происшествія 14-го декабря, по собственному признанію его, онъ былъ на площади близъ мятежниковъ, съ не заряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ.

Спрошенные показали:

1) Александръ Бестужевъ:

«Кажется, Горскій говорилъ солдатамъ, что онъ радъ умереть за Константина Павловича».

2) Пущинъ:

«Горскій спрашивалъ у него пороху».

3) Сутгофъ:

«Съ народомъ Горскій кричалъ ура! и, кажется, держалъ обнаженную шпагу».

Показанія сіи остались не доказанными, и Горскій ни одного не утвердилъ.

Хотя и ничѣмъ не доказано, чтобы Горскій участвовалъ въ мятежѣ и имѣлъ пистолетъ съ вреднымъ намѣреніемъ; но какъ за сіе нарушеніе правилъ благочинія, послужившее поводомъ къ обращенію на Горскаго подозрѣнія, по коему онъ преданъ суду, такъ и за предосудительную званію его бытность въ толпѣ мятежниковъ комиссія полагаетъ: не относя статскаго совѣтника Горскаго ни къ какому разряду, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе въ заключеніи.

III.

Отставной майоръ князь Шаховской.

На члена тайнаго общества, князя Шаховского, показываютъ: генералъ-майоръ Фонвизинъ, полковникъ Александръ Муравьевъ, подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и капитанъ Никита Муравьевъ, «что князь Шаховской участвовалъ въ совѣщаніи 1817 года, когда Якушкинъ вызвался покуситься на жизнь покойнаго государя».

Изъ числа сихъ четырехъ лицъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ дополнилъ, что на семъ совѣщаніи князь Шаховской предложилъ совершить покушеніе въ то время, когда Семеновскій полкъ будетъ въ карауле, и что послѣ онаго его не иначе называли, какъ le Tigre».

Но князь Шаховской, отвергая сіи улики, утверждаетъ, что на совѣщаніи не былъ и объ умыслѣ ничего не зналъ.

На очныхъ ставкахъ князь Шаховской остался при своихъ отзывахъ, а изъ обвинителей Фонвизинъ показалъ сими словами: что онъ не можетъ утвердительно сказать, былъ ли князь Шаховской при означенномъ намѣреніи, но, кажется, былъ. Полковникъ же Александръ Муравьевъ показалъ сими словами: что за долгопрошедшимъ временемъ не можетъ утвердительно сказать, былъ ли Шаховской въ означенномъ собраніи, но, кажется, былъ; а то, чтобы воспользоваться для покушенія временемъ, когда Семеновскій полкъ будетъ въ карауле, князь Шаховской точно говорилъ, и о семъ же говорилъ впослѣдствіи и наединѣ; а подполковникъ Матвѣй Муравьевъ и капитанъ Никита Муравьевъ же и на очныхъ ставкахъ остались при сдѣланныхъ ими показаніяхъ.

Хотя по показанію четырехъ свидѣтелей князь Шаховской и уличается въ бытности на совѣщаніи 1817 года, а двумя изъ нихъ въ предложеніи совершить покушеніе, когда Семеновскій полкъ будетъ въ карауле, но въ столь важномъ преступленіи комиссія не осмѣливается къ обвиненію его принять одно только свидѣтельство подсудимыхъ, самихъ въ томъ же умыслѣ участвовавшихъ; но какъ онъ самъ сознается, что принадлежалъ къ тайному обществу и прекратилъ съ нимъ всякія сношенія въ 1817 году, то комиссія считаетъ справедливымъ отнести его къ VIII разряду.

IV.

Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ.

Поручикъ Финляндскаго полка Цебриковъ, послѣ происшествія 14-го декабря представленный полковымъ командиромъ за то, что, получивъ на три дня увольненіе изъ баталіона, расположеннаго за городомъ, рапортовался больнымъ и проживалъ у брата своего, лейтенанта гвардейскаго экипажа Цебрикова, былъ на площади и наконецъ съ княземъ Оболенскимъ скрылся въ квартирѣ штабъ-лѣкаря Смирнова, обвиняется:

1) Показаніями мичмановъ гвардейскаго экипажа Дивова и двухъ Бѣляевыхъ въ томъ:

«Что, встрѣтивъ Морской экипажъ у Конногвардейскихъ казармъ, кричалъ слѣдующія слова: въ карре! противу кавалеріи!».

Цебриковъ не отвергаетъ, что онъ кричалъ, но вмѣсто словъ: въ карре, противу кавалеріи, онъ кричалъ: карбонаріи! куда вы идете?

На очныхъ ставкахъ каждый остался при своемъ показаніи.

2) Показаніями князя Оболенскаго и Рѣпина, изъ коихъ Оболенскій показалъ: «что Цебриковъ, придя на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ, объявилъ ему, что онъ знаетъ отъ Рѣпина цѣль ихъ и готовъ оной содѣйствовать».

А. Рѣпинъ:

«Что Цебриковъ, бывъ у него наканунѣ происшествія, говорилъ, что отъ Арбузова и другихъ извѣстно ему рѣшительное ихъ намѣреніе не присягать».

Цебриковъ отвѣчалъ, что онъ отъ Рѣпина ничего не слыхалъ, и не только не говорилъ съ Оболенскимъ на площади, но тамъ его и не видалъ.

На очной ставкѣ Цебриковъ остался при своемъ отзывѣ, который подкрѣпленъ и отзывомъ Арбузова, что ему неизвѣстно, чтобы кто нибудь сообщалъ Цебрикову о намѣреніи общества.

3) Показаніемъ Александра Бестужева:

«Что на площади онъ назначилъ Цебрикову мѣсто на углу карре къ монументу, и что впрочемъ удивился, увидѣвъ его, пріѣхавшаго къ карре, ибо зналъ его съ малолѣтства и образъ мыслей его весьма тихимъ».

Цебриковъ отвѣчалъ, что точно Бестужевъ говорилъ въ то время, когда онъ подошелъ изъ любопытства къ карре: поди, стань на углу карре; но онъ не становился.

4) Показаніемъ двухъ матросовъ экипажа Дороѳеева и Ѳедорова: «что Цебриковъ у Поцѣлуева моста кричалъ: катай, въ колонну стройся!»

Сверхъ того, Дороѳеевъ показалъ: «что съ Кюхельбекеромъ въ то время, когда онъ цѣлилъ прежде въ великаго князя Михаила Павловича, а потомъ въ генерала Воинова, былъ финляндскій офицеръ, похожій на лейтенанта Цебрикова».

А Ѳедоровъ, показывая точно то же, что и Дороѳеевъ, финляндскаго офицера называетъ именно Цебриковымъ.

Цебриковъ, называя слова матросовъ несправедливыми, утвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Дороѳеевымъ и Ѳедоровымъ, что онъ словъ сихъ не говорилъ, равно какъ не видалъ и того, чтобы Кюхельбекеръ цѣлился въ великаго князя, и чтобы матросъ вышибъ у него пистолетъ.

Насчетъ же пребыванія у штабъ-лѣкаря Смирнова Цебриковъ показалъ, что, вышедъ отъ Смирнова на проспектъ, онъ встрѣтилъ князя Оболенскаго и по человѣколюбію провелъ его на квартиру, знакомства же съ нимъ не имѣлъ и на площади не видалъ.

Изъ всѣхъ сихъ показаній наиболѣе вѣроятія заслуживающимъ можно было бы принять показаніе матросовъ; но, такъ какъ приводимыя ими слова слышаны были ими мимоходомъ на пути къ площади, другихъ же уликъ въ томъ, чтобы Цебриковъ принималъ какое либо участіе въ мятежѣ, кромѣ показаній Бестужева и Рѣпина, ничѣмъ впрочемъ не подтвержденныхъ, въ дѣлѣ не открывается, напротивъ показаніями Бестужева и Кюхельбекера онъ, Цебриковъ, выставляется нерѣшительнымъ и недоумѣвавшимъ,—то комиссія, считая опаснымъ обвинять его только за слова, въ произнесеніи коихъ онъ и на очныхъ ставкахъ не сознался, полагаетъ: не относя его

ни къ какому разряду, вмѣнить ему содержаніе въ заключеніи въ наказаніе за то, что онъ вмѣсто нахожденія при своей командѣ былъ въ толпѣ мятежниковъ и произнесеніемъ неумѣстныхъ словъ привлекъ самъ на себя подозрѣніе въ участіи.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Назначеніе наказаній за преступленія по разрядамъ.

За преступленія, не вошедшія въ общіе разряды, четвертовать.

За преступленія по 1-му разряду: казнить смертію.
— — 2-му — по силѣ указа 1753 года апрѣля 29 числа наказать политическою смертію, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.
» » 3-му » сослать вѣчно въ каторжную работу.
— » 4-му — временная ссылка въ каторжную работу отъ 10 до 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
» » 5-му временная ссылка въ каторжную работу отъ 2 до 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
» » 6-му » временная ссылка въ каторжную работу отъ 3 до 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
» 7-му » временная ссылка въ каторжную работу отъ 2 до 5 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
— — 8-му — лишить чиновъ, дворянства и сослать на поселеніе.
— 9-му — лишить чиновъ, дворянства и сослать въ Сибирь.
10-му — лишить чиновъ и дворянства и написать въ солдаты до выслуги.
» 11-му лиша токмо чиновъ, написать въ солдаты съ выслугою.

Въ законахъ изображено.

Уложенія (1649 года) гл. 2, стат. 1. Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертію.

Стат. 2. Также будетъ кто при державѣ царскаго величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злова умышленія начнетъ рать сбирать, или кто царскаго величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатися, и помочь имъ всячески чинити, чтобы тѣмъ госу-

даревымъ недругамъ по его ссылкѣ Московскимъ государствомъ завладѣть или какое дурно учинить, и про то на него кто извѣститъ. и по тому извѣту сыщется про тое его измѣну допряма, и такова измѣнника потому же казнить смертію.

Стат. 19. А будетъ кто, свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людѣхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ. а государю и его государевымъ боярюмъ и ближнимъ людемъ и въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо. что онъ про такое дѣло вѣдалъ. а не извѣстилъ. и сыщется про то допряма. и его за то казнити смертію безо всякія пощады.

Стат. 20. Также самовольствомъ. скопомъ и заговоромъ къ царскому величеству и на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и на думныхъ и на ближнихъ людей. и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей. и ни на кого никому не приходити и никого не грабити и не побивати.

Стат. 21. А кто учнетъ къ царскому величеству или на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ людей и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей или на кого нибудь приходити скопомъ и заговоромъ, и учнутъ кого грабити или побивати. и тѣхъ людей. кто такъ учинитъ. за то потому же казнити смертію безо всякія пощады.

Воинскаго устава (1716 года) артик. 19. Если кто подданный войско вооружитъ или оружіе предпріиметъ противъ его величества. или умышлять будетъ помянутое величество полонить или убить. или учинить ему какое насильство, тогда имѣютъ тотъ и всѣ оные. которые въ томъ вспомогали или совѣтъ свой подали. яко оскорбители величества. четвертованы быть и ихъ пожитки забраны.

Толкованіе. Такожде равное наказаніе чинится надъ тѣмъ. котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не произведено. но токмо его воля и хотѣніе къ тому было. и надъ онымъ, которой о томъ свѣдомъ былъ, а не извѣстилъ.

Артик. 20. Кто противъ его величества особы хулительными словами погрѣшитъ. его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишенъ быть и отсѣченіемъ главы казненъ.

Толкованіе. Ибо его величество есть самовластный монархъ. который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ. но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь. по своей волѣ и благомнѣнію управлять. И яко же о его величествѣ самомъ въ ономъ артикулѣ помянуто. разумѣется тако и о его величества цесарской супругѣ и его государства наслѣдіи.

Артик. 127. Кто какую измѣну или сему подобное учинить намѣрится. и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ. однакоже имѣетъ по состоянію дѣла и признанію воинскаго суда таковымъ же высокимъ наказаніемъ наказанъ быть. якобы за произведенное самое дѣйство.

Артик. 135. Никто бъ ниже словомъ или дѣломъ или письмами. самъ собою или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію. или иное что учинить причины не далъ. изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ. оный по розыску дѣла живота лишится или на тѣлѣ наказанъ будетъ.

Артик. 136. Такимъ же образомъ имѣютъ быть наказаны и тѣ. которые такія слова слышали или таковыя письма читали. въ которыхъ о бунтѣ и возмущеніи упомянуто, а въ надлежащемъ мѣстѣ или офицерамъ своимъ вскорѣ не донесли.

Артик. 137. Всякой бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано.

Толкованіе. Въ возмущеніи надлежитъ виныхъ на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить, а особливо ежели опасность въ медленіи есть, дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать (пока не расширится) и болѣе бъ не умножилось.

Морского устава (1720 года) кн. V, гл. I, пунктъ 1. Если кто противъ персоны его величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали или совѣтъ свой подавали, или вѣдая не извѣстили, яко измѣнники, четвертованы будутъ, и ихъ пожитки движимые и недвижимые взяты будутъ.

Пунктъ 2. Кто противъ его величества особы хулительными словами погрѣшитъ, его дѣйства и намѣреніе препятствовать или указъ презирать, или непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ быть живота лишенъ.

1721 года, генваря 25-го. Прибавленіе къ Духовному Регламенту, о правилахъ причта, пунктъ 11. Если кто при исповѣди объявитъ духовному отцу своему нѣкое не сдѣланное, но еще къ дѣлу намѣренное отъ него воровство, наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь или здравіе государево и на фамилію его величества, а объявляя толикое намѣряемое зло, покажетъ себѣ, что не раскаивается, но ставитъ себѣ въ истину, и намѣренія своего не отлагаетъ, и не яко грѣхъ исповѣдуетъ, но паче дабы тако согласіемъ или молчаніемъ духовника своего въ намѣреніи своемъ утвердился, что отсюда познать можно, если поучитъ ему духовный отецъ именемъ Божіимъ отстать всеконечно отъ намѣренія своего злаго, а онъ, молча и аки бы сумняся или оправдая себя, въ томъ непремѣненъ явится, то долженъ духовникъ не токмо его за прямо исповѣданные грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять (не есть бо исповѣдь правильная, аще кто не всѣхъ беззаконій своихъ кается), но и донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ, слѣдуя состоявшемуся апрѣля 28 числа 1722 года именному его царскаго величества указу. Каковъ о такихъ злодѣяхъ печатными листы публикованъ, по которому и за слова, до высокой его царскаго величества чести касающіяся и государству вредительныя, таковыхъ злодѣевъ въ самой скорости имая, въ опредѣленныя мѣста приводить повелѣно; чего ради такового, кто злое и нераскаянное свое намѣреніе на исповѣди покажетъ, тотчасъ по содержанію онаго его царскаго величества именнаго указа, кому надлежитъ, долженъ духовникъ объявить, однакожъ въ томъ объявленіи тяжкости того на исповѣди показаннаго не открывать, понеже по оному указу такихъ злодѣевъ, которые въ вышеозначенныхъ злыхъ словахъ явятся, нигдѣ, кромѣ тайной канцеляріи и Преображенскаго приказу, разспрашивать не повелѣно, но токмо въ томъ объявленіи тайно сказать, что такой-то человѣкъ (показавъ тѣмъ чинъ и имя) имѣетъ злую на государя или на прочее, что выше сего помянуто, мысль и нераскаянное намѣреніе, отъ чего великой вредъ быть хощетъ, за что безъ всякаго медленія поймать и заарестовать быть долженъ. И понеже по оному его царскаго величества именному указу и доносителей для надлежащаго такихъ злодѣевъ обличенія въ помянутые тайную канцелярію или Преображенскій приказъ за поруками или, буде порукъ не будетъ, за провожатыми, подъ честнымъ арестомъ высылать повелѣно; того ради и священнику, объявивъ оное и давъ по себѣ поруку, ѣхать по высылкѣ въ указное мѣсто неотложно и неотбывательно. И тамо уже, гдѣ о такихъ

злодѣйствахъ слѣдованіе бываетъ, все объ ономъ зломъ намѣреніи слышанное объявить именно, безъ всякаго прикрывательства и сомнѣнія; ибо симъ объявленіемъ духовникъ не объявляетъ совершенной исповѣди и не преступаетъ правилъ, но еще исполняетъ ученіе Господне, тако реченное: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ; аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего, и прочая; аще же не послушаетъ, повѣжды церкви. И отъ сего можно разсуждать, что когда уже такъ о братнѣ согрѣшеніи, до единой точію обиды или до подобнаго той касающемся, въ которомъ кто не кается и пребываетъ непослушливъ, повѣдать церкви Господь повелѣваетъ, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя или на тѣло церкви умышленіи и о хотящемъ отъ того быть вредѣ доносить и объявлять должно есть. Къ тому жъ и сіе кійждо духовникъ да памятствуетъ, что всякому іерею рукоположившій архіерей, въ данной ему отъ себя ставленной граммать, по древнему отеческому преданію завѣщеваетъ отъ своего лица тако: исповѣдавшихъ ему своя совѣсти вязати и рѣшити грѣхи разсудно по правиламъ и прочая, и по нашему архіерейскому благословенію же и повелѣнію, вящшія же и неудоборазсудныя вины намъ приносити да имать. И аще тако вящшія и неудоборазсудныя вины, съ раскаяніемъ уже исповѣданныя, до архіерея духовнику приносить издревле уставися, то кольми паче о нераскаянномъ намѣреніи и злодѣйственномъ на государя или на государство умышленіи объявлять надлежитъ.

1722 года, апрѣля 28-го. Между прочимъ изображено:... А буде кто, видя означенныхъ злодѣевъ (злоумышленниковъ противъ государя), явно что злое въ народѣ разсѣвающихъ, или вѣдая, что такое зло тайно они производятъ, а ихъ не поймаетъ или о томъ не извѣститъ, и въ томъ отъ кого изобличенъ будетъ, и за то учинена будетъ таковымъ смертная казнь безо всякаго поощренія, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе все взято на его императорское величество.

Выписка изъ указа 10-го апрѣля 1730 года.

Важнѣйшіе два пункта называются сіи:

1) Ежели кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на императорское здоровье злое дѣло или персону и честь злыми и вредительными словами поносить.

2) О бунтѣ или измѣнѣ. Сіе разумѣется, буде кто за кѣмъ подлинно увѣдаетъ бунтъ или измѣну противъ императорскаго величества или государства.

Когда такія великія дѣла самъ свѣдаетъ или отъ кого услышитъ и доказать бы могъ, а нигдѣ не донесетъ, а потомъ отъ кого обличенъ будетъ, что онъ про такое великое дѣло вѣдалъ и доказательства имѣлъ, а нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ, да поздно, и тѣмъ время упуститъ, а сыщется про то допряма, - и тѣмъ людямъ за то чинить смертную казнь безъ всякія пощады.

Именной высочайшій указъ 1753 года, апрѣля 29-го: «Отнынѣ политическою смертію именовать то: ежели кто положенъ будетъ на плаху или взведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, или хотя и безъ всякаго наказанія, токмо вѣчной ссылкѣ, и по прежнимъ нашимъ указамъ о таковыхъ осужденныхъ, какъ къ натуральной, такъ и политической смерти колодникахъ, въ главныхъ командахъ дѣла разсматривая и сочиняя изъ тѣхъ дѣлъ обыкновенные краткіе экстракты, съ подписаніемъ точныхъ и приличныхъ

указовъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія, не чиня вышнымъ экзекуціи. присылать къ разсмотрѣнію въ сенатъ»; а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ, и по государственнымъ правамъ и указамъ за тѣ ихъ воровства надлежать будутъ наказанію, быть кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣютъ быть въ ссылки вѣчно, то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть. И таковыя наказанія таковымъ ворамъ чинить въ губерніяхъ губернаторамъ съ товарищи, а въ провинціяхъ и городахъ воеводамъ, и не описываясь въ сенатъ, токмо съ апробаціи губернаторской, а въ сенатъ о таковыхъ осужденныхъ къ наказанію экстрактовъ для разсмотрѣнія не присылать».

Указъ 1754 года, сентября 30-го. Правительствующій сенатъ. Его исполненіе высочайшей ея императорскаго величества воли, за подписаніемъ собственныя ея руки марта 29-го дня прошлаго 1753 года на докладѣ отъ сената конфирмаціи, приказали: во всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и приказы, въ губерніи и провинціи послать указы, велѣть объ осужденныхъ къ смертной и политической казни колодникахъ, производимыя объ нихъ дѣла и приговоры въ силѣ государственныхъ правъ и указовъ по сущей справедливости и съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, дабы невинные осуждены не были, разсматривать и апробаціи чинить, нижеписаннымъ мѣстамъ, а именно: 1-е, о находящихся въ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ — губернаторамъ и вице-губернаторамъ съ товарищи, какъ указомъ ноября 12 дня 1721 года и по губернаторскому и воеводскому наказу 1728 года, по 15 и 16 пунктамъ, повелѣно; и для того всѣмъ опредѣленнымъ для сыску и искорененія воровъ и разбойниковъ офицерамъ, коимъ хотя по данной инструкціи 4 пункту и велѣно по окончаніи розыска о таковыхъ подлежащихъ натуральной и политической смерти, не чиня экзекуціи, присылать выписки съ мнѣніями въ сенатъ, но впредь имъ о тѣхъ подлежащихъ какъ къ натуральной и политической смерти, такъ и къ вѣчной ссылкѣ, не чиня самимъ экзекуціи, со обстоятельными выписками, съ мнѣніями, для разсмотрѣнія и апробаціи, и съ тѣми колодниками отсылать къ тѣмъ губернаторамъ съ товарищи; 2-е, въ Москвѣ въ сыскномъ приказѣ юстицъ-коллегіи, по указу 1721 года ноября 12 дня; 3-е, по кригсрехтамъ о воинскихъ съ конфирмаціи командующихъ корпусами генераловъ, а объ офицерахъ, кромѣ штабовъ военной коллегіи, о морскихъ адмиралтейскихъ коллегій, такъ, какъ въ указѣ 1724 года ноября 11 дня изображено; 4-е, о состоящихъ въ вѣдомствѣ главной полицеймейстерской канцеляріи, по силѣ именнаго ея императорскаго величества мая 1-го 1746 года указа, той главной полицеймейстерской канцеляріи, и по тѣмъ апробаціи, которые той натуральной и политической смерти по государственнымъ правамъ и указамъ совершенно надлежать, таковымъ по прежнимъ ея императорскаго величества указамъ той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить; а дабы оные, за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ, наказанія не избывали и изъ ссылки побѣговъ чинить и за непоставленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія жъ воровства вступать не дерзали, при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія опредѣленныя по посланнымъ изъ правительствующаго сената іюня отъ 18 дня 1753 года указамъ мѣста, до разсмотрѣнія чинить наказанія подлежащимъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое кнутомъ, и, вырѣзавъ ноздри, ставить на лбу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р, а которые осуждены будутъ на политическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ

съ вырѣзаніемъ ноздрей и, по учиненіи имъ того наказанія, заклепавъ въ кандалы, ссылать до указу въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста по прежде посланнымъ указамъ, а въ правительствующій сенатъ съ показаніемъ ихъ винъ и рѣшительныхъ въ силѣ указовъ приговоровъ присылать краткіе экстракты, а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ и по государственнымъ правамъ и указамъ за тѣ ихъ воровства надлежать будутъ наказанію, бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣютъ быть въ ссылку вѣчно. то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть, и таковыя наказанія таковымъ ворамъ чинить въ губерніяхъ губернаторамъ съ товарищи, а въ провинціяхъ и городахъ воеводамъ, токмо съ апробаціи губернаторской, какъ о томъ и публикованнымъ мая 25 дня 1753 года указомъ повелѣно; и для того при разсмотрѣніи въ губерніяхъ о таковыхъ осужденныхъ къ натуральной и политической смерти и къ вѣчной ссылкѣ колодникахъ присылаемыхъ выписокъ, ежели окажется какое сомнѣніе и недостатокъ, то и подлинныя дѣла, какъ изъ провинцій и городовъ, такъ и отъ сыщиковъ къ тому разсмотрѣнію брать, которыя отсылать въ тѣ губернскія канцеляріи безъ всякаго умедленія, о чемъ къ опредѣленнымъ для сыску и къ искорененію воровъ и разбойниковъ офицерамъ послать указы жъ отъ военной коллегіи, а о томъ же для вѣдома въ святѣйшій синодъ и сенатскую контору сообщить вѣдѣнія.

Манифестъ 1762 года, февраля 21-го. Всѣмъ извѣстно, что ко учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ имянъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы.

Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ, но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ; то злымъ подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать въ даль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей.

Сего ради и послѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію и прилагая крайнее стараніе, не только неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію, объявили уже въ нашемъ сенатѣ во время присутствія нашего въ 7 день сего мѣсяца, что отнынѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ, и она совсѣмъ уничтожается, а дѣла, если бъ иногда такія случились, кои до сей канцеляріи принадлежали бъ, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ сенатѣ.

Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ совершенное дѣйство имѣла, а напротиву того не показалось бы безстрашно составлять, хотя и тщетные и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то-есть перваго указомъ 1730 года апрѣля 14-го дня описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противу насъ и государства, то-есть втораго тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта; то восхотѣли мы чрезъ сіе точняе объявить наши соизволенія, и потому:

1-е, вышепомянутая тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся;

2-е, ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло, не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ употреблять оное, а если кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники;

3-е, напротиву того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему-жъ воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать, а только б въ случаѣ, если кто не умѣетъ грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не инако, какъ тѣмъ же порядкомъ, то-есть приведъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ.

Выписка изъ высочайшаго манифеста 1762 года, октября 24-го. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Петръ Хрущовъ обличенъ и винился въ изблеваніи оскорбленія величества, и что онъ старался другихъ привлекать къ умышляемому имъ возмущенію противъ насъ и общаго покоя, затѣвая, якобы уже онъ и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи; вторый Нигерманландскаго пѣхотнаго полка поручикъ Семенъ Гурьевъ, яко сообщникъ съ первымъ, не токмо въ злодѣйскомъ его умыслѣ согласился, но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ лживыхъ внушеній, изъ чего во многомъ въ первомъ допросѣ, а по обличеніи отъ свидѣтелей и во всемъ самъ признался; третій лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ сдѣлалъ себя имъ соучастникомъ тѣмъ, что зналъ ихъ умыселъ, объ ономъ нигдѣ не донесъ и самъ, яко свѣдущій, другому о томъ внушалъ, о чемъ въ первомъ своемъ допросѣ утаилъ и во вторичномъ и на очныхъ ставкахъ по изобличеніи винился; четвертый лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка квартирмистръ Петръ Гурьевъ слышалъ отъ Петра Хрущова противу насъ оскорбительныя слова, какъ и о зломъ умыслѣ къ возмущенію, о томъ не доносилъ и сначала запирался, а наконецъ отчасти изобличенъ былъ, отчасти же и добровольное признаніе принесъ и винился; да по сему же слѣдствію коллежскій асессоръ Алексѣй Хрущовъ остается подозрительнымъ въ томъ, что онъ обличаемъ однимъ, но безъ свидѣтеля, якобы и онъ ему сказывалъ объ общемъ вышепомянутыхъ зломъ намѣреніи, и притомъ онъ, Алексѣй Хрущовъ, слышалъ отъ Петра Хрущова нѣкоторыя двоякія и сумнительныя слова, въ чемъ и однимъ свидѣтелемъ обличаемъ былъ. Хотя мы собственное наше оскорбленіе въ таковомъ злодѣяніи великодушно презираемъ, но не могли пренебречь правосудія къ обиженному народу, видѣвъ въ немъ возмутителей общаго покоя, чего ради повелѣли нашему сенату въ полномъ собраніи, присовокуня президентовъ нашихъ коллегій, осудить по законамъ сихъ преступниковъ, при чемъ однакожъ наше человѣколюбивое сердце не могло оставить безъ напоминанія, чтобъ и тутъ, наблюдая надобность государственной строгости, сила законовъ была соображаема съ достойнымъ монаршимъ милосердіемъ. И такъ нашъ правительствующій сенатъ по вышеписаннымъ винамъ приговорилъ тѣмъ преступникамъ слѣдующее: хотя по всѣмъ го-

сударственнымъ законамъ за толь богомерзкое и злодѣйское дѣло надлежитъ Петра Хрущова и Семена Гурьева, яко главныхъ въ томъ дѣлѣ зачинщиковъ, четвертовать и потомъ отсѣчь головы, а Ивану и Петру Гурьевымъ отсѣчь головы же, но въ разсужденіи нашего правила о наблюденіи монаршаго милосердія сенатъ обще съ собранными президентами согласно присуждаютъ, а имянно: Помянутыхъ преступниковъ лиша всѣхъ чиновъ и исключа изъ дворянскаго достоинства, Петру Хрущову и Семену Гурьеву вмѣсто мучительной смерти отсѣчь головы, Ивану и Петру Гурьевымъ политическую смерть, то-есть: положить на плаху и потомъ, не чиня экзекуціи, послать вѣчно въ каторжную работу, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе оставить дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ; Алексѣя Хрущова, лиша всѣхъ чиновъ, сослать въ Сибирь на вѣчное житье. Посему не оставалось бы намъ болѣе, какъ конфирмовать сената нашего сентенцію; но чувствительное наше сердце не можетъ и тутъ допустить дѣйствіе гнѣва и жестокости, а убѣждаетъ преступниковъ оставить раскаянію въ жизни сей и предать ихъ суду Божію. Чего ради повелѣваемъ мечь, данный намъ отъ Бога и по слову Его не безъ ума посимый, удержать отъ отнятія живота осужденныхъ, а вмѣсто казни смертной Петра Хрущова и Семена Гурьева, лиша чиновъ, исключа изъ званія ихъ фамиліи и изъ числа благородныхъ людей, обоихъ Петра и Семена бывшихъ Хрущовыхъ и Гурьева ошельмовать публично, а потомъ послать ихъ въ Камчатку въ Большерѣцкой острогъ на вѣчное житье и имѣнія ихъ отдать ближнимъ въ родствѣ; Ивана и Петра Гурьевыхъ, отнявъ чины, послать въ Якутскъ вѣчно; Алексѣю Хрущову, лишивъ его всѣхъ чиновъ, жить въ своихъ деревняхъ, не въѣзжая въ наши столицы. И сей манифестъ публиковать во всей нашей имперіи.

Выписка изъ сентенціи 1764 года, сентября 9-го. Подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Василій Мировичъ оказался виновнымъ въ зломъ умыслѣ, который и въ дѣйство произвелъ, чтобы похитить врученный Божіимъ промысломъ и всего народа общимъ желаніемъ ея императорскому величеству престолъ всероссійскій, лишить наслѣдства его императорское высочество государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и возвесть на тронъ принца Іоанна, съ такимъ къ сему твердымъ устремленіемъ, чтобы противящихся по всякой возможности принуждать, не исключая самаго правительствующаго сената и святѣйшаго синода, яко же безъ изъятія и всѣхъ прочихъ ему воспротивляющихся людей. И какъ все сіе иначе произведено быть не могло, какъ невиннымъ кровопролитіемъ вѣрныхъ ея императорскаго величества подданныхъ и сыновъ отечества, то всемѣрно чрезъ такое его предпріятіе, которое онъ дѣйствительно столько уже исполнилъ, сколько силъ и возможности его было, учинилъ себя клятвопреступникомъ, возмутителемъ, бунтовщикомъ, измѣнникомъ и государственнымъ злодѣемъ. Правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи съ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ, съ особами первыхъ трехъ классовъ и президентами коллегій приговорили: 1-е, хотя по важности злодѣйства Мировича надлежало бы казнить его смертію, четвертовать; но какъ ея императорское величество сего судимаго во всемъ, что принадлежитъ до ея величества собственнаго оскорбленія, всемилостивѣйше прощаетъ, то единственно за домогательство о нарушеніи цѣлости государственной, общаго благополучія и тишины, за исключеніемъ 19 воинскаго артикула, яко содержащаго въ себѣ точно то преступленіе, въ чемъ ея величество его, Мировича, всемилостивѣйше уже

простить соизволила. вмѣсто мучительной смерти, по силѣ главы 3-й артикуловъ 20, 127, 135 и 137. отсѣчь ему, Мировичу, голову и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сжечь оное потомъ, купно съ эшафотомъ; 2-е, бывшему его, Мировича, во всемъ томъ злодѣйскомъ намѣреніи единомышленнику и сообщнику, поручику Аполлону Ушакову, надлежало было равномѣрную же смертную казнь, какъ и Мировичу, учинить, если бы онъ былъ живъ, но изъ произведеннаго дѣла явствуетъ, что онъ утонулъ; 3-е, бывшимъ въ карауль съ Мировичемъ капраламъ и солдатамъ, кои не токмо до начинанія Мировичемъ злаго его предпріятія за нѣсколько часовъ самимъ имъ къ тому согласіены и подговорены, но и дѣйствительно въ исполненіи его злодѣйства употреблены были, надлежало было учинить смертную казнь, но какъ они при первомъ Мировичевомъ согласованіи отъ сообщества усильно отговаривались и желанія своего отнюдь не оказывали, а потомъ болѣе по простотѣ и несмысленности своей на сіе злодѣйство злоковарною хитростію Мировича подговорены, то учинить имъ вмѣсто смертной казни жестокое наказаніе прогнаніемъ шпицъ-рутенъ и сослать вѣчно въ каторжную работу; 4-е, придворнаго лакея Тихона Касаткина, который призналася самъ, что имѣлъ непозволенные и ему неприличные разговоры съ Мировичемъ, по важности которыхъ надлежало ему безъ всякаго времени отлагательства всемѣрно о томъ донесть, чего онъ не учинилъ, а сверхъ того и собственное изъявлялъ продерзостно негодованіе свое. И хотя по строгости законовъ подлежалъ и онъ жесточайшему наказанію, но во уваженіи того, какъ онъ къ произнесенію тѣхъ разговоровъ съ его простоты единственно злоковарнымъ вывѣдываніемъ злодѣя Мировича приведенъ былъ, для того въ разсужденіи его, Касаткина, неумышленности и простоты высѣчь его батоги и отослать для опредѣленія въ дальнія воинскія команды въ солдаты; 5-е, подпоручикъ изъ грузинцовъ, Семенъ Чефаридзевъ, сверхъ непристойныхъ съ Мировичемъ разговоровъ и разсужденій, тѣмъ точно виннымъ себя оказалъ: 1-е, что безъ вѣдома своей команды изъ Санктпетербурга отлучился, что, слышавъ отъ Мировича обстоятельное откровеніе о его намѣреніи, хотя не съ тѣмъ, что онъ, Мировичъ, оное неотмѣнно и въ какое именно время исполнить хотѣлъ, но со всѣмъ тѣмъ дѣйствительно о такомъ его намѣреніи, когда онъ ему прямо отозвался, объ освобожденіи и привозѣ Ивана Антоновича въ Петербургъ къ артиллерійскому корпусу, изъ его рѣчей увѣдомленъ былъ, а о томъ никому не донесъ и навелъ противу себя справедливое подозрѣніе, что онъ исполненіемъ того отъ Мировича слышаннаго дѣла себя нѣкоторымъ образомъ довольнымъ быть сказывалъ, а именно, что какъ ему Мировичъ сказалъ, что сожалѣть де надобно, что солдатство несогласны и нескоро ихъ на то приведешь, Чефаридзевъ въ отвѣтъ отозвался, что де это правда, и я знаю; а какъ сіе дѣло есть великой важности, то слѣдовало бъ ему, Чефаридзеву, о томъ шлиссельбургскому коменданту, а, по крайней мѣрѣ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, своему командиру или кому приличествовало донести, чего онъ однакожъ не сдѣлалъ. Почему хотя надлежало и ему, Чефаридзеву, за его преступленіе учинить смертную же казнь, но какъ онъ сіе учинилъ съ одной своей простоты, а злоковарнымъ вывѣдываніемъ злодѣя Мировича къ тѣмъ разговорамъ приведенъ былъ, какъ о томъ и выше о лакеѣ Касаткинѣ показано; того ради онаго подпоручика Чефаридзева отъ смертной казни избавить, а вмѣсто того лишить его всѣхъ чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ и потомъ написать въ отдаленные полки въ солдаты.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

Выписка изъ указа 1771 года, ноября 10-го. Во исполненіе имяннаго ея императорскаго величества указа, будучи въ собраніи, сенатъ, синодъ и первыхъ пяти классовъ особы слушали экстрактъ изъ дѣла о происшедшемъ въ 15 и 16 день сентября мѣсяца у Варварскихъ воротъ и въ Чудовѣ монастырѣ смятеніи и о убійствѣ архіепископа Амвросія московскаго и калужскаго въ Донскомъ монастырѣ и подлинные допросы, преступникамъ учиненные особо опредѣленными къ тому отъ сената калужскими членами, и выслушавъ приказали: 1) Изобличенныхъ и повинившихся въ убійствѣ преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго, дворового человѣка Василія Андреева и купца московскаго Ивана Дмитріева, по уложенію 2-й главы 21-й статьи, 21-й главы 72-й статьи и имянному указу 1721 года ноября 12 дня, воинскаго артикула 17-й главы 137 пункта, 21-й главы 185 пункта, казнить висѣлицею, не токмо какъ убійцъ, но какъ злѣйшихъ изъ всѣхъ нарушителей общей тишины преступниковъ. 2) Всѣ приличившіеся участниками сего смятенія, по вышеизображенному закону, а именно: 185 артикулу воинскаго устава, всемѣрно такой же смертной казни подлежали бъ, но, какъ главнѣйшіе или дерзостнѣйшіе изъ нихъ сами въ своемъ остервенѣніи и злодѣйству своему и жизни конецъ пріяли, и чрезъ то Божескому и гражданскому правосудію удовлетвореніе уже сдѣлано, то оставшіеся изъ тѣхъ пойманные, въ допросахъ винившіеся, ополиченные, изобличенные, хотя и не столько дерзостные, не меньше однакожъ, какъ теперь сказано, смертной казни достойны, но, сообразуясь человѣколюбію ея императорскаго величества, присуждаются изъ нихъ токмо двое по жеребью висѣлицѣ, а имянно: дворовые люди Алексѣй Леонтьевъ и Ѳедоръ Деяновъ, какъ во удовлетвореніе точности законовъ, такъ и на будущій страхъ другимъ, а прочіе тѣлесному вмѣсто смерти, по имянному указу 1754 года, сентября 30-го дня, наказанію, которымъ указомъ повелѣно: «подлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, заклеймивъ въ кандалы, ссылать до указу въ каторжную работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста». Имена сихъ злодѣевъ суть слѣдующія: дьячекъ Антонъ Ивановъ, купецъ Ѳедотъ Парѳеновъ и прочіе.

Выписка изъ сентенціи 1775 года, генваря 10-го. О государственномъ преступникѣ Пугачевѣ по слѣдствію оказалось, что онъ, презрѣвъ присягу монаршей власти, сдѣлался не токмо измѣнникомъ, но, похитивъ имя монарха, сталъ возмутителемъ народа и учинилъ себя виновникомъ бѣдствія и губителемъ многихъ невинныхъ людей. Грады, заводы и селенія для того только и бралъ, чтобы предавать огню и грабительству. Всѣхъ вышняго степени людей истреблялъ, не разбирая ни пола, ни возраста для того, что опасался, чтобы просвѣщеннѣйшіе люди слѣдующихъ за нимъ въ пагубу слѣпцовъ не просвѣтили. Общее собраніе правительствующаго сената, святѣйшаго синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ коллегій приговорили: 1-е, бунтовщику и самозванцу Пугачеву учинить смертную казнь, а имянно: четвертовать, голову взоткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города, положить на колеса, а послѣ на тѣхъ же мѣстахъ сжечь; 2-е, яицкій казакъ Перфильевъ былъ главнѣйшій содѣйствователь во всѣхъ злыхъ предпріятіяхъ Пугачева, и когда злодѣйское скопище было разрушено, и многіе, искавъ спасенія, разбились на разныя шайки, то казакъ Пустоваевъ увѣщевалъ товарищей своихъ явиться съ повинною, на что̀ другіе и согласились; но сей ненавистный предатель сказалъ,

что онъ лучше желаетъ живымъ быть зарыту въ землю, нежели отдаться въ руки опредѣленнымъ начальствамъ, то его, Перфильева, четвертовать въ Москвѣ; 3-е, яицкій казакъ Чика назвался графомъ Чернышевымъ, былъ приснымъ любимцемъ злодѣя Пугачева; при самомъ началѣ бунта паче всѣхъ утвердилъ злодѣя въ самозванствѣ, съ крайнимъ раченіемъ укрылъ его отъ поиска; когда за самозванцемъ выслана была изъ города сыскная команда, начальствовалъ отдѣленною толпою, разорялъ многіе въ той провинціи заводы и селенія, похищалъ имущества и чинилъ смертоубійства вѣрнымъ подданнымъ. Приговорено: отсѣчь ему голову и взоткнуть на колъ для всенароднаго зрѣлища, а трупъ его сжечь со эшафотомъ купно. И сію казнь совершить въ Уфѣ, яко въ главномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всѣ его богомерзкія дѣла производимы были; 4-е, яицкій казакъ Шигаевъ разглашалъ о Пугачевѣ въ городѣ и произвелъ тѣмъ во многихъ къ бунтовщику привязанность, при обложеніи Оренбурга, когда самъ главный злодѣй отлучался, оставлялъ его начальникомъ бунтующей толпы, и въ сіе начальство производилъ онъ многія злости и повѣсилъ посланнаго въ Оренбургъ отъ генералъ-майора князя Голицына рейтара съ извѣстіемъ о его приближеніи. Казачій сотникъ Подуровъ не токмо предался самъ злодѣю, но и писалъ многія развратительныя въ народъ письма, увѣряя, якобы Пугачевъ былъ истинный государь; казакъ Торновъ былъ сущій злодѣй и губитель душъ человѣческихъ, разорившій Нагайбатскую крѣпость и нѣкоторыя жительства; то ихъ всѣхъ троихъ повѣсить въ Москвѣ; 5-е, яицкіе казаки Плотниковъ и Коровлевъ при самомъ началѣ злодѣйскаго умысла пріѣзжали къ самозванцу и, условясь съ нимъ о возмущеніи Яицкихъ казаковъ, дѣлали первыя разглашенія въ народѣ. Казакъ Закладновъ былъ подобно первымъ изъ начальныхъ разглашателей о злодѣѣ и самый первый, предъ кѣмъ злодѣй дерзнулъ назвать себя государемъ. Мещерякской сотникъ Канзаферъ Усаевъ былъ двократно въ толпѣ злодѣйской и въ разныя ѣздилъ мѣста для возмущенія башкирцовъ. Ржевскій купецъ Долгополовъ разными лжесоставленными вымыслами приводилъ простыхъ людей въ ослѣпленіе такъ, что и Усаевъ, утвердясь больше на его увѣреніяхъ, прилѣпился вторично къ злодѣю; то всѣхъ ихъ пятерыхъ высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу и изъ нихъ Долгополова сверхъ того содержать въ оковахъ; 6-е, казаковъ Почиталина, Горшкова и Ульянова, первыхъ двухъ за то, что были производителями письменныхъ дѣлъ при самозванцѣ, составляли и подписывали листы, называя ихъ государевыми манифестами и указами, а послѣдняго, яко бывшаго съ ними всегда въ злодѣйскихъ шайкахъ и производившаго равно, какъ и они, убійства, высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу; 7-е, восемь человѣкъ казаковъ, одного пахотнаго солдата и одного ссыльнаго, яко бывшихъ при самозванцѣ и способствовавшихъ ему въ лживыхъ разглашеніяхъ и въ составленіи злодѣйскихъ шаекъ, высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, послать на поселеніе; 8-е, отставного гвардіи фурьера Голева, саратовскаго купца Кобякова и раскольника Пахомія, первыхъ за прилѣпленіе къ злодѣю и происходившіе соблазны отъ ихъ разглашеній, а послѣдняго за ложныя показанія, высѣчь кнутомъ Голева и Пахомія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ, да саратовскаго жъ купца Протопопова за несохраненіе въ нужномъ случаѣ должной вѣрности высѣчь плетьми; 9-е, подпоручика Швановича за то, что, будучи въ толпѣ злодѣйской, слѣпо повиновался самозванцовымъ приказамъ, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишивъ чиновъ и дворянства,

опіельмовать, переломя надъ нимъ шпагу. Инвалидной команды прапорщикъ Юматовъ, за гнусную по чину офицерскому робость при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго достоинъ наказанія, но, за старостію лѣтъ уменьшая оное, лишить его чиновъ. Астраханскаго коннаго полка сотника и депутата Горскаго за легкомысленное прилѣпленіе къ толпѣ злодѣйской лишить депутатскаго достоинства и названія.

Высочайшій указъ 1767 года, ноября 11-го. Указомъ нашимъ, даннымъ сенату прошлаго 1766 года, генваря 15, повелѣно отмѣнить въ уѣздныхъ городахъ слѣдующія по законамъ пытки, а остались оныя въ однѣхъ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ. Нынѣ же всемилостивѣйше повелѣваемъ, для большаго сбереженія рода человѣческаго отъ напраснаго кровопролитія, послать секретныя изъ сената нашего повелѣнія въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, чтобъ въ несчастливыхъ случаяхъ, гдѣ по законамъ иначе не могутъ дѣла производить, какъ пыткою, то бы, не производя пытку, докладывалися губернатору и ожидали отъ него приказаній. Губернаторамъ же сенатъ имѣетъ послать при семъ указѣ по одному экземпляру наказа комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, съ тѣмъ, чтобъ они, губернаторы, въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи о изысканіи доказательства и облички до указа, на правилахъ X главы вышепомянутаго наказа.

Наказъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. 1767 года, іюля 30-го, главы X-ой пунктъ 201-й. Хотя законы и не могутъ наказывать намѣренія, однакожъ нельзя сказать, чтобъ дѣйствіе, которымъ начинается преступленіе, некоторое изъявляетъ волю, стремящуюся произвести самимъ дѣломъ то преступленіе, не заслуживало наказанія, хотя меньшаго, нежели какое установлено за преступленіе самою вещію уже исполненное. Наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію: но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быть промежутокъ времени, то нехудо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобъ тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія.

Пунктъ 202-й. Также надобно положить наказанія не столь великія сообщникамъ въ беззаконіи, которые не суть безпосредственными онаго исполнителями, какъ самимъ настоящимъ исполнителямъ. Когда многіе люди согласятся подвергнуть себя опасности, всѣмъ имъ общей, то чѣмъ болѣе опасность, тѣмъ больше они стараются сдѣлать оную равною для всѣхъ. Законы, наказующіе съ большею жестокостію исполнителей преступленія, нежели простыхъ только сообщниковъ, воспрещаютъ, чтобъ опасность могла быть равно на всѣхъ раздѣлена, и причинятъ, что будетъ труднѣе сыскать человѣка, который бы захотѣлъ взять на себя совершить умышленное злодѣяніе: понеже опасность, которой онъ себя подвергнетъ, будетъ больше въ разсужденіи наказанія, за то ему положеннаго, неравнаго съ прочими сообщниками. Одинъ только есть случай, въ которомъ можно сдѣлать изъятіе изъ общаго сего правила, то-есть, когда исполнитель беззаконія получаетъ отъ сообщниковъ особенное награжденіе: тогда для того, что разнота опасности награждается разностію выгодъ, надлежитъ быть наказанію, всѣмъ имъ равному. Сіи разсужденія покажутся очень тонки, но надлежитъ думать, что весьма нужно, дабы

законы сколь возможно меньше оставляли средствъ сообщникамъ злодѣянія согласиться между собою.

Пунктъ 203-й. Нѣкоторыя правительства освобождаютъ отъ наказанія сообщника великаго преступленія, доносящаго на своихъ товарищей. Такой способъ имѣетъ свои выгоды, также и свои неудобства, когда оный употребляется въ случаяхъ особенныхъ. Общій всегдашній законъ, обѣщающій прощеніе всякому сообщнику, открывающему преступленіе, должно предпочесть временному особому объявленію въ случаѣ какомъ особенномъ; ибо такой законъ можетъ предупредить соединеніе злодѣевъ, вперяя въ каждаго изъ нихъ страхъ, чтобъ не подвергнуть себя одного опасности, но должно потомъ и наблюдать свято сіе обѣщаніе и дать, такъ говоря, защитительную стражу всякому, кто на сей законъ ссылаться станетъ.

Пунктъ 210-й. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими, чего для, если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна ни нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи, ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденномъ, въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то-есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца,- въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

Пунктъ 214-й. Кто мутитъ народное спокойство, кто не повинуется законамъ, кто нарушаетъ сіи способы, которыми люди соединены въ общества и взаимно другъ друга защищаютъ, тотъ долженъ изъ общества быть исключенъ, то-есть стать извергомъ.

Глава VII, стат. 79. Нарушающіе спокойство и устремляющіеся вмѣстѣ противъ безопасности гражданъ относятся къ четвертому роду преступленій.

Наказанія сихъ послѣднихъ преступленій называются особливымъ именемъ казни. Казнь не что иное есть, какъ нѣкоторый родъ обратнаго воздаянія, посредствомъ коего общество лишаетъ безопасности того гражданина, который оную отнялъ или хочетъ отнять у другого. Сіе наказаніе произведено изъ свойства вещи, основано на разумѣ и почерпнуто изъ источниковъ блага и зла. Гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять. Смертная казнь есть нѣкоторое лѣкарство больного общества. Если нарушается безопасность въ разсужденіи имѣнія, то можно сыскать доказательства, что въ семъ случаѣ не надлежитъ казнить смертію; а кажется лучше и съ самимъ естествомъ сходственнѣе, чтобы преступленія, противъ безопасности во владѣніи имѣніемъ устремляющіяся, наказываемы были потеряніемъ имѣнія; и сему бы надлежало непремѣнно такъ быть, если бы имѣніе было общее или у

всѣхъ равное. Но какъ неимущіе никакого стяжанія стремятся охотнѣе отнимать оное у другихъ, то надлежало, конечно, вмѣсто денежнаго въ пополненіе употребить тѣлесное наказаніе. Все мною здѣсь сказанное основано на естествѣ вещей и служитъ къ защищенію вольности гражданской.

Глава XX, пунктъ 486. Во многихъ державахъ законъ повелѣваетъ подъ смертною казнію открывать и тѣ заговоры, о которыхъ кто не по сообщенію съ умышленниками, но по слуху знаетъ. Весьма прилично сей законъ употребить во всей онаго строгости въ преступленіи самаго высочайшаго степени, касающемся до оскорбленія величества.

Жалованной дворянству 1785 года, апрѣля 21-го, грамоты стат. 6. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) . живые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ или научалъ подобныя преступленія учинить.

Стат. 13. Дѣло благороднаго, впавшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести, или жизни, да не вернится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества.

Стат. 15. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго.

Стат. 23. Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наслѣднику или наслѣдникамъ.

Высочайшій указъ 1799 года, апрѣля 20-го. Запрещеніе смертной казни, по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній въ имперіи нашей существующее, всемилостивѣйше распространяемъ и на тѣ губерніи, коимъ предоставили мы имѣть судъ и расправу на основаніи древнихъ ихъ правъ и привилегій, повелѣвая въ случаяхъ сего рода повсемѣстно и безыключительно поступать сообразно изданнымъ отъ насъ законамъ.

Выписка изъ журнала государственнаго совѣта, состоявшагося 16-го ноября 1814 года. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта читана записка министра юстиціи по вопросу: преступники по первымъ двумъ пунктамъ и святотатцы могутъ ли подходить подъ всемилостивѣйшій манифестъ, въ 30 день августа 1814 года изданный? Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи, по надлежащемъ соображеніи сего вопроса съ точною силою всемилостивѣйшаго манифеста, находитъ въ 18 статьѣ онаго рѣшительное по сему предмету заключеніе, состоящее въ томъ, что всякое преступленіе, за которое положена въ законахъ смертная казнь, прощенію по силѣ сего манифеста подлежать не можетъ, а потому и положилъ: становить правиломъ, чтобъ, всѣ преступленія, содѣянныя до изданія всемилостивѣйшаго манифеста въ 30 день августа сего года, за которыя въ законахъ положена смертная казнь (въ томъ числѣ и святотатство), не подводя подъ сей манифестъ, подвергать изобличенныхъ преступниковъ наказанію, на основаніи нынѣ существующихъ законовъ, освобождая токмо ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, по силѣ 17 статьи всемилостивѣйшаго сего манифеста.

Дополненіе къ своду законовъ по первымъ двумъ пунктамъ.

Воинскихъ процессовъ (1716 года), первой части, главы II пунктъ 1. Салвъ-кондуктъ есть явная грамота, которая отъ вышняго начальства земли преступленія ради ушедшему (когда онаго поймать не можно) дается. Въ той же грамотѣ опредѣляется ему нѣсколько времени, въ которое онъ принужденъ быть въ судѣ и оправданіе въ дѣлѣ своемъ приносить, буде онъ себя почитаетъ невинно и мнитъ себя вывести изъ невинности, а между тѣмъ временемъ можетъ онъ въ судѣ явиться. и отъ суда отлучиться свободно, и всякую притомъ имѣть вольность.

Пунктъ 2. Ежели бѣглый преступитель такой грамоты пожелаетъ, то оному никакой высокой судъ, ниже губернаторъ, не имѣетъ власти ему прежде дать, пока не получитъ отъ вышняго начальства той земли соизволенія.

Пунктъ 3. Однакожъ находится такое обыкновеніе, что фельдмаршалы или генералы (когда одни особливо отправленное войско, яко главнѣйшіе, командуютъ) такія безопасныя грамоты безъ полученнаго соизволенія отъ государей своихъ даютъ токмо сихъ ради причинъ, чтобъ бѣглый для долгаго замедленія къ непріятелю не ушелъ, отъ чего злыя слѣдованія почасту происходятъ.

Пунктъ. 4. Между тѣмъ таковыя безопасныя грамоты даются тогда, когда преступитель въ такомъ мѣстѣ обрѣтается, откуда можетъ всегда свободно уйти.

Пунктъ 5. Въ таковой грамотѣ надлежитъ всеконечно упомянуть, какой ради причины бѣглому дана оная грамота, и обѣщанную безопасность ненарушимо содержать такъ, что, ежели кто надъ бѣглымъ дѣйствительно что учинитъ, оный можетъ живота своего лишенъ быть.

Пунктъ 6. Напротивъ же надлежитъ бѣглому равнымъ образомъ содержать себя, однакожъ хотя онъ между тѣмъ временемъ какое другое преступленіе учинитъ, на которое ему грамоты безопасной не дано, и тогда не можетъ онъ ради онаго дѣйствія въ темницу посаженъ быть. Также бѣглому съ заряженнымъ ружьемъ или проселочными дорогами ѣхать не можно, только знатнымъ офицерамъ позволяется прибочное ружье или незаряженныя пистоли при сѣдлѣ имѣть.

Второй части, главы II пунктъ 1. Когда кто признаетъ, чѣмъ онъ виненъ есть, тогда дальняго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе есть лучшее свидѣтельство всего свѣта.

Пунктъ 2. Но оное признаніе такое быть имѣетъ:

1) Чтобъ признанное въ дѣйствѣ всеконечно было.

2) Чтобъ оное признаніе вольное было.

3) И въ судѣ предъ судьею учинено, ибо внѣ суда учиненное признаніе не имѣетъ за дѣйствительно признано быть.

4) Чтобъ притомъ доказать такія обстоятельства, которыя бъ могли быть достовѣрны, и о правдѣ бъ не сумнѣваться.

Воинскаго устава (1716 года), главы XII артикулъ 98. Ежели полки, войско или шквадроны дезертуютъ и весьма отступны явятся, оные имѣютъ во время девяти недѣль чрезъ публичной барабанный бой и трубы трижды въ генеральной кригсрехтъ позываны, и оными салвусъ-кондуктусъ (безопасная грамота) позволена будетъ. А буде найдется послѣ, что они противно присягѣ и своей должности учи-

нили, тогда нарушитель вѣры, хотя онъ явится или нѣтъ, пельмованъ и осужденъ, и его пожитки на его величество взяты будутъ. Такожде ежели онъ послѣ поиманъ, безъ всякой милости повѣшенъ имѣетъ быть. Прочимъ же, которые передъ судомъ явились и оправдались, онымъ данный салвъ-кондуктъ ненарушимо содержанъ будетъ

Толкованіе. Хотя правда онымъ, которые по полученіи салвъ-кондукта (безопасной грамоты) передъ судомъ явятся, и данный салвъ-кондуктъ ненарушимо содержанъ быть имѣетъ, однако же, несмотря того, приговоръ будетъ противъ оныхъ учиненъ, и въ ономъ наказаніе, которое они заслужили, означено. (О безопасной грамотѣ, или салвѣ-кондуктѣ, я уже въ описаніи судебныхъ тяжебъ, или процессовъ, пространно упоминалъ, того ради здѣсь паки повторять за непотребно почитается).

Указъ 1720 года, февраля 16-го. Которые всякихъ чиновъ люди въ какихъ дѣлахъ въ первыхъ своихъ допросѣхъ сказывали вины свои, то тѣ ставить въ повинные, а которые съ улики и съ розыску, тѣхъ въ дѣло и въ повинные не ставить.

Высочайшаго манифеста 30-го ноября 1806 года о образованіи временныхъ ополченій, или милиціи, пунктъ 20. Всѣ сіи мѣры для успѣшнаго исполненія требуютъ строжайшаго повиновенія и порядка, и малѣйшее ослушаніе начальству, обращаясь ко вреду общему, заслуживаетъ скорое и строгое наказаніе, то въ отвращеніе сего зла, угрожающаго всеобщимъ потрясеніемъ имперіи, главнокомандующему дается чрезъ сіе власть арестовать и предать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности и присяги (которая особенно для сего войска дана будетъ), и приговоры военнаго суда немедленно исполняемы будутъ, хотя бы оные касались лишенія живота.

Полевого уголовнаго уложенія, для большой дѣйствующей арміи изданнаго 1813 года, января 12-го.

Глава I.

Объ измѣнѣ.

§ 1. Всякій чиновникъ арміи и всякое лицо, къ арміи принадлежащее, какого бы чина, званія или состоянія они ни были, уличенные въ измѣнѣ, наказываются смертію.

Глава II.

О побѣгѣ къ непріятелю.

§ 3. Побѣгъ къ непріятелю наказывается смертію.

Глава V.

О неповиновеніи.

§ 32. Невыполненіе приказаній начальства, буде оно имѣло важныя послѣдствія, наказывается смертію.

§ 34. Открытое неповиновеніе и упорство въ ономъ на словахъ и на дѣлѣ наказывается гражданскою смертію; въ высшихъ же чинахъ отъ подполковника смертію.

§ 36. Въ неповиновеніи цѣлою командою, ротою, батальономъ и проч. зачинщики наказываются смертію; начальники неповинующагося войска, буде въ непови-

новеніи участвовали, наказываются смертію; буде же безъ участія, не предупредили токмо онаго зависѣвшими отъ нихъ средствами, разжалываются въ солдаты до выслуги.

§ 37. Десятый человѣкъ неповинующагося войска наказывается по жребію смертію.

§ 38. Подъятіе руки или оружія противъ начальника наказывается смертію.

§ 39. Явное неповиновеніе или бунтъ жителей, мѣстъ и областей, арміею занимаемыхъ, истребленіе ея продовольствія и всякое злоупотребленіе, препятствіе ея движенію и успѣхамъ наказываются смертію.

§ 40. Склоненіе къ бунту и неповиновенію жителей земель, арміею занимаемыхъ, хотя бы и не произвело возмущенія, наказывается смертію.

Глава VII.

§ 61. Грабежъ лицъ, домовъ, селеній и вообще собственности наказывается смертію.

§ 63. Когда которое либо изъ сихъ преступленій учинено цѣлою командою, начальники команды наказываются смертію.

§ 64. Буде же команда посягнула на то безъ дозволенія начальства, сіе почитается бунтомъ, который наказывается по §§ 36 и 37 главы V сего уложенія.

Карантиннаго устава, изданнаго 1818 года, августа 21-го дня. § 230. Обличившійся въ несправедливомъ вопреки данной присягѣ, по какой бы то ни было причинѣ, показаніи насчетъ здоровья прибывшихъ съ нимъ людей на суднѣ или сухимъ путемъ наказывается смертію.

§ 231. Обличившійся въ поддѣлкѣ фальшиваго документа для того, чтобы сократить карантинные обряды или и совсѣмъ избѣгнуть ихъ, наказывается смертію.

§ 232. Тотъ, кто, находясь подъ карантиннымъ наблюденіемъ, безъ дозволенія карантиннаго начальства сойдетъ или съѣдетъ съ судна или выйдетъ въ карантинномъ домѣ изъ отдѣленія, которое для него назначено, съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, буде какое либо чрезвычайное происшествіе ни сдѣлало сіе необходимо нужнымъ, наказывается смертію.

§ 233. Тотъ, кто насильственнымъ образомъ осмѣлится противиться карантинному начальству или опредѣленнымъ отъ онаго стражамъ, наказывается смертію.

LIII.

Списокъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, кои понесли исправительныя наказанія.

1) Витебскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Хотынцовъ 1-й продержанъ еще 3 мѣсяца въ крѣпости, возвращенъ на службу съ отрѣшеніемъ отъ командованія полкомъ и 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ.

2) Чиновникъ интендантства 2-й арміи 9-го класса Юшневскій продержанъ еще мѣсяцъ въ крѣпости и возвращенъ на службу.

3) Пермскаго пѣхотнаго полка полковникъ Леманъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Томскій пѣхотный полкъ съ тѣмъ, чтобы не давать ему баталіона впредь до повелѣнія, и съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

4) Командиръ конно-артиллерійской бригады, состоящей при 3-й гусарской дивизіи, подполковникъ Фроловъ 4-й переведенъ 7-го іюля 1826 года въ 15-ю конно-артиллерійскую роту, лишенъ роты съ тѣмъ, чтобы не давать ему оной впредь до повелѣнія, и съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

5) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Гангебловъ 7-го іюля 1826 года переведенъ во Владикавказскій гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 4 мѣсяца.

6) Конногвардейскаго полка корнетъ Арцыбашевъ 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Таманскій гарнизонный полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости 1 мѣсяцъ.

7) Гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Некрицкій 7-го іюля 1826 г. переведенъ въ Орскій гарнизонный баталіонъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

8) Ахтырскаго гусарскаго полка ротмистръ Семичевъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

9) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ князь Вадбольскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Вятскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

10) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Малютинъ 7-го іюля переведенъ въ Севастопольскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

11) Старшій адъютантъ 2-го пѣхотнаго корпуса лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка ротмистръ Сабуровъ 2-й 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

12) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Кожевниковъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Иркутскій гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

13) Конно-артиллерійской № 1 роты прапорщикъ графъ Иванъ Коновницынъ, прикомандированный къ гвардейской конной артиллеріи, —высочайше повелѣно перевесть и отправить на службу въ конно-батарейную № 23-й роту, поручивъ бдительному тайному надзору начальства, и о поведеніи ежемѣсячно доносить.

14) Служившій въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку князь Павелъ Голицынъ,—высочайше повелѣно учредить бдительный тайный надзоръ.

15) Астраханскаго кирасирскаго полка ротмистръ Антроповъ, — высочайше повелѣно, освободивъ изъ-подъ ареста, отправить на службу съ переводомъ въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ, имѣть за нимъ строжайшій присмотръ и о поведеніи ежемѣсячно доносить.

16) Артиллеріи подполковникъ Пановъ, — высочайше повелѣно учредить секретный надзоръ и ежемѣсячно доносить о поведеніи.

Списокъ лицъ, названныхъ членами обществъ, составившихся послѣ уничтоженія союза Благоденствія, но по маловажности показаній не требовавшихся къ слѣдствію, съ измѣненіемъ воспослѣдовавшихъ о нихъ высочайшихъ повелѣній.

1) Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка поручикъ Сухоруковъ оставленъ на Дону, не отправляя лейбъ-гвардіи въ Казачій полкъ, подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ, и ежемѣсячно доносить о его поведеніи.

2) Старшій адъютантъ главнаго штаба Яковъ Толстой порученъ секретному надзору начальства, и ежемѣсячно повелѣно доносить о его поведеніи. Вышедъ въ отставку, проживаетъ въ Парижѣ.

3) Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Колокольцовъ порученъ секретному надзору начальства, съ донесеніемъ ежемѣсячно о поведеніи.

4) Гусарскаго принца Оранскаго полка поручикъ Поздѣевъ.

5) Саратовскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Ольшевскій.

6) Артиллерійской бригады поручикъ Шультенъ.

7) Гусарскаго принца Оранскаго полка штабсъ-ротмистръ Веселовскій, — всѣ четверо оставлены подъ надзоромъ съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о поведеніи ихъ

8) Пензенскаго пѣхотнаго полка поручикъ Зарѣцкій выдержанъ на гауптвахтѣ 1 мѣсяцъ и опредѣленъ въ 3-ю пѣхотную дивизію подъ строгій надзоръ полкового, бригаднаго и дивизіоннаго начальниковъ.

9) Жительствующій въ Староконстантиновскомъ повѣтѣ Инполитъ Скольмировскій порученъ секретному надзору мѣстнаго начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о поведеніи его.

10) Жительствующій въ Тульчинѣ дворянинъ Рынкевичъ — тоже.

11) Квартирмейстерской части во 2-й арміи прапорщикъ Юрасовъ порученъ секретному надзору начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о поведеніи.

12) 36-го Егерскаго полка майоръ Мартыновъ отданъ подъ строгій надзоръ.

13) Квартирмейстерской части при 2-й арміи поручикъ Лачиновъ, — по военному суду высочайше повелѣно: лишивъ чиновъ, дворянства и ордена, переломить шпагу передъ войсками и написать въ рядовые въ Кавказскій корпусъ.

14) Живущій въ Новгородѣ-Волынскомъ отставной поручикъ Красницкій, по освобожденіи изъ-подъ ареста, отданъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о его поведеніи.

15) Квартирмейстерской части подполковникъ Гвоздевъ посаженъ въ крѣпость на 4 мѣсяца и потомъ переведенъ въ пѣхотный армейскій полкъ Кавказскаго корпуса.

16) Квартирмейстерской части поручикъ Жемчужниковъ.

17) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка штабъ-ротмистръ Бреверинъ, адъютантъ главнокомандующаго 1-й арміи.

18) Адъютантъ генералъ-адъютанта Закревскаго Путята.

19) Муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Рачинскій, — всѣ четверо отданы подъ секретный надзоръ начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о ихъ поведеніи.

20) Графъ Полиньякъ, отставной полковникъ, находящійся за границей, — высочайше повелѣно сообщить копію съ записки графу Нессельроде.

21) Отставной изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ графъ Бобринскій, находящійся за границей. — высочайше повелѣно сообщить графу Нессельроде для учрежденія за нимъ секретнаго надзора.

Списокъ лицъ, прикосновенныхъ по разнымъ случаямъ къ дѣлу о тайныхъ обществахъ, которыя не были требованы къ слѣдствію.

1) Ахтырскаго гусарскаго полка корнетъ Годеніусъ.

2) Гусарскаго принца Оранскаго полка корнетъ Рославлевъ.

3) Того же полка юнкеръ Лосевъ.

Всѣхъ троихъ высочайше повелѣно оставить подъ секретнымъ надзоромъ начальства съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносить о поведеніи ихъ.

4) Пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала герцога Веллингтона полка поручикъ Вильманнъ оставленъ по высочайшему повелѣнію подъ надзоромъ начальства съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносить о поведеніи его.

5) Черниговскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Быстрицкій, — по военному суду высочайше повелѣно: лишя чиновъ и дворянскаго достоинства и переломя надъ головою его шпагу, сослать въ Сибирь, въ каторжную работу.

6) Саратовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Вѣльченко, — высочайше повелѣно перевести въ 21-й Егерскій полкъ, поручивъ особенному бдительному надзору полковаго командира съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносить о поведеніи его.

7) Островскій и

8) Невенгловскій, польскіе дворяне, живущіе близъ Новгорода-Волынска, въ имѣніи покойнаго генерала Уварова, — высочайше повелѣно оставить подъ надзоромъ и ежемѣсячно доносить о поведеніи ихъ.

9) Находящійся при генералъ-интендантѣ Головинѣ мичманъ Лутковскій, — высочайше повелѣно перевести въ Черноморскій флотъ, поручивъ особенному надзору вице-адмирала Грейга.

10) 7-го флотскаго экипажа мичманъ Писаревъ, — высочайше повелѣно перевести въ Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы тамъ состоялъ на службѣ подъ бдительнымъ надзоромъ начальства.

11) Гвардейскаго экипажа мичманъ Тыртовъ, — высочайше повелѣно перевести въ ластовый экипажъ Каспійской флотиліи и имѣть за нимъ бдительный надзоръ.

12) Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи прапорщикъ Малиновскій высочайше прощенъ, но повелѣно отдать подъ тайный надзоръ и ежемѣсячно доносить о поведеніи его.

13) Титулярный совѣтникъ Колошинъ выдержанъ еще 1 мѣсяцъ въ крѣпости, запрещенъ въѣздъ въ столицы и опредѣленіе въ службу.

14) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикъ Плещеевъ 1-й 7-го іюля 1826 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Курляндскій драгунскій полкъ.

15) Кавалергардскаго полка полковникъ Кологривовъ 2-й 7-го іюля 1826 г. переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости 6 мѣсяцевъ.

16) Кавалергардскаго полка поручикъ Свиньинъ 15-го іюня 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Харьковскій драгунскій полкъ.

17) Кавалергардскаго полка корнетъ князь Вяземскій 2-й 15-го іюня 1826 г. переведенъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ.

18) Состоящій по арміи генералъ-майоръ Орловъ, по выдержаніи еще 1 мѣсяца подъ арестомъ, 16-го іюня 1826 года отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ и жить безвыѣздно, запретить въѣздъ въ столицы и мѣстному начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ.

19) Гусарскаго принца Оранскаго полка штабсъ-ротмистръ Паскевичъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще два мѣсяца.

20) Конно-артиллерійской № 6 роты прапорщикъ Высочинъ 1-й 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 17-ю конно-артиллерійскую роту, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

21) 1-го морского полка полковникъ фонъ-Вольскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Эстляндскій пѣхотный полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

22) Кавалергардскаго полка корнетъ Васильчиковъ 7-го іюля переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тверской драгунскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

23) Лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка поручикъ Титовъ 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Омскій гарнизонный полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 3 мѣсяца.

24) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Петровскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

25) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка корнетъ Ренкевичъ 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Бакинскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 2 мѣсяца.

26) 17-го Егерскаго полка подпоручикъ Вадковскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Моздокскій гарнизонный баталіонъ, по выдержаніи въ крѣпости еще 4 мѣсяца.

27) Ахтырскаго Гусарскаго полка ротмистръ Франкъ 5-й 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Уральскій гарнизонный баталіонъ капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 2 мѣсяца.

28) Конно-артиллерійской № 5 роты капитанъ Пыхачевъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 13-ю конно-артиллерійскую роту, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 2 мѣсяца.

29) 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тихоновъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 11-ю артиллерійскую бригаду, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

30) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Шторхъ 8-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Вильманстрандскій пѣхотный полкъ.

31) Конно-артиллерійской № 5 роты поручикъ Нащокинъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 11-ю конно-артиллерійскую роту, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 3 мѣсяца.

32) 22-го Егерскаго полка подполковникъ Миклашевскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 42-й Егерскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

33) Состоящій по арміи полковникъ Ѳедоръ Глинка отставленъ отъ службы и сосланъ на жительство въ г. Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія, дозволено употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

34) Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка поручикъ князь Оболенскій 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ 45-й Егерскій полкъ.

35) Балтійскаго флота лейтенантъ Романовъ продержанъ еще 3 мѣсяца въ крѣпости и отправленъ на службу въ Черноморскій флотъ; изъ-подъ надзора освобожденъ въ іюлѣ 1828 года.

36) Отставной изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Зыковъ продержанъ еще 1 мѣсяцъ въ крѣпости, и воспрещено жить въ столицахъ.

37) Отставной поручикъ графъ Спиридонъ Булгари продержанъ еще 2 мѣсяца въ крѣпости и высланъ за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію.

38) Графъ Андрей Булгари высланъ за границу съ воспрещеніемъ возвращенія.

39) Титулярный совѣтникъ Горсткинъ, по выдержаніи еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправленъ на службу въ Вятку подъ бдительный надзоръ мѣстнаго начальства.

40) Титулярный совѣтникъ Перетцъ, по выдержаніи еще 2 мѣсяца въ крѣпости, отосланъ на жительство въ Пермь подъ бдительный тайный надзоръ мѣстной полиціи.

41) Губернскій секретарь Кашкинъ, по выдержаніи еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправленъ на службу въ Архангельскъ.

42) Титулярный совѣтникъ Семеновъ, по выдержаніи еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправленъ въ Сибирь на службу, но безъ повышенія чина.

43) Секретарь графа Плинскаго, шляхтичъ Жебровскій,—вмѣненъ арестъ въ наказаніе. и отправленъ на мѣсто жительства подъ надзоръ мѣстной полиціи.

44) Нарвскаго драгунскаго полка фаненъ-юнкеръ Скарятинъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ, вмѣнивъ ему въ наказаніе арестъ.

45) Гусарскаго графа Витгенштейна полка полковникъ Горленко 8-го іюля 1826 года переведенъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, по выдержаніи въ крѣпости два мѣсяца.

46) Гусарскаго принца Оранскаго полка штабсъ-ротмистръ Жуковъ 27-го іюля 1826 года переведенъ въ Архангелогородскій гарнизонный полкъ штабсъ-капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

47) 32-го Егерскаго полка полковникъ Нещенинъ 7-го іюля 1826 года отставленъ отъ службы, продержанъ въ крѣпости еще шесть мѣсяцовъ и потомъ высланъ немедленно изъ здѣшней столицы на жительство въ Тульскій уѣздъ подъ секретный надзоръ.

48) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Гудима 7-го іюля 1826 года опредѣленъ въ Дербентскій гарнизонный баталіонъ тѣмъ же чиномъ, потомъ 6-го сентября переведенъ въ Навагинскій.

49) Кавалергардскаго полка поручикъ Горожанскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Кизильскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 4 года.

50) 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Чериглазовъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Верхнеуральскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости два года.

51) Гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Палицынъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Петровскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 годъ.

52) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ Корсаковъ 24-го іюля 1826 года переведенъ въ Куринскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.

53) Вятскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Лядуховскій 4-го іюля 1826 года переведенъ въ Куринскій пѣхотный полкъ.

54) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Прянишниковъ отправленъ въ гвардейскій сводный полкъ.

55) Квартирмейстерской части подполковникъ Галямин 20-го марта 1826 года переведенъ въ Петровскій пѣхотный полкъ.

56) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ Волковъ 28-го мая 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

57) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка поручикъ Броке 28-го мая 1826 года переведенъ въ Мингрельскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.

58) Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Добринскій 28-го мая 1826 года переведенъ въ 43-й Егерскій полкъ тѣмъ же чиномъ.

59) Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка подпоручикъ Богдановъ отправленъ въ сводный гвардейскій полкъ.

60) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка подпоручикъ князь Кудашевъ отправленъ въ сводный гвардейскій полкъ.

61) Тверскаго конно-егерскаго полка полковникъ Граббе посаженъ въ крѣпость на 4 мѣсяца и потомъ выпущенъ на службу.

62) Свиты его величества по квартирмейстерской части подполковникъ фонъ-Руге выдержанъ въ крѣпости 1 мѣсяцъ и потомъ отправленъ на службу.

63) Тарутинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Любимовъ 1-й 8-го апрѣля 1826 года переведенъ въ Бѣлевскій пѣхотный полкъ и выдержанъ въ крѣпости 1 мѣсяцъ.

64) Украинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Бурцовъ 8-го апрѣля 1826 года переведенъ въ Колыванскій пѣхотный полкъ и выдержанъ въ крѣпости 6 мѣсяцевъ.

LIV.

Письмо императора Николая князю А. Н. Голицыну, написанное послѣ казни декабристовъ.

Tout est fini; restent les veuves, c'est mon cher Galitzine que je charge de ce dont vous vous chargerez, j'en suis bien sûr, avec plaisir; faites savoir des nouvelles de la pauvre Rilèeff et dites-lui que je lui demande qu'elle dispose de moi en toute occasion et que j'espère qu'elle ne me refusera pas de m'en informer toujours de ce dont

elle peut avoir besoin. De même sachez, je vous prie, ce que font la Mourawiew Nikita et la Troubetzkoy. Que Dieu soit béni de ce que tout est fini. L'on me tourmente de tous côtés: ce matin madame Konovnizine est presque entrée dans ma chambre; c'est ces femmes que je redoute le plus.

Tout à vous Nicolas.

LV.

Собственноручная записка генералъ-адъютанта Бенкендорфа объ учрежденіи высшей полиціи подъ начальствомъ особаго министра и инспектора корпуса жандармовъ.

Les événements du 14 Décembre et les horribles trames qui depuis plus de 10 ans ont préparé cette explosion, prouvent assez la nullité de la police de l'Empire. comme aussi, l'indispensable nécessité d'en organiser une, d'après un plan adroitement combiné et activement exécuté. Une contre-police secrète n'est presque pas possible; les honnêtes gens en sont effrayés, les coquins la devinent.

La perlustration des correspondances est déjà une contre-police, et la meilleure, par ses moyens constants, qui embrassent toute l'étendue de l'Empire. Il faut pour cela avoir, dans quelques points seulement, des chefs de bureaux de poste d'une probité et d'un zèle éprouvé: comme à Pétersbourg. Moscou. Kiew, Wilna, Riga, Kharkow. Odessa, Kazan et Tobolsk.

Il faut que la police pour être bonne et pour couvrir toute l'étendue de l'Empire ait un centre connu, et des ramifications aboutissantes à tous les points; qu'elle soit crainte, et respectée par les qualités morales de celui qui en sera le chef.

Il devrait porter le nom de ministre de la police et inspecteur des gens d'armes militaires et des provinces. Ce titre seul lui ouvre les avis de tous les honnêtes gens, qui voudraient prévenir le gouvernement sur quelques trames, ou lui donner des nouvelles intéressantes. Les coquins. les intrigants et les dupes, revenus de leurs erreurs ou cherchant à racheter leurs fautes par les délations, sauront où s'adresser.

Ce titre réunirait la coopération de tous les officiers de gens d'armes, dispersés dans toutes les villes de la Russie et dans toutes les divisions de l'armée: donnerait le moyen d'y placer des gens intelligents et d'employer des hommes purs, qui souvent répugnant au rôle d'espions cachés se font un devoir de ce métier, sous l'uniforme, qui les rend coopérateurs du gouvernement.

Des grades, des croix, un remercîment, encouragent davantage l'officier, que des sommes d'argent n'encouragent des gens secrètement employés, qui souvent font le double métier d'espionner pour et contre le gouvernement. Le ministre de police devra voyager tous les ans; se trouver de temps en temps aux grandes foires, aux contrats, ou plus aisément il peut former des liaisons utiles et séduire des gens, avides d'argent.

Il dépendra de sa perspicacité de ne donner une confiance positive à personne en particulier. Le chef de chancellerie même ne doit pas connaître tous les individus employés ni tous les aboutissants.

L'intérêt personnel, la crainte de perdre une place qui doit être très lucrative, répondront de la fidélité de ce chef de chancellerie, pour ce qui indispensablement doit être connu de lui.

Les différents ministres civils et militaires les particuliers même trouvront un aide, un appuis dans une police organisée dans ce sens. Cette police devra mettre tous ses soins à acquérir une force morale, qui dans toute opération est la plus sûr garant du succès. Tout homme comme il faut conçoit la nécessité et appelle de ses voeux la vigilence d'une police conservatrice de la tranquillité, dévoilant et prévenant le désordre et les crimes. Mais tout homme craint une police de délation et d'intrigue. La première donne la sécurité aux honnêtes gens, la seconde les effraye et les éloigne du trône.

C'est donc du choix de ce ministre, de l'organisation de ce ministère, qui dépendra l'impulsion première et la plus importante de cette police et de l'opinion qu'elle imprimera au public.

La chose décidée il faudra combiner un travail, qui trop important pour être précipité, doit être le résultat de mûres réflexions d'essais et de la pratique même [1].

LVI.

Инструкція жандармскаго полка полковнику Бибикову.

Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію: утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій. видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе,—я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) Обратить особенное вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

3) Прежде нежели приступите къ обнаруженію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ, или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлію вашей должности должно быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и

[1] Записка эта относится къ январю 1826 года.

12-го апрѣля 1826 г. она была по высочайшему повелѣнію препровождена къ генералъ-адъютанту Дибичу и къ графу П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы по разсмотрѣніи возвратить въ собственныя его величества руки «съ мнѣніемъ вашимъ».

дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварить въ томъ родителей или тѣхъ, отъ кого участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и возвести ихъ на путь истины, прежде нежели обнаружатся гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству; въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора. Сколько дѣлъ беззаконныхъ и безконечныхъ тяжебъ посредничествомъ вашимъ прекратиться можетъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества! На такомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно вѣрою и правдою, не могущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ; о таковыхъ имѣете доставлять ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія имъ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества—отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ. Вамъ теперь открыто ясно, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, отъ чего Боже сохрани, и чего я даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

Впрочемъ нѣтъ возможности наименовать случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей.

Подлинную подписалъ: генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Рожденіе великаго князя Николая Павловича. — Описаніе его внѣшности, сдѣланное императрицей Екатериной II.—Няня-англичанка, миссъ Лайонъ.—Надзирательница Ш. К. Ливенъ и гувернантка Ю. О. Адлербергъ.—Любовь императора Павла къ младшимъ сыновьямъ. — Графъ С. Р. Воронцовъ.—Воспитатель великаго князя Николая Павловича М. И. Ламздорфъ.—Кончина императора Павла.—Пристрастіе великаго князя Николая Павловича къ военному ремеслу. — Система его воспитанія. — Эпизоды изъ его дѣтской жизни.—Его характеръ.—Учебныя занятія.—Заботы императрицы Маріи Ѳеодоровны о младшихъ сыновьяхъ 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Поѣздка великихъ князей Николая и Михаила Павловичей за границу.—Назначеніе генералъ-адъютанта Коновницына сопровождать ихъ.—Великій князь въ Парижѣ.—Возвращеніе въ С.-Петербургъ черезъ Германію.—Знакомство великаго князя Николая Павловича съ будущей невѣстой.—Генералъ Опперманъ.—Вторичная поѣздка великихъ князей за границу.—Переписка императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Коновницынымъ.—Смотръ русской арміи при Вертю. — Помолвка великаго князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской.—Переписка императора Александра съ королемъ Прусскимъ.—Путешествіе великаго князя Николая Павловича по Россіи. — Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.—Путевой журналъ великаго князя.—Поѣздка въ Англію.—Наставительная записка графа Нессельроде.—Впечатлѣнія великаго князя Николая Павловича отъ поѣздки въ Англію.—Посѣщеніе Берлина 41

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Встрѣча великаго князя Николая Павловича съ невѣстой на русской границѣ.—Пріѣздъ принцессы Шарлотты въ С.-Петербургъ и впечатлѣніе, ею произведенное.—Воспоминанія ея объ этомъ времени.—Бракосочетаніе.—Разсказы, характеризующіе великаго князя Николая Павловича.—Прусскій генералъ Натцмеръ и его замѣтки о Россіи. — Взглядъ П. Ѳ. Паскевича и Д. В. Давыдова на состояніе русскихъ войскъ въ концѣ царствованія императора Александра. — Пребываніе великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Москвѣ. — Назначеніе великаго князя генералъ-инспекторомъ по инженерной части. — Рожденіе великаго князя Александра Николаевича.—Пріѣздъ въ Москву короля и наслѣднаго принца Прусскихъ. — Отъѣздъ двора въ С.-Петербургъ. — Семейная жизнь великаго князя Николая Павловича. — Первые намеки императора Александра о назначеніи его наслѣдникомъ престола. — Учрежденіе главнаго инженернаго

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

стран.

училища.—Командованіе великаго князя Николая Павловича первой гвардейской дивизіей.—Разводъ цесаревича Константина Павловича съ великой княгиней Анной Осодоровной и женитьба на княгинѣ Ловичъ.—Мысли цесаревича о престолонаслѣдіи.—Переписка его по этому поводу съ императоромъ Александромъ.—Секретный актъ государя объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія.—Поѣздка великаго князя Николая Павловича въ Варшаву.—Его служебныя отношенія 83

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Маневры въ Брестѣ. — Болѣзнь императора Александра.—Бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича.—Назначеніе К. К. Мердера воспитателемъ великаго князя Александра Николаевича.—Поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Осодоровны за границу.—Наводненіе въ С.-Петербургѣ въ ноябрѣ 1824 года.—Кончина генералъ-адъютанта Ѳ. П. Уварова. — Свѣдѣнія о распространеніи тайныхъ обществъ.—Разочарованіе и недовольство въ обществѣ.—Письма великаго князя Николая Павловича къ государю.—Назначеніе великаго князя командиромъ второй гвардейской дивизіи.—Варшавскій сеймъ.—Загадочныя дѣйствія императора Александра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. — Отъѣздъ его въ Таганрогъ 151

ГЛАВА ПЯТАЯ. Грузинская трагедія. — Первыя разоблаченія относительно тайныхъ обществъ. — Унтеръ-офицеръ Шервудъ. — Болѣзнь императора Александра.—Полученіе въ С.-Петербургѣ извѣстія о его кончинѣ.—Присяга великаго князя Николая Павловича императору Константину Павловичу. — Чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта. — Таинственный пакетъ.—Представленіе членовъ государственнаго совѣта великому князю и слова его къ нимъ.—Принесеніе ими присяги.—Объясненіе великаго князя съ государственнымъ секретаремъ Олениннымъ.—Письма Николая Павловича къ братьямъ.—Показанія современниковъ о засѣданіи государственнаго совѣта. — Разсказъ графа Милорадовича о событіяхъ 27-го ноября 1825 года. — Принесеніе присяги императору Константину Павловичу въ Москвѣ 177

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Впечатлѣніе, произведенное кончиной императора Александра на цесаревича Константина Павловича.—Его рѣшеніе отказаться отъ престола.—Переписка по этому поводу между цесаревичемъ и великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.—Отказъ цесаревича пріѣхать въ С.-Петербургъ и издать манифестъ о своемъ отреченіи. — Затруднительное положеніе великаго князя Николая Павловича.—Пріѣздъ въ С.-Петербургъ изъ Варшавы великаго князя Михаила Павловича.—Отправка его обратно въ Варшаву. — Новыя осложненія.—Донесеніе Дибича и доносы Шервуда и Майбороды.—Первыя мѣропріятія относительно заговорщиковъ. — Рѣшеніе великаго князя Николая Павловича принять престолъ. — Составленіе манифеста по этому поводу.—Письмо подпоручика Ростовцева великому князю Николаю Павловичу.—Его объясненіе съ великимъ княземъ.—Секретное собраніе государственнаго совѣта.—Совѣщанія и рѣшенія членовъ тайнаго общества въ С.-Петербургѣ 213

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Принесеніе присяги императору Николаю Павловичу.—Событія 14-го декабря 1825 года.—Мятежъ и его подавленіе.—Смерть графа Милорадовича.—Положеніе Россіи при воцареніи императора Николая.—Письмо государя цесаревичу о мятежѣ.—Письмо императрицы Маріи Осодоровны графу Кочубею.—Приказъ императора Николая по войскамъ.—Впечатлѣніе произведенное на государя событіями 14-го декабря.—Письмо цесаревича императору Николаю Павловичу по случаю восшествія его на престолъ.—Ихъ дальнѣйшая переписка 281

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

СТРАН.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Присяга императору Николаю въ Москвѣ.—Присяга польской арміи.—Учрежденіе особаго комитета для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ.—Секретный указъ военному министру Татищеву. — Манифестъ 19-го декабря 1825 года.—Дѣятельность комитета. — Первый пріемъ императоромъ Николаемъ дипломатическаго корпуса. — Бесѣда государя съ французскимъ посломъ графомъ Лаферронэ.—Графъ Аракчеевъ.—Его увольненіе.—Награды и перемѣны въ день новаго года.—Посылка князя Меньшикова въ Персію.—Манифестъ 1-го января 1826 года.—Отсылка на Кавказъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ. — Дѣятельность Дибича по раскрытію злоумышленной организаціи.—Бунтъ Черниговскаго полка.—Вторичная бесѣда императора Николая съ графомъ Лаферронэ. — Учрежденіе слѣдственнаго комитета въ Варшавѣ.—Польскій вопросъ и взглядъ на него императора Николая.—Переписка его съ цесаревичемъ о польскихъ дѣлахъ. — Перевезеніе тѣла императора Александра изъ Таганрога въ Петербургъ.—Бесѣда императора Николая съ французскимъ чрезвычайнымъ посломъ, графомъ Сенъ-При. — Погребеніе тѣла императора Александра.—Восточный вопросъ.—Дипломатическіе переговоры.—Карамзинъ и отношенія къ нему императора Николая.—Кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны 323

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Слѣдствіе надъ декабристами.—Доносы.—Рескриптъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Докладъ слѣдственной комиссіи.—Мнѣнія о немъ нѣкоторыхъ декабристовъ.—Учрежденіе верховнаго уголовнаго суда.—Его дѣятельность.—Приговоръ надъ декабристами.—Шервудъ-Вѣрный.—Казнь пяти декабристовъ.—Приказъ по войскамъ 14-го іюля 1826 года.—Батеньковъ.—Учрежденіе Второго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи.—Сперанскій.—Учрежденіе Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи.—Корпусъ жандармовъ. — Предписаніе графа Бенкендорфа поручику Шервуду-Вѣрному. — Закрытіе комитета, учрежденнаго 13-го января 1807 года.—Манифестъ 12-го мая 1826 года.—Заботы императора Николая о крестьянскомъ сословіи.—Учрежденіе особаго секретнаго комитета для пересмотра государственнаго устройства и управленія 423 433

ПРИМѢЧАНІЯ 473

ПРИЛОЖЕНІЯ 547

ИЛЛЮСТРАЦІИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

Александръ Павловичъ, императоръ.

— Съ гравюры Одуена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Бурдономъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 57.

— Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 97.

— Съ гравюры Райта. Стр. 344.

Александръ Николаевичъ, цесаревичъ.

— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и императрицей Александрой Ѳеодоровной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 297.

— Съ портрета, писаннаго Доу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ) Стр. 329.

— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великой княжной Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 385.

Александра Ѳеодоровна, императрица.

— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 297.

— Съ портрета, писаннаго Гессе въ Берлинѣ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 369.

— Съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжной Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 385.

— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 67.

— Съ портрета Гебауера 1817 года. Стр. 71.

— Пріѣздъ ея въ Варшемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Стр. 173.

Анна Ѳеодоровна, великая княгиня. Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 125.

Балугьянскій, Михаилъ Андреевичъ. Съ литографіи Мюнстера. Стр. 433.

Басаргинъ, Николай Васильевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 453.

Батенковъ, Гавріилъ Степановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1889 года. Стр. 465.

Бенкендорфъ, графъ, Александръ Христофоровичъ. Съ литографіи Поля. Стр. 439.

Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ (декабристъ). Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ «Русской Старинѣ» 1896 года. Стр. 361.

Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій). Съ портрета, рисованнаго акварелью и принадлежащаго П. Я. Дашкову. Стр. 367.

Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ. Съ портрета. приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1898 года. Стр. 289.

Бригенъ, Александръ Ѳедоровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 457.

Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ. Стр. 95.

Вильгельмъ, принцъ Прусскій. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Unser Heldenkaiser», изд. въ 1896 г. въ Берлинѣ. Стр. 86.

Воиновъ, Александръ Львовичъ. Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 181.

Волконскій, князь, Петръ Михайловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 43.

Волконскій, князь, Сергѣй Григорьевичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ». Стр. 385.

Воронцовъ, графъ, Семенъ Романовичъ. Съ рѣдкаго карандашнаго рисунка того времени. Стр. 17.

Воронцовъ, графъ, Михаилъ Семеновичъ. Съ гравированнаго портрета Райта. Стр. 335.

Георгъ, принцъ-регентъ англійскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 57.

Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ. Съ гравированнаго портрета Аѳанасьева. Стр. 413.

Голенищевъ-Кутузовъ, Петръ Васильевичъ. Съ литографіи Клюквина. Стр. 51.

Голицынъ, князь, Александръ Николаевичъ. Съ портрета, писаннаго Брюловымъ и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Стр. 141.

Голицынъ, князь, Дмитрій Владимировичъ. Съ литографіи прошлаго столѣтія Поля. Стр. 275.

Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 461.

Дибичъ, баронъ, Иванъ Ивановичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 209.

Евгеній, принцъ Виртембергскій. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 201.

Екатерина II, императрица. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи въ 1794 году. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Елена Павловна, великая княгиня. Съ литографіи Погонкина. Стр. 157.

Елисавета Алексѣевна, императрица.

— Съ гравюры Карделли, сдѣланной съ портрета, писаннаго Рейхелемъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 73.
— Съ гравюры Райта. Стр. 345.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ. Съ гравированнаго портрета Уткина. Стр. 283.

Каховскій, Петръ Андреевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 357.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Крюгера. Стр. 305.

Клейнмихель, Петръ Андреевичъ. Съ литографіи Поля. Стр. 39.

Коновницынъ, Петръ Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 35.

Константинъ Павловичъ, великій князь.

— Съ миніатюры, принадлежащей его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Стр. 121.
— Съ гравюры, изданной въ 1825 году съ подписью: «Его величество императоръ Константинъ Павловичъ». Стр. 205.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ. Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 257.

Ламздорфъ, графъ, Матвѣй Ивановичъ.

— Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламздорфу. Стр. 24.
— Съ портрета, принадлежащаго графу Константину Николаевичу Ламздорфу. Стр. 25.

Ланской, Василій Сергѣевичъ. Съ портрета масляными красками. Стр. 351.

Лаферронэ, графъ. Съ портрета, приложеннаго къ его «Воспоминаніямъ». Стр. 293.

Ливенъ, графиня, Шарлотта Карловна. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 9.

Ловичъ, княгиня. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года. Стр. 129

Лопухинъ, князь, Петръ Васильевичъ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго. Стр. 189.

Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 401.

Марія Ѳеодоровна, императрица.

— Съ гравированнаго портрета Карделли. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ) Стр. 41.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 5.

Марія Николаевна, великая княжна.

— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 385.

Меншиковъ. князь, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета, съ натуры, на камнѣ Эстерейна. Стр. 299.

Мердеръ, Карлъ Карловичъ. Съ литографіи Мюнстера. Стр. 167.

Милорадовичъ, графъ, Михаилъ Андреевичъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 197.
— Нанесеніе ему смертельной раны 14-го декабря 1825 года. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 449.

Михаилъ Павловичъ, великій князь.
— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Стр. 13.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 89.
— Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 153.

Мордвиновъ. графъ, Николай Семеновичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета. писаннаго Доу. Стр. 425.

Муравьевъ, Артамонъ Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 377.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 371.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 313.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергій Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 311.

Натцмеръ, прусскій генералъ. Съ портрета, приложеннаго къ его біографіи, изданной въ 1876 году въ Берлинѣ. Стр. 61.

Нессельроде, Карлъ Васильевичъ. Съ рѣдкой литографіи прошлаго столѣтія. Стр. 55.

Николай Павловичъ, императоръ.
— Съ акварели, рисованной съ натуры Рокштулемъ въ 1821 году. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ въ началѣ книги). Стр. 1.
— Въ кабріолетѣ вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной. Съ гравюры начала прошлаго столѣтія. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 113.
— Въ костюмѣ Аларисса, царя бухарскаго. Изъ рѣдкаго изданія «Lalla Roukh. Divertissement exécuté au château royal de Berlin le 27 Janvier 1821». (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 137.
— Съ гравюры Робинзона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 273.
— Съ польской литографіи 1825 года. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 289.
— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 297.
— Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ, по копіи, сдѣланной проф. Швабомъ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 353.
— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Стр. 12.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 65.
— На Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Съ литографіи Рябцова сдѣланной съ рисунка В. Садовникова. Стр. 261.
— Съ гравированнаго портрета Годара. Стр. 269.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Новосильцевъ, Николай Николаевичъ. Съ портрета Каневскаго, 1832 года. Стр. 217.

Оболенскій, князь, Евгеній Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 241.

Одоевскій, князь, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1886 года. Стр. 397.

Олениинъ, Алексѣй Николаевичъ. Съ гравюры Уткина. Стр. 193.

Оппермань, графъ, Карлъ Ивановичъ. Съ рисунка съ натуры Киля. Стр. 33.

Орловъ, Михаилъ Осдоровичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года. Стр. 391.

Орловъ, Алексѣй Осдоровичъ. Съ гравюры Вендрамини. Стр. 249.

Орловъ-Денисовъ, графъ, Василій Васильевичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 321.

Павелъ I, императоръ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной по рисунку Аткинсона. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 33.

Пановъ, Николай Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 253.

Паскевичъ, Иванъ Осдоровичъ. Съ гравюры Уткина. сдѣланной съ портрета Реймерса. Стр. 43.

Пестель, Павелъ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Стр. 441.

Поццо-ди-Борго, графъ. Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія. Стр. 329.

Рибопьеръ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ акварели Брюлова 1829 года. Стр. 341.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры на камнѣ Клемомъ. Стр. 227.

Рылѣевъ, Кондратій Осдоровичъ. Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 233.

Сакенъ, графъ, Фабіанъ Вильгельмовичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 303.

Свистуновъ, Петръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 445.

Сиверсъ, графъ, Егоръ Карловичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 91.

Сперанскій, графъ, Михаилъ Михаиловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 221.

Сутгофъ, Александръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 449.

Трубецкой, князь, Сергѣй Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 237.

Уваровъ, Осдоръ Петровичъ. Съ литографіи Клюквина. Стр. 101.

Филаретъ, митрополитъ московскій. Съ гравированнаго портрета Пожалостина. Стр. 137.

Фридрихъ-Вильгельмъ, король Прусскій.

— Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 97.

— Съ портрета изъ «Исторической портретной галлереи», изданной Брукманомъ. Стр. 49.

Шервудъ-Вѣрный, Иванъ Васильевичъ. Съ фотографіи, принадлежащей его дочери. Стр. 185.

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 245.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Виньетка къ «Полярной Звѣздѣ», 1861 года, изданной Герценомъ, съ портретами пяти декабристовъ. (Факсимиле). Стр. 407.

Лицей Царскосельскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 29.

Нанесеніе графу Милорадовичу смертельной раны 14-го декабря 1825 года. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 449.

Народная сцена въ окрестностяхъ С.-Петербурга, въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 133.

Петербургъ.

— Аничковскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Стр. 73.
— Тотъ же дворецъ и Невскій проспектъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры того времени. Стр. 77.
— Елагинскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ акватинты Мартенса (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 169.
— Зимній дворецъ и Дворцовая набережная въ 1806 году. Съ гравюры Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 401.
— Калинкинскій пивоваренный заводъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 115.
— Литовскій замокъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 97.
— Михайловскій замокъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 281.
— Мраморный дворецъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 265.
— Мясной рынокъ въ 1794 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 92.
— Набережная рѣки Фонтанки у Калинкина моста въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 105.
— Симеоновскій мостъ и Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры Иванова. Стр. 161.
— Сытный рынокъ въ 1801 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 145.

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ. Съ картины, принадлежащей графу Граббе. Стр. 317.

Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Стр. 173.

Пріѣздъ короля Прусскаго для встрѣчи великаго князя Николая Павловича въ Варнемюнде, въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Стр. 171.

Типы солдатъ въ концѣ царствованія Александра I. Съ рисунка того времени. Стр. 107

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Форма русскихъ войскъ:

— Кондукторъ главнаго инженернаго училища и солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 81.

— Офицеръ Гренадерскаго корпуса. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 89.

— Офицеръ роты главнаго инженернаго училища и офицеръ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 104.

— Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1800 году. Съ литографіи Поля сдѣланной съ рисунка Ширатскаго. Стр. 109.

— Форма того же полка въ 1818 году. Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Ширатскаго. Стр. 113.

Четырнадцатое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ. Съ фототипіи, приложенной къ «Русскому Архиву» 1893 года. (Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ). Стр. 265.

Автографы.

I.

Манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Павловича

Божіею милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица

Всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Въ 25-й день іюня наша любезная невѣстка Великая Княгиня разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ внука, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ сына, нареченнаго Николаемъ.

Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемлемъ мы вящшимъ залогомъ благодати Всевышняго, на Насъ и Нашу Имперію обильно изливаемой, и потому, возвѣщая о семъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ Нами усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ новорожденнаго и преуспѣяніи во всемъ, что къ расширенію славы Дома Нашего и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, писать и именовать сего любезнаго Намъ внука Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ. Данъ въ Царскомъ Селѣ Іюля 6-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1796-е, Царствованій же Нашихъ Всероссійскаго въ тридесять пятое и Таврическаго въ третіенадесять.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 9 дня 1796 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

II.

Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на русскомъ языкѣ.

Любезная Маминька!

Въ Понедѣльникъ 30-го въ урокѣ россійской исторіи читали мы въ Елагинѣ описаніе первобытнаго правленія Россіи. Онъ полагаетъ, что Гостомыслъ былъ сынъ К. Боривоя и что они произходили отъ рода вандальскихъ Князей; у Гостомысла были 4 сына, кои всѣ прежде его умерли; и три дочери, изъ коихъ вторая Умила была замужемъ за варягорусскимъ Княземъ. Когда Гостомыслъ почувствовалъ приближающуюся кончину свою, то съ согласія всѣхъ народовъ, подъ управленіемъ его бывшихъ, какъ-то: Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей, и Дрягвичей, призвалъ сына Умилы и своего внука Рурика съ братьями, Синеусомъ и Труворомъ, изъ коихъ первый ему и послѣдовалъ въ Княженіи; но—Вадимъ, сынъ старшей дочери Гостомысловой, бывшей уповательно въ супружествѣ за Княземъ произхожденія Славянскаго, мужъ хитрый, храбрый и сварливый, думая имѣть болѣе права на первенство, старался препятствовать Рурику вступить въ настоящее управленіе Новагорода и земли Славянорускої, что не преждѣ воспоследовало какъ по усмиреніи всѣхъ мятежей и безпокойствъ и со смертію Вадима, въ 862-мъ году по Рождествѣ Христовѣ.

Во Вторникъ въ Артиллерійскомъ урокѣ говорено было о разныхъ разстояніяхъ на коихъ удобно дѣствовать можно изъ орудій разными снарядами.—

Николай.—

Се 3-го Генваря,
1813-го.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 81).

III.

Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на французскомъ языкѣ.

Chère Maman!

Jeudi dans la leçon d'art militaire j'ai continué à lire les principes de la stratégie dans Rocheaymon. Dans la leçon de Morale il ètait question de la précaution qu'il faut employer dans notre conduite pour éviter tout ce qut peut scandaliser les autres. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon Grecque j'ai lu des maximes morales tirées du livre élementaire de Jacobs.

Vendredi dans la leçon de physique M-r Vohlgemouth nous a montré et expliqué la fontaine de compression, et une machine pour montrer les angles de vision. Dans la leçon d'histoire d'Allemagne on m'a entretenu du règne d'Othon II, dont le commencement fut troublé par la revolte d'Henri le Querelleur, Duc de Bavière. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon allemande nous avons fini la lecture du bonhomme Richard.

Samedi dans la leçon d'histoire d'Allemagne M-r Dupuget a continué le tableau du rêgne d'Othon II; j'y ai vu avec indignation la perfidie dont il usa envers les principaux habitants de Rome.—Dans la leçon d'art militaire j'ai lû dans Rocheaymon les différents

cas où il est permis de livrer bataille.—Après-midi dans la leçon de M-r Dupuget j'ai continué à répéter l'histoire d'Angleterre.—Dans la leçon latine nous avons fini la lecture de la description du Colisée, d'après les antiquités de Nieuport.

Nicolas.

Ce 5-r Janvier,
1813.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 89).

IV.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу.

Den 15-ten Juni 1815.

Lieber Herzens Papa Lamsdorf: Ihre glückliche Ankunft, ihre brüderliche Aufnahme und die warme Erkenntlichkeit die ihnen der Kaiser bewiesen hat, freuet mich über alle massen; sein sie gewiss lieber Papa, das jede Seele die Gefühl hat warmen Antheil an die Auszeichnung nimmt die ihnen mein Sohn bewiesen hat. Sie haben sie für Gott u. Menschen verdient; meine Mütterliche Seele saget Dank an meinem Sohn und hat diese Nachricht mit Rührung empfangen, auf welche innige Freude gefolgt ist: Alles wäre auf's beste in die jetzige Lage, wenn ich ihnen lieber Papa nicht unpass wüsste: der Kaiser versichert mir das sie schon besser wären, aber ihr Brief beweiset mir das sie leiden, und äustiget mir: Gott gebe das Ruhe ihnen baldige Genesung gebe: der Kaiser scheint sehr zufrieden zu sein und rühmt mir meine Kinder: mit inniger Freude sehe ich dass er sie herzlich liebet, sie sindt es aber auch werth: der Gedanken sie von ihnen bald getrennt zu wissen betrübet mir, wie eine zweite Trennung von mir: Geben sie ihnen ihren väterlichen Seegen, und schreiben sie ihnen oefter wie sie es gewiss auch thun werden; mit Gottes Hülfe wird die Trennung nicht von langer Zeit [1] sein: Alle Menschen hoffen das der Krieg nicht von Dauer seyn wird. Gott wolle es, und erspaare das Blut vergiessen: die Gnaden bezeug wegen, die die Cavaliere bekommen haben, freuen mir sehr; ich bitte ihnen es ihnen zu sagen: wegen den guten Rühl habe ich den Kaiser geschrieben, der gewiss gnädig sein wirdt: ich weis nicht durch welchen Zufall die Briefe von meine Kinder mir nicht zugekommen sindt da ich doch den ihrigen lieber Papa bekommen haben: vielleicht hat derjenige an welchem sie sie abgegeben haben vergessen sie zu bestellen, ich habe es ihnen geschrieben: Adieu lieber Papa, Gott erhalte ihnen, segne sie tausendfältig für das Gute, was sie an meine Kinder thuen, u. gethan haben; vergessen sie mir nicht, u. seien sie versichert das ich stets bin

Ihre wahre erkentliche
Freundinen
Maria.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 105).

V.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ цесаревичу Константину Павловичу.

Petersbourg. Le 29 Juillet. 1818.

J'ai mille et mille grace à vous rendre cher et bon Constantin pour la bonté que vous avez eu de vous rappeler de ma priere pour les tschakos, que jai ressus avec bien grand plaisir; ils sont tous deux parfaitement bien fait.—De même vous avez eu l'amabilité de

[1] Dauer вычеркнуто.

remplir la comission de ma femme pour des souillet qui lui vont a merveille: vous lui avez fait grandissime plaisir par la; elle tient bocoup a votre amitié, dont elle a eu tant de preuves pendant notre court sejour a Moscou.

Debarassés en fin tout deux de la peste, moi je suis devenu brigadier, et comence demain mes fonctions a un exercice de ligne dant notre bourbier a Smolenskoe pole; je tacherais de merité les bontés de l'Empereur et la confiance qu'il veut bien me temoigner; — et comme vous êtes notre chef a tous je desir pouvoir meriter avec ma brigade quelque regard indulgent quand vous viendrez nous voir. Je desir que mes moyens puissent corespondre a mon zele.

Mon petit garde toujours une grande ressemblance avec vous, et devient vraiment gentil; reste seul assis dans la caleche et bavarde bocoup: — peut etre pourraije bientot vous anoncer l'arrivée d'un second recrue; dumoins je ne perds pas mon temps.

Adieu cher et bon Constantin, tout a vous pour la vie et de coeur et d'ame

Nicolas.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 129).

VI.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Милостивый Государь мой

Князь Дмитрій Ивановичь!

Тотъ что будетъ честь имѣть вручить вамъ сіе письмо есть тотъ самый полковникъ Ермолаевъ, коего дѣло препровождено къ вамъ Государемъ Императоромъ для рѣшенія не въ очередь. Знаю и уважаю сего офицера какъ достойнаго весьма штабъ-офицера, беру на себя смѣлость просить васъ не оставить его безъ своего покровительства, чемъ вы меня особенно обяжете.

Прошу васъ быть увѣренны въ истинномъ моемъ почтеніи

Николай.

19 марта
1820-го.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 161).

VII.

Объявленіе о кончинѣ императора Александра Перваго и присягѣ императору Константину Павловичу, напечатанное въ «Русскомъ Инвалидѣ» 29-го ноября 1825 года.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

или

ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 284.

Воскресенье, Ноября 29-го дня, 1825-го года.

Внутреннія Извѣстія.

Санктпетербургъ, 27-го Ноября Божественное Провидѣніе по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ поразило Россійскую Имперію такимъ несчастіемъ, котораго нельзя выразить. Фельдъегерь, прибывшій сюда изъ Таганрога 27-го сего мѣсяца, привезъ го-

рестное извѣстіе о кончинѣ Его Величества Императора Александра. Узнавъ о семъ неожиданномъ бѣдствіи, Высочайшіе Члены Императорской Фамиліи, Государственный Совѣтъ, Министры, собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ первый Его Высочество Великій Князь Николай Павловичъ, а за нимъ всѣ Чиновники, тутъ находившіеся, также какъ всѣ полки Императорской Гвардіи присягнули въ вѣрности и подданствѣ Его Величеству Императору Константину I.

Печатать дозволяется: С.-Петербургъ, Ноября 26-го 1825 дня, года. Цензоръ А. Бируковъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 185).

VIII.

Прибавленіе къ №. 145 «Сѣверной Пчелы».

С.-Петербургъ, 3 Декабря.

3 Декабря, 10 часовъ утра. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила почивать въ прошедшую ночь хорошо, и чувствуетъ себя лучше вчерашняго дня.

Ея Величество Государыня Императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ Ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти Императора Александра Павловича.

Его Величество Государь Императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи.

С. П. б. въ тип. Греча. — Печатать позволено. Декабря 3, 1825. Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. А. Красовскій.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 209).

IX.

Клятвенное обѣщаніе.

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Константину Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ

и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ Чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 225).

X.

Подорожная по указу императора Константина Павловича.

По указу Его Величества Государя Императора

КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,

Самодержца Всероссійскаго,

и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Санктпетербурга до Таганрога Флигель-Адьютанту Его Императорскаго Величества, Господину Полковнику и Кавалеру Шкурину 2-му отправленному по самонужнѣйшей казенной надобности, съ будущимъ изъ почтовыхъ давать по три лошади съ проводникомъ, за указные прогоны безъ задержанія.

Въ Санктпетербургѣ
1825-го года.
Декабря 7-го дня.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и Комитета Гг. Министровъ, С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частію; всѣхъ Россійскихъ, Прусскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ и двухъ золотыхъ шпагъ украшенныхъ алмазами: одной съ надписью за храбрость и за спасеніе Букареста, а другой съ лаврами, кавалеръ

Милорадовичъ.

№ 3771.

(Мѣсто печати).
Съ сей подорожной за
верст руб
коп взято
Казначей

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 249).

XI.

Письмо графа П. Х. Витгенштейна П. И. Пестелю.

1 fevrier 1816.

Je vous suis tres reconnaissant mon cher ami pour la lettre obligente que vous m'avez ecrite. Je vous joint cette incluse pour le Comte Аракчеевъ que je vous prirai de remettre vous meme. Vous souhaitant un prompt retablissement de votre santé je suis pour toujour.

Votre devoué Witgenstein.

Je vous prie faite bien des compliments a Monsieur votre Pere.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 313).

XII.

Письмо барона К. Ѳ. Толя генералу Красовскому.

пол. 4 Генваря 1826.

Милостивый Государь

Афанасій Ивановичъ!

Г. Главнокомандующій съ крайнимъ неудовольствіемъ читалъ донесеніе г. Корпуснаго Командира о произшествіи въ Васильковѣ; и ожидалъ съ донесеніемъ объ ономъ узнать въ то же время что оному произшествію рѣшительными мѣрами положенъ конецъ, напротивъ того изъ рапорта Корпуснаго Командира видны только распоряженія а отнюдь не то чтобы войска выступили немедленно укротить бунтовщиковъ. Въ подобныхъ важныхъ случаяхъ надобно пользоваться временемъ и какого бы корпуса войска ни были употребить ихъ немедленно въ дѣло.

Господинъ Главнокомандующій ожидаетъ что силою оружія вы поспѣшите уничтожить зло въ своемъ началѣ и съ первымъ курьеромъ донесете ему объ прекращеніи всѣхъ безпорядковъ.

Ген. Маі. Графъ Ностицъ отправился сейчасъ въ Нѣжинъ а оттуда въ Прилуки дабы вести форсированнымъ маршемъ Нарвскій драгунскій полкъ на соединеніе къ Корпусному Командиру. Если по полученіи сего все уже прекратилось и надобности въ кавалеріи нѣтъ то пошлите на встрѣчу полку воротить оный на квартиры.

Я еще повторяю что сила оружія должна быть употреблена безъ всякихъ переговоровъ: произшествіе 14 числа въ Петербургѣ коему я былъ свидѣтель лучшимъ служитъ для насъ примѣромъ.

вашъ слуга покорный

баронъ К: Толь.

2 числа Генваря 1826.
въ 9 часовъ по полудни.

Г. Главнокомандующій ожидаетъ ежедневныхъ отъ васъ курьеровъ которыхъ отправляйте каждый вечеръ въ Могилевъ по тѣхъ поръ пока не присягнутъ всѣ войска Государю Николаю Павловичу и не прекратятся всѣ безпорядки. Сей послѣдній пунктъ прошу довести до свѣденія Г. Корпуснаго Командира.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 337).

XIII.

Письмо И. И. Дибича цесаревичу Константину Павловичу

Monseigneur.

J'ai l'honneur de presenter a Votre Altesse Imperiale les premiers violations du sous-lieutenant Bestousheff, il faut esperer que les questions qu'on lui fera dans le comité même jetterons plus de lumiere sur les afiliations que ces traitres paroissent avoir eu aussi dans les provinces Polonaises ses premieres demandes faites par le general Lewacheff tout de suite après l'envoie du criminel servent apres de base dans la suite des questions qu'on leur fait maleureusement le nombre des coupables augmente; mais en revanche les complices ne paraissent pas encore avoir eu aucune influence reelle sur la trouppe. Sa Majesté l'Empereur a l'intation d'envoyer demain un feldjeger a Votre Altesse Imperiale et pour cette raison Sa Majesté n'envoye pas Sa lettre par cette estafette ordinaire.

Daignez Monseigneur aggrées les sentiments de la plus profonde estime et de l'entier devoument avec les quels j'ai le bonheur d'etre

Monseigneur
de Votre Altesse Imperiale
le tres humble et tres obeissant serviteur

J. Diebitch.

St. Petersbourg
ce 20 Janvier
1826.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 417).

XIV.

Объявленіе о розыскѣ В. К. Кюхельбекера.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію Полиціи отыскивается здѣсь Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ который примѣтами: росту высокаго, сухощавъ, глаза навыкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривиться, бакенбарды не ростутъ; борода мало заростаетъ, сутуловатъ и ходитъ не много искривившись; говоритъ протяжно, отъ роду ему около 30-ти лѣтъ.—Почему поставляется въ непремѣнную обязанность всѣмъ хозяевамъ домовъ и управляющимъ оными, что естьли такихъ примѣтъ человѣкъ у кого окажется проживающимъ или явится къ кому либо на ночлегъ, тотъ часъ представить его въ Полицію; въ противномъ случаѣ съ укрывателями поступлено будетъ по всей строгости законовъ.

Декабря 30 дня
1825 года.

С.-Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ Шульгинъ 1.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 457).

XV.

Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ женѣ одного изъ декабристовъ.

Madame.

J'ai eu l'honneur de montrer la lettre que vous avez bien voulue me confier; Sa Majesté l'Empereur m'a chargé, de vous prévenir, que vous aviêz l'entiere permission de joindre votre epoux a l'endroit de sa destination.
En m'acquittant de cette comission j'ai l'honneur d'etre

Madame
votre tres humble et
tres obeissant serviteur
A. Benckendorf.

Moscou
le 26 Aout
1826.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 464).

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА ИНОСТР. ПРОФЕССОРОВЪ
№